А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

2

СОЧИНЕНИЯ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

Кострома
Костромаиздат
2020

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

ТОМ ВТОРОЙ

СОЧИНЕНИЯ
1855—1863

Кострома
Костромаиздат
2020

УДК 821.161.1.0
ББК 84(2=411.2)52
О-77

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 20-112-00058 Д, не подлежит продаже

Редакционная коллегия:
И. А. Овчинина (главный редактор), В. В. Тихомиров (зам. главного редактора), Ю. В. Лебедев, Н. Г. Михновец, Л. В. Чернец

Тексты подготовили и комментарии написали:
Е. Н. Белякова, А. А. Виноградов, Н. Л. Ермолаева, К. Ю. Зубков, Н. В. Капустин, И. Ю. Матвеева, Н. Г. Михновец, И. А. Овчинина, В. В. Тихомиров, Л. В. Чернец

Редакторы тома:
Ю. В. Лебедев, И. А. Овчинина, В. В. Тихомиров

Островский, Александр Николаевич.

О-77 Полное собрание сочинений и писем : в 18 т. / А. Н. Островский ; редкол.: И. А. Овчинина (гл. ред.) [и др.]. — Кострома : Костромаиздат, 2018—

ISBN 978-5-98295-100-7

Т. 2: Сочинения, 1855—1863. — 2020. — 832 с. : ил.

ISBN 978-5-98295-112-0

Во второй том включены произведения А. Н. Островского 1855—1863 годов. Том снабжён специальным разделом, в котором представлены редакции и варианты. В комментариях сообщаются сведения об истории создания произведений, приводятся оценки литературной и театральной критики, современной А. Н. Островскому.

Издание адресовано научным работникам, деятелям культуры, а также широкому кругу читателей, интересующихся творчеством А. Н. Островского.

The second volume includes works of 1855—1863. There is a special section in it where original wordings and variants are presented. Commentaries contain information about the history of the plays' creation, the estimation of literary and theatrical criticism that appeared during A.N. Ostrovsky's lifetime.

The edition is addressed to scholars, art workers, as well as to all people who are interested in A.N. Ostrovsky's creative work.

УДК 821.161.1.0
ББК 84(2=411.2)52

ISBN 978-5-98295-112-0 (т. 2)
ISBN 978-5-98295-100-7

© Овчинина И. А., составление, статья, 2020
© Лебедев Ю. В., составление, 2020
© Тихомиров В. В., составление, комментарий, 2020
© Коллектив авторов, подготовка текстов, комментарии, 2020
© Оформление. ООО «Костромаиздат», 2020

СОЧИНЕНИЯ

(1855—1863)

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ

Комедия в двух действиях

Действие происходит в Москве.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА

ИВАН КСЕНОФОНТЫЧ ИВАНОВ, *отставной учитель, 60 лет.*
ЛИЗАВЕТА ИВАНОВНА, *его дочь, 20 лет.*
АГРАФЕНА ПЛАТОНОВНА, *вдова, губернская секретарша, хозяйка квартиры, занимаемой Ивановым.*
ТИТ ТИТЫЧ БРУСКОВ, *богатый купец.*
АНДРЕЙ ТИТЫЧ, *его сын.*

Сцена представляет бедную комнату в квартире Ивановых. Налево на первом плане окно, дальше дверь в комнату хозяйки; прямо дверь выходная, направо дверь в комнату Лизаветы Ивановны.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Иван Ксенофонтыч входит, размахивая руками, за ним Аграфена Платоновна.

Иван Ксенофонтыч. Невежество! Невежество! И слышать не хочу невежества! *(Садится за стол и раскрывает книгу.)*

Аграфена Платоновна. У вас всё невежество. А сами-то что? Только слава, что учёный человек! А что в нём проку, в ученье-то в вашем? Только одно мнение, что я учёный человек, а хуже нас, неучёных. Живёте, как бобыль — ни кола, ни двора.

Иван Ксенофонтыч. Невежество! Невежество!

Аграфена Платоновна. Наладил одно! Невежество да невежество! Я к вашей пользе говорю. Мне что! Я женщина посторонняя.

Иван Ксенофонтыч. А коли вы, сударыня, посторонняя женщина, так и не мешайтесь в чужие дела. Оставьте меня; видите, я делом занимаюсь.

Аграфена Платоновна *(помолчав)*. Мне как хотите. Я, жалеючи вас, говорю. Куда вы денетесь с дочерью-то? Девушке двадцать лет; нынче без приданого-то никто не возьмёт; а у вас ни кругом, ни около — всё нет ничего, бедность непокрытая.

Иван Ксенофонтыч. Как ничего? У меня есть пенсия, есть уроки.

Аграфена Платоновна. Что ваша пенсия! Что ваши уроки! Разве это приданое? Пока живы, ну, конечно, на пропитание хватит;

а вы то рассудите: вы пожилой человек, ну, сохрани бог, помрёте: куда будет Лизавете Ивановне голову приклонить?

Иван Ксенофонтыч. Она куда пойдёт? Она будет детей учить. Будет заниматься, сударыня, тем благородным делом, которым отец занимался всю свою жизнь.

Аграфена Платоновна. Уж куда какая невидаль! Хорошее житьё,— по чужим людям шляться из-за куска хлеба! Чужой-то хлеб горек! А вы послушайте-ка меня, глупую, давайте-ка я примусь сватать вам жениха; благо, здесь сторона купеческая.

Иван Ксенофонтыч. Какое же это благо? В чём тут благо? Кроме невежества, я ничего не вижу.

Аграфена Платоновна. А я вижу. Вот, например, Андрей Титыч, что к нам ходит, чем не жених? И молод, и богат, и из себя красавец.

Иван Ксенофонтыч. И дурак набитый, читать по-русски не умеет. Это ваш жених, а не Лизин. Вас будет пара.

Аграфена Платоновна. Уж какой он мне жених! Очень нужно ему старуху-то брать! Он с своими деньгами-то получше вашей Лизы найдёт. Ему уж давно от невест проходу нет, от богатых; да не хочет, потому влюблён до чрезвычайности в Лизавету Ивановну. Вот что!

Иван Ксенофонтыч *(вскочив)*. Что? Да как же он смел, скажите вы мне? Кто ему позволил? Это житья нет! Лиза моя... ведь это сокровище, это совершенство! А он, безграмотный, смел влюбиться! Мужик! Невежа!

Аграфена Платоновна. Ах, батюшка, да разве кому закажешь! Ведь она не королевна какая! А почём знать, дело женское мудрёное, может, она и сама его любит. Чужая душа-то темна. Девушки об этом не сказывают.

Иван Ксенофонтыч. Вздор, вздор! Этого быть не может. Я и слушать не хочу. *(Переходит к другому столу.)* Не мешайте мне заниматься, Аграфена Платоновна; вы видите, у меня дело есть.

Аграфена Платоновна *(переходит за ним)*. А может, и вздор; я так говорю, по своему понятию. А жаль малого-то, уж очень сокрушается. Дома-то радости нет, отец-то у него такой дикий, властный человек, крутой сердцем.

Иван Ксенофонтыч. Что такое: крутой сердцем?

Аграфена Платоновна. Самодур.

Иван Ксенофонтыч. Самодур! Это чёрт знает что такое! Это слово неупотребительное, я его не знаю. Это lingua barbara, варварский язык.

Аграфена Платоновна. Уж и вы, Иван Ксенофонтыч, как погляжу я на вас, заучились до того, что русского языка не понимаете. Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он всё своё. Топнет ногой, скажет: кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...

Иван Ксенофонтыч. O tempora, o mores![1]

Аграфена Платоновна. Так вот Андрюша-то и боится, что отец ему жениться не позволит... Ну да это ничего, я баба огневая, я обломаю дело; только было бы ваше согласие. Я за двумя мужьями была, Иван Ксенофонтыч, всеми делами правила. Я теперь хоть в суде, какое хочешь, дело обделаю. Стряпчего не нанимай. По всем кляузным делам ходок. Во всех судах надоела. Прямо до енарала хожу...

Иван Ксенофонтыч. Об чём вы говорите, я не понимаю.

Аграфена Платоновна. Всё об том же, об Брускове, об купце.

Иван Ксенофонтыч. Послушайте: Плутарх в одной книге...

Аграфена Платоновна. А насчёт плутовства — это точно, он старик хитрый.

Иван Ксенофонтыч *(обращая глаза к потолку)*. О, невежество!

Аграфена Платоновна. И это есть. Хоть он и плутоват, а человек тёмный. Он только в своём доме свиреп, а то с ним что хочешь делай, дурак дураком; на пустом спугнуть можно. Теперь как хотите, Иван Ксенофонтыч, так и сделаем. Честно так честно, а то и на штуку поймаем. Так запутаем, что хоть плачь, а жени сына на Лизавете Ивановне.

Иван Ксенофонтыч. Что я слышу! Громы небесные! И вы не поразите эту женщину!

Аграфена Платоновна. За что ж вы бранитесь? Я вас люблю, вам добра желаю *(утирает слёзы)*, а вы меня всяческими словами ругаете.

Иван Ксенофонтыч. Как хотите, Аграфена Платоновна, любите или не любите, только оставьте нас с дочерью в покое.

[1] О времена, о нравы! (*лат.*)

Аграфена Платоновна *(покачав головой)*. Эх, Иван Ксенофонтыч, Иван Ксенофонтыч! Жаль мне тебя! Человек-то ты добрый, да больно ты прост. Беден ты уж больно. Вот и одежонка-то…

Иван Ксенофонтыч. Я беден, да честен, бедным и останусь. Не хочу я знаться с твоими с богатыми.

Аграфена Платоновна. А нынче так жить-то нельзя. *(Отходит от стола.)* Как хочешь ты, Иван Ксенофонтыч, обижай меня, а я всё-таки всякое добро для вас готова сделать, да и завсегда буду делать, за вашу кротость и сиротство. Мне за это Бог пошлёт. *(Уходит в свою комнату.)*

В середнюю дверь входит Лизавета Ивановна, скидает шляпку и кладёт на стол. Иван Ксенофонтыч, не замечая её, читает с жаром и размахивает руками.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Иван Ксенофонтыч и Лизавета Ивановна.

Лизавета Ивановна. Здравствуй, папа!

Иван Ксенофонтыч. А, здравствуй! Подай мне шляпу.

Лизавета Ивановна. Куда ты, папа? Отдохни немного! Ты и так много трудишься.

Иван Ксенофонтыч. Нельзя, Лиза, нельзя! Отдыхать некогда. Молодым людям учиться надобно, и так, Лиза, у нас мало учатся, мало. Достань-ка мне Горация да подсыпь табачку, весь вышел.

Лиза достаёт ему книгу и насыпает табаку.

Ну, прощай! Чай пить не дожидайтесь, может быть, затолкуюсь с ребятами.

Лизавета Ивановна. Бедный папаша!

Иван Ксенофонтыч *(надевает шляпу, идёт к дверям и возвращается)*. Лиза, ты меня извини, я тебе задам вопрос…

Лизавета Ивановна. Что такое, папа?

Иван Ксенофонтыч. Давеча вот эта глупая женщина *(показывая на комнату хозяйки)* говорила, только не утвердительно, а так, одно предположение, что, может быть, ты… Только ты, Лиза, не сердись!

Лизавета Ивановна. Что же она говорила?

Иван Ксенофонтыч. Она говорила, что, может быть, ты влюблена в этого молодого купца, который ходит к нам за книгами. Ну, разумеется, я не поверил.

Лизавета Ивановна. Охота тебе, папа, слушать её!

Иван Ксенофонтыч. Я её и не слушаю, она вздорная болтунья, необразованная женщина. Только вот что, Лиза: ты теперь в таком возрасте... Молодая девушка, тебе скучно со мной, со стариком... ты, сделай милость, прыгай... веселись... влюбись в кого-нибудь, я тебя прошу об этом. Только ты не скрывай от меня, скажи мне — я сам с тобой помолодею; я всё за книгами, Лиза, у меня душа зачерствела.

Лизавета Ивановна. Ах, папаша! Если б я полюбила кого, я б тебе сказала... А то нет ещё... Этот молодой человек... так себе; только уж очень необразован, ни стать, ни сесть не умеет. И ты, папаша, мог подумать?

Иван Ксенофонтыч. Ну, ну, ну, виноват! *(Целует её.)* В последний раз, больше не буду. *(Смотрит на часы.)* Пора, пора... *(Бежит бегом из комнаты, Лизавета Ивановна смотрит вслед ему.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Лизавета Ивановна *(одна, подходит к столу, садится и берёт работу; молчание)*. Нет, уж мы очень много трудимся! Что ни говори, как себя ни утешай, а тяжело, право, тяжело! Уж я не говорю об деньгах, не говорю о том, что за наши труды нам платят мало; хоть бы уважение-то нам за наш честный труд оказывали; так и этого нет. На что уж наша хозяйка, и та смотрит на нас с каким-то сожалением! А всего мне обиднее, что смеются над папашей. Он, точно, немного странен, да ведь он всю жизнь провёл за книгами, его можно извинить. И что в этом смешного, что человек ходит в старой шинели, в старой шляпе? А у нас такая сторона, чуть не в глаза хохочут. Конечно, это невежество, с образованием это пройдёт, а всё-таки тяжело. Вот вчера, как я шла из церкви, какие-то молодые купцы вслух смеялись над моим салопом. Где же я лучше возьму? Ты же приносишь людям пользу почти бескорыстно, тебя же презирают. *(Подносит платок к глазам.)*

Андрей Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Лизавета Ивановна и Андрей Титыч.

Андрей Титыч. С нашим почтением-с, Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна. Здравствуйте, Андрей Титыч! Садитесь.

Андрей Титыч *(утираясь)*. Покорнейше благодарим-с. Летел к вам скоропалительно, инда взопрел-с. Тятеньки нет-с?

Лизавета Ивановна. Нет; ушёл на урок.

Андрей Титыч. По-латыни два алтына, а по-русски шесть копеек-с.

Лизавета Ивановна. Что вы такое говорите?

Андрей Титыч. У нас в ряду один учитель ходит, горькой, так над ним смеются, дразнят, значит. Ты, говорят, окромя свинячьего, на семь языков знаешь.

Лизавета Ивановна. Как же вам не стыдно смеяться над людьми почтенными! Как это дурно!

Андрей Титыч. Что ж такое! Шутка не вредит-с. Хороший человек на свой счёт не примет.

Лизавета Ивановна. Бросьте эту привычку, нехорошо. Зачем обижать!

Андрей Титыч. Нельзя нашему брату не смеяться-с; потому эти стрюцкие такие дела с нами делают, что смеху подобно.

Лизавета Ивановна. Что у вас за слова такие! Какие-то стрюцкие!

Андрей Титыч. Уж это слово им недаром дано-с. Другой весь-то грош стоит, а такого из себя барина доказывает, и не подступайся,— засудит; а дал ему целковый или там больше, глядя по делу, да подпоил, так он хоть спирю плясать пойдёт. *(Помолчав.)* Я теперь от тятеньки скрываюсь-с.

Лизавета Ивановна. Как скрываетесь? Зачем же?

Андрей Титыч. Женить хотят... насильственным образом.

Лизавета Ивановна. Что ж, разве вам невеста не нравится?

Андрей Титыч. Такую нашли — с ума сойдёшь! Тысяч триста серебра денег, рожа, как тарелка,— на огород поставить, ворон пугать. Я у них был как-то раз с тятенькой, ещё не знамши ничего этого; вышла девка пудов в пятнадцать весу, вся в веснушках; я сейчас с политичным разговором к ней: «Чем, говорю, вы занимаетесь?» Я, говорит, люблю жестокие романсы петь. Да как запела, глаза это раскосила, так-то убедила народ, хоть взвой, на неё глядя. Унеси ты моё горе на гороховое поле!

Лизавета Ивановна. Да разве вы своей воли не имеете? Не нравится вам девушка, ну, и не женитесь, так и скажите отцу.

Андрей Титыч. Какая тут воля! Эх, Лизавета Ивановна! Нечто у нас так, как у людей! *(Махнув рукой.)* Крылья у меня ошибены, то есть обрублены, как есть. Уродом сделали, а не человеком. Словно угорелый хожу по земле. У нас так не водится, чтоб сын смел выбрать себе невесту по душе, значит, как следует; а привезут тебя, покажут, ну, и женись. А коли скажешь, что, мол, тятенька, эта невеста не нравится: а, говорит, в солдаты отдам! Ну и шабаш! Уж не то что в этаком деле, и в другом-то в чём воли не дают. Я вот помоложе был, учиться захотел, так и то не велели.

Лизавета Ивановна. Неужели это правда? Право, мне не верится. Что-нибудь да не так.

Андрей Титыч. Уж это так точно-с, будьте покойны. Диви бы негде было учиться, али бы денег не было; а то денег угол непочатый лежит, девать куда не сообразим. Коммерческая академия существует на Покровском бульваре. На что ж она построена? Смотреть на неё? Кабы у нас, значит, вообще по купечеству такое заведение было, чтобы детей не учить, так бы и не обидно. А то этого нет. Перед другим-то, перед своим братом и совестно. Вот у тятеньки приятель был, тоже русский купец, с бородой ходил, а сына-то в Англию посылал. Теперь своё дело, по машинной части, лучше их знает. Стало быть, их и выписывать не надо и денег им не платить. Что их баловать-то! Я, может, не глупей его, а теперь смотри да казнись. Кажется, если бы меня учить, я бы до всего на свете дошёл: потому страсть имею. Вот тятенька меня поедом ест, а за что? Сам не знает. По фабрике кто первый? Всё я. Я вперёд знаю, что требуется.

Молчание.

Лизавета Ивановна, вы ведь не поверите, что я вам скажу: я к скрыпке оченно пристрастие имею.

Лизавета Ивановна. Ну, так что ж?

Андрей Титыч. Вот теперь пятый год учусь... знаете, где? На чердаке, в чулане. Беда, как узнает... «Да что это! Да к чему это! Да с твоим ли рылом, скажет, такие нежности разводить!» В театр никогда не допросишься. А и допросишься, да опоздаешь немножко, так беда. У нас всё равно, что загулял, что в театре просидел, это на одном счету. Ту причину пригоняют, что у нас один брат помешанный от театру; а он совсем не от театру, так, с малолетства заколотили очень.

Лизавета Ивановна. Знаете ли, Андрей Титыч, я вас научу. Когда вы заметите, что ваш отец в хорошем расположении духа, вы ему откровенно и выскажите всё: что вы чувствуете, что у вас есть способности, что вы учиться хотите.

Андрей Титыч. Он такую откровенность задаст, что места не найдёшь. Вы думаете, он не знает, что учёный лучше неучёного,— только хочет на своём поставить. Один каприз, одна только амбиция, что вот я неучён, а ты умнее меня хочешь быть.

Лизавета Ивановна. Мне, право, вас жалко, Андрей Титыч! Ходите к нам почаще. Вы моего отца знаете, он образованный человек, он вам может много пользы принести, да и я, с своей стороны, постараюсь, что могу.

Андрей Титыч. Эх, Лизавета Ивановна, жаль только, что мне развязки никакой не дано.

Лизавета Ивановна. Какой развязки?

Андрей Титыч. Не умею я по-французски говорить и походки настоящей не имею. Вон теперь в магазинах приказчики разговаривают по-французски, ногами шаркают, барышни им глазки делают.

Лизавета Ивановна. Полноте вздор говорить!

Андрей Титыч. Да как же-с! Уж коли знаешь французский язык да есть походка, так тут можно смело... значит, что только завидел, орёл ли в небе, щука ли в море,— всё наше.

Лизавета Ивановна. Вы мне, пожалуйста, глупостей не говорите, я вас прошу.

Андрей Титыч. Ведь женщины, они души в человеке понять не могут-с: только ловкость нужна, ну и насчёт одёжи, чтобы первый сорт-с.

Лизавета Ивановна. Я вам откровенно скажу, Андрей Титыч, с вами очень мудрено разговаривать. Вы не подумавши говорите такие вещи, которые могут показаться обидными. Неужели вы думаете, что мы принимаем и ласкаем вас за ваше платье?

Андрей Титыч. Да что со мной, дураком, толковать-с; я просто пропащий человек, от своего собственного необразования. Болтаю, что в голову придёт, всякие наши рядские глупости. Вы думаете, что я не чувствую вашей ласки,— да только я выразить не умею. Мне как-то раз показалось, Лизавета Ивановна, что вы на меня повеселей взглянули, так я загулял на три дни, таких вертунов наделал,— беда! Одному извозчику что денег заплатил.

Лизавета Ивановна. Ну, зачем же это? Разве вы не знаете, что это дурно?

Андрей Титыч. А что ж мне делать-то? Куда мне деваться-то? Я как сумасшедший сделался. Я в жизнь ни от кого хорошего слова не слыхивал. *(Подходит к Лизавете Ивановне.)* Лизавета Ивановна!

Лизавета Ивановна. Что вам угодно?

Андрей Титыч. Дайте мне ручку поцеловать.

Лизавета Ивановна. Что вы за вздор говорите! Ну, для чего это?

Андрей Титыч. Да что ж за важность! Может, в последний раз. Ведь вас не убудет.

Лизавета Ивановна. Да нехорошо, и совсем не нужно... ну, а впрочем... *(Оглядываясь, протягивает ему руку.)*

Андрей Титыч *(целует)*. Умер бы у вас, и домой не пошёл! Уж очень тяжко мне! Эх, доля, доля! *(Плачет.)*

Входит Аграфена Платоновна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лизавета Ивановна, Андрей Титыч и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна. Здравствуй, Андрюша! Что с тобой?

Андрей Титыч. Так, ничего-с.

Аграфена Платоновна. Как ничего? Ты словно как мокрая курица.

Андрей Титыч. Подвесить себя хочу-с.

Аграфена Платоновна. Как так?

Андрей Титыч. Известно как: за петельку на гвоздик.

Аграфена Платоновна. Что за напасть такая?

Андрей Титыч. Да что, разговаривать-то не хочется. Женить хотят, вот и всё-с.

Аграфена Платоновна. Плохо твоё дело.

Андрей Титыч. Обидно-с! *(Раскланивается.)* А впрочем, прощайте-с. *(Подходит к Аграфене Платоновне.)* Что ж, отдайте энту штуку-то; ещё, пожалуй, история выдет.

Аграфена Платоновна. Ну вот, на что она тебе?

Андрей Титыч. А то, пожалуй, и не надо; делайте, что хотите. Уж семь бед, один ответ. До приятнейшего свидания. *(Кланяется и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Аграфена Платоновна. Видали вы, что мужики-то значат? Так вот посмотрите. Насильно хотят малого женить. Самое низкое обыкновение! Нешто человек может любить против желания? Какие на это права? Какие законы? Живут неопрятно, ну ничего и не понимают. Ломят по-своему, что на ум взбрело спросонков... А я было его, барышня, признаться, для вас прочила.

Лизавета Ивановна. Я думаю, Аграфена Платоновна, прежде нужно было меня спроситься.

Аграфена Платоновна. Да что спрашивать-то? Дело видимое. Человек хороший, богатый, вас любит. Куражу не имеет сказать вам, потому что умных слов не знает от своего от дурацкого воспитания. А случится, когда ко мне в комнату зайдёт, так и заливается-плачет: всё бы я, говорит, сидел у вас, всё бы глядел на Лизавету Ивановну, жизни готов решиться, только бы жениться на ней. Сколько мне подарков переносил, чтобы я вам за него словечко замолвила.

Лизавета Ивановна. Какой ещё он жених, ему учиться надобно в школе где-нибудь.

Аграфена Платоновна. Любовь-то не спрашивает, все ли науки знаешь. Влюбляются и вовсе безграмотные. А что ж ему делать? Он бы и рад учиться, да батюшка-то у него ишь какой сахар!

Лизавета Ивановна. Мне смешно вас слушать, Аграфена Платоновна. Ну, рассудите вы сами, какая же мне неволя идти в такую семью: сын необразованный, а отец дурак.

Аграфена Платоновна. Не тысячу же лет этот старый хрыч жить будет. Потерпите маленько, а потом сами барыней будете. Оно, точно, вам будет не сладко; да денег-то у них, у леших, больно много. Зато что захотите, муж всё для вас будет делать, разве только птичьего молока не достанет.

Лизавета Ивановна. Неужели вы, Аграфена Платоновна, до сих пор меня не знаете? Я ни за какие сокровища не захочу терпеть унижения. Ведь они за каждую копейку вымещают оскорблением; а я не хочу их переносить ни от кого. То ли дело, как мы живём с папашей! Хоть бедно, да независимо. Мы никого не трогаем, и нас никто не смеет тронуть. *(Работает.)*

Аграфена Платоновна *(взглянув в окно)*. К нам дрожки подъехали. Ах, батюшки! Да ведь это он!

Лизавета Ивановна. Кто он?

Аграфена Платоновна. Андрюшин отец, Тит Титыч.

Лизавета Ивановна. Это, должно быть, к вам; а к нам ему незачем.

Тит Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Лизавета Ивановна, Аграфена Платоновна и Тит Титыч.

Тит Титыч. Где Андрюшка? Сказывайте скорей, а то искать примусь.

Аграфена Платоновна. Почём мы знаем, где твой Андрюшка. Ступай, откуда пришёл; нечего тебе здесь делать!

Тит Титыч. Не с тобой говорят. Барышня, выдавай Андрюшку! Да не вертись; видишь, я сам за ним пришёл; я шутить не люблю! У меня слово — закон.

Лизавета Ивановна *(встаёт)*. Я вас не знаю и знать не хочу. Подите вон отсюда!

Тит Титыч *(садится)*. Полно вилять-то! Все суседи говорят, что он у тебя скрывается. Ты, надо полагать, за него замуж норовишь; так нет, шалишь, не пообедаешь!

Лизавета Ивановна *(закрывает лицо платком)*. Господи! Что же это такое!

Аграфена Платоновна. Ступайте, барышня, к себе в комнату. Что вам с мужиком разговаривать! Я одна с ним управлюсь.

Лизавета Ивановна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Аграфена Платоновна и Тит Титыч.

Аграфена Платоновна. Ты что буянишь-то! Ты куда, в кабак, что ли, зашёл? Кричи поди у себя дома, а здесь язык-то прикусишь. Я, брат, так раскассирую...

Тит Титыч. А вот я обыск и сделаю, квартального позову.

Аграфена Платоновна. Так тебе и позволят в благородном доме безобразничать!.. Да ну, коли на то пошло, делай обыск. А не найдёшь, чем ответишь?

Тит Титыч. Не ваша печаль, это наше дело. За безобразие заплатим.

Аграфена Платоновна. Ты думаешь деньгами отъехать? Нет, ведь старик-то не алтынник, он с тебя ничего не возьмёт. Чем ты смотришь — и того не возьмёт. Он заслуженный человек, за тридцать лет пряжку имеет. Он тебя в смирительный упрячет.

Тит Титыч. Видали мы виды-то! Чёрт Ваньку не обманет, Ванька сам слово знает. Вы мне Андрюшку подайте; видишь, я сам за ним пришёл.

Аграфена Платоновна. Сам с усам! Жалко вот, что тебя не боится здесь никто; а то так бы тебе Андрюшку и представили, невидимой силой. Да коли нет его, чудак человек, значит, негде взять. Он дома давно.

Тит Титыч. Да ты врёшь, может быть?

Аграфена Платоновна. А ты сходи посмотри, либо пошли кого-нибудь.

Тит Титыч. Нет уж, я лучше сам пойду, только если не найду его, я уж за тебя примусь. Слышишь! *(Берёт шапку.)*

Аграфена Платоновна. Погоди, куда ты? Ещё мне с тобой поговорить надо. Ты думаешь, ты скоро разделаешься. *(Вынимает из стола бумагу.)* Ты это видишь?

Тит Титыч. Что это такое? Кажи!

Аграфена Платоновна. Читай! Только из рук не выпущу; мы вашего брата знаем.

Тит Титыч *(надев очки)*. «Я, нижеподписавшийся купеческий сын, Андрей Титов сын Брусков, обязуюсь жениться на дочери титулярного советника, девице Елизавете Ивановне Ивановой, в чём и даю сию расписку». *(Перестаёт читать и снимает очки.)*

Аграфена Платоновна. Понял?

Тит Титыч. Как не понять! Это, то есть, насчёт грабежу. Ну, народец! Что ж вы с эвтой бумагой делать будете?

Аграфена Платоновна *(запирает в стол бумагу)*. Уж старик знает, что делать. Порядок известный: дело по делу, а суд по форме.

Тит Титыч *(почесав затылок)*. По форме? Нет уж, лучше мы так, между себя сделаемся.

Аграфена Платоновна. Известно, лучше: только ведь с тобой честью-то мудрено.

Тит Титыч. Уж и ваш-то брат нам солон приходится. А вы пожалейте душу человеческую.

Аграфена Платоновна. Что тебя жалеть-то! Давай три тысячи целковых, вот и квит.

Тит Титыч. Ишь ты, ишь ты заломила! Ведь я не сам деньги-то делаю; трудами доставал, пóтом.

Аграфена Платоновна. Да, потеете вы в трактире за чаем. Ты лучше и не торгуйся; а то сам придёт, пожалуй, и трёх не возьмёт. Уж это я так беру смелость, хочу без него дело сделать.

Тит Титыч. Полтораста рубликов.

Аграфена Платоновна. Что? За такое дело полтораста рублей! Да как у тебя язык-то поворотился!

Тит Титыч. За что деньги-то давать, ты сама рассуди. Ведь задаром-то жалко.

Аграфена Платоновна. За что? За твоё нравство! Не ходи по лавке… Говорю, не торгуйся, а то прогоню; так ни с чем уйдёшь.

Тит Титыч. Ты меня выведешь из терпимости, в те поры я в себе не властен: я тебя прибью.

Аграфена Платоновна. Любопытно это будет посмотреть! Я караул-то на всю Зацепу закричу. Свяжем тебе лапки назад, да ещё три тысячи заплатишь.

Тит Титыч. Надоела уж ты мне. Говори последнюю цену.

Аграфена Платоновна. Последнюю?

Тит Титыч. Да, последнюю.

Аграфена Платоновна. Без разговору — две тысячи.

Тит Титыч. Возьми пятьсот.

Аграфена Платоновна. И говорить не хочу, что за торговля! *(Молчание.)* Ну, давай полторы.

Тит Титыч. Семьсот пятьдесят.

Аграфена Платоновна. Ну, вот тебе последнее слово: тысячу рублей и ни копейки меньше.

Тит Титыч. Ни копейки?

Аграфена Платоновна. Ни копейки.

Тит Титыч. Ну, по рукам!

Аграфена Платоновна. Давай деньги.

Тит Титыч. Давай бумагу.

Аграфена Платоновна. Клади деньги на стол, и я положу.

Тит Титыч отсчитывает деньги и кладёт на стол, Аграфена Платоновна вынимает из стола бумагу. Разменяваются. Аграфена Платоновна кладёт деньги в стол и запирает. Тит Титыч кладёт бумагу в карман.

Тит Титыч *(садится)*. Разбойники, грабители!

Аграфена Платоновна. Ну, теперь ступай с богом. Дела все покончили, больше не об чем с тобой толковать.

Тит Титыч. Нет, погоди, дай хоть поругаться-то за свои деньги. Разбойники, грабители! За что только вы с нас денег не берёте? Обмануть, ограбить, обольстить человека!

Аграфена Платоновна. Как с тебя и не взять-то! Ведь уж ты жила известный, сам норовишь на грош пятаков купить.

Лизавета Ивановна проходит из боковой двери в середнюю.

Должно быть, старик пришёл. Ступай, ступай!

Тит Титыч. Обманули мальчишку, дурака, опутали, а с отца деньги взяли. Честно это, благородно? А ещё благородством похваляетесь!

Иван Ксенофонтыч и Лизавета Ивановна входят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Тит Титыч, Аграфена Платоновна, Лизавета Ивановна и Иван Ксенофонтыч.

Аграфена Платоновна. Папаша, посмотри, что у нас делается.

Иван Ксенофонтыч молча смотрит на Брускова.

Тит Титыч. Ты что на меня смотришь? На мне, брат, ничего не написано. Деньги-то взять умели! Вы меня хоть попотчуйте чем за мои деньги-то.

Иван Ксенофонтыч *(смотрит на всех вопросительно)*. Он сумасшедший? Сделайте одолжение, милостивый государь, оставьте нас.

Тит Титыч. Обобрали, а теперь гоните. *(Показывая на Лизавету Ивановну.)* Ишь, какая красавица! Как не прельститься на неё. Ловушку для нашего брата подстроили. У вас тут такая шайка подобрана, что вы и старика какого из ума выведете, а не то что мальчишку глупого.

Иван Ксенофонтыч. Поди вон!

Тит Титыч. Что ты кричишь-то! Я ведь ничего, я так, шучу с тобой.

Иван Ксенофонтыч. Поди вон, говорю я тебе.

Тит Титыч *(встаёт)*. Пойду. *(Подходит к Ивану Ксенофонтычу и ударяет его по плечу.)* Поедем ко мне! Выпьем вместе, приятели будем! Что ссориться-то!

Иван Ксенофонтыч. Уйди ты от нас.

Тит Титыч. Ну, прощай. *(Подходит к двери.)* Ишь ты, какой сердитый! Да уж теперь не испугаете. Вот она, бумага-то, здесь в кармане. Разбойники, грабители! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Иван Ксенофонтыч, Лизавета Ивановна и Аграфена Платоновна.

Иван Ксенофонтыч. Что это за человек?

Аграфена Платоновна. Тит Титыч Брусков. Андрюшин отец.

Иван Ксенофонтыч. Что он говорил? Какие деньги? Какие грабители? Кто его ограбил?

Аграфена Платоновна. Ну, да за дело, чтоб не шумел в чужом доме. За дело ему! Так их и надо. Я таки, признаться, сорвала с него малую толику. Жаль, что мало! Нам годится, а с паршивой собаки хоть шерсти клок.

Иван Ксенофонтыч. Да за что?

Аграфена Платоновна. Всё жалеючи вас, Иван Ксенофонтыч, да вашу дочку; глядя на вашу бедность, решилась на такое дело. Что ж, ведь тут дурного ничего нет.

Иван Ксенофонтыч. Да каким образом? Не мучьте вы меня, говорите.

Аграфена Платоновна. А вот каким образом: как Андрюша-то уж очень влюблённый был, вот как-то раз и зашёл ко мне, и расплакался, а я ему нарочно и говорю: тебе, мол, нельзя к нам ходить, будут соседи говорить и то, и сё. Что хорошего! Наше, мол, дело женское, мы никакого такого разговору про себя не хотим. Ты, говорю, оставь, не ходи. Он это, сударь мой, стал меня просить, плакать, руки целовать. Я взяла подпоила его, да и говорю: всё может, Андрюша, случиться, отец твой не нынче-завтра умрёт, ты будешь на воле, тогда, пожалуй, нас с Лизаветой Ивановной и забудешь, других найдёшь. А он-то божится, он-то разные клятвы произносит. А у меня на ту пору случись лист гербовой бумаги.

Иван Ксенофонтыч. Ну!

Аграфена Платоновна. Ну, я своей рукой написала расписку, что он обещается жениться на Лизавете Ивановне, всё как следует, по форме, а он и подписал.

Лизавета Ивановна. Какой стыд! Какой срам! Папаша, что мне делать! *(Рыдая, падает на грудь отцу.)*

Иван Ксенофонтыч. Ну, ну...

Аграфена Платоновна. Ну, вот за это и взяла с Тита Титыча тысячу целковых.

Иван Ксенофонтыч. А расписка где?

Аграфена Платоновна. Я ему отдала.

Иван Ксенофонтыч *(обнимая дочь)*. Бедное дитя моё! *(Плачет.)*

Аграфена Платоновна. Да об чём вы плачете?

Иван Ксенофонтыч. Куда нам с тобой деться от грубости, от оскорблений, от невежества!

Лизавета Ивановна. Папаша, уедем отсюда поскорей!

Иван Ксенофонтыч. Уедем, уедем!

Лизавета Ивановна. Ты поди, брось ему деньги. *(Садится у стола.)*

Иван Ксенофонтыч. Да, да, и расписку возьму. Он мне её отдаст, я ему деньги возвращу. Как ты думаешь, ведь он отдаст? Отдаст? Он не смеет не отдать — мы не виноваты. Я разорву её, вот и конец, и не об чем нам плакать с тобой! *(К Аграфене Платоновне.)* Подай деньги!

Аграфена Платоновна. Иван Ксенофонтыч, пригодятся.

Иван Ксенофонтыч. Подай деньги! Подай!

Аграфена Платоновна *(вынимая из стола)*. А чем завтра топить будете? *(Отдаёт.)*

Иван Ксенофонтыч. Прощай, Лиза!

Лизавета Ивановна. Прощай, папаша. *(Обнимает его.)* Поди, выкупай наше бесчестье.

Идут к двери.

Аграфена Платоновна *(вслед им)*. Вот хлопочи для людей, старайся, сама ж виновата останешься. Кто же вас знал, что вы такие сумасшедшие!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

ТИТ ТИТЫЧ БРУСКОВ.
НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, *жена его.*
АНДРЕЙ ТИТЫЧ, КАПИТОН ТИТЫЧ } *сыновья их.*
НЕНИЛА СИДОРОВНА, *знакомая Брусковой.*
ИВАН КСЕНОФОНТЫЧ ИВАНОВ.
ЗАХАР ЗАХАРЫЧ, *стряпчий.*
ЛУША, *горничная девушка.*

Богатая гостиная в доме купца Брускова.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Луша (стирает пыль) и Капитон Титыч (крадётся к двери).

Капитон Титыч. Луша, здесь никого нет?

Луша. Никого.

Капитон Титыч. Как тут хорошо, просторно, а в кухне сегодня угарно. Что в кухне-то сидеть за охота. Я такой же сын, как и Андрюша, а меня всё в кухне взаперти держат.

Луша. Захотел ты сравняться с Андреем Титычем! Андрей Титыч у нас молодец, а ты что! Так, дурачок.

Капитон Титыч. Да, дурачок, как же! У вас будешь дурачок. На цепь ещё посадите! *(Ходит по комнате и делает трагические жесты.)*

Луша. Купидон Титыч, представь что-нибудь из тиатрального.

Капитон Титыч *(становится в позу)*. «Прочь с дороги! Посторонитесь! Лев ушёл из клетки! Бык с бойни сорвался! Посторонитесь!» *(Разгорячившись.)* Давай теперь сюда, кто меня дураком сделал, убью сразу.

Луша хохочет. Капитон Титыч, услышав, что идут, крадётся к двери и скрывается. Настасья Панкратьевна и Ненила Сидоровна входят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Луша.

Настасья Панкратьевна. Милости просим, Немила Сидоровна, садиться покорнейше прошу. Луша, принеси-ка нам вареньица.

Л у ш а. Сейчас-с. *(Уходит.)*

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Как дела ваши?

Н е н и л а С и д о р о в н а. Дела ничего, слава богу. Одна печаль у меня: дочерей больно много.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Видно, матушка, Немила Сидоровна, всякому своя ноша тяжела. Вот вы об дочерях, а я об сыновьях. Что у кого болит, тот о том и говорит. А по-моему, дочери всё-таки легче.

Н е н и л а С и д о р о в н а. Глаз да и глаз нужно, Настасья Панкратьевна. Ведь нынче время-то какое! Люди-то какие! Верите ли, боишься в сад выпустить.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Что дочери! Дочерей и запереть можно, да и хлопот с ними меньше, ни учить, ни что. Ну, конечно, замуж выдавать хлопотно, возни много. А вам и то с пола́-горя, Немила Сидоровна, ведь вы денег много даёте за дочерьми-то, так вам нечего бояться, что в девках засидятся.

Н е н и л а С и д о р о в н а. Про это что толковать. Дочь не домашний товар; как не как, а надо с рук сбывать. Ну, там уж не наша беда; живи, как хочешь. А покедова-то вот! Ведь у нас приказчики, ну и другого постороннего народу много.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Присмотр нужен, я про это вам и докладываю, зато уж больше-то никаких хлопот. Мальчики-то ведь на воле, Немила Сидоровна, как за ними усмотришь; везде ходят. У меня всего-то два сына: Андрюша да Купидоша, да и то голова кругом идёт. Андрюша мальчик шустрый, проворный, до всего понятливый, так, сударыня моя, от дому совсем отбивается: то нехорошо, другое не по нём, учиться, говорит, хочу. Что ж, мы разве его не учили! И рихметике, и граматике гимназист учил. На что ему много-то знать? И так боек, а как обучат-то всему, тогда с ним и не сговоришь; он мать-то и уважать не станет; хоть из дому беги.

Н е н и л а С и д о р о в н а. Да, вот насчёт ученья-то. У нас соседка отдала сына учиться, а он глаз и выколол.

Н а с т а с ь я П а н к р а т ь е в н а. Это долго ли. А вот теперь влюбился. Да в кого! Немила Сидоровна, в кого! Во что влюбиться-то! Так, одна непокорность к родителям.

Н е н и л а С и д о р о в н а. В кого же, Настасья Панкратьевна? Скажите по секрету.

Настасья Панкратьевна. Что за секрет; весь околоток в трубы трубит. Знаете учителя Иванова, так в его дочь; ну, и погибает совсем.

Ненила Сидоровна. Знаю, знаю, видала. Скажите! Где же глаза-то у него были! Так, творение какое-то... ни живности, ничего.

Настасья Панкратьевна. Ну, вот сами рассудите.

Ненила Сидоровна. Что говорить!

Настасья Панкратьевна. Каково матери-то?

Ненила Сидоровна. Подсыпали чего-нибудь. Это бывает.

Настасья Панкратьевна. Уж я и сама так думаю.

Ненила Сидоровна. А вы вот что... нехорошо только говорить-то...

Настасья Панкратьевна. Ничего.

Ненила Сидоровна. А сразу снимает. *(Шепчет ей на ухо.)*

Настасья Панкратьевна. Помогает?

Ненила Сидоровна. Помогает. То-то вот, хитры они, ан хитрей их есть. На всякий приворот средство есть; только знать нужно. Я много знаю: и от глазу, и от запою, и против бородавок у меня симпатия есть.

Настасья Панкратьевна. Так надоть попробовать, а то что же хорошего! Мы теперь его женить хотим; нам надо невесту с большими деньгами, потому сами богаты. Что за неволя нам бедную-то брать.

Ненила Сидоровна. Разумеется.

Настасья Панкратьевна. Ну, вот, матушка моя, теперь есть такая на примете, отец нашёл; а он скрывается от отца-то. Всякая мать баловница; другой раз расплачется,— глядишь, и жалко, и сама его прикрываю по малости. А всё-таки нехорошо.

Ненила Сидоровна. Нельзя похвалить.

Настасья Панкратьевна. А другой, Купидоша, так совсем какой-то ума рехнувший по театру. Да табак курит, Немила Сидоровна, такой крепкий, просто дышать нельзя. В комнатах такого курить нельзя ни под каким видом, кого хочешь стошнит. Так всё больше в кухне пребывает. Вот иногда скучно, позовёшь его, а он-то и давай кричать по-тиатральному, ну и утешаешься на него. С певчими поёт басом, голос такой громкий, так как словно из ружья выпалит.

Ненила Сидоровна. Говорят, маленьких нехорошо по голове бить, глупеют от этого.

Настасья Панкратьевна. Кто их знает, может, и правда.

Капитон Титыч выглядывает из-за двери.

Да вот он.

Ненила Сидоровна. Кто? Дурачок-то? Позовите, Настасья Панкратьевна.

Настасья Панкратьевна. Купидоша, Купидоша!

Капитон Титыч робко входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна и Капитон Титыч.

Настасья Панкратьевна. Что ты, Купидоша?

Капитон Титыч. Я так, ничего... Пятачок мне надо.

Настасья Панкратьевна. На что?

Капитон Титыч. Табачку купить... Без табаку-то скучно.

Настасья Панкратьевна. Ну, хорошо, дам. Представь что-нибудь нам с Немилой Сидоровной.

Капитон Титыч *(трагически)*. «Изумлю мир злодейства, и упокойники в гробах спасибо скажут, что умерли!»

Ненила Сидоровна. Что это, матушка! Что это такое! Страсть какая! Он у вас, должно быть, порченый!

Андрей Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Настасья Панкратьевна, Ненила Сидоровна, Капитон Титыч и Андрей Титыч.

Настасья Панкратьевна. А вот мой другой сын, Немила Сидоровна.

Ненила Сидоровна. Этот умный?

Настасья Панкратьевна. Умный. *(Сыну.)* Отец тебя нынче целый день ищет, никак хочет вечером к невесте ехать.

Андрей Титыч. Я опять убегу-с.

Настасья Панкратьевна. Что ты, что ты! Уж от своей судьбы не уйдёшь! Что кому суждено, тому и быть.

Андрей Титыч. Да почём же вы, маменька, знаете, что мне суждено жениться на дуре неотёсанной!

Настасья Панкратьевна. Ну вот, изволите видеть, Немила Сидоровна, можно с ним разговаривать?

Ненила Сидоровна. Ах, молодой человек, молодой человек!

Настасья Панкратьевна. Что ты, умней отца с матерью хочешь быть! Выше лба глаза не растут, яйцы курицу не учат.

Андрей Титыч. Маменька, да ведь мне с ней жить-то будет!

Настасья Панкратьевна. Как ты можешь грубить! Кто с тобой говорит-то? Мать али нет? Должен ты это понимать.

Андрей Титыч. Да что понимать-то? Понимать-то нечего.

Настасья Панкратьевна. Вот видите, какую заразу на него напустили.

Ненила Сидоровна. Послушайте, молодой человек, я постарше вас, все эти штуки, все эти подходы и все эти дела видала.

Настасья Панкратьевна. Так, так, Немила Сидоровна. А ты слушай, что старшие-то говорят. И ты тоже, Купидоша. Всё это вам на пользу.

Андрей Титыч. Да что слушать-то? Слыхал я эти разговоры-то.

Настасья Панкратьевна. Не груби, говорю тебе, не груби!

Ненила Сидоровна. Молодой человек, вы мало жили, мало видели свет, вы ещё не знаете, как люди хитры.

Настасья Панкратьевна. Да, да. У нас у кучера поддёвку украли в одну минуточку. И кто же украл-то? Приятель его.

Ненила Сидоровна. Вот вы теперь влюблены, мне ваша маменька говорила: вы думаете, это спроста?

Андрей Титыч. Этот разговор надоть кончить-с.

Ненила Сидоровна. Нет, позвольте-с. Мы тоже бывали молоды, у меня у самой семь дочерей.

Настасья Панкратьевна. Да, да, вот слушай, что умные-то люди говорят, и ты тоже, Купидоша, слушай.

Ненила Сидоровна. Будем прямо говорить. Кругом вас, по соседству, есть какие грузди! Из всякого сословия! Уж можно сказать, что наша сторона этим отличается! Чего б, кажется, лучше! Так нет, вам не по сердцу. А эта что? Диви бы собой... *(делает жест руками)* или что другое! Вот только стыдно говорить-то, а то бы сказала. Во что влюбиться-то молодому человеку?

Настасья Панкратьевна. Да, да.

Ненила Сидоровна. Значит, механика и выходит... с их стороны.

Андрей Титыч. Говорите, что угодно, мне всё равно-с. Ей моею женой не быть. Такие девушки не про нас-с. Где нам, дуракам! Мы их и понимать-то не умеем. Говорить-то всякий умеет, кто почаще, кто пореже, да толку-то в этом немного; слушать-то нечего. Вот кабы я умел вам объяснить, какая в этом разница — образованная девушка или необразованная, так бы другой разговор был. А то не умею. Да хоть бы и умел, так вы не поймёте ничего. Значит, лучше молчать.

Ненила Сидоровна *(Настасье Панкратьевне)*. Попробуйте, что я говорила.

Настасья Панкратьевна. Непременно попробую.

Андрей Титыч. Вы хотите меня теперича женить,— так найдите невесту, чтоб хоть мало-мальски была на человека похожа. Я, пожалуй, женюсь, ведь уж не отбегаешься. А эта ваша мне уж очень противна. Маменька, спрячьте меня куда-нибудь от тятеньки! А то уж жените, что ли, поскорей, чтоб я не мучился.

Настасья Панкратьевна. Какая же в этом мука, глупый! Ничего, окромя хорошего. Ты, я вижу, такой же дурак, как и Купидошка.

Капитон Титыч. «Умолкни, чернь непросвещенна!»

Настасья Панкратьевна. Полно орать-то! Ишь, затрубил.

Капитон Титыч. Брат, дай три гривенника, пойду нынче в театр, душу отвести.

Андрей Титыч. На, Капитоша. *(Достаёт деньги из кармана и отдаёт Капитону Титычу.)*

Луша *(вбегая)*. Сам приехал! *(Уходит.)*

Капитон Титыч за ней прокрадывается в дверь.

Настасья Панкратьевна *(Андрею Титычу)*. Поди, спрячься в спальню, там и сиди. Я скажу, когда выйти.

Андрей Титыч уходит.

Ненила Сидоровна. Прощайте, Настасья Панкратьевна. К нам как-нибудь.

Настасья Панкратьевна. Прощайте, Немила Сидоровна. Вы такая, право, умная и обходительная женщина, что мне завсегда оченно приятно вас видеть. Я, признаться вам сказать, сама-то не из дальних, ведь уж не скроешь; так мне лестно позаняться от умных-то. Как-нибудь на днях беспременно заеду. *(Провожает её до дверей.)*

Ненила Сидоровна уходит. Тит Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Настасья Панкратьевна и Тит Титыч.

Тит Титыч *(садится молча на стул)*. Фу ты, чёрт возьми! Впервой отроду со мной такая беда! Меня не уважать! Меня ругать! Меня! Брускова! Нет, погоди!

Настасья Панкратьевна. Кто тебя не уважил, Кит Китыч? Кто смел?

Тит Титыч. Молчи, не твоё дело! За мои же деньги да меня обругали! Меня выгнали! *(Топает ногой.)* Жив быть не хочу! Настасья!

Настасья Панкратьевна. Что прикажете, Кит Китыч?

Тит Титыч. Отыскать Захарыча сию минуту.

Настасья Панкратьевна. Да он тут где-то путается: я его в окно сейчас видела. *(Подходит к окну.)* Эй, Луша!

За сценой смех.

Что ты там с молодцами всё играешь! Нет на вас времени!

Луша за сценой: «Я ничего-с. Чего изволите?»

Сыщи сейчас Захарыча да приведи сюда.

Тит Титыч. Чтоб я перенёс такую обиду над собой! От дряни, от учителишки! Да что ж это за времена пришли! Нет, стой! Я сроду ни от кого обиды не видывал. Настасья! Смеет меня кто обидеть?

Настасья Панкратьевна. Никто, батюшка, Кит Китыч, не смеет вас обидеть. Вы сами всякого обидите.

Тит Титыч. Я обижу, я и помилую, а то деньгами заплачу. Я за это много денег заплатил на своём веку.

Настасья Панкратьевна. Много, Кит Китыч, много.

Тит Титыч. Молчи! Они только тем и взяли, что я в чужой квартире был. А ты, поди-ка, здесь со мной потолкуй, так я тебя уконтентую по-своему.

Захар Захарыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна и Захар Захарыч.

Тит Титыч. Эй ты, Сахар Сахарыч, благодетель я тебе али нет?

Захар Захарыч. Благодетель, батюшка Тит Титыч.

Тит Титыч. Ты человек, внимания не стоющий, потерянный человек, а я тебя призрел. Не гнушаюсь тобой, к себе в дом пущаю.

Захар Захарыч кланяется.

Дочь твою пристроил... за межевого, за вольнопрактикующего. Уж не моя это вина, что он пьяница.

Захар Захарыч. Был вольнопрактикующий, а теперь праздношатающийся.

Тит Титыч. Всё-таки я тебе благодетель. А ты отчего у меня давно не был?

Захар Захарыч. Нет никаких возможностей, Тит Титыч, терпенья никакого не хватает. Мальчишки очень одолевают. Как только к рынку подходишь, и откуда их нанесёт, туча тучей, бегут, укают: у-у-у-у. Приказчики из лавок подсвищут: такой гам подымут, хоть сквозь землю провались.

Тит Титыч. А ты вечером ходи. Да не в том дело. Можешь ты такое прошение написать, чтобы в Сибирь сослать по этому прошению?

Захар Захарыч. Кого, Тит Титыч?

Тит Титыч. Троих человек. Тебе всё равно, что одного, что троих?

Захар Захарыч. Всё равно, Тит Титыч.

Тит Титыч. Надоть сослать учителя Иванова, дочь его и хозяйку их. Я так хочу.

Захар Захарыч. Что же писать прикажете?

Тит Титыч. А ты вот что пиши: что обидели такого-то купца, а с сына оного купца учитель, против всяких прав, взял расписку, чтобы жениться на его дочери. Вот тебе и расписка. Я никаких денег не пожалею, коли сделаешь. Можешь ты это сделать?

Захар Захарыч. Могу-с.

Тит Титыч. Ну, так садись и пиши при мне. Вон тебе чернила и бумага на столе.

Захар Захарыч садится за стол.

Да дай ему графин водки!.. Нет, не надо.

Захар Захарыч. Для воображения, Тит Титыч!

Тит Титыч. Нет, после, а то я тебя знаю. *(Жене.)* Ну, теперь ты мне сына подай. *(Захару Захарычу.)* А ты строчи!

Настасья Панкратьевна. Да его нету дома, Кит Китыч.

Тит Титыч. Настасья! Кто я?

Настасья Панкратьевна. Кит Китыч Брусков.

Тит Титыч. Что я приказываю? Ты знаешь, у меня слово — закон!

Настасья Панкратьевна. Слушаю, Кит Китыч. *(Подходит к двери.)* Андрюша, Андрюша, поди, отец кличет.

Андрей Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна, Захар Захарыч и Андрей Титыч.

Тит Титыч. Ну, Андрей, что мне теперича с тобой делать?

Андрей Титыч. Что вам угодно-с, вся ваша воля.

Тит Титыч. Ты благодари Бога, что сердце у меня прошло. Попадись ты мне давеча, я бы тебя изуродовал. Ты для чего скрываешься?

Андрей Титыч. Тятенька, можно с вами говорить откровенно?

Тит Титыч. Ты, что хочешь, говори, только дело, а то смотри!

Андрей Титыч. Я вам, тятенька, во всю жизнь свою ни в одном слове не перечил.

Тит Титыч. Ещё бы ты смел!

Андрей Титыч. Конечно, я должен повиноваться своим родителям. А коли которую вы мне теперь невесту сватаете, да ежели она мне не нравится, что же должен я делать?.. На всю жизнь страждить? Ежели мне нравится другая?

Тит Титыч. Знаю, знаю.

Андрей Титыч. Почём же вы их знаете-с?

Тит Титыч. Сейчас сам был у них.

Андрей Титыч. А сами видели, так лучше всего-с. Истинно достойная девушка, можно чести приписать. Не то что…

Тит Титыч. Вот я тебе такое достоинство задам! Ты уж лучше меня не серди. Молчи, я тебе говорю. Вон, видишь, строчило пишет. Это вот прошение на них. *(Захару Захарычу.)* Пиши хорошенько! *(Сыну.)* Они с тебя, дурака, расписку взяли, а с меня за неё тысячу целковых вытребовали.

Андрей Титыч. Кто же это-с?

Тит Титыч. Всё они же. И красавица твоя тут же. Так вас, дураков, и обманывают. А ты рот-то разинул, ты думаешь, тебя так,

даром станут любить, на красоту свою надеешься. Как же не так. Ещё хорошо, что на тысяче помирились, а то заломили было три.

Андрей Титыч. Кому ж теперь на свете верить после этого! Истинная правда, тятенька, что нас кругом обманывают.

Тит Титыч. Вот для этого-то для самого я и хочу тебя женить, чтоб ты не баловался. Ну, теперь, что ты ещё будешь разговаривать, я послушаю.

Андрей Титыч. Ничего не могу говорить против вас, потому сам кругом виноват-с.

Тит Титыч. Так-то вот лучше. Собирайся к невесте.

Иван Ксенофонтыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна, Захар Захарыч, Андрей Титыч и Иван Ксенофонтыч.

Иван Ксенофонтыч. Милостивый государь, извините, я ничего не знал...

Тит Титыч. А, теперь извините, за разум взялся! Нет, уж поздно. Видишь, вон пишет! Это прошение на вас с дочерью.

Иван Ксенофонтыч. Милостивый государь, ни я, ни дочь тут ни в чём не виноваты. Это, без нашего ведома, сделала глупая женщина... Мы живём смирно, мы никого не трогаем, мы занимаемся своим делом.

Тит Титыч. Знать ничего не хочу!

Андрей Титыч. Тятенька, что ж вы мне говорили? Вот она правда-то, наружу выходит.

Тит Титыч *(топнув)*. Молчи, не дыши!

Иван Ксенофонтыч. Вот ваши деньги, возьмите их.

Тит Титыч. Деньги! Ты деньги принёс? Что за диковина такая! Деньги назад принёс! Тут нет ли подвоху какого? Сахарыч, как ты думаешь, взять деньги али нет? Обману нет ли?

Захар Захарыч. Деньги возьмите, ничего.

Тит Титыч. Ну, давай деньги.

Иван Ксенофонтыч отдаёт.

Все ли? На, Андрей, сочти.

Иван Ксенофонтыч. Все, все. Не мучьте вы меня, не считайте.

Тит Титыч. Так тебе и поверить! Как же!

Андрей Титыч. Все-с.

Тит Титыч *(берёт деньги)*. Ну, теперь ступай! А за обиду я с тобой разочтусь. Видишь, пишет.

Иван Ксенофонтыч. Отдайте мне расписку.

Тит Титыч. Какую это расписку? Что Андрей-то дал?

Иван Ксенофонтыч. Эту самую.

Тит Титыч. Что ты, очумел, что ли? Слышишь, Сахар Сахарыч, расписку просит.

Захар Захарыч. Как можно-с! Он её представит, тогда хлопот-то не оберёшься.

Тит Титыч. Ишь ты, что выдумал! Какую штуку гнёт! Нет, брат, нас не надуешь! Мы тоже волки-то травленые! *(Смотрит на него.)* Ха-ха-ха-ха-ха!

Захар Захарыч *(тоже глядя на Ивана Ксенофонтыча)*. Ха-ха-ха-ха-ха!

Тит Титыч. Он, должно быть, для того и деньги-то принёс, чтобы расписку выручить, а потом за неё вдвое заломить. Ему мало показалось. Надувательная система.

Иван Ксенофонтыч *(потерявшись)*. Нет, я потому деньги принёс, что нам чужих не надобно... мы живём бедно... мы живём своими трудами... мы смирно живём. Я вам ещё денег принесу, сколько у меня есть... я достану, заработаю.

Тит Титыч. Ишь ты, как распевает. Ха-ха-ха!

Захар Захарыч. Ха-ха-ха!

Иван Ксенофонтыч *(бросается к Титу Титычу)*. Подай расписку, подай! Я у вас отниму её, я вырву... моё дело правое... мы не виноваты...

Тит Титыч *(отстраняя его рукой)*. Тише, тише! Сахарыч! Ловкий народ, а? Ха-ха-ха!..

Захар Захарыч. Ха-ха-ха!

Иван Ксенофонтыч *(падая на колена)*. Отдайте, Христа ради, отдайте! Я её изорву, при вас же изорву.

Андрей Титыч. Маменька, попросите. У меня сердце всё изорвалось, да говорить-то я не смею.

Настасья Панкратьевна. Отдайте, Кит Китыч, ведь он старичок, жалко старичка-то.

Тит Титыч. Ты молчи! Не твоё дело... Аль отдать? Сахарыч, отдать?

Иван Ксенофонтыч. Отдайте, отдайте! Я не выду без этого! Как мне показать глаза дочери! Это сделала глупая хозяйка. Разве моя Лиза может? Она плачет теперь... Да что я говорю! Где я говорю об ней! Я с ума сойду!..

Захар Захарыч. Ни, ни, ни!..

Тит Титыч. А я говорю, что отдать. Ты молчи, не смей разговаривать! А то ещё дело заводить, путаться. Как же, нужно очень!

Захар Захарыч. Что вам дела бояться! Ваше дело правое. Я за него возьмусь.

Тит Титыч. Да, тебе ещё деньги платить! Нет! Не надо! Подай расписку.

Захар Захарыч подаёт.

Ступай домой, прощай! Когда надо будет, пришлю. Улепётывай!

Захар Захарыч берёт картуз и становится у дверей.

(Учителю.) Так ты говоришь, что вы не знали этого дела?

Иван Ксенофонтыч. Не знали, не знали.

Тит Титыч. Значит, это хозяйка обработала. Ну, бой-баба! На́ твою расписку. Я не в тебя. *(Подаёт расписку.)*

Иван Ксенофонтыч *(разрывает её и с хохотом топчет ногами)*. Будьте вы прокляты! Как это вас земля-то терпит! Как эти стены не обвалятся на вас! Дочь моя! Сокровище моё! *(Убегает.)*

Тит Титыч. Что он говорит? Как он смеет? Держи его! Вот видишь ты, с какой сволочью связываешься. Подите все вон! А ты, Андрей, собирайся к невесте ехать.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Тит Титыч *(один; сидит довольно долго молча, потом ударяет кулаком по столу)*. Деньги и всё это тлен, металл звенящий! Помрём — всё останется. Так тому и быть. Моё слово — закон. Жена, Андрей, подите сюда!

Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч входят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч.

Тит Титыч. Андрей, я тебя отделяю; полтораста тысяч тебе серебром и живи, как знаешь.

Андрей Титыч. Тятенька...

Тит Титыч. Молчи! Не смей со мной разговаривать!

Настасья Панкратьевна. Как это можно, Кит Китыч! Он у нас ещё ребёнок совсем.

Тит Титыч. Не твоё дело. Я мальчишкой из деревни привезён, на все четыре стороны без копейки пущен; а вот нажил себе капитал и других устроил. Хороший человек нигде не пропадёт, а дурного и не жаль. Слушай ты, Андрей, вели заложить пару вороных в коляску, оденься хорошенько, возьми мать с собой да поезжай к учителю, проси, чтоб дочь отдал за тебя. Он человек хороший.

Андрей Титыч. Помилуйте, тятенька, он и прежде-то бы не отдал, а теперь мне и глаза показать нельзя.

Тит Титыч. Я тебе приказываю, слышишь! Проси, кланяйся в ноги. Он и постарше тебя, да кланялся. Как он смеет не отдать, когда я этого желаю! Я на приданое ей денег дам. Ступай! Небось не откажется.

Андрей Титыч. Да они никаких денег не возьмут.

Тит Титыч. Молчи!

Настасья Панкратьевна. А как же, Кит Китыч, та-то невеста?

Тит Титыч. Вы со мной не смейте разговаривать! *(Идёт к двери.)* Если он не отдаст за тебя,— ты лучше мне и на глаза не показывайся. *(Уходит.)*

Андрей Титыч. Что только за жизнь моя! *(Махнув рукой.)* Ах, маменька, поедемте! Уж знаю, что толку ничего не будет, одна мука.

Уходят.

ДОХОДНОЕ МЕСТО

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА

АРИСТАРХ ВЛАДИМИРЫЧ ВЫШНЕВСКИЙ, *одряхлевший старик, с признаками подагры.*
АННА ПАВЛОВНА, *жена его, молодая женщина.*
ВАСИЛИЙ НИКОЛАИЧ ЖАДОВ, *молодой человек, племянник его.*
АКИМ АКИМЫЧ ЮСОВ, *старый чиновник, служащий под начальством Вышневского.*
ОНИСИМ ПАНФИЛЫЧ БЕЛОГУБОВ, *молодой чиновник, подчинённый Юсову.*
АНТОН, *человек в доме Вышневского.*
МАЛЬЧИК.

Большая зала в доме Вышневского, богато меблированная. Налево дверь в кабинет Вышневского, направо — в комнаты Анны Павловны; по обе стороны на стенах по зеркалу и под ними столики; прямо входная дверь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Вышневский в байковом сюртуке и без парика и Вышневская в утреннем наряде. Выходят из половины Вышневской.

Вышневский. Какая неблагодарность! Какая злоба! *(Садится.)* Пять лет вы за мной замужем, и в пять лет я не могу ничем заслужить вашего расположения. Странно! Может быть, вы недовольны чем-нибудь?

Вышневская. Нисколько.

Вышневский. Я думаю. Не для вас ли я купил и отделал великолепно этот дом? Не для вас ли я выстроил в прошлом году дачу? Чего у вас мало? Я думаю, ни у одной купчихи нет столько бриллиантов, сколько у вас.

Вышневская. Благодарю вас. Впрочем, я ничего от вас не требовала.

Вышневский. Вы не требовали; но я должен был чем-нибудь вознаградить вас за разность в летах. Я думал найти в вас женщину, способную оценить жертвы, которые я вам принёс. Я ведь не волшебник, я не могу строить мраморных палат одним жестом. На шёлк, на золото, на соболь, на бархат, в который вы окутаны с головы до ног, нужны деньги. Их нужно доставать. А они не всегда легко достаются.

Вышневская. Мне ничего не нужно. Я уж говорила вам не один раз об этом.

Вышневский. Но мне нужно же наконец покорить ваше сердце. Ваша холодность меня сводит с ума. Я страстный человек: из любви

к женщине я способен на всё! Я купил вам в нынешнем году подмосковную. Знаете ли, что деньги, на которые я её купил... Как бы это вам сказать?.. Ну, одним словом, я рискнул более, нежели позволяло благоразумие. Я могу подлежать ответственности.

Вышневская. Ради бога, не делайте меня участницею ваших поступков, если они не совсем честны. Не оправдывайте их любовью ко мне. Я вас прошу. Для меня это невыносимо. Впрочем, я не верю вам. Пока вы меня не знали, вы жили и поступали точно так же. Я даже перед своей совестью не хочу отвечать за ваше поведение.

Вышневский. Поведение! Поведение! Из любви к вам я готов даже на преступление. Чтобы только купить вашу любовь, я готов заплатить своим бесчестием. *(Встаёт и подходит к Вышневской.)*

Вышневская. Аристарх Владимирыч, я притворяться не могу.

Вышневский *(берёт её за руку)*. Притворитесь! Притворитесь!

Вышневская *(отвернувшись)*. Никогда.

Вышневский. Но ведь я вас люблю!.. *(Дрожа, опускается на колени.)* Я вас люблю!

Вышневская. Аристарх Владимирыч, не унижайтесь! Вам одеваться пора. *(Звонит.)*

Вышневский поднимается. Входит Антон из кабинета.

Одеваться Аристарху Владимирычу.

Антон. Пожалуйте, готово-с. *(Уходит в кабинет.)*

Вышневский идёт за ним.

Вышневский *(в дверях)*. Змея! Змея! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Вышневская *(одна, сидит несколько времени задумавшись).*

Входит мальчик, подаёт письмо и уходит.

От кого это? *(Распечатывает и читает.)* Вот ещё мило! Любовное послание. И от кого же! Пожилой человек, жена красавица. Мерзко! Оскорбительно! Что делать женщине в таком случае? И какие пошлости написаны! Какие глупые нежности! Послать его назад? Нет, лучше показать его кой-кому из знакомых да посмеяться вместе, всё-таки развлечение... фу, как гадко! *(Уходит.)*

Антон выходит из кабинета и становится у двери; входит Юсов, потом Белогубов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Антон, Юсов и Белогубов.

Юсов *(с портфелем)*. Доложи-ка, Антоша.

Антон уходит. Юсов поправляется перед зеркалом.

Антон *(в дверях)*. Пожалуйте.

Юсов уходит.

Белогубов *(входит, вынимает из кармана гребёнку и причёсывается)*. Что, Аким Акимыч здесь-с?

Антон. Сейчас прошли в кабинет.

Белогубов. А сами-то как сегодня? Ласковы-с?

Антон. Не знаю. *(Уходит.)*

Белогубов стоит у стола подле зеркала.

Юсов *(выходя, заметно важничает)*. А, ты здесь.

Белогубов. Здесь-с.

Юсов *(просматривая бумагу)*. Белогубов!

Белогубов. Чего изволите-с?

Юсов. Вот, братец ты мой, возьми домой, перепиши это почище. Приказали.

Белогубов. Мне приказали переписать-с?

Юсов *(садясь)*. Тебе. У него, сказали, почерк хорош.

Белогубов. Мне очень приятно слышать-с.

Юсов. Так ты слушай, братец: ты не торопись. Главное, чтобы было почище. Видишь, куда посылать…

Белогубов. Я ведь, Аким Акимыч, понимаю-с. Каллиграфически напишу-с, всю ночь просижу.

Юсов *(вздыхает)*. Охо-хо-хо! Охо-хо-хо!

Белогубов. Мне, Аким Акимыч, только бы обратили внимание.

Юсов *(строго)*. Что ты, шутишь этим, что ли?

Белогубов. Как можно-с!..

Юсов. Обратили внимание… Легко сказать! Чего ещё нужно чиновнику? Чего он ещё желать может?

Белогубов. Да-с.

Юсов. Обратили на тебя внимание, ну, ты и человек, дышишь; а не обратили — что ты?

Белогубов. Ну, что уж-с.

Ю с о в. Червь!

Б е л о г у б о в. Я, кажется, Аким Акимыч, стараюсь-с.

Ю с о в. Ты? *(Смотрит на него.)* Ты у меня на хорошем замечании.

Б е л о г у б о в. Я, Аким Акимыч, даже в пище себе отказываю, чтоб быть чисто одетым. Чисто одетый чиновник ведь всегда на виду у начальства-с. Вот извольте посмотреть, как талия... *(Поворачивается.)*

Ю с о в. Постой. *(Оглядывает его и нюхает табак.)* Талия хороша... Да ещё, Белогубов, смотри, пограмотней.

Б е л о г у б о в. Вот правописание-то я, Аким Акимыч, плохо-с... Так что, поверите ли, самому обидно.

Ю с о в. Эка важность, правописание! Не всё вдруг, привыкнешь. Напиши сначала черновую, да и попроси поправить, а потом уж с этого и пиши. Слышишь, что я говорю?

Б е л о г у б о в. Уж попрошу кого-нибудь-с поправить, а то всё Жадов смеётся-с.

Ю с о в. Кто?

Б е л о г у б о в. Жадов-с.

Ю с о в *(строго)*. Да сам-то он что такое? Что за птица? Ещё смеётся!

Б е л о г у б о в. Как же-с, ведь надо показать, что учёный-с.

Ю с о в. Тьфу! Вот что он.

Б е л о г у б о в. Я даже никак не могу определить его, Аким Акимыч, что он за человек-с.

Ю с о в. Ничтожество!..

Молчание.

Сейчас я там был *(показывая на кабинет)*, так говорили *(тихо)*: не знаю, что с племянником делать! Пойми из этого.

Б е л о г у б о в. А ведь как о себе-то много мечтает-с.

Ю с о в. Высоко летает, да где-то сядет! Уж чего лучше: жил здесь на всём на готовом. Что ж ты думаешь, благодарность он чувствовал какую-нибудь? Уважение от него видели? Как же не так! Грубость, вольнодумство... Ведь хоть и родственник ему, а всё-таки особа... кто же станет переносить? Ну, вот ему и сказали, другу милому: поди-ка поживи своим разумом, на десять целковых в месяц, авось поумнее будешь.

Б е л о г у б о в. Вот глупость-то до чего доводит-с, Аким Акимыч! Кажется, то есть... Господи... этакое счастие! Поминутно должен

Бога благодарить. Ведь так я говорю, Аким Акимыч, должен он Бога благодарить-с?

Ю с о в. Ещё бы!

Б е л о г у б о в. Сам от своего счастия бегает. Чего ему ещё нужно-с! Чин имеет, в родстве с таким человеком, содержание имел готовое; кабы захотел, мог бы место иметь хорошее, с большим доходом-с. Ведь Аристарх Владимирыч ему не отказали бы!

Ю с о в. Ну вот поди же!

Б е л о г у б о в. Моё мнение такое, Аким Акимыч, что другой человек, с чувством, на его месте стал бы сапоги чистить Аристарху Владимирычу, а он ещё огорчает такого человека.

Ю с о в. Всё гордость да рассуждение.

Б е л о г у б о в. Какое же рассуждение! Об чём мы можем рассуждать? Я, Аким Акимыч, никогда...

Ю с о в. Ещё бы ты-то!

Б е л о г у б о в. Я никогда-с... потому это ни к чему не ведёт к хорошему, окромя неприятности.

Ю с о в. Как же ему не разговаривать! Надобно же ему показать-то, что в университете был.

Б е л о г у б о в. Какая же польза от ученья, когда в человеке нет страху... никакого трепету перед начальством?

Ю с о в. Чего?

Б е л о г у б о в. Трепету-с.

Ю с о в. Ну да.

Б е л о г у б о в. Меня бы, Аким Акимыч, столоначальником-с.

Ю с о в. У тебя губа-то не дура.

Б е л о г у б о в. Я ведь больше потому-с, что у меня теперь невеста есть-с. Барышня и отлично образованная-с. Только без места нельзя-с, кто ж отдаст.

Ю с о в. Что ж не покажешь?

Б е л о г у б о в. Первым долгом-с... хоть нынче же... как вместо родственника-с.

Ю с о в. А об месте я доложу. Мы подумаем.

Б е л о г у б о в. Мне бы уж это место на всю жизнь-с. Я хоть подписку дам, потому выше я не могу-с. Мне не по способностям.

Входит Ж а д о в.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Жадов.

Жадов. Что, дядюшка занят?

Юсов. Занят.

Жадов. Ах, жалко! А мне очень нужно его видеть.

Юсов. Можно и подождать, у них дела-то поважней ваших.

Жадов. Почём вы знаете мои дела?

Юсов *(смотрит на него и смеётся).* Какие у вас дела! Так, вздор какой-нибудь.

Жадов. С вами лучше не говорить, Аким Акимыч; вы всегда на грубость напрашиваетесь. *(Отходит и садится на авансцене.)*

Юсов *(Белогубову).* Каков?

Белогубов *(громко).* Не стоит внимания разговаривать-то! Только вам, на старости лет, себя беспокоить. Прощайте-с. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Жадов и Юсов.

Юсов *(про себя).* Ха-ха-ха! Жили, жили, да, слава богу, дожили. Мальчишки стали нос поднимать.

Жадов *(оглядывается).* Что вы там ворчите?

Юсов *(продолжает).* Делать, что приказано, мы не любим, а рассуждать — вот наше дело. Как можно нам в канцелярии сидеть! Нас бы всех министрами сделать! Ну, что ж делать, ошиблись, извините, пожалуйста, не знали ваших талантов. Сделаем министрами, непременно сделаем... погодите немножко... завтра же.

Жадов *(про себя).* Надоел!

Юсов. Боже мой! Боже мой! Ни стыда, ни совести. У другого ещё и губы не обсохли, а уж амбицию показывает. Кто я! Не тронь меня!

Входит Антон.

Антон *(Юсову).* Пожалуйте к барину.

Юсов уходит в кабинет.

Жадов. Скажи Анне Павловне, что я хочу их видеть.

Антон. Слушаю-с. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ж а д о в *(один)*. Что этот старый хрыч разворчался! Что я ему сделал! Университетских, говорит, терпеть не могу. Да разве я виноват? Вот и служи под этаким начальством. А впрочем, что же он мне сделает, коли я буду себя вести хорошо? А вот как вакансия откроется, так, пожалуй, местом и обойдут. От них станется.

В ы ш н е в с к а я входит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Ж а д о в и В ы ш н е в с к а я.

В ы ш н е в с к а я. Здравствуйте, Василий Николаич!

Ж а д о в. Ах, тётенька, здравствуйте! *(Целует у ней руку.)* Я вам новость скажу.

В ы ш н е в с к а я. Садитесь.

Садятся.

Что за новость?

Ж а д о в. Я жениться хочу.

В ы ш н е в с к а я. Не рано ли?

Ж а д о в. Влюблён, тётушка, влюблён. И какая девушка-то! Совершенство!

В ы ш н е в с к а я. А богата она?

Ж а д о в. Нет, тётушка, у ней ничего нет.

В ы ш н е в с к а я. Чем же вы жить-то будете?

Ж а д о в. А голова-то, а руки-то на что? Неужели мне весь век жить на чужой счёт? Конечно, другой был бы рад, благо случай есть, а я не могу. Уж не говоря про то, что для этого я должен, из угождения дяде, противоречить собственным убеждениям. А кто ж будет работать-то? Зачем же нас учили-то! Дядя советует прежде нажить денег, каким бы то ни было образом, купить дом, завесть лошадей, а потом уж завести и жену. Могу ли я согласиться с ним? Я полюбил девушку, как любят только в мои лета. Неужели я должен отказаться от счастия оттого только, что она не имеет состояния?

В ы ш н е в с к а я. Страдают не от одной бедности, страдают и от богатства.

Ж а д о в. Помните наши разговоры с дядей? Что ни скажешь, бывало, против взяток или вообще против всякой неправды, у него один

ответ: поди-ка поживи, не то заговоришь. Ну, вот я и хочу пожить, да ещё не один, а с молодой женой.

Вышневская *(вздыхая)*. Да, позавидуешь женщинам, которых любят такие люди, как вы.

Жадов *(целуя руку)*. Уж как я буду трудиться, тётушка! Большего, вероятно, жена от меня не потребует. А если и случится даже некоторое время перенести нужду, так, вероятно, Полина, из любви ко мне, не покажет и виду неудовольствия. Но во всяком случае, как бы жизнь ни была горька, я не уступлю даже миллионной доли тех убеждений, которыми я обязан воспитанию.

Вышневская. За вас-то можно поручиться; но ваша жена... молодая женщина! Ей трудно будет перенести какой бы то ни было недостаток. У нас очень дурно воспитывают девушек. Вы, молодые люди, представляете нас ангелами, а поверьте, Василий Николаич, что мы хуже мужчин. Мы корыстнее, пристрастнее. Что делать! Нужно признаться: в нас чувства чести и строгой справедливости гораздо меньше. Что ещё в нас нехорошо, так это — недостаток деликатности. Женщина способна упрекнуть, что редкий развитой мужчина позволит себе. Самые обидные колкости нередки между короткими приятельницами. Иногда глупый попрёк женщины тяжелее всякой обиды.

Жадов. Это правда. Но я сам буду её воспитывать. Она ещё совсем ребёнок, из неё ещё можно сделать всё. Только надобно её поскорей вырвать из семейства, пока не успели её испортить пошлым воспитанием. А как сделают её барышней, в полном смысле этого слова, тогда уж поздно.

Вышневская. Не смею сомневаться и не хочу вас разочаровывать. Было бы неблагородно с моей стороны охлаждать вас на первых порах. Давайте больше воли вашему сердцу, пока оно ещё не зачерствело. Не бойтесь бедности. Бог вас благословит. Поверьте, что никто так не пожелает вам счастья, как я.

Жадов. Я всегда был в этом уверен, тётушка.

Вышневская. Одно меня беспокоит: ваша нетерпимость. Вы постоянно наживаете себе врагов.

Жадов. Да, мне все говорят, что я нетерпим, что от этого я много теряю. Да разве нетерпимость недостаток? Разве лучше равнодушно смотреть на Юсовых, Белогубовых и на все мерзости, которые постоянно кругом тебя делаются? От равнодушия недалеко до порока. Кому порок не гадок, тот сам понемногу втянется.

Вышневская. Я не называю нетерпимость недостатком, только знаю по опыту, как она неудобна в жизни. Я видала примеры... когда-нибудь вы узнаете.

Жадов. Как вы думаете, откажет мне дядюшка или нет? Я хочу попросить прибавки жалованья. Мне бы теперь очень кстати.

Вышневская. Не знаю. Попросите.

Входят Вышневский во фраке и парике, за ним Юсов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же, Вышневский и Юсов.

Вышневский *(Жадову)*. А, здравствуй! *(Садится.)* Садись! Садись, Аким Акимыч! Ты всё ленишься, на службу редко ходишь.

Жадов. Делать нечего. Не дают дела.

Юсов. Мало ли дела у нас!

Жадов. Переписывать-то? Нет уж, я слуга покорный! На это у вас есть чиновники способнее меня.

Вышневский. Ты всё ещё не уходился, мой милый! Всё проповеди читаешь. *(К жене.)* Представьте: читает в канцелярии писарям мораль, а те, натурально, ничего не понимают, сидят, разиня рот, выпуча глаза. Смешно, любезный!

Жадов. Как я буду молчать, когда на каждом шагу вижу мерзости? Я ещё не потерял веру в человека, я думаю, что мои слова произведут на них действие.

Вышневский. Они уж и произвели: ты стал посмешищем всей канцелярии. Ты уж достиг своей цели, успел сделать так, что все с улыбкой переглядываются и перешёптываются, когда ты входишь, и распространяется общий хохот, когда ты уйдёшь.

Юсов. Да-с.

Жадов. Однако что же смешного в моих словах?

Вышневский. Всё, мой друг. Начиная от излишнего, нарушающего приличия увлечения, до ребяческих, непрактических выводов. Поверь, что каждый писец лучше тебя знает жизнь; знает по собственному опыту, что лучше быть сытым, чем голодным философом, и твои слова, естественно, кажутся им глупыми.

Жадов. А мне кажется, что они знают только то, что взяточником быть выгоднее, нежели честным человеком.

Юсов. Гм, гм...

Вышневский. Глупо, мой милый! И дерзко, и глупо.

Жадов. Позвольте, дядюшка! Для чего же нас учили, для чего же в нас развивали такие понятия, которых нельзя выговорить вслух без того, чтобы вы не обвинили в глупости или дерзости?

Вышневский. Не знаю, кто вас там и чему учил. Мне кажется, что лучше учить делать дело и уважать старших, чем болтать вздор.

Юсов. Да-с, гораздо бы лучше.

Жадов. Извольте, я буду молчать; но расстаться с моими убеждениями я не могу: они для меня единственное утешение в жизни.

Вышневский. Да, на чердаке, за куском чёрного хлеба. Славное утешение! С голоду восхвалять свою добродетель и ругать товарищей и начальников за то, что они умели устроить свою жизнь и живут в довольстве, семейно и счастливо. Прекрасно! Тут и зависть пособит.

Жадов. Боже мой!

Вышневская. Это жестоко.

Вышневский. Пожалуйста, не думай, чтобы ты говорил что-нибудь новое. Всегда это было и всегда будет. Человек, который не умел или не успел нажить себе состояние, всегда будет завидовать человеку с состоянием — это в натуре человека. Оправдать зависть тоже легко. Завидующие люди обыкновенно говорят: я не хочу богатства; я беден, но благороден.

Юсов. Медоточивые уста!

Вышневский. Благородная бедность хороша только на театре. А попробуй перенести её в жизни. Это, мой друг, не так легко и приятно, как нам кажется. Ты же привык слушаться только самого себя, пожалуй, ещё женишься. Что тогда будет? Вот любопытно!

Жадов. Да, дядюшка, я женюсь и хотел об этом говорить с вами.

Вышневский. И, вероятно, по любви, на бедной девушке, а ещё, пожалуй, и на дуре, которая об жизни имеет столько же понятия, сколько и ты; но уж, наверно, она образованна и поёт под расстроенные фортепьяно: «С милым рай и в шалаше».

Жадов. Да, она бедная девушка.

Вышневский. И прекрасно.

Юсов. Для размножения нищих-с...

Жадов. Аким Акимыч, не оскорбляйте меня. Я вам не давал на это никакого права. Дядюшка, брак — дело великое, и я думаю, что каждый в этом деле должен следовать собственному внушению.

В ы ш н е в с к и й. Сделай милость, тебе никто и не мешает. Только подумал ли ты вот об чём? Ты, конечно, любишь свою невесту?

Ж а д о в. Разумеется, люблю.

В ы ш н е в с к и й. Что же ты готовишь для неё, какие радости в жизни? Нищету, всевозможные лишения. По моему мнению, кто любит женщину, тот старается усыпать путь её, так сказать, всеми наслаждениями.

Ю с о в. Да-с.

В ы ш н е в с к и й. Вместо шляпок там и разных мод, которые женщины считают необходимыми, ты будешь ей читать лекции о добродетели. Она, конечно, из любви тебя выслушает, а шляпок и салопов у неё всё-таки не будет.

В ы ш н е в с к а я. В его лета ещё любовь не покупают.

Ж а д о в. Тётушка говорит правду.

В ы ш н е в с к и й. Я согласен, покупать любовь тебе нет надобности; но вознаградить её, отплатить за любовь обязан всякий, иначе самая бескорыстная любовь остынет. Пойдут попрёки, сетования на судьбу. Не знаю, каково будет тебе переносить, когда жена поминутно будет раскаиваться вслух, что, по неопытности, связала свою судьбу с нищим. Одним словом, ты *обязан* составить счастие женщины, которую ты любишь. А без богатства или, по крайней мере, довольства нет счастия для женщины. Ты, может быть, по своему обыкновению, станешь мне противоречить; так я тебе докажу, что это правда. Оглянись вокруг себя: какая умная девушка задумается выйти замуж за богатого старика или урода? Какая мать усомнится выдать дочь таким образом, даже против её воли, считая слёзы своей дочери за глупость, за ребячество и благодаря Бога, что он послал её Машеньке или Аннушке такое счастье. Каждая мать наперёд уверена, что дочь после будет благодарить её. Да и для собственного спокойствия, которое тоже что-нибудь стоит, муж должен обеспечить жену совершенно в материальном отношении; тогда даже... даже если жена и не совсем счастлива, так не имеет права... не смеет жаловаться. *(С жаром.)* Женщине, взятой из бедности и окружённой попечениями и роскошью, кто же поверит, что она несчастлива? Спроси у жены, правду ли я говорю.

В ы ш н е в с к а я. Ваши слова так умны и убедительны, что могут обойтись и без моего согласия. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, без Вышневской.

Жадов. Не все же женщины таковы, как вы говорите.

Вышневский. Почти все. Есть, конечно, исключения; но мудрено, чтоб на твою долю выпало это исключение. Для этого надобно пожить, поискать, а не влюбляться, как ты, в первую встречную. Послушай, я с тобой буду говорить как родственник, потому что мне жаль тебя. Что ты, в самом деле, о себе думаешь? Как ты будешь жить с женой без средств?

Жадов. Я буду жить трудом. Я надеюсь, что спокойствие совести может заменить для меня земные блага.

Вышневский. Труда твоего мало будет для поддержки семейства. Места хорошего ты не получишь, потому что ты с своим глупым характером не сумеешь ни одного начальника расположить в свою пользу, а скорее вооружишь. Спокойствие совести тоже не спасёт тебя от голоду. Вот видишь, мой друг, в обществе заметно распространяется роскошь, а ваши спартанские добродетели не живут вместе с роскошью. Мне твоя мать поручила заботиться о тебе, и я обязан для тебя сделать всё, что могу. Вот что я тебе советую в последний раз: укроти немного свой характер, брось завиральные идеи, брось, глупо ведь, служи, как служат все порядочные люди, то есть гляди на жизнь и на службу практически. Тогда я могу тебе помочь и советом, и деньгами, и протекцией. Ты уж не маленький — жениться сбираешься.

Жадов. Никогда!

Вышневский. Как это громко: «никогда!» — и как это глупо вместе с тем! Я так думаю, что ты возьмёшься за ум; я довольно видел таких примеров, только смотри не опоздай. Теперь у тебя есть случай и покровительство, а тогда может не быть: ты испортишь карьеру, товарищи твои уйдут вперёд, трудно будет тебе начинать опять сначала. Я говорю тебе как чиновник.

Жадов. Никогда, никогда.

Вышневский. Ну, так живи, как знаешь, без поддержки. На меня уж не надейся. Мне надоело и говорить-то с тобой.

Жадов. Боже мой! Поддержка будет для меня в общественном мнении.

Вышневский. Да, дожидайся! У нас общественного мнения нет, мой друг, и быть не может, в том смысле, в каком ты понимаешь.

Вот тебе общественное мнение: не пойман — не вор. Какое дело обществу, на какие доходы ты живёшь, лишь бы ты жил прилично и вёл себя, как следует порядочному человеку. Ну а если ты будешь ходить без сапог и читать всем мораль, так уж извини, если тебя не примут в порядочных домах и будут говорить о тебе как о пустом человеке. Я служил в губернских городах: там короче знают друг друга, чем в столицах; знают, что каждый имеет, чем живёт, следовательно, легче может составиться общественное мнение. Нет, люди — везде люди. И там смеялись при мне над одним чиновником, который жил только на жалованье с большою семьёй, и говорили по городу, что он сам себе шьёт сюртуки; и там весь город уважал первейшего взяточника за то, что он жил открыто и у него по два раза в неделю бывали вечера.

Жадов. Неужели это правда?

Вышневский. Поживи, так узнаешь. Пойдём, Аким Акимыч. *(Встаёт.)*

Жадов. Дядюшка!

Вышневский. Что такое?

Жадов. Я получаю очень мало жалованья, мне нечем жить. Теперь есть вакансия,— позвольте мне занять её, я женюсь...

Вышневский. Гм... Для этого места мне нужно не женатого, а способного человека. Я не могу, по совести, дать тебе больше жалованья: во-первых, ты его не стоишь, а во-вторых, ты мой родственник, сочтут лицеприятием.

Жадов. Как вам угодно. Буду жить на те средства, какие имею.

Вышневский. Да вот ещё, мой милый! Скажу тебе один раз навсегда: мне твой разговор не нравится, выраженья твои резки и непочтительны, и я не вижу никакой надобности для тебя расстраиваться. Не думай, чтобы я считал твои мнения оскорбительными, — это слишком много чести для тебя, я просто считаю их глупыми. И потому все мои отношения к тебе, кроме начальнических, ты можешь считать совершенно конченными.

Жадов. Так я лучше перейду в другое место.

Вышневский. Сделай милость. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Жадов и Юсов.

Юсов *(смотря ему в глаза)*. Ха-ха-ха-ха!..

Жадов. Чему вы смеётесь?

Ю с о в. Ха-ха-ха!.. Да как же не смеяться-то? С кем вы спорите? Ха-ха-ха! Да на что же это похоже?

Ж а д о в. Что же тут смешного?

Ю с о в. Что ж, дядюшка-то глупее вас? А, глупее? Меньше вас понимает в жизни? Да ведь это курам на смех. Ведь этак вы когда-нибудь уморите со смеху. Помилуйте, пощадите, у меня семейство.

Ж а д о в. Вы этого, Аким Акимыч, не понимаете.

Ю с о в. Понимать-то тут нечего. Хоть тысячу человек приведите, все бы померли со смеху, глядя на вас. Этого человека вам бы слушать надобно было, разиня рот, чтобы словечка не проронить, да слова-то его на носу зарубить, а вы спорите! Ведь это комедия, ей-богу, комедия. Ха-ха-ха! Вот вас дядюшка-то и отделали, хе-хе-хе, да ещё мало. То ли бы следовало. Будь я на его месте... *(Делает строгую гримасу и уходит в кабинет.)*

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Ж а д о в *(один, подумав)*. Да, разговаривайте! Не верю я вам. Не верю и тому, чтобы честным трудом не мог образованный человек обеспечить себя с семейством. Не хочу верить и тому, что общество так развратно! Это обыкновенная манера стариков разочаровывать молодых людей: представлять им всё в чёрном свете. Людям старого века завидно, что мы так весело и с такой надеждой смотрим на жизнь. А, дядюшка! Я вас понимаю. Вы теперь всего достигли — и знатности, и денег, вам некому завидовать. Вы завидуете только нам, людям с чистой совестью, с душевным спокойствием. Этого вы не купите ни за какие деньги. Рассказывайте, что хотите, а я всё-таки женюсь и буду жить счастливо. *(Уходит.)*

В ы ш н е в с к и й и Ю с о в выходят из кабинета.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Ю с о в и В ы ш н е в с к и й.

В ы ш н е в с к и й. На ком он женится?

Ю с о в. На Кукушкиной. Дочь вдовы коллежского асессора.

В ы ш н е в с к и й. Ты знаком с ней?

Ю с о в. Так-с, с мужем был знаком. Белогубов на другой сестре жениться хочет.

В ы ш н е в с к и й. Ну, Белогубов другое дело. Во всяком случае, ты к ней съезди. Растолкуй ей, чтобы она не губила своей дочери, не отдавала за этого дурака. *(Кивает головой и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Ю с о в *(один)*. Что это за время такое! Что теперь на свете делается, глазам своим не поверишь! Как жить на свете! Мальчишки стали разговаривать! Кто разговаривает-то? Кто спорит-то? Так, ничтожество! Дунул на него, фу! *(дует)* — вот и нет человека. Да ещё с кем спорит-то! С гением. Аристарх Владимирыч — гений... гений, Наполеон. Ума необъятного, быстрота, смелость в делах. Одного недостаёт: в законе не совсем твёрд, из другого ведомства. Кабы Аристарх Владимирыч, при его уме, да знал законы и все порядки так, как его предшественник, ну и конец... конец... и разговаривать нечего. Поезжай за ним, как по железной дороге. Так ухватись за него, да и ступай. И чины, и ордена, и всякие угодья, и дома, и деревни с пустошами... Дух захватывает! *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

ФЕЛИСАТА ГЕРАСИМОВНА КУКУШКИНА, *вдова коллежского асессора.*
ЮЛИНЬКА } *её дочери.*
ПОЛИНА }
АКИМ АКИМЫЧ ЮСОВ.
ВАСИЛИЙ НИКОЛАИЧ ЖАДОВ.
ОНИСИМ ПАНФИЛЫЧ БЕЛОГУБОВ.
СТЕША, *горничная девушка.*

Комната в доме Кукушкиной: обыкновенная гостиная в небогатых домах. Посредине дверь и налево дверь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ю л и н ь к а, П о л и н а (стоят перед зеркалом) и С т е ш а (со щёткой и крылом в руках).

С т е ш а. Ну вот, мои барышни и готовы. Хоть сейчас женихи наезжайте, как на выставку выставлены, первый сорт. Такой форс покажем — в нос бросится. Генералу какому не стыдно показать!

П о л и н а. Ну, Юлинька, по местам; сядем, как умные барышни сидят. Сейчас маменька будет нам смотр делать. Товар лицом продаёт.

С т е ш а *(стирая пыль)*. Да уж как ни смотри, всё в порядке, всё на своем месте, всё подшпилено да подколоно.

Ю л и н ь к а. Она у нас такой ревизор; что-нибудь отыщет.

Садятся.

С т е ш а *(останавливается посреди комнаты).* Уж и в самом деле, барышни, вам от неё житья нет вовсе. Муштрует, муштрует, как солдат на ученье. Всё на вытяжке да на вытяжке,— только что ноги поднимать не заставляет. А уж надо мной-то измывается, измывается — одной только чистотой одолела. *(Стирает пыль.)*

Ю л и н ь к а. Нравится тебе твой жених, Василий Николаич?

П о л и н а. Ах, просто душка! А тебе твой Белогубов?

Ю л и н ь к а. Нет, дрянь ужасная!

П о л и н а. Зачем же ты маменьке не скажешь?

Ю л и н ь к а. Вот ещё! Сохрани господи! Я рада-радёхонька хоть за него выйти, только бы из дому-то вырваться.

П о л и н а. Да, правда твоя! Не попадись и мне Василий Николаич, кажется, рада бы первому встречному на шею броситься: хоть бы плохенький какой, только бы из беды выручил, из дому взял. *(Смеётся.)*

С т е ш а *(нагибаясь под диван).* Уж истинно мука мученическая. Вот уж правду, барышня, говорите.

П о л и н а. Другие девушки плачут, Юлинька, как замуж идут: как же это с домом расстаться! Каждый уголок оплачут. А мы с тобой — хоть за тридевять земель сейчас, хоть бы какой змей-горыныч унёс. *(Смеётся.)*

С т е ш а. Вот, не сотри я здесь,— так будет на орехи. А кто тут увидит, кому нужно! *(Стирает под зеркалом.)*

Ю л и н ь к а. Ты счастлива, Полина; тебе всё смешно; а я так серьёзно начинаю подумывать. Выйти замуж нехитро — эта наука нам известна; надобно подумать и о том, как будешь жить замужем.

П о л и н а. А об чём тут думать? Уж верно не будет хуже, чем дома.

Ю л и н ь к а. Не хуже! Этого мало. Надобно, чтоб лучше было. Уж коли выйти замуж, так чтобы быть дамой, как следует барыней.

П о л и н а. Оно бы очень хорошо, чего лучше, да только как это сделать? Ты ведь у нас умница: научи!

Ю л и н ь к а. Надобно замечать из разговора, у кого что есть, кто на что надеется. Коли теперь нет, так в виду чего не имеет ли. Уж сейчас из слов видно, кто какой человек. Твой Жадов что говорит с тобой, как вы одни остаётесь?

Полина. Ну уж, Юлинька, вот хоть сейчас голову на отсечение, ничего не понимаю, что он говорит. Сожмёт руку так крепко и начнёт говорить, и начнёт... чему-то меня учить хочет.

Юлинька. Чему же?

Полина. Уж, право, Юлинька, не знаю. Что-то очень мудрено. Погоди, может быть, вспомню, только как бы не засмеяться, слова такие смешные! Постой, постой, вспомнила! *(Передразнивая.)* «Какое назначение женщины в обществе?» Про какие-то ещё гражданские добродетели говорил. Я уж и не знаю, что такое. Нас ведь этому не учили?

Юлинька. Нет, не учили.

Полина. Он, должно быть, в тех книгах читал, которые нам не давали. Помнишь... в пансионе? Да мы, правда, никаких не читали.

Юлинька. Есть об чём жалеть! И без них тоска смертная! Вот бы на гулянье или в театр — другое дело.

Полина. Да, сестрица, да.

Юлинька. Ну, Полина, признаться сказать, на твоего надежды мало. Нет, мой не таков.

Полина. Какой же твой?

Юлинька. Мой Белогубов хоть и противен немного, а надежды подаёт большие. «Вы, говорит, полюбите меня-с. Теперь ещё мне жениться не время-с, а вот как столоначальником сделают, тогда женюсь». Я у него спрашивала, что такое столоначальник. «Это, говорит, первый сорт-с». Должно быть, что-нибудь хорошее. «Я, говорит, хоть и необразованный человек, да у меня много дел с купцами-с: так я вам буду из городу шёлковые и разные материи возить, и насчёт провианту всё будет-с». Что ж? Это очень хорошо, Полина, пускай возит. Тут и думать нечего, за такого человека надо идти.

Полина. А у моего, должно быть, нет знакомых купцов, он мне об этом ничего не говорит. Ну, как он мне не станет привозить ничего?

Юлинька. Нет, должно быть, и у твоего есть. Ведь он служащий, а служащим всем дарят, кому что нужно. Кому материи разные, коли женатый; а коли холостой — сукна, трико; у кого лошади — тому овса или сена, а то так и деньгами. Прошлый раз Белогубов был в жилетке, помнишь, такая пёстрая, это ему купец подарил. Он мне сам сказывал.

Полина. Всё-таки надобно спросить, есть ли у Жадова знакомые купцы.

Входит Кукушкина.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Кукушкина.

К у к у ш к и н а. Как себя не похвалить! У меня чистота, у меня порядок, у меня всё в струне! *(Садится.)* А это что? *(Указывает горничной под диван.)*

С т е ш а. Да помилуйте, сил моих не хватает, всю поясницу разломило.

К у к у ш к и н а. Как ты смеешь, мерзкая, так разговаривать! Ты за то жалованье получаешь. У меня чистота, у меня порядок, у меня по ниточке ходи.

Горничная подметает и уходит.

Юлинька!

Юлинька встаёт.

Я с вами хочу говорить.

Ю л и н ь к а. Что вам угодно, маменька?

К у к у ш к и н а. Вы знаете, сударыня, что у меня ни за мной, ни передо мной ничего нет.

Ю л и н ь к а. Знаю, маменька.

К у к у ш к и н а. Пора знать, сударыня! Доходов у меня нет ниоткуда, одна пенсия. Своди концы с концами, как знаешь. Я себе во всём отказываю. Поворачиваюсь, как вор на ярмарке, а я ещё не старая женщина, могу партию найти. Понимаете вы это?

Ю л и н ь к а. Понимаю-с.

К у к у ш к и н а. Я вам делаю модные платья и разные безделушки, а для себя перекрашиваю да перекраиваю из старого. Не думаете ли вы, что я наряжаю вас для вашего удовольствия, для франтовства? Так ошибаетесь. Всё это делается для того, чтобы выдать вас замуж, с рук сбыть. По моему состоянию, я вас могла бы только в ситцевых да в затрапезных платьях водить. Если не хотите или не умеете себе найти жениха, так и будет. Я для вас обрывать да обрезывать себя понапрасну не намерена.

П о л и н а. Мы, маменька, давно это слышали. Вы скажите, в чём дело.

К у к у ш к и н а. Ты молчи! Не с тобой говорят. Тебе за глупость Бог счастье дал, так ты и молчи. Как бы не дурак этот Жадов, так бы тебе век горе мыкать, в девках сидеть за твоё легкомыслие. Кто из умных-то

тебя возьмёт? Кому надо? Хвастаться тебе нечем, тут твоего ума ни на волос не было: уж нельзя сказать, что ты его приворожила — сам набежал, сам в петлю лезет, никто его не тянул. А Юлинька девушка умная, должна своим умом себе счастье составить. Позвольте узнать, будет от вашего Белогубова толк или нет?

Юлинька. Я, маменька, не знаю.

Кукушкина. Кто же знает? Вам известно, сударыня, что я посторонних молодых людей в дом не принимаю. Я принимаю только женихов или тех, которые могут быть женихами. У меня, коли мало-мальски похож на жениха,— милости просим, дом открыт, а как завилял хвостом, так и поворот от ворот. Нам таких не надобно. Я свою репутацию берегу, да и вашу также.

Юлинька. Что же, маменька, мне делать?

Кукушкина. Делать то, что приказано. Вы помните одно, что вам в девках оставаться нельзя. Вы должны будете в кухне жить.

Юлинька. Я, маменька, делала всё, что вы приказали.

Кукушкина. Что же вы делали? Извольте говорить, я буду слушать вас.

Юлинька. Когда он пришёл к нам во второй раз, помните, ещё вы его насильно привели, я сделала ему глазки.

Кукушкина. Ну а он что?

Юлинька. А он как-то странно сжимал губы, облизывался. Мне кажется, он так глуп, что ничего не понял. Нынче всякий гимназист ловчее его.

Кукушкина. Уж я там ваших наук не знаю, а вижу, что он почтителен, и есть в нём этакое какое-то приятное искательство к начальству. Значит, он пойдёт далеко. Я это сразу поняла.

Юлинька. Когда он был у нас в третий раз, помните, в пятницу, я ему стихи читала любовные; он тоже, кажется, ничего не понял. А уж в четвёртый раз я ему записку написала.

Кукушкина. Что же он?

Юлинька. Он пришёл и говорит: «Моё сердце никогда от вас не отвращалось, а всегда было, есть и будет».

Полина хохочет.

Кукушкина *(грозя ей пальцем)*. Что же дальше?

Юлинька. Говорит: «Как только получу место столоначальника, так буду у вашей маменьки слёзно просить руки вашей».

Кукушкина. А скоро он получит?

Юлинька. Говорит, что скоро.

Кукушкина. Поди, Юлинька, поцелуй меня. *(Целует её.)* Выйти замуж, мой друг, для девушки великое дело. Вы это после поймёте. Я ведь мать, и мать строгая; с женихом что хочешь делай, я сквозь пальцы буду смотреть, я молчу, мой друг, молчу; а уж с посторонним, нет, шалишь, не позволю. Поди, Юлинька, сядь на своё место.

Юлинька садится.

А выйдете, дети, замуж, вот вам мой совет: мужьям потачки не давайте, так их поминутно и точите, чтоб деньги добывали; а то обленятся, потом сами плакать будете. Много бы надо было наставлений сделать; но вам теперь, девушкам, ещё всего сказать нельзя; коли случится что — приезжайте прямо ко мне, у меня всегда для вас приём, никогда запрету нет. Все средства я знаю и всякий совет могу дать, даже и по докторской части.

Полина. Маменька, кто-то приехал.

Юлинька *(взглянув в окно)*. Белогубов с каким-то стариком.

Кукушкина. Садитесь по местам. Юлинька, спусти немного мантилью с правого плеча.

Юсов и Белогубов входят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Юсов и Белогубов.

Белогубов. Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! *(К барышням.)* Здравствуйте-с. *(Показывая на Юсова.)* Вот-с они желали-с... Это-с мой начальник и благодетель, Аким Акимыч Юсов-с. Всё-таки лучше-с, Фелисата Герасимовна, когда начальство-с...

Кукушкина. Милости просим, милости просим. Садиться покорно просим.

Аким Акимыч и Белогубов садятся.

Вот рекомендую вам: две мои дочери, Юлинька и Полина. Совершенные дети, ни об чём понятия не имеют; им бы ещё в куклы играть, а не то что замуж выходить. И жаль расставаться, а нечего делать. Такой товар дома не удержишь.

Юсов. Да-с, уж это закон судеб-с, круг житейский-с! Что предначертано от века, того уж человек не может-с...

Кукушкина. Я вам правду скажу, Аким Акимыч, они у меня в строгости воспитываются, от всего отдалены. Денег я не могу за ними дать много, но уж за нравственность мужья будут благодарны. Я люблю детей, Аким Акимыч, но строга, очень строга. *(Строго.)* Полина, подите распорядитесь чаем.

Полина *(встаёт)*. Сейчас, маменька. *(Уходит.)*

Юсов. Я сам строг-с. *(Строго.)* Белогубов!

Белогубов. Чего изволите-с?

Юсов. Ведь я строг?

Белогубов. Строги-с. *(Юлиньке.)* У меня опять новая жилетка-с. Вот посмотрите-с.

Юлинька. Очень хороша. Это вам тот же купец подарил?

Белогубов. Нет, другой-с. У этого фабрика лучше.

Юлинька. Пойдёмте в гостиную, я вам свою работу покажу. *(Уходят.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Юсов и Кукушкина.

Кукушкина. Как любят друг друга, трогательно смотреть. Одного недостаёт молодому человеку — места, говорит, нет хорошего. Не могу, говорит, обеспечить жену всем полным спокойствием. Кабы, говорит, столоначальником сделали, я бы, говорит, мог жену содержать. А ведь жаль, Аким Акимыч! Такой прекрасный молодой человек, так влюблён...

Юсов *(нюхая табак)*. Понемногу, Фелисата Герасимовна, понемногу.

Кукушкина. Однако вы должны знать, скоро ли он место получит. Может быть, даже это и от вас зависит. Я за него просительница. *(Кланяется.)* Вам нельзя будет мою просьбу не уважить; я мать, нежная мать, хлопочу для счастья своих детей, своих птенцов.

Юсов *(сделав серьёзную физиономию)*. Скоро, скоро будет. Я уж об нём докладывал нашему генералу. А генерал весь в моих руках: что я скажу, то и будет. Мы его сделаем столоначальником. Я захочу, будет столоначальником, а не захочу, не будет столоначальником... Хе-хе, будет, будет. Генерал у меня вот где. *(Показывает руку.)*

Кукушкина. Признаться вам сказать, я даже не люблю холостых. Что они делают? Так только землю тяготят.

Ю с о в *(важно)*. Бремя на земле, бремя... и празднословие.

К у к у ш к и н а. Да-с. Да и в дом опасно принимать холостого человека, особенно у кого есть дочери или молодая жена. Кто его знает, что у него на уме. По-моему, молодого человека надо женить поскорей, он после сам будет благодарен, а то ведь они глупы, своей пользы не понимают.

Ю с о в. Да-с. От рассеянности. Ведь жизнь — это море житейское... поглощает.

К у к у ш к и н а. Холостой не может завести хозяйства у себя, об доме не заботится, ходит по трактирам.

Ю с о в. Да ведь и мы ходим-с... отдохновение от трудов...

К у к у ш к и н а. Ах, Аким Акимыч, большая разница. Вы пойдёте, когда вас позовут, захотят вас угостить, уважение своё показать вам, а на свои вы ведь уж не пойдёте.

Ю с о в. Как можно, нет-с, не пойду.

К у к у ш к и н а. Теперь возьмите: холостого человека проситель за какое-нибудь дело позовёт в трактир, угостит обедом, да и всё тут. Денег истратят много, а пользы ни на грош. А женатый-то, Аким Акимыч, скажет просителю: на что мне твои обеды, я пойду лучше с женою пообедаю, семейным образом, тихо, в своём угле, а ты мне дай чистыми. Да деньги-то принесёт. Так оно две выгоды: и трезвый придёт, да и с деньгами... Который вы год женаты?

Ю с о в. Сорок третий год-с...

К у к у ш к и н а. Скажите! А как вы молоды на лицо!

Ю с о в. Регулярность в жизни... банки вчера ставил.

К у к у ш к и н а. Здоровому всё здорово, особенно когда человек душой покоен, живёт в довольстве.

Ю с о в. Я вам доложу, какая игра природы бывает... с человеком... из бедности и в богатство. Меня, сударыня,— давно уж это было — привели в присутствие в затрапезном халатишке, только что грамоте знал — читать да писать... Сидят, вижу, всё люди пожилые, важные, сердитые, тогда брились-то не часто, так оно ещё больше важности придаёт. Страх на меня напал, слова выговорить не мог. Года два был на побегушках, разные комиссии исправлял: и за водкой-то бегал, и за пирогами, и за квасом, кому с похмелья, и сидел-то я не у стола, не на стуле, а у окошка на связке бумаг, и писал-то я не из чернилицы, а из старой помадной банки. А вот вышел в люди. Конечно, всё это не от нас... свыше... знать, уж так надобно было мне быть

человеком и занимать важный пост. Иногда думаем с женой: за что так нас Бог взыскал своей милостью? На всё судьба... и добрые дела нужно делать... помогать неимущим. Да-с, имею теперь три домика, хоть далеко, да мне это не мешает; лошадок держу четверню. Оно подальше-то лучше: и земли побольше, и не так шумно, да и разговору меньше, пересуду.

Кукушкина. Да, конечно. Садик, чай, имеете при домах-то?

Юсов. Как же-с. В летний зной прохлада и отдохновение членам. А гордости во мне нет-с. Гордость ослепляет... Мне хоть мужик... я с ним, как с своим братом... всё равно, ближний... По службе нельзя... особенно верхоглядов не люблю, нынешних образованных-то. С этими строг и взыскателен. Возмечтали очень. Предрассудкам этим я не верю, будто учёные с неба звёзды хватают. Видал я их: не лучше нас, грешных, да и к службе не так внимательны. У меня правило — всячески их теснить для пользы службы... потому от них вред. Както, Фелисата Герасимовна, к простым людям больше сердце лежит. При нынешних строгостях случается с человеком несчастие, выгонят из уездного училища за неуспехи или из низших классов семинарии: как его не призреть? Он и так судьбой убит, всего он лишён, всем обижен. Да и люди-то выходят по нашему делу понятливее и подобострастнее, душа у них открытее. По христианскому долгу, выведешь такого человека в люди, он тебе всю жизнь благодарен: и в посажёные отцы зовёт, и в кумовья зовёт. Ну и в будущем веке мзда... Вот Белогубов, ведь грамоты не знает, а я его люблю, Фелисата Герасимовна, как сына: в нём чувство есть. А признаться вам сказать, другой ваш жених... он ведь тоже под начальством у меня... Так я могу судить...

Кукушкина. Что же такое?

Юсов *(делает серьёзное лицо)*. Неблагонадёжен.

Кукушкина. Отчего же? Ведь он не пьяница, не мот, к службе не ленив?

Юсов. Да-с. Но... *(нюхает табак)* неблагонадёжен.

Кукушкина. Каким же образом, растолкуйте мне, батюшка, Аким Акимыч, ведь я мать.

Юсов. А вот, изволите ли видеть. Имеет такого человека родственником... Аристарх Владимирыч Вышневский.

Кукушкина. Знаю.

Юсов. Особа, уж можно сказать, особа.

Кукушкина. Знаю.

Ю с о в. А он оказывает непочтение.

К у к у ш к и н а. Знаю, знаю.

Ю с о в. Против начальства груб... высокомерие сверх границ... и даже такие мысли... развращает юношество... а особенно вольнодумство. Начальство должно строго смотреть.

К у к у ш к и н а. Знаю.

Ю с о в. А коли знаете, так сами можете рассудить. Какие времена пришли, Фелисата Герасимовна, житья нет! А от кого? От дряни, от мальчишек. Сотнями выпускают их; заполонят нас совсем.

К у к у ш к и н а. Эх, Аким Акимыч, женится — переменится. А не знать всего этого я не могла, я не такая мать, без оглядки ничего не сделаю. У меня такое правило: как только повадился к нам молодой человек, так и пошлю кого-нибудь узнать про него всю подноготную или сама от сторонних людей разведаю. Все эти глупости в нём, по-моему, происходят от холостой жизни. Вот как женится, да мы на него насядем, так и с дядей помирится, и служить будет хорошо.

Ю с о в. Он переменится, и начальство к нему переменится... *(Помолчав.)* Нет прежних чиновников, Фелисата Герасимовна! Упадает чиновничество. Духу того нет. А какая жизнь была, Фелисата Герасимовна, рай просто! Умирать не надо. Купались, просто купались, Фелисата Герасимовна. Прежние-то чиновники были орлы, орлы, а теперь молодёжь, верхогляды, пустота какая-то.

Ж а д о в входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е и Ж а д о в.

К у к у ш к и н а. Милости просим, Василий Николаич, милости просим. Полина совсем стосковалась об вас. Все глаза проглядела, то к тому окошку подбежит, то к другому. Уж так любить, так любить!.. Я, право, и не видывала. Счастливы вы, Василий Николаич. За что вас так любят-то, скажите вы мне?

Ж а д о в. Извините, Фелисата Герасимовна, я опоздал немного. Ах, Аким Акимыч! *(Кланяется.)* Вы каким образом?

К у к у ш к и н а. Аким Акимыч так добры, так пекутся о своих чиновниках... я уж и не знаю, как быть им благодарною. Сами потрудились приехать, познакомиться.

Жадов *(Юсову)*. Благодарю вас. А впрочем, напрасно беспокоились.

Юсов. Я, Фелисата Герасимовна, больше для Белогубова. Родных у него нет, я ему вместо отца...

Кукушкина. Уж не говорите, Аким Акимыч, вы сами семейный человек, и я сейчас увидела, что вы стараетесь молодых людей всячески поощрять к семейной жизни. Я сама того же мнения, Аким Акимыч. *(К Жадову.)* Вы себе представить не можете, Василий Николаич, как я страдаю, когда вижу, что два влюблённых сердца разделяют какие-нибудь препятствия. Когда читаешь роман, видишь, как обстоятельства запрещают влюблённым видеться, или родители не согласны, или состояние не позволяет,— как страдаешь в эту минуту. Я плачу, просто плачу! И как жестоки бывают иногда родители, которые не хотят уважить чувства своих детей. Некоторые даже умирают от любви по этому случаю. Но когда видишь, что всё идёт к благополучной развязке, все препятствия уничтожаются, *(восторженно)* любовь торжествует и молодые люди соединяются законным браком, как сладко становится на душе. Так даже нега какая-то по всем членам.

Полина входит.

Полина. Пожалуйте, чай готов. *(Увидав Жадова.)* Василий Николаич! Не стыдно ли заставлять так страдать? Я ждала, ждала вас.

Жадов *(целует руку)*. Виноват.

Кукушкина. Поди, дитя моё, поцелуй меня.

Полина *(Жадову)*. Пойдёмте.

Кукушкина. Пойдёмте, Аким Акимыч!

Уходят. Белогубов и Юлинька входят с чашками в руках.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Белогубов и Юлинька.

Юлинька. Как я вижу, вы всё меня обманываете.

Белогубов. Как же я смею вас обманывать-с? С чем это сообразно?

Садятся.

Юлинька. Мужчинам верить ни в чём нельзя, решительно ни в чём.

Белогубов. Отчего же такая критика на мужчин?

Юлинька. Какая же критика, когда это истинная правда?

Белогубов. Не может быть-с. Это один разговор; мужчины обыкновенно комплименты говорят, а барышни им не верят, говорят, что мужчины — обманщики.

Юлинька. Вы всё знаете. Вы, должно быть, сами очень много комплиментов говорили в своей жизни.

Белогубов. Мне некому было, да и не умею-с. Вам известно, что я недавно стал вхож в дом-с, а прежде этого и знакомства никакого не имел.

Юлинька. И вы никого не обманывали?

Белогубов. Насчёт чего вы спрашиваете?

Юлинька. Не говорите. Я вам ни одного слова не верю. *(Отворачивается.)*

Белогубов. Да за что же-с? Это даже обидно.

Юлинька. Кажется, можете понять.

Белогубов. Не понимаю-с.

Юлинька. Не хотите! *(Закрывает глаза платком.)*

Белогубов. Я вас могу заверить чем угодно-с, что я всегда-с... как был влюблён, так и теперь... Я вам уж докладывал...

Юлинька. Любите, а медлите.

Белогубов. Да-с... Теперь понимаю-с. Так ведь это не такого рода дело-с... скоро нельзя-с.

Юлинька. Отчего же Жадову можно?

Белогубов. Совсем другое дело-с. У него дяденька богатый-с, да и сам он образованный человек, везде может место иметь. Хоть и в учители пойдёт — всё хлеб-с. А я что-с? Пока не дадут места столоначальника, ничего не могу-с... Да и вы сами не захотите щи да кашу кушать-с. Это только нам можно-с, а вы барышня, вам нельзя-с. А вот получу место, тогда совсем другой переворот будет.

Юлинька. Когда же этот переворот будет?

Белогубов. Теперь скоро-с. Обещали. Как только получу место, так в ту ж минуту... только платье новое сошью... Я уж и маменьке говорил-с. Вы не сердитесь, Юлия Ивановна, потому что не от меня зависимо. Пожалуйте ручку.

Юлинька протягивает руку, не глядя на него. Он целует.

Я уж и сам жду не дождусь.

Входят Жадов и Полина.

Юлинька. Уйдёмте, оставимте их одних.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Жадов и Полина (садятся).

Полина. Знаете, что я вам скажу?

Жадов. Нет, не знаю.

Полина. Только вы, пожалуйста, маменьке не сказывайте.

Жадов. Не скажу, будьте покойны.

Полина *(подумав)*. Я сказала бы вам, да боюсь, что вы меня разлюбите.

Жадов. Вас разлюбить? Да разве это можно?

Полина. Да вы правду говорите?

Жадов *(берёт за руку)*. Да уж не разлюблю, поверьте.

Полина. Ну, смотрите же. Я вам по простоте скажу. *(Тихо.)* У нас в доме всё обман, всё, всё, решительно всё. Вы, пожалуйста, ничему не верьте, что вам говорят. За нами ничего нет. Маменька говорит, что нас любит, а совсем не любит, только хочет поскорее с рук сбыть. Женихам в глаза льстит, а за глаза ругает. Нас заставляет притворяться.

Жадов. Вас это возмущает? Возмущает?

Полина. Только я не притворяюсь, я в самом деле вас люблю.

Жадов. Вы меня с ума сведёте! *(Целует руку.)*

Полина. Да ещё вот что я вам скажу: мы ведь совсем необразованны. Ещё Юлия кой-что знает, я так вовсе дурочка.

Жадов. Как дурочка?

Полина. Так, как бывают дурочки. Ничего не знаю, ничего не читала... что вы иногда говорите, ничего не понимаю, решительно ничего.

Жадов. Вы ангел! *(Целует у ней руки.)*

Полина. Я вот только добрее Юлиньки, а глупее её гораздо.

Жадов. За то-то я вас и люблю, что вас не успели ничему выучить, не успели испортить вашего сердца. Вас надобно поскорей взять отсюда. Мы с вами начнём новую жизнь. Я с любовью займусь вашим воспитанием. Какое наслаждение ожидает меня!

Полина. Ах, поскорей бы!

Жадов. Что же откладывать? Я уж решился. *(Страстно смотрит на неё.)*

Молчание.

Полина. У вас есть знакомые купцы?

Жадов. Что за вопрос? На что вам?

П о л и н а. Так. Мне хочется знать.

Ж а д о в. Я не понимаю, однако, для чего вам это?

П о л и н а. А вот для чего. Белогубов говорит, что у него есть знакомые купцы и что они дарят ему жилетки, а когда он женится, тогда будут дарить материи жене на платье.

Ж а д о в. Вот что! Ну нет, нам дарить не будут. Мы с вами будем сами трудиться. Так ведь, Полина?

П о л и н а *(рассеянно)*. Да-с.

Ж а д о в. Нет, Полина, вы ещё не знаете высокого блаженства жить своим трудом. Вы во всём обеспечены, бог даст, узнаете. Всё, что мы приобретём, будет наше, мы уж никому не будем обязаны. Понимаете вы это? Тут два наслаждения: наслаждение трудом и наслаждение свободно и с спокойной совестью распоряжаться своим добром, не давая никому отчёта. А это лучше всяких подарков. Не правда ли, Полина, ведь лучше?

П о л и н а. Да-с, лучше.

Молчание.

Хотите, я вам загадаю загадку?

Ж а д о в. Загадайте.

П о л и н а. Что идёт без ног?

Ж а д о в. Вот какая загадка! Дождик.

П о л и н а. Как это вы всё знаете! Досадно, право. Я так никак не могла отгадать, уж Юлинька сказала.

Ж а д о в. Дитя! Останьтесь всегда таким ребёнком.

П о л и н а. А можно счесть звёзды на небе?

Ж а д о в. Можно.

П о л и н а. Нет, нельзя. Я вам не поверю.

Ж а д о в. Да нечего и трудиться считать, они уж сосчитаны.

П о л и н а. Вы смеётесь надо мной. *(Отворачивается.)*

Ж а д о в *(нежно)*. Мне смеяться над вами, Полина! Я всю жизнь хочу посвятить вам. Посмотрите на меня хорошенько, могу ли я смеяться над вами?

П о л и н а *(смотрит на него)*. Нет, нет…

Ж а д о в. Вы говорите, что вы дурочка,— я дурак. Смейтесь надо мною! Да уж многие и смеются. Без средств, без состояния, с одними надеждами на будущее, я женюсь на вас. Зачем ты женишься — говорят мне. Зачем? Затем, что люблю вас, что верю в людей. Что я поступаю

необдуманно — с этим я согласен. Когда же мне думать, я так люблю вас, что мне некогда думать.

Кукушкина и Юсов входят.

Полина *(с некоторым чувством)*. Я сама вас люблю.

Жадов целует у ней руку.

Кукушкина *(Юсову)*. Посмотрите, точно голуби воркуют. Не мешайте им. Трогательно видеть!

Белогубов и Юлинька входят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Жадов, Полина, Кукушкина, Юсов, Белогубов и Юлинька.

Жадов *(оборачиваясь, берёт Полину за руку и подводит к Кукушкиной)*. Фелисата Герасимовна, отдайте мне это сокровище.

Кукушкина. Признаюсь вам, мне тяжело с ней расстаться. Это любимая моя дочь... она была бы мне утешением на старости... но бог с ней, возьмите её... её счастие для меня дороже. *(Закрывает лицо платком.)*

Жадов и Полина целуют у ней руки. Белогубов подаёт ей стул. Садится.

Юсов. Вы истинная мать, Фелисата Герасимовна.

Кукушкина. Да, я этим похвастаться могу. *(С жаром.)* Нет, воспитание дочерей неблагодарное дело! Вырастишь, взлелеешь подле себя, и потом отдай чужому человеку... останься сиротой... ужасно! *(Закрывает глаза платком.)*

Белогубов. Маменька, мы вас не оставим.

Полина и Юлинька *(вместе)*. Маменька, мы вас не оставим.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

ЖАДОВ.
МЫКИН, *его приятель, учитель.*
ДОСУЖЕВ.
ЮСОВ.
БЕЛОГУБОВ.
1-Й, 2-Й } *чиновники.*
ГРИГОРИЙ, ВАСИЛИЙ } *половые.*
ГОСТИ И ПОЛОВЫЕ *в другой комнате.*

Между вторым и третьим действиями проходит около года.
Трактир. Задняя занавесь на втором плане, посреди машина, направо отворённая дверь, в которую видна комната, налево вешалка для платья, на авансцене по обе стороны столы с диванами.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Василий стоит у машины и читает газету. Григорий стоит у двери и смотрит в другую комнату. Жадов и Мыкин входят. Григорий их провожает, стирает со стола и стелет салфетку.

Мыкин. Ну что, старый приятель, как поживаешь?

Жадов. Плохо, брат. *(Григорью.)* Дай-ка нам чаю.

Григорий уходит.

А ты как?

Мыкин. Ничего. Живу себе, учительствую понемногу.

Садятся.

Жадов. Много ли ты получаешь?

Мыкин. Двести рублей.

Жадов. Тебе довольно?

Мыкин. Так и живу, соображаясь со средствами. Лишних затей, как видишь, не завожу.

Жадов. Да, холостому жить можно.

Мыкин. И тебе не надобно было жениться! Нашему брату жениться не след. Где уж нам, голякам! Сыт, прикрыт чем-нибудь от влияния стихий — и довольно. Знаешь пословицу: одна голова не бедна, а хоть и бедна, так одна.

Жадов. Дело сделано.

М ы к и н. Посмотри ты на себя, такой ли ты был прежде. Что, брат, видно, укатали сивку крутые горки? Нет, нашему брату жениться нельзя. Мы работники.

Г р и г о р и й подаёт чай. Мыкин наливает.

Уж служить так служить; для себя пожить после успеем, коли придётся.

Ж а д о в. Что ж делать-то! Я полюбил её очень.

М ы к и н. Мало ли что, полюбил! Разве другие-то не любят? Эх, брат, и я любил, да не женился вот. И тебе не следовало жениться.

Ж а д о в. Да отчего же?

М ы к и н. Очень просто. Холостой человек думает о службе, а женатый — о жене. Женатый человек ненадёжен.

Ж а д о в. Ну, вот вздор.

М ы к и н. Нет, не вздор. Я не знаю, чего бы я ни сделал для той девушки, которую любил. Но я решился лучше принесть жертву. Лучше, брат, заморить в себе это весьма законное чувство, чем подвергнуться искушениям.

Ж а д о в. Я думаю, тебе нелегко было?

М ы к и н. Ну да уж что говорить! Отказываться вообще нелегко; а отказаться от любимой женщины, когда и препятствий никаких нет, кроме бедности... Ты очень любишь свою жену?

Ж а д о в. Безумно.

М ы к и н. Ну, плохо дело! Умна она?

Ж а д о в. Право, не знаю. Знаю только, что она мила необыкновенно. Какая-нибудь безделица расстроит её, она так мило, так искренно расплачется, что сам, глядя на неё, заплачешь.

М ы к и н. Ты мне скажи откровенно, как ты живёшь. Я ведь тебя полтора года не видал.

Ж а д о в. Изволь. История моя коротка. Я женился по любви, как ты знаешь, взял девушку неразвитую, воспитанную в общественных предрассудках, как и все почти наши барышни, мечтал её воспитать в наших убеждениях, и вот уж год женат...

М ы к и н. И что же?

Ж а д о в. Разумеется, ничего. Воспитывать её мне некогда, да я и не умею приняться за это дело. Она так и осталась при своих понятиях; в спорах, разумеется, я ей должен уступать. Положение, как видишь, незавидное, а поправить нечем. Да она меня и не слушает,

она меня просто не считает за умного человека. По их понятию, умный человек должен быть непременно богат.

Мыкин. Вот куда пошло! Ну а как насчёт средств?

Жадов. Работаю с утра до ночи.

Мыкин. И всё не хватает?

Жадов. Нет, жить можно.

Мыкин. Ну а жена?

Жадов. Дуется немного, а иногда поплачет. Что ж делать!

Мыкин. Жаль мне тебя. Нет, брат, нам жениться нельзя. Я вот год был без места, ел один чёрный хлеб. Что бы я с женой-то делал?

Досужев входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Досужев.

Досужев *(садясь у другого стола).* Гарсон, жизни!

Василий. Какой прикажете?

Досужев. Рябиновой. С приличной нашему званию закуской.

Василий. Слушаю-с. *(Идёт к двери.)*

Досужев. Французской горчицы! Слышишь? Трактир запечатаю. Григорий, запусти шарманку.

Григорий. Сейчас-с. *(Заводит машину.)*

Мыкин. Вот это, должно быть, холостой!

Досужев. Что вы на меня смотрите? Я вот карася дожидаюсь.

Жадов. Какого карася?

Досужев. Придёт с рыжей бородой, я его буду есть.

Василий приносит водку.

Ты, Василий, поглядывай его там. Как придёт, так скажи мне.

Машина играет.

Господа, видали, как пьяные немцы плачут? *(Представляет плачущего немца.)*

Жадов и Мыкин смеются. Машина замолкает.

Мыкин *(Жадову).* Ну, прощай! Как-нибудь зайду к тебе.

Жадов. Прощай.

Мыкин уходит.

Василий *(Досужеву).* Пожалуйте, пришёл-с.

Досужев. Позови сюда.

Василий. Нейдёт-с. Сел в заднюю комнату.

Досужев *(Жадову)*. Конфузится. Прощайте! Коли посидите здесь, я приду поговорить с вами, мне ваша физиономия понравилась. *(Уходит.)*

Жадов *(Василью)*. Дай-ко что-нибудь почитать.

Василий *(подаёт книгу)*. Извольте вот прочитать статейку. Одобряют-с.

Жадов читает. Входят: Юсов, Белогубов, 1-й и 2-й чиновники.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Жадов, Юсов, Белогубов, 1-й и 2-й чиновники.

Белогубов. Аким Акимыч-с, мы там пообедали, позвольте вас здесь вином угостить, и музыка поиграет-с.

Юсов. Угощай, угощай!

Белогубов. Какого прикажете? Шампанского-с?

Юсов. Ну его...

Белогубов. Так рейнвейну-с? Господа, садитесь!

Садятся все, кроме Белогубова.

Василий! Принеси рейнвейну, заграничной разливки.

Василий уходит.

А, братец, здравствуйте! Не угодно ли с нами за компанию? *(Подходит к Жадову.)*

Жадов. Благодарю вас. Я не пью.

Белогубов. Что это, братец, помилуйте! Для меня-то!.. Одну рюмочку... Мы с вами теперь родственники!

Василий приносит вино. Белогубов подходит к своему столу.

Наливай!

Василий наливает.

Юсов. Ну, брат, за твоё здоровье! *(Берёт рюмку и встаёт.)*

1-й и 2-й чиновники. За ваше здоровье-с. *(Берут рюмки и встают.)*

Юсов *(показывая пальцем на голову Белогубова)*. В этом лбу, в этой голове всегда видел прок.

Чокаются рюмками.

Поцелуемся!

Целуются.

Белогубов. Нет, позвольте ручку-с.

Юсов *(прячет руку)*. Не надо, не надо. *(Садится.)*

Белогубов. Через вас человеком стал-с.

1-й и 2-й чиновники. Позвольте-с. *(Чокаются с Белогубовым, пьют и садятся.)*

Белогубов *(наливает рюмку и подаёт на подносе Жадову)*. Братец, сделайте одолжение.

Жадов. Я вам сказал, что не пью.

Белогубов. Нельзя-с, братец, обидите.

Жадов. Это скучно, наконец.

Белогубов. Коли вина не угодно, чем прикажете вас потчевать? Чего только пожелаете, братец, всё с удовольствием.

Жадов. Ничего мне не нужно. Оставьте меня в покое! *(Читает.)*

Белогубов. Ну как угодно. Не знаю, братец, за что обижаете. Я со всем расположением... *(Отходит к своему столу.)*

Юсов *(тихо)*. Оставь его.

Белогубов *(садится)*. Господа, ещё по рюмочке! *(Наливает.)* Пирожного не прикажете ли? Василий, принеси пирожного побольше!

Василий уходит.

Юсов. Ты что-то нынче разгулялся! Должно быть, ловко хватил?

Белогубов *(показывая на карман)*. Попало-таки! А кому? Всё вам обязан.

Юсов. Зацепил, должно быть?

Белогубов *(вынимает пачку ассигнаций)*. Вот они-с.

Юсов. Да уж я знаю тебя, у тебя рука-то не сфальшивит.

Белогубов *(прячет деньги)*. Нет, позвольте! Кому же я обязан? Разве бы я понимал что, кабы не вы? От кого я в люди пошёл, от кого жить стал, как не от вас? Под вашим крылом воспитался! Другой бы того и в десять лет не узнал, всех тонкостей и оборотов, что я в четыре года узнал. С вас пример брал во всём, а то где бы мне с моим-то умом! Другой отец того не сделает для сына, что вы для меня сделали. *(Утирает глаза.)*

Юсов. У тебя душа благородная, ты можешь чувствовать, а другие не могут.

Василий приносит пирожное.

Белогубов. Что бы я был? Дурак-с! А теперь член общества, все уважают, по городу идёшь, все купцы кланяются, в гости позовут,

не знают, где посадить, жена меня любит. А то за что бы ей любить-то меня, дурака? Василий! Нет ли у вас конфект каких дорогих?

В а с и л и й. Можно достать-с.

Б е л о г у б о в. Это жене-с. *(Василью.)* Ну, так ты заверни в бумагу побольше. Что хочешь возьми, ничего не пожалею.

Василий идёт.

Постой! И пирожного туда положи всякого.

Ю с о в. Будет с неё, избалуешь.

Б е л о г у б о в. Нельзя-с. *(Василью.)* Всего положи, слышишь?

В а с и л и й. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Б е л о г у б о в. Люблю, очень люблю жену-с. Будешь угождать, и она будет больше любить, Аким Акимыч. Что я перед ней-с? Она образованная-с... Платье нынче купил-с... то есть не купил, а так взял, после сочтёмся.

Ю с о в. Всё равно. Неужели деньги платить? Может быть, дело какое-нибудь будет, ну и квит. Гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится.

В а с и л и й приносит конфеты в бумаге.

Б е л о г у б о в. Положи в шляпу. Ещё по рюмочке-с. *(Наливает.)* Василий! Ещё бутылку.

Ю с о в. Будет.

Б е л о г у б о в. Нет, уж позвольте-с. Здесь не вы распоряжаетесь, а я.

В а с и л и й уходит.

1 - й ч и н о в н и к. Какой случай был! Писарёк у нас, так, дрянненькой, какую штуку выкинул! Фальшивую копию с решения написал (что ему в голову пришло!) и подписался за всех присутствующих, да и снёс к истцу. А дело-то интересное, денежное. Только он копию-то не отдал, себе на уме, а только показал. Ну, и деньги взял большие. Тот после пришёл в суд, ан дело-то совсем не так.

Б е л о г у б о в. Это уж подлость! За это выгнать нужно.

Ю с о в. Именно выгнать. Не марай чиновников. Ты возьми, так за дело, а не за мошенничество. Возьми так, чтобы и проситель был не обижен и чтобы ты был доволен. Живи по закону; живи так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Что за большим-то гоняться! Курочка по зёрнышку клюёт, да сыта бывает. А этот уж что за человек! Не нынче, так завтра под красную шапку угодит.

Белогубов *(наливает рюмку)*. Пожалуйте, Аким Акимыч!.. Что я у вас попрошу, вы мне не откажете? Я вам в ножки поклонюсь.

Юсов. Проси.

Белогубов. Помните, вы прошлый раз прошлись под машину: «По улице мостовой»-с?

Юсов. Ишь что выдумал!

Белогубов. Осчастливьте, Аким Акимыч! Так, чтоб уж я всю жизнь помнил.

Юсов. Изволь, изволь. Для тебя только! Вели пустить «По улице мостовой».

Белогубов. Эй, Василий! Пусти «По улице мостовой», да постой у двери, посмотри, чтобы не вошёл кто.

Василий. Слушаю-с. *(Заводит машину.)*

Юсов *(показывая на Жадова)*. Вот этот-то! Не люблю я его. Пожалуй, подумает что-нибудь.

Белогубов *(садясь к Жадову)*. Братец, будьте с нами по-родственному. Вот Аким Акимыч вас конфузятся.

Жадов. Чего же он конфузится?

Белогубов. Да они потанцевать хотят. Надо, братец, и развлечение какое-нибудь иметь после трудов. Не всё же работать. Что ж такое! Это удовольствие невинное, мы никого не обижаем!

Жадов. Танцуйте, сколько угодно, я вам не мешаю.

Белогубов *(Юсову)*. Ничего-с, Аким Акимыч, он с нами по-родственному.

Василий. Прикажете пустить?

Юсов. Пускай!

Машина играет «По улице мостовой». Юсов пляшет. По окончании все, кроме Жадова, хлопают.

Белогубов. Нет, уж теперь нельзя-с! Надо шампанского выпить! Василий, бутылку шампанского! Да много ли денег за всё?

Василий *(считает на счётах)*. Пятнадцать рублей-с.

Белогубов. Получи! *(Отдаёт.)* Вот тебе полтинник на чай.

Василий. Благодарю покорно-с. *(Уходит.)*

Юсов *(громко)*. Вы, молодёжь, молокососы, чай, смеяться над стариком!

1-й чиновник. Как можно, Аким Акимыч, мы не знаем, как вас благодарить!

2-й чиновник. Да-с.

Юсов. Мне можно плясать. Я всё в жизни сделал, что предписано человеку. У меня душа покойна, сзади ноша не тянет, семейство обеспечил — мне теперь можно плясать. Я теперь только радуюсь на Божий мир! Птичку увижу, и на ту радуюсь, цветок увижу, и на него радуюсь: премудрость во всём вижу.

Василий приносит бутылку, откупоривает и наливает в продолжение речи Юсова.

Помня свою бедность, нищую братию не забываю. Других не осуждаю, как некоторые молокососы из учёных! Кого мы можем осуждать! Мы не знаем, что ещё сами-то будем! Посмеялся ты нынче над пьяницей, а завтра сам, может быть, будешь пьяница; осудишь нынче вора, а может быть, сам завтра будешь вором. Почём мы знаем своё определение, кому чем быть назначено? Знаем одно, что все там будем. Вот ты нынче посмеялся *(показывая глазами на Жадова)*, что я плясал; а завтра, может быть, хуже меня запляшешь. Может быть *(кивая головой на Жадова)*, и за подаянием пойдёшь, и руку протянешь. Вот гордость-то до чего доводит! Гордость, гордость! Я плясал от полноты души. На сердце весело, на душе покойно! Я никого не боюсь! Я хоть на площади перед всем народом буду плясать. Мимоходящие скажут: «Сей человек пляшет, должно быть, душу имеет чисту!» — и пойдёт всякий по своему делу.

Белогубов *(поднимая бокал)*. Господа! За здоровье Акима Акимыча! Ура!

1-й и 2-й чиновники. Ура!

Белогубов. Вот бы вы, Аким Акимыч, осчастливили нас, заехали к нам как-нибудь. Мы ещё с женой люди молодые, посоветовали бы нам, поученье бы сказали, как жить в законе и все обязанности исполнять. Кажется, будь каменный человек, и тот в чувство придёт, как вас послушает.

Юсов. Заеду как-нибудь. *(Берёт газету.)*

Белогубов *(наливает бокал и подносит Жадову)*. Уж я, братец, от вас не отстану.

Жадов. Что вы мне не дадите почитать! Интересная статья попалась, а вы всё мешаете.

Белогубов *(садясь подле Жадова)*. Братец, вы на меня напрасно претензию имеете. Бросимте, братец, всю эту вражду. Выкушайте! Для меня теперь это ничего не значит-с. Будемте жить по-родственному.

Ж а д о в. Нельзя нам с вами жить по-родственному.

Б е л о г у б о в. Отчего же-с?

Ж а д о в. Не пара мы.

Б е л о г у б о в. Да, конечно, кому какая судьба. Я теперь в счастии, а вы в бедном положении. Что ж, я не горжусь. Ведь это, как кому судьба. Я теперь всё семейство поддерживаю, и маменьку. Я знаю, братец, что вы нуждаетесь; может быть, вам деньги нужны; не обидьтесь, сколько могу! Я даже и за одолжение не сочту. Что за счёты между родными!

Ж а д о в. С чего вы выдумали предлагать мне деньги!

Б е л о г у б о в. Братец, я теперь в довольстве, мне долг велит помогать. Я, братец, вижу вашу бедность.

Ж а д о в. Какой я вам братец! Оставьте меня.

Б е л о г у б о в. Как угодно! Я от души предлагал. Я, братец, зла не помню, не в вас. Мне только жаль смотреть на вас с женой с вашей. *(Отходит к Юсову.)*

Ю с о в *(бросая газету)*. Что нынче пишут! Ничего нравоучительного нет! *(Наливает Белогубову.)* Ну, допивай. Пойдёмте!

Б е л о г у б о в *(допивает)*. Пойдёмте!

Василий и Григорий подают шинели.

В а с и л и й *(подаёт Белогубову два свёртка)*. Вот, захватите-с.

Б е л о г у б о в *(умильно)*. Для жены-с. Люблю-с.

Уходят. Д о с у ж е в входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Ж а д о в и Д о с у ж е в.

Д о с у ж е в. «Не стая воронов слеталась!»

Ж а д о в. Правда ваша.

Д о с у ж е в. Поедемте в Марьину рощу.

Ж а д о в. Мне нельзя.

Д о с у ж е в. Отчего же? Семья, что ли? Детей нянчить надо?

Ж а д о в. Детей не нянчить, а жена дома дожидается.

Д о с у ж е в. Да вы давно с ней не видались?

Ж а д о в. Как давно? Сегодня утром.

Д о с у ж е в. Ну, так это недавно. Я думал, дня три не видались.

Жадов смотрит на него.

Что вы на меня смотрите! Я знаю, что вы думаете обо мне. Вы думаете, что я такой же, как вот эти франты, что ушли;

так ошибаетесь. Ослы во львиной шкуре! Только шкура-то и страшна. Ну и пугают народ.

Ж а д о в. Признаться вам сказать, я никак не разберу, что вы за человек.

Д о с у ж е в. А вот, изволите ли видеть, во-первых, я весёлый человек, а во-вторых — замечательный юрист. Вы учились, я это вижу, и я тоже учился. Поступил я на маленькое жалованье; взяток брать не могу — душа не переносит, а жить чем-нибудь надо. Вот я и взялся за ум: принялся за адвокатство, стал купцам слёзные прошения писать. Уж коли не ехать, так давайте выпьем. Василий, водки!

В а с и л и й уходит.

Ж а д о в. Я не пью.

Д о с у ж е в. Где вы родились? Ну да это вздор! Со мной можно. Ну вот-с, стал я слёзные прошения писать-с. Ведь вы не знаете, что это за народ! Я вам сейчас расскажу.

Входит В а с и л и й.

Налей две. Получи за весь графин. *(Отдаёт деньги.)*

Ж а д о в. И с меня за чай. *(Отдаёт.)*

В а с и л и й уходит.

Д о с у ж е в. Выпьем!

Ж а д о в. Извольте; для вас только, а то, право, не пью.

Чокаются и пьют. Досужев наливает ещё.

Д о с у ж е в. Напиши бороде прошение просто да возьми с него недорого, так он тебя оседлает. Откуда фамильярность явится: «Ну, ты, писака! На тебе на водку». Почувствовал я к ним злобу неукротимую! Выпьемте! «Пити вмерти, й не пити вмерти; так вже лучше пити вмерти».

Пьют.

Стал я им писать по их вкусу. Например: надо представить вексель ко взысканию — и всего-то десять строк письма, а ему пишешь листа четыре. Начинаю так: «Будучи обременён в многочисленном семействе количеством членов». И все его орнаменты вставишь. Так напишешь, что он плачет, а вся семья рыдает до истерики. Насмеёшься над ним да возьмёшь с него кучу денег, вот он и уважает тебя, и кланяется в пояс. Хоть верёвки из него вей. Все их толстые тёщи, все бабушки

невест тебе сватают богатых. Человек-то уж очень хорош, по душе им пришёлся. Выпьемте!

Ж а д о в. Будет!

Д о с у ж е в. За моё здоровье!

Ж а д о в. Уж разве за ваше здоровье.

Пьют.

Д о с у ж е в. Много надо силы душевной, чтобы с них взяток не брать. Над честным чиновником они сами же смеяться будут; унижать готовы — это им не с руки. Кремнём надо быть! И храбриться-то, право, не из чего! Тащи с него шубу, да и всё тут. Жаль, не могу. Я только беру с них деньги за их невежество да пропиваю. Эх! Охота вам было жениться! Выпьемте. Как вас зовут?

Ж а д о в. Василий.

Д о с у ж е в. Тёзка. Выпьем, Вася.

Пьют.

Я вижу, ты хороший человек.

Ж а д о в. Какой я человек! Я ребёнок, я об жизни не имею никакого понятия. Всё это ново для меня, что я от вас слышу. Мне тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругом разврат, сил мало! Зачем же нас учили!

Д о с у ж е в. Пей, легче будет.

Ж а д о в. Нет, нет! *(Опускает голову на руки.)*

Д о с у ж е в. Так ты не поедешь со мной?

Ж а д о в. Не поеду. Зачем вы меня поили! Что вы со мной сделали!

Д о с у ж е в. Ну, прощай! Вперёд будем знакомы! Захмелел, брат! *(Жмёт Жадову руку.)* Василий, манто! *(Надевает шинель.)* Ты меня строго не суди! Я человек потерянный. Постарайся быть лучше меня, коли можешь. *(Идёт к двери и возвращается.)* Да! Вот тебе ещё мой совет. Может быть, с моей лёгкой руки, запьёшь, так вина не пей, а пей водку. Вино нам не по карману, а водка, брат, лучше всего: и горе забудешь, и дёшево! Adieu! *(Уходит.)*

Ж а д о в. Нет! Пить нехорошо! Ничего не легче — ещё тяжелей. *(Задумывается.)*

Василий, по приказанию из другой залы, заводит машину. Машина играет «Лучинушку».

(Поёт.) «Лучина, лучинушка, берёзовая!..»

В а с и л и й. Пожалуйте-с! Нехорошо-с! Безобразно-с!

Ж а д о в машинально надевает шинель и уходит.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

ЛИЦА

ВАСИЛИЙ НИКОЛАИЧ ЖАДОВ.
ПОЛИНА, *жена его.*
ЮЛИНЬКА, *жена Белогубова.*
ФЕЛИСАТА ГЕРАСИМОВНА КУКУШКИНА.

Сцена представляет очень бедную комнату. Направо окно, у окна стол, на левой стороне зеркало.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

П о л и н а *(одна, смотрит в окно).* Как скучно, просто смерть! *(Поёт.)* «Матушка, голубушка, солнышко моё! Пожалей, родимая, дитятко своё». *(Смеётся.)* Какая песня в голову пришла! *(Опять задумывается.)* Провалиться бы, кажется, от скуки. Загадать разве на картах? Что ж, за этим дело не станет. Это можно, можно. Чего другого, а это у нас есть. *(Достаёт из стола карты.)* Как хочется поговорить с кем-нибудь. Кабы кто-нибудь пришёл, вот бы я была рада, сейчас бы развеселилась. А то на что это похоже! Сиди одна, всё одна... Уж нечего сказать, люблю поговорить. Бывало, мы у маменьки, утро-то настанет, трещим, трещим, и не увидишь, как пройдёт. А теперь и поговорить не с кем. Разве к сестре сбегать? Да уж поздно. Эко я, дура, не догадалась пораньше. *(Поёт.)* «Матушка, голубушка...» Ах, я и забыла погадать-то!.. Об чём бы загадать-то? А вот загадаю я, будет ли у меня новая шляпка? *(Раскладывает карты.)* Будет, будет... будет, будет. *(Хлопает в ладоши, задумывается и потом поёт.)* «Матушка, голубушка, солнышко моё! Пожалей, родимая, дитятко своё».

Входит Ю л и н ь к а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

П о л и н а и Ю л и н ь к а.

П о л и н а. Здравствуй, здравствуй!

Целуются.

Как я тебе рада. Скидай шляпку!

Ю л и н ь к а. Нет, я к тебе на минуту.

П о л и н а. Ах, как ты хорошо одета, сестрица!

Ю л и н ь к а. Да, я теперь себе покупаю всё, что только есть лучшего и нового из-за границы.

П о л и н а. Счастлива ты, Юлинька.

Ю л и н ь к а. Да, я могу про себя сказать, что я счастлива. А ты, Полинька, как ты живёшь? Ужасно! Нынче совсем не такой тон. Нынче у всех принято жить в роскоши.

П о л и н а. Что же мне делать? Разве я виновата?

Ю л и н ь к а. А мы вчера в парке были. Как весело было — чудо! Какой-то купец угощал нас ужином, шампанским, фруктами разными.

П о л и н а. А я всё дома сижу одна, со скуки погибаю.

Ю л и н ь к а. Да, Полина, я уж теперь совсем не та стала. Ты не можешь представить, как деньги и хорошая жизнь облагораживают человека. В хозяйстве я теперь ничем не занимаюсь, считаю низким. Я теперь всё пренебрегаю, кроме туалета. А ты! Ты! Это ужасно! Что же твой муж делает, скажи, пожалуйста?

П о л и н а. Он меня даже и к вам не пускает, всё велит сидеть дома да работать.

Ю л и н ь к а. Как это глупо! Представляет из себя умного человека, а нынешнего тону не знает. Он должен знать, что человек создан для общества.

П о л и н а. Как ты говоришь?

Ю л и н ь к а. Человек создан для общества. Кто ж этого не знает! Это нынче решительно всем известно.

П о л и н а. Хорошо, я это ему скажу.

Ю л и н ь к а. Ты бы с ним ссориться попробовала?

П о л и н а. Пробовала, да что толку. Он всегда прав выходит, а я виновата остаюсь.

Ю л и н ь к а. Да он любит тебя?

П о л и н а. Очень любит.

Ю л и н ь к а. А ты его?

П о л и н а. И я люблю.

Ю л и н ь к а. Ну, так ты сама виновата, душа моя. Лаской из мужчин ничего не сделаешь. Ты к нему ластишься — вот он и сидит сложа руки, ни об себе, ни об тебе не думает.

П о л и н а. Он много работает.

Ю л и н ь к а. Да что проку в его работе-то? Вот мой и немного работает, а посмотри, как мы живём. Надобно правду сказать, Онисим Панфилыч для дому отличный человек, настоящий хозяин: чего, чего у нас нет, кабы ты посмотрела. И в какое короткое время! Откуда он только берёт! А твой! Что это? Ведь срам смотреть, как вы живёте.

П о л и н а. Он всё говорит: сиди, работай, не завидуй другим; будем и мы жить хорошо.

Ю л и н ь к а. Да когда же это будет? Состареешься, пока дождёшься. На что тогда и удовольствие! Всякое терпение лопнет.

П о л и н а. Что же мне делать?

Ю л и н ь к а. Он просто тиран. Что с ним много-то разговаривать! Скажи, что ты его не любишь — вот и всё тут. Или вот что лучше: ты скажи ему, что тебе надоела такая жизнь, что ты не хочешь с ним жить и переедешь к маменьке, и чтоб он не знал тебя. А я маменьку предупрежу об этом.

П о л и н а. Хорошо, хорошо! Я это обделаю в лучшем виде.

Ю л и н ь к а. Да сумеешь ли ты?

П о л и н а. Ещё бы! Я какую хочешь сцену сыграю, не хуже всякой актрисы. Во-первых, нас дома к этому с малолетства приучили, а теперь я всё сижу одна, работать-то скучно; я всё сама с собою и разговариваю. Так научилась, что чудо. Только немного жаль его будет.

Ю л и н ь к а. А уж ты не жалей! А я тебе, Полина, шляпку привезла. *(Вынимает из картона.)*

П о л и н а. Ах, какая прелесть! Спасибо, сестрица, душенька. *(Целует её.)*

Ю л и н ь к а. А то у тебя старая-то уж нехороша.

П о л и н а. Ужасная мерзость! Скверно на улицу выйти. Вот я теперь мужа подразню. Вот, скажу, милый мой, посторонние купили, а ты не догадаешься.

Ю л и н ь к а. Да уж делать нечего, Полинька, мы пока, сколько можем, будем тебя поддерживать. Только не слушай ты, пожалуйста, своего мужа. Ты ему растолкуй хорошенько, что ты его даром любить не будешь. Ты, глупенькая, пойми, за что их даром любить-то, мужьёв-то? Это довольно странно! Обеспечь меня, дескать, во всём, чтобы я блистала в обществе, тогда я тебя и стану любить. Он от капризу не хочет твоего счастия, а ты молчишь. Попроси только он у дяди, и ему дадут такое же доходное место, как у моего мужа.

П о л и н а. Уж я теперь к нему пристану.

Ю л и н ь к а. Ты представь только себе: ты такая хорошенькая, одень-ка тебя со вкусом да посади в театр… при огне-то… все мужчины так на тебя лорнеты и уставят.

П о л и н а. Не говори, сестрица, заплачу.

Ю л и н ь к а. Вот тебе денег *(достаёт из портмоне)*, иногда что понадобится, так можешь и без мужа обойтись. У нас теперь есть средства, так что мы решились даже другим благодетельствовать.

П о л и н а. Спасибо, сестрица! Только он, пожалуй, рассердится.

Ю л и н ь к а. Велика важность! Что на него смотреть-то! От родных, не от чужих. Что ж, по его милости, голодной сидеть! Прощай, Полина.

П о л и н а. Прощай, сестрица. *(Провожает её.)*

Ю л и н ь к а уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

П о л и н а. Какая это Юлинька у нас умная! А я-то дура, дура! *(Увидав картон.)* Новая шляпка! Новая шляпка! *(Хлопает в ладоши.)* Я теперь целую неделю буду весела, если только муж не расстроит. *(Поёт.)* «Матушка, голубушка...» и т. д.

К у к у ш к и н а входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

П о л и н а и К у к у ш к и н а.

К у к у ш к и н а. У тебя всё песенки на уме.

П о л и н а. Здравствуйте, маменька! От скуки.

К у к у ш к и н а. Я совсем и ходить-то к тебе не хотела.

П о л и н а. Отчего же, маменька?

К у к у ш к и н а. Мерзко мне, сударыня, мерзко бывать у вас. Да так уж мимо шла, так зашла к тебе. Нищенство, бедность... фу... я этого видеть не могу. У меня чистота, у меня порядок, а здесь что такое! Изба деревенская! Гадость!

П о л и н а. Чем же я-то виновата?

К у к у ш к и н а. Бывают же такие мерзавцы на свете! А впрочем, я его и не виню: я на него никогда надежды не имела. Ты-то что ж молчишь, сударыня? Не я ли тебе твердила: не давай мужу потачки, точи его поминутно, и день, и ночь: давай денег да давай, где хочешь возьми, да подай. Мне, мол, на то нужно, на другое нужно. Маменька, мол, у меня тонкая дама, надо её прилично принять. Скажет: нет у меня. А мне, мол, какое дело? Хоть укради, да подай. Зачем брал? Умел жениться, умей и жену содержать прилично. Да этак с утра да до ночи долбила бы ему в голову-то, так авось бы в чувство пришёл. У меня бы на твоём месте другого и разговору не было.

Полина. Что ж делать-то, маменька, у меня в характере никакой строгости нет.

Кукушкина. Нет, уж ты лучше скажи, что у тебя в характере глупости много, баловства. А ты знаешь ли, что ваше баловство портит мужчин? У тебя всё нежности на уме, всё бы вешалась к нему на шею. Обрадовалась, что замуж вышла, дождалась. А нет, чтобы об жизни подумать. Бесстыдница! И в кого это ты такая уродилась! У нас в роду все решительно холодны к мужьям: больше всё думают об нарядах, как одеться приличнее, блеснуть перед другими. Отчего и не приласкать мужа, да надобно, чтобы он чувствовал, за что его ласкают. Вот Юлинька, когда муж привезёт ей что-нибудь из города, так и кинется ему на шею, так и замрёт, насилу стащат. Оттого он чуть не каждый день ей и возит подарки. А не привезёт, так она и губы надует, и не говорит с ним два дня. Висни, пожалуй, к ним на шею-то, они и рады, им только это и нужно. Стыдись!

Полина. Я чувствую, что я глупа; он приласкает меня, а я и рада.

Кукушкина. А вот погоди, мы на него насядем обе, так авось подастся. Главное — не баловать и не слушать его глупостей: он своё, а ты своё; спорь до обмороку, а не уступай. Уступи им, так они готовы на нас хоть воду возить. Да гордость-то, гордость-то ему сшибить надо. Ты знаешь ли, что у него на уме?

Полина. Где мне знать.

Кукушкина. Это, вот видишь ли, есть такая дурацкая философия, я недавно в одном доме слышала, нынче она в моду пошла. Они забрали себе в голову, что умней всех на свете, а то все дураки да взяточники. Какая глупость-то непростительная! Мы, говорят, не хотим брать взяток, хотим жить одним жалованьем. Да после этого житья не будет! За кого ж дочерей-то отдавать? Ведь этак, чего доброго, и род человеческий прекратится. Взятки! Что за слово взятки? Сами ж его выдумали, чтобы обижать хороших людей. Не взятки, а благодарность! А от благодарности отказываться грех, обидеть человека надо. Коли ты холостой человек, на тебя и суда нет, юродствуй, как знаешь. Пожалуй, хоть и жалованья не бери. А коли женился, так умей жить с женой, не обманывай родителей. За что они терзают родительское сердце? Другой полоумный вдруг берёт воспитанную барышню, которая с детства понимает жизнь и которую родители, не щадя ничего, воспитывают совсем не в таких правилах, даже стараются, как можно, отдалять от таких глупых разговоров, и вдруг запирает её в конуру какую-то!

Что же, по-ихнему, из воспитанных барышень им хочется прачек переделать? Уж коли хотят жениться, так и женились бы на каких-нибудь заблуждённых, которым всё равно, что барыней быть, что кухаркой, которые, из любви к ним, рады будут себе и юбки стирать, и по грязи на рынок трепаться. А ведь есть такие, без понятия, женщины.

П о л и н а. Вот он и из меня, должно быть, то же хочет сделать.

К у к у ш к и н а. Что нужно для женщины... образованной, которая видит и понимает всю жизнь, как свои пять пальцев? Они этого не понимают. Для женщины нужно, чтобы она одета была всегда хорошо, чтобы прислуга была, а главное — нужно спокойствие, чтобы она могла быть отдалена от всего, по своему благородству, ни в какие хозяйственные дрязги не входила. Юлинька у меня так и делает; она ото всего решительно далека, кроме как занята собой. Она спит долго; муж поутру должен распорядиться насчёт стола и решительно всем; потом девка напоит его чаем и он уезжает в присутствие. Наконец она встаёт; чай, кофе — всё это для неё готово, она кушает, разоделась отличнейшим манером и села с книжкой у окна дожидаться мужа. Вечером надевает лучшие платья и едет в театр или в гости. Вот жизнь! Вот порядок! Вот как дама должна вести себя! Что может быть благороднее, что деликатнее, что нежнее?.. Хвалю.

П о л и н а. Ах, вот блаженство-то! Хоть бы недельку так пожить.

К у к у ш к и н а. Да, с своим мужем ты дождёшься, как же!

П о л и н а. Уж вы его, маменька, хорошенько! А то мне, право, завидно. Юлинька, как ни приедет, всё в новом платье, а я всё в одном да в одном. Вот он идёт. *(Идёт к дверям.)*

Ж а д о в входит с портфелем. Целуются.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е и Ж а д о в.

Ж а д о в. Здравствуйте, Фелисата Герасимовна! *(Садится.)* Ах, как устал!

Полина садится подле матери.

Заработался совсем, отдыху себе не знаю. Утром в присутствие, днём на уроках, ночью за делами сижу: беру выписки составлять — порядочно платят. А ты, Полина, вечно без работы, вечно сложа руки сидишь! Никогда тебя за делом не застанешь.

К у к у ш к и н а. Они у меня не так воспитаны, к работе не приучены.

Ж а д о в. Очень дурно. После трудно привыкать, когда с малолетства не приучены. А надобно будет.

К у к у ш к и н а. Незачем ей и привыкать. Я их не в горничные готовила, а замуж за благородных людей.

Ж а д о в. Мы с вами различных мнений, Фелисата Герасимовна. Я хочу, чтобы Полина слушалась меня.

К у к у ш к и н а. То есть вы хотите сделать из неё работницу; так уж такую бы себе под пару и искали. А уж нас извините, мы люди совсем не таких понятий в жизни, в нас благородство врождённое.

Ж а д о в. Какое благородство, это фанфаронство пустое! А нам, право, не до того.

К у к у ш к и н а. Вас послушать, так уши вянут. А вот что нужно сказать: кабы я знала, что она, несчастная, будет такую нищенскую жизнь вести, уж ни за что бы не отдала за вас.

Ж а д о в. Вы ей, пожалуйста, не втолковывайте, что она несчастная женщина; я прошу вас. А то она, пожалуй, в самом деле подумает, что несчастная.

К у к у ш к и н а. А то счастлива? Разумеется, в самом горьком положении женщина. Другая бы на её месте я уж и не знаю что сделала.

Полина плачет.

Ж а д о в. Полина, перестань дурачиться, пожалей меня!

П о л и н а. У тебя всё дурачиться. Видно, ты не любишь, когда тебе правду-то говорят.

Ж а д о в. Какую правду?

П о л и н а. Уж разумеется, правду; маменька не станет лгать.

Ж а д о в. Мы с тобой ужо об этом поговорим.

П о л и н а. Не об чем говорить-то. *(Отворачивается.)*

К у к у ш к и н а. Разумеется.

Ж а д о в *(вздыхает)*. Вот несчастие!

Кукушкина и Полина не обращают на него внимания и разговаривают шёпотом. Жадов достаёт из портфеля бумаги, раскладывает на столе и в продолжение следующего разговора оглядывается на них.

К у к у ш к и н а *(громко)*. Вообрази, Полина, я была у Белогубова; он купил жене бархатное платье.

П о л и н а *(сквозь слёзы)*. Бархатное! Какого цвета?

К у к у ш к и н а. Вишнёвое.

П о л и н а *(плачет)*. Ах, боже мой! Я думаю, как к ней идёт.

Кукушкина. Чудо! Только представь, какой проказник Белогубов! Насмешил, право, насмешил. Вот, маменька, я, говорит, вам жалуюсь на жену: я ей купил бархатное платье, она меня так целовала, укусила даже очень больно. Вот жизнь! Вот любовь! Не то что у других.

Жадов. Это невыносимо! *(Встаёт.)*

Кукушкина *(встаёт)*. Позвольте спросить, милостивый государь, за что она страдает? Дайте мне отчёт.

Жадов. Она уж вышла из-под вашей опеки и поступила под мою, и потому оставьте мне распоряжаться её жизнью. Поверьте, что будет лучше.

Кукушкина. Но я мать, милостивый государь.

Жадов. А я муж.

Кукушкина. Вот мы видим, каков вы муж! Никогда любовь мужа не может сравниться с родительскою.

Жадов. Каковы родители!

Кукушкина. Каковы бы ни были, всё-таки не вам чета. Мы вот, милостивый государь, какие родители! Мы с мужем по грошам набирали деньги, чтобы воспитать дочерей, чтоб отдать их в пансион. Для чего это, как вы думаете? Для того, чтобы они имели хорошие манеры, не видали кругом себя бедности, не видали низких предметов, чтобы не отяготить дитя и с детства приучить их к хорошей жизни, благородству в словах и поступках.

Жадов. Благодарю вас. Я вот почти уж год стараюсь выбить из неё ваше воспитание, да никак не могу. Кажется, половину бы жизни отдал, чтобы только она его забыла.

Кукушкина. Да разве я её для такой жизни готовила? Я бы лучше руку дала на отсечение, чем видеть в таком положении дочь: в бедности, в страдании, в убожестве.

Жадов. Оставьте ваши сожаления, я вас прошу.

Кукушкина. Разве они у меня так жили? У меня порядок, у меня чистота. Средства мои самые ничтожные, а всё-таки они жили, как герцогини, в самом невинном состоянии; где ход в кухню, не знали; не знали, из чего щи варятся; только и занимались, как следует барышням, разговором об чувствах и предметах самых облагороженных.

Жадов *(указывая на жену)*. Да, такого глубокого разврата, как в вашем семействе, я не видывал.

Кукушкина. Разве такие люди, как вы, могут оценить благородное воспитание!.. Моя вина, я поторопилась! Выдь она за человека

с нежными чувствами и с образованием, тот не знал бы, как благодарить меня за моё воспитание. И она была бы счастлива, потому что порядочные люди не заставляют жён работать, для этого у них есть прислуга, а жена только для...

Жадов *(быстро)*. Для чего?

Кукушкина. Как для чего? Кто ж этого не знает? Ну, известно... для того, чтобы одевать как нельзя лучше, любоваться на неё, вывозить в люди, доставлять все наслаждения, исполнять каждую её прихоть, как закон... боготворить.

Жадов. Стыдитесь! Вы пожилая женщина, дожили до старости, вырастили дочерей и воспитывали их, а не знаете, для чего человеку дана жена. Не стыдно ли вам! Жена не игрушка, а помощница мужу. Вы дурная мать!

Кукушкина. Да, я знаю, что вы очень рады себе из жены кухарку сделать. Бесчувственный вы человек!

Жадов. Полноте вздор болтать!

Полина. Маменька, оставьте его.

Кукушкина. Нет, не оставлю. С чего ты выдумала, чтобы я его оставила?

Жадов. Перестаньте. Я вас слушать не стану и жене не позволю. У вас, на старости лет, всё вздор в голове.

Кукушкина. Каков разговор, каков разговор, а?

Жадов. Между мною и вами другого разговора быть не может. Оставьте нас в покое, я прошу вас. Я люблю Полину и обязан беречь её. Ваши разговоры вредны для Полины и безнравственны.

Кукушкина. Да вы не очень горячитесь, милостивый государь!

Жадов. Вы ровно ничего не понимаете.

Кукушкина *(с озлоблением)*. Не понимаю? Нет, я очень хорошо понимаю. Видала я примеры-то, как женщины-то гибнут от бедности. Бедность-то до всего доводит. Другая бьётся, бьётся, ну и собьётся с пути. Даже и винить нельзя.

Жадов. Что! Как вы можете говорить при дочери такие вещи! Увольте нас от своего посещения... сейчас же, сейчас же.

Кукушкина. Коли дома холодно да голодно, да муж лентяй, поневоле будешь искать средств...

Жадов. Оставьте нас, я вас честью прошу. Вы меня выведете из терпения.

К у к у ш к и н а. Уж конечно уйду, и нога моя никогда не будет у вас. *(Полине.)* Каков муж-то у тебя! Вот горе-то! Вот несчастье-то!

П о л и н а. Прощайте, маменька! *(Плачет.)*

К у к у ш к и н а. Плачь, плачь, несчастная жертва, оплакивай свою судьбу! Плачь до могилы! Да ты уж лучше умри, несчастная, чтобы не разрывалось моё сердце. Легче мне будет. *(Жадову.)* Торжествуйте! Вы своё дело сделали: обманули, прикинулись влюблённым, обольстили словами и потом погубили. Вся ваша цель была в этом, я теперь вас понимаю. *(Уходит.)*

П о л и н а её провожает.

Ж а д о в. Надобно будет с Полиной построже поговорить. А то, чего доброго, её вовсе с толку собьют.

П о л и н а возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ж а д о в и П о л и н а (садится у окна, надувшись).

Ж а д о в *(разложив бумаги, садится к столу).* Фелисата Герасимовна, вероятно, больше к нам не придёт, чему я очень рад. Я бы желал, Полина, чтобы и ты к ней не ходила, а также и к Белогубовым.

П о л и н а. Не прикажете ли для вас всю родню бросить?

Ж а д о в. Не для меня, а для себя. У них у всех такие дикие понятия! Я тебя учу добру, а они развращают.

П о л и н а. Поздно меня учить, я уж учёна.

Ж а д о в. Для меня было бы ужасно убедиться в том, что ты говоришь. Нет, я надеюсь, что ты меня поймёшь наконец. Теперь много работы у меня; а вот будет поменьше, мы с тобой займёмся. Утром будешь работать, а по вечерам будем читать. Тебе многое надо прочесть, ты ведь ничего не читала.

П о л и н а. Как же, стану я сидеть с тобой! Куда как весело! Человек создан для общества.

Ж а д о в. Что?

П о л и н а. Человек создан для общества.

Ж а д о в. Откуда это у тебя?

П о л и н а. Ты меня, в самом деле, за дуру считаешь. Кто ж этого не знает! Всякий знает. Что ты меня, с улицы, что ли, взял?

Ж а д о в. Да для общества-то нужно приготовить себя, образовать.

Полина. Ничего этого не нужно, всё вздор, нужно только одеваться по моде.

Жадов. Ну а мы и этого не можем, стало быть, и толковать нечего. Займись-ка лучше работой какой-нибудь, и я примусь за дело. *(Берёт перо.)*

Полина. Работой займись! С чего это ты выдумал? Уж будет тебе надо мной командовать-то... помыкать-то всячески да насмехаться-то!

Жадов *(оборачиваясь)*. Что это, Полина?

Полина. А то же, что я хочу жить, как люди живут, а не как нищие. Надоело уж. И так я с тобой загубила свою молодость.

Жадов. Вот новости! Я этого не слыхал ещё.

Полина. Не слыхал, так послушай. Ты думаешь, что я молчала-то почти год, так и всё буду молчать? Нет, извини! Ну да что толковать! Я хочу жить, как Юлинька живёт, как все благородные дамы живут. Вот тебе и сказ!

Жадов. Вот что! Только позволь тебя спросить: на какие же средства нам так жить?

Полина. А мне что за дело! Кто любит, тот найдёт средства.

Жадов. Да ты пожалей меня; я и так работаю как вол.

Полина. Работаешь ты или не работаешь — мне вовсе никакого дела нет. Не на мытарство, не на тиранство я за тебя замуж шла.

Жадов. Вы меня нынче совсем измучили. Замолчи, ради бога.

Полина. Как же, дожидайся, буду я молчать! По твоей милости все смеются надо мною. Что я стыда натерпелась! Сестрица уж сжалилась. Нынче приехала: «Ты, говорит, нас страмишь, всю нашу фамилию: в чём ты ходишь!» И это не стыдно тебе? А ещё уверял, что любишь. На свои деньги сестрица купила да привезла шляпку мне.

Жадов *(встаёт)*. Шляпку?

Полина. Да, вот она. Посмотри, на. Что, хороша?

Жадов *(строго)*. Отнеси сейчас назад.

Полина. Назад?

Жадов. Да, сейчас, сейчас снеси! И не смей от них ничего брать.

Полина. Ну, уж этому не бывать; уж будьте покойны.

Жадов. Так я её выкину за окно.

Полина. А! Так ты вот как стал? Хорошо, мой друг, я снесу.

Жадов. И снеси.

Полина *(со слезами)*. Снесу, снесу. *(Надевает шляпку, мантилью, берёт зонтик.)* Прощайте!

Ж а д о в. Прощай!

П о л и н а. Простимся хорошенько; уж вы меня бо́льше не увидите.

Ж а д о в. Это что за вздор ещё?

П о л и н а. Я к маменьке пойду, там и останусь; ты уж и не ходи к нам.

Ж а д о в. Что за глупость ты говоришь, Полина!

П о л и н а. Нет, я уж давно обдумала! *(Чертит зонтиком по полу.)* Что моя за жизнь? Одно мученье, и никакой радости!

Ж а д о в. Не грех тебе говорить? Неужели ты со мной и не видала никакой радости?

П о л и н а. Какие радости! Кабы ты богат был — другое дело, а то бедность-то терпеть. Что за радость! Вот намедни пьяный пришёл; ещё, пожалуй, бить меня будешь.

Ж а д о в. Ах, боже мой! Что ты говоришь? Один раз пришёл навеселе... Да кто же из молодых людей не бывает пьян?

П о л и н а. Знаем мы, бедность-то до чего доводит. Мне маменька сказывала. Ты, пожалуй, запьёшь, да и я-то с тобой погибну.

Ж а д о в. Всё вздор какой тебе в голову лезет!

П о л и н а. Чего мне ждать хорошего-то? Я уж и на картах гадала про судьбу свою, и у ворожеи спрашивала: выходит — самая несчастная.

Ж а д о в *(хватает себя за голову)*. На картах гадает! К ворожеям ходит!

П о л и н а. По-твоему, чай, карты вздор! Нет уж, извини, ни в жизнь не поверю! Карты никогда не лгут. Вот уж всегда-то правду говорят. Что даже на уме у человека, и то по картам сейчас видно. Ты ведь ничему не веришь, у тебя всё вздор; оттого нам и счастья нет.

Ж а д о в *(нежно)*. Полина! *(Подходит к ней.)*

П о л и н а *(отходя)*. Сделайте милость, оставьте.

Ж а д о в. Нет, ты меня не любишь.

П о л и н а. За что тебя любить-то? Очень нужно даром-то любить!

Ж а д о в *(горячо)*. Как даром? Как даром? За любовь я тебе плачу любовью. Да ведь ты жена моя! Разве ты забыла это? Ты обязана со мной делить и горе, и радость... если б я был даже последний нищий.

П о л и н а *(садится на стул и, закинув голову, хохочет)*. Ха-ха-ха-ха!

Ж а д о в. Это уж гадко наконец! Это безнравственно!

Полина *(быстро встаёт)*. Я не понимаю, что вам за охота жить с безнравственною женщиной. Прощайте!

Жадов. Бог с тобой, прощай! Коли ты можешь бросить равнодушно мужа, так прощай! *(Садится к столу и подпирает голову руками.)*

Полина. А что ж такое! Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше.

Жадов. Ну, прощай, прощай!

Полина *(перед зеркалом)*. Вот шляпка так шляпка, не то что моя. *(Поёт.)* «Матушка, голубушка, солнышко моё...» В этой и по улице-то пройдёшь, всё-таки кто-нибудь взглянет, скажет: ах, какая хорошенькая! Прощайте! *(Приседает и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Жадов *(один)*. Что у меня за характер! Куда он годится? С женой и то ужиться не мог! Что ж мне делать теперь? Господи боже мой! Я с ума сойду. Без неё мне незачем на свете жить. Как это сделалось, я, право, не понимаю. Как же это я мог её отпустить от себя! Что она будет делать у матери! Там она погибнет совсем. Марья! Марья!

Марья за сценой: «Что угодно?»

Догони поди барыню, скажи, что мне нужно с нею поговорить. Да поскорей, поскорей! Что это в самом деле, Марья, какая ты неповоротливая! Да беги же, беги скорей!

Марья за сценой: «Сейчас!»

А ну, как она не захочет вернуться! Да и прекрасно сделает! Она имеет полное право. Чем она виновата, что я не могу её содержать прилично! Ей только восьмнадцать лет, ей жить хочется, хочется удовольствий. А я держу её в одной комнате, целый день дома не бываю. Хороша любовь! Ну вот и живи один! Прекрасно! Очень хорошо!.. Опять сирота! Чего ж лучше! Поутру пойду в присутствие, после присутствия домой незачем ходить — посижу в трактире до вечера; а вечером домой, один, на холодную постель... зальюсь слезами! И так каждый день. Очень хорошо! *(Плачет.)* Ну что ж! Не умел с женой жить, так живи один. Нет, надо решиться на что-нибудь. Я должен или расстаться с ней, или... жить... жить... как люди живут. Об этом надо подумать. *(Задумывается.)* Расстаться? Да в силах ли я с ней расстаться? Ах, какая мука! Какая мука! Нет уж, лучше...

Что с мельницами-то сражаться! Что я говорю! Какие мысли лезут мне в голову.

Входит Полина.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Жадов и Полина.

Полина *(садится, не раздеваясь).* Что вам угодно?

Жадов *(подбегает к ней).* Пришла, пришла! Опять пришла! Не стыдно ли тебе! Ты меня так расстроила, так расстроила, Полина, что я и с мыслями не соберусь. Я совсем растерялся. *(Целует руки.)* Полина, друг мой!

Полина. Да ты с нежностями-то не подъезжай ко мне.

Жадов. Ты ведь пошутила, Полина, а? Ты меня не оставишь?

Полина. Куда как интересно жить-то с тобой, горе-то мыкать!

Жадов. Ты меня убиваешь, Полина! Уж коли не любишь, так хоть пожалей меня. Ты знаешь, как я тебя люблю.

Полина. Да, оно и видно! Так и любят.

Жадов. Как же ещё любят? Как? Скажи, я всё исполню, что ты мне прикажешь.

Полина. Поди сейчас к дяде, помирись с ним и попроси такое же место, как у Белогубова, да и денег попроси кстати; после отдадим, как разбогатеем.

Жадов. Ни за что на свете, ни за что на свете! И не говори ты мне этого.

Полина. Зачем же ты меня воротил? Смеяться, что ли, надо мной хочешь? Так уж будет, я теперь стала умней. Прощай! *(Встаёт.)*

Жадов. Постой! Погоди, Полина! Дай мне с тобой поговорить.

Полина *(перед зеркалом).* Об чём говорить! Уж всё переговорили.

Жадов *(с умоляющим видом).* Нет, нет, Полина, не всё ещё. Много, много мне нужно ещё сказать тебе. Ты многого не знаешь. Кабы можно было мне вдруг передать тебе свою душу, передать то, о чем думал и мечтал я, как бы я был счастлив! Давай поговорим, Полина, поговорим. Ты только, ради бога, слушай, одной милости прошу у тебя.

Полина. Говори.

Жадов *(горячо).* Слушай, слушай! *(Берёт её за руку.)* Всегда, Полина, во все времена были люди, они и теперь есть, которые

идут наперекор устаревшим общественным привычкам и условиям. Не по капризу, не по своей воле — нет, а потому, что правила, которые они знают, лучше, честнее тех правил, которыми руководствуется общество. И не сами они выдумали эти правила: они их слышали с пастырских и профессорских кафедр, они их вычитали в лучших литературных произведениях, наших и иностранных. Они воспитались в них и хотят их провести в жизни. Что это нелегко — я согласен. Общественные пороки крепки, невежественное большинство сильно. Борьба трудна и часто пагубна; но тем больше славы для избранных: на них благословение потомства; без них ложь, зло, насилие выросли бы до того, что закрыли бы от людей свет солнечный...

П о л и н а *(смотрит на него с изумлением)*. Ты сумасшедший, право, сумасшедший! И ты хочешь, чтоб я тебя слушала; у меня и так ума-то немного, и последний с тобой потеряешь.

Ж а д о в. Да ты послушай меня, Полина!

П о л и н а. Нет, уж я лучше буду слушать умных людей.

Ж а д о в. Кого же ты будешь слушать? Кто эти умные люди?

П о л и н а. Кто? Сестрица, Белогубов.

Ж а д о в. И ты сравняла меня с Белогубовым!

П о л и н а. Скажите пожалуйста! Ты что такой за важный человек? Известно, Белогубов лучше тебя. У начальства в уважении, жену любит, отличный хозяин, свои лошади... А ты что? Только что хвастать... *(Передразнивая его.)* «Я умный, я благородный, все дураки, все взяточники!»

Ж а д о в. Что за тон у тебя! Что за манеры! Какая мерзость!

П о л и н а. Ты опять ругаться! Прощай! *(Хочет идти.)*

Ж а д о в *(держит её)*. Постой, погоди немножко.

П о л и н а. Пусти.

Ж а д о в. Нет, постой, постой! Полиночка, друг мой, погоди. *(Хватает её за платье.)*

П о л и н а *(смеётся)*. Ну, что ты меня держишь руками-то! Какой ты чудак! Захочу уйти, так не удержишь.

Ж а д о в. Что ж мне с тобой делать? Что ж мне с тобой делать, с моей милой Полиной?

П о л и н а. Поди к дяде да помирись.

Ж а д о в. Постой, постой, дай подумать.

П о л и н а. Подумай.

Ж а д о в. Ведь я тебя люблю, я для тебя готов на всё на свете... Но что ты мне предлагаешь!.. Ужасно!.. Нет, надо подумать. Да, да, да, да... подумать надо... надо подумать... Ну а если я не пойду к дяде, ты уйдёшь от меня?

П о л и н а. Уйду.

Ж а д о в. Совсем уйдёшь?

П о л и н а. Совсем. Не десять тебе раз говорить-то, надоело уж. Прощай!

Ж а д о в. Постой, постой! *(Садится к столу, подпирает голову руками и задумывается.)*

П о л и н а. Долго ли мне ждать-то!

Ж а д о в *(почти со слезами)*. А ведь знаешь что, Полина? Ведь хорошо, когда хорошенькая жена да хорошо одета?

П о л и н а *(с чувством)*. Очень хорошо!

Ж а д о в. Ну да, да... *(Кричит.)* Да, да! *(Топает ногами.)* И хорошо с ней выехать в хорошем экипаже?

П о л и н а. Ах, как хорошо!

Ж а д о в. Ведь молодую, хорошенькую жену надо любить, надо её лелеять... *(Кричит.)* Да, да, да, надо её наряжать... *(Успокоившись.)* Ну, что ж, ничего... ничего... Это легко сделать! *(С отчаянием.)* Прощайте, юношеские мечты мои! Прощайте, великие уроки! Прощай, моя честная будущность! Ведь буду и я старик, будут у меня и седые волосы, будут и дети...

П о л и н а. Что ты? Что ты?

Ж а д о в. Нет, нет! Детей будем в строгих правилах воспитывать. Пусть идут за веком. Нечего им на отцов смотреть.

П о л и н а. Да перестань!

Ж а д о в. Дай мне поплакать-то; ведь уж это я плачу в последний раз в жизни. *(Рыдает.)*

П о л и н а. Что это с тобой сделалось?

Ж а д о в. Ничего... ничего... легко... легко... всё легко на свете. Только надобно, чтоб не напоминало ничто! Это просто сделать! Это я сделаю... буду сторониться, прятаться от своих прежних товарищей... не буду ходить туда, где говорят про честность, про святость долга... целую неделю работать, а в пятницу на субботу собирать разных белогубовых и пьянствовать на наворованные деньги, как разбойники... да, да... А там и привыкнешь...

П о л и н а *(почти плача)*. Ты что-то нехорошее говоришь.

Ж а д о в. Петь песни... Ты знаешь эту песню? *(Поёт.)*

Бери, большой тут нет науки.
Бери, что можно только взять.
На что ж привешены нам руки,
Как не на то, чтоб брать, брать, брать...

Хороша эта песенка?

П о л и н а. Что с тобой такое, я уж и не пойму.

Ж а д о в. Пойдём к дядюшке просить доходного места! *(Надевает небрежно шляпу и берёт жену за руку.)*

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЛИЦА

АРИСТАРХ ВЛАДИМИРЫЧ ВЫШНЕВСКИЙ.
АННА ПАВЛОВНА ВЫШНЕВСКАЯ.
АКИМ АКИМЫЧ ЮСОВ.
ВАСИЛИЙ НИКОЛАИЧ ЖАДОВ.
ПОЛИНА.
АНТОН.
МАЛЬЧИК.

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В ы ш н е в с к а я и А н т о н (подаёт письмо на подносе и уходит).

В ы ш н е в с к а я *(читает)*. «Милостивая государыня Анна Павловна! Извините меня, если моё письмо вам не понравится; ваши поступки со мной оправдывают и мои. Я слышал, что вы смеётесь надо мной и показываете посторонним мои письма, писанные с увлечением и в порыве страсти. Вы не можете не знать моего положения в обществе и сколько компрометирует меня такое ваше поведение. Я не мальчик. И по какому праву вы так поступаете со мной? Моё искательство совершенно оправдывалось вашим поведением, которое, вы сами должны признаться, не было безукоризненно. И хотя мне, как мужчине, позволительны некоторые вольности, но смешным я быть не хочу. А вы меня сделали предметом разговора в целом городе. Вы знаете мои отношения к Любимову, я уже говорил вам, что между бумагами, которые остались после него, я нашёл несколько ваших писем.

Я предлагал вам их получить от меня. Стоило только вам побороть вашу гордость и согласиться с общественным мнением, что я один из красивейших мужчин и более других пользуюсь успехами между дамами. Вам угодно было обращаться со мной презрительно; в таком случае вы должны меня извинить: я решился передать эти письма вашему мужу». Вот это благородно! Фу, какая мерзость! Ну да всё равно, надобно же было кончить когда-нибудь. Я не из тех женщин, что бы согласилась поправлять холодным развратом проступок, сделанный по увлечению. Хороши у нас мужчины! Человек, которому сорок лет, у которого жена красавица, начинает ухаживать за мной, говорить и делать глупости. Что может оправдать его? Страсть? Какая страсть! Он уж, я думаю, в восьмнадцать лет потерял способность влюбляться. Нет, очень просто: до него дошли разные сплетни про меня, и он считает меня доступной женщиной. И вот он без всякой церемонии начинает писать ко мне страстные письма, наполненные самыми пошлыми нежностями, очевидно, весьма хладнокровно придуманными. Он объездит десять гостиных, где будет рассказывать про меня самые ужасные вещи, и потом приезжает утешать меня. Говорит, что он презирает общественное мнение, что страсть в его глазах оправдывает всё. Клянётся в любви, говорит пошлые фразы, желая придать своему лицу страстное выражение, делает какие-то странные, кислые улыбки. Даже не даёт себе труда хорошенько притвориться влюблённым. Зачем трудиться, сойдёт и так, только бы форма была соблюдена. Если посмеёшься над таким человеком или окажешь ему презрение, которого он заслуживает, он считает себя вправе мстить. Для него смешное страшнее самого грязного порока. Связью с женщиной он станет хвастаться сам — это делает ему честь; а письма его показать — беда, это его компрометирует. Он сам чувствует, что они смешны и глупы. За кого же они считают тех женщин, к которым пишут такие письма? Бессовестный народ! И вот он теперь, в порыве благородного негодования, делает подлость против меня и, вероятно, считает себя правым. Да не один он, все таковы... Ну да тем лучше, по крайней мере, я объяснюсь с мужем. Мне даже хочется этого объяснения. Он увидит, что если я виновата перед ним, то он ещё более виноват передо мной. Он убил всю мою жизнь. Он своим эгоизмом засушил моё сердце, отнял у меня возможность семейного счастия; он заставил меня плакать о том, что воротить нельзя — об моей молодости. Я провела её с ним пошло,

бесчувственно, тогда как душа просила жизни, любви. В пустом, мелочном круге его знакомых, в который он ввёл меня, во мне заглохли все лучшие душевные качества, оледенели все благородные порывы. И вдобавок, я испытываю угрызение совести за проступок, которого избежать было не в моей власти.

Ю с о в входит, заметно расстроенный.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

В ы ш н е в с к а я и Ю с о в.

Ю с о в *(кланяясь)*. Ещё не приезжали-с?

В ы ш н е в с к а я. Нет ещё. Садитесь.

Юсов садится.

Вы чем-то встревожены?

Ю с о в. Нет слов-с... уста немеют.

В ы ш н е в с к а я. Да что такое?

Ю с о в *(качает головой)*. Человек всё равно... корабль по морю... вдруг кораблекрушение, и несть спасающего!..

В ы ш н е в с к а я. Я вас не понимаю.

Ю с о в. Я насчёт бренности... что прочно в жизни сей? С чем придём? С чем предстанем?.. Одни дела... можно сказать, как ноша за спиной... в обличение... и помышления даже... *(махнув рукой)* все записаны.

В ы ш н е в с к а я. Что, умер, что ли, кто-нибудь?

Ю с о в. Нет-с, переворот в жизни. *(Нюхает табак.)* В богатстве и в знатности затмение бывает... чувств наших... забываем нищую братию... гордость, плотоугодие... За то и наказание бывает по делам нашим.

В ы ш н е в с к а я. Я это давно знаю; не понимаю только, к чему вы передо мной теряете даром своё красноречие.

Ю с о в. Близко сердцу моему... Положим, хоть я тут не подлежу большой ответственности... но всё-таки над такой особой! Что прочно!.. Когда и сан не защищает.

В ы ш н е в с к а я. Над какой особой?

Ю с о в. Опала на нас-с.

В ы ш н е в с к а я. Да говорите!

Ю с о в. Открылись якобы упущения, недочёты сумм и разные злоупотребления.

В ы ш н е в с к а я. Что же?

Ю с о в. Так нас под суд-с... То есть я-то, собственно, не подлежу большой ответственности, а Аристарх Владимирыч должны будут...

В ы ш н е в с к а я. Что должны?

Ю с о в. Ответствовать всем своим имуществом и подвергнуться суду за противозаконные якобы поступки.

В ы ш н е в с к а я *(подняв глаза).* Начинается расплата!

Ю с о в. Конечно, смертный... Станут придираться, так, пожалуй, найдут что-нибудь; я так полагаю, что, по нынешним строгостям, отставят... Должен буду бедствовать без куска хлеба.

В ы ш н е в с к а я. Вам, кажется, далеко до этого.

Ю с о в. Да ведь дети-с.

Молчание.

Я всё думал дорогой, с прискорбием думал: за что такое попущение на нас? За гордость... Гордость ослепляет человека, застилает глаза.

В ы ш н е в с к а я. Полноте, какая тут гордость! Просто за взятки.

Ю с о в. Взятки? Взятки что-с, маловажная вещь... многие подвержены. Смирения нет, вот главное... Судьба всё равно что фортуна... как изображается на картине... колесо, и на нём люди... поднимается кверху и опять опускается вниз, возвышается и потом смиряется, превозносится собой и опять ничто... так всё кругообразно. Устроивай своё благосостояние, трудись, приобретай имущество... возносись в мечтах... и вдруг наг!.. Надпись подписана под этой фортуной... *(С чувством.)*

Чуден в свете человек!
Суетится целый век,
Счастия сыскать желает,
А того не воображает,
Что судьба им управляет.

Вот что раскусить надо! Вот что должен человек помнить! Мы родимся, ничего не имеем, так и в могилу. Для чего трудимся? Вот философия! Что наш ум? Что он может постигнуть?

Входит В ы ш н е в с к и й и молча проходит в кабинет. Юсов встаёт.

В ы ш н е в с к а я. Как он изменился!

Ю с о в. За доктором бы послать. С ними давеча в присутствии дурно сделалось. Такой удар... человеку благородных чувств... как его перенесть!

Вышневская *(звонит).*

Входит мальчик.

Сходи за доктором, попроси поскорей приехать.

Вышневский выходит и садится в кресла.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Вышневский.

Вышневская *(подходя к нему).* Я слышала от Акима Акимыча, с вами несчастие. Не падайте духом.

Молчание.

Вы ужасно переменились. Вы дурно себя чувствуете? Я послала за доктором.

Вышневский. Какое лицемерие! Какая гнусная ложь! Какая подлость!

Вышневская *(гордо).* Никакой лжи! Я вас жалею, как стала бы жалеть всякого в несчастии — ни больше, ни меньше. *(Отходит и садится.)*

Вышневский. Не нужно мне ваших сожалений. Не жалейте меня! Я обесчещен, разорён! За что?

Вышневская. Спросите у вашей совести.

Вышневский. Не говорите о совести! Вы не имеете права говорить о ней... Юсов! За что я погиб?

Юсов. Превратность... судьба-с.

Вышневский. Вздор, какая судьба! Сильные враги — вот причина! Вот что меня сгубило! Проклятие вам! Позавидовали моему благополучию. Как не позавидовать! Человек в несколько лет возвышается, богатеет, смело создаёт своё благоденствие, строит дома и дачи, покупает деревню за деревней, вырастает выше их целой головой. Как не позавидовать! Человек идёт к богатству и почестям, как по лестнице. Чтобы перегнать или хоть догнать его, нужен ум, гений. Ума взять негде, ну так подставить ему ногу. Я задыхаюсь от бешенства...

Юсов. Зависть человека может на всё подвигнуть...

Вышневский. Не падение меня бесит, нет — а торжество, которое я им доставлю своим падением. Что теперь разговору! Что радости! О, чёрт возьми, я не переживу! *(Звонит.)*

Входит Антон.

Воды...

Антон подаёт и уходит.

Теперь с вами мне нужно поговорить.

Вышневская. Что вам угодно?

Вышневский. Мне угодно вам сказать, что вы развратная женщина.

Вышневская. Аристарх Владимирыч, здесь посторонние люди.

Юсов. Прикажете уйти?

Вышневский. Останься! Я скажу то же самое при всей дворне.

Вышневская. За что вы оскорбляете меня? Вам не на кого излить свою бессильную злобу. Не грех ли вам!

Вышневский. Вот вам доказательство моих слов. *(Бросает конверт с письмами.)*

Юсов поднимает и подаёт Вышневской.

Вышневская. Благодарю вас. *(Судорожно рассматривает их и прячет в карман.)*

Вышневский. Юсов, что делают с женщиной, которая, несмотря на все благодеяния мужа, забывает свой долг?

Юсов. Гм... гмм...

Вышневский. Я тебе скажу: выгоняют с позором! Да, Юсов, я несчастен, вполне несчастен, я одинок. Не бросай хоть ты меня. Человек, как бы он ни был высоко поставлен, когда он в горе, всё-таки ищет утешения в семействе. *(С злобою.)* А я нахожу в своём семействе...

Вышневская. Не говорите про семейство! У вас его никогда не было. Вы даже не знаете, что такое семейство! Позвольте же теперь, Аристарх Владимирыч, высказать вам всё, что я перенесла, живя с вами.

Вышневский. Для вас нет оправданий.

Вышневская. Я и не хочу оправдываться — мне не в чем оправдываться. За минутное увлечение я перенесла много горя, много унижения, но, поверьте, без ропота на судьбу и без проклятий, как вы. Я хочу вам сказать только, что если я виновата, то перед собой одной, а не перед вами. Вы не должны меня упрекать. Если б вы имели сердце, вы бы чувствовали, что вы меня погубили.

Вышневский. Ха-ха! Вините кого другого в вашем поведении, а не меня.

Вышневская. Нет, вас. Разве вы жену брали себе? Вспомните, как вы за меня сватались! Когда вы были женихом, я не слыхала от вас ни одного слова о семейной жизни; вы вели себя, как старый волокита, обольщающий молодых девушек подарками, смотрели на меня, как сатир. Вы видели моё отвращение к вам, и, несмотря на это, вы всё-таки купили меня за деньги у моих родственников, как покупают невольниц в Турции. Чего же вы от меня хотите?

Вышневский. Вы моя жена, не забывайте! И я вправе всегда требовать от вас исполнения вашего долга.

Вышневская. Да, вы свою покупку, не скажу, освятили, нет — а закрыли, замаскировали браком. Иначе нельзя было: мои родные не согласились бы, а для вас всё равно. И потом, когда уж вы были моим мужем, вы не смотрели на меня как на жену: вы покупали за деньги мои ласки. Если вы замечали во мне отвращение к вам, вы спешили ко мне с каким-нибудь дорогим подарком и тогда уж подходили смело, с полным правом. Что же мне было делать... вы всё-таки мой муж: я покорялась. О! Перестанешь уважать себя. Каково испытывать чувство презрения к самой себе! Вот до чего вы довели меня! Но что со мной было потом, когда я узнала, что даже деньги, которые вы мне дарите,— не ваши, что они приобретены не честно...

Вышневский *(привстаёт)*. Замолчите!

Вышневская. Извольте, я замолчу об этом, вы уже довольно наказаны; но я буду продолжать о себе.

Вышневский. Говорите, что хотите, мне всё равно; вы не измените моего мнения о вас.

Вышневская. Может быть, вы о себе измените мнение после моих слов. Вы помните, как я дичилась общества, я боялась его. И недаром. Но вы требовали — я должна была уступить вам. И вот, совсем неприготовленную, без совета, без руководителя, вы ввели меня в свой круг, в котором искушение и порок на каждом шагу. Некому было ни предупредить, ни поддержать меня! Впрочем, я сама узнала всю мелочность, весь разврат тех людей, которые составляют ваше знакомство. Я берегла себя. В то время я встретила в обществе Любимова, вы его знали. Помните его открытое лицо, его светлые глаза, как умён и как чист был он сам! Как горячо он спорил с вами, как смело говорил про всякую ложь и неправду! Он говорил то, что я уже чувствовала, хотя и неясно. Я ждала от вас возражений. Возражений от вас не было; вы только клеветали на него, за глаза

выдумывали гнусные сплетни, старались уронить его в общественном мнении, и больше ничего. Как я желала тогда заступиться за него; но я не имела для этого ни возможности, ни достаточно ума. Мне оставалось только... полюбить его.

Вышневский. Так вы и сделали?

Вышневская. Так я и сделала. Я видела потом, как вы губили его, как мало-помалу достигали своей цели. То есть не вы одни, а все, кому это нужно было. Вы сначала вооружили против него общество, говорили, что его знакомство опасно для молодых людей, потом твердили постоянно, что он вольнодумец и вредный человек, и восстановили против него его начальство; он принуждён был оставить службу, родных, знакомство, уехать отсюда... *(Закрывает глаза платком.)* Я всё это видела, всё выстрадала на себе. Я видела торжество злобы, а вы всё ещё считаете меня той девочкой, которую вы купили и которая должна быть благодарна и любить вас за ваши подарки. Из моих чистых отношений к нему сделали гнусную сплетню; дамы стали явно клеветать на меня, а тайно завидовать; молодые и старые волокиты стали без церемонии преследовать меня. Вот до чего вы довели меня, женщину, достойную, может быть, лучшей участи, женщину, способную понимать истинное значение жизни и ненавидеть зло! Вот всё, что я хотела сказать вам, — больше вы не услышите от меня упрека никогда.

Вышневский. Напрасно. Я теперь бедный человек, а бедные люди позволяют своим женам ругаться. Это у них можно. Если бы я был тот Вышневский, каким был до нынешнего дня, я бы вас прогнал без разговору; но мы теперь, благодаря врагам моим, должны спуститься из круга порядочных людей. В низшем кругу мужья бранятся с своими жёнами и иногда дерутся — и это не делает никакого скандала.

Входит Жадов с женой.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же, Жадов и Полина.

Вышневский. Ты зачем?

Жадов. Дядюшка, извините...

Полина. Здравствуйте, дяденька! Здравствуйте, тётенька! *(Шепчет Вышневской.)* Пришёл места просить. *(Садится подле Вышневской.)*

Вышневская. Как! Неужели? *(Смотрит с любопытством на Жадова.)*

Вышневский. Ты пришёл посмеяться над дядей!

Жадов. Дядюшка, я, быть может, оскорбил вас. Извините меня... увлечение молодости, незнание жизни... я не должен был... вы мой родственник.

Вышневский. Ну?

Жадов. Я испытал, что значит жить без поддержки... без протекции... я женат.

Вышневский. Ну, что ж тебе?

Жадов. Я живу очень бедно... Для меня бы стало; но для жены, которую я очень люблю... Позвольте мне опять служить под вашим начальством... дядюшка, обеспечьте меня! Дайте мне место, где бы я... мог... *(тихо)* приобресть что-нибудь.

Полина *(Вышневской)*. Подоходнее.

Вышневский *(хохочет)*. Ха-ха-ха!.. Юсов! Вот они, герои-то! Молодой человек, который кричал на всех перекрёстках про взяточников, говорил о каком-то новом поколении, идёт к нам же просить доходного места, чтобы брать взятки! Хорошо новое поколение! Ха-ха-ха!

Жадов *(встаёт)*. Ох! *(Хватается за грудь.)*

Юсов. Молод был! Разве дело говорил! Одни слова... Так они словами и останутся. Жизнь-то даст себя знать! *(Нюхает табак.)* Бросишь философию-то. Только то нехорошо, что прежде надобно было умных людей послушать, а не грубить.

Вышневский *(Юсову)*. Нет, Юсов, помнишь, какой тон был! Какая уверенность в самом себе! Какое негодование к пороку! *(Жадову, более и более разгорячаясь.)* Не ты ли говорил, что растёт какое-то новое поколение образованных, честных людей, мучеников правды, которые обличат нас, закидают нас грязью? Не ты ли? Признаюсь тебе, я верил. Я вас глубоко ненавидел... я вас боялся. Да, не шутя. И что ж оказывается! Вы честны до тех пор, пока не выдохлись уроки, которые вам долбили в голову; честны только до первой встречи с нуждой! Ну, обрадовал ты меня, нечего сказать!.. Нет, вы не стоите ненависти — я вас презираю!

Жадов. Презирайте, презирайте меня. Я сам себя презираю.

Вышневский. Вот люди, которые взяли себе привилегию на честность! Мы с тобой осрамлены! Нас отдали под суд...

Жадов. Что я слышу!

Юсов. Люди — всегда люди.

Ж а д о в. Дядюшка, я не говорил, что наше поколение честней других. Всегда были и будут честные люди, честные граждане, честные чиновники; всегда были и будут слабые люди. Вот вам доказательство — я сам. Я говорил только, что в наше время... *(начинает тихо и постепенно одушевляется)* общество мало-помалу бросает прежнее равнодушие к пороку, слышатся энергические возгласы против общественного зла... Я говорил, что у нас пробуждается сознание своих недостатков; а в сознании есть надежда на лучшее будущее. Я говорил, что начинает создаваться общественное мнение... что в юношах воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно растёт, растёт и принесёт плоды. Не увидите вы, так мы увидим и возблагодарим Бога. Моей слабости вам нечего радоваться. Я не герой, я обыкновенный, слабый человек; у меня мало воли, как почти у всех нас. Нужда, обстоятельства, необразованность родных, окружающий разврат могут загнать меня, как загоняют почтовую лошадь. Но довольно одного урока, хоть такого, как теперь... благодарю вас за него; довольно одной встречи с порядочным человеком, чтобы воскресить меня, чтобы поддержать во мне твёрдость. Я могу поколебаться, но преступления не сделаю; я могу споткнуться, но не упасть. Моё сердце уж размягчено образованием, оно не загрубеет в пороке.

Молчание.

Я не знаю, куда деться от стыда... Да, мне стыдно, стыдно, что я у вас.

В ы ш н е в с к и й *(поднимаясь)*. Так поди вон!

Ж а д о в *(кротко)*. Пойду. Полина, теперь ты можешь идти к маменьке; я тебя держать не стану. Уж теперь я не изменю себе. Если судьба приведёт есть один чёрный хлеб — буду есть один чёрный хлеб. Никакие блага не соблазнят меня, нет! Я хочу сохранить за собой дорогое право глядеть всякому в глаза прямо, без стыда, без тайных угрызений, читать и смотреть сатиры и комедии на взяточников и хохотать от чистого сердца, откровенным смехом. Если вся жизнь моя будет состоять из трудов и лишений, я не буду роптать... Одного утешения буду просить я у Бога, одной награды буду ждать. Чего, думаете вы?

Короткое молчание.

Я буду ждать того времени, когда взяточник будет бояться суда общественного больше, чем уголовного.

Вышневский *(встаёт)*. Я тебя задушу своими руками! *(Шатается.)* Юсов, мне дурно. Проводи меня в кабинет. *(Уходит с Юсовым.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Вышневская, Жадов, Полина и потом Юсов.

Полина *(подходит к Жадову)*. Ты думал, что я в самом деле хочу тебя оставить? Это я нарочно. Меня научили.

Вышневская. Помиритесь, дети мои.

Жадов и Полина целуются.

Юсов *(в дверях)*. Доктора! Доктора!

Вышневская *(приподнимаясь в креслах)*. Что, что?

Юсов. С Аристархом Владимирычем удар!

Вышневская *(слабо вскрикнув)*. Ах! *(Опускается в кресла.)*

Полина со страху прижимается к Жадову; Жадов опирается рукой на стол и опускает голову. Юсов стоит у двери, совершенно растерявшись. Картина.

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОН — ДО ОБЕДА[1]

Картины из московской жизни

1 По народному поверью, сон, виденный под праздник, сбывается только до обеда.— *Примеч. А. Н. Островского.*

ЛИЦА

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА, *вдова.*
МИХАЙЛО ДМИТРИЧ БАЛЬЗАМИНОВ, *её сын, чиновник, 25 лет.*
КЛЕОПАТРА ИВАНОВНА НИЧКИНА, *вдова, купчиха, 35 лет.*
КАПОЧКА (КАПИТОЛИНА), *её дочь, 17 лет.*
УСТИНЬКА, *подруга Капочки, купеческая дочь, 20 лет.*
АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА, *сваха.*
НИЛ БОРИСЫЧ НЕУЕДЕНОВ, *купец, брат Ничкиной, 40 лет.*
ЮША (ЕФИМ), *сын его, 13 лет.*
МАТРЁНА, *кухарка у Бальзаминовых.*
МАЛАНЬЯ, *горничная у Ничкиной.*

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Бедная комната; направо дверь, у двери старинные часы; прямо печь изразцовая, с одной стороны её шкаф, с другой — дверь в кухню; налево комод, на нём туалетное зеркало; на первом плане окно, у окна стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминова *(одна, сидит с чулком в руках).* Миша! Миша! Что ты там в кухне делаешь?

Бальзаминов из кухни: «Не мешайте, маменька! Матрёна меня завивает!»

Всё завивается! Всё завивается! Красотой-то своей уж очень занят. Эх, молодо, зелено! Всё счастье себе хочет составить, прельстить кого-нибудь. А я так думаю, не прельстит он никого; разумом-то он у меня больно плох. Другой и собой-то, из лица-то неказист, так словами обойдёт; а мой-то умных слов совсем не знает. Да, да! Уж и жаль его. Знай-ка он умные-то слова, по нашей бы стороне много мог выиграть: сторона глухая, народ тёмный. А то слов-то умных не знает. Да и набраться-то негде. Уж хоть бы из стихов, что ли, выписывал. *(Подумав.)* И диковина это, что случилось! В кого это он родился так белокур? Опять беда: нынче белокурые-то не в моде. Ну и нос… не то чтобы он курносый вовсе, а так мало как-то, чего-то не хватает. А понравиться хочется, особенно кабы богатой невесте. Уж так, бедный, право, старается — из кожи лезет. Кто ж себе враг! Сторона-то у нас такая, богатых невест очень много, а глупы ведь. Может, Мише и посчастливится по их глупости. Умишком-то его очень Бог обидел.

Бальзаминов кричит из кухни: «Маменька, я хочу а-ля полька завиться!»

Глупенький, глупенький! Зачем ты завиваешься-то? Волосы только ерошишь да жжёшь, все врозь смотрят. Так-то лучше к тебе идёт, натуральнее! Ах ты, Миша, Миша! Мне-то ты мил, я-то тебя ни на кого не променяю; как-то другим-то понравишься, особенно богатым-то? Что-то уж и не верится! На мои-то бы глаза лучше и нет тебя, а другие-то нынче разборчивы. Поговорят с тобой, ну и увидят, что ты умом-то недостаточен. А кто ж этому виноват? *(Вздыхает.)* Глупенький ты мой! А ведь, может быть, и счастлив будет. Говорят, таким-то Бог счастье даёт. *(Вяжет чулок.)*

Бальзаминов в халате вбегает из кухни.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминов, Бальзаминова и Матрёна.

Бальзаминов *(держась за голову)*. Ухо, ухо! Батюшки, ухо!

Матрёна *(в двери, со щипцами)*. Я ведь не полихмахтер, с меня что взять-то!

Бальзаминов. Да ведь я тебя просил волосы завивать-то, а не уши.

Матрёна. А зачем велики отрастил! Ин шёл бы к полихмахтеру; а с меня что взять-то! *(Уходит.)*

Бальзаминов. Батюшки, что ж мне делать-то! *(Подходит к зеркалу.)* Ай, ай, ай! Почернело всё!.. Уж больно-то, нужды б нет, как бы только его волосами закрыть, чтобы не видно было.

Бальзаминова. За дело!

Бальзаминов. Какое, задела! Так горячими-то щипцами всё ухо и ухватила... Ой, ой, ой! Маменька! Даже до лихорадки... Ой, батюшки!

Бальзаминова. Я говорю, Миша, за дело тебе. Зачем завиваться! Что хорошего! Точно как цирюльник; да и грех. Уж как ни завивайся, лучше не будешь.

Бальзаминов. Как вы, маменька, мне счастья не желаете, я не понимаю. Как мы живём? Просто бедствуем.

Бальзаминова. Так что ж! Зачем же волосы-то портить?..

Бальзаминов. Да ведь нынче праздник.

Бальзаминова. Так что ж, что праздник?

Бальзаминов. Как что? Здесь сторона купеческая; может такой случай выйти... Вдруг...

Бальзаминова. Всё у тебя глупости на уме.

Бальзаминов. Какие же глупости?

Бальзаминова. Разумеется, глупости. Разве хорошо? Растреплешь себе волосы, да и пойдёшь мимо богатых купцов под окнами ходить. Как-нибудь и беды наживёшь. Другой ревнивый муж или отец вышлет дворника с метлой.

Бальзаминов. Ну, что ж такое? Ну, вышлет; можно и убежать.

Бальзаминова. Незачем шататься-то.

Бальзаминов. Как незачем? Разве лучше в бедности-то жить! Ну, я год прохожу, ну два, ну три, ну пять — ведь также у меня время-то идёт, — зато вдруг...

Бальзаминова. Лучше бы ты служил хорошенько.

Бальзаминов. Что служить-то! Много ли я выслужу? А тут вдруг зацепишь мильон.

Бальзаминова. Уж и мильон?

Бальзаминов. А что ж такое! Нешто не бывает. Вы сами ж сказывали, что я в сорочке родился.

Молчание.

Ах, маменька, не поверите, как мне хочется быть богатым, так и сплю, и вижу. Кажется... эх... разорвался бы! Уж так хочется, так хочется!

Бальзаминова. Дурное ли дело!

Бальзаминов. Ведь другой и богат, да что проку-то: деньгами не умеет распорядиться, даже досадно смотреть.

Бальзаминова. А ты умеешь?

Бальзаминов. Да, конечно, умею. У меня, маменька, вкусу очень много. Я знаю, что мне к лицу. *(Подбегает к окну.)* Маменька, маменька, поглядите!

Бальзаминова. Нужно очень!

Бальзаминов. Какая едет-то! Вся бархатная! *(Садится у окна, повеся голову.)* Вот кабы такая влюбилась в меня да вышла за меня замуж, что бы я сделал!

Бальзаминова. А что?

Бальзаминов. А вот: во-первых, сшил бы себе голубой плащ, на чёрной бархатной подкладке. Надо только вообразить, маменька, как мне голубой цвет к лицу! Купил бы себе серую лошадь и беговые дрожки и ездил бы по Зацепе, маменька, и сам правил...

Бальзаминова. Всё-то вздор у тебя.

Бальзаминов. Да, я вам и забыл сказать, какой я сон видел! Вот разгадайте-ка.

Бальзаминова. Ну, говори, какой?

Бальзаминов *(берёт стул и садится подле матери).* Вот, вдруг я вижу, будто я еду в хорошей коляске и одет, будто, я очень хорошо, со вкусом: жилетка, будто, на мне, маменька, чёрная, с мелкими золотыми полосками; лошади, будто, серые, а еду я подле реки...

Бальзаминова. Лошади — ложь; река — речи, разговор.

Бальзаминов. Слушайте, маменька, что дальше было. Вот, вижу я, будто кучер меня уронил, во всём-то в новом платье, и прямо в грязь.

Бальзаминова. Грязь — это богатство.

Бальзаминов. Да какая грязь-то, маменька! Бррр... И, будто, я в этом... весь перепачкался. Так я и обмер! Во всём-то в новом, вообразите!

Бальзаминова. Это... золото. Это тебе к большому богатству.

Бальзаминов. Кабы сбылось! Хоть бы вот на смех один сон сбылся! Уж сколько я таких снов видел: и денег-то у меня много, и одет-то я очень хорошо — проснёшься, хвать, ан нет ничего. Один раз генералом себя видел. Как обрадовался! Нет! Перестану верить снам.

Бальзаминова. Как можно не верить.

Бальзаминов. Нет, нет! Один обман...

Бальзаминова. А вот подождём. Праздничный сон — до обеда сбывается: коли до обеда не сбудется, так ничего не будет,— надобно его совсем из головы выкинуть.

Бальзаминов. Я, маменька, оденусь да пойду погуляю. *(Уходит.)*

Бальзаминова. А сон-то в самом деле хорош. Чего не бывает на свете! Может быть, и ему счастье выйдет.

Матрёна *(в дверях).* Какая-то старуха, русачка, вас спрашивает.

Бальзаминова. Ну, позови!

Матрёна уходит.

Что ей от меня нужно? Право, не придумаю. Уж не сваха ли?

Красавина входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Красавина и Бальзаминова.

Бальзаминова. Садитесь, матушка!

Красавина садится.

Что вам угодно?

Красавина. Аль не узнали?

Бальзаминова. Не признаю, матушка.

Красавина. Уж, кажется, нашу сестру из тысячи выберешь. Видна сова по полёту. Где сын-то?

Бальзаминова. Одевается.

Красавина. Ну, уж кавалер, нечего сказать! С налёту бьёт! Крикнул это, гаркнул: сивка, бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой! В одно ухо влез, в другое вылез, стал молодец молодцом. Сидит королевишна в своём новом тереме на двенадцати венцах. Подскочил на все двенадцать венцов, поцеловал королевишну во сахарны уста, а та ему именной печатью в лоб и запечатала для памяти.

Бальзаминова. Теперь, матушка, понимаю. Миша, Миша!

Бальзаминов входит во фраке.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота моя неописанная! Младой вьюнош, чем дарить будешь?

Бальзаминов. Кого?

Красавина. Меня.

Бальзаминов. За что?

Красавина. Много будешь знать, скоро состареешься. Ты подарок-то готовь.

Бальзаминов *(сконфузившись)*. Чем тебя дарить-то? *(Шарит в карманах.)* Право... эх... ничего-то у меня нет.

Красавина. На нет — суда нет. Теперь нет, после будет. Смотри же, уговор лучше денег. Мне многого не надо, ты сам человек бедный, только вдруг счастье-то тебе такое вышло. Ты мне подари кусок материи на платье да платок пукетовый, французский.

Бальзаминов. Да уж хорошо, уж что толковать!

Красавина. Что разгорячился больно! Надо толком поговорить. Ты своё возьмёшь, и мне надо своё взять. Так смотри же, французский. А то ты подаришь, пожалуй, платок-то по нетовой земле пустыми цветами.

Бальзаминов. Да уж всё, уж всё, только говори.

Красавина. Аль сказать?

Бальзаминов. Говори, говори! Маменька, вот сон-то!

Бальзаминова. Да, Миша.

Красавина. Разве видел что?

Бальзаминов. Видел, видел.

Красавина. Ну, вот тебе и вышло.

Бальзаминов. Да что вышло-то?

Красавина. Ишь ты какой проворный! Так тебе вдруг и сказать! Вы хоть бы меня попотчевали чем-нибудь. Уж, одно слово, обрадую.

Бальзаминов. Маменька, что ж вы сидите в самом деле! Всего-то один сын у вас, и то не хлопочете об его счастье!

Бальзаминова. Что ты, с ума, что ли, сошёл!

Бальзаминов. Да как же, маменька! Сами теперь видите, какая линия мне выходит. Вдруг человеком могу сделаться... Поневоле с ума сойдёшь.

Бальзаминова. Чаю не хотите ли?

Красавина. Пила, матушка, раза четыре уж нынче пила. Форму-то эту соблюдаешь, а проку-то от него немного.

Бальзаминова. Так не прикажете ли водочки?

Красавина. Праздничный день — можно. Я от добра не отказываюсь; во мне нет этого.

Бальзаминова *(достаёт из шкафа водку)*. Матрёна! Сбегай в лавочку, возьми колбасы.

Матрёна из кухни: «Что бегать-то, коли дома есть!»

Так подавай поскорее.

Матрёна из кухни: «Подам! Над нами не каплет».

Бальзаминов. Ведь вот удавить Матрёну — ведь мало.

Бальзаминова идёт в кухню и приносит на двух тарелках хлеб и колбасу и ставит на стол.

Бальзаминова. Кушайте.

Красавина. Я ни от чего не отказываюсь. Всё добро, всё на пользу. Ничем не брезгаю. В одном доме хотели надо мной насмешку сделать, поднесли вместо водки рюмку ладиколону.

Бальзаминова. Скажите! Какая насмешка!

Красавина. Ничего. Я выпила да ещё поблагодарила. От него ведь вреда нет, от ладиколону-то. С праздником! *(Пьёт и закусывает.)*

Бальзаминова. Кушайте на здоровье! Как вас звать?

Красавина. Акулина Гавриловна. Между народом-то Говорилихой прозвали, так Говорилихой и кличут.

Бальзаминов. Чем же, Акулина Гавриловна, обрадуете?

Красавина. Будто не знаешь! Ты ведь заполонил-то, так должен знать.

Бальзаминов. Право, не знаю.

Красавина. Каков молодец! Ох, глаза твои плутовские, больно завистливы! Высоко глаза-то закидываешь! А девка-то теперь сохнет, по стенам мечется. Видит беду неминучую, за Говорилихой сейчас: «Выручай, Говорилиха!» — А Говорилихе-то и на руку. Посольскую должность мне не в первый раз править. Ноги с подходом, голова с поклоном, язык с приговором.

Бальзаминов. Да от кого?

Красавина. От кого! Тебе всё скажи. Сам догадайся. Где с утра до ночи основу-то снуёшь, аль не знаешь? Он-то ходит под окнами манирует, а она ему из второго этажа пленирует.

Бальзаминов. Так неужто Ничкина?

Красавина *(ударив рукой по столу)*. В самую центру!

Бальзаминов *(ухватив себя за голову, вскакивает)*. О-ох, маменька! *(Стоит в оцепенении.)*

Бальзаминова. Что с ним?

Красавина. От любви. Ещё хуже бывает. Любовь — ведь она жестокая для сердец. Нет её ужасней. За неверность кровь проливают.

Бальзаминов. Ах! *(Садится на стул.)*

Бальзаминова. С чем же они, матушка, вас к нам прислали, с каким предложением?

Красавина. Насчёт знакомства. Надо прежде познакомиться.

Бальзаминова. Разумеется.

Бальзаминов. Познакомиться! Боже мой!

Бальзаминова. Как же, матушка, это сделать?

Красавина. А вот пошлите молодца-то ужо, после вечерен, будто попроситься в сад погулять, да вечером и приходите,— они вас деликатным манером пригласят чай кушать.

Бальзаминова. Ну, и прекрасно, мы так и сделаем.

Бальзаминов. Маменька, я с ума сойду! Мне уж что-то казаться начинает.

Бальзаминова. Глупенький, глупенький!

Красавина. Любовь действует. Так что ж мне своим-то сказать?

Бальзаминова. Миша, что сказать?

Бальзаминов. Скажи, что я умираю от любви; что, может быть, умру к вечеру.

Бальзаминова. Ну, что за глупости ты говоришь.

Красавина. Зачем умирать! Надо жить, а мы на вас будем радоваться!

Бальзаминов. Нет, нет, пускай сберут все розы и лилеи и насыплют на гроб мой.

Бальзаминова. Эх, Миша, уж не говорил бы ты лучше, не стыдил бы ты меня!.. Так мы придём. А позвольте спросить... конечно, ещё всё это, как Бог даст, а всё-таки интересно знать, как насчёт приданого?

Красавина. Золотая невеста! У неё своих денег — после отца достались — триста тысяч серебра.

Бальзаминов *(вскочив)*. Охо, хо, хо! *(Ходит по комнате.)*

Красавина. Ишь его схватывает!

Бальзаминова. Что это ты, Миша, не умеешь вести себя!.. Уж извините его,— от радости.

Красавина. Обрадуешься! Деньги-то деньгами, да и собой-то уж очень красавица: телом сахар, из себя солидна, во всей полноте; как одевается, две девки насилу застегнут. Даже несколько совестится. Чего же, я говорю, совеститься, коли Бог дал. Аккурат пельсик. Ну, прощайте! Вечерком увидимся.

Бальзаминова. Прощайте! На дорожку-то. *(Наливает.)*

Красавина. И то выпить; об одной-то хромать будешь. *(Пьёт и закусывает.)* Прощай, победитель!

Бальзаминов. Прощай! *(Кидается к ней на шею.)*

Красавина. Рад, рад, уж вижу, что рад; только смотри, под силу ль дерево-то рубишь? Ну, прощай, развозжай, разиня уж уехал. *(Уходит.)*

Бальзаминов провожает её до кухни и возвращается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бальзаминов, Бальзаминова и потом Матрёна.

Бальзаминов. Где мой крандаш, где мой крандаш?

Бальзаминова. На что тебе крандаш?

Бальзаминов. Надо, маменька. Матрёна! Матрёна!

Матрёна входит.

Где мой крандаш?

Матрёна. А я почём знаю! Какой же ты писарь после этого, когда крандаш потерял.

Бальзаминов. Писарь! Писарь!

Матрёна. Ведь крандаш у тебя всё равно, что у солдата ружьё. Так нешто солдаты ружья теряют?

Бальзаминов. Какой я писарь! Я скоро барин буду.

Матрёна. Ты барин? Непохоже.

Бальзаминов. А вот увидишь, как триста тысяч получу.

Матрёна. Триста тысяч! Не верю. У кого ж это такие деньги бешеные, чтоб за тебя триста тысяч дали. Да ты их счесть-то не умеешь.

Бальзаминов. Ну, да что с тобой разговаривать! Ты ничего не понимаешь.

Матрёна. Где понимать! А ещё жених, жениться хочет, а сам крандаш потерял. Бесстыдник!

Бальзаминов *(шарит в боковом кармане)*. Вот он, нашёл.

Бальзаминова. Ну, что ж будет?

Бальзаминов. А вот сейчас. *(Берёт с комода бумажку и садится у стола.)* Я теперь получаю жалованья сто двадцать рублей в год, мы их и проживаем; а как будет триста тысяч *(пишет триста тысяч)*, так если по тысяче в год... всё-таки мне на триста лет хватит.

Матрёна *(всплеснув руками)*. Батюшки!

Бальзаминова. Неужли ж ты триста лет хочешь прожить!..

Бальзаминов. Ну, позвольте! Если по две в год *(пишет)*, всё на полтораста лет хватит.

Бальзаминова. Ты рехнулся совсем.

Бальзаминов. Что ж, маменька, при хорошей-то жизни, может быть, и проживёшь.

Матрёна. Как не прожить!

Бальзаминов. Ах, я о процентах-то и забыл. Сколько, маменька, процентов с трёхсот тысяч?

Бальзаминова. Да, чай, тысяч двенадцать.

Бальзаминов. Кажется, маменька, с чем-то двенадцать тысяч.

Матрёна. С денежкой.

Бальзаминов. С какой денежкой! Что ты врёшь!

Матрёна. Что считать-то, чего нет. Смотреть-то скучно. Ты вот сочти лучше: девять веников, по денежке веник, много ли денег? И того не счесть. *(Уходит.)*

Бальзаминов *(встаёт)*. Пойду погулять, пусть немного ветром обдует; а то уж очень много мыслей в голове об жизни.

Бальзаминова. Ты бы пока слова-то подбирал, какие ужо говорить с невестой.

Бальзаминов. А вот я во время прогулки и буду слова подбирать.

Бальзаминова. А я платье приготовлю, надо ужо одеться хорошенько.

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

В доме купчихи Ничкиной: богатая купеческая гостиная, хорошо меблированная; рояль.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ничкина в широкой блузе, Капочка тоже и Маланья входят.

Ничкина. Как жарко! А пообедаешь, так ещё пуще разморит... так разморит... разморин такой нападёт, не глядела б ни на что! *(Садится на диван.)*

Капочка. Давай, Малаша, споём.

Ничкина. Ну вас, и так жарко.

Капочка. Мы, маменька, потихоньку. *(Садится за рояль.)*

Капочка и Малаша запевают: «Вот на пути село большое». Немного погодя Ничкина пристаёт к ним.

Ничкина *(перестав петь)*. Бросьте, а то и меня взманили. Устала.

Капочка. Что это, маменька, как вы капризны! Вдруг на меня нашла фантазия петь, а вы не даёте.

Ничкина. Да жарко, Капочка.

Капочка. В другой раз сами будете просить, а у меня фантазии не будет. Кто ж виноват, что вам жарко. Это даже довольно странно с вашей стороны!

Ничкина. Ну, уж ты!

Капочка. Чем же мне развлекаться прикажете? Кавалеров у нас не бывает. Только и делаем, что по целым дням с Малашей в окно глядим. Вы, пожалуй, и этого не позволите.

Ничкина. Делай, что хочешь, только не тревожь ты меня.

Устинька входит в шляпке.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Устинька[1].

Устинька. Здравствуйте, Клеопатра Ивановна!

Ничкина. Здравствуй, Устинька! Что, жарко на дворе?

Устинька. Жарко.

Ничкина. Что это за наказанье!

Устинька. Здравствуй, Капочка! *(Снимает шляпку.)* Сейчас видела твой предмет, ходит по набережной в забвении чувств.

Капочка. Ах! Одно сердце страдает, а другое не знает.

Устинька. Что же, Клеопатра Ивановна, вы посылали к нему Гавриловну?

Ничкина. Да... вот... баловница я. И не надо б мне вас слушать-то, а я послала нынче. Кто меня похвалит за это! Всякий умный человек заругает. Да вот пристала, ну, я по слабости и послушалась. Кто его знает, какой он там! Придёт в дом... как жених... страм.

Устинька. Над сердцем нельзя шутить.

Маланья. В сердце-то замирание бывает, сударыня.

Ничкина. Какое сердце! Так, с жиру... Знаем мы это сердце-то... сама была в девках... Другая б строгая мать-то пришила б хвост-то тебе, да сама б нашла жениха хорошего, а не сволочь какую-нибудь.

Устинька. Нынче уж тиранство-то не в моде.

Ничкина. Какое тиранство! Не то что тиранство, у меня и рассудку-то не хватает... да и жарко-то... Батюшки!.. Говорить-то, и то тяжело... так уж и махнула рукой — что хочет, то и делает.

Устинька. Самые нынешние понятия.

Капочка. А в чахотку-то, маменька, разве не приходят от родителей?

Устинька. Разве есть законы для чувств?

Капочка. Разве не бегают из дому-то в слуховое окно?

[1] Устинька немного картавит.— *Примеч. А. Н. Островского.*

Устинька. Или в форточку.

Маланья. А то и в подворотню, барышня.

Ничкина. Так-то так... да уж и воли-то вам большой дать нельзя... с вами стыда-то и не оберёшься... на всё Замоскворечье...

Устинька. Однако какой сюжет вы об нас имеете! Мы, кажется, себя ничем не доказали с такой стороны.

Капочка. Уж маменька скажет словечко — одолжит. Вот этак при людях отпечатает, ведь осрамит, куда деться от стыда! Подумают, что мы и в самом деле такие.

Ничкина. Разве нет баловниц-то? Неправду, что ль, я говорю?

Устинька. Хотя и есть, но всё-таки это до нас не относится.

Капочка. Всё больше от родителей, потому что запирают.

Ничкина. Нельзя и не запирать-то... вас...

Устинька. Напрасно так полагаете. Одно суеверие.

Капочка. Никакого толку-то нет от запиранья.

Ничкина. Всё-таки спишь спокойнее... не думается... не то что на свободе.

Капочка, Устинька и Маланья хохочут.

Чему вы смеётесь-то? Известно, присмотр лучше... Без присмотру нельзя.

Капочка, Устинька и Маланья хохочут.

Чему вы?

Капочка. Своему смеху.

Ничкина. Что вы меня на смех, что ли, подымаете? Не глупей я вас... Батюшки, жарко! *(Маланье.)* Ты чему, дура?

Маланья. Я на барышень глядя.

Устинька. Да как же не смеяться? Разве можно за девушкой усмотреть! Что вы говорите-то!

Капочка. Хоть тысяча глаз гляди, всё равно.

Ничкина. Есть чем хвалиться! Куда как хорошо!

Устинька. Мы и не хвалимся и совсем это не про себя говорим; напрасно вы так понимаете об нас. Мы вообще говорим про девушек, что довольно смешно их запирать, потому что можно найти тысячу средств... и кто же их не знает. А об нас и разговору нет. Кто может подумать даже! Мы с Капочкой оченно себя знаем и совсем не тех правил. Кажется, держим себя довольно гордо и деликатно.

Ничкина. Случаю-то вам нет...

Устинька. Ах, боже мой! Разве можно так обижать девушек!

Капочка. Да ведь маменька судит по-старому, как в её время было.

Ничкина. Да разве давно это время было-то!

Устинька. Нынче уж девушки стали гораздо благороднее во всех направлениях.

Капочка. Уж я не знаю, что вы говорите, маменька. Неужели я, при всей моей кротости в жизни, не могла угодить вам?

Ничкина. Ах, отстаньте от меня, и без вас тошно! Куда деться-то от жару? Батюшки!

Маланья. Шли бы, сударыня, на погребицу.

Ничкина. И то на погребицу.

Входит Красавина.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Красавина.

Красавина. Здравствуйте! Всё справила и ответ принесла. Что, Калюпатра Ивановна, аль неможется?

Ничкина. Ничего... Садись... только подальше, а то жарко...

Капочка. Какой же ответ?

Красавина. Загорелось! И подождёшь, не велика важность. *(Ничкиной.)* Коли жарко, ты бы пивца велела подать с леднику: говорят, прохлаждает.

Ничкина. Все говорят — прохлаждает... ничего не прохлаждает.

Красавина. А то чайку...

Ничкина. Ничего не прохлаждает... Поди, Маланья, поставь самовар.

Маланья уходит.

Устинька. Но, однако, скажите, вы должны же дать ответ об том, зачем вас посылали.

Красавина. А мой ответ будет короткий. По щучьему веленью, по моему прошенью, извольте снаряжаться,— к вечеру гости будут.

Ничкина. Ты чего лишнего не сболтнула ли?

Красавина. Ничего я лишнего не сказала; сказала только: пожалуйте в наш сад вечером погулять, вишенье, орешенье щипать. Он так обрадовался, ровно лунатик какой сделался.

Капочка. Ах, я боюсь.

Устинька. Чего же ты боишься, душа моя? Довольно непонятно для меня.

Капочка. Я всегда боюсь мужчин, особенно в кого влюблена.

Красавина. Что его бояться-то, не укусит.

Капочка. Уж лучше б они прямо говорили; а то заведут такие разговоры, издалека, не знаешь, что отвечать.

Красавина. Как можно прямо-то! Нехорошо! Стыдно! Известно, для прилику нужно сначала об чём-нибудь об другом поговорить.

Капочка. Отчего же не сказать прямо, когда что чувствуешь. Ах, Устинька, я ужасть как боюсь. Ну, сконфузишься? Я никак не могу воздержать своих чувств... Вдруг могу сделать что-нибудь... могу все чувства потерять...

Устинька. Не бойся, я буду с тобой. Я уж тебя не выдам.

Говорят шёпотом.

Ничкина. Нового нет ли чего?

Красавина. Что бы тебе новое-то сказать? Да вот, говорят, что царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском; покажется и опять уйдёт. Говорят, это перед последним концом.

Ничкина. Как страшно!

Красавина. Да говорят, белый арап на нас подымается, двести миллионтов войска ведёт.

Ничкина. Откуда же он, белый арап?

Красавина. Из Белой Арапии.

Ничкина. Как будет на свете-то жить! Такие страсти! Времена-то какие тяжёлые!

Красавина. Да говорят ещё, какая-то комета ли, планида ли идёт; так учёные в митроскоп смотрели на небо и рассчитали по цифрам, в который день и в котором часу она на землю сядет.

Ничкина. Разве можно знать Божью планиду! У всякого человека есть своя планида... Батюшки, как жарко! Разделась бы, да нельзя — праздничный день, в окошки народ смотрит; в сад войдёшь — соседи в забор глядят.

Красавина. А ставни закрыть.

Маланья входит.

Маланья. Братец приехал.

Ничкина. Батюшки! В такой жар...

Капочка. Как бы, маменька, он у нас дела не расстроил! Дяденька такой необразованный!

Устинька. Уж какие могут быть понятия, из степи приехал!

Ничкина. Не из степи, а из Коломны.

Устинька. Всё равно, одно образование, один вкус.

Капочка. Маменька, вы ему командовать-то не давайте.

Ничкина. Разве с ним сговоришь!

Капочка. Вот наказанье-то!

Устинька. Нет, вообрази, что может Бальзаминов подумать о вас, видя такое невежество!

Ничкина *(Маланье)*. Поди проводи его прямо в столовую. Да обедать подать,— чай, с дороги-то есть захочет. Пойти принять его.

Ничкина, Маланья и Красавина уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Капочка и Устинька.

Капочка. Вот принесло вовремя! Теперь всё в доме на русский манер пойдёт. Ах, я чувствую свою судьбу; расстроит он маменьку. Ну, как он да научит маменьку отдать меня за купца с бородой! Тогда я умру от любви.

Устинька. Зачем такие жестокие слова говорить!

Капочка. Нет, Устинька, ты не знаешь моего сердца! Моё сердце самое горячее к любви.

Устинька. Капочка, скажи, душка, как ты влюбилась? Я ужасть как люблю открытия в любви от своих подруг.

Капочка. Ах! Одна минута — и навек всё кончено! Шла я вечером откуда-то с Маланьей, вдруг нам навстречу молодой человек, в голубом галстуке; посмотрел на меня с такой душой в глазах, даже уму непостижимо! А потом взял опустил глаза довольно гордо. Я вдруг почувствовала, но никакого виду не подала. Он пошёл за нами до дому и раза три прошёл мимо окон. Голубой цвет так идёт к нему, что я уж и не знаю, что со мной было!

Устинька. Знаков он тебе никаких не показывает, когда ходит мимо?

Капочка. Нет. Только всегда так жалко смотрит, как самый постоянный.

Устинька. И часто ходит?

Капочка. Ах, Устинька, каждый день. Ах!.. Разве уж очень грязно...

Устинька. Это значит, он просто сгорает... И должно быть, самый, самый пламенный к любви.

Капочка. Ах! Я не знаю, что со мной будет, когда я его увижу! Для моих чувств нет границ.

Устинька. Однако всё-таки нужно себя удерживать немного.

Капочка. Ах! Сверх сил моих.

Неуеденов, Юша и Ничкина входят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Капочка, Устинька, Ничкина, Неуеденов и Юша.

Капочка. Здравствуйте, дяденька! *(Подходит и целует дядю.)*

Устинька кланяется.

Юша. Здравствуйте-с. *(Подходит к Капочке, кланяется, целуются три раза, опять кланяется и встряхивает головой; так же и с Устинькой. Потом садится в углу на самый последний стул и сидит потупя глаза.)*

Неуеденов. Как живёшь, Капочка? *(Садится.)*

Капочка. Слава богу, дяденька. Покорно вас благодарю.

Неуеденов. Весело ли?

Капочка. Ничего, весело-с.

Неуеденов. Женихи есть ли? Чай, так у ворот на разные голоса и воют.

Устинька. Какой разговор!

Неуеденов. А что ж разговор! Чем, барышня, нехорош?

Устинька. Неприлично при барышнях так говорить; нынче не принято.

Неуеденов. Да-с! Я ведь с племянницей разговариваю, а до других прочих мне дела нет. *(Ничкиной.)* Чья такая?

Ничкина. Подруга Капочки.

Неуеденов. Из благородных, что ль?

Ничкина. Нет, из купеческих.

Неуеденов. Ну, так невелика птица... А ведь и то, сестра, жарко.

Ничкина. И то, братец, жарко.

Неуеденов. Юфим!

Юша подходит.

На-ка, возьми мой кафтан-то. *(Снимает кафтан.)* Снеси его к нам в комнату.

Юша берёт и уходит.

Устинька. Какое необразование!

Неуеденов. Ничего-с! Не взыщут!

Ничкина. Вы, братец, соснуть не хотите ли?

Неуеденов. Нет. Я б теперь орешков пощёлкал. А потом можно и соснуть.

Ничкина. Маланья!

Входят Маланья и Юша.

Принеси поди братцу орехов.

Неуеденов. Юфим! Поди поищи на дворе камень; поглаже выбери, да потяжеле.

Юша уходит.

Капочка. Зачем вам, дяденька, камень?

Неуеденов. Что ты испугалась? Небось! Я орехи...

Устинька. Боже мой!

Входит Маланья с орехами.

Ничкина. Пожалуйте, братец.

Маланья подносит ему орехи на тарелке.

Неуеденов. Поставь на окно. *(Подходит к окну, открывает и садится против него.)*

Маланья ставит орехи на окно, Юша входит с камнем.

Подай сюда!

Юша подаёт.

Здесь-то лучше, продувает. *(Кладёт на окно по ореху и по два и разбивает их камнем.)*

Капочка. Дяденька, что это вы с камнем-то у окна сидите! Вы этак испугаете у меня жениха, когда он пойдёт.

Неуеденов *(продолжая колотить орехи)*. Какого жениха?

Ничкина. Да... вот... такая жара, а мы сватовство затеяли... какая теперь свадьба... в такой жар...

Неуеденов. А вот дай срок, я посмотрю, что за жених.

Капочка *(берёт дядю за плечи)*. Дяденька, право, испугаете!

Неуеденов. Поди прочь! *(Продолжает стучать.)*

Капочка подходит к Устиньке, обнимается с ней и смотрит с презреньем на дядю.

Капочка. Какой страм!

Устинька. Какое невежество!

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Сад: направо сарай с голубятней и калитка; прямо забор и за ним деревья другого сада; налево беседка, за беседкой деревья; посередине сцены, в кустах, стол и скамейки; подле сарая куст и скамейка.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Капочка, Устинька и Юша входят.

Капочка. Ох! Ох! Я умру!

Устинька. Что ты так вздыхаешь! Смотри, что-нибудь лопнет.

Капочка. Ох! Он сейчас придёт.

Устинька. Разумеется, придёт. Его маменька пошла к твоей, а он сюда придёт.

Капочка. Ох!

Юша. Что, это голубятня у вас?

Капочка. Ох! Голубятня.

Юша. Так первым долгом слазить надоть, проминовать нельзя. *(Уходит.)*

Устинька. Ну, и прекрасно; а то он только мешает.

Бальзаминов входит в калитку.

Капочка. Ах, идёт!

Гуляют, обнявшись, по авансцене, как будто не замечая его.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Бальзаминов.

Бальзаминов *(несколько времени ходит молча, потом встречается будто нечаянно с Капочкой и Устинькой).* Здравствуйте-с. *(Кланяется.)*

Капочка и Устинька кланяются и идут дальше. Бальзаминов за ними.

Какой приятный запах у вас в саду.

Устинька. Да-с.

Бальзаминов. Продаёте яблоки или сами кушаете?

Капочка. Сами-с.

Юша показывается на голубятне.

Бальзаминов. Я когда-нибудь ночью приду к вам в сад яблоки воровать.

Капочка. Ах!

Устинька. У них собаки злые.

Бальзаминов. Как прикажете понимать ваши слова?

Устинька. Слова эти совсем не до вас касаются, а до воров; вы и так завсегда можете здесь гулять, вам завсегда будут рады.

Капочка. Да-с.

Бальзаминов. Покорнейше вас благодарю за ваше приглашение.

Устинька. Здесь в окружности ужасть как мало хороших кавалеров для знакомства с барышнями.

Капочка. И всего только двое: Толкачёв да Кирпичёв.

Устинька. Какие же это кавалеры? Разве хорошая девушка может иметь с ними знакомство или любовь. Себя страмить! Один — антриган, всё говорит из-под политики и в насмешку; другой — антиресан, знакомится с дамами из антиресу. Вы лучше всех.

Капочка. Да-с.

Устинька. Вот вам от нас привилегия!

Бальзаминов. Я даже не знаю, как вас благодарить за все ваши снисхождения!

Капочка садится на скамейку с правой стороны. Устинька стоит подле неё. Бальзаминов поодаль.

Капочка *(Устиньке тихо)*. Что он говорит? Уж лучше б прямо.

Устинька *(тихо)*. А вот погоди, я ему сейчас скажу.

Капочка *(тихо)*. Ах, не говори.

Устинька. Нельзя же! *(Подходит к Бальзаминову и отводит его в сторону.)* Капочка просила вам сказать, чтобы вы были с ней посмелее, а то она сама очень робка. Вы ничего, не конфузьтесь, у нас просто. А я пойду постерегу: как войдёт кто, я дам вам знать. Что же вы стоите! Ступайте к ней скорей.

Бальзаминов *(откашливается)*. Гм... Гм... Сейчас. *(Стоит.)*

Устинька. Сейчас, а сами ни с места. *(Толкает его.)* Ступайте скорей, а то помешают.

Бальзаминов. Гм... Гм... *(Громко.)* Гм... Сейчас.

Устинька. Это даже неучтиво с вашей стороны — заставлять себя дожидаться.

Бальзаминов. Сейчас-с! *(Медленно идёт к Капочке.)*

Устинька становится у калитки.

Капочка *(Бальзаминову)*. Садитесь!

Бальзаминов садится довольно далеко от Капочки, смотрит в землю и изредка откашливается. Капочка смотрит на забор. Юша наблюдает за ними с голубятни. Довольно долгое молчание.

Бальзаминов. Что вам лучше нравится, зима или лето?

Капочка. Лето лучше-с. Летом можно гулять.

Бальзаминов. А зимой кататься.

Капочка. Летом всякие цветы расцветают.

Бальзаминов. А зимой очень весело на святках и на масленице.

Капочка. А летом весело в семик-с.

Бальзаминов. Вы на масленице с которого дня начинаете кушать блины?

Капочка. Со вторника-с... А летом всякие ягоды поспевают.

Молчание. Бальзаминов тянется к Капочке, она к нему, целуются и потупляют глаза в землю.

Юша *(на голубятне)*. Раз!

Устинька *(грозит ему)*. Молчи!

Молчание.

Капочка. Какие ягоды вы больше любите?

Бальзаминов. А вы какие?

Капочка. Клубнику со сливками.

Бальзаминов. А я крыжовник.

Капочка. Вы шутите! Как можно крыжовник... он колется.

Бальзаминов. Я этого не боюсь-с. А вы разве боитесь-с?

Капочка. Ах! Что вы говорите? Я вас не понимаю.

Капочка начинает склоняться в сторону Бальзаминова, Бальзаминов в её сторону; целуются и опять опускают глаза в землю.

Юша *(с голубятни)*. Два!

Устинька *(Юше)*. Молчи, говорю я тебе!

Капочка. А вообще, что вы больше всего любите?

Бальзаминов. Вас-с. А вы?

Капочка. Можете сами догадаться.

Целуются.

Юша. Три! *(Бежит с голубятни.)*

Устинька *(подходит к Бальзаминову)*. Подите за беседку. Когда можно будет, я вас позову.

Бальзаминов уходит за беседку.

Капочка. Ах, какой милый!

Устинька. Юша всё с голубятни видел.

Капочка. Ах, он дяденьке скажет!

Устинька. Погоди, мы его уговорим.

Юша входит.

Капочка. Ты, Юша, смотри, никому не сказывай, что видел.

Устинька. Это нужды нет — целоваться, только сказывать не надо. Я, пожалуй, и тебя поцелую. *(Целует Юшу.)*

Капочка. И я. *(Целует.)*

Устинька. И ещё поцелуем. *(Целует его с жаром.)*

Юша. Да не надо! *(Отстораниваетих руками.)* Что пристали! Закричу! Ай! Ну вас! Ай! Пустите, я опять на голубятню пойду. Караул!

Устинька. Нет, уж я тебя не пущу на голубятню. Пойдём со мной в беседку.

Юша. Я, пожалуй, пойду, только не приставай, а то закричу.

Устинька берёт его за руку и ведёт в беседку.

Устинька *(подходя к беседке)*. Выходите! Теперь можно.

Бальзаминов выходит из-за беседки.

Капочка. Ах, не подходите ко мне близко!

Бальзаминов. За что такие немилости-с?

Капочка. Мужчинам доверять никак нельзя.

Бальзаминов. Но я могу себя ограничить-с.

Капочка. Все так говорят; но на деле выходит совсем противное. Я мужчин не виню, для них всё легко и доступно; но наша сестра всегда должна опасаться по своей горячности к любви. Ах! Я вас боюсь! Лучше оставьте меня.

Бальзаминов. Какие жестокости для моего сердца!

Капочка. Оставьте, оставьте меня!

Бальзаминов. Умерла моя надежда и скончалася любовь!

Капочка. Ах, для чего только мы рождены с такою слабостью! Мужчина всё может над нами… ах!

Бальзаминов. Как же я могу без вашего расположения-с? *(Садится возле Капочки.)*

Капочка. Ах! Что вы со мной сделали!

Бальзаминов. Извините, я был вне себя-с.

Капочка. Что может противиться любви! *(Приклоняется к Бальзаминову. Целуются.)* Навеки!

Устинька и Юша выходят из беседки.

Устинька. Идут, идут.

Капочка подходит к Устиньке. В калитку входят Ничкина, Бальзаминова и Маланья с чайным прибором, который ставит на стол.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бальзаминов, Капочка, Устинька, Юша, Ничкина, Бальзаминова и Маланья.

Ничкина *(Маланье)*. А самовар принесёшь, когда братец встанет.

Маланья уходит.

(Бальзаминовой.) Сядемте… жарко. *(Садятся у стола. Бальзаминову.)* Садитесь с нами… побеседуемте!

Бальзаминов садится. Барышни и Юша тоже садятся возле стола.

(Капочке.) Ишь, как тебя стянули… в такой жар.

Устинька. Оставьте, вы конфузите.

Ничкина. Вы читаете газеты?

Бальзаминов. Читаю-с.

Бальзаминова. Он мне всякие новости рассказывает.

Ничкина. А мы не читаем… ничего не знаем… что там делается. Вот я у вас хотела спросить, не читали ли вы чего про Наполеона? Говорят, опять на Москву идти хочет.

Бальзаминов. Где же ему теперь-с! Он ещё внове, не успел ещё у себя устроиться. Пишут, что всё дворцы да комнаты отделывает.

Ничкина. А как отделает, так, чай, пойдёт на Москву-то с двунадесять языков?

Бальзаминов. Не знаю-с. В газетах как-то глухо про это пишут-с.

Ничкина. Да вот ещё, скажите вы мне: говорят, царь Фараон стал по ночам с войском из моря выходить.

Бальзаминов. Очень может быть-с.

Ничкина. А где это море?

Бальзаминов. Должно быть, недалеко от Палестины.

Ничкина. А большая Палестина?

Бальзаминов. Большая-с.

Ничкина. Далеко от Царьграда?

Бальзаминов. Не очень далеко-с.

Ничкина. Должно быть, шестьдесят вёрст... Ото всех от таких мест шестьдесят вёрст, говорят... только Киев дальше.

Юша. Царьград, тётенька, это — пуп земли?

Ничкина. Да, миленький. *(Пристально оглядывает Бальзаминова.)*

Бальзаминов *(жмётся)*. Что вы так на меня смотрите?

Ничкина. Узко как платье-то на вас сшито.

Бальзаминов. Это по моде-с.

Бальзаминова. Он у меня всегда по моде одевается.

Ничкина. Какая уж мода в такую жару?.. Чай, вам жарко... ну, а по улице-то ходить в таком платье, просто угореть можно.

Бальзаминов. Ничего-с. Покорно вас благодарю за внимание!

Молчание.

Ничкина. Двужильные лошади, говорят, бывают... и не устают никогда, и не надорвутся.

Устинька. Что за разговор об лошадях!

Ничкина. Так об чём же говорить-то?.. Ну, скажи, коли ты умна.

Устинька. Есть разные разговоры. А то вы разговариваете, а мы должны молчать. Куда как приятно! Вот два самые благородные разговора — один: что лучше — мужчина или женщина?

Ничкина. Ну, уж нашла сравнение! Уж что женщина! Куда она годится! Курица не птица, женщина не человек!

Устинька. Ах нет, зачем же! Пускай мужчины защищают своё звание, а женщины своё; вот и пойдёт разговор. А другой разговор ещё антиресней. Что тяжеле: ждать и не дождаться или иметь и потерять?

Бальзаминова. Это самый приятный для общества разговор.

Ничкина. Уж этого я ни в жизнь не пойму.

Капочка. Что вы, маменька! Не страмите себя.

Входят Неуеденов и Маланья с самоваром; ставит его на стол и уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Неуеденов[1].

Неуеденов. Соснул малым делом.

Ничкина. Братец, садитесь! Вот наши новые знакомые!

Неуеденов *(кланяется Бальзаминовой).* Здравствуйте!

Бальзаминова кланяется.

Здравствуйте, милостивый государь! *(Протягивает Бальзаминову руку, тот робко подаёт свою.)* Служить изволите? *(Садится.)*

Бальзаминов. Служу-с.

Неуеденов. Хорошее дело-с. Всякому своё-с: купец торгуй, чиновник служи, шатун шатайся.

Ничкина. Не угодно ли, господа, чайку?

Маланья подаёт на подносе.

Неуеденов. Я с вами буду, сударь, про наше дело купеческое говорить. Вот у меня сестра — она женщина богатая, а ведь глупая — с деньгами-то не знает, что делать. А в нашем, в купеческом деле — деньги важная вещь.

Устинька. Неужли только одним купцам деньги нужны?

Бальзаминов. Деньги всякому приятно иметь-с.

Неуеденов. Никому, сударь, и не запрещается. Кому приятно иметь, тот наживи.

Бальзаминова. Трудно наживать-то по нынешним временам.

Бальзаминов. Особенно если человек со вкусом-с, просто должен страдать. Хочется жить прилично, а способов никаких нет-с. Вот хоть бы я...

Неуеденов. Зачем же жить-то прилично такому человеку, который не имеет способов деньги достать?

Бальзаминова. А коли человек не имеет способностей ни к службе, ни к чему, коли Бог не дал, чем же он виноват?

Бальзаминов. Да-с. А в мечтах всё представляется богатство, и даже во сне снится; притом же вкусу много.

Неуеденов. А по-моему — такому человеку, который не умеет достать ничего, не то что в богатстве жить, а и вовсе жить незачем.

Бальзаминова. Куда ж их девать-то?

[1] Сидят в следующем порядке: справа, ближе к зрителям, на стуле Неуеденов; с правой стороны двери Ничкина и Бальзаминова; за столом Юша; слева, у стола, Капочка и Устинька; слева, ближе к зрителям, на стуле Бальзаминов.— *Примеч. А. Н. Островского.*

Неуеденов. В чёрную работу, землю копать. Это дело всякий умеет. Сколько выработал, столько и денег бери.

Бальзаминова. Этак будет на свете жить нельзя.

Устинька. Не у всех такие понятия.

Неуеденов. Какой, сударь, чин носите на себе?

Бальзаминов. Первый-с.

Неуеденов. Ну, вам до генерала ещё далеко. А много ли жалованья по своим трудам получаете?

Бальзаминов. Сто двадцать рублей-с.

Неуеденов. Это по-нашему значит: в одном кармане смеркается, а в другом заря занимается; по-татарски — ёк, а по-русски — нет ничего.

Ничкина. Маланья, прими чашки, я налью ещё.

Маланья принимает пустые чашки. Ничкина наливает. Маланья разносит и отходит с подносом к стороне.

Неуеденов. Так вот, сударь, я уж вам говорил, что сестра у меня дура набитая.

Ничкина. Ну, уж... ты, братец... ну, право! С тобой не сговоришь... право, ну!

Неуеденов. Что ты нукаешь-то? Не запрягла ещё... Так докладывал я вам, что сестра у меня глупа-с. Больше всего я боюсь, что она и зятя-то такого же дурака найдёт, как сама. У баб волос долог, да ум короток. Тогда уж всё дело брось.

Бальзаминова. У них такое состояние, что ввек и с зятем не прожить; а бедного человека могут осчастливить.

Неуеденов. Да ведь деньги-то её муж наживал не для того, чтоб она их мотала да проживала с разными прожектёрами. На деньги-то надо дело делать. Купеческий капитал, сударыня, важное дело. Хороший-то купец, с большим капиталом, и себе пользу делает, да и обществу вдвое.

Устинька. Не всё наживать, надо когда-нибудь и проживать для своего удовольствия.

Неуеденов. А разве мы не проживаем! Да проживать-то надобно с толком. Я, сударь мой, вот за сестру теперь очень опасаюсь. Подвернётся ей фертик во фрачке с пуговками или какой с эполетками, а она, сдуру-то, и обрадуется, как невесть какому счастью. Дочь-то отдаст — нужды нет, а вот денег-то жалко...

Ничкина. Да, братец, точно жалко.

Капочка. Вы, кажется, маменька, меня уморить хотите?

Устинька. Сказали, да и на попятный.

Неуеденов. Да ведь, Капочка, у них совести очень мало. Другой сунется в службу, в какую бы то ни на есть, послужит без году неделю, повиляет хвостом, видит: не тяга — умишка-то не хватает, учился-то плохо, двух перечесть не умеет, лень-то прежде его родилась, а побарствовать-то хочется: вот он и пойдёт бродить по улицам да по гуляньям,— не объявится ли какая дура с деньгами. Так нешто честно это?

Ничкина *(тихо)*. Перестаньте, братец... поймут.

Неуеденов. Ничего, я обиняком. А по-моему, так и грех таким людям денег-то дать. Наши деньги-то на распутство пойдут да на важность глупую. Нос-то подымет, станет издеваться да величаться над своим братом, который гро́ши-то трудом достаёт, в поте лица. Коли счесть, сколько наша братия, по своей глупости, денег роздали за дочерьми разным аферистам,— так, право, сердце повернётся. Что добра-то бы можно на эти деньги сделать! Боже мой! Эти деньги, я так считаю, у общества украдены. Как вы об этом думаете, сударь мой?

Бальзаминов. Не все же в таких направлениях, как вы говорите.

Неуеденов. Нет, сударь, уж кто взялся за такую спекуляцию, я тому гро́ша не поверю. Хорошие люди во всяком звании есть. И разбирать нечего, беден кто или богат — я этого сестре не советую. Смотри на человека, умеет ли он дело делать. Коли умеет, так давай ему денег, сколько хочешь, всё на пользу. А вот щелкопёры-то, извините вы меня, больно нам не к масти. Другому и вся цена-то две копейки ассигнациями, а он успеет оходить дуру какую, так ещё форс показывает. Мне, говорит, вот столько-то денег давай, приданое давай самое лучшее.

Юша.

Соболий салоп атласный,
Воротник суконный красный!

Устинька и Капочка *(Юше)*. Молчи!

Неуеденов *(Юше)*. Юшка, молчи! Наши-то бабы сдуру батистовых рубашек ему нашьют, того-сего, с ног до головы оденут; а он-то после ломается перед публикой, и ничего ему — не совестно! Везде деньги бросает, чтоб его добрым барином звали.

Капочка. Вы, дяденька, оттого так рассуждаете, что вы совсем необразованны.

Неуеденов. Именно, мой друг, необразованны. Не одна ты это говоришь. Вот и те голые-то, которых мы обуваем да одеваем, да на беспутную их жизнь деньги даём, тоже нас необразованными зовут. Им бы только от нас деньги-то взять, а родни-то хоть век не видать.

Бальзаминова *(встаёт)*. После таких слов нам с тобой, Миша, кажется, здесь нечего делать.

Неуеденов. Да, похоже на то. На воре-то, видно, шапка горит.

Бальзаминов. Я этих слов, маменька, на свой счёт не принимаю.

Неуеденов. Нет, я на ваш счёт. Вот маменька-то ваша поумнее — сейчас поняла.

Бальзаминов. Я за большим, пожалуй, не погонюсь: мне хоть бы что-нибудь дали.

Неуеденов. Ведь у тебя ни гро́ша нет, так тебе всё барыш, что ни дай.

Бальзаминов. В таком случае, прощайте-с. *(Кланяется всем.)* Я не ожидал-с.

Бальзаминова. Благодарим за угощенье.

Ничкина. Не на чем-с.

Неуеденов. Ходите почаще, без вас веселей.

Бальзаминов и Бальзаминова подходят к калитке. Юша за ними.

Бальзаминова. Я говорила тебе, Миша, что праздничный сон — до обеда.

Бальзаминов. Кабы я его в будни видел, совсем бы другое дело было.

Уходят.

Юша *(в калитку)*. Заходите! Нам без дураков скучно.

Неуеденов. Юшка, молчи!

Капочка. Ох, я умру!

Устинька *(тихо)*. Сделайся как без чувств.

Капочка. Ах! *(Падает на скамейку.)*

Ничкина. Батюшки! Что это с ней?

Неуеденов. Ничего, пройдёт. Маланья, поди-ка вели принести ушат воды.

Капочка *(встаёт)*. Нет уж, извините, я этого не позволю.

Неуеденов. Ожила! Эх, сестра! Как тебя не ругать-то! Какую было штуку выкинула! Такой товар *(показывая на Капочку)*, да ещё

с деньгами, за строкулиста было отдала. А я тебе уж и жениха приготовил. Молодого русачка, здорового, свежего, умницу. А уж какой делец-то! Да и с капиталом.

Ничкина. Посватайте, братец.

Неуеденов. Посватать, Капочка?

Капочка. Он с бородой?

Неуеденов. С маленькой.

Капочка. Да ведь она вырастет.

Неуеденов. Эка глупая! Пока она вырастет, так уж ты привыкнешь... А какой красавец-то! Посватать, что ли?

Капочка *(потупившись)*. Посватайте.

Неуеденов. Так-то лучше. Вот и по рукам.

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ!

Картины московской жизни

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА

ПРЕЖНЕВ, *совершенно дряхлый старик, почти без всякого движения, в больших чинах. Его возят на кресле.*
ПРЕЖНЕВА СОФЬЯ ИВАНОВНА, *жена его, 45 лет.*
ПОЛЬ, *молодой человек, её сын.*
УСТИНЬЯ ФИЛИМОНОВНА ПЕРЕШИВКИНА, *пожилая женщина, прежде бывшая нянька Поля, теперь вроде приживалки или экономки по разным знакомым домам.*
ЛАКЕЙ.

Большая зала, оклеенная богатыми, но потемневшими и по местам отставшими от стен обоями. Паркетный пол по углам значительно опустился. Налево окна в сад и дверь на деревянный с колоннами балкон; прямо дверь выходная, направо во внутренние комнаты. По узким простенкам мраморные столики на бронзовых ножках, над ними узкие, длинные с надставками зеркала в золочёных рамах. Мебель старая, тяжёлая, с потёртой позолотой. На столах бронза старого фасона. С потолка висит люстра из мелких стёкол в виде миндалин. Две или три ширмочки из плюща. На всём видны и совершенный упадок, и остатки прежней роскоши.

I

П р е ж н е в подле окна спит в вольтеровском, на колёсах, кресле. Одет в меховой халат, ноги покрыты белым шерстяным пологом. На противоположной стороне П р е ж н е в а, в изящном утреннем неглиже, полулежит на диване с книгою в руках.

П р е ж н е в а *(опустив книгу)*. Это жестоко! Это ужасно! Я бы никогда так не поступила! Nous autres femmes...[1] мы... о! мы верим, мы слепо верим, мы никогда не анализируем. Нет, я не стану дальше читать этот роман. Молодой человек хорошего происхождения, красив, умён, служит в военной службе, выражает ей свою любовь таким прекрасным языком... и она... она имела силы отказать ему! Нет, она не женщина! Женщина творение слабое, увлекающееся! Мы живём только сердцем! И как легко нас обмануть! Мы для любимого человека готовы всем пожертвовать. Если мужчины нас и обманывают, что, к несчастию, случается очень часто, то уж в этом виноваты не мы, а они. Они, по большей части, хитры и коварны... мы, женщины, так добры и доверчивы, так готовы всему верить, что только после горьких *(задумывается)*, да, горьких опытов убеждаемся в безнравственности обожаемых лиц. *(Молчание.)* Но нет! Мы и после обмана,

[1] Мы, женщины... (*фр.*)

и даже нескольких обманов, готовы опять увлечься, готовы поверить в возможность чистой и бескорыстной любви. Да! Такова наша судьба! Тем более, если всё это случится в такой прекрасной обстановке, как в этом романе. Весна, цветы, прекрасный парк, журчанье вод. Он пришёл в охотничьем костюме, с ружьём, собака легла у его ног. Ах! Но мужчины... они часто во зло употребляют прекрасные качества нашего нежного сердца, они не хотят знать, сколько страдаем от них мы, бедные женщины! *(Молчание.)* Конечно, есть и между нас такие, которых весь интерес в жизни составляют низкие материальные расчёты, хозяйственные хлопоты. Но это проза, проза! Что бы мне ни говорили, а это проза. Есть даже такие, которые рассуждают о разных учёных предметах не хуже мужчин, но я не признаю их женщинами. Они могут быть умны, учёны, но вместо сердца у них лёд. *(Молчание.)* Когда мне приходят такие мысли в голову, я всегда вспоминаю об моём Поле. Ах! Сколько он должен иметь успехов между женщинами! Я наперёд рада за него. Как приятно это для матери! Ах, дети! Дети! *(Нюхает спирт и потом звонит.)*

Входит лакей.

Лакей. Чего изволите-с?

Прежнева. Что, барин не приходил ещё?

Лакей. Никак нет-с.

Прежнева. Когда он придёт, пошли его ко мне.

Лакей. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Прежнева. Он такой чувствительный, нервный мальчик! Весь в меня. Его бы надобно беречь, лелеять, а я не могу; я не имею средств. После такого прекрасного воспитания он, по несчастию, должен служить. Там эти столоначальники... все они в таких странных фраках... а он такой нервный, такой нервный!.. Я верю, что его все притесняют, потому что ему все завидуют.

Входит Поль.

II

Прежнева и Поль, безукоризненно одетый, в летнем костюме, с утомлённым видом, несколько ломаясь.

Поль. Bonjour, maman![1]

Прежнева *(целует его в лоб)*. Bonjour, Paul! Откуда ты?

[1] Добрый день, мама! (*фр.*)

Поль *(садится с другой стороны на диван)*. Откуда!.. Из того прекрасного места, куда вам угодно было определить меня.

Прежнева. Что ж делать, Поль!

Поль. И шёл пешком в такой ужасный жар.

Прежнева. У нас, в этой зале, так хорошо, так прохладно!

Поль. Да; но зато каково здесь зимой! Все углы сгнили, пол провалился.

Прежнева. Да, мой друг, теперь наши дела в очень дурном положении.

Поль. Ваши дела! Какие у вас дела? Отец вон едва дышит, вы тоже уж отжили свой век. Каково моё положение!

Прежнева. Я тебе верю, мой друг. Я воображаю, как тебе тяжело!

Поль. Ещё бы легко! Вы послушайте меня! По рождению, по воспитанию, по знакомству, ну, наконец, по всему,— поглядите вы на меня с ног до головы,— я принадлежу к лучшему обществу...

Прежнева. О да.

Поль. И чего же мне недостаёт? Ведь это срам, позор! Мне недостаёт состояния. Да и кому нужно знать, что у меня нет состояния? Я всё-таки должен жить так, как все из нашего круга. Я должен и одеваться так, как они, и вести себя так, как они. Что ж, в мещане, что ли, мне приписаться? Сапоги шить? Нет состояния!.. Это смешно даже.

Прежнева. Было, Поль, было.

Поль. Я знаю, что было, да теперь где? Я знаю больше... я знаю, что вы его промотали.

Прежнева. Ах, Поль, не вини меня; ты знаешь, что все мы, женщины, так доверчивы, так слабы! Когда был ещё здоров твой отец, нас все считали очень богатыми людьми, у нас было отличное имение в Симбирской губернии. Он как-то умел управлять всем этим. Потом, когда его разбил паралич, я жила совсем не роскошно, а только что прилично.

Поль. А monsieur Пеше что вам стоил? Сознайтесь, maman!

Прежнева. Ах, мой друг, он так нужен был для твоего воспитания. Потом я два раза была за границей; а впрочем, больших расходов никаких не делала. И вдруг мне говорят, что я всё прожила, что у нас ничего нет. Это ужасно! Вероятно, всему виною там эти управляющие да бурмистры.

Поль. Канальи!

Прежнева. Что делать, мой друг! Люди так злы, коварны, а мы с тобою так доверчивы.

Поль. Это вы, maman, доверчивы; а попадись они мне, я бы им задал. Фить, фить... *(Делает жест рукой.)* Ведь с этим народом нельзя иначе. Это им хорошо... почаще... Просто зло берёт. Из-за этих негодяев я теперь должен чем свет идти пешком в какой-то суд, о котором я бы и не слыхал никогда; потом бежать пешком домой или трястись на ваньке. Не могу же я так жить, как живут эти писцы, с которыми, впрочем, я сижу рядом. Они там на крыльце едят у разносчиков пироги с луком. Они всё могут, они так созданы; а я не могу. Ну, вот я теперь и задолжал всем: и извозчику, и портному, и Шевалье. Наши все ходят к Шевалье, и правоведы... Не могу же я, в самом деле, пироги с луком есть, а там ещё нужно экзамен держать в каком-то уездном училище. Ужасно! А будь у меня состояние, я бы ничего этого и не знал: ни судов, ни уездных училищ, ни писарей с пирогами. На что мне всё это?..

Прежнева. Да, да, я понимаю... с твоим нежным сердцем... ты такой нервный!..

Поль. Я просто не знаю, что мне делать! Выдь случай, так в карты бы обыграл кого-нибудь, не посовестился.

Прежнева. Да, в твоём положении... конечно...

Прежнев *(просыпаясь)*. Павел, ты давно был в театре?

Поль. Недавно.

Прежнев. Кто нынче маркизов играет?

Поль. Давно уж никто не играет.

Прежнев. Я прежде хорошо маркизов играл.

Прежнева звонит. Входит лакей.

Прежнева. Вывези барина на балкон; да возьми старые газеты, почитай ему!

Лакей берёт газеты и увозит Прежневa на балкон.

Поль. Вот ещё мой любезный дядюшка, там он где-то председателем был, так и рассуждает свысока. Ты, говорит, многого хочешь. Скажите, пожалуйста, чего я хочу? Что это — прихоти, роскошь? Я хочу только необходимого, без чего нельзя обойтись человеку нашего круга. Кажется, ясно. Так нет, дядюшка любезный говорит: ты этого не должен желать, потому что ты не имеешь средств! Да разве я виноват, что не имею средств. Где же тут логика?

Прежнева. Какая логика, всё вздор.

Поль. Ты, говорит, работай. Нет уж, слуга покорный! Что я, лошадь, что ли?

Прежнева. Дядя твой человек грубый.

Поль. Нет, maman, это драма.

Прежнева. Драма, mon cher![1]

Поль. И ещё какая драма! Что там — режутся, отравляются, всё это вздор.

Прежнева. Знаешь что, Поль? Я думаю, тебе бы жениться.

Поль. Что ж, я не прочь жениться, да на ком?

Прежнева. Да, это вопрос! Я знаю тебя, Поль. Зачем ты так прекрасно воспитан? Зачем у тебя такая нежная душа? Ты через это будешь несчастлив в своей жизни. Тебе нет пары! Много, слишком много нужно иметь девушке достоинств, чтобы понравиться тебе и сделать твоё счастье.

Поль. Вы, может быть, думаете, maman, что меня прельщает семейное счастие? Я уж не ребёнок, мне двадцать один год. Что за пастораль! *(Хохочет.)* Мне просто нужны деньги.

Прежнева. Но, всё-таки, мой друг, я знаю твой характер, я знаю, что ты не захочешь жениться на ком-нибудь.

Поль. На ком хотите. Мне нужны деньги, чтоб быть порядочным человеком, чтоб играть роль в обществе, одним словом, чтоб делать то, к чему я способен, к чему я рождён. Я наживать не могу, я могу только проживать прилично и с достоинством. У меня для этого есть все способности, есть такт, есть вкус, я могу быть передовым человеком в обществе.

Прежнева. Однако, мой друг...

Входит лакей.

Лакей. Перешивкина пришла.

Прежнева. Вечно не вовремя придёт.

Поль. Поговорим после, ещё будет время.

Прежнева. Пусть войдёт.

Лакей уходит.

[1] Мой дорогой! (*фр.*)

III

Те же и Перешивкина.

Прежнева. Что ты, Устинья Филимоновна?

Перешивкина *(целует Прежневу в плечо и становится сзади).* Проведать, матушка, пришла, все ли вы здоровы? Я благодетелей не забываю.

Поль. А, ботвинья лимоновна, откуда тебя принесло?

Перешивкина. Какая я ботвинья лимоновна? Вы всё, барин, шутите.

Поль. Она, кажется, воображает, что с ней можно говорить серьёзно.

Перешивкина. У меня, матушка, знакомый человек дюми-терьмо делает...

Поль хохочет.

Ничего, смейся, батюшка, смейся надо мной, старухой... Так вот, не угодно ли купить, он мне дёшево отдаёт. Широкий такой, добротный. Прикажете принести? В городе за эту цену не купите.

Прежнева. Принеси, я посмотрю.

Поль. А много ли ты тут, старая карга, наживёшь?

Перешивкина. Уж и старая карга?

Поль. Что ж, ты, может быть, ещё замуж сбираешься?

Перешивкина. Не годится вам, барин, меня, старуху, бранить, я вас на руках нянчила.

Поль. Кажется, она обижаться вздумала. Вот одолжит!

Прежнева. Оставь её, мой друг!

Перешивкина. Ничего, матушка, ничего, пусть шутит. Он уж такой шутник! Ещё маленький мне как-то чепчик сзади зажёг.

Поль. А, помнишь!

Перешивкина. Как не помнить! Все волосы сжёг, да и лицу досталось. А вы, барин, не смейтесь надо мной; я ещё, может, пригожусь вам.

Поль. На что ж ты мне пригодишься? В огороде вместо чучела поставить.

Перешивкина. А может быть, на что на другое пригожусь, Павел Петрович. Как знать? Что, матушка барыня, не обидитесь вы на мои глупые слова? Может, я какое слово и к месту скажу.

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ!

КАРТИНЫ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ПРЕЖНЕВЪ, совершенно дѣтскій старикъ, почти безъ всякаго движенія, въ большихъ годахъ. Его возятъ на креслѣ.

ПРЕЖНЕВА, СОФЬЯ ИВАНОВНА, жена его, лѣтъ 45.

ПОЛЬ, молодой человѣкъ, ея сынъ.

УСТИНЬЯ ФИЛИМОНОВНА ПЕРЕШИВКИНА, пожилая женщина, прежде бывшая нянька Поля, теперь въ родѣ приживалки или экономки въ разныхъ знатныхъ домахъ.

Большая зала, оклеенная богатыми, но потемнѣвшими и по мѣстамъ отставшими отъ стѣнъ, обоями. Паркетный полъ по угламъ значительно опустился. Налѣво, окна въ садъ и дверь на деревянный съ колоннами балконъ; прямо дверь выходная, направо во внутреннія комнаты. По узкимъ простѣнкамъ мраморные столики на бронзовыхъ ножкахъ, надъ ними узкія, длинныя, съ надставками зеркала, въ золоченныхъ рамахъ. Мебель старая, тяжелая, съ потертой позолотой. На столахъ бронза стараго фасона. Съ потолка виситъ люстра изъ мелкихъ стеколъ, въ видѣ миндалинъ. Двѣ или три ширмочки изъ плюща. На всемъ видны — и совершенный упадокъ — и остатки прежней роскоши.

«Не сошлись характерами!»
Современник. 1858. Т. 67, № 1. С. 85

Прежнева. Что такое? Говори!

Перешивкина. Есть у меня одна дама знакомая, Серафимой Карповной зовут. Я завсегда к ним в дом вхожа. Она, вот видите ли, матушка, купеческого роду, только была за господином Асламевичем, важный человек, в чинах. Он, матушка, один раз генералом был.

Поль *(хохочет)*. Как это так?

Перешивкина. А вот как: где он служил-то, так ихний генерал в отпуску был, в это-то самое время он и был генералом целый месяц.

Поль. А, вот как. Ну, ври, ври!

Перешивкина. Это истинно я вам говорю. И всего один годочек жила она с ним, а теперь вот другой год вдовеет... Да вы не рассердитесь, матушка барыня...

Прежнева. Ну, продолжай!

Перешивкина. Красавица собой и добрая, а уж скромная какая! На редкость. И расчётливая, уж на наряды или там на какие безделицы денег не промотает.

Поль. То есть просто скупа.

Перешивкина. Не то что скупа, а расчётлива, хозяйка хорошая. Теперича приданое, которое за ней дадено, значит, всё при ней состоит. Одних денег полтораста тысяч.

Поль. Полтораста тысяч!

Перешивкина. Сама, сама видела, все эти билеты у неё в шкатулке видела; при мне считала. Только вы лучше велите мне, дуре, замолчать. Ведь язык без костей, пожалуй, мели, что хочешь. Хоть она для меня женщина и добрая, а вы всё-таки мне дороже её. Бог с ней! За что же я вас буду напрасно в гнев вводить!

Прежнева и Поль. Ничего, говори, говори!

Перешивкина. Коли приказываете, так буду говорить. Вот, матушка барыня, так сказать, по-нашему, по-женски: дело молодое, другой год вдовеет... ну, вот она... И не то чтобы лгу: я на себя и греха этого не возьму. Я всегда вашим добром довольна. Могу ли я это забыть! Конечно, мы люди маленькие, а добра не забываем, и завсегда, чем могу, услужить...

Поль *(махнув рукой)*. Ну!

Прежнева. Да ты продолжай!

Перешивкина. Слушаю, матушка. Вот она у вас тут по соседству живёт. Налево белый каменный дом; Павел Петрович часто мимо ходит.

Прежнева. Ну, так что ж?

Перешивкина *(на ухо)*. Влюбилась.

Прежнева. Что?

Перешивкина *(громче)*. Влюбилась. Ей-богу!.. Да.

Прежнева *(смеётся)*. Да что ж тут удивительного? Ты глупа, душа моя! Ещё бы в него-то не влюбиться! Вот редкость!

Перешивкина. Ну, само собой, матушка; да ведь с деньгами.

Поль *(поёт)*. La donna e mobile…

Перешивкина. Я, говорит, влюблена, Устинья Филимоновна.— В кого, говорю, матушка, в кого? — А вот посмотри, сейчас пройдёт.— Я гляжу в окно-то, а Павел-то Петрович и идёт; а она мне и говорит: вот он. Я так и ахнула!

Поль *(поёт)*. La donna e mobile…

Перешивкина. Конечно, надо Павлу Петровичу самому посмотреть: понравится ли ещё. Ну, да коли сомнение имеете, можно и в Опекунском справиться, билеты-то все именные. Отчего ж не справиться? Любовь любовью, а деньги деньгами. Ведь это дело вечное.

Поль *(подходит к матери)*. Maman, я иду гулять.

Прежнева. Прощай, мой друг! *(Целует его в лоб.)*

Поль *(тихо)*. Хлопочите. *(Уходит.)*

Прежнева. Вот видишь ли, милая Устинья Филимоновна, не велика радость для моего Поля, что какая-то мадам Асламевич в него влюбилась… Однако, если он её увидит, может быть, она ему и понравится… Я, конечно, с своей стороны, не буду ему препятствовать, хоть она и из купеческого звания… Мне только был бы он счастлив… *(Встаёт.)* Пойдём, я велю тебя чаем напоить… Только ты уж веди себя поумнее.

Перешивкина. Матушка, я по гроб жизни…

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛИЦА

КАРП КАРПЫЧ ТОЛСТОГОРАЗДОВ, *купец, седой, низенький, толстый.*
УЛИТА НИКИТИШНА, *жена его, пожилая женщина, без особых примет.*
СЕРАФИМА КАРПОВНА, *дочь Толстогораздова, вдова, высокого росту, худощава, необыкновенной красоты. Походка и движения институтки. Часто задумывается, вздыхает и поднимает глаза к небу, когда говорит о любви; то же делает, когда про себя считает деньги, а иногда и просто без всякой причины.*
МАТРЁНА, *горничная, дальняя родственница Толстогораздовых. Молодая девка, полная, тело мраморной белизны, щёки румяные, глаза и брови чёрные. Ходит в шубке, рубашка с кисейными рукавами, в косе ленты.*
1-Й КУЧЕР, *Толстогораздова.*
2-Й КУЧЕР, *Серафимы Карповны.*

Двор. Направо галерея дома, на заднем плане сад; налево надворное строение; две двери: одна в погреб, другая на сенник.

I

На дворе.

1-й кучер сидит на приступке у погребицы. Матрёна входит.

1-й кучер *(поёт тонким голосом).*

Прежде жил я, мальчик, веселился,
Но имел свой капитал.
Капиталу, мальчик, я решился,
Во неволю жить попал.

Матрёна. Хозяева проснулись. Ты бы, Иваныч, самовар-то втащил.

1-й кучер. А ты что за барыня? Промнись! Ишь жиру-то нагуляла; не уколупнёшь нигде, точно на наковальне молотками сколочена. *(Поёт.)*

И какова, братцы, неволя?
Да кто знает про неё?

Матрёна. Позавидовал ты моему жиру. У самого рыло-то уж лоснится, лопнуть хочет. Неси, что ли, говорят тебе.

1-й кучер. Приходи завтра! *(Поёт.)*

Какова, братцы, неволя?
Да кто знает про неё?

Матрёна. Дай срок, я вот Улите Никитишне скажу, что ты ничего не делаешь, никогда тебя ничего не допросишься.

1-й кучер. Я кучер, понимаешь ты это? Я своё дело правлю. А ты что? Типун-дворянка! Тонко ходите, чулки отморозите! Значит, ты его *(показывая на самовар)* и волоки.

Матрёна. Да ведь в нём пудов пять будет, где ж девке его стащить!

1-й кучер. Опять-таки это до меня не касающее.

Матрёна. Стыда-то в тебе ничего нет, бесстыжие твои глаза! Хоть надорвись девка, тебе всё равно. *(Поднимает самовар, всем корпусом отваливается назад и, загнув голову на сторону от пару, идёт к галерее.)*

1-й кучер *(вслед ей)*. Не балуй в серьгах, позолота сойдёт!

Матрёна *(входя на крыльцо, оборачивается)*. Ругатель! *(Ставит на стол самовар.)*

1-й кучер *(поёт)*.

Какова, братцы, неволя?
Да кто знает про неё?

На галерею выходят Карп Карпыч и Улита Никитишна. Кучер замолкает и уходит.

II

На галерее.

Карп Карпыч и Улита Никитишна (садятся у стола на галерее).

Улита Никитишна *(заваривая чай)*. Нынче всё муар-антик в моду пошёл.

Карп Карпыч. Какой это муар-антик?

Улита Никитишна. Такая материя.

Карп Карпыч. Ну и пущай её.

Улита Никитишна. Да и так... Вот кабы Серафимочка замуж вышла, так уж сшила бы себе, кажется... Все дамы носят.

Карп Карпыч. А ты нечто дама?

Улита Никитишна. Обнакновенно дама.

Карп Карпыч. Да вот можешь ты чувствовать, не могу я слышать этого слова... когда ты себя дамой называешь.

Улита Никитишна. Да что же такое за слово — дама? Что в нём... *(ищет слова)* постыдного?

Карп Карпыч. Да коли не люблю! Вот тебе и сказ!

Улита Никитишна. Ну, а Серафимочка дама?

Карп Карпыч. Известно дама, та учёная да за барином была. А ты что? Всё была баба, а как муж разбогател, дама стала! А ты своим умом дойди.

Улита Никитишна. Да нет! Всё-таки... как же!

Карп Карпыч. Сказано — молчи, ну и баста!

Молчание.

Улита Никитишна. Когда было это стражение...

Карп Карпыч. Какое стражение?

Улита Никитишна. Ну вот недавно-то. Разве не помнишь, что ли?

Карп Карпыч. Так что же?

Улита Никитишна. Так много из простого звания в офицеры произошли.

Карп Карпыч. Ведь не бабы же. За свою службу каждый получает, что соответственно.

Улита Никитишна. А как же вот к нам мещанка ходит, так говорила, что когда племянник курс выдержит, так и она будет благородная.

Карп Карпыч. Да, дожидайся.

Улита Никитишна. А говорят, в каких-то землях из женщин полки есть.

Карп Карпыч *(смеётся)*. Гвардия!

Молчание.

Улита Никитишна. Говорят, грешно чай пить.

Карп Карпыч. Это ещё отчего?

Улита Никитишна. Потому, из некрещёной земли идёт.

Карп Карпыч. Мало ли что из некрещёной земли идёт.

Улита Никитишна. Вот тебе пример: хлеб из крещёной земли, мы его и едим вовремя; а чай — когда пьём? Люди к обедне, а мы за чай; вот теперь вечерни, а мы за чай. Вот и, значит, грех.

Карп Карпыч. А ты пей вовремя.

Улита Никитишна. Нет, всё-таки...

Карп Карпыч. Всё-таки, молчи. Ума у тебя нет, а разговаривать любишь. Ну, и молчи!

Молчание.

Улита Никитишна. Какая Серафимочка у нас счастливая! Была за барином — барыня стала, и овдовела — всё-таки барыня. А как теперь, если за князя выдет, так, пожалуй, княгиня будет.

Карп Карпыч. Всё-таки, по муже.

Улита Никитишна. Ну, а как за князя выдет, неужто я так-таки ничего? Ведь она моё рождение.

Карп Карпыч. С тобой говорить — только мысли в голове разбивать. Я было об деле задумал, а ты тут с разговором да с глупостями. Ведь вашего бабьего разговору всю жизнь не переслушаешь. А сказать тебе: молчи! Так вот дело-то короче будет. *(Задумывается.)*

Молчание. Вбегает Матрёна.

Матрёна. Матушка, Улита Никитишна! Серафима Карповна приехала.

Улита Никитишна. Ах, батюшки! *(Быстро встаёт и уходит с Матрёной.)*

Карп Карпыч. Кабы на баб да не страх, с ними бы и не сообразил. Есть своё дело, так нет, давай лезть в чужое. Пристаёт к мужу: скажи ей своё дело и свою тайну, и прельщают его прелестию и лукавством, и осклабляют лицо своё — и всё на погибель. И кто им скажет своё дело, и они наущают и соблазняют: делай не так, а вот так, по моему желанию. И многие мужи погибли от жён. Молодой человек, который и неопытный, может польститься на их прелесть, а человек, который в разум входит и в лета постоянные, для того женская прелесть ничего не значит, даже скверно.

III

На дворе.

Входят 1-й и 2-й кучера.

2-й кучер. У вас какое сравнение! Не в пример лучше. Просто жид, а не барыня; сама овёс выдаёт.

Уходят в сарай.

Входят Улита Никитишна, Серафима Карповна и Матрёна.

IV

На галерее.

Карп Карпыч; Улита Никитишна садится на своё место и разливает чай; Серафима Карповна, в шляпке, в мантилье, в зелёных перчатках, с зонтиком, подходит к отцу; Матрёна ставит на стол расписную чашку, которую принесла из комнат, и становится поодаль.

Серафима Карповна. Здравствуйте, папенька!

Целуются.

Карп Карпыч. Здравствуй! Садись, так гостья будешь.

Серафима Карповна *(садясь)*. А где же братец, Онисим Карпович?

Карп Карпыч. Где Онисим-то? Загулял. Вот уж пятый день чертит.

Серафима Карповна. А сестрица, Анна Власьевна?

Карп Карпыч. Да вот как ни бьёмся, всё Онисим пить-то не перестаёт, так жена и повезла по тюрьмам калачи раздавать. Авось, Бог простит.

Улита Никитишна. Да, да... Повезла калачи раздавать... заключёмным... Ведь всё больше занапрасно...

Карп Карпыч. Да, занапрасно! Они там режут да грабят, а их не сажать.

Улита Никитишна. Так, чай, те, которые грабят-то, в остроге сидят; а в яме-то за что?

Карп Карпыч. А в яме-то за долги.

Улита Никитишна. Как не за долги! Вон, говорят, Кон Коныч за процент сидит.

Карп Карпыч. За какой процент?

Улита Никитишна. Да так же, за процент. А какой тут процент! Как брал, так и отдай. Чай, ведь, это грех.

Карп Карпыч. Ты опять разговаривать!

Улита Никитишна наливает чай; Матрёна подаёт на подносе чашку Серафиме Карповне; та берёт, не снимая перчаток.

Улита Никитишна. Ты б, Серафимушка, сняла шляпку-то, да мантилию, да и платье-то бы расстегнула сзади, здесь все свои. Вот тебе Матрёна расстегнёт.

Серафима Карповна. Ах, что это вы, маменька! Мне не жарко. Я к вам на минуточку приехала, только посоветоваться.

Карп Карпыч *(дуя на блюдечко)*. Об чём бы это, например?

Серафима Карповна. Я хочу замуж идти.

Улита Никитишна *(всплеснув руками)*. Ах, батюшки!

Карп Карпыч. Ну, что ж! С богом! Это дело хорошее. Это лучше...

Улита Никитишна *(качая головой и складывая руки на груди)*. Красавица ты моя!

Карп Карпыч. А за кого бы это? Желаю я знать.

Серафима Карповна. Он, папенька, молодой человек, служит в суде, и, надобно вам сказать, не богатый. Я б и не пошла за бедного, да уж очень я в него влюблена. *(Поднимает глаза к небу, вздыхает и задумывается.)*

Улита Никитишна *(всплеснув руками)*. Ах, матушка моя!

Карп Карпыч. А чьих он?

Серафима Карповна. Прежнев. Он благородный, хорошей фамилии, может место хорошее получить. Что ж, думаю, у меня свои деньги; если буду жить расчётливо, могу прожить и с мужем. Лучше я себе во всём откажу, а уж я без него жить не могу. *(Опять вздыхает и поднимает глаза.)*

Карп Карпыч. Может, качества какие есть?

Серафима Карповна. Качеств за ним никаких не слыхать.

Карп Карпыч. Ты, Серафима, помни одно, что ты отрезанный ломоть, я тебе больше денег не дам. Так ты смотри, не проживи деньги-то, которые за тобой дадены.

Улита Никитишна. Тот был старик, а этот, ишь ты, молодой: гляди, рожать будешь, так деньги-то чтоб детям остались.

Серафима Карповна. Мне денег прожить нельзя с моим характером. *(Отдаёт чашку Матрёне.)*

Карп Карпыч. Ну, он молодой, а ты всё-таки вдова, а не девушка, всё как будто перед мужем совестно; ну, он подластится да и выманит деньги-то.

Серафима Карповна *(принимая чашку от Матрёны)*. Неужели мужчины могут любить только из денег? *(Вздох и глаза к небу.)*

Карп Карпыч. А ты думала как? Порядок известный.

Серафима Карповна *(выходя из задумчивости)*. Да я ему и не дам денег.

Карп Карпыч. Ну, и ладно. Ты поступай так, как я тебе приказывал.

Серафима Карповна. Конечно, папенька! Что я, дура, что ли?

Карп Карпыч. А вот и у нас скоро свадьба: Матрёну в саду с приказчиком застали, так хочу повенчать.

Матрёна закрывает лицо рукавом.

Тысячу рублёв ему денег, и свадьба на мой счёт.

Улита Никитишна. Тебе бы только пображничать где было, за тем и свадьбу-то затеял.

Карп Карпыч. Ну, ещё что?

Улита Никитишна. Ничего больше.

Карп Карпыч *(строго)*. Нет, ты поговори!

Улита Никитишна. Ничего, право, ничего.

Карп Карпыч *(строже)*. Нет, поговори что-нибудь, я послушаю.

Улита Никитишна. Да что говорить-то, коли не слушаешь.

Карп Карпыч. Что слушать-то! Слушать-то у тебя нечего. Эх, Улита Никитишна! *(Грозит пальцем.)* Сказано: молчи! Я хочу, чтоб девка чувствовала, а ты с своими разговорами!

Матрёна закрывает другим рукавом глаза.

Третью племянницу так отдаю. Я всей родне благодетель. Вот теперь есть ещё махонькая, так и ту на место Матрёны возьму, и ту в люди выведу.

Молчание.

Улита Никитишна. Смотри, будет ли он любить-то тебя?

Серафима Карповна. Что ж, маменька, в моём характере ничего дурного нет. Только я... ещё и в пансионе говорили, что я музыки совсем не понимаю, задумываюсь часто, так, ни об чём, да очень люблю сладкое, так, может, он этого не заметит; да вот ещё на серебро плохо считаю...

Карп Карпыч. Ничего, привыкнешь.

Серафима Карповна. Может быть, ему не понравится, что я расчётлива, так ведь иначе мне как же? Я стараюсь только, чтоб не прожить капиталу, а проживать одни проценты. Что ж я буду тогда без капиталу, я ничего не буду значить.

Карп Карпыч. Обнакновенно.

Серафима Карповна. А проценты я сейчас могу расчесть на бумажке, нас в пансионе этому учили. А вот без бумажки я и не могу. *(Задумывается.)*

Улита Никитишна. Об чём ты это думаешь-то, милушка?.. Да и я-то дура! Как тебе, бедной, не думать-то! Перемена в жизни... ведь в него не влезешь, какой он там.

Серафима Карповна. Нет, маменька, я вот давеча ленты покупала, по восьми гривен ассигнациями, семь аршин; так вот я и думаю, сколько это на серебро-то будет, и так ли он мне сдачу сдал с трёх целковых? *(Вынимает портмоне и смотрит в него.)*

Карп Карпыч. Рубь шесть гривен... рубь сорок сдачи.

Серафима Карповна. Так ли, папенька-с?

Карп Карпыч. Ну, да что тут ещё разговаривать!

Серафима Карповна *(прячет портмоне)*. Хорошо-с.

Улита Никитишна. Смотри, не пьёт ли?

Карп Карпыч. Опять ты всё врёшь! Кто нынче не пьёт!

Улита Никитишна. То есть ты спроси, во хмелю-то он каков?

Карп Карпыч. Ну, вот это дело!

Улита Никитишна. Потому другой смирный во хмелю, так это нужды нет, всё равно что непьющий.

Серафима Карповна. Хорошо, маменька, я расспрошу-с. Мне, маменька, пора.

Улита Никитишна. Ах, как это можно! Посиди. Ведь ты сладкое-то любишь... У нас фрухты какие преотменные! Поди, Матрёна, принеси, они у меня на окне в спальне.

Матрёна уходит, скоро возвращается с фруктами и подносит Серафиме Карповне, а потом ставит на стол.

Кушай, милушка, кушай! Наливочки не хочешь ли?

Серафима Карповна. Что это вы, маменька!

Улита Никитишна. Пивца, душенька?

Серафима Карповна. Да разве я пью?

Улита Никитишна. Ну, медку?

Серафима Карповна. Право, не могу.

Улита Никитишна. Ну, вареньица?

Серафима Карповна. Вареньица можно.

Улита Никитишна *(достав ключи из кармана)*. Матрёна, сходи в кладовую, принеси двух сортов.

Серафима Карповна. Да вели моему кучеру подавать.

Матрёна берёт ключи и уходит через сцену.

Улита Никитишна. Кушай ещё, Серафимушка!

Серафима Карповна берёт ещё.

А ты что же, Карп Карпыч?

Карп Карпыч. Ну вот ещё! Стану я теперь есть всякую дрянь. А ты отложи мне, а остальные вели убрать; я ужо, как стану водку пить, так закушу апельсиком.

Улита Никитишна берёт и ест. Молчание.

V

На дворе.

Матрёна идёт с двумя тарелками. Подходит к двери сенника и толкает её ногой.

Матрёна. Эй вы, гужееды!

Кучера выходят.

Подавай лошадей! Барыня ехать хотят.

2-й кучер. Меня в те поры за одну провинность барин хотел в солдаты отдать.

1-й кучер. Ишь ты!

2-й кучер. Так я в те поры, братец ты мой, всё только об войне и думал и со всяким, то есть, человеком всё про войну разговаривал. И так у меня раскипелось сердце, что хоть сейчас под черкеса.

1-й кучер. У меня тут по соседству один денщик есть приятель, они с барином в венгерской кампании были, так он про австрияка сказывал.

2-й кучер. А что такое?

1-й кучер. А вот что, друг любезный, будто ему ещё допреж сказано, при французе, когда француз был: что ты можешь мне препятствовать? Хочешь, я тебя раззорю.

2-й кучер. И раззорит!

1-й кучер. Раззорит!

2-й кучер. Потому, сила.

1-й кучер. Ничего не поделаешь! Всё равно как милюция была... одиннадцать вершков росту, пятнадцать пудов подымает. Прут себе! Там ту-ту-ту-ту-ту-ту, значит в барабан отбой. А они говорят: ребята, вперёд! Измена! Ну и прут себе, что ты хочешь!

2-й кучер. Известно, уж тут, кто кого.

1-й кучер. Кто, значит, уж одолеет, чья сила возьмёт.

Матрёна. Скучно слушать-то! Ох, воины! Сидя на печке воюете. Видно, не страшна война, только утиши, господи.

1-й кучер *(скосив глаза в сторону Матрёны с совершенным презрением)*. Сволочь!

Матрёна. Говорят вам, барыня дожидается.

2-й кучер *(надевая на правую руку петлю кнута, левую подаёт Иванычу)*. Прощай!

1-й кучер. Прощай, друг любезный!

Уходят за дом. Матрёна — на галерею.

VI

На галерее.

Улита Никитишна. Серафимушка! Я было и забыла... Ещё вот что надо беспременно тебе сделать! Уж проминовать нельзя... Когда ты всё узнаешь про жениха, что он не мот, не пьяница, не картёжник,— так съезди к ворожее, к Параше. Приди к ней смирненько и спроси: будет ли, мол, раба Серафима счастлива с рабом... как его?

Серафима Карповна. Павлом.

Улита Никитишна. С рабом Павлом? Что она тебе скажет, так и сделай.

Карп Карпыч. Ничего ты этого не делай!

Улита Никитишна. Ну уж, Карп Карпыч, я во всём тебя послушаю, а это дело не твоё, это дело женское! Не слушай ты его, Серафимушка, делай, как я велю. Я мать — худа не посоветую.

Серафима Карповна. Хорошо-с. *(Встаёт.)* Прощайте, папенька! Прощайте, маменька! *(Целует.)*

Карп Карпыч. А ты вот что: ты скажи жениху, коли будет ко мне почтителен — я ему шубу подарю хорошую; а коли не будет — назад отниму.

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ[1]

ЛИЦА

ПОЛЬ.
СЕРАФИМА КАРПОВНА, *жена его.*
СОФЬЯ ИВАНОВНА ПРЕЖНЕВА.
НЕИЗВЕСТНЫЙ, *приятель Поля, человек средних лет, с греческим профилем и мрачным выражением лица.*
ГОРНИЧНАЯ.
ЛАКЕЙ.

Богато убранный кабинет.

I

Поль сидит за столом и пишет, лакей входит.

Лакей. Павел Петрович, там портной да каретник дожидаются.

Поль *(оборачиваясь)*. Гони их вон!

[1] Между 2-й и 3-й картиною проходит месяц.— *Примеч. А. Н. Островского.*

Л а к е й. Да нейдут-с.

П о л ь. Ну, скажи им, что на следующей неделе.

Л а к е й. Говорил, да нейдут-с.

П о л ь. Так неужели ж мне самому с ними разговаривать? Ну, скажи им что-нибудь такое. Ты видишь, что я занят. Надоел! Пошёл вон!

Л а к е й. Там ещё какой-то барин вас спрашивает.

П о л ь. И его гони.

Н е и з в е с т н ы й показывается в дверях; л а к е й, увидев неизвестного, уходит.

Н е и з в е с т н ы й. Гони природу в дверь, она войдёт в окно.

П о л ь *(встаёт)*. Ах, любезный друг, я и не знал, что это ты. Извини, сделай милость!

Н е и з в е с т н ы й. Да, ты не знал. *(Осматривает с ног до головы Поля и потом кабинет.)*

П о л ь. Право же, не знал. Неужели бы я тебя не принял?

Н е и з в е с т н ы й *(садится)*. Ну, хорошо, хорошо.

П о л ь. Сигару не хочешь ли?

Н е и з в е с т н ы й *(иронически улыбаясь)*. Сигару? А когда же деньги?

П о л ь. Теперь скоро.

Н е и з в е с т н ы й. То есть как же это: теперь или скоро?

П о л ь. Скоро, скоро.

Н е и з в е с т н ы й. Ты скоро отдашь? *(Смотрит пристально на Поля.)* Ну, а если я тебе не верю?

П о л ь. Как же тебе не верить, у тебя в руках документ. Потом, ты видишь, как я живу.

Н е и з в е с т н ы й. Да ведь документу срок; а это не твоё, а женино.

П о л ь. Это всё равно.

Н е и з в е с т н ы й. Нет, не всё равно.

П о л ь. Так чего же ты хочешь?

Н е и з в е с т н ы й. А вот чего: или ты завтра мне отдашь все деньги, или мы перепишем документ...

П о л ь. Изволь, перепишем хоть сейчас.

Н е и з в е с т н ы й. Нет, мы перепишем завтра, только чтоб твоя жена подписалась поручительницей.

П о л ь. Как же это?

Н е и з в е с т н ы й. Там уж маклер знает как; а то я подам ко взысканию. *(Встаёт.)*

Поль. Ну, хорошо.

Неизвестный. Так смотри же, завтра! *(Идёт к двери.)* Ты не думаешь ли отвертеться как-нибудь? Этого со мной нельзя. *(Уходит.)*

Поль. Это скучно наконец! Богат, богат, а денег всё нет. Надо у жены попросить; теперь всё равно, что у ней деньги, что у меня, у нас всё общее. Ещё даже лучше, если у меня. И для чего я так долго откладываю! Только всё больше и больше запутываюсь.

Серафима Карповна входит. Поль пишет.

II

Серафима Карповна. Поль, брось писать, не пиши! *(Обнимает его.)*

Поль перестаёт писать.

Я так счастлива, так счастлива! Господи, за что мне такое счастье! *(Задумывается.)* Всего у меня много, муж такой милый *(целует его)*, красавец, умный! Только одно меня беспокоит: ты часто уезжаешь. Уж коли ты женился, ты бы всё и сидел со мной; я бы, кажется, тебя ещё больше любить стала.

Поль. Нельзя же, мой друг, у меня служба.

Серафима Карповна. Ты и нынче поедешь?

Поль. Да, поеду. Уж мне пора.

Серафима Карповна. Возьми меня с собой.

Поль. Куда это, в сенат-то?

Серафима Карповна. Ну да.

Поль. Что ты говоришь! Да разве это можно?

Серафима Карповна. У вас всё нельзя. Просто ты меня не любишь, оттого и не хочешь взять. Кабы ты любил, ты бы взял. Ты бы сказал всем: «Это моя жена». Что ж, я тебя нигде не острамлю, я в пансионе воспитывалась.

Поль. Да ты спроси у кого-нибудь, коли мне не веришь, берут ли жён в присутственные места?

Серафима Карповна. Оттого и не берут, что не любят нас. Кабы любили, так бы брали. Если бы вы нас любили так, как мы вас любим, вы бы все наши прихоти исполняли. Мы для вас всё на свете готовы сделать, а вы никакой малости не хотите.

Поль. Да и я всё, что хочешь, готов для тебя сделать, только этого нельзя.

Серафима Карповна. Ну, по крайней мере, сделай для меня удовольствие, не езди нынче, посиди со мной.

Поль *(пожимая плечами)*. Если ты хочешь — изволь.

Серафима Карповна. Нет, в самом деле, ты не поедешь?

Поль. Не поеду, если тебе угодно.

Серафима Карповна. Милый Поль, какой ты добрый! Как ты меня балуешь! Чего я для тебя на свете не сделаю! Ну, говори! Говори, чего хочешь! Да говори же! *(Ласкает его.)* Проси, чего хочешь. Всё, всё на свете. Ну, скажи, чего ты хочешь: сейчас же поеду в город и куплю тебе.

Входит горничная.

Горничная. Барыня, пожалуйте, швея пришла.

Серафима Карповна. Поль, милый Поль, я сейчас приду. *(Уходит.)*

III

Поль. Странные иногда у неё желания являются, и не разберёшь: от глупости это или от любви ко мне. Впрочем, это очень хорошо, что она меня так любит. Чего, говорит, ты хочешь? Чего? Разумеется, денег. Значит, правду говорят, что у женщин сердце гораздо чувствительнее нашего. А я, признаться, этому прежде не верил. Теперь я понимаю, что если любовь заберёт их за живое, так бери с них, что хочешь. Да и хорошенькая какая! Даже этак, если и с другой стороны взять... да что тут разговаривать-то, просто наслаждение! Если уж просить, так за раз большой куш; надо пользоваться минутой, пока она в экстазе.

Входит Серафима Карповна.

Ах, Серафима, я хотел с тобой поговорить.

Серафима Карповна. И я хотела с тобой поговорить, Поль.

Поль. Ну, так говори ты.

Серафима Карповна. Нет, ты говори прежде.

Поль. Нет, ты, Серафима.

Серафима Карповна. Нет, ты.

Поль. Я тебе уступаю как даме, Серафима.

Серафима Карповна. Вот что я хотела тебе сказать, мой Поль: ты каждый день сорочки меняешь, ведь это расчёт.

Поль. Что ты, с ума, что ли, сошла! Что это за расчёт для нас? Нет, я хотел поговорить совсем о другом.

Серафима Карповна. Всё-таки, друг ты мой *(целует его)*, надобно рассчитывать. Никакого в этом сумасшествия нет.

Поль. Извини, Серафима! Я тебя понимаю, мой друг; это даже хорошо, что ты в мелочах соблюдаешь экономию. Мелочи в жизни важное дело. Я очень рад, что нашёл в тебе такую хозяйку. Но я хочу с тобой поговорить о более важном деле.

Серафима Карповна. Об чём же это, Поль? Да нет, постой! Что нам об деле говорить! Мы ещё с тобой мало о любви говорили. Теперь время свободное, ты не поехал в присутствие. Что нам говорить об делах, поговорим об любви. *(Вздох и глаза к небу.)*

Поль. Об любви ещё мы успеем, когда только тебе будет угодно, а теперь мне нужно об деле.

Серафима Карповна. Ах, Поль, ты остался со мной; мне теперь, право, ни об чём другом думать не хочется.

Поль. Нет, Серафима, мне, право, нужно с тобой серьёзно поговорить.

Серафима Карповна *(несколько обиженным тоном)*. Что такое тебе нужно? Говори!

Поль. Как ты хочешь употребить свой капитал?

Серафима Карповна. Что за вопрос! Я его никак не хочу употреблять; пускай лежит в Совете, а мы будем жить процентами.

Поль. Но процентов очень мало, мой друг! Мы лучше пустим капитал в оборот.

Серафима Карповна. В какой оборот?

Поль. Например, купим имение.

Серафима Карповна. Нет, нет, нет, ни за что! Какое имение?

Поль. Ну, деревню в хорошей губернии, хоть в Орловской.

Серафима Карповна. Ни за что на свете! Мужики не будут платить, деревня может сгореть; пять лет неурожай. Что ж тогда делать?

Поль. Пять лет неурожай не бывает.

Серафима Карповна. Однако может быть; ты ведь не пророк.

Поль. Ну, купим дом да пустим жильцов.

Серафима Карповна. А жильцы платить не будут.

Поль. Как это платить не будут? С них всегда можно взыскать.

Серафима Карповна. Ну, а дом сгорит?

Поль. Надо застраховать.

Серафима Карповна. А придёт неприятель да раззорит всё. Нет, нет, ни за что!

Поль. Ну, перестанем лучше об этом говорить.

Серафима Карповна. Ты сам посуди. Ты молодой ещё человек, у нас могут быть дети.

Поль. Конечно, будут дети, но что ж из этого? Чем мы больше будем получать, тем больше детям достанется.

Серафима Карповна. Нет, нет, я и говорить не хочу; а то мне сейчас скучно сделается. Ты и не расстроивай меня. Какие там обороты! Мы и так можем жить. Всего у нас много. *(Задумывается.)* Теперь время свободное, ты не поехал в присутствие... *(Обнимает Поля.)*

Поль *(освобождаясь из объятий)*. Нет, Серафима, как ты хочешь, а мне с тобой нужно поговорить.

Серафима Карповна *(серьёзно)*. Об чём ещё?

Поль. А вот об чём: дай ты мне, коли любишь меня, пять тысяч рублей серебром. Мне очень нужно для одного дела. Дело, Серафима, очень выгодное,— я теперь тебе не скажу, какое, но мы можем вдвое получать, а пожалуй, и больше. Да я почти уверен, что больше.

Серафима Карповна. Пять тысяч рублей серебром... Сколько же это будет на ассигнации?

Поль. Почём я знаю!

Серафима Карповна. Постой, я сейчас сочту. *(Вынимает из кармана бумажку и карандаш и считает.)* Ах! Ах! *(Убегает.)*

IV

Поль. Что же это такое? Чего она испугалась? Я уж и не пойму. Не думает ли она, что я всю жизнь буду только одною любовью пробавляться? Это будет очень оригинально! Скупа, что ли, она? Нужно же, наконец, узнать, что она больше любит: меня или деньги? Коли меня — так дело поправить можно. А как деньги? Просто хоть в петлю лезь.

Входит Прежнева.

Прежнева. Bonjour, Paul!

Поль. Bonjour, maman!

Прежнева *(садится)*. Я сейчас заходила к твоей жене; что с ней сделалось? Плачет и собирается куда-то ехать.

Поль. Была маленькая сцена.

Прежнева. Ах, Поль, так рано! Так скоро после свадьбы! Не оскорбил ли ты её чем-нибудь? Женщина такое слабое, такое нежное создание.

Поль. Какой чёрт оскорбил! Я только попросил у ней денег.

Прежнева. Довольно ли ты нежен был с ней?

Поль. Да помилуйте, я целый месяц с ней нежничал, жили как голуби. *(Хохочет.)* Только нынче решился попросить денег. Она сначала было так расчувствовалась, что любо. Проси, говорит, чего хочешь; я всё для тебя на свете. Я хоть сейчас, говорит, поеду в город и куплю тебе, чего хочешь. Что ж она мне купит? Собачку фарфоровую или сахарного гусара? А вот как попросил я у ней пять тысяч, так взвизгнула да ушла... а теперь плачет. Это чёрт знает что такое!

Прежнева. У ней нет, нет чувств, мой друг. Женщина для любимого человека готова всё на свете. Нет, мой Поль, она не женщина.

Поль. Нет, она женщина, только денег не даёт.

Прежнева. Ах, Поль, я думаю, что она со временем тебя оценит — и так полюбит, так полюбит *(восторженно)*, что отдаст в твоё полное распоряжение и себя и... всё своё состояние.

Поль. Да ведь этого нужно ждать, а мне ждать нельзя.

Прежнева. Подожди, Поль! Зато вперёд какое блаженство ожидает тебя.

Входит горничная с письмом и бумажником в руках и подаёт Полю.

Поль. Это что такое?

Горничная. Барыня уехали и приказали вам отдать бумажник и письмо. *(Уходит.)*

Поль. Бумажник! Это хорошо! *(Кладёт бумажник в карман.)*

Прежнева. Я тебе говорила.

Поль. Теперь почитаем послание. *(Читает.)* «Милый Поль! Как я ни люблю тебя, но нам должно расстаться. Теперь всю жизнь моё сердце будет разрываться, и я буду день и ночь плакать по тебе. Я теперь хочу жить у папеньки, подобно заключённой, и оплакивать судьбу свою, а дом этот продам. Теперь уж ты меня никогда не увидишь. Я тебя люблю всей душой, а ты мне сегодня показал,

что будто ты меня любишь из денег. Но в нашем купеческом кругу не принято отдавать деньги. Что я буду значить, когда у меня не будет денег? — Тогда я ничего не буду значить! Когда у меня не будет денег,— я кого полюблю, а меня, напротив того, не будут любить. А когда у меня будут деньги,— я кого полюблю, и меня будут любить, и мы будем счастливы. Я приготовила тебе к именинам бумажник и сама вышила, и как я чувствовала, что тебе мой подарок будет очень приятен, то и посылаю тебе. Ты к папеньке не езди, он у нас очень сердит и очень разгневается на тебя, когда всё это узнает; а я ничего не могу скрыть. Прощай, Поль! Когда будешь нуждаться в деньгах, я тебе всегда готова помочь потихоньку от своих, только немного — рублей сто, не более. Будь счастлив. А я должна плакать всю жизнь. Твоя навеки, Серафима».— Что же это такое! Это так странно, что я даже этому и не верю. Вероятно, она шутит или хочет меня попугать. Однако посмотрим, что такое за бумажник. Может быть, в нём что-нибудь и есть. *(Вынимает из кармана.)*

Прежнева. Я почти уверена, Поль. Она, верно, хотела тебе сделать сюрприз.

Поль. Бумажник щегольской! *(Развёртывает его и рассматривает.)* Пусто!

Прежнева. Посмотри, нет ли где секретного какого отделения?

Поль. Вот есть и секретное, да в нём тоже ничего нет.

Входит лакей.

Что тебе?

Лакей. Да помилуйте, что же это такое? Шубу увезли!

Поль. Какую шубу?

Лакей. Вашу шубу. Велели положить к барыне в карету и увезли. Уж я с Анюткой немало ругался, да что ж с ними сделаешь. На что ж это похоже, я уж и не знаю.

Поль. Маменька! Это уж не шутки.

Лакей. Это ведь срам! Не первый год служу. *(Всплеснув руками.)* Господи! Я и не видывал. Помилуйте, Павел Петрович!

Поль. Ну, поди вон!

Лакей. Да это и в люди сказать, так стыда-то не оберёшься. Что это такое? Что это такое? *(Уходит.)*

Поль *(садясь и пристально глядя на мать)*. Maman!

Прежнева. Нынче у женщин совсем нет сердца, совсем нет.

П о л ь. Позвольте мне, maman, поблагодарить теперь вас за две вещи: во-первых, за то, что вы промотали моё состояние, а во-вторых, за то, что воспитали меня так, что я никуда не гожусь. Я умею только проживать. А где деньги, где? *(Горячо.)* Где деньги? Ну, давайте мне их! Вам весело было, когда я восьми лет, в бархатной курточке, танцевал лучше всех детей в Москве и уж умел волочиться за маленькими девочками! Вам весело было, когда я шестнадцати лет отлично скакал на лошади! Вы любовались, когда мы с моим развратным гувернёром, вашим любимцем, скакали по нашим наследственным полям и хлестали своими хлыстами по глазам мужиков, которые не сворачивают с дороги. Вам весело было! При таком воспитании нужно иметь деньги, чтобы играть значительную роль в нашем обществе. Зачем же вы всё промотали? Куда делись наши имения, наши крестьяне? Изо всего из этого я бы железной рукой выбрал себе деньги и блистал бы в обществе наперекор всем этим учёным и современно образованным людям с новыми идеями. Мне это было бы легко: они большой симпатией не пользуются. А теперь что? Теперь вы, может быть, будете иметь удовольствие видеть меня выгнанным из службы, праздношатающимся, картёжным игроком, а может быть, и хуже. Что ж мне делать? Нельзя же мне от живой жены жениться в другой раз. *(Опускает голову на руки.)*

ВОСПИТАННИЦА

Сцены из деревенской жизни

ЛИЦА

УЛАНБЕКОВА, *старуха лет под 60, высокого роста, худая, с большим носом, чёрными густыми бровями, тип лица восточный, небольшие усы. Набелена, нарумянена, одета богато, в чёрном. Помещица 2000 душ.*
ЛЕОНИД, *её сын, 18 лет, очень красив, немного похож на мать. Одет по-летнему. Учится в Петербурге.*
ВАСИЛИСА ПЕРЕГРИНОВНА, *приживалка, девица 40 лет. Волос мало, пробор косой, коса зачёсана высоко, с большой гребёнкой. Постоянно коварно улыбается и страдает зубами; жёлтая шаль около самого горла заколота булавкой.*
ПОТАПЫЧ, *старый дворецкий. Галстук и жилет белые, фрак чёрный. С виду важен.*
НАДЯ, *17 лет, любимая воспитанница Уланбековой, одета, как барышня.*
ГАВРИЛОВНА, *ключница, пожилая женщина, полная, с открытым лицом.*
ГРИША, *мальчик лет 19, любимец барыни, одет франтом, часы с золотой цепочкой. Красив, волосы кудрявые, выражение лица глупое.*
НЕГЛИГЕНТОВ, *приказный, очень грязный молодой человек.*
ЛИЗА, *горничная, недурна собой, но очень полна и курноса; в белом платье, лиф которого короток и сидит неловко, на шее маленький красный платочек, волосы очень напомажены.*
КРЕСТЬЯНСКАЯ ДЕВУШКА, ЛАКЕЙ И ГОРНИЧНАЯ, *без речей.*

Действие происходит весной, в подгородной усадьбе Уланбековой.

I

Часть густого сада, с правой стороны скамейка, на заднем плане решётка, отделяющая сад от поля.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Надя и Лиза.

Надя. Нет, Лиза, ты этого не говори: какое же может сравнение жить в деревне али в городе!

Лиза. Какая же такая особенная жизнь в городе?

Надя. Там уж всё другое; и люди не те, да и порядок совсем другой.

Садятся на скамью.

Когда мы были с барыней в Петербурге, так это только поглядеть надобно было, какие к нам господа ездили, и как у нас было убрано в комнатах; опять же барыня везде брала меня с собой, даже и в Петергоф мы ездили на пароходе, и в Царское Село.

Лиза. То-то, я думаю, хорошо!

Надя. Уж так прелестно, что и словами нельзя сказать! Потому что, как хочешь тебе рассказывай, если ты сама не видала, так ничего

не поймёшь. Ещё тогда у нас гостила барышня, племянница барыни, так я с ней по целым вечерам разговаривала, иногда и ночи просиживала.

Л и з а. Об чём же вы с ней разговаривали?

Н а д я. Ну, разумеется, всё больше про благородное обращение, об кавалерах там да об гвардейцах. Так как они часто бывают на балах, так и рассказывали, какие у них там разговоры бывают, и кто им больше нравится. Только уж какие эти барышни!

Л и з а. А что?

Н а д я. Бойки очень. И откуда они это всё знают? А потом мы целую зиму жили в Москве. Видя всё это, моя милая, и сама стараешься себя облагородить. Уж и держишь себя не так, и разговор стараешься иметь особенный.

Л и з а. Да к чему же нам себя облагороживать-то! Кому это нужно!

Н а д я. Как к чему? А вот барыня обещали меня выдать замуж, так я стараюсь так себя образовать, чтоб меня никому не стыдно было взять. Ты знаешь, какие жёны у наших чиновников, ну на что это похоже? Я в десять раз лучше их понимаю жизнь и обращение. У меня теперь только одна и надежда — выйти за хорошего человека, чтобы мне быть полной хозяйкой. Посмотри тогда, какой я порядок в доме заведу; у меня не хуже будет, чем у дворянки у какой-нибудь!

Л и з а. Дай тебе бог! А замечаешь, как за тобой барин молодой ухаживает?

Н а д я. Напрасно он ухаживает. Что ж, конечно, он мальчик хорошенький, даже, можно сказать, красавец; только от меня ему ничего не дождаться; потому что я совсем не таких правил и, напротив того, теперь всячески стараюсь, чтобы про меня никакого дурного разговору не было. У меня только одно и на уме, что выйти замуж.

Л и з а. И замужем иногда тоже житьё-то не радость! Другой такой чадо навяжется, что не накажи господи!

Н а д я. Что ж мне за радость идти за такого! Я, слава богу, могу в людях разобрать, кто хорош, кто дурен. Это сейчас по обращению и по разговору видно. А вот барыня так напрасно это делают, что нас в такой строгости держат и беспрестанный присмотр за нами имеют. Мне даже обидно! Я такая девушка, что без всякого присмотра могу хорошо себя понимать.

Л и з а. Кажется, барин идёт.

Н а д я. Так пойдём.

Встают и уходят. Входит Л е о н и д с ружьём.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Леонид и потом Потапыч.

Леонид. Погодите! Куда вы, куда вы! Что это они все от меня бегают? Никак их не поймаешь. *(Стоит задумавшись.)*

Молчание.

Девушка *(поёт за решёткой).*

Никак невозможно без печали жить!
Любить друга можно, нельзя не тужить.

Леонид *(подбегая к решётке).* Какая ты хорошенькая!

Девушка. Хороша, да не ваша.

Леонид. Поди сюда!

Девушка. Куда?

Леонид. Ко мне в сад.

Девушка. А пóшто я к тебе пойду?

Леонид. Я поеду в город, тебе серёжки куплю.

Девушка. Молоденек ещё! *(Громко смеётся и уходит.)*

Леонид стоит повеся голову и задумавшись.
Входит Потапыч в охотничьем платье, с ружьём.

Потапыч. За вами, сударь, не поспеешь; у вас ножки-то молоденькие.

Леонид *(всё ещё задумавшись).* Ведь всё это, Потапыч, моё будет.

Потапыч. Всё, сударь, ваше и мы все ваши будем... Как, значит, при барине, при покойнике, так всё равно и вам должны... Потому одна кровь... Уж это прямое дело. Конечно, продли Бог веку вашей маменьке...

Леонид. Я уж тогда, Потапыч, служить не стану, прямо в деревню приеду, здесь и буду жить.

Потапыч. Нельзя, сударь, вам не служить.

Леонид. Ну да, как же! Нужно мне очень. Ещё писать заставят! *(Садится на скамейку.)*

Потапыч. Нет, сударь, зачем же вам самим дело делать! Уж это не порядок! Вам такую службу найдут — самую барственную, великатную; работать будут приказные, а вы будете над ними надо всеми начальником. А чины уж сами собой пойдут.

Леонид. Разве виц-губернатором сделают либо в предводители выберут!

Потапыч. Что ж мудрёного!

Леонид. А что, как я буду виц-губернатором, ты меня будешь бояться?

Потапыч. Чего же мне бояться? Это другие, точно, должны раболепствоваться, а нам всё равно, вы наш барин; для нас даже ещё чести больше.

Леонид *(не слушая)*. А что, Потапыч, много у нас хорошеньких девушек?

Потапыч. Вот видите ли, сударь, если взять в рассуждение, так оно, точно, как девушек не быть! Есть и в вотчине, и в дворне: только притом же надобно сказать, что у нас насчёт этого строгости большие. Наша барыня, по их строгой жизни и по своему богомольству, очень за этим наблюдают. Теперича возьмите то: воспитанниц и горничных, которых любят, сами замуж отдают. Коли где им человек понравится, за того и отдают, и приданое дают, не большое — этого нельзя сказать. У нас всегда воспитанницы две или три не переводятся. Возьмут у кого-нибудь девочку, воспитают её; а как минет лет семнадцать или восемнадцать, так, без всякого разговора, и отдают замуж, за приказного или за мещанина в город, как им вздумается, а иногда и за благородного. Да, сударь, да! Только какое житьё этим воспитанницам, сударь! Беда!

Леонид. А что?

Потапыч. Уж очень строго. Скажут: я тебе нашла жениха, и вот, скажут, тогда-то свадьба, ну и конец, тут уж разговаривать ни одна не смей! За кого прикажут, за того и ступай. Потому что, сударь, я рассуждаю так, кому же приятно, давши воспитание, да видеть непокорность. А бывает, сударь, и так, что и жених невесте не нравится, и невеста жениху, так уж тут очень гневаются. Так даже из себя выходят. Пожелали они одну воспитанницу отдать за лавочника в город, а он, человек неполированный, вздумал было сопротивляться. Мне, говорит, невеста не нравится, да я и жениться-то не хочу ещё. Так в те поры и городничему жаловались, и отцу протопопу, ну и уломали дурака.

Леонид. Вот как.

Потапыч. Да-с. Они даже и у знакомых у кого, если увидят девушку, так сейчас и ищут ей жениха. Наша барыня так рассуждают, что они глупы; если теперича над ними попечения не иметь, так они зря и проживут, без всякого порядка. Точно так, сударь. Некоторые даже,

по своей глупости, прячут девок-то от барыни, чтоб они как-нибудь на глаза не попались; потому тут им уж и конец.

Леонид. Так она и чужих точно так же?

Потапыч. И чужих. На всех свою заботливость простирают. Такое доброе сердце имеют, что обо всех беспокоются. И уж очень сердятся, когда без их спросу делают. А уж как о своих воспитанницах заботятся, так это на редкость. Одевают их, как бы истинно своих родных дочерей, и иногда с собой кушать сажают, и работать ничего не заставляют. Пускай, говорят, смотрят все, как у меня живут воспитанницы; хочу, говорят, чтоб все им завидовали.

Леонид. Что ж, это хорошо, Потапыч.

Потапыч. И какое трогательное поучение делают, когда замуж отдают! Вы, говорят, жили у меня в богатстве и в роскоши, и ничего не делали; теперь ты выходишь за бедного, и живи всю жизнь в бедности, и работай, и свой долг исполняй. И позабудь, говорят, как ты у меня жила, потому что не для тебя я это делала, я себя только тешила, а ты не должна никогда об такой жизни и думать, и всегда ты помни своё ничтожество, и из какого ты звания. И так чувствительно, даже у самих слёзки.

Леонид. Что ж, это хорошо.

Потапыч. Не знаю, как сказать, сударь. Как-то все скучают замужеством-то потом, сохнут больше.

Леонид. Отчего же, Потапыч, сохнут?

Потапыч. Должно быть, не сладко, коли сохнут.

Леонид. Странно это.

Потапыч. Мужья-то больше всё разбойники попадаются.

Леонид. А, вот что!

Потапыч. Уж очень все льстятся на наших воспитанниц, потому что барыня сейчас свою протекцию оказывают. Теперь, которых отдали за приказных, так уж мужьям-то жить хорошо; потому, если его выгнать хотят из суда, или и вовсе выгнали, он сейчас к барыне к нашей с жалобой, и они уж за него горой, даже самого губернатора беспокоют. И уж этот приказный в те поры может и пьянствовать, и всё; и уж никого не боится; только разве когда сами поругают, или уж проворуется очень...

Леонид. А скажи, Потапыч, отчего это девушки бегают от меня?

Потапыч. Как же им не бегать, им нельзя не бегать, сударь!

Леонид. Да отчего ж нельзя?

Потапыч. Хм! Отчего? Потому самому, как вы ещё в малолетствии, так барыня хотят вас соблюсти, как должно; ну, и их тоже соблюдают.

Леонид. Соблюдает, ха-ха-ха!

Потапыч. Да-с! Уж это верно! Разговор был об этом. Вы как есть ребёнок, всё равно, что голубь, ну а девки глупы.

Молчание.

Да что ж, сударь: маменька ваша, обыкновенно, должны строгость наблюдать, потому как они дамы. А вам что на них смотреть! Вы сами по себе должны поступать, как все молодые господа поступают. Уж вам порядку этого терять не должно. Что ж вам от других-то отставать! Это будет к стыду к вашему.

Леонид. Так-то так, да не умею я с девушками разговаривать.

Потапыч. Да вам что с ними разговаривать-то долго! Об чём это? Об каких науках вам с ними разговаривать? Нешто они что понимают! Обыкновенно, вы барин, ну, вот и конец.

Леонид *(смотрит в сторону)*. Кто это там идёт? Это Надя, кажется. Ах, Потапыч, какая она хорошенькая!

Потапыч. Она, сударь, мне сродственница доводится, племянница. Её отец ещё покойным барином был на волю отпущен; он в Москве при кондитерской должности находился. Как мать у неё померла, её барыни и взяли на воспитание и оченно любят. А потом у ней и отец теперича помер,— значит, сирота теперича выходит. Девушка хорошая.

Леонид. Они, кажется, сюда идут.

Потапыч. Ну, что ж, пущай.

Входят Гавриловна и Надя.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Гавриловна и Надя.

Гавриловна. Здравствуйте, барин хороший!

Леонид *(кланяется)*. Здравствуйте!

Гавриловна. А что, барин, чай, вам скучно в деревне-то?

Леонид. Нет, ничего.

Гавриловна. Ну, уж как, чай, не скучать! Ишь, ведь, у нас точно монастырь, в сто глаз смотрят. Ну, а вы, известное дело, молодой человек — и позабавились бы чем-нибудь, да нельзя. Невелико веселье-то уток стрелять! *(Смеётся.)*

Л е о н и д *(подходя к Гавриловне)*. Да, да, Гавриловна.

Н а д я *(Гавриловне)*. Пойдём!

Г а в р и л о в н а. Куда это идти-то? Ты бы вот, благо барыни-то дома нет, побалагурила б с молодым барином. Молодым людям то и надобно. А какая она у нас умная, барин! И поговорить, и всё.

Н а д я. Ну, что хорошего!

Г а в р и л о в н а. Да и дурного-то ничего нет! Я молода была, от господ не бегала, да вот не съели же меня. Авось и он тебя не укусит. Полно скромничать-то, останься! А я пойду чай готовить! Прощайте, барин хороший! *(Уходит.)*

Л е о н и д. Отчего вы не хотели со мной остаться?

П о т а п ы ч. Что это вы, барин, ей *вы* говорите, точно барышне.

Л е о н и д. Чего же ты боялась?

Надя молчит.

П о т а п ы ч. Говори, что ж ты молчишь! А я, сударь, пойду, мне также к чаю одеться надобно. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Л е о н и д, Н а д я и потом Л и з а.

Н а д я. Конечно, я девушка простого звания, а ведь и нам тоже не хочется, чтоб об нас дурно говорили. Сами извольте посудить, кто же меня после таких разговоров замуж возьмёт?

Л е о н и д. Ты разве замуж выходишь?

Н а д я. Да-с. Какая же девушка не надеется когда-нибудь выйти замуж?

Л е о н и д. А у тебя уж есть жених?

Н а д я. Ещё нет-с.

Л е о н и д *(робко)*. Если нет жениха, так ты, может быть, влюблена в кого-нибудь?

Н а д я. Уж вы очень любопытны. Да нет, нечего на себя и лгать, ни в кого я не влюблена-с.

Л е о н и д *(с большею робостью)*. Полюби меня!

Н а д я. Насильно сердце заставить нельзя-с.

Л е о н и д. Отчего же? Разве я тебе не нравлюсь?

Н а д я. Нет-с, как можно, чтоб вы не нравились! Да вы нам неровня! Какая уж это любовь! Видимая погибель. Вот Лиза бежит, должно быть, за мной! Прощайте. Счастливо оставаться! *(Уходит.)*

Л и з а входит.

Л и з а. Барин, пожалуйте! Маменька приехала.

Л е о н и д. Лиза!

Л и з а *(подходя)*. Что вам угодно?

Л е о н и д *(обнимает Лизу, она вздрагивает от удовольствия)*. Отчего Надя меня любить не хочет?

Л и з а *(жеманясь)*. Как вы, барин, рассуждаете! Наша сестра, уж известно, себя беречь должна!

Л е о н и д. Как беречь?

Л и з а *(смотрит ему в лицо и улыбается)*. Уж известно как. Что это, словно вы маленький!

Л е о н и д *(печально)*. Что же мне теперь? Я уж и не знаю. Все от меня бегают.

Л и з а. А вы куражу не теряйте; поволочитесь хорошенько! Ведь сердце-то у нас тоже не каменное.

Л е о н и д. Да что уж! Я у неё спрашивал, она говорит, что не любит.

Л и з а. Ах, вы какой чудной, барин! Да кто ж у девушек прямо спрашивает, любят или нет. Хоть бы другая наша сестра и любила, так не скажет.

Л е о н и д. Отчего же?

Л и з а. Потому стыдно. Однако пустите, барин! *(Освобождается.)* Вот нинфа-то[1] идёт.

Л е о н и д. Приходите ужо в сад после ужина, как маменька спать ляжет.

Л и з а. Ишь вы какие проворные!

Л е о н и д. Пожалуйста, приходите.

Л и з а. Ну, уж там видно будет.

Входит Василиса Перегриновна.

Барин, чай пожалуйте кушать, маменька дожидается.

Л е о н и д. Хорошо, сейчас.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Василиса Перегриновна.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Видела, мой друг, видела.

Л и з а. Нечего видеть-то было. *(Уходит.)*

Л е о н и д. Ну что ж, что видели? Жаловаться, что ли, станете? Так я скажу, что вы лжёте. Кому больше поверят: вам или мне? *(Делает гримасу и уходит.)*

[1] Нинфа (нимфа) в простонародии имеет значение злой женщины, фурии. — *Примеч. А. Н. Островского.*

Василиса Перегриновна. Вот все-то так со мной. Моченьки моей нету! Всё сердце изболело. Мученица я на этом свете. *(Срывает с сердцем цветок и обрывает с него листики.)* Кажется, кабы моя власть, вот так бы вас всех! Так бы вас всех! Так бы вас всех! Погоди ж ты, мальчишка. Уж я тебя поймаю. Кипит моё сердце, кипит, ключом кипит. А вот теперь иди, улыбайся перед барыней, точно дура какая! Эка жизнь! Эка жизнь! Грешники так в аду не мучаются, как я в этом доме мучаюсь. *(Уходит.)*

II

Гостиная.

Прямо отворённая дверь в сад, по сторонам двери, посредине круглый стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Из боковой двери выходят лакей с самоваром и девка с чайным прибором, ставят то и другое на стол и уходят. Гавриловна и Потапыч входят за ними. Гавриловна приготовляет чай. Василиса Перегриновна выходит из саду.

Василиса Перегриновна. Вы мне, моя милая, всегда только одной воды наливаете.

Гавриловна. Крепкий-то чай вам нездорово пить, сударыня.

Василиса Перегриновна. Не ваше дело обо мне заботиться!

Гавриловна. Он грудь сушит, а вы уж и так совсем высохли.

Василиса Перегриновна. Эка жизнь! Эка жизнь! Не от чаю я, милая, высохла, от обиды людской я высохла.

Гавриловна. Обидишь вас! Вы сами всех обижаете, точно вас что поджигает.

Василиса Перегриновна. Не смеешь ты так со мной разговаривать! Ты помни, кто ты. Я сама была помещица; у меня такие-то, как ты, пикнуть не смели, по ниточке ходили. Не давала я вашей сестре зазнаваться.

Гавриловна. Были да сплыли. То-то вот бодливой корове Бог рог не даёт.

Василиса Перегриновна. Изверги вы мои, злодеи! Смерти вы моей желаете. Скоро я умру, скоро; чувствует душа моя скорую мою кончину! *(Поднимает глаза к небу.)* Закрой меня от людей, гробовая доска! Прими меня к себе, сырая земля! То-то вам радость будет, то-то веселье!

Потапыч. Нам что ж! Нам какая оказия!.. Живите себе.

Гавриловна. Пока Бог грехам терпит.

Василиса Перегриновна. За свои грехи уж я здесь намучилась; чужие грехи теперь оплакиваю.

Гавриловна. Лучше бы вы чужих-то грехов не трогали. А то помирать сбираетесь, а чужие грехи пересуживаете. Нешто вы не боитесь?

Василиса Перегриновна. Чего бояться? Чего мне бояться?

Гавриловна. А того, что с крючком-то сидит. Уж он, чай, поджидает.

Василиса Перегриновна. Где я! Где я! Боже мой! Точно я в омуте каком, изверги...

Входят с левой стороны Уланбекова, Надя, Лиза и Гриша.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Уланбекова, Гриша, Надя и Лиза.

Василиса Перегриновна. Помолиться, благодетельница наша, изволили?

Уланбекова. Да, к вечерне ездила в город, праздник нынче там.

Василиса Перегриновна. Много благодеяний рассыпали нестоющим людям?

Уланбекова. Нет, только в Пустую улицу заезжала, к старику Неглигентову. Просил меня устроить его племянника, крестник ведь он мне. Жаль этих людей!

Василиса Перегриновна. Уж вы, матушка, всем благодетельница. Всем таки, всем! Которые и взгляду-то вашего не стоят, вы и тем благодетельствуете.

Уланбекова *(садится)*. Нельзя же, душа моя! Нужно делать ближним добро.

Василиса Перегриновна. Да чувствуют ли они это добро-то? Могут ли они понять, бесчувственные животные, сколько вашего для них снисхождения?

Уланбекова. А мне всё равно, милая! Для себя надо добро делать, для своей души. Заезжала потом к исправнику, просила, чтоб Неглигентова столоначальником сделал.

Василиса Перегриновна. Да, благодетельница, стоит ли...

Уланбекова. Не перебивай! Странный человек у нас исправник; я его прошу, а он говорит, места нет. Я ему говорю, вы, кажется,

не понимаете, кто вас просит? Что ж, говорит, не выгнать же мне хорошего человека для вашего крестника! Грубый человек! Однако обещал!

Василиса Перегриновна. Ещё бы он смел! Я и понять не могу, как это у него язык-то повернулся против вас. Вот уж сейчас необразование-то и видно. Положим, что Неглигентов, по жизни своей, не стоит, чтобы об нём и разговаривать много, да по вас-то он должен сделать для него всё на свете, какой бы он там ни был негодяй.

Уланбекова. Ты не забывай, что он мой крестник.

Василиса Перегриновна. Я про то вам и докладываю, благодетельница; крестник он вам, ну и кончено дело, он никаких и разговоров не должен слушать. А то, мало ли что говорят! Вот говорят, что он беспутный совсем; что дядя его в суд определил, а он оттуда скрывается; целую неделю пропадал, говорят, где-то версты за четыре на большой дороге, подле кабака, рыбу ловил. Да что пьянствует не по летам. Да кому ж какое дело — значит, он стоит того, когда вы за него просите!

Уланбекова. Я этого не слыхала и пьяным его не видала никогда; а просила я за него исправника, потому что он мой крестник. Я ему вместо матери.

Василиса Перегриновна. Знаю, благодетельница, знаю; все это знают, что вы, если захотите, так можете из грязи человеком сделать; а не захотите, так будь хоть семи пядей во лбу, так в ничтожестве и пропадёт. Сам виноват, отчего не умел заслужить!

Уланбекова. Я, кажется, никому зла не сделала.

Василиса Перегриновна. Какое же зло! Да вы, по своему ангельскому сердцу, и мухи не обидите! Оно, конечно, все мы люди не без греха, дел же у вас много; на всех нельзя угодить! Коли правду говорить, так, благодетельница вы моя, довольно-таки народу и на вас плачутся.

Уланбекова. Кто же на меня плачется? Что ты врёшь!

Василиса Перегриновна. Вам, благодетельница наша, всего знать нельзя. Да и не стоит вам, по вашей барственности, о всякой дряни беспокоиться. А хоть и плачутся, что на них смотреть, стоят ли они того? Вы уж другим-то много благодеяний делаете, так вам, нашей благодетельнице, Бог простит.

Уланбекова. Я всё-таки желаю знать, кого я обидела?

Василиса Перегриновна. Есть-таки, благодетельница.

Уланбекова *(строго)*. Да кто же, говори!

Василиса Перегриновна. Не гневайтесь, благодетельница! Это я так сказала; потому что, сами знаете, какой нынче народ стал обидчивый, ничем не довольный.

Уланбекова. Это ты сказала для того, чтобы сделать мне какую-нибудь неприятность.

Василиса Перегриновна. Лопни глаза мои!

Уланбекова. Ну, уж я тебя знаю. Ты душой не покойна, если чего-нибудь обидного не скажешь. Будь ты, пожалуйста, осторожней; а то ты меня когда-нибудь выведешь из терпения, тебе ж будет хуже.

Молчание.

Давайте чаю.

Гавриловна. Сейчас, сударыня! *(Наливает две чашки.)*

Потапыч подаёт Уланбековой и Василисе Перегриновне.

Уланбекова. Налей и Грише, он нынче ездил со мной, устал.

Гавриловна. Налью, сударыня. *(Наливает и подаёт Грише.)*

Гриша. Что ж молока-то мало налила! Жаль тебе, что ли?

Гавриловна *(подливает молока)*. И так тебя, как телёнка, уж отпоили.

Гриша берёт чашку и уходит за дверь в сад.

Уланбекова. Я думала вот Надю отдать за Неглигентова,— с приличным награжденьем, разумеется. Ты говоришь, что он дурную жизнь ведёт; так надобно будет свадьбой поторопиться. Она у меня девушка хороших правил, будет его удерживать, а то он от холостой жизни совсем избалуется. Холостая жизнь ужасно портит молодых людей.

Надя *(Лизе)*. Слышишь, Лиза? Что же это! Боже мой!

Лиза. Вот и слушай, а говорить нельзя.

Василиса Перегриновна. Давно, благодетельница, пора отдать её; что ей болтаться-то! Теперь же сынок-то ваш, наш ангельчик, сюда приехал.

Уланбекова. Ах, перестань, что ты ещё выдумываешь? Он ребёнок совсем.

Василиса Перегриновна. Ребёнок, благодетельница! Уж нечего сказать, дал вам Бог сына на радость да на утешение. И мы-то все на него не нарадуемся. Словно солнце какое у нас показалось. Такой добрый, такой весёлый, такой ко всем ласковый! А уж за девушками так и бегает; проходу нигде не даёт; а они-то, дуры, рады-радёхоньки, так и ржут.

Уланбекова. Врёшь ты, мне кажется, ему девушек и видеть негде, они весь день на своей половине, да и не ходят никуда.

Василиса Перегриновна. Ах, благодетельница, да девку никакими замками не удержишь, коли она что сделать задумает.

Уланбекова. Слышишь, Гавриловна! Ты у меня смотри за девками. Ты знаешь, я разврата не терплю. Скажи это всем строго-настрого. *(Василисе Перегриновне.)* Да нет, этого быть не может. Ты меня только расстроиваешь своими глупостями. Экая ты скверная на язык! Очень нужно тебе было болтать! Теперь у меня из головы не выйдет. Смотри же, Гавриловна!

Гавриловна. Что вы, сударыня, её слушаете!

Василиса Перегриновна. Да что ж, благодетельница, разве я что дурное говорю! Смею ли я подумать-то про него, про ангельчика? Конечно, ещё ребёнок, поиграть ему хочется; а здесь товарищей ему нет, он с девушками и играет.

Уланбекова. Яд у тебя на языке. *(Задумывается.)*

Потапыч принимает чашки. Гавриловна наливает и подаёт. Гриша приходит из сада, толкает Гавриловну и делает знак головой, чтобы налила ещё. Гавриловна наливает, Гриша уходит.

А Надю всё-таки нужно замуж отдать.

Надя *(почти плача)*. Сударыня, я вами так была обласкана, что и выразить не могу. Извините меня, что я смею теперь вам говорить: но, по вашему ко мне расположению, я от вас совсем не такой милости ждала. Чем же я вам теперь, сударыня, не угодила, что вы меня хотите за пьяницу отдать?

Уланбекова. Ты, милая, об этом рассуждать не можешь, ты девушка. Ты должна во всём положиться на меня, на свою благодетельницу. Я тебя воспитала, я тебя и пристроить обязана. Опять же ты и того не должна забывать, что он мой крестник. Ты бы за честь должна была благодарить. Да и вот ещё я тебе скажу один раз навсегда: я не люблю, когда рассуждают, просто не люблю, да и всё тут. Этого позволить я не могу никому. Я смолоду привыкла, чтоб каждого моего слова слушались; тебе пора это знать! И мне очень странно, моя милая, что ты осмеливаешься возражать мне. Я вижу, что избаловала тебя; а вы ведь сейчас зазнаетесь.

Надя плачет.

Василиса Перегриновна. Благодетельница, чувство нужно человеку иметь, чувство. А какое же в них может быть чувство, окромя неблагодарности?

Уланбекова. Не с тобой говорят! Что ты вмешиваешься во всякое дело! *(Наде строго.)* Это что за новости, ты плакать ещё! Чтобы этих слёз не было!

Надя плачет.

Я тебе говорю. *(Привстаёт.)* Для меня ваши слёзы ровно ничего не значат! Когда я захочу что-нибудь сделать по-своему, уж я поставлю на своём, никого в мире не послушаюсь! *(Садится.)* И вперёд знай, что упрямство твоё ни к чему не поведёт; только ты рассердишь меня.

Надя *(плача).* Сирота я, сударыня! Ваша воля во всём.

Уланбекова. Ещё бы! Разумеется, моя воля; потому что я тебя воспитала; это всё равно, что жизнь дала.

Леонид входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Леонид.

Леонид. Здравствуйте, мамаша!

Уланбекова. Здравствуй, мой друг! Где ты был?

Леонид. Ходили на охоту с Потапычем; я, мамаша, двух уток убил.

Уланбекова. Не жалеешь ты матери; ну с твоим ли здоровьем, мой друг, на охоту ходить! Захвораешь ещё, сохрани господи, тогда ты меня просто убьёшь! Ах, боже мой, сколько я страдала с этим ребёнком! *(Задумывается.)*

Гавриловна. Барин, угодно чаю?

Леонид. Нет, не хочу.

Уланбекова *(Василисе Перегриновне).* Когда я родила его, я была очень долго больна; потом он всё хворал, так и рос всё хворый. Сколько я над ним слёз пролила! Бывало, гляжу на него, а у самой так слёзы и катятся: нет, не придётся мне его видеть в гвардейском мундире. Но тяжелей всего мне было, когда отец, по болезни, должен был его определить в штатскую школу. Чего мне стоило, моя милая, отказаться от мысли, что он будет военный! Я полгода больна была. Ты представь только себе, моя милая, когда он кончит курс, ему дадут такой же чин, какой дают приказным из поповичей! На что это похоже?

В военной службе, особенно в кавалерии, все чины благородны; даже юнкер, уж сейчас видно, что из дворян. А что такое губернский секретарь или титулярный советник? Всякий может быть титулярным советником, и купец, и семинарист, и мещанин, пожалуй. Только стоит поучиться да послужить. Другой и из мещан способен к ученью-то, так он ещё, пожалуй, чином-то обгонит. Как это заведено! Как это заведено! Ну уж! *(Махнув рукой, отворачивается.)* Не люблю я ничего осуждать, что от высшего начальства установлено, и другим не позволяю, а уж этого не похвалю. Всегда буду вслух говорить, что это несправедливо, несправедливо.

Леонид. Отчего это у Нади глаза заплаканы?

Василиса Перегриновна. Не бита давно.

Уланбекова. Это, мой друг, до тебя не касается. Надя, поди отсюда, тебе нечего здесь делать.

Надя уходит.

Леонид. А я знаю об чём; вы её замуж хотите выдать.

Уланбекова. Отдаю я её замуж или нет, это, мой друг, уж моё дело. Да я и не люблю, кто в мои распоряжения вмешивается.

Василиса Перегриновна. Какой вы у нас умный, всё-то знаете, во всё-то входите!

Леонид. Ах, мамаша, я и не вмешиваюсь в ваши распоряжения. Только он пьяница.

Уланбекова. Опять-таки это не твоё дело. Предоставь об этом судить матери.

Леонид. Мне только, мамаша, жалко её.

Уланбекова. Всё это прекрасно, мой друг; но желала бы я знать, от кого ты слышал, что я выдаю Надю замуж. Если это из дворни кто-нибудь...

Леонид. Нет, мамаша, нет.

Уланбекова. Откуда ж тебе знать иначе? Когда это передать успели! *(Гавриловне.)* Узнать непременно.

Леонид. Да нет, мамаша, мне сам жених её сказывал.

Уланбекова. Какой жених?

Леонид. Я не знаю какой! Он говорит, что чиновник! Такая мудрёная фамилия — Неглигентов. Какой он смешной! Он говорит, что ваш крестник и никого не боится. Теперь пляшет пьяный в саду.

Уланбекова. Пьяный, в моём доме!

Л е о н и д. Хотите, я его позову. Потапыч, позови Неглигентова! Он говорил, что вы нынче были у его дяди и обещали отдать за него Надю. Он теперь уж заранее рассчитывает, сколько доходов будет получать в суде, или халтуры, как он говорит. Какой он смешной! Он мне представлял, как его учили в училище. Хотите, я при вас его заставлю?

П о т а п ы ч и Н е г л и г е н т о в входят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же, Н е г л и г е н т о в и П о т а п ы ч.

У л а н б е к о в а. Ах, ах, какой противный! Не подходи ко мне!

Н е г л и г е н т о в. Послан от дяди возблагодарить за щедроты ваши.

Л е о н и д. Он говорит, мамаша, что его много учили, только никак нельзя было выучить.

Н е г л и г е н т о в. Невозможно, от рождения не имел способностей к наукам; верберов по пятьдесят и по сто получал почти ежедневно; но понятия не прибавлялось.

Л е о н и д. Ах, мамаша, как он смешно рассказывает про своё учение! Вот послушайте. Ну, а как ты по-латыни учился?

Н е г л и г е н т о в. Турписсиме!

У л а н б е к о в а *(пожимая плечами)*. Это что такое?

Н е г л и г е н т о в. Весьма гнусно.

Л е о н и д. Нет, постойте, а что учитель с тобой делал?

Н е г л и г е н т о в *(хохочет)*. Смеха достойно. Однажды, после жестокого истязания, приказал двум ученикам привязать меня за шею кушаком и водить по базару для посмеяния.

У л а н б е к о в а. Как же тебя на службу-то приняли, когда ты ничему не выучился?

Н е г л и г е н т о в. По ходатайству сильных лиц.

Л е о н и д. Ну, а из училища тебя выгнали?

Н е г л и г е н т о в. Не выгнали; но исключили за великовозрастие.

Л е о н и д. Как за великовозрастие?

Н е г л и г е н т о в. А так как я в продолжение учения и истязаний, оставаясь в одних классах, возмужал и возрос более всех своих сверстников, то и был исключён за великовозрастие. Более же я пострадал от мздоимства начальствующих. Наш ректор любил приношения и перед экзаменами за неделю рассылал нас всех по родителям

за подарками. По количеству сих подарков мы и переводились в высшие классы.

Леонид. А поведения ты был какого?

Неглигентов. Предосудительного.

Уланбекова. Что это такое! Боже мой! Поди вон, любезный, поди вон!

Леонид. Ах, мамаша, он очень смешон, погодите его гнать. Неглигентов, пляши!

Неглигентов *(пляшет и поёт)*.

Я пойду, пойду косить
Во зелёный луг.

Гриша хохочет.

Уланбекова. Перестань, перестань!

Неглигентов перестаёт.

(Грише.) Чему ты смеёшься?

Гриша. Да уж оченно смешно член пляшет.

Уланбекова. Как член?

Гриша. Да он нам всем говорит, что он в суде член, а не писарь. Так его членом и зовут.

Неглигентов. Членом я называю себя хотя и ложно, но собственно для уважения от дворовых челядинцев, и чтоб избежать глумления и обид.

Уланбекова. Поди вон, и не смей никогда ко мне являться.

Неглигентов. Дядя говорит, что я впал в разврат от холостой жизни и что я могу погрязнуть в оном, если вы меня не облагодетельствуете.

Уланбекова. Нет, нет, никогда.

Неглигентов *(на коленях)*. Дядя велел мне слёзно умолять вас, потому что я человек потерянный, подверженный многим порокам, и, без ваших благодеяний, терпим быть на службе не могу.

Уланбекова. Скажи своему дяде, что благодетельствовать я вам буду всегда; а ты об невесте и не думай. Поди, поди!

Неглигентов. Благодарим за неоставление. *(Грише.)* Просись на гулянку у барыни и догоняй. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, без Неглигентова.

Уланбекова. Как можно ошибиться в людях! Хлопочешь об них, заботишься, а они даже и не чувствуют. Я было хотела устроить счастие для этого мальчика, а он лезет в дом пьяный. Уж если он подвержен этой слабости, так, по крайней мере, старался бы скрывать её от меня. Пей он там, где хочет, да чтоб я-то не видала! Я бы тогда знала, по крайней мере, что он меня уважает. Какое невежество! Какая дерзость! Кого же он побоится, если не боится меня?

Леонид. Ах, какой он смешной. Вы на меня, мамаша, не сердитесь! Когда я узнал, что вы хотите отдать за него Надю, мне стало её жалко. Вы у нас такая добрая *(целует у ней руку)*, мне не хотелось, чтоб вы сделали несправедливость.

Уланбекова. С этим народом не согреша согрешишь! *(Целуя его.)* Прекрасную душу ты имеешь, мой друг! *(Василисе Перегриновне.)* Вот я всегда верила, что иногда сам Бог говорит устами младенцев. Лиза, поди скажи Надежде, чтоб она не плакала, что я прогнала её жениха.

Лиза. Слушаю-с. *(Уходит).*

Гриша *(подходит, раскачиваясь, и становится в непринуждённую позу).* Сударыня!

Уланбекова. Что тебе?

Гриша. Позвольте мне в город сходить, нынче там праздник.

Уланбекова. Зачем это ты пойдёшь? На пьяных смотреть?

Гриша *(заложив руки назад).* Позвольте-с.

Уланбекова. Незачем, незачем!

Гриша. Уж позвольте, сударыня.

Уланбекова. Говорю тебе, что незачем. На этих гуляньях только нравственность портится. Там всяких мерзостей наслушаешься! Ты ещё мальчик, нечего тебе там делать!

Гриша. Нет, уж вы позвольте-с!

Уланбекова. Останься. Выкинь из головы эти глупости!

Гриша. Что ж это такое! Служи, служи, а уж и погулять никогда нельзя!

Василиса Перегриновна. Ах-ах-ах, ах-ах-ах! До чего ты избалован! До чего ты избалован!

Уланбекова. Что ты раскудахталась! Молчи!

Василиса Перегриновна. Да как же, благодетельница, молчать-то? Такое бесчувствие! Такая неблагодарность! Сердце надрывается.

Уланбекова. Я тебе приказываю молчать, так ты и должна молчать.

Гриша. Уж вы позвольте-с.

Василиса Перегриновна. Его ль не любят, его ль не ласкают, кажется, больше сына родного.

Уланбекова *(топнув ногой)*. Сс!.. Я тебя прогоню.

Гриша. Мне очень хочется на гулянку-то, уж позвольте-с!

Уланбекова. Ну, ступай, только приходи раньше!

Гриша. Слушаю-с!

Василиса Перегриновна. Ручку-то поцелуй, дурак!

Гриша. Что вы меня учите, я своё дело знаю. *(Целует руку у барыни и уходит.)*

Уланбекова. А тебя, моя милая, если я ещё услышу когда-нибудь подобное, я велю со двора мётлами согнать. *(Уходит.)*

Василиса Перегриновна стоит в оцепенении.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, без Уланбековой и потом Лиза.

Леонид. Что, дождались! Ну и поделом!

Василиса Перегриновна. Будет и на нашей улице праздник.

Лиза входит.

Лиза *(тихо Леониду)*. Надя велела вам сказать, что мы ужо придём в сад.

Леонид. Поцелуй её от меня.

Гавриловна. Дай вам бог здоровья, барин, что за нас заступаетесь. Обидеть-то нас всякая дрянь умеет, заступиться-то только за нас некому. За много это вам, барин, на том свете сочтётся.

Леонид. Я всегда за вас готов. *(Уходит, припрыгивая, направо.)*

Гавриловна. Спасибо тебе, батюшка! *(Уходит с Лизой налево.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Василиса Перегриновна и Потапыч.

Василиса Перегриновна. Что ж ты меня не обижаешь? Они обижают, а ты что ж? Слышал, сама-то уж бить хочет; мётлами, говорит, велю. Чтоб её лопнуло!

Потапыч. Я что ж... Мне человека обидеть что ж! А что там господа... это я не знаю, может, оно так и нужно.

Василиса Перегриновна. Видишь ты, что в доме-то делается? Видишь? Понятно тебе или нет? Как я давеча стала про Гришу-то говорить, слышал, как сама-то зарычала? Слышал, как зашипела?

Потапыч. Мне что! Я, по милости барыни, при своей должности... я все порядки произвожу... А какое мне дело? Что не моё дело, я того не знаю.

Василиса Перегриновна. А видел, как Надька-то с Лизкой смотрели на меня? Видел, как аспидски смотрели? Ох, нужно глядеть за ними, ох, нужно.

Потапыч, махнув рукой, уходит.

У, ты, старый дурак! Экой народец! Экой народец! Не с кем и поговорить-то, душу отвести. *(Уходит.)*

III

Часть сада, на заднем плане пруд, у берега лодка. Светлая ночь. Вдали слышится хороводная песня. Сцена несколько времени пуста.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Входят Надя и Лиза.

Лиза. Ах, Надя, что это мы делаем! Ну, как барыня узнает, тогда и не живи на свете.

Надя. Коли ты боишься, так ступай домой.

Лиза. Нет, уж я подожду тебя. А всё-таки, что ты ни говори, страшно, девушка! Сохрани господи, как узнают.

Надя. Наладила одно! Волка бояться, так в лес не ходить.

Лиза. Да что это с тобой сделалось? Ты прежде не так разговаривала; прежде пряталась, а теперь сама идёшь к нему.

Надя. Да, прежде бегала от него, теперь не хочу. *(Стоит задумавшись.)* Теперь и сама не знаю, что со мной вдруг сделалось! Как только барыня давеча сказала, чтоб не смела я разговаривать, а шла за кого прикажут, так у меня всё сердце перевернулось. Что, я подумала, за жизнь моя, господи! *(Плачет.)* Что в том проку-то, что живу я честно, что берегу себя не только от слова от какого, а и от взгляду-то! Так меня зло даже взяло на себя. Для чего, я думаю, мне беречь-то себя? Вот не хочу ж, не хочу! А у самой

так сердце замерло — кажется, ещё скажи она слово, я б умерла на месте.

Л и з а. Что ты говоришь! Я ведь думала, что ты шутя к барину-то вышла.

Н а д я. Какие шутки! Не могу я обиды переносить! Не могу!

Молчание.

Эх, Лиза, будь жизнь получше, не пошла б я ночью в сад. Помнишь, бывало, как я об себе раздумывала; да и тебе самой, чай, тоже в голову приходило, что вот ты девушка честная, живёшь ты себе как птичка какая, вдруг тебе понравился некоторый человек, начинает он за тебя свататься, ходит к тебе часто, целует тебя... тебе и стыдно-то его, и рада ты ему. Всё это идёт порядком. Хоть и не богато, хоть, может быть, сидишь ты с женихом в людской, а словно ты княжна какая, словно у тебя каждый день праздник. Потом обвенчают, все тебя поздравляют. Ну, там хоть и трудно будет за мужем жить; может быть, работы много будет; да зато живёшь ты, как в раю; словно ты гордишься чем!

Л и з а. Разумеется, девушка.

Н а д я. А как тебе скажут: ступай за пьяного, да ещё и разговаривать не смей, и поплакать-то о себе не смей... Ах, Лиза!.. Да как подумаешь, что станет этот безобразный человек издеваться над тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубит он твой век так, ни за что! Не живя, ты за ним состаришься! *(Плачет.)* Говорить-то — только своё сердце надрывать! *(Махнув рукой.)* Так уж, право, молодой барин лучше.

Л и з а. Ах, Надя! Не ты б говорила, а не я б тебя слушала.

Н а д я. Полно, Лиза! Что ты передо мной-то скромничаешь! Ну, а сама что, кабы тебя барин полюбил?

Л и з а *(заминаясь)*. Да как знать! Уж, конечно, что говорить... враг-то силён.

Н а д я. То-то вот!..

Молчание.

Я тебе вот что, Лиза, хотела сказать, вот какая премудрость со мной сделалась: как пошли мне такие мысли в голову, и как стала это я, Лиза, думать об барине,— и так он мне мил сделался!.. Так мил, что я уж и не знаю!.. Прежде, когда он ухаживал за мной, мне было ничего; а теперь словно что меня тянет к нему.

Л и з а. Ах, девушка! Ну вот поди ж ты! Знать, уж так судьба!

Н а д я. И такой во мне дух сделался: ничего я не боюсь! Кажется, вот режь меня на части, я всё-таки на своём поставлю. И отчего это так, не знаю.

Молчание.

Жду не дождусь ночи-то! Так, кажется, на крыльях бы к нему полетела. То одно держу в уме, что недаром я, по крайней мере, собой хороша, будет чем вспомнить молодость. *(Задумчиво.)* Думаю себе: молодой такой, да хороший! Ещё стою ли я, дура, чтоб он любил-то меня? Заглохнуть бы мне здесь, в этом захолустье, кабы не он.

Л и з а. Что это, Надя, ты словно как не в себе?

Н а д я. Да и то не в себе. Пока она баловала меня да ласкала, так и я думала, что я такой же человек, как и все люди; и мысли у меня совсем другие были об жизни. А как начала она мной командовать, как куклой, да как увидела я, что никакой мне воли, ни защиты нет, так отчаянность на меня, Лиза, напала. Куда страх, куда стыд девался — не знаю. Хоть день, да мой, думаю,— а там что будет, то будет, ничего я и знать не хочу! Хоть меня замуж отдавай за пастуха, хоть в какой зáмок за тридесять замкóв запри,— мне всё равно.

Л и з а. Кажется, барин идёт.

Л е о н и д выходит с противоположной стороны, в плаще.

Н а д я. Ну не красавец, что ль, это, а? Лиза!

Л и з а. Ах, перестань! Ты точно больная либо полоумная.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Леонид.

Л е о н и д *(подходя)*. А я думал, что ты обманешь меня — не придёшь.

Н а д я. Отчего же вы так думали?

Л е о н и д. Да ведь ты говорила, что не любишь меня.

Н а д я. Мало ли что девушки говорят, а вы им не верьте. Как вас не любить, красавца этакого.

Л е о н и д *(удивлённый)*. Что ты, Надя! *(Берёт её руку, несколько времени держит, потом целует.)*

Н а д я *(в испуге отнимает руку)*. Ах! Что вы это делаете! Голубчик, барин! Как вам не стыдно!

Л е о н и д. Уж я тебя очень люблю, Надя!

Н а д я. Любите? Ну что ж, вы бы так меня поцеловали.

Л е о н и д. Можно, Надя, а? Ты позволишь?

Н а д я. А что ж такое за беда!

Л е о н и д *(оборотившись)*. Ах, и ты, Лиза, здесь...

Л и з а. Уйду, уйду!.. Мешать не буду.

Л е о н и д *(сконфуженный)*. Я совсем не потому. С чего это ты выдумала...

Л и з а. Ну уж, не хитрите. Мы тоже знаем... *(Отходит за кусты.)*

Л е о н и д. Так ты мне позволишь поцеловать тебя. *(Робко целует.)* Да нет, дай мне руку поцеловать.

Н а д я *(прячет руки)*. Нет, нет, как можно! Что это вы!..

Л е о н и д. Отчего же? Знаешь ли ты это: ты для меня теперь дороже всего на свете.

Н а д я. Будто и правда?

Л е о н и д. Ведь меня ещё никто не любил.

Н а д я. Не обманываете вы?

Л е о н и д. Нет, право!.. Право, никто не любил. Ей-богу!

Н а д я. Не божитесь, я и так поверю.

Л е о н и д. Пойдём, сядем на лавочку.

Н а д я. Пойдёмте.

Садятся.

Л е о н и д. Что ты так дрожишь?

Н а д я. А разве я дрожу?

Л е о н и д. Дрожишь.

Н а д я. Так, должно быть, озябла немножко.

Л е о н и д. Позволь, я тебя одену. *(Одевает её полой плаща и обнимает.)*

Надя берёт его руки и держит.

Н а д я. Ну, вот и давайте так сидеть да разговаривать.

Л е о н и д. Да об чём же мы будем разговаривать? Я только одно и буду говорить тебе, что люблю тебя.

Н а д я. Вы будете говорить, а я буду слушать.

Л е о н и д. Да ведь это надоест одно и то же.

Н а д я. Вам, может быть, надоест, а мне никогда не надоест.

Л е о н и д. Ну, изволь, я буду говорить. Я люблю тебя, Наденька. *(Встаёт и целует её.)*

Н а д я. Что ж это вы! А вы сидите смирно, как уговор был.

Л е о н и д. Так сложа руки и сидеть?

Н а д я *(смеясь)*. Так и сидеть. Вот слышите, в роще соловей поёт. А вы сидите да слушайте. Как хорошо так слушать!

Л е о н и д. Как так?

Н а д я. Да вот так, как мы с вами сидим. Кажется, всю жизнь так бы и сидела да слушала. Уж чего ещё лучше, чего ещё надобно...

Л е о н и д. Наденька, да ведь это, право, скучно.

Н а д я. Вот вы каковы, мужчины-то! Вам уж сейчас и скучно сделается. А я вот готова всю ночь просидеть да глядеть на вас, не спуская глаз. Кажется, про весь свет забуду! *(У неё навёртываются слёзы, она нагибает голову, потом смотрит на Леонида пристально и задумчиво.)*

Л е о н и д. Теперь бы хорошо на лодке покататься; погода тёплая, месяц светит.

Н а д я *(рассеянно и почти машинально)*. Чего-с?

Л е о н и д. Покататься бы на лодке; я бы тебя перевёз на островок. Там так хорошо, на островке. Ну, что ж, пойдём. *(Берёт её за руку.)*

Н а д я *(в задумчивости)*. Куда же-с?

Л е о н и д. Как куда? Я тебе говорил, разве ты не слыхала?

Н а д я. Ах, извините, голубчик барин. Я задумалась и не слыхала ничего. Барин, миленький, простите. *(Кладёт голову ему на плечо.)*

Л е о н и д. Я говорю: поедем на островок.

Н а д я *(прилегая)*. Ах, да куда вам угодно! Хоть на край света!.. Только бы с вами... Ведите, куда хотите.

Л е о н и д. Надя, ты такая добрая, такая миленькая, что мне кажется, я запла́чу, глядя на тебя.

Подходят к лодке.

Прощай, Лиза.

Л и з а *(выходя из кустов, грозит)*. Смотрите вы!

Л е о н и д и Н а д я садятся в лодку и уезжают.

Вот и уехали! Дожидайся их тут! Страсти ведь это, да и только! Ночью, в саду-то, да ещё и одна! Эко наше дело — всего-то бойся! И человека-то бойся и... *(Оглядывается.)* Смерть ведь это! Человек-то бы ещё ничего, всё как-нибудь сговорить можно... Батюшки! Идёт кто-то! *(Смотрит.)* Ну, ничего; это наши старики с гулянья. *(Прячется.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Выходят Потапыч, в шинели и шляпе с широкими полями и с тростью, немного под хмельком; Гавриловна, в старомодной шляпке. Садятся на скамью.

Потапыч. Нет, ты, Гавриловна, не то... ты не говори!.. Барыня у нас такая... барыня добрая!.. Вот попросились мы на гулянье, ну, говорит, ступайте... А что про неё говорят... это я не знаю; не моё дело, ну я и не знаю.

Гавриловна. Ещё б нас-то не пустить, Потапыч! Мы с тобой не молоденькие, не избалуемся.

Потапыч. Молодых нельзя, потому на всё, Гавриловна, примеры. Какие человек пред собой имеет примеры, так и он всё может... подобно как...

Гавриловна. Ну, а вот зачем Гришку пустила? Сказала, не пущу — ну, и не пущала бы.

Потапыч. Меня давеча Василиса Перегриновна смущала очень насчёт Гришки... очень смущала, а я не знаю... Не моё дело, ну я и не знаю.

Гавриловна. То-то вот, ты говоришь, примеры-то! Лучше бы она сама хороший пример показывала! А то только и кричит: смотри да смотри за девками! А что за ними смотреть-то? Малолетние они, что ли? У всякого человека свой ум в голове. Пущай всякий сам о себе и думает. Смотрят-то только за пятилетними, чтоб они не сбаловали чего-нибудь. Эка жизнь девичья! Нет-то хуже её на свете! А не хотят того рассудить: много ли девка в жизнь-то радости видит! Ну, много ли? Скажи.

Потапыч *(вздыхает)*. Жёлтенькая жизнь.

Гавриловна. То-то вот и есть! Стало быть, их пожалеть надо, а не то что обижать на каждом шагу. А то, на что это похоже! Уж им и веры нет, словно они и не люди! Только куда девка нос высунула, так уж сторожа и ходят.

Потапыч. Ведь нельзя же...

Гавриловна. Чего нельзя-то? Всё можно. Полно ты, Потапыч! Ты привык с чужих слов, как сорока, болтать, а ты сам подумай.

Потапыч. А я не знаю... Я ничего не знаю.

Гавриловна. Строгостью ничего не возьмёшь! Хоть скажи им, пожалуй, что вот, мол, за то-то и то-то вешать будут — всё-таки

будут делать. Где больше строгости, там и греха больше. Надо судить по человечеству. Нужды нет, что у них разум-то купленный, а у нас свой дешёвый, да и то мы так не рассуждаем. На словах-то ты прикажи строго-настрого; а на деле не всякого виноватого казни, а иного и помилуй. Иное дело бывает от баловства, а иной беде и сам не рад.

Потапыч. Теперь, если меня спросить... так что я на это отвечать могу? Ну, что я тебе отвечу?

Гавриловна. Ну, что?

Потапыч. А вот что: я этого не знаю, потому это не моё дело... это дело барыни.

Гавриловна. Ах ты, старина, старина, совсем-то ты из ума выжил.

Потапыч. Я что ж... я, по милости барыни, теперича у своей должности... Я все порядки свои веду... а я не знаю...

Гавриловна. Пойдём-ка домой. Как бы и про нас с тобой чего не подумали.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Лиза *(выходит)*. Вот опять одна! Что же это голубки-то мои? Они, чай, и забыли про меня! Да уж где теперь им обо мне помнить! Батюшки, скоро рассветать станет. Ишь ты, ночи-то нынче короче воробьиного носу. Как тогда домой-то пройти? Эка эта Надя бесстрашная.

Входит Василиса Перегриновна.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Лиза и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна. Ты, милушка, тут что делаешь?

Лиза. Разве не видите? Гуляю.

Василиса Перегриновна. Вижу! Как не видать! А что это за гулянье у вас по ночам!

Лиза. А когда же нам гулять-то? Днём работаем да господам служим, а по ночам гуляем. Вот на вас так я дивлюсь! Неужто вы днём-то не нагуляетесь, что вам ещё хочется по ночам бродить да людей пугать, словно как...

Василиса Перегриновна. Что словно как?.. Ну, говори, говори.

Лиза. Что? Ничего.

Василиса Перегриновна. Нет, ты сказала: словно как... Ну, так говори ж теперь, словно как кто?

Лиза. Ну, сказала так сказала.

Василиса Перегриновна. Нет, ты увёртываться не смей! Ты говори!

Лиза. Да что вы пристали! Я, пожалуй, и скажу. Как кикимора.

Василиса Перегриновна. Что, что! Как кикимора!.. Как ты смеешь, дрянная девчонка, а! Да что ж это такое! Вы меня живую в гроб вогнать хотите! А вот я найду здесь твоего любовника да к барыне вас и приведу. Вот посмотрю я тогда, что ты запоёшь.

Лиза. Нет у меня любовника! Нечего вам и искать. Пожалуй, хоть весь сад обыщите! А хоть бы и был, так не ваше дело. Вам стыдно про это и говорить. Вы и знать-то про это не должны: вы барышня. Это к стыду вашему относится!

Василиса Перегриновна. Пой, пой, милая, хорошо ты поёшь, где-то сядешь! Даром ты по ночам шататься не станешь. Я ваши плутни-то знаю. Я вас всех на свежую воду выведу. Уж теперь раскипелось моё сердце, так хоть ты мне в ноги кланяйся, а я тебе не прощу этого.

Лиза. Дожидайтесь! Стану я вам кланяться, как же! Держите карман-то!

Василиса Перегриновна. Нет, уж я теперь каждый кустик огляжу.

Лиза. Оглядывайте.

Василиса Перегриновна смотрит по сторонам, потом подходит к пруду.

Василиса Перегриновна. А, вот оно что! Скажите пожалуйста, какую штуку придумали! В лодке! Обнявшись! Как это нежно! Точно на картинке на какой! Уж вам бы догадаться гитару взять да романцы петь!.. Целуются! Вот это хорошо! Вот прекрасно! Опять! Отлично! Уж чего лучше! Тьфу ты, мерзость! Смотреть противно! Ну, милые мои, будете вы меня помнить! Теперь разговаривать с вами нечего. Завтра я с вами поговорю. *(Уходит.)*

Лиза. Вот нелёгкая нанесла! Не расхлебаешь теперь беды-то!

Леонид и Надя пристают к берегу и выходят из лодки.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лиза, Надя и Леонид.

Лиза. Что вы наделали, что вы наделали!..

Надя *(не слушая её, тихо Леониду).* Придёте завтра?

Леонид. Приду.

Лиза. Да что ты, не слышишь, что ли?

Надя. Коли мне нельзя будет, так я вам как-нибудь записочку передам.

Леонид. Хорошо.

Надя. Ну, прощайте.

Целуются.

Лиза *(громко).* Да Надя!..

Леонид садится на скамью.

Надя *(подходит к Лизе).* Что тебе?

Лиза. Василиса Перегриновна видела, как вы на пруде катались.

Надя. Ну, бог с ней.

Лиза. Ну, девка! Не сносить тебе своей головы!

Леонид. Надя.

Надя подходит.

Ах, Надя, какой я дрянной, негодный мальчишка.

Надя. Что это вы!

Леонид. Наденька. *(Шепчет ей на ухо.)*

Надя *(качает головой).* Ах, голубчик вы мой! Что это вам в голову пришло! Я не тужу, а вы тужите, какой добренький! Ну, прощайте! Пора нам. Не ушла бы я от вас, да нечего делать: не своя воля.

Леонид. Ну, прощай.

Медленно, как бы нехотя, расходятся. Надя возвращается, догоняет Леонида и смотрит ему в глаза.

Надя. Любишь меня?

Леонид. Люблю, люблю!

Целуются и уходят в разные стороны.

IV

Комната второй картины.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ[1]

Потапыч становится у притолоки и держится за голову. Василиса Перегриновна входит тихо.

Василиса Перегриновна. Со вчерашнего, должно быть, друг мой?

Потапыч. Чего-с?

Василиса Перегриновна. Голова-то болит.

Потапыч. Вы, што ль, мне денег-то давали?

Василиса Перегриновна. На что другое у вас нет, а на это найдёте.

Потапыч. Ну, так, стало быть, и не ваше дело.

Василиса Перегриновна. Конечно, Потапыч, ты старый человек, отчего тебе и не выпить иногда!

Потапыч. Само собою. Чай, трудимся...

Василиса Перегриновна. Так, так, Потапыч!

Потапыч. Уж нам выговоры-то от вас надоели.

Василиса Перегриновна. Добра вам желаю, Потапыч!

Потапыч. Да уж не надо!

Молчание.

Да вы барыню вот расстроиваете! Чем бы за нас словечко замолвить, когда она в весёлом духе, а вы нарочно дурного часу ищете, чтоб на нас нажаловаться.

Василиса Перегриновна. И, что ты, Потапыч, сохрани меня бог!

Потапыч. Да уж что! Как ни божитесь, я вас знаю! Вот хоть бы теперь, вы зачем идёте к барыне?

Василиса Перегриновна. С добрым утром поздравить благодетельницу.

Потапыч. А вы не ходите лучше!

Василиса Перегриновна. А что?

Потапыч. Должно быть, левой ногой с постели встала; на свет не глядит.

Василиса Перегриновна потирает руки от удовольствия.

[1] Всё явление шёпотом. — *Примеч. А. Н. Островского.*

Вот уж я и вижу, что вы рады; вас так и подмывает сдьяволить что-нибудь. Тьфу! Прости господи! Уж такой характер!

Василиса Перегриновна. Обидные ты мне, Потапыч, слова говоришь, до самого дó сердца обидные. Когда я про тебя что-нибудь барыне говорила?

Потапыч. А не про меня, так про другого про кого-нибудь.

Василиса Перегриновна. А, уж это моё дело.

Потапыч. И всё ведь это в вас ехидство действует.

Василиса Перегриновна. Не ехидство, не ехидство, мой друг! Ошибаешься ты! Я такую обиду над собою видела, что на свете жить нельзя после этого. Умирать буду, не забуду.

Уланбекова входит, Потапыч уходит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Уланбекова и Василиса Перегриновна.

Василиса Перегриновна *(целуя обе руки Уланбековой)*. Раненько встали, благодетельница! Заботы-то у вас больно много.

Уланбекова *(садясь)*. Не поспалось что-то! Дурной сон видела.

Василиса Перегриновна. Что сон, благодетельница! И страшен сон, да милостив Бог. Не сон, а наяву-то что делается, расстроивает вас, благодетельницу. Вижу я это, давно вижу.

Уланбекова. Ах, да что мне за дело, чтó там делается?

Василиса Перегриновна. Как же, благодетельница, разве мы не знаем, что душенька ваша о всякой твари печётся?

Уланбекова. Надоела ты мне.

Василиса Перегриновна. Жаль мне вас, благодетельница! Не дождётесь вы себе в этой жизни отрады! Вы всем благодеяния рассыпаете, а чем вам платят за это? Мир-то полон разврата.

Уланбекова. Отойди!

Василиса Перегриновна *(плача)*. Слезами я заливаюсь, глядя на вас! Сердце моё кровью обливается, что вас, благодетельницу, не уважают, дому вашего не уважают! В вашем ли честном доме, в этаких ли местах благочестивых, такие дела делать!

Уланбекова *(нахмурив брови)*. Ты ворона! Ты каркать хочешь что-нибудь. Ну, каркай!

Василиса Перегриновна. Благодетельница, не расстроить бы вас, боюсь я.

Уланбекова. Уж ты расстроила. Говори.

Василиса Перегриновна *(оглядывается во все стороны и садится на скамейку у ног Уланбековой).* Кончила я, благодетельница, вчера свою вечернюю молитву Творцу Небесному и пошла по саду погулять, благочестивыми размышлениями на ночь заняться.

Уланбекова. Ну!

Василиса Перегриновна. И что же я там увидела, благодетельница! Как меня ноги сдержали, уж я и не знаю! Лизка бегает по кустам в развращённом виде — должно быть, любовников своих ищет; ангельчик наш, барин, катается на пруду в лодке, а Надька, тоже в развращённом виде, уцепилась ему за шею руками и лобзает его. И как это видно было, что он, по своей непорочности, старается её оттолкнуть от себя; а она всё хватает его за шею, лобзает и соблазняет.

Уланбекова. А если ты врёшь?

Василиса Перегриновна. Четверить себя позволю, благодетельница.

Уланбекова. Если в твоих словах есть хоть капля правды, так уж и этого довольно.

Василиса Перегриновна. Всё правда, благодетельница.

Уланбекова. Вздор! Не может быть, чтобы всё! Ты всегда больше половины сочиняешь. А где ж люди были?

Василиса Перегриновна. Все, благодетельница, пьянёхоньки. Только вас уложили, все и ушли на гулянку, да и напились. И Гавриловна, и Потапыч, все пьяные. Какой пример молодым-то!

Уланбекова. Это дело надо разобрать хорошенько. Ну, уж я никак бы и не подумала на Леонида. Вот они, тихенькие-то! Ну ещё будь он военный, так извинительно бы, а то... *(Задумывается.)*

Василиса Перегриновна. Да вот ещё, благодетельница, Гриша-то до сих пор с гулянки не бывал.

Уланбекова. Как? И не ночевал дома?

Василиса Перегриновна. Не ночевал, благодетельница!

Уланбекова. Врёшь, врёшь, врёшь! Со двора сгоню.

Василиса Перегриновна. Издохнуть на этом месте.

Уланбекова *(опускаясь в кресло).* Ты меня уморить хочешь! *(Поднимаясь с кресла.)* Ты меня просто уморить хочешь. *(Звонит.)*

Входит Потапыч.

Где Гриша?

Потапыч. Сейчас пришёл-с.

Уланбекова. Позови его сюда!

Потапыч уходит.

Однако это уж из рук вон!

Василиса Перегриновна. Не найти вам, благодетельница, никого преданнее меня, только одним я и несчастлива, что характер мой вам не нравится.

Входит Гриша, растрёпанный и взъерошенный.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Гриша.

Уланбекова. Ты где был?

Гриша *(то открывает, то закрывает глаза, нетвёрд в языке и на ногах).* На гулянке-с.

Уланбекова. До сих-то пор?

Гриша молчит.

Что же ты молчишь?

Молчание.

Дождусь ли я от тебя слова или нет?

Василиса Перегриновна. Отвечай барыне.

Гриша. Вам что ещё!

Уланбекова. Отвечай мне, где ты был до сих пор?

Гриша. Виноват-с.

Уланбекова. Я не об том у тебя спрашиваю, виноват ты или нет; я у тебя спрашиваю, где ты был?

Гриша *(смотрит в потолок и хлопает глазами).* Где ж мне быть-то! Что ж такое; обыкновенно где.

Уланбекова. Ну, где же?

Гриша. Да я вам докладывал, что всё там же-с.

Уланбекова. Ты меня выводишь из терпения! Где там?

Гриша. Да что же такое-с! На всё ваша воля-с. Я что же-с... я виноват-с.

Уланбекова. Боже мой! Да ты и пьян ещё, кажется.

Гриша. Никак нет-с.

Уланбекова. Как нет? Я вижу.

Гриша. Что же такое-с! Про человека всё можно сказать.

Уланбекова. Ах ты, мерзкий мальчишка! Он ещё запирается! Это ужасно! Это ужасно! Ну, говори сейчас, где был?

Гриша. Что же-с! Я вам докладывал-с.

Уланбекова. Целую-то ночь ты был на гулянье?

Гриша. Я вам докладывал-с.

Уланбекова. Как же ты смел, когда я тебя отпустила не надолго?

Гриша. Что же-с. Я и хотел идти домой, да не пустили-с.

Уланбекова. Кто же тебя не пустил?

Гриша. Знакомые не пустили-с.

Уланбекова. Кто же у тебя знакомые?

Гриша. Что же-с! Приказные знакомые.

Уланбекова. Боже мой! Приказные! Понимаешь ли ты, что это за народ?

Гриша. Кто-с? Приказные-то. Что ж их понимать-то-с?

Уланбекова. С ними-то ты всю ночь и шлялся! Лучше б уж ты мне и не говорил, мерзавец ты этакой. Знаю я их поведение-то! Они всему научат. Что же это такое! Поди вон! И не смей мне показываться на глаза!

Василиса Перегриновна. Проси прощенья, дурак! Целуй у барыни ручку!

Гриша, махнув рукой, уходит.

Уланбекова. Это наказание! Я просто больна сделаюсь! Я уже чувствую, что у меня спазмы начинаются! Какой негодяй мальчишка! Ушёл, точно ему и нужды нет! И никакого раскаяния не видно.

Василиса Перегриновна. Ах, благодетельница! Ведь он ещё ребёнок, больше по глупости.

Уланбекова. Нет, его надо бы хорошенько.

Василиса Перегриновна. И, что вы, благодетельница! Ещё совсем глуп мальчишка! Что с него и требовать-то! Вот поумнее будет, тогда другое дело.

Уланбекова. Больше всего меня оскорбляет неблагодарность! Кажется, он должен бы чувствовать, что я для него делаю. Я больна совсем. Пошли за доктором!

Василиса Перегриновна. Успокойтесь, благодетельница. Стоят ли они того, чтобы вы из-за всякой дряни себя расстроивали!

Уланбекова. Подай мне спирт.

Василиса Перегриновна *(подаёт)*. Плюнуть на них, да и всё тут. Хоть бы теперь эти девки...

Уланбекова. Ах, вот ещё наказанье-то! Я теперь и с мыслями не соберусь. Совершенно расстроена, а она тут с девками. Я, того и гляди, в постель слягу.

Василиса Перегриновна. Уж и разврату-то, благодетельница, терпеть мочи нет.

Уланбекова. Нет, уж они-то не жди от меня милости. А то одного прости, другого прости, так весь народ перебалуешь. *(Звонит.)*

Входит Потапыч.

Позови Надежду и сам приходи!

Потапыч уходит.

Вот что значит женщина-то! Будь я мужчина, разве бы посмели так вольничать?

Василиса Перегриновна. Ни во что, благодетельница, вас считают, ни во что. Ни капельки-таки не боятся.

Уланбекова. А вот они увидят сейчас, что я значу.

Входят Потапыч и Надя. Гавриловна и Лиза смотрят в двери.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же, Потапыч и Надя.

Уланбекова. Надежда! Василиса Перегриновна говорит, что видела тебя с барином нынче ночью в саду. Правда ли это?

Надя молчит.

Ты молчишь — значит, правда. Ну, уж теперь пеняй на себя. Я разврату не потворщица и терпеть его в своём доме не хочу. Прогнать мне тебя, чтобы ты шлялась везде, я не могу; это на моей совести останется. Я должна тебя отдать замуж. *(Потапычу.)* Послать в город и сказать Неглигентову, что я отдаю Надежду за него и чтобы свадьба была скорее, как можно. *(Встаёт со стула и хочет идти.)*

Надя *(падая ей в ноги)*. Что хотите, только не за него замуж.

Уланбекова. Это вздор! Что я сказала, то свято. Да и что за сцены такие? Ты разве не видишь, что я нездорова. Ещё расстроивать меня! Потапыч! У ней отца нет, ты ей будь вместо отца, внуши ей по-отечески, как гнусно её поведение и что она должна исполнять мои приказания.

Потапыч. Ты, Надежда, слушай, что барыня приказывает! Потому как они мне тебя поручают — значит, я должен свою власть показать над тобою. Коли, сударыня, прикажете, я могу сейчас же при вас собственноручно ей нравоучение сделать! Вот смей хоть одно словечко напротив сказать, тут же и оттаскаю; ни на кого не посмотрю. *(Замахивается.)*

Надя. Ах!.. *(Пригибается.)*

Уланбекова. Не бей её! Что за сцены отвратительные!

Потапыч. Да как же, сударыня! Так с ними не сговоришь. Опять же, коли я отец, так уж это прямое дело! На то есть закон, и, при всём том, как она вам теперича противится, так я и для вас должен это удовольствие сделать.

Надя *(плача)*. Сударыня! Не губите меня!

Уланбекова. Ах, боже мой! Вы меня совсем не бережёте. Слёзы, драки! Пошлите сейчас за доктором! Сколько мне раз говорить! А ты сама виновата, не на кого тебе плакаться. Потапыч, чтобы это дело было кончено. Я не люблю десять раз повторять одно и то же. *(Уходит. Гавриловна за ней.)*

Молчание. Гавриловна возвращается.

Гавриловна. Улеглась в постель и на свет не глядит!

Потапыч *(в окно)*. Антошка! Антошка! Фалетор! Седлай лошадь, поезжай в город за доктором. Ах ты, господи!

Надя *(вставая с колен)*. Как вам не грех обижать меня, Потапыч! Что же я вам-то сделала?

Потапыч. Мне что же! Мне до тебя какое дело! А как собственно на то есть господская воля, ну я и должен потрафлять во всём; потому я должен раболепствовать.

Надя. Вам бы убить меня приказали, вы бы и убили?

Потапыч. Уж это не наше дело, мы этого рассуждать не можем.

Гавриловна. Полно, Надя, не плачь! Бог сирот не оставляет.

Надя падает ей на грудь.

Лиза *(Василисе Перегриновне)*. Ну, что, весело теперь вашему сердцу?

Василиса Перегриновна. Погоди, милая, и до тебя очередь дойдёт.

Леонид входит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Леонид.

Леонид. Что такое? Что случилось?

Василиса Перегриновна. Набедокурили сами, да и спрашиваете, что случилось.

Леонид. Что я набедокурил? Что вы всё выдумываете?

Василиса Перегриновна. Уж не притворяйтесь! Теперь всё наружу вышло. Пошалили немножко! Что ж такое! В ваши лета, да и не пошалить!

Лиза. Уж она всё барыне отлепортовала. Барыня так разгневались, что беда! Уж теперича Надю, сударь, за того за приказного отдают.

Леонид. Неужели?

Надя. Кончено дело, барин голубчик! Приходится мне отвечать за вчерашнее гулянье.

Леонид. Очень сердита маменька?

Гавриловна. Уж и не подходи никто.

Леонид. Как же это быть-то? Как-нибудь уговорить нельзя ль?

Гавриловна. Подите-ко, попробуйте. Нет, уж она теперь дней пять из комнаты не выйдет, и никого к себе пускать не велела.

Василиса Перегриновна. А вам хочется уговорить маменьку?

Леонид. Да.

Василиса Перегриновна. Хотите, научу?

Леонид. Сделайте милость, Василиса Перегриновна!

Василиса Перегриновна. Ну уж, извольте. Благодетельница наша обиделись очень на Гришку, что он не ночевал дома, пришёл пьяный, да ещё и прощенья не попросил, ручку не поцеловал. От этого огорчения они и больны-то сделались. Уж Надежда-то так, под сердитую руку попалась. Теперь наша благодетельница и из комнаты не выйдет и никого к себе не пустит, пока этот противный Гришка прощения просить не будет.

Гавриловна. А, так тут вот какая контра вышла. Ну, уж Гриша тоже свой характер выдержит. Он хоть и дурак, а себе на уме; он теперь завалится на сено да дня четыре на брюхе и пролежит.

Потапыч. Взять бы орясину — после дяди Герасима, да с хазового-то конца и начать охаживать.

Василиса Перегриновна. Вот теперь, барин наш хороший, не угодно ли вам будет ему поклониться, чтобы он поскорей шёл у маменьки прощенья просить.

Леонид *(подумав)*. Ну, уж это ему много чести будет. А что, Гавриловна, маменька в самом деле очень сердится?

Гавриловна. Так, сударь, сердится, что беда!

Леонид. Что ж теперь делать-то?

Надя. Да что вы хлопочете-то! Ничего ведь вы сделать не можете: уж оставьте лучше! Вы же теперь скоро уедете в Петербург; веселитесь себе, что вам об таких пустяках думать, себя беспокоить!

Леонид. Да ведь мне тебя жалко!

Надя. Не жалейте, пожалуйста! Я сама, как сумасшедшая, на беду лезла, не спросясь ума-разума.

Леонид. Как же ты теперь думаешь?

Надя. А уж это моё дело.

Леонид. Да ведь тебе будет очень тяжело!

Надя. Вам-то что за дело! Вам зато весело будет.

Леонид. Да зачем же ты так говоришь?

Надя. Затем, что вы мальчик ещё!.. Оставьте!

Леонид. Да ведь он пьяный, скверный такой!

Надя. Ах, боже мой! Уж ехали бы вы лучше куда-нибудь,— с глаз долой.

Леонид. А в самом деле, я лучше поеду к соседям на неделю.

Надя. Ну и с богом!

Леонид. А как уж очень-то тебе, Надя, тяжело будет с мужем-то жить, что ж тогда?

Надя *(плача)*. Ах, оставьте вы меня! Сделайте милость, оставьте! *(Рыдая.)* Об одном я вас прошу, оставьте меня, ради бога. *(Рыдает.)*

Гавриловна и Лиза *(машут руками)*. Ступайте! Ступайте!

Леонид. Что ж вы меня гоните! Мне, чай, жалко её! Я всё-таки подумаю — может быть, можно ещё как-нибудь помочь ей.

Надя *(с отчаянием)*. Ни помощников, ни заступников мне не надо! Не надо! Не хватит моего терпения, так пруд-то у нас не далеко!

Леонид *(робко)*. Ну, я, пожалуй, уеду... Только что она говорит! Вы, пожалуйста, смотрите за ней! Прощайте! *(Идёт к дверям.)*

Надя *(вслед ему громко)*. Прощайте!

Леонид уходит.

Лиза. Видно, правда пословица-то: кошке игрушки, а мышке слёзки.

ГРОЗА

Драма в пяти действиях

ЛИЦА[1]

САВЁЛ ПРОКОФЬЕВИЧ ДИКО́Й, *купец, значительное лицо в городе.*
БОРИС ГРИГОРЬЕВИЧ, *племянник его, молодой человек, порядочно образованный.*
МАРФА ИГНАТЬЕВНА КАБАНОВА (КАБАНИХА), *богатая купчиха, вдова.*
ТИХОН ИВАНЫЧ КАБАНОВ, *её сын.*
КАТЕРИНА, *жена его.*
ВАРВАРА, *сестра Тихона.*
КУЛИГИН, *мещанин, часовщик-самоучка, отыскивающий перпетуум-мобиле.*
ВАНЯ КУДРЯШ, *молодой человек, конторщик Дикого.*
ШАПКИН, *мещанин.*
ФЕКЛУША, *странница.*
ГЛАША, *девка в доме Кабановых.*
БАРЫНЯ С ДВУМЯ ЛАКЕЯМИ, *старуха 70-ти лет, полусумасшедшая.*
ГОРОДСКИЕ ЖИТЕЛИ ОБОЕГО ПОЛА.

Действие происходит в городе Калинове, на берегу Волги, летом.
Между 3-м и 4-м действиями проходит 10 дней.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Общественный сад на высоком берегу Волги; за Волгой сельский вид.
На сцене две скамейки и несколько кустов.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кулигин сидит на скамье и смотрит за реку, Кудряш и Шапкин прогуливаются.

Кулигин *(поёт)*. «Среди долины ровныя, на гладкой высоте...» *(Перестаёт петь.)* Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! Кудряш! Вот, братец ты мой, пятьдесят лет я каждый день гляжу за Волгу и всё наглядеться не могу.

Кудряш. А что?

Кулигин. Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется.

Кудряш. Нешто́!

Кулигин. Восторг! А ты «нешто́»! Пригляделись вы, либо не понимаете, какая красота в природе разлита.

Кудряш. Ну, да ведь уж с тобой что толковать! Ты у нас антик, химик!

Кулигин. Механик, самоучка-механик.

Кудряш. Всё одно.

Молчание.

[1] Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски.— *Примеч. А. Н. Островского.*

Кулигин *(показывая в сторону)*. Посмотри-ка, брат Кудряш, кто это там так руками размахивает?

Кудряш. Это? Это — Дикóй племянника ругает.

Кулигин. Нашёл место!

Кудряш. Ему везде место. Боится, что ль, он кого! Достался ему на жертву Борис Григорьич, вот он на нём и ездит.

Шапкин. Уж такого-то ругателя, как у нас Савёл Прокофьич, поискать ещё! Ни за что человека оборвёт.

Кудряш. Пронзительный мужик!

Шапкин. Хороша тоже и Кабаниха.

Кудряш. Ну, да та хоть, по крайности, всё под видом благочестия, а этот как с цепи сорвался!

Шапкин. Унять-то его некому, вот он и воюет!

Кудряш. Мало у нас парней-то на мою стать, а то бы мы его озорничать-то отучили.

Шапкин. А что бы вы сделали?

Кудряш. Постращали бы хорошенько.

Шапкин. Как это?

Кудряш. Вчетвером этак, впятером в переулке где-нибудь поговорили бы с ним с глазу на глаз, так он бы шёлковый сделался. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.

Шапкин. Недаром он хотел тебя в солдаты-то отдать.

Кудряш. Хотел, да не отдал, так это всё одно, что ничего. Не отдаст он меня, он чует носом-то своим, что я свою голову дёшево не продам. Это он вам страшен-то, а я с ним разговаривать умею.

Шапкин. Ой ли?

Кудряш. Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь, за что ж он меня держит? Стало быть, я ему нужен. Ну, значит, я его и не боюсь, а пущай же он меня боится.

Шапкин. Уж будто он тебя и не ругает?

Кудряш. Как не ругать! Он без этого дышать не может. Да не спускаю и я: он — слово, а я — десять; плюнет, да и пойдёт. Нет, уж я перед ним рабствовать не стану.

Кулигин. С него, что ль, пример брать! Лучше уж стерпеть.

Кудряш. Ну, вот, коль ты умён, так ты его прежде учливости-то выучи, да потом и нас учи! Жаль, что дочери-то у него подростки, больших-то ни одной нет.

Шапкин. А то что бы?

Кудряш. Я б его уважил. Больно лих я на девок-то!

Проходят Дикой и Борис. Кулигин снимает шапку.

Шапкин *(Кудряшу)*. Отойдём к стороне: ещё привяжется, пожалуй.

Отходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Дикой и Борис.

Дикой. Баклуши ты, что ль, бить сюда приехал! Дармоед! Пропади ты пропадом!

Борис. Праздник; что дома-то делать!

Дикой. Найдёшь дело, коль захочешь. Раз тебе сказал, два тебе сказал: «Не смей мне навстречу попадаться»; тебе всё неймётся! Мало тебе места-то? Куда ни поди, тут ты и есть! Тьфу ты, проклятый! Что ты, как столб стоишь-то? Тебе говорят аль нет?

Борис. Я и слушаю, что ж мне делать ещё!

Дикой *(посмотрев на Бориса)*. Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу, с езуитом. *(Уходя.)* Вот навязался! *(Плюёт и уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кулигин, Борис, Кудряш и Шапкин.

Кулигин. Что у вас, сударь, за дела с ним? Не поймём мы никак. Охота вам жить у него да брань переносить.

Борис. Уж какая охота, Кулигин! Неволя.

Кулигин. Да какая же неволя, сударь, позвольте вас спросить. Коли можно, сударь, так скажите нам.

Борис. Отчего ж не сказать? Знали бабушку нашу, Анфису Михайловну?

Кулигин. Ну как не знать!

Кудряш. Как не знать!

Борис. Батюшку она ведь не взлюбила за то, что он женился на благородной. По этому-то случаю батюшка с матушкой и жили в Москве. Матушка рассказывала, что она трёх дней не могла ужиться с роднёй, уж очень ей дико казалось.

Кулигин. Ещё бы не дико! Уж что говорить! Большую привычку нужно, сударь, иметь.

Б о р и с. Воспитывали нас родители в Москве хорошо, ничего для нас не жалели. Меня отдали в Коммерческую академию, а сестру в пансион, да оба вдруг и умерли в холеру, мы с сестрой сиротами и остались. Потом мы слышим, что и бабушка здесь умерла и оставила завещание, чтобы дядя нам выплатил часть, какую следует, когда мы придём в совершеннолетие, только с условием.

К у л и г и н. С каким же, сударь?

Б о р и с. Если мы будем к нему почтительны.

К у л и г и н. Это значит, сударь, что вам наследства вашего не видать никогда.

Б о р и с. Да нет, этого мало, Кулигин! Он прежде наломается над нами, наругается всячески, как его душе угодно, а кончит всё-таки тем, что не даст ничего или так, какую-нибудь малость. Да ещё станет рассказывать, что из милости дал, что и этого бы не следовало.

К у д р я ш. Уж это у нас в купечестве такое заведение. Опять же, хоть бы вы и были к нему почтительны, нéшто кто ему запретит сказать-то, что вы непочтительны?

Б о р и с. Ну да. Уж он и теперь поговаривает иногда: «У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам? Через это я своих обидеть должен!»

К у л и г и н. Значит, сударь, плохо ваше дело.

Б о р и с. Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил всё да и уехал. А то сестру жаль. Он было и её выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здесь жизнь была — и представить страшно.

К у д р я ш. Уж само собой. Нешто они обращение понимают?

К у л и г и н. Как же вы у него живёте, сударь, на каком положении?

Б о р и с. Да ни на каком: «Живи, говорит, у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год разочтёт, как ему будет угодно.

К у д р я ш. У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чём свет стоит. «Ты, говорит, почём знаешь, что я на уме держу? Нешто ты мою душу можешь знать! А может, я приду в такое расположение, что тебе пять тысяч дам». Вот ты и поговори с ним! Только ещё он во всю свою жизнь ни разу в такое-то расположение не приходил.

К у л и г и н. Что ж делать-то, сударь! Надо стараться угождать как-нибудь.

Б о р и с. В том-то и дело, Кулигин, что никак невозможно. На него и свои-то никак угодить не могут; а уж где ж мне!

К у д р я ш. Кто ж ему угодит, коли у него вся жизнь основана на ругательстве? А уж пуще всего из-за денег; ни одного расчёта без брани не обходится. Другой рад от своего отступиться, только бы он унялся. А беда, как его поутру кто-нибудь рассердит! Целый день ко всем придирается.

Б о р и с. Тётка каждое утро всех со слезами умоляет: «Батюшки, не рассердите! Голубчики, не рассердите!»

К у д р я ш. Да нешто убережёшься! Попал на базар, вот и конец! Всех мужиков переругает. Хоть в убыток проси, без брани всё-таки не отойдёт. А потом и пошёл на весь день.

Ш а п к и н. Одно слово: воин!

К у д р я ш. Ещё какой воин-то!

Б о р и с. А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого он обругать не смеет; тут уж домашние держись!

К у д р я ш. Батюшки! Что смеху-то было! Как-то его на Волге на перевозе гусар обругал. Вот чудеса-то творил!

Б о р и с. А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам.

К у л и г и н. Что это? Никак народ от вечерни тронулся?

Проходят несколько лиц в глубине сцены.

К у д р я ш. Пойдём, Шапкин, в разгул! Что тут стоять-то?

Кланяются и уходят.

Б о р и с. Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь, без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что всё это наше русское, родное, а всё-таки не привыкну никак.

К у л и г и н. И не привыкнете никогда, сударь.

Б о р и с. Отчего же?

К у л и г и н. Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагольной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтоб на его труды даровые ещё больше денег наживать.

Знаете, что ваш дядюшка, Савёл Прокофьич, городничему отвечал? К городничему мужички пришли жаловаться, что он ни одного из них путём не разочтёт. Городничий и стал ему говорить: «Послушай, говорит, Савёл Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу, да и говорит: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, нам с вами о таких пустяках разговаривать! Много у меня в год-то народу перебывает; вы то поймите: не доплачу я им по какой-нибудь копейке на человека, у меня из этого тысячи составляются, так оно мне и хорошо!» Вот как, сударь! А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нём нет, обличье-то человеческое истеряно. А те им, за малую благостыню, на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних. И начнётся у них, сударь, суд да дело, и несть конца мучениям. Судятся-судятся здесь, да в губернию поедут, а там уж их и ждут да от радости руками плещут. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается: водят их, водят, волочат их, волочат; а они ещё и рады этому волоченью, того только им и надобно. «Я, говорит, потрачусь, да уж и ему станет в копейку». Я было хотел всё это стихами изобразить...

Борис. А вы умеете стихами?

Кулигин. По-старинному, сударь. Поначитался-таки Ломоносова, Державина... Мудрец был Ломоносов, испытатель природы... А ведь тоже из нашего, из простого звания.

Борис. Вы бы и написали. Это было бы интересно.

Кулигин. Как можно, сударь! Съедят, живого проглотят. Мне уж и так, сударь, за мою болтовню достаётся; да не могу, люблю разговор рассыпать! Вот ещё про семейную жизнь хотел я вам, сударь, рассказать; да когда-нибудь в другое время. А тоже есть что послушать.

Входят Феклуша и другая женщина.

Феклуша. Бла-алепие, милая, бла-алепие! Красота дивная! Да что уж говорить! В обетованной земле живёте! И купечество всё народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаяниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна,

по горлушко! За наше неоставление им ещё больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых.

Уходят.

Борис. Кабановых?

Кулигин. Ханжа, сударь! Нищих оделяет, а домашних заела совсем.

Молчание.

Только бы мне, сударь, перпету-мобиль найти!

Борис. Что ж бы вы сделали?

Кулигин. Как же, сударь! Ведь англичане миллион дают; я бы все деньги для общества и употребил, для поддержки. Работу надо дать мещанству-то. А то руки есть, а работать нечего.

Борис. А вы надеетесь найти перпетуум-мобиле?

Кулигин. Непременно, сударь! Вот только бы теперь на модели деньжонками раздобыться. Прощайте, сударь! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Борис *(один)*. Жаль его разочаровывать-то! Какой хороший человек! Мечтает себе и счастлив. А мне, видно, так и загубить свою молодость в этой трущобе. Уж ведь совсем убитый хожу, а тут ещё дурь в голову лезет! Ну, к чему пристало! Мне ли уж нежности заводить? Загнан, забит, а тут ещё сдуру-то влюбляться вздумал. Да в кого! В женщину, с которой даже и поговорить-то никогда не удастся.

Молчание.

А всё-таки нейдёт она у меня из головы, хоть ты что хочешь. Вот она! Идёт с мужем, ну и свекровь с ними! Ну не дурак ли я! Погляди из-за угла, да и ступай домой. *(Уходит.)*

С противоположной стороны входят Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара.

Кабанова. Если ты хочешь мать послушать, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе приказывала.

Кабанов. Да как же я могу, маменька, вас ослушаться!

К а б а н о в а. Не очень-то нынче старших уважают.

В а р в а р а *(про себя)*. Не уважишь тебя, как же!

К а б а н о в. Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг.

К а б а н о в а. Поверила бы я тебе, мой друг, кабы своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтение родителям от детей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болезней от детей переносят.

К а б а н о в. Я, маменька...

К а б а н о в а. Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А! Как ты думаешь?

К а б а н о в. Да когда же я, маменька, не переносил от вас?

К а б а н о в а. Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны с нас, дураков, и взыскивать.

К а б а н о в *(вздыхая, в сторону)*. Ах ты, господи! *(Матери.)* Да смеем ли мы, маменька, подумать!

К а б а н о в а. Ведь от любви родители и строги-то к вам бывают, от любви вас и бранят-то, всё думают добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдут детки-то по людям славить, что мать ворчунья, что мать проходу не даёт, со свету сживает. А сохрани господи, каким-нибудь словом снохе не угодить, ну, и пошёл разговор, что свекровь заела совсем.

К а б а н о в. Нешто, маменька, кто говорит про вас?

К а б а н о в а. Не слыхала, мой друг, не слыхала, лгать не хочу. Уж кабы я слышала, я бы с тобой, мой милый, тогда не так заговорила. *(Вздыхает.)* Ох, грех тяжкий! Вот долго ли согрешить-то! Разговор близкий сердцу пойдёт, ну и согрешишь, рассердишься. Нет, мой друг, говори, что хочешь, про меня. Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут.

К а б а н о в. Да отсохни язык...

К а б а н о в а. Полно, полно, не божись! Грех! Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу.

К а б а н о в. В чём же вы, маменька, это видите?

К а б а н о в а. Да во всём, мой друг! Мать чего глазами не увидит, так у неё сердце вещун, она сердцем может чувствовать. Аль жена тебя, что ли, отводит от меня, уж не знаю.

К а б а н о в. Да нет, маменька! Что вы, помилуйте!

Катерина. Для меня, маменька, всё одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит.

Кабанова. Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Не заступайся, матушка, не обижу небось! Ведь он мне тоже сын; ты этого не забывай! Что ты выскочила в глазах-то поюлить! Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь.

Варвара *(про себя)*. Нашла место наставления читать.

Катерина. Ты про меня, маменька, напрасно это говоришь. Что при людях, что без людей, я всё одна, ничего я из себя не доказываю.

Кабанова. Да я об тебе и говорить не хотела; а так, к слову пришлось.

Катерина. Да хоть и к слову, за что ж ты меня обижаешь?

Кабанова. Эка важная птица! Уж и обиделась сейчас.

Катерина. Напраслину-то терпеть кому ж приятно!

Кабанова. Знаю я, знаю, что вам не по нутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит. Я давно вижу, что вам воли хочется. Ну, что ж, дождётесь, поживёте и на воле, когда меня не будет. Вот уж тогда делайте что хотите, не будет над вами старших. А может, и меня вспомянете.

Кабанов. Да мы об вас, маменька, денно и нощно Бога молим, чтобы вам, маменька, Бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху.

Кабанова. Ну, полно, перестань, пожалуйста. Может быть, ты и любил мать, пока был холостой. До меня ли тебе: у тебя жена молодая.

Кабанов. Одно другому не мешает-с: жена само по себе, а к родительнице я само по себе почтение имею.

Кабанова. Так променяешь ты жену на мать? Ни в жизнь я этому не поверю.

Кабанов. Да для чего же мне менять-с? Я обеих люблю.

Кабанова. Ну да, так и есть, размазывай! Уж я вижу, что я вам помеха.

Кабанов. Думайте как хотите, на всё есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человек на свет рождён, что не могу вам угодить ничем.

Кабанова. Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нюни-то распустил? Ну какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?

ГРОЗА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

1

«Гроза»

Библиотека для чтения. 1860. Т. 158. Январь. С. 1

К а б а н о в. Да зачем же ей бояться? С меня и того довольно, что она меня любит.

К а б а н о в а. Как зачем бояться! Как зачем бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Ведь ты, чай, с ней в законе живёшь. Али, по-вашему, закон ничего не значит? Да уж коли ты такие дурацкие мысли в голове держишь, ты бы при ней-то, по крайней мере, не болтал да при сестре, при девке; ей тоже замуж идти: этак она твоей болтовни наслушается, так после муж-то нам спасибо скажет за науку. Видишь ты, какой ещё ум-то у тебя, а ты ещё хочешь своей волей жить.

К а б а н о в. Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!

К а б а н о в а. Так, по-твоему, нужно всё лаской с женой? Уж и не прикрикнуть на неё, и не пригрозить?

К а б а н о в. Да я, маменька...

К а б а н о в а *(горячо)*. Хоть любовника заводи! А! И это, может быть, по-твоему, ничего? А? Ну, говори!

К а б а н о в. Да, ей-богу, маменька...

К а б а н о в а *(совершенно хладнокровно)*. Дурак! *(Вздыхает.)* Что с дураком и говорить! Только грех один.

Молчание.

Я домой иду.

К а б а н о в. И мы сейчас, только раз-другой по бульвару пройдём.

К а б а н о в а. Ну, как хотите, только ты смотри, чтобы мне вас не дожидаться! Знаешь, я не люблю этого.

К а б а н о в. Нет, маменька! Сохрани меня господи!

К а б а н о в а. То-то же! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, без Кабановой.

К а б а н о в. Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достаётся от маменьки! Вот жизнь-то моя какая!

К а т е р и н а. Чем же я-то виновата?

К а б а н о в. Кто ж виноват, я уж и не знаю.

В а р в а р а. Где тебе знать!

К а б а н о в. То всё приставала: «Женись да женись, я хоть бы поглядела на тебя, на женатого»! А теперь поедом ест, проходу не даёт — всё за тебя.

В а р в а р а. Так нешто она виновата! Мать на неё нападает, и ты тоже. А ещё говоришь, что любишь жену. Скучно мне глядеть-то на тебя! *(Отворачивается.)*

К а б а н о в. Толкуй тут! Что ж мне делать-то?

В а р в а р а. Знай своё дело — молчи, коли уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь — переминаешься? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то.

К а б а н о в. Ну а что?

В а р в а р а. Известно что. К Савёлу Прокофьичу хочется, выпить с ним. Что, не так, что ли?

К а б а н о в. Угадала, брат.

К а т е р и н а. Ты, Тиша, скорей приходи, а то маменька опять браниться станет.

В а р в а р а. Ты проворней, в самом деле, а то знаешь ведь!

К а б а н о в. Уж как не знать!

В а р в а р а. Нам тоже невелика охота из-за тебя брань-то принимать.

К а б а н о в. Я мигом. Подождите! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

К а т е р и н а и В а р в а р а.

К а т е р и н а. Так ты, Варя, жалеешь меня?

В а р в а р а *(глядя в сторону)*. Разумеется, жалко.

К а т е р и н а. Так ты, стало быть, любишь меня? *(Крепко целует.)*

В а р в а р а. За что ж мне тебя не любить-то!

К а т е р и н а. Ну, спасибо тебе! Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти.

Молчание.

Знаешь, мне что в голову пришло?

В а р в а р а. Что?

К а т е р и н а. Отчего люди не летают?

В а р в а р а. Я не понимаю, что ты говоришь.

К а т е р и н а. Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы! Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь? *(Хочет бежать.)*

Варвара. Что ты выдумываешь-то?

Катерина *(вздыхая)*. Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем.

Варвара. Ты думаешь, я не вижу?

Катерина. Такая ли я была! Я жила, ни об чём не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключик, умоюсь, принесу с собой водицы и все, все цветы в доме полью. У меня цветов было много, много. Потом пойдём с маменькой в церковь, все и странницы,— у нас полон дом был странниц да богомолок. А придём из церкви, сядем за какую-нибудь работу, больше по бархату золотом, а странницы станут рассказывать: где они были, что видели, жития разные, либо стихи поют. Так до обеда время и пройдёт. Тут старухи уснуть лягут, а я по саду гуляю. Потом к вечерне, а вечером опять рассказы да пение. Таково хорошо было!

Варвара. Да ведь и у нас то же самое.

Катерина. Да здесь всё как будто из-под неволи. И до смерти я любила в церковь ходить! Точно, бывало, я в рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно, как всё это в одну секунду было. Маменька говорила, что все, бывало, смотрят на меня, что со мной делается! А знаешь: в солнечный день из купола такой светлый столб вниз идёт, и в этом столбе ходит дым, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы в этом столбе летают и поют. А то, бывало, девушка, ночью встану,— у нас тоже везде лампадки горели,— да где-нибудь в уголке и молюсь до утра. Или рано утром в сад уйду, ещё только солнышко восходит, упаду на колена, молюсь и плачу, и сама не знаю, о чём молюсь и о чём плачу; так меня и найдут. И об чём я молилась тогда, чего просила, не знаю; ничего мне не надобно, всего у меня было довольно. А какие сны мне снились, Варенька, какие сны! Или храмы золотые, или сады какие-то необыкновенные, и всё поют невидимые голоса, и кипарисом пахнет, и горы, и деревья будто не такие, как обыкновенно, а как на образах пишутся. А то будто я летаю, так и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да редко, да и не то.

Варвара. А что же?

Катерина *(помолчав)*. Я умру скоро.

Варвара. Полно, что ты!

Катерина. Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то! Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю.

Варвара. Что же с тобой такое?

Катерина *(берёт её за руку)*. А вот что, Варя, быть греху какому-нибудь! Такой на меня страх, такой-то на меня страх! Точно я стою над пропастью, и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что. *(Хватается за голову рукой.)*

Варвара. Что с тобой? Здорова ли ты?

Катерина. Здорова... Лучше бы я больна была, а то нехорошо. Лезет мне в голову мечта какая-то. И никуда я от неё не уйду. Думать стану — мыслей никак не соберу, молиться — не отмолюсь никак. Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да всё про такие дела нехорошие. И то мне представляется, что мне самоё себя совестно сделается. Что со мной? Перед бедой перед какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мне, всё мерещится шёпот какой-то: кто-то так ласково говорит со мной, точно голубит меня, точно голубь воркует. Уж не снятся мне, Варя, как прежде, райские деревья да горы; а точно меня кто-то обнимает так горячо-горячо, и ведёт меня куда-то, и я иду за ним, иду...

Варвара. Ну?

Катерина. Да что же это я говорю тебе: ты — девушка.

Варвара *(оглядываясь)*. Говори! Я хуже тебя.

Катерина. Ну, что ж мне говорить? Стыдно мне.

Варвара. Говори, нужды нет!

Катерина. Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придёт на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...

Варвара. Только не с мужем.

Катерина. А ты почём знаешь?

Варвара. Ещё бы не знать!..

Катерина. Ах, Варя, грех у меня на уме! Сколько я, бедная, плакала, чего уж я над собой не делала! Не уйти мне от этого греха. Никуда не уйти. Ведь это нехорошо, ведь это страшный грех, Варенька, что я другого люблю?

Варвара. Что мне тебя судить! У меня свои грехи есть.

К а т е р и н а. Что же мне делать! Сил моих не хватает. Куда мне деваться; я от тоски что-нибудь сделаю над собой!

В а р в а р а. Что ты! Бог с тобой! Вот погоди, завтра братец уедет, подумаем; может быть, и видеться можно будет.

К а т е р и н а. Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани господи!

В а р в а р а. Чего ты так испугалась?

К а т е р и н а. Если я с ним хоть раз увижусь, я убегу из дому, я уж не пойду домой ни за что на свете.

В а р в а р а. А вот погоди, там увидим.

К а т е р и н а. Нет, нет, и не говори мне, я и слушать не хочу.

В а р в а р а. А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай с тоски, пожалеют, что ль, тебя! Как же, дожидайся. Так какая ж неволя себя мучить-то!

Входит б а р ы н я с палкой и д в а л а к е я в треугольных шляпах сзади.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Т е ж е и б а р ы н я.

Б а р ы н я. Что, красавицы? Что тут делаете? Молодцов поджидаете, кавалеров? Вам весело? Весело? Красота-то ваша вас радует? Вот куда красота-то ведёт. *(Показывает на Волгу.)* Вот, вот, в самый омут.

Варвара улыбается.

Что смеётесь! Не радуйтесь! *(Стучит палкой.)* Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неутолимой! *(Уходя.)* Вон, вон куда красота-то ведёт. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

К а т е р и н а и В а р в а р а.

К а т е р и н а. Ах, как она меня испугала,— я дрожу вся, точно она пророчит мне что-нибудь.

В а р в а р а. На свою бы тебе голову, старая карга!

К а т е р и н а. Что она сказала такое, а? Что она сказала?

В а р в а р а. Вздор всё. Очень нужно слушать, что она городит. Она всем так пророчит. Всю жизнь смолоду-то грешила. Спроси-ка, что об ней порасскажут! Вот умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тем и других пугает. Даже все мальчишки в городе от неё

прячутся,— грозит на них палкой да кричит *(передразнивая)*: «Все гореть в огне будете!»

Катерина *(зажмуриваясь)*. Ах, ах, перестань! У меня сердце упало.

Варвара. Есть чего бояться! Дура старая...

Катерина. Боюсь, до смерти боюсь. Всё она мне в глазах мерещится.

Молчание.

Варвара *(оглядываясь)*. Что это братец нейдёт, вон никак гроза заходит.

Катерина *(с ужасом)*. Гроза! Побежим домой! Поскорее!

Варвара. Что ты, с ума, что ли, сошла! Как же ты без братца-то домой покажешься?

Катерина. Нет, домой, домой! Бог с ним!

Варвара. Да что ты уж очень боишься; ещё далеко гроза-то.

Катерина. А коли далеко, так, пожалуй, подождём немного: а право бы, лучше идти. Пойдём лучше!

Варвара. Да ведь уж коли чему быть, так и дома не спрячешься.

Катерина. Да всё-таки лучше, всё покойнее; дома-то я к образам да Богу молиться!

Варвара. Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь.

Катерина. Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьёт тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед Богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то,— вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! Страшно вымолвить!

Гром.

Ах!

Кабанов входит.

Варвара. Вот братец идёт. *(Кабанову.)* Беги скорей!

Гром.

Катерина. Ах! Скорей, скорей!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Комната в доме Кабановых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Глаша (собирает платье в узлы) и Феклуша (входит).

Феклуша. Милая девушка, всё-то ты за работой! Что делаешь, милая?

Глаша. Хозяина в дорогу собираю.

Феклуша. Аль едет куда, свет наш?

Глаша. Едет.

Феклуша. На́долго, милая, едет?

Глаша. Нет, не на́долго.

Феклуша. Ну, скатертью ему дорога! А что, хозяйка-то станет выть аль нет?

Глаша. Уж не знаю, как тебе сказать.

Феклуша. Да она у вас воет когда?

Глаша. Не слыхать что-то.

Феклуша. Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то!

Молчание.

А вы, девушка, за убогой-то присматривайте, не стянула б чего.

Глаша. Кто вас разберёт, все вы друг на друга клеплете. Что вам ладно-то не живётся? Уж у нас ли, кажется, вам, странным, не житьё, а вы всё ссоритесь да перекоряетесь; греха-то вы не боитесь.

Феклуша. Нельзя, матушка, без греха: в миру живём. Вот что я тебе скажу, милая девушка: вас, простых людей, каждого один враг смущает, а к нам, к странным людям, к кому шесть, к кому двенадцать приставлено; вот и надобно их всех побороть. Трудно, милая девушка!

Глаша. Отчего ж к вам так много?

Феклуша. Это, матушка, враг-то из ненависти на нас, что жизнь такую праведную ведём. А я, милая девушка, не вздорная, за мной этого греха нет. Один грех за мной есть точно; я сама знаю, что есть. Сладко поесть люблю. Ну, так что ж! По немощи моей Господь посылает.

Глаша. А ты, Феклуша, далеко ходила?

Ф е к л у ш а. Нет, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила; а слыхать — много слыхала. Говорят, такие страны есть, милая девушка, где и царей-то нет православных, а салтаны землёй правят. В одной земле сидит на троне салтан Махнут турецкий, а в другой — салтан Махнут персидский; и суд творят они, милая девушка, надо всеми людьми, и, что ни судят они, всё неправильно. И не могут они, милая, ни одного дела рассудить праведно, такой уж им предел положен. У нас закон праведный, а у них, милая, неправедный; что по нашему закону так выходит, а по-ихнему всё напротив. И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!» А то есть ещё земля, где все люди с пёсьими головами.

Г л а ш а. Отчего ж так — с пёсьими?

Ф е к л у ш а. За неверность. Пойду я, милая девушка, по купечеству поброжу: не будет ли чего на бедность. Прощай покудова!

Г л а ш а. Прощай!

Ф е к л у ш а уходит.

Вот ещё какие земли есть! Каких-то, каких-то чудес на свете нет! А мы тут сидим, ничего не знаем. Ещё хорошо, что добрые люди есть; нет-нет да и услышишь, что на белом свету делается; а то бы так дураками и померли.

Входят К а т е р и н а и В а р в а р а.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К а т е р и н а и В а р в а р а.

В а р в а р а *(Глаше)*. Тащи узлы-то в кибитку, лошади приехали. *(Катерине.)* Молоду тебя замуж-то отдали, погулять-то тебе в девках не пришлось: вот у тебя сердце-то и не уходилось ещё.

Г л а ш а уходит.

К а т е р и н а. И никогда не уходится.

В а р в а р а. Отчего ж?

К а т е р и н а. Такая уж я зародилась, горячая! Я ещё лет шести была, не больше, так что сделала! Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно; я выбежала на Волгу, села в лодку да и отпихнула её от берега. На другое утро уж нашли, вёрст за десять!

В а р в а р а. Ну, а парни поглядывали на тебя?

Катерина. Как не поглядывать!

Варвара. Что же ты? Неужто не любила никого?

Катерина. Нет, смеялась только.

Варвара. А ведь ты, Катя, Тихона не любишь.

Катерина. Нет, как не любить! Мне жалко его очень.

Варвара. Нет, не любишь. Коли жалко, так не любишь. Да и не за что, надо правду сказать. И напрасно ты от меня скрываешься! Давно уж я заметила, что ты любишь одного человека.

Катерина *(с испугом)*. Почём же ты заметила?

Варвара. Как ты смешно говоришь! Маленькая я, что ли! Вот тебе первая примета: как ты увидишь его, вся в лице переменишься.

Катерина потупляет глаза.

Да мало ли...

Катерина *(потупившись)*. Ну, кого же?

Варвара. Да ведь ты сама знаешь, что называть-то?

Катерина. Нет, назови! По имени назови!

Варвара. Бориса Григорьича.

Катерина. Ну да, его, Варенька, его! Только ты, Варенька, ради бога...

Варвара. Ну, вот ещё! Ты сама-то, смотри, не проговорись как-нибудь.

Катерина. Обманывать-то я не умею, скрыть-то ничего не могу.

Варвара. Ну, а ведь без этого нельзя; ты вспомни, где ты живёшь! У нас весь дом на том держится. И я не обманщица была, да выучилась, когда нужно стало. Я вчера гуляла, так его видела, говорила с ним.

Катерина *(после непродолжительного молчания, потупившись)*. Ну, так что ж?

Варвара. Кланяться тебе приказал. Жаль, говорит, что видеться негде.

Катерина *(потупившись ещё более)*. Где же видеться! Да и зачем...

Варвара. Скучный такой...

Катерина. Не говори мне про него, сделай милость, не говори! Я его и знать не хочу! Я буду мужа любить. Тиша, голубчик мой, ни на кого тебя не променяю! Я и думать-то не хотела, а ты меня смущаешь.

Варвара. Да не думай, кто же тебя заставляет?

Катерина. Не жалеешь ты меня ничего! Говоришь: не думай, а сама напоминаешь. Разве я хочу об нём думать; да что делать, коли из головы нейдёт. Об чём ни задумаю, а он так и стоит перед глазами. И хочу себя переломить, да не могу никак. Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять враг смущал. Ведь я было из дому ушла.

Варвара. Ты какая-то мудрёная, бог с тобой! А по-моему: делай, что хочешь, только бы шито да крыто было.

Катерина. Не хочу я так. Да и что хорошего! Уж я лучше буду терпеть, пока терпится.

Варвара. А не стерпится, что ж ты сделаешь?

Катерина. Что я сделаю?

Варвара. Да, что сделаешь?

Катерина. Что мне только захочется, то и сделаю.

Варвара. Сделай, попробуй, так тебя здесь заедят.

Катерина. А что мне! Я уйду, да и была такова.

Варвара. Куда ты уйдёшь? Ты мужняя жена.

Катерина. Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!

Молчание.

Варвара. Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.

Катерина. Ну зачем, Варя?

Варвара. Да нешто не всё равно?

Катерина. Боюсь я в незнакомом-то месте ночевать.

Варвара. Чего бояться-то! Глаша с нами будет.

Катерина. Всё как-то робко! Да я, пожалуй.

Варвара. Я б тебя и не звала, да меня-то одну маменька не пустит, а мне нужно.

Катерина *(смотря на неё)*. Зачем же тебе нужно?

Варвара *(смеётся)*. Будем там ворожить с тобой.

Катерина. Шутишь, должно быть?

Варвара. Известно, шучу; а то неужто в самом деле?

Молчание.

Катерина. Где ж это Тихон-то?

Варвара. На что он тебе?

Катерина. Нет, я так. Ведь скоро едет.

Варвара. С маменькой сидят запершись. Точит она его теперь, как ржа железо.

Катерина. За что же?

Варвара. Ни за что, так, уму-разуму учит. Две недели в дороге будет, заглазное дело! Сама посуди! У неё сердце всё изноет, что он на своей воле гуляет. Вот она ему теперь и надаёт приказов, один другого грозней, да потом к образу поведёт, побожиться заставит, что всё так точно он и сделает, как приказано.

Катерина. И на воле-то он словно связанный.

Варвара. Да, как же, связанный! Он как выедет, так запьёт. Он теперь слушает, а сам думает, как бы ему вырваться-то поскорей.

Входят Кабанова и Кабанов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, Кабанова и Кабанов.

Кабанова. Ну, ты помнишь всё, что я тебе сказала? Смотри ж, помни! На носу себе заруби!

Кабанов. Помню, маменька.

Кабанова. Ну, теперь всё готово. Лошади приехали. Проститься тебе только, да и с богом.

Кабанов. Да-с, маменька, пора.

Кабанова. Ну!

Кабанов. Чего изволите-с?

Кабанова. Что ж ты стоишь, разве порядку не знаешь? Приказывай жене-то, как жить без тебя.

Катерина потупила глаза в землю.

Кабанов. Да она, чай, сама знает.

Кабанова. Разговаривай ещё! Ну, ну, приказывай! Чтоб и я слышала, что ты ей приказываешь! А потом приедешь, спросишь, так ли всё исполнила.

Кабанов *(становясь против Катерины)*. Слушайся маменьки, Катя!

Кабанова. Скажи, чтоб не грубила свекрови.

Кабанов. Не груби!

Кабанова. Чтоб почитала свекровь, как родную мать!

Кабанов. Почитай, Катя, маменьку, как родную мать!

Кабанова. Чтоб сложа ручки не сидела, как барыня!

Кабанов. Работай что-нибудь без меня!

Кабанова. Чтоб в окны глаз не пялила!

Кабанов. Да, маменька, когда ж она...

Кабанова. Ну, ну!

Кабанов. В окны не гляди!

Кабанова. Чтоб на молодых парней не заглядывалась без тебя!

Кабанов. Да что ж это, маменька, ей-богу!

Кабанова *(строго)*. Ломаться-то нечего! Должен исполнять, что мать говорит. *(С улыбкой.)* Оно всё лучше, как приказано-то.

Кабанов *(сконфузившись)*. Не заглядывайся на парней!

Катерина строго взглядывает на него.

Кабанова. Ну, теперь поговорите промежду себя, коли что нужно. Пойдём, Варвара!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Кабанов и Катерина (стоит, как будто в оцепенении).

Кабанов. Катя!

Молчание.

Катя, ты на меня не сердишься?

Катерина *(после непродолжительного молчания, качает головой)*. Нет!

Кабанов. Да что ты такая? Ну, прости меня!

Катерина *(всё в том же состоянии, слегка покачав головой)*. Бог с тобой! *(Закрыв лицо рукою.)* Обидела она меня!

Кабанов. Всё к сердцу-то принимать, так в чахотку скоро попадёшь. Что её слушать-то! Ей ведь что-нибудь надо ж говорить! Ну, и пущай она говорит, а ты мимо ушей пропущай! Ну, прощай, Катя!

Катерина *(кидаясь на шею мужу)*. Тиша, не уезжай! Ради бога, не уезжай! Голубчик, прошу я тебя!

Кабанов. Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!

Катерина. Ну, бери меня с собой, бери!

Кабанов *(освобождаясь из её объятий)*. Да нельзя.

Катерина. Отчего же, Тиша, нельзя?

Кабанов. Куда как весело с тобой ехать! Вы меня уж заездили здесь совсем! Я не чаю, как вырваться-то; а ты ещё навязываешься со мной.

Катерина. Да неужели же ты разлюбил меня?

Кабанов. Да не разлюбил; а с этакой-то неволи от какой хочешь красавицы жены убежишь! Ты подумай то: какой ни на есть, а я всё-таки мужчина; всю-то жизнь вот этак жить, как ты видишь, так убежишь и от жены. Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, кандалов этих на ногах нет, так до жены ли мне?

Катерина. Как же мне любить-то тебя, когда ты такие слова говоришь?

Кабанов. Слова как слова! Какие же мне ещё слова говорить! Кто тебя знает, чего ты боишься! Ведь ты не одна, ты с маменькой остаёшься.

Катерина. Не говори ты мне об ней, не тирань ты моего сердца! Ах, беда моя, беда! *(Плачет.)* Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться? Батюшки мои, погибаю я!

Кабанов. Да полно ты!

Катерина *(подходит к мужу и прижимается к нему).* Тиша, голубчик, кабы ты остался, либо взял ты меня с собой, как бы я тебя любила, как бы я тебя голубила, моего милого. *(Ласкает его.)*

Кабанов. Не разберу я тебя, Катя! То от тебя слова не добьёшься, не то что ласки; а то так сама лезешь.

Катерина. Тиша, на кого ты меня оставляешь! Быть беде без тебя! Быть беде!

Кабанов. Ну, да ведь нельзя, так уж нечего делать.

Катерина. Ну, так вот что! Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную...

Кабанов. Какую клятву?

Катерина. Вот какую: чтобы не смела я без тебя ни под каким видом ни говорить ни с кем чужим, ни видеться, чтобы и думать я не смела ни о ком, кроме тебя.

Кабанов. Да на что ж это?

Катерина. Успокой ты мою душу, сделай такую милость для меня!

Кабанов. Как можно за себя ручаться, мало ль что может в голову прийти.

Катерина *(падая на колени)*. Чтоб не видать мне ни отца, ни матери! Умереть мне без покаяния, если я...

Кабанов *(поднимая её)*. Что ты! Что ты! Какой грех-то! Я и слушать не хочу!

Голос Кабановой: «Пора, Тихон!»
Входят Кабанова, Варвара и Глаша.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Кабанова, Варвара и Глаша.

Кабанова. Ну, Тихон, пора. Поезжай с богом! *(Садится.)* Садитесь все!

Все садятся. Молчание.

Ну, прощай! *(Встаёт, и все встают.)*

Кабанов *(подходя к матери)*. Прощайте, маменька!

Кабанова *(жестом показывает в землю)*. В ноги, в ноги!

Кабанов кланяется в ноги, потом целуется с матерью.

Прощайся с женой!

Кабанов. Прощай, Катя!

Катерина кидается ему на шею.

Кабанова. Что ты на шею-то виснешь, бесстыдница! Не с любовником прощаешься! Он тебе муж, глава! Аль порядку не знаешь! В ноги кланяйся!

Катерина кланяется в ноги.

Кабанов. Прощай, сестрица! *(Целуется с Варварой.)* Прощай, Глаша! *(Целуется с Глашей.)* Прощайте, маменька! *(Кланяется.)*

Кабанова. Прощай! Дальние проводы — лишние слёзы.

Кабанов уходит, за ним Катерина, Варвара и Глаша.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кабанова *(одна)*. Молодость-то что значит! Смешно смотреть-то даже на них! Кабы не свои, насмеялась бы досыта. Ничего-то не знают, никакого порядку. Проститься-то путём не умеют. Хорошо ещё, у кого в доме старшие есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на свою волю хотят, а выдут на волю-то, так и путаются на покор да смех добрым людям. Конечно, кто и пожалеет, а больше

всё смеются. Да не смеяться-то нельзя; гостей позовут, посадить не умеют, да ещё, гляди, позабудут кого из родных. Смех, да и только! Так-то вот старина-то и выводится. В другой дом и взойти-то не хочется. А и взойдёшь-то, так плюнешь да вон скорее. Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю. Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.

Входят Катерина и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Кабанова, Катерина и Варвара.

Кабанова. Ты вот похвалялась, что мужа очень любишь; вижу я теперь твою любовь-то. Другая хорошая жена, проводивши мужа-то, часа полтора воет, лежит на крыльце; а тебе, видно, ничего.

Катерина. Не к чему! Да и не умею. Что народ-то смешить!

Кабанова. Хитрость-то невеликая. Кабы любила, так бы выучилась. Коли порядком не умеешь, ты хоть бы пример-то этот сделала; всё-таки пристойнее; а то, видно, на словах только. Ну, я Богу молиться пойду; не мешайте мне.

Варвара. Я со двора пойду.

Кабанова *(ласково)*. А мне что! Поди! Гуляй, пока твоя пора придёт. Ещё насидишься!

Уходят Кабанова и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Катерина *(одна, задумчиво)*. Ну, теперь тишина у нас в доме воцарится. Ах, какая скука! Хоть бы дети чьи-нибудь! Эко горе! Деток-то у меня нет: всё бы я и сидела с ними да забавляла их. Люблю очень с детьми разговаривать,— ангелы ведь это. *(Молчание.)* Кабы я маленькая умерла, лучше бы было. Глядела бы я с неба на землю да радовалась всему. А то полетела бы невидимо, куда захотела. Вылетела бы в поле и летала бы с василька на василёк по ветру, как бабочка. *(Задумывается.)* А я вот что сделаю: я начну работу какую-нибудь по обещанию; пойду в гостиный двор, куплю холста, да и буду шить бельё, а потом раздам бедным. Они за меня Бога помолят. Вот и засядем шить с Варварой, и не увидим, как время пройдёт; а тут Тиша приедет.

Входит Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Катерина и Варвара.

Варвара *(покрывает голову платком перед зеркалом).* Я теперь гулять пойду; а ужо нам Глаша постелет постели в саду, маменька позволила. В саду, за малиной, есть калитка, её маменька запирает на замок, а ключ прячет. Я его унесла, а ей подложила другой, чтоб не заметила. На, вот, может быть, понадобится. *(Подаёт ключ.)* Если увижу, так скажу, чтоб приходил к калитке.

Катерина *(с испугом, отталкивая ключ).* На что! На что! Не надо! Не надо!

Варвара. Тебе не надо, мне понадобится; возьми, не укусит он тебя.

Катерина. Да что ты затеяла-то, греховодница! Можно ли это! Подумала ль ты? Что ты! Что ты!

Варвара. Ну, я много разговаривать не люблю; да и некогда мне. Мне гулять пора. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Катерина *(одна, держа ключ в руках).* Что она это делает-то? Что она только придумывает? Ах, сумасшедшая, право, сумасшедшая! Вот погибель-то! Вот она! Бросить его, бросить далеко, в реку кинуть, чтоб не нашли никогда. Он мне руки-то жжёт, точно уголь. *(Подумав.)* Вот так-то и гибнет наша сестра-то. В неволе-то кому весело! Мало ли что в голову-то придёт. Вышел случай, другая и рада, так, очертя голову, и кинется. А как же это можно, не подумавши, не рассудивши-то! Долго ли в беду попасть! А там и плачься всю жизнь, мучайся; неволя-то ещё горче покажется. *(Молчание.)* А горька неволя, ох, как горька! Кто от неё не плачет! А пуще всех мы, бабы. Вот хоть я теперь! Живу, маюсь, просвету себе не вижу! Да и не увижу, знать! Что дальше, то хуже. А теперь ещё этот грех-то на меня. *(Задумывается.)* Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня... от неё мне и дом-то опостылел; стены-то даже противны. *(Задумчиво смотрит на ключ.)* Бросить его? Разумеется, надо бросить. И как он это ко мне в руки попал? На соблазн, на пагубу мою. *(Прислушивается.)* Ах, кто-то идёт. Так сердце и упало. *(Прячет ключ в карман.)* Нет!.. Никого!.. Что я так испугалась! И ключ спрятала... Ну, уж знать, там ему и быть! Видно, сама судьба того хочет! Да какой же в этом грех,

если я взгляну на него раз, хоть издали-то! Да хоть и поговорю-то, так всё не беда! А как же я мужу-то!.. Да ведь он сам не захотел. Да может, такого и случая-то ещё во всю жизнь не выдет. Тогда и плачься на себя: был случай, да не умела пользоваться. Да что я говорю-то, что я себя обманываю? Мне хоть умереть, да увидеть его. Перед кем я притворяюсь-то!.. Бросить ключ! Нет, ни за что на свете! Он мой теперь... Будь что будет, а я Бориса увижу! Ах, кабы ночь поскорее!..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Улица. Ворота дома Кабановых, перед воротами скамейка. Кабанова и Феклуша сидят на скамейке.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Феклуша. Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна, последние, по всем приметам последние. Ещё у вас в городе рай и тишина, а по другим городам так просто Содом, матушка: шум, беготня, езда беспрестанная! Народ-то так и снуёт, один туда, другой сюда.

Кабанова. Некуда нам торопиться-то, милая, мы и живём не спеша.

Феклуша. Нет, матушка, оттого у вас тишина в городе, что многие люди, вот хоть бы вас взять, добродетелями, как цветами, украшаются; оттого всё и делается прохладно и благочинно. Ведь эта беготня-то, матушка, что значит? Ведь это суета! Вот хоть бы в Москве: бегает народ взад да вперёд неизвестно зачем. Вот она суета-то и есть. Суетный народ, матушка Марфа Игнатьевна, вот он и бегает. Ему представляется-то, что он за делом бежит; торопится, бедный, людей не узнаёт, ему мерещится, что его манит некто; а придёт на место-то, ан пусто, нет ничего, мечта одна. И пойдёт в тоске. А другому мерещится, что будто он догоняет кого-то знакомого. Со стороны-то свежий человек сейчас видит, что никого нет; а тому-то всё кажется от суеты, что он догоняет. Суета-то, ведь она вроде туману бывает. Вот у вас в этакой прекрасный вечер редко кто и за вороты-то выдет посидеть; а в Москве-то теперь гульбища да игрища, а по улицам-то индо грохот идёт, стон стоит. Да чего, матушка Марфа Игнатьевна, огненного змия стали запрягать: всё, видишь, для-ради скорости.

Кабанова. Слышала я, милая.

Феклуша. А я, матушка, так своими глазами видела; конечно, другие от суеты не видят ничего, так он им машиной показывается,

они машиной и называют, а я видела, как он лапами-то вот так *(растопыривает пальцы)* делает. Ну, и стон, которые люди хорошей жизни, так слышат.

К а б а н о в а. Назвать-то всячески можно, пожалуй, хоть машиной назови; народ-то глуп, будет всему верить. А меня хоть ты золотом осыпь, так я не поеду.

Ф е к л у ш а. Что за крайности, матушка! Сохрани господи от такой напасти! А вот ещё, матушка Марфа Игнатьевна, было мне в Москве видение некоторое. Иду я рано поутру, ещё чуть брезжится, и вижу на высоком-превысоком доме, на крыше, стоит кто-то, лицом чёрен. Уж сами понимаете кто. И делает он руками, как будто сыплет что, а ничего не сыпется. Тут я догадалась, что это он плевелы сыплет, а народ днём в суете-то в своей невидимо и подберёт. Оттого-то они так и бегают, оттого и женщины-то у них все такие худые, тела-то никак не нагуляют; да как будто они что потеряли, либо чего ищут: в лице печаль, даже жалко.

К а б а н о в а. Всё может быть, моя милая! В наши времена чему дивиться!

Ф е к л у ш а. Тяжёлые времена, матушка Марфа Игнатьевна, тяжёлые. Уж и время-то стало в умаление приходить.

К а б а н о в а. Как так, милая, в умаление?

Ф е к л у ш а. Конечно, не мы, где нам заметить в суете-то! А вот умные люди замечают, что у нас и время-то короче становится. Бывало, лето и зима-то тянутся-тянутся, не дождёшься, когда кончатся; а нынче и не увидишь, как пролетят. Дни-то и часы всё те же как будто остались; а время-то за наши грехи всё короче и короче делается. Вот что умные-то люди говорят.

К а б а н о в а. И хуже этого, милая, будет.

Ф е к л у ш а. Нам-то бы только не дожить до этого.

К а б а н о в а. Может, и доживём.

Входит Д и к о й.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и Д и к о й.

К а б а н о в а. Что это ты, кум, бродишь так поздно?

Д и к о й. А кто ж мне запретит!

К а б а н о в а. Кто запретит! Кому нужно!

Дикой. Ну и, значит, нечего разговаривать. Что я, под началом, что ль, у кого? Ты ещё что тут! Какого ещё тут чёрта водяного!..

Кабанова. Ну, ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебе дорогá! Ступай своей дорогой, куда шёл. Пойдём, Феклуша, домой. *(Встаёт.)*

Дикой. Постой, кума, постой! Не сердись. Ещё успеешь дома-то быть: дом-от твой не за горами. Вот он!

Кабанова. Коли ты за делом, так не ори, а говори толком.

Дикой. Никакого дела нет, а я хмелён, вот что!

Кабанова. Что ж ты мне теперь хвалить тебя прикажешь за это?

Дикой. Ни хвалить, ни бранить. А значит, я хмелён; ну, и кончено дело. Пока не просплюсь, уж этого дела поправить нельзя.

Кабанова. Так ступай, спи!

Дикой. Куда же это я пойду?

Кабанова. Домой. А то куда же!

Дикой. А коли я не хочу домой-то?

Кабанова. Отчего же это, позволь тебя спросить?

Дикой. А потому что у меня там война идёт.

Кабанова. Да кому ж там воевать-то? Ведь ты один только там воин-то и есть.

Дикой. Ну так что ж, что я воин? Ну, что ж из этого?

Кабанова. Что? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то ты всю жизнь с бабами. Вот что.

Дикой. Ну, значит, они и должны мне покоряться. А то я, что ли, покоряться стану!

Кабанова. Уж немало я дивлюсь на тебя: столько у тебя народу в доме, а на тебя на одного угодить не могут.

Дикой. Вот поди ж ты!

Кабанова. Ну, что ж тебе нужно от меня?

Дикой. А вот что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло. Ты только одна во всём городе и умеешь меня разговорить.

Кабанова. Поди, Феклуша, вели приготовить закусить что-нибудь.

Феклуша уходит.

Пойдём в покои!

Дикой. Нет, я в покои не пойду, в покоях я хуже.

Кабанова. Чем же тебя рассердили-то?

Дикой. Ещё с утра с самого.

К а б а н о в а. Должно быть, денег просили.

Д и к о й. Точно сговорились, проклятые; то тот, то другой целый день пристают.

К а б а н о в а. Должно быть, надо, коли пристают.

Д и к о й. Понимаю я это; да что ж ты мне прикажешь с собой делать, когда у меня сердце такое! Ведь уж знаю, что надо отдать, а всё добром не могу. Друг ты мне, и я тебе должен отдать, а приди ты у меня просить — обругаю. Я отдать отдам, а обругаю. Потому — только заикнись мне о деньгах, у меня всю нутренную разжигать станет; всю нутренную вот разжигает, да и только; ну, и в те поры ни за что обругаю человека.

К а б а н о в а. Нет над тобой старших, вот ты и куражишься.

Д и к о й. Нет, ты, кума, молчи! Ты слушай! Вот какие со мной истории бывали. О посту как-то, о Великом, я говел, а тут нелёгкая и подсунь мужичонка: за деньгами пришёл, дрова возил. И принесло ж его на грех-то в такое время! Согрешил-таки: изругал, так изругал, что лучше требовать нельзя, чуть не прибил. Вот оно, какое сердце-то у меня! После прощенья просил, в ноги ему кланялся, право, так. Истинно тебе говорю, мужику в ноги кланялся. Вот до чего меня сердце доводит: тут на дворе, в грязи ему и кланялся; при всех ему кланялся.

К а б а н о в а. А зачем ты нарочно-то себя в сердце приводишь? Это, кум, нехорошо.

Д и к о й. Как так нарочно?

К а б а н о в а. Я видала, я знаю. Ты коли видишь, что просить у тебя чего-нибудь хотят, ты возьмёшь да нарочно из своих на кого-нибудь и накинешься, чтобы рассердиться; потому что ты знаешь, что к тебе сердитому никто уж не подойдёт. Вот что, кум!

Д и к о й. Ну, что ж такое? Кому своего добра не жалко!

Г л а ш а входит.

Г л а ш а. Марфа Игнатьевна, закусить поставлено, пожалуйте!

К а б а н о в а. Что ж, кум, зайди! Закуси чем Бог послал!

Д и к о й. Пожалуй.

К а б а н о в а. Милости просим! *(Пропускает вперёд Дикого и уходит за ним.)*

Глаша, сложа руки, стоит у ворот.

Г л а ш а. Никак Борис Григорьич идёт. Уж не за дядей ли? Аль так гуляет? Должно, так гуляет.

Входит Б о р и с.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Глаша, Борис, потом Кулигин.

Борис. Не у вас ли дядя?

Глаша. У нас. Тебе нужно, что ль, его?

Борис. Послали из дому узнать, где он. А коли у вас, так пусть сидит: кому его нужно. Дома-то рады-радёхоньки, что ушёл.

Глаша. Нашей бы хозяйке за ним быть, она б его скоро прекратила. Что ж я, дура, стою-то с тобой! Прощай! *(Уходит.)*

Борис. Ах ты, господи! Хоть бы одним глазком взглянуть на неё! В дом войти нельзя; здесь незваные не ходят. Вот жизнь-то! Живём в одном городе, почти рядом, а увидишься раз в неделю, и то в церкви, либо на дороге, вот и всё! Здесь что вышла замуж, что схоронили — всё равно. *(Молчание.)* Уж совсем бы мне её не видать: легче бы было! А то видишь урывками, да ещё при людях; во сто глаз на тебя смотрят. Только сердце надрывается. Да и с собой-то не сладишь никак. Пойдёшь гулять, а очутишься всегда здесь у ворот. И зачем я хожу сюда? Видеть её никогда нельзя, а ещё, пожалуй, разговор какой выдет, её-то в беду введёшь. Ну, попал я в городок! *(Идёт, ему навстречу Кулигин.)*

Кулигин. Что, сударь? Гулять изволите?

Борис. Да, так гуляю себе, погода очень хороша нынче.

Кулигин. Очень хорошо, сударь, гулять теперь. Тишина, воздух отличный, из-за Волги с лугов цветами пахнет, небо чистое…

Открылась бездна, звезд полна,
Звездам числа нет, бездне — дна.

Пойдёмте, сударь, на бульвар, ни души там нет.

Борис. Пойдёмте!

Кулигин. Вот какой, сударь, у нас городишко! Бульвар сделали, а не гуляют. Гуляют только по праздникам, и то один вид делают, что гуляют, а сами ходят туда наряды показывать. Только пьяного приказного и встретишь, из трактира домой плетётся. Бедным гулять, сударь, некогда, у них день и ночь работа. И спят-то всего часа три в сутки. А богатые-то что делают? Ну, что бы, кажется, им не гулять, не дышать свежим воздухом? Так нет. У всех давно ворота, сударь, заперты и собаки спущены. Вы думаете, они дело делают либо Богу молятся? Нет, сударь. И не от воров они запираются, а чтоб люди не видали, как они своих домашних едят поедом да семью тиранят.

И что слёз льётся за этими запорами, невидимых и неслышимых! Да что вам говорить, сударь! По себе можете судить. И что, сударь, за этими замками разврату тёмного да пьянства! И всё шито да крыто — никто ничего не видит и не знает, видит только один Бог! Ты, говорит, смотри в людях меня да на улице, а до семьи моей тебе дела нет; на это, говорит, у меня есть замки, да запоры, да собаки злые. Семья, говорит, дело тайное, секретное! Знаем мы эти секреты-то! От этих секретов-то, сударь, ему только одному весело, а остальные — волком воют. Да и что за секрет? Кто его не знает! Ограбить сирот, родственников, племянников, заколотить домашних так, чтобы ни об чём, что он там творит, пикнуть не смели. Вот и весь секрет. Ну, да бог с ними! А знаете, сударь, кто у нас гуляет? Молодые парни да девушки. Так эти у сна воруют часик-другой, ну и гуляют парочками. Да вот пара!

Показываются Кудряш и Варвара. Целуются.

Борис. Целуются.

Кулигин. Это у нас нужды нет.

Кудряш уходит, а Варвара подходит к своим воротам и манит Бориса. Он подходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Борис, Кулигин и Варвара.

Кулигин. Я, сударь, на бульвар пойду. Что вам мешать-то? Там и подожду.

Борис. Хорошо, я сейчас приду.

Кулигин уходит.

Варвара *(закрываясь платком)*. Знаешь овраг за Кабановым садом?

Борис. Знаю.

Варвара. Приходи туда ужо попозже.

Борис. Зачем?

Варвара. Какой ты глупый! Приходи, там увидишь зачем. Ну, ступай скорей, тебя дожидаются.

Борис уходит.

Не узнал ведь! Пущай теперь подумает. А ужотка я знаю, что Катерина не утерпит, выскочит. *(Уходит в ворота.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

Ночь. Овраг, покрытый кустами; наверху забор сада Кабановых и калитка; сверху тропинка.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кудряш *(входит с гитарой)*. Нет никого. Что ж это она там! Ну, посидим да подождём. *(Садится на камень.)* Да со скуки песенку споём. *(Поёт.)*

Как донской-то казак, казак вёл коня поить,
Добрый молодец, уж он у ворот стоит.
У ворот стоит, сам он думу думает,
Думу думает, как будет жену губить.
Как жена-то, жена мужу возмолилася,
Во скоры́-то ноги ему поклонилася:
Уж ты, батюшка, ты ли мил сердечный друг!
Ты не бей, не губи ты меня со вечера!
Ты убей, загуби меня со полуночи!
Дай уснуть моим малым детушкам,
Малым детушкам, всем ближним соседушкам.

Входит Борис.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Кудряш и Борис.

Кудряш *(перестаёт петь)*. Ишь ты! Смирен, смирен, а тоже в разгул пошёл.

Борис. Кудряш, это ты?

Кудряш. Я, Борис Григорьич!

Борис. Зачем это ты здесь?

Кудряш. Я-то? Стало быть, мне нужно, Борис Григорьич, коли я здесь. Без надобности б не пошёл. Вас куда бог несёт?

Борис *(оглядывая местность)*. Вот что, Кудряш, мне бы нужно здесь остаться, а тебе ведь, я думаю, всё равно, ты можешь идти и в другое место.

Кудряш. Нет, Борис Григорьич, вы, я вижу, здесь ещё в первый раз, а у меня уж тут место насиженное, и дорожка-то мной протоптана. Я вас люблю, сударь, и на всякую вам услугу готов, а на этой дорожке вы со мной ночью не встречайтесь, чтобы, сохрани господи, греха какого не вышло. Уговор лучше денег.

Б о р и с. Что с тобой, Ваня?

К у д р я ш. Да что: Ваня! Я знаю, что я Ваня. А вы идите своей дорогой, вот и всё. Заведи себе сам, да и гуляй себе с ней, и никому до тебя дела нет. А чужих не трогай! У нас так не водится, а то парни ноги переломают. Я за свою… да я и не знаю, что сделаю! Горло перерву!

Б о р и с. Напрасно ты сердишься; у меня и на уме-то нет отбивать у тебя. Я бы и не пришёл сюда, кабы мне не велели.

К у д р я ш. Кто ж велел?

Б о р и с. Я не разобрал, темно было. Девушка какая-то остановила меня на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришёл, сзади сада Кабановых, где тропинка.

К у д р я ш. Кто ж бы это такая?

Б о р и с. Послушай, Кудряш. Можно с тобой поговорить по душе, ты не разболтаешь?

К у д р я ш. Говорите, не бойтесь! У меня всё одно, что умерло.

Б о р и с. Я здесь ничего не знаю, ни порядков ваших, ни обычаев; а дело-то такое…

К у д р я ш. Полюбили, что ль, кого?

Б о р и с. Да, Кудряш.

К у д р я ш. Ну, что ж, это ничего. У нас насчёт этого слободно. Девки гуляют себе, как хотят, отцу с матерью и дела нет. Только бабы взаперти сидят.

Б о р и с. То-то и горе моё.

К у д р я ш. Так неужто ж замужнюю полюбили?

Б о р и с. Замужнюю, Кудряш.

К у д р я ш. Эх, Борис Григорьич, бросить надоть!

Б о р и с. Легко сказать — бросить! Тебе это, может быть, всё равно; ты одну бросишь, а другую найдёшь. А я не могу этого! Уж я коли полюбил…

К у д р я ш. Ведь это, значит, вы её совсем загубить хотите, Борис Григорьич!

Б о р и с. Сохрани господи! Сохрани меня господи! Нет, Кудряш, как можно. Захочу ли я её погубить! Мне только бы видеть её где-нибудь, мне больше ничего не надо.

К у д р я ш. Как, сударь, за себя поручиться! А ведь здесь какой народ! Сами знаете. Съедят, в гроб вколотят.

Б о р и с. Ах, не говори этого, Кудряш, пожалуйста, не пугай ты меня!

К у д р я ш. А она-то вас любит?

Б о р и с. Не знаю.

К у д р я ш. Да вы видались когда аль нет?

Б о р и с. Я один раз только и был у них с дядей. А то в церкви вижу, на бульваре встречаемся. Ах, Кудряш, как она молится, кабы ты посмотрел! Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится.

К у д р я ш. Так это молодая Кабанова, что ль?

Б о р и с. Она, Кудряш.

К у д р я ш. Да! Так вот оно что! Ну, честь имеем проздравить!

Б о р и с. С чем?

К у д р я ш. Да как же! Значит, у вас дело на лад идёт, коли сюда приходить велели.

Б о р и с. Так неужто она велела?

К у д р я ш. А то кто же?

Б о р и с. Нет, ты шутишь! Этого быть не может. *(Хватается за голову.)*

К у д р я ш. Что с вами?

Б о р и с. Я с ума сойду от радости.

К у д р я ш. Вота! Есть от чего с ума сходить! Только вы смотрите — себе хлопот не наделайте, да и её-то в беду не введите! Положим, хоть у неё муж и дурак, да свекровь-то больно люта.

В а р в а р а выходит из калитки.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т е ж е и В а р в а р а, потом К а т е р и н а.

В а р в а р а *(у калитки поёт).*

За рекою, за быстрою, мой Ваня гуляет.
Там мой Ванюшка гуляет…

К у д р я ш *(продолжает).*

Товар закупает.

(Свищет.)

В а р в а р а *(сходит по тропинке и, закрыв лицо платком, подходит к Борису).* Ты, парень, подожди. Дождёшься чего-нибудь. *(Кудряшу.)* Пойдём на Волгу.

К у д р я ш. Ты что ж так долго? Ждать вас ещё! Знаешь, что не люблю!

В а р в а р а обнимает его одной рукой и уходят.

Б о р и с. Точно я сон какой вижу! Эта ночь, песни, свиданья! Ходят обнявшись. Это так ново для меня, так хорошо, так весело! Вот и я жду чего-то! А чего жду — и не знаю, и вообразить не могу; только бьётся сердце да дрожит каждая жилка. Не могу даже и придумать теперь, что сказать-то ей, дух захватывает, подгибаются колени! Вот какое у меня сердце глупое, раскипится вдруг, ничем не унять. Вот идёт.

К а т е р и н а тихо сходит по тропинке, покрытая большим белым платком, потупив глаза в землю. Молчание.

Это вы, Катерина Петровна?

Молчание.

Уж как мне благодарить вас, я и не знаю.

Молчание.

Кабы вы знали, Катерина Петровна, как я люблю вас! *(Хочет взять её за руку.)*

К а т е р и н а *(с испугом, но не подымая глаз)*. Не трогай, не трогай меня! Ах, ах!

Б о р и с. Не сердитесь!

К а т е р и н а. Поди от меня! Поди прочь, окаянный человек! Ты знаешь ли: ведь мне не замолить этого греха, не замолить никогда! Ведь он камнем ляжет на душу, камнем.

Б о р и с. Не гоните меня!

К а т е р и н а. Зачем ты пришёл? Зачем ты пришёл, погубитель мой? Ведь я замужем, ведь мне с мужем жить до гробовой доски, до гробовой доски...

Б о р и с. Вы сами велели мне прийти...

К а т е р и н а. Да пойми ты меня, враг ты мой: ведь до гробовой доски!

Б о р и с. Лучше б мне не видать вас!

К а т е р и н а *(с волнением)*. Ведь что я себе готовлю? Где мне место-то, знаешь ли?

Б о р и с. Успокойтесь! *(Берёт её за руку.)* Сядьте!

К а т е р и н а. Зачем ты моей погибели хочешь?

Б о р и с. Как же я могу хотеть вашей погибели, когда люблю вас больше всего на свете, больше самого себя!

К а т е р и н а. Нет, нет! Ты меня загубил!

Б о р и с. Разве я злодей какой?

Катерина *(качая головой).* Загубил, загубил, загубил!

Борис. Сохрани меня бог! Пусть лучше я сам погибну!

Катерина. Ну, как же ты не загубил меня, коли я, бросивши дом, ночью иду к тебе.

Борис. Ваша воля была на то.

Катерина. Нет у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я к тебе. *(Поднимает глаза и смотрит на Бориса.)*

Небольшое молчание.

Твоя теперь воля надо мной, разве ты не видишь! *(Кидается к нему на шею.)*

Борис *(обнимает Катерину).* Жизнь моя!

Катерина. Знаешь что? Теперь мне умереть вдруг захотелось!

Борис. Зачем умирать, коли нам жить так хорошо?

Катерина. Нет, мне не жить! Уж я знаю, что не жить.

Борис. Не говори, пожалуйста, таких слов, не печаль меня...

Катерина. Да, тебе хорошо, ты вольный казак, а я!..

Борис. Никто и не узнает про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалею!

Катерина. Э! Что меня жалеть, никто не виноват,— сама на то пошла. Не жалей, губи меня! Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю! *(Обнимает Бориса.)* Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда? Говорят, даже легче бывает, когда за какой-нибудь грех здесь, на земле, натерпишься.

Борис. Ну, что об этом думать, благо нам теперь-то хорошо!

Катерина. И то! Надуматься-то да наплакаться-то ещё успею на досуге.

Борис. А я было испугался, я думал, ты меня прогонишь.

Катерина *(улыбаясь).* Прогнать! Где уж! С нашим ли сердцем! Кабы ты не пришёл, так я, кажется, сама бы к тебе пришла.

Борис. Я и не знал, что ты меня любишь.

Катерина. Давно люблю. Словно на грех ты к нам приехал. Как увидела тебя, так уж не своя стала. С первого же раза, кажется, кабы ты поманил меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край света, я бы всё шла за тобой и не оглянулась бы.

Борис. Надолго ль муж-то уехал?

Катерина. На две недели.

Борис. О, так мы погуляем! Время-то довольно.

Катерина. Погуляем. А там... *(Задумывается.)* Как запрут на замок, вот смерть! А не запрут, так уж найду случай повидаться с тобой!

Входят Кудряш и Варвара.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же, Кудряш и Варвара.

Варвара. Ну, что, сладили?

Катерина прячет лицо у Бориса на груди.

Борис. Сладили.

Варвара. Пошли бы, погуляли, а мы подождём. Когда нужно будет, Ваня крикнет.

Борис и Катерина уходят. Кудряш и Варвара садятся на камень.

Кудряш. А это вы важную штуку придумали, в садовую калитку лазить. Оно для нашего брата оченно способно.

Варвара. Всё я.

Кудряш. Уж тебя взять на это. А мать-то не хватится?..

Варвара. Э! Куда ей! Ей и в лоб-то не влетит.

Кудряш. А ну, на грех?

Варвара. У неё первый сон крепок; вот к утру, так просыпается.

Кудряш. Да ведь как знать! Вдруг её нелёгкая поднимет.

Варвара. Ну, так что ж! У нас калитка-то, которая со двора, изнутри заперта, из саду; постучит, постучит, да так и пойдёт. А поутру мы скажем, что крепко спали, не слыхали. Да и Глаша стережёт; чуть что, она сейчас голос подаст. Без опаски нельзя! Как же можно! Того гляди в беду попадёшь.

Кудряш берёт несколько аккордов на гитаре. Варвара прилегает к плечу Кудряша, который, не обращая внимания, тихо играет.

Варвара *(зевая)*. Как бы это узнать, который час?

Кудряш. Первый.

Варвара. Почём ты знаешь?

Кудряш. Сторож в доску бил.

Варвара *(зевая)*. Пора. Покричи-ка. Завтра мы пораньше выдем, так побольше погуляем.

Кудряш *(свищет и громко запевает).*

Все домой, все домой!
А я домой не хочу.

Борис *(за сценой).* Слышу!

Варвара *(встаёт).* Ну, прощай! *(Зевает, потом целует холодно, как давно знакомого.)* Завтра, смотрите, приходите пораньше! *(Смотрит в ту сторону, куда пошли Борис и Катерина.)* Будет вам прощаться-то, не навек расстаётесь, завтра увидитесь. *(Зевает и потягивается.)*

Вбегает Катерина, за ней Борис.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кудряш, Варвара, Борис и Катерина.

Катерина *(Варваре).* Ну, пойдём, пойдём!

Всходят по тропинке. Катерина оборачивается.

Прощай!

Борис. До завтра!

Катерина. Да, до завтра! Что во сне увидишь, скажи!

Подходят к калитке.

Борис. Непременно.

Кудряш *(поёт под гитару).*

Гуляй, млада, до поры,
До вечерней до зари!
Ай-лёли, до поры,
До вечерней до зари.

Варвара *(у калитки).*

А я, млада, до поры,
До утренней до зари,
Ай-лёли, до поры,
До утренней до зари!

Уходят.

Кудряш.

Как зорюшка занялась,
А я домой поднялась... *(и т. д.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

На первом плане узкая галерея со сводами старинной, начинающей разрушаться постройки; кой-где трава и кусты; за арками берег и вид на Волгу.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Несколько гуляющих обоего пола проходят за арками.

1 - й. Дождь накрапает, как бы гроза не собралась?

2 - й. Гляди, сберётся.

1 - й. Ещё хорошо, что есть где схорониться.

Входят все под своды.

Женщина. А что народу-то гуляет на бульваре! День праздничный, все повышли. Купчихи такие разряженные.

1 - й. Попрячутся куда-нибудь.

2 - й. Гляди, что теперь народу сюда набьётся!

1 - й *(осматривая стены)*. А ведь тут, братец ты мой, когда-нибудь, значит, расписано было. И теперь ещё местами означает.

2 - й. Ну да, как же! Само собой, что расписано было. Теперь, ишь ты, всё впусте оставлено, развалилось, заросло. После пожару так и не поправляли. Да ты и пожару-то этого не помнишь, этому лет сорок будет.

1 - й. Что бы это такое, братец ты мой, тут нарисовано было; довольно затруднительно это понимать.

2 - й. Это геенна огненная.

1 - й. Так, братец ты мой!

2 - й. И идут туда всякого звания люди.

1 - й. Так, так, понял теперь.

2 - й. И всякого чину.

1 - й. И арапы?

2 - й. И арапы.

1 - й. А это, братец ты мой, что такое?

2 - й. А это Литовское разорение. Битвá — видишь? Как наши с Литвой бились.

1 - й. Что ж это такое Литва?

2 - й. Так она Литва и есть.

1 - й. А говорят, братец ты мой, она на нас с неба упала.

2 - й. Не умею я тебе сказать. С неба так с неба.

Ж е н щ и н а. Толкуй ещё! Все знают, что с неба; и где был какой бой с ней, там для памяти курганы насыпаны.

1 - й. А что, братец ты мой! Ведь это так точно.

Входит Д и к о й и за ним К у л и г и н без шапки. Все кланяются и принимают почтительное положение.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Д и к о й и К у л и г и н.

Д и к о й. Ишь ты, замочило всего. *(Кулигину.)* Отстань ты от меня! Отстань! *(С сердцем.)* Глупый ты человек!

К у л и г и н. Савёл Прокофьич, ведь от этого, ваше степенство, для всех вообще обывателей польза.

Д и к о й. Поди ты прочь! Какая польза! Кому нужна эта польза?

К у л и г и н. Да хоть бы для вас, ваше степенство, Савёл Прокофьич. Вот бы, сударь, на бульваре, на чистом месте, и поставить. А какой расход? Расход пустой: столбик каменный *(показывает жестами размер каждой вещи)*, дощечку медную, такую круглую, да шпильку, вот шпильку прямую *(показывает жестом)*, простую самую. Уж я всё это прилажу, и цифры вырежу уже всё сам. Теперь вы, ваше степенство, когда изволите гулять, или прочие, которые гуляющие, сейчас подойдёте и видите, который час. А то этакое место прекрасное, и вид, и всё, а как будто пусто. У нас тоже, ваше степенство, и проезжие бывают, ходят туда наши виды смотреть, всё-таки украшение,— для глаз оно приятней.

Д и к о й. Да что ты ко мне лезешь со всяким вздором! Может, я с тобой и говорить-то не хочу. Ты должен был прежде узнать, в расположении я тебя слушать, дурака, или нет. Что я тебе — равный, что ли! Ишь ты — какое дело нашёл важное! Так прямо с рылом-то и лезет разговаривать.

К у л и г и н. Кабы я со своим делом лез, ну, тогда был бы я виноват. А то я для общей пользы, ваше степенство. Ну, что значит для общества каких-нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.

Д и к о й. А может, ты украсть хочешь; кто тебя знает!

К у л и г и н. Коли я свои труды хочу даром положить, что же я могу украсть, ваше степенство! Да меня здесь все знают; про меня никто дурно не скажет.

Д и к о й. Ну, и пущай знают, а я тебя знать не хочу.

Кулигин. За что, сударь Савёл Прокофьич, честного человека обижать изволите?

Дикой. Отчёт, что ли, я стану тебе давать! Я и поважней тебя никому отчёта не даю. Хочу так думать о тебе, так и думаю. Для других ты честный человек, а я думаю, что ты разбойник, вот и всё. Хотелось тебе это слышать от меня? Так вот слушай! Говорю, что разбойник, и конец! Что ж ты, судиться, что ли, со мной будешь! Так ты знай, что ты червяк. Захочу — помилую, захочу — раздавлю.

Кулигин. Бог с вами, Савёл Прокофьич! Я, сударь, маленький человек, меня обидеть недолго. А я вам вот что доложу, ваше степенство: «И в рубище почтенна добродетель!»

Дикой. Ты у меня грубить не смей! Слышишь ты!

Кулигин. Никакой я грубости вам, сударь, не делаю; а говорю вам потому, что, может быть, вы и вздумаете когда что-нибудь для города сделать. Силы у вас, ваше степенство, много; была б только воля на доброе дело. Вот хоть бы теперь то возьмём: у нас грозы частые, а не заведём мы громовых отводов.

Дикой *(гордо)*. Всё суета!

Кулигин. Да какая же суета, когда опыты были.

Дикой. Какие такие там у тебя громовые отводы?

Кулигин. Стальные.

Дикой *(с гневом)*. Ну, ещё что?

Кулигин. Шесты стальные.

Дикой *(сердясь более и более)*. Слышал, что шесты, аспид ты этакой; да ещё-то что? Наладил: шесты! Ну, а ещё что?

Кулигин. Ничего больше.

Дикой. Да гроза-то что такое, по-твоему? А? Ну, говори!

Кулигин. Электричество.

Дикой *(топнув ногой)*. Какое ещё там елестричество! Ну как же ты не разбойник! Гроза-то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали, а ты хочешь шестами да рожнами какими-то, прости господи, обороняться. Что ты, татарин, что ли? Татарин ты? А? Говори! Татарин?

Кулигин. Савёл Прокофьич, ваше степенство, Державин сказал:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю.

Дикой. А за эти вот слова тебя к городничему отправить, так он тебе задаст! Эй, почтенные! Прислушайте-ка, что он говорит!

Кулигин. Нечего делать, надо покориться! А вот когда будет у меня миллион, тогда я поговорю. *(Махнув рукой, уходит.)*

Дикой. Что ж ты, украдёшь, что ли, у кого? Держите его! Этакой фальшивый мужичонко! С этим народом какому надо быть человеку? Я уж не знаю. *(Обращаясь к народу.)* Да вы, проклятые, хоть кого в грех введёте! Вот не хотел нынче сердиться, а он, как нарочно, рассердил-таки. Чтоб ему провалиться! *(Сердито.)* Перестал, что ль, дождик-то?

1-й. Кажется, перестал.

Дикой. Кажется! А ты, дурак, сходи да посмотри. А то: кажется.

1-й *(выйдя из-под сводов)*. Перестал!

Дикой уходит, и все за ним. Сцена несколько времени пуста. Под своды быстро входит Варвара и, притаившись, высматривает.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Варвара и потом Борис.

Варвара. Кажется, он!

Борис проходит в глубине сцены.

Сс-сс!

Борис оглядывается.

Поди сюда. *(Манит рукой.)*

Борис входит.

Что нам с Катериной-то делать? Скажи на милость!

Борис. А что?

Варвара. Беда ведь, да и только. Муж приехал, ты знаешь ли это? И не ждали его, а он приехал.

Борис. Нет, я не знал.

Варвара. Она просто сама не своя сделалась.

Борис. Видно, только я и пожил десять деньков, пока его не было. Уж теперь и не увидишь её!

Варвара. Ах ты, какой! Да ты слушай! Дрожит вся, точно её лихорадка бьёт; бледная такая, мечется по дому, точно чего ищет. Глаза как у помешанной! Давеча утром плакать принялась, так и рыдает. Батюшки мои! Что мне с ней делать?

Борис. Да, может быть, пройдёт это у неё!

Варвара. Ну, уж едва ли. На мужа не смеет глаз поднять. Маменька замечать это стала, ходит да всё на неё косится, так змеёй

и смотрит; а она от этого ещё хуже. Просто мука глядеть-то на неё! Да и боюсь я.

Б о р и с. Чего же ты боишься?

В а р в а р а. Ты её не знаешь! Она ведь чудная какая-то у нас. От неё всё станется! Таких дел наделает, что...

Б о р и с. Ах, боже мой! Что же делать-то? Ты бы с ней поговорила хорошенько. Неужели уж нельзя её уговорить?

В а р в а р а. Пробовала. И не слушает ничего. Лучше и не подходи.

Б о р и с. Ну, как же ты думаешь, что она может сделать?

В а р в а р а. А вот что: бухнет мужу в ноги, да и расскажет всё. Вот чего я боюсь.

Б о р и с *(с испугом)*. Может ли это быть!

В а р в а р а. От неё всё может быть.

Б о р и с. Где она теперь?

В а р в а р а. Сейчас с мужем на бульвар пошли, и маменька с ними. Пройди и ты, коли хочешь. Да нет, лучше не ходи, а то она, пожалуй, и вовсе растеряется.

Вдали удар грома.

Никак гроза? *(Выглядывает.)* Да и дождик. А вот и народ повалил. Спрячься там где-нибудь, а я тут на виду стану, чтоб не подумали чего.

Входят несколько лиц разного звания и пола.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Разные лица и потом Кабанова, Кабанов, Катерина и Кулигин.

1 - й. Должно быть, бабочка-то очень боится, что так торопится спрятаться.

Ж е н щ и н а. Да уж как ни прячься! Коли кому на роду написано, так никуда не уйдёшь.

К а т е р и н а *(вбегая)*. Ах! Варвара! *(Хватает её за руку и держит крепко.)*

В а р в а р а. Полно, что ты!

К а т е р и н а. Смерть моя!

В а р в а р а. Да ты одумайся! Соберись с мыслями!

К а т е р и н а. Нет! Не могу! Ничего не могу. У меня уж очень сердце болит.

Кабанова *(входя)*. То-то вот, надо жить-то так, чтобы всегда быть готовой ко всему; страху-то бы такого не было.

Кабанов. Да какие ж, маменька, у неё грехи такие могут быть особенные! Всё такие же, как и у всех у нас, а это так уж она от природы боится.

Кабанова. А ты почём знаешь? Чужая душа потёмки.

Кабанов *(шутя)*. Уж разве без меня что-нибудь, а при мне, кажись, ничего не было.

Кабанова. Может быть, и без тебя.

Кабанов *(шутя)*. Катя, кайся, брат, лучше, коли в чём грешна. Ведь от меня не скроешься; нет, шалишь! Всё узнаю!

Катерина *(смотрит в глаза Кабанову)*. Голубчик мой!

Варвара. Ну что ты пристаёшь! Разве не видишь, что ей без тебя тяжело.

Борис выходит из толпы и раскланивается с Кабановым.

Катерина *(вскрикивает)*. Ах!

Кабанов. Что ты испугалась! Ты думала, чужой? Это знакомый! Дядюшка здоров ли?

Борис. Слава богу!

Катерина *(Варваре)*. Чего ему ещё надо от меня?.. Или ему мало этого, что я так мучаюсь. *(Приклоняясь к Варваре, рыдает.)*

Варвара *(громко, чтобы мать слышала)*. Мы с ног сбились, не знаем, что делать с ней; а тут ещё посторонние лезут! *(Делает Борису знак, тот отходит к самому выходу.)*

Кулигин *(выходит на середину, обращаясь к толпе)*. Ну чего вы боитесь, скажите на милость! Каждая теперь травка, каждый цветок радуется, а мы прячемся, боимся, точно напасти какой! Гроза убьёт! Не гроза это, а благодать! Да, благодать! У вас всё гроза! Северное сияние загорится, любоваться бы надобно да дивиться премудрости: «С полночных стран встаёт заря»! А вы ужасаетесь да придумываете, к войне это или к мору. Комета ли идёт,— не отвёл бы глаз! Красота! Звёзды-то уж пригляделись, всё одни и те же, а это обновка; ну смотрел бы да любовался! А вы боитесь и взглянуть-то на небо, дрожь вас берёт! Изо всего-то вы себе пугал наделали. Эх, народ! Я вот не боюсь. Пойдёмте, сударь!

Борис. Пойдёмте! Здесь страшнее!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, без Бориса и Кулигина.

Кабанова. Ишь, какие рацеи развёл! Есть что послушать, уж нечего сказать! Вот времена-то пришли, какие-то учители появились. Коли старик так рассуждает, чего уж от молодых-то требовать!

Женщина. Ну, всё небо обложило. Ровно шапкой, так и накрыло.

1-й. Эко, братец ты мой, точно клубком туча-то вьётся, ровно что в ней там живое ворочается. А так на нас и ползёт, так и ползёт, как живая.

2-й. Уж ты помяни моё слово, что эта гроза даром не пройдёт. Верно тебе говорю: потому знаю. Либо уж убьёт кого-нибудь, либо дом сгорит; вот увидишь: потому, смотри, какой цвет необнакновенный!

Катерина *(прислушиваясь)*. Что они говорят? Они говорят, что убьёт кого-нибудь.

Кабанов. Известно, так городят зря, что в голову придёт.

Кабанова. Ты не осуждай постарше себя! Они больше твоего знают. У старых людей на всё приметы есть. Старый человек на ветер слова не скажет.

Катерина *(мужу)*. Тиша, я знаю, кого убьёт.

Варвара *(Катерине тихо)*. Ты уж хоть молчи-то!

Кабанов. Ты почём знаешь?

Катерина. Меня убьёт. Молитесь тогда за меня!

Входит барыня с лакеями. Катерина с криком прячется.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и барыня.

Барыня. Что прячешься! Нечего прятаться! Видно, боишься: умирать-то не хочется! Пожить хочется! Как не хотеться! Видишь, какая красавица! Ха-ха-ха! Красота! А ты молись Богу, чтоб отнял красоту-то! Красота-то ведь погибель наша! Себя погубишь, людей соблазнишь, вот тогда и радуйся красоте-то своей. Много, много народу в грех введёшь! Вертопрахи на поединки выходят, шпагами колят друг друга. Весело! Старики старые, благочестивые, об смерти забывают, соблазняются на красоту-то! А кто отвечать будет? За всё тебе отвечать придётся. В омут лучше с красотой-то! Да скорей, скорей!

Катерина прячется.

Куда прячешься, глупая! От Бога-то не уйдёшь!

Удар грома.

Все в огне гореть будете в неугасимом! *(Уходит.)*

Катерина. Ах! Умираю!

Варвара. Что ты мучаешься-то, в самом деле! Стань к сторонке да помолись — легче будет.

Катерина *(подходит к стене и опускается на колени, потом быстро вскакивает).* Ах! Ад! Ад! Геенна огненная!

Кабанов, Кабанова и Варвара окружают её.

Всё сердце изорвалось! Не могу я больше терпеть! Матушка! Тихон! Грешна я перед Богом и перед вами! Не я ли клялась тебе, что и не взгляну ни на кого без тебя! Помнишь, помнишь! А знаешь ли, что я, беспутная, без тебя делала! В первую же ночь я ушла из дому...

Кабанов *(растерявшись, в слезах, дёргает её за рукав).* Не надо, не надо, не говори! Что ты! Матушка здесь!

Кабанова *(строго).* Ну, ну, говори, коли уж начала.

Катерина. И все-то десять ночей я гуляла... *(Рыдает.)*

Кабанов хочет обнять её.

Кабанова. Брось её! С кем?

Варвара. Врёт она, она сама не знает, что говорит.

Кабанова. Молчи ты! Вот оно что! Ну, с кем же?

Катерина. С Борисом Григорьевичем.

Удар грома.

Ах! *(Падает без чувств на руки мужа.)*

Кабанова. Что, сынок! Куда воля-то ведёт! Говорила я, так ты слушать не хотел. Вот и дождался!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Декорация первого действия. Сумерки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кулигин сидит на лавочке. Кабанов идёт по бульвару.

Кулигин *(поёт).*

Ночною темнотою покрылись небеса,
Все люди для покою закрыли уж глаза *(и проч.).*

(Увидав Кабанова.) Здравствуйте, сударь! Далеко ли изволите?

К а б а н о в. Домой. Слышал, братец, дела-то наши? Вся, братец, семья в расстройство пришла.

К у л и г и н. Слышал, слышал, сударь.

К а б а н о в. Я в Москву ездил, ты знаешь? На дорогу-то маменька читала, читала мне наставления-то, а я как выехал, так загулял. Уж очень рад, что на волю-то вырвался. И всю дорогу пил, и в Москве всё пил, так это кучу́, что на́-поди! Так, чтобы уж на целый год отгуляться. Ни разу про дом-то и не вспомнил. Да хоть бы и вспомнил-то, так мне бы и в ум не пришло, что тут делается. Слышал?

К у л и г и н. Слышал, сударь.

К а б а н о в. Несчастный я теперь, братец, человек! Так ни за что погибаю, ни за грош!

К у л и г и н. Маменька-то у вас больно крута.

К а б а н о в. Ну да. Она-то всему и причина. А я за что погибаю, скажи ты мне на милость? Я вот зашёл к Дикому, ну, выпили; думал — легче будет, нет, хуже, Кулигин! Уж что жена против меня сделала! Уж хуже нельзя...

К у л и г и н. Мудрёное дело, сударь. Мудрено вас судить.

К а б а н о в. Нет, постой! Уж на что ещё хуже этого. Убить её за это мало. Вот маменька говорит — её надо живую в землю закопать, чтоб она казнилась! А я её люблю, мне её жаль пальцем тронуть. Побил немножко, да и то маменька приказала. Жаль мне смотреть-то на неё, пойми ты это, Кулигин. Маменька её поедом ест, а она как тень какая ходит, безответная. Только плачет да тает как воск. Вот я и убиваюсь, глядя на неё.

К у л и г и н. Как бы нибудь, сударь, ладком дело-то сделать! Вы бы простили ей да и не поминали никогда. Сами-то, чай, тоже не без греха!

К а б а н о в. Уж что говорить!

К у л и г и н. Да уж так, чтоб и под пьяную руку не попрекать! Она бы вам, сударь, была хорошая жена; гляди — лучше всякой.

К а б а н о в. Да пойми ты, Кулигин: я-то бы ничего, а маменька-то... разве с ней сговоришь!..

К у л и г и н. Пора бы уж вам, сударь, своим умом жить.

К а б а н о в. Что ж мне, разорваться, что ли! Нет, говорят, своего-то ума. И, значит, живи век чужим. Я вот возьму да и последний-то, какой есть, пропью; пусть маменька тогда со мной, как с дураком, и нянчится.

Кулигин. Эх, сударь! Дела, дела! Ну, а Борис-то Григорьевич, сударь, что?

Кабанов. А его, подлеца, в Тяхту, к китайцам. Дядя к знакомому купцу какому-то посылает туда на контору. На три года его туды.

Кулигин. Ну, что же он, сударь?

Кабанов. Мечется тоже; плачет. Накинулись мы давеча на него с дядей, уж ругали, ругали — молчит. Точно дикий какой сделался. Со мной, говорит, что хотите, делайте, только её не мучьте! И он к ней тоже жалость имеет.

Кулигин. Хороший он человек, сударь.

Кабанов. Собрался совсем, и лошади уж готовы. Так тоскует, беда! Уж я вижу, что это ему проститься хочется. Ну, да мало ли чего! Будет с него. Враг ведь он мне, Кулигин! Расказнить его надобно на части, чтобы знал...

Кулигин. Врагам-то прощать надо, сударь!

Кабанов. Поди-ка, поговори с маменькой, что она тебе на это скажет. Так, братец Кулигин, всё наше семейство теперь врозь расшиблось. Не то что родные, а точно вороги друг другу. Варвару маменька точила-точила, а та не стерпела, да и была такова,— взяла да и ушла.

Кулигин. Куда ушла?

Кабанов. Кто её знает. Говорят, с Кудряшом с Ванькой убежала, и того также нигде не найдут. Уж это, Кулигин, надо прямо сказать, что от маменьки; потому стала её тиранить и на замок запирать. «Не запирайте, говорит, хуже будет!» Вот так и вышло. Что ж мне теперь делать, скажи ты мне! Научи ты меня, как мне жить теперь! Дом мне опостылел, людей совестно, за дело возьмусь — руки отваливаются. Вот теперь домой иду; на радость, что ль, иду?

Входит Глаша.

Глаша. Тихон Иваныч, батюшка!

Кабанов. Что ещё?

Глаша. Дома у нас нездорово, батюшка!

Кабанов. Господи! Так уж одно к одному! Говори, что там такое?

Глаша. Да хозяюшка ваша...

Кабанов. Ну, что ж? Умерла, что ль?

Глаша. Нет, батюшка; ушла куда-то, не найдём нигде. Сбились с ног, искамши.

К а б а н о в. Кулигин, надо, брат, бежать, искать её. Я, братец, знаешь, чего боюсь? Как бы она с тоски-то на себя руки не наложила! Уж так тоскует, так тоскует, что ах! На неё-то глядя, сердце рвётся. Чего ж вы смотрели-то? Давно ль она ушла-то?

Г л а ш а. Недавнушко, батюшка! Уж наш грех, недоглядели. Да и то сказать: на всякий час не остережёшься.

К а б а н о в. Ну, что стоишь-то, беги!

Г л а ш а уходит.

И мы пойдём, Кулигин!

Уходят.

Сцена несколько времени пуста. С противоположной стороны выходит К а т е р и н а и тихо идёт по сцене.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К а т е р и н а *(одна)*[1]. Нет, нигде нет! Что-то он теперь, бедный, делает? Мне бы только проститься с ним, а там... а там хоть умирать. За что я его в беду ввела? Ведь мне не легче от этого! Погибать бы мне одной! А то себя погубила, его погубила, себе бесчестье, ему вечный покор! Да! Себе бесчестье, ему вечный покор. *(Молчание.)* Вспомнить бы мне, что он говорил-то? Как он жалел-то меня? Какие слова-то говорил? *(Берёт себя за голову.)* Не помню, всё забыла. Ночи, ночи мне тяжелы! Все пойдут спать, и я пойду; всем ничего, а мне как в могилу. Так страшно в потёмках! Шум какой-то сделается, и поют, точно кого хоронят; только так тихо, чуть слышно, далеко, далеко от меня... Свету-то так рада сделаешься! А вставать не хочется, опять те же люди, те же разговоры, та же мука. Зачем они так смотрят на меня? Отчего это нынче не убивают? Зачем так сделали? Прежде, говорят, убивали. Взяли бы, да и бросили меня в Волгу; я бы рада была. «Казнить-то тебя, говорят, так с тебя грех снимется, а ты живи да мучайся своим грехом». Да уж измучилась я! Долго ль ещё мне мучиться!.. Для чего мне теперь жить, ну для чего? Ничего мне не надо, ничего мне не мило, и свет Божий не мил! А смерть не приходит. Ты её кличешь, а она не приходит. Что ни увижу, что ни услышу, только тут *(показывая на сердце)* больно. Ещё кабы с ним жить, может быть, радость бы какую-нибудь я и видела... Что ж: уж всё равно, уж душу свою я ведь погубила. Как мне по нём скучно!

[1] Весь монолог и все следующие сцены говорит, растягивая и повторяя слова, задумчиво и как будто в забытьи.— *Примеч. А. Н. Островского.*

Ах, как мне по нём скучно! Уж коли не увижу я тебя, так хоть услышь ты меня издали! Ветры буйные, перенесите вы ему мою печаль-тоску! Батюшки, скучно мне, скучно! *(Подходит к берегу и громко, во весь голос.)* Радость моя! Жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись! *(Плачет.)*

Входит Борис.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Катерина и Борис.

Борис *(не видя Катерины).* Боже мой! Ведь это её голос! Где же она? *(Оглядывается.)*

Катерина *(подбегает к нему и кидается на шею).* Увидела-таки я тебя! *(Плачет на груди у него.)*

Молчание.

Борис. Ну, вот и поплакали вместе, привёл бог.

Катерина. Ты не забыл меня?

Борис. Как забыть, что ты!

Катерина. Ах, нет, не то, не то! Ты не сердишься?

Борис. За что мне сердиться?

Катерина. Ну, прости меня. Не хотела я тебе зла сделать; да в себе не вольна была. Что говорила, что делала, себя не помнила.

Борис. Полно, что ты! Что ты!

Катерина. Ну, как же ты? Теперь-то ты как?

Борис. Еду.

Катерина. Куда едешь?

Борис. Далеко, Катя, в Сибирь.

Катерина. Возьми меня с собой отсюда!

Борис. Нельзя мне, Катя. Не по своей я воле еду: дядя посылает, уж и лошади готовы; я только отпросился у дяди на минуточку, хотел хоть с местом-то тем проститься, где мы с тобой виделись.

Катерина. Поезжай с богом! Не тужи обо мне. Сначала только разве скучно будет тебе, бедному, а там и позабудешь.

Борис. Что обо мне-то толковать! Я вольная птица. Ты-то как? Что свекровь-то?

Катерина. Мучает меня, запирает. Всем говорит и мужу говорит: «Не верьте ей, она хитрая». Все и ходят за мной целый день и смеются мне прямо в глаза. На каждом слове всё тобой попрекают.

Борис. А муж-то?

Катерина. То ласков, то сердится, да пьёт всё. Да постыл он мне, постыл, ласка-то его мне хуже побоев.

Борис. Тяжело тебе, Катя!

Катерина. Уж так тяжело, так тяжело, что умереть легче!

Борис. Кто ж это знал, что нам за любовь нашу так мучиться с тобой! Лучше б бежать мне тогда!

Катерина. На беду я увидела тебя. Радости видела мало, а горя-то, горя-то что! Да ещё впереди-то сколько! Ну, да что думать о том, что будет! Вот я теперь тебя видела, этого они у меня не отымут; а больше мне ничего не надо. Только ведь мне и нужно было, увидать тебя. Вот мне теперь гораздо легче сделалось; точно гора с плеч свалилась. А я всё думала, что ты на меня сердишься, проклинаешь меня...

Борис. Что ты, что ты!

Катерина. Да нет, всё не то я говорю; не то я хотела сказать! Скучно мне было по тебе, вот что; ну, вот я тебя увидала.

Борис. Не застали б нас здесь!

Катерина. Постой, постой! Что-то я тебе хотела сказать! Вот забыла! Что-то нужно было сказать! В голове-то всё путается, не вспомню ничего.

Борис. Время мне, Катя!

Катерина. Погоди, погоди!

Борис. Ну, что же ты сказать-то хотела?

Катерина. Сейчас скажу. *(Подумав.)* Да! Поедешь ты дорогой, ни одного ты нищего так не пропускай, всякому подай, да прикажи, чтоб молились за мою грешную душу.

Борис. Ах, кабы знали эти люди, каково мне прощаться с тобой! Боже мой! Дай бог, чтоб им когда-нибудь так же сладко было, как мне теперь. Прощай, Катя! *(Обнимает её и хочет уйти.)* Злодеи вы! Изверги! Эх, кабы сила!

Катерина. Постой, постой! Дай мне поглядеть на тебя в последний раз. *(Смотрит ему в глаза.)* Ну, будет с меня! Теперь бог с тобой, поезжай. Ступай, скорее, ступай!

Борис *(отходит несколько шагов и останавливается)*. Катя, нехорошо что-то! Не задумала ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебе.

Катерина. Ничего, ничего! Поезжай с богом!

Борис хочет подойти к ней.

Не надо, не надо, довольно!

Борис *(рыдая)*. Ну, бог с тобой! Только одного и надо у Бога просить, чтоб она умерла поскорее, чтобы ей не мучиться долго! Прощай! *(Кланяется.)*

Катерина. Прощай!

Борис уходит. Катерина провожает его глазами и стоит несколько времени задумавшись.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Катерина *(одна)*. Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу — всё равно. Да, что домой, что в могилу!.. Что в могилу! В могиле лучше... Под деревцем могилушка... как хорошо!.. Солнышко её греет, дождичком её мочит... весной на ней травка вырастет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: жёлтенькие, красненькие, голубенькие... всякие *(задумывается)*, всякие... Так тихо, так хорошо! Мне как будто легче! А об жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо... нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду! Придёшь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это! Ах, темно стало! И опять поют где-то! Что поют? Не разберёшь... Умереть бы теперь... Что поют? Всё равно, что смерть придёт, что сама... а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться... Руки крест-накрест складывают... в гробу! Да, так... я вспомнила. А поймают меня, да воротят домой насильно... Ах, скорей, скорей! *(Подходит к берегу. Громко.)* Друг мой! Радость моя! Прощай! *(Уходит.)*

Входят Кабанова, Кабанов, Кулигин и работник с фонарём.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Кабанов, Кабанова и Кулигин.

Кулигин. Говорят, здесь видели.

Кабанов. Да это верно?

Кулигин. Прямо на неё говорят.

Кабанов. Ну, слава богу, хоть живую видели-то.

Кабанова. А ты уж испугался, расплакался! Есть о чём. Не беспокойся: ещё долго нам с ней маяться будет.

Кабанов. Кто ж её знал, что она сюда пойдёт! Место такое людное. Кому в голову придёт здесь прятаться.

Кабанова. Видишь, что она делает! Вот какое зелье! Как она характер-то свой хочет выдержать!

С разных сторон собирается народ с фонарями.

Один из народа. Что, нашли?

Кабанова. То-то что нет. Точно провалилась куда.

Несколько голосов. Эка притча! Вот оказия-то! И куда б ей деться!

Один из народа. Да найдётся!

Другой. Как не найтись!

Третий. Гляди, сама придёт.

Голос за сценой: «Эй, лодку!»

Кулигин *(с берега)*. Кто кричит? Что там?

Голос: «Женщина в воду бросилась!»
Кулигин и за ним несколько человек убегают.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, без Кулигина.

Кабанов. Батюшки, она ведь это! *(Хочет бежать.)*

Кабанова удерживает его за руку.

Маменька, пустите, смерть моя! Я её вытащу, а то так и сам... Что мне без неё!

Кабанова. Не пущу, и не думай! Из-за неё да себя губить, стоит ли она того! Мало она нам страму-то наделала, ещё что затеяла!

Кабанов. Пустите!

Кабанова. Без тебя есть кому. Прокляну, коли пойдёшь!

Кабанов *(падая на колени)*. Хоть взглянуть-то мне на неё!

Кабанова. Вытащут: взглянешь.

Кабанов *(встаёт, к народу)*. Что, голубчики, не видать ли чего?

1-й. Темно внизу-то, не видать ничего.

Шум за сценой.

2-й. Словно кричат что-то, да ничего не разберёшь.

1 - й. Да это Кулигина голос.

2 - й. Вон с фонарём по берегу ходят.

1 - й. Сюда идут. Вон и её несут.

Несколько народу возвращается.

Один из возвратившихся. Молодец Кулигин! Тут близёхонько, в омуточке у берега; с огнём-то оно в воду-то далеко видно, он платье и увидал, и вытащил её.

Кабанов. Жива?

Другой. Где уж жива! Высоко бросилась-то, тут обрыв, да, должно быть, на якорь попала, ушиблась, бедная! А точно, робяты, как живая! Только на виске маленькая ранка, и одна только, как есть одна, капелька крови.

Кабанов бросается бежать; навстречу ему Кулигин с народом несут Катерину.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Кулигин.

Кулигин. Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней, что хотите! Тело её здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша; она теперь перед Судиёй, который милосерднее вас! *(Кладёт на землю и убегает.)*

Кабанов *(бросается к Катерине)*. Катя! Катя!

Кабанова. Полно! Об ней и плакать-то грех!

Кабанов. Маменька, вы её погубили! Вы, вы, вы...

Кабанова. Что ты? Аль себя не помнишь! Забыл, с кем говоришь!

Кабанов. Вы её погубили! Вы! Вы!

Кабанова *(сыну)*. Ну, я с тобой дома поговорю. *(Низко кланяется народу.)* Спасибо вам, люди добрые, за вашу услугу!

Все кланяются.

Кабанов. Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! *(Падает на труп жены.)*

СТАРЫЙ ДРУГ ЛУЧШЕ НОВЫХ ДВУХ

Картины из московской жизни, в трёх действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА, *мещанка, хозяйка небольшого деревянного дома.*
ОЛИНЬКА, *её дочь, портниха, 20-ти лет.*
ПУЛЬХЕРИЯ АНДРЕВНА ГУЩИНА, *жена чиновника.*
ПРОХОР ГАВРИЛЫЧ ВАСЮТИН, *титулярный советник.*

Небольшая комната; направо окно на улицу, подле окна стол, на котором лежат разные принадлежности шитья; прямо дверь; налево за перегородкой кровать.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О л и н ь к а *(сидит у стола, шьёт и поёт вполголоса).*

Я тиха, скромна, уединенна,
Целый день сижу одна.
И сижу обнакновенно
Близ камина у огня.

Ах, житьё, житьё! *(Вздыхает.)* Надо опять к Ивану Яковличу сходить, погадать про судьбу свою. Прошлый раз он мне хорошо сказал. По его словам выходит, что чуть ли мне не быть барыней. А ведь что ж мудрёного? Нешто не бывает? На грех мастера нет. Прохор Гаврилыч ведь обещал жениться, так, может, и сдержит своё обещание. Хорошо бы было; доходы он получает — большие; можно бы тону задать. Вот только разве семья-то у него, а то бы он женился, он на это прост. Да ведь и все они судейские-то такие. Я прежде сама дивилась, как это они, при своих чинах, да на нашей сестре женятся; а теперь, как поглядела на них, так ничего нет удивительного. Тяжёлые все да ленивые, компанию такую водят, что им хороших барышень видеть негде: ну, да и по жизни по своей они в хорошем обществе быть не могут,— ему тяжело, он должен там тяготиться. Ну, а с нами-то ему ловко, за ним ухаживают, а он и рад. Ему без няньки одного дня не прожить, ему и платок-то носовой в карман положь, а то он забудет. Ходит только в свой суд да денег носит, а уж другим чем заняться ему лень. Пристану-ка я к Прохору Гаврилычу: «Что ж, мол, ты жениться обещал»,— разные ему резонты подведу — авось у нас дело-то как-нибудь и сладится. Уж как я тогда оденусь! Вкусу-то мне не занимать стать,— сама портниха. *(Поёт.)*

Я тиха, скромна, уединенна,
Целый день сижу одна
(и т. д.).

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Олинька и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна. Знаешь что, Олинька, я хочу тут к окну-то занавеску повесить. Оно, конечно, красота небольшая, а всё как будто лучше.

Олинька. А я так думаю, что не к чему.

Татьяна Никоновна. А к тому, что прохожие всё заглядывают.

Олинька. Что ж, вы боитесь, что сглазят нас с вами?

Татьяна Никоновна. Сглазить-то не сглазят, да ты-то всё у меня повесничаешь.

Олинька. Вот что! Скажите пожалуйста!

Татьяна Никоновна. Да, толкуй тут себе, а я всё вижу.

Олинька. Что же такое вы видите? Скажите, очень интересно будет послушать.

Татьяна Никоновна. А ты бы вот меньше тарантила! А то не дашь матери рта разинуть, на каждое слово десять резонтов найдёшь. Ты только знай, что от меня ничего не скроется.

Олинька. Тем для вас больше чести: означает, что вы проницательная женщина.

Татьяна Никоновна. Да уж конечно.

Олинька. А коли вы проницательны, так, значит, вы знаете моих обожателев.

Татьяна Никоновна. Разумеется, знаю.

Олинька. А вот ошиблись: у меня их нет!

Татьяна Никоновна. Ты мне зубы-то не заговаривай.

Олинька. Ну, скажите, коли знаете!

Татьяна Никоновна. Екзамент, что ли, ты мне хочешь делать? Сказано, что знаю, вот ты и мотай себе теперь на ус. Ты думаешь обмануть мать — нет, шалишь: будь ты вдесятеро умней, и то не обманешь.

Олинька. Коли вы чувствуете себя, что вы так длинновидны, пускай это при вас и останется.

Татьяна Никоновна. Да-с, длинновидны-с; потому что вам доверия сделать нельзя-с.

Олинька. Отчего вы так воображаете обо мне, что мне нельзя сделать доверия?

Татьяна Никоновна. Потому что все вы баловницы, вот почему; а особенно которые из магазина. Вот ты долго ли в магазине-то пожила, а прыти-то в тебе сколько прибыло!

Олинька. Когда вы так гнушаетесь магазином, отдали бы меня в пансион.

Татьяна Никоновна. В какой это пансион? Из каких это доходов? Да я так думаю, что тебе это и не к лицу, нос короток! Пожалуй, сказали бы: залетела ворона в высоки хоромы.

Олинька. Не хуже бы других были, не беспокойтесь. Ну, да уж теперь тосковать об этом поздно.

Татьяна Никоновна. Да, вот, сударыня, я было и забыла! Позвольте-ка вас спросить: какого вы это чиновника приучили мимо окон шляться?

Олинька. Никого я не приучала, а и запретить, чтобы по нашей улице не ходили, тоже никому нельзя. Никто нашего запрету не послушает.

Татьяна Никоновна. Что ты мне толкуешь! И без тебя я знаю, что запретить никому нельзя. Жильцы-то вон что говорят: что как он пройдёт, ты накинешь что-нибудь на плечи да и потреплешься за ним.

Олинька. Кому это нужно за мной наблюдать, я удивляюсь!

Татьяна Никоновна. А ты думала перехитрить всех? Нет, уж нынче никого не обманешь. Скажи ты мне, сударыня, с чего это ты выдумала шашни-то заводить?

Олинька. Какие шашни?

Татьяна Никоновна. Да такие же. Ты у меня смотри, я ведь гляжу-гляжу да примусь по-своему.

Олинька. Что же вы со мной сделаете?

Татьяна Никоновна. Убью до смерти.

Олинька. Уж будто и убьёте?

Татьяна Никоновна. Убью, своими руками убью. Лучше ты не живи на свете, чем страмить меня на старости лет.

Олинька. Не убьёте, пожалеете.

Татьяна Никоновна. Нет, уж пощады не жди. Да я и не знаю, что с тобой сделаю, так, кажется, пополам и разорву.

Олинька. Вот страсти какие!

Татьяна Никоновна. Ты меня не серди, я с тобой не шутя говорю.

Олинька. А я думала, что вы шутите.

Татьяна Никоновна. Нисколько-таки не шучу, и не думала шутить.

Олинька. Так неужели же в самом деле вы верите нашим жильцам?

Татьяна Никоновна. Как не верить-то, когда все говорят?

Олинька. Вот прекрасно! Как же вы обо мне понимаете, после этого? Что же я такое, по-вашему? Всякий меня может поманить с улицы, а я так и пойду?

Татьяна Никоновна. Нешто я тебе такими словами говорила?

Олинька. Нет, позвольте! Коли вы считаете, что я такого неосновательного поведения, зачем же вы живёте со мной вместе? Для чего вам себя страмить? Я себе везде место найду, меня во всякий магазин с радостью возьмут.

Татьяна Никоновна. Что ты ещё выдумываешь-то! Пущу я тебя в магазин, как же!

Олинька. Однако вы мне столько обидного наговорили, что ни одна девушка не может перенесть этого.

Татьяна Никоновна. Ты, видно, не любишь, когда тебе дело-то говорят.

Олинька. Какое дело? Нешто вы сами видели? Когда сами увидите, тогда и говорите; а до тех пор нечего вам толковать да казни разные придумывать.

Татьяна Никоновна. То-то уж я и вижу, что ты губы надула. Ну, извините-с *(приседает)*, что об такой особе да смели подумать. Извините-с! Пардон, мадмуазель!

Олинька. Нечего извиняться-то! Вы всегда сначала обидите, а потом и извиняетесь.

Татьяна Никоновна. Больно уж ты что-то обидчива стала! Ну, да хорошо, изволь, больше не буду об этом говорить. Теперь довольны вы?

Олинька. Даже очень довольна-с.

Татьяна Никоновна. Только всё-таки помни ты, что ежели я замечу...

Олинька. Так убьёте. Я уж слышала.

Татьяна Никоновна. Да, и убью.

Олинька. Ну, хорошо, так и будем ожидать. *(Взглянув в окно.)* Ну, радуйтесь! Теперь вам новостей на неделю будет.

Татьяна Никоновна. А что?

Олинька. Пульхерия Андревна идёт.

Татьяна Никоновна. Это наш телеграф; нам газет не нужно получать. А ведь и достаётся ей, бедной, за сплетни; ну, да благо невзыскательна; поругают, прогонят: она опять придёт как ни в чём не бывала! Уж я сколько раз гоняла, а вот всё идёт.

Пульхерия Андревна входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Пульхерия Андревна.

Пульхерия Андревна. Здравствуйте, здравствуйте! Сейчас нашу трактирщицу встретила, идёт такая разряженная, платье новое. Я таки довольно долго ей вслед посмотрела. К чему, думаю, к чему!.. Муж-то вон уж задолжал много, говорят. Ну, как поживаете? Иду мимо, думаю: как не зайти? Ну и зашла.

Татьяна Никоновна. Садитесь! Что новенького?

Пульхерия Андревна. Какие у нас новости, в нашей глуши! С тоски пропадёшь; словечка перемолвить не с кем.

Татьяна Никоновна. Уж вам ещё новостей не знать, так кому же! Знакомство у вас большое.

Пульхерия Андревна. Да помилуйте, какое знакомство? Народ всё грубый, обращения никакого не знает; не то чтобы что-нибудь любопытное сказать, а норовят всё, как бы тебя обидеть, особенно купечество. Я даже со многими перессорилась теперь за их обращение. Вот хотя бы сейчас; зашла я к соседям, они приданое шьют, старшую дочь выдают. Отдают-то за лавочника, а приданое сделали графское, ну смех, да и только. Вот, говорю: «Не родись умён, не родись пригож, а родись счастлив; с нечёсаной-то бородой да какое приданое возьмёт». Так кабы вы посмотрели, как они все накинулись на меня, а особенно старуха,— она у них пренасмешница и преругательница, да ещё какую-то злобу к нашему благородному сословию имеет. Уж чего-чего она не прибрала! Да всё в насмешку, словами непристойными, да всё с рифмой. Я просто со стыда сгорела, насилу выкатилась. Знаете сами, я не люблю, когда со мной дурно обращаются; я хочу себя поддержать, как прилично благородной даме. А если мне позволить всякому наступить мне на ногу, я должна буду тогда своё звание уронить.

Татьяна Никоновна. Ну, конечно, что за оказия ронять себя!

Пульхерия Андревна. Я вам скажу, что во мне гордости даже очень много. Я и в порок этого себе не ставлю, потому что моя

гордость благородная. Против себе равных у меня нет гордости, а против таких людей, которые, при всём их необразовании, превозносятся своим богатством, я всегда стараюсь показать, что я много выше их.

Татьяна Никоновна. Супруг ваш здоров ли?

Пульхерия Андревна. Ах, помилуйте, что ему делается! Деревянный человек, сами знаете, чувств не имеет; значит, что же его может тревожить в жизни? Только толстеет. Наградил Бог муженьком, уж нечего сказать!

Татьяна Никоновна. Ну, вам грех на мужа жаловаться, он у вас добышник хороший.

Пульхерия Андревна. Оно так, Татьяна Никоновна, только он по характеру мне совсем не пара; у меня характер лёгкий, увлекательный, а он сидит точно бирюк, ни до чего ему дела нет. А всё-таки мы живём не хуже людей. Возьмёмте хоть соседей: у Крутолобых через день драка. У Кумашниковых в неделю раз, уж это положенное.

Татьяна Никоновна. Сохрани господи!

Пульхерия Андревна. У нас хоть по крайней мере этого нет. А у Чепчуговых вчера история-то вышла: мне кухарка их сегодня на рынке сказывала,— вот так уж комедия!

Татьяна Никоновна. Что же такое?

Пульхерия Андревна. Сила-то, что ли, у ней не берёт, так она какую же штуку придумала: взяла да мужу вареньем и лицо и бороду и вымазала. Насилу отмыли. Ну, скажите, на что это похоже!

Татьяна Никоновна. Хорошего немного.

Пульхерия Андревна. Вот так-то нынче жёны-то с мужьями живут, Татьяна Никоновна, а всё люди женятся. Да ещё на ком женятся-то! Норовят всё выше себя взять. Вот сейчас была я у Васютиных.

Олинька прислушивается.

Татьяна Никоновна. У каких это Васютиных?

Пульхерия Андревна. Как это вы не знаете! Да вот Ольга Ивановна его знает.

Олинька. А мне почём знать?

Пульхерия Андревна. Полноте, полноте! Ещё вы были в магазине, так он к вашей хозяйке ходил.

Олинька. Это белокурый такой, что ли?

Пульхерия Андревна. Да, да! Я очень хорошо знаю, что вы его знаете.

Татьяна Никоновна *(взглянув на дочь)*. Так что же такое у Васютиных-то? Расскажите.

Пульхерия Андревна. Нет, я к тому говорю, Татьяна Никоновна, как люди возмечтать-то вдруг могут о себе! Ну, положим, что им счастье, да что же уж так возноситься-то! К чему это?

Татьяна Никоновна. Да какое же им счастье-то?

Пульхерия Андревна. Да такое же и счастье, что сыну невесту нашли, и с крестьянами, видите ли, и образованную; а и крестьян-то всего тринадцать душ. Вот я и говорю, Татьяна Никоновна, как люди-то не умеют себя вести. Вы бы посмотрели только, что с старухой-то делается. Так нос подняла, что и глядеть ни на кого не хочет. Я тоже не захотела себя перед ней унизить. Мы с ней в одинаковом чине; с чего же она взяла важничать передо мной? Ну, я и ограничила её, сколько могла. Так это, изволите ли видеть, ей не понравилось; такую подняла историю, что я даже думаю совсем оставить это знакомство. Хоть мне и не хотелось с ней ссориться, ну да что делать? Язык мой — враг мой.

Олинька, видимо потревоженная, надевает шляпку и мантилью.

Татьяна Никоновна. Куда ты?

Олинька. Я, маменька, сейчас приду; мне нужно. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Пульхерия Андревна и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна. Что это с ней сделалось? Она как будто плачет.

Пульхерия Андревна. Знаю я, всё знаю; мне только при ней говорить-то не хотелось. А вы вот ничего не знаете, а ещё мать! А я думала, что вам всё известно, а то бы давно сказала.

Татьяна Никоновна. Как же, узнаешь от неё что-нибудь! Она так дело обделает, что концов не найдёшь.

Пульхерия Андревна. Нет, Татьяна Никоновна, как ни остерегайся, а всякое дело со временем всё уж откроется. Вот у богатых да у знатных такие-то пассажи бывают, так уж как стараются скрыть! А глядишь, после через людей или через кого-нибудь и выдет наружу. Ну, а уж в нашей стороне, кажется, муха не пролетит, чтобы этого не знали.

Татьяна Никоновна. Да послушайте, Пульхерия Андревна, неужели ж вы что серьёзное про Олиньку знаете?

Пульхерия Андревна. Серьёзное не серьёзное, там как рассудите. Конечно, для девушки мараль. Только вы не подумайте, чтобы я кому-нибудь, кроме вас, сказывала. Сохрани меня господи! Ну, разумеется, Васютин обольстил её тем, что жениться на ней обещал; мне её товарка сказывала.

Татьяна Никоновна. Ах-ах-ах-ах-ах-ах! Да когда же, матушка, когда? *(Плачет.)*

Пульхерия Андревна. А когда она жила у хозяйки. Они и теперь видятся, и я знаю даже где.

Татьяна Никоновна. Ну, уж погоди же, теперь вернись только домой, я тебе задам! Эко наказанье с дочерьми! *(Утирает слёзы.)*

Пульхерия Андревна. Уж теперь ни бранью, ни слезами дела не поправите, а вы лучше смотрите за ней хорошенько.

Татьяна Никоновна. Уж я её теперь с глаз не спущу.

Пульхерия Андревна. Однако прощайте! Заболталась я с вами, а мне ещё надобно кой-куда зайти. Прощайте! *(Целуются. Уходит и сейчас же возвращается.)* А ведь Илья-то Ильич вчера опять пьяный домой приехал. Скажите, пожалуйста, я вас спрашиваю, когда это кончится? Ведь ты женатый человек, ведь ты обязан семейством! Коли нет в тебе стыда перед людьми-то, ты хоть бы стен посовестился! Сколько у него детей-то? Знаете? Ведь пятеро. Каково же это! Прощайте! Некогда, право некогда. *(Уходит и опять возвращается.)* А я и забыла вам сказать. Ведь я в горе.

Татьяна Никоновна. Что за горе у вас? Может, так, шутите?

Пульхерия Андревна. Какие шутки! Этакого варварства... Этакого тиранства... Нет, этого нигде не бывает. Разве только уж в самом низком классе.

Татьяна Никоновна. С мужем опять что-нибудь?

Пульхерия Андревна. Ведь уж все нынче носят бурнусы, уж все; кто же нынче не носит бурнусов?

Татьяна Никоновна. Ну так что же?

Пульхерия Андревна. Ну вот одна знакомая и продаёт бурнус, совсем новенький. Я в надежде-то на своего дурака и говорю ей: «Вы, моя милая, не беспокойте себя, не носите ни к кому, а приносите прямо ко мне: мы его у вас купим». Ну вот она его и приносит. Думаю: что делать? И себя-то поддержать перед ней хочется, да и мужа-то боюсь; ну, как он при постороннем человеке историю заведёт!

Подымаюсь я на хитрости. Надеваю бурнус, беру на себя равнодушный тон и говорю ему: «Поздравь меня, мой друг, с обновкой!» Я думала, что хоть после он и побранит меня, уж так и быть, а всё-таки при чужом человеке не захочет уронить меня и себя.

Татьяна Никоновна. А что же он?

Пульхерия Андревна. Что он? Обыкновенно что. Для него первое удовольствие жену унизить, и норовит всё при посторонних людях. И шутки у него, знаете, самые неприличные: «Вы, говорит, её не слушайте; это она к зубам грезит; с ней, говорит, это бывает».— «Но за что же, однако, позвольте вас спросить, такое тиранство?» — говорю я ему. А он мне всё-таки на это ни одного слова не ответил, а продолжает говорить той даме: «Она бы, говорит, всего накупила, да купило-то у ней притупилось; а я ей на глупости денег не даю». Пошёл, да и сел за свои бумаги, и двери затворил. Острамил меня, решительно острамил.

Татьяна Никоновна. Да что вы, молоденькая, что ли, рядиться-то?

Пульхерия Андревна. Это, Татьяна Никоновна, не от лет,— это бывает врождённый вкус в человеке; и от воспитания тоже много зависит.

Татьяна Никоновна. Вот и с воспитанием-то беда: затей-то много, а денег нет.

Пульхерия Андревна. Кабы вы понимали, что значит благородная дама, вы бы так не рассуждали; а то вы сами из простого звания, так вы и судите.

Татьяна Никоновна. Я сужу, как умею; а званием своим вам передо мной нечего гордиться, немного вы от меня ушли.

Пульхерия Андревна. Далеко вам до меня; я из вашего-то звания себе прислугу нанимаю.

Татьяна Никоновна. А коли так, я и не знаю, что вам за охота с простыми людьми знакомство иметь! Знались бы только с благородными.

Пульхерия Андревна. Да, уж конечно, у благородных людей совсем другие понятия, чем у вас.

Татьяна Никоновна. Ну, и ступайте к ним, а об нас уж вы не беспокойтесь; мы об вас плакать не будем.

Пульхерия Андревна. Да-с, прощайте! Много я от вас обиды видела, всё переносила; а уж этого не перенесу; после этих слов я у вас оставаться не могу.

Татьяна Никоновна. Вот и прекрасно, так и запишем. Прощайте! И вперёд просим не жаловать.

Пульхерия Андревна. Я ещё с ума не сошла, чтобы с вами знакомство водить после этого.

Татьяна Никоновна. И очень рады будем.

Пульхерия Андревна *(подходя к двери)*. За дочерью-то бы лучше смотрели!

Татьяна Никоновна. Не ваша печаль чужих детей качать.

Пульхерия Андревна. Уж теперь ни ногой.

Татьяна Никоновна. Скажите, какая жалость!

Пульхерия Андревна уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Татьяна Никоновна и потом Олинька.

Татьяна Никоновна. Какая ехидная бабёнка, просто средств нет! А что ж это у меня Ольга-то делает! Убить её мало за эти дела. Что она нейдёт-то? Благо, у меня сердце-то не прошло. Беда мне с моим характером: расходится сердце, ничем не удержишь.

Олинька входит, раздевается и, плача, садится на своё место.

Ты что же это, сударыня, делаешь? Что ты об своей голове думаешь? Где была, говори сейчас?

Олинька. Ах, маменька, оставьте! Мне и без вас тошно.

Татьяна Никоновна. А! Теперь тошно; а то так матери не слушаться! Вот ты и знай! Да ты ещё погоди у меня!

Олинька *(встаёт и одевается)*. Ах, боже мой!

Татьяна Никоновна. Что ты ещё выдумала? Куда это ты?

Олинька. Пойду куда глаза глядят. Что мне за охота брань-то слушать!

Татьяна Никоновна. Что ж, мне тебя хвалить, что ли, за твои дела?

Олинька. Да ведь и бранью-то ничего не поможете. Не маленькая уж я, мне не десять лет.

Татьяна Никоновна. Так что ж мне делать-то, по-твоему?

Олинька *(садясь к столу и закрывая лицо руками)*. Пожалеть меня, бедную.

Татьяна Никоновна *(несколько взволнованная)*. Да... ну что ж... ну... *(Молчит несколько времени, потом подходит*

к дочери, гладит её по голове и садится подле неё.) Ну что ж там такое у тебя случилось?

Олинька *(плача)*. Да женится.

Татьяна Никоновна. Да кто женится-то?

Олинька. Прохор Гаврилыч.

Татьяна Никоновна. Это Васютин-то?

Олинька. Ну да.

Татьяна Никоновна. Вот видишь ты, вот видишь ты, до чего вас своя-то воля доводит, что значит без присмотру-то жить!

Олинька. Опять вы за своё.

Татьяна Никоновна. Ну, хорошо, ну, не буду.

Олинька. Ведь как божился-то! Как клялся-то!

Татьяна Никоновна. Божился? А! Скажите пожалуйста! *(Качает головой.)*

Олинька. Как же мне было не поверить ему? Разве я тогда понимала людей?

Татьяна Никоновна. Где понимать ещё! Какие года!

Олинька *(прилегая к матери)*. Зачем же он обманул меня?

Татьяна Никоновна. А ты думаешь, это ему так и пройдёт? Ему самому Бог счастья не даст за это. Вот посмотри, что ему это даром не пройдёт.

Олинька *(взглянув в окно)*. Ах, бесстыжие глаза! Да он ещё сюда идёт — хватило у него совести-то! Маменька, пускай он к нам войдёт; не идти же мне к нему на улицу со слезами-то!

Татьяна Никоновна. Ну что ж, пускай войдёт.

Васютин *(в окно)*. Ольга Петровна, можно войти?

Татьяна Никоновна. Пожалуйте, пожалуйте!

Олинька *(умоляющим голосом)*. Маменька!

Татьяна Никоновна. Что тебе ещё?

Олинька *(плача)*. Маменька, мне стыдно! Уйдите! Как я стану при вас с ним говорить!

Татьяна Никоновна *(грозя пальцем)*. То-то вот ты! Ох ты мне!

Олинька. Маменька!

Татьяна Никоновна. Ну, уж право... уж! Так вот только браниться-то не хочется. *(Уходит за перегородку.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Олинька и Прохор Гаврилыч.

Прохор Гаврилыч *(в дверях)*. Ты, Вавила Осипыч, подожди! Я сейчас. *(Входит.)*

Олинька. Садиться милости просим.

Прохор Гаврилыч. Нет, я ведь так — на минуточку.

Олинька. Всё-таки присядьте, коли вам у нас не противно. Или вы, может быть, уж теперь нас гнушаетесь.

Прохор Гаврилыч *(садясь)*. Да нет. Вот какого роду дело... Вот видишь ты, я сам ей-богу бы никогда, да маменька...

Олинька. Что же маменька?

Прохор Гаврилыч. Всё меня бранит за мою жизнь. Говорит, что я неприлично себя веду, что совсем дома не живу.

Олинька *(чертит ножницами по столу)*. Да-с. Вам неприлично себя так вести, вы благородный, служащий...

Прохор Гаврилыч. Ну вот всё и пристаёт ко мне, чтобы я женился, чтобы я жил семейно, как порядочному человеку следует. Ну, понимаешь, всё-таки мать.

Олинька. Понимаю-с, как не понять! Так вы хотите маменькино желанье исполнить? Что ж, это очень благородно с вашей стороны, потому что старших всегда надобно уважать. Вы же так свою маменьку любите и во всём её слушаетесь... Ну, так что же-с?

Прохор Гаврилыч. Ну вот я...

Олинька. И женитесь?

Прохор Гаврилыч. И женюсь.

Олинька. Честь имею вас поздравить! Что же, вы с большим состоянием берёте?

Прохор Гаврилыч. Ну нет, не очень.

Олинька. Отчего же так? Вы, в надежде на вашу красоту, могли бы за миллионщицу посвататься. Или вы, может быть, хотите облагодетельствовать собой какую-нибудь бедную барышню? Это доказывает, что у вас доброе сердце.

Прохор Гаврилыч. Какое же тут сердце! Я для маменьки делаю. Конечно, нам с маменькой приятно, что она в пансионе воспитывалась, по-французски говорит.

Олинька. Ну да как же вам, с вашим умом и образованием, да жениться на невоспитанной! Это для вас очень низко! Вот

женитесь, будете с своей супругой по-французски и на разных языках говорить.

Прохор Гаврилыч. Да я не умею.

Олинька. Вы притворяетесь, что не умеете. Вы не хотите только перед нами, простыми людьми, своего образования показывать, а перед барышней вы себя покажете.

Прохор Гаврилыч. Так вот я и пришёл к тебе...

Олинька. Напрасно себя беспокоили.

Прохор Гаврилыч. Надо же было сказать...

Олинька. Стоит ли вам об нас думать!

Прохор Гаврилыч. Как же не думать! Кабы я тебя не любил; а то ведь я люблю тебя.

Олинька. Очень вам благодарна за вашу любовь!

Прохор Гаврилыч. Ты на меня, Олинька, не сердись: я сам вижу, что поступаю против тебя дурно, даже можно сказать — подло.

Олинька. Коли вы так понимаете об себе, пускай это при вас и останется.

Прохор Гаврилыч. Нет, право, Олинька, я ведь не то, что другие: бросил, да и знать не хочет.

Олинька. А вы что же?

Прохор Гаврилыч. Да я всё, что тебе угодно. Ты мне скажи, что тебе нужно.

Олинька. Ничего мне от вас не нужно! Вы меня обижать так не смеете. Что же, я вас из-за денег любила? Я, кажется, этого виду не показывала. Я вас любила, потому что всегда знала, что вы на мне женитесь, а иначе я бы ни за что на свете...

Прохор Гаврилыч. Да мне что! Разве я бы не женился? Да вот семья-то.

Олинька. Вы должны были это знать.

Прохор Гаврилыч. Как же мне с тобой быть, я, право, уж и не знаю.

Олинька. Это довольно странно для меня. Вы своё дело сделали: обманули, насмеялись,— чего вам ещё нужно? Остаётся поклон, да и вон. Об чём вам ещё беспокоиться! Чтобы я жаловаться не пошла кому-нибудь? Так я за это не возьму миллиона от одного только от стыда.

Прохор Гаврилыч. Я не об себе беспокоюсь, а о тебе.

Олинька. А обо мне что вам беспокоиться! Да и кто вам поверит, что вы обо мне думаете сколько-нибудь!

Прохор Гаврилыч. Нет, Олинька, ты мне этого не говори! Мне, право, совестно. Я ведь человек простой, откровенный...

Олинька. Тем лучше для вас.

Прохор Гаврилыч. Только характер у меня такой, путаный. Ведь вот я теперь буду мучиться об тебе.

Олинька. Скажите!

Прохор Гаврилыч. Мне до смерти жаль тебя... Да ты мне позволь как-нибудь заходить к тебе хоть на минуту.

Олинька. Нет, уж увольте! Вам нужно, чтобы везде слава пошла. Я хочу замуж идти.

Прохор Гаврилыч. Так уж никогда и не видаться?

Олинька. Разумеется, никогда. Ведь, кроме страму, от вас прибыли-то никакой нет.

Прохор Гаврилыч. Ну, так простимся без сердца по крайней мере.

Олинька. Прощайте!

Васютин хочет поцеловаться.

Не для чего!

Прохор Гаврилыч *(после непродолжительного молчания).* Как же это, право... Подло, уж сам вижу, что подло! А как поправить — не знаю.

Олинька. Мне даже смешно слушать! Ступайте! Вас товарищ дожидается.

Прохор Гаврилыч. Какой это товарищ! Это купец, кутила. Вот ты какая! Тебе ничего, а я ночи не сплю. Право.

Олинька. Смотрите не захворайте!

Прохор Гаврилыч. Нет, пожалуйста, коли тебе что понадобится: деньги или что другое, ты, сделай милость — пришли! Для меня даже это будет приятно.

Олинька. Нет, уж я лучше с голоду умру. За кого вы меня принимаете?

Прохор Гаврилыч. Мне, право, так жалко тебя; я хоть заплакать готов.

Олинька. Это будет очень интересно!

Прохор Гаврилыч. Позволь нынче вечерком заехать.

Олинька. С чего это вы выдумали!

Прохор Гаврилыч. Ну, прощай! Бог с тобой! *(Уходя.)* Ты, ради бога, не сердись! А то всё и будешь думать об тебе.

Олинька. Прощайте! Прощайте!

Васютин уходит; входит Татьяна Никоновна.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Олинька и Татьяна Никоновна.

Татьяна Никоновна. Ну что? Ушёл?

Олинька. Ушёл. *(Садится к столу и плачет, закрывшись платком.)* Как я выдержала, это только один Бог знает.

Татьяна Никоновна. Поплачь, поплачь, легче будет. Да и совсем его из головы надо выкинуть, чтоб пусто ему было! *(Взглянув в окно.)* Ну, опять Андревна мимо идёт.

Олинька. Маменька, покличьте её.

Татьяна Никоновна. Да ведь я с ней побранилась.

Олинька. Помиритесь! Мне нужно, нужно!

Татьяна Никоновна. Помириться долго ли! *(В окно.)* Пульхерия Андревна! Пульхерия Андревна! *(Дочери.)* Идёт. Благо, ещё не спесива, хоть то хорошо. Только зачем она тебе понадобилась, я уж этого не придумаю.

Олинька. А вот увидите.

Пульхерия Андревна входит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Олинька, Татьяна Никоновна и Пульхерия Андревна.

Татьяна Никоновна. Вы меня, пожалуйста, извините, Пульхерия Андревна; я давеча по своему глупому характеру погорячилась.

Пульхерия Андревна. Коли вы, Татьяна Никоновна, говорите это от раскаяния, так я на вас ни в каком случае сердиться не могу. Я очень снисходительна к людям, даже больше, чем следует.

Олинька. Вы, Пульхерия Андревна, знаете, на ком Васютин женится?

Пульхерия Андревна. Ещё бы мне не знать!

Олинька. Вы знакомы с ними?

Пульхерия Андревна. Нет, незнакома. Да разве долго познакомиться!

О л и н ь к а. Сделайте милость, Пульхерия Андревна, разузнайте хорошенько...

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Что разузнать-то?

О л и н ь к а *(плача)*. Хороша ли его невеста? Любит ли он её? Любит ли она его?

П у л ь х е р и я А н д р е в н а. Только?

О л и н ь к а. Только! *(Садится к столу и закрывает лицо руками.)*

Т а т ь я н а Н и к о н о в н а. Ну, оставимте её. Бог с ней!

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

ГАВРИЛА ПРОХОРЫЧ ВАСЮТИН, *старик, отставной чиновник.*
АНФИСА КАРПОВНА, *жена его.*
ПРОХОР ГАВРИЛЫЧ ВАСЮТИН, *сын их.*
ВАВИЛА ОСИПОВИЧ ГУСТОМЕСОВ, *купец, лет 35-ти, одет по-русски.*
ОРЕСТ, *лакей, лет 50-ти, важный, неповоротливый, в засаленном сюртуке, часто вынимает табакерку с генералом.*

Гостиная в доме Васютиных: налево дверь в кабинет Прохора Гаврилыча, прямо выходная дверь, направо — во внутренние комнаты. Налево от зрителей диван, направо стол.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

О р е с т *(проводит просителя в кабинет)*. Пожалуйте! Пожалуйте! Мы ваше дело знаем: ваше дело правое. *(Проситель уходит.)* Правда, пословица-то говорится: «У всякого плута свой расчёт!» Вот хоть бы нашего барина взять! Ума у него нет. С судейскими со своими или и с нашим братом хорошего разговору от него нет, умного *(нюхает табак)*, чтобы стоило внимания. Лепечет много языком-то, а ничего не складно, безо всякого рассудка, что к месту, что не к месту — так, как шелаш какой. А вот с просителями так он своё дело знает,— такой тон держит, что любо на него смотреть. Строгость на себя напустит, точно в меланхолии в какой сделается, и язык-то у него не ворочается; так проситель-то вздыхает, вздыхает, пот его прошибёт; выйдет из кабинета-то, точно из бани; и шинель-то станет надевать — вздыхает, и по двору-то идёт — всё вздыхает да оглядывается. А с кем так и лаской: и по плечу треплет, и по животу гладит. Вот эту-то политику он знает! Нужды нет, что неумён, а на эти дела

тонок. Ну, и живёт себе, как сыр в масле катается. Так-то вот и наш брат,— всякий должен себя понимать! Кто что умеет, то и делай, а не за своё дело не берись! Я теперь... я всё могу, а в хороший дом я служить не пойду. Потому, во-первых — лета, во-вторых — болезнь во мне: в ногах лом стоит; опять же по временам слабость у меня к этой дряни *(плюёт)*, к этому проклятому вину. В хорошем доме ума не нужно, там ловкость, и чтобы в струне человек был, потому завсегда ты на виду. А мне теперь нужен покой! Мне, по моему характеру, только и жить у подьячих! Ни одёжи от тебя не требуется, ни чистоты,— знай только обращение с просителями. А коли я умею обойтись с человеком, так мне и жаловаться не нужно. У барина свой доход, а у меня свой: потому в моей власти допустить к барину и не допустить. И ежели бы я не был подвержен, по своей слабости, этой временной болезни дня на три и на четыре в месяц, большие бы у меня капиталы были; по здешнему дому оно, конечно, сокращать себя не стоит,— удовольствия этого лишать; да только вот что: как наберёшься этого угару, так много у тебя зря денег выходит.

Входит Анфиса Карповна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Орест и Анфиса Карповна.

Анфиса Карповна. Есть кто-нибудь у барина?

Орест. Проситель сидит.

Анфиса Карповна. Купец или благородный?

Орест. По-немецки, а должно быть, купец.

Анфиса Карповна. Я тебе, Орест, давно говорила, чтобы ты с купцов денег не просил, а ты всё-таки своей привычки не оставляешь. Я ведь всё вижу. В передней помешают тебе, так ты за ворота выскочишь да там пристаёшь, словно нищий.

Орест. Эх, сударыня!

Анфиса Карповна. Что: эх, сударыня? И для нас это страм; подумают, что вы у нас нужду терпите.

Орест. Эх, барыня! Из чего служить-то?

Анфиса Карповна. Ты жалованье получаешь.

Орест. Какое жалованье, сударыня! Стоит ли оно внимания.

Анфиса Карповна. Так зачем же ты живёшь, коли ты недоволен жалованьем?

Орест. Эх, сударыня! Затем и живу, что доход есть. Уж это от начала вселенной заведено, что у служащего человека камердинер свой доход имеет. Ну, а которые из просителей этого обыкновения не имеют, тем и напомнишь.

Анфиса Карповна. Да всё-таки это мараль.

Орест. Никакой, сударыня, марали нет.

Анфиса Карповна. А я вот Прошеньке скажу, чтоб он тебе запретил.

Орест. Никогда они мне не запретят, по тому самому, что они тоже доходом живут, жалованье тоже небольшое получают. Они могут рассуждать правильно, сообразно с рассудком.

Анфиса Карповна. А я, по-твоему, неправильно рассуждаю, несообразно с рассудком? Как ты смеешь так говорить со мной?

Орест. Вот что, сударыня, извините вы меня: всякий своё дело знает. Одно дело вы можете рассудить, а другое дело мужского рассудка требует. Как же вы говорите, чтобы не брать! Господи боже мой! Да с чем это сообразно! Ну, положим, не я у вас буду служить, другой будет. Так нешто он не станет брать? Тоже станет. Женщину заставьте служить, и та станет брать. Коли есть такое положение, чтобы брать деньги с просителей, как же вы мне приказываете не брать? Для чего же мне от своего счастья отказываться? Это даже смешно слушать!

Анфиса Карповна. Ты такой грубиян, такой грубиян стал, что просто терпенья нет с тобой! Я непременно на тебя сыну пожалуюсь.

Орест. Эх, сударыня! Какой же я грубиян! А что, конечно, которое дело до вас не касающее, так скажешь...

Анфиса Карповна. Как не касающее? Всё, что до сына касается, и до меня касается, потому что я всячески стараюсь его хоть немножко облагородить.

Орест. Всё это я, сударыня, понимаю-с, только никак нельзя.

Анфиса Карповна. Отчего же нельзя? Вот он теперь женится на барышне образованной, так совсем другой порядок в доме пойдёт.

Орест. Никак этого нельзя-с.

Анфиса Карповна. Как нельзя? Вот ты увидишь, что очень можно.

Орест. Разве службу оставят.

Анфиса Карповна. И службу оставлять не станет, только деликатнее вести себя будет, уж и людей таких держать будет...

Орест. Каких хотите, сударыня, держите, всё это одно. Хоть теперь барин и женится, да ежели не оставит службу, так круг знакомства у них всё тот же будет, всё те же служащие да купечество, та же самая канитель, что и теперь; так и люди, глядя на господ, себя в строгости содержать не будут. И брать деньги тоже будут, потому что купцы даже любят, когда с них деньги берут. Если с него не взять, так он опасается,— уж у него такой развязности в разговоре нет, точно он чего боится. С купечеством тоже надо уметь обойтись! А что насчёт благородства, так этак всякий бы, пожалуй, захотел...

Анфиса Карповна. Ну уж молчи, пожалуйста, когда тебя не спрашивают.

Орест. Я замолчу; только уж, видно, сударыня, выше лба глаза не растут.

Анфиса Карповна. Где твоё место? Твоё место в передней! Что же ты здесь толчёшься! В комнаты ты должен войти, когда тебя позовут...

Орест. Известно, в передней: потому хам. А тоже и господа господам рознь, и потому только одно это название, что он господин, а по делу совсем напротив выходит. Хоть бы теперь барин жениться хочет...

Анфиса Карповна. Я тебе сказала, чтоб ты шёл в переднюю.

Орест. Я пойду. Эх, сударыня! Говорить-то только не приходится, а то бы я сказал. Тоже смыслим кой-что. Надо жену-то по себе брать. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анфиса Карповна и потом Гаврила Прохорыч.

Анфиса Карповна. Какое наказание с этим народом! Сколько уж у нас людей перебывало, все такие же. Сначала недели две поживёт ничего, а потом и начнёт грубить либо пить. Конечно, всякий дом хозяевами держится. А у нас какие хозяева-то! Только сердце болит, на них глядя. С сыном вот никак не соображу: молодой ещё человек, а как себя неприлично держит. Знакомства-то, что ли, у него нет, заняться-то ему не у кого? Или уж в отца, что ли, уродился? Тоже, знать, пути не будет! Хоть бы мне уж женить-то его поскорее! Отец от безобразной жизни уж совсем рассудок потерял. Ну вот люди-то, глядя на них, и меня не уважают. Всю жизнь я с мужем-то маялась, авось хоть сын порадует чем-нибудь! Хоть бы месяц пожить как сле-

дует; кажется, для меня это дороже бы всего на свете. А и мне ещё люди завидуют, что сын много денег достаёт. Бог с ними, и с деньгами, только б жил-то поскромнее. Есть же такие счастливые, что живут да только радуются на детей-то, а я вот...

Входит Гаврила Прохорыч.

Вот ещё давно не видались. Зачем это? Не слыхать ли?

Гаврила Прохорыч *(приседает, как барышня, и шёпотом)*. За газетами-с. *(Берёт со стола газеты.)*

Анфиса Карповна. Сидели бы наверху у себя. Кому нужно на вас глядеть-то! Тут, чай, люди ходят. Сына-то только стыдите!

Гаврила Прохорыч. Сына стыдите! У! У! *(Делает гримасы.)*

Анфиса Карповна. Ну, пожалуйста, не паясничайте, я не люблю этого.

Гаврила Прохорыч *(злобно)*. Кого я могу стыдить! Я титулярный советник.

Анфиса Карповна. Важное кушанье!

Гаврила Прохорыч. Да-с! Дослужитесь подите! Что такое титулярный советник? Капитан-с! А! Какова штука-то! Вот и думайте, как знаете!

Анфиса Карповна. Что думать-то! Думать-то нечего! Много вашего брата по кабакам-то шляется. Знаю я одно, что тридцать лет с вами маялась, да и теперь маюсь.

Гаврила Прохорыч. Ну, не очень гневайтесь, уйду-с. А то сына стыдить! Сам он меня стыдит. *(Уходит, потом возвращается и плачет.)*

Анфиса Карповна. Это что ещё?

Гаврила Прохорыч. Прошенька скоро женится.

Анфиса Карповна. Ну, так что же?

Гаврила Прохорыч. Жалко Прошеньку.

Анфиса Карповна. Ведь это не вы плачете; это вино в вас плачет. Плачут-то, когда дочерей отдают, а когда сыновей женят, так радуются. Вы забыли.

Гаврила Прохорыч. Нет, так что-то чувствительно стало; а то я ничего,— я радуюсь. Он ко мне почтителен; он меня, старика, уважает, к слабостям моим нисходит.

Анфиса Карповна. Вы и его-то этим слабостям выучили. А вы бы вот оделись да нынче с сыном к невесте съездили, благо, вы в своём виде, а то ведь не скоро этого дождёшься.

Гаврила Прохорыч. Хорошо, я пойду оденусь.

Анфиса Карповна. Да ведите-то себя приличней.

Гаврила Прохорыч. Что вы меня учите! Я знаю, как себя вести. Как ведут себя благородные люди, так и я себя стану вести. *(Уходит.)*

Анфиса Карповна. Как же! Похоже на то, что ты будешь вести себя, как благородные люди ведут! Ну, да с старика-то не взыщут.

Входит купец с кульком в руках.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Анфиса Карповна и купец.

Анфиса Карповна. А, Вавила Осипыч! Вы к Прошеньке?

Купец. Точно так-с.

Анфиса Карповна. Он занят теперь.

Купец. Подождём-с.

Анфиса Карповна. Садитесь, пожалуйста!

Купец. Покорнейше благодарим-с. Не извольте беспокоиться-с. *(Садится.)*

Анфиса Карповна. Что это такое у вас? Вино, должно быть?

Купец. Оно самое-с.

Анфиса Карповна. Что это вы всё вино носите?

Купец. Потому завсегда требуется-с.

Анфиса Карповна. Да уж часто вы его носите-то, да и помногу.

Купец. Изойдёт-с. Для дому вещь необходимая-с.

Анфиса Карповна. Что ваше дело?

Купец. Прикончено-с.

Анфиса Карповна. Что ж, вы довольны?

Купец. Не то что довольны, а так надобно сказать, что должны век Бога молить за Прохора Гаврилыча. За это дело я теперича, кажись, по гроб моей жизни всё, что только им угодно. Скажи они мне: Вавила Осипыч... меня, сударыня, Вавила Осипыч зовут... достань птичьего молока! Всю вселенную пешком обойду, а уж достану.

Анфиса Карповна. Да, ему многие благодарны.

Купец. Отменный человек-с.

Анфиса Карповна. Его купечество очень любит.

Купец. Нельзя не любить-с; потому, первое дело, человек деловой-с, всякому нужный; а второе дело, невзыскательны-с. С нашим братом компанию водит, всё равно что с равным, безобразия

нашего не гнушается; даже я так замечаю, что им очень нравится. Ну, и выпить ежели, так как у нас этот порядок заведён,— я вам доложу, сударыня, мы временем бываем довольно безобразны, так нам для этого нужна компания,— так они никогда от этого не прочь, а завсегда с нами по душе. И не то чтоб отставать или компанию ломать, а могут посидеть вплотную и со всеми равняются. Да другой и из наших против них не выстоит. Ну и, значит, человек стоит уважения. Ведь и у нас тоже не всякого полюбят, а с разбором-с, кто чего стоит.

Анфиса Карповна. Только уж он много пьёт-то с вами.

Купец. Нет, что за много-с! Соразмерно пьют.

Анфиса Карповна. Нет, уж не очень соразмерно.

Купец. Оно точно, кто редко, так, может быть, и много покажется-с; а ежели пить постепенно, вот как мы-с, так оно ничего. На всё привычка-с.

Анфиса Карповна. Знаете ли, Вавила Осипыч, я его женить собираюсь.

Купец. Оченно прекрасно-с.

Анфиса Карповна. Он теперь в таких летах.

Купец. В самом разе-с.

Анфиса Карповна. Ну, а я стара стала; ведь не знаешь, когда Бог по душу пошлёт, так хочется его устроить при жизни. Познакомилась я недавно с одной барыней, у ней дочка только что из пансиона вышла; поразговорились мы с ней, я ей сына отрекомендовала; так у нас дело и пошло. Я ей как-то и намекнула, что вот бы, мол, хорошо породниться! «Я, говорит, не прочь! Как дочери понравится!» Ну, уж это, значит, почти кончено дело. Долго ли девушке понравиться? Она ещё и людей-то не видала. А с состоянием, и деньги есть, и имение.

Купец. Самое настоящее дело-с.

Анфиса Карповна. Я вам скажу, Вавила Осипыч, я никак не думала, что он такой дельный будет. Ученье ему не давалось — понятия ни к чему не было, так что через великую силу мы его грамоте выучили,— больших хлопот нам это стоило. Ну, а уж в гимназии и совсем ничего не мог понять; так из второго класса и взяли. К этому же времени отец-то его совсем ослаб. Столько я горя перенесла тогда, просто выразить вам не могу! Определила я его в суд, тут у него вдруг понятие и открылось. Что дальше, то всё лучше; да вот теперь всю семью и кормит. Да ещё что говорит! Я, говорит, маменька, службой

не дорожу; я и без службы, только частными делами, состояние себе составлю. Вот какое понятие ему вдруг открылось!

Купец. И теперича их работа самая дорогая и самая тяжёлая, потому что всё надо мозгами шевелить. Без мозгов, я так полагаю, ничего не сделаешь.

Выходят из кабинета Прохор Гаврилыч и проситель. Купец встаёт.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Прохор Гаврилыч и проситель.

Прохор Гаврилыч *(провожая просителя до двери)*. Я вам сказал, что хлопотать буду; ну, а там что Бог даст.

Проситель. Сделайте милость, Прохор Гаврилыч! *(Уходит в дверь.)*

Прохор Гаврилыч *(в дверь)*. Хлопотать я буду, уж я вам сказал; а там, как взглянут.

Проситель *(из передней)*. Уж похлопочите, Прохор Гаврилыч. Прощенья просим!

Прохор Гаврилыч. Прощайте! *(К купцу.)* А, друг! Что это ты, вина принёс?

Купец. Особенного.

Прохор Гаврилыч. Ну вот спасибо! Так попробовать надо. Орест!

Входит Орест.

Откупори да подай рюмок!

Орест берёт кулёк.

Купец. Ты двух сортов откупори. А те, что с долгим горлышком-то, для другого разу оставь. Да постой, я покажу тебе.

Купец и Орест уходят.

Анфиса Карповна. Ты ведь к невесте хотел ехать.

Прохор Гаврилыч. Я и поеду.

Анфиса Карповна. А зачем же вино-то пить?

Прохор Гаврилыч. Так, маменька, что-то я нынче в расположении. Всё сидел за делом, так хочется голову освежить, чтобы фантазия была.

Входят купец и Орест с бутылками и рюмками на подносе и ставят его на стол.

Купец *(Оресту)*. А ты, братец, поглядывай! Коли видишь, что которая опросталась, ты и перемени, свеженькую подставь. Не всё же тебя кликать.

Орест уходит.

Прохор Гаврилыч *(садится)*. Ну, вот теперь сядем да потолкуем.

Купец. Сейчас-с! *(Наливает вино в рюмки и подносит Прохору Гаврилычу.)* Пожалуйте-с!

Прохор Гаврилыч берёт и пьёт.

Вас, сударыня, прикажете просить?

Анфиса Карповна. Я его и видеть-то не могу.

Купец. Как будет угодно; неволить не смею-с. Вот теперь сам выпью-с. *(Наливает себе.)* Желаю вам быть здоровым, сударыня!

Анфиса Карповна. Покорно благодарю! Кушайте на здоровье.

Купец *(пьёт)*. Теперь разве вдруг по другой? А то с одной-то не разберёшь.

Прохор Гаврилыч. Наливай!

Купец наливает.

Анфиса Карповна. Будет вам!

Прохор Гаврилыч. Полноте, маменька! Что мы, дети, что ли! Я себя знаю.

Купец *(подавая рюмки)*. Пожалуйте-с! Честь имею поздравить! *(Пьёт сам.)*

Прохор Гаврилыч. С чем?

Купец. Как с чем! Да нынче что?

Прохор Гаврилыч. А что?

Купец. Первая пятница на этой неделе. Ну, вот и честь имеем поздравить.

Прохор Гаврилыч. Ах ты, голова! Маменька, каков молодец!

Анфиса Карповна. Поезжай ты поскорее!

Прохор Гаврилыч. Маменька, я понимаю. Вот сейчас и поедем.

Купец. Прикажете?

Прохор Гаврилыч. Наливай!

Анфиса Карповна. Этому конца не будет!

Прохор Гаврилыч и купец пьют.

Прохор Гаврилыч *(встаёт и подходит к матери; в это время купец ещё наливает по рюмке)*. Маменька, я вижу, что вы обо мне заботитесь, и чувствую это. Пожалуйте ручку! *(Целует руку.)* Я грязную жизнь веду,— я это понимаю; какой же матери это приятно! Ну, я и оставлю. Женюсь и оставлю. Вам не угодно, чтобы я такую жизнь вёл, ну, я и оставлю. *(Опять целует руку.)* Я для вас всё, что вам угодно.

Анфиса Карповна. Дай-то бог!

Прохор Гаврилыч *(подходит к столу и пьёт)*. Я уж сказал, маменька! У меня сказано — сделано.

Купец. А я тебя, барин, вчера долго ждал. Я с вашим сынком теперь, сударыня, всё равно, что неизменное копьё: куда он, туда и я. Вот уж другую неделю с ним путаемся, расстаться не могу, всё и ездим вместе. Коли он по делу куда зайдёт, я на дрожках подожду либо в трактире посижу. А глядишь, к вечеру-то кулёчек захватим, да и за город махнём, на травке полежать. Под кустиком-то оно приятно.

Прохор Гаврилыч. Мы и нынче с тобой вместе поедем.

Анфиса Карповна. Ты с отцом поедешь.

Прохор Гаврилыч. Ну, что ж! Он за нами поедет. Ты подожди в трактире! Я оттуда скоро. Что там долго-то делать? Посидим, поговорим, да и кончено дело. Там ведь сухо; кроме чаю, ничем не попотчуют. Да и разговаривать-то с ними, из пустого-то в порожнее пересыпать, тоже скука возьмёт.

Купец. Канитель... *(Наливает себе и Прохору Гаврилычу.)*

Прохор Гаврилыч *(пьёт)*. Уж именно, брат, канитель.

Анфиса Карповна *(умоляющим голосом)*. Проша!

Прохор Гаврилыч. Маменька, я чувствую. Что у меня — каменное, что ли, сердце-то! Я ведь понимаю, что вам эта жизнь не нравится, и мне она не нравится. Вы находите, что грязно,— и я вижу, что грязно. Вижу, вижу, маменька. Вам не нравится, ну я и оставлю: я для вас это удовольствие сделаю.

Анфиса Карповна. Что же не оставляешь?

Прохор Гаврилыч. Маменька, оставлю. Уж будьте покойны, оставлю, и в рот не буду брать.

Купец *(наливая)*. Зачем совсем оставлять!

Прохор Гаврилыч *(берёт и пьёт)*. Нет, я, брат, совсем оставлю. Только, маменька, нельзя же вдруг.

Купец. Даже вред может быть от этого.

Анфиса Карповна. Как же ты к невесте-то поедешь?

Прохор Гаврилыч. Маменька, я себя знаю. Надобно так к невесте ехать,— не то чтобы пьян, это уж скверно, а чтобы фантазия в голове была. Что я без фантазии буду с ними, маменька, разговаривать? Об чём? Кабы я знал что-нибудь или читал книги какие, тогда бы другое дело. Значит, мне фантазия и нужна.

Купец. С фантазией лучше.

Прохор Гаврилыч. Я без фантазии с женщинами никогда и не разговариваю; мне как-то робко подойти. А как есть маленькая фантазия, так откуда смелость возьмётся!

Входит Орест, ставит бутылку на стол, а пустую уносит.

Анфиса Карповна. Сходи наверх, скажи барину, что пора ехать.

Орест. Они не могут.

Анфиса Карповна. Отчего?

Орест. Я из передней-то отлучился ненадолго, а они унесли бутылку да, должно быть, её и кончили.

Анфиса Карповна. Тиранит он меня! Хоть вы-то поезжайте.

Прохор Гаврилыч. Мы, маменька, сейчас. Ну-ка, на дорожку. Орест, вели лошадь подавать!

Орест уходит.

Купец. И по закону следует. *(Наливает.)*

Прохор Гаврилыч. А где такой закон? Где он написан? *(Пьёт.)*

Купец. Да хоть он и не написан, а всякий его исполняет.

Прохор Гаврилыч. Ну, какие же у тебя планы? Куда мы с тобой нынче вечером?

Купец. А какие планы? Планы у меня вот какие: перво-наперво в Марьину рощу съездить засветло; а оттуда по дороге в Ельдораду.

Прохор Гаврилыч. Ну, хорошо. Я недолго пробуду, часу до девятого, не больше.

Анфиса Карповна. Да поезжайте! Лошадь дожидается.

Прохор Гаврилыч. Сейчас, маменька. Надобно же столковаться-то; а то там рассуждай после, куда ехать, а время-то идёт.

Купец. Это настоящее дело-с.

Прохор Гаврилыч *(встаёт)*. Ну, поедем! Прощайте, маменька! *(Целует руку.)* Видите, маменька, я еду. Я для вас всё... Что

прикажете, то я и сделаю. Вот теперь я себя чувствую, что я могу разговаривать. Я теперь об чём хотите... А без фантазии просто смерть, рот боишься разинуть. *(Нагибается к матери.)* А вы, маменька, не беспокойтесь насчёт того; там всё кончено. Ну, то есть насчёт Олиньки... Вам Пульхерия Андревна насплетничала, вы огорчились этим; я сейчас же понял, что вам это неприятно, ну и кончил всё. Я из вашего лица заметил, что вам неприятно, ну я и кончил.

Анфиса Карповна. Ну и хорошо.

Прохор Гаврилыч. Кончил, кончил. Прощайте! *(Целует руку.)*

Купец. И посошок на дорогу. *(Наливает.)*

Анфиса Карповна. Какой ещё посошок?

Купец. Уж без этого нельзя-с.

Пьют.

Прохор Гаврилыч *(взяв шляпу)*. Маменька, прощайте!

Купец. Прощения просим, сударыня! Вы нас извините; потому, как, собственно, мы из расположения, а не с тем, чтобы что-нибудь дурное. *(Кланяется.)*

Прохор Гаврилыч *(уходя)*. А вы, маменька, насчёт того не беспокойтесь. Я вам сказал — так оно и есть. Кончил я всё, кончил.

Уходят.

Анфиса Карповна. Ну, слава богу, уехали! Ну, вот надо бы прогнать этого купца, а как его прогонишь? Нужный человек! Что делать, должность такая. Она бы служба-то и не трудна, да вот этим-то уж очень тяжела — знакомством-то. Тяжёлая служба! Ты его стараешься как на путь наставить; а по службе-то он должен вот этакую компанию водить. Не водить компанию — не иметь доходу; а водиться с ними, так сопьёшься с кругу. Вот тут, как хочешь, и раскидывай умом. А матери-то и то больно, и другое не сладко. Деньги-то, знать, никому даром не достаются.

Входит Пульхерия Андревна.

Это ещё какими судьбами!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Анфиса Карповна и Пульхерия Андревна.

Пульхерия Андревна. Вы не удивляйтесь! Хоть мы с вами и поссорились, но я всё-таки всегда желала вам добра и никогда вас

не могу променять на мещанку какую-нибудь. А теперь выходит такое дело, что я должна вас предупредить; потому я и думаю, что лучше мне позабыть всё, что между нами было. По крайней мере, вы из слов моих увидите, сколько во мне благородства против вас.

Анфиса Карповна. Покорно вас благодарю.

Пульхерия Андревна. Потому что, как бы мы с вами ни ссорились, а вы всегда дороже для меня, по своему званию, какой-нибудь мещанки.

Анфиса Карповна. В чём дело-то? Я вас не пойму.

Пульхерия Андревна. Дело в том, Анфиса Карповна, что есть люди, которые, при всём своём ничтожестве, много об себе думают и много себе позволяют. Но по глупости своей, которая в их круге врождённая, не могут никак скрыть своих хитростей.

Анфиса Карповна. Вы уж очень мудрёно говорите.

Пульхерия Андревна. Кажется, вам бы можно понять; теперь же у вас такое дело, которое требует с вашей стороны осторожности и оглядки.

Анфиса Карповна. Что же такое за дело? Что я хочу сына женить, так это дело очень обыкновенное.

Пульхерия Андревна. А ежели есть люди, которым это очень не нравится?

Анфиса Карповна. А мне-то что за дело!

Пульхерия Андревна. Ежели бы не было дела, разве бы я к вам пришла?

Анфиса Карповна. Пустяки какие-нибудь.

Пульхерия Андревна. Хотя ваши слова для меня и обидны, но я вам скажу, что не пустяки. Если б пустяки, я бы к вам не пошла. Я должна была переломить себя, чтобы идти к вам; а ежели бы были пустяки, для чего бы мне переламывать себя и идти к вам?

Анфиса Карповна. Ну, так скажите, коли знаете что.

Пульхерия Андревна. Разумеется, знаю.

Анфиса Карповна. Что же такое?

Пульхерия Андревна. Я вам говорила про одну девушку.

Анфиса Карповна. Помню, помню.

Пульхерия Андревна. Ну, так они хотят помешать вашему намерению. Я у них нынче была, они мне об этом говорили. Я притворилась, что их слушаю; но, вы сами можете понять, могу ли я стерпеть, чтобы какая-нибудь мещанка сделала такую неприятность

благородной даме? Они воображают, что я могу быть с ними заодно; но они очень ошибаются.

Анфиса Карповна. Да чем же они могут помешать?

Пульхерия Андревна. Ах, боже мой! Точно вы не понимаете! Пойдут к невесте в дом, ну и расскажут всё.

Анфиса Карповна. Да что же всё-то?

Пульхерия Андревна. Какого Прохор Гаврилыч поведения, и разные другие поступки.

Анфиса Карповна. Да кто же им поверит?

Пульхерия Андревна. Отчего же не поверить?

Анфиса Карповна. Да стоит только взглянуть на моего сына, чтоб не поверить никаким сплетням. А они его часто видят; вот он и теперь к ним поехал.

Пульхерия Андревна. Что же уж вы так очень высокого мнения об вашем сыне?

Анфиса Карповна. Да если он этого стоит.

Пульхерия Андревна. Ну, а насчёт крепких напитков-то, что вы скажете?

Анфиса Карповна. Кто же его видел пьяным?

Пульхерия Андревна. Вот прекрасно! Да я думаю, все видали. Трезвым-то редко видят, а пьяным-то чуть не каждый день.

Анфиса Карповна. Так затем-то вы пришли, чтоб моего сына мне в глаза позорить?

Пульхерия Андревна. Хотя и не затем, но что же делать, когда вы так ослеплены? Должна же я вам выразить то, что все об нём знают.

Анфиса Карповна. Вы можете это про себя знать, а я вперёд этого слушать не желаю и покорнейше вас прошу...

Пульхерия Андревна *(встаёт)*. Не беспокойтесь, не беспокойтесь! Я уж давно сама себя внутренно проклинаю, что мне пришло в мысль зайти к вам. Я хотела для вашей пользы...

Анфиса Карповна. Да сделайте одолжение, не нужно...

Пульхерия Андревна. И если же после этого когда-нибудь нога моя...

Анфиса Карповна. Очень, очень будем рады.

Пульхерия Андревна *(уходя)*. Не пришлось бы и мне кланяться.

Анфиса Карповна *(провожая её)*. Не дай-то господи!

Пульхерия Андревна *(из двери)*. Осыпь меня, кажется, золотом, так уж я к вам никогда! *(Скрывается.)*

Анфиса Карповна *(в дверях)*. Я молебен отслужу.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

ТАТЬЯНА НИКОНОВНА.
ОЛИНЬКА.
ПУЛЬХЕРИЯ АНДРЕВНА.
ПРОХОР ГАВРИЛЫЧ.
ВАВИЛА ОСИПЫЧ.

Декорация первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Татьяна Никоновна и Олинька сидят за столом и шьют.

Олинька. Нейдёт что-то наша Пульхерия Андревна.

Татьяна Никоновна. Мало ли у ней дела-то! У ней ведь опека большая, не одни мы с тобой. Разве скоро всю нашу палестину-то обходишь! А она уж как вышла из дому, так всех знакомых навестит.

Олинька. Уж она, чай, всё разнюхала; хоть бы рассказала пришла.

Татьяна Никоновна. Что-то ты уж очень слободно разговариваешь! А у самой, чай, кошки на сердце скребут…

Олинька. Ровнёхонько-таки ничего.

Татьяна Никоновна *(взглянув в лицо Олиньке)*. Поверю я тебе, как же! Так только куражишь себя.

Олинька. Да, пожалуй, не верьте; мне-то какая надобность! Вы, может быть, потому так заключаете, что я вчера плакала?

Татьяна Никоновна. А хоть бы и потому.

Олинька. Так это только одна глупость была с моей стороны. Не стоит внимания жалеть-то его. Вообразила я себе сдуру-то, что он на мне женится: оттого и обидно стало. А так-то не велика находка! Хуже-то мудрено найти, а лучше-то хоть сейчас.

Татьяна Никоновна. Ты что ещё придумываешь? Смотри у меня!

Олинька. Ничего. Не беспокойтесь!

Татьяна Никоновна. То-то, ничего! Я тебя замуж выдам, и таки скорёхонько.

Олинька. За кого это, позвольте спросить? За мастерового за какого-нибудь?

Татьяна Никоновна. А хоть бы и за мастерового.

Олинька. Нет, уж увольте, сделайте милость. Идти ли, нет ли,— за благородного; а то так и не надо.

Татьяна Никоновна. Мало бы ты чего захотела! А коли благородных-то не припасено для тебя...

Олинька. Не припасено, так и не надо. Проживу и так.

Татьяна Никоновна. Да я-то не хочу, чтоб ты так жила да ветреничала.

Олинька. Всё будет по-вашему, только не горячитесь, пожалуйста! Нарисуйте мне рисунок, как жить; так точно я и буду.

Татьяна Никоновна. Рисовать нечего. Потому что узоры не мудрёные.

Входит Пульхерия Андревна и садится.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Пульхерия Андревна.

Пульхерия Андревна. Ну, можете себе представить, как я узнала...

Татьяна Никоновна. Здравствуйте!

Олинька. Как дела?

Пульхерия Андревна. А вот сейчас расскажу всё по порядку. Ну, вот-с: ведь была я там, у невесты-то...

Олинька. Были?

Пульхерия Андревна. Была. Даже только сейчас от них.

Олинька. Каким же это манером?

Пульхерия Андревна. А вот каким: у соседки нашей продаётся шаль — презент, понимаете ли. Так как много ей этих презентов делают, так она половину продаёт. Ну вот подхватила я эту шаль в охапку, да и марш к Шишанчиковым. Шишанчиковы им фамилия-то. Направляю это туда стопы свои, да и думаю: приду будто продавать, а там распущу разговор, не выгонят же. Мне только бы в дом взойти! Так точно и случилось! Прихожу, докладывают; выходит ко мне сама старуха, женщина солидная, обстоятельная... Начинаю разговор: я, говорю, сама благородная дама, наслышана об вас, что вы дочку отдаёте, так приятно будет для меня услужить вам. Поверьте, гово-

рю, что я не из интересу, а собственно для вас; ну и пошла, дальше да больше, уж я за словом в карман не полезу. Просят меня кофеем; я располагаюсь как дома. Только мне старуха-то и говорит: «Это точно, я было, говорит, дочь просватала, да теперь у нас, кажется, это дело должно разойтись».

Татьяна Никоновна и Олинька. Как так? Что вы говорите?

Пульхерия Андревна. А вот слушайте! «Вчерашний, говорит, день нас жених в большое сомнение ввёл». А он, знаете ли, какую штуку отколол! Поехал из дому-то уж выпивши, с приятелем со своим, с подрядчиком, да, видно, им мало показалось, так они ещё по разным местам заезжали. Где уж они там плутали — это неизвестно; только к невесте-то он явился уж часу в одиннадцатом и всё с этим с Вавилой Осипычем. Ну, можете себе представить, каковы соколы налетели! Старуха-то мне и говорит: «Поглядим на них с дочерью, поглядим, да выдем, говорит, в другую комнату; потолкуем-потолкуем, да опять придём поглядим; да опять выдем — потолкуем. Нет, видим, дело не годится, так и ушли к себе и легли спать; как уж они уехали, и не знаем». Ну уж, Татьяна Никоновна, и напела же я им! Я, говорю, ваши речи послушала, теперь послушайте моих! Да уж и отчитала его, друга милого! Дивлюсь, откуда только у меня слова брались! Такие слова, самые поразительные! Они тут же при мне написали записку с отказом и послали ему с человеком. Сегодня суббота: он в присутствие не ходит, так уж теперь он её и получил давно; я таки у них ещё с полчаса после этого посидела.

Татьяна Никоновна. Теперь ведь, гляди, сюда придёт.

Олинька. Сегодня же придёт, уж я его знаю. *(Задумывается.)*

Татьяна Никоновна. Что ты задумалась?

Олинька. Да надобно язвительных слов побольше придумать.

Татьяна Никоновна. Придумывай, придумывай! И я после подбавлю. Что, дурочка, рада, небось?

Олинька. Да, разумеется, рада; только погодите, маменька, не мешайте! Слова-то в голове, одно за другим, так и вьются клубком, только бы не забыть.

Пульхерия Андревна. А уж как я довольна, Татьяна Никоновна, что им форс-то сбили! А то бы с ними и не сговорил. Теперь спеси-то у них поубудет вершка на два.

Татьяна Никоновна *(взглянув в окно)*. Никак едет? Он! Он! Да и с купцом.

Пульхерия Андревна. Вы меня спрячьте куда-нибудь! Не хотелось бы мне, чтоб он меня здесь видел.

Татьяна Никоновна. А вот пожалуйте за перегородку!

Пульхерия Андревна уходит.

Ну, Олинька, теперь поругать его хорошенько, да и прогнать. Поставить на порог, да в три шеи до ворот.

Олинька. Прогнать-то не хитро! Прогнать-то всегда успеем.

Татьяна Никоновна. А что же?

Олинька. А надобно его жениться заставить, вот что!

Татьяна Никоновна. Уж ты, девка, больно ловка хочешь быть!

Олинька. Чего ж зевать-то! Дураков-то уж нынче, говорят, меньше стало; ещё жди, скоро ли другой-то набежит.

Васютин входит и останавливается в дверях.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Татьяна Никоновна, Олинька и Прохор Гаврилыч.

Прохор Гаврилыч *(в дверях)*. Смотри же, Вавила Осипыч, ты подожди!

Олинька. Я даже, маменька, не могу понять, как это могут люди не иметь совсем совести! Наделают в жизни столько гадостей, и не стыдно им людям в глаза смотреть!

Татьяна Никоновна. Разные люди-то бывают. У иного стыд есть, а другому хоть ты кол на голове теши, так ему всё равно.

Прохор Гаврилыч *(садится)*. Ну да что вы толкуете! Вы знаете ли, зачем я к вам пришёл-то?

Олинька. Нам и знать-то не нужно. Мы и думать-то про вас забыли.

Татьяна Никоновна. Непрошеный гость хуже татарина.

Прохор Гаврилыч. А ведь я жениться-то раздумал.

Олинька. Какое же нам до этого дело! Женитесь вы или не женитесь, нам решительно всё равно.

Татьяна Никоновна. Да полно, сами ли раздумали?

Олинька. Не карету ли подали?

Прохор Гаврилыч. Кому это карету? Мне-то? Посмотрел бы я! Я сам не захотел. Что, думаю, связывать-то себя! Жениться-то я ещё всегда успею. Невест, что ли, мало в Москве-то!

Татьяна Никоновна. Да-с, да-с! Что вам за охота себя связывать!

Обе хохочут.

Прохор Гаврилыч. Да вы что смеётесь-то! Вы, значит, человека ценить не умеете. Почём вы знаете, может быть, я из любви к ней *(показывает на Олиньку)* не женился?

Татьяна Никоновна. Не захотели девушку обидеть. Это очень хорошо с вашей стороны.

Хохочут.

Прохор Гаврилыч. Ну да! Что ж такое! Оттого и не женился. Тебя не захотел обидеть, оттого и не женился. Вот я каков! Захотел тебе доказать, что люблю тебя, и доказал. Уж какая была невеста — прелесть! Не хочу, говорю, да и всё тут. Олинька, говорю, дороже для меня всего на свете.

Олинька. Очень много вам за это благодарна!

Прохор Гаврилыч. Так маменьке и говорю: «Невеста влюблена в меня; ну и пускай она страдает! А я Олиньку ни на кого не променяю».

Татьяна Никоновна. Так вы мою дочку очень любите?

Прохор Гаврилыч. Да нельзя её и не любить, Татьяна Никоновна! Я вам вот что скажу: никого я так не любил, да никогда и любить не буду. Её озолотить надо: вот какая она девушка!

Олинька. Какие вы жестокости говорите.

Прохор Гаврилыч. Что за жестокости! У меня уж такой характер. Коли я кого полюбил, я уж ничего не пожалею. Что только душе угодно, я сейчас. Деньги я считаю ни за что.

Олинька. Нет, уж это очень жестоко для моего сердца! Я даже и не знаю, что вам отвечать на такие нежности. Помилуйте, стою ли я такой любви от вас?

Татьяна Никоновна. Чего доброго, ты, смотри, к нему на шею не кинься за такие благодеянья!

Олинька. Да уж и то, маменька, насилу могу совладать с своими чувствами! *(Хохочет.)* Вот как нас любят, маменька!

Татьяна Никоновна. Очень вам, батюшка, благодарны. *(Кланяется.)*

Олинька. Вы всю свою любовь выразили, или ещё что-нибудь осталось?

Прохор Гаврилыч. Я могу и на деле доказать.

Олинька. Очень сожалеем, что ваша любовь пришла не ко времени.

Прохор Гаврилыч. Отчего же не ко времени?

Олинька. Немного поздно вы хватились. Я выхожу замуж.

Татьяна Никоновна. Да, батюшка, я ей жениха нашла.

Прохор Гаврилыч. Как замуж? За кого?

Татьяна Никоновна. Уж это, батюшка, наше дело.

Прохор Гаврилыч. Не может быть! Вы, должно быть, нарочно.

Татьяна Никоновна. Хотите верьте, хотите нет,— это дело ваше. Только, батюшка, вот что: вы уж не беспокойте себя, не ходите к нам.

Олинька. Да, уж сделайте такую милость, я вас прошу.

Прохор Гаврилыч. Да когда ж вы это успели?

Татьяна Никоновна. Долго ли, батюшка! Олинька, тебе одеться надо!

Олинька. Да, маменька. Я думаю, скоро жених придёт.

Прохор Гаврилыч. Так у вас, значит, кончено?

Татьяна Никоновна. Кончено, батюшка, кончено. Да и в комнате-то нужно прибрать.

Прохор Гаврилыч. Нет, как хотите, а я не пойду отсюда.

Татьяна Никоновна. Так благородные люди не делают. Пришли неизвестно зачем, уселись, как дома, и выгнать вас нельзя.

Прохор Гаврилыч. Что хотите, требуйте от меня, берите с меня, что хотите, только не выходи замуж. Я ни за чем не постою. Ты знаешь, как я привык к тебе; я без тебя с ума сойду.

Олинька. Я бы не пошла ни за кого; но маменька этого хочет.

Татьяна Никоновна. Отчего бы ты не пошла?

Олинька. Вы сами знаете.

Татьяна Никоновна. Знаю, знаю. Против тебя подлости делают, а ты всё готова простить, потому что у тебя сердце доброе. Ты плачешь да убиваешься об нём, а он и взгляду-то твоего не стоит. Прощайте, батюшка!

Прохор Гаврилыч. Нет, постойте! Разве она плачет обо мне?

Татьяна Никоновна. Разумеется, плачет. Это она при вас нарочно виду не подаёт, весёлой прикидывается; а без вас, посмотрите-ка, что делает... Да вы нас когда же в покое-то оставите?

Прохор Гаврилыч. Сейчас, сейчас! Так, значит, ты меня любишь? Да это я всегда знал.

Олинька. Конечно, люблю; но маменька, узнавши всё это, непременно хочет, чтобы я шла замуж. Я из воли маменькиной не выйду; я и так чувствую себя, что я против неё много виновата.

Татьяна Никоновна. Да, уж я теперь её ни на шаг не отпущу от себя, пока замуж не выдам.

Олинька. Само собой, что я по своей любви к тебе не могу тебя равнодушно оставить; кажется бы, век не рассталась...

Татьяна Никоновна. На то я и мать, чтобы смотреть за тобой! Да что ж вы нейдёте! Будет ли этому конец?

Прохор Гаврилыч. Не пойду я от вас, и свадьбы вашей не бывать; я сам женюсь на ней.

Татьяна Никоновна. А когда это случится? После дождичка в четверг?

Прохор Гаврилыч. Ну, через месяц.

Татьяна Никоновна. Долго ждать, батюшка! В месяц много воды утечёт.

Прохор Гаврилыч. Ну, да уж вы поверьте мне.

Олинька. Поверить-то нельзя.

Прохор Гаврилыч. Отчего же?

Олинька. Оттого, что ты всё врёшь. Ведь ты нам тут что наговорил; а мы всё знаем. Знаем, как ты вчера к невесте пьяный приезжал, как тебе нынче поутру записку прислали.

Татьяна Никоновна. Вот, значит, вам верить-то и нельзя.

Прохор Гаврилыч. Ну да вот что: с отцом мне нечего много толковать, мне только маменьку уговорить. Значит, я вам через полчаса дам ответ. Коли маменька согласна, так хоть завтра же свадьба.

Татьяна Никоновна. Через полчаса — уж очень скоро; зачем так торопиться? А вот если к вечеру вы нам не дадите ответу, так мы её вечером образом благословим.

Прохор Гаврилыч. Ну, так до свиданья! Прощай, Олинька! *(Целует её.)*

Олинька *(провожая его)*. Ты только никуда с купцом-то не заезжай!

Прохор Гаврилыч. Нет, я прямо домой. *(Уходит.)*

Татьяна Никоновна. Уж теперь, должно быть, не сорвётся.

Олинька. Да, похоже на то. А ведь я, маменька, буду барыня хоть куда!

Татьяна Никоновна. Ещё бы! Только, ох — как пуст малый-то!

Олинька. Всё-таки лучше мастерового.

Татьяна Никоновна. Что говорить!

Олинька. А вот я его после свадьбы-то к рукам приберу.

Входит Пульхерия Андревна.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Пульхерия Андревна.

Пульхерия Андревна. Ну что, прогнали?

Татьяна Никоновна. Зачем гнать! Добрых людей не гоняют.

Пульхерия Андревна. Давно ли это он стал для вас добрый человек?

Олинька. Он всегда был добрый человек, только он немножко рассеян.

Пульхерия Андревна. Из ваших слов я замечаю, что вы с ним помирились. Это для меня очень странно! После всего того, что он против вас сделал, я бы на вашем месте его и на глаза к себе не пустила.

Олинька. Уж поверьте, что я бы то же сделала. Но он показал себя очень с благородной стороны против меня. Даже в нынешнем свете очень немного таких людей.

Пульхерия Андревна. Я уж не пойму этого, извините меня.

Татьяна Никоновна. Что ж тут не понять-то! Очень просто. Он женится на Олиньке.

Пульхерия Андревна. Он! На Олиньке! Вы шутите или смеётесь надо мной?

Татьяна Никоновна. Нисколько не думаем. Да и что же это для вас так удивительно! Что вы тут такого странного находите, хотела бы я знать?

Пульхерия Андревна. Да что же он, помешался, что ли, от пьянства-то?

Татьяна Никоновна. Из чего это вы заключаете, что он помешался?

Пульхерия Андревна. Да изо всего.

Татьяна Никоновна. Нет, однако?

Пульхерия Андревна. Да разве в здравом уме можно такие дела сделать?

Олинька. Хотел же он жениться на другой; отчего ж ему на мне не жениться? Я себя нисколько не считаю хуже других.

Пульхерия Андревна. Всё-таки он не должен марать своего звания.

Олинька. Да чем же это марать-то?

Татьяна Никоновна. Да вас-то муж взял, разве вы были лучше Олиньки?

Пульхерия Андревна. Тогда были совсем другие понятия об жизни, чем теперь.

Татьяна Никоновна. Значит, вам не нравится, что Васютин женится на моей дочери?

Пульхерия Андревна. Разумеется, она ему не пара.

Татьяна Никоновна. Ну извините, что, не спросясь вас, дело сделали! Вперёд будем спрашиваться. Как это мы оплошали, я уж и не знаю! С такой умной дамой да не посоветовались! Да и он-то как осмелился без вашего позволения, для меня удивительно! Ему бы к вам прийти да спросить: что, мол, мне, Пульхерия Андревна, жениться на Олиньке или нет?

Пульхерия Андревна. Вы мне колкостей не говорите! Я от вас их слушать не желаю.

Татьяна Никоновна. А мы-то, вы думаете, желаем вас слушать? Да с чего вы взяли нам свою важность-то показывать! Кому она нужна! Что вы величаетесь-то перед нами!

Олинька. Оставьте, маменька! Пущай говорят, что хотят.

Татьяна Никоновна. Нет, погоди! Я тебя в обиду никому не дам. Это уж и на свете жить не надо, коли у себя в доме да над собой же ругаться позволить.

Пульхерия Андревна *(встаёт)*. Вы, по своему необразованию, можете ругаться; а я никогда себе этого не позволю, потому что считаю за невежество. А я всё-таки вам скажу и всегда буду говорить, что ваша дочь никаким образом не пара Васютину.

Татьяна Никоновна. Говорить вам никто не запрещает. Говорите, что хотите, только где-нибудь в другом месте, а не у нас.

Пульхерия Андревна. Вам только таких дураков и опутывать, как Васютин.

Олинька. Вы очень умны; да жаль, что некстати.

Татьяна Никоновна. Эк вам чужое-то счастье поперёк горла становится! Да ещё погодите, мы вам то ли покажем! Вот мы с дочерью-то разоденемся, да будем в коляске на своих лошадях разъезжать. Что-то вы тогда скажете?

Пульхерия Андревна. Вы и сидеть-то в коляске не умеете.

Татьяна Никоновна. К вам учиться не пойдём, не беспокойтесь!

Пульхерия Андревна. Не об чем мне беспокоиться; я очень покойна.

Татьяна Никоновна. А покойны, так и прекрасно. Вы бы и нас-то тоже в покое оставили!

Пульхерия Андревна. И оставлю. Я секунды не могу остаться после таких оскорбительных для меня слов.

Татьяна Никоновна. Да уж и напредки-то...

Пульхерия Андревна. Само собою. *(Подходя к двери.)* Нет, какова нынче благодарность! Ведь это если людям сказать, так не поверят. По чьей милости Васютину-то отказали?

Татьяна Никоновна. Небось, по вашей? Да если бы и по вашей, так всё-таки вы не для нас делали; да никто вас об этом и не просил, а так, своё сердце тешили. Разве вы можете жить без кляузов?

Пульхерия Андревна. Что же я, аспид, по-вашему? Покорно вас благодарю за такое мнение.

Татьяна Никоновна. Не стоит благодарности. Чего другого, а за этим у меня дело не станет.

Пульхерия Андревна. Нет, уж это нестерпимо даже, как вы себе много воли даёте!

Татьяна Никоновна. Да кого ж мне в своём доме бояться! Кто чего стоит, так я и ценю.

Пульхерия Андревна. Я всегда дороже вас была и буду.

Татьяна Никоновна. Для кого это вы дороги-то? Ну, да ваше счастье! Вы туда бы и ходили, где вас высоко-то ценят! А мы народ неблагодарный, ваших благодеяниев не чувствуем, благородством вашим не нуждаемся, так что вам за охота с нами знакомство водить!

Пульхерия Андревна. Ну, уж теперь кончено! Теперь я вас очень хорошо поняла.

Татьяна Никоновна. И слава богу!

Пульхерия Андревна. Так поняла, что даже считаю ваше знакомство низким для себя!

Татьяна Никоновна. Ну, а низко, так и танцуйте от нас!

Пульхерия Андревна. Вот воспитание!

Татьяна Никоновна. Извините! В другой раз придёте, так поучтивее прогоним.

Пульхерия Андревна. До чего я себя довела! Где я? Боже мой! Сколько ещё в нашей стороне невежества, так это и описать нельзя. И с такими-то понятиями люди, да ещё находят женихов из благородного звания! Должно быть, конец света скоро будет. *(В дверях.)* Хотя я себя никак с вами не равняю, но всё-таки я вашей обиды не забуду. *(Уходит.)*

Татьяна Никоновна *(подойдя к двери)*. Танцуйте, танцуйте! *(Дочери.)* Ну, уж теперь долго не придёт. Отчитала я её, будет помнить!

Олинька. Сами без неё соскучитесь. *(Глядит в окно.)*

Татьяна Никоновна. Ну, нет, не скоро. Грешная я: точно, поболтать люблю, посудачить, и очень рада, когда мне есть с кем разговоры развести; да уж ехидством-то своим она меня доехала. С ней часто говорить нельзя, много крови портится. Кого ты глядишь?

Олинька. Так, смотрю.

Татьяна Никоновна. Что скрывать-то! Друга милого поджидаешь. А он, гляди, кантует теперь где-нибудь с купцом с этим и думать о тебе забыл.

Олинька. А вот ошиблись. Идёт.

Татьяна Никоновна. Ужли идёт?

Олинька. Право!

Татьяна Никоновна. Ну, что-то Бог даст! У меня, девушка, сердце так и застучало.

Олинька. И у меня тоже, маменька.

Васютин входит. Обе молча глядят на него.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Прохор Гаврилыч.

Прохор Гаврилыч. Что вы на меня так смотрите?

Татьяна Никоновна. Ждём, что скажешь. Разве не видишь, у нас дух захватило?

Прохор Гаврилыч. Что говорить-то! Теперь уж ваш, хоть в телегу запрягайте!

Олинька бросается к нему на шею.

Татьяна Никоновна. Поцелуй уж и меня, старуху. *(Целует его.)* Ну, вот и ладно! Нынче же мы вас и благословим; а через недельку и свадьбу сыграем.

Прохор Гаврилыч. Как хотите. Чем скорей, тем для меня лучше. Обвенчался, да и к стороне, чтоб меньше разговору было.

Татьяна Никоновна. Уж само собой. Ну что, как дома-то уладил?

Прохор Гаврилыч. Насилу маменьку уговорил. Уж чего-чего я не прибирал! Да после вчерашнего-то голова болит, так мыслей никак не соберу; а то бы я ей не то наговорил. «Вы, говорю, хотите, маменька, чтобы я в тоску впал. Знаете, говорю, что от тоски человек делает, к чему его тянет?» Ну, испугалась; согласилась, только чтобы врозь жить.

Олинька. Да это ещё лучше.

Прохор Гаврилыч. Да и для меня свободнее. Ну, потом рассмешил её, ручки у ней расцеловал. Благословила она меня, я к вам и пошёл.

Татьяна Никоновна. Ах, голубчик мой! Ну, уж я за тобой теперь стану ухаживать, что твоя родная мать.

Олинька. Надо б тебя поругать, надо бы; ну, да уж бог с тобой!

Прохор Гаврилыч. А за что это?

Олинька. А за то, что ты мне изменить хотел. Ведь что ты выдумал-то! На образованной барышне жениться! Во-первых, ты всю мою душу истерзал, а во-вторых, глупость-то какая с твоей стороны! Маменька, уж как мне обидно было, что он меня обманывает, как досадно, что он дурака из себя разыгрывает. Нет, погоди, я тебе ещё это вымещу. Ведь куда и лезет-то! Ну, пара ли она тебе?

Прохор Гаврилыч. Что ж такое! Я сам...

Олинька. Что ты сам? Ничего. Ей нужно жениха барина; а какой ты барин? С которой стороны? Только денег-то награбили, да уж и думаете об себе, что вам все покоряться должны.

Прохор Гаврилыч. Коли ты так обо мне думаешь, какая же может быть у тебя любовь ко мне! Да и мне что ж за охота...

Олинька. Погоди, не перебивай! Дай ты мне высказать-то всё: сердце своё облегчить, чтобы зла не оставалось, а потом уж всё целоваться будем.

Прохор Гаврилыч. Ну, болтай, пожалуй, коли язык чешется!

Олинька. Ну, положим, что ты женился б на ней; что ж бы вышло из этого хорошего? Если у ней вольный дух, так она смеялась бы над тобой да любовника завела; а если смирная, так иссохла бы, глядя на тебя. А ведь уж я-то тебя знаю; жизнью своей безобразной ты меня не удивишь! Я тебя и остановить умею, и гостей твоих знаю, как принимать, да ещё и вкусу тебя научу, как одеваться и как вести

себя благородней. А ты было меня совсем бросить хотел! Ну какой же ты человек после этого! *(Плачет.)*

Прохор Гаврилыч. Прости! Ведь по нашей жизни замотаешься; а тут ещё маменька пристаёт.

Олинька. Ну, бог с тобой! Расстроила только я себя. Давай помиримся.

Целуются.

Татьяна Никоновна. Вот так-то лучше! Дай вам Бог совет да любовь!

Прохор Гаврилыч. Что это Вавила Осипыч нейдёт?

Вавила Осипыч входит с кульком вина.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Вавила Осипыч.

Купец. А вот и я здесь! Хозяюшке наше почтение! Барышня, желаю здравствовать. *(Кланяется.)*

Прохор Гаврилыч. Что ты замешкался?

Купец. А я забежал, кулёчек винца захватил. Хозяюшка, нет ли какой посудины? Коли бокальчиков нет, так из чайной чашки можно; нам случалось не раз, мы народ бывалый.

Татьяна Никоновна. Как бокальчиков не быть! *(Уходит за перегородку.)*

Купец. А уж штопор, барышня, я завсегда с собой ношу. У меня складной, с ножичком, да теперь его и не требуется. Только ножичек нужно. Я, барин, велел и смолку сбить, и проволоку отвернуть; только верёвочки подрезать — и конец. *(Вынимает из кармана штопор.)*

Татьяна Никоновна *(приносит стаканы на подносе)*. Вот, батюшка, стаканчики!

Купец. Стаканчиком-то оно ещё способнее! *(Откупоривает, наливает и подносит Татьяне Никоновне.)* Честь имеем поздравить! Пожалуйте, хозяюшка!

Татьяна Никоновна. Ох, много!

Купец. Пожалуйте, без церемонии-с!

Татьяна Никоновна *(берёт стакан)*. Ну, дай вам Бог всякой радости. *(Целуется с Васютиным и дочерью, отпивает немного.)*

Купец *(не принимая стакана)*. Просим обо всей-с!

Татьяна Никоновна. Тяжело, батюшка!

Купец. Ничего-с. Не хмельное, пройдёт.

Татьяна Никоновна допивает и отдаёт стакан. Он наливает и подносит Олиньке.

Пожалуйте-с.

Олинька. Я не пью.

Купец. Нельзя-с!

Олинька. Право, не могу.

Купец. Никак невозможно-с.

Татьяна Никоновна. Выпей немножко!

Олинька целуется с Васютиным и отпивает немного.

Купец. Этого нельзя-с. Зла не оставляйте-с!

Олинька. Я вас уверяю, что не могу.

Купец. Пожалуйте! Не задерживайте-с!

Прохор Гаврилыч. Выпей, поневольсь!

Олинька допивает.

Купец *(наливает и подносит Васютину)*. Пожалуйте-с.

Прохор Гаврилыч. Маменька, за ваше здоровье! Олинька, за твоё здоровье! *(Целуется и пьёт.)*

Купец *(наливает)*. Вот теперь я сам выпью-с! Честь имеем, на многие лета! Чтобы вам богатеть, а нам на вас радоваться, да завсегда компанию водить! *(Пьёт и целуется со всеми.)* Оченно приятно-с! Уж мы теперь, хозяюшка, к вам каждый вечер.

Татьяна Никоновна. Милости просим, батюшка!

Прохор Гаврилыч. Мы, маменька, теперь уж ваши гости.

Купец. Мы здесь гнёздышко совьём! Только вы, хозяюшка, насчёт провианту не беспокойтесь на будущее время,— это уж моя забота. Я к вам завтрашнего числа зараз побольше привезу, чтоб надолго хватило. *(Откупоривает ещё бутылку и наливает.)*

Прохор Гаврилыч. Опять тем же порядком!

Купец. Как водится. Сначала дамам.

Татьяна Никоновна. Батюшка, увольте!

Купец. Уж это, Прохор Гаврилыч, так чин чином по порядку у нас линия и пойдёт. *(Подносит Татьяне Никоновне.)*

Татьяна Никоновна. Да ты дай хоть вздохнуть-то немножко!

Купец. Не задерживайте-с!

СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ!

Картины московской жизни

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА, *вдова.*
МИХАЙЛО ДМИТРИЧ БАЛЬЗАМИНОВ, *сын её.*
АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА, *сваха.*
МАТРЁНА, *кухарка.*
ПАВЛИН ИВАНЫЧ УСТРАШИМОВ, *сослуживец Бальзаминова. Брюнет, большого роста, лицом мрачен и рябоват.*

Бедная комната у Бальзаминовых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминова *(одна, сидит с чулком в руках).* У Миши, должно быть, опять какие-нибудь планы в голове. Прибежит из присутствия, пообедает наскоро, да и был таков, и пропал на целый день. Где-то он, бедный, бродит? Должно быть, далеко-далеко куда-нибудь ходит! Придёт всегда такой измученный, усталый, и лица-то на нём нет, и не ест ничего, только всё вздыхает. Надо полагать, он в Рогожскую бегает; а пожалуй что и в Лефортово! Всё разбогатеть-то ему, бедному, хочется. Ну, да это ничего, пускай бегает; это ещё здорово, говорят. Теперь время летнее, дел у него никаких нет особенных; всё-таки лучше: пусть на воздухе бегает, чем в комнате-то сидеть; да ещё и польза может произойти. Только я всё что-то боюсь за него; всё как-то мне не верится, чтобы он уж очень богатую-то невесту себе нашёл. А уж сколько у него к этому делу старания! Даже удивительно это видеть. По его-то старанию ему бы уж давно надо миллионщицу приспособить. Должно быть, счастья нет! Без счастья, сколько уж ни старайся, ничего не выходишь. Говорят, и грибы искать — счастье нужно; а уж невест-то и подавно. Вот был же случай у Ничкиных; а из-за чего разошлись? Так, из пустяков. Нужно же было этому облому приехать! И как на грех его принесло в такое время! Кабы не он, жили бы мы теперь, как сыр в масле катались. Есть же такие злые люди на свете! Ну, что ему нужно было? Себе он пользы никакой не сделал, только Мишу моего обидел.

Матрёна входит с письмом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминова и Матрёна.

Матрёна. Письмо вот принесли. *(Подаёт.)*

Бальзаминова. Кто принёс?

Матрёна. Должно, что почтальон, одет так, по-военному. Говорит: городская почта.

Бальзаминова. От кого бы это? Я уж и не знаю.

Матрёна. И я не знаю. Да вот что: вы мне дайте письмо-то.

Бальзаминова. Зачем тебе?

Матрёна. Я догоню солдата-то да назад ему отдам.

Бальзаминова. Что ты! Как можно назад, когда оно к Мише писано.

Матрёна. Должно быть, солдат-то по ошибке занёс; часто бывает, что в другой дом заносят.

Бальзаминова. Да я тебе говорю, что к нам. Вот и на адресе написано.

Матрёна. Нет, право, лучше назад отдадим от греха. Кто к нам письма писать станет? Кому нужно! Ведь письма-то пишут, коли дела какие есть али знакомство; а у нас что!

Бальзаминова. Какая ты глупая! Ну, слушай: «Его благородию...»

Матрёна. Ишь ты, «благородию»!

Бальзаминова. «Михаилу Дмитриевичу Бальзаминову».

Матрёна. Ну, да хоть и написано, а всё лучше назад отдать; а то ещё, пожалуй, солдата-то в ответ введёшь перед начальством. Давайте! Что, право!

Бальзаминова *(кладёт письмо в стол)*. С тобой ведь не сговоришь. Ты смотри, не вошёл бы кто в кухню-то!

Матрёна. Украсть-то там нечего, хошь и войдёт кто. *(Уходит и возвращается.)* Там идёт кто-то по двору-то.

Бальзаминова. Кто ж такой?

Матрёна. Кто его знает! Чёрный, долговязый такой. Гляди, приказный; а то кому ж! Словно как он бывал тут.

Бальзаминова. Устрашимов, должно быть.

Матрёна уходит. Входит Устрашимов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бальзаминова и Устрашимов.

Устрашимов *(кланяется)*. Михайло дома?

Бальзаминова. Нет. Ушёл куда-то.

Устрашимов *(подходит к окну и молча, мрачно смотрит на улицу)*. Да это верно?

Бальзаминова. Ах, батюшка, что мне тебя обманывать-то!

Устрашимов *(продолжает глядеть в окно)*. Бывает, иногда *(многозначительно)* прячутся. Ну, да ведь это не поможет. Нет, шалишь!

Бальзаминова. Вы такие странные слова говорите, что и понять вас нет никакой возможности.

Устрашимов. Нет, Миша, это, брат, дудки! Атанде-с!

Бальзаминова. Вы мне объясните, в чём ваше дело и что вам угодно: так я сыну и передам.

Устрашимов *(со вздохом, продолжая глядеть в окно)*. Тут, брат, два года хожено. Это не другое что-нибудь. Этого уступить нельзя. Ты моим несчастьем вздумал воспользоваться! Ты рыть яму ближнему! Погоди ещё, может быть, сам туда попадёшь! Боже мой, боже мой! Как это случилось? Как это могло случиться!

Бальзаминова. Если вы Мишу ждёте, так напрасно беспокоите себя: он обыкновенно к ночи приходит.

Устрашимов *(оборачивается)*. Нет ли у вас воды? Разве вы не видите: я ужасно расстроен.

Бальзаминова. Ах, батюшка, какое же мне дело, что ты расстроен!

Устрашимов *(садится)*. Прикажите мне дать воды! Ну, я вас прошу, наконец.

Бальзаминова. Что ты, угорел, что ли? Матрёна, подай стакан воды!

Устрашимов. Да-с, бывают случаи! Жизнь не мила, вот оно как-с. Вы этого не понимаете.

Бальзаминова. Где понимать!

Устрашимов. А отчего? Отчего, я вас спрашиваю?

Бальзаминова. Да что ты пристал?

Устрашимов. Всё от своей гордости да от женского каприза. Вот отчего-с.

Матрёна входит со стаканом воды на тарелке.

Матрёна. Кому воды-то?

Устрашимов. Мне. *(Берёт и в рассеянности, задумчиво смотрит на Матрёну.)*

Матрёна. Что ты глаза-то выпучил?

Устрашимов *(рассеянно)*. Выпучишь. *(Пьёт и отдаёт стакан Матрёне.)*

Матрёна уходит. Устрашимов подходит к Бальзаминовой.

Да-с! Так вы скажите ему, что я был здесь, что я очень расстроен; он поймёт. Или нет!.. *(Подумав.)* Вы скажите ему *(грозно и с расстановкой)*, что если он осмелится туда хоть нос показать, так я... Постойте! Скажите ему, что я ста тысяч не возьму, умру там у ворот... Уж он знает где. Нам двоим жить на свете нельзя. Понимаете вы, нельзя. Либо он, либо я!..

Бальзаминова *(отворачиваясь)*. Надоел, голубчик!

Устрашимов. Да что тут надоел! Вы войдите в моё-то положение.

Бальзаминова. Очень мне нужно!

Устрашимов. Или вот что! Я и забыл. Отдайте ему это письмо. *(Достаёт письмо и подаёт.)* Я его написал на случай, если не застану. Он поймёт: знает кошка, чьё мясо съела. Ну, да ещё он увидит! Он будет меня знать! Я смирный человек; но если дело коснётся женщины либо интересу, тогда уж я неумолим. Прощайте! *(Уходит.)*

Бальзаминова. Что он тут мне наплёл? Должно быть, за одной ухаживают. Да, так точно! По его словам-то, так и надо полагать. Ишь ты, ещё пугать выдумал! Так его и побоялись! Так ему Миша и уступит! Как же! Тебе ходить мимо окон не мешают, и ты другим не мешай! Кому Бог пошлёт, того и счастье. Чтой-то на нём больно много этих разных штук нацеплено — и колец, и всего! Должно быть, сам-то интересан, так вот ему и завидно, чтобы другим не доставалось. И письмо-то надо бы за окно выбросить. Как бы только Миша не рассердился. *(Прячет в стол.)* Я так Мише и скажу: «Нечего тебе на них смотреть; много их тут найдётся; а ты своё дело делай. Волка бояться, в лес не ходить! Дома-то сидя, ничего не высидишь! Не пойдут невесты тебя отыскивать; сам должен ходить да искать хорошенько». А то, ишь ты, нагородил тут с три короба, да и думает, что его побоятся. Нет, брат, тут дело серьёзное, денежное! Стражаться так стражаться,— чья возьмёт. Никак Миша идёт?

Бальзаминов входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Бальзаминова и Бальзаминов (входит и садится в раздумье).

Бальзаминова. Что это ты скоро воротился, али забыл что?

Бальзаминов *(садится)*. Так, раздумал, маменька. У меня такая примета есть. И уж эта примета самая верная. Если ты идёшь и задумал что-нибудь, и вдруг тебе встреча нехорошая: лучше воротись, а то ничего не будет. Если так идёшь, без мысли, так ещё можно продолжать дорогу; а коли есть мысль — воротись.

Бальзаминова. Какой ты, Миша! Молодой ещё ты, можно сказать мальчик, а приметы разбираешь, точно старуха какая.

Бальзаминов. Конечно, маменька, если рассуждать правильно, так все эти приметы — бабья болтовня, вздор; только всё-таки в нашем деле нельзя приметам не верить, потому что, маменька, в нашем деле всё от счастья, решительно всё.

Бальзаминова. Да в каком же это в вашем деле?

Бальзаминов. Да как же, маменька! У другого дело верное, так что ему до примет! Он так наверное и идёт, куда ему нужно. А у нас всё от случая, всё от счастья. Мы никуда наверное не ходим. Иду по улице — вдруг понравился, ну, и богат, и счастлив; не понравился — ну, всю жизнь бедствуй. А ведь это, маменька, с одной стороны, даже заманчиво. Я, бедный молодой человек, решительно голь, ну голь, как есть во всей форме, хожу себе, гуляю где-нибудь и вдруг... Вы только представьте это себе, маменька, вдруг вижу я под окном даму или девицу. Раз прохожу, два — бросаю нежный взгляд; она мне отвечает тем же. Я знакомлюсь через кого-нибудь, и вдруг, представьте, дом этот, в котором я её видел,— мой; и сижу я поутру за чашкой кофею в бархатном халате... *(Быстро встаёт.)* Вот это — жизнь! Боже мой милостивый! И может быть, маменька, мне это счастье суждено; может, оно ждёт меня где-нибудь; я только не знаю, где оно: там, или там, или там. Я только не знаю, куда идти, где его искать-то... и вдруг судьба...

Бальзаминова. Мечты ведь это всё, мой друг, так всё одно — облако.

Бальзаминов. Ах, маменька, зачем вы меня перервали! Вы не знаете, какое это удовольствие — мечтать. Иногда так занесёшься, занесёшься, даже вскрикнешь: «Эй, четверню закладывать в карету!»

Бальзаминова. Оно, пожалуй, и сладко мечтать-то; да только ничего этого быть не может.

Бальзаминов. Ну, нет, маменька, вы не говорите этого! Как же можно так говорить! Да вот вы увидите, что в нынешнем месяце что-нибудь да уж будет хорошее.

Бальзаминова. Откуда это? Из каких земель?

Бальзаминов. Уж я не знаю откуда, а будет. Вы видели, как я вчера был весел?

Бальзаминова. Ну, так что же?

Бальзаминов. А знаете ли отчего? Разве уж сказать? Я, маменька, молодой месяц видел с правой стороны.

Бальзаминова. Только-то?

Бальзаминов. Позвольте, позвольте! Вы разве не верите в эту примету?

Бальзаминова. Да как же верить-то! Я сколько раз на своём веку видала месяц-то с правой стороны, а вот ничего не случилось особенного.

Бальзаминов. А вот увидим! Нет уж, я так уверен, что хоть на пари готов. Давайте, маменька, поспорим о чём-нибудь. Если случится что, так вы проиграли; а если не случится, так я.

Бальзаминова. Эх, какой ты глупый! Что тут спорить-то! Я уж знаю, что ничего не будет.

Бальзаминов. Подождите, подождите, увидим. А уж если это не сбудется, я не знаю, чему тогда и верить после этого!

Бальзаминова. Ну, да вот заметим давай, с которого числа по которое.

Бальзаминов. Надо считать, маменька, от нового месяца и опять до нового. В это-то время, маменька, и нужно ждать чего-нибудь. У меня просто сердце не на месте; так вот и жду, так вот и жду каждую минуту...

Красавина входит, Бальзаминов её не замечает.

...вдруг случится что-нибудь...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Красавина.

Красавина. Да и случится.

Бальзаминов *(остолбеневши, смотрит на Красавину)*. Ах!

Красавина *(целуясь с Бальзаминовой)*. Здравствуйте, матушка Павла Петровна!

Бальзаминова. Здравствуйте! Садитесь! Что, опять с вестями?

Красавина. Я, что птица вещая, даром не покажусь!

Бальзаминова. Не опять ли по-прежнему?

Красавина. Уж, видно, не судьба; а я не причинна. Сами видели, я свой оборот сделала; а я за всех не ответчица, коли они всякому в своём доме волю дают. *(Бальзаминову.)* Ну что, получил?

Бальзаминов. Что получил?

Бальзаминова. Я и забыла; ведь тебе письмо принесли. *(Достаёт письмо.)*

Красавина. Про него-то я и спрашиваю.

Бальзаминов. Как это вы, маменька! Вы, должно быть, мне совсем счастья не желаете! Как можно забывать такие вещи! Ведь тут, может быть, вся судьба моя. *(Берёт письмо.)*

Красавина. Тут она и есть.

Бальзаминов. Ну, вот видите! Эх, маменька! Батюшки, не распечатаю никак, руки так и ходят, так и ходят. *(С сердцем.)* Ну, затряслись! Затряслись! Экий характер! Экий подлый характер! Сам не рад, ей-богу, не рад.

Красавина. Да и есть от чего. Как тут рукам не затрястись! Ещё то ли бывает!

Бальзаминов. Да постой ты! Я в себя не приду, а ты ещё подбавляешь.

Красавина. Да ну тебя! Уж и сказать ничего нельзя!

Бальзаминова. Тут тебе ещё есть письмо; ну да это не важное.

Бальзаминов. Маменька, маменька! Что вы со мной делаете! Боже мой милостивый! До того ли мне?

Бальзаминова. Ну, я его тут на столе положу; после прочитаешь на досуге, это от Устрашимова; он заходил без тебя.

Бальзаминов *(распечатывает)*. Ух! Насилу распечатал.

Бальзаминова. Да от кого это? Скажите вы мне.

Красавина. А вот, изволите видеть: ходит-бродит он, добрый молодец, по таким палестинам, что другому и на ум не взойдёт. Доходился он до край-Москвы, видит он: стоит нов-высок терем; а во этом терему, во купеческом дому, такая пава, что только «ах», да и всё тут. Не скажу чтобы красавица, а пышна уж очень. Так пышна, что нынче мало можно найти таких женщин, вот как! Уж именно что на ловца и зверь бежит. Вот он ходил-ходил мимо окон-то, да не будь дурень, амурное письмо и напиши. Да таково складно: я видела письмо-то.

Пишет это так учтиво, безо всякого охальства. Другой ведь напишет, просто страм; а это хоть барышне дай, так ничего. От этого письма она и приди в чувство; уж оченно ей понравилось, что учтиво пишет-то, что охальства-то никакого нет. А он ещё в конце-то стих прибавил: «Взвейся, вихорь-ветерочек, отнеси ты сей листочек в объятия тому, кто мил сердцу моему». А на пакете-то написал: «Лети туда, где примут без труда». Стихом-то уж он её больше и убедил.

Бальзаминов *(всё время слушал)*. Неужели стихом?

Красавина. Стихом. Она в стихи очень верует, потому, говорит, коли что стихами написано, уж это верно: значит, от души человек писал, без всякой фальши. А я и случись тут, как он письмо-то в окошко бросил.

Бальзаминова. В окошко бросил?

Красавина. В окошко. Вижу её в таких чувствах от его учтивости-то: напишите, говорю, ему на ответ, и адрес твой сказала. Она и написала.

Бальзаминова. Кто же такая?

Красавина. Вдова, Антрыгина. При больших деньгах, а одна как есть. Ну, теперь читай, что тебе на ответ написано.

Бальзаминов *(читает)*. «Вы пишете, что, может, ваше письмо будет неприятно, но ежели бы оно было неприятно, вам бы, напротив того, ничего не отвечали. Поймите из этого! Завсегда видно по поступкам, кто чего стоит; по этому самому ваше знакомство для нас будет очень приятно; то и можете меня видеть в известном вам доме, когда вам угодно. Заочно посылаю вам воздушный поцелуй...» *(Перестаёт читать.)* Маменька! Что же это такое, я вас спрашиваю? Умереть! Больше ничего не остаётся. Да я когда-нибудь и умру от этого. *(Садится в задумчивости.)*

Красавина. Такая женщина, я вам скажу, одно слово — король! И характеру самого слободного.

Бальзаминова. Как же это так, матушка, слободного-то?

Красавина. Так, слободного, да и всё тут. Ходит это по комнатам, размахивает руками. «Никого, говорит, я не боюсь, что хочу, то и творю; нет, говорит, надо мной старших!» Да и точно, кого ей бояться? Ни мужа у неё, ни отца; одна как есть. Да и сторона же у них такая глухая.

Бальзаминов. Что мне теперь делать? Научи ты меня, сделай милость!

Красавина. Да что тебя учить-то! Приходи ужо вечером, вот и всё тут; а там уж по делу видно будет, какой оборот вести. Известное дело, зевать нечего! Куй железо, пока горячо!

Бальзаминов. Так прямо и приходить?

Красавина. Так прямо и приходи.

Бальзаминов. А что говорить?

Красавина. Что в голову придёт, то и говори. Если и соврёшь что, так не важность; на первый раз не взыщут.

Бальзаминов. Ах, боже мой! Боже мой! Совсем точно потерянный. Понимаю ведь я сам, что теперь нужно делать-то, и другого, пожалуй, научу; да как же мне быть с моим характером-то? Теперь бы поскорей да поумней, так и можно бы дело обделать; а у меня вон руки и ноги трясутся. Вот ты и толкуй тут что хочешь. Такая робость нападает, точно тебя казнить ведут.

Красавина. Кого это робеть-то? Бабы-то? А ты напусти на себя еройский дух, вот и всё.

Бальзаминов. Хорошо тебе говорить-то: «Геройский дух». А где его взять-то?

Красавина. Ну, а негде взять, так плохо дело! А я думала, что ты ходок на эти дела. А ещё чиновник называешься, при форме ходишь! Да будь я мужчиной, так я, кажись бы, всех заполонила. *(Встаёт.)* Ну, я своё дело сделала, сказала тебе; а там уж ты как хочешь.

Бальзаминова. Куда же вы? Посидели бы, чайку бы напились!

Красавина. А вот мне тут, по соседству, нужно бобы развести; к чаю-то я ещё к вам поспею.

Бальзаминова. Ну, так я велю самовар поставить да вас поджидать буду.

Красавина *(Бальзаминову)*. Ну, теперь ты видел мою службу?

Бальзаминов. Видел.

Красавина. Ты человек казённый?

Бальзаминов. Как казённый?

Красавина. Ну, да так же, казённый! Ведь ты при должности?

Бальзаминов. При должности.

Красавина. Праву знаешь?

Бальзаминов. Какую праву?

Красавина. Такую же праву, документы там ваши и законы всякие.

Бальзаминов. Знаю.

Красавина. Служит кто задаром али нет?

Бальзаминов. Кому же охота задаром служить!

Красавина. Ну вот видишь ли! Значит, и мне тоже по Москве-то даром трепаться нужда не велика.

Бальзаминова. Да уж вы, матушка, об этом не беспокойтесь.

Красавина. Как же не беспокоиться? Кому охота свои труды терять! Ведь этак, пожалуй, добрые люди дурой назовут.

Бальзаминов. Ты мне только скажи, что тебе нужно; а уж я ни за чем не постою.

Красавина. А мы вот что сделаем! Ты завтра в суд пойдёшь, так принеси лист гербовой бумаги; мы с тобой для верности условие и напишем.

Бальзаминов. Уж ты будь покойна, уж я всё... Маменька, что такое деньги? Прах! Нет их — так они дороги; а теперь для меня что они значат? Ровно ничего.

Бальзаминова. Ну и мотать-то тоже ничего нет хорошего!

Бальзаминов. Я, маменька, мотать не стану; а пожить — поживу, с шиком поживу.

Красавина. Ещё б не пожить! Будет уж, победствовал! Видел нужду-то, в чём она ходит; теперь можно себе и отвагу дать. Однако прощайте! *(Кланяется.)* Хорошо вам тут разговаривать, вам делать-то больше нечего; а у меня ещё дела-то по уши.

Бальзаминова. Так я вас жду.

Красавина. Уж теперь ваша гостья. Прощай, сокол — вороньи крылья! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Бальзаминов и Бальзаминова.

Бальзаминов. Ну, маменька, что вы на это скажете? Месяц-то, месяц-то!

Бальзаминова. Что сказать-то тебе? По-моему, ещё очень-то радоваться нечему! Ещё верного ничего нет.

Бальзаминов. А всё-таки, маменька, видно, что она в меня влюблена. И дом, маменька, у неё каменный. Ах, блаженство!

Бальзаминова. Уж и влюблена! Понравился ты ей так, с виду, вот и всё. А ты того не забудь, что ты ещё с ней ни одного слова не говорил. Что-то она тогда скажет, как поговорит-то с тобой! Умных ты слов не знаешь...

Бальзаминов. Это, маменька, нужды нет. В нашем деле всё от счастья; тут умом ничего не возьмёшь. Другой и с умом, да лет пять даром проходит; я вот и неумён, да женюсь на богатой.

Бальзаминова. Вот что, Миша, есть такие французские слова, очень похожие на русские: я их много знаю, ты бы хоть их заучил когда, на досуге. Послушаешь иногда на именинах или где на свадьбе, как молодые кавалеры с барышнями разговаривают, — просто прелесть слушать.

Бальзаминов. Какие же это слова, маменька? Ведь как знать, может быть, они мне и на пользу пойдут.

Бальзаминова. Разумеется, на пользу. Вот слушай! Ты всё говоришь: «Я гулять пойду!» Это, Миша, нехорошо. Лучше скажи: «Я хочу проминаж сделать!»

Бальзаминов. Да-с, маменька, это лучше. Это вы правду говорите! Проминаж лучше.

Бальзаминова. Про кого дурно говорят, это — мараль.

Бальзаминов. Это я знаю-с.

Бальзаминова. Коль человек или вещь какая-нибудь не стоит внимания, ничтожная какая-нибудь,— как про неё сказать? Дрянь? Это как-то неловко. Лучше сказать по-французски: «Гольтепа!»

Бальзаминов. Гольтепа. Да, это хорошо.

Бальзаминова. А вот если кто заважничает, очень возмечтает о себе, и вдруг ему форс-то собьют,— это «асаже» называется.

Бальзаминов. Я этого, маменька, не знал, а это слово хорошее. Асаже, асаже...

Бальзаминова. Дай только припомнить, а то я много знаю.

Бальзаминов. Припоминайте, маменька, припоминайте! После мне скажете. Теперь сбегать в цирюльню завиться, да и бежать. Вот, маменька, полечу-то я, кажется, и ног-то под собою не буду слышать от радости. Ведь вы только представьте: собой не дурна, дом каменный, лошади, деньги, одна, ни родных, никого. Вот где счастье-то! Я с ума сойду. Кто я буду? Меня тогда и рукой не достанешь. Мы себя покажем.

Бальзаминова. На-ка, вот ещё письмо к тебе. *(Отдаёт письмо Устрашимова.)*

Бальзаминов *(берёт письмо и распечатывает)*. Мы себя покажем, маменька! Мы себя покажем. *(Читает.)* Боже мой! *(С отчаянием садится на стул.)* Всё кончено, всё!

Бальзаминова. Что там ещё за беда случилась?

Бальзаминов. Всё, всё кончено! Нечего теперь и думать и мечтать... Как обухом, так и ошарашил.

Бальзаминова. Наладил одно! Да ты скажи мне, что такое?

Бальзаминов. Нечего и завиваться идти. И не пойду. Вот тебе и дом. Точно как я всё это во сне видел.

Бальзаминова. Эх, глуп ты, Миша!

Бальзаминов. Да, глуп! Хорошо вам разговаривать-то! Поглупеешь, как вот эдакие письма получать будешь. Я вот сижу, маменька, а ведь я убитый...

Бальзаминова. Да читай! Что за страсти такие!

Бальзаминов. Эко наказанье! Ну что я ему сделал? Слушайте, маменька! *(Хочет читать и останавливается.)* Разбойник! Право, разбойник! *(Читает.)* «Михайло! Я давно слышал, что ты ходишь мимо известного тебе дома; но не верил...» И рожа-то у него, маменька, разбойницкая! *(Читает.)* «...но не верил; я думал, что ты, зная меня, не посмеешь этого сделать. Теперь я сам тебя видел и знаю, что ты кинул в окно записку. Такой подлости я от тебя не ожидал!» В чём же тут подлость, позвольте вас спросить? А он сам разве этого не делает! Откуда ж у него перстни да цепочки-то?

Бальзаминова. Да ты читай!

Бальзаминов. Сейчас, маменька! *(Читает.)* «Я уж два года знаком с этой дамой...» Кто ж его знал! Разве я знал это?

Бальзаминова. Ну, а если б знал?

Бальзаминов. Разумеется бы, не пошёл.

Бальзаминова. А отчего бы это не пойти? Что, он тебе начальник, что ли? Ведь она ещё не жена ему! Кому удастся, того и счастье. Ну, читай дальше! А то: «не пошёл бы»! То-то вот ты тетеря у меня: вот что мне и горько!

Бальзаминов. Это я, маменька, так сказал. Может быть, я и пошёл бы.

Бальзаминова. Ну, что там дальше?

Бальзаминов *(читает)*. «Теперь у нас вышла ссора из капризу...»

Бальзаминова. Вышла ссора. Ну вот и прекрасно! Ты и должен этим пользоваться.

Бальзаминов. Да, как же, прекрасно! Вы послушайте, что он дальше-то пишет. *(Читает.)* «Но я надеюсь помириться с ней;

следовательно, ты мне мешать не должен. Если бы она была поумней, я бы тебя не боялся; а то она по глупости готова всякому дураку кинуться на шею...»

Бальзаминова. И чудесно, и чудесно!

Бальзаминов. Ах, маменька, да уж вы не перебивайте! *(Читает.)* «По этому самому ты и не смей ходить в ту сторону». Вот он что! *(Читает.)* «Если тебе жизнь ещё не надоела, чтобы и нога твоя там не была!» Как это вам покажется?

Бальзаминова. Небось, страшно?

Бальзаминов. А то не страшно? Ведь я, чай, один у вас сын-то! Ну, а вот дальше-то. *(Читает.)* «А то я тебя изувечу или совсем убью. Так ты и знай! Вот тебе и вся недолга».

Бальзаминова. Что такое? Я недослышала.

Бальзаминов *(робко)*. «Вот тебе и вся недолга!»

Бальзаминова. Скажите пожалуйста! Так вот вас и испугались! Ну, что ж ты молчишь?

Бальзаминов. Что ж мне говорить-то? Точно меня чем ошибло, ничего не помню, из головы всё вылетело, словно как пустая теперь.

Бальзаминова. Что ж, ты пойдёшь или нет?

Бальзаминов. Как идти-то, маменька? Разве мне жизнь-то не мила, что ли? Как ни бедствуешь, а всё пожить-то хочется.

Бальзаминова. А дом-то каменный, а лошади, а деньги!

Бальзаминов. Ах, не терзайте вы меня! *(Хватает себя за голову.)* Что мне делать? Батюшки, что мне делать?

Бальзаминова. Так ты в самом деле боишься, что он убьёт тебя?

Бальзаминов. Убьёт, маменька, убьёт! Уж я его знаю. *(Стоит задумавшись.)*

Бальзаминова. А я так думаю, что не убьёт. Глупый ты человек, ведь за это в Сибирь ссылают. Кому охота! Побить, может быть, побьёт — это я не спорю, коли он сильнее тебя.

Бальзаминов *(в задумчивости)*. Сильней.

Бальзаминова. Зато, коли ты понравишься, какой ты ему нос-то натянешь!

Бальзаминов *(всё в задумчивости)*. Асаже?

Бальзаминова. Да, асаже славное сделаешь.

Бальзаминов *(несколько времени стоит молча)*. Ну, была не была! Прощайте! Побегу завиваться.

Бальзаминова. Ступай. Волка бояться, в лес не ходить!

Бальзаминов. Именно! Ну, Устрашимов, посмотрим, чья возьмёт! *(Уходит.)*

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛИЦА

АНФИСА ДАНИЛОВНА АНТРЫГИНА, *вдова, 30-ти лет.*
АННА ПРОКЛОВНА ПИОНОВА, *её знакомая, 25-ти лет.*
МАША, *горничная Антрыгиной.*
БАЛЬЗАМИНОВ.
УСТРАШИМОВ.
КРАСАВИНА.

Богатая гостиная в доме Антрыгиной.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Маша *(одна; смотрит в окно и кланяется)*. Павлин Иваныч, здравствуйте! Что? Говорите громче, здесь никого нет.

Голос Устрашимова: «Сделай милость, Маша, узнай, за что на меня твоя барыня сердится?»

Да как узнаешь-то? Они не сказывают.

Устрашимов: «Рубль серебром, Маша».

Обманете!

Устрашимов: «Ну, вот ещё!»

Побожитесь!

Устрашимов: «Да что божиться; я тебе вперёд отдам».

Ну, хорошо! Уж постараюсь как-нибудь.

Устрашимов: «Так ты вот что: ты как узнаешь, так прибеги в лавочку к заставе. Я буду там дожидаться».

Хорошо, хорошо! *(Кланяется.)* Прощайте! Отчего сердится? Известно отчего, от ревности. Надо только узнать, к кому она его ревнует. А он-то, бедный, мучится, думает, что она его разлюбит. Не разлюбит, не бойся! Она хоть и прикидывается, будто ей ничего, и какого-то белобрысого чиновника теперь приманивает; а всё это только один отвод, помучить хочется. Кабы в самом-то деле захотела бросить Павлина Иваныча, так бы с утра до ночи на трефового короля не гадала. Нет уж, видно, как

полюбишь вашего брата, так не скоро развяжешься. Эка эта любовь! И зачем только она сотворена. Уж про нашу сестру нечего говорить — слабое творение; а и мужчины — и те от неё муку видят. А всё-таки без любви никто не живёт! И стыда от неё много бывает; случается, что и горя натерпишься, а без неё всё-таки скучно. Вот тут у меня как-то перемежка вышла, так не знала, куда деться от тоски. Хожу как не своя, точно как потеряла что. А как есть предмет, так то ли дело!..

Входит Антрыгина и молча ложится на диван.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Антрыгина и Маша.

Маша. Что это вы, сударыня, какие нынче скучные?

Антрыгина *(томно, со вздохом)*. Так.

Маша. Нет, уж это, сударыня, что-нибудь да не так; прежде с вами этого не было.

Антрыгина. Оттого и скучаю, что мне на свете всё надоело, ничто меня в жизни не занимает. И зачем я живу? Я не понимаю.

Маша. Да давно ли это, сударыня? Вы прежде были такие весёлые. Даже очень приятно было видеть вас, что вы всегда в хорошем расположении бываете.

Антрыгина. Да, может быть, я и была весела; но только для виду. Я давно поняла, что такое жизнь; следовательно, что же меня может к ней привлекать!

Маша. Вы ещё так молоды, сударыня.

Антрыгина. Что ж из этого? Коли я вижу, что всё в жизни обман, что никому поверить нельзя, что на свете только суета одна,— что я должна делать? Я должна удаляться от света. С хитростью, с политикой женщина может жить в свете; а с чувством, с нежным сердцем должна только страдать. Следовательно, я лучше буду жить как отшельница, чем за всё своё расположение и за своё добро видеть от людей обиду или насмешку.

Маша. Конечно, сударыня, вы это изволите говорить правду, что людям нельзя большого доверия делать, особенно мужчинам; только для чего же из-за этого из-за самого вы будете себя мучить! Разве мало может быть для вас развлечений?

Антрыгина. Каких это развлечений?

Маша. Мало ли, сударыня, развлечений! Можете ехать на гулянье, в гости, у себя гостей принимать, зимой — в театр, в собрание.

Антрыгина. Для чего? Для кого?

Маша. А как знать, сударыня, может, вам кто-нибудь понравится, выйдете замуж и будете жить да поживать.

Антрыгина. Я? Никогда! Чтобы я когда-нибудь поверила мужчине! Да если он все клятвы произнесёт, я и тогда не поверю! *(Молчание.)* Я в монастырь пойду.

Маша. Что вы, сударыня! Как это можно!

Антрыгина. А вот увидишь. Уж если я на что решилась...

Маша. Едет кто-то. *(Подходит к окну и смотрит.)* Военный... к нам в окна смотрит... с аполетами...

Антрыгина. С густыми?

Маша. С густыми.

Антрыгина. Молод?

Маша. Не очень.

Антрыгина. Уж если я на что-нибудь решилась... Да, может быть, это он так взглянул?

Маша. Должно быть. Что-то не оборачивается.

Антрыгина. Ну его! Уж коли я на что решилась, так я и сделаю. Ты ещё моего характера не знаешь. Ты, может быть, думаешь, что я буду жалеть о разных глупостях? Как же, нужно очень! Я уж давно все шалости из головы выкинула. У меня и в помышлении-то нет ничего такого. *(Задумывается с улыбкой.)*

Маша *(указывая глазами на карты)*. Не раскинуть ли?

Антрыгина. Кинь!

Маша. На трефового короля прикажете?

Антрыгина *(рассеянно)*. Ну да.

Маша *(гадает)*. Очень, очень недурно, сударыня.

Антрыгина. Что там у тебя?

Маша. А вот извольте посмотреть.

Антрыгина *(встаёт и смотрит)*. И то ведь хорошо.

Маша *(со смехом показывая на карту)*. А вот извольте посмотреть, что здесь-то!

Антрыгина *(улыбаясь, смешивает карты)*. Ах, пустяки какие! Неужели ты веришь?

Маша. Никогда не врут, сударыня. А уж это-то завсегда сбывается.

Антрыгина. Ну, болтай ещё! Чего ты не выдумаешь!

Молчание.

Хоть бы шарманка, что ли, прошла: тоска такая.

М а ш а. Барыня, подъехал кто-то.

А н т р ы г и н а. Беги посмотри, кто такой?

М а ш а уходит. Антрыгина поправляется перед зеркалом, потом смотрит в окно.

Вчера не приходил и нынче нейдёт. Ах, противный! Коли завтра не придёт, так надо будет Машу посылать! Пускай она, как будто от себя, и скажет, что я замуж выхожу; вот мы тогда и посмотрим. Ему первому покориться не хочется, потому что мужчины все горды; ну уж и я, кажется, ни за что на свете не покорюсь.

Входят П и о н о в а и М а ш а.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

А н т р ы г и н а, П и о н о в а и М а ш а (у дверей).

А н т р ы г и н а. Ах, Анета! Что это ты пропала?

Целуются и садятся.

П и о н о в а. Хорош тебе разговаривать-то, ты сама себе госпожа; а у меня муж, да и дела куча. Я и заехала-то к тебе не надолго, поговорить нужно об одном деле. У нас в доме такая тоска.

А н т р ы г и н а. Я воображаю.

П и о н о в а. Поверишь ли, не с кем слова перемолвить. Иногда так нужно бывает, так нужно, а решительно не с кем, ну, и едешь к тебе за семь вёрст.

А н т р ы г и н а. Разве есть что?

П и о н о в а. Нет ещё, серьёзного ничего нет.

А н т р ы г и н а. Где поймала?..

П и о н о в а. В Сокольниках.

А н т р ы г и н а. Хорош?

П и о н о в а. Недурен. Ну, да об этом после. Что твой?

А н т р ы г и н а. Ах, оставь, сделай милость! Я и думать-то забыла о нём.

П и о н о в а. Да отчего с тобой вдруг такая перемена, скажи на милость?

А н т р ы г и н а. Оттого, что мерзавец!

П и о н о в а. Ах, Анфиса! Ты ли это говоришь!

А н т р ы г и н а. Уж коли я говорю, так, значит, я знаю.

П и о н о в а. Помилуй! Такой прекрасный молодой человек! Так тебя любит!

Антрыгина. Да, любит; оно и видно.

Пионова. Разумеется, видно. Неужели ты в этом сомневаешься? Это ни на что не похоже! И ты до сих пор всё его мучишь, всё не принимаешь?

Антрыгина. Ещё бы! Да и нога его здесь не будет.

Пионова. Что ты! Что ты!

Антрыгина. И таки — никогда, никогда!

Пионова. Ну, уж я не знаю! Ты каменная какая-то! Железо, просто железо! Да и то подаётся. Чего тебе ещё нужно? Красивый мужчина, очень милый, влюблён без памяти...

Антрыгина. Да тебе-то что за дело?

Пионова. Да не могу я этого видеть равнодушно! Делать такие тиранства над человеком, который, может быть, ни душой ни телом не виноват, это ужасно!

Антрыгина. Нет, он стоит, он ещё не того стоит!

Пионова. Попался тебе мужчина с кротким сердцем, можно сказать, с ангельским, так его и мучить.

Антрыгина. Хороши ваши мужчины, нечего сказать!

Пионова. Ну, уж и женщины-то ваши тоже хороши.

Антрыгина. Разумеется, лучше мужчин.

Пионова. Ну, едва ли!

Антрыгина. Про какое это ты ангельское сердце говоришь?

Пионова. Конечно, про Устрашимова.

Антрыгина. Разве у фальшивых людей может быть ангельское сердце? Давно ли это?

Пионова. Кто же сказал, что он фальшивый человек? Против кого он фальшивый человек?

Антрыгина. Решительно против всех.

Пионова. Но только не против тебя. Он такой душка, прелесть что такое!

Антрыгина. Бессовестный!

Пионова. Ангел, а не человек.

Антрыгина. Мерзавец, каких свет не производил.

Пионова. Очарование, что за мужчина!

Антрыгина. Ну и возьми его себе, коли он тебе нравится.

Пионова. Мне не надобно-с. Не извольте обо мне беспокоиться! Конечно, я умею ценить людей, не то что ты. Скажи же ты мне наконец, за что ты на него сердишься?

Антрыгина. Тебе хочется знать? Изволь. Постой, когда это... да на той неделе во вторник — еду я мимо Чистых прудов, вдруг вижу: этот господин идёт под ручку с какой-то дамой, садятся на лавочку и так это горячо разговаривают...

Пионова. Да ты хорошо ли рассмотрела?

Антрыгина. Где ж было рассмотреть! Оно бы и нужно было остановиться, да уж я себя не помнила. Во всех членах трясение сделалось. Вместо того чтобы сказать кучеру «стой!», я кричу: «Скорей, скорей!» Как домой доехала, уж не помню. Сейчас же не велела его пускать и писем от него принимать...

Маша уходит.

Пионова. Да, может быть, это не он был. Надо узнать.

Антрыгина. Как же узнать? У него, что ли, спросить? Так он разве скажет! Известное дело, обманет, перевернёт всё в другую сторону. Нет, уж лучше бог с ним. *(Подносит платок к глазам.)*

Пионова. А сама плачешь, да вот и трефовый король тут на столе. Значит, ты об нём думаешь.

Антрыгина. И не воображала.

Пионова. Анфиса, помирись с ним! *(Целует её.)* Ну, сделай милость! Ну, для меня! Душенька!

Антрыгина. Ни за что на свете.

Пионова. Успокой ты меня! Я ни одной ночи не усну, пока вы не помиритесь.

Антрыгина. Нет, уж у меня другой есть на примете. Выду за него замуж; он же такой скромный, учтивый.

Пионова. И ты решишься этакое варварство сделать?

Антрыгина. Что за варварство?

Пионова. Да как же не варварство? Променять такого человека на какую-нибудь дрянь.

Антрыгина. Совсем не дрянь. Во-первых, он не то, что другие, он любит меня.

Пионова. Да, как же, любит! Он тебя обманывает, прикидывается только.

Антрыгина. Во-первых, это сейчас видно, кто обманывает; а во-вторых...

Пионова. Да, как же! Увидишь ты у них!

Антрыгина. У кого у них?

Пионова. У мужчин. Так тебя проведут, что и не услышишь. Уж обмануть — их дело. Тем только всю жизнь и занимаются. Мы им на жертву созданы; вот они и потешаются над нами.

Антрыгина. У тебя, Анета, семь пятниц на неделе; давеча хвалила мужчин, а теперь уж нехороши стали.

Пионова *(горячо)*. Ну что ж такое! Давеча одно говорила, а теперь говорю другое; а всё-таки Устрашимов — бесподобный мужчина, а этот твой новый — дрянь. Устрашимов никогда не позволит себе обмануть женщину, а этот обманывает. Это очень ясно. Вот тебе и всё. Да этого и не может быть, чтобы Устрашимов был тебе неверен. Да вот, давай сейчас загадаем на картах, вот всё и узнаем. *(Раскладывает карты.)*

Антрыгина. Гадай, коли тебе хочется.

Входит Красавина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Красавина.

Антрыгина. А, бабушка-старушка! Ну, что скажешь? Была?

Красавина *(садится)*. Была и мёд пила, по усам текло, а в рот не попало.

Антрыгина. Ну, здесь попадёт. Что же?

Красавина. Сокол в путь снаряжается: чай, скоро прилетит.

Пионова *(строго)*. Анфиса!

Антрыгина. Пускай прилетит, мы его примем как должно.

Пионова *(бросив карты)*. Нет, это из рук вон! Ты так ветрена, так ветрена, ни на что не похоже!

Красавина. А что ж такое в этом дурного, теперича спросить у тебя. Ты ещё понимаешь ли, какое это дело, как оно называется? Ведь это — судьба. А что такое судьба? Понимаешь ли ты это? Может, ей на роду написано быть за ним замужем. Так разве можно от своей судьбы бегать? Где это видано?

Пионова. Тебя послушай только! У вас всё судьба; все свахи так говорят. Известное дело — в этом вам интерес, вот вы и хлопочете.

Красавина. А что такое сваха? Сваха — великое слово! Не у всякого хватит ума, как его понимать! Если рассудить хорошенько, так нас бы надобно всякими разными чинами жаловать, вот что я тебе скажу. Нами только и государство-то держится, без нас никакое

государство стоять не может. Вот оно какое слово — сваха. Не будь нас, ну и конец, и род человеческий прекратится.

Пионова. Не беспокойся, не прекратится.

Красавина. Где тебе знать! Ты ещё молода для этого!

Антрыгина. А что, Гаврилиха, каково они живут? С достатком или нет?

Красавина. Уж какие достатки у приказных. Мне перед тобой таить нечего; живут не больно авантажно. Избушка на курьих ножках, маленько — тово... набок; рогатого скота: петух да курица; серебряной посуды: крест да пуговица. Да тебе что за дело до достатков? У тебя у самой много, тебе человека нужно. Да вот, никак, и он пришёл, кто-то в передней толчётся. *(Встаёт и заглядывает в дверь.)* Войди, ничего, не бойся! Войди, говорят тебе! Чего бояться-то!

Бальзаминов входит и раскланивается.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Бальзаминов.

Антрыгина. Здравствуйте, Михайло Дмитрич! Я давно хотела с вами познакомиться и очень рада, что вы пришли. Садитесь, пожалуйста!

Красавина. Ну, и сядь!

Бальзаминов *(Красавиной)*. Да уж я сам-с... *(Раскланивается.)*

Красавина. И садись, коли просят.

Бальзаминов садится.

Антрыгина. У вас, должно быть, служба не очень трудная?

Бальзаминов. С девяти часов до половины третьего-с; а на дом редко когда дают-с.

Пионова. Оно и видно, что вам делать-то нечего; то-то вы по всей Москве и ходите.

Антрыгина. Ах, какая ты, Анета! Отчего ж и не ходить? Погода теперь прекрасная.

Бальзаминов. Проминаж-с.

Пионова. Хорош проминаж, черезо всю Москву!

Антрыгина. Разумеется, без цели не стоит ходить. У них, может быть, есть цель; почём ты знаешь! Может быть, им кто-нибудь нравится в этой стороне. Вероятно, вы за этим и ходите в нашу сторону?

Бальзаминов *(конфузясь)*. Да-с, так точно-с!

Антрыгина. Вот видите ли, я и угадала.

Пионова. Мудрено было угадать! *(Бальзаминову.)* А можно вас спросить, кто это вам нравится в этой стороне?

Бальзаминов. Это я должен сохранять в глубине души своей-с.

Антрыгина. И очень вы её любите?

Бальзаминов. Для моей любви нет границ и нет слов-с, чтобы выразить.

Антрыгина. Вот как! Это, должно быть, очень приятно, когда так любят. Слышишь, Анета?

Пионова. А я так думаю, что оттого и нет слов, что сказать-то нечего.

Бальзаминов. Конечно, кто знает много стихов хороших-с, тот сейчас может прибрать на всякий случай-с; а кто если не знает, как же он выразит свои чувства!

Антрыгина. А вы много стихов знаете? Я ужасно люблю стихи.

Бальзаминов. Я больше всё чувствительными стихами занимаюсь, которые выражают любовь-с и разные страдания. А то много ведь стихов написано теперь и таких, которые ничего не выражают; так те для меня неинтересны-с.

Антрыгина. Скажите какие-нибудь, мы послушаем!

Красавина. Ну, и скажи, послушаем!

Бальзаминов. Прикажете чувствительные?

Антрыгина. Ах, сделайте милость, чувствительные.

Бальзаминов.

Льются слёзы, дух мятётся,
Томно сердце, томно бьётся;
Где любезная моя?
Нет ея!

Красавина. Что-то, брат, нескладно.

Бальзаминов. Есть и другие-с.

Антрыгина. Какие же это такие?

Бальзаминов. Пастух, ищущий своей пастушки. Голос нежный. Так и в книжке напечатано. А то я знаю и жестокие-с.

Антрыгина. Скажите жестокие!

Бальзаминов.

Злой пастух!
Весь твой дух
Ныне пременился:

Ты иной
Красотой,
Знать, теперь пленился?

Красавина. Да что ты всё про пастухов наладил? Нужно очень! Вот невидаль какая! Ты хорошие какие-нибудь скажи! Про ерцогиню какую либо про прынца.

Бальзаминов. У меня дома тетрадь есть для стихов-с, я в неё и вписываю; если прикажете, я принесу-с. Только что хороших стихов достать негде-с, у нас в суде никто этим не занимается, только разве один Устрашимов.

Антрыгина. А вы разве в одном суде служите?

Бальзаминов. В одном-с и даже за одним столом-с.

Пионова. Как я вам завидую.

Антрыгина. Вы, значит, его хорошо знаете?

Бальзаминов. Как же не знать-с? Пять лет вместе служим-с.

Пионова *(тихо Антрыгиной)*. Ну вот и спроси про вторник.

Антрыгина. Мне хотелось бы от вас слышать, что он за человек. Одна моя знакомая очень им интересуется.

Бальзаминов. Я не знаю, как говорить-с. Как бы не вышло чего.

Антрыгина. А что же может выйти?

Бальзаминов. А ежели он узнает-с.

Антрыгина. Не беспокойтесь, не узнает. А разве он дурной человек?

Бальзаминов. Одно слово, разбойник-с.

Антрыгина. Как разбойник?

Бальзаминов. Душегубец-с.

Пионова. Какой вы вздор говорите! Скучно слушать!

Бальзаминов. Помилуйте, какой же вздор, когда есть примеры-с.

Антрыгина *(с испугом)*. Что вы говорите? Ах, боже мой! Он убил кого-нибудь?

Бальзаминов. Нет, не убил-с, а хочет убить до смерти-с.

Пионова. Уж не вас ли?

Бальзаминов. Да, меня-с. Ей-богу! *(Антрыгиной.)* Только уж вы, сделайте одолжение, ему ничего не говорите-с!

Антрыгина. Да что вы! Я его и не знаю.

Бальзаминов. Нет, это вы нарочно-с. Он сказывал, что вы с ним знакомы, только у вас теперь ссора вышла.

Антрыгина. Ну да! То есть мы были знакомы, а теперь уж всё кончено.

Бальзаминов. Это очень хорошо-с.

Пионова. В самом деле? Вам это нравится?

Бальзаминов. Да как же-с! Что же можно от него ожидать, коли он разбойник. Кроме неприятности, ничего-с. Теперь вы представьте себе: за что же он меня хочет убить до смерти-с? За то, что я к вам в дом пришёл-с? Так уж ведь это кому счастье-с! Зачем же мне от своего счастья бегать! Притом же, я человек с большим вкусом-с, у меня вкусу-то гораздо больше, чем у Устрашимова, а средств к жизни нету-с. Следственно, я должен их искать. Кабы мне теперь средства-с... А про Устрашимова я бы много мог сказать, да по-товарищески не годится. Я только одно скажу, что человек самой чёрной души.

Пионова. Вы нам вот что скажите: во вторник Устрашимов был в суде?

Антрыгина. Да, сделайте одолжение!

Бальзаминов. Во вторник? Позвольте-с! Он во вторник был дежурный, целый день в суде-с и ночевал там.

Пионова *(Антрыгиной)*. Ну, что! Говорила я тебе.

Бальзаминов. Если человек со вкусом, да не имеет средств, это ужасное положение-с! В мечтах всё представляется богатство и даже во сне-с...

Маша показывается в дверях.

Маша. Барыня, пожалуйте сюда!

Антрыгина подходит, говорит шёпотом, возвращается и садится.

Пионова *(тихо)*. Что?

Антрыгина *(тоже тихо)*. Письмо.

Бальзаминов. Я говорю-с, когда много вкусу и притом в мечтах...

Антрыгина. Не угодно ли вам по саду погулять.

Бальзаминов. Ничего-с. Мне и здесь хорошо-с.

Антрыгина. Уж сделайте одолжение! Мне нужно тут заняться кой-чем.

Пионова. И мы сейчас к вам придём.

Красавина. Ну, уж пойдём! Знать, им что-нибудь нужно.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Антрыгина, Пионова и Маша (в дверях).

Пионова. Ну, читай, скорее читай!

Антрыгина *(распечатывает и читает)*. «Милостивая государыня Анфиса Даниловна! Наконец я узнал, отчего происходит ваш гнев на меня. Маша мне всё сказала. Но я ни в чём не виноват, в чем вы сами можете легко убедиться. Стоит вам только спросить у кого-нибудь из моих товарищей, где я был во вторник, вам всякий скажет, что я был дежурный. Спросите хоть у Бальзаминова, у своего нового обожателя. Он столько глуп, что не сумеет солгать, хотя бы и хотел. Если я и теперь не дождусь от вас ответа или приглашения, то — вы меня знаете, я человек решительный — вам придётся отвечать за меня перед Богом, правительством и публикой. Мрачную душу мою стерегут злые демоны; я отдал её им на жертву; я чувствую их приближение. Пистолет заряжен и ждёт меня; я с радостью встречу смерть и с адским хохотом закрою глаза свои. Прежде ваш, а теперь ничей, Павлин Устрашимов».

Пионова. Ах, какие чувства! Ах, как ты счастлива, Анфиса, что тебя так любят! Ах, боже мой! Отвечай ему скорей!

Антрыгина. Что ты разахалась! Я сейчас пошлю за ним, он тут у ворот дожидается. Маша, позови Павлина Иваныча!

Маша уходит.

Что же мне делать с Бальзаминовым?

Пионова. Я пойду в сад, удержу его. А потом, когда мы придём сюда, он сам увидит, что ему здесь делать нечего.

Антрыгина. Ну и прекрасно.

Пионова *(целуя Антрыгину)*. Милочка! *(Уходит.)*

Антрыгина садится на диван и смотрит в противоположную сторону от двери. Входит Устрашимов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Антрыгина и Устрашимов.

Устрашимов. Вы меня звали?

Антрыгина. Не стоять же вам у ворот.

Устрашимов *(видя, что Антрыгина на него не смотрит, пожимает плечами и отходит к противоположному окну)*. Что же вам угодно?

Антрыгина. Вы хотели меня видеть: что вам угодно?

Устрашимов. Я хотел перед вами оправдаться.

Антрыгина. Что вам оправдываться! Мужчины всегда правы. Да я совсем и не за то сержусь, за что вы думаете.

Устрашимов. Так за что же?

Антрыгина. Уж я знаю за что.

Устрашимов. Но однако?

Антрыгина. Всего не перескажешь.

Устрашимов. Если вы меня звали только затем, так прощайте.

Антрыгина *(вполовину оборотясь)*. Куда же вы?

Устрашимов. Для вас, я думаю, это решительно всё равно, куда бы я ни пошёл!

Антрыгина. Почему же вы так заключаете?

Устрашимов. По всему: по приёму вашему, по тому, что у вас здесь Бальзаминов. А впрочем, какое же мне теперь до этого дело! Прощайте!

Антрыгина *(взглянув на Устрашимова)*. Останьтесь с нами чай пить.

Устрашимов *(взглянув на Антрыгину)*. К чему же мне оставаться? Ну, скажите, к чему? *(Кладёт шляпу на стол.)*

Антрыгина. Вы хотите, чтобы вас просили? Как вы горды!

Устрашимов. Я горд, да, я горд; но не против вас.

Антрыгина. Докажите на деле, что не горды.

Устрашимов. Я вам это доказывал несколько раз и готов доказать когда угодно. *(Подходит к Антрыгиной и становится перед ней на колени.)* Вы видите, горд ли я! Я ни в чём не виноват перед вами, но я прошу у вас извинения.

Антрыгина молча протягивает руку, он целует.

Вы не сердитесь?

Антрыгина. Встаньте! Не сержусь.

Устрашимов *(встаёт)*. Вы меня измучили.

Антрыгина *(ударяет его по плечу)*. Кто старое помянет, тому глаз вон.

Устрашимов *(обнимает её и целует в щёку)*. Ура! Победа!

Антрыгина *(сопротивляясь)*. Что вы! Что вы! Ну, войдёт кто-нибудь. Какой неосторожный! Обрадовался уж очень! На всё есть время.

Входит Пионова.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Пионова.

Пионова *(вопросительно смотрит на них)*. Помирились?

Антрыгина. Помирились.

Пионова *(Устрашимову)*. Я всё время за вас заступалась. Вот спросите её.

Устрашимов *(целуя у ней руку)*. Покорно вас благодарю!

Входят Красавина и Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же, Красавина и Бальзаминов.

Бальзаминов *(не замечая Устрашимова)*. Какой у вас прекрасный сад-с, и всяких цветов очень много-с! Только если бы я был богат-с... *(Увидав Устрашимова, остаётся с открытым ртом.)*

Устрашимов. Что ж бы ты?

Бальзаминов. Я бы-с... Как же это? Зачем же-с?..

Устрашимов. Зачем я-то, это очень просто. Ты-то зачем?

Антрыгина. Да вот всё Гавриловна! Навязывается с женихами! И кто её просит! *(Делает Красавиной знак глазами, достаёт из кармана ассигнацию и потихоньку отдаёт ей.)* Я и не думала, а ты тут со сватовством.

Красавина. Ну, кто же тебя знал! Я думала угодить. *(Тихо.)* Увести, что ль?

Антрыгина утвердительно кивает головой.

(Громко.) Наше дело такое! Где тебе спасибо скажут, а где так и в шею вытолкают. И не рад, да будь готов.

Бальзаминов. Да как же-с, ведь вы поссорились.

Пионова. Они поссорились, они и помирились. Это уж их дело.

Бальзаминов. А как же я-то теперь-с? При чём же-с?

Пионова. А вы знаете русскую пословицу: свои собаки грызутся, чужая не приставай?

Бальзаминов. Извините, я не понимаю-с. В каком смысле-с?..

Красавина. А вот пойдём, я тебе дорогой растолкую.

Бальзаминов. Как-с? Так и идти?

Устрашимов. И чем скорей, тем лучше.

К р а с а в и н а. Уж что тут ещё! Видимое дело, что тем же трахтом, да и назад пожалуйте!

Б а л ь з а м и н о в. А как же я маменьке-с... опять же я с правой стороны-с... при всём том...

В с е. Прощайте! Прощайте!

К р а с а в и н а. Ну, совет да любовь!

Бальзаминов раскланивается. К р а с а в и н а уводит его за руку.

П и о н о в а. И прекрасно, и прекрасно! Вот теперь сядем чай пить.

А н т р ы г и н а. Маша, давай самовар.

ЗА ЧЕМ ПОЙДЁШЬ, ТО И НАЙДЁШЬ (ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА)

Картины московской жизни

КАРТИНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА

ПАВЛА ПЕТРОВНА БАЛЬЗАМИНОВА, *вдова.*
МИХАЙЛО ДМИТРИЧ БАЛЬЗАМИНОВ, *сын её.*
АКУЛИНА ГАВРИЛОВНА КРАСАВИНА, *сваха.*
МАТРЁНА, *кухарка.*
ЛУКЬЯН ЛУКЬЯНЫЧ ЧЕБАКОВ, *офицер в отставке. Очень приличный господин средних лет, с усами, лысоват, сюртук застёгнут на все пуговицы. Выражение лица насмешливо.*

Бедная комната у Бальзаминовых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминова (пьёт чай) и Матрёна (стоит у двери).

Бальзаминова. Хорошо теперь, Матрёна, чайку-то, после бани-то!

Матрёна. Уж это на что лучше! По всем жилкам, по всем суставам пройдёт.

Бальзаминова. А где же Миша? Что-то не видать его.

Матрёна. Спит, умаялся.

Бальзаминова. Ну, пускай спит.

Матрёна. Что ж! Пущай спит. Никаких важных дел за ним нет; остановки не будет. А я соследила, куда он ходит.

Бальзаминова. Куда же?

Матрёна. Тут близёхонько. Только он не прямо ходит, а круг большой делает, чтобы соседям виду не показать. Таково далеко уйдёт, да потом и воротится переулками: глаза отводит.

Бальзаминова. Да будет ли толк-то какой-нибудь?

Матрёна. Кто ж его знает? Уж это его дело. Надо полагать, что и тут ничего себе не выиграет.

Бальзаминова. Отчего же ты так, Матрёна, думаешь?

Матрёна. Мало виду из себя имеет, польститься-то не на что! Ну и чином ещё не вышел.

Бальзаминова *(встаёт)*. Пей, Матрёна, чай-то! А я пойду посмотрю, Миша не проснулся ли. *(Уходит.)*

Матрёна садится к столу и пьёт. Бальзаминова возвращается. Матрёна встаёт.

Сиди!

Матрёна садится, только оборотившись к Бальзаминовой задом.

Спит ещё. *(Садится.)* А как их по фамилии-то, где он ходит?

Матрёна *(оборотив голову).* Пежёновых.

Бальзаминова. Кто ж они такие?

Матрёна. Сами по себе.

Бальзаминова. Как же так сами по себе?

Матрёна. По своей части.

Бальзаминова. Экая ты бестолковая. Что же они, служащие или купцы?

Матрёна. Должно, торгуют.

Бальзаминова. Кто ж у них из женского-то полу?

Матрёна. Две сестры — обе девки, уж в летах. Только выходу им никакого нет; сидят наверху у себя взаперти, всё одно под замком.

Бальзаминова. Отчего же?

Матрёна. Такой приказ от братьев.

Бальзаминова. Зачем же такой приказ?

Матрёна *(дуя в блюдечко и оборачиваясь).* Потому страм.

Бальзаминова. Какой же страм?

Матрёна. Очень на мужчин бесстыжи. Такие, говорят, завистливые, что беда. *(Накрывает чашку.)* Покорно благодарствуйте! *(Встаёт и уносит самовар.)*

Бальзаминова. Говорят: за чем пойдёшь, то и найдёшь! Видно, не всегда так бывает. Вот Миша ходит-ходит, а всё не находит ничего. Другой бы бросил давно, а мой всё не унимается. Да коли правду сказать, так Миша очень справедливо рассуждает: «Ведь мне, говорит, убытку нет, что я хожу, а прибыль может быть большая; следовательно, я должен ходить. Ходить понапрасну, говорит, скучно, а бедность-то ещё скучней». Что правда, то правда. Нечего с ним и спорить.

Шум за сценой.

Что там у вас?

Входит Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминов. Что же это такое, маменька! Помилуйте! На самом интересном месте...

Бальзаминова. Что такое?

Бальзаминов. Да Матрёна меня разбудила на самом интересном месте. И очень нужно ей было там чашки убирать.

Бальзаминова. Разве ты что-нибудь во сне видел?

Бальзаминов. Да помилуйте! На самом интересном месте! Вдруг вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстречу мне идёт дама красоты необыкновенной и говорит: «Господин Бальзаминов, я вас люблю и обожаю!» Тут, как на смех, Матрёна меня и разбудила. Как обидно! Что бы ей хоть немного погодить? Уж очень мне интересно, что бы у нас дальше-то было. Вы не поверите, маменька, как мне хочется доглядеть этот сон. Разве уснуть опять? Пойду усну. Да ведь, пожалуй, не приснится.

Бальзаминова. Разумеется, не приснится.

Бальзаминов. Экая досада! Мне бы теперь, по моим делам, очень нужно такой сон видеть; может быть, он мне что-нибудь и напророчил бы. Что, маменька, меня никто не спрашивал?

Бальзаминова. Это что ещё за новости! Кому тебя спрашивать?

Бальзаминов. Я, маменька, новое знакомство завёл. Лукьян Лукьяныч Чебаков, отличнейший человек. Он капитан в отставке.

Бальзаминова. К чему это?

Бальзаминов. Как к чему? Что вы говорите! Вы знаете, маменька, какая у нас сторона! Я уж теперь далеко не хожу, а хожу тут поблизости.

Бальзаминова. Так что же?

Бальзаминов. Как что же? Какое необразование свирепствует в нашей стороне, страсть! Обращения не понимают, человечества нет никакого! Пройду по рынку мимо лавок лишний раз — сейчас тебе прозвище дадут, кличку какую-нибудь. Почти у всяких ворот кучера сидят, толстые, как мясники какие, только и дела что собак гладят да играют с ними; а собаки-то, маменька, как львы. Ведь по нашему делу иногда нужно раз десять мимо окон-то пройти, чтобы заметили тебя, а они разве дадут? Сейчас засвищут, да и давай собаками травить.

Бальзаминова. Как же это можно живого человека собаками травить?

Бальзаминов. Как можно? Что вы, маменька! Разве они знают учтивость? Ему бы только хохотать, дураку, благо горло широко, а там хоть человека до смерти загрызи, ему всё равно.

Бальзаминова. Какое необразование!

Бальзаминов. Меня раза три травили. Во-первых, перепугают до смерти, да ещё бежишь с версту, духу потом не переведёшь. Да и страм! Какой страм-то, маменька! Ты тут ухаживаешь, стараешься

понравиться — и вдруг видят тебя из окна, что ты летишь во все лопатки. Что за вид, со стороны-то посмотреть! Невежество в высшей степени... что уж тут! А вот теперь, как мы с Лукьян Лукьянычем вместе ходим, так меня никто не смеет тронуть. А знаете, маменька, что я задумал?

Бальзаминова. А что?

Бальзаминов. Я хочу в военную службу поступить.

Бальзаминова. Да ты проснулся ли совсем-то, или ещё всё бредишь?

Бальзаминов. Нет, позвольте, маменька: это дело рассудить надо.

Бальзаминова. Да что тут рассуждать-то! Много ли ты лет до офицерства-то прослужишь?

Бальзаминов. Сколько бы я ни прослужил: ведь у меня так же время-то идёт, зато офицер. А теперь что я? Чин у меня маленький, притом же я человек робкий, живём мы в стороне необразованной, шутки здесь всё такие неприличные, да и насмешки... А вы только представьте, маменька: вдруг я офицер, иду по улице смело; уж тогда смело буду ходить; вдруг вижу — сидит барышня у окна, я поправляю усы...

Бальзаминова. Всё вздор какой говоришь! А чем жить-то мы будем, пока ты в офицеры-то произойдёшь?

Бальзаминов. Ах, боже мой! Я и забыл про это, совсем из головы вон! Вот видите, маменька, какой я несчастный человек! Уж от военной службы для меня видимая польза, а поступить нельзя. Другому можно, а мне нельзя. Я вам, маменька, говорил, что я самый несчастный человек в мире: вот так оно и есть. В каком я месяце, маменька, родился?

Бальзаминова. В мае.

Бальзаминов. Ну вот всю жизнь и маяться. Потому, маменька, вы рассудите сами, в нашем деле без счастья ничего не сделаешь. Ничего не нужно, только будь счастье. Вот уж правду-то русская пословица говорит: «Не родись умён, не родись пригож, а родись счастлив». А всё-таки я, маменька, не унываю. Этот сон... хоть я его и не весь видел,— чёрт возьми эту Матрёну! — а всё-таки я от него могу ожидать много пользы для себя. Этот сон, если рассудить, маменька, много значит, ох как много!

Бальзаминова. Да ты помнишь ли в лицо ту даму, которую видел во сне-то?

Бальзаминов. Помню, маменька; как сейчас гляжу: лицо такое, знаете, снисходительное...

Бальзаминова. Это хорошо.

Бальзаминов. Это, маменька, для нас первое дело. У кого в лице строгость, я ведь с тем человеком разговаривать не могу, маменька.

Бальзаминова. Да и я не люблю.

Бальзаминов. Другой на тебя смотрит — точно допрос тебе делает. Ну, что ж тут хорошего! Конечно, если строго разобрать, так мы имеем недостатки в себе, в образовании, ну и в платье тоже. Когда на тебя смотрят строго, что ж тут делать? Конфузиться да обдёргиваться.

Бальзаминова. Разумеется. А вот ты коли ждёшь кого, так оделся бы пошёл; что в халате-то сидишь!

Бальзаминов. Да, маменька, я сейчас оденусь. Лукьян Лукьяныч ведь человек светский; какие у него трубки, с какими янтарями, маменька! *(Уходит.)*

Бальзаминова. Какой странный сон! Уж очень прямо; так что-то даже неловко: «Я вас люблю и обожаю»... Хорошо, как так и наяву выдет, а то ведь сны-то больше всё наоборот выходят. Если бы она ему сказала: «Господин Бальзаминов, я вас не люблю и вашего знакомства не желаю»,— это было бы гораздо лучше.

Красавина входит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бальзаминова и Красавина.

Красавина. С повинной, матушка! Не вели казнить, вели речь говорить.

Бальзаминова. Есть же люди на свете, которые стыда не имеют!

Красавина. Есть, матушка, есть всякого народа.

Бальзаминова. Конечно, мы люди бедные, маленькие, но, однако же, ведь надобно, Гавриловна, немножко и совесть знать.

Красавина. Нешто я, матушка, не понимаю? У меня совесть-то чище золота, одно слово — хрусталь, да что ж ты прикажешь делать, коли такие оказии выходят? Ты рассуди, какая мне радость, что всякое дело всё врозь да врозь. Первое дело — хлопоты даром пропадают, а второе дело — всему нашему званию мараль. А просто сказать: «Знать, не судьба!» Вот и всё тут. Ну да уж я вам за всю свою провинность теперь заслужу.

Бальзаминова. Ну, признаться сказать, я от тебя, кроме насмешки, ничего ожидать не могу.

Красавина. Не такая душа у меня. Ежели я против кого виновата, так уж я пополам разорвусь, а за свою вину вдвое заслужу. Вот у меня какая душа! Хоша оно в нынешнем свете с такой добродетелью жить трудно, милая...

Бальзаминова. Ты лучше, Гавриловна, и не говори! Я тебе в этом верить не могу. Мы люди бедные, какой тебе интерес?

Красавина. А не веришь, так я тебе вот что скажу: хороший-то который жених, ловкий, и без свахи невесту найдёт, а хоть и со свахой, так с него много не возьмёшь; ну а твой-то плох: ему без меня этого дела не состряпать; значит, я с него возьму что мне захочется. Знаешь русскую пословицу: «У всякого плута свой расчёт»? Без расчёту тоже в нынешнем свете жить нельзя.

Бальзаминова. Ты не взыщи, Гавриловна, что я тебя так приняла. Мне обидно, что моим сыном как дураком помыкают.

Красавина. Ничего, матушка; брань на вороту не виснет. Нам не привыкать стать к брани-то: наше звание такое. А сынка твоего мы обеспечим, ты не беспокойся.

Бальзаминова. Чайку не хочешь ли?

Красавина. Ну его! И без него жарко. Что такое чай? Вода! А вода, ведь она вред делает, мельницы ломает. Уж ты меня лучше ужо как следует попотчуй, я к тебе вечерком зайду. А теперь вот что я тебе скажу. Такая у меня на примете есть краля, что, признаться сказать, согрешила — подумала про твоего сына, что, мол, не жирно ли ему это будет?

Бальзаминова. Кто ж такая?

Красавина. Ну, об этом речь впереди. Вот, видишь ты, дело какого роду: она вдова и с большим капиталом, от этого самого и скучает.

Бальзаминова. Скажите пожалуйста!

Красавина. Так точно. И как, матушка моя, овдовела, так никуда не выезжает, всё и сидит дома. Ну, а дома что ж делать? Известно — покушает да почивать ляжет. Богатая женщина, что ж ей делать-то больше!

Бальзаминова. Отчего же это она при таком капитале никуда не ездит и знакомства не имеет?

Красавина. Ленива. Уж сколько раз я ей говорила: «Что, мол, ты никуда не съездишь али к себе гостей не позовёшь?» В гости ехать, говорит, одеваться надобно; а приедешь — разговаривать нужно.

Бальзаминова. Разве она и разговаривать не любит?

Красавина. Как не любить! Только чтобы не торопясь, с прохладой. Ну, таким-то родом, сударыня ты моя, от этакой-то жизни стала она толстеть и тоску чувствовать. И даже так, я тебе скажу, тяжесть такая на неё напала, вроде как болезнь. Ну сейчас с докторами советоваться. Я была при одном докторе. Вот доктор ей и говорит: «Вам, говорит, лекарства никакого не нужно; только чтоб, говорит, развлечение и беспременно чтоб замуж шли».

Бальзаминова. А она что ж?

Красавина. Она ему сейчас в руку три целковых бумажку. Порядок этот знает.

Бальзаминова. Нет, я не про то! Я насчёт того, что замуж-то идти?

Красавина. «Я, говорит, замуж не прочь; только где его найдёшь, дома-то сидя?» — «А я-то, говорю, на что?» — «Ну, говорит, хлопочи!» Так вот какие дела и какие оказии бывают.

Бальзаминова. Ну, а как насчёт состояния?

Красавина. Сверх границ. Одних только денег и билетов мы две считали-считали, счесть не могли, так и бросили. Да я так думаю, что не то что нам, бабам, а и мужчинам, если двух хороших взять, и то не счесть!

Бальзаминова. Как же это не счесть?

Красавина. Так вот и не счесть. Посчитают-посчитают, да и бросят. Ты думаешь, считать-то легко? Это, матушка, всем вам кажется, у кого денег нет. А поди-ка попробуй! Нет, матушка, счёт — мудрёное дело. И чиновники-то, которые при этом приставлены, и те, кто до сколька умеет, до столька и считает: потому у них и чины разные. Твой Михайло до сколька умеет?

Бальзаминова. Да я думаю, сколько ни дай, всё сочтет.

Красавина. Ну где ему! Тысяч до десяти сочтёт, а больше не сумеет. А то вот ещё какие оказии бывают, ты знаешь ли? Что-то строили, уж я не припомню, так артитехторы считали, считали, цифирю не хватило.

Бальзаминова. Может ли это быть?

Красавина. Верно тебе говорю. Так что же придумали: до которых пор сочтут, это запишут, да опять цифирь-то сначала и оборотят.

Вот как! Так что ж тут мудрёного, что мы денег не сочли? Ну деньги деньгами — это само по себе, а ещё дом.

Бальзаминова. Большой?

Красавина. А вот какой: заведи тебя в серёдку, да оставь одну, так ты и заблудишься, всё равно что в лесу, и выходу не найдёшь, хоть караул кричи. Я один раз кричала. Мало тебе этого, так у нас ещё лавки есть.

Бальзаминова. Ты уж что-то много насказала! Я боюсь, понравится ли мой Миша такой невесте-то.

Красавина. Это уж его дело. Да что это его не видать?

Бальзаминова. Не знаю, он дома был. Миша!

Бальзаминов входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Бальзаминов.

Красавина. Красота ты моя писаная, разрисованная! Всё ли ты здоров? А у нас все здоровы: быки и коровы, столбы и заборы.

Бальзаминов. Я ещё и говорить-то с тобой не хочу. Вот что!

Бальзаминова. Нет, Миша, ты с ней не должен таким манером обращаться; ты ещё не знаешь, какую она пользу может тебе сделать.

Красавина. Не тронь его, пущай! Что это ты такой гордый стал? Аль нашёл на дороге сумму какую значительную?

Бальзаминов. Она-то пользу сделает? Что вы, маменька, ей верите? Она всё обманывает.

Красавина. Я обманываю? Значит, ты души моей не знаешь. Ты слыхал ли когда песню:

Никто души моей не знает
И чувств моих не могут описать.

Бальзаминов. За что она меня, маменька, обманывает? Что я ей сделал? Она сваха — она и должна сватать, а не обманывать.

Красавина. А ты ищи себе под пару, так тебя никто и не будет обманывать; а то ты всё не под масть выбираешь-то. Глаза-то у тебя больно завистливы.

Бальзаминов. А тебе какое дело? Да и совсем не от зависти я хочу жениться на богатой, а оттого что у меня благородные чувства. Разве можно с облагороженными понятиями в бедности жить? А коли

я не могу никакими средствами достать себе денег, значит, я должен жениться на богатой. *(Садится.)* Ах, маменька, какая это обида, что всё на свете так нехорошо заведено! Богатый женится на богатой, бедный — на бедной. Есть ли в этом какая справедливость? Одно только притеснение для бедных людей. Если б я был царь, я бы издал такой закон, чтоб богатый женился на бедной, а бедный — на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь.

Красавина. Ну вот когда такой закон от тебя выдет, тогда мы и будем жить по-твоему; а до тех пор, уж ты не взыщи, всё будет по старому русскому заведению: «По Сеньке шапка, по Ерёмке кафтан». А то вот тебе ещё другая пословица: «Видит собака молоко, да рыло коротко».

Бальзаминов. Вот видите, маменька, вот она опять всё на смех. Зачем она пришла? Кто её просил?

Красавина. Мне ведь как хотите! Я из-за своего добра кланяться не стану. Какая мне оказия?

Бальзаминова. Что это ты, Гавриловна? Ты видишь, он не в своём уме. Как тебе, Миша, не стыдно!

Красавина. Что ж он важность-то на себя напустил? Навязывать ему, что ли? Уж это много чести будет! Москва-то не клином сошлась: найду не хуже его.

Бальзаминова. Нет, ты этого, Гавриловна, не делай. Это тебе грех будет! Ты, Миша, ещё не знаешь, какие она нам благодеяния оказывает. Вот ты поговори с ней, а я пойду: признаться сказать, после бани-то отдохнуть хочется. Я полчасика, не больше.

Красавина. Да хоть и больше, так кто ж тебе запретит?

Бальзаминова уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Красавина, Бальзаминов, потом Матрёна.

Бальзаминов. Вот ты сердиться-то умеешь, а каково мне было тогда, как меня из дому выгнали? Вот так асаже!

Красавина. А ты ещё всё не забыл? Видишь, какой ты злопамятный! Ну вот за этот-то самый афронт я и хочу тебе заслужить.

Бальзаминов. Чем же ты заслужишь?

Красавина. Невесту нашла.

Бальзаминов. Ну уж не надо. Опять то же будет. Я сам нашёл.

Красавина. Мудрено что-то! Где ж это?

Бальзаминов. Как же! Так я и сказал тебе!

Красавина. Ничего у тебя не выдет.

Бальзаминов. А вот посмотрим.

Красавина. И смотреть нечего.

Входит Матрёна и становится у двери, приложив руку к щеке.

Ты сам рассуди! Какую тебе невесту нужно?

Бальзаминов. Известно какую, обыкновенную.

Красавина. Нет, не обнаковенную. Ты человек глупый, значит...

Бальзаминов. Как же, глупый! Ишь ты, дурака нашла!

Матрёна. А что, умён?

Бальзаминов. Ты молчи, не твоё дело!

Красавина. Ты послушай! Ты человек глупый, значит, тебе...

Бальзаминов. Да что ты всё: глупый да глупый! Это для тебя я, может быть, глуп, а для других совсем нет. Давай спросим у кого-нибудь.

Красавина. Давай спросим! Да нечего и спрашивать. Ты поверь мне: я человек старый, обманывать тебя не стану.

Матрёна. Какой ты, Михайло Митрич, как погляжу я на тебя, спорить здоровый! Где ж тебе с ней спорить?

Бальзаминов. Как же не спорить, когда она меня дураком называет?

Матрёна. Она лучше тебя знает. Коли называет, значит, правда.

Бальзаминов. Да что вы ко мне пристали! Что вам от меня надо?

Красавина. Постой, погоди! Ты не шуми! Ты возьми терпение, выслушай! Ты глупый человек, значит, тебе умней себя искать невесту нельзя.

Матрёна. Само собой.

Красавина. Значит, тебе нужно искать глупей себя. Вот такую-то я тебе теперь...

Бальзаминов *(встаёт)*. Что ты ко мне пристаёшь! Что ты ко мне пристаёшь! Я тебе сказал, что я слушать тебя не хочу. А ты всё с насмешками да с ругательством! Ты думаешь, я вам на смех дался? Нет, погоди ещё у меня!

Красавина. Что же ты сделаешь?

Бальзаминов. Я знаю, что сделать! Ты меня не тронь! Я служащий, обидеть меня не смеешь! Я на тебя и суд найду!

Красавина. Суд? Что ты, в уме ли? А судиться так судиться! Ты думаешь, я испугалась! Давай судиться! Подавай на меня просьбу! Я ответ найду. В какой суд на меня жаловаться пойдёшь?

Бальзаминов. Это уж моё дело.

Красавина. Да ты все ли суды знаешь-то? Чай, только магистрат и знаешь? Нам с тобой будет суд особенный! Позовут на глаза — и сейчас решение.

Бальзаминов. Для меня всё равно.

Красавина. Что же станешь на суде говорить? Какие во мне пороки станешь доказывать? Ты и слов-то не найдёшь; а и найдёшь, так складу не подберёшь! А я и то скажу, и другое скажу; да слова-то наперёд подберу одно к другому. Вот нас с тобой сейчас и решат: мне превелегию на листе напишут...

Бальзаминов. Какую привилегию?

Красавина. Против тебя превелегию, что я завсегда могу быть лучше тебя и во всём превозвышена; а тебя в лабет поставят.

Бальзаминов. В какой лабет? Что ты врёшь!

Красавина. А ещё мужчина, ещё служащий, а не знаешь, что такое лабет! Где ж тебе со мной судиться!

Матрёна. У! Бесстыдник!

Бальзаминов. Так что ж это вы меня со свету сжить, что ли, хотите? Сил моих не хватит! Батюшки! Ну вас к чёрту! *(Быстро берёт фуражку.)* От вас за сто вёрст убежишь. *(Бросается в дверь и сталкивается с Чебаковым.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Чебаков.

Чебаков. Что это вы? Что это вы, господин Бальзаминов?

Матрёна. Батюшки! Он в уме повихнулся.

Бальзаминов. Ах, извините-с! Такое невежество! Вы не можете себе представить! Это ужас что такое!

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, что с вами такое?

Бальзаминов. Ничего-с! Очень вам благодарен! Конечно, с моей стороны неучтивость... Извините! Покорнейше прошу садиться!

Чебаков *(садясь)*. Послушайте, Бальзаминов, вы что-то не в своей тарелке.

Бальзаминов. Да помилуйте-с, Лукьян Лукьяныч, никак невозможно! Необразование, насмешки...

Чебаков. Ну, да это в сторону! Послушайте, что же, вы исполните, что обещали, или нет?

Бальзаминов. Как же можно! Непременно-с.

Чебаков. То-то же! А то ведь вы, пожалуй...

Бальзаминов. Уж ежели я что, Лукьян Лукьяныч, обещал-с...

Чебаков. Ну да, разговаривайте! Знаем мы вас. Только послушайте, Бальзаминов, вам надо башмачником одеться.

Матрёна. Батюшки!

Бальзаминов. Зачем же это-с?

Чебаков. А вот я вам сейчас объясню.

Красавина. Ну прощай, башмачник! Уж я к тебе больше не пойду; потому, мой друг, что хлеб за брюхом не ходит. *(Уходит, и Матрёна за ней.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, это сваха, должно быть?

Бальзаминов. Так точно-с. Конечно, невежество...

Чебаков. Так вот что, Бальзаминов: нельзя иначе, надо непременно башмачником. А то как же вы к ним в дом войдёте? А вы наденьте сертук похуже, да фуражку, вот хоть эту, которая у вас в руках, волосы растреплите, запачкайте лицо чем-нибудь и ступайте. Позвоните у ворот, вам отопрут, вы и скажите, что, мол, башмачник, барышням мерку снимать. Там уж знают, вас сейчас и проведут к барышням.

Бальзаминов. А потом что же-с?

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов! Вы чудак. Как же вы спрашиваете, что делать! Вы влюблены или нет?

Бальзаминов. Влюблён-с.

Чебаков. Так ведь надо же вам объясниться. И кстати письмо отдадите. Моей отдайте вот это письмо *(отдаёт письмо)*, а своей откройтесь в любви, скажите, что хотите её увезти, станьте на колени. Да вы, послушайте, не перемешайте: моя старшая, а ваша младшая; моя Анфиса, а ваша Раиса.

Бальзаминов. Помилуйте! Как можно! А вы, Лукьян Лукьяныч, уж открылись-с?

Чебаков. Давно уж...

Бальзаминов. Мы их, Лукьян Лукьяныч, скоро увезём-с?

Чебаков. Как будут согласны, так и увезём.

Бальзаминов. Моя будет согласна-с, потому что она на меня так смотрит, когда мы мимо проходим, что даже уму непостижимо-с.

Чебаков. Послушайте, ну вот и прекрасно.

Бальзаминов. Только, Лукьян Лукьяныч, как бы нам не ошибиться насчёт...

Чебаков. Насчёт денег? Нет, господин Бальзаминов, я в этом никогда не ошибаюсь.

Бальзаминов. То вы, а то я-с.

Чебаков. Они сёстры, у них поровну капитал от отца. Братья оттого не отдают их замуж, что денег жаль.

Бальзаминов. Ну, так я сейчас-с, только сертук надену-с. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Чебаков *(один)*. Экой дурачина! Вот олух-то! Воображает, что в него влюбятся. А впрочем, если смотреть на жизнь с философской точки зрения, так и такие люди полезны. Кого нынче заставишь башмачником одеться! А эта штука мне может стоить полтораста тысяч. Из-за этого куша я здесь другой год живу, нарочно поблизости квартиру нанял. Только, чёрт их возьми, живут очень крепко! Не то что видеться, а и письмо-то передать больших трудов и издержек стоит. Если мне этот дурак поможет её увезти, я его, голубчика, в поминанье запишу.

Входит Бальзаминов в сюртуке.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Чебаков и Бальзаминов.

Чебаков. Послушайте, вы настоящий сапожник.

Бальзаминов. Башмачник-с.

Чебаков. Только послушайте, ну, как ваше начальство узнает, что вы башмачным мастерством занимаетесь?

Бальзаминов. Да, нехорошо-с, да и от товарищей тоже-с...

Чебаков. Нет, я шучу. Помилуйте, кто же это узнает! Послушайте, я вам даже завидую. Вы будете разговаривать с любимой женщиной, а я должен страдать в одиночестве.

Бальзаминов. Да-с. А уж как я рад-с, я хоть плясать-с готов-с.

Чебаков. Именно на вашем месте плясать надобно. Послушайте, Бальзаминов, а ну как вас там высекут?

Бальзаминов. Что же это, Лукьян Лукьяныч! Я не пойду-с! Как же вы сами посылаете, а потом говорите, что высекут? На что же это похоже-с.

Чебаков. Как вы, Бальзаминов, шуток не понимаете!

Бальзаминов. Хорошо, как шутки, а ежели в самом деле-с?

Чебаков. Уж будьте покойны! Я бы вас не послал.

Бальзаминов. Покоен-то я покоен, а всё-таки...

Чебаков. Послушайте, ну полноте! Пойдёмте! Я за вами буду сзади следить.

Бальзаминов. Пойдёмте-с. *(Подходит к двери.)* Матрёна! Скажи маменьке, что я ушёл.

Матрёна *(за дверью)*. Сама увидит.

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ЛИЦА

ДОМНА ЕВСТИГНЕВНА БЕЛОТЕЛОВА, *вдова лет тридцати шести, очень полная женщина, приятного лица, говорит лениво, с расстановкой.*
АНФИСА ПАНФИЛОВНА и РАИСА ПАНФИЛОВНА ПЕЖЁНОВЫ, *девицы лет под тридцать, ни хороши ни дурны, ни худы ни толсты; одеты в простых ситцевых блузах, но в огромной величины кринолинах.*
ХИМКА (АФИМКА), *горничная девочка Пежёновых.*
БАЛЬЗАМИНОВ.
КРАСАВИНА.

Сцена представляет два сада, разделённые посередине забором: направо от зрителей сад Пежёновых, а налево — Белотеловой; в садах скамейки, столики и проч.; в саду Белотеловой налево две ступеньки и дверь в беседку; у забора с обеих сторон кусты.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В саду на левой стороне. Белотелова и Красавина сидят на лавочке.

Белотелова. Вот мы тут посидим, потом пойдём в беседку, там закусим, посидим. Там закуска приготовлена. Да потом опять сюда придём, посидим.

Красавина. Ещё бы! Своя воля, что хотим, то и творим.

Белотелова. Что ж ты мне жениха, скоро?

Красавина. Скоро, красавица моя, скоро. Нельзя же вдруг! Ведь женихов у меня много, да всё не тот сорт. Для тебя я уж особенно займусь, хорошего тебе сыщу.

Белотелова. Сыщи хорошего.

Красавина. Уж ты будь покойна, это наших рук дело. Есть у меня один на примете, а рекомендовать боюсь.

Белотелова. А что же?

Красавина. Он бы и ничего, да дурашен, бог с ним.

Белотелова. Очень дурашен?

Красавина. Да таки порядочно. Да ты об этом деле не печалься; без мужа не останешься.

Белотелова. Ну хорошо.

Красавина. Веришь ты, я для тебя всей душой! Коли есть женихи на дне моря, я и со дна моря для твоего удовольствия достану. Да уж и ты меня не обидь.

Белотелова. Я не обижу, я добрая.

Красавина. Кто ж этого не знает! Весь свет знает. А это я к тому говорю, красавица ты моя писаная, что от кого же нам и жить-то, бедным сиротам, как не от вас, богатых людей? Вам жить да нежиться, а нам для вас служить. Ты сиди только да придумывай, а я уж для тебя всё, окромя разве птичьего молока.

Белотелова. Ничего не придумаешь.

Красавина. Лень тебе, красавица моя, а то как бы не придумать. Я бы на твоём месте, да с твоими деньгами, такое веселье завела, таких чудес бы натворила, что ни об чём бы, кроме меня, и не разговаривали.

Белотелова. А что ж бы ты сделала?

Красавина. Да вот тебе первое. Коли не хочешь ты никуда ездить, так у себя дома сделай: позови баб побольше, вели приготовить отличный обед, чтобы вина побольше разного, хорошего; позови музыку полковую: мы будем пить, а она чтоб играла. Потом все в сад, а музыка чтоб впереди, да так по всем дорожкам маршем; потом опять домой да песни, а там опять маршем. Да так чтобы три дня кряду, а начинать с утра. А вороты вели запереть, чтобы не ушёл никто. Вот тебе и будет весело.

Белотелова. Весело, только хлопот много.

Красавина. А ты мне прикажи, я все хлопоты на себя возьму. Я орёл на эти дела.

Белотелова. Ну хорошо, как-нибудь сделаем.

Красавина. Да скорей бы! Хорошего дела никогда откладывать не должно!

Белотелова. Не пойти ли нам в беседку?

Красавина. Погоди! Посидим здесь; хорошо на воздухе-то. Поговорим об чём-нибудь для времяпровождения.

Белотелова. Я уж не знаю, об чём говорить. Нет ли по Москве разговору какого?

Красавина. Мало ли разговору, да всему верить-то нельзя. Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтоб звончее был.

Белотелова. Войны не слыхать ли?

Красавина. Войны не слыхать. Тихо везде; по всей земле замирение вышло. Земля трясётся местами, об этом слух есть; местах в трёх трясение было.

Белотелова. Нехорошо.

Красавина. Что хорошего! Сама знаешь, писано есть об этом. Да вот ещё, для всякой осторожности, надобно тебе сказать: шайка разбойников объявилась.

Белотелова. Откуда ж они?

Красавина. Из диких лесов, говорят. Днём под Каменным мостом живут, а ночью ходят по Москве, железные когти у них надеты на руки и все на ходулях; по семи аршин ходули, а атаман в турецком платье.

Белотелова. Зачем на ходулях?

Красавина. Для скорости, ну и для страху.

Белотелова. Пойдём в беседку, посидим, закусим!

Красавина. Пойдём! Какой у тебя аппетит, дай тебе Бог здоровья, меня ижно завидки берут. Уж чего лучше на свете, коли аппетит хорош! Значит, весь человек здоров и душой покоен.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

На правой стороне.
Выходят Анфиса Панфиловна и Раиса Панфиловна.

Раиса. Тоска, Анфиса.

Анфиса. Тоска.

Раиса. Ой, батюшки, как скучно!

Молчание.

Анфиса. И нейдёт, и не шлёт никого!

Раиса. Да кого же прислать! Ты знаешь, к нам ходу нет.

А н ф и с а. Он в прошлом письме писал, что придумает что-нибудь. Не послать ли Химку в лавочку: не дожидается ли он там с письмом?

Р а и с а. За Химкой-то уж подсматривать стали. Бабушка всё ворчит на неё, должно быть, что-нибудь заметила; да старуха нянька всё братцам пересказывает. Выходи, Анфиса, поскорей замуж, и я бы к тебе переехала жить: тогда своя воля; а то ведь это тоска.

А н ф и с а. Ещё какая тоска-то! А за кого я пойду? Я лучше умру, а уж не пойду за тех женихов, что братцы сватают. Невежество-то мне и дома надоело. А мы сами немножко виноваты: тогда, как тятенька умер, уж мы много себе вольности дали.

Р а и с а. Вот золотое-то было времечко! Есть чем вспомнить!

А н ф и с а. Вот братцы-то нас и присадили. Такая тоска в этом положении.

Р а и с а. Хоть волком вой! Ах, тоска, Анфиса! Ах, тоска!

А н ф и с а. Я думала-думала, да придумала одну штуку.

Р а и с а. Что же ты придумала?

А н ф и с а *(оглядываясь)*. Бежать с Лукьян Лукьянычем.

Р а и с а. Что ты, сестрица! Как это можно!

А н ф и с а. А что ж такое! Жалко, что ль, мне кого здесь? Взяла да и ушла. Конечно, пока мы здесь живём, так братья над нами власть имеют; а как из ворот, так и кончено. И деньги свои потребую, какие мне следовают.

Р а и с а. Это, я думаю, страшно, сестрица, когда увозят.

А н ф и с а. Ничего, Раиса, не страшно. Ведь уж меня увозили, ты помнишь?

Р а и с а. Помню. Только ты тогда скоро воротилась.

А н ф и с а. Ну, что старое вспоминать! Вот я теперь и жду от Лукьяна Лукьяныча письма об этом об самом. Только как он его передаст?

Р а и с а. Уж как-нибудь придумает.

А н ф и с а. Тогда тебя к себе жить возьму.

Р а и с а. Вот мы, Анфиса, заживём-то! По всем гуляньям, по всем дачам будем ездить. Я себе тоже военного выберу.

А н ф и с а. А что же этот, твой-то?

Р а и с а. Белобрысый-то? Ну, что за крайность! Кабы ничего лучше в предмете не было, так уж так бы и быть — от скуки.

А н ф и с а. Разве он тебе не нравится?

Раиса. Он мне что-то, Анфиса, гнусненек кажется.

Анфиса. Зачем же ты с ним кокетничаешь?

Раиса. От тоски. Всё-таки развлечение. Ах, тоска! Ах, тоска!

Анфиса. А он, пожалуй, подумает, что ты в него влюблена.

Раиса. Пускай его думает, убытку-то мне немного.

Анфиса. Знаешь, Раиса, что я тебе говорила-то, что бежать-то с Лукьян Лукьянычем? Ведь это, может быть, очень скоро будет. Я уж, что нужно на первый раз, приготовила; хоть сейчас собраться, да и была такова.

Раиса. Вот я посмотрю, как ты убежишь, да и я, может, то же сделаю. Не умирать же тут с тоски в самом деле!

Химка вбегает, дрожа от страха и запыхавшись.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Анфиса, Раиса и Химка.

Анфиса. Что ты, Химка?

Химка. Пришёл... пришёл...

Анфиса. Кто пришёл?

Химка. Башмачник пришёл, башмачник пришёл.

Анфиса. Какой башмачник?

Химка. Не знаю какой, не знаю. Батюшки, страсти! Говорит, знакомые послали, барышням мерку снимать, мерку снимать.

Раиса. Это от Лукьян Лукьяныча, должно быть?

Анфиса. Непременно. Кто ж его пустил?

Химка. Я пустила; все спят, я пустила. Ах, страсти!

Анфиса. Где же он?

Химка. У садовой калитки дожидается. Он у калитки...

Анфиса. Веди его сюда скорей, да смотри, чтоб не увидали.

Химка. Сейчас, сейчас! Батюшки! сейчас! *(Убегает.)*

Раиса. Ишь ты какой придумщик! Башмачника прислал.

Анфиса. Благородного человека сейчас видно: у него все и поступки благородные. Ну кто придумает башмачника прислать, кроме благородного человека? Никто на свете.

Раиса. Мы этого башмачника на весь дом шить башмаки заставим, он нам и будет письма переносить.

Входят Бальзаминов и Химка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Анфиса, Раиса, Бальзаминов и Химка.

Анфиса *(тихо)*. Да ведь это твой белобрысый.

Раиса. Вот суприз!

Анфиса. Беги, Химка, постереги у калитки: коли в доме проснутся, так ты дай знак какой-нибудь.

Химка. Сейчас! Сейчас! Вот страсти-то! *(Убегает.)*

Анфиса. Однако как вы смелы!

Бальзаминов. Любовь всё преодолевает-с.

Анфиса. Лукьяна Лукьяныча давно ли видели?

Бальзаминов. Даже только сейчас-с. Я от них к вам письмо имею.

Анфиса. Так давайте!

Бальзаминов *(подаёт письмо)*. Извольте-с. Они ответ просили-с.

Анфиса отходит, распечатывает и читает.

Раиса. Вас зовут Михайло Дмитрич?

Бальзаминов. Точно так-с. Это я собственно для вас-с.

Раиса. Что для меня?

Бальзаминов. В таком виде-с.

Раиса. Покорно вас благодарю.

Анфиса. Раиса, поди сюда! Вы, господин Бальзаминов, извините, нам нужно поговорить. Вы посидите на лавочке, подождите.

Раиса подходит к Анфисе.

Бальзаминов *(садится на лавочку у забора)*. Оченно хорошо-с.

Анфиса *(читает)*. «У меня всё готово. Докажите, что вы меня любите не на словах только, а на самом деле. Доказательств моей любви вы видели много. Для вас я бросил свет, бросил знакомство, оставил все удовольствия и развлечения и живу более года в этой дикой стороне, в которой могут жить только медведи да Бальзаминовы…»

Раиса. Ах, это правда.

Анфиса. Правда! *(Читает.)* «Кажется, этого довольно. Больше я ждать не могу. Из любви к вам я решаюсь избавить вас от неволи; теперь всё зависит от вас. Если хотите, чтоб мы оба были счастливы, сегодня, когда стемнеет и ваши улягутся спать, что произойдёт, вероятно, не позже девятого часа, выходите в сад. В переулке, сзади

вашего сада, я буду ожидать вас с коляской. Забор вашего сада, который выходит в переулок, в одном месте плох...»

Раиса. Да, братец давно говорил об этом. На этой неделе хотят починить.

Анфиса *(читает)*. «Мы разберём несколько досок, и вы будете на свободе. Мы с вами поедем вёрст за пятнадцать, где меня ждут мои приятели и уже всё готово, даже и музыка...»

Раиса. И музыка! Ах, как это весело! А здесь-то какая тоска!

Анфиса. Ах, Раиса! Вот что значит благородный человек! Увозит девушку, всё устроил отличным манером и потом даже с музыкой! Кто, кроме благородного человека, это сделает? Никто решительно.

Раиса. Что же, Анфиса, ты поедешь?

Анфиса. Ещё бы после этого да я не поехала! Это даже было бы неучтиво с моей стороны. *(Читает.)* «Впрочем, может быть, вам ваша жизнь нравится и вся ваша любовь заключается в том, чтобы писать письма и заставлять обожателей во всякую погоду ходить по пятнадцати раз мимо ваших окон? В таком случае извините, что я предложил вам бежать со мной...»

Раиса. Отчего же он об нас так низко думает?

Анфиса. Я ему докажу, что я совсем не таких понятий об жизни. *(Читает.)* «Конечно, очень похвально слушаться братцев, бабушек и тётушек...»

Раиса. Анфиса, это он в насмешку!

Анфиса. Разумеется. *(Читает.)* «Но зачем же губить свою молодость и отказывать себе в удовольствиях? С нетерпением жду вашего ответа. Если вы сегодня не решитесь, я завтра уезжаю на Кавказ. Целую ваши ручки. Весь ваш...»

Раиса *(заглядывая в письмо)*. А это что?

Анфиса. А это Люди, Червь, значит: Лукьян Чебаков. Ну, Раиса, я пойду напишу ему ответ, а ты тут посиди с Бальзаминовым. Ты мне после скажи, что он тебе будет говорить.

Раиса. А как же Бальзаминов выдет отсюда? Ведь его никто не видал, как он вошёл!

Анфиса. Вот ещё беда-то!

Раиса. Знаешь что, Анфиса: я его как-нибудь спроважу через забор.

Анфиса. Ну хорошо. Ответ я с Химкой пришлю. Прощайте, господин Бальзаминов! *(Уходит.)*

Раиса *(Бальзаминову)*. Я сейчас к вам приду. *(Провожает Анфису.)*

Бальзаминов. Ведь вот теперь надо в любви открываться, а я ничего не придумал, никаких слов не прибрал. Эка голова! Что ты будешь делать! Будь тут столб или дерево покрепче, так бы взял да и разбил её вдребезги. Сваха-то давеча правду говорила, что я дурак. Что ж в самом деле? Не стоять же столбом! На счастье буду говорить, что в голову придёт: может быть, и хорошо выйдет. Вот каковы приятели! Сколько раз просил, чтобы показали, как в любви объясняться — ни один не показал. Всё из зависти, всякий для себя бережёт.

Раиса возвращается.

Вот идёт! Вот, что мы будем делать?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бальзаминов и Раиса.

Раиса. Извините, что мы вас заставили дожидаться!

Бальзаминов. Ничего-с! Очень приятно-с!

Молчание.

Они куда же пошли-с?

Раиса. Она пошла ответ писать.

Бальзаминов. Они скоро-с?

Раиса. Нет, она очень долго пишет. Мы скоро не умеем; для этого привычка нужна, а мы, кроме писем, ничего не пишем.

Бальзаминов. Я теперича всё скучаю-с.

Раиса. И мы тоже скучаем. Такая тоска, вы не поверите!

Бальзаминов. Да вы, может быть, не оттого-с.

Раиса. Оттого, что всё сидим взаперти, не видим никаких развлечений.

Бальзаминов. А я от другого-с.

Раиса. Отчего же вы?

Бальзаминов. Я даже по ночам не сплю-с.

Раиса. Может быть, днём спите?

Бальзаминов. Нет, совсем не оттого-с.

Раиса. А отчего же?

Бальзаминов. От чувств-с.

Раиса. От каких же это чувств?

Бальзаминов. Я так чувствую себя, что я самый несчастный человек в жизни.

Раиса. Довольно странно это слышать от вас. Мужчины вообще счастливей женщин.

Бальзаминов. Но не все-с.

Раиса. У женщины несчастие заключается оттого, что она завсегда подо что-нибудь подвластна.

Бальзаминов. А у мужчины несчастие заключается от любви-с.

Раиса. Значит, надобно так полагать, что вы влюблены?

Бальзаминов. Так точно-с.

Раиса. Кто же эта женщина, которая могла вас прельстить собою?

Бальзаминов. Я не смею вам этого открыть-с.

Раиса. Отчего же?

Бальзаминов. Вам, может быть, будет противно меня слушать-с.

Раиса. Нисколько не противно: даже совсем напротив.

Бальзаминов. В таком случае-с позвольте вам выразить, что эта женщина — вы самые-с и есть-с.

Раиса. Ах, скажите! Я этого никак не ожидала.

Бальзаминов. Могу я сколько-нибудь надежду иметь-с или нет-с?

Раиса. Я ещё ничего не слыхала от вас.

Бальзаминов. Для моей любви нет слов-с. Я бы и желал выразить-с, но никак не могу-с.

Раиса. Говорите хотя то, что можете сказать!

Бальзаминов. Одно только я могу сказать-с, что сам себе тиран.

Раиса. Какое же в этом тиранство?

Бальзаминов. Самое жестокое тиранство-с. Ежели человек влюблён-с, и даже не спит ночи, и не знает слов-с...

Раиса. Вы давно в меня влюблены?

Бальзаминов. В четверг после обеда, на прошлой неделе.

Раиса. Так это недавно! Лукьян Лукьяныч любит Анфису полтора года.

Бальзаминов. И я могу-с... даже больше.

Раиса. Ну, это ещё неизвестно. Может быть, вы непостоянный кавалер?

Бальзаминов. Я считаю это в мужчинах за низкость-с.

Раиса. Коли вы влюблены, отчего же вы мне письма не написали? Влюблённые всегда пишут письма.

Бальзаминов. Я не смел-с. А ежели вы так снисходительны, то я первым долгом почту написать вам даже нынче. А вы мне напишете на ответ-с?

Раиса. Отчего же не написать.

Бальзаминов. А ежели бежать-с, вы согласны будете?

Раиса. Уж это очень скоро.

Бальзаминов *(становится на колени)*. Сделайте такое одолжение-с! Лукьян Лукьяныч тоже хотят увезти вашу сестрицу, так уж и я-с, чтобы вместе-с...

Раиса. Ну хорошо, я подумаю. Встаньте! Ну, увидит кто-нибудь? Вон Химка бежит.

Бальзаминов встаёт. Вбегает Химка.

Химка *(подаёт Бальзаминову письмо)*. Вот письмо, вот письмо! Батюшки, страсти! Проснулись, все проснулись! *(Убегает.)*

Раиса. Ах, как же быть! Куда же мне вас деть? Через двор теперь нельзя.

Бальзаминов *(оглядывается по сторонам и подпрыгивает)*. Что же я-с? Как же я-с? А-я-яй! А-я-яй!

Раиса. Разве через забор? Вы умеете?

Бальзаминов. Раз, два, три-с... раз, два, три — и там-с.

Раиса. Так ступайте скорей!

Бальзаминов. Сейчас-с! *(Бежит за куст и лезет на забор налево.)*

Раиса. Не туда, не туда! Это в чужой сад.

Бальзаминов не слушает.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

На левой стороне. Белотелова и Красавина выходят из беседки и останавливаются на ступенях.

Белотелова. Ты говоришь, что разбойники на ходулях ходят? Может быть, это колокол льют.

Красавина. Уж это так точно, поверь моему слову! Вот видишь — забор. Так выше этого забора у них ходули.

Бальзаминов показывается на заборе.

Белотелова. Ах! Вот они. *(Убегает в беседку.)*

Сваха от испуга садится на ступеньке.

Бальзаминов *(спрыгнув с забора)*. А-я-яй! Ой-ой-ой!

Раиса *(за забором)*. Что с вами?

Бальзаминов. В крапиву-с.

Раиса. Ну, прощайте! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Красавина и Бальзаминов.

Красавина. Ах ты, батюшки мои, как перепугал, окаянный! Всё сердце оторвалось. Чтоб тебе пусто было!

Бальзаминов выходит из-за куста.

Ишь тебя где луканька-то[1] носит!

Бальзаминов. Где же это я? Вот и ты здесь!

Красавина. Я-то здесь; ты-то как попал?

Бальзаминов. Я оттуда...

Красавина. Видно, хорошо приняли, да, может, и угостили чем-нибудь? Шенпанским, что ли, чем ворота запирают? Аль собаками травили?

Бальзаминов. Ты меня выведи как-нибудь отсюда.

Красавина. Тебя-то? Скажи ты мне, варвар, что ты с нами сделал? Мы дамы тучные, долго ли до греха! Оборвётся сердце — и конец. Нет, мы тебе руки свяжем да в часть теперича.

Бальзаминов. Да за что же?

Красавина. А за то, что не лазий по заборам! Разве показано по заборам: ворам дорогу указывать? Ты у меня как хозяйку-то испугал, а? Как? Так что теперь неизвестно, жива ли она там в беседке-то! Вот что, друг ты мой!

Бальзаминов. Что же это такое? Боже мой! Несчастный я человек!

Красавина. Ты полно сиротой-то прикидываться! Ты скажи, как тебя счесть? За вора?

Бальзаминов. Да какой же я вор?

Красавина. А за что за другое, так тебе же хуже будет. Она честным манером вдовеет пятый год, теперь замуж идти хочет, и вдруг через тебя такая мараль пойдёт. Она по всем правам на тебя прошение за своё бесчестье подаст. Что тебе за это будет? Знаешь ли ты? А уж ты лучше, для облегчения себя, скажи, что воровать пришёл. Я тебе по дружбе советую.

[1] Уменьшительное от «лукавый», простонародное слово.— *Примеч. А. Н. Островского.*

Бальзаминов. Ах, боже мой! Да как же это, страм какой! Акулина Гавриловна, сделай милость, выпусти как-нибудь!

Красавина. Теперь «сделай милость», а давеча так из дому гнать! Ты теперь весь в моей власти, понимаешь ты это? Что хочу, то с тобой и сделаю. Захочу — прощу, захочу — под уголовную подведу. Засудят тебя и зашлют, куда Макар телят не гонял.

Бальзаминов. Долго ль меня напугать? Я человек робкий. Уж я тебе всё, что ты хочешь, только ты не пугай меня.

Красавина *(встаёт)*. Ну вот что: две тысячи целковых.

Бальзаминов. Где же я возьму?

Красавина. Уж это не твоё дело. Будут. Только уж ты из-под моей власти ни на шаг. Что прикажу, то и делай! Как только хозяйка выдет, говори, что влюблён. *(Показывая на забор.)* Там тебе нечего взять, я ведь знаю; а здесь дело-то скорей выгорит, да и денег-то впятеро против тех.

Бальзаминов. Что же это такое? Я умру. В один день столько перемен со мной! Это с ума сойдёшь! Я тебя золотом осыплю.

Красавина. Завтра приду к тебе, условие напишем; а теперь говори одно, что влюблён. *(Заглядывает в беседку.)* Домна Евстигневна! Выходи, ничего!

Белотелова выходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бальзаминов, Красавина и Белотелова.

Белотелова. Как я испугалась, думала, умру.

Красавина. Ты б выпила чего-нибудь покрепче! От испугу это хорошо.

Белотелова. Я выпила.

Красавина. Ну и ничего, и пройдёт. Ты не бойся, это знакомый, он по ошибке. *(Берёт Бальзаминова за руку и хочет подвести к Белотеловой.)*

Бальзаминов *(тихо)*. Уж оченно они полны.

Красавина. Ты ещё разговаривать стал! *(Подводит.)* Вот тебе Михайло Дмитрич Бальзаминов. *(Бальзаминову.)* Целуй ручку!

Бальзаминов целует.

Белотелова. Зачем же вы?

Бальзаминов. Влюблён-с.

Красавина. Ну да, влюблён. Так точно. Это он верно говорит. Вот и потолкуйте, а я по саду погуляю. *(Уходит за кусты.)*

Белотелова. Лучше сядем.

Садятся на скамейку.

Как же это вы?

Бальзаминов. Через забор-с.

Белотелова. Отчего через забор?

Бальзаминов. От любви-с. Вы не сердитесь на меня-с?

Белотелова. Нет, я никогда не сержусь. Я добрая. Вы что делаете?

Бальзаминов. Я? Ничего-с.

Белотелова. И я тоже ничего. Скучно одной-то ничего не делать, а вместе веселее.

Бальзаминов. Как же можно-с, гораздо веселее!

Белотелова *(кладёт руку на плечо Бальзаминову)*. Вы хотите вместе?

Бальзаминов. Даже за счастие почту-с.

Белотелова. Я очень добрая, я всему верю; так уж вы меня не обманите.

Бальзаминов. Как же это можно-с! Я за низкость считаю обманывать.

Белотелова. Ну хорошо! Вы меня любите, и я вас буду...

Бальзаминов. Покорнейше благодарю-с. Пожалуйте ручку поцеловать!

Белотелова. Нате! *(Даёт руку.)* А то подвиньтесь поближе: я вас так... *(Бальзаминов подвигается, она его целует.)*

Сваха выходит из-за кустов.

Красавина. Ну вот и прекрасно! Значит, делу конец!

Белотелова *(встаёт)*. Пойдёмте в беседку.

Бальзаминов *(Красавиной)*. Мне бы домой-с.

Красавина. Мы лучше его отпустим. Ты ступай! Поцелуй ручку и ступай! Так прямо, из калитки в ворота, никто тебя не тронет.

Бальзаминов *(целует руку у Белотеловой)*. Прощайте-с.

Белотелова. До свидания.

Красавина. До завтра, до завтра.

Бальзаминов уходит.

А мы вот с тобой потолкуем. Ну, как тебе?

Белотелова. Он мне понравился. Ты мне его!

Красавина. Ну, его так его. Всё это в наших руках. Вот у нас теперь и пированье пойдёт, дым коромыслом. А там и вовсе свадьба.

Белотелова. Свадьба долго; а он чтоб и прежде каждый день... ко мне...

Красавина. Стоит об этом толковать. Что ж ему делать-то! Так же бегает. А уж теперь пущай тут с утра до ночи.

Белотелова *(смеётся)*. Вот мне теперь гораздо веселей.

Красавина *(смеётся)*. Ах ты, красавица моя писаная! Ишь ты, развеселилась! Вот я тебя чем утешила. Ещё ты погоди, какое у нас веселье будет!

Смеются обе.

Пойдём в беседку, я тебя проздравлю как следует.

Уходят.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

ЛИЦА

БАЛЬЗАМИНОВА.
БАЛЬЗАМИНОВ.
ЧЕБАКОВ.
КРАСАВИНА.
МАТРЁНА.

Комната у Бальзаминовых та же, что и в первой картине.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Бальзаминова *(одна)*. Ах, как я долго проспала! Уж смеркается. В голове так тяжело, и сны всё такие снились страшные. Всё Мишу во сне видела. Уж разумеется, о чём думаешь, то и во сне видишь. Где-то он теперь? А что-нибудь либо делается с ним, либо сделается необыкновенное. Сна-то никак не распутаю; уж очень много видела-то я. Чего-чего не было! Я отроду таких снов не видала. Вот кабы умного человека найти, сейчас бы и посоветовалась, а одной не разобрать. Вот разве как вдвоём с Матрёной не разберём ли. Ум хорошо, говорят, а два лучше. Простая она женщина-то, необразованная совсем; пожалуй что в снах-то понятия-то большого не имеет. Ведь простой человек спит крепко, а если что и видит, так ему всё равно, у него на это понятия нет. Матрёна!

Входит Матрёна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Бальзаминова и Матрёна.

Бальзаминова. Ты, Матрёна, умеешь сны разбирать?

Матрёна. Да что их разбирать-то! Мало ли что снится!

Бальзаминова. Конечно, не всякий сон к чему-нибудь; бывают сны и пустые, так, к погоде. А вот ты заметь, коли чему быть, так непременно прежде сон увидишь.

Матрёна. Да чему быть-то! Быть-то нечему!

Бальзаминова. Разные перевороты могут быть с человеком: один из богатства в бедность приходит, а другой из бедности в богатство.

Матрёна. Не видать что-то этих переворотов-то: богатый богатым так и живёт, а бедный, как ни переворачивай его, всё бедный.

Бальзаминова. Как ты глупо рассуждаешь! Разве не бывает, что на дороге находят значительные суммы? Ну вот Миша жениться может на богатой: вот богат и будет.

Матрёна. Оно точно, что говорить! Чем чёрт не шутит! Только уж на редкость это дело будет, как наш да на богатой женится!

Бальзаминова. Разумеется, на редкость. А всё-таки может случиться; такие ли ещё дела бывают.

Матрёна. Что говорить! Всяко случается. На грех-то, говорят, и из палки выстрелишь.

Бальзаминова. Ну вот видишь ли! Значит, что ж мудрёного, что Миша женится на богатой? Вот в этаком-то случае сон-то и много значит, когда ждёшь-то чего-нибудь. Такой уж я, Матрёна, сон видела, такой странный, что и не знаю, чему приписать! Вижу: будто я на гулянье, что ли, только народу, народу видимо-невидимо.

Матрёна. Это к снегу, говорят.

Бальзаминова. К какому же снегу! Что ты, в уме ли! В августе-то месяце!

Матрёна. Ну, так к дождю.

Бальзаминова. Да и не к дождю.

Матрёна. Ну, а коли не к дождю, уж я больше не умею сказать, к чему это.

Бальзаминова. Не умеешь, так и молчи, а то ты только перебиваешь. Я уж и так половину перезабыла; уж очень много со мной во сне приключениев-то было. Только тут ли, после ли, вдруг я вижу корабль. Или нет, корабль после.

Матрёна. Уплывёт что-нибудь.

Бальзаминова. Погоди! Сначала я вижу мост, и на мосту сидят всё бабы с грибами и с ягодами…

Матрёна. Мост — это с квартиры съезжать на другую.

Бальзаминова. Постой, не перебивай ты меня! Только за мостом — вот чудеса-то! — будто Китай. И Китай этот не земля, не город, а будто дом такой хороший, и написано на нём: «Китай». Только из этого Китая выходят не китайцы и не китайки, а выходит Миша и говорит: «Маменька, подите сюда, в Китай!» Вот будто я сбираюсь к нему идти, а народ сзади меня кричит: «Не ходи к нему, он обманывает: Китай не там, Китай на нашей стороне». Я обернулась назад, вижу, что Китай на нашей стороне, точно такой же, да ещё не один. А Миша будто такой весёлый, пляшет и поет: «Я поеду во Китай-город гулять!»

Матрёна. Ну уж это, вот режь ты меня сейчас на части, ни за что не пойму, к чему приписать!

Бальзаминова. Где тут понять! Да это что! Много я ещё чудес-то видела, и всё-то Миша в глазах, всё-то Миша.

Матрёна. Всё сокрушаешься об нём, об его малом разуме, вот и видишь.

Бальзаминова. То он пляшет, то догоняет кого-то, то за ним кто-то гонится. То пропадёт куда-то, то вдруг явится.

Матрёна. Да это и наяву всё так же: то пропадёт, то явится. Вот давеча пропал, а теперь, гляди, явится. Хоть бы его в суде за дело за какое присадили: поменьше бы слонялся, слоны-то продавал.

Бальзаминова. Какое уж ему дело давать, по его ли разуму?

Матрёна. Да вот он, на помине-то лёгок.

Входит Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Бальзаминов.

Бальзаминов *(садится)*. Ну, маменька, кончено.

Бальзаминова. Значит, благополучно?

Бальзаминов. Ещё как благополучно-то! Так, маменька, что я думаю, что не переживу от радости. Теперь, маменька, и дрожки беговые, и лошадь серая, и всё… Ух, устал!

Бальзаминова. А какой я без тебя сон видела!

Бальзаминов. Что сон! Со мной наяву то было, что никому ни в жизнь не приснится. У своей был... и у той был, что сваха-то говорила, у Белотеловой, я фамилию на воротах прочёл, как выходил оттуда; а туда через забор...

Матрёна. Ишь ты, нелёгкая-то тебя носит!

Бальзаминов. Молчи ты! Ты ещё не знаешь, с кем ты теперь говоришь! Маменька, вот они, мечты-то мои! Ан вот правда выходит. Ух, дух не переведу!

Бальзаминова. Что, богато она живёт?

Бальзаминов. Богато. Дом, лошади, сад, деньги, всё...

Бальзаминова. Значит, правду сваха-то говорила, что денег счёту нет?

Бальзаминов. Правду.

Бальзаминова. Ну что ж ты?

Бальзаминов. Женюсь.

Бальзаминова. На ком?

Бальзаминов. На обеих.

Матрёна. Что ты, татарин, что ли! Очувствуйся хоть малость!

Бальзаминова. Что это ты, Миша, право! Обрадуешься, так уж себя не помнишь! Говоришь такие слова, что ни на что не похоже.

Бальзаминов. Погодите, постойте! А то я помешаюсь в мыслях. Этакое счастье и вдруг, в один день...

Матрёна. Не было ни гроша, да вдруг алтын!

Бальзаминов. Да замолчи ты! Я, маменька, себе человека найму, камердинера; а Матрёну прочь... за грубость.

Матрёна. И давно бы ты нанял. *(Уходит.)*

Бальзаминова. Ну, а эта, как её, Пежёнова, что ли? У неё сколько?

Бальзаминов. Полтораста тысяч.

Бальзаминова. У этой много поменьше, чем у той.

Бальзаминов. Зато эта, маменька, помоложе, а та постарше, ну, так у ней побольше.

Бальзаминова. И согласна она за тебя замуж идти, Пежёнова-то?

Бальзаминов. Обе согласны. Только одна, чтоб увезти; а другая так дома. Не отдохну никак.

Бальзаминова. Ну как же ты?

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите! Вот он сад-то я нынче во сне-то видел! Я в двух садах был.

Бальзаминова. А я, Миша, Китай видела. Уж не знаю, к чему?

Бальзаминов. У Белотеловой лавка в Китай-городе, вот и весь ваш сон.

Бальзаминова. И то правда.

Бальзаминов *(быстро встаёт)*. Что же это такое! Боже мой! Представьте, маменька...

Бальзаминова. Да ты посиди, отдохни.

Бальзаминов. Ах, маменька, не мешайте! Представьте, маменька, я, бедный молодой человек, хожу себе по улице, и вдруг что же? И вдруг теперь поеду в коляске! И знаете, что мне в голову пришло? Может быть, за Пежёновой сад отдадут в приданое: тогда можно будет забор-то разгородить, сады-то у них рядом, и сделать один сад. Разных беседок и аллей...

Бальзаминова. Да ты, никак, в самом деле на обеих хочешь жениться?

Бальзаминов. Вот вы меня, маменька, всегда останавливаете! Никогда не дадите помечтать. Что ж такое! Я этим никому вреда не делаю. Коли нельзя жениться на обеих, я бы хоть помечтал по крайней мере, а вы меня расстроили.

Бальзаминова. Ну мечтай, бог с тобой!

Бальзаминов *(задумывается. Молчание)*. Нет, маменька, сам чувствую, что начинает всё путаться в голове, так даже страшно делается. Планов-то много, а обдумать не могу. Сейчас я думал об доме, ну и представился мне в уме дом, большой, каменный, и львы на воротах; только лев будто и разевает рот, каменный-то, да и залаял, а я об этом и думать не хотел, обо льве-то. Хочу его из головы-то выкинуть, никак нейдёт. А отчего это? Оттого, что я не привык думать, как богатые люди думают; всё думал так, как бедные думают; вот оно теперь богатство-то в голове и не помещается. А вот привыкну, так ничего.

Бальзаминова. Что мудрёного, что не помещается! Этакая пропасть! Иной раз и о пустяках думаешь, да ум за разум заходит; а тут, с такими деньгами — просто беда!

Бальзаминов *(задумавшись)*. Если башню выстроить, большую, чтобы всю Москву видно было! Можно будет там и голубей держать...

Бальзаминова. Оставь, Миша! Не думай, хуже будет!

Бальзаминов. Само думается, маменька. Правду говорят, маменька, что с состоянием-то много заботы бывает.

Бальзаминова. А ты давай-ка лучше поговорим об чём-нибудь другом! А то, сохрани господи, долго ли до греха, пожалуй, совсем свихнёшься.

Бальзаминов. Извольте, маменька! Другой бы сын, получивши такое богатство-то, с матерью и говорить не захотел; а я, маменька, с вами об чём угодно, я гордости не имею против вас. Нужды нет, что я богат, а я к вам с почтением. И пусть все это знают. С другими я разговаривать не стану, а с вами завсегда. Вот я какой! *(Садится.)*

Бальзаминова. Ещё бы! А которая лучше лицом-то из них?

Бальзаминов. Мне, маменька, все богатые невесты красавицами кажутся; я уж тут лица никак не разберу.

Бальзаминова. Что же ты мне не расскажешь, как у вас дело-то было?

Бальзаминов. До того ли мне, маменька, помилуйте! Вот Красавина придёт, расскажет. *(Задумывается.)* У меня теперь в голове, маменька, лошади, экипажи, а главное — одежда чтобы к лицу.

Бальзаминова. Брось, Миша, брось, не думай! Право, я боюсь, что ты с ума сойдёшь. Да что же это мы в потёмках-то сидим! Ишь как смерклось. Пойду велю огня зажечь.

Бальзаминов. Погодите, маменька! Не нужно огня, в потёмках лучше.

Бальзаминова. Ну что хорошего впотьмах сидеть?

Бальзаминов. Впотьмах, маменька, мечтать лучше. Оно можно и при огне, только надобно зажмуриться, а в потёмках можно и так, с открытыми глазами. Я теперь могу себя представить как угодно. И в зале могу себя представить в отличной, и в карете, и в саду; а принесите вы свечку — я сейчас увижу, что я в самой бедной комнате, мебель скверная, ну и всё пропало. Да и на себя-то взгляну — совсем не тот, какой я в мечтах-то.

Бальзаминова. Какой же ты?

Бальзаминов. В мечтах я себя представляю, маменька, что я высокого роста, полный и брюнет.

Бальзаминова. Разумеется, лучше.

Бальзаминов. Вот смотрите, маменька; вот я вам буду сказывать, что мне представляется. Вот будто я сижу в зале у окошка, в бархатном халате; вдруг подходит жена...

Бальзаминова. Ну, а потом что ж?

Бальзаминов. «Поедем, говорит, душенька, на гулянье!»

Бальзаминова. Отчего ж не ехать, коли погода хорошая?

Бальзаминов. Отличная, маменька, погода. Я говорю: «Поди, душенька, одеваться, и я сейчас оденусь».— «Человек!» Приходит человек. «Одеваться, говорю, давай, и приготовь голубой плащ на бархатной подкладке!» Вот не нравится мне, маменька, у него улыбка-то какая противная. Как точно он смеётся надо мной.

Бальзаминова. Уж с этим народом беда!

Бальзаминов. Вот и грубит. Ну, я этого прогоню, я себе другого возьму. *(Что-то шепчет про себя.)*

Бальзаминова. Что ж ты замолчал?

Бальзаминов. Это мы, маменька, с женой разговариваем и целуемся. Вот, маменька, садимся мы с женой в коляску, я взял с собой денег пятьдесят тысяч.

Бальзаминова. Зачем так много?

Бальзаминов. Как знать, может быть, понадобятся!

Бальзаминова. Ты бы лучше дома оставил.

Бальзаминов. Ещё украдут, пожалуй. Вот едем мы дорогой, все нам кланяются. Приезжаем в Эрмитаж, и там все кланяются; я держу себя гордо. *(В испуге вскакивает и ходит в волнении.)* Вот гадость-то! Ведь деньги-то у меня, пятьдесят-то тысяч, которые я взял, пропали.

Бальзаминова. Как пропали?

Бальзаминов. Так и пропали. Должно быть, вытащил кто-нибудь.

Бальзаминова. А ты не бери с собой!

Бальзаминов. В самом деле не возьму. Всё равно и дома украдут. Куда ж бы их деть? В саду спрятать, в беседке под диван? Найдут. Отдать кому-нибудь на сбережение, пока мы на гулянье-то ездим? Пожалуй, зажилит, не отдаст после. Нет, лучше об деньгах не думать, а то беспокойно очень; об чём ни задумаешь, всё они мешают. Так я без денег будто гуляю.

Бальзаминова. Гораздо покойнее.

Бальзаминов. Вот, маменька, выхожу я из саду, жандарм кричит: «Коляску Бальзаминову!»

Входит Чебаков.

А я будто, маменька, генерал…

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, Бальзаминов, это вы-то генерал?

Бальзаминова. Ах, батюшка, извините! Мы и не видали, как вы вошли.

Бальзаминов. Ах, я и не знал, что вы здесь-с. Я так, по-домашнему, с маменькой-с... а то я при вас бы не стал таких глупостей говорить-с! Впрочем, что ж такое, в сумерках отчего ж и не заняться иногда, не помечтать-с?

Чебаков. Уж вы бы лучше об чём-нибудь другом, а не об генеральстве.

Бальзаминов. Нет, отчего же, в сумерках-с...

Чебаков. Да и в сумерках нельзя. Нет, вы бросьте это занятие!

Бальзаминова. Что же это мы в потёмках-то сидим! Извините, батюшка! Я сейчас пойду огня принесу.

Чебаков. Послушайте, не беспокойтесь, мы и так друг друга знаем.

Бальзаминова. Всё-таки лучше, пристойнее. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Бальзаминов и Чебаков.

Чебаков. Послушайте, ваше превосходительство, нам надо будет отправиться.

Бальзаминов. Куда же-с?

Чебаков. Всё туда же. Нас там ждут.

Бальзаминов. Зачем же это они нас ждут-с? Ведь я вам письмо принёс; а завтра можно опять-с.

Чебаков. Вот в письме-то и написано, чтоб мы приходили сегодня.

Бальзаминов. И я-с?

Чебаков. И вы.

Бальзаминов. Что же мы там делать будем-с?

Чебаков. Вам хочется знать? Ну уж этого я вам не скажу. Вот пойдёмте, так сами увидите.

Бальзаминов. А я-то что ж буду делать-с? Ведь уж я теперь в любви объяснился; уж после этого что мне делать, я не знаю-с.

Чебаков. Я вас научу.

Бальзаминов. Вот вы давеча говорили — увезти, а я вас, Лукьян Лукьяныч, и забыл спросить: куда же это их увозят-с?

Чебаков. Куда хотите.

Бальзаминов. А на чём же я увезу-с?

Чебаков. Послушайте, я вас этому всему научу, только пойдёмте.

Бальзаминов. Я сейчас-с. *(Берёт фуражку.)*

Входит Бальзаминова.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Бальзаминова.

Бальзаминова. Куда же это ты, Миша?

Бальзаминов. К Пежёновым-с.

Бальзаминова. Разве уж ты решился?

Бальзаминов. Нет, маменька, как можно решиться! Да вот Лукьян Лукьяныч говорит, что надо идти.

Чебаков. Послушайте, разумеется, надо.

Бальзаминов. Вот видите, маменька! А решиться я не решился-с. Потому, извольте рассудить, маменька, дело-то какое выходит: ежели я решусь жениться на одной-с, ведь я другую должен упустить. На которой ни решись — всё другую должен упустить. А ведь это какая жалость-то! Отказаться от невесты с таким состоянием! Да ещё самому отказаться-то.

Чебаков. Послушайте, вы скоро?

Бальзаминов. Сейчас-с.

Бальзаминова. Так зачем же ты идёшь?

Бальзаминов. Ну уж, маменька, что будет, то будет, а мне от своего счастья бегать нельзя. Всё сделано отлично, так чтоб теперь не испортить. Прощайте.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Бальзаминова и потом Матрёна.

Бальзаминова. Такие мудрёные дела делаются, что и не разберёшь ничего! Теперь одно только и нужно: хорошую ворожею найти. Так нужно, так нужно, что, кажется, готова последнее отдать, только бы поговорить с ней. Что без ворожеи сделаешь? И будешь ходить как впотьмах. Почём мы знаем с Мишей, которую теперь невесту

выбрать? Почём мы знаем, где Мишу счастье ожидает в будущем? С одной может быть счастье, а с другой — несчастье; опять же и дом: иной счастлив, а другой нет; в одном всё ко двору, а в другом ничего не держится. А какой — нам неизвестно. Как же это так наобум решиться! Солидные-то люди, которые себе добра-то желают, за всякой малостью ездят к Ивану Яковличу, в сумасшедший дом, спрашиваться; а мы такое важное дело да без совета сделаем! Уж что не порядок, так не порядок. Нет ли тут поблизости хоть какой-нибудь дешёвенькой? Она хоть и не так явственно скажет, как дорогая ворожея, а всё-таки что-нибудь понять можно будет. Матрёна!

Входит Матрёна.

Нет ли у нас тут где недалеко ворожеи какой-нибудь?

Матрёна. Какой ворожеи?

Бальзаминова. Гадалки какой-нибудь.

Матрёна. Вам про что спрашивать-то?

Бальзаминова. Об жизни, об счастье, обо всём.

Матрёна. Таких нет здесь.

Бальзаминова. А какие же есть?

Матрёна. Вот тут есть одна: об пропаже гадает. Коли что пропадёт у кого, так сказывает. Да и то по именам не называет, а больше всё обиняком. Спросят у нее: «Кто, мол, украл?» А она поворожит, да и скажет: «Думай, говорит, на чёрного или на рябого». Больше от неё и слов нет. Да и то, говорят, от старости, что ли, всё врёт больше.

Бальзаминова. Ну, мне такой не надо.

Матрёна. А другой негде взять.

Бальзаминова. Вот какая у нас сторона! Уж самого необходимого, и то не скоро найдёшь! На картах кто не гадает ли, не слыхала ль ты?

Матрёна. Есть тут одна, гадает, да её теперича увезли.

Бальзаминова. Куда увезли?

Матрёна. Гадать увезли, далеко, вёрст за шестьдесят, говорят. Барыня какая-то нарочно за ней лошадей присылала. Лакей сказывал, который приезжал-то, что барыня эта расстроилась с барином.

Бальзаминова. С мужем?

Матрёна. Нет, оно выходит, что не с мужем, а так у ней, посторонний. Так повезли гадать, когда помирятся. А больше тут никаких нет.

Бальзаминова. Ты не знаешь, а то, чай, как не быть. Такая ты незанимательная женщина: ни к чему у тебя любопытства нет.

Матрёна. А на что мне? Мне ворожить не об чем: гор золотых я ниоткуда не ожидаю. И без ворожбы как-нибудь век-то проживу.

Бальзаминова. Загадаю сама, как умею. *(Достаёт карты и гадает.)* Вот что, Матрёна: теперь, гляди, сваха зайдёт, так поставь-ка закусочки какой-нибудь в шкап.

Матрёна приносит закуску и уходит. Входит Бальзаминов.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Бальзаминова и Бальзаминов.

Бальзаминова. Что ты так скоро?

Бальзаминов *(садится)*. Кончено, маменька! Таким дураком меня поставили, что легче бы, кажется, сквозь землю провалиться.

Бальзаминова. Да каким же это манером? Расскажи ты мне.

Бальзаминов. Очень просто. Приходим мы с Лукьян Лукьянычем к ихнему саду, гляжу — уж и коляска тут стоит. Только Лукьян Лукьяныч и говорит мне: «Ну, господин Бальзаминов, теперь наше дело к концу подходит». Так у меня мурашки по сердцу и пошли! «Давайте, говорит, теперь за работу, забор разбирать». Так я, маменька, старался, даже вспотел! Вот мы три доски сняли, а те уж тут дожидаются. Вот он старшую, Анфису, берёт за руку: «Садитесь, говорит, в коляску». Потом, маменька, начинают все целоваться: то сёстры промежду себя поцелуются, то он и ту поцелует, и другую. Что мне тут делать, маменька, сами посудите? Как будто мне и неловко, и точно как завидно, и словно что за сердце сосёт... уж я не знаю, как вам сказать. Я сейчас в ревность.

Бальзаминова. Ты это нарочно?

Бальзаминов. Само собой, что нарочно. Надо же себя поддержать против них. Я, маменька, хотел показать Раисе-то, что я в неё влюблён. Я и говорю Лукьян Лукьянычу: «Какое вы имеете право целовать Раису Панфиловну?» Они как захохочут все. Я, маменька, не обращаю на это внимания и говорю Раисе Панфиловне: «Когда же, говорю, мы с вами бежать будем?» А она, маменька, вообразите, говорит мне: «С чего вы это выдумали?» А сама целуется с сестрой и плачет. Потом Лукьян Лукьяныч сели в коляску с Анфисой и уехали. А Раиса, маменька, прямёхонько мне так и отпечатала: «Подите вы

от меня прочь, вы мне надоели до смерти»,— да, подобравши свой кринолин, бегом домой. Что ж мне делать? Я и воротился.

Бальзаминова. Это оттого, Миша, что ты всё от меня скрываешь, никогда со мной не посоветуешься. Расскажи ты мне, как у вас это дело было с самого начала.

Бальзаминов. Порядок, маменька, обыкновенный. Узнал я, что в доме есть богатые невесты, и начал ходить мимо. Они смотрят да улыбаются, а я из себя влюблённого представляю. Только один раз мы встречаемся с Лукьян Лукьянычем (я ещё его не знал тогда), он и говорит: «За кем вы здесь волочитесь?» Я говорю: «Я за старшей». А и сказал-то так, наобум. «Влюбитесь, говорит, в младшую, лучше будет». Что ж, маменька, разве мне не всё равно?

Бальзаминова. Разумеется!

Бальзаминов. Я и влюбился в младшую. «Я, говорит, вам помогать буду, потом мы их вместе увезём». Я на него понадеялся, а вот что вышло! Вот, маменька, какое моё счастье-то!

Бальзаминова. Как же ты, Миша, не подумал, куда ты увезёшь невесту и на чём? Ведь для этого деньги нужны.

Бальзаминов. Я, маменька, на Лукьян Лукьяныча надеялся.

Бальзаминова. Очень ему нужно путаться в чужие дела! Всякий сам о себе хлопочет.

Бальзаминов. А впрочем, маменька, коли правду сказать, я точно в тумане был; мне всё казалось, что коли она меня полюбит и согласится бежать со мной, вдруг сама собой явится коляска; я её привезу в дом к нам...

Бальзаминова. На эту квартиру-то?

Бальзаминов. Вы не поверите, маменька, как, бывало, начну думать, что увожу её, так мне и представляется, что у нас дом свой, каменный, на Тверской.

Бальзаминова. Жаль мне тебя, Миша! Совсем ещё ты дитя глупое.

Бальзаминов. Уж очень мне, маменька, разбогатеть-то хочется.

Бальзаминова. Ничего-то ты в жизни не сделаешь!

Бальзаминов. Отчего же, маменька?

Бальзаминова. Оттого что не умеешь ты ни за какое дело взяться. Всё у тебя выходит не так, как у людей.

Бальзаминов. Нет, маменька, не оттого, что уменья нет, а оттого, что счастья нет мне ни в чём. Будь счастье, так всё бы было,

и коляска, и деньги. И с другой невестой то же будет: вот посмотрите. Придёт сваха, да такую весточку скажет, что на ногах не устоишь.

Красавина входит.

Да вот она! Вот она!

Бальзаминов и Бальзаминова встают.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Красавина.

Бальзаминова. Чем, матушка, обрадуете? Мы тут без вас завяли совсем.

Бальзаминов *(Красавиной)*. Погоди, не говори! Я зажмурюсь, всё легче будет.

Красавина. Ох, далеко я ехала, насилу доехала. *(Садится.)*

Бальзаминова. Откуда ж это, матушка?

Красавина. Отсюда не видать.

Бальзаминов. Погодите, маменька, погодите!

Красавина. Ехала сёлами, городами, тёмными лесами, частыми кустами, быстрыми реками, крутыми берегами; горлышко пересохло, язык призамялся.

Бальзаминов. Хлопочите, маменька! Хлопочите скорей!

Бальзаминова достаёт из шкафа водку и закуску и ставит на стол.

Вот, пей, да и говори уж что-нибудь одно.

Бальзаминова *(наливает рюмку)*. Кушайте на здоровье!

Красавина. Выпью, куда торопиться-то.

Бальзаминов. Ну, ну, поскорее! А то я умру сейчас, уж у меня под сердце начинает подступать.

Красавина. Ишь ты какой скорый! Куда нам торопиться-то! Над нами не каплет.

Бальзаминов. Что ж она не говорит! Маменька, что она не говорит? Батюшки, умираю! Чувствую, что умираю! *(Садится.)*

Красавина. Не умрёшь! А и умрёшь, так и опять встанешь. *(Берёт рюмку.)* Ну, честь имею поздравить! *(Пьёт.)*

Бальзаминова. С чем, матушка, с чем?

Красавина. Как с чем! А вот стрелец-то твой подстрелил лебедь белую.

Бальзаминова. Неужли, матушка, вправду? Слышишь, Миша?

Бальзаминов. Говорите что хотите, я умер.

Красавина. Много он маху давал, а теперь попал — под самое под правое крылышко.

Бальзаминова. В последнее-то время, знаете ли, много с нами таких несчастных оборотов было, так уж мы стали очень сумнительны.

Красавина. Да что тут сумлеваться-то! Хоть завтра же свадьба! Так он ей понравился, что говорит: «Сейчас подавай его сюда!» Ну сейчас, говорю, нехорошо, а завтра я тебе его предоставлю. «А чтоб он не сумлевался, так вот снеси ему, говорит, часы золотые!» Вот они! Отличные, после мужа остались. Ну, что, ожил теперь?

Бальзаминов *(вскакивает)*. Ожил! Ожил! Давай их сюда! *(Берёт часы.)* Что ж это, маменька, я вас спрашиваю?

Бальзаминова. Это тебе за долгое твоё терпенье счастье выходит.

Красавина. А ты помнишь наш уговор? Ты на радостях-то не забудь!

Бальзаминов. Ты просила две?

Красавина. Две.

Бальзаминов. Ну, так вот ты знай же, какой я человек! Маменька, смотрите, какой я человек! Я тебе ещё пятьдесят рублей прибавлю.

Красавина. Ишь ты, расщедрился! Ну, да уж нечего с тобой делать, и то деньги.

Бальзаминов. Маменька, уж вы теперь смотрите за мной, как бы со мной чего не сделалось. Батюшки мои! Батюшки мои! *(Прыгает от радости.)* Я теперь точно новый человек стал. Маменька, я теперь не Бальзаминов, а кто-нибудь другой!

Красавина. Давай пляску сочиним на радости!

Бальзаминов. Давай! А вы, маменька, говорили, что я сделать ничего не умею! А ты говорила, что я дурак!

Красавина. Я, брат, и теперь от своих слов не отступлюсь.

Бальзаминова. А ты, Миша, не обижайся! Пословица-то говорит, что «дуракам счастье». Ну, вот нам счастье и вышло. За умом не гонись, лишь бы счастье было. С деньгами-то мы и без ума проживём.

Бальзаминов. Ещё бы! На что мне теперь ум? А давеча, маменька, обидно было, как денег-то нет, да и ума-то нет, говорят. А теперь пускай говорят, что дурак: мне всё одно.

Красавина. А то вот ещё есть пословица. Ты долго за невестами ходил?

Бальзаминов. Долго.

Красавина. А пословица-то говорит: «За чем пойдёшь, то и найдёшь».

Бальзаминова. И то, матушка, правда.

Бальзаминов *(Красавиной)*. Ну, давай плясать! Становись!

Сваха становится в позу.

ГРЕХ ДА БЕДА НА КОГО НЕ ЖИВЁТ

Драма в четырёх действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА

ВАЛЕНТИН ПАВЛОВИЧ БАБАЕВ, *помещик, молодой человек.*
КАРП, *человек Бабаева.*
ШИШГАЛЁВ, *приказный.*
ЗАЙЧИХА (ПРОКОФЬЕВНА), *хозяйка квартиры, занимаемой Бабаевым.*
ЛУКЕРЬЯ ДАНИЛОВНА ЖМИГУЛИНА, *девица пожилых лет, дочь отставного приказного.*

Действие происходит в уездном городе. Комната, оклеенная дешёвыми обоями; старая мебель; одна дверь прямо, выходная, другая в соседнюю комнату; окна с ситцевыми занавесками.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп (развязывает чемодан), Зайчиха (смотрит в окно).

Зайчиха. Ты погляди-ка, милый человек, сколько народу сошлось.

Карп. Что им надо? Чего они не видали?

Зайчиха. Всякому, милый, знать хочется, кто такой приехал.

Карп. Сказано про вас, что провинция, так она провинция и есть. Ну, скажи им, что Бабаев Валентин Павлович, помещик.

Зайчиха *(в окно).* Бабаев, помещик. *(Карпу.)* Спрашивают зачем?

Карп. Известно, за делом. А ты думаешь, гулять мы к вам приехали? Как же, есть оказия!

Зайчиха *(в окно).* За делом. *(Карпу.)* Надолго ли?

Карп. Нам здесь не детей крестить. Само собою, дня на два, не больше.

Зайчиха *(в окно).* На два дни. *(Отходит от окна.)* Теперь всех ублаготворила. Минут через пять весь город знать будет.

Карп. А у тебя, тётенька, квартира-то ничего, чистенька.

Зайчиха. Чистенька, батюшко, чистенька; затеев больших нет, а чистенька. Конечно, приезд в наш город небольшой...

Карп. Не на трахте.

Зайчиха. Какой тут трахт! А всё-таки, кто наедет получше,— тот у меня останавливается. Помещиков много знакомых по окрестности, привыкли ко мне; в гостиницу-то мало кто заезжает.

Карп. Потому беспокойно.

Зайчиха. Какой покой! Внизу трактир: в базарный день содом просто. А что я у тебя спрошу: не сынок ли твой барин-то покойной енаральше Бабаевой Софье Павловне?

К а р п. Он самый и есть.

З а й ч и х а. У них усадьба-то Заветным прозывается?

К а р п. Заветным.

З а й ч и х а. Ну, так, так! Я его давеча признала. Ещё маленького видала: с маменькой в город ездил, и ко мне заезжали. В деревне, что ль, живёте?

К а р п. Нет, мы больше в Петербурге; а теперь в деревню на лето для благоустройства приехали.

З а й ч и х а. Так, так. А что, хорош он для людей-то?

К а р п. Ничего, хорош.

З а й ч и х а. Ну, слава тебе господи! Дай ему бог здоровья! В город-то вы по какому делу?

К а р п. Да по этим по судам всё. Дело-то грошовое, там свидетельство, что ли, какое, а пожалуй, протомят дней пять.

З а й ч и х а. Что мудрёного! У судей-то были?

К а р п. У всех были. Теперича нам из суда приказного прислали.

З а й ч и х а. Вам, не то что нам, скоро сделают. Коли тебе понадобится что, стукни в стену,— я тут и буду. *(Уходит.)*

Из боковой двери выходят Б а б а е в и Ш и ш г а л ё в.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Б а б а е в, Ш и ш г а л ё в и К а р п.

Б а б а е в. Так вы, милый, говорите, что решительно нельзя?

Ш и ш г а л ё в *(с поклонами, беспрестанно сморкаясь и прикрывая рот рукою).* Уж поверьте, сударь, что ежели бы только было возможно, мы бы уж для вас...

Б а б а е в. А может быть?

Ш и ш г а л ё в. Извольте, сударь, сами рассудить: теперь присутствие кончилось, членов собрать теперича никакой возможности нет-с; завтра праздник — табель, тут суббота, а там воскресенье.

Б а б а е в. Вы подумайте только, мой милый, что вы со мной делаете.

Ш и ш г а л ё в. Чем же я причинен-с? Я человек самый маленький.

Б а б а е в. Но что же я, мой милый, здесь буду делать четыре дня? Ведь это ужасно!

Ш и ш г а л ё в. Извольте, сударь, полюбопытствовать, наш город посмотреть.

К а р п. А что его смотреть-то! Что за невидаль такая! Ты как скажешь: Петербург-то хуже вашего города аль нет?

Б а б а е в. Есть у вас какое-нибудь общество?

Ш и ш г а л ё в. Что вы изволите говорить-с?

Б а б а е в. Я говорю: нет ли общества какого-нибудь, клуба, гулянья с музыкой, вечеров у кого-нибудь?

Ш и ш г а л ё в. Никак нет-с.

Б а б а е в. А где же ваши члены, ну и прочие чиновники, время проводят?

Ш и ш г а л ё в. Промежду себя-с.

Б а б а е в. Как же так, промежду себя?

Ш и ш г а л ё в. Подённо-с. Дни назначены: нынче, например, у городничего, завтра у судьи-с, послезавтра у стряпчего, потом у откупщика, у инвалидного начальника-с, так вся неделя-с.

Б а б а е в. С которого часу сбираются?

Ш и ш г а л ё в. С шести часов-с.

Б а б а е в. Что же они там делают?

Ш и ш г а л ё в. В преферанс играют-с.

Б а б а е в. А ещё что? Неужели только в преферанс?

Ш и ш г а л ё в. Так точно-с, только в преферанс-с. Ну обыкновенно, уж тут вместе со столами и водка ставится, закуска-с — всё как должно-с. Играют и закусывают, так время и проводят-с.

Б а б а е в. Так с шести часов все и пьют?

Ш и ш г а л ё в. Нет, как можно-с! Только кто сдаёт-с, или с ремизу-с другой.

Б а б а е в. Ну, так, стало быть, мой милый, делать нечего, приходится дожидаться.

Ш и ш г а л ё в. Уж подождите, сударь. А в понедельник в суд пожалуйте, мы вам и выдадим без всякой задержки-с.

Б а б а е в. Ну, хорошо, я в понедельник приеду в суд. Ведь вы будете писать, так я вам там... что следует... Я не люблю, чтоб для меня даром работали.

Ш и ш г а л ё в. Семейство большое, сударь...

Б а б а е в. Что такое?

Ш и ш г а л ё в. Теперь соблаговолили бы что-нибудь!..

Б а б а е в. Да я, право, не знаю, как же это? Сколько же вам?

К а р п. Да дайте ему, сударь, целковый, вот и будет с него.

Б а б а е в *(отдаёт деньги)*. Вот, извольте... Мне, право, совестно.

Ш и ш г а л ё в *(кладёт в карман)*. Ничего-с. Чувствительнейше вас благодарю, желаю вам всякого благополучия. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бабаев и Карп.

Бабаев. Как ты груб, Карп!

Карп. Да если с ними, сударь, нежности-то разводить, так они и повадятся таскаться сюда да на судьбу свою плакаться. На них никаких денег не напасёшься. Народ без креста.

Бабаев. Однако что же я буду делать! Погулять бы пошёл, да ещё жарко. Карп, что делать?

Карп. Вот что: сосните, сударь! С дороги-то хорошо.

Бабаев. А ночью-то что делать?

Карп. Да и ночью то же. От тоски-то, говорят, спится.

Бабаев. Эка глупость, книг мы не взяли! Хоть бы лёгонькая интрижка какая-нибудь на эти четыре дня-то! *(Уходит в боковую дверь.)*

Карп. Ишь ты, что выдумал! Интрижка! Повадился больно! Всё у него интрижки на уме! Балованный был сынок у маменьки! И воспитывался-то всё с барышнями да в девичьей: вот его теперь и тянет. Живу я теперича с ним в Петербурге,— каких только я делов навиделся! Грех один! Уснул, что ли, он там? И я б отдохнул. *(Хочет ложиться, дверь отворяется.)* Кого это ещё?..

Входит Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Карп и Жмигулина.

Карп. Вам чего?

Жмигулина. Валентина Павлыча.

Карп. На что он вам?

Жмигулина. Коль скоро я его желаю видеть, это означает, что он мне нужен.

Карп. Вы на бедность, что ли?

Жмигулина. Какое невежество! Разве ты не знаешь, что жмигулинские барышни завсегда при ихней мамаше у них в доме были приняты. Мы даже оченно близко знакомы с Валентином Павлычем.

Карп. Вы-то близко? Сумнительно мне это.

Жмигулина. Ты, может быть, принимаешь мои слова в каком-нибудь глупом смысле, который я совсем не понимаю. *(Садится.)* Твоя такая обязанность, что ты сейчас должен пойти и доложить обо мне.

Карп. Вот что я вам скажу: он теперича почивает.

Ж м и г у л и н а. Невозможно этому быть, потому что я сейчас его видела в окно.

К а р п. Ну уж, видно, нечего с вами делать. Доложу пойду. *(Уходит.)*

Ж м и г у л и н а. По нынешнему времени от этих новых перемен очень много люди стали портиться. Он должен прежде узнать, какого я звания, так со мной и обращаться. И опять же не его дело,— на бедность я пришла просить или нет! Конечно, из нашего звания многие этим занимаются, но не все же. Может быть, и Валентин Павлыч стал довольно горд в Петербурге и не захочет меня видеть! А мне ужасть как хочется доказать в здешнем городе, какое мы знакомство имеем. Кажется, он прежде нами не гнушался, особенно сестрой Таней.

Входит Б а б а е в.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Б а б а е в и Ж м и г у л и н а.

Б а б а е в. С кем имею удовольствие говорить?

Ж м и г у л и н а. Я никак не могла ожидать, Валентин Павлыч, что вы так скоро забудете своих старых знакомых.

Б а б а е в. Садитесь, сделайте одолжение.

Садятся.

Я, право, что-то не припомню.

Ж м и г у л и н а. Конечно, в нынешнем свете чувствы не в моде, нынче всё больше политика, но мы, как люди не столичные, очень хорошо помним прежние знакомства и особенно благодеяния.

Б а б а е в. Я с вами согласен,— благодеяний никогда забывать не следует.

Ж м и г у л и н а. Мы вашей мамаше столь много обязаны, что этого и выразить нельзя словами. Сколько они сделали для семейства Жмигулиных!

Б а б а е в. Жмигулиных?

Ж м и г у л и н а. Особенно для нас с сестрой Таней.

Б а б а е в *(припоминая)*. Таней... Татьяна Даниловна?

Ж м и г у л и н а. Теперь вспомнили?

Б а б а е в. Так вы её сестрица?

Ж м и г у л и н а. Лукерья Даниловна Жмигулина.

Б а б а е в. Извините, сделайте одолжение!

Ж м и г у л и н а. Я нисколько не могу быть в претензии на вас, что вы больше помните сестру, чем меня. Она такая красавица, что её даже невозможно забыть.

Б а б а е в. Да, да! Удивительной красоты девушка! Мы были с нею большими приятелями.

Ж м и г у л и н а. Мне это очень хорошо известно. Кому же и знать, как не мне! Я старшая сестра, должна наблюдать за младшей.

Б а б а е в. Да, да, конечно. Скажите, пожалуйста, где она теперь? Что поделывает?

Ж м и г у л и н а. Она здесь в городе, замужем.

Б а б а е в. Замужем? Хорошо живёт?

Ж м и г у л и н а. Какая жизнь, помилуйте! В бедности, между такого народа, который без понятия. Это не то, что, бывало, у вашей мамаши в Заветном! Просто был рай земной! Ваша мамаша были самая добрейшая дама и любили, чтоб у них было всем весело. Барышень всегда было в доме много, а также и кавалеров; с утра до ночи разные игры были. Даже горничных, бывало, заставляли с нами в горелки и в другие игры играть, а сами смотрят на нас да радуются.

Б а б а е в. Ну да как же, как же! Ведь это так недавно было: года три, не больше, как я уехал в Петербург.

Ж м и г у л и н а. Я очень хорошо помню: с пёстрой недели третий год пошёл, как вы уехали. Ваша мамаша, бывало, даже не любили, когда кто задумается или книжку читает. Что, говорят, ты тоску-то нагоняешь! Ну и бесились все до упаду. А промежду этим весельем, у кого замечательный глаз, мог многое кой-что заметить.

Б а б а е в. Очень естественно. Мужчины, девушки, молодые дамы постоянно вместе,— нельзя же, чтоб обошлось без любви.

Ж м и г у л и н а. Особенно вы отличались по этой части. А последнее время всё с Таней да с Таней, так и не отходили от неё. Так вас голубками и звали.

Б а б а е в. Сердце не камень, Лукерья Даниловна! А сами-то вы! Помните землемера?

Ж м и г у л и н а. Об нём и вспоминать не стоит: он впоследствии даже очень низким оказался против меня. Впрочем, судьба его наказала за все невежества относительно благородной девицы: он сам теперь находится под судом за буйственные в нетрезвом виде поступки.

Б а б а е в. Скажите мне, сделайте одолжение, каким образом ваша сестрица вышла замуж?

Ж м и г у л и н а. Прошлым летом, когда ваша мамаша скончалась, у нас решительно не осталось никаких благодетелей. Папенька наш при своей старости был человек в городе незначительный, робкий, оттого что мало чинов произошёл. Папенька наш был канцелярист и получал жалованья тридцать рублей в год. На эти деньги как мы могли жить! Мы всё-таки видели свет. Прежде мы почти не жили дома, да и ваша мамаша нам во всём помогали. Тут вдруг всё прекратилось, а вскоре и папенька умер. В это время посватался за Таню... я просто даже стыжусь вам сказать...

Б а б а е в. Полноте, что за стыд!

Ж м и г у л и н а. Вы так милостиво меня принимаете, интересуетесь моей сестрой, и вдруг этакое невежество с нашей стороны.

Б а б а е в. Что ж делать! Такие, вероятно, были обстоятельства. Чем же вы виноваты!

Ж м и г у л и н а. Но, ах, я, право, всегда так конфужусь этого родства, что вы себе представить не можете. Ну, одним словом, обстоятельства наши были такие, что она принуждена была выйти за лавочника.

Б а б а е в. За лавочника? Чем он торгует?

Ж м и г у л и н а. Овощным товаром. Вот и лавка видна. На вывеске написано: «Лёв Краснов».

Б а б а е в. Да, я видел. Хороший человек?

Ж м и г у л и н а. Он из ихнего круга очень хороший человек и очень любит сестру, только всё, знаете, закоренелость какая-то в ихнем звании. Как хотите судите, а всё-таки он от мужика недалеко ушёл. А уж этой черты характера, хоть семь лет в котле вари, всё не выварishь. Впрочем, надо правду сказать, он для дому хозяин отличный: ни дня, ни ночи себе покою не знает, всё хлопочет да бегает. И для сестры теперь всё, что только бы ей ни пожелалось, даже последнюю копейку готов отдать, только бы ей угодить, так что сестра решительно никакого дела не делает, живёт как барыня; только одно — обращение его тяжело, да вот ещё разговор его нас очень конфузит. Совсем, совсем не такого я Тане счастья ожидала. Судя по красоте её да по тому, какие люди на неё заглядывались, ей бы в карете ездить. А теперь вот пришлось чуть не из-за куска хлеба за мужика идти да перед людьми за него стыд терпеть.

Б а б а е в. Так Татьяна Даниловна замуж вышла... Жаль!

Ж м и г у л и н а. Вам что же жалеть! Ведь она вам не пара.

Б а б а е в. Да, конечно. А всё-таки, знаете, вот я здесь в городе по обстоятельствам должен пробыть четыре дня, а может быть и больше,— что я буду делать! Я очень рад, что вы меня навестили. Не будь вас, я бы не знал, куда деваться! Ну, а представьте, если бы ваша сестрица была девушка, мы бы так провели эти четыре дня, что совсем и времени б не заметили. *(Берёт её за руку.)* Не правда ли?

Ж м и г у л и н а. Кто же вам теперь мешает?

Б а б а е в. Ну всё-таки как-то неловко. Она замужем, ещё что муж подумает. Досадно, право.

Ж м и г у л и н а. Скажите пожалуйста! Вы, кажется, были прежде совсем других правилов насчёт этого. Не очень на мужей-то смотрели, что им нравится, что нет.

Б а б а е в. Да, но ведь то совсем в другом круге; там обращение гораздо свободнее.

Ж м и г у л и н а. А вы почём же знаете, свободно сестре или не свободно?

Б а б а е в *(берёт её за обе руки)*. Но во всяком случае я вам так рад, так благодарен, что вы доставляете развлечение в моей скуке. Не угодно ли вам чего? Сделайте милость, распоряжайтесь как дома: здесь всё к вашим услугам! Чаю не хотите ли?

Ж м и г у л и н а. Много вами благодарна. Я сейчас только пила, и притом же я домой тороплюсь. Нам нужно с сестрой идти по одному делу. Прикажете поклониться от вас?

Б а б а е в. Сделайте одолжение!

Ж м и г у л и н а *(идя к двери)*. Что же вы нас с сестрой в гости не зовёте?

Б а б а е в. Я был бы очень счастлив, только я, право, не знаю, как это сделать! А очень бы мне хотелось видеть Татьяну Даниловну.

Ж м и г у л и н а. А коли хочется видеть, так за чем же дело стало! Она у нас не прынцеса какая, не за десятью замками посажена. Ведь уж вы беспременно куда-нибудь гулять пойдёте, не будете в комнате сидеть?

Б а б а е в. Я бы пошёл, да не знаю куда.

Ж м и г у л и н а. Вам далеко незачем ходить! Пройдите в задние ворота на берег, сядьте на лавочку и любуйтесь на красоту природы. Это место тихое, уединённое, проходящих там мало; для мечтательных молодых людей очень приятная прогулка. Мы с сестрой пойдём этой дорогой, там вы её и можете видеть. До свидания! *(Уходит.)*

Б а б а е в. Вот так сюрприз! Мог ли я ожидать такого счастия! Танечка, Танечка! Я опять её увижу. Я с ума сойду от радости. Такая она была миленькая, нежненькая. Другие говорили, что она немножко простенька. Разве это порок в женщинах! И притом красота, красота! Нет, этак, пожалуй, здесь не четыре дня, а четыре недели пробудешь. *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА

БАБАЕВ.
ЖМИГУЛИНА.
ТАТЬЯНА ДАНИЛОВНА, *замужняя сестра её, по муже Краснова.*
АРХИП, *слепой старик, дед Краснова.*
АФОНЯ, *болезненный мальчик, лет восьмнадцати, брат Краснова.*

Берег; с одной стороны ворота и забор, с другой угол сарая; за рекой сельский вид; закат солнца.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

А р х и п и А ф о н я (входят).

А ф о н я. Дедушко, отдохнём здесь немножко! Недужится мне. Садись вот на скамеечку!

А р х и п. Сядем, Афоня, сядем. Плохи мы с тобой; меня старость, а тебя хворость одолела.

А ф о н я. Я не хвораю, а я такой зародился. Я, дедушко, не жилец на белом свете.

А р х и п. Не слушай ты бабьего разговору! Никто не знает, какой ему предел положóн.

А ф о н я. Что мне бабы! Я сам знаю, что я не жилец. Меня на еду не тянет. Другой, поработавши, сколько съест! Много, много съест, и всё ему хочется. Вон брат Лёв, когда устанет, ему только подавай. А по мне хоть и вовсе не есть; ничего душа не принимает. Корочку погложу и сыт.

А р х и п. Это к росту бывает.

А ф о н я. Нет, не к росту. Куда мне ещё расти, с чего! Я и так велик по годам. А это значит: мне не жить. Ты, дедушко, возьми то: живой человек о живом и думает, а у меня ни к чему охоты нет. Другой одёжу любит хорошую, а мне всё одно, какой ни попадись зипунишко, было бы только тёпло. Вот робята теперь, так у всякого своя охота есть:

кто рыбу ловит, кто что; в разные игры играют, песни поют, а меня ничто не манит. В те́ поры, когда людям весело, мне тошней бывает, меня тоска пуще за сердце сосёт.

А р х и п. Так в тебя Бог вложил. От младости ты не возлюбил мира сего суетного. У других малодушество-то с летами проходит, когда беды да напасти, Афоня, изомнут да в муку изотрут человека; а ты вот не живя, ещё ни горя, ни радости не видавши, как старик рассуждаешь. Ну и благодари Бога, что он так умудрил тебя. Мир тебя не прельщает, соблазну ты не знаешь, и греха, значит, на тебе меньше. Вот тебе какое счастье! А ты вот меня послушай! Я, Афоня, соблазн знал, да и не всегда от него отворачивался, а чаще того случалось, что своей охотой шёл на соблазн. Тебе вот всё равно, ты говоришь; для тебя никакой утехи на свете нет, а мне Божий мир хорош и красен был: всё тебя манило, всё тебя прельщало. Несытое око да вольная воля велят тебе всю сладость мирскую изведать. А в миру-то, Афоня, добро со злом рядом живёт, об руку ходит. Ну и нагрешишь грехов-то больше песка морского. Хорошо вот Бог привёл до покаяния дожить, не во грехах застал. Каешься, сокрушаешься, на милосердие надеешься, а тебе не в чем будет каяться: ты у нас, Афоня, божий человек.

А ф о н я. Нет, дедушко, нет, не говори ты этого! Какой я божий человек! Я видал божьих людей: они добрые, зла не помнят; их бранят, дразнят, а они смеются. А я, дедушко, сердцем крут. Вот как брат же, только брат отходчив, а я нет; я, дедушко, злой!

А р х и п. Да на кого тебе, дитятко, сердце иметь! Кто тебя обижает?

А ф о н я. Меня-то не обижают, а у меня за всех сердце болит: за тебя, за брата, за всех.

А р х и п. Что ж тебе об нас болезновать! Мы, кажись, живём безобидно.

А ф о н я. Мы и жили безобидно, пока брат холостой был. Дедушко, за что брат так очень жену любит?

А р х и п. Как же ему не любить её! Зачем же он и женился! Ты бы радоваться должен, что брат жену любит. Экой ты глупый человек!

А ф о н я. Нет, я дело говорю. Прежде меня брат больше любил и тебя больше любил.

А р х и п. Ты, стало быть, ненавистник! Стало быть, ты завидуешь.

А ф о н я. Нет, не завидую. Брат нешто слеп? Так ли она его любит, как он её? Стоит ли она его? Зачем же он перед ними рабствует? Мне обидно, что он рабствует. Хуже, что ли, он их с сестрой? Жену-то

в дом приводят работницу, а она сидит сложа руки. Брат один работает да ухаживает за ними. Мне его жаль.

А р х и п. Тебе что за дело! Его охота. Он работает, тебя не заставляет. Мы с тобой сыты по его ж милости.

А ф о н я. Нешто я не знаю. Ты мне, дедушко, вот что скажи: лучше они брата или нет?

А р х и п. Лучше не лучше, а они другого роду!

А ф о н я. Так что ж, что другого роду! Стало быть, брат должен работать на них, кормить их, одевать; а они будут важничать. Лучше брата на свете человека нет, а его сделали работником.

А р х и п. Почём ты знаешь; может, брат сам не хочет, чтоб она работала.

А ф о н я. А коль не работает, так и не величайся! Вышла замуж за мещанина, такая же мещанка стала, как и мы. Что ж мы проклятые, что ли, какие, прости господи! У нас тоже и общество есть, и подати платим, и повинности всякие несём. Брат пóтом да горбом деньги-то достаёт да в общество несёт. Сидела бы дома в девках, да и барствовала, а вышла замуж, так знай, что один в доме большой — хозяин. Я ведь, дедушко, всё вижу, всё слышу; меня они, бесстыжие, не берегутся. Брат ей платки да платья шёлковые дарит, а они с сестрой промеж себя смеются, дураком его называют. Я всё слышу, всё горько мне, дедушко, горько! Стал я брату говорить, он меня же изругал.

Молчание.

Вот я, дедушко, никак уснуть не могу; что я днём-то вижу, всё это мне и лезет в глаза, засосёт у меня сердце, и всю-то ночь я плачу. Какой я жилец! Мне теперь с здоровьем-то и поправиться нельзя. Уж очень у меня сердце горячо! Скорей бы меня Бог прибрал, чтобы мне меньше мучиться.

А р х и п. Полно грешить-то! Тебе жить да жить! Мне вот, Афоня, уж вовсе жить незачем, а я всё живу. Бог-то знает, что делает. Что я за человек стал! Красного солнышка, ясного месяца я не вижу, зелёных лугов тоже, студёной водицы и всей твари божьей тоже не увижу никогда. А больней мне всего, что не вижу я светлого лица человеческого.

А ф о н я. Тебе, дедушко, жаль, что ты не видишь ничего; а мне так надоело это всё; не мило мне ничто.

А р х и п. Оттого тебе и не мило, что ты сердцем непокоен. А ты гляди чаще да больше на Божий мир, а на людей-то меньше смóтри;

вот тебе на сердце и легче станет. И ночи будешь спать, и сны тебе хорошие будут сниться. Где мы теперь сидим, Афоня?

А ф о н я. На берегу, дедушко, подле Зайчихи.

А р х и п. А мост у нас направо?

А ф о н я. Направо, дедушко.

А р х и п. А солнышко теперь налево?

А ф о н я. Налево, дедушко; совсем садится.

А р х и п. В тучку?

А ф о н я. Нет, чисто. Заря таково ярко горит, должно к вёдру.

А р х и п. То-то, то-то, я сам чую, воздух такой лёгкий, ветерок свеженькой; так бы и не ушёл. Красен, Афоня, красен Божий мир! Вот теперь роса будет падать, от всякого цвету дух пойдёт; а там и звёздочки зажгутся; а над звёздами, Афоня, наш Творец милосердный. Кабы мы получше помнили, что Он милосерд, сами были бы милосерднее!

А ф о н я. Я, дедушко, буду стараться укротить своё сердце.

Входит Б а б а е в.

Пойдём, дедушко! Какой-то чужой барин тут ходит; ещё, пожалуй, станет смеяться над нашими речами.

А р х и п *(встаёт и идёт за Афоней).* Величит душа моя Господа.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Б а б а е в (один).

Б а б а е в. Когда ждёшь чего-нибудь приятного, как время долго тянется! Нарочно сделал большой обход, чтобы не рано прийти сюда, а всё-таки пришёл прежде них. Ужасно не люблю дожидаться! Что за глупое положение! А женщины вообще любят помучить, это в их характере; им очень нравится, когда их ждут. Конечно, это к Тане не относится: она, я думаю, рада-радёхонька, что я приехал; я говорю про женщин нам равных. Я думаю, они мучат для того... как бы это сказать... а мысль совершенно оригинальная... для того, чтобы вперёд вознаградить себя за те права, которые они потом теряют. Вот что значит быть среди хорошего ландшафта, так сказать наедине с природой! Какие прекрасные мысли приходят в голову! Если эту мысль развить, конечно на досуге, в деревне, может выйти миленькая повесть или даже комедия вроде Альфред Мюссе. Только ведь у нас не сыграют. Такие вещи нужно играть тонко, очень тонко; тут

главное — букет. Кажется, кто-то идёт. Не они ли? Как-то мы встретимся? Два года разлуки много значат.

Входят Краснова и Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бабаев, Краснова и Жмигулина.

Краснова *(подавая руку Бабаеву)*. Здравствуйте, Валентин Павлыч! Я так обрадовалась, когда сестра мне сказала, что вы приехали.

Бабаев. Значит, вы меня ещё не забыли.

Краснова. Ещё бы! Мы очень часто, даже очень часто с сестрой вспоминаем про вас. А вы так нас забыли, она мне сказывала.

Бабаев. Ну, нет, я вас не забыл. Есть отношения, душенька Татьяна Даниловна, которые не скоро забываются. Наше знакомство с вами было в этом роде. Не правда ли?

Краснова *(потупясь)*. Да-с.

Бабаев. Уверяю вас, что, как только вырвался из Петербурга в деревню, я постоянно искал случая побывать в городе и непременно найти вас.

Жмигулина. И до сих пор не находили такого случая? Скажите пожалуйста!

Бабаев. Уверяю вас.

Жмигулина. Так вам и поверили! Ты, Таня, не верь кавалерам, они завсегда обманывают.

Бабаев. Вы-то за что на меня?

Жмигулина. Это не к одним вам, а и ко всем прочим кавалерам относится.

Краснова. Вы долго здесь пробудете?

Бабаев. Долго ли пробуду-то? Я сначала думал, что это будет зависеть от приказных, у которых моё дело; а теперь вижу, что это зависит от вас, душа моя Татьяна Даниловна.

Краснова. Уж это слишком много чести для меня. Нет, в самом деле, денька три-четыре пробудете?

Бабаев. Дело моё обещали кончить через три дня; но я, пожалуй, остался бы и ещё дня на три или четыре, если вы этого хотите.

Краснова. Разумеется, хочу.

Бабаев. Только вот что, душенька Татьяна Даниловна! У вас в городе тоска страшная. Я останусь, но с тем условием, чтобы видеться с вами как можно чаще.

Краснова. Что ж, это очень просто. Приходите к нам. Вот завтра чай кушать милости просим!

Бабаев. Да, но ведь к вам часто нельзя же, пойдут сплетни да разговоры, и притом же ваш муж...

Краснова. Какое же ему дело! Вы мой знакомый, вы ко мне придёте, а не к нему.

Жмигулина. Потом мы с своей стороны тоже учтивость соблюдём, отплатим вам визит. И, между прочим, мы часто бываем у хозяйки вашей; следовательно, если наше свидание для вас интересно, вы можете туда приходить.

Бабаев *(отходит с Красновой в сторону)*. Вы не скучаете замужем?

Краснова *(помолчав)*. Не знаю, как вам сказать.

Бабаев. Вы, душенька Татьяна Даниловна, будьте откровенны! Вы знаете, как мы были всегда расположены к вам.

Краснова. Для чего же мне быть с вами откровенной? Какая может быть из этого польза? Ведь уж теперь поправить нельзя.

Бабаев. Если нельзя совсем поправить, так можно, душенька Татьяна Даниловна, хоть на время усладить своё существование, чтобы не совсем заглохнуть в этой пошлой жизни.

Краснова. На время! А потом ещё тяжеле будет.

Бабаев. Знаете что! Я хочу совсем переехать в деревню; тогда мы будем жить недалеко друг от друга. Я готов даже в город переехать, только бы вы...

Краснова *(отворачиваясь)*. Не говорите мне, пожалуйста, таких слов! Я даже, Валентин Павлыч, никак не ожидала этого слышать от вас.

Жмигулина *(Бабаеву)*. Вы там что-то уж очень! Я ведь всё слышу.

Бабаев. Лукерья Даниловна, кажется, кто-то идёт. Сделайте одолжение, посмотрите там на берегу: мне не хотелось бы, чтобы нас здесь видели вместе.

Жмигулина. Ох вы! Тонкий кавалер! *(Отходит.)*

Краснова. Так вы, Валентин Павлыч, придёте к нам завтра чай кушать?

Бабаев. Право, не знаю, может быть.

Краснова. Нет, непременно приходите!

Молчание.

Ну, как же мне вас просить? *(Берёт Бабаева за руку.)* Ну, голубчик! Ну, ангельчик!

Бабаев. Однако вы, Татьяна Даниловна, переменились.

Краснова. Я переменилась? Ей-богу, нет. Нисколько. Что вы меня обижаете!

Бабаев. Помните, в Заветном, Татьяна Даниловна?

Краснова. Что же такое? Я всё помню.

Бабаев. Помните сад? Помните липовую аллею? Помните, как мы после ужина, когда маменька уснёт, на террасе сиживали? А помните тоненькую ленточку?

Краснова *(тихо)*. Какую?

Бабаев. Которой вы мне руки связывали.

Краснова *(конфузясь)*. Ну, что ж из этого? Ну, я всё помню, всё.

Бабаев. А то же, что вы, душа моя, теперь совсем не та, что прежде: вы так холодно меня встретили.

Краснова. Ах, Валентин Павлыч! Я тогда была девушка, могла любить кого хочу, а теперь я замужем. Вы только подумайте.

Бабаев. Ну да, конечно. Но всё-таки я не могу никак представить себе, чтобы ты принадлежала другому. Я, ну вот что хочешь со мной делай, едва удерживаюсь, чтоб не назвать тебя по-прежнему Таней.

Краснова. Зачем же удерживаться! Называйте!

Бабаев. Да что ж толку, душа моя! Ведь уж вы меня не любите!

Краснова. Да кто это вам сказал! Я вас люблю точно так же, да ещё и больше прежнего.

Бабаев *(нагибаясь к ней)*. Неужели, Танечка, это правда?

Краснова *(целует его)*. Ну вот вам в доказательство! Теперь вы мне верите? Только, голубчик Валентин Павлыч, если вы не хотите моего несчастия на всю мою жизнь, чтоб нам так и любить друг друга, как мы теперь любим, чтоб вы ничего больше и не думали. А то лучше бог с вами, от греха подальше!

Бабаев. Да уж будь покойна, душенька, будь покойна!

Краснова. Нет, вы побожитесь! Да хорошенько побожитесь, чтоб уж я вас не боялась.

Бабаев. Какая ты глупенькая!

Краснова. Ну да, глупенькая, как бы не так! Если послушать, что старые-то люди говорят, так я и то грех большой делаю. По старому-то закону я, кроме мужа, не должна никого любить. Только что, так как я его любить не могу, а вас и допрежде того любила, и сердца мне своего не преодолеть, так уж я... Только сохрани вас господи!.. И уж я ни под каким видом... потому что я хочу в законе жить.

Б а б а е в. Да успокойся!

К р а с н о в а. Так-то, милый Валентин Павлыч. Значит, между нами будет теперь самая приятная любовь: ни от Бога не грех, ни от людей не стыдно.

Б а б а е в. Да, да, уж чего ж лучше!

К р а с н о в а. Вот я вас поцелую за это, что вы такой умный! *(Целует его.)* Ну, так вы придёте к нам завтра, этак в вечерни?

Б а б а е в. А потом ты ко мне?

К р а с н о в а. Непременно приходите! А потом мы к вам; уж я теперь вас не боюсь.

Б а б а е в. Какая ты красавица! Ты ещё лучше стала, чем прежде.

К р а с н о в а. Ну, это пущай так при мне и останется! Прощайте! Луша, пойдём!

Ж м и г у л и н а *(подходя)*. До свидания! Покойной ночи, приятного сна! Розы рвать, жасмины поливать! *(Уходя.)* Только какой вы! Ой, ой, ой! Ну уж молодец, нечего сказать! Я только смотрела да удивлялась.

Уходят.

Б а б а е в. Ну, роман начинается, какова-то будет развязка!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА

ЛЁВ РОДИОНЫЧ КРАСНОВ, *лавочник, лет тридцати.*
КРАСНОВА.
ЖМИГУЛИНА.
АРХИП.
АФОНЯ.
БАБАЕВ.
МАНУЙЛО КАЛИНЫЧ КУРИЦЫН, *мучник, лет сорока пяти.*
УЛЬЯНА РОДИОНОВНА КУРИЦЫНА, *жена его, сестра Краснова.*

Комната в доме Краснова; прямо дверь в сени; направо кровать с ситцевым пологом и окно, налево лежанка и дверь в кухню; на авансцене простой дощатый стол и несколько стульев; у задней стены и у окна скамьи, у левой стены шкаф с чашками, маленькое зеркало и стенные часы.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Краснова (перед зеркалом надевает платок), Афоня (лежит на лежанке), Жмигулина (входит с цветной салфеткой).

Жмигулина. Вот, Таня, я у соседей салфетку достала стол-то покрыть, а то наша-то уж больно плоха. *(Стелет салфетку на стол.)*

Краснова. Самовар-то поставлен?

Жмигулина. Уж давно поставлен, скоро закипит. Ну вот видишь, как я говорила, так и выходит: этот платок к тебе гораздо лучше идёт. Только зачем ты его заколола булавкой? *(Поправляет.)* Вот так будет вантажнее.

Афоня. Куда рядишься? Что перед зеркалом-то пялишься?

Краснова. Никуда, мы дома будем.

Жмигулина. Да тебе что за печаль! Что ж, по-твоему, чумичкой ходить, как ты?

Афоня. Да для кого рядиться-то? Для мужа, что ль? Так он и без нарядов твоих любит тебя больше того, чем ты стóишь. Аль для кого другого?

Жмигулина. Ишь ты! Дурак-дурак, а понял, что для кого-нибудь рядятся.

Краснова. Что мне для мужа рядиться! Он меня и так знает. Коли я ряжусь, так, значит, для чужого.

Афоня. Перед кем дьяволить хочешь? Кого прельщать? Аль в тебе совести нет?

Жмигулина. Ну, да что с дураком толковать! Ему только и дела, что молоть. Лежит на печке да придумывает.

Краснова. Что ты, в самом деле, за указчик! Муж мне ничего не говорит, а ты рассуждать смеешь!

Афоня. Да он ослеп от вас, ослеп. Испортили вы его зельем каким-нибудь.

Жмигулина. Молчи уж, коли Бог убил! Знай своё дело: кашляй век, греха в том нет.

Афоня. Дурак брат, дурак! Загубил он свою голову.

Жмигулина. Таня, не внести ли самовар-то?

Краснова. Неси! А я чашки расставлю. *(Ставит чашки.)*

Жмигулина уходит.

Шёл бы ты в кухню.

Афоня. Мне и здесь хорошо.

Краснова. Чужие люди придут, а ты тут тоску наводишь.

Афоня. Не пойду я.

Краснова. Вот правда пословица-то: «С дураком пива не сваришь». Ведь к нам не ваш брат лавочник какой-нибудь придёт! Барин придёт, слышишь ты! Что ты ломаешься-то!

Афоня. Какой барин? Зачем?

Краснова. Такой же барин, как и все господа бывают. Наш знакомый, помещик богатый; ну и ступай вон!

Афоня. Он там у себя барин, а я здесь у себя барин. Не я к нему иду, он ко мне идёт. Я у себя дома, я больной человек, никого не уважу. Ты для него, что ли, разрядилась-то?

Краснова. Моё дело, не твоё.

Жмигулина вносит самовар.

Жмигулина *(ставит самовар на стол)*. Лёв Родионыч идёт с кем-то.

Краснова. Ну как из родных кто, вот наказание-то!

Афоня. Наказанье! А вы зачем в нашу родню влезли?

Входят Краснов, Курицын и Курицына.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина, Афоня, Курицын, Курицына.

Краснов *(жене)*. Здравствуйте-с!

Целуются.

Краснова. Вот нежности!

Краснов. Ничего-с. Дело законное-с! Извольте гостинцу-с! Винных ягодок свежих получили-с. *(Подаёт свёрток.)* Вот я вам гостей привёл. Самовар-то уж готов у вас, вот и кстати-с.

Курицына. Здравствуйте, сестрица! Вы такая гордая, никогда к нам не зайдёте! А мы по простоте живём, взяли да и пришли с Мануйлом Калинычем непрошеные.

Курицын. Здравствуй, сестра! Что взаправду роднёй-то гнушаешься! Забежала бы когда, чай, ноги-то не отсохли!

Краснов. Ну когда им по гостям ходить! Им только бы дома-то управиться! К хозяйству начинают привыкать.

Курицына. Надо, сестрица, привыкать, надо. Такая наша женская обязанность! Не за мильонщиком вы замужем-то, нечего барствовать!

Курицын. А ты приучай, да хорошенько!

Курицына *(подходя к Афоне)*. А ты, Афоня, всё хвораешь? Ты бы чем полечился!

Курицын *(тоже подходя к Афоне)*. А ты ешь больше, вот и хворь пройдёт. Не хочется, так насильно ешь! Да, я тебе говорю! *(Разговаривает с Афоней тихо.)*

Краснова *(мужу)*. Что вы наделали! Каких вы гостей навели!

Жмигулина. Ну уж, признаться, зарезали вы нас. Такой конфуз, такой конфуз!

Краснов. Какой конфуз, что барин-то придёт-с? Так что ж за беда! Невелика важность! Пущай посмотрит, какая родня у вас.

Жмигулина. Очень ему интересно!

Краснов. Не гнать же мне сестру для него! Стало быть, и разговору нет. Я его ещё и в глаза не видал, какой он такой; а это, по крайней мере, родня. А впрочем, наши недолго засидятся. *(Жене.)* Садитесь, наливайте чай! Братец, сестрица, пожалуйте! По чашечке-с!

Все, исключая Афони, садятся у стола.

Курицын. Дело, брат, праздничное, так оно перед чайком-то бы того... по малости. Аль сам-то не пьёшь?

Краснов. Женимшись на Татьяне Даниловне, я с самого того дня всё это в пренебрежении оставил-с. Татьяна Даниловна, попотчуйте братца с сестрицей водкой!

Краснова *(достаёт из шкафа и ставит на стол графин, рюмку и закуску)*. Пожалуйте, сестрица!

Курицына пьёт.

Пожалуйте, братец!

Курицын. Не так просишь, порядку не знаешь.

Краснов. Вы, братец, не ломайтесь! Моя супруга ваших обыкновениев не знают, да и знать им не для чего. Пожалуйте, без церемонии.

Курицын *(выпив)*. Балуешь ты свою жену, вот что я тебе скажу! Да, воля и добрую жену портит. А ты бы с меня пример брал, учил бы ты её уму-разуму, так лучше бы дело-то, прочней было. Спроси вот, как я твою сестру школил, небу жарко было.

Курицына. Да уж вы, Мануйло Калиныч, известный варвар, кровопивец! Вам только бы над женой ломаться да власть показывать, в том вся ваша жизнь проходит.

Курицын. Какие это такие слова? Кто это их здесь говорит? Где это говорят? *(Оглядываясь.)* Нет ли тут кого чужого, постороннего? Словно как свои-то у меня не смеют так разговаривать!

Курицына *(спохватясь)*. Это я так, к слову только, Мануйло Калиныч! А что, конечно, сестрица, с нашей сестрой без острастки нельзя. Недаром говорится: жену бей, так щи вкусней.

Краснова. Как кому нравится, кто что любит! Вам, сестрица, нравится такое обращение, а я считаю за невежество.

Жмигулина. Нынче уж мужицкое-то обращение везде бросают, выходить стало из моды.

Курицын. Ну уж это ты врёшь! Никогда эта самая наука, которая над бабами, из моды не выдет, потому без неё нельзя. Брат, слушай, я до чего Ульяну доводил, до какой точки. Бывало, у нас промеж себя, промеж знакомых или сродственников за спором дело станет, чья жена обходительнее. Я всех к себе на дом веду, сяду на лавку, вот так-то ногу выставлю и сейчас говорю жене: «Чего моя нога хочет?» А она понимает, потому обучена этому, ну и, значит, сейчас в ноги мне.

Курицына. Что ж, это точно, это бывало. Я при всех без стыда скажу.

Краснов. Ничего в этом нет хорошего, один кураж.

Курицын. Эх, брат! Бей шубу, будет теплее; а жену — будет умнее.

Краснова. Не всякая жена позволит себя бить, а которая позволяет, так она, значит, больше того и не стоит.

Курицына. Что ж это вы, сестрица, вдруг так заважничали! Хуже, что ли, я вас? Ты, матушка, погоди больно возноситься-то! Можно тебе крылья-то и ошибить.

Краснов. Можно, да осторожно.

Курицына. Да ты-то что! Взял голь, да и важничает. Али ты воображаешь, что на значительной помещице женился!

Краснов. Что я воображаю — это моё дело, и не с твоим разумом его понимать. Значит, надо тебе молчать.

Жмигулина. Вот так занятный разговор, есть что послушать!

Курицына. Кажется, не из барского роду взята, а из приказного. Не велика дворянка. Козёл да приказный — бесова родня.

Краснов. Я тебе сказал: молчи! Не десять раз говорить, сразу должна понимать!

К у р и ц ы н. Не трожь, пущай их! Я люблю, когда бабы браниться свяжутся.

К р а с н о в. Да я-то не люблю.

К у р и ц ы н а. Мало ль ты чего не любишь, так по тебе и угождать! Ишь ты какой грозный! Ты на жену кричи, а на меня нечего: я тебе не подначальная. У меня свой муженёк хорош, есть кому командовать-то и без тебя. Не я виновата, что твоя жена по пустырям да по заулкам шляется да с молодыми господами по целым часам балясы точит.

К р а с н о в *(вскочив)*. Что-с!

К р а с н о в а. Никаких я пустырей, никаких переулков не знаю; а что встретилась я с Валентином Павлычем на берегу, так это я вам, Лёв Родионыч, сказывала, и даже всё, что мы говорили.

Ж м и г у л и н а. Да ведь и я тут сопутствовала.

К у р и ц ы н а. Да ты такая же.

К р а с н о в. Ну, не змея ли ты теперича подколодная! А ещё сестра называешься. Чего тебе хочется? Меня с женой расстроить? Ненавистно тебе, что я её люблю? Так знай ты завсегда, что я её ни на кого не променяю. Я тридцать лет для семьи бобылём жил, до кровавого поту работал, да тогда только жениться-то задумал, когда весь дом устроил. Я тридцать лет себе никакой радости не знал. Следственно, я должен быть им, супруге моей, благодарен, что они, при всей своей красоте и образовании, полюбили меня, мужика. Допрежь того я на вас был работник, а теперь на них вечный работник. Околею на работе, а для них всякое удовольствие сделаю. Я должен у них ножки целовать, потому что я оченно хорошо понимаю, что я и со всем-то домом против одного ихнего мизинца не гожусь. Так после этого нешто я дам их в обиду! Я уважаю, и все уважай!

Ж м и г у л и н а. Сестра и сама понимает, что она всякого уважения стоит.

К р а с н о в. Ты какое слово сказала-то! Коли поверить тебе, что ж тогда делать! Ну, скажи! Одна у меня радость, одно утешение, и я его должен решиться. Легко это, а? Легко? Я не каменный какой, чтоб на такие женины дела сквозь пальцы смотреть! Меня слово-то твоё дурацкое только за ухо задело, и то во мне всё сердце перевернулось. А поверь я тебе, так ведь, чего боже сохрани, долго ли до греха-то! За себя поручиться нельзя: каков час выдет. Пожалуй, дьявол под руку-то толкнёт. Господи, оборони нас! Нешто этим шутят! Уж коли ты хотела обидеть меня, взяла бы ты ножик да пнула мне в бок, легче

бы мне было. После таких слов мне лучше тебя, разлучницу, весь век не видать; я лучше от всей родни откажусь, чем ваше ехидство переносить.

Курицына. Не я разлучница-то, она родню-то разлучает.

Курицын. Что, брат! Видно, женина родня — так отворяй ворота; а мужнина родня — так запирай ворота! Приходи к нам, и мы так-то угостить сумеем. Пойдём, жена, дома лучше!

Курицына. Ну, прощай, сестрица, да помни! И ты, братец, подожди, как-нибудь сочтёмся.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина, Афоня.

Краснов *(подходя к жене)*. Татьяна Даниловна, вы не возьмите себе этого в обиду, потому необломанный народ.

Краснова. Вот она ваша родня-то! Я не в пример лучше в девушках жила; по крайности я знала, что никто меня обидеть не смеет.

Жмигулина *(прибирая со стола)*. Мы с простонародием никогда не знались.

Краснов. Да и я вас в обиду не дам-с. При ваших глазах родной сестры не пожалел, из дому прогнал; а доведись кого чужого, так он бы и ног не уволок. Вы ещё не знаете моего карахтера, я подчас сам себе не рад.

Краснова. Что ж вы, сердиты, что ли, очень?

Краснов. Не то что сердит, а горяч: себя не помню, людей не вижу в этом разе.

Краснова. Какие вы страсти говорите! Отчего же вы мне прежде не сказали о своём характере, я бы за вас и не пошла.

Краснов. Коли горячий человек, так в этом ничего худого нет-с. Стало быть, он до всякого дела горяч, и до работы, и любить может лучше, потому больше других чувства имеет.

Краснова. Я теперь буду вас бояться.

Краснов. Страху-то мне от вас не больно нужно-с. А желательно бы узнать, когда вы меня любить-то будете?

Краснова. Какой же вам ещё любви от меня надо?

Краснов. Вы, чай, сами знаете какой-с; только, может быть, не чувствуете. Что делать! Будем ждать, авось после придёт. Чего

на свете не бывает! Были и такие случаи, что любовь-то на пятый или на шестой год после свадьбы приходит. Да ещё какая! Лучше, чем смолоду.

Краснова. Ну и ждите!

Жмигулина. Это вы очень горячи к любви-то, а мы совсем другого воспитания.

Краснов. Вы насчёт воспитания говорите? Я вам вот что на ваши слова скажу-с: будь я помоложе, я бы для Татьяны Даниловны во всякую науку пошёл. Я и сам вижу, чего мне не хватает-с, да уж теперь года ушли. Душа есть-с, а воспитания нет-с. А будь я воспитан-с...

Жмигулина *(взглянув в окно)*. Идёт, Таня, идёт.

Бегут обе из комнаты.

Краснов. Куда же вы так вдруг-с? Бежать-то зачем?

Жмигулина. Что вы! Опомнитесь! Надо же встретить, учтивость наблюсти.

Уходят.

Афоня. Брат! Ты сестру прогнал; за дело ли, не за дело ли, Бог тебя суди! А ты на барина-то поглядывай! Поглядывай, я тебе говорю.

Краснов. Что на тебя пропасти нет! Шипишь ты, как змея. Ужалить тебе меня хотелось. Убирайся вон отсюда! Поди, говорят тебе, а то до смерти убью.

Афоня. Что ж, убей! Мне жизнь-то не больно сладка, да и жить-то недолго осталось. Только не будь ты слеп! Не будь ты слеп! *(Уходит.)*

Краснов. Что они с моей головой делают! Аль в самом деле смотреть надо, аль смущают только? Где ж тогда, значит, любовь! Да неужто ж, господи, я себе не утеху, а муку взял! Встряхнись, Лёв Родионов, встряхнись! Не слушай лукавого! Одна у тебя радость,— он отнимет, сердце высушит. Всю свою жизнь загубишь! Ни за грош пропадёшь! Всё это наносные слова, вот что! Ненавистно стало, что жена хороша да живём ладно,— и давай мутить. Видимое дело. В каждой семье так. Бросить да не думать, вот и конец. А барина надо будет выжить, да чтоб и вперёд не заглядывал. Ходите, мол, почаще, без вас веселей. Так оно и разговору меньше, да и на сердце покойнее.

Входят Бабаев, Краснова и Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Бабаев, Краснов, Краснова и Жмигулина.

Бабаев. Так вот вы где живёте! Это у вас свой домик?

Краснова. Свой-с. А вот это мой муж-с.

Бабаев. А, очень приятно. Я с вашей женой давно знаком.

Краснов. Это ваше дело-с.

Бабаев. Вы торгуете?

Краснов. А это вот наше дело-с.

Краснова. Что ж вы не сядете!

Бабаев и Краснов садятся.

Не угодно ли вам чаю?

Бабаев. Нет, благодарю; я теперь не пью чаю.

Жмигулина. Ах, Таня, мы и забыли, что в Петербурге совсем другой вкус. *(Бабаеву.)* Можно сию минуту кофей сделать.

Бабаев. Нет, вы, пожалуйста, не беспокойтесь: я уж пил. Мы лучше так посидим, потолкуем о чём-нибудь. Веселитесь ли вы здесь? Есть ли у вас развлечения?

Краснова. Нет-с. Какие же здесь могут быть развлечения!

Бабаев. Как же вы время проводите? Неужели всё дома сидите?

Краснова. Большею частию.

Краснов. Да оно так и следует в нашем звании. По-нашему, по-русски: мужик да собака на дворе, а баба да кошка дома.

Жмигулина *(тихо Краснову).* Учтивей-то вы не можете?

Краснов. Я своё дело знаю.

Бабаев. Так вы хозяйством занимаетесь. Вам, я думаю, трудно было привыкать к новым обязанностям.

Краснова *(взглянув на мужа).* Да-с. А впрочем, нельзя сказать... конечно... сначала...

Бабаев *(Жмигулиной).* Я спрашиваю, а и сам хорошенько не знаю, в чём заключаются эти обязанности.

Жмигулина. Да вам, по благородству вашему, и знать-то это низко.

Краснов. Никакой низкости нет.

Бабаев. А в самом деле, что же тут низкого?

Жмигулина. Слова низкие и даже довольно грязные, которых при людях воспитанных никогда не говорят.

Бабаев. Ну, предположите, что я человек невоспитанный. Какие же слова, скажите!

Жмигулина. Вы просто нас с Таней конфузите. Вам интересно слышать эти слова, так извольте! К хозяйству относится кухня и всякие простонародные вещи: сковорода, сковородник, ухват. Разве это не низко?

Краснов. Да уж низко ли ухват, высоко ли, а коли щи в печку сажать, так доставать его надо.

Краснова. Вы хоть бы при гостях-то не обижали жену!

Краснов. Да я вас ни при гостях, ни без гостей никогда на волос не обидел-с. А вас спрашивают, какая вы мужу хозяйка, да ещё при муже-с; так, я полагаю, вам бы надо отвечать, что вы мужу своему хозяйка хорошая, своей должностью не гнушаетесь, потому что в нашем звании это первое дело-с.

Жмигулина *(тихо Краснову)*. Вы нам мешаете с нашим гостем разговаривать.

Бабаев *(тихо Красновой)*. Что, он у вас всегда такой?

Краснова *(тихо)*. Я не знаю, что с ним сделалось.

Бабаев *(тихо)*. Вы сами видите, что мне здесь делать нечего. Вы лучше приходите ко мне сегодня, а я теперь пойду домой. *(Громко.)* Ну, прощайте! Надеюсь, что мы видимся с вами не в последний раз.

Жмигулина. Конечно, конечно.

Краснова. Покорно благодарим за посещение!

Краснов *(кланяясь)*. Прощенья просим! Вы скоро отсюда уедете?

Бабаев. Не знаю. Как дело кончится.

Краснов. Однако, как полагаете?

Бабаев. В суде говорят, что послезавтра.

Краснов. И, значит, как кончится, так вы в тот же час и уедете?

Бабаев. Я думаю. Что ж мне здесь делать!

Краснов. Да-с! Оно точно, что нечего. Наше вам почтение!

Бабаев, Краснова, Жмигулина уходят.

Непрошеный гость хуже татарина. На что он нам! Какая от него польза? Помощи его я не приму, потому мы сами не нищие. Ну, значит, и проваливай! Поезжай себе в Петербург, и любезное дело!

Входят Краснова и Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина.

Краснова. Что же это вы делаете! С чего же вы взяли так обижать меня!

Краснов. Никакой обиды-с! А вы вот что-с! Мы с вами ещё после свадьбы ни разу не ссорились, так желательно, чтобы и впредь этого не было, а жить в любви-с.

Жмигулина. Хороша любовь! Нечего сказать!

Краснов строго взглядывает на неё.

Краснова. Где же она, ваша любовь-то? Вот мы теперь её хорошо видим. Вашим родным да знакомым я прислуживай, как кухарка; а пришёл наш знакомый, человек благородный, так вы его чуть не выгнали.

Жмигулина. Да и выгнали, только что политически.

Краснова. Уж вы бы и не говорили лучше, что любите. Нужна мне очень ваша любовь, когда вы будете меня срамить на каждом шагу.

Краснов. Да я не понимаю, к чему этот и разговор промеж нас! Всё и дело-то разговору не стоит. Может, мы его больше и не увидим никогда, да нам и надобности в нём нет; с чем пришёл, с тем и ушёл. А нам с вами всю жизнь жить; так стоит ли он того, чтобы нам с вами из-за него неудовольствие иметь.

Краснова. Ах, Луша, какой срам-то! Что он теперь об нас подумает!

Жмигулина. Да. Он теперь скоро в Петербург поедет; хорошее мнение он об нас туда повезёт!

Краснов. Я вам опять-таки скажу-с, что его и всякие его мнения надо бросить. Всё дело-то гроша не стоит. Я так понимаю: есть ли он на свете, нет ли его, это для нас с вами всё одно-с.

Краснова. Для вас его на свете нет, но не для нас. Мы с сестрой обещали бывать у него и даже сегодня хотим идти.

Краснов. Не к чему-с.

Краснова. Как не к чему? Я вам говорю, что я хочу его видеть.

Краснов. Вы хотите, да мне нежелательно. Должны вы меня уважить или нет?

Краснова. Что это вы какую власть вдруг забрали. Да вы и не воображайте, чтоб мы вас послушались,— этому не бывать!

Краснов *(ударяя по столу)*. Чего-с! Как так не бывать! Нет-с, уж коли что я говорю, так это так точно и будет. Я говорю дело и вам на пользу-с, по тому самому я вам строго и приказываю. *(Опять ударяет по столу.)*

Краснова *(плачет)*. Что ж это за тиранство! Что за мучение!

Жмигулина *(со смехом)*. Ах, какой грозный! Ах, какой страшный! Ха-ха-ха!

Краснов. Вы-то что квакаете! Вас-то я так турну, что у вас об калитку подол завизжит.

Краснова. Ну уж вы что хотите делайте, хоть убейте нас, а мы всё-таки пойдём. Мы не хотим доказать ему, что мы невежи против него. Должны же мы поблагодарить его за неоставление нас и пожелать счастливого пути.

Краснов. Вы, Татьяна Даниловна, извольте понимать, пока вам словами говорят.

Краснова. Уж вы не драться ли хотите? Что ж, от вас это станется. Только того и жди.

Краснов. Ошиблись. Никогда вы от меня не дождётесь! Я вас столько люблю, что на нынешний раз даже ваш каприз уважу. Извольте идти, и уж больше туда ни ногой. Только вот что ещё, Татьяна Даниловна! Вот видите часы-с! *(Показывает на стенные часы.)* Так, когда вы пойдёте, взгляните, и чтоб через полчаса здесь-с! *(Показывая на пол.)* На этом самом месте-с. Поняли?

Краснова. Пойдём, Луша, одеваться.

Уходят.

Краснов. Кажется, у нас дело-то на лад пойдёт! Они были маленько избалованы; в таком случае для них строгость не мешает. Стерпится — слюбится. А там, как барин уедет, можно и опять лаской; так наша размолвка и забудется. Оно точно, что я за эти полчаса, когда они у барина будут, кажется, ничего бы на свете не взял; да что ж делать, сразу круто нельзя,— вовсе от себя оттолкнёшь. Само собою, что будет думаться, и то и другое в голову-то полезет. Ну, да ведь не разбойник же он какой, в самом деле! Да и супруга моя, как собственно недавно… То есть враг я сам себе, да и только! Ведь ничего не может быть дурного; а я думаю да всякие вздоры прибираю!.. Пойтить с приятелями в трактире посидеть покудова!.. Об чём это он ей давеча шептал?.. Ну да что ж, ведь давно знакомы;

может, та́к что! *(Берёт картуз.)* Татьяна Даниловна! Сохнул я по тебе, пока не взял за себя; вот и взял, да всё сердце не на месте. Не загуби ты парня! Грех тебе будет! *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА

БАБАЕВ.
КРАСНОВА.
ЖМИГУЛИНА.
ЗАЙЧИХА.
КАРП.

Комната первого действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп и Зайчиха (входят).

З а й ч и х а. Что сам-то, спит, что ли?

К а р п. Не знаю. Да нет, он этой привычки не имеет. Опять же и время не то. Ты как думаешь? Ведь ещё теперь в Петербурге не обедали, ещё утро.

З а й ч и х а. Ишь ты! Ах, батюшки!

К а р п. Вот иногда зимой уж и смеркнется давно, и огонь везде зажгли, а всё ещё утро считается.

З а й ч и х а. Ну да что мудрёного! Город большой, столичный, не то что у нас. А я было так взошла: мол, не нужно ль что. *(Взглянув в окно.)* Ведь это к нам кто-то. Пойти встретить. *(Уходит.)*

К а р п. Взвоешь здесь от тоски. Спервоначалу бы этим судейским, которые у них поглавнее, дать барашка в бумажке, так они бы мигом. По крайности, мы были бы теперь дома, у дела. Как ему самому-то не скучно! Уж не соследил ли он тут добычку себе! Недаром он по городу-то ходит! У него манера-то известная: ходит, ходит мимо окон-то, да и призрит глазом на какую-нибудь брунетку.

Зайчиха входит.

З а й ч и х а. Поди-ко, мой милый, доложь самому-то, что его спрашивают.

К а р п. Зачем спрашивают?

З а й ч и х а. Уж ты доложь, он там сам знает.

К а р п *(в дверь).* Пожалуйте, сударь, к вам пришли.

Б а б а е в *(из двери)*. Кто?

З а й ч и х а. Выдь-ко сюда, батюшко, на минуточку! Нужно.

Б а б а е в входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К а р п, З а й ч и х а, Б а б а е в.

З а й ч и х а. Слушай-ко! К тебе пришла Краснова, лавочница, с сестрой, так спрашивают, можно ли, мол, взойти.

Б а б а е в. Просите их сюда! Да вот что! Послушайте, хозяюшка! Пожалуйста, чтобы разговору не было! Может быть, она и ещё ко мне придёт, так уж вы скажите лучше, что она к вам ходит. Может быть, спрашивать будут; знаете, ведь город маленький, все друг друга знают, друг за другом смотрят, куда кто пошёл, где что делал.

З а й ч и х а. И, батюшко! Да мне что! Я и видела, да не видала. Ты проезжий, не здешний.

Б а б а е в. Попросите их сюда! Мы ведь с вами, милая хозяюшка, старые приятели. *(Треплет её по плечу.)*

З а й ч и х а. Приятели, батюшко, приятели! *(Уходит.)*

К а р п *(махнув рукой)*. Грехи! *(Уходит.)*

К р а с н о в а и Ж м и г у л и н а входят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Б а б а е в, К р а с н о в а, Ж м и г у л и н а.

Ж м и г у л и н а. Ещё здравствуйте! Ждали ли нас?

Б а б а е в. Признаться, так скоро не ждал. Садитесь, что же вы стоите!

Садятся.

Ж м и г у л и н а. Бегом бежали к вам. Из дому-то насилу вырвались.

К р а с н о в а. Полно, Луша, перестань!

Ж м и г у л и н а. Уж нечего скрывать-то! Не скроешь. Валентин Павлыч давеча сами видели нашу алистократию. А уж какая после вас пальба была!

К р а с н о в а. Ах, Луша, мало ли что в семье бывает; неужели всем рассказывать! Никому до того дела нет, как мы живём.

Ж м и г у л и н а. Поняли вы теперь, Валентин Павлыч, что такое значит мужик, когда он важность на себя напустит?

Краснова. Хорошо тебе разговаривать-то, ты посторонняя. Ты бы меня-то пожалела! Он мне муж, мне с ним жить до гробовой доски.

Бабаев. Неосторожно вы поступили, Татьяна Даниловна, неосторожно.

Краснова. Какой вы чудной! За что вы меня упрекаете! Где ж вы были, когда нам было есть нечего! А теперь уж не воротишь. Остаётся только плакать всю жизнь. *(Плачет.)*

Бабаев. Ну, об чём же вы теперь-то плачете?

Краснова. Чему ж мне радоваться-то? Вам, что ли? Может быть, я и радовалась бы, кабы была свободна. Вы то́ поймите: из-за вас я с мужем поссорилась; вы-то уедете не нынче-завтра, а мне с ним оставаться. Вы только хуже сделали, что приехали: до вас-то он мне не так дурён казался. Да и он вдруг совсем переменился. Пока вас не видал, так всякую мою прихоть исполнял, как собака, руки лизал; а теперь начал косо поглядывать, да и покрикивать. Каково же мне будет всю жизнь с постылым горе мыкать! *(Плачет.)*

Бабаев. Ну, перестаньте! Что это вы! *(Жмигулиной.)* Послушайте, Лукерья Даниловна! Вы подите к хозяйке, я один её лучше уговорю.

Жмигулина. Пожалуйста, не хитрите! *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Бабаев и Краснова.

Бабаев *(подвигается и обнимает Краснову одной рукой)*. Душенька, Танечка, ну перестань! Что ты так расплакалась! Ну, давай подумаем вдвоём, как помочь твоему горю.

Краснова. И думать нечего! Никак нельзя.

Бабаев. Уж будто? А что если я увезу тебя в деревню?

Краснова. В какую? Куда?

Бабаев. Туда, в свою. Там всё так же, как было при маменьке: те же аллеи, пруды, беседки; всё тебе знакомое, всё будет напоминать прошлое. Ты бы у меня хозяйничала.

Краснова *(освобождаясь из-под его руки)*. Что вы только придумываете, как погляжу я на вас! Да возможное ли дело, чтоб такой вздор в голову пришёл! Что ж, муж-то так вам и позволит! Да он меня на дне моря сыщет.

Бабаев. На время тебя можно будет спрятать, так что он и не найдёт; а между тем с ним поторговаться.

Краснова. Что вы! Что вы! Вот ещё новости! Ну, да будет вам пустяки-то говорить! Вот вы лучше посоветуйте, как мне всю жизнь с мужем-то жить.

Бабаев. Ну да, как же! Нужно мне очень!

Краснова. Значит, вы меня вот-таки ни крошечки не любите! Только притворяетесь. Вот что, да-с!

Бабаев. И не грех это тебе, Таня, а? Нет, скажи ты мне, не грех?

Краснова. Что?

Бабаев. Подозревать-то меня? Не грех?

Краснова. Да ну вас! Вас ведь не разберёшь, притворяетесь вы или нет.

Бабаев. Да и на что тебе разбирать, мой ангел! Ты обо мне-то не заботься! Ты спроси у своего сердца, что оно говорит тебе! *(Обнимает её.)*

Краснова. А ваше что вам говорит?

Бабаев. Да ведь ты мне, Таня, не веришь; ты говоришь, что я притворяюсь, а сама теперь спрашиваешь. А ну как я тебя обману?

Краснова. Да уж это не ваше дело! Вы только говорите!

Бабаев. Да и не обману, не бойся! Из чего мне тебя обманывать. *(Нагибается к ней, она слушает, потупя глаза.)* Вот что, Таня! Сердце мне говорит, что никого ещё я не любил так, как тебя люблю. Мне всё равно, будешь ли ты верить моим словам или нет. Да я сейчас и докажу тебе, что это правда, и ты сама со мной согласишься. Я ведь не говорю тебе, что я никогда не видал женщин красивее тебя, умнее. Вот тогда ты мне могла бы прямо в глаза сказать, что я лгу. Нет, я видел и лучше тебя, и умнее, только не видал я никогда такой миленькой, добренькой, такой простенькой женщины, как ты.

Краснова *(вздохнув)*. Простенькой... Ах, правду вы говорите.

Бабаев. Ну, вот я тебе сказал, что́ я чувствую. Что же ты мне не скажешь?

Краснова. Да что мне говорить-то! Не умею я. Я бы, может быть, больше вашего насказала. Да и зачем говорить,— вы сами знаете.

Бабаев. То есть я, может быть, и догадываюсь, да только...

Краснова. Ну что «да только»? Вот и нечего сказать-то!

Бабаев. Нет, есть что. Я догадываюсь, да только проку-то из этого мне мало. *(Молчание.)* Ты мне сама скажи, что ты меня любишь! Ну, что же, Таня?

Краснова. Что вам?

Б а б а е в. Любишь ты меня?

Молчание.

Любишь, а?

К р а с н о в а *(потупившись)*. Ну да.

Б а б а е в. Очень?

Молчание.

Что же ты молчишь? Очень любишь?

К р а с н о в а. Да.

Б а б а е в. А в деревню поедешь со мной?

К р а с н о в а. Ах, отстаньте вы от меня!

Б а б а е в. Ну, не надо в деревню. Мы вот что сделаем: я найму здесь в городе квартиру и через неделю буду приезжать сюда. Ты на это согласна?

К р а с н о в а. Согласна.

Б а б а е в. Ну, вот видишь, душенька Танечка, я на всё для тебя готов.

К р а с н о в а. Вижу.

Б а б а е в. А ты?

Молчание.

Что же молчишь?

К р а с н о в а. А уговор!

Б а б а е в. Какой уговор?

К р а с н о в а. Вчерашний. Помните, там на берегу.

Б а б а е в. Нужно очень помнить! Да и не было никакого уговора.

К р а с н о в а. Бесстыдник вы, бесстыдник! Нешто можно забывать так скоро!

Б а б а е в. Не хочу я знать никаких уговоров. *(Обнимает её и целует.)*

К р а с н о в а *(встаёт)*. Ах, оставьте, пожалуйста!

Б а б а е в. Как «оставьте»? Что значит «оставьте»?

К р а с н о в а. То же и значит, что оставьте.

Б а б а е в. Что за капризы?

К р а с н о в а. Никаких капризов, только вы, пожалуйста, подальше.

Б а б а е в. Если ты станешь так капризничать, я ведь уеду. Брошу и дело, за которым приехал, да сейчас и уеду.

К р а с н о в а. Пожалуй, уезжайте.

Б а б а е в. Я ведь не шучу. Карп!

Входит К а р п.

Собирайся ехать и потом за лошадьми сходи!

К а р п. Слушаю-с.

К р а с н о в а. Так вы вот как? Ну так бог с вами! Прощайте! *(Убегает.)*

К а р п. Что же, сударь, сбираться прикажете?

Б а б а е в. Куда сбираться! Надоел, братец! *(Подходит к окну.)* Уж не домой ли они ушли?

К а р п. Не уйдут-с.

Б а б а е в. Не твоё дело! Пошёл вон!

К а р п уходит, входит Ж м и г у л и н а.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Б а б а е в и Ж м и г у л и н а.

Ж м и г у л и н а. Сестра просила вам сказать, чтоб вы погодили уезжать. Теперь у хозяйки сидит одна знакомая женщина; так вы сами понимаете, что пройти к вам неловко. А когда она уйдёт, сестра зайдёт к вам. Ей нужно об чём-то с вами поговорить.

Б а б а е в. Вы милы, Лукерья Даниловна!

Ж м и г у л и н а. Что-то ушам не верится! Уж от вас ли я слышу такие комплименты! *(Приседает.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

КРАСНОВ.
КРАСНОВА.
ЖМИГУЛИНА.
АРХИП.
АФОНЯ.

Комната первой сцены второго действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

К р а с н о в а (на кровати), Ж м и г у л и н а (входит).

Ж м и г у л и н а. Таня, спишь ты?

К р а с н о в а. Нет.

Ж м и г у л и н а. Ну так вставай! Что валяешься целый день! Всё утро лежала и теперь лежишь.

К р а с н о в а. Зачем вставать-то! Что делать-то!

Ж м и г у л и н а. Диви бы спала, а то лежишь да плачешь, только сердце надрываешь. Лучше встань, да потолкуем!

К р а с н о в а *(встаёт).* Ишь ты день-то сегодня какой невесёлый, пасмурный! *(Садится.)* Бесталанная моя головушка! Что только я над собой сделала! Зачем я замуж пошла! Утопила я себя, просто утопила.

Ж м и г у л и н а. Кто ж его знал! Женихом-то он был тише воды, ниже травы; а теперь точно что нашло на него. Я ведь вчера думала, он шутит, что на полчаса нам сроку-то дал.

К р а с н о в а. Да и я то же думала. Кабы ты посмотрела, как он накинулся, какой страшный сделался. А нынче всё утро косился, ушёл не простившись; вот и обедать не приходил.

Ж м и г у л и н а. Что же он тебе говорил, как вы вчера одни-то остались?

К р а с н о в а. Уж он и ругал ругательски, и в чувство-то ударялся, и сам плакал; чего-чего не делал! За всю мою любовь к тебе, говорит, одного я прошу, успокой ты меня, потому что я ревнив.

Ж м и г у л и н а. Вот ещё наказание-то!

К р а с н о в а. Ни к кому, говорит, я тебя не ревную, только к одному этому барину.

Ж м и г у л и н а. Ещё бы он ко всякому ревновал; вот бы одолжил.

К р а с н о в а. Когда он уедет, говорит, что́ хочешь делай и ходи куда хочешь; а вот за то, что ты меня не послушалась, так не смей ты через порог переступать, пока он совсем не уедет из города.

Ж м и г у л и н а. Ну что ж ты ему на это?

К р а с н о в а. Он кричит, а я всё молчу, всё молчу; только уж очень мне обидно, что он надо мной такую власть взял. Прежде лисой прикидывался, а теперь, на-ко, вздумал командовать да свои мужицкие грубости говорить. Ему вот ничего, что он меня обидел, а я нынче целый день плакала. Ведь уж он меня хоть зарежь, я его любить не буду. Ещё дай он мне волю, так я бы хоть какое-нибудь чувство к нему имела; а теперь назло буду всё напротив делать; хотя бы я и виновата была перед ним, я и за вину не сочту; надо же мне ему чем-нибудь выместить. Что ж, не драться же мне с ним: у меня силы не хватит против него.

Ж м и г у л и н а. Известно. Он будь тем доволен, что ты за него замуж-то пошла; а то ещё вздумал над поведением наблюдать.

Краснова. Да и как я его бояться стала со вчерашнего дня. То есть не поверишь ты, так вся и задрожу, как он на меня взглянет.

Жмигулина. Ну, как же ты теперь думаешь?

Краснова. Да как думать-то! Уж очень у меня в голове-то запутано. Как ни кинь, всё дурно. За кусок хлеба продала я свою молодость немилому человеку, и день ото дня он мне всё противней становится.

Жмигулина. Как не опротиветь после таких пассажев с его стороны. Особенно как посравнить кой с кем. Тот кавалер как быть следует, во всей форме.

Краснова. Ну, вот что ж мне теперь делать-то! Кабы я могла равнодушно отстать от Валентина Павлыча, я была бы этому очень рада. Да, видно, об этом надо было прежде подумать да пораньше хватиться; а теперь уж поздно. Сил моих не хватит.

Жмигулина. Ведь и он тебя чрезвычайно как любит, Таня.

Краснова. Ну так что ж! Бог бы с ним. То-то вот ума-то у нас не хватает, а после и плачься. Мне ещё маменька-покойница говорила: смотри, девка, погубит тебя простота твоя.

Жмигулина. Ведь тебе, чай, с ним повидаться надо? Он, я думаю, ждёт.

Краснова. Ну да, само собою. Кабы моя была воля, так и полетела бы к нему.

Жмигулина. Так надо умом раскинуть, как бы нам эту статью обработать.

Краснова. Сколько я ни ломала голову, ничего не придумала.

Жмигулина. Вот что, Таня! Тебе надо мужа обмануть.

Краснова. Каким манером?

Жмигулина. Нашей сестре без хитрости никак жить нельзя, потому мы слабый пол, со всех сторон обиженный.

Краснова. Какие же хитрости? Ты меня научи!

Жмигулина. Теперь ты с мужем, как кошка с собакой, так поневоле в его башку-то придёт, что, значит, ты его не любишь, а любишь другого.

Краснова. Ну как же с этим быть?

Жмигулина. А ты переломи себя. Принеси ему покорность, мужики это любят. Притворись перед ним, что ты влюблена в него, нагороди ему турусы на колёсах, он уши-то и развесит. Приласкайся к нему хорошенько разными ласками,— это ему в диковинку.

Краснова. Я должна буду против сердца говорить.

Жмигулина. Так что ж за беда! Почём он знает, что́ у тебя на сердце. Нешто ему понять, что́ притворное обращение, что́ настоящее. Ты посмотри, после таких твоих деликатностей он так в тебя вверится, что ты хоть в глазах у него амурничай, он и то не будет замечать.

Краснова. Вдруг над собой такой перемены не сделаешь.

Жмигулина. Непременно вдруг. Чего ж тебе дожидаться-то!

Краснова. Он теперь на меня дуется; как к нему подойдёшь! Не прощенья же у него просить!

Жмигулина. Зачем прощенья! *(Подумав.)* А ты вот как сделай: поговори ты деду Архипу, что хочешь с мужем помириться, чтобы промежду вас никаких неудовольствиев не было, что ты мужа любишь и для тебя оченно чувствительно, что он тебя обижает.

Краснова. Что ж, я пожалуй.

Жмигулина. Мне как хочешь! Я для твоей пользы говорю.

Краснова. Поди, приведи дедушку, он в саду сидит.

Жмигулина уходит.

Что значит, коли женщина с умом-то! Хоть бы и понравился кто, так она никому виду не подаст. Мужа так обойдёт, что он в ней и души не чает. А без ума-то и попадёшься сейчас.

Жмигулина вводит Архипа.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Краснова, Жмигулина, Архип.

Архип. На что я вам? Какие такие у вас дела до меня? Татьяна, ты здесь, что ли?

Краснова. Здесь, дедушко.

Архип. Вот Лукерья ведёт меня да говорит: «Дедушко Архип, дело есть!» Что, думаю, за дела такие до меня старого!

Жмигулина. Да вот, дедушко, сестра на мужа обижается.

Архип. Ну так что ж! Промежду мужем и женой кто ж судья! Пусть как хотят, так и живут.

Краснова. Что за радость так-то жить! Лучше бы жить в согласии.

Архип. Так за чем же дело стало? Ну, живите в согласии! Кто ж вам мешает!

Жмигулина. Вот видишь ты: у него очень грубое обращение, а мы к этому не привыкли.

Архип. Погоди ты, не таранти! У ней самой язык есть. Говори ты, Татьяна!

Краснова. Муж теперь на меня сердится и не глядит совсем; он думает, что я его не люблю, так это он ошибается.

Жмигулина *(делает знаки Красновой, чтоб та говорила)*. Она только его характеру боится.

Краснова. Я его люблю, как по закону следует. Если он про меня что дурное думает, так напрасно. Разве я могу променять его на кого-нибудь! Ни в жизнь этого не сделаю.

Жмигулина. Ещё бы! Этакого распрекрасного человека. Разве она не чувствует!

Краснова. Если я была в чём перед ним виновата, ну побранил, да и будет. Только будь он со мной ласков, а уж я-то всякое уважение ему сделаю. Так буду угождать, что он и не ожидает.

Жмигулина. Она и мне сколько раз говорила: я мужа очень люблю, даже очень.

Архип. Да что вы друг за другом так и погоняете! Сговорились вы, что ли?

Жмигулина. Да как же мне молчать-то! Разве мне приятно видеть, что сестра, которую я даже обожаю, живёт с мужем не в согласии. *(Делает знаки Красновой.)*

Краснова. Так вот, дедушко Архип, я и хочу тебя попросить, чтоб ты поговорил мужу...

Архип. Постойте! Постойте! Дайте срок, не сбейте с ног! Ты говоришь, что муж на тебя сердится? Значит, ты виновата?

Краснова. Велика ли моя вина!

Архип. Ну да велика ли, мала ли, а всё виновата. Самой тебе, значит, покориться не хочется, стыдно, вот ты и просишь меня. Так, что ли?

Краснова. Так, дедушко Архип.

Архип. От сердца ты говоришь аль так, только слова одни?

Краснова. От сердца, дедушко.

Архип. Ну, мне что ж! Моё дело сторона. Лжёшь, так Богу ответишь! А я поговорю. Отчего не поговорить! Будет согласие, так всем нам будет любо.

Жмигулина. Ты ему сегодня поговори.

Архип. Как придёт, так и поговорю.

Входит Афоня.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Краснова, Жмигулина, Архип, Афоня.

Архип. Кто вошёл?

Афоня. Я, дедушко Архип.

Архип. У нас нынче праздник, Афоня. Вон Татьяна хочет с мужем в ладу жить, покориться ему хочет.

Афоня. Покориться? Покориться? Не верь, дедушко Архип, обманывает.

Архип. Ну полно, что ты!

Краснова. Что мне обманывать! Какая корысть!

Афоня. Аль за ум взялась, как брат пугнул-то хорошенько. Давно б ему пора. Да уж коли ты взаправду, так гордость-то брось. В ноги мужу-то, в ноги кланяйся! Да и нам всем, всем. Всех ты нас обидела.

Жмигулина *(тихо)*. Не слишком ли много чести будет.

Краснова. За что же я буду мужу кланяться?

Афоня. А за всё, что он делал для тебя. Я сам видал, как он перед тобой на коленях стаивал! Стыд головушке! *(Закрывает лицо руками.)*

Жмигулина. Что ж, коли ему это нравилось.

Афоня. Не хуже он вас, да кланялся, а теперь ты поклонись. Сними этот стыд-то с него. Не отвалится у тебя голова-то! Да и нам всем, и зятю поди поклонись, и сестре.

Краснова. Ну ещё мужу сколько-нибудь на дело похоже, а вам-то за что?

Афоня. А за то, что брат всех нас обидел за тебя. С тебя разлад-то пошёл в семье. Ты ему милей всех стала, милей всей родни.

Архип. Угомонись ты! Дай сердцу уходиться! Мы мириться хотим, а ты опять ссору заводишь.

Жмигулина. Вот и не муж, а какого страху задаёт! А дай-ка ему волю-то, так и житья от него не будет.

Архип *(гладит по голове Афоню)*. Ну, что с него взыскивать! Он больной человек.

Входит Краснов.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина, Архип, Афоня.

Жмигулина *(Архипу тихо)*. Лёв Родионыч пришёл.

Архип. Никак ты, Лёв, не обедал сегодня?

Краснов. Некогда было.

Краснова. Коли угодно, мы сейчас подадим.

Краснов *(садится к столу)*. Само собою. Ужели ж мне не емши быть!

Краснова. Накрывай, сестра! *(Уходит в кухню.)*

Жмигулина накрывает стол.

Архип. Ты, Лёв, в лавку пойдёшь?

Краснов. Нет, уж я забрался.

Архип. Дома, что ль, будешь?

Краснов. С часок места побуду, а то надоть за реку сходить, деньги получить.

Краснова вносит чашку щей, ставит на стол и уходит с Жмигулиной. Краснов, съевши несколько ложек, задумывается.

Архип. Лёв! Не вижу я тебя, а словно как ты нéвесел пришёл?

Краснов. На что глядя радоваться-то!

Архип. А тужить-то об чём? Что за горе?

Краснов. Моё горе, дед, моё. Моё собственное. Мне про то и знать.

Архип. Ну, бог с тобой! Твоё горе, тебе с ним и ведаться. *(Помолчав.)* А и то сказать, ведь я тебе не ворог; хоть и скажешь мне, так беды не будет. Да и жил-то я не с твоё, и горя-то видал побольше, может, ещё что и на пользу скажу.

Краснов. Не такое дело, дед, чтоб совета просить! Ничего ты мне не скажешь.

Архип. Глупый ты, глупый! Почём ты знаешь! Аль ты себя умней всех ставишь!

Краснов. Да отстань ты! Не до того мне! Ну что пристал! *(Стучит с сердцем ложкой по чашке.)*

Входит Жмигулина, ставит на стол чашку с кашей и уходит.

Архип. Жена-то умней тебя, право умней.

Краснов. Кабы умна была, так бы слушалась мужа.

Архип. Мало ль чего нет! На всякий час не опасёшься! А ты за малость гнева не держи. Одна вина не вина, и две вины — полвины; три вины — вина.

Краснов. Какова вина! Вина вине рознь. За другую вину удавить мало.

Архип. Что больно грозно! Ноне за денной разбой да и то не вешают.

Краснов. И кусок-то в рот нейдёт.

Архип. Эко сердце-то у тебя ретивое! Я начал было про жену-то, это я неспроста. Она прежде тебя за ум взялась.

Краснов слушает.

Говорит: «Дедушко Архип, замолви за меня мужу словечко! Я, говорит, его люблю, только его нраву боюсь. Может, он что думает на меня, так напрасно. Я его ни на кого не променяю. Я, говорит, ему всякое угождение сделаю, только бы он простил меня да не сердился».

Краснов. Да это точно?

Архип. Аль ты совсем рехнулся? Врать, что ли, я стану на старости лет. Она бы и сама тебе сказала; ей и хочется покориться-то, да, видишь ты, стыдно, ну и боится.

Краснов *(встаёт)*. Дедушко Архип, пойми ты меня! Ведь ты знаешь, как я её люблю, нечего тебе сказывать! Жили мы с ней до этого случая ладно, вы все видели, души я в ней не чаял. Наезжает теперича этот барин, и вижу я, он с ней разговаривает больно слободно, ну и взяло меня за сердце. Веришь ты мне, не помнил, что́ говорил, что́ делал. Как пошла это она к нему, жду я её полчаса — нейдёт, жду час — нейдёт, так меня лихорадка проняла, зубы у меня застучали. Чего тут я, чего не передумал! Может, я грешу, обижаю её; может, у ней и в уме-то ничего нет; да что ж мне делать-то! Жжёт меня всего огнём, вот так и жжёт. Обидел я её, это точно, да легко ли мне самому-то? Скажи ты мне, что она умерла сейчас,— что я над собой сделаю, я не знаю, а легче мне будет, ничем у меня её кто отымет. *(Плачет.)* Другой денег себе хочет, знати, а мне ничего не надо, мне только чтоб она меня любила. Дай ты мне на выбор: вот, мол, тебе, Краснов, горы золотые, палаты царские, только оставь жену; или вот, мол, тебе землянка непокрытая, работа всякая чёрная, только с женой жить; я и ох не молвлю, буду на себе воду возить, только бы с ней быть завсегда. Так слушай ты, дедушко! Мудрено ль, что я сгоряча и обидел её! Нет любви, так и сердца нет. А вот ты мне говоришь, что она теперь сама покориться хочет! Ведь такой радости мне и во сне не увидать. Точно у меня гора с плеч. Как будто я снова на свет родился! Ну, дедушко Архип, спасибо тебе! Мёртвый я был человек, оживил ты меня! То есть такое мне в голову лезло, что,

кажется, и не замолить ввек. Близко он, окаянный, подле меня ходил. Мало того, что в уши-то шепчет, а — и сказать-то грех *(тихо)* — и под руку толкает.

Архип. Что ты! На кого?

Краснов. Ну да уж что было, то прошло. Вперёд не дай бог этакой муки! Врагу своему не пожелаешь.

Архип. А ты укорачивай сердце-то!

Краснов. Эх, дедушко! Рад бы я укорачивать, да не спохватишься. В очах у тебя вдруг смеркается, в голове звенит, за сердце словно кто рукой ухватит, в уме тебе только несчастье да грех представляются. И ходишь как полоумный, ничего кругом себя не видишь. А вот теперь отошло от сердца, так и ничего, полегчало, ровно и не бывало ничего.

Входит Жмигулина и берёт чашку со стола.

А где же Татьяна Даниловна?

Жмигулина. Она там, в кухне.

Краснов. Зачем же они в кухне? Что им там делать! Совсем не их место в кухне сидеть! Позовите их сюда.

Жмигулина уходит.

Афоня *(тихо Архипу)*. Дедушко, будет она брату в ноги кланяться аль нет? Коли не будет, я уйду.

Архип. Как хотят, нам что за дело!

Входят Краснова и Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Краснов, Краснова, Жмигулина, Архип, Афоня.

Краснова. Вы меня звали?

Краснов. Потому собственно, что вам в кухне сидеть непристойно-с.

Архип. Я, Татьяна, ему говорил; теперь уж как хочешь сама.

Краснова. Лёв Родионыч! Если я в чём виновата перед вами, так извините меня. Если вам угодно, я вам, пожалуй, в ноги поклонюсь.

Краснов. Нет, зачем же-с! Я и так могу чувствовать-с! Нешто я могу вас допустить до этого, чтоб вы мне кланялись! Что я тогда буду за человек!

Краснова. Я согласна что угодно сделать, только бы вы на меня не сердились.

Краснов. Ничего мне от вас не надобно, кроме вашего слова-с. Вы сказали слово — и конец, я вам должен верить.

Краснова. Значит, вы на меня не сердитесь?

Краснов. Никакого сердца-с! А что я, точно человек неполированный, сгоряча пошумел, так за это не взыщите, потому любя-с.

Жмигулина. Ах, полноте! Кто же на вас может взыскивать!

Краснова. Я уж и забыла. Мне не столько обидны были слова ваши, сколько то, что вы сегодня не хотели даже и взглянуть на меня.

Архип. Ведь помирились, ну и будет! Что старые-то дрязги перетряхивать! Вот теперь как следует поцелуйтесь. Так всё дело и пойдёт своим чередом.

Краснова. За этим, дедушко, дело не станет. Я с моим большим удовольствием! Я уж давно хотела, да не знала, как понравится Льву Родионычу!

Краснов. Если вы с удовольствием-с, так уж я вдвое против того-с!

Целуются.

Жмигулина. Это только всегда было удивительно видеть для меня, Лёв Родионыч, как сестра вас любит.

Краснов. Что ж тут удивительного-с?

Жмигулина. Я её, Лёв Родионыч, лучше вас знаю. Она тихого характеру, она не может вам всего выказать, а надобно знать, что она чувствует.

Краснов. Тем для нас приятней-с!

Жмигулина. Она бы и хотела вам свою любовь выказать, да от робости не может.

Краснов *(жене)*. Чего же меня робеть-с! Я такой же человек, как и все.

Жмигулина. Мы уж так от природы.

Краснов *(жене)*. Нет, уж вы сделайте такое ваше одолжение, вы вперёд меня не бойтесь. Меня совесть зазрит. Что я за пугало?

Краснова. Я вас не буду бояться, Лёв Родионыч, я вас буду любить.

Жмигулина. Другие из нашей сестры вам на словах всего наскажут, чего даже у них и на сердце нет, а сестра напротив.

Краснов. Так мы и будем вас понимать. А то иной раз не знаешь, как к вам и подойти! Понравится ли ещё вам!

Краснова. Вы мне всегда нравитесь.

Афоня. Пойдём, дедушко Архип, на улицу посидеть!

Архип. Пожалуй, пойдём. Теперь у нас, слава богу, опять совет да любовь. Хорошо, когда в доме согласие! Хорошо, детки, хорошо! *(Уходя.)* Окаянный сквозь землю,— Господь по земле!

Уходят.

Жмигулина. Я тут залепортовалась, а мне тоже кой-куда сбегать надо. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Краснов, Краснова.

Краснов *(садится на лавку)*. Ах, Татьяна Даниловна, кабы Бог дал нам с вами век прожить в таком согласии, как теперича!

Краснова *(садясь подле него)*. Да и проживём.

Краснов. Ведь вот ежели бы вы завсегда с такой лаской, так из меня хоть верёвки вей. Вы, Татьяна Даниловна, из меня всё лаской можете сделать.

Краснова *(кладёт ему руку на плечо)*. Да мне ничего не нужно от вас, я всем довольна. Только вы не думайте обо мне с худой стороны. Зачем вы меня приревновали?

Краснов *(обнимая её)*. Ишь ты какая, обиделась! *(С любовью смотрит на неё.)* Душа ты моя! Что кому дорого, тот то и бережёт. Ведь ты мне дороже всего на свете! Ты какая жена-то? У кого такая есть! Ты на зависть всему городу, нешто я не вижу. Кому захочется такую жену потерять! Первое дело, это всё одно, что клок из сердца вырвать, а второе дело, мне смешка́ми да укорами проходу не дадут, со свету сживут. Я тебя, надо так говорить, больше души своей люблю, и в помышлении-то не хотел бы тебя обидеть, а вот что ты хочешь, всё-таки думается.

Краснова. А вы не думайте!

Краснов. Ну, да теперь шабаш.

Краснова *(ласкаясь)*. Уж ты не стыди меня, не наблюдай за мной!

Краснов. Сказано — шабаш! Целуй-ко ты меня покрепче!

Целуются.

Вот так! Сказывай ты мне теперь, за что ты меня любишь? За что такое ты можешь ко мне привязку иметь?

Краснова. Так, просто люблю, да и всё.

Краснов. Нет, ты сказывай! Мне лестно это слышать от тебя. Хочу я знать, что́ есть такое во мне, что меня такая красавица полюбила? Аль умом, аль чем тебе по нраву пришёлся?

Краснова. Да всем. Что ж, кто про тебя дурное скажет! Известно, хороший человек.

Краснов. Ну, а ещё что?

Краснова. Ты очень добр, ничего не жалеешь для меня.

Краснов. Вот что! *(Крепко обнимает и целует.)* Ну, так люби меня больше, ещё добрей буду. Что ты морщишься? Аль поизмял маленько?

Краснова. Да ты очень крепко.

Краснов. Ну, да уж ау, брат! Ничего не поделаешь! Как люблю, так и обнимаю. Значит, от души, без фальши. Небось не сахарная, не развалишься.

Краснова. Да я ничего.

Краснов. Ведь я знаю, что так только. А то на что тут жаловаться! За это на нашего брата не сердятся. Так, что ли?

Краснова. Сам знаешь, что ж спрашиваешь!

Краснов. Эка жизнь с бабой-то хорошей! Малина просто! Разлюбезное дело! Нет-то ничего на свете лучше! И что такое это значит, что вы нашему брату так дороги?

Краснова. Я не знаю.

Краснов. Премудрость, право премудрость! Не нашему уму это понимать! Мы знаем одно, что… прилепился к жене своей, вот и всё. Прилепился, ну и кончено дело. Когда я теперича с тобой сам-друг, так мне хоть всё огнём гори! *(Целует её.)* Сегодня пойду, деньги получу, завтра тебе обновку куплю.

Краснова. На что! Не надо!

Краснов. Коли я говорю, что куплю, стало быть, это моё дело. Значит, по делу выходит, что надо. Ты своё дело знай: утешай мужа! А я буду своё знать. *(Взглянув на часы.)* Э, да уж времени-то много! Надоть идти! А не хотелось бы мне теперь от тебя уходить.

Краснова. Не ходи!

Краснов. Ой, аль и вправду нейти? Да нет, что баловаться-то! Девушка гуляй, а дела не забывай! Не приди нынче за деньгами, так после неделю даром проходишь. И как далеко идти-то! Чтоб его!.. За реку ведь! С час проходишь, прах его побери! *(Берёт картуз.)* Так ты говоришь: погоди!

Краснова. Да разумеется!

Краснов. Ишь ты какая! *(Обнимает её.)* Знаю я вашего брата. Ну, да мало ль что! А ты вот подожди меня часик, авось в час-то не умрёшь! *(Целует её.)* Ну, прощай! А то с тобой, пожалуй, эдак и вправду останешься. Ведь вы на соблазн человеческий созданы на свете! *(Идёт.)*

Краснова. Приходи скорей!

Краснов. Как скоро, так и сейчас. Нет, кромя́ шуток, раньше часу не обернёшься. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Краснова *(вслед мужу)*. Ну, прощайте! Насилу-то ушёл. Несчастная я, несчастная! Говорят, надо любить мужа; а как я могу его любить! Грубый, неотёсанный, ласки медвежьи! Сидит, ломается, как мужик. А тут ещё притворяйся перед ним, потрафляй ему; противность какая! Вот уж ничего бы на свете не взяла, кабы не такое теперь дело вышло. Что делать-то! И не мил, да покоряйся! *(Молчание.)* Да куда ж это все разошлись? Сиди теперь одна! Такая скука! *(Садится к окну.)* И народу-то никого нет на улице, поглядеть не на кого. Куда это сестра делась? *(Запевает вполголоса.)*

Ах, матушка, скучно!
Сударыня, грустно!
Сердечушко ноет,
Ноет, занывает;
Мил про то не знает,
Как сердце страдает.

Входит Жмигулина.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Краснова и Жмигулина.

Жмигулина. Что, ушёл?

Краснова. Ушёл.

Жмигулина. Далеко ли?

Краснова. За реку.

Жмигулина. Долго проходит?

Краснова. Говорит: ближе часу не вернусь.

Жмигулина. Вот бы и сбегала. Я сейчас там была,— он дожидается. Сегодня едет.

Краснова. Неужели сегодня? Как же это быть-то, Луша, голубушка! Не сказал ведь. Повидала б я его.

Жмигулина. Возьми мой платок, покройся хорошенько. Ишь, на дворе-то совсем как сумерки, никто тебя не узнает.

Краснова. Не было бы беды?

Жмигулина. Волка бояться — в лес не ходить. Далеко ль тут, мигом добежишь. Только не засиживайся!

Краснова. Нет, нет, как можно. *(Покрывается платком.)*

Жмигулина. То-то ж, смотри! Сохрани господи, Лёв Родионыч раньше тебя придёт! Что мне тогда делать! Разве сказать, что за нитками, мол, пошла к знакомой. Хорошо, как поверит. Ты что тут с ним одна-то говорила?

Краснова. Что говорила — не помню, что теперь делаю — не знаю.

Жмигулина. Ну, беги, беги!

Краснова уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Жмигулина и (потом) Афоня.

Жмигулина *(у окна)*. Ишь пустилась! Как стрела, летит. А где бы ей придумать, кабы не я. Вот и собой хороша, да как ума-то нет, тоже плохо. Всему-то её научи; смотри за ней, как за малым ребёнком. Не научи я с мужем помириться, что́ бы было? Ссора да брань. Она бы, пожалуй, уступить не захотела; ну, значит, поминутно в доме стражение, а от соседей мараль. А теперь что хочешь делай; всё шито да крыто будет.

Входит Афоня.

Афоня. Где Татьяна? Где она, где она?

Жмигулина. Зачем она тебе понадобилась?

Афоня. Нужно мне. Говори, где? Говори, где?

Жмигулина. В саду, должно быть.

Афоня. Что ты меня дурачишь! Скажи хоть раз в жизни правду! Ушла она? Говори, ушла?

Жмигулина. Может быть, и ушла.

Афоня. Это она, что ли, сейчас в вороты шмыгнула?

Жмигулина. Должно быть, она. Не за нитками ли пошла! Она давно хотела к соседке сбегать.

А ф о н я. За нитками?

Ж м и г у л и н а. Ну да, за нитками.

А ф о н я. Ты врёшь, врёшь!

Ж м и г у л и н а. Да отвяжись! Что ты пристал! Ты что деда-то бросил!

А ф о н я. Не твоё дело. Я знаю, куда она пошла. Вы дьяволы! Вы обманули брата. Я давеча по глазам по вашим видел: у вас огни в глазах бегали, дьявольские огни.

Ж м и г у л и н а. Экой ты ехидный мальчишка!

А ф о н я. Так погодите ж вы, погодите! Будет вам нас обманывать, выведу я вас на свежую воду.

Ж м и г у л и н а. Не пугай! Не очень тебя боятся.

А ф о н я *(со слезами)*. Господи боже мой! Что это такое! Какого человека в глаза обманывают! *(Убегает.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

ЛИЦА

ЗАЙЧИХА.
КУРИЦЫНА.
АФОНЯ.
БАБАЕВ.
КРАСНОВА.

Улица перед домом Зайчихи. Сумерки.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

К у р и ц ы н а и З а й ч и х а (выходят из калитки).

З а й ч и х а. И, матушка, что ты! Что ты! Как можно! Брось, не думай! Тебе так показалось. Уж поверь ты мне, что показалось.

К у р и ц ы н а. Толкуй, показалось! Я ещё, слава богу, не ослепла. Её ль не узнать! Да я её сейчас из тысячи выберу по платью. У нас ведь одна модница-то только и есть; мы по праздникам того не надеваем, в чём она по будням ходит. Мы это с тобой из двери, а она к нему в дверь.

З а й ч и х а. Говорю тебе, ошиблась. Оно точно, что не без греха. Есть тут одна, бегает к нему, и похожа на вашу-то, а не она. Мне что! Разве бы я не сказала? Да коли неправда, так зачем пустяки говорить.

К у р и ц ы н а. Ты ведь потатчица.

З а й ч и х а. Не греши, Уляша, не греши!

К у р и ц ы н а. Да что за грех, Прокофьевна! От неё станется; я её знаю. Больно ей брат волю дал. На другую б я не подумала, а на неё и греха нет. Не нынче, так завтра начнёт петли метать, что и концов не найдёшь. Она брату-то очки на нос наденет. А ведь как она меня разобидела, кабы ты знала.

З а й ч и х а. Ужли?

К у р и ц ы н а. С места не сойти! Брата настроила, тот так и рычит на меня. Знать, говорит, тебя не хочу. Вот она какая! Да нет, погоди, милая! Со мной — не с кем другим.

З а й ч и х а. И, полно ты! Что вам делить-то! Она у себя хозяйка, ты у себя.

К у р и ц ы н а. Да пропадай она пропадом: мне до ней-то и дела нет; а то обидно, Прокофьевна, что она брата мутит, со всей роднёй его ссорит.

З а й ч и х а. Ну, уж это ваше дело; как-нибудь сочтётесь. Ты теперь домой, что ли?

К у р и ц ы н а. Домой, касатка; ужинать пора. Мой привередник-то теперь, чай, ходит да покрикивает. Заходи к нам-то!

З а й ч и х а. Ваши гости.

Целуются. П р о к о ф ь е в н а уходит в калитку.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

К у р и ц ы н а и (потом) А ф о н я.

К у р и ц ы н а. Кто её знает, врёт Прокофьевна или нет. Верить-то ей нельзя, баба-то плут. А дорого б я дала, чтоб мне узнать доподлинно, она теперь у барина или нет. Нешто подождать? А как она тут долго, так муж-то мне такую гонку задаст, что до новых веников не забудешь. Ну, счастлива ты, что мне некогда, а то подстерегла бы я тебя. *(Идёт. Навстречу ей Афоня.)* Афоня, ты куда?

А ф о н я. Поди, не трожь меня! Не трожь!

К у р и ц ы н а. Татьяна дома?

А ф о н я. Нет, ушла.

К у р и ц ы н а. Так она тут, у барина, я её сейчас видела.

А ф о н я. У барина? Господи! Где же стыд-то в людях!

К у р и ц ы н а. Ну, я домой побегу, скажусь мужу, да и к вам зайду. *(Уходя.)* Погоди, братец, погоди, обидчик, я теперь тебя отчитаю. *(Уходит.)*

А ф о н я. Батюшки! Сил моих нет! Как тут жить на свете! За грехи это над нами! Ушла от мужа к чужому. Без куска хлеба в углу сидела, мы её призрели, нарядили на свои трудовые деньги! Брат у себя урывает, от семьи урывает, а ей на тряпки даёт, а она теперь с чужим человеком ругается над нами за нашу хлеб-соль. Тошно мне! Смерть моя! Не слезами я плачу, а кровью. Отогрели мы змею на своей груди. *(Прислоняется к забору.)* Буду ждать, буду ждать. Я ей всё скажу, всё, что на сердце накипело.

Из калитки выходят Бабаев и Краснова. Афоня прячется за угол.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Афоня, Бабаев, Краснова.

Б а б а е в. Чего ты боишься! На улице ни души. И куда ты торопишься, получасу нет, как ты пришла.

К р а с н о в а. Нет, нет! Всё как-то сердце не на месте.

Б а б а е в. Что у тебя за страх такой, я не понимаю. Ну, побранит муж, да тем дело и кончится.

К р а с н о в а. Вот тогда я тоже опоздала; какой он страшный сделался, так и думала, убьёт. Страшен он мне, очень страшен!

Молчание.

Ты скоро опять приедешь?

Б а б а е в. Через неделю, а уж много дней через десять.

К р а с н о в а. Эх, право! Как это так сделалось! Ведь вот кабы по душе-то судить: ты в деревню — и я в деревню, ты в Петербург — и я за тобой.

Б а б а е в. Ведь я тебя звал с собой.

К р а с н о в а. Тебе хорошо, ты свободный человек, а я теперь всё равно что в крепости. Вот оно моё горе-то! Да и то уж не раз мне в голову приходило, как бы к тебе убежать.

Б а б а е в. И отлично.

К р а с н о в а. Ты только вздумай, какова моя жизнь несчастная: что мужа обманешь, то и поживёшь в удовольствие. Всё обман да обман! А что хорошего обманывать-то? Да и противно; не такой у меня характер. А догадайся муж, что я его не люблю, так он бранью да попрёками меня в гроб сведёт. Очень я понимаю, что женой быть ему не могу и что я в их семье лишняя, ну и отпустили бы меня на все

четыре стороны; а кому ты это растолкуешь, кто поймёт! Ты посмотри, какие они все грубые да строгие, а я к строгости не привыкла. Что за жизнь, когда воли нет.

Бабаев. Таня, ты вот что сделай! Скажи ему прямо, что ты с ним жить не хочешь. Найми с сестрой квартирку, я вам денег вышлю.

Краснова. Что ты! Что ты! И думать нечего. Разве он отпустит. Хоть умирай, да при нём, у него на глазах; лучше уж я уйду потихоньку.

Бабаев. Ну, потихоньку.

Краснова. Ох уж, право, не знаю. На словах-то все мы бойки, а как до дела дойдёт, так и разум потеряешь, особенно я. Уж делай ты, как знаешь. Что ты мне скажешь, так я и буду делать. Ведь ты меня любишь, погибели моей не захочешь.

Бабаев. Разумеется.

Краснова. Вот правду-то говорят, что все мы, бабы, сумасшедшие: сама ведь замуж пошла, никто меня не неволил, ну так и жить бы, как по закону следует; а меня вот к тебе тянет, из дому бежать хочу. А ты всё виноват, Валентин Павлыч: через тебя теперь я от дому отбилась. Кабы не ты, жила бы как-нибудь с мужем, по крайности бы горя не знала.

Бабаев. Прекрасная жизнь! Есть о чём жалеть!

Краснова. А теперешняя жизнь нешто хороша! Конечно, я не должна тебя много винить, потому что сама кругом виновата. Вам что думать! Ваше дело мужское, никто тебя не осудит, а нам за всё про всё беда. Ну, да что делать! Теперь поздно разбирать, кто прав, кто виноват, а видно, так надобно было этому делу случиться. Только ты не обмани меня, приезжай!

Бабаев. Ну полно, что ты! Непременно приеду.

Краснова *(целует его)*. Прощай! Пора мне! Что это как я вся трясусь, ноги так и подламываются.

Бабаев. Ты успокойся немного. Пойдём, я с тобой погуляю по берегу; ещё успеешь домой вовремя прийти.

Уходят.

Афоня. Вот, брат Лёв, на кого ты нас променял! Погляди, полюбуйся! Кто тебя любит-то душою, так ты на того зверем смотришь; я сохну, как свечка таю, всё из любви да из жалости к тебе, а ещё ни разу от тебя доброго слова не слыхал. В жене ты души не чаял, а она, злодейка наша, вот что делает! Нет на свете правды, нет! *(Уходит.)*

СЦЕНА ВТОРАЯ

ЛИЦА

КРАСНОВ.
КРАСНОВА.
ЖМИГУЛИНА.
АРХИП.
АФОНЯ.
КУРИЦЫН.
КУРИЦЫНА.

Комната третьего действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жмигулина входит со свечой и ставит её на стол, потом Афоня.

Жмигулина. Что это Таня нейдёт! Уж пора бы. Эка сумасшедшая! Рада, что вырвалась, а того не подумает, что вдруг, сверх всяких ожиданий, муж вернуться может. Вот и вертись, как на иголках. Только кто за дверь, так сердце и упадёт. Каждая минута за год кажется. Афонька ещё меня беспокоит. Куда он делся? Уж не её ль стережёт? Конечно, против каждого его слова можно найти десять отговорок, а всё-таки, пожалуй, сумление наведёт. Ах, кто-то идёт, неужто сам! Сохрани господи! Я, кажется, так тут и умру.

Входит Афоня и, охая, ложится на лежанку.

Ты где был?

Афоня. Где был, там нету.

Жмигулина. Да говори, авось язык-то не отвалится.

Афоня. Не хочу я с тобой говорить.

Жмигулина *(ласково)*. Аль тебе, Афоня, нездоровится?

Афоня. О господи! Не трогайте меня, не трогайте! Не обманешь ты меня.

Жмигулина. Очень нужно тебя обманывать!

Афоня. Брата обманывайте, а меня не обманете. Нет, нет.

Жмигулина. Ты что-то такое говоришь довольно странное для меня.

Афоня. Ох, моченьки моей нет. Отойди! Не вертись ты на моих глазах, не мучь ты меня.

Жмигулина. Тебе ж хуже, когда ты ласки не умеешь понимать.

Афоня. Не надо мне, ничего не надо.

Жмигулина. Ну, так и знай свою печку. Ты думаешь, мне нужно? Так ведь, из жалости.

Молчание.

Эка безумная, эка безумная! У меня сердце не на месте.

Входит Краснов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Краснов.

Краснов. Вот и я как раз. Каково обернул! Я над Татьяной Даниловной пошутил малость: ждите, говорю, через час, а сам через полчаса тут как тут, чтобы, значит, неожиданно. Оставлял чай пить, да я не остался. Эка невидаль чай, говорю ему, у меня дома молодая жена дожидается. Да где ж они-с?

Жмигулина. Да не знаю. Тут где-нибудь. Не в сад ли вышла?

Краснов. Пошлите их поскорей, я им хочу за нынешнее их уважение подарочек сделать.

Жмигулина. Сейчас, сейчас. *(Уходит.)*

Краснов *(ходит молча, потом рассуждает сам с собою).* Пятьдесят семь рублёв, шесть с костей, три на кости, девять Петру Ананьеву. *(Молчание.)* Что же они пропали? *(Ходит молча.)* Афоня, ты не знаешь, куда вышла жена?

Афоня. Не знаю. Ох, неможется мне.

Краснов. Да что же они проклажаются! *(Подходит к двери.)* Татьяна Даниловна! Лукерья Даниловна! И голосу не подают. Что же это такое теперича значит? Афонасий! Да где же жена?

Афоня. Аль соскучился без неё! Придёт, не бойся. Где ни гуляет, а домой придёт.

Краснов *(у двери).* Татьяна Даниловна!

Входит Курицына.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Курицына.

Краснов. Кто это? Это ты, Ульяна?

Курицына. Я, братец.

Краснов. Зачем?

Курицына. Навестить вас, братец, по-родственному.

Краснов. Не больно-то я нуждаюсь.

Курицына. У вас, братец, сердце, у меня другое; я так вот не могу об родне не вспомнить. Где невестушка-то?

Краснов. Да где-то тут запропастилась. Кличу их, да не докличусь.

Курицына. Да, может, далеко где, так вашего зову не слышат.

Краснов. Где же далеко! Говорят тебе, что дома.

Курицына. Кто говорит-то? Не сестрица ли Лукерья Даниловна?

Краснов. Хоша бы и она.

Курицына. А ты и поверил. Эх ты, простота, простота!

Краснов. Уйди, сестра! Уйди от греха!

Курицына. Да ты опомнись, что ты кричишь-то! Я своими глазами видела, как она к барину прошла.

Краснов. Эка роденька у меня! Счастье моё им поперёк горла стало. Ва́рварка ты, ненавистница. Убить тебя мало за язык твой, за проклятый! *(Замахивается.)*

Афоня *(встаёт с печи)*. Тише ты, тише! Что буянишь!

Краснов. Вместе вас обоих на одну осину.

Афоня *(заслоняя сестру)*. Не трожь её, пальцем не трожь! Она правду говорит, истинную правду.

Краснов. Врёте вы, ненавистники! Часу нет, говорю я вам, часу нет, мы с ней тут сидели, целовалися, обнималися, в глаза друг другу глядели, наглядеться не могли.

Курицына. Батюшки, да он помешался! Ты ума рехнулся! Да поди сам погляди, коли нам не веришь.

Краснов *(у двери)*. Лукерья Даниловна!

Курицына. Кличь, кличь; и она туда ж побежала.

Входит Курицын.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Курицын.

Курицын. Что шумишь, аль жену учишь? Хорошенько её, чтоб она из дому не бегала.

Краснов. Да где же она? Где же она? Пожалейте вы меня: ведь вы из меня жилы тянете.

Курицын. Да авось придёт; не ночует же она там.

Курицына. Да вы, братец, успокойтесь, сядьте!

Курицын. Да все и подождём её, сударушку.

Краснов. Ласкала, миловала, крепко к сердцу прижимала.

Краснова тихо входит и оглядывает всех.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Краснова.

Краснов. Где была-побывала? Весело ль погуляла? Говори, не утаивай! Что ж ты молчишь! Говори! Видишь, все на мой срам глядеть сошлись.

Курицына. Что ж ты молчишь, бесстыжие твои глаза! Отмолчаться, что ль, думаешь? Видели мы, как ты и туда прошла, и назад вышла.

Курицын. Топни, брат, на неё, топни хорошенько, заговорит.

Краснов. Да не мучь ты меня! Скажи ты мне, как на тебя смотреть-то, какими глазами? Врут, что ль, они? Так гнать их вон, чем ни попадя! Аль, может, правду говорят? Освободи ты мою душу от греха. Скажи ты мне, кто из вас враг-то мой? Была ты там?

Краснова. Что ж мне теперь лгать, когда уж все видели. Была.

Краснов *(потерявшись)*. Ну вот, добрые люди, вот... вот оно дело-то! Что же теперь? Как же я?.. Ну, простите меня окаянного, что я вас обидел! Как чужие жёны — я не знаю, а у нас вот как...

Курицына. Вот и посмотрим теперь на твою спесь. Как теперь в люди нос-то покажешь, бесстыдница! Осрамила брата-то у нас, осрамила!

Афоня. Змея, змея!

Курицын. Что на неё смотреть-то! Тут же её сейчас и расказнить надо.

Входит Архип.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Архип.

Архип. Аль наказанье какое Божеское? Что за шум? Не пожар ли? Не вижу ведь.

Курицына. Да вот невестушка дел наделала! Кабы я на месте брата, так бы взяла её да и разразила.

Краснов. Прочь, прочь! Никто, никто пальцем не тронь! Я ей муж, я ей и судья. Ну, скажи мне, что ж это ты, как? С чего ты

загуляла-то? Грех, что ли, тебя попутал; сама ты не гадала этого над собой, не чаяла? Или своей охотой, что ли, на грех пошла? Теперь-то ты что? Сокрушаешься об делах своих аль нет? Аль, может, ты думаешь, что так и надо? Говори, что молчишь! Совестно тебе людей-то теперь аль весело? Стыд-то у тебя есть в глазах аль рада ты своим делам? Да что ты, каменная, что ли! Валяйся у всех в ногах, распинайся! Или уж прямо мне в глаза говори, что ты назло мне сделала! Чтобы мне знать-то, что делать-то с тобой,— жалеть ли тебя, убить ли тебя? Хоть малость-то ты любила ль меня; есть ли за что мне хоть пожалеть-то тебя? Или всё уж обманывала, что ли; во сне, что ли, мне снились мои красные дни.

Краснова *(со слезами)*. Я виновата, Лёв Родионыч, я вас обманула. Не любила я вас никогда и теперь не люблю. Уж лучше вы меня оставьте, чем нам обоим мучиться. Лучше разойдёмтесь!

Краснов. Как разойтись? Куда разойтись! Нет, врёшь! А на ком же я свою обиду возьму? Ты говоришь, что не любишь меня и не любила, а я, видишь ты, по городу ходил да ломался, что меня барышня любит распрекрасная. На ком мне этот стыд теперь взять? Пошла в кухню! Не умела быть женой, будешь кухаркой! Не умела с мужем ходить об руку, ходи по воду. Ты меня в один день состарила, и я теперь над твоей красотой погуляю! Что ни день, что ни взойдёт солнце красное, кроме тычка наотмашь да попрёка не дождёшься ты от меня весь свой век; разве как-нибудь, под сердитую руку, убью тебя как собаку. Да подайте мне ножик!

Краснова убегает.

Афоня. Братец! Братец! Она уйдёт, уйдёт сейчас.

Краснов. Не уйти ей от меня.

Афоня. К барину уйдёт. Я слышал, как они сговаривались уехать в деревню.

Краснов. Да кто ж у меня её возьмёт, коли я её не отдам. Где это такая сила есть на свете, которая у меня её отымет? Только разве с руками оторвут.

Афоня *(заглядывая в дверь)*. Братец, собирается. Уйдёт, братец!

Краснов *(отталкивая его)*. Прочь! От мужа только в гроб, больше никуда. *(Уходит.)*

Слышен крик Красновой: «Пустите меня!»

(Возвращается.) Вяжите меня! Я её убил.

А ф о н я. Ништо ей!

К у р и ц ы н а. Ах, голубчик! Что теперь с твоей головушкой будет?

А р х и п. Где он? Где он? Ведите меня к нему!

А ф о н я подводит.

Что ты сделал? Кто тебе волю дал! Нешто она перед тобой одним виновата? Она прежде всего перед Богом виновата, а ты, гордый, самовольный человек, ты сам своим судом судить захотел. Не захотел ты подождать милосердного суда Божьего, так и сам ступай теперь на суд человеческий! Вяжите его!

К у р и ц ы н. Не ждал, не гадал, а в беду попал! Беда не пó лесу ходит, а пó людям.

ТЯЖЁЛЫЕ ДНИ

Сцены из московской жизни, в трёх действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА

ВАСИЛИЙ ДМИТРИЧ ДОСУЖЕВ, *чиновник, занимающийся частными делами.*
АНДРЕЙ ТИТЫЧ БРУСКОВ, *купеческий сын.*
ВАСИЛИСК ПЕРЦОВ, *служил в какой-то службе, теперь давно в отставке, праздношатающийся человек.*
АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА КРУГЛОВА, *купеческая дочь.*
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК, *незначительный чиновник.*
ДЕВУШКА И РАЗНЫЕ ПРОХОДЯЩИЕ ЛИЦА, *без речей.*

Грот в Кремлёвском саду, перед ним площадка.
Через сцену изредка проходят люди разного звания.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Досужев прохаживается перед гротом; навстречу ему идёт Молодой человек.

Молодой человек. Скажи, пожалуйста, где ты пропадаешь? Ты точно сквозь землю провалился. У нас без тебя никакого веселья нет.

Досужев. Какое веселье! Проходи мимо! Я теперь всего себя посвятил на пользу человечества.

Молодой человек. Полно! Я тебя знаю: ты ведь шут гороховый! Какую ты пользу можешь оказать человечеству! У тебя какая-нибудь новая потеха на уме.

Досужев. Вот видишь ты, я теперь изучаю нравы одного очень дикого племени и по мере возможности стараюсь быть ему полезным.

Молодой человек. Ничего не понимаю. Ты скажи по крайней мере, где ты живёшь теперь?

Досужев. Ну, я объяснюсь проще: я оставил службу и занимаюсь частными делами. А живу в той стороне, где дни разделяются на лёгкие и тяжёлые; где люди твёрдо уверены, что земля стоит на трёх рыбах и что, по последним известиям, кажется, одна начинает шевелиться: значит, плохо дело; где заболевают от дурного глаза, а лечатся симпатиями; где есть свои астрономы, которые наблюдают за кометами и рассматривают двух человек на луне; где своя политика, и тоже получаются депеши, но только всё больше из Белой Арапии и стран, к ней прилежащих. Одним словом, я живу в пучине.

Молодой человек. Где же эта пучина?

Досужев. Везде; стоит только опуститься. Она к северу граничит с северным океаном, к востоку с восточным и так далее. Я переехал

на самое дно. Милости просим. Вот мой адрес. *(Подаёт адрес.)* Заезжай ко мне, я тебе покажу такие чудеса, что останешься доволен.

Молодой человек. Какие выгоды доставляет тебе твоё занятие?

Досужев. Выгоды довольно большие; а главное, что ни дело, то комедия.

Подходит Перцов.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Перцов.

Досужев *(протягивая Перцову руку)*. Bonjour![1] Вот, например, господин Перцов! Рекомендую. Знаешь ли ты, чем он занимается?

Молодой человек. Почём же мне знать!

Досужев. Он сочинитель, сочиняет фальшивые документы.

Перцов. Послушайте, господин Досужев, при посторонних такие слова...

Досужев. Ничего, будьте как дома. Ну, где это может быть, кроме пучины? Человек ничего ровно не делает, живёт барином на чужой счёт, буйством приводит в ужас всю окрестность и пьёт, как сорок тысяч братьев не могут пить.

Перцов. Неуместные шутки, господин Досужев!

Молодой человек. Ну, прощай!

Досужев. Прощай, заходи!

Молодой человек. Непременно зайду. *(Уходит.)*

Досужев *(Перцову)*. Ну, и... Чего ж вы ещё дожидаетесь? Дело кончено, и толковать нам с вами не о чем.

Перцов. Послушайте, господин Досужев, вы мне скажите, как благородный человек: отдадите вы мне этот документ или нет?

Досужев. За четверик бриллиантов, извольте.

Перцов. К чему эти злые насмешки над несчастием ближнего? Вы знаете, я беден.

Досужев. Но благороден.

Перцов. Кто же смеет сомневаться!

Досужев. А фальшивые-то документы зачем писать? Какое же это благородство?

Перцов. Удары судьбы и роковая необходимость заставили меня прибегнуть к этому не всеми одобряемому способу.

[1] Добрый день! (*фр.*)

Д о с у ж е в. Какая же роковая необходимость? Вы могли бы служить, у вас такая величественная физиономия. Да и кроме физиономии, вы всем обеспечены: ваши родные дают вам квартиру, стол, да и денег гораздо больше, чем мы своим горбом зарабатываем. А вы за это на сестру фальшивый вексель написали да передали какому-то мошеннику.

П е р ц о в. Господин Досужев, это дела или, лучше сказать, тайны семейные. Они должны быть скрыты под покровом неизвестности.

Д о с у ж е в. Хороши тайны! Женщина ни душой, ни телом не виновата, вдруг с неё требуют по векселю деньги да ещё стращают, хотят представить ко взысканию. Если б она повела дело-то как следует, то есть допустила вас представить вексель ко взысканию, да и подала бы отзыв, что подпись-то под векселем фальшивая, что бы тогда произошло? Штука плачевная!

П е р ц о в. Я сознаюсь вам, как человеку благородному, что в этом случае я вышел из пределов приличия и подвергал себя большой неприятности.

Д о с у ж е в. А как вы думаете, какой?

П е р ц о в *(улыбаясь)*. Я мог провести остаток дней моих в тундрах севера.

Д о с у ж е в. Совершенно справедливо, именно в тундрах севера.

П е р ц о в. Господин Досужев, я очень хорошо понимаю моё ослепление; но войдите в моё положение, и вы поймёте все фибры души моей, которые подвигнули мою совесть действовать без зазрения. Имея возможность жить под покровом благодеяния моих родных, я оставил службу; но, хотя я и предался бездейственной и праздной жизни, всё-таки они не должны забывать, что я имею благородное звание, которое приобрёл на поприще службы.

Д о с у ж е в. Они и не забывают.

П е р ц о в. Да. Но, по их невежественному заблуждению, я не всегда имею достаточно финансовых средств для поддержки нашей фамилии, которую я облагородил. Я с некоторого времени лишился даже кредиту.

Д о с у ж е в. В Марьиной роще?

П е р ц о в. И в некоторых других заведениях. Я несколько раз обращался с требованием к моим родственникам, но, не видя для себя благоприятного результата, я решился...

Д о с у ж е в. Сделать фальшивый вексель.

П е р ц о в. Но ведь сестра заплатила по нём, значит, признала его.

Досужев. То-то и есть, что нет. Она его и не видала; я заплатил деньги и получил его с бланковою надписью.

Перцов. На что же он вам?

Досужев. Для редкости. Я такие вещи собираю.

Перцов. Никакой редкости нет, дело очень обыкновенное. Я очень хорошо знаю, что вы выкупили его на сестрины деньги; не захотите же вы требовать с неё в другой раз по этому векселю.

Досужев. А почём вы знаете? Может быть, придёт время, когда я и потребую?

Перцов. Но будет ли это благородно?

Досужев. Очень. Она в другой раз и не заплатит, а дело пойдёт прямо в уголовный суд.

Перцов. Господин Досужев, вы готовите новые испытания для суровой души моей; вы хотите, чтобы мой жалкий жребий находился в ваших руках...

Досужев. Может быть.

Перцов. Но для чего?

Досужев. Для того, чтобы изредка напоминать вам о тундрах севера.

Перцов. Но зачем же играть, как игрушкой, судьбой человека души непреклонной?

Досужев. Я вам скажу зачем. Вы страх и трепет для всей окрестности; вы наводите ужас на мирных обывателей; при одном вашем имени весь женский пол в нашей стороне приходит в содрогание; все извозчики от вас разъезжаются, все лавочники от вас разбегаются, как от чумы; из всякой малости вы заводите мамаево побоище.

Перцов. Я согласен, я жесток; но я караю только за неуважение.

Досужев. Вы караете тех, кто слабее вас и с кого взять нечего. А с богатыми людьми у вас другая политика: вы заводите ссору, лезете в драку да потом требуете за бесчестье.

Перцов. Моя личность, как благородного человека, ограждена законом против всяких превратностей, и я по праву требую бесчестье за оскорбление.

Досужев. Вот по этому-то случаю я, как сосед ваш, и хочу, для безопасности, иметь всегда под руками оружие на случай встречи с вами.

Перцов. Послушайте, господин Досужев, покроемте всё это дело покровом вечного забвения.

Досужев. То есть как же?

Перцов. Отдайте мне вексель!

Досужев. Нет, уж это зачем же!

Перцов. А если так, пусть он останется у вас; но, господин Досужев, бойтесь разорвать завесу, скрывающую эту тайну.

Досужев. Нет, уж лучше вы бойтесь меня!

Перцов. Не ожидал, господин Досужев, не ожидал. Но я надеюсь, что мы, как благородные люди, останемся друзьями. *(Протягивает Досужеву руку.)*

Досужев. Очень приятно.

Перцов. Честь имею кланяться. *(Уходит.)*

Досужев. Ишь ты, франт какой! Как же, отдам я тебе вексель, дожидайся! Я рад, что могу теперь безопасно по улицам ходить. Ты ведь разбойник известный!

Подходит Андрей Титыч.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Досужев и Андрей Титыч.

Досужев. А, милый друг! Андрюша, здравствуй!

Андрей Титыч *(кланяясь)*. Василью Митричу!

Досужев. Покурить хочешь?

Андрей Титыч. Пожалуйте папироску!

Досужев достаёт папиросы, закуривают.

Досужев. Куда, мой друг, стремительно спешишь?

Андрей Титыч. Маменька послали к тятеньке, они теперь в суде по делу, так чтоб домой вместе. А то, пожалуй, уедут куда с судейскими, да и загуляют. А если они загуляют-с, так уж лучше беги все из дому вон, потому такая война пойдёт дня на три, что хуже французского разорения. К тому же нынче маменька не пускали тятеньку в суд, потому нынче понедельник — тяжёлый день, а маменька этому очень веруют; ну, а тятенька не послушались, так маменька ещё больше боятся.

Досужев. Отчего ж ты пешком? Лошадей, что ли, у вас нет? Врёшь ты, должно быть. Не назначил ли здесь, в саду, какого свиданьишка?

Андрей Титыч. Нет-с, Василий Митрич, не до того-с! Я вам скажу, просто нет никакой возможности на свете жить,— вот что.

Досужев. Отец, что ли, свирепствует?

Андрей Титыч. Кому ж ещё! Известно, тятенька. И прежде тятенька были люты, а теперь уж и описать нельзя. До того дошли, что никаких себе границ не знают.

Досужев. Воюет, что ли, очень?

Андрей Титыч. Теперича в газетах про черкесов пишут, что они злые хищники и бунтовщики; так поверьте душе моей, что ни одному черкесу того не сделать, что тятенька могут.

Досужев. Что ж за причина такая?

Андрей Титыч. Всё насчёт моей женитьбы. Помыкают мной так, хуже чего быть не может. Повезут меня невесту смотреть, куда им вздумается, и сейчас там из-за приданого или из чего другого ссору заведут, крик подымут, так домой и уедут. Потом в другом месте то же самое. Вот теперь в Таганке: поверите ли, с матерью невесты два раза нехорошими словами ругались; поругаются, недели две не ездят,— потом опять помирятся. А уж я не то чтоб сказать что, а и дышать-то не смею. Невесты же, Василий Митрич, вот уж мы их никак восемь смотрели, все мне не по сердцу-с; только что одно телесное сложение, а больше ничего нет-с.

Досужев. Жаль, брат, мне тебя, Андрюша.

Андрей Титыч. И к тому же, по моим чувствам, мне теперь жениться никак невозможно-с.

Досужев. Отчего же?

Андрей Титыч. Я теперича оченно влюблён-с.

Досужев. Что ты?

Андрей Титыч. Уж это так точно-с.

Досужев. В кого же?

Андрей Титыч. Уж есть такая девушка-с.

Досужев. Как же это тебя догадало?

Андрей Титыч. Да разве долго-с? Один раз взглянул — и довольно-с.

Досужев. Ну, что ж, старайся, хлопочи!

Андрей Титыч. Хорошо вам разговаривать-то! Как тут хлопотать! Кабы я человек был, тогда другое дело; а то что я такое? Арестант какой-то, да ещё хуже. Свободы никакой не имею, выходу из дому нет.

Досужев. А из каких она?

Андрей Титыч. То есть вы насчёт моего предмета?

Досужев. Да, насчёт твоего предмета.

Андрей Титыч. Из купеческих, только не из богатых.

Досужев. Что ж, ты познакомился али одними взглядами пробавляешься?

Андрей Титыч. Оченно хорошо знакомы, даже у нас в доме бывают-с; только оченно неспособно дома разговаривать-с.

Досужев. Что ж ты, в любви объяснился?

Андрей Титыч. Да вам на что же-с? Собственно только для смеху-с?

Досужев. Ну, вот ещё!

Андрей Титыч. Уж я вас знаю-с. Да мне что ж! Смейтесь, пожалуй! Мы своё дело знаем.

Досужев. Ну, как же ты с ней объяснялся? Скажи, Андрюша, голубчик!

Андрей Титыч. А вот как-с! Были они у нас как-то с матерью в гостях, да и засиделись, так что уж смерклось почти. Вот старуха-то и говорит: «Как же мы так поздно пойдём?» А маменька им на это: «Да вот Андрюша вас проводит». А я этому делу и рад; сейчас шапку в руки и говорю: «С большим нашим удовольствием». Вот пошли-с, старуха сзади, а мы впереди-с. Только она меня и спрашивает: «Вы, говорит, любите шибко ездить?» Я говорю: «Это первое мое удовольствие».— «Я тоже, говорит, сама до смерти люблю. Хорошо бы, говорит, знать, что человек думает».— «А для чего же, говорю, вам знать-с?» — «А для того, говорит, что сейчас можно видеть, правду человек говорит или нет».— «А разве, говорю, так нельзя этого заметить?» — «Я, говорит, никогда не могу заметить, я всему верю, что мне говорят. Отчего, говорит, вы никогда к нам не зайдёте?» — «Оттого, говорю, что не своей волей живу».— «Вон, говорит, окошко, я всегда подле него сижу; вы каждый день мимо ездите, а никогда не взглянете; а я так не в вас, без того от окна не встану, чтобы не дождаться, как вы из городу проедете». Так меня эти слова за сердце и ухватили, а сказать ничего не умею. «Жаль мне вас, говорит, такой вы робкий».— «Я, говорю, очень робок-с». Тут мы подошли к дому, остановились, старуха прошла в калитку; а я сейчас оглянулся, вижу — на улице никого нет, не говоря худого слова, в охапку её, да и поцеловал-с.

Досужев. Ну и молодец!

Андрей Титыч. Она как прыгнет в калитку, и сейчас её захлопнула. Так мне стало совестно, лучше бы я, кажется, на этом самом месте сквозь землю провалился.

Досужев. Вот хвалю! Ты всегда, что ли, так?

Андрей Титыч. Да что про меня, дурака, и говорить-с! Одно слово, невежа в высшей степени, облом, как есть. Поленом бы меня в те поры хорошенько.

Досужев. Ну, как же ты после? Подыгрался опять, или всё ещё сердится?

Андрей Титыч. Всё сердится-с.

Досужев. Ты девичьему-то сердцу не очень верь.

Андрей Титыч. Разве я не знаю-с; да эта девушка-то другой сорт-с. Всем нашим барышням, которые даже и в пансионе воспитывались, до неё далеко. Я хоша и дурак, а вижу.

Досужев. Ну, твоё счастье! Что ж, неужели ты так и бросил своё волокитство?

Андрей Титыч. Эх, Василий Митрич! Уж так и быть, всю вам истинную правду расскажу. Вот проходит неделя, мучусь я совестью через своё невежество, а идти к ним боюсь. Проходит другая, третья; да уж и сам не знаю, как-то осмелился: дай, думаю, пойду. Что ни будет, то будет.

Досужев. Разумеется.

Андрей Титыч. Прихожу я к ним, она одна сидит, работает. Взглянула на меня-с, и вдруг у ней в одну минуту слёзы на глазах-с. Начал я извинения просить в своём собственном невежестве, а она мне на мои извинения ничего не говорит, а твердит только одно: «Что ж вы не приходили? Что ж вы не приходили? Значит, это была только шалость с вашей стороны?» Я опять даже со слезами начинаю её просить-с: «Вы, говорю, только меня простите, а уж я вперёд, говорю, никогда не осмелюсь». Она взглянула на меня и засмеялась: «В чём, говорит, простить-то! Грех-то небольшой». А у самой, гляжу, опять слёзы на глазах. Тут мать вошла, я за шапку да домой. Что же это такое, Василий Митрич?

Досужев. Известно что. Значит, она тебя любит. Надо с тебя магарыч.

Андрей Титыч. За этим дело не станет-с. Только прихожу я домой-с, хочу ей самое жестокое письмо написать, а тятенька вдруг

ко мне: «Что, говорит, ты шляешься, как саврас без узды! Собирайся, говорит, ехать невесту смотреть!» Как тут жить!

Досужев. Что делать-то! Терпи, казак, атаман будешь! Что ж, ты послал письмо?

Андрей Титыч. Послал-с.

Досужев. Что же ты написал? Ну, сделай милость, Андрюша, скажи!

Андрей Титыч. Все чувства свои выразил, какие только есть. Три дни писал. И в конце пишу, чтобы она мне на ответ написала, где я могу её видеть и когда, и чтобы никого при том не было, и что если мне будет в этом отказ, то я могу себя потерять через это, и она будет за меня Богу отвечать. Это письмо я вчера отдал нашей девушке и сейчас же ответ получил. Я вас давеча обманул немного-с. Пишет, что она пойдёт в город, и чтобы я сегодня утром был в Кремлёвском саду, здесь мы и можем видеться.

Досужев. Значит, ты в суд не пойдёшь?

Андрей Титыч. В суд само собой-с. Да ведь ещё теперь рано-с.

Досужев. Ведь отец твой сам ничего не смыслит, кто же вам дела стряпает?

Андрей Титыч. Был Сахар Сахарыч, да его теперича за безобразие прогнали; а теперь у нас умнейший человек: Харлампий Гаврилыч Мудров.

Досужев. Да, дурак известный. Его лет тридцать тому назад из управы за взятки выгнали. И дела ничего не знает, он только те законы и помнит, которые при нём были. Даром деньги берёт. А ты скажи отцу про меня; я и лучше сделаю, и возьму дешевле.

Андрей Титыч. Хорошо-с. У нас ведь всё больше дела по тятенькиному буйству-с. Уж вы, Василий Митрич, меня оставьте, а то нам будет совестно вас.

Досужев. Что дашь?

Андрей Титыч. Что угодно-с.

Досужев. Обедом угостишь с шампанским?

Андрей Титыч. Да помилуйте! Нешто об этом какой разговор быть может-с! Вон они идут-с.

Досужев. Ну, так я в гроте тебя подожду. *(Уходит в грот.)*

Входят Александра Петровна Круглова и девушка.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Андрей Титыч и Александра Петровна.

Андрей Титыч *(кланяясь)*. Наше вам почтение-с!

Александра Петровна. Здравствуйте!

Андрей Титыч. Чему это приписать-с?

Александра Петровна. Что приписать?

Андрей Титыч. Ваше снисхождение-с.

Александра Петровна. Вы такое письмо написали, что я не могла не прийти. Вы пишете, что можете себя потерять.

Андрей Титыч. Это так точно-с.

Александра Петровна. Что же это значит, что вы себя потеряете? Как же вы себя потеряете?

Андрей Титыч. Оченно просто-с. Сделать загул хороший, да так всю жизнь этим делом и заниматься-с.

Александра Петровна. Что это вы говорите! Это слушать страшно.

Андрей Титыч. С горя-то что-нибудь сделаешь над собой. Жизнь-то моя вам известна. Дома всё одно что в остроге, знакомства хорошего по своему образованию не имею, любить меня за моё невежество никто не соглашается; а ещё, пожалуй, женят на уроде. Какая это жизнь! Только одно и остаётся, что запить-с. Да ведь это я вам говорю кроме всяких шуток-с. Вы сами изволите видеть, у вас примеры на глазах. Может быть, не одна сотня нашего брата, очень хороших людей, таким манером погибла. Значит, и мне не уйти своей судьбы, потому что я не лучше других.

Александра Петровна *(тихо)*. Чем же я могу помочь вам?

Андрей Титыч. Какая помощь-с! Никто меня из этого омута не вырвет, разве только одна могила.

Александра Петровна *(ласково)*. Что же вам нужно от меня?

Андрей Титыч. Я только хотел знать насчёт ваших чувств-с.

Александра Петровна. Да что же вам до моих чувств? Ведь вам жениться на мне не позволят.

Андрей Титыч. Хоша и не позволят-с, всё-таки я буду знать, что хоть один человек на свете меня любит. Да при всём том, уж я тогда тятеньке про всё скажу прямо, как отрежу, пущай хоть убьёт. Да и маменьку заставлю, так и будем к нему приставать; побьётся, побьётся, да, может, и сжалится. Много я всякой муки натерплюсь, да уж по крайности...

Александра Петровна. Если я и выду за вас, каково мне будет жить в вашей семье!

Андрей Титыч. Нет, уж тогда чтобы врознь-с. Я уж тогда буду женатый, значит, могу больше разговаривать. Теперь меня за человека не считают, собственно потому, что холостой, а тогда совсем другое дело-с.

Александра Петровна. Ну, что же мне вам сказать на это?

Андрей Титыч. Что чувствуете, то и скажите. Теперь я весь в ваших руках. Через вас только я и могу быть человеком; а то я чувствую сам в себе, что таких делов могу наделать, что чертям будет тошно. Со мной то делается, чего никогда не бывало: отчаянность какая-то стала находить-с. Так вот кинулся бы на народ, да и грыз всех зубами. А ежели в этаком разе да запить, так ведь каких крамболей наделать можно! Ума помрачение! Теперича я скромный-с, а ежели только начать, так я чувствую, что во мне вся тятенькина натура покажется.

Александра Петровна. Ах, какой вы, Андрей Титыч! Да разве вы не видите, что я вас давно люблю!

Андрей Титыч. Ежели это так точно, как вы говорите, значит, счастливее меня человека нет. Я так о себе понимаю.

Александра Петровна. Ну, и слава богу! Я и очень рада.

Андрей Титыч. Теперь уж я ваш по гроб жизни...

Александра Петровна. Нехорошо здесь разговаривать-то, народу очень много; а вы лучше приходите ужо к нам.

Андрей Титыч. Коли урвусь, так непременно-с.

Александра Петровна. Ну, прощайте! *(Шёпотом.)* Миленький мой!

Андрей Титыч. Эх! Надо бы ручку поцеловать-с, да народ.

Александра Петровна. Теперь уж ручку! Испугался!

Андрей Титыч. Школить надо нашего брата, так мы будем обращение понимать; а мало-мальски слободно пустить, так ведь для нас границ нет. До приятного свидания-с.

Александра Петровна и девушка уходят. Досужев выходит из грота.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Андрей Титыч и Досужев.

Досужев. Ну, что, приладил дело?

Андрей Титыч. Приладил-с. Теперича какое прикажете угощение, всякое можем. Я полагаю, нам к Гурину идти-с. Теперича я так

рад, что меня даже опасно одного оставлять-с, как бы я от радости какого-нибудь колена не выкинул!

Досужев. А ты порядку не теряй! Держи себя в струне!

Андрей Титыч. Хорошо вам разговаривать-то! Вас, может быть, женщины любили, так для вас это ничего; а ведь меня в первый раз в жизни-с. Пожалуйте к Гурину-с.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЛИЦА

ТИТ ТИТЫЧ БРУСКОВ, *богатый купец.*
НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, *жена его.*
АНДРЕЙ ТИТЫЧ, *сын их.*
ХАРЛАМПИЙ ГАВРИЛЫЧ МУДРОВ, *стряпчий, пожилой человек, очень важного вида; качает головой и грустно улыбается.*
НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА КРУГЛОВА, *купчиха.*
АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА, *её дочь.*
ЛУША, *горничная девушка.*

Гостиная в доме Брусковых.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Луша и Наталья Никаноровна Круглова (входят).

Луша. Вы из саду, Наталья Никаноровна?

Наталья Никаноровна. Из саду.

Луша. Сама-то идёт тоже?

Наталья Никаноровна. Да, сейчас за мной.

Луша. Так надо велеть самовар ставить.

Наталья Никаноровна. Она уж приказала. Что это, девушка, ваши хозяева-то какие скучные, какая тоска с ними?

Луша. Уж и не говорите! Такое-то постылое житьё, не накажи господи!

Наталья Никаноровна. Диви б денег не было, а то с такими-то деньгами, да всё думают о чём-то, да сокрушаются. Мы с дочкой люди небогатые, а не в пример веселее вашего живём. А будь-ко у меня деньги...

Луша. Уж какая у вас дочка красавица! Вот бы нашему Андрею Титычу.

Наталья Никаноровна. Что ж мне, набиваться, что ли, коли не хотят? Как же, была оказия! Да она к вашей жизни и не привыкнет:

у нас каждый день веселье, а здесь точно хоронят кого. Я и постарше её, да, кажется, с тоски бы пропала. Мы живём не по-вашему: у нас, что ни день, либо мы в гостях, либо у нас гости, а то так за город. Я так рассуждаю, милая: ученье наше было на медные деньги; как образованные люди живут, мы жить не можем; а денег-то на наш век хватит; по крайности, мы хоть весело поживём.

Л у ш а. Пойти чай готовить! Никак сама идёт. *(Уходит.)*

Входят Мудров и Настасья Панкратьевна.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Мудров, Настасья Панкратьевна и Наталья Никаноровна.

Настасья Панкратьевна. Что это Кит Китыч не едет! У меня сердце не на месте. Присядьте, любезные гости!

Мудров. Присядем-с, присядем-с. Отчего не присесть. Ох-ох-ох! Грехи наши тяжкие!

Садятся.

Настасья Панкратьевна. Тяжкие, батюшка, тяжкие! *(Наталье Никаноровне.)* Да где ж дочка-то ваша?

Наталья Никаноровна. Да, чай, в саду гуляет.

Настасья Панкратьевна. Ну, пущай гуляет.

Наталья Никаноровна. Что ей с нами-то делать! Что мы ей за компания! Разговоры наши слушать скучно.

Настасья Панкратьевна. Скучно, матушка, скучно. Уж посидите вы у меня, бога ради, подождёмте вместе Кит Китыча. Всё как-то при людях лучше, а то одной-то мне страшно.

Молчание.

Так вот, Урлапий Гаврилыч, я и говорю...

Мудров. Харлампий, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Да, Харлапий Гаврилыч! Так вот я и говорю: тяжело на свете-то жить! Уж как тяжело!

Мудров. Да, не легко-с, не легко-с.

Настасья Панкратьевна. Особенно, кому с большими деньгами.

Наталья Никаноровна. Ну, ещё с деньгами-то стерпеть можно, вот без денег так плохо.

Настасья Панкратьевна. Как это можно! Какое сравнение! Без денег не в пример легче жить. Без денег-то какая забота! Только б был сыт, вот и всё.

Наталья Никаноровна. А с деньгами-то что? Только что причуд больше.

Настасья Панкратьевна. Как это вы говорите! Да деньги-то что такое? Ведь деньги-то — кандалы!

Мудров. Ох, кандалы, сударыня, кандалы!

Настасья Панкратьевна. Ежели теперь у нас очень много денег, значит, мы должны жить точно так, как другие прочие богатые люди живут, а то нас всякий осудить может. Значит, уж я никакого удовольствия с деньгами не могу себе иметь, а должна только смотреть, даже до всякой малости, как у других, чтобы всё так точно, и сама потрафлять. А не сделай я так точно, так ведь меня засмеют. А как это тяжело, особенно в летах! Ну их, эти деньги проклятые! Я и глядеть-то на них боюсь. Мне один странник сказывал, что ежели часто смотреть на них, так от этого сердце ожесточается.

Наталья Никаноровна. Без денег-то скорее ожесточится.

Настасья Панкратьевна. Уж вы, Наталья Никаноровна, не спорьте! Уж странник знает, что говорит. Значит, он в каких-нибудь книгах читал. Урлапий Гаврилыч...

Мудров. Харлампий, сударыня...

Настасья Панкратьевна. Уж извините, батюшка, всё сбиваюсь. Язык-то один, приболтается. Скажите, Харлапий Гаврилыч, есть такие книги?

Мудров. Книги? *(Вздыхает.)* Книги-с? Книги всякие есть-с.

Настасья Панкратьевна. Вот бы почитать когда!

Мудров. Книги всякие есть-с, да не всякие читать нужно.

Настасья Панкратьевна. Каких же это книг читать не нужно?

Мудров. Светских-с. Светских книг нетвёрдым умам читать нельзя-с.

Настасья Панкратьевна. Какие же такие светские книги? Это что гражданскими словами написано?

Мудров. Не в том сила, сударыня; а надо знать, какой дух в книге.

Настасья Панкратьевна. А как её узнаешь, какой в ней дух?

Мудров. Я знаю-с. Другой не знает, а я знаю, какой дух. Вот поэтому-то нетвёрдым умам и нельзя всякую книгу читать, а надо

спроситься. Я могу, я читаю, я всякую книгу читаю. Я читаю, а сам не верю тому, что написано; какие бы мне документы ни приводили, я не верю; хоть будь там написано, что дважды два — четыре, я не верю, потому что я твёрд умом.

Настасья Панкратьевна. Зачем же пишут такие книги, которые читать нельзя?

Мудров. От заблуждения; совратились.

Настасья Панкратьевна. Совратились, батюшка, совратились.

Мудров. Вот хоть нынешние так называемые романы! Не то что молодого человека, но даже и старца многолетнего могут в соблазн ввести.

Наталья Никаноровна. Какой там соблазн: просто сказки. Есть весёлые, есть скучные.

Мудров. Какой соблазн-с? А вот какой соблазн: в этих сказках любовь человеческая изображается для взоров в привлекательном виде.

Наталья Никаноровна. Ну, так что ж за беда?

Настасья Панкратьевна. Уж нам этих книг не читать. Вот хороших-то бы книг почитала. Только вот... Как вас, батюшка?

Мудров. Харлампий Гаврилыч.

Настасья Панкратьевна. Только вот, Харлапий Гаврилыч, в хороших-то книгах очень нехорошо про богатство пишут.

Мудров. Да, не одобряют-с, очень не одобряют-с.

Настасья Панкратьевна. Вот оно и страшно такие книги-то читать.

Наталья Никаноровна. Да лучше не читать никаких, меньше думается.

Настасья Панкратьевна. От думы-то ведь тоже вред человеку.

Мудров. Дума разная бывает-с, разная.

Настасья Панкратьевна. Да какая хочешь дума, всё человек худеет от неё; уж на нём того тела нет. Вот я ещё мудрёных слов боюсь.

Мудров. Да, есть слова, есть-с. В них, сударыня, таинственный смысел сокрыт, и сокрыт так глубоко, что слабому уму-с...

Настасья Панкратьевна. Вот этих-то слов я, должно быть, и боюсь. Бог его знает, что оно значит, а слушать-то страшно.

Мудров. Вот, например-с...

Настасья Панкратьевна. Ох, уж не говорите лучше, право, я всегда себя после как-то нехорошо чувствую.

Наталья Никаноровна. Нет, что ж, пускай говорит; интересно послушать.

Настасья Панкратьевна. Разве уж одно словечко какое, а то, право, страшно.

Мудров. Вот, например, металл! Что-с? Каково слово! Сколько в нём смыслов! Говорят: «презренный металл!» Это одно значит; потом говорят: «металл звенящий».— «Глагол времён, металла звон». Это значит, сударыня, каждая секунда приближает нас ко гробу. И колокол тоже металл. А то есть ещё благородные металлы...

Настасья Панкратьевна. Ну, будет, батюшка, будет. Не тревожьте вы меня! Разуму у меня немного, сообразить я ваших слов не могу; мне целый день и будет представляться.

Мудров. Вот тоже я недавно в одном сочинении читал, хотя и светского писателя, но достойного уважения. Обаче, говорит...

Настасья Панкратьевна. Оставьте, я вас прошу. Уж я такая робкая, право, ни на что непохоже. Вот тоже, как услышу я слово «жупел», так руки-ноги и затрясутся.

Мудров. Да, есть словечки, есть-с. Вот тоже...

Настасья Панкратьевна. Батюшка, оставьте! Убедительно я вас прошу. Конечно, все мы смертны; разве кто спорит! Ну, там уж после будь что будет. Что ж теперь заживо-то такие страсти слушать.

Наталья Никаноровна. И в самом деле, что за разговор завели!

Настасья Панкратьевна. Давно я сбираюсь, хочется мне об жизни поговорить с каким-нибудь умным человеком.

Наталья Никаноровна. А что такое об жизни-то?

Настасья Панкратьевна. Да как жить на свете?

Наталья Никаноровна. И жить так, как жили. Слава богу, лет до шестидесяти прожили, теперь не переучиваться стать.

Настасья Панкратьевна. Да разве мы так живём, как человеку указано! Вот так бы жить, чтобы всё исполнять.

Наталья Никаноровна. Уж я не знаю, что ещё исполнять.

Мудров. Много нужно, сударыня, ох, как много!

Настасья Панкратьевна. Возьмём хоть то: знаем ли мы, в какие дни что нужно делать?

Наталья Никаноровна. Что тут знать-то! Какое дело есть, то и делай!

Настасья Панкратьевна. Ну, нет, матушка! Кто поумней-то нас, какое ни будь у него необходимое дело, а в понедельник не начнёт. А мы не исполняем.

Наталья Никаноровна. Вздор, я думаю.

Настасья Панкратьевна. Какой вздор! Кабы не было примеров; а то примеры были. Как вы скажете, Урла...

Мудров. Харлампий.

Настасья Панкратьевна. Да, Харлапий Гаврилыч. Как вы скажете?

Мудров. На это, сударыня, принуждения нет. Всякому отдано на волю: кто не верит, не верь; а кто верит, и тому благо.

Настасья Панкратьевна. Вот, Кит Китыча не уговоришь никак. А уж сколько я раз замечала, как он в понедельник за каким важным делом выедет из дому, так либо пьяный приедет, либо безобразие какое уж непременно сделает.

Наталья Никаноровна. Чай, ведь и в другие дни тоже?

Настасья Панкратьевна. Всё как-то пореже. Вот теперь важное дело в суде, а он поехал сегодня, не разбирает того, что нынче понедельник.

Мудров. Да ведь сегодня срок, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Да что ж такое, что срок! Дело-то не медведь, в лес не уйдёт. К чему торопиться-то! В суде-то тоже не басурманы сидят, а не хотят того понять, каково мне дома-то сидеть, дожидаться-то его! Уж я к нему Андрюшу послала, чтобы сейчас же его и тащил домой.

Наталья Никаноровна. Вы уж Андрюшу-то своего заговорили совсем.

Настасья Панкратьевна. Да разве я, всё отец. Сраму-то что делает! По всей Москве возит невест смотреть. Нигде на него не угодят.

Наталья Никаноровна. Дали бы вы Андрюше дело какое, да и оставили б в покое, пусть себе занимается.

Настасья Панкратьевна. Кит Китыч и хотел было, да опять передумал: прежде, говорит, женить надо.

Наталья Никаноровна. Вот вы умный человек считаетесь, Харлампий Гаврилыч, вы бы и поговорили Тит Титычу.

Настасья Панкратьевна. И в самом деле, поговорили бы; а то, что он над сыном-то издевается. Вы теперь Кит Китычу первый друг; может, он вас и послушает.

Мудров. Вот ещё! Нужно мне очень! Да хоть он съешь сына живого, мне всё равно. Я даю советы, сударыня, по делам юридическим, и то не даром, а получаю за то вознаграждение.

Наталья Никаноровна. За кляузные дела. То-то, видно, вы умны-то только с нами разговаривать.

Входит Александра Петровна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Александра Петровна.

Александра Петровна. Кто-то подъехал к воротам. *(Смотрит в окно.)*

Настасья Панкратьевна. Ах, батюшки! Побежать встретить.

Александра Петровна. Один Андрей Титыч, на извозчике, с ним нет никого.

Настасья Панкратьевна. Что ж это такое значит? Ума не приложу.

Наталья Никаноровна. А вот, войдёт — расскажет.

Настасья Панкратьевна. Батюшки! Ну, как грех какой, сохрани господи! Уж жив ли Кит Китыч-то!

Наталья Никаноровна. Да что вы сокрушаетесь! Должно быть, Тит Титыч послал его вперёд; вот и всё.

Андрей Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Андрей Титыч.

Андрей Титыч *(раскланиваясь)*. Маменька, беда!

Настасья Панкратьевна. Жив ли, жив ли, ты мне скажи!

Андрей Титыч. Да тятенька ничего, слава богу-с.

Настасья Панкратьевна. Загулял?

Андрей Титыч. Загуляли-с. И таких делов наделали, что страшно сказать!

Настасья Панкратьевна. Да уж говори, что там такое!

Андрей Титыч. Тятенька барина прибили-с.

Настасья Панкратьевна. Какого барина?

Андрей Титыч. Не знаю-с, только барин настоящий.

Настасья Панкратьевна. Вот он понедельник-то! Даром не прошёл! Говорила ведь я ему, говорила!

Мудров *(надевая очки)*. Потрудитесь, молодой человек, изложить нам подробно обстоятельства дела.

Андрей Титыч. Вот-с прихожу я в суд, а у них уж всё дело кончено. Тятенька отобрали из судейских человек шесть и повели их в трактир обедом потчевать-с. Пообедали честь честью-с, выпили они, сколько им следует; потом наняли судейским извозчиков, а я с тятенькой на своих и поехали в Марьину рощу-с. Всё бы это ничего-с; только тятенька в Марьиной роще встретили знакомую компанию-с; человека четыре подрядчиков какие-то магарычи запивают-с. Тут уж и пошло-с! Шампанского сразу ящик потребовали; цыганок петь заставили.

Настасья Панкратьевна. Всё это в порядке, дело очень обыкновенное.

Андрей Титыч. Да и всё хорошо было-с, и тятенька были очень веселы; только уж, конечно, понять разговору было нельзя, потому все вместе вдруг говорили. И догадало ж кого-то из судейских качать тятеньку! Только взяли его на руки, качали-качали, да и уронили.

Настасья Панкратьевна. Больно ушибли то?

Андрей Титыч. Ушибить-то не ушибли, только уж очень тятенька в сердце вошёл. Обозвали всех как нельзя хуже... А тут, ещё прежде, какой-то барин всё вертелся, с разговорами приставал ко всем, вино наше пил; уж очень ему хотелось в компанию втереться. Уж его не один раз мы и гоняли от себя, а он всё лезет. Да под сердитую-то руку и наскочил на тятеньку; а тятенька уж известно, много разговаривать не станут: должно быть, его раза два и ударили.

Мудров. Ну, а он сейчас свидетелей?

Андрей Титыч. Так точно-с. Судиться хочет с тятенькой.

Настасья Панкратьевна. Что ж моему будет за это? Вы, батюшка, дела-то знаете.

Мудров *(снимает очки)*. Как дело пойдёт, сударыня. Коли на мировую, так деньгами только отделается.

Настасья Панкратьевна. А как цена-то, батюшка, за это?

Мудров. Разная, сударыня; глядя по человеку.

Настасья Панкратьевна. Уж вы похлопочите!

Мудров. Да было бы из чего хлопотать-то, сударыня. Мы тоже не воздухом питаемся. Может быть, и дело-то грошовое, на пятидесяти рублях сойдутся. Не велика мне корысть.

Андрей Титыч. Ну, нет, пятидесяти рублей барин не возьмёт-с.

Мудров. Разве уж был разговор?

Андрей Титыч. Был-с.

Мудров. Много ли же он просит?

Андрей Титыч. Триста тысяч.

Настасья Панкратьевна. Батюшки! Да где же вдруг этаких денег взять!

Мудров *(встаёт)*. Триста тысяч? Ну, вот это дело хорошее.

Настасья Панкратьевна. Что ж тут хорошего?

Мудров. Для меня, сударыня, хорошее, собственно для меня. Давно я такого дела дожидаюсь.

Настасья Панкратьевна. Да вам-то что тут интересного?

Мудров. Большие деньги возьму, сударыня, большие деньги.

Настасья Панкратьевна. С кого же это? С Кит Китыча?

Мудров. Да, сударыня, с Тит Титыча. Всё, что только можно взять, всё и возьму.

Настасья Панкратьевна. И вам это не совестно, Урлап Гаврилыч?

Мудров. Харлампий, сударыня.

Настасья Панкратьевна. Ну, всё равно.

Мудров. Вот ещё! Чего тут совеститься, сударыня? Мы тем живём. Да я дурак буду, если с него мало возьму. Он сам после смеяться станет. Такие-то дела у нас не каждый день. Всякий от своих трудов питается.

Настасья Панкратьевна. А ещё друг называешься!

Мудров *(ходит в волнении)*. Да меня надо бить палкой, если я с него мало возьму. С кого ж и взять!

Настасья Панкратьевна. Так и грабить!

Мудров. Не грабить, а сам отдаст. Своими руками вынет из кармана и отдаст. Мне самому его жаль, да что ж делать, сударыня. Не попадайся! А попался, так платись. Наше дело всё равно, что игра, тут жалости нет; можно рубашку снять, так снимем.

Настасья Панкратьевна. Этак мы и другого стряпчего найдём.

Мудров. Ищите, сударыня, ваша воля. Про меня говорят, что во мне человечества мало, а в других ещё меньше.

Настасья Панкратьевна *(сыну)*. Ты что ж приехал один, не подождал отца-то?

Андрей Титыч. Тятенька меня прогнали-с. Они и сами, я думаю, сейчас будут; потому что вся компания разошлась.

Луша входит.

Луша. Чай готов-с.

Настасья Панкратьевна. Пожалуйте.

Наталья Никаноровна. Да уж нам бы пора.

Настасья Панкратьевна. По чашечке выкушаете и пойдёте, а без чаю не пущу.

Уходят Настасья Панкратьевна, Наталья Никаноровна, Мудров и Луша.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Александра Петровна и Андрей Титыч.

Андрей Титыч. Александра Петровна-с!

Александра Петровна *(подходит к нему)*. Что?

Андрей Титыч. Наше дело в ход пошло.

Александра Петровна. Неужели?

Андрей Титыч. Сейчас умереть. Только бы вот эта история не помешала.

Александра Петровна. Как же это случилось?

Андрей Титыч. Уж и сам я не знаю, как я такую смелость взял на себя. Поехали мы с тятенькой из трактиру, вижу, он весел, я ему и говорю: «Что ж это за несчастие моё, что невест подходящих нет для меня».— «Вот поди ж ты!» — говорит. «Не далеко ли, говорю, мы, тятенька, ищем? Нам бы где поближе кругом себя поискать, нет ли на нашу руку!» Он как взглянет на меня, да как крикнет: «Ты, говорит, мошенник, должно быть, уж высмотрел? Сказывай сейчас: высмотрел?» Я думаю: что робей, то хуже. «Высмотрел»,— говорю. «Сейчас, говорит, сказывай: какая такая?» — «Александра Петровна Круглова»,— говорю.

Александра Петровна. Неужели?

Андрей Титыч. Провалиться на этом месте! «Да у них, говорит, денег немного».— «Немного»,— говорю. «А тебе, говорит, больно много нужно! Молчи, говорит, не смей разговаривать! А она пойдёт за тебя?» — «Отчего, говорю, не пойти».— «Ну, говорит, и шабаш, и чтоб скорее! Потому женить тебя давно пора. А деньги, говорит, я дам. Мне, говорит, нынче много в суде отсудили; я их уж давно

пропащими считал, значит, всё равно что на улице нашёл. Вот вам на раззавод».

Александра Петровна. Ну, вот, значит, мы и закутим.

Андрей Титыч. Страсти, что наделаем! Начал потом он мне наставления читать. «Кабы, говорит, не отцы да не матери, что б вы на свете были? Вот не жени мы тебя, ты будешь пьянствовать, потом станешь воровать; а нам с матерью сокрушение сердечное, потому мы за тебя должны Богу ответ дать». *(Обнимает Александру Петровну.)*

Александра Петровна *(отходит)*. Андрей Титыч, вы опять!

Андрей Титыч. Да ведь уж теперь мы почти что свои.

Александра Петровна. Ну, ещё когда будем. *(Подходит к нему.)*

Андрей Титыч. «Что, говорит, ты по Москве-то собак гоняешь! Бегаешь ты, как саврас без узды!» *(Обнимает и целует.)*

Александра Петровна *(с неудовольствием)*. Андрюша!

Андрей Титыч. «Какой же, я говорю, саврас?» — «А ты, говорит, молчи; это тебе, дураку, на пользу». *(Опять обнимает.)*

Александра Петровна *(с сердцем)*. Андрюшка!

Наталья Никаноровна *(за сценой)*. Саша!

Александра Петровна. Вон, слышишь? Что!

Андрей Титыч. Ну, что ж такое!

Наталья Никаноровна *(за сценой)*. Саша, ступай чай пить!

Александра Петровна. Я, маменька, не хочу. *(Подходит к Андрею Титычу.)* Какой ты! Ну, как кто войдёт!

Андрей Титыч. Да ведь я, Сашенька, смотрю в дверь-то. Неужто ж я...

Александра Петровна *(подвигаясь к нему)*. Ну?

Андрей Титыч. Ну, и всё. *(Целует её.)*

Александра Петровна. Когда ты женишься, чтоб лошади были у нас хорошие.

Андрей Титыч. Ещё бы! Само собою. *(Обнимает её.)*

Александра Петровна. Знаешь что? Я очень соболь люблю. Да ты смотри в дверь-то!

Андрей Титыч. Да смотрю, смотрю.

Александра Петровна. Как красиво выехать на хорошей-то лошади в соболях! Сошью себе шубу бархатную.

Андрей Титыч. Малиновую.

Александра Петровна. Малиновую? Эх ты! Вот вкус!

Андрей Титыч. Да какую хочешь, нешто мне не всё равно.

Александра Петровна. Чёрную.

Наталья Никаноровна *(за сценой)*. Саша!

Александра Петровна *(взглянув в дверь)*. Кажется, маменька-то домой сбирается. Так и есть.

Андрей Титыч *(взглянув в окно)*. Да и тятенька приехал.

Александра Петровна. Ну, прощай!

Андрей Титыч. Прощай!

Целуются.

Не сегодня, так завтра непременно забегу.

Александра Петровна уходит, Андрей Титыч одёргивается, делает скромную физиономию и становится у двери. Входят Тит Титыч, Мудров и Настасья Панкратьевна.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тит Титыч, Мудров, Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч.

Тит Титыч *(садится; молчание)*. Слышали?

Мудров. Слышали, брат, слышали.

Молчание.

Тит Титыч. Куда меня решат?

Молчание.

Эй, ты, ябеда! Что ж ты молчишь? С тобой говорят аль нет! Говори, не испугаюсь. Поделом мне, окаянному!

Молчание.

Что ты молчишь, что глаза-то вытаращил?

Мудров. Много ты денег заплатишь!

Тит Титыч. А ты хлопочи! Ты от меня пользуешься, ты и должен... стараться.

Мудров. Много ты денег заплатишь!

Тит Титыч. Не твоё дело! Ты, знай, пиши кляузы! Вот и всё.

Мудров. Нет уж, теперь нам с тобой кляуз не писать; а на нас писать будут.

Тит Титыч. А ты им на ответ строчи.

Мудров. Что?

Тит Титыч. Пиши, что будто я... в исступлении ума.

Мудров. В исступлении ума? Ну, на цепь.

Тит Титыч. Как так на цепь?

Мудров. Так, на цепь. Для предупреждения, чтоб ты кого до смерти не убил.

Тит Титыч. Нет, этого не надо. Ты пиши, что я... в здравом рассудке.

Мудров. А в здравом рассудке, так в смирительный дом.

Тит Титыч. Ну, так делай, что знаешь: ты за это деньги берёшь.

Мудров. Одно дело теперь — скрываться.

Тит Титыч. Скрываться?

Мудров. Во всяком деле это первое. Ты рассуди умом: если за тобой зверь лютый или сильный враг погонится, ведь ты скрываешься?

Тит Титыч. Скрываюсь.

Мудров. Ну, так и это. Должен ли ты много, беду ли какую сделал, значит тебя ищут, преследуют. Неужели ты так прямо и пойдёшь: вот, дескать, я, берите меня. Твоя натура заставляет тебя скрываться, закон самосохранения.

Тит Титыч. Разве есть такой закон?

Мудров. Есть... Вот ты и едешь, например, в Подольск, а из Подольска в Москву, а из Москвы в Звенигород, а из Звенигорода опять в Москву. Пишут об тебе в подольскую полицию,— она отвечает, что выехал в Москву; пишут в московскую,— она отвечает, что выехал в Звенигород. Так ты и езди, сколько хочешь. Надоест тебя искать-то.

Тит Титыч. Это верно, точно, что надоест.

Мудров. А тут родственники со стороны сделочку предложат или на мировую; так дело-то пустяками и кончится.

Тит Титыч. Это точно. Куда ж теперь мне скрываться?

Мудров. Ступай ложись в тарантас; вели лошадей заложить, да и поезжай в Косино́, из Косина на Угре́шу, потом в Берлюки́. Как Москвой поедешь, так вели себя закрыть.

Тит Титыч. И уж не выглядывать?

Мудров. Уж не выглядывай! А мы здесь за тебя отписываться станем.

Тит Титыч. Только ты, смотри, пиши хорошенько

Мудров. Да денег мне на расходы оставь!

Тит Титыч. Ишь ты, крапивное семя! А много ль тебе денег?

Мудров. Тысяч пять.

Тит Титыч. Гоните его вон!

Мудров. Ведь с тебя триста просят.

Тит Титыч. Гоните его, говорю я вам! Пошёл вон! Я и без тебя помирюсь.

Мудров. Ну, уж это шалишь! Ты будешь драться, да потом сам мириться; а я ни при чём, я своих доходов должен лишиться! Нет, брат! Я не дам помириться, я разобью.

Тит Титыч. Гоните его вон сейчас!

Мудров. Я пойду. Только если ты опять пришлёшь за мной, так десять заплатишь. *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тит Титыч, Настасья Панкратьевна и Андрей Титыч.

Тит Титыч. Вот до чего я дожил. Видите вы это? Вот вы и ка́знитесь! Вот, глядите на меня, и ка́знитесь! А всё через кого? Через вас. Вот вырастил сына,— ещё жениться хочет, дурак! — а какая мне от него теперь помощь!

Андрей Титыч. Вы сами, тятенька, желали, чтоб я женился на Александре Петровне.

Тит Титыч. Ты разговаривать! Ты разговаривать стал! Ты и дышать не смей! А то я такую женитьбу задам! Этакое несчастие в доме, а ты жениться! Мы, может быть, нищие будем, а ты жениться! Вот дыхни ещё раз!

Настасья Панкратьевна. Что ты, что ты, Андрюша! Этакое в доме несчастие, а ты жениться!

Андрей Титыч. Маменька, молчите! Бог с вами, тятенька! Вы меня навек несчастным хотите сделать, так вы за это Богу ответите. Что я вам, на мытарство, что ли, достался? Что ж мне, на Каменный мост бежать? Руки на себя наложить, что ли? А я вам сын всегда был и есть такой, как должно-с. Это я вам на деле докажу. Я вам достану человека, который вас из беды выручит. А если не он, так никто. А за мои слёзы вам Бог заплатит. *(Убегает.)*

Луша входит.

Тит Титыч. Держи его! Как он может! Вот вернись ты только! Ведите меня в тарантас.

Настасья Панкратьевна и Луша берут его за руки и ведут.

Настасья! Коли ежели кто с красным воротником, так сейчас ему говорите, что уехал из Москвы. *(Уходит.)*

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЛИЦА

ТИТ ТИТЫЧ.
НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.
АНДРЕЙ ТИТЫЧ.
ДОСУЖЕВ.
ПЕРЦОВ.
ЛУША.
НЕИЗВЕСТНЫЙ, *в мундирном сюртуке, застёгнут на все пуговицы, на фуражке кокарда, в руке свёрток бумаг.*

Комната второго действия.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Настасья Панкратьевна и Луша (у окна).

Настасья Панкратьевна. Вот страсти-то! Вот и сиди да трясись! Луша, гляди хорошенько!

Луша. Ах, матушка, Настасья Панкратьевна, ведь идёт!

Настасья Панкратьевна. Кто идёт?

Луша. Да будочник, матушка!

Настасья Панкратьевна. Ох, грех! Уж не за Кит ли Китычем? Беги, скажи, что дома нет.

Луша. Нет, не к нам; на ту сторону перешёл.

Настасья Панкратьевна. Ну, слава богу! Смотри, Луша, хорошенько!

Луша. Андрей Титыч, с каким-то барином.

Настасья Панкратьевна. Отопри поди да опять запри на запор.

Луша уходит.

Вот не ждали, не чаяли, какая беда случилась. Теперь всякого человека, который по улице идёт, бойся. А уж про полицию и говорить нечего! Сохрани господи, квартальный покажется, да я тут же, кажется, на месте умру. Всё мне вот так в глазах и представляется: придут вдруг неизвестные люди, покажут бумагу, возьмут Кит Китыча,— только я его и видела! *(Смотрит в окно.)* Вон он, голубчик мой, в тарантасе сидит один, точно сирота какая!

Входят Андрей Титыч и Досужев.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч и Досужев.

Андрей Титыч. Где тятенька?

Настасья Панкратьевна. При них-то можно говорить?

Досужев. Сделайте одолжение, не конфузьтесь!

Настасья Панкратьевна. Вон он, мой батюшка, сидит в тарантасе один-одинёхонек.

Досужев. Зачем его туда занесло?

Настасья Панкратьевна. Скрывается, батюшка. Урлап Гаврилыч приказал; стряпчий такой есть, Мудров; знаете?

Досужев. Он-то его и посадил?

Настасья Панкратьевна. Он, батюшка. А разве от этого пользы не будет?

Досужев. Пускай сидит, коли ему нравится.

Андрей Титыч. Что, маменька, барин ещё не был?

Настасья Панкратьевна. Нет ещё, Андрюша. Вот все в страхе ходим, всё ждем. Это ты по тятенькиному делу, что ли, привёл?

Андрей Титыч. Да, маменька!

Настасья Панкратьевна. Как их звать-то?

Андрей Титыч. Василий Митрич.

Настасья Панкратьевна. Похлопочи, Василий Митрич! Если ты нам наше дело хорошо сделаешь, я уж и не знаю что! Я тебя в поминанье запишу. Ты холостой, чай?

Досужев. Холостой.

Настасья Панкратьевна. Я тебе невесту найду, хорошую; богатую высватаю.

Досужев. Надобно франта-то этого видеть, физику-то его посмотреть; тогда можно прямо сказать, чего дело стоит.

Луша входит.

Луша. Какие-то два барина подъехали.

Настасья Панкратьевна. Вот грех-то! Вот беда-то! Ведь это они! Пускать ли уж?

Досужев. Пустите! А я из другой комнаты посмотрю на них да послушаю, что говорить будут; тогда дело видно будет.

Настасья Панкратьевна. Ну, пусти поди!

Луша уходит.

Андрей Титыч. Кто же это другой-то с ним?

Досужев. Приказного какого-нибудь для острастки взял. *(Уходит в другую комнату.)*

Входят Перцов и Неизвестный.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч, Перцов и Неизвестный.

Перцов. Господин Брусков дома?

Настасья Панкратьевна. Нет, батюшка, нету.

Перцов. Как же он мне сказал, что будет меня ждать для переговоров! Это чёрт знает что такое! *(Шепчет что-то на ухо Неизвестному.)* А скоро ли он будет?

Настасья Панкратьевна. Не знаю, батюшка.

Перцов *(Неизвестному)*. Садись, подождём.

Садятся и шёпотом разговаривают.

Неизвестный. Вы их супруга, должно быть?

Настасья Панкратьевна. Да, батюшка.

Неизвестный. Деток имеете?

Настасья Панкратьевна. Два сына, батюшка.

Молчание.

Неизвестный. Нехорошо, сударыня, нехорошо-с.

Настасья Панкратьевна. Что ж делать-то, батюшка, грех попутал. Уж, видно, бес как-нибудь их благородие под руку-то ему подсунул.

Неизвестный. Кончать надобно, сударыня, кончать. Коли дело до суда дойдёт, так вашему мужу очень плохо будет.

Настасья Панкратьевна. Мы этого знать не можем.

Перцов. Что ты с ними толкуешь! Они не понимают, какие громы могут обрушиться над их головами.

Неизвестный. Вы посоветуйте вашему супругу, чтобы он кончил с господином Перцовым.

Перцов. Да, в противном случае я поступлю с ним жестоко.

Неизвестный. Пусть он удовлетворит господина Перцова суммою, которую он требует...

Настасья Панкратьевна. Где ж нам взять таких денег! Легко сказать, триста тысяч!

Неизвестный. Вы не извольте пугаться этой суммы! Это так, примерно сказано, сгоряча. Господин Перцов, вероятно, будут так снисходительны, что сделают уступочку.

Перцов. Да, если уж очень расплачутся, так уступлю что-нибудь.

Неизвестный *(пошептавшись с Перцовым)*. Я думаю, что господин Перцов на половину согласится, если только сейчас деньги.

Перцов. Только в таком случае. Так вы и скажите своему мужу и повелителю.

Настасья Панкратьевна. Хорошо, батюшка!

Перцов. Ну, пойдём! Что ж нам его дожидаться!

Неизвестный. Так вы, сударыня, скажите господину Брускову, что если он не удовлетворит сегодня же господина Перцова, то завтра дело пойдёт в суд. Часа через два я зайду наведаться. Затем прощения просим.

Перцов. Он ещё не учён.

Неизвестный. Да-с. Благородное обращение плохо понимает.

Перцов. Ну, так я выучу. Василиск Перцов выучит обращению.

Входит Досужев.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Те же и Досужев.

Досужев. Господин Перцов! Вас ли я вижу?

Перцов. Здравствуйте, господин Досужев! Представьте, какой со мной страшный случай!

Досужев. Да, я слышал.

Перцов. Вся жизнь моя преисполнена разными приключениями.

Досужев. Господа, мне нужно с господином Перцовым по секрету поговорить.

Настасья Панкратьевна. Мы, батюшка, уйдём. Пойдём, Андрюша! *(Уходит; Андрей Титыч за ней.)*

Досужев. Сего неизвестного тоже отправьте домой! Что ему здесь делать?

Перцов. Как же без вознаграждения? Ему довольно будет самого незначительного.

Досужев. Уж это ваше дело!

Перцов шепчет что-то Неизвестному, тот уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Досужев и Перцов.

Досужев. Вы опять за свой промысел?

Перцов. Как вы могли подумать! Вы меня обижаете, господин Досужев! Вся жизнь моя есть игра непостижимости. Вот и сегодня я поехал в Марьину рощу наслаждаться благами природы — и попал в хаос необразованности.

Досужев. Ловкий вы человек!

Перцов. Я несчастный человек, господин Досужев. Удары судьбы...

Досужев. Во сколько же вы цените вашу обиду?

Перцов. Какими же деньгами можно оценить оскорбление, господин Досужев!

Досужев. Я с вами согласен. Значит, вы денег не хотите. Да оно и подло, деньги брать! Вызовемте его на дуэль!

Перцов. Ну, нет; ежели бы приличную сумму...

Досужев. Так вы бы взяли?

Перцов. И я надеюсь, господин Досужев, что вы, как благородный человек, мне мешать не станете.

Досужев. Как можно! Я хочу хлопотать за вас. Хотите, я даже назначу сумму, которую Брусков должен вам отдать, и он меня послушает.

Перцов *(пожимая Досужеву руку)*. Mercі, господин Досужев! Вы не жалейте этого бессмысленного невежду; требуйте с него больше, мы с вами поделимся.

Досужев. Я уж и так много назначаю, больше требовать нельзя.

Перцов. Позвольте узнать хоть приблизительно.

Досужев. Сто целковых.

Перцов. Злая насмешка, господин Досужев!

Досужев. Неужели ж вам в самом деле полтораста тысяч дать!

Перцов. От полутораста тысяч до ста рублей ещё расстояние велико.

Досужев. Берите сто рублей; я вам советую. Хорошие деньги.

Перцов. Вы знаете, что я человек непреклонный.

Досужев. Не хотите ста, так и ничего не получите.

Перцов. Мало, господин Досужев!

Досужев. Берите, право, берите. Вы меня понимаете?

Перцов *(берёт Досужева за руку)*. Господин Досужев, только для вас соглашаюсь. Только для вас.

Досужев. Вот и прекрасно. *(Кричит в дверь.)* Андрюша, пришли перо с чернильницей да лист бумаги!

Перцов. К чему это, господин Досужев?

Досужев. Вы дадите подписку, что на Брускова претензии не имеете и за обиду считаете себя удовлетворённым.

Луша приносит бумагу и чернила.

Давай сюда! *(Садится к столу.)* Недурна девочка-то.

Перцов. Приятный сюжетец.

Досужев *(принимая бумагу и чернила)*. Кто из хозяев с тобой ласковее-то? Чай, Андрюша? Али сам старик?

Перцов. Ты, душенька, говори, не конфузься!

Луша. Да будет вам! Бесстыдники! *(Уходит.)*

Досужев. Так вот-с. *(Пишет.)* Вот подпишите. А деньги получите завтра утром от меня. Верите мне или нет? А то возьмите расписку.

Перцов *(подписывает)*. Помилуйте, господин Досужев, между благородными людьми довольно одного слова.

Досужев. Значит, до свидания!

Перцов. Честь имею пребыть-с. *(Уходит.)*

Андрей Титыч входит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Досужев и Андрей Титыч.

Андрей Титыч. Как дела, Василий Митрич?

Досужев. Вот и мировая готова; а сторговаться с твоим отцом Перцов мне поручил.

Андрей Титыч. Много ли ж вы с тятеньки возьмёте?

Досужев. Страсть! Ограблю.

Андрей Титыч. Вы хоть меня-то пожалейте! Если вы с тятеньки много денег возьмёте, он рассердится так, что беда; и уж тогда не видать мне Александры Петровны, как ушей своих.

Досужев. Какое же мне дело до тебя и до твоей Александры Петровны!

Андрей Титыч. Что ж мне теперь делать?

Досужев. Да что хочешь, то и делай! Я человек бедный, должен о себе заботиться, а не о вас.

Андрей Титыч. У меня, Василий Митрич, только и надежды было, что на вас. А теперь, значит, всё одно хоть умирай!

Досужев. Разговаривай ещё!

Андрей Титыч. А ещё приятелем называетесь! Разве так приятели делают!

Досужев. Мало ты ещё на свете жил, коли на приятелей надеешься! Так-то, мой милый! Деньги всегда дороже приятелей.

Андрей Титыч. А вы думаете, так вам тятенька и даст денег! Как же! Дожидайтесь.

Досужев. А не даст, так в смирительном посидит.

Андрей Титыч. Господи, что же это такое! Это уж ещё хуже! Какой страм-то! Какая мараль на всё семейство!

Досужев. Ну, да что мне с тобой разговаривать! Поди, зови отца из тарантаса!

Андрей Титыч. Не хотите вы меня теперь пожалеть, ну, так после пожалеете, да уж поздно будет. *(Уходит.)*

Досужев. Посмотрим, что это за зверь, Тит Титыч! Уж я не рад, что взялся за дело-то! Ведь, чёрт его знает, поколотит, пожалуй. Ещё в чужом доме с ним, говорят, можно разговаривать; а уж к нему-то прийти, всё равно что к медведю в берлогу. Главное, не робеть!

Входит Тит Титыч.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Досужев и Тит Титыч.

Тит Титыч *(садится на кресло и несколько времени мрачно смотрит)*. Здравствуй!

Досужев. И ты здравствуй!

Тит Титыч. Ты Андрюшкин знакомый?

Досужев. Да.

Тит Титыч. Ты какой такой? Благородный аль так?

Досужев. Да тебе разве не всё равно?

Тит Титыч. Стало быть, не равно, когда спрашиваю. Какой на тебе чин, такой с тобой и разговор будет.

Досужев. Я губернский регистратор.

Тит Титыч. Это что ж такое?

Досужев. Пятнадцатого класса. Нас во всей России только двое.

Тит Титыч. Ну садись, гость будешь!

Досужев. Я не люблю садиться; я лучше стоя.

Тит Титыч. Сказано, садись, так и садись. Что ты, как бес, будешь передо мной вертеться! Терпеть не могу.

Досужев. Ну, будь по-твоему, сяду. *(Хочет подвинуть стул.)*

Тит Титыч. Ты что там ещё? Не смей трогать стульев! Они на месте поставлены. Садись вот здесь, подле меня!

Досужев *(садясь)*. Ты не очень командуй!

Тит Титыч. Да коли ты непорядок делаешь, как же тебе не сказать!

Досужев. Ну, будет о пустяках-то! Пора и о деле. Мне ведь некогда.

Тит Титыч. Ну вот, теперь давай о деле! Только ты меня не рассерди, смотри; а то я и разговаривать не стану и прогоню. Я уж одного прогнал.

Досужев. Ну, хорошо, хорошо!

Тит Титыч. Много ль ты с меня взять хочешь?

Досужев. За что?

Тит Титыч. За что? Известно, за что. За это дело?

Досужев. Помирить, что ли?

Тит Титыч. Нет, не помирить, а оправить совсем, чтобы я чист был.

Досужев. Да как же тебя оправить, когда ты виноват?

Тит Титыч. Виноват! Это я и сам знаю, что виноват. Зачем же ты и стряпчий, коли ты не можешь оправить человека? А ты такую кляузу напиши, чтоб я был не виноват ни в чём.

Досужев. Этого нельзя. Надобно помириться.

Тит Титыч. Ни под каким видом. Ты не смей и заикаться! Я и слышать не хочу.

Досужев. Буянить твоё дело, а мириться так вот не хочешь!

Тит Титыч. Да ты с кем говоришь! Учить, что ли, ты меня пришёл у меня-то в доме! Хочу буянить, и буяню; нешто ты мне заказать смеешь! Вот я ужо Андрюшке задам, чтобы он этаких стракулистов ко мне не водил.

Досужев. Да ты потише! От меня ведь в тарантас не спрячешься.

Тит Титыч *(встаёт, и Досужев тоже)*. Да ты к чему тут пристал! Ты человек посторонний! Зачем ты ко мне в дом зашёл? Тебе что тут нужно? Ишь ты, влез в гостиную, расселся, тоже важничает! Как ты смел прийти меня беспокоить? Я вот сейчас велю тебя

со двора согнать. Чтоб ты и носу сюда показывать не смел. Я тебя и знать не хочу.

Досужев. Рад бы не хотеть, да нельзя. Ты грамоте знаешь? Так вот смотри! *(Показывает бумагу.)* Перцов дал подписку, что дело с тобой прекращает, и подписку эту отдал мне. Теперь я что хочу, то с тобой и сделаю. Захочу, отдам её тебе, и дело кончено; а не захочу, подадим на тебя завтра прошение и упрячем тебя в смирительный.

Тит Титыч *(садится)*. Значит, я с тобой теперь должен дело делать?

Досужев. Со мной.

Тит Титыч. Ну, садись! Сейчас выпьем чего-нибудь.

Досужев *(садясь)*. Нет, уж прежде давай дело кончим!

Тит Титыч. Ну, давай! Значит, я тебе за эту расписку должен деньги заплатить?

Досужев. Похоже на то.

Тит Титыч. А ты имей сколько-нибудь совести, не грабь меня. Грабить-то нехорошо. Пора уж вам эту привычку скверную бросить. Слышишь ты! Ты делай дело почестнее!

Досужев. Слышу, слышу.

Тит Титыч. Ну, много ли ж ты с меня потребуешь?

Досужев. Вот, во-первых, сто целковых Перцову за обиду. Это ты пошли с сыном завтра утром.

Тит Титыч. Это ничего! Это на чести, не дорого! Это и в другой раз, коли случится.

Досужев. Так ты опять поколотишь?

Тит Титыч. Эти деньги я всегда в состоянии заплатить, когда хочешь.

Досужев. Нет, уж в другой-то раз тебе много дороже станет. Для меня только он с тебя сто целковых, а то просил полтораста тысяч. Ну, теперь за хлопоты.

Тит Титыч. Много ли ж тебе?

Досужев. Мне много надобно.

Тит Титыч. Будь почестнее! Будь почестнее, я тебе говорю. Нехорошо ведь. Много запросишь, ведь не дам. Только ты меня растревожишь! А я старый человек. Ну, прошу я тебя! Кончим по-дружески, много не ломи!

Досужев. Ты обещал женить сына на Кругловой?

Тит Титыч. Тебе что за дело?

Досужев. Кабы не было мне дела, я б и разговаривать не стал.

Тит Титыч. Обещал, да раздумал.

Досужев. Ну, так ты передумай опять, да и жени его поскорее!

Тит Титыч. Как же ты можешь мне в таком деле указывать! Да где же это видано! Нет, ты, должно быть, сегодня от меня добром не хочешь уйти? Дождёшься, что я тебя изуродую.

Досужев. Ну, видно, говорить с тобой нечего; а надо сейчас к полицеймейстеру ехать. *(Берёт шляпу.)*

Тит Титыч. Постой, ты! Как тебя?

Досужев. Ну, что ещё?

Тит Титыч. Да ты почём знаешь, может, я и сам хочу женить его на Кругловой, и передумывать мне нечего. Может быть, я тебя обманул!

Досужев. Это уж твоё дело.

Тит Титыч. То-то! Ты не подумай, что это я тебя послушал! Это я сам. А если б не я сам, и никто б меня на свете... Слышишь ты, я сам. Слышишь ты, что я тебе говорю?

Досужев. Слышу, слышу.

Тит Титыч. Я хочу, чтоб Андрюшка женился на Кругловой, так тому и быть! Никто мне ни указывать, ни приказывать не смеет. Что хочу, то у себя дома и делаю.

Досужев. Ну, вот, когда ты женишь сына, тогда я тебе расписку и отдам, так дело твоё и кончится.

Тит Титыч. Эй! Кто там?

Входит Настасья Панкратьевна.

Подайте шампанского, да идите все сюда!

Настасья Панкратьевна. Ну, слава богу! Должно быть, дело на лад идёт. *(Уходит.)*

Тит Титыч. А деньгами много ль тебе?

Досужев. Ничего.

Тит Титыч. Ты не важничай! Ты проси! Проси, я тебе говорю: я, может быть, дам. Не в состоянии я, что ли, заплатить тебе?

Досужев. Я знаю, что в состоянии, да не надо мне.

Тит Титыч. Фальшивишь ты что-нибудь?

Досужев. Кабы я для тебя хлопотал, так я бы с тебя взял денег много. Ну, много не много, а взял бы сколько следует. А я для сына твоего хлопочу, понимаешь ты?

Тит Титыч. Понимаю. Ты приходи ко мне чаще, я тебя полюбил.

Входят Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч и Луша с шампанским.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Тит Титыч, Досужев, Настасья Панкратьевна, Андрей Титыч и Луша.

Тит Титыч. Слушай ты, Андрюшка! Будет тебе по Москве собак-то гонять! Что ты шляешься, как саврас без узды! Пора тебе, дураку, за ум браться! Кабы не родители, кто бы о тебе, дураке, подумал! Собирайся сейчас к невесте с матерью! К Кругловым ступайте! Проси, чтобы отдали за тебя, за дурака.

Андрей Титыч. Да я теперь счастливее всех на свете! Кого же мне только за это благодарить-с? Я так думаю, что вас, Василий Митрич.

Тит Титыч. Разумеется, его: потому он всё дело кончил благополучно.

Настасья Панкратьевна. Говорила я, что в тяжёлый день ничего делать не нужно! Вот какая беда-то было вышла, кабы добрый человек не помог!

Тит Титыч. За это мы все его будем благодарить так, что он, может, и не ожидает.

Досужев. Ничего мне от вас не надо. *(Берёт стакан вина.)* Живите, женитесь, плодитесь, ссорьтесь, миритесь, судитесь; а я буду глядеть на вас да радоваться! *(Выпивает стакан.)*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ! (Очерк)

[Повесть] (Очерк)
[Расположение:
Гл. I-ая: у Серафимы[1] Мазанцевой.
Гл. II-ая: <у> Нельских.]

I

В одной из улиц, ближайших к Пресненским прудам, в новом, изящной отделки каменном доме, сидела у окна молодая женщина замечательной красоты. Старуха, очевидно принадлежащая к разряду выслужившихся нянек, занимающихся обыкновенно мелкой[2] торговлей, сватовством, в большом старомодном чепчике, в пёстрой шали, с ридикюлем в руках[3], сидела поодаль и наблюдала за взорами и движениями молодой женщины. Июльский полдень раскалил Москву, и на улицах было знойно и пуст[о]ынно: лениво проезжал пустой извозчик, пешеходы [проходя] жались поближе к домам[4], хорон[илися]ясь под их тенью, только разносчики проходили посереди улицы и громко кричали: «Спела́ клубника!» В беседках и на галереях или просто в сенях хозяйки, окружённые ребятами и мухами, варили варенье, и тёплое благоухание неслось по улицам. Ни под тенью дерев, ни в беседках и гротах, окружающих пруды, не было прохлады.[5] От прудов [не было прохлады] не веяло свежестью[6], а только пахло водой.

— Что это он нейдёт сегодня, — сказала молодая женщина.

— Кто он-то, матушка? — спросила старуха.

— Не знаю, только он каждый день в это время[7] тут проходит.

— А не знаешь, так узнать можем. Чего я для своей графини не сделаю, — сказала старуха, подходя к окну[8].

Теперь не мешает сказать несколько слов о прекрасной молодой женщине, которая и будет героиней нашего рассказа. Серафима Карп<овна> [Мазанцева] была вдова[9] коллежского советника Мазанцева, а происхождением купчиха, дочь Карпа Карпыча Толстогораздова, живущего в Рогож<ской> и[10] обладающего несколькими миллионами. Воспитанная в одном из лучших пансионов, она приняла все приёмы образованной девушки, хорошо держала себя, умела прилично и со вкусом одеться, немного говорила по-французски

[1] *Слово вписано над строкой.*
[2] *Слова:* обыкновенно мелкой — *вписаны над строкой.*
[3] *Слова:* в большом старомодном ~ в руках — *вписаны над строкой.*
[4] *Слова:* жались поближе к домам — *вписаны над строкой.*
[5] *Текст:* В беседках и на галереях ~ не было прохлады. — *вписан на полях л. 15.*
[6] *Слова:* не веяло свежестью — *вписаны над строкой.*
[7] *Слова:* в это время — *вписаны над строкой.*
[8] *Слова:* подходя к окну — *вписаны над строкой.*
[9] *Слова:* была вдова — *вписаны над строкой.*
[10] *Слова:* живущего в Рогож<ской> и — *вписаны над строкой.*

и чуть-чуть бренчала на фортепьяно.[1] Не успела ещё она после выпуска из пансиона[2] оглядеться в дому родительском, как отец счёл нужным выдать её за пожилого чиновника Мазанцева, который был ему полезен по тяжебным делам; а у Кар<па> Кар<пыча> было их довольно. Кол<лежский> сов<етник> Мазанцев был маленького росту, немного плешив, много курнос; но зато имел чёрные лоснящиеся бакенбарды и орден на шее. В присутствии с подчинёнными он был важен и строг до крайности и держал голову кверху; с купцами же, особенно богатыми, был [важен] предупредителен и ласков[3] до фамильярности. С первого взгляда он влюбился в Сер<афиму> Кар<повну> и взял за ней в приданое только четыреста т<ысяч> серебром. Молодая девушка без горя и радости вышла за него, безмятежно прожила с ним полтора года, без печали схоронила его и незаметно перешла в новое положение молодой вдовы с огромным состоянием.

Красота её невольно поражала каждого. Стройная и пряменькая, как только что выпущенная институтка, она имела такие изумительно правильные и тонкие черты лица, такие нежные голубые глаза, такое богатство тёмных волос, что можно было заглядеться на неё на несколько часов, не замечая времени. Кротость характера ещё более возвышала её красоту, по мнению некоторых. И в самом деле, трудно найти женщину тише, скромнее и покорнее её. Ни радость, ни горе, ни гнев никогда не искажали её прекрасного лица. Даже самая любовь, которую ей, наконец, пришлось испытать, выражалась у неё на лице тихою задумчивостью, близкою к столбняку[4], которая так шла к ней. Но и в солнце есть пятна, и потому не могу умолчать о некоторых странностях в её характере.[5] Она ничего не делала не подумавши, даже любила подумать, и вместе с тем, чего она не понимала, растолковать ей не было уж никакой возможности. По целым часам она мечтала, немного открыв свой прекрасный ротик, глядя в сад или вечером на далёкие звёзды, что очень простительно молодой вдове. Что я буду говорить далее об её характере, вы, пожалуй, не поверите, но[6] если бы вам пришлось подслушать, что невольно бормотали её [ротик] коралловые уста[7], вы услыхали бы очень прозаические речи, вроде следующих: два с полтиной, рубль с четвертью, три аршина с половиной, пять фунтов с осьмушкою[8]. Положительная и очень расчётливая хозяйка, знающая цену каждой вещи, от гусиного потроха до драгоценных камней, она иногда бывала так наивна, что невозможно было не засмеяться, несмотря на уважение к её красоте. Можно прибавить и ещё кое-что об её

[1] *Слова:* хорошо держала ~ на фортепьяно. — *вписаны на полях л. 15 об.*

[2] *Слова:* после выпуска из пансиона — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* предупредителен и ласков — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* к столбняку — *вписаны над строкой.*

[5] *Фраза вписана на полях л. 17.*

[6] *Слова:* Что я буду говорить ~ не поверите, но — *вписаны на полях л. 17.*

[7] *Слова:* коралловые уста — *вписаны над строкой.*

[8] *Слова:* три аршина с половиной, пять фунтов с осьмушкою — *вписаны над строкой.*

характере, например: она очень любила чистоту и одевалась с безукоризненной опрятностью и скромностью, каждая вещь на ней казалась новой и только сейчас надетой; иногда пела про себя потихоньку очень фальшиво и неприятным горловым голосом; плохо считала на серебро. Вот всё, что я могу сказать о прекрасной вдове. Тщетно Уст<инья> Ф<илимоновна>, так звали старуху, представляла ей разных женихов, сердце [её] вдовы[1] было непоколебимо; но, кажется, теперь пришла и её очередь.

— Устинья Филимоновна, идёт, — проговорила она тихо.

— Где, матушка? — [проговорила] спросила старуха и [через] взглянула в окно из-за плеча Серафимы Карповны.

По той стороне улицы шёл молодой человек лет двадцати пяти. Великосветская походка, изящный летний костюм, какая-то лень в движениях, бледное, породистое (как говорят) лицо обличали в нём аристократа по рождению.

— Ах, матушка, да я его знаю, — сказала старуха. — Это Лев Андреич Прежнев, Софьи Ивановны Прежневой сын. Ведь он мой выкормок, графиня моя.

Вдова задумалась.

— Что ж, матушка, они мне люди знакомые; там что будет ли, нет ли, а похлопотать всё-таки не мешает; попытка не шутка, а спрос не беда.

Вдова всё ещё была в задумчивости.

— Что ж, хлопотать прикажете?

— Хлопочи.

— Для кого ж мне и похлопотать-то, как не для вас, прынцесса вы моя.

II

Софья Ивановна Прежнева сидела в гостиной и читала французский роман. Покойный муж Софьи Ивановны был человек необыкновенно деятельный, своим богатством и положением в обществе он единственно был обязан себе[2], своему оборотливому[3] уму и неутомимости. Немножко аферист, не всегда разборчивый на средства, он умел выбиться почти из ничтожества, придать себе лоск образованного и светского человека; нажил большое состояние. Всё это, вместе с представительною наружностью и обольстительным обращением, дало ему довольно значительное место в обществе. Всякий труд был для него нипочём: просидеть три дня и три ночи в кабинете за работой[4], съездить за тысячу вёрст — для него вздор, была бы только польза. Для поддержания связей он женился на С<офье> И<вановне>, девушке из бедного, но княжеского семейства. В обществе

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова:* за работой — *вписаны над строкой.*

долго его называли муж княжны такой-то. Женившись, он окружил жену всем блеском роскоши и стал работать вдвое, накупил деревень, настроил усадьб и дач. Жена не входила ни во что, не имела никакого понятия о хозяйстве: всё являлось у неё как бы волшебством. Она даже не знала [цены] счёту деньгам. Да и немудрено: у родителей было считать нечего, а теперь за неё считал и рассчитывался муж. Единственным делом её было в то время, когда муж работает над счетами и отчётами по имениям и другим операциям до того, что у него лоб трещит, занимать светских людей не совсем пристойной болтовнёй да баловать во всякое время своего единственного сына Поля, баловать так, как только может пустая светская[1] женщина, которой сроду не приходило ни одной серьёзной мысли в голову. Вся материнская нежность выражалась у ней в том, что она поминутно целовала его, одевала, как куклу, и десять раз в день причёсывала. Рано перенял Поль у матери высокомерный тон и дурное обращение с простыми людьми.

[Полю было десять лет] Едва минуло Полю [шесть] восемь лет, как[2] отец его умер скоропостижно. Легко себе представить, что произошло после его смерти. Софья Ивановна[3] запутала все дела мужа, да иначе и быть не могло с её философией и взглядом на жизнь. [Вот] Весь нравственный кодекс, который составлял единственную [опору] основу[4] её жизни, заключался в следующих фразах: «Женщина творение слабое, увлекающееся [женщина] и[5] живёт только сердцем, и вследствие этого[6] женщина не может устоять против искательства мужчины и легко может быть обманута, потому что женщина для любимого человека готова всем пожертвовать. Если мужчины и обманывают женщин, что случается очень часто, то уж в этом виноваты не женщины, а мужчины, которые по большей части хитры и коварны». Она беспрестанно повторяла всем и каждому, что женщины вообще[7] так добры и доверчивы, так верят в правду и искренность, что только после горьких опытов убеждаются[8] в безнравственности и других гнусных пороках[9] обожаемых лиц, но что женщины после обмана, и даже нескольких, вследствие своей доброты и доверчивости готовы опять увлечься восторженною речью и поверить в возможность чистой и бескорыстной любви в мужчине. «Да, такова наша судьба, мужчины часто во зло употребляют прекрасные качества нашего нежного сердца, они не хотят знать, сколько страдаем от них мы, бедные женщины» [, — приб<авляла> меланхолически она]. Эту фразу она

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слова:* Едва минуло Полю [шесть] восемь лет, как — *вписаны над строкой.*

[3] *В автографе ошибочно:* Борисовна.

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слова:* и вследствие этого — *вписаны над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слова:* и других гнусных пороках — *вписаны на полях л. 12 со знаком вставки.*

произносила меланхолически, с лёгким вздохом. «Да есть и между нас такие, прибавляла она, которых занимают материальные расчёты, хозяйственные хлопоты, есть даже такие, которые рассуждают о разных предметах не хуже мужчин; но я не признаю их женщинами. Они могут быть умны, но вместо сердца у них лёд».

[Старуху француженку] Старого швейцарца из Женевы, гувернёра[1] Поля, Соф<ья> Ив<ановна> переменила на молодого ловкого француза, который отлично фехтовал и ездил верхом, подражал губами всем инструментам, с утра до ночи пел куплеты и песни Беранже и был развращён до ногтей.

Промотав половину имения в России, Прежнева поехала за границу проживать остальное. Поль с французом остались в деревне под надзором старой глухой тётки, который не был для них стеснителен…

III

[В тот же день] Устинья Филимоновна пришла от [Нелькиных] Прежневых[2] и рассказала об успехе поручения, разумеется с прикрасами, неизбежными в таком случае.

— Ну, красавица-барыня, поздравляю.[3] Они, матушка [барыня], и не ожидали такого счастья, — говорила она. — [Надо только] Мы, говорит, с великим удовольствием, хоть бы сейчас,[4] надо только ознакомиться для прилику.[5] Онто, Лев-то Павлыч, уж давно влюблён в вас, да только никому не сказывал[6]. Никому таки не сказывал, — прибавила она таинственно. — А уж какой барин — на редкость! Мне двадцать пять целковых пожаловал.

Вдова ненадолго о чём-то задумалась, приятно улыбнулась и велела закладывать лошадей. «Надо съездить к родителям посоветоваться», — сказала она Уст<инье> Фил<имоновне> и[7] [Потом] пошла в спальню; там открыла комод, достала из него кредитный билет в пять целковых, подумала над ним и опять положила. [Взяла] Нашла[8] в три целковых[9] и с приятной улыбкой принесла Устинье Филимон<овне>. Та, по обыкновению, назвала её графиней, благодетельницей, поцеловала сзади в плечо и распрощалась.

Щегольская коляска, запряжённая парой вороных орловских рысаков, подкатила из сарая к крыльцу. Кучер расправил усы и, подмигнув левым глазом горничной, которая выглянула в окно, крикнул ей: «Доложь поди!»[10]

---

[1] *Слова:* Старого швейцарца из Женевы, гувернёра — *вписаны над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Фраза вписана на полях л. 6.*

[4] *Слова:* хоть бы сейчас — *вписаны над строкой.*

[5] *Фраза вписана на полях л. 6 со знаком вставки.*

[6] *Слова:* не сказывал — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* «Надо ~ и — *вписаны на полях л. 6 об. со знаком вставки.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Текст:* Кучер расправил усы ~ поди!» — *вписан на полях л. 6 об. со знаком вставки.*

Горничная, неся в одной руке великолепный плащ, а в другой картонку, доложила барыне, что лошади готовы. Барыня вынула из картонки необъятной цены шляпку, обдула её со всех сторон и бережно перед зеркалом надела. Надела плащ, долго обёртывалась и оглядывала себя со всех сторон, об чём-то раза два задумалась и, наконец, [поехала] села в коляску и приказала кучеру ехать в Рогожскую. На дороге ничего не случилось особенного. Только чиновник-труженик, сидя за перепиской бумаг, увидал её в окно из-за ерани и подумал, что вот если бы [она] такая богатая и красивая дама[1] влюбилась в него и вышла за него замуж, он бы купил себе беговые дрожки, ездил бы на них и сам правил, — или лучше сшить себе голубой плащ на чёрной бархатной подкладке. И он долго обдумывал, что прежде сделать, купить дрожки или сшить плащ. Потом долго смотрел в зеркало, щурил глаза, улыбался и принимал разные позы.[2] Да две пожилые барышни, сидевшие на балконе серенького дома, под тенью парусины и дешёвых цветов, встретили и проводили её завистливыми взглядами и потом утешались разговором, что хотя[3] купчихи одеваются и богато, но зато[4] без вкуса и не к лицу.

Так как героине нашей путь не близок, от [Пресненских] прудов в Рогожскую не скоро доедешь, то мы можем поспеть к цели её путешествия гораздо прежде. Большой каменный двухэтажный дом с мезонином, принадлежащий родителю Сераф<имы> Карп<овны>, купцу Толстогораздову, [почти] немногим отличался от прочих купеческих домов в Рогожской. Мощёный двор так же чист, железные вороты так же заперты, за двором большой тенистый сад с вычурными беседками так же, как и у прочих, посещается исключительно одним садовником. Хозяева только что встали от послеобеденного сна и занимались каждый своим делом. Маменька Сер<афимы> Кар<повны>, толстая, небольшого росту женщина с подбородком, лежащим на груди, стыжусь сказать[5], в лёгком до последней возможности одеянии, прохаживалась по галерее или галдарейке, как она называла[6], и обмахивалась платком. Красивая, черноглазая девка Матрёна, дальняя родственница [их] Толстогораздовых[7], в ситцевой шубке, с распущенной косой, босиком[8], раздувала на той же галерее толстый самовар, который уж начинал закипать. По приказанию хозяйки, она мигом сбегала на ледник и принесла ей кружку холодного пива для прохлаждения. Сам Карп Карпыч, в красной рубашке с расстёгнутым воротом, сидел в угольной комнате у открытого[9]

---

[1] *Слова:* такая богатая и красивая дама — *вписаны над строкой.*

[2] *Фраза вписана на полях л. 7 со знаком вставки.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* стыжусь сказать — *вписаны на полях л. 7 об. со знаком вставки.*

[6] *Слова:* или галдарейке, как она называла — *вписаны над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

окна, лицом на улицу[1]; из этой комнаты была отворена дверь на галерею, и лёгкий сквозной ветерок продувал его, рукава трепетали[2]. Страшно вращая красными от сна глазами, он искривлял рот то в ту, то в другую сторону, сдувая мух, садившихся ему на лицо; в правой руке держал он гладкий камень фунтов пятнадцати.[3] Подле него на окне лежал мешок с орехами, он брал по два и по три ореха, клал их на окно и разбивал камнем. Вдруг он закричал зычным голосом: «Матрёна!» Прохожий присел и долго переводил дух за углом, обдумывая, за<чем> хор<оший> купец и богатый задаёт такие страсти прохожим. Но дело объясняется очень просто.[4] Вбежала запыхавшаяся Матрёна. — Подь, отопри, Серафима приехала[5]. Всё в доме засуетилось: проснулась собака и лениво залаяла[6], заспанный дворник отпер ворота, Матрёна отперла парадное крыльцо и с разными приветствиями высадила барыню из коляски, даже кучер Карпа Карпыча слез с сенника и, приглаживая одной рукой[7] взъерошенные и [набитые] напудренные сеном волосы, [пожал] другую[8] руку молча подал[9] кучеру Серафимы Карповны.

Мать накинула на себя что-то; облобызались [и сели за чай]. Матрёна, вся перегнувшись назад и отворотив в сторону лицо, втащила и поставила на стол толстый самовар.[10] Серафима Карповна осталась в шляпке, несмотря на увещания матери не только снять шляпку, но и расстегнуть платье сзади, потому что тут все свои.

— Я к вам посоветоваться приехала, — сказала Сер<афима> Кар<повна>, грациозно взяв чашку с чаем[11] своей прелестной ручкой, на которой была натянута голубенькая перчатка.

— Об чём бы это, например? — спросил отец, дуя на блюдечко.

— Я хочу замуж итти.

— Ну что ж, с Богом![12] Дело это хорошее, — сказал Кар<п> Кар<пыч>. — Это лучше... — и замолчал.

Маменька покачала головой и скрестила на груди руки в знак удовольствия.

— А за кого бы это, например? — спросил К<арп> К<арпыч>.

Молодая вдова рассказала всё дело и спросила их совета.

---

[1] *Слова:* лицом на улицу — *вписаны на полях л. 8.*

[2] *Слова:* рукава трепетали — *вписаны на полях л. 8.*

[3] *Фраза вписана над строкой.*

[4] *Фрагмент:* Прохожий присел ~ просто. — *вписан на полях л. 8 со знаком вставки.*

[5] *Слова:* Серафима приехала — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* проснулась собака и лениво залаяла — *вписаны на полях л. 8 со знаком вставки.*

[7] *Слова:* одной рукой — *вписаны над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слова:* молча подал — *вписаны над строкой.*

[10] *Фраза вписана на полях л. 8 об.*

[11] *Слова:* чашку с чаем — *вписаны над строкой.*

[12] *Фраза вписана над строкой.*

— Ты помни, Серафима, что ты отрезанный ломоть, я тебе больше денег не дам; так ты смотри не проживи деньги-то, — сказал К<арп> К<арпыч>. Мать подтвердительно кивнула головой и прибавила: — Ишь ты, этот молодой; гляди, дети будут.[1]

— Куда ж мне прожить деньги[2]?

— А вот он мелким бесом рассыпится, да, пожалуй, и выманит у тебя деньги-то. Ведь он муж тебе будет, а не чужой, всякий способ найдёт, как у тебя деньги-то выманить, — заметил К<арп> К<арпыч>, подвигая двумя пальцами чашку и тем обнаруживая желание выпить ещё.

— Неужли же мужчины могут любить только из денег, — сказала С<ерафима> К<арповна> и задумалась.

— А ты думала как? — возразил отец. — Уж это порядок известный. Я этот народ знаю.

— Да я ему и не дам денег, — сказала прекрасная вдова, выйдя из задумчивости и взяв налитую чашку.

— Ну и ладно. Ты поступай, как я тебя учил.

— Конечно, что я, дура, что ли?

— А вот и у нас скоро свадьба, — сказал отец. — Матрёну в саду с приказчиком застали, так хочу повенчать. Тысячу рублей ему денег и свадьба на мой счёт.

— Тебе бы только пображничать, — заметила жена.

— Ты молчи, ты ничего не знаешь. Я хочу, чтоб она чувствовала. Третью племянницу так отдаю. Я всей родне благодетель.

Долго беседовали они за чаем о разных семейных делах, строго приказывали дочери узнать о женихе: не мот ли он, не пьяница ли, не игрок ли, имеет ли состояние и каково служит. Узнав всё это и если он окажется совершенно хорошим человеком, съездить к какой-то ворожее и спросить: будет ли она счастлива с рабом таким-то? Выслушав назидательные советы родителей и распростившись с ними, С<ерафима> К<арповна> поехала [к себе на при] домой[3].

[1] *Фрагмент:* сказал К<арп> К<арпыч> ~ дети будут. — *вписан на полях л. 9.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ

Первоначальный вариант названия

УЧЕНЬЕ СВЕТ, А НЕУЧЕНЬЕ ТЬМА
Комедия в 2 действ<иях>

Первоначальный список действующих лиц

[Петр Иванович Иванов] Иван Сократыч[1] [Сократ]
[Анна Петровна, *его сестра*] Елизавета Ивановна[2], *его дочь*.
Аграфена Пантелеевна, [*их тетка*] [*сестра Иванова*] *хозяйка квартиры, занимаемой Ивановым*.
[Фома Поликарпыч] Тит Титыч[3].
Андрей [Фомич] Титыч[4], *его сын*.
[Анфиса] [Анастасия, *жена Брускова*]
[Ненила Сидоровна]
[Молодец]

Варианты чернового автографа

С. 8

[9] *Сцена представляет бедную комнату в квартире Ивановых. / Бедная комната в квартире Ивановых. Бедность неприкрытая*[5].

С. 9

[12—14] А г р а ф е н а П л а т о н о в н а. А я вижу. ~ из себя красавец. /

А г р <а ф е н а> П а н т <е л е е в н а>. А я вижу. Народ-то темный, как хочет, так и сделаем: честно так честно; а то и на испуг поймаем. Так запугаем, что хоть плачь, а жени сына на Л<изавете> С<ократовне>.

С <о к р а т> И <в а н о в и ч>. Что я слышу! Громы небесные! И вы не разразите эту женщину.

А г р <а ф е н а> П а н т <е л е е в н а>. Какие тут громы, тут миллионы. Вот, например, Андрей Титыч, что к нам ходит, чем не жених? И молод, и богат, и из себя красавец.

[22—25] И в а н К с е н о ф о н т ы ч *(вскочив)*. Что? ~ Невежа! /

С <о к р а т> И <в а н о в и ч>. Что! Да как же он смеет, скажите вы мне. Кто ему позволил. [Я живу с дочерью смирно, их не трогаем.

[1] *Слово вписано над строкой. Далее другие варианты:* К<сенофонт> И<ванович>, И<ван> Пант<елеич>, С<ократ> И<ванович>

[2] *Слова:* Елизавета Ивановна — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* Тит Титыч — *вписаны над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Фраза вписана под строкой.*

Я сам смотрю на дочь свою с благоговением, на это сокровище], а он безграмотный смел влюбиться. Это черт знает что такое! Это просто житья нет! Лиза моя, ведь это сокровище, это совершенство. Мужик! Невежа![1]

С. 10

[3] *Перед:* Это слово неупотребительное — У нас в литературе

С. 11

[3] Вот и одежонка-то... / Одежонки-то у тебя нет.

[6—7] *Слов:* А нынче так жить-то нельзя. *(Отходит от стола.)* — нет.

[15—16] Лизавета Ивановна. Здравствуй, папа! ~ шляпу. /

С<ократ> И<ванович>. Откуда ты, Лиза?

Л<изавета> С<ократовна>. С урока, папаша.

С<ократ> И<ванович>. Я на урок. Мы с тобой люди деятельные.

[16] *После:* Подай мне шляпу. — Л<изавета> С<ократовна>. Сейчас, папа.

[19—24] Нельзя, Лиза ~ с ребятами. / Нельзя, Лиза, нельзя; меня ждут. Молодые люди хотят учиться. А ты знаешь, как это редко нынче, как дорого! [Сколько нынче болванов, которые не хотят учиться] Я уж тебя очень хорошо воспитал. Где взять такого, чтобы стоил твоей любви,[2] готов бегать по улицам, ловить людей, кланяться, давайте я вас буду учить даром. Ученье мне не труд — наслаждение.[3] А эти сами хотят учиться. Нужно ценить таких молодцов. Да еще нам с тобой, беднякам, деньги дают. Хоть небольшие, все-таки деньги. За большие они бы большого учителя взяли, а я маленький учитель, только горячий к науке. Я их приготовляю в университет, больше я не умею. Потом они кончат курс, будут сами учить других. Наука будет расти, крепнуть у нас на Руси, невежество будет исчезать от лица ее, они будут профессорами! *(Помолчав.)* О, как бы я желал хоть одного своего ученика видеть профессором! Я бы пришел к нему и сказал: ты теперь ученее, умнее меня, а кто вложил в тебя этот задор, эту влюбчивость в науку, а кто...

Л<изавета> С<ократовна>. А что же дальше, папа, я тебя слушаю.

С<ократ> И<ванович>. А потом кинулся бы ему на шею и заплакал. Достань мне Горация... и Ювенала, я нынче в таком настроении духа.

Л<изавета> С<ократовна> достает из шкапа и подает ему.

---

[1] *Текст:* Это черт ~ Невежа! — *вписан над строкой на л. 4 со знаком вставки.*

[2] *Слова:* Я уж ~ любви — *вписаны на полях л. 6 со знаком вставки.*

[3] *Фраза вписана над строкой.*

Ну, прощай! Чай пить не дожидайтесь. [Не близко ведь, на Пречистенку итти] Может быть, затолкуюсь с своими ребятами.

С. 12

[8—11] Ах, папаша! ~ подумать? / Нет еще, папаша, никого... Этот молодой человек, Андрей Титыч, которого хозяйка наша Андрюшей зовет, хорош собой, с русской широкой душой, только совсем без воспитания и с такими странными привычками, что едва ли можно их исправить. Я ему даю книги читать, толкую с ним. Я его жалею, а не люблю.

С. 14

[3—4] *Слов:* Словно угорелый хожу по земле. — *нет.*

[4—5] У нас так не водится ~ по душе / Не то чтобы я имел волю, значит, выбрать себе девушку по душе, как следует; этого и заикнуться не смей; я и в другом-то в чем воли не имею.

[6—7] *Слов:* А коли скажешь ~ в солдаты отдам! — *нет.*

[29] Ну, так что ж? / Ты? Неужели?

[30] *После:* Вот теперь пятый год учусь... — Вот приезжал этот Вьетан, концерт давал, по газетам-то нам видно, так я был в театре-с.

Л<изавета> И<вановна>. Ну что же?

А<ндрей> Т<итыч>. Уж очинно натурально играет, сейчас умереть! Уж я думал, думал, чего мне в голову не лезло, всю дорогу-то шел плакал. А пришел домой — что брат было! У нас все равно, что ты загулял, что ты в театре был, да коли не пришел в девятом часу *(махнув рукой)*, ну и беда.[1]

[35—37] *Слов:* Ту причину пригоняют ~ заколотили очень. — *нет.*

С. 15

[28—29] *Слов:* Я вам откровенно ~ мудрено разговаривать. — *нет.*

С. 16

[29] *Слов:* Аграфена Платоновна. Плохо твоё дело. — *нет.*

С. 17

[18—19] Какой ещё ~ где-нибудь. / Какой он жених, А<графена> П<латоновна>, он еще своей воли не имеет, да признаться вам сказать, ему еще поучиться нужно, он ни ходить, ни говорить не умеет[2].

[31—32] *Слов:* Неужели ~ до сих пор меня не знаете? — *нет.*

С. 18

[10—11] *Слов:* а то искать примусь. — *нет.*

[15] *Слов:* я шутить не люблю! — *нет.*

[29—31] Ты что буянишь-то! ~ раскассирую... / Ты что орешь-то? Ты куда, в кабак, что ли, зашёл? Кричи поди у себя, в благородном доме тебе не позволят. Язык-то у меня прикусишь. Так раскассирую.

---

[1] *На полях л. 9 пометка:* о брате.

[2] *На полях л. 9 пометка:* Знаете ли, А<графена> П<латоновна>, я горда. Развить.

С. 21

[9] *Лизавета Ивановна проходит из боковой двери в середнюю. /*

Л<изавета> И<вановна>. Папаша идет, я сейчас видела в окно *(уходит в середнюю дверь).*

[26–29] Обобрали, а теперь ~ глупого. / *1)* Обобрали, а теперь гонят; *2)* ◊

С. 24

[17–23] *Текста:* Что в кухне-то сидеть ~ *трагические жесты.) — нет.*

С. 24—25

[34–4] *Текста:* Милости просим ~ больно много. — *нет.*

С. 25

[25–26] *Слов:* проворный, до всего понятливый, так, сударыня моя — *нет.*

[28–29] *Слов:* На что ему много-то знать? — *нет.*

С. 26

[1–2] *Слов:* весь околоток в трубы трубит. — *нет.*

[16–17] *Слов:* Помогает. То-то вот, хитры они, ан хитрей их есть. — *нет.*

[33–36] Так всё ~ выпалит. / *1)* Так всё больше в кухне пребывает; *2)* ◊

С. 28

[4–5] *Слов:* Что ты, умней отца с матерью хочешь быть! — *нет.*

[6] *Слов:* Андрей Титыч. Маменька ~ будет! — *нет.*

[7] *Слов:* Как ты можешь грубить! — *нет.*

[21–22] *Слов:* Да, да. У нас у кучера ~ Приятель его. — *нет.*

С. 29

[1–7] Андрей Титыч. Говорите, что угодно ~ лучше молчать. /

А<ндрей> Т<итыч>. Нельзя вам об этом рассуждать-с, потому вы не знаете ни старика, ни этой девушки, и нельзя никакими судьбами вам знать-с.

К<апитон> Т<итыч>. Она [чистый] белый голубь *(машинально кладет руку на плечо к брату).*

А<ндрей> Т<итыч> *(помолчав).* Маменька, уговорите тятеньку, чтоб он меня не женил; я когда-нибудь вам растолкую, что это за девушка. Вы сами ее полюбите.

Н<астасья> П<анкратьевна>. Да, голубчик, нельзя. Вот скрывать от отца, сколько можно, я, пожалуй, тебя буду.

[11–14] *Текста:* Вы хотите меня теперича женить ~ от тятеньки! — *нет.*

[33–34] *Слов:* Я, признаться ~ позаняться от умных-то. — *нет.*

С. 30

[3–4] *Слов:* Фу ты, чёрт возьми! ~ такая беда! — *нет.*

[4–5] *Слов:* Меня! Брускова! — *нет.*

[14–16] *За сценой смех. ~ Чего изволите?» / 1) За сценой хи-хи-хи; 2)* ◊

[24–27] Я обижу, я и помилую ~ Молчи! / *1)* Я обижу, я и помилую; *2)* ◊

С. 33

[19–23] *Текста:* Иван Ксенофонтыч. Милостивый ~ хочу! — *нет.*

[23–26] Знать ничего ~ Молчи, не дыши! / *1)* Знать ничего не хочу; *2)* ◊

С. 35

[27–29] Тит Титыч *(один; сидит довольно долго* ~ всё останется. /

Т<ит> Т<итыч>. Меня обидеть! *(Ходит взад и вперед по комнате.)* Он должно быть чудак! *(Молча ходит.)* Какой задорный старичишка!.. Вот ты и смотри на людей-то… Хоть и обругал, а видно, что хороший человек. Должно быть честный… Как мало хорошего-то на роду. Все больше мошенники кругом нас вьются… вот этакие Захарычи… Что мне в голову пришло!..

С. 36

[21–22] *Текста:* Андрей Титыч. Да они ~ Молчи! — *нет.*

Варианты авторизованной театральной писарской копии (АТК$_1$)

С. 8

[18–19] *Слова:* А что в нём проку ~ учёный человек — *зачёркнуты.*

С. 9

[3–5] Она куда пойдёт? ~ занимался всю свою жизнь. / Она? Она куда пойдет? В институте воспитывалась, в университете экзамен держала. Она будет детей учить, будет заниматься [сударыня] тем благородным делом, которому отец честно служил всю свою жизнь.

[18–19] *Слова:* Он с своими деньгами-то ~ найдёт. — *зачёркнуты.*

С. 10

[3–4] *Слова:* Это lingua barbara, варварский язык. — *зачёркнуты.*

[13–16] Я за двумя мужьями ~ Прямо до енарала хожу… / [Я за двумя мужьями была, всеми делами правила. Я теперь хоть в суде, какое хочешь, дело обделаю. Стряпчего не нанимай. По всем кляузным делам ходок. Во всех судах надоела. Прямо до енарала пойду…]

С. 11

[15–19] Лизавета Ивановна. Здравствуй, папа! ~ нельзя! /

Ив<ан> Ксен<офонтыч>. Откуда ты, Лиза?

Лиз<авета> Ив<ановна>. С урока, папа.

Ив<ан> Ксен<офонтыч>. А я на урок. Мы с тобой люди деятельные. Подай мне шляпу.

Лиз<авета> Ив<ановна>. Не ходи, папаша; ты и так много трудишься.

Ив<ан> Ксен<офонтыч>. Нельзя, Лиза, нельзя!

С. 12

[5] прыгай… веселись… / [прыгай…] веселись

[10] только уж очень необразован / [только] уж очень необразован

С. 13

[11] *Слов:* Как это дурно! — *нет.*

С. 14

[19] *Слова:* тоже русский купец, с бородой ходил — *вычеркнуты цензором.*

[20—21] *Слова:* Стало быть, их и выписывать ~ баловать-то! — *зачёркнуты.*

[36—37] так, с малолетства заколотили очень. / так малоумный.

С. 15

[19] *После:* Полноте вздор говорить! — скучно слушать!

[33—34] *Слова:* Болтаю, что в голову ~ рядские глупости. — *зачёркнуты.*

С. 19

[18—20] *Слова:* Погоди ~ Ты это видишь? — *зачёркнуты.*

С. 21

[11] Обманули мальчишку / Обманули [мальчишку] мальчонку

С. 22

[14—15] с паршивой собаки / с [паршивой] лихой собаки

С. 23

[13—14] Лизавета Ивановна. Папаша, уедем ~ Уедем, уедем! / [Лизавета Ивановна. Папаша, уедем отсюда поскорей! Иван Ксенофонтыч. Уедем, уедем!]

[26] *Перед:* Прощай, Лиза! — Пойду выкупать наше бесчестье.

С. 24

[22] На цепь ещё посадите! / *1)* [Я умней вас всех!] На цепь еще посадите! *2)* Я умней вас всех!

С. 25

[14—16] Немила Сидоровна, ведь вы денег много даёте ~ в девках засидятся. / [Немила Сидоровна] у вас денег много. Нечего бояться, что дочери в девках засидятся.

С. 26

[20] надоть попробовать / *1)* [надоть] попробовать; *2)* ◊

С. 29

[2—4] *Слова:* Такие девушки ~ слушать-то нечего. — *зачёркнуты.*

С. 30

[18—19] *Слова:* От дряни, от учителишки! — *вычеркнуты цензором.*

С. 31

[16] в Сибирь сослать / в ссылку сослать

С. 35

[6—7] *После:* разговаривать! — Вы еще скажите, что так хорошо кончилось.

[22—23] *Слов:* Что он ~ с какой сволочью связываешься. — *нет.*

[29] Помрём / Умрем

С. 36

[26] *После:* не показывайся. — Понял?

С. 8

[18—19] *Слова:* А что в нём проку ~ учёный человек — *зачёркнуты.*

[28—29] Куда вы ~ не возьмёт / *1)* Куда вы денетесь с дочерью-то? *2)* ◊

С. 9

[28] Чужая душа-то темна. / Чужая душа-то [темна] потемки.

С. 10

[7—9] *Текст:* Самодур — это называется ~ а то беда... — *зачёркнут.*

[26] а человек тёмный / *1)* а человек [таланный]; *2)* ◊

С. 11

[8] завсегда буду / *1)* [завтра] буду; *2)* ◊

[15—21] Здравствуй, папа! ~ мало. /

И в < а н > К с е н < о ф о н т ы ч >. Откуда ты, Лиза?

Л и з < а в е т а > И в < а н о в н а >. С урока, папа.

И в < а н > К с е н < о ф о н т ы ч >. А я на урок. Мы с тобой люди деятельные. Подай мне шляпу.

Лиза подает.

Л и з < а в е т а > И в < а н о в н а >. Не ходи, папаша; ты и так много трудишься.

И в < а н > К с е н < о ф о н т ы ч >. Нельзя, Лиза, нельзя, меня ждут. Молодые люди хотят учиться. А ты знаешь, как это редко, как дорого! Нужно ценить, Лиза, таких молодцов, нужно ценить. Они нам беднякам хлеб дают, да и сами людьми будут. Я их помаленьку приготовляю в университет; ну а там уж не мое дело. Коли захотят учиться, так толк будет.

С. 12

[5] влюбись в кого-нибудь / влюблена ты, не скрывай

[17—29] Нет, уж мы очень много ~ *(Подносит платок к глазам.)* / Тяжела жизнь бедного человечка. Как ни утешай себя строгим исполнением долга, а все в душе остается неприятное чувство. Трудись постоянно. Без страха, для того только, чтоб иметь средства к существованью. Ужасно! Бедный папаша, мне жаль его! Он так меня любит, хотел бы доставить мне удовольствие, а средства не позволяют. Я очень хорошо вижу, как это его беспокоит, мучит... Влюбись, говорит *(улыбается)*. Да в кого? Кого я здесь вижу? Да, и образование имеет свои невыгоды: уж слишком разборчива делаешься. Тебя же презирают.

С. 14

[36—37] так, с малолетства заколотили очень. / так малоумный.

С. 15

[3—4] выскажите ~ учиться хотите. / *1)* выскажите все, что вы учиться хотите; *2)* ◊

С. 17

4–7 *Слова:* Самое низкое ~ спросонков… — *зачёркнуты.*

14–16 *Слова:* А случится, когда ко мне в комнату ~ на ней. — *зачёркнуты.*

С. 35

2–4 *Слов:* Это сделала глупая ~ Я с ума сойду!.. — *нет.*

Вариант театральной писарской копии

С. 31

16 в Сибирь сослать / в [Сибирь] ссылку сослать[1]

Варианты журнала «Русский вестник»

С. 8

15–16 И слышать не хочу невежества! / И слышать не хочу, невежество.

С. 9

3 Она куда пойдёт? / Она? Она куда пойдет? В институте воспитывалась, в университете экзамен держала. А вы спрашиваете, куда пойдет.

4–5 благородным делом, которым отец занимался всю свою жизнь. / благородным делом, которому отец честно служил.

28 Чужая душа-то темна. / Чужая душа потемки.

С. 11

12 *Ремарки: Иван Ксенофонтыч, не замечая ~ руками. — нет.*

15–16 Лизавета Ивановна. Здравствуй, папа! ~ шляпу. /

Иван Ксенофонтыч. Откуда ты, Лиза?

Лизавета Ивановна. С урока, папа.

Иван Ксенофонтыч. А я на урок. Мы с тобой люди деятельные. Подай мне шляпу.

17 Куда ты, папа? Отдохни немного! / Не ходи, папаша.

19–21 Отдыхать некогда ~ у нас мало учатся, мало. / Меня ждут. Молодые люди хотят учиться. А ты знаешь, как это редко, как дорого! Нужно ценить, Лиза, таких молодцов, нужно ценить. Они нам, беднякам, хлеб дают, да и сами людьми будут. Я их помаленьку приготовлю в университет; ну а там уже не мое дело. Коли захотят, так толк будет.

С. 12

8 *Перед:* Ах, папаша — *(обнимая его).*

17–29 Нет, уж ~ *к глазам.)* / Тяжела жизнь бедного человека! Как ни утешай себя строгим исполнением долга, а все в душе остается неприятное чувство. Трудись постоянно без отдыха для того только, чтоб иметь средства к существованию. Ужасно! Бедный папаша! Мне жаль его! Он так меня любит, хотел бы доставить мне все удовольствия, а средства

[1] *Исправлено цензором.*

не позволяют. Я очень хорошо вижу, как это его беспокоит, мучит... Влюбись, говорит. *(Улыбаясь.)* Да в кого! Кого я здесь вижу? Да, и образование имеет свои невыгоды: уж слишком разборчива делаешься.

С. 13

[11] *Слов:* Как это дурно! — *нет.*

[14—15] *Слов:* Зачем обижать! — *нет.*

С. 14

[5] выбрать себе невесту / выбрать девушку

[36—37] так, с малолетства заколотили очень. / так, малоумный.

С. 15

[10—11] Вы моего отца знаете ~ пользы принести / Мой отец такой образованный человек, он много вам может пользы принести

[19] Полноте вздор говорить! / Полноте вздор болтать, скучно слушать.

[23—24] глупостей не говорите / глупости не говорите

[28—30] Я вам откровенно скажу ~ показаться обидными. / Как вы можете так говорить! Почем вы знаете женщин? Вы говорите, может быть, не подумавши, а между тем это очень обидно.

С. 16

[1—2] Разве вы ~ это дурно? / Неужели вы не понимаете, что это дурно.

[13] Умер бы у вас / Умер бы тут у вас

[14] очень тяжко мне! / очень тяжело мне!

С. 17

[14—15] заливается-плачет / заливается, плачет

[15—16] всё бы глядел на Лизавету Ивановну / глядел на Лизавету Ивановну

[18—19] учиться надобно в школе где-нибудь / поучиться надобно

[25] *Слов:* сын необразованный, а отец дурак — *нет.*

[32] до сих пор меня не знаете? / до сих пор не заметили, что я горда?

С. 18

[21] так нет, шалишь / шалишь

С. 19

[1] *Слов:* За безобразие заплатим. — *нет.*

[20] Ты это видишь? / Ты это видал?

[37] нам солон приходится. / солон нам приходится.

С. 21

[6] *Слов:* обольстить человека — *нет.*

[21] На мне, брат / На мне

С. 22

[13] *Слов:* За дело ему! — *нет.*

[14] *Слов:* Жаль, что мало! — *нет.*

[27—28] *Слов:* плакать, руки целовать — *нет.*

С. 23

[4] ну, вот за это / вот за это

[26] Прощай, Лиза! / Пойду выкупать наше бесчестье. Прощай, Лиза.
[28] *Слов:* Поди, выкупай наше бесчестье. — *нет.*

С. 24

[22] На цепь ещё посадите! / Я умнее вас всех.
[27—28] *Слов: (Разгорячившись.)* Давай теперь сюда ~ убью сразу. — *нет.*

С. 25

[7] тот о том и говорит. / тот про то и говорит.
[15—16] ведь вы денег много даёте ~ в девках засидятся. / у вас денег много. Нечего бояться, что дочь в девках засидится.
[22] Мальчики-то ведь / Мальчики ведь

С. 26

[16] хитры они / хитрые они

С. 28

[23—24] ваша маменька говорила / ваша маменька сказывала

С. 29

[19] Ишь, затрубил. / Надоел до смерти.
[22] *Достаёт деньги из кармана / Достает из кармана деньги*

С. 30

[12] где-то путается / где-то путался

С. 31

[22] *Слов:* Я так хочу. — *нет.*

С. 32

[32] с меня за неё / с меня нынче за нее

С. 33

[18] вон пишет! / вон сидит пишет!
[21—22] *Слов:* мы занимаемся своим делом — *нет.*
[29] *Слов:* Деньги назад принёс! — *нет.*

С. 35

[2] Это сделала глупая хозяйка. / Эту гадость сделала глупая хозяйка.
[8] Ваше дело / Наше дело
[18] *(Подаёт расписку.) / (Подает учителю.)*
[20—21] Как это вас земля-то ~ не обвалятся на вас! / Неужели земля не разверзнется и не поглотит вас! Неужели эти стены не обвалятся.

С. 36

[9] из деревни привезён / из деревни приведен
[14] *Слов:* Он человек хороший. — *нет.*
[25] не смейте разговаривать! / не смейте разговаривать! Вы еще скажите спасибо, что так хорошо кончилось.

ДОХОДНОЕ МЕСТО

Заметки и наброски на полях, внизу и вверху страниц чернового автографа[1]

Е. Н. Эдельсону *(Л. 1)*

Нравственность нужна, а не образование — [Мое мнение, я думаю] *(Л. 5 об.)*

[27 октября] — [Реестр входящих] — [равноденствие] — [Он не понимает, что начальству нужно] *(Л. 6)*

[хохол. Мы знаем, откуда это развращение нравов-то? Где корень-то этому? Подите, дружки] *(Л. 7)*

[<В ы ш н е в с к а я.> Пожалуйста, не верьте, что мой муж говорил, одного внешнего довольства мало для женщины. Любите свою жену. Если она хорошая женщина, с нее и этого будет довольно] *(Л. 7 об.)*

Для начала Вышнев<ский> с женой — Немая сцена — В 4-м <действии>[2] Вышневск<ая> — письмо. «Чем-нибудь кончится»

Предсмертная насмешка дяди *(Л. 10)*

[Вы пошумели, покричали, да поскорей и суд над собой произнесли, благо знаете некоторые приемы исторические. — Корделия]

Я сын века, и гибну за грехи века

Со знаком вставки: хороший чиновник, семьянин, гражданин, христианин;

Мы грабили — но выдержали свой хороший — мы видели торжество своих убеждений. Я прежде смеялся над тобой, как над дураком, теперь я тебя презираю[3].

В 1-м явлении. Чувственность и обещания — и ст. провинность *(Л. 11 об.)*

[речь[4]] — [Благ<ородная> роль возв<ышенная> драма — не всегда польза — есть великие произв<едения> (праздник искусства)] — [Зрители] — [тогда забудет театрал говорить, что сцена] *(Л. 12)*

[<В ы ш н е в с к и й.> <?> богат<ство> дел<ает> ее пред<метом> зависти, увс] [<Ж а д о в.> Презирайте! Вы не можете знать, что будущее строится из нас, то голодн<ых>, то падающих под наущением] — [жертва, идея растет] *(Л. 13)*

<В ы ш н е в с к и й.> Чиновник — чиновнику[5]. А если другой род жизни, как хочешь. — Наделенный практической мудростью. Кажется, я могу про себя это сказать *(Л. 14 об.)*

[1] *Содержащиеся на полях, вверху и внизу листов ЧА многочисленные заметки либо включены в варианты, либо, если их нельзя однозначно соотнести с определёнными местами окончательного текста, перечислены в начале раздела. Также в начале раздела отдельным списком воспроизведены фрагменты текста, встречающиеся на полях ЧА и в неизменном виде вошедшие как в ЧА, так и в окончательный текст пьесы.*

[2] *Набросок использован в 1 явл., V д. окончательной редакции пьесы.*

[3] *Набросок использован в 4 явл., V д. окончательной редакции пьесы.*

[4] *Слово подчёркнуто.*

[5] *Набросок использован в 9 явл., I д. окончательной редакции пьесы.*

[3 дейс <твие>
Где вы бываете в этом костюме, неужели вас куда-нибудь пускают?
Ж а д <о в >. Где же я могу бывать?]
[А жена-то за что ж должна страдать] *(Л. 16)*
[Другой московской — язык — Питерск<ий>][1]
[Ничего не делают, по трактирам ходят, взяток не берут. —
Позов<ут> его в трак<тир>, он и доволен, а теперь чистыми дай.
<К у к у ш к и н а.> <?> Ну а там никто <не> виноват. Его не насильно заставляли][2]
[<К у к у ш к и н а.> Девочкой дочерей родила, да меня хоть саму замуж сейчас[3] отдавай, — лучше вас женихи возьмут. Отчего? порядок нужно, рачительность (?)]
[<К у к у ш к и н а.> <?> Уж коли ты у меня этого выпустишь, смотри! У Полины муж дурак — ну зато добрый человек, а этот далеко пойдет. Не прозевай своего счастья] *(Л. 18 об.)*
[Оставьте меня] — [Никакой нежности]
[Ступайте в свой кабинет *(звонит)*. Давай барину одеваться] *(Л. 21 об.)*
[О ангел, о ангел!] *(Л. 23)*
[В этом лбу, в этой голове всегда видел толк *(целуются)*]
[Нет, ручку извольте. Через вас я человек. Я не неблагодарная какая свинья]
[Трактир. [Кончить] Кончить песней «Лучина, лучинушка»]
[Скажи-ка жене, что я не пойду обедать домой, что меня звали обедать куда-нибудь в хороший дом] — [Пальмерстон, и он не смел. Мы все вооружимся]
[Березовая] — [Половой] — [Пожалуйте-с, нехорошо-с, — безобразно-с]
[Пирует Белогубов]
[Для нас теперь это ничего не значит. — И всю вражду эту бросим. Я всё семейство поддерживаю, и маминьку] *(Л. 25)*

[Б е л о г у б <о в >. Позвольте, мы там пообедали! Выпьем здесь. Братец, выпьем с нами. Ко<нфек>т жене всяких. Дай еще конфект! — возьми, что хочешь

Ю с о в. Будет с нее, будет, а то избалуешь

<Б е л о г у б о в.> Нельзя-с, чтоб любила]
Недотка <?>. — Кострубонько. — Млин-блин
[<Б е л о г у б о в.> Заверни в бумажку. Вот это всё жене. И пирожного сюда положи всякого. — Люблю, очень люблю]
[Знаю, знаю, знаю]
[<Б е л о г у б о в.> Вот они-с. Кому? Вам обязан]
[Шекспир] — [Благородному чел<овеку> <?>] — [Юсов пляшет]
[Ю с < о в >. Ты нынче таки взял]

---

[1] *Помета сделана на л. 18 перед началом II д.*

[2] *Первый вариант наброска:* Ну а там *<нрзб.>*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[Б е л < о г у б о в >. Все вам обязан]
[<Ю с о в.> <?> Эй, человек! Пусти: «По улице мостовой» — Иди вон! *(Уходит.)* Вот этот-то]
[И испугается народ, увидя меж себя пророка] *(Л. 25 об.)*
Б е л о г у б < о в >. Братец, будьте с нами по-родственному. А то вот Ак<им> Ак<имыч> вас конфуз<ится>[1] *(Л. 26)*
Ведь уж женишь их.
Я ведь не гордый, самый простой, слабый человек.
За что это Бог взыскал своей милостью?[2] *(Л. 26 об.)*
Два тонких весла *(Л. 28 об.)*
По зелёной роще
Прямо в гости к тёще
NB — и кот<?> Полина — 1-й акт —Меня зовут мечтателем. Об чем же я мечтаю?.. — Я думаю, это очень позволительно *(Л. 29)*
Кимра — Казан — 130-100 — Старьевщик
Салтык. — уст<аревшее> медвед<ь>
Стяг — след
Мещане приписываются в Кимру *(Л. 30 об.)*
На сионских горах
Три анг<ела> в головах *(Л. 31 об.)*
Мила, проста, наивна. 1-й акт
1-й акт. <Ж а д о в.> Разве не заслуживает общественное зло публичного обличения? В ы ш <не в с к и й>. Да не мальчикам обличать его, надобно пожить прежде. Себя-то самого испытать *(Л. 32)*
[Посмотри-ко, я как школю свою] *(Л. 49)*
Это невозможно *(Л. 51)*
[бранит и ласкает] — Спасать хоть ее *(Л. 54 об.)*
[Что ты говоришь] — [Да ты с нежностями-то не подъезжай ко мне][3]
[Самая несчастная][4] *(Л. 55)*
[Вы желаете знать. Какие нынче моды? Что носят? — Нынче в моде всё дорогие материи] *(Л. 57)*
[Не могу ж я поссориться с родней без причины, но все их нелепые их *<так!>* разговоры в омут тянут жену и меня] *(Л. 59)*
Настоящий тон Юсова[5] *(Л. 64)*
Юлинька

---

[1] *Заметки на полях л. 25—26 представляют собою план 3 явл., III д. окончательного текста и содержат варианты реплик этого явления. Эти варианты воспроизводятся здесь, чтобы сохранить целостность плана.*

[2] *Судя по расположению на листе, эти заметки относятся к репликам Юсова из 4 явл., II д.*

[3] *Набросок использован в 8 явл., IV д. окончательной редакции пьесы.*

[4] *Набросок использован в 6 явл., IV д. окончательной редакции пьесы.*

[5] *Слова помещены напротив описания лубочной картины (2 явл., V д.).*

1 сцена смешная — Кукушк<ина> — 2 назидательная *(Л. 64 об.)*
Полина, должно быть, не воротится. Не пойдет, что ей за охота ко мне идти?[1] *(Л. 65)*
[Кроме благословения, я тебе ничего дать не могу] *(Л. 66)*
Мы отлично будем проводить время, читать вместе наших писателей. — Я вас сужу по комедии *(Л. 68)*

Варианты чернового автографа

С. 38

[3] АРИСТАРХ / *1)* Сте<пан>; *2)* ◊[2]

[31] строить мраморных палат одним жестом / строить мраморные палаты одним повелительным движением руки

С. 39

[1] *После:* способен на всё! — Я делаюсь горячим, неразумным юношей.

[7] *Слова:* Впрочем — *нет.*

[24] *Ремарки: (Уходит.) — нет.*

[34—35] *Ремарки: А н т о н выходит ~ потом Б е л о г у б о в. — нет.*

С. 41

[5] чисто одетым / чисто одетым-с

[7—8] Постой. *(Оглядывает его* ~ пограмотней. / *1)* Хороша. Да еще они говорили, чтобы пограмотней написать; *2)* Постой. *(Оглядывает его и нюхает табак.)* Талия хороша… Да еще, Белогубов, смотри, пограмотней. Так приказывали; *3)* ◊

[15] Жадов / *1)* Ладов; *2)* ◊[3]

[20] Б е л о г у б о в. Как же-с, ведь надо показать, что ученый-с. /

1) Кто в суде хуже его? Никого нет.

Б е л о г у б о в. Все хочет показать, что он умней других. Он ученый, из университетских.

2) Кто в суде-то хуже его у нас?

Б е л о г у б о в. Все хочет показать, что он умней других. Он ученый, из университетских.

3) ◊

С. 42

[18—19] Как же ему не разговаривать! ~ в университете был. / *1)* Надобно же ему показать, что он ученый; *2)* ◊

[20—23] Какая же польза от ученья ~ Трепету-с. /

---

[1] *Вероятно, наброски для монолога Жадова (7 явл., IV д.). Первый вариант этого фрагмента:* Должно быть, не воротится. Не пойдёт, что ей за охота ко мне идти?

[2] *Вариант относится к списку действующих лиц I д.*

[3] *Вариант относится ко всем употреблениям имени в 3 явл., I д.*

1) <Ю с о в .> Уважения.

<Б е л о г у б о в .> Трепет<у>.

<Ю с о в .> Чего?

<Б е л о г у б о в .> Трепету[1]

2) ◊

[21—35] *Текст:* никакого трепету ~ способностям. — *вписан на полях.*

[25] Меня бы, Аким Акимыч, столоначальником-с. / Меня бы столоначальником-с.[2]

[36] *Ремарки: Входит Ж а д о в. — нет.*

С. 43

[6] *Слова:* Можно и подождать, у них дела-то поважней ваших. — *вписаны на полях на л. 5 об.*

[12] Каков? / *1)* Каков гусь? *2)* Каков?

[17—18] Ха-ха-ха! Жили, жили ~ нос поднимать. / *1)* Славное нынче заведение пошло: всякий мальчишка о себе высоко думает; *2)* Жили-жили, да, слава Богу, и дожили! Мальчишки стали нос поднимать; *3)* ◊

[29] Антон / *1)* лакей; *2)* Антон[3]

[32] Анне Павловне / *1)* Агнессе Павловне; *2)* ◊

С. 44

[11—17] Ах, тётенька ~ Не рано ли? / *1)* Здравствуйте, тетенька. *(Целует у ней руку.)* Я хочу с вами посоветоваться об одном деле.

В ы ш н <е в с к а я>. Я очень рада. Садитесь. *(Садятся.)* Что вам угодно?

Ж а д о в. Я хочу жениться, тетенька.

В ы ш н <е в с к а я>. Так молоды, и жениться.

2) ◊

[24—25] Конечно ~ а я не могу. / Благо, случай есть.

[27—28] нажить денег каким бы то ни было образом / награбить денег

[29] Могу ли я согласиться с ним? / Я с ним не согласен.

[30—31] Неужели я должен отказаться от счастия / и не откажу себе в счастии

С. 44—45

[34—1] Что ни ~ пожить / На все мои выходки против взяток и вообще против всякого чиновнического зла у него был один ответ: поди, поживи, не то заговоришь. Ну вот я и хочу пожить, хочу броситься в этот омут, в котором, по словам их, гибнет все благородное и прекрасное

С. 45

[5] Уж как я буду трудиться, тётушка! / Я буду трудиться, сколько хватит сил, и постараюсь жене своей доставить необходимое довольство.

---

[1] *Вариант вписан на полях л. 5.*

[2] *Вариант вписан на полях л. 6.*

[3] *Вариант относится ко всем употреблениям имени в 1 д.*

[11] *Перед:* За вас-то можно — [Опасный план. Тяжело вам будет]

[11] За вас-то можно поручиться / *1)* За вас можно поручиться, обстоятельства не сломят вас; *2)* ◊

[20] *После:* всякой обиды. — *вписано на полях:* [Если обстоятельства не сломят вас, за что можно ручаться, так сломят ее]

[21—25] Это правда ~ тогда уж поздно. /

1) Я сам буду воспитывать свою жену и надеюсь хороших результатов.

2) Я сам буду воспитывать свою жену и надеюсь хороших результатов [К ней], пока еще не успели испортить ни пошлым воспитанием, ни предрассудками, которые у нас в таком *<так!>*. Она совсем непохожа на то, что у нас обыкновенно называют барышней в полном смысле этого слова.

3) [Представьте себе, тетенька, я нашел девушку — идеал совершенства, но в каком семействе, кабы вы знали. Ее надо вырвать из этого семейства, а то ее сделают барышней в дурном смы<сле>]

В ы ш н <е в с к а я >. Что такое барышней?

Ж а д <о в >. Нет, что ж такое барышня...][1]

4) Я сам буду воспитывать свою жену и надеюсь хороших результатов. У нее мать пустая женщина. Мне хочется поскорее ее вырвать из семейства, пока еще не успели испортить ее пошлым воспитанием или набить предрассудками, которые у нас в таком ходу. То есть пока не успели ее сделать барышней в полном смысле этого слова.

5) Я сам буду ее воспитывать. Она еще совсем ребенок. Из нее можно сделать все, только надобно поскорее ее вырвать из семейства, пока еще не успели [сов<ершенно> *<?>*] испортить ее пошлым воспитанием или набить предрассудками, которые у нас в таком ходу. То есть пока не успели ее сделать барышней в полном смысле этого слова, тогда уж поздно.

[28] Давайте больше воли вашему сердцу / *1)* [Давайте волю ваш<ему> сердцу][2]; *2)* ◊

[28—29] пока оно ещё не зачерствело. / *1)* Я перенесла довольно горя в своей жизни и могу думать многое; *2)* ◊

[29] *После:* Не бойтесь бедности. — [Страдают не от одной бедности, страдают и от богатства]

[34—35] Да, мне все ~ теряю. / *1)* Я знаю в себе этот недостаток, но мне жалко бы было с ним расстаться; *2)* Да, во мне все находят; *3)* ◊

С. 46

[4—5] Я хочу попросить прибавки жалованья. / *1)* Открывается место с порядочным жалованьем, так я хочу попросить; *2)* ◊

---

[1] *Вариант вписан на полях л. 9 об.*

[2] *Вариант вписан на полях.*

[7] *Ремарки: Входят В ы ш н е в с к и й ~ за ним Ю с о в. — нет.*

[15] *После:* способнее меня. —

[В ы ш н е в с к и й. Дай ему дело какое-нибудь.

Ю с о в. Слушаюсь-с.]

[18] *После:* ничего не понимают — [Поковыряют после твоей речи в носу да пойдут с просителем водку пить в трактир]

[26] *После:* общий — [неудержимый]

[31] *После:* писец — [кончивший курс в уездном училище или в семинарии, гораздо]

[34—35] А мне кажется ~ честным человеком. / *1)* Всякий знает, что лучше быть сытым, чем голодным, да никто из них не знает, что лучше быть честным, чем бесчестным; *2)* А мне кажется, что они знают только, что выгоднее брать взятки, чем быть честным человеком; *3)* ◊

С. 47

[3] *После:* понятия — [Для чего же эти учреждения? Неужели у нас разлад между мыслью и жизнью так велик?]

[16—21] Пожалуйста, не думай ~ благороден. / *1)* Душа моя, когда больному дают лекарство, так не спрашивают, вкусно ли. Послушай, мой милый, я с тобой буду говорить не как начальник, а как друг: твои убеждения могут быть честны, благородны, я этому охотно верю; но достанет ли у тебя твердости провести их в жизни, в этом я сомневаюсь[1]; *2)* Юсов! *3)* ◊

[22] Медоточивые уста! / *1)* Златоуст; *2)* ◊[2]

[25] *После:* нам кажется. — *1)* [Достанет ли у тебя воли]; *2)* [еще один как-нибудь]

С. 48

[1] *Перед:* Сделай милость — [Я, любезный, это лучше тебя знаю. Ты-то подумал ли об этом хорошенько]

[4] *Перед:* Что же ты готовишь — *помета на полях:* [дать цветистость]

[24—26] какая умная девушка ~ таким образом / *1)* [Какая девушка? Какая мать усумнится?][3]; *2)* ◊

[27] *После:* благодаря Бога — [что со слезами]

[31—34] даже если жена ~ несчастлива? / *1)* [даже если б была не совсем счастлива, то не им<еет> права, не смеет. Когда бер<ут> <?> жен<у> <?> из бед<ного> окруж<ения>]; *2)* [если б даже была не совсем счастлива, то не имеет права, не смеет. Когда бер<ут> <?> жен<у> <?> из бед<ного> окруж<ения>][4]; *3)* даже если и не совсем счастлива, так не имеет права… не смеет жаловаться; *4)* даже если жена и не совсем

---

[1] *На полях помета:* изменить.

[2] *В первом слое автографа текста нет.*

[3] *Вариант вписан на полях л. 13.*

[4] *Варианты 1 и 2 вписаны на полях л. 13.*

счастлива, так не имеет права… не смеет жаловаться, а если и будет жаловаться, так никто не поверит; *5)* ◊

С. 49

16—17 в обществе заметно ~ с роскошью. / *1)* [Растет роскошь, а с ней вместе не живут спартанские добродетели][1]; *2)* ◊

22—23 *После:* протекцией. — [Перестань, в самом деле, дурачиться]

30 как чиновник / как чиновник чиновнику[2]

С. 50

5 о пустом / о пустом и даже о вредном

12 бывали вечера / были вечера

21—22 больше жалованья / *1)* этого места; *2)* ◊

С. 51

11—12 *После:* ей-богу, комедия. Ха-ха-ха! — *(Входит Антон.)*

Антон *(Юсову)*. Пожалуйте к барину.

Юсов. Сейчас. *(Антон уходит.)*

16 Жадов *(один, подумав)*. / *1) Жадов и Вышневск<ая>*; *2) Жадов и потом Вышневск<ая>*; *3)* Жадов *(подумав)*; *4)* ◊

16 Да, разговаривайте! / *1)* Нет! Ничто меня не остановит! Мое намерение твёрдо. Буду биться до последней крайности. Неужели; *2)* Да, разговаривайте! Кажется, я вас и послушаюсь. Во всяком; *3)* Да, разговаривайте! Кажется, я так вас и послушаюсь. Я должен отказаться от моей Полины. Нет, это мучительно; *4)* ◊

16—18 Не верю я ~ развратно! / Кажется, я так вас и послушаюсь. Я не хочу и верить, чтобы честным трудом не мог образованный человек обеспечить себя с семейством. Не хочу верить и тому, что общество так развратно, чтобы пренебрегать честного человека за бедность.

24—25 Рассказывайте, что хотите, а я всё-таки женюсь и буду жить счастливо. *(Уходит.)* /

1) Вышневск<ая> *(в дверях)*. Вы одни?

Жадов. Один. Дядюшка рассердился и ушел от меня.

Вышн<евская>

2) ◊

35—36 Растолкуй ~ дурака. / *1)* [Не губ<ила> свою дочь, и сама давала за этого дурака][3]; *2)* ◊

С. 52

2—3 Что теперь ~ не поверишь! / *1)* [Что-то на свете дел<ается>, глаз<ам> своим не поверишь][4]; *2)* ◊

---

[1] *Вариант вписан на полях л. 12.*

[2] *Реплика вписана после основного текста. Другой, значительно расширенный её вариант приведён на полях л. 14 об. (см. выше).*

[3] *Вариант вписан на полях л. 15 об.*

[4] *Вариант вписан на полях л. 15 об.*

[6] Аристарх Владимирыч / *1)* Степан Владимирыч; *2)* ◊

[7–8] смелость в делах ~ ведомства. / *1)* смелость в делах; *2)* смелость в делах. Одно недостает: закон не совсем знает, из другого ведомства; на этом месте еще не привык, промахи делает. Попасться может; *3)* ◊

[29] как на выставку ~ первый сорт. / *1)* не ударим лицом в грязь; *2)* ◊

[31–32] сядем, как умные барышни сидят. / *1)* Будем сидеть, как сидят умные барышни[1]; *2)* ◊

С. 53

[15–16] рада бы ~ взял. / *1)* [Поневоле будешь любезна. Не знаешь, как из дому вырваться, за всякого пойдешь, первому встречному рада на шею броситься][2]; *2)* Не попадись Ник. <*так!*>, рада бы первому встречному на шею броситься; только бы кто-нибудь из дому выручил; *3)* Не попадись и мне Вас<илий> Ник<олаевич>, кажется, рада бы первому встречному на шею броситься; [хоть плохенькой] хоть бы плохенькой какой, только бы из беды выручил: из дому взял.

[18–19] Уж истинно ~ говорите. / *1)* Уж истинно каторга; *2)* Уж истинно мука мученическая. Вот уж правду, барышня, говорите.

[27] начинаю подумывать. / начинаю подумывать о замужестве.

[32] чего лучше / уж чего лучше

[34–35] у кого что есть, кто на что надеется. / кто на что надеется, у кого что есть.

[35] чего не имеет ли. / что имеет ли.

С. 54

[8–9] Про какие-то ~ говорил. / Какие-то еще гражданские добродетели.

[12–14] Да мы, правда, никаких ~ или в театр — другое дело. / *1)* [Да мы никаких и не читали. И без них тоска смертная — вот на гулянье или в театр другое дело][3]; *2)* ◊

С. 55

[3–10] У меня чистота ~ у меня по ниточке ходи. / *1)* [У меня порядок, у меня чистота. Как дочь подросла, сейчас замуж. Что до смерти жить, землю тяготить. У меня всё в струне. Все по ниточке ходят][4]; *2)* ◊

[4–11] А это что! ~ *Горничная подметает и уходит.* /

1) [Кук<ушкина>. Ты за это жалованье получаешь]

2) <Кукушкина.> А это что?

<Теша.> Да помилуйте, сил моих не хватает, всю поясницу разломило.

<Кукушкина.> Как ты смеешь, мерзкая, так разговаривать? Ты за что жалованье получаешь. У меня чистота, у меня поряд<ок>,

---

[1] *Вариант вписан на полях л. 32.*

[2] *Вариант вписан на полях л. 18.*

[3] *Вариант вписан на полях л. 29 об.*

[4] *Вариант вписан на полях л. 18.*

у меня по ниточке ходи. — Ты за деньги моя раба *(г о р <н и ч н а я> уход<ит>)*.[1]

3) А это что? *(Указывает горничной под диван.)*

С т е ш а. Да помилуйте, сил моих не хватает, всю поясницу разломило.

К у к у ш к и н а. Как ты смеешь, мерзкая, так разговаривать! Ты за то жалованье получаешь. У меня чистота, у меня порядок, у меня по ниточке ходи. За деньги ты моя раба. *(Г о р н и ч н а я подметает и уходит.)*[2]

[28] с рук сбыть. / *1)* пристроить; *2)* ◊

С. 55—56

[36—1] *Слова:* Кто из умных-то тебя возьмёт? Кому надо? — *вписаны на полях. После них:* [Да и не отдала б я за него, коли у него дядя не был богатый.]

С. 56

[3] *После:* тянул. — [Он не нынче, так завтра предложение сделает.]

[9—11] У меня, коли мало-мальски ~ поворот от ворот. / *1)* [Сейчас жених, а как начал вилять, так поворот от ворот, нам таких не надобно][3]; *2)* ◊

[25—27] Уж я там ваших наук ~ поняла. / *1)* А поняли ли вы то, что он пойдет далеко? Я это сразу поняла; *2)* Уж я там ваших наук не знаю, но вижу, что он почтителен и к начальству; *3)* Уж я там ваших наук не знаю, но вижу, что он почтителен и начальству приятен; *4)* Уж я там ваших наук не знаю, но вижу, что он почтителен и есть в нем этакое какое-то приятное искательство, значит, он пойдет далеко. Я это сразу поняла; *5)* Уж я там ваших наук не знаю, но вижу, что он почтителен и есть в нем этакое какое-то приятное искательство к начальству, значит, он пойдет далеко. Я это сразу поняла.[4]

С. 57

[9—15] мужьям потачки не давайте ~ по докторской части. /

1) [П о л <и н а>. Да он меня и так любит, мне совестно его обманывать.

К у к <у ш к и н а>. В чем жизнь женщины должна состоять? Мужу потачки не давай, точи его поминутно.[5] Коли чего не знаешь, спроси у матери, я и средства знаю… Коли запьет?][6]

2) Мужьям потачки не давайте, так его поминутно и точи, чтоб деньги добывали; а то обленятся, потом сами плакать будете. Ну, конечно, вам теперь, девушкам, еще всего сказать нельзя; коли слу-

[1] *Вариант 2 вписан на полях л. 23 об.; вариант 3 вписан на полях л. 52.*

[2] *В первом слое текста нет.*

[3] *Вариант вписан на полях л. 18.*

[4] *С этим фрагментом соотносится также запись на полях л. 18 об.*

[5] *Фраза вписана позже.*

[6] *Вариант вписан на полях л. 18 об.*

чится что — приезжайте прямо ко мне, у меня всегда для вас прием, никогда запрету нет. Все средства я знаю и всякий совет могу дать, даже и по докторской части. С женской ли стороны что, или там болезнь какая-нибудь, я и по докторской части знаю. Муж ли что-нибудь, запил, что ли, рецепт есть против этого, или влюбится в кого, тоже средство есть.

3) ◊

17 Белогубов / Белолюбов[1]

34—35 закон судеб-с ~ человек не может-с... / *1)* все равно, что воду в решете; *2)* ◊

С. 58

2 *После:* воспитываются — [хозяйство только должны знать, от прочего]

10—13 У меня опять новая жилетка-с ~ Нет, другой-с. /

1) [<Б е л о г у б о в.> У меня жилетка опять новая-с.

<Ю л и н ь к а.> Ах, вам тот же купец подарил.

<Б е л о г у б о в.> Нет, другой-с][2]

2) ◊

24—25 *После:* Фелисата Герасимовна, понемногу — [он всего достигнет. Это уж такая голова]

С. 59

5—6 он после сам будет благодарен ~ пользы не понимают. / *1)* так ему в голову дурного не попадет, будет занят семейством, хозяйством. Молодые люди должны быть благодарны нам, что мы хотим их женить поскорей; *2)* ◊

С. 59—60

37—3 Конечно, всё ~ три домика / *1)* Фелисата Герасимовна, форсу не показываю, тону не задаю, нам хлебно жить не приходится, а состояние я имею хорошее, очень хорошее. Имею три домика; *2)* ◊

С. 60

12—13 Возмечтали очень. Предрассудкам этим я не верю / *1)* Нельзя-с, зазнались очень, слишком много о себе думают. Я, знаете, никаким этим предрассудкам не верю; *2)* ◊

14—25 У меня правило ~ чувство есть. / *1)* И нынче как-то к своему брату больше сердце лежит, [К] они как-то понятливее, подобострастнее. — Выгонят из уезд<ного> учи<лища> или из низш<их> клас<сов> семинар<ии>. — Ведь ваш Белогуб<ов> грамоты не знает, а люблю его, как сына[3]; *2)* Я вот не злой человек, а видеть их не могу и по службе всячески стараюсь их теснить. У меня как-то к простым людям больше

[1] *Вариант относится ко всем ремаркам в конце 2 явл., II д. и в начале 3 явл., II д.*

[2] *Вариант вписан на полях л. 23 об.*

[3] *Вариант вписан на полях л. 26 об.*

сердце лежит. Поступит кто-нибудь исключенный из уездного училища или из низших классов семинарии: как его не призреть? Он и так судьбой убит. Да и люди-то выходят по нашему делу понятливее и подобострастнее. Постараешься такого человека в люди вывесть, он тебе всю жизнь благодарен: и в посаженые отцы зовет, и в кумовья зовет. Вот Белогубов, ведь грамоты не знает, а я его люблю, Фелисата Герасимовна, как сына: в нем чувство есть; *3)* ◊

35 Аристарх Владимирыч Вышневский. / *1)* Степан Владимирович; *2)* ◊

С. 61

1 А он оказывает непочтение. / *1)* Всю жизнь могли быть ему благодетелем, а он непочтением вооружил против себя; *2)* ◊

3—5 высокомерие ~ смотреть. / *1)* какие-то идеи в голову забрал, а я слышал от умных людей, будто эти идеи-то *(таинственно)* вредные. Вот это дело-то; *2)* ◊

7—10 А коли знаете, так сами ~ Эх, Аким Акимыч /

1) Мое дело было предупредить вас. А как вы все это знаете, да решаетесь выдать дочку вашу за такого человека; так уж это ваше дело.

К у к <у ш к и н а >. У меня вам на это один ответ.

2) ◊

16 мы на него насядем / *1)* мы с дочерью на него насядем: «где хочешь бери денег, а не давай»; *2)* ◊

19—20 Упадает чиновничество. / *1)* гибнет чиновничество, гибнет[1]; *2)* ◊

С. 62

36 истинная правда? / *1)* бывает на практике; *2)* ◊

С. 63

27 совсем другой переворот будет. / *1)* получше Жадова жить будем; *2)* ◊

С. 64

12—18 У нас в доме всё обман ~ в самом деле вас люблю. / *1)* [У нас в доме всех женихов обманывают, а я вас обманывать не хочу][2]; *2)* ◊

21 я так вовсе дурочка. / *1)* [Я ведь дурочка…][3]; *2)* ◊

С. 65

8 *Ремарки: (рассеянно) — нет.*

16 *Перед:* Да-с, лучше. — *ремарка: (рассеянно)*

20—21 Что идёт без ног? ~ Дождик. / [Что в решете не удержишь.]

Ж а д <о в >. Вот какая загадка! [Ну, например, воду.]

С. 65—66

37—1 Что я поступаю необдуманно — с этим я согласен. / *1)* «Чем вы будете жить», — говорят мне. «Необдуманно», — говорят мне. Чем жить? Есть голова, есть здоровые руки. А что я поступаю необдуманно, это

---

[1] *Вариант вписан на полях л. 26 об.*

[2] *Вариант вписан на полях л. 23.*

[3] *Вариант вписан на полях л. 23.*

очень может быть; *2)* «Чем вы будете жить», — говорят мне. «Вы поступаете необдуманно», — говорят мне. Чем жить? Есть голова, есть здоровые руки. А что я поступаю необдуманно, это очень может быть; *3)* ◊

С. 66

6—7 Посмотрите, точно голуби ~ Трогательно видеть! / *1)* [Посмотрите: точно голуби воркуют, трогательно видеть *(плачет)*][1]; *2)* ◊

12—18 Фелисата Герасимовна, отдайте мне ~ Вы истинная мать, Фелисата Герасимовна. /

1) [<Ж а д о в.> Фелисата Герасимовна, отдайте мне это сокровище.

<К у к у ш к и н а.> Признаюсь вам, мне тяжело с ней расстаться. Это любимая дочь, она на старости… Но бог с ней! Возьмите ее. Ее счастье для меня дороже.

Ю с о в. Вы истинная мать][2]

2) ◊

20—24 Вырастишь, взлелеешь ~ не оставим. / *1)* [— Право, вырастишь, взлелеешь, и отдай в чужие руки. — Останешься одна, сиротой *(платок к глазам)*. — Маменька, мы вас не оставим (bis)][3]; *2)* ◊

С. 67

28 Двести / *1)* Триста; *2)* 200; *3)* ◊

С. 68

1 *После:* был прежде. — *1)* Куда делась твоя веселость? *2)* ◊

7 Я полюбил её очень. / *1)* Нельзя же себе во всем отказать! *2)* ◊

25—26 Какая-нибудь безделица ~ заплачешь. / *1)* [Рано женился. — Какая-нибудь безделица расстроит ее, она так мило плачет, что сам с ней заплачешь]; *2)* [Рано женился. — Какая-нибудь безделица расстроит ее, она так мило, так искренно плачет, что сам с ней заплачешь][4]; *3)* ◊

С. 69

15 Василий / *1)* Григорий; *2)* ◊[5]

30 Жадов / Белогубов[6]

С. 72

33 Живи по закону; живи так / Делай так

С. 74—75

37—6 Для меня теперь ~ поддерживаю, и маменьку. / *1)* [Для нас теперь это ничего не значит. — И всю вражду эту бросим. Я все семейство

---

[1] *Вариант вписан на полях л. 30 об.*

[2] *Вариант вписан на полях л. 23.*

[3] *Вариант вписан на полях л. 23 об.*

[4] *Варианты 1, 2 вписаны на л. 50 об.*

[5] *Вариант относится ко всем употреблениям имени в 3 явл., III д.*

[6] *Вариант относится ко всем употреблениям имени в 3 явл., III д.; слово:* Белогубов — *непоследовательно исправлено на:* Жадов.

поддерживаю, и маминьку][1]; *2)* Для меня теперь это ничего не значит-с ~ Я теперь все семейство поддерживаю; *3)* ◊

С. 75

[36] такой же, как вот эти франты / такой же взяточник, как эти господа

С. 76

[1—2] *Слов:* Ослы во львиной шкуре ~ пугают народ. — *нет.*

[3] не разберу / не могу разгадать

[6] *Слов:* замечательный юрист. — *нет.*

[7] *После:* я тоже учился. — Юридические науки мне дались.

[14] писать-с / писать

[21] *Слов:* только, а то, право, не пью. — *нет.*

С. 77

[2—5] *Слов:* Выпьемте! ~ разве за ваше здоровье. — *нет.*

[8] *Слов:* сами же — *нет.*

[9—11] И храбриться-то ~ Я только беру с них деньги / Я благую часть избрал, беру с них деньги

[17—18] Какой я человек! ~ тяжело! / Я ребенок. Я бросился в жизнь, не имея об ней никакого понятия. Мне тяжело, очень тяжело!

[20] Пей. Легче будет. / *1)* Выпей. Легче будет[2]; *2)* ◊

[23] *Слов:* Зачем вы меня поили! Что вы со мной сделали! — *нет.*

С. 79

[9—12] Да, Полина, я уж теперь ~ кроме туалета. / *1)* [Я теперь совсем не та стала, ты не можешь представить, как деньги и хорошая жизнь облагораживают человека. В хозяйстве я теперь ничем не занимаюсь, считаю низким. Я теперь все пренебрегаю, кроме туалета.

<П о л и н а.> <*?*> У меня такое рвение. Знакомства я никакого не имею, никто не будет развлекать меня][3]

2) ◊

[17] а нынешнего тону не знает. Он должен знать / *1)* а сам не знает; *2)* а жену запирает. Он должен знать; *3)* ◊

[30] Ну, так ты сама виновата / [Так разве вот что попробовать: притворись, что ты его не любишь]

[31—32] вот он и сидит ~ не думает. / [вот он и доволен. «Зачем делать, я стану делать для нее и то, и другое, а она меня и так любит»]

С. 80

[6—7] Он просто тиран ~ лучше / *1)* Будь с ним похолоднее, не говори с ним дня три сряду, отворачивайся. Скажи, что ты его разлюбила. Или вот что лучше; *2)* [Да что с ним разговаривать-то?][4]; *3)* ◊

---

[1] *Вариант вписан на полях л. 25.*

[2] *Вариант вписан на полях л. 41.*

[3] *Вариант вписан на л. 53 об. Перед:* У меня такое рвение — *помета:* Нет.

[4] *Вариант вписан на полях л. 64 об.*

[11] Хорошо, хорошо! Я это обделаю в лучшем виде. / *1)* Хорошо, я попробую эту штуку; *2)* ◊

[16] Только немного жаль его будет. / *1)* Я, коли хочешь, больной на месяц прикинусь. Помнишь, бывало, как маминьку обманывала? *2)* ◊

[28–31] Ты, глупенькая ~ а ты молчишь. / *1)* Ты молодая женщина, хорошенькая, и через его глупые фантазии должна жить взаперти, не знать никаких удовольствий. Это довольно странно. Он ничем не может отговориться, он кругом виноват; *2)* Ты, глупенькая, пойми, за что их даром любить, мужьев-то? Обеспечь, дескать, меня во всем, чтобы я блистала в обществе; тогда я тебя и стану любить. Он от капризу не хочет твоего счастья, а ты молчишь; *3)* ◊

С. 81

[9] *После:* **ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ** — *ремарка: Полина одна. На полях помета:* прибавить, монолог кончить: матушка, голубушка…

[19] *Перед:* Я совсем и ходить-то… — *ремарка: (садится)*

С. 82

[14–15] Висни ~ это и нужно. / *1)* [Висни к ним, они и рады, им только этого и нужно][1]; *2)* ◊

[15] Стыдись! / *1)* Умная женщина должна действовать с расчетом; *2)* ◊

[22] *После:* Где мне знать. — *1)* Он заберет себе в голову, что он всех умнее, а то, видишь ли, все дураки за взяточники. Ведь какая гордость-то! Какая глупость непростительная. Я, говорит, честный человек, не могу взяток брать. Все это прекрасно, живи там, как знаешь, никому до тебя дела нет. Как бы ты жил один, так юродствуй, как знаешь, со своей дурацкой философии *<так!>*. А как же ты смеешь жениться, коли думаешь жить одним жалованьем? *2)* Я и сама недавно узнала. Это вот, видишь ты, есть такая дурацкая философия, нынче она в моду пошла. Вот они наслушаются [там где-то этой философии] да и заберут себе в голову, что они всех умнее, а то все дураки да взяточники. Мы, дескать, взяток не берем, живем одним жалованьем. Ведь какая гордость-то! Какая глупость непростительная! Взятки, видишь ты, бесчестное дело. Благодарность-то за свои труды[2] бесчестное дело. После этого они и жалованья не будут брать. Все это прекрасно. Как бы ты жил один, юродствуй там, как хочешь, со своей дурацкой философии, околевая с голоду, никому тебя не жаль. А как же ты смеешь жениться, коли думаешь жить одним жалованьем?[3]

С. 83

[1–2] *После:* переделать? — Да это весь свет перевернется.

---

[1] *Вариант вписан на полях без знака вставки.*

[2] *Слова:* за свои труды — *вписаны над строкой.*

[3] *Варианты 1 и 2 зачёркнуты, поверх них написано:* Характер.

2—5 так и женились бы на каких-нибудь ~ на рынок трепаться. / *1)* заблужд<енные> <?> из любви к ним[1]; *2)* так и женились бы на каких-нибудь заблужденных, которым все равно, что барыней быть, что кухаркой, которые, из любви к ним, будут себе и юбки стирать, и по грязи на рынок трепаться; *3)* ◊

7 *Перед:* Что нужно для женщины… — [Они философы, а не знают, что нужно для женщины. Видно, их философия до этого не доросла]

9—20 Для женщины нужно ~ Хвалю. / *1)* Для женщины что нужно? спокойствие, чтобы она была от всего отдалена. Юлинька так и делает. — всё, чай, кофей, оделась и села у окна с книжкой мужа; *2)* Для женщины что нужно? спокойствие, чтобы она была от всего отдалена. Ни в какие хозяйственные[2] дрязги не входила. Юлинька так и делает. — всё, чай, кофей, оделась и села у окна с книжкой мужа дожидаться. Вот порядок, вот жизнь. Вот как дама должна вести себя. Хвалю[3]; *3)* ◊

23—25 Уж вы его ~ в одном. / *1)* Уж вы его, маминька, хорошенько. А то, право, мне завидно на Юлиньку, как ни приедет, вся в новом платье, а я всё в одном да в одном[4]; *2)* ◊

26 *Жадов входит с портфелем. / 1) Жадов входит; 2)* ◊

С. 85

4 *После:* у других. — [*Полина плачет*]

17—22 Мы с мужем ~ поступках. / *1)* Нарочно, чтоб не видали бедности, отдают в пансион, чтоб не отяготить свое дитя[5]; *2)* Мы с мужем по грошам набирали деньги, чтоб воспитать дочерей, чтоб отдать их в пансион. Для чего это, как вы думаете? Для того чтоб они имели хорошие манеры, не видали кругом себя бедности, чтобы не отяготить дитя и с детства приучить их к благородству; *3)* Мы с мужем по грошам набирали деньги, чтоб воспитать дочерей, чтоб отдать их в пансион. Для чего это, как вы думаете? Для того чтоб они имели хорошие манеры, не видали кругом себя бедности, не видали низких предметов, чтобы не отяготить дитя и с детства приучить их к хорошей жизни, благородству в словах и поступках.

31—33 Средства мои ~ щи варятся / *1)* [При моих ничт<ожных> сред<ствах> хода в кухню — из чего щи варят][6]; *2)* ◊

33 *После:* щи варятся — [потому это низко]

---

[1] *Вариант вписан на полях.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Варианты 1 и 2 вписаны на полях л. 49. На полях л. 49 об., где находится окончательный вариант этой реплики, без знака вставки записан ещё один вариант:* [Что благороднее, что деликатнее, что нежнее?]

[4] *Вариант вписан на полях л. 49.*

[5] *Вариант вписан на полях л. 49 об.*

[6] *Вариант вписан на полях.*

35—36 Да, такого глубокого разврата ~ я не видывал. / *1)* Да разве такие люди, как вы, могут; *2)* Вот и плоды вашего воспитания; *3)* ◊

37—38 Разве такие люди, как вы, могут оценить благородное воспитание!.. / *1)* [Такие люди, как вы, разве это могут оценить. — Бесчувст<венный> вы чел<овек>][1]; *2)* ◊

С. 86

18—19 Нет, не оставлю ~ его оставила? / *1)* Так вы скажите мне, за что вы губите мою дочь?

2) <К у к у ш к и н а.> Нет, не остав<лю>.[2]

3) ◊

27—29 Ж а д о в. Вы ровно ничего ~ хорошо понимаю. /

1) <К у к у ш к и н а.> Нет, вы скаж<ите> мне, за что вы губите мою дочь.

<Ж а д о в.> Перест<аньте>, вы этого не понимаете.

<К у к у ш к и н а.> Не понимаю! Нет, я очень хорошо это понимаю.[3]

2) Ж а д о в. Вы ровно ничего не понимаете.

К у к у ш к и н а. Не понимаю? Нет, я очень хорошо понимаю.

3) Ж а д о в. Вы не в состоя[нии].

К у к у ш к и н а *(с озлоблением).* Не понимаю? Нет, я очень хорошо понимаю.

4) ◊

32—33 Что! Как вы ~ посещения... / *1)* [Как вы можете говорить при дочери такие вещи? Увольте нас сейчас же][4]; *2)* ◊

С. 87

4—13 оплакивай свою судьбу! ~ *П о л и н а возвращается.* / *1)* Как мы, женщины, слабы и мечтать склонны?! Человек нас обмануть; *2)* Как мы, женщины, слабы и мечтать склонны! Долго ли нас обмануть? Человек прикинется влюбленным, обольстит словами и потом заставит всю жизнь страдать *(уходит)*; *3)* Как мы, женщины, слабы и мечтать склонны! Долго ли нас обмануть? Человек прикинется влюбленным, обольстит словами и потом заставит всю жизнь страдать *(уходит, Пол<ина> ее провожает, потом возвращается)*; *4)* Как мы, женщины, слабы и мечтать склонны! Долго ли нас обмануть? Человек прикинется влюбленным, обольстит словами и потом заставит всю жизнь страдать *(уходит, Пол<ина> ее провожает).*

Ж а д <о в>. Надобно быть с ней построже.

5) Оплакивай свою судьбу! Плачь до могилы! Да ты уж умри, несчастная, чтоб не разрывалось мое сердце. Легче мне будет. —

---

[1] *Вариант вписан на полях л. 52. Он также использован в окончательном тексте.*

[2] *Вариант вписан на полях л. 51 об.*

[3] *Вариант вписан на полях л. 51 об.*

[4] *Вариант вписан на полях л. 52 и повторён в тексте.*

(Жадову.) Торжествуйте! Вы свое дело сделали! Обманули, погубили. Вся ваша цель была в этом, я теперь вас понимаю *(уходит, Пол<ина> ее провожает).*

Ж а д <о в >. Надобно будет с Полиной построже поговорить. А то, чего доброго, ее вовсе с толку собьют. *(П о л и н а возвращается.)*

б) ◊

С. 88

[19] я и так работаю как вол / *1)* ведь я работаю, как вол[1]; *2)* ◊

С. 89

[31—33] Полина. За что тебя любить-то? ~ Да ведь ты жена моя! /

1) [<П о л и н а>. Даром-то вас любить.

<Ж а д о в.> Да ведь ты жена моя.[2]][3]

2) П о л и н а. За что тебя любить-то? Очень нужно даром-то любить!

Ж а д о в *(горячо).* Как даром? как даром? Да ведь ты жена моя, неужели ты забыла это? За любовь я тебе и плачу любовью.

3) ◊

С. 90

[32] *После:* так живи один. — Какое же, в самом деле, право мучить ее? Какое право я имею требовать от нее, от неразвитого ребенка, чтобы она для меня отказалась от всего? Я должен или расстаться с ней или... жить... жить, как люди живут... Об этом надо подумать... да, да, хорошенько надо подумать. Надобно решиться на что-нибудь... *(Задумывается.)* Расстаться? Да в силах ли я с ней расстаться? Много ли я пожил-то с ней? Ах, какая мука! Какая мука! Нет уж, лучше... что с мельницами-то сражаться... Что я говорю! Какие мысли лезут мне в голову! Нет! Нет!.. Надо быть твердым. Будут тверд... тверд, как кремень. *(Входит П о л и н а.)*

С. 90—91

[13—3] Что у меня за характер! ~ *Входит П о л и н а.* /

1) Неужели я должен потерять ее? Вот искушение. Господи! Я с ума сойду.[4]

2) Неужели я ее потеряю! Что же мне делать? Господи Боже мой! Я с ума сойду. Без нее мне незачем жить. Она дитя, ребенок... я виноват, кругом виноват. Что она будет делать у матери! Там она погибнет совсем. Марья! Марья! *(Марья за сценой: Что угодно).* Догони поди барыню, скажи, что мне нужно с ней поговорить. *(Слушает.)* И каким образом я мог с ней поссориться?! Как у меня хватило духу?! Нет,

[1] *Вариант вписан на полях л. 54.*

[2] *Далее: От Жад<ова>*

[3] *Вариант вписан на полях л. 46 об.*

[4] *Вариант вписан на полях л. 54 об.*

в самом деле, мой характер никуда не годится. С женой и то не мог ужиться. Ну вот и остался один. Опять сирота! Опять одиночество. Нет, испытавши всю сладость жизни вдвоем с любимой женщиной, тяжело воротиться в одиночество.

3) Неужели я ее потеряю! Что же мне делать? Господи Боже мой! Я с ума сойду. Без нее мне незачем жить. Она дитя, ребенок... я виноват, кругом виноват. Что она будет делать у матери! Там она погибнет совсем. Марья! Марья! *(Марья за сценой: Что угодно).* Догони поди барыню, скажи, что мне нужно с ней поговорить *(Слушает.)* И каким образом я мог с ней поссориться?! Как у меня хватило духу?! Нет, в самом деле, мой характер, куда он годится? С женой и то ужиться не мог. Ну вот и остался один. Опять сирота! Опять одиночество. Нет, лучше бы мне век остаться холостым.

4) Что у меня за характер! Куда он годится? С женой и то ужиться не мог! Что ж мне делать теперь? Господи Боже мой! Я с ума сойду. Без нее мне незачем на свете жить. Как это сделалось, я, право, не понимаю. Как же это я мог ее отпустить от себя! Что она будет делать у матери? Там она погибнет совсем. Марья! Марья! *(Марья за сценой: «Что угодно?»)* Догони поди барыню, скажи, что мне нужно с ней поговорить. Да поскорей, поскорей! Что это в самом деле, Марья, какая ты неповоротливая! Да беги же, беги скорей! *(Марья за сценой: «Сейчас!»)* А ну, как она не захочет вернуться? Да и прекрасно сделает! Она имеет полное право. Чем она виновата, что я не могу ее содержать прилично?! Она красавица, ей только восьмнадцать лет, ей жить хочется, хочется удовольствий. А я держу ее в одной комнате, целый день дома не бываю. Хороша любовь! Ну, вот и живи один! Прекрасно! очень хорошо!.. Опять сирота! чего ж лучше! Поутру [пойду] буду ходить в присутствие, после присутствия домой незачем ходить — посижу в трактире до вечера; а вечером домой, один, на холодную постель... зальюсь слезами![1]

С. 91

[1] Что я говорю! / *1)* [Что я только говорю! Что говорю!][2]; *2)* ◊

[4] *Перед:* **ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ** — [Антракт.]

С. 92

[2—10] Не по капризу ~ потомства / *1)* На стороне этих людей и наука, и вся святость вечных, непреложных истин, и бич сатиры, на стороне общества только порочные привычки и невежественное большинство. Эти люди иногда гибнут очистительной жертвой за общество; но;

---

[1] *Ср. также вариант последних предложений этого фрагмента на л. 57:* [Ну вот, я один. Прекрасно, один, очень хорошо. Пойду в присут<ствие>, домой незачем пойти. Вечером холод<ная> постель... Зальюсь слезами]

[2] *Вариант вписан на полях.*

2) На стороне этих людей и наука, и вся святость вечных, непреложных истин, и грозный бич сатиры, на стороне общества только порочные привычки и невежественное большинство. Эти люди гремят против порока с пасторских и профессорских кафедр, со сцены и в частных кружках. Жизнь их не всегда сладка и приятна, они иногда гибнут за грехи общества; но на них благословение потомства, но; *3)* ◊

30—38 *(Хватает её за платье.)* ~ Подумай. /

1) [дер<жит> ж<ену> <?> за пл<атье>.

<П о л и н а.> Эх, ну что ты меня держишь руками-то! Ведь какой ты чудак. Захочу уйти, так не удержишь.

<Ж а д о в.> Пост<ой>, дай мне подумать.

<П о л и н а.> Подумай][1]

2) (Хватает ее за платье.)

П о л и н а *(смеется).* Ну, что ты меня держишь руками-то! какой ты чудак! Захочу уйти, так не удержишь.

Ж а д о в. Постой, постой, дай подумать.

П о л и н а. Подумай.

3) ◊

С. 93

25—26 Нет, нет! ~ Нечего им на отцов смотреть. / *1)* Нет, уж детям-то я скажу: вы не смотрите на меня; *2)* Нет, нет! Детей будем в строгих правилах воспитывать. Пусть идут за веком. Нечего им на отца смотреть.

С. 94

18 АНТОН / *1)* Степан; *2)* ◊[2]

23—24 Милостивая государыня Анна Павловна! / *1)* Милостивая государыня. Ваши поступки со мною оправдывают и мои…; *2)* Милостивая государыня. Я получил ваш ответ, в котором вы просите меня оставить вас в покое; *3)* ◊

С. 95

7—9 Я не из тех женщин ~ по увлечению. / *1)* Я и так слишком дорого заплатила за увлечение; *2)* Я не из тех женщин, чтобы поправлять холодным развратом проступок, сделанный по увлечению; *3)* ◊

17—19 будет рассказывать ~ презирает общественное мнение / *1)* будет рассказывать про тебя самые ужасные вещи, и потом приедет утешать тебя. Будет говорить, что он стоит выше общества, что он презирает общественное мнение; *2)* будет рассказывать про меня самые ужасные вещи, и потом приезжает утешать меня. Говорит, что он стоит

[1] *Вариант вписан на полях л. 57 об.*

[2] *Вариант относится к списку действующих лиц V д.*

выше холодного, безжизненного общества, с его приличиями и законами, что он презирает общественное мнение

С. 97

[3] Аристарх Владимирыч / Степан Владимирыч[1]

[8—13] Ю с о в. Конечно ~ *Молчание.* / *1)* Как же вы-то не попали?

Ю с о в. Да за что же-с?! Я человек маленький, исполняю, что мне приказано начальством. Притязаний никогда не делал, что дадут, я не отказываюсь, я весьма благодарен. Так за что же меня судить так строго?

2) Ю с о в. Конечно, смертный! Без греха не проживешь. Я так полагаю, что, по нынешним строгостям, отставят... Должен буду бедствовать.

В ы ш н <е в с к а я>. Вам, кажется, далеко до бедности.

Ю с о в. Дети-с *(молчание).*

3) ◊

[23] *После:* под этой фортуной... — [Надобно ее понять...]

С. 98

[12—15] Какая гнусная ~ ни меньше. / *1)* Какая ложь! Подите! Я вас презираю.

В ы ш н е в с <к а я> *(отходит и садится).* Я тоже вас презираю, но не говорю об этом при посторонних.

2) Какая гнусная ложь! Какая подлость!

В ы ш н е в с <к а я> *(гордо).* Никакой лжи! Я вас жалею, как стала бы жалеть всякого в несчастии и в опасности, не больше и не меньше.

3) ◊

[26—27] дома и дачи ~ за деревней / *1)* дома и виллы; *2)* ◊

[29] Чтобы перегнать ~ гений. / *1)* [Чтоб догнать или перегнать, надобно ум, а нет, ну так подставить ему ногу][2]; *2)* Чтобы перегнать или, по крайней мере, догнать его, нужен ум, гений; *3)* ◊

[30] Я задыхаюсь от бешенства... / *1)* Проклятие вам! *2)* ◊

[33—34] Что радости! О, чёрт возьми, я не переживу! / *1)* Что торжества! Они меня повесить бы рады были. Ну! Пусть их торжествуют; я не унижусь, я буду так же горд и в страдании; *2)* ◊

С. 99

[5—6] вы развратная женщина. / *1)* всякое горе можно перенести, найти; *2)* всякие люди находят утешение в семействе. Да, это правда. Только я в моем семействе, вместо утешения, нахожу обман и разврат; *3)* от <?>; *4)* ◊

[9] Останься! Я скажу ~ дворне. / *1)* Останьтесь! Я бы желал сказать то же самое при всех лакеях дома; *2)* ◊

---

[1] *Вариант относится ко всем употреблениям имени во 2 явл., V д.*

[2] *Вариант вписан на полях.*

[10] За что вы оскорбляете меня? / *1)* Вас душит бессильная <злоба>; *2)* ◊

[11] Не грех ли вам! / *1)* а потому вы оскорбляете жену; *2)* ◊

[12] Вот вам доказательство моих слов. / *1)* Вот доказательства вашего разврата! *2)* ◊

[21—23] Человек, как бы ~ в семействе. / *1)* [Как бы он ни был высоко поставлен][1]; *2)* ◊

[29—31] мне не в чем ~ унижения / *1)* Я знаю свою вину; я за нее много перенесла страданий, много унижения; я буду страдать всю жизнь за мое минутное увлечение; *2)* ◊

С. 100

[8—9] И я вправе всегда требовать от вас исполнения вашего долга. / *1)* И я вправе требовать от вас исполнения вашего долга; *2)* ◊[2]

[10—11] Да, вы свою покупку ~ замаскировали браком. / *1)* И только свою покупку не освятили, нет, а закрыли, замаскировали браком[3]; *2)* ◊

[30] порок / соблазн

[31] *После:* ни поддержать меня! — [У меня было только доверие ко всем и смиренность; а этого слишком мало для общества. Там эти добродетели не в ходу.]

С. 101

[17] без церемонии / бесцеремонно

С. 102

[9] *Перед:* Я живу очень бедно… — [Я не в состоянии теперь[4]]

[23—30] Нет, Юсов, помнишь, какой ~ долбили в голову / *1)* [Я знаю этот тон, вся молодежь так говорит, пока еще не выдохлись уроки. Теперь не воруют, так будут воровать после. Люди всегда люди[5]]; *2)* ◊

[29] до тех пор / *1)* [до первой встречи с нуждой][6]; *2)* ◊

[33] Презирайте, презирайте меня. Я сам себя презираю. / *1)* [Презирайте меня, но не презирайте этого поколения. — Я, слушая <?> вас, заплачу <?>][7]; *2)* ◊

С. 103

[4] в наше время… / наше время есть начало великого дела.

[7] Я говорил, что у нас / наука и добытые ею истины сближаются с жизнью, литература начинает неутомимо следить за злом

[9—10] что в юношах воспитывается чувство справедливости / *1)* Воспитание сбросило отвлеченные формы, в мягких душах юношей

---

[1] *Вариант вписан на полях.*

[2] *В первом слое текста нет.*

[3] *Вариант вписан на полях л. 66.*

[4] *Далее:* [Я не могу теперь]

[5] *Вариант вписан на полях л. 57 об.*

[6] *Вариант вписан над строкой.*

[7] *Вариант вписан на полях л. 57 об.*

воспитывается чувство справедливости; *2)* Воспитание сбросило отвлеченные формы, в мягких душах юношей с любовью воспитывается чувство справедливости

12—20 Я не герой ~ в пороке. / *1)* Я слаб<ый> человек, я не герой... Я могу... Я могу пасть, как падает всякий, ученый и неученый. Но я и опять встану на ноги. Но уж мое сердце не загру<беет>; *2)* Я слаб<ый> человек, я не герой... Я могу... Я могу пасть, как падает всякий, ученый и неученый. Но я и опять встану на ноги. Мое сердце уж размягчено наукой, оно не загрубеет в пороке[1]; *3)* ◊

16 *После:* благодарю вас за него — довольно одной честной журнальной статьи

22—24 Я не знаю, куда деться от стыда... ~ Пойду. /

1) <Ж а д о в.> Стыд — что привело меня к вам?

<В ы ш н е в с к и й.> Так поди вон и будь ты проклят...

<Ж а д о в.> И пойду...[2]

2) ◊

30—32 Если вся жизнь моя ~ буду ждать. / Одной радости, одной награды <буду> ждать я за добровольные лише<ния>.

35—36 Я буду ждать того времени ~ чем уголовного. / *1)* И не бойтесь так суда уголовного, как бойтесь суда...[3]; *2)* ◊

Отдельные реплики и выражения, вписанные на полях, вверху или внизу страницы и вошедшие в окончательный текст

С. 44

17—19 Не рано ли? ~ Совершенство![4] *(Л. 6)*

С. 47

28—30 а ещё, пожалуй, и на дуре, которая об жизни имеет столько же понятия, сколько и ты[5] *(Л. 12)*

31 «С милым рай и в шалаше».[6] *(Л. 12)*

С. 52

13 Дух захватывает![7] *(Л. 16)*

С. 64

35 У вас есть знакомые купцы?[8] *(Л. 23)*

---

[1] *Варианты 1 и 2 вписаны на полях.*

[2] *Вариант вписан на полях.*

[3] *Вариант вписан на полях л. 69 об.*

[4] *Текст использован в 7 явл., I д. окончательной редакции пьесы.*

[5] *Текст использован в 8 явл., I д. окончательной редакции пьесы.*

[6] *Текст использован в 8 явл., I д. окончательной редакции пьесы.*

[7] *Текст использован в 12 явл., I д. окончательной редакции пьесы.*

[8] *Текст использован в 7 явл., II д. окончательной редакции пьесы.*

С. 66

[19] Да, я этим похвастаться могу.[1] *(Л. 23 об.)*

С. 72

[36] под красную шапку[2] *(Л. 38)*

С. 77

[36] Пожалуйте-с! Нехорошо-с! Безобразно-с![3] *(Л. 25)*

Варианты белового автографа

С. 38

[3] *одряхлевший старик / 1) дряхлый старик; 2)* ◊

[5] *жена его, молодая женщина. / 1) жена его; 2)* ◊

[31] строить мраморных палат одним жестом / построить мраморные палаты одним повелительным движением руки

С. 39

[1] *После:* я способен на всё! — Я делаюсь горячим, неразумным юношей.

[34—35] *Слов: входит Юсов, потом Белогубов. — нет.*

С. 40

[2] *Антон, Юсов и Белогубов. / Антон, Юсов и потом Белогубов.*

[3] *с портфелем / входя с портфелем*

С. 44

[24—25] Конечно, другой был бы рад, благо случай есть, а я не могу. / *1)* благо случай есть; *2)* ◊

[27—31] Дядя советует ~ состояния? / *1)* Дядя советует прежде награбить денег, купить дом, завесть лошадей, а потом уж завести и жену. Я с ним не согласен. Я полюбил девушку, как любят только в мои лета, и не откажу себе в счастии оттого только, что она не имеет состояния; *2)* ◊

С. 44—45

[34—2] Что ни скажешь, бывало ~ а с молодой женою. / *1)* На все мои выход<ки> против взяток и вообще против всякой неправды, у него был один ответ: поди-ка поживи, не то заговоришь. Ну вот я и хочу пожить, хочу броситься в этот омут, в котором, по словам их, гибнет все благородное и прекрасное, да еще и не один, а с молодой женою; *2)* ◊

С. 45

[5—6] Уж как я буду трудиться ~ не потребует. / *1)* Я буду трудиться, сколько хватит сил, и постараюсь жене своей доставить необходимое довольство. Большего, вероятно, она от меня не потребует; *2)* ◊

---

[1] *Текст использован в 8 явл., II д. окончательной редакции пьесы.*

[2] *Текст использован в 3 явл., III д. окончательной редакции пьесы.*

[3] *Текст использован в 4 явл., III д. окончательной редакции пьесы.*

[21] Это правда. Но я сам буду её воспитывать. / *1)* Я сам буду ее воспитывать; *2)* ◊

С. 46

[7] *Входят Вышневский во фраке и парике, за ним Юсов.* / *Входят Вышневский во фраке и парике и Юсов.*

С. 47

[10] за куском чёрного хлеба / *1)* за куском хлеба; *2)* ◊

С. 49

[15] а скорее вооружишь / *1)* а скорее вооружить; *2)* ◊

[17] ваши спартанские добродетели / *1)* спартанские добродетели; *2)* ◊

[19] Вот что я тебе советую в последний раз / *1)* Вот что я тебе советую; *2)* ◊

С. 51

[16—17] Не верю я вам. Не верю и тому / *1)* Как же, я так вас и послушаюсь. Я не хочу и верить; *2)* ◊

[18] общество так развратно! / *1)* общество так развратно, чтобы пренебрегать честного человека за бедность; *2)* ◊

С. 55

[9—10] *После:* у меня по ниточке ходи. — [За деньги ты моя раба]

С. 65

[36—37] Зачем ты женишься — говорят мне. / *1)* Зачем он женится? — кричат со всех сторон; *2)* ◊

С. 72

[33—34] Живи по закону ~ гоняться! / *1)* Живи так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы; *2)* ◊

С. 73

[20] Не всё же работать. / Не все же работать, надо и себя потешить.

С. 74

[2] Мне можно ~ в жизни сделал / *1)* Я все в жизни сделал; *2)* ◊

[33] не дадите почитать! / *1)* не дадите дочитать! *2)* ◊

С. 75

[9] предлагать мне деньги! / *1)* предлагать мне помощь! *2)* ◊

С. 75—76

[35—2] Вы думаете ~ народ. / *1)* Вы думаете, что я такой же взяточник, как эти господа, что ушли; так ошибаетесь. Ослы во львиной шкуре! *2)* ◊

С. 76

[3] я никак не разберу / *1)* я никак не могу разгадать; *2)* ◊

[5—7] во-первых, я весёлый человек ~ и я тоже учился. / *1)* во-первых, я веселый человек, а во-вторых… Вы учились, я это вижу, и я тоже учился. Юридические науки мне дались; *2)* ◊

[21] Извольте; для вас ~ право, не пью. / *1)* Извольте: для вас; *2)* ◊

[25] на водку / *1)* на выпивку; *2)* ◊

С. 77

[9—11] И храбриться-то, право, не из чего! ~ деньги / *1)* Я благую часть избрал: беру с них деньги; *2)* ◊

[17—18] Какой я человек! ~ слышу. / *1)* Я ребенок, я бросился в жизнь, не имея об ней никакого понятия; *2)* Какой я человек! Я ребенок, я об жизни не имею никакого понятия. Все это ново, что я от вас слышу; *3)* ◊

[23] Зачем вы меня поили! ~ сделали! / *1)* Зачем вы меня поили? *2)* ◊

С. 82

[9] как одеться приличнее / *1)* как одеться; *2)* ◊

С. 90

[28] Поутру пойду в присутствие / Поутру буду ходить в присутствие

[30—31] зальюсь ~ Очень хорошо! / *1)* Зальюсь слезами! Очень хорошо! *2)* ◊

[32] Нет, надо решиться на что-нибудь. / *1)* Какое же, в самом деле, я имею право мучить ее? Какое право я имею требовать от нее, от неразвитого ребенка, чтобы она для меня отказалась от всего? *2)* ◊

С. 91

[1—2] *После:* Какие мысли лезут мне в голову. — Нет! Нет!.. надо быть твердым… буду тверд, тверд, как кремень.

С. 93

[2—12] надо подумать… ~ что, Полина? / *1)* надо подумать… *(Садится к столу, подпирает голову руками.)* А ведь знаешь что, Полина? *2)* ◊

С. 100

[30] искушение и порок на каждом шагу / *1)* искушение и соблазн на каждом шагу; *2)* ◊

С. 102

[15] Молодой человек, который кричал / нас с тобой отдали под суд! мы с тобой посрамлены! А молодой человек, который кричал

[18] Ох! *(Хватается за грудь.)* / Что я слышу!

[27—31] закидают нас грязью? ~ нечего сказать!.. / *1)* закидают нас грязью? Признаюсь тебе, я верил. Я вас глубоко ненавидел… я вас боялся. Да, не шутя. И что ж оказывается! Вы честны только до тех пор, пока не выдохлись уроки, которые вам долбили в голову; только до первой встречи с нуждой! Ну, обрадовал ты меня!.. *2)* ◊

С. 103

[4] Я говорил только, что в наше время… / *1)* Я говорил только, что наше время есть время великого дела; *2)* ◊

[6—7] против общественного зла… Я говорил / *1)* против общественного зла… наука и добытые ею истины сближаются с жизнью, литература начинает неумолкаемо следить за злом. Я говорил; *2)* ◊

[9—10] Я говорил, что начинает ~ в юношах воспитывается / *1)* Воспитание сбросило отвлеченные формы, в мягких душах юношей с любовью воспитывается; *2)* ◊

[17] довольно одной встречи с порядочным человеком / *1)* довольно одной честной журнальной статьи, довольно одной встречи с порядочным человеком; *2)* ◊

[24–25] теперь ты ~ не изменю себе. / *1)* теперь можешь идти к маменьке; я тебя держать не стану. Нет, уж теперь я не изменю себе; *2)* ◊

[30–32] Если вся жизнь моя ~ одной награды буду ждать. / *1)* Одной радости, одной награды буду ждать я за добровольные лишения; *2)* ◊

Варианты театральной писарской копии

С. 38

[31] одним жестом / повелительным движением руки

С. 39

[1–2] подмосковную / подгороднюю дачу

[4] *Слов:* Я могу подлежать ответственности. — *нет*

[11–12] преступление ~ бесчестием. *(Встаёт и подходит к Вышневской.)* / всё!

[16] *Слова: Дрожа — нет.*

[29–30] *Слова:* Мерзко! — *нет.*

[30–31] И какие пошлости ~ нежности! / И какие глупые нежности написаны!

С. 40

[30–31] Легко сказать! ~ Чего он ещё желать может? / легко сказать! Чего же еще ты и можешь желать!

С. 41

[31–32] *Слов:* Грубость, вольнодумство… — *нет.*

С. 42

[6] мог бы место иметь хорошее, с большим доходом-с / мог бы место иметь отличное

[10–11] стал бы сапоги чистить Аристарху Владимирычу / стал бы сапоги чистить Аристарху Владимировичу

[18–24] *Текста:* Как же ему не разговаривать! ~ Ну да. — *нет.*

С. 43

[21–22] *Слов:* Как можно нам в канцелярии ~ министрами сделать! — *нет.*

[23–24] *Слов:* Сделаем министрами ~ завтра же. — *нет.*

С. 44

[4] *Слов:* Вот и служи под этаким начальством. — *нет.*

[5–6] *Слов:* А вот как вакансия откроется ~ От них станется. — *нет.*

С. 45

[13] *Слов:* У нас очень дурно воспитывают девушек. — *нет.*

[34–35] *Слов:* Да, мне все говорят ~ я много теряю. — *нет.*

С. 46

[16–17] *Слов:* Всё проповеди читаешь. — *нет.*

[20] *Слов:* Как я буду молчать, когда на каждом шагу вижу мерзости? — *нет.*

[23—24] *Слов:* ты стал посмешищем всей канцелярии. — *нет.*

[29—30] *Слов:* Начиная от излишнего ~ непрактических выводов. — *нет*

С. 47

[11—22] *Текста:* С голоду восхвалять ~ Медоточивые уста! — *нет.*

С. 48

[15—20] Я согласен, покупать любовь ~ судьбу с нищим. / Я согласен, покупать любовь нет надобности; но вознаградить, платить за любовь обязан всякий, иначе самая бескорыстная любовь остынет.

С. 49

[5—6] *Слов:* Для этого надобно пожить ~ в первую встречную. — *нет.*

[13—15] *Слов:* Места хорошего ~ а скорее вооружишь. — *нет.*

[16—17] *Слов:* Вот видишь, мой друг ~ с роскошью. — *нет.*

[26—27] *Слов:* я довольно видел таких примеров — *нет.*

С. 49—50

[34—13] *Текста:* Боже мой! Поддержка ~ Неужели это правда? — *нет.*

С. 50

[28—29] *Слов:* Не думай ~ я просто считаю их глупыми. — *нет.*

С. 51

[18—20] *Слов:* Не хочу верить ~ представлять им всё в чёрном свете. — *нет.*

[21—24] *Слов:* А, дядюшка! Я вас понимаю ~ ни за какие деньги. — *нет.*

С. 52

[2—3] *Слов:* Что теперь на свете делается ~ Как жить на свете! — *нет.*

[5—13] *Текста:* Да ещё с кем спорит-то! ~ Дух захватывает! — *нет.*

[16] *вдова коллежского асессора. / вдова.*

С. 54

[30—33] *Слов:* Ведь он служащий ~ а то так и деньгами. — *нет.*

С. 58

[21—22] *Слов:* Кабы, говорит, столоначальником ~ содержать. — *нет.*

[31—32] *Слов:* нашему генералу. ~ то и будет. — *нет.*

[34] *Слов:* Генерал у меня вот где. — *нет.*

С. 59—60

[37—1] *Слов:* Конечно, всё это не от нас ~ занимать важный пост. — *нет.*

С. 60

[12—15] *Слов:* Предрассудкам этим я не верю ~ потому от них вред. — *нет.*

[19—20] *Слов:* Он и так судьбой убит, всего он лишён, всем обижен. — *нет.*

С. 61

[4—5] развращает юношество... а особенно вольнодумство. Начальство должно строго смотреть. / За ним должно строго смотреть.

[21] *Слов:* Умирать не надо. — *нет.*

34—35 так пекутся о своих чиновниках... / так пекутся о своих

С. 62

9—12 *Слов:* Когда читаешь роман ~ Я плачу, просто плачу! — *нет.*

С. 63

29—30 *Слов:* Как только получу место ~ платье новое сошью... — *нет.*

С. 65—66

37—1 Что я поступаю необдуманно / Что я поступаю опрометчиво

С. 66

17 *Ремарки:* Жадов и Полина целуют у ней руки. — *нет.*

С. 67

34—35 *Слов:* Где уж нам, голякам! ~ и довольно. — *нет.*

С. 68

12 *Слов:* Женатый человек ненадёжен. — *нет.*

16—17 *Слов:* Лучше, брат, заморить ~ подвергнуться искушениям. — *нет.*

32 *Слов:* в наших убеждениях — *нет.*

С. 69

9—10 *Слов:* Жаль мне тебя ~ Что бы я с женой-то делал? — *нет.*

С. 70

13—14 *Текста:* Угощай, угощай! ~ Шампанского-с? — *нет.*

29—30 *Ремарки: (Берут рюмки и встают.)* — *нет.*

С. 71

1—3 *Текста:* Белогубов. Нет, позвольте ~ человеком стал-с. — *нет.*

30—31 *Слов:* а то где бы мне с моим-то умом — *нет.*

36—37 член общества ~ все купцы кланяются / уважают-с

С. 72

15—17 *Слов:* Всё равно ~ а человек с человеком сходится. — *нет.*

29 Тот после пришёл в суд / Тот после пришёл сам

31—35 Не марай ~ что за человек! / Не марай своих! этот уж что за человек!

С. 73

20 *Слов:* Не всё же работать. — *нет.*

С. 74

9 *Слов:* Помня свою бедность, нищую братию не забываю. — *нет.*

12—14 *Слов:* осудишь нынче вора ~ все там будем. — *нет.*

16—18 *Слов:* Может быть ~ Вот гордость-то до чего доводит! — *нет.*

18—19 *Слов:* На сердце весело, на душе покойно! — *нет.*

27—28 *Слов:* как жить в законе и все обязанности исполнять — *нет.*

С. 75

5 *Слов:* я не горжусь — *нет.*

6 *Слов:* Я теперь всё семейство поддерживаю, и маменьку. — *нет.*

10—11 Братец, я теперь в довольстве ~ вижу вашу бедность. / Я, братец...

27 в Марьину рощу. / за город, в рощу!

[34] *Ремарки: Жадов смотрит на него.* — *нет.*

С. 76

[1—2] *Слов:* Ослы во львиной шкуре! ~ Ну и пугают народ. — *нет.*

[7] *Слов:* Поступил я на маленькое жалованье — *нет.*

[24—26] *Слов:* «Ну, ты, писака! ~ злобу неукротимую! — *нет.*

[30—31] *Слов:* листа четыре — *нет.*

[35] *Слов:* Хоть верёвки из него вей. — *нет.*

С. 77

[8—9] *Слов:* Над честным чиновником ~ это им не с руки. — *нет.*

[9—11] И храбриться-то ~ не могу. / Над честным, как должно, чиновником они сами же смеяться будут.

[12] *Слов:* Охота вам было жениться! — *нет.*

[28—29] так вина не пей ~ лучше всего / то вина не пей, а пей водку; водка, брат, лучше всего

С. 78

[18—20] *Слов:* Уж нечего сказать ~ не с кем. — *нет.*

С. 79

[5—12] *Текста:* П о л и н а. Что же мне делать? ~ Это ужасно! — *нет.*

С. 80

[3—4] *Слов:* Да когда же это будет? ~ терпение лопнет. — *нет.*

[14] нас дома к этому с малолетства / нас с малолетства

[27—30] *Текста:* Ты ему растолкуй хорошенько ~ стану любить. — *нет.*

С. 81

[2—3] *Слов:* У нас теперь есть средства ~ благодетельствовать. — *нет.*

[21] *Слов:* Мерзко мне, сударыня, мерзко бывать у вас. — *нет.*

[22] *Слов:* Нищенство, бедность... — *нет.*

[26—28] Бывают же такие мерзавцы ~ твердила / Не тебе ли я твердила

[32—33] *Слов:* Хоть укради ~ содержать прилично. — *нет.*

[35] *Слов:* У меня бы на твоём месте другого и разговору не было. — *нет.*

С. 82

[11—13] Вот Юлинька, когда муж ~ подарки. / Вот Юлинька, когда муж привезет ей что-нибудь, так и кинется ему на шею, так и замрет. Оттого-то он чуть не каждый день и возит ей подарки.

[18] *Слов:* и не слушать его глупостей — *нет.*

С. 82—83

[20—22] *Текста:* Да гордость-то ~ дождёшься, как же! — *нет.*

С. 83

[23—25] *Слов:* А то мне, право, завидно ~ а я всё в одном да в одном. — *нет.*

[32] Утром в присутствие / Утром на должности

С. 84

[3—4] *Слов:* Я их не в горничные ~ за благородных людей. — *нет.*

12—13 *Слов:* Вас послушать, так уши вянут. А вот что нужно сказать — *нет.*

С. 85

1—4 Только представь ~ очень больно. / Такой проказник Белогубов!

18—22 чтоб отдать их ~ поступках. / чтоб они имели хорошие манеры, не видали кругом себя бедности, чтобы не отяготить дитя и с детства приучить их к хорошей жизни.

26—36 *Текста:* Да разве я её для такой жизни ~ в вашем семействе, я не видывал. — *нет.*

37—38 благородное воспитание!.. / хорошее воспитание!

С. 85—86

38—1 за человека с нежными чувствами и с образованием / за человека с нежными чувствами

С. 86

8—9 исполнять каждую её прихоть, как закон / исполнять ее каждую прихоть

11 вырастили дочерей и воспитывали их / вырастили дочерей

14—16 *Текста:* К у к у ш к и н а. Да, я знаю, что ~ болтать! — *нет.*

18—19 *После:* С чего ты выдумала, чтобы я его оставила? — Бесчувственный вы человек!

30 *Слов:* Бедность-то до всего доводит. — *нет.*

34—37 *Текста:* Коли дома холодно ~ выведете из терпения. — *нет.*

С. 87

5—6 *Слов:* Плачь до могилы! ~ Легче мне будет. — *нет.*

22 *Слов:* П о л и н а. Поздно меня учить, я уж учёна. — *нет.*

23—24 Для меня было бы ужасно ~ поймёшь наконец. / Я надеюсь, что ты меня наконец поймешь.

С. 88

6 С чего это ты выдумал? / С чего это ты взял!

7 *Слов:* помыкать-то всячески да насмехаться-то! — *нет.*

21 *Слов:* Не на мытарство, не на тиранство я за тебя замуж шла. — *нет.*

22 *Слов:* Вы меня нынче совсем измучили. — *нет.*

24 *Слов:* Что я стыда натерпелась! — *нет.*

С. 90

2 с безнравственною женщиной / с безнравственной женой

15—16 *Слов:* Как это сделалось, я, право, не понимаю. — *нет.*

20—21 *Слов:* Что это в самом деле, Марья, какая ты неповоротливая! — *нет.*

24—25 *Слов:* что я не могу её содержать прилично — *нет.*

25 Ей только восьмнадцать лет / Ей только двадцать лет

27 *Слов:* Хороша любовь! — *нет.*

28—29 Поутру пойду ~ незачем ходить / Поутру пойду на должность, потом домой незачем ходить

С. 91

[1] *Слов:* Что с мельницами-то сражаться! — *нет.*

[9] *Ремарки: (Целует руки.)* — *нет.*

[13—14] *Текста:* П о л и н а. Куда как ~ Ты меня убиваешь, Полина! — *нет.*

С. 91—92

[28—15] *Текста:* Нет, нет, Полина, не всё ~ с тобой потеряешь. — *нет.*

С. 92

[22] *Слов:* У начальства в уважении — *нет.*

[32] *Ремарки: (смеётся)* — *нет.*

[32—33] *Слов:* Какой ты чудак! — *нет.*

С. 93

[2—3] *Слов:* Да, да, да, да... — *нет.*

[36—37] *Слов:* на наворованные деньги, как разбойники... да, да... — *нет.*

[38] *(почти плача) / (сквозь слезы)*

С. 94

[27—31] *Текста:* Вы не можете не знать ~ не было безукоризненно. — *нет.*

С. 95

[2—4] *Слов:* и согласиться с общественным ~ между дамами. — *нет.*

[16—24] самыми пошлыми нежностями ~ над таким человеком / самыми глупыми нежностями. И если посмеешься над таким человеком

[27—28] *Слов:* это делает ему честь — *нет.*

[30] *Слов:* Бессовестный народ! — *нет.*

[32—33] *Слов:* Да не один он, все таковы... — *нет.*

[34] *Слов:* Мне даже хочется этого объяснения. — *нет.*

С. 95—96

[36—5] *Текста:* Он своим эгоизмом ~ было не в моей власти. — *нет.*

С. 96

[19] *Слов:* С чем предстанем?.. — *нет.*

[20] *Слов:* в обличение... — *нет.*

[23—24] В богатстве и в знатности / В богатстве и в удовольствии

[30—31] *Слов:* Что прочно!.. Когда и сан не защищает. — *нет.*

[33] *Слов:* Ю с о в. Опала на нас-с. — *нет.*

С. 97

[6] за противозаконные якобы поступки / за противозаконные поступки

[8—10] Конечно, смертный... ~ отставят... / Меня, так полагаю, по нынешним строгостям, отставят...

[17—18] Взятки? Взятки что-с ~ подвержены. / Взятки... Взятки!..

[20] *Слов:* возвышается и потом смиряется — *нет.*

[22] *Слов:* трудись, приобретай имущество... — *нет.*

[30—32] *Текста:* Вот что должен человек помнить! ~ постигнуть? — *нет.*

[35] в присутствии / при всех

[36] человеку благородных чувств… / человеку…

С. 98

[12—13] *Слов:* Какая подлость! — *нет.*

[23—30] *Текста:* Вздор, какая судьба! ~ подставить ему ногу. — *нет.*

[31—34] *Текста:* Ю с о в. Зависть человека ~ Что радости! — *нет.*

С. 99

[21—23] *Текста:* Человек, как бы ~ в своём семействе... — *нет.*

[24—25] *Слов:* Не говорите про семейство! ~ семейство! — *нет.*

С. 100

[4—5] *Слов:* смотрели на меня, как сатир — *нет.*

[10—11] *Слов:* не скажу, освятили, нет — а — *нет.*

[11—12] *Слов:* Иначе нельзя было ~ а для вас всё равно. — *нет.*

[16—17] *Слов:* вы всё-таки мой муж: я покорялась. — *нет.*

[28] *Слов:* И недаром. — *нет.*

[30] *Слов:* в котором искушение и порок на каждом шагу — *нет.*

[31—33] *Слов:* Впрочем, я сама узнала ~ Я берегла себя. — *нет.*

С. 101

[4] полюбить / любить

[7—11] *Текста:* То есть не вы одни ~ его начальство — *нет.*

[12] *После:* уехать отсюда… — и умер далеко.

[12—13] *Слов:* Я всё это видела, всё выстрадала на себе. — *нет.*

[13] Я видела торжество злобы / Я видела торжество вашей злобы

[17] *Слов:* а тайно завидовать — *нет.*

[22—26] *Слов:* а бедные люди ~ из круга порядочных людей. — *нет.*

[28] *Ремарки: Входит Жадов с женой.* — *нет.*

С. 102

[2—3] Извините меня… увлечение ~ я не должен был… / Извините меня… я… я не должен был…

[6—8] *Текста:* Я испытал, что значит ~ Ну, что ж тебе? — *нет.*

[11] *Слов:* обеспечьте меня — *нет.*

[14] Вот они, герои-то! / вот он!

[16] о каком-то новом поколении / об новом поколении

[16] идёт к нам же просить / идет просить

[17] *Слов:* Хорошо новое поколение! — *нет.*

[19] *Слов:* Молод был! Разве дело говорил! — *нет.*

[21] *Слов:* Бросишь философию-то. — *нет.*

[25—27] Не ты ли говорил ~ закидают нас грязью? / Не ты ли говорил, что новое поколение образованных, честных людей обличит нас, закидает нас грязью?

[28—31] *Текста:* Да, не шутя ~ встречи с нуждой! — *нет.*

[34—35] *Слов:* Вот люди, которые взяли себе привилегию на честность! — *нет.*

С. 103

[3] всегда были и будут слабые люди / всегда были и будут некоторые слабые люди

[5—15] общество мало-помалу бросает ~ почтовую лошадь. / общество бросает прежнее равнодушие к пороку. Я говорил, что у нас пробуждается сознание своих недостатков, что во всех воспитывается чувство справедливости, чувство долга, и оно приносит плоды. Мы видим и благодарим Бога. Моей слабости вам нечего радоваться. У меня мало воли…

[25—26] *Слов:* Если судьба приведёт ~ чёрный хлеб. — *нет.*

[27—28] Я хочу сохранить ~ в глаза прямо / Я сохраню за собой дорогое право глядеть всякому прямо в глаза

[30—31] *Слов:* Если вся жизнь моя будет состоять ~ роптать… — *нет.*

С. 104

[5] *(подходит к Жадову)* / *(подходит к мужу, с чувством)*

Варианты журнала «Русская беседа» (РБ), издания 1859 года (изд. 1859)

С. 38

[31] строить мраморных палат одним жестом / построить мраморные палаты одним повелительным движением руки *(РБ)*

С. 39

[1] *После:* на всё! — Я делаюсь горячим, неразумным юношей. *(РБ)*

[29] *Слов:* жена красавица — *нет. (изд. 1859)*

С. 67

[13] *Ремарки: Между вторым и третьим действиями проходит около года. — нет. (РБ)*

С. 73

[20] Не всё же работать. / Не все же работать, надо и себя потешить. *(РБ)*

С. 77

[18] Мне тяжело! / Мне тяжело, очень тяжело! *(РБ)*

С. 86

[2] она была бы счастлива / она была бы с ним счастлива *(РБ)*

С. 90

[2] с безнравственною женщиной / с безнравственной женой *(РБ; изд. 1859)*

С. 92

[32] *Перед:* Ну, что ты меня держишь — *ремарки: (смеётся). — нет. (РБ)*

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОН — ДО ОБЕДА

Черновой набросок плана I действия

Расположение:

Д<ействие> 1. Сц<ена> 1. Явл<ение> 1. Мать *(монолог)*. Явл<ение> 2. Мать и сын. Явл<ение> 3. Сваха. Явл<ение> 4. Устрашимов. Сц<ена> 2.

Черновой набросок 4-го и 5-го явлений II картины

<ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ>

К а п о ч к а. [Вот принесло вовремя![1] Расстроит он маменьку.[2] Ах, я чувствую[3] свою судьбу!] Вот принесло вовремя! Теперь все в доме на русский манер пойдет. Ах, я чувствую свою судьбу; расстроит он маменьку. Ну, как он да научит маменьку отдать меня за купца с бородой! Тогда я умру от любви.

У с т и н ь к а. Зачем такие жестокие слова говорить!

К а п о ч к а. Нет, Устинька, ты не знаешь моего сердца! Мое сердце самое [жестокое] горячее к любви.

У с т и н ь к а. [Как это ты в него влюбилась, скажи ты мне] Капочка, скажи, душка, как ты влюбилась? Я ужасть как люблю открытия в любви от своих подруг.

К а п о ч к а. Ах! это была одна минута — и навек все кончено! Шла я вечером откуда-то с Маланьей, вдруг нам навстречу молодой человек, в голубом галстуке; посмотрел на меня пристально и потупил глаза в землю. Я вдруг почувствовала, но, разумеется, не подала виду. Он пошел за нами до дому и раза три прошел мимо окон. Я уж и не знаю, что со мной было! Такое вдруг...

У с т и н ь к а. Знаков он тебе никаких не показывает, когда ходит мимо?

К а п о ч к а. Нет. Только всегда так жалко смотрит, как самый постоянный в любви.

У с т и н ь к а. И часто ходит?

К а п о ч к а. Каждый день. Ах!.. Разве уж когда очень грязно...

[У с т и н ь к а. Это значит, он просто сгорает... И должно быть, самый, самый пламенный к любви.

К а п о ч к а. Ах! Я не знаю, что со мной будет, когда я его увижу! Для моих чувств нет границ.

У с т и н ь к а. Однако все-таки нужно себя удерживать немного.

---

[1] *Далее:* [Право, Устинька, я боюсь]

[2] *Далее:* [Разойдется наша свадьба, тогда я умру от любви.]

[3] *Далее:* [что я умру]

Капочка. Сверх сил моих. Ах!

Неуеденов, Юша и Ничкина входят.][1]

<ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ>

Капочка. Здравствуйте, дяденька! *(Подходит и целует дядю.)*

Устинька кланяется.

Юша. Здравствуйте-с. *(Подходит к Капочке, кланяется, встряхивает головой, целуются три раза, кланяется и опять встряхивает головой; так же и с Устинькой. Потом садится в углу на самый последний стул и сидит, потупя глаза.)*

Неуеденов. Как живешь, Капочка?

Капочка. Слава Богу, дяденька. Покорно вас благодарю.

Неуеденов. Весело ли?

Капочка. Ничего, весело-с.

Неуеденов. Женихи есть ли? Чай, так у ворот на разные голоса и воют.

Устинька. Какой разговор!

Неуеденов. А что ж разговор! Чем, барышня[2], нехорош?

Устинька. Неприлично при барышнях так говорить; нынче не принято.

Неуеденов. Да-с! Я ведь с племянницей разговариваю, а до других прочих мне дела нет. *(Ничкиной.)* Чья такая?

Ничкина. Подруга Капочки.

Неуеденов. Из [купеческих] благородных, что ль?

Ничкина. Нет, из купеческих.

Неуеденов. А ведь и то, сестра, жарко.

Ничкина. Жарко, братец.

Неуеденов. Юфим!

Юша подходит.

На-ка, возьми мой кафтан-то. *(Снимает кафтан [и кладет на стул].)* Снеси к нам в комнату.

Юша берет и уходит.

Устинька. Какое необразование!

Неуеденов. Ничего-с! Не взыщут!

Ничкина. Вы, братец, соснуть не хотите ли?

Неуеденов. Нет. Я б теперь орешков пощелкал. А потом можно и соснуть.

Ничкина. Маланья!

Входят Маланья и Юша.

Принеси поди братцу орехов.

---

[1] *Текст:* [Устинька. Это значит ~ *Ничкина входят.*] — *вписан на л. 3.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

Неуеденов. Юфим! Поди поищи на дворе камень; поглаже выбери, да потяжеле.

Капочка. Зачем вам, дяденька, камень?

Неуеденов. Что ты испугалась? Небось! я орехи...

Входит Маланья с орехами.

Ничкина. Пожалуйте, братец.

Маланья подносит ему орехи на тарелке.

Неуеденов. Поставь на окно. *(Подходит к окну, открывает и садится против окна.)*

Маланья ставит орехи на окно, Юша подает камень.

Здесь-то лучше продувает. *(Кладет на окно по ореху и по два и разбивает их камнем.)*

Капочка. Дяденька, что это вы с камнем-то у окна сидите! [Вы жениха-то у меня испугаете] Вы этак испугаете у меня жениха, когда он пойдет.

Неуеденов *(прод<олжая>)*. Какого жениха?

Ничкина. Да... вот... такая жара, а мы сватовство затеяли... какая теперь свадьба... в такой жар...

Неуеденов. А вот я посмотрю, что за жених.

Капочка. Дяденька, право, испугаете!

Неуеденов. Поди прочь! *(Продолжает стучать.)*

Капочка подходит к Устиньке, обнимается с ней и смотрит с презреньем на дядю.

Капочка. Какой страм!

Устинька. Какое невежество!

Черновой набросок 4-го явления III картины

Неуеденов. Вот я вам, сударь, про наше дело скажу. Вот у меня сестра — она женщина богатая, а ведь глупая — с деньгами-то не знает, что делать. А в нашем, в купеческом деле — деньги важная вещь.

Устинька. Неужли только одним купцам деньги нужны?

Бальзаминов. Деньги всякому приятно иметь-с.

Неуеденов. [Никому и не запрещается деньги иметь] Никому, сударь, и не запрещается. Кому приятно иметь, тот наживи.

Бальзаминова. Трудно наживать-то по нынешним временам.

Бальзаминов. Особенно если человек со вкусом-с, просто должен страдать. Хочется жить прилично, а способов никаких нет-с.

Неуеденов. Зачем же жить-то прилично такому человеку, который не имеет способов деньги достать?

Бальзаминова. А другой, если никаких способностей не имеет ни к службе, ни к чему[1], чем же он виноват?

Бальзаминов. Да-с. А в мечтах все представляется богатство, и даже во сне снится; притом же вкусу много.

Неуеденов. А по-моему — такому человеку, который не умеет достать ничего, не то что в богатстве жить, а и вовсе жить незачем.

Бальзаминова. Куда ж их девать-то?

Неуеденов. В черную работу, землю копать. Это дело всякий умеет. Сколько выработал, столько и денег бери.

Бальзаминова. Этак будет на свете жить нельзя.

Устинька. Не у всех такие понятия.

Неуеденов. Какой, сударь, чин носите на себе?

Бальзаминов. Первый-с.

Неуеденов. Ну, вам до генерала еще далеко. А много ли жалованья получаете?

Бальзаминов. Сто двадцать рублей-с.

Неуеденов. Это по-нашему значит: в одном кармане смеркается, а в другом заря занимается; по-татарски — ёк, а по-русски — нет ничего.[2]

Ничкина. Маланья, прими чашки, я налью еще.

Маланья принимает пустые чашки. Ничкина наливает. Маланья разносит и отходит с подносом к стороне.

Неуеденов. Так вот, сударь, я уж вам говорил, что сестра у меня дура набитая.

Ничкина. Ну, уж... ты, братец... ну, право! С тобой не сговоришь... право, ну!

Неуеденов. Что ты нукаешь-то? — не запрягла еще... Так докладывал я вам, что сестра у меня глупа-с. Больше всего я боюсь, что она и зятя-то такого же дурака найдет, как сама. У баб волос долог, да ум короток. Тогда уж все дело брось.

Бальзаминова. У них такое состояние, что ввек и с зятем не прожить; а бедного человека могут осчастливить.

Неуеденов. Да ведь деньги-то ее муж наживал не для того, чтоб она их мотала да проживала с разными прожектерами. На деньги-то надо дело делать. Купеческий капитал важное дело, сударыня. Хороший-то купец, с большим капиталом, и себе пользу делает, да и обществу вдвое.

Устинька. Не все наживать, надо когда-нибудь и проживать.

Неуеденов. А разве мы не проживаем! Да проживать-то надобно с толком. [Коли счесть, сколько наша братия по своей глупости денег роздали да <*нрзб.*>, так право <*нрзб.*> жаль станет, что добра-то бы можно на эти

---

[1] *Слова:* ни к службе, ни к чему — *вписаны над строкой.*

[2] *Текст:* Неуеденов. Какой, сударь ~ нет ничего. — *вписан на полях л. 8 об.*

деньги сделать.] Коли счесть, сколько наша братия, по своей глупости, денег роздали за дочерьми разным аферистам, — так, право, сердце повернется. Что добра-то бы можно на эти деньги сделать! Эти деньги, я так считаю, у общества украдены.[1] Я, сударь мой, вот за сестру теперь очень опасаюсь. Подвернется ей фертик во фрачке с пуговками или какой с эполетками, а она [и рада], сдуру-то, и обрадуется, как невесть какому счастью. Дочь-то отдаст — нужды нет, а вот денег-то жалко...

Ничкина. Да, братец, точно жалко.

Капочка. Вы, кажется, маменька, меня уморить хотите?

Неуеденов. Да ведь, Капочка, у них совести очень мало. Другой сунется в службу, в какую бы то ни на есть, послужит без году неделю, повиляет хвостом, видит: не тяга — умишка-то не хватает, учился-то плохо, двух перечесть не умеет, лень-то прежде его родилась[2], а побарствовать-то хочется: вот он и пойдет бродить по улицам да по гуляньям, — не объявится ли какая дура с деньгами. Так нешто честно это?

Ничкина *(тихо)*. Перестаньте, братец...

Неуеденов. Ничего, я обиняком. А по-моему, так и грех таким людям денег-то дать. Наши деньги-то на распутство тратят. Заважничают, нос подымут на своего брата, который деньги-то трудом достает, в поте лица по грошам набирает[3] и смотреть не хочет. Вот они какой народ[4]

Бальзаминов. Не все же таковы, как вы говорите.

Неуеденов. Нет, сударь, уж кто взялся за такую спекуляцию, я тому гроша не поверю. Хорошие люди во всяком звании есть. И разбирать нечего, беден кто или богат — я этого не советую. Смотри на человека, умеет ли он дело делать. Коли умеет, так давай ему денег, сколько хочешь, он все человек будет. А вот щелкоперы-то, извините вы меня, больно нам не к масти. Другому и вся цена-то две копейки, а он успеет оходить дуру какую, так еще форс показывает. Мне, говорит, вот столько-то денег давай, подавай приданое самое лучшее.

Юша.

> Соболий салоп атласный,
> Воротник суконный красный!

Устинька и Капочка *(Юше)*. Молчи!

Неуед<енов> *(Юше)*. Юшка, молчи! Наши-то сдуру батистовых рубашек ему, того-сего, с ног до головы оденут; а он-то после ломается перед публикой, и ничего ему — не совестно. Везде деньги бросает, чтоб его добрым барином звали. Хорошо быть добрым на чужие-то деньги!

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слова:* умишка-то не хватает ~ прежде его родилась — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* по грошам набирает — *вписаны над строкой.*

[4] *Далее:* (...)

К а п <о ч к а>. Вы, дяденька, оттого так рассуждаете, что совсем необразованны[1].

Н е у е д <е н о в>. Именно, мой друг, необразованны. Не одна ты это говоришь. Вот и те голые-то, которых мы обуваем да одеваем, да на беспутную их жизнь деньги даем, тоже нас необразованными зовут. Им бы только от нас деньги-то взять, а родни-то хоть бы век не видать.

Б <а л ь з а м и н о в >а *(встает)*. После таких слов нам с тобой, Миша, кажется, здесь нечего делать.

Н е у е д <е н о в>. Да, похоже на то. На воре-то, видно, шапка горит.

Б <а л ь з а м и н о >в. Я этих слов, маменька, на свой счет не принимаю.

Н е у е д <е н о в>. Нет, я на ваш счет-с.

Б <а л ь з а м и н о >в. Я за большим, пожалуй,[2] не гонюсь: мне хоть бы что-нибудь дали.

Н е у е д е н о в. Ведь у тебя ни гроша нет, так тебе все барыш, что ни дай.

Б <а л ь з а м и н о >в. В таком случае, прощайте. Я не ожидал-с.

Н е у е д <е н о в>. Ходите почаще, без вас веселей.

Б<альзаминов> и Б<альзамино>ва подходят к калитке. Юша за ними.

Б <а л ь з а м и н о в >а. Я говорила тебе, Миша, что праздничный сон — до обеда.

Б <а л ь з а м и н о >в. Кабы я его в будни видел, совсем бы другое дело было.

Уходят.

Ю ш а *(в калитку)*. Заходите! Нам без дураков скучно.

Н е у е д <е н о в>. Юшка, молчи!

К а п <о ч к а>. Ох, я умру!

У с т и н ь к а *(тихо)*. [Упади в обм<орок>] Сделайся без чувств.

К а п <о ч к а>. Ах! *(Падает на лавку.)*

Н и ч к и н а. Батюшки! Что это с ней?

Н е у е д <е н о в>. Ничего, пройдет. Маланья, поди-ка вели принести ушат воды.

К а п <о ч к а> *(встает)*. Нет уж, извините, я этого не позволю.

Н е у е д <е н о в>. Ожила! Эх, сестра! Как тебя не ругать-то! Какую было штуку выкинула! А я тебе уж и жениха приготовил. Молодого русачка, свежего, здорового, умницу. А уж какой делец-то! Да и с капиталом.

Н и ч к и н а. Посватайте, братец!..

Н е у е д <е н о в>. Посватать, Капочка?

К а п <о ч к а>. Он с бородой?

Н е у е д <е н о в>. Борода маленькая.

К а п <о ч к а>. [Эка] Да ведь она вырастет.

---

[1] *Здесь и ниже в автографе:* необразованы.

[2] *Слово вписано над строкой.*

Н е у е д <е н о в>. Эка глупая! Пока вырастет, так привыкнешь. Посватать, что ли? Какой красавец-то.

К а п <о ч к а>. Посватайте.[1]

Первоначальное название и список действующих лиц

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОН — ДО ОБЕДА

Комедия [в двух действиях] в трех картинах

Лица

Павла Петровна Бальзаминова, *вдова.*

Михайло Дмитрич Бальзаминов, *ее сын, чиновник, 25 лет.*

[Ульян Кузьмич Устрашимов, *товарищ его.*]

Клеопатра Ивановна Ничкина, *вдова, купчиха, 35 лет.*

Капочка (Капитолина), *ее дочь, 17 лет.*

Устинька, [*картавая, неумная барышня*] *подруга Капочки, купеческая дочь, 20 лет.*[2]

[Кубариха] Акулина Гавриловна Красавина[3], *сваха.*

Нил Борисыч Неуеденов, *купец, брат Ничкиной, 40 лет.*

Юша (Ефим), *сын его,* [*14*] *15 лет.*

Матрена, *кухарка у Бальзаминовых.*

Маланья, *горничная у Ничкиной.*

Варианты чернового автографа (ЧА), театральной писарской копии (ТПК)

С. 106

[23] *После:* Другой и собой-то — [плох] *(ЧА)*

[27] *После:* Да и набраться-то негде. — [Вот Устрашимов все из писем выписывает] Ученье-то не далось, кое-как в уездном экзамен выдержал[4] *(ЧА)*; Ученье-то не далось, кое-как в уездном экзамен выдержал. *(ТПК)*

С. 107

[2—3] *После:* Так-то лучше к тебе идёт, натуральнее! — А ведь все, бедный, хлопочет. Чтобы понравиться. *(ЧА, ТПК)*

[9] *Ремарки: (Вяжет чулок). — нет. (ТПК)*

[10] *Б а л ь з а м и н о в в халате вбегает из кухни. / Вбегает из кухни*[5] *Б а л ь з а м и н о в в халате.*[6] *(ЧА)*

[1] *Текст:* здорового, умницу. ~ Посватайте. — *вписан чернилами поверх карандаша.*

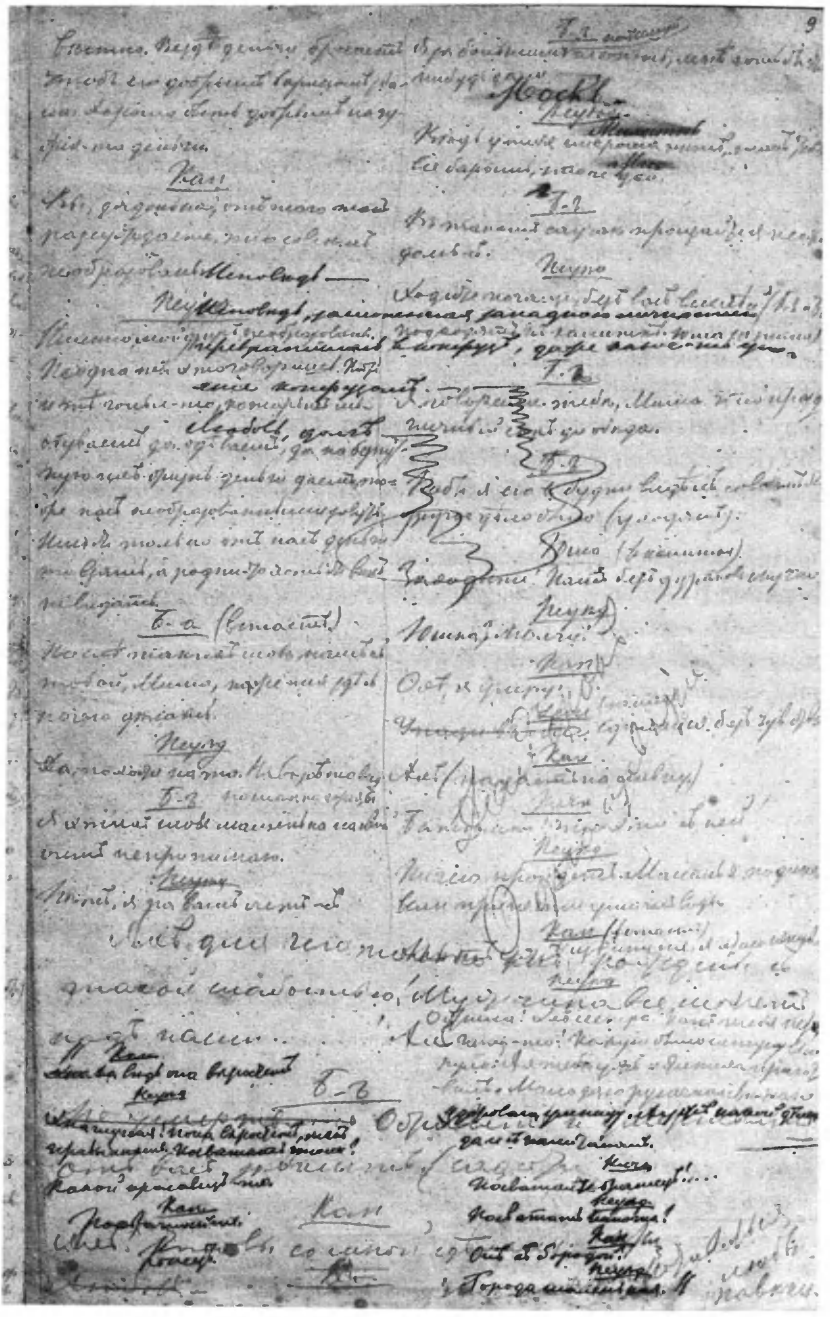
[2] *Слова: подруга Капочки, купеческая дочь, 20 лет. — вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* Акулина Гавриловна Красавина — *вписаны над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Слова:* из кухни — *вписаны над строкой.*

[6] *Ремарки нет. (ТПК)*

«Праздничный сон — до обеда»
Страница авторской рукописи

[12] *После: Бальзаминов, Бальзаминова и Матрёна — с щипцами. (ТПК)*

[24] задела! / за дело! *(ТПК)*

[32] Так что ж! Зачем же волосы-то портить?.. / [Да какое в этом счастье] Так что ж![1] [Только] Зачем же[2] волосы-то портить?.. *(ЧА)*

[35—36] Здесь сторона купеческая; может такой случай выйти... Вдруг... / Здесь сторона купеческая; [не завиваться нельзя. Кто ж себе счастья не хочет?] может такой случай выйти...[3] *(ЧА)*; Здесь сторона купеческая; может такой случай выйти... *(ТПК)*

С. 108

[13] *После:* Много ли я выслужу? — [Уж я себя знаю, мне далеко не пойти] *(ЧА)*

[17] *После:* в сорочке родился. — *ремарки: Молчание. — нет. (ТПК)*

С. 109

[2] *Перед:* Да, я вам и забыл сказать — [Маменька] *(ЧА)*

[7—8] жилетка, будто, на мне, маменька, чёрная, с мелкими золотыми полосками / жилетка, будто, на мне, маменька,[4] черная, с мелкими золотыми полосками; мне давно такую хочется *(ЧА)*; жилетка, будто черная, с мелкими золотыми полосками; мне давно такую хочется *(ТПК)*

[14] *После:* Да какая грязь-то, маменька! — [Как нехорошо пахнет!] *(ЧА)*

[17—19] Это тебе к большому ~ снов видел / [Какой хороший сон! Миша] Это тебе[5] к большому богатству.

Бальзаминов. Кабы сбылось! Хоть бы вот на смех[6] один сон сбылся! Уж сколько я таких снов видел [а все[7] на святках-то гадал, все богатство выходит, а на деле нет ничего] *(ЧА)*

[24] *После:* Один обман... — обман, мечты. *(ЧА, ТПК)*

[28] *После:* Я, маменька, оденусь да пойду погуляю — [по большим улицам под окнами. Может быть что-то и сбудется] *(ЧА)*

[32] Матрёна *(в дверях).* / [Матрена *(входит в дверь)*] Матрена *(в дверях). (ЧА)*

С. 110

[13—14] *После:* стал молодец молодцом — [подет по чисту полю, как бежит, земля дрожит, из ушей огонь, из ноздрей пламя] *(ЧА)*

[22—25] чем дарить будешь? ~ Красавина. Меня. / чем [меня] дарить будешь?

Бальзаминов. [Что хочешь? Да было б за что] Кого?[8]

Красавина. [Кабы не за что было, я бы и не пришла] Меня.[9] *(ЧА)*

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слова:* Зачем же — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* может такой случай выйти... — *вписаны над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* Миша] Это тебе — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* вот на смех — *вписаны над строкой.*

[7] *Далее:* [я скоро]

[8] *Слово вписано на полях л. 4.*

[9] *Слово вписано на полях л. 4.*

С. 111

[11] *После:* Ну, вот тебе и вышло. — Сон-то в руку. *(ЧА, ТПК)*

[17] и то не хлопочете об его счастье! / и то[му не хотите счастья] не хлопочете об его счастье![1] *(ЧА)*

[20] *После:* человеком могу сделаться... — [Голубой плащ... в полной форме... Знаете, как ко мне голубой цвет идет[2]] *(ЧА)*

[23] *Перед:* Пила, матушка — [Вот] *(ЧА)*

С. 112

[3] ладиколону / [о]ладиколону *(ЧА)*

[26–28] Красавина *(ударив рукой по столу). ~ (Стоит в оцепенении.)* /
Красавина. В самую центру!
Бальзаминов. О-ох, маменька! *(ТПК)*

С. 113

[23] *Ходит по комнате. / Ходит по сцене. (ТПК)*

[38] *Ремарки: Бальзаминов провожает её до кухни и возвращается. — нет. (ТПК)*

С. 114

[2] *Слов: и потом Матрёна — нет. (ТПК)*

[12] Так нешто солдаты / Так разве солдаты *(ЧА)*

[28] Матрёна *(всплеснув руками).* Батюшки! /
Матрена *(со смехом всплеснув руками[3]).* Батюшки! *(ЧА)*

С. 115

[6] девять веников / десять веников *(ЧА)*

[17] *хорошо меблированная / хорош[ая]о мебел[ь]ированная (ЧА)*

С. 116

[2] *После:* Чем же мне развлекаться прикажете? — Неужели сложа руки сидеть! *(ЧА, ТПК)*

[5] *После:* только не тревожь ты меня. — [Поди-ко] *(ЧА)*

[6] *Ремарки: Устинька входит в шляпке. — нет. (ТПК)*

С. 117

[2] А то и в подворотню, барышня. / А то и в подворотню. *(ЧА, ТПК)*

[5] *Перед:* Однако какой сюжет вы об нас имеете! — [Никогда!] *(ЧА)*

[14] *Слов:* Одно суеверие. — *нет. (ЧА)*

[18] *Ремарки: Капочка, Устинька и Маланья хохочут. — нет. (ТПК)*

[32] напрасно вы так понимаете об нас / [мы не тех правил, мы оченно себя знаем. Кажется, держим себя довольно деликатно] напрасно вы так понимаете об нас[4] *(ЧА)*

---

[1] *Слова:* не хлопочете об его счастье! — *вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* в полной форме ~ цвет идет — *вписаны на полях л. 4 об.*

[3] *Слова: всплеснув руками — вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* напрасно вы так понимаете об нас — *вписаны над строкой.*

С. 118

[12] Маланья. Шли бы, сударыня, на погребицу. /
[Кап<очка>.] Маланья. Шли бы, [маменька] сударыня[1], на погребицу. *(ЧА)*

[14] *Ремарки: Входит Красавина. — нет. (ТПК)*

[17] Красавина. Здравствуйте! /
Красавина. [Здравствуй, Капитолина Ивановна!] Здравствуйте [барышни]! *(ЧА)*

С. 119

[11] Ну, сконфузишься? / [что я сконфужусь]. Ну, сконфузишься?[2] *(ЧА)*

[30] Разве можно знать / Как можно знать *(ТПК)*

[32] в сад войдёшь / в сад выдешь *(ЧА)*

С. 120

[17] *После:* расстроит он маменьку. — У нас маменька все слушает, что ей ни скажут. Я боюсь дяденьку, как огня! *(ЧА, ТПК)*

[31] *После:* что со мной было! — Такое вдруг стеснение. *(ЧА, ТПК)*

[34—35] *После:* самый постоянный — в любви. *(ЧА, ТПК)*

С. 122

[20] *Маланья подносит ему орехи на тарелке. / Маланья подносит ему на тарелке. (ЧА)*

С. 124

[17] иметь с ними знакомство / иметь с ними короткое[3] знакомство *(ЧА, ТПК)*

[37] Гм... Гм... *(Громко.)* Гм... Сейчас. / Гм... Гм... [Гм...] *(Громко.)* Гм... Сейчас-с. *(ЧА)*

С. 125

[6] *Перед: смотрит в землю* — [изред<ка>] *(ЧА)*

С. 126

[9] Ах, он дяденьке скажет! / [Надобно его уговорить, чтоб он] Ах, он дяденьке скажет![4] *(ЧА)*

[24] *После: выходит из-за беседки — и садится подле Капочки. (ЧА, ТПК)*

[31] по своей горячности к любви. / по своей [слабости] горячности к любви[5]. *(ЧА)*

С. 127

[3] *Перед:* Как же я могу без вашего расположения-с? — [Жить мне или умереть?] *(ЧА)*

[22] *(Капочке.)* Ишь, как тебя стянули... / Ишь, как тебя стянули... *(ЧА)*

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Фраза вписана над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Слова:* горячности к любви — *вписаны над строкой.*

С. 128

[15] Узко как платье-то / Узко так платье-то *(ЧА, ТПК)*

С. 129

[2] *Те же и Неуеденов. / Те же и Неуеденов* [*и Маланья*]. *(ЧА)*

[4] Вот наши / Вон наши *(ТПК)*

[7—8] *Протягивает Бальзаминову руку, тот робко подаёт свою. / Протягивает* [*ему*] *Бальзаминову*[1] *руку, тот робко подает. (ЧА)*

[12] Не угодно ли, господа, чайку? / Извольте, господа, чай кушать. *(ЧА, ТПК)*

[14] Я с вами буду, сударь / Я с вами, сударь, хочу *(ЧА)*

С. 130

[19] *Фразы:* Что ты нукаешь-то? Не запрягла ещё... — *нет. (ЧА)*

[34] *После:* какой с эполетками — из таких молодцов, что ни к какой службе не годны. *(ЧА, ТПК)*

С. 131

[34] *После:* не совестно! — Вот ведь какой народ! *(ЧА, ТПК)*

[1] *Слово вписано над строкой.*

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ!

Черновой набросок 4-го явления III картины

<ЯВЛЕНИЕ> III

П<о л ь>. Bonjour, maman!

С<о ф ь я> И<в а н о в н а>. Здравствуй, Поль! Я сейчас была у жены твоей; она там с модисткой занимается; а я и рада, мне нужно поговорить с тобой.

П<о л ь>. Поговоримте, maman. *(Садится подле нее.)*

С<о ф ь я> И<в а н о в н а>. Скажи мне, Поль, откровенно, доволен ты своей женитьбой?

П<о л ь>. Даже больше, чем доволен.

С<о ф ь я> И<в а н о в н а>. Она любит тебя?

П<о л ь>. До безумия!

С<о ф ь я> И<в а н о в н а>. Ну, да что же об этом и спрашивать, это понятно! А долги ты все заплатил?

П<о л ь>. Я еще почти никому и не отдавал; да об этом теперь и думать нечего, можно заплатить хоть [сейчас] сегодня.

С<о ф ь я> И<в а н о в н а>. Однако все лучше развязаться. Ты попроси у нее, да и отдай.

П<о л ь>. Это можно сейчас сделать. Она давеча так расчувствовалась, говорит: что хочешь, Поль, все на свете для тебя сделаю.

С<о ф ь я> И<в а н о в н а>. Благородная женщина.

П<о л ь>. Вот посмотрите на наше семейное счастье. Поля!

П<е л а г е я> П<е т р о в н а> *(за сценой)*. Сию минуту, Поль.

С<о ф ь я> И<в а н о в н а>. Я очень рада, Поль, что ты так счастлив. Я чувствовала, что ты будешь счастлив, материнское сердце не обманывает.

Первоначальное название

[ПРИДАНОЕ]
Семейные сцены

Черновая редакция 1-го и 2-го явлений I картины

Сцена 1-я
Лица

Софья Ивановна, *пожилая дама, вдова.*
Лев Николаевич, *молодой человек, ее сын.*
[Ненила Устиновна] Устинья Филимоновна[1] Перешивкина, *пожилая женщина, вроде приживалки.*
Лакей.

[1] *Слова:* Устинья Филимоновна — *вписаны над строкой.*

<ЯВЛЕНИЕ> 1-Е

Софья Ивановна *(одна. Читает книгу, потом кладет ее на стол)*. Какая прекрасная, трогательная история! Бедный молодой человек женится на богатой [красивой] девушке из лучшего общества, на красавице, потом находит свою мать и все живут счастливо. А мой Leon! Нет ему счастья! Ах, дети! дети! *(Нюхает спирт и потом звонит.)*

Входит лакей.

Лакей. Чего изволите-с?

Софья Ивановна. Что, барин не приходил еще?

Лакей. Никак нет-с.

Софья Ивановна. Когда он придет, пошли его ко мне.

Лакей. Слушаю-с. *(Уходит.)*

Софья Ивановна. Он такой чувствительный, нервный мальчик! Весь в меня. Его бы надобно беречь, лелеять, а я не могу; я не имею средств. После такого прекрасного воспитания он, по несчастию, должен служить. Там [какой-нибудь] эти[1] столоначальники... все они в таких странных фраках... а он такой нервный, такой нервный!..[2] я верю, что его притесняют, потому что ему все завидуют.

Входит Лев Николаевич.

<ЯВЛЕНИЕ> 2-Е

Лев Николаевич. Bonjour, maman!

С<офья> И<вановна> *(целует его в лоб)*. Bonjour, Leon! Откуда ты?

Л<ев> Н<иколаевич>. Был в суде, потом завтракал с Сержем.

С<офья> И<вановна>. Нового чего не слыхать ли?

Л<ев> Н<иколаевич>. Серж говорил что-то. Да! Полина Кисточкина с мужем разошлась, там он переписку что ли какую-то нашел. Серж что-то много говорил, да мне, право, не до того было, чтоб слушать.

С<офья> И<вановна>. Ты все скучаешь, [мой друг] Leon?

Л<ев> Н<иколаевич>. Признаюсь, maman, в моем положении мудрено быть веселым.

С<офья> И<вановна>. Я тебе верю, мой друг.

Л<ев> Н<иколаевич>. Maman, послушайте меня.[3] По рождению, по воспитанию, по знакомству, ну, наконец, по всему, — поглядите вы на меня с ног до головы, — я принадлежу к лучшему обществу...

С<офья> И<вановна>. Да, да, да.

Л<ев> Н<иколаевич>. И что же мешает! Ведь стыдно признаться, ведь это позор, клеймо! Нет состояния!

С<офья> И<вановна>. Было, Leon, было.

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слова:* а он такой нервный, такой нервный!.. — *вписаны над строкой.*

[3] *Фраза вписана над строкой.*

Л<ев> Н<иколаевич>. Я знаю, что было, да теперь где?

С<офья> И<вановна>. Я до сих пор понять не могу, куда оно делось! Когда был жив твой папа, нас все считали очень богатыми людьми, сверх того он очень много сам приобретал, уж не знаю как, только очень много. Он мне сам говорил, что если... ну, да что тебе об этом рассказывать. Уж в последнее время, когда он служил здесь, он купил семьсот душ в Симбирской губернии. Потом он умер, я жила совсем не роскошно, а только прилично. Конечно, я ничего не жалела на твое воспитание, была два раза за границей, а впрочем больших расходов никаких не делала. И вдруг мне говорят, что я все прожила, что я ничего не имею. Это ужасно! Вероятно, всему виною там эти управляющие.

Л<ев> Н<иколаевич>. Канальи!

С<офья> И<вановна>. Что делать, мой друг! Люди так злы, коварны, а мы с тобою так доверчивы.

Л<ев> Н<иколаевич>. Это вы, maman, доверчивы; а попадись они мне, я бы показал себя. Ведь с этим народом нельзя иначе. Фр... *(Молчание.)* Просто зло берет. Не могу же я, как другие чиновники, бегать чем свет в суд, потом после присутствия опять бежать домой обедать или трястись на Ваньке. Они уж так созданы для этого, им ничего, они могут, а я не могу. Ну вот я теперь задолжал извозчику, портному Шевалье. Наши все у Шевалье бывают.

С<офья> И<вановна>.

Л<ев> Н<иколаевич>. Я просто не знаю, что мне делать! Выдь случай, так в карты бы обыграл кого-нибудь, не посовестился.

С<офья> И<вановна>. Я тебя понимаю, мой друг.

Л<ев> Н<иколаевич>. Какие понятия у людей![1] Послушайте, maman, ведь весьма естественно человеку хорошо воспитанному желать и одеваться хорошо, и быть в театре, ну и выехать прилично...

С<офья> И<вановна>. Ну, конечно.

Л<ев> Н<иколаевич>. Ведь это не прихоти, не роскошь, а только необходимое, без чего нельзя обойтись порядочному человеку; этого, наконец, требует приличие. Кажется, ясно. Так нет, дядюшка любезный[2] говорит[3]: ты этого [не было] не[4] должен желать, потому что ты не имеешь средств! Да разве я виноват, что не имею средств. Где же тут логика?

Прежнева. Какая логика, все вздор.

Поль. Ты, говорит, не имеешь средств, так работай. Нет уж, пусть другие работают, а я слуга покорный! Что я, лошадь, что ли?

С<офья> И<вановна>. Дядя твой человек грубый, да и отец был тоже. Он только по мне и был принят в обществе...

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слова:* дядюшка любезный — *вписаны над строкой.*

[3] *Исправлено из первоначального:* говорят

[4] *Слово вписано над строкой.*

Л<ев> Н<иколаевич>. Ведь достаются же деньги людям, которые не имеют никакого понятия о жизни. А я знаю жизнь, как нельзя лучше, имею самый тонкий вкус, одеться ли, убрать ли квартиру, едва ли кто умеет так, как я. И вот у меня-то и нет денег. Как вам это покажется?

С<офья> И<вановна>. Ужасно!

Л<ев> Н<иколаевич>. Вот драма! Что там режутся, отравляются на сцене, все это вздор. Вот где настоящая драма.

С<офья> И<вановна>. Знаешь что, Leon? Я думаю, тебе бы жениться.

Л<ев> Н<иколаевич>. Что ж, я не прочь жениться, да на ком?

[С<офья> И<вановна>] Прежнева[1]. Да, [вот] это вопрос! Я знаю тебя, [Leon] Поль[2]. Зачем ты так прекрасно воспитан? Зачем у тебя такая нежная душа? Ты через это будешь несчастлив в своей[3] жизни. Тебе нет пары! Много, слишком много нужно иметь девушке достоинств, чтобы понравиться тебе и сделать твое счастье.

[Л<ев> Н<иколаевич>] Поль[4]. Вы, может быть, думаете, maman, что меня прельщает семейное счастье? Я уж не ребенок, мне двадцать один год. Что за пастораль! *(Хохочет.)* Мне просто нужны деньги.

С<офья> И<вановна> Прежнева[5]. Но я все-таки, [не думаю, чтобы ты] мой друг, я знаю твой характер, я знаю, что ты[6] не мо[г]жешь жениться на ком-нибудь.

[Л<ев> Н<иколаевич>] Поль. На ком хотите. [Благодаря своему воспитанию, я не имею предрассудков] Мне нужны деньги, чтоб быть порядочным человеком, чтоб играть роль в обществе, одним словом, чтоб делать то, к чему я способен, к чему я рожден. На всякой другой сфере я не гожусь, только в одной этой я могу быть [замечательным человеком] чем-нибудь[7]. А для этого мне нужно жениться непременно на богатой.

[С<офья> И<вановна>] Прежнева. Однако, мой друг...

Входит лакей.

Лакей. Перешивкина пришла.

[С<офья> И<вановна>] Прежнева. Вечно помешает.

[Л<ев> Н<иколаевич>] Поль. Поговорим после, еще будет время.

[С<офья> И<вановна>] Прежнева. Пусть войдет.

Лакей уходит.

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слова:* мой друг, я знаю твой характер, я знаю, что ты — *вписаны над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

СЦЕНА II-АЯ

<План>

Л<ев> Н<иколаевич> и П<елагея> П<етровна> — потом горничная — Л<ев> Н<иколаевич> один.

Л<ев> Н<иколаевич> и мать, пот<ом> — П<елагея> П<етровна> — Л<ев> Н<иколаевич> и мать.

Л<ев> Н<иколаевич>, [П<елагея> П<етровна>] и мать.

Л<ев> Н<иколаевич> и мать, пот<ом> горничная. — Л<ев> Н<иколаевич> и мать.

[I] 1

Лица

Лев Николаевич.
Пелагея Петровна, *его жена.*
Софья Ивановна, *его мать.*
Горничная девушка.

Богато убранный кабинет.

<ЯВЛЕНИЕ> I

Л<ев> Н<иколаевич> сидит за столом, П<елагея> П<етровна> за работой на диване.

П<елагея> П<етровна> *(оставляя работу, подходит к Л<ьву> Н<иколаевичу>).* Левушка, брось писать, не пиши! [Не пиши,] Мне скучно![1] *(Обнимает его.)*

Л<ев> Н<иколаевич> перестает писать.[2]

Левушка, я так счастлива, так счастлива! Что право не знаю, за что мне такое счастие! Всего у меня много, муж такой милый, красавец, умный! Только одно меня беспокоит: ты часто уезжаешь.

Л<ев> Н<иколаевич>. Нельзя же, [мой друг] Полина[3], у меня служба.

П<елагея> П<етровна>. Ты и нынче поедешь?

Л<ев> Н<иколаевич>. Да, поеду. Уж мне пора.

П<елагея> П<етровна>. Возьми меня с собой.

Л<ев> Н<иколаевич>. Куда это, в сенат-то?

П<елагея> П<етровна>. Ну да.

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Ремарка вписана над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

Л<ев> Н<иколаевич>. Что ты, Полина, разве это можно?

П<елагея> П<етровна>. У вас все нельзя. Просто не хочешь.

Л<ев> Н<иколаевич>. Что ты за вздор говоришь, Полина! Да ты спроси у кого-нибудь, коли мне не веришь, берут ли жен с собой в суд?

П<елагея> П<етровна>. Оттого и не берут, что не любят. Кабы вы нас любили, так вы бы наши прихоти исполняли. Мы для вас все на свете готовы сделать, а вы для нас ничего.

Л<ев> Н<иколаевич>.

П<елагея> П<етровна>. Ну, по крайней мере, сделай для меня удовольствие, не езди сегодня, посиди со мной.

Л<ев> Н<иколаевич>. Изволь, Полина.

П<елагея> П<етровна>. Нет, в самом деле, ты не поедешь?

Л<ев> Н<иколаевич>.

П<елагея> П<етровна>. Милый Leon, какой ты добрый! Как ты меня балуешь! Я все на свете готова для тебя сделать. Ну что только ты хочешь? Говори, чего ты хочешь!

Входит горничная.

Горничная. Барыня, пожалуйте, швея пришла.

П<елагея> П<етровна>. Я сейчас приду, Поль. *(Уходит.)*

Варианты чернового автографа

С. 141

[12–17] дюми-терьмо ~ Прикажете принести? /
[миткаль] дюми-терьмо[1] делает…

Поль хохочет.

Ничего, смейся, батюшка, смейся надо мной, старухой…[2] Так вот, не угодно ли купить, [хорошо и дешево] [хорошо и] он мне[3] дешево отдает. Широкий такой, добротный. [Не угодно ли принесу?] Прикажете принести?[4]

[20] *После:* Уж и старая карга? — [Все смеетесь, барин, над старухой, а я вас на руках нянчила.]

[22] Не годится вам, барин, меня, старуху, бранить / Все смеетесь, барин, над старухой

[26–27] *Слов:* Он уж такой шутник! — *нет.*

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Текст: Поль хохочет.* ~ смейся надо мной, старухой… — *вписан на полях л. 4 под знаком вставки.*

[3] *Слова:* он мне — *вписаны над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

С. 143

2–5 Серафимой Карповной зовут ~ важный человек, в чинах. / [Ольгой] [Пелагеей Петровной] Серафимой Карповной[1] зовут. Я [вхожа] завсегда[2] к ним в дом вхожа[3]. Она, вот видите ли, матушка, купеческого роду, только была за [генералом] г<осподином> Мазуневичевым, чиновным человеком[4].

8 в отпуску был / уезжал на месяц

9 *Слов:* Ну, ври, ври! — *нет.*

20–22 Одних денег ~ Сама, сама видела /

Одних денег [четыреста тысяч] полтораста тысяч[5]!

[Л<ев> Н<иколаевич>] Поль. [Четыреста тысяч!] Полтораста тысяч![6]

[У<стинья> Ф<илимоновна>] Перешивкина. [Четыреста, четыреста] Сама, сама[7] видела.

38 мимо ходит / мимо [ездит] ходит[8]

С. 144

5–19 Прежнева *(смеётся)*. Да что ж ~ Прощай, мой друг! /

[С<офья> И<вановна>] Прежнева. Ха-ха *(смеется)*. Да что ж тут удивительного! Еще бы в него-то не влюбиться! *(Смотрит в сторону.)*[9]

[У<стинья> Ф<илимоновна>] Перешивкина. [Как] Ну, само собой, матушка; да ведь с деньгами.

[Л<ев> Н<иколаевич>] Поль *(поет)*. [Нам-далим-там-там... нам-дадим-ту-тум...] La donna e mobile...

[У<стинья> Ф<илимоновна>] Перешивкина. Я, говорит, влюблена, Устинья Филимоновна. — В кого, говорю, матушка, в кого? — А вот посмотри, сейчас пройдет. — Я гляжу в окно, [Лев Николаевич] Пав<ел>-то Петро<вич> и идет; а она мне и говорит: вот он.

[Л<ев> Н<иколаевич>. Нам-далим-там-там... нам-дадим-ту-тум...]

Поль продолжает петь.

---

[1] *Слова:* Серафимой Карповной — *вписаны над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова:* г<осподином> Мазуневичевым, чиновным человеком — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* полтораста тысяч — *вписаны над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Текст:* Да что ж тут удивительного! ~ *(Смотрит в сторону.)* — *вписан над строкой.*

Конечно, надо [Льву Николаевичу] Павлу Петровичу самому[1] посмотреть: понравится ли еще. Ну, да коли сомнение имеете, можно и в Опекунском справиться, билеты-то все именные. Отчего же не справиться. Не такое дело, чтоб без оглядки делать. Ведь это дело вечное.

[Л<ев> Н<иколаевич>] Поль. Maman [я погулять пойду]. *(Подходит к матери.)*

[С<офья> И<вановна>] Прежнева [*(целует)*]. Прощай, мой друг![2]

[20] Хлопочите. *(Уходит.)* / Хлопочите. *(Кланяется У<стинье> Ф<илимоновне> и уходит.)*

[22] Асламевич / Мазуневич

С. 145—156

[1—8] *Текста:* **КАРТИНА ВТОРАЯ** ~ *Серафима Карповна входит. Поль пишет. — нет.*

С. 157

[17—20] Впрочем, это ~ чувствительнее нашего. / Однако это хорошо, что она меня так любит. Чего ты хочешь? Чего? Разумеется, денег. Значит, правду говорят, что у женщин сердце гораздо чувствительнее.

С. 157—162

[23—21] *Текста:* если и с другой стороны взять... ~ *(Опускает голову на руки.)* — *нет.*

Варианты белового автографа

С. 136

[12] *на деревянный с колоннами балкон / на деревянный* [*покоробившийся*] *с колоннами*[3] *балкон.*

[33] что, к несчастию / что, [конечно] к несчастию[4]

С. 138

[19—21] Я всё-таки должен жить так ~ в мещане, что ли, мне приписаться? / Никто не примет этого ни в уважение, ни в оправдание. Я все-таки должен жить так, как все из нашего круга. Я должен и одеваться так, как они, [жить] и вести себя[5] так, как они. Что ж, [я скажу, извините, у меня нет состояния] в мещане, что ли, мне приписаться?

С. 141

[10—11] *После:* с ней можно говорить серьёзно. —

---

[1] *Слова:* Павлу Петровичу самому — *вписаны над строкой.*

[2] *Фраза вписана над строкой.*

[3] *Слова:* с колоннами — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* к несчастию — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* и вести себя — *вписаны над строкой.*

[Перешивкина. Я тебя [пара<зита>] нянчила, все об твоем счастьи хлопочу, а ты надо мной смеешься.

Поль. Приходи, я тебе денег дам.][1]

С. 143

30—31 *После:* я на себя и греха этого не возьму. — [Еще при покойнике, при барине]

С. 144

7 само собой, матушка / само собой, барыня

24 ему препятствовать / препятствовать ему

С. 145

14 *надворное строение* / [*сарай*] [*погреб*] *надворное строение*

18 *у погребицы* / *у погреба*

С. 146

9—10 *и, загнув голову на сторону от пару, идёт к галерее.* / *и,* [*отбрасывает*] *заг*[*ибает*]*нув голову на сторону от пару, идет к* [*балкону*] *галерее.*

28—29 Вот кабы Серафимочка замуж вышла / Вот [если] кабы Серафимочка замуж вышла

С. 147

2—3 *После:* А ты своим умом дойди. — [*Молчание.*]

С. 148

11 *Быстро встаёт* / [*Вскакивает*] *Быстро встает*

19—20 а человек, который в разум входит ~ женская прелесть ничего не значит / а человек старый, который в разум входит и в лета постоянные, [все испытал, для того их прелесть мерзость есть] для того женская прелесть ничего не значит

С. 150

20—22 Ну, он молодой ~ да и выманит деньги-то. / [Он молодой, а ты все-таки вдова, не девушка, как будто перед мужем совестно; ну он подластится и выманит деньги][2] Ну, он молодой, а ты все-таки вдова, а не девушка, все как будто перед мужем совестно; ну, он подластится да и выманит деньги-то.

С. 151

30 Перемена в жизни… / Перемена жизни…

С. 152

5 *Перед:* Опять ты всё врёшь! — [Как, чай, не <пьет>]

36 *Улита Никитишна берёт и ест.* / *Улита Никитишна берет ф<рукт> и ест.*

С. 153

5—7 Эй вы, гужееды! ~ Барыня ехать хотят. /

---

[1] *Вариант вписан на полях л. 8.*

[2] *Вариант вписан на полях л. 16 об.*

[Кучер, кучер!] Эй вы, гужееды![1]

К у ч е р а выходят.

Подавай лошадей! Барыня е[дет]хать хотят.

[14] У меня тут по соседству / У [нас] меня[2] тут по соседству

[29] на печке воюете / на печке воете

[35—36] Прощай! ~ друг любезный! / [Прощай, друг] Прощай![3]

[И в<а н ы ч>] 1-й к<у ч е р>. [Прощай] Прощай, друг любезный![4]

С. 154

[18] ко мне почтителен / [к нам] ко мне почтителен

С. 155

[7] *После:* И его гони. —

[Л а к<е й>. Слушаю-сь. *(Уходит.)*]

С. 156

[6] *После:* Ещё даже лучше, если у меня. — [*Сер<афим>а Карп<овна> входит.*]

[32—33] Если бы вы нас любили ~ наши прихоти исполняли. / [Кабы] Если бы[5] вы нас любили так, как мы вас любим,[6] [так] вы бы все наши прихоти исполняли.

С. 157

[7—8] Ну, говори! ~ *(Ласкает его.)* / [Ну не хочешь ли, я тебе куплю что-нибудь. Сейчас же поеду в город и куплю.] Ну, говори! Говори, чего хочешь! да говори же! *([Теребит] Ласкает*[7] *его.)*

С. 158

[1] *Перед:* Что ты, с ума, что ли, сошла! — [Вот вздор]

[2] Нет, я хотел / [Я хо<тел>] Нет, я хотел

[15—17] мне теперь, право ~ Серафима, мне, право / [у меня совсем не это в голове] мне теперь, право, ни об чем другом думать[8] не хочется.

П о л ь. Нет, Серафима, мне, право, [не до того, мне]

С. 159

[7] *Перед:* Конечно, будут дети — [Так]

[9] *Перед:* Нет, нет, я и говорить не хочу — [Ну перестанем об этом говорить. Поговорим]

[12—16] *(Обнимает Поля.)* ~ Об чём ещё? /

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Слова:* Если бы — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* так, как мы вас любим, — *вписаны над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слова:* право, ни об чем другом думать — *вписаны над строкой.*

(Обнимает Поля.) [Поговорим теперь о любви]

П о л ь *(освобождаясь из объятий)*. [Нет, не о любви] Нет, Полина, как ты хочешь, а мне с тобой нужно поговорить.

С е р а ф и м а К а р п о в н а *(серьезно)*. [А о чем же?] Об чем еще?

18—19 Дело, Серафима, очень выгодное / [Нам будет выгода] Дело, Серафима, очень выгодное[1]

28—32 Чего она испугалась? ~ А как деньги? / [Это черт знает что такое] Чего она испугалась?[2] Я уж и не пойму. [и любит, и денег не дает] Не думает ли она, что [я по любви на ней женился] я всю жизнь буду только одной любовью пробавляться?[3] Это будет очень оригинально! Скупа, что ли, она? Нужно же, наконец, узнать, что она больше любит: меня или деньги? Коли меня — так дело поправить можно. А как деньги? Что тогда?

С. 160

35 Я теперь хочу / Я [должна буду] теперь хочу[4]

С. 161

8—9 он у нас очень сердит / он [очень] у нас очень сердит

12 А я должна плакать всю жизнь. / А я [буду] должна[5] плакать всю жизнь.

21 нет ли где секретного какого отделения? / нет ли где [чего] секретного какого отделения?

36 *(садясь и пристально глядя на мать)*. Maman! /
(садясь и пристально глядя на мать). [Маменька] Maman![6]

С. 162

5—6 *После:* танцевал лучше всех детей в Москве и — [вам весело было]

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Фраза вписана над строкой.*

[3] *Слова:* я всю жизнь буду только одной любовью пробавляться? — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* теперь хочу — *вписаны над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

ВОСПИТАННИЦА

Черновой набросок

ВОСПИТАННИЦА
Драма в двух действиях

Лица

Сосипатра Давыдовна Усланова, *богатая помещица, пожилых лет, с армянским носом и повелевающими бровями.*
Анна Захаровна, *ее воспитанница, дочь Зверобоева.*
Алексей Иванович, *молодой человек, племянник Улановой*[1], *кандидат М<осковского> университета, чиновн<ик> по особ<ым> поручениям.*
Захар Захарыч, *отставной чиновник, отец А<нны> З<ахаровны>.*
Сава Трифоныч Брусков, *купец.*
Разные лица.
Прислуга.

<План>

Д<ействие> 1-е. Яв<ление> 1-е: Ан<на> одна. Яв<ление> 2: Ан<на> и Ал<ексей> Ив<анович>. Яв<ление> 3-е: те же и Услан<ова>. Яв<ление> 4: Усла<нова> одна. Яв<ление> 5: разные лица. Яв<ление> 6: Усл<анова> и Бруск<ов>. Явл<ение> 7: те же и Зах<ар Захарыч>. Яв<ление> 8: Усл<анова> и Ан<на>.

Первоначальный вариант названия

КОШКЕ ИГРУШКИ, МЫШКЕ СЛЕЗКИ
Картины из деревенской жизни

Первоначальный список действующих лиц

<Лица>

[Нимфодора Исаевна] [Аслан-Уланова] Уланбекова[2], *старуха лет под 60, высокого роста, худая, с большим носом, черными, густыми бровями, тип лица восточный, небольшие усы. Набелена, нарумянена, одета богато, вся в черном. Помещица 2000 душ.*[3]
Леонид [Давыдыч] [молодой человек], *ее сын, 18 лет,*[4] *очень красив, немного похож на мать. Одет по-летнему.* [*Служит*] *Учится*[5] *в Петербурге.*
Василиса Перегриновна, *приживалка, девица 40 лет. Волос мало, пробор косой, коса зачесана высоко, с большой гребенкой. Постоянно коварно*

[1] *Слова:* племянник Улановой — *вписаны над строкой.*
[2] *Слово вписано над строкой.*
[3] *Слова: вся в черном ~ душ. — вписаны над строкой.*
[4] *Слова: 18 лет, — вписаны над строкой.*
[5] *Слово вписано над строкой.*

улыбается и страдает зубами; желтая шаль около самого горла[1] *заколота булавкой* [*ходит, точно крадется*].
Потапыч, *старый дворецкий. Галстух и жилет белые, фрак черный. С виду важен* [*но в речах и поступках бестолков*].
Надя, [*его дочь*] *17 лет* [*любимая горничная княгини*], *любимая воспитанница Уланбековой, одета, как барышня.*
Гавриловна, *ключница, пожилая женщина, полная, с открытым лицом.*
Гриша, *мальчик лет 19, одет франтом, часы с золотой цепочкой. Красив, волосы кудрявые, выражение лица глупое. Любимец барыни.*[2]
Неглигентов, *приказный из семинаристов, очень грязный молодой человек.*
Лиза, *горничная, недурна собой, но очень полна и курноса; в белом платье, лиф которого короток и сидит неловко, на шее маленький пунцовый платочек, волосы очень напомажены.*
Молодая деревенская девка, *одетая по-праздничному.*[3]

[*Сцена представляет комнату в деревенском доме, прямо дверь в сад, справа и слева двери, посередине круглый стол*]

Действие происходит весной, в подгородной [*слободе*] *Уланбековой.*

Черновая редакция 2-го явления II действия

Те же и Уланова, Гриша, Надя и Лиза.

В<асилиса> Перег<риновна>. Помолиться, [матушка] благодетельница[4], изволили?

[Ас<лан>-] Уланова *(садясь).* К [отцу Онуфрию] [Медиокритскому][5] старику Неглигентову[6] заезжала в Пустую улицу. Просил меня [о] племяннника[7] [своем похлопотать[8]] устроить его[9], крестник ведь[10] он мне доводится. Жаль этих людей! [Без меня они бы гибли, как мухи.] [Чтобы они были без протекции! Меня им Бог послал.] Да, к вечерне ездила в город, праздник нынче там.

Вас<илиса> Пер<егриновна>. Много благодеяний рассыпали нестоющим людям?

---

[1] *Слова: желтая шаль около самого горла — вписаны над строкой.*
[2] *Фраза вписана над строкой.*
[3] *Слова:* Неглигентов, *приказный ~ по-праздничному. — вписаны на полях л. 1 об. со знаком вставки.*
[4] *Слово вписано над строкой.*
[5] *Слово вписано над строкой.*
[6] *Слова:* старику Неглигентову *— вписаны над строкой.*
[7] *Исправлено из первоначального:* племяннике
[8] *Слово вписано над строкой.*
[9] *Слова:* устроить его *— вписаны над строкой.*
[10] *Слово вписано над строкой.*

Ас<лан-Уланова>. Нет, только[1] заезжала в Пустую улицу, к Медиокритскому. Просил меня устроить его племянника, крестник ведь он мне. Жаль этих людей![2]

Вас<илиса> Пер<егриновна>. Уж вы, матушка, всем благодетельница. Всем-таки, всем! Которые и взгляду-то вашего не стоят, вы и тем благодетельствуете.[3]

Ас<лан-Уланова> *(садится)*. Нельзя же, душа моя! Нужно делать добро ближним.

Вас<илиса> Пер<егриновна>. [Говорят, непутный племянник-то у отца Онуфрия.] Чувствуют ли они ваши благодеяния? Могут ли они чувствовать? Понимают ли они, скоты, сколько вашего для них снисхождения? Могут ли они оценить? Хоть благодарность-то чувствуют ли они?[4]

Ас<лан-Уланова>. [Что ж из этого?] А мне все равно, милая.[5] Я [не для них] делаю, [а] для себя, для своей души. Заезжала потом к исправнику, просила, чтоб [Медиокритского племянника] Неглигентова[6] столоначальником сделал…

Вас<илиса> Пер<егриновна>. Да [матушка] благодетельница, стоют ли…[7]

Ас<лан-Уланова>. Не перебивай! Странный человек у нас исправник; я его прошу, а он говорит, места нет. Я ему говорю, вы [поймите], кажется, не понимаете,[8] кто вас просит? Что ж, говорит, не выгнать же мне хорошего человека для вашего крестника! Грубый человек! Однако обещал!

Вас<илиса> Перегр<иновна>. Еще бы он смел! Я и понять не могу,[9] как[10] это у него язык-то повернулся [отказать вам] против вас[11]. [Да не стоит Медиокритский-то того] Вот уж сейчас необразование-то и видно. Положим, что[12] по жизни своей Неглигентов не стоит[13], чтобы [для него у хорошего человека место отняли.] [по жизни[14] своей, не стоит] об нем и разговаривать-то много, да по вас-то он должен сделать для него все на свете, какой бы он там ни был негодяй.[15]

[1] *Слова:* Нет, только — *вписаны над строкой.*

[2] *Текст:* [Чтобы они были без протекции! ~ Жаль этих людей! — *вписан на полях л. 11 об. со знаком вставки.*

[3] *Фраза вписана над строкой.*

[4] *Слова:* Чувствуют ли они ваши ~ чувствуют ли они? — *вписаны на полях л. 12.*

[5] *Фраза вписана над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слова:* благодетельница, стоют ли… — *вписаны над строкой.*

[8] *Слова:* кажется, не понимаете, — *вписаны над строкой.*

[9] *Слова:* Еще бы ~ не могу, — *вписаны над строкой.*

[10] *Исправлено из первоначального:* Как

[11] *Слова:* против вас — *вписаны над строкой.*

[12] *Слова:* Вот уж сейчас ~ Положим, что — *вписаны на полях л. 12 со знаком вставки.*

[13] *Слова:* по жизни своей Неглигентов не стоит — *вписаны над строкой.*

[14] *Было:* по жизни[-то он]

[15] *Слова:* об нем и разговаривать-то ~ негодяй. — *вписаны над строкой.*

А с < л а н - У л а н о в а >. Ты не забывай, что он [мне] мой[1] крестник.

В < а с и л и с а > П е р е г < р и н о в н а >. Я про то вам и докладываю, благодетельница; крестник он[2] вам, ну и кончено дело, он никаких и разговоров не должен слушать. А то, мало ли что говорят! Вот говорят, что[3] [Да] он[4] беспутный [ведь он] совсем; что дядя его в суд определил, а он оттуда скрывается; целую неделю пропадал, говорят, где-то версты за четыре на большой дороге, подле кабака[5], рыбу ловил. Да что пьянствует не по летам. Да кому ж какое дело [до этого. Кто смеет обращать внимание![6]] Коли вы за него просите, значит он стоит того.[7]

[А с < л а н - У л а н о в а >] У л < а н о в а >. [Ничего этого я знать не хочу, я его] Я этого не слыхала[8] и [его] пьяным его[9] не видала никогда[10]. [Я знаю одно, что он мой крестник, потому я и] А[11] просила я[12] за него исправника, [а случися, так и губернатора буду просить], потому что он мой крестник[13].

В < а с и л и с а > П е р е г < р и н о в н а >. Знаю, [матушка] благодетельница[14], знаю; все это знают, что вы, если захотите, так можете из грязи человеком сделать; а не захотите, так будь хоть семи пядей во лбу, [все] так в ничтожестве [останется] и пропадет. [Значит тот] Сам виноват, отчего не умел заслужить!

А с < л а н - У л а н о в а >. Я, кажется, никому зла не сделала.

В < а с и л и с а > П е р е г < р и н о в н а >. Какое же зло! Да вы, по своему ангельскому сердцу, и мухи не обидите! Оно[15], конечно, все мы люди не без греха, [у вас же столько дел, что нельзя вам самим за всеми усмотреть; может, есть довольно и таких, которые] дел же у вас много, на всех нельзя угодить! Коли правду говорить, так, благодетельница вы моя, довольно-таки народу[16] и на вас плачутся. [Ну да уж так как вы] Вы уж другим-то много благодеяний делаете, так вам, нашей благодетельнице,[17] Бог простит.

А с < л а н - У л а н о в а >. Кто же на меня плачется? Что ты врешь!

В < а с и л и с а > П е р е г < р и н о в н а >. Вам, благодетельница наша, всего знать нельзя. Да и не стоит вам, по вашей барственности, о всякой

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слова:* Я про то вам ~ крестник он — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* вам, ну и кончено дело ~ говорят, что — *вписаны на полях л. 12 об. со знаком вставки.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* на большой дороге, подле кабака — *вписаны над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Слова:* Да кому ж какое дело ~ стоит того. — *вписаны на полях л. 12 об. со знаком вставки.*

[8] *Слова:* Я этого не слыхала и — *вписаны над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[12] *Слово вписано над строкой.*

[13] *Слова:* потому что он мой крестник — *вписаны над строкой.*

[14] *Слово вписано над строкой.*

[15] *Слово вписано над строкой.*

[16] *Слова:* дел же у вас много ~ довольно-таки народу — *вписаны над строкой.*

[17] *Слова:* нашей благодетельнице, — *вписаны над строкой.*

дряни беспокоить себя. [Да] что на них смотреть-то, стоют ли они того?[1]

Ул<анова> *(строго).* Я все-таки желаю знать, [кто на меня плачется] кого я обидела[2]?

В<асилиса> Перег<риновна>. [Я] никого[3], благодетельница, [от роду не видала, чтобы кто на вас плакался; а] никого![4] Это я так сказала потому[5], что [ведь, как же не быть]. Сами знаете, какой нынче народ.

Ул<анова>. [Я тебя знаю: ты] Это ты[6] сказала для того, чтобы сделать мне какую-нибудь неприятность.

В<асилиса> Перег<риновна>. Лопни глаза мои!

Ул<анова>. Я тебя знаю. Будь ты, пожалуйста, осторожней; а то ты меня можешь вывести из терпения. *(Молчание.)* У меня точно дел много.[7]

Ас<лан-Уланова>. [Сколько] У меня, милая, столько[8] дел-то, [так тут] что[9] и мужского ума не всякого[10] хватит, а я [милая] женщина. Притом же мне посоветоваться не с кем, ты сама знаешь.[11] У тебя, что ли, я совета спрошу! А я не зла и никого обидеть не хочу.[12] [Впрочем] В трудных делах [когда мне нужно решить что-нибудь важное] или в важных каких-нибудь[13] я всегда поступаю очень[14] осторожно. Если я сама[15] чего не могу сообразить, я [сейчас] всегда полагаюсь на судьбу, перекрещусь три раза и[16] ра[складываю один]зложу гранпасьянс, у меня есть один[17], которому я во всем верю. Если сойдется, я делаю, что задумала, а если не сойдется, я оставляю. Уж это, кажется, верное дело! Ни[18] в рекруты, [ли кого отдать или за кого] ни девку замуж [выдать] я [всегда] никогда не отдаю, не разложивши[19] гранпасьянс [раскладываю]. Уж лучше положиться на судьбу, чем на свой рассудок. Наш ум очень ограничен, моя милая! Очень, очень ограничен![20] Давайте чаю.

---

[1] *Текст:* Ас<лан-Уланова>. Кто же на меня плачется? ~ стоют ли они того? — *вписан на полях л. 12 об. со знаком вставки.*

[2] *Слова:* кого я обидела — *вписаны над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Текст:* Ул<анова> *(строго).* Я все-таки желаю знать ~ У меня точно дел много. — *вписан на полях л. 13 со знаком вставки.*

[8] *Слова:* милая, столько — *вписаны над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Слова:* ты сама знаешь. — *вписаны над строкой.*

[12] *Фраза вписана над строкой.*

[13] *Слова:* или в важных каких-нибудь — *вписаны над строкой.*

[14] *Слово вписано над строкой.*

[15] *Слово вписано над строкой.*

[16] *Слова:* всегда полагаюсь на судьбу, перекрещусь три раза и — *вписаны над строкой.*

[17] *Слова:* у меня есть один — *вписаны над строкой.*

[18] *Слова:* Уж это, кажется, верное дело! Ни — *вписаны над строкой.*

[19] *Слова:* никогда не отдаю, не разложивши — *вписаны над строкой.*

[20] *Фраза вписана над строкой.*

Гавр<иловна>. Сейчас, сударыня! *(Наливает две чашки.)*

Потапыч подает Улановой и Василисе Перегриновне.

Ас<лан-Уланова>. Налей и Грише, он нынче ездил со мной, устал.

Гавр<иловна>. Налью, сударыня. *(Наливает и подает Грише.)*

Гриша. Что ж молока-то мало налила! Жаль тебе, что ли?[1]

Гавриловна *(подливает молока)*. И так тебя, как теленка, уж отпоили.

Гриша берет чашку и уходит за дверь в сад.

Ул<анова>. Я думала вот[2] Надю за [Медиокритского] Неглигентова[3] отдать, — с приличным награжденьем, разумеется.[4] Ты говоришь, что он дурную жизнь ведет; так надобно [это поскорее сделать] будет свадьбой поторопиться.[5] Она у меня[6] девушка хороших правил, будет его удерживать, а то он от холостой жизни совсем избалуется. Холостая жизнь ужасно портит молодых людей.[7]

Надя *(Лизе)*. Слышишь, Лиза? Что же это![8] Боже мой!

[Надя *(Лизе)*] Лиза. Вот и слушай, а говорить нельзя.[9]

В<асилиса> Перег<риновна>. Давно, матушка, пора отдать ее[10]; что ей болтаться-то! Теперь же сынок-то ваш, наш ангельчик, сюда[11] приехал.

Ул<анова>. [Так что ж] Ах, перестань[12], что ты еще выдумываешь? Он ребенок совсем.

Василиса Перегриновна. [Что уж, матушка, говорить] Уж нечего сказать, благодетельница[13], дал вам Бог сына на радость да на утешение. И мы-то все на него не нарадуемся. Словно солнце какое у нас показалось.[14] Такой добрый, такой веселый, такой ко всем ласковый! *(Смеется.)* А уж за девушками так и бегает; проходу нигде не дает; а они-то, дуры, рады-радехоньки, так и ржут.

Ул<анова>. Врешь ты, мне кажется, [где] ему девушек и видеть негде[15], они весь день на своей половине, да и не ходят никуда.

В<асилиса> Перег<риновна>. Ах, матушка, да девку никакими замками не удержишь, коли она что сделать задумает.

---

[1] *Слова:* налила! Жаль тебе, что ли? — *вписаны над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова:* с приличным награжденьем, разумеется. — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* будет свадьбой поторопиться. — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* у меня — *вписаны над строкой.*

[7] *Фраза вписана над строкой.*

[8] *Слова:* Слышишь, Лиза? Что же это! — *вписаны над строкой.*

[9] *Текст:* Надя *(Лизе)*. Слышишь, Лиза? ~ а говорить нельзя. — *вписан на полях л. 13 об. со знаком вставки.*

[10] *Слова:* отдать ее — *вписаны над строкой.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[12] *Слова:* Ах, перестань — *вписаны над строкой.*

[13] *Слова:* Уж нечего сказать, благодетельница — *вписаны над строкой.*

[14] *Фраза вписана над строкой.*

[15] *Слова:* и видеть негде — *вписаны над строкой.*

Ул<анова>. Слышишь, Гавриловна! Ты у меня смотри за девками. Ты знаешь, я разврата не терплю. Скажи [всем, что если я услышу что-нибудь, я со свету сживу] это всем строго-настрого[1]. *(Василисе Перегриновне.)* Да нет, этого быть не может. Ты [врешь, моя милая!] меня только расстраиваешь своими глупостями. Экая ты скверная на язык! Очень нужно тебе было болтать! Теперь у меня [это] из головы не выдет. Смотри же, Гавриловна![2]

Гавр<иловна>. Что вы, сударыня, ее слушаете!

В<асилиса> Перег<риновна>. Да что ж, [матушка] благодетельница[3], разве я что дурное говорю! Смею ли я подумать-то про него, про ангельчика?[4] Конечно, еще ребенок, поиграть ему хочется; а здесь товарищей ему нет, он с девушками и играет.

Ул<анова>. Яд у тебя на языке. *(Задумывается.)*[5] А Надю все-таки нужно замуж отдать.

Потапыч принимает чашки. Гавриловна наливает и подает.[6]
Гриша приходит из саду, [отдает чашку П<отапычу>, а другой рукой] толкает Г<авриловну>[7] *и делает знак головой, чтобы налила еще. Гавриловна наливает, Гриша уходит.*[8]

Надя *(почти плача).* Я вами так была обласкана, что и выразить не могу. Извините меня, что я смею теперь вам говорить: но, по вашему ко мне расположению, я от вас совсем не такой милости ждала.[9] Чем же я вам теперь[10], сударыня, не угодила, что вы меня хотите за пьяницу отдать?

Ул<анова>. Ты, милая, об этом рассуждать не [должна] можешь[11], ты девушка. Ты должна во всем положиться на меня, на свою благодетельницу.[12] Я тебя воспитала, я тебя и пристроить обязана. Опять же ты и того не должна забывать, что он мой крестник. Ты бы за честь должна [считать] была благодарить.[13] Да и вот еще я тебе скажу один раз навсегда: я не люблю, когда рассуждают, просто не люблю, да и все тут[14]. Я не строга, я и так многое

---

[1] *Слова:* это всем строго-настрого — *вписаны над строкой.*

[2] *Текст:* Скажи [всем, что ~ Смотри же, Гавриловна! — *вписан на полях л. 14 со знаком вставки.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Слова:* Яд у тебя на языке. *(Задумывается.)* — *вписаны над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Слова: толкает Г<авриловну>* — *вписаны над строкой.*

[8] *Ремарка: Гавриловна наливает и ~ уходит.* — *вписана на полях л. 14 со знаком вставки.*

[9] *Текст:* Я вами так была обласкана ~ не такой милости ждала. — *вписан на полях л. 14 со знаком вставки.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[12] *Слова:* на свою благодетельницу. — *вписаны над строкой.*

[13] *Фраза вписана над строкой.*

[14] *Слова:* просто не люблю, да и все тут — *вписаны над строкой.*

вам позволяю.[1] А этого [уж] я не могу позволить никому. Я [уж] смолоду привыкла, чтоб каждого моего слова слушались; тебе пора это знать! И мне очень странно, моя милая, что ты осмеливаешься возражать мне. Я вижу, что избаловала тебя; вы не умеете ласки чувствовать, сейчас и зазнаетесь. *(Надя плачет.)*[2]

В<асилиса> Перег<риновна>. [Матушка] Благодетельница[3], чувство нужно человеку иметь, чувство. А какое же в них может быть чувство, окромя неблагодарности?

Ул<анова> *(В<асилисе> П<ерегриновне>).* Не с тобой говорят! Что ты все мешаешься во все дела![4] [*(Наде строго*[5]*.)* Ты спроси у кого-нибудь, было ли хоть раз, чтоб я не сделала того, что мне захочется. Нет, душа моя[6], я готова половину состояния отдать, сто верст пешком пройду, понимаешь ты это, три дня есть не буду,[7] а уж поставлю на своем, чтоб было по-моему. Там дурно ли оно, хорошо ли, да я так хочу. *(Мягче.)*] *(Наде строго.)* Это что за новости.[8] Ты [и] плакать [не смей] еще[9]! Чтобы этих слез не было! *(Надя плачет.)* Я тебе говорю. *(Привстает.)* Для меня ваши слезы ничего не значат! Когда я захочу что-нибудь сделать по-своему, уж я поставлю на своем, никого в мире не послушаюсь![10] *(Садится.)* [Это я к тому говорю, моя милая, чтобы ты] И[11] вперед зна[ла]й, что упрямство твое[12] ни к чему не поведет; только ты[13] рассердишь меня.

Надя *(плача).* Сирота я, сударыня![14] Ваша воля [сударыня. Вы меня, сироту, воспитали, смею ли я говорить против вас.] во всем[15].

Ул<анова>. [Да] Еще бы! разумеется, моя воля;[16] потому что я тебя воспитала; это все равно, что я тебе жизнь дала.

Леонид входит с правой стороны.[17]

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слова:* Я вижу, что избаловала тебя ~ *(Надя плачет.)* — *вписаны на полях л. 14.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слова:* Нет, душа моя — *вписаны над строкой.*

[7] *Далее:* [только бы]

[8] *Фраза вписана над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Текст: (Наде строго.)* Это что за новости ~ не послушаюсь! — *вписан на полях л. 14 об. со знаком вставки.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[12] *Слово вписано над строкой.*

[13] *Слово вписано над строкой.*

[14] *Фраза вписана над строкой.*

[15] *Слова:* во всем — *вписаны над строкой.*

[16] *Слова:* Еще бы! разумеется, моя воля; — *вписаны над строкой.*

[17] *Слова:* это все равно ~ *Леонид входит с правой стороны.* — *вписаны над строкой.*

[ЯВЛЕНИЕ 2-Е

Л е о н < и д > *(один выходит и оглядывается по сторонам).* Обманет она меня! Должно быть, обманет. Не придет она, право, не придет![1] Как это можно[2] ночью одной! Да и побоится, ну, как узнает маменька! Что тогда делать? Тогда Надя просто погибла, да и мне нехорошо. А как бы я рад был, кабы она пришла: ведь это еще первое свидание в моей жизни. Конечно, она не барышня![3] А все-таки хорошо, я, по крайней мере, привыкну,[4] после опытней буду.]

ЯВЛЕНИЕ 1-Е

Н а д я и Л и з а. (Выходят.)

Л и з а. Ах, Надя, что это мы с тобою только[5] делаем! Ну, как барыня узнает, тогда и не живи на свете.

Н а д я. Коли ты боишься, так ступай домой.

Л и з а. Нет, уж я [с тобой останусь] подожду тебя. А все-таки, что ты ни говори, страшно, девушка! Сохрани Господи, как узнают.

Н а д я. Наладила одно! Волка бояться, так в лес не ходить.

Л и з а. Да что это с тобой сделалось? Ты прежде не так разговаривала; прежде пряталась, а теперь сама идешь к нему.

Н а д я. Да, прежде бегала от него[6], теперь не хочу. *(Стоит задумавшись.)* [Будь житье другое, не пошла бы я ночью в сад.][7] [Да, правда твоя![8] Долго я бегала от[9] молодого барина, уж как я от него не пряталась, чтобы только не встретиться с ним. Может быть, кабы житье-то было получше, мне бы ничего и на ум не пришло. А то ты] Теперь я и[10] сама [посуди] не знаю[11], что со мной вдруг[12] сделалось. В одну минуту совсем другая стала.[13] Как только[14] барыня давеча сказала, чтоб не смела я разговаривать, а шла за кого прика-

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Далее:* [прийти]

[3] *Далее:* [Да это и лучше я]

[4] *Слова:* А все-таки хорошо, я, по крайней мере, привыкну, — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* с тобою только — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* от него — *вписаны над строкой.*

[7] *Текст:* Л и з а. Да что это ~ ночью в сад.] — *вписан на полях л. 21 об. со знаком вставки.*

[8] *Фраза вписана над строкой.*

[9] *Далее:* [Леонида]

[10] *Слова:* Теперь я и — *вписаны над строкой.*

[11] *Слова:* не знаю — *вписаны над строкой.*

[12] *Слово вписано над строкой.*

[13] *Фраза вписана над строкой.*

[14] *Слово вписано над строкой.*

жут, так у меня все сердце перевернулось. Что, я подумала, за жизнь моя, Господи[1]! *(Плачет.)* Что в том проку-то, что живу я честно, что берегу себя не только от слова от какого, а и от взгляду-то! Так [ажно] меня зло даже взяло на себя. Для чего, я думаю, мне беречь-то себя? [Ох уж, как мне горько было, как бы ты знала. *(Плачет.)*] Вот не хочу ж, не хочу! А у самой так сердце замерло; кажется, еще немножко, я б умерла на месте.[2]

Л и з а. Что ты говоришь! Я ведь думала, что ты шутя к барину-то вышла.

Н а д я [*(перед этим слезы)*]. Какие шутки! [Ведь у меня тоже душа есть; ведь и иногда тоже думается о чем-нибудь. Разве тебе] Эх, Лиза, будь жизнь получше, не пошла бы я ночью в сад. Помнишь, бывало, как я об себе раздумывала; да и тебе самой, чай[3], также в голову [не] приход[ит иногда]ило, что вот ты девушка честная, живешь ты себе как птичка какая, вдруг тебе понравился [какой-нибудь] некоторый[4] человек, начинает он за тебя свататься, [все это идет вподряд] ходит к тебе [жених] часто, целует тебя,[5] тебе и стыдно-то его, и рада ты ему. Все это идет порядком. Хоть и не богато, хоть, может быть, сидишь ты с женихом в людской, а словно ты княжна какая, словно у тебя каждый день праздник. Потом обвенчают, все тебя поздравляют. [Хоть может быть] Ну, там хоть[6] и трудно будет замужем жить; может быть,[7] работы много будет; да [первое-то время] зато как в раю живешь ты. [Муж весел, перед всеми точ<но>] словно [как] ты[8] гордишься чем[9]! [а тебе на него-то весело, потому что он милый для тебя человек.]

Л и з а. Как, девушка, не думаться! Думается!

Н а д я. А как тебе скажут: ступай [за немилого, за противного, за] за пьяного, да еще и разговаривать не смей, и поплакать-то [вдоволь] не смей [об своей девичьей красоте] о себе... Ах, Лиза!..[10] Да как подумаешь, что станет этот безобразный человек издеваться над тобой, да ломаться, да свою власть показывать, загубит он твой век так, ни за что! Не живя, ты за ним состаришься! [Ах, Лиза!] Так уж, право, молодой барин лучше. *(Плачет.)* Говорить-то — только свое сердце надрывать! *(Махнув рукой.)*[11]

Л и з а. Ах, Надя! Не ты б [это, Надя] говорила, не я б тебя слушала.

Н а д я. Полно, Лиза! что ты передо мной-то скромничаешь! Ну, а сама что, кабы тебя барин полюбил?

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слова:* не хочу! ~ я б умерла на месте. — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* Эх, Лиза ~ да и тебе самой, чай — *вписаны над строкой л. 22 со знаком вставки.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* целует тебя, — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* Ну, там хоть — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* может быть, — *вписаны над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слова:* о себе... Ах, Лиза!.. — *вписаны над строкой.*

[11] *Слова: (Плачет.)* Говорить-то ~ *(Махнув рукой.)* — *вписаны над строкой.*

Л и з а *(заминаясь).* Да как знать! Уж, конечно, что говорить... враг-то силен...

Н а д я. То-то вот!.. *(Молчание.)* [Чтобы было, чем свою молодость вспомнить.

Л и з а. Да ты-то как же? Ты у нас такая скромница б была. Про меня-то уж что говорить. А ты-то как же? Я бы, право, кажись, никому и не поверила, кабы не ты сама говорила.][1]

А [вот что] я тебе вот что,[2] Лиза, [я] хотела [тебе] сказать, вот [что] какая премудрость со мной[3] сделалась: как пошли мне такие мысли в голову, и как стала это я, Лиза, думать об барине, — и так он мне мил сделался!.. так мил, что я уж и не знаю!.. Прежде, когда он [бегал] ухаживал за мной, мне было ничего; а теперь словно что меня тянет к нему.

Л и з а. Ах, девушка! Ну вот поди ж ты! знать, уж так судьба!

Н а д я. И такой во мне дух сделался: ничего я не боюсь! Кажется, вот режь меня на части, я все-таки на своем поставлю. И отчего это так, не знаю. А как про него вздумаю. Так[4], кажется, на крыльях бы к нему полетела. То одно держу в уме, что недаром [прошла моя молодость, что] я, по крайней мере, собой хороша[5], будет чем [ее] вспомнить молодость[6]. *(Задумчиво.)* Думаю себе:[7] молодой такой, да хороший! Еще стою ли я, дура,[8] чтоб он любил-то меня? Заглохнуть бы мне здесь, в этом захолустье, кабы не он.

Л и з а. Что это, [ты] Надя, ты словно как не в себе?

Н а д я. Да и то не в себе. Пока [я] она баловала меня да ласкала, так я[9] думала, что я такой же человек, как и все люди; [так] и мысли у меня совсем[10] другие были об жизни. Да как увидала я, что никакой мне воли, ни защиты нет, а как начала она мной командовать, [что со мной] как [с] куклой, [что хотят, то и делают] так[ая] отчаянность на меня, Лиза[11], напала. Куда страх, куда стыд девался — и не знаю.[12] Хоть день, да мой, думаю[13], — а там что будет, то будет, ничего я и знать не хочу! Хоть меня замуж отдавай за пастуха[14], хоть в какой замок за тридесять замков запри, — мне все равно.

---

[1] *Текст:* Н а д я. Полно, Лиза! ~ сама говорила.] — *вписан на полях л. 23 со знаком вставки.*

[2] *Слова:* я тебе вот что, — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* со мной — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* И отчего это так, не знаю. А как про него вздумаю. Так — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* я, по крайней мере, собой хороша — *вписаны над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слова:* Думаю себе: — *вписаны над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слова:* она баловала меня да ласкала, так я — *вписаны над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[12] *Фраза вписана на полях л. 23 об. со знаком вставки.*

[13] *Слово вписано над строкой.*

[14] *Слова:* за пастуха — *вписаны над строкой.*

Л и з а. Кажется, барин идет.

Л е о н и д выходит с противоположной стороны, в плаще.

Н а д я. Ну, не красавец, что ль, это, а? Лиза!

Л и з а. Ах, перестань! Ты точно больная, либо полоумная.[1]

Варианты чернового автографа

С. 164

[37] *После:* что и словами нельзя сказать! — [Ну, разумеется, глядя на все это, стараешься и себя облагородить.]

С. 165

[4—5] всё больше про благородное обращение, об кавалерах там да об гвардейцах. / [об кавалерах все больше, об гвардейцах] все больше про благородное обращение, об кавалерах там да об гвардейцах.

[13] *Фразы:* Кому это нужно! — *нет.*

[15—17] так я стараюсь так себя образовать ~ ну на что это похоже? / [а теперь] так я и стараюсь так себя образовать, чтоб[2] меня никому не стыдно было взять. Ты знаешь, какие жены у наших чиновников [чем же я хуже их]

[21—22] как за тобой барин молодой ухаживает? / как за тобой барин молодой бегает?

[23] Напрасно он ухаживает. / Напрасно он бегает.

[26—27] никакого дурного разговору не было / какого-нибудь[3] дурного разговору не было

[32] *Перед:* так напрасно это делают — [это]

[36] *После:* Кажется, барин идёт — пойдем!

[37] *Реплики:* Н а д я. Так пойдём. — *нет.*

С. 166

[3—4] Погодите! Куда вы, куда вы! ~ никак их не поймаешь. / [Вот и убежали.] Погодите! Куда вы, куда вы! Что это они все от меня бегают?[4] Никак их не [удержи<шь>] поймаешь[5] [сейчас и убегут].

[6] Д е в у ш к а *(поёт за решёткой).* / [К р е с т<ь я н к а>] Д е в у ш к а *(за решеткой поет).*

[10] *Перед:* Хороша, да не ваша. — [*(со смехом).*] *(смеясь).*

[29] Нужно мне очень. Ещё писать заставят! / Там еще писать заставят, дело делать! Нужно мне очень.

---

[1] *Реплика вписана над строкой.*

[2] *Слова:* так я и стараюсь так себя образовать, чтоб — *вписаны над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова:* Погодите! Куда вы, куда вы! ~ бегают? — *вписаны над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

35—36 Разве виц-губернатором сделают либо в предводители выберут! / Так-то бы хорошо. [Мне бы] Потапыч, [хотелось] мне[1] хочется быть виц-губернатором.

С. 167

4—5 должны раболепствоваться / должны [бояться] раболепствоваться[2]

7—8 А что, Потапыч, много у нас хорошеньких девушек? / [Да это твоя правда.] А что [есть тут] Потапыч, много у нас[3] хорошеньких девушек[4]?

С. 168

1—2 по своей глупости ~ тут им уж и конец. / по своей глупости [и необразованию], прячут девок-то от барыни, чтобы она как-нибудь на глаза не попалась; потому тут уж ей конец[5].

10 чтоб все им завидовали / чтобы во всем была чистота

17—18 об такой жизни и думать ~ и из какого ты звания. / об такой жизни [мечтать] и думать[6], потому что ты не из такого звания. И всегда ты помни [из какого ты звания] свое ничтожество, и из какого ты звания.[7]

21 *После:* Не знаю, как сказать, сударь. — [Вы больше знаете, потому наукам учитесь.]

23—32 Леонид. Отчего же, Потапыч, сохнут? ~ он сейчас к барыне к нашей с жалобой /

Леонид. [Так это нехорошо, что они скучают. Об чем же они скучают?] Отчего же, Потапыч, сохнут?[8]

Пот<апыч>. Как отчего![9] Вам это, сударь,[10] лучше знать, потому вы наукам учитесь, вы, значит, по науке можете обо всем говорить. [И вот, ваше сиятельство, почему женихи льстятся]

Л<еонид>. Нет, это странно. Отчего же они сохнут?

П<отапыч>. Не умею вам сказать. А вот это я, сударь, знаю, что все льстятся[11] на наших воспитанниц, потому[12] что [княгиня] барыня[13] сейчас [большую защиту дают][14] свою протекцию оказывают. [Они

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слова:* Потапыч, много у нас — *вписаны над строкой.*

[4] *Исправлено из первоначального:* хорошенькие девушки

[5] *Слова:* чтобы она как-нибудь ~ тут уж ей и конец. — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* и думать — *вписаны над строкой.*

[7] *Фраза вписана на полях л. 6 об. со знаком вставки.*

[8] *Фраза вписана над строкой.*

[9] *Фраза вписана над строкой.*

[10] *Слова:* это, сударь, — *вписаны над строкой.*

[11] *Слова:* Л<еонид>. Нет, это ~ льстятся — *вписаны на полях л. 6 об. со знаком вставки.*

[12] *Слово вписано над строкой.*

[13] *Слово вписано над строкой.*

[14] *Зачёркнутый вариант вписан над строкой.*

точно денег не дают, а протекция у них большая. Теперь если какого приказного] Теперь, которых отдали за приказных, так уж мужьям очень хорошо.[1] Потому, если его[2] выгнать хотят[3] из суда, или и вовсе выгнали, он сейчас к [княгине и начинает <*нрзб.*>, уж тогда] барыне к нашей с жалобой[4].

С. 171

[15] *После:* она говорит, что не любит. —

[Л и з а.[5] Разве вы не видите?

Л е о н <и д>. Что же она так не ласкова со мной?]

[20] *После:* Потому стыдно. Однако — [сами посудите: вы теперь здесь на короткое время. Какой же ей расчет? Вы уедете, а она должна будет мучиться. Кабы вы подольше здесь побыли, ну тогда другое дело. По крайней мере бы знала, за что муку терпеть, что любила такого красавца. *(Освобождается от него.)*]

[33—34] *После:* Так я скажу, что вы лжёте. — [*(Уходит.)*]

С. 172

[3] *обрывает с него листики / обрывает с него лепестки*

[13—16] *Из боковой двери ~ выходит из саду.* / [*Из боковой двери выходят П о т а п ы ч, А с л а н - У л а н о в а,*[6] *Г р и ш а и л а к е й, который*[7] *ставит на стол самовар.*[8] *Гавриловна наливает. Потом выходят Н а д я и д в е г о р н и ч н ы х.*] *Из боковой двери выходят*[9] [*П о т а п ы ч с чайным <прибором>*] *л а к е й с самоваром и д е в к а с чайным прибором, ставят* [*на стол*] *то и другое на стол и уходят*[10]. *Г а в р и л о в н а и П о т а п ы ч входят за ними. Гавриловна приготовляет чай. В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а выходит*[11] *из саду.*[12]

[19] *После:* Крепкий-то чай вам нездорово пить — [он грудь сушит]

[24—25] точно вас что поджигает / [Я вас не трогала, вы к чему пристали.] точно вас что поджигает[13]

[28] пикнуть не смели / [в услужении были] пикнуть не смели

[34] мою кончину / [свою] мою[14] кончину

---

[1] *Фраза вписана на полях л. 6 об. со знаком вставки.*

[2] *Слова:* Потому, если его — *вписаны над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова:* барыне к нашей с жалобой — *вписаны над строкой.*

[5] *Далее:* [Как же не любить? Да ведь и..]

[6] *Далее:* [*Василиса*]

[7] *Слова: и л а к е й, который* — *вписаны над строкой.*

[8] *Далее:* [*Васи<лиса>*]

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слова: то и другое на стол и уходят* — *вписаны над строкой.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[12] *Слова: Из боковой двери выходят* [*П о т а п ы ч ~ из саду.* — *вписаны на полях л. 10 об.*

[13] *Слова:* точно вас что поджигает — *вписаны над строкой.*

[14] *Слово вписано над строкой.*

С. 173

[4] Лучше бы вы чужих-то грехов не трогали. / Лучше бы вы [в] чуж[ие]х-то не [мешались] трогали[1]. [Да, конечно][2]

[7] Чего бояться? Чего мне бояться? / [Не смеешь ты мне этого сказать! Точно я в омуте.[3]] Чего бояться? Чего мне бояться?[4]

С. 177

[18] *Перед:* Здравствуйте, мамаша! — [*(проходя мимо Нади)*. Твой жених здесь, я его напоил пьяным.]

[23—28] Захвораешь ещё, сохрани господи ~ У л а н б е к о в а *(Василисе Перегриновне)*. / [Смотри не захворай!] Захвораешь еще, сохрани Господи, тогда[5] ты меня просто убьешь! Ах, [Ах, В<асилиса> П<ерегриновна>] [моя милая!][6], сколько я страдала с этим ребенком!

[29] *После:* так и рос всё хворый — [да больной. Я видела, что он будет невысок ростом. Это меня ужасно мучило.] Я уж тогда же видела, что он будет невысок ростом.[7]

[31—32] нет, не придётся мне его видеть ~ по болезни / нет, не гвардеец мой Леонид[8]. Наконец самый большой для меня удар был, когда отец [его], по болезни его[9]

[34] *После:* Я полгода больна была. — Тогда[10], мне кажется, легче бы было, если бы он умер, чем его отдать в эту школу.

Л е о н и д. Ну а теперь, маменька, уж вы привыкли.

У л а н б е к о в а. Нет, мой друг, признаюсь тебе, я бы тебя гораздо больше любила, если бы ты был в военном мундире. *(В<асилисе> П<ерегриновне>.)*[11]

[35] Ты представь только себе / Представь

С. 178

[7—10] Не люблю я ничего осуждать ~ что это несправедливо, несправедливо. / [Право] не люблю я [никогда] ничего[12] [хулить] осуждать[13], что от высшего начальства установлено, [когда и другие говорят,

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слова:* [Да, конечно] — *вписаны на полях л. 11 об. со знаком вставки.*

[3] *Фраза вписана над строкой.*

[4] *Слова:* Чего бояться? Чего мне бояться? — *вписаны на полях л. 11 об. со знаком вставки.*

[5] *Слова:* Захвораешь еще, сохрани Господи, тогда — *вписаны над строкой.*

[6] *Вариант вписан над строкой и зачёркнут в ходе дальнейшей работы.*

[7] *Фраза вписана над строкой.*

[8] *Слова:* нет, не гвардеец мой Леонид — *вписаны на полях л. 15 со знаком вставки.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Текст:* Л е о н и д. Ну а теперь ~ *П<ерегриновне>.)* — *вписан на полях л. 15 со знаком вставки.*

[12] *Слово вписано над строкой.*

[13] *Слово вписано над строкой.*

я не слушаю] и другим не позволяю[1], а уж этого не похвалю. Всегда буду вслух говорить, что это несправедливо, несправедливо[2].

[Гавриловна. Барин, вам чаю не угодно ли?

Леонид. Налей. *(Идет сам со стаканом. Тихо Наде.)* Твой жених пришел, я его напоил. *(Садится подле Ас<лановой>.)*]

[13] Это, мой друг, до тебя не касается. / Не с тобой говорят.[3] Это, мой друг, [не твое дело] до тебя не касается[4].

[17—18] *После:* уж моё дело. — [Ты этого и знать не должен да и понимать не можешь еще по своим летам.]

[22] Только он пьяница. / Он пьяница.[5]

[25] Мне только, мамаша, жалко её. / Мне только, мам<аша>, всегда очень жаль, кто плачет.

[В<асилиса> П<ерегриновна>. Это значит, что вы имеете добрую душу.]

[27] Если это из дворни / Если из дворни

[29] *После:* Нет, мамаша, нет. — [Я вам скажу сейчас, как я узнал.]

[30—31] Откуда же тебе знать иначе? ~ Узнать непременно. / [Не] Откуда ж тебе знать иначе? Когда это передать успели![6] *(Гавриловне.)* Узнать непременно [кто из людей смеет рассуждать о моих делах и передавать молодому барину. Слышишь! Я этого в доме не потерплю!]

[32] Да нет, мамаша ~ сказывал. / *1)* [Мне ее жених сказывал.]; *2)* ◊.

[35—36] Неглигентов. Какой он смешной! ~ пляшет пьяный в саду. / [Елевонский.] Неглигентов[7]. Какой он смешной! [Что он мне рассказывал] Он говорит[8], что [вы обещали выдать за него свою воспитанницу] ваш крестник и никого не боится[9]. Теперь пьяный пляшет в саду [от радости].

С. 179

[1—3] Потапыч, позови Неглигентова! ~ отдать за него Надю. / Потапыч, позови [Елевонского] Неглигентова[10]! *(П<отапыч> уходит.)* Он говорит, что вы нынче были у его дяди и обещали отдать за него [свою воспитанницу] Надю[11].

---

[1] *Слова:* и другим не позволяю — *вписаны над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Фраза вписана над строкой.*

[4] *Слова:* до тебя не касается — *вписаны над строкой.*

[5] *Фраза вписана над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Исправлено из первоначального:* говорил

[9] *Слова:* ваш крестник и никого не боится — *вписаны над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[4] *После:* или халтуры, как он говорит. — [*(Елевон<ский> и Пот<апыч> входят.)*]

[11] возблагодарить за щедроты ваши / [принести благодарение] возблагодарить за щедроты ваши

[14] не имел способностей / не имел [никаких] способностей

[22] Нет, постойте, а что учитель с тобой делал? / Нет, постойте[1], [Ну] а что [латинский] учитель с тобой делал?

[23] *После:* Смеха достойно. — [Учился я по латыни turpissime, за что]

С. 179—180

[26—2] когда ты ничему не выучился? ~ в высшие классы. / когда ты ниче[го не знаешь]му не выучился[2]?

Неглигентов. [Аттестат я имею хороший.] По ходатайству сильных лиц.[3]

Леонид. [За что же тебе дали хороший аттестат?] Ну, а из училища тебя выгнали?[4]

Неглигентов. [По просьбе родителя.] Не выгнали; но исключили за великовозрастие.[5]

Леонид. Как за великовозрастие?

Неглигентов.[6] Наш ректор любил приношения и [даже] перед [все] экзаменами за неделю рассылал нас всех по родителям [с назначением] за подарк[ов]ами [или денег, каковые мы долженствовали принести ему]. По [качеству и] количеству сих подарков мы и переводились в высшие классы [по тому же глядя, нам и аттестаты получали]. А так как я, в продолжение учения и истязаний, оставаясь все в одних классах возмужал и возрос более всех своих сверстников, то и [получил свидетельство, в котором значится, что я исключен] был исключен[7] за великовозрастие.

С. 180

[13—15] Перестань, перестань! ~ Чему ты смеёшься? / [Не надо, не надо.] Перестань, перестань![8] Поди вон и не смей никогда ко мне [показываться] являться[9]. *(Гриша хохочет.)* Чему ты смеешься, перестань.[10]

[25—26] не облагодетельствуете / не [жените]

---

[1] *Слова:* Нет, постойте — *вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* не выучился — *вписаны над строкой.*

[3] *Фраза вписана над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Фраза вписана над строкой.*

[6] *Текст:* Леонид. Как за ~ Неглигентов. — *вписан на полях л. 16 об. со знаком вставки.*

[7] *Слова:* был исключен — *вписаны над строкой.*

[8] *Фраза вписана над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слова: (Гриша хохочет.)* ~ перестань. — *вписаны на полях л. 17 со знаком вставки.*

С. 181

[7–9] Пей он там, где хочет ~ если не боится меня? / [Тогда видно было бы, что в нем есть стыд и что он может со временем исправиться. Хоть бы до меня стороной и доходили слухи, что он пьет, я все-таки могла бы хлопотать об нем, потому что сама никогда его пьяным не видела. И я бы с большим удовольствием взялась хлопотать за него.[1]] Пей он там, где хочет, да чтоб я-то не видала! Я бы тогда видела, что[2], значит, мальчик меня уважает, когда при других он позволяет себе все, а [ко] при[3] мне не смеет [явиться пьяный. А теперь] [И вдруг][4]

[10–11] *После:* Вы на меня, мамаша, не сердитесь — [за то, что я вам давеча сказал!]

[14–16] С этим народом не согреша согрешишь! ~ Вот я всегда верила / [Благодарю тебя, мой друг *(цел<ует> его)*, что ты так заботишься о матери *(цел<ует> его).*] С этим народом не согреша согрешишь! *(Целуя его.)* Прекрасную душу ты имеешь, мой друг! Я этому очень рада.[5] *(В<асилисе> П<ерегриновне>.)* Вот, [моя милая] я всегда верила

С. 182

[9] уж позвольте-с! / [пустите-с!] уж позвольте-с![6]

[20] Что, дождались! Ну и поделом! / [Что, отделала вас мамаша-то. И поделом! А то вы во все дела мешаетесь] Что, дождались! ну и поделом![7]

[25] *Перед:* Поцелуй её от меня. — *(прыгает от радости).* Вот и прекрасно.

С. 182—183

[33–5] Что ж ты меня не обижаешь? ~ Слышал, как зашипела? / [Все меня здесь обижают, все, решительно-таки все. Точно я им бельмо на глазу. Только ты один, друг мой, не похож на других; с тобой только и можно поговорить, душу отвести] Что ж ты меня не обижаешь? Они обижают, а ты что ж? Слышал, сама-то уж бить хочет; метлами, говорит, велю. Чтоб ее лопнуло![8]

П о т а п ы ч. Я что ж... Мне человека обидеть что ж! [За что я его обижу!] А что там господа... это я не знаю, может, оно так и нужно.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. [Поговорим с тобой, мой друг, поговорим.] Видишь ты, что в доме-то делается? Видишь? [Понимаешь, я думаю.] Понятно тебе или нет?[9] Как я давеча стала

---

[1] *Слова:* Хоть бы до меня ~ хлопотать за него. — *вписаны на полях л. 17 об. со знаком вставки.*

[2] *Слова:* Пей он там, где хочет ~ видела, что — *вписаны над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова:* значит, мальчик ~ [И вдруг] — *вписаны на полях л. 17 об. со знаком вставки.*

[5] *Слова: (Целуя его.)* ~ очень рада. — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* уж позвольте-с! — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* Что, дождались! ну и поделом! — *вписаны над строкой.*

[8] *Текст:* Что ж ты меня ~ лопнуло! — *вписан на полях л. 19 об. со знаком вставки.*

[9] *Фраза вписана над строкой.*

про Гришу-то говорить, слышал, как сама-то зарычала? Слышал, как зашипела? [Чтоб ее лопнуло]

С. 185

[32] Что ты, Надя! / Что ты [говоришь], Надя[1]!

[34] *в испуге отнимает руку* / [*испугавшись*] *в испуге отнимает руку*[2]

С. 186

[9—11] Ну уж, не хитрите ~ дай мне руку поцеловать. /

Ну уж, [не говорите пожалуйста] не хитрите. Мы тоже знаем... *(Отходит.)*

Леонид. [Ах, какая!] Так ты мне позволишь поцеловать тебя. *(Робко целует.)*[3]

[Леонид *(целует ее)*. Нет, мне право, Надя] А все-таки Надя, мне[4] хотелось бы[5] у тебя руку поцеловать.

[13] Знаешь ли ты это / Знаешь ли ты что

[17] Не обманываете вы? / [Нет, право, право, никто] Не обманываете вы?

[24—26] А разве я дрожу? ~ озябла немножко. / Озябла немножко.

[30] *После:* сидеть да разговаривать. — [Вот всегда так и будет. Я каждую ночь буду приходить и будем здесь сидеть да разговаривать]

С. 187

[22] *(Кладёт голову ему на плечо.)* / *([<нрзб.>] Кладет голову на плечо.)*

[26—27] Надя, ты такая добрая ~ глядя на тебя. / [Какая ты добрая, какая миленькая. Мне кажется, что я заплачу! Плакать хочется, сам не знаю о чем, а заплачу] Надя, ты такая добрая, такая миленькая, что мне кажется, я заплачу, глядя на тебя.[6]

С. 188

[5] не то... ты не говори!.. / [что] не то... ты не говори!..

[6—7] ну, говорит, ступайте... / ну [и пустила], говорит, ступайте...

[9] Ещё б нас-то не пустить, Потапыч! / Еще б нас-то[7] не пустить[-то], Потапыч! [Что ж ее нас не пустить-то]

[12] Какие человек пред собой имеет примеры, так и он всё может... / Какие человек [видит] пред собой имеет[8] примеры, [так он и живет] так и он все может[9]...

[14] Ну, а вот зачем Гришку пустила? / Ну, а вот зачем [барыня] Гришку пустила?

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слова: в испуге отнимает руку — вписаны над строкой.*

[3] *Текст:* Ну уж ~ *(Робко целует.) — вписан на полях л. 24 со знаком вставки.*

[4] *Слова:* Надя, мне *— вписаны над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слова:* пред собой имеет *— вписаны над строкой.*

[9] *Слова:* так и он все может *— вписаны над строкой.*

22—26 У всякого человека свой ум ~ Ну, много ли? Скажи. / У[1] всяк[ий]ого человека [— живая тварь. У них, чай, тоже душа, а не пар. Жизнь-то наша тоже желтенькая! Много ли девка в жизни-то радости видит! Ну а рассуди ты сам[2] Ну пришло ее время, увидала счастливые деньки, потом опять всю жизнь майся. Все на девок, да на девок, точно они не люди. Когда у нас[3] им житье-то получше будет. Видно уж им, бедным, не дождаться] свой ум в голове. Пущай всякий сам о себе и думает. Смотрят-то только за пятилетними, чтоб они не сбаловали чего[4]-нибудь. Эка жизнь девичья! Нет-то хуже ее на свете! А не хотят того рассудить: много ли девка в жизнь-то радости видит! Ну, много ли? Скажи.[5]

34 Ты привык с чужих слов / Ты привык [чужие слова повторять] с чужих слов

С. 189

1—10 Надо судить ~ это дело барыни. / [По человечеству надо судить.] Надо судить по человечеству.[6] [У нас какой разум-то? Свой, дешевый;[7] да и то мы рассуждаем. А они ученые, у них разум-то купленный, им грех не рассуждать! Про меня грех сказать, чтобы я была потатчица, я сама пожилая женщина, пустяков-то у меня в голове нет, а кабы моя воля была, я бы вот как рассудила.] Нужды нет, что у них разум-то купленный, а у нас свой, дешевый, да и то мы так не рассуждаем.[8] На словах [бы я] ты приказала строго-настрого[9], а на деле не всякого виноватого казни, а иного и [прости] помилуй[10]. Иное дело баловство, а ино[е]й [дело любовь. Знать, нелегка эта любовь, когда от нее в прорубь бросаются] беде и сам не рад[11].

Потапыч. [А я не знаю... ничего не знаю] Теперь, если меня спросить... так что я на это отвечать могу? Ну, что я тебе отвечу?

Гавриловна. Ну, что?

Потапыч. А вот что: я этого не знаю, потому это не мое дело... это дело [барское] барыни.[12]

15—17 чего не подумали. *Уходят.* / *Уходят.* [*Надя и Лиза входят тихо.*]

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Фраза вписана над строкой.*

[3] *Слова:* у нас — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* свой ум ~ не сбаловали чего — *вписаны над строкой.*

[5] *Текст:* -нибудь. Эка жизнь девичья! ~ Ну, много ли? Скажи. — *вписан на полях л. 20 об. со знаком вставки.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Далее начато:* [А у]

[8] *Фраза вписана над строкой.*

[9] *В автографе:* строго на строго

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Слова:* беде и сам не рад — *вписаны над строкой.*

[12] *Текст:* Гавриловна. Ну, что? ~ барыни. — *вписан на полях л. 21 со знаком вставки.*

С. 190

[27] *Василиса Перегриновна смотрит по сторонам / Василиса Перегриновна смотрит* [*везде*] *по сторонам*[1]

[28—29] Скажите пожалуйста / [Вот] Скажите пожалуйста[2]

[32—33] Смотреть противно! / Смотреть [теперь мне больше нечего] противно[3]!

С. 191

[13] *Леонид садится на скамью. / Леонид отходит, садится* [*в задумчивости*] *на скамью.*[4]

[27—28] *расходятся. Надя возвращается, догоняет Леонида и смотрит ему в глаза. / отходит, потом возвращается и смотрит в глаза.*

[30] *После:* Люблю, люблю! — [*(Надя уходит.) <2 нрзб.> (Опускает голову на руки в задумчивости.)*]

[31] *Целуются и уходят в разные стороны. / Уходят в разные стороны.*[5]

С. 192

[14] *После:* Конечно, Потапыч — [я это так]

С. 193

[4—5] Когда я про тебя что-нибудь барыне говорила? / [А все-таки я про тебя ничего барыне не скажу, на себе перенесу] Когда я про тебя что-нибудь барыне говорила?[6]

[16] *После:* Раненько встали, благодетельница! — [Не поспалось]

[27] а чем вам платят за это? / а [они] чем[7] вам [развратом и мерзостью платят за это] платят за это?

С. 194

[13] а она всё хватает его за шею / а она все хватает его [руко<ю>] за шею

[17—18] так уж и этого довольно / [уж я поступлю с ними строго[8] для примера другим] так уж этого довольно[9]

[34] Ты меня уморить хочешь! / [Они] Ты[10] меня [в гроб вгонят] уморить хочешь[11]!

С. 195

[4] *Перед:* Однако это уж из рук вон! — [Я умру]

[12] *Перед: то открывает, то закрывает глаза* — [*смотрит в угол*]

---

[1] *Слова: по сторонам — вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* Скажите пожалуйста — *вписаны над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Вариант вписан на полях л. 27 со знаком вставки.*

[5] *Вариант вписан над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Далее:* [и этого довольно]

[9] *Слова:* так уж этого довольно — *вписаны над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Слова:* уморить хочешь — *вписаны над строкой.*

С. 196

[3] *После:* Это ужасно! Это ужасно! — [Да ты подумай] Сколько тебе лет-то.

Гр и ш а. Мне-то-с? Мне 17 годов.

Ул<а н б е к о в а>. В 17 лет пьянствовать! На что это похоже! Это ужасно.[1]

С. 196—197

[24—4] Какой негодяй мальчишка! ~ Ах, вот ещё наказанье-то! / [Что это за народ! С ними никак нельзя ласково обращаться; они этого не чувствуют. Ведь вот Гришутку надобно бы наказать хорошенько!] Какой негодяй мальчишка! Ушел, точно ему и нужды нет! И никакого раскаяния не видно. [Я занемогу. Надобно послать за доктором.]

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. [Ну это] Ах,[2] благодетельница: ведь он еще ребенок, больше по глупости.[3]

У л а н б е к о в а. [Да, конечно.] Нет, его надо бы хорошенько.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. И, что вы, благодетельница! Еще совсем глуп мальчишка! Что с него и требовать-то! Вот поумнее будет, тогда другое дело.

У л а н б е к о в а. Больше всего меня оскорбляет неблагодарность! Кажется, он должен бы чувствовать, что я для него делаю. Я больна совсем. Пошли за доктором!

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. Успокойтесь, благодетельница. Стоят ли они того, чтобы вы из-за всякой дряни себя расстроивали!

У л а н б е к о в а. Подай мне спирт.

В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а *(подает)*. Плюнуть на них, да и все тут. Хоть бы теперь эти девки...[4] [А вот девок-то[5] я б на вашем месте, благодетельница, приструнила.]

У л а н б е к о в а. Ах, [да! Я и забыла было.] вот еще наказанье-то![6]

С. 197

[14—15] так вольничать? / [это делать] так вольничать[7]?

[25] значит, правда / значит, [это] правда

[34—35] внуши ей по-отечески ~ должна исполнять мои приказания. / [так и] внуши ей по-отечески[8], как гнусно ее поведение и что она [во всем][9] должна исполнять мои приказания.

---

[1] *Вариант вписан на полях л. 30 со знаком вставки.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слова:* больше по глупости. — *вписаны над строкой.*

[4] *Текст:* В а с и л и с а П е р е г р и н о в н а. И, что вы, благодетельница! ~ Хоть бы теперь эти девки... — *вписан между строк.*

[5] *Далее:* [надо бы]

[6] *Слова:* вот еще наказанье-то! — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* так вольничать — *вписаны над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слова:* [во всем] — *вписаны над строкой.*

С. 198

[8—15] Не бей её! ~ Пошлите сейчас за доктором! / Не [тронь] бей[1] ее! [Я этих сцен не люблю] Что за сцены отвратительные![2]

Потапыч. Да как же, сударыня! Так с ними не сговоришь. Опять же, коли я отец, так уж это прямое дело-с [сударыня. Я и по закону должен да и]! На то есть закон, и, при всем том, как она вам теперича противится, так я и для вас должен это удовольствие сделать.

Надя *(плача)*. Сударыня! Не губите меня![3]

Уланбекова. Ах, боже мой! Вы меня совсем не бережете. [Такие сцены, да слезы] Слезы, драки! Пошлите сейчас за доктором и никого не принимать!

[21] *После:* Потапыч *(в окно)*. Антошка! — [поезжай]

[23—24] Как вам не грех ~ сделала? / Как вам не [стыдно] грех обижать меня, Потапыч! Перед барыней я виновата,[4] что же я вам-то сделала?

[30] Бог сирот не оставляет. / [Есть] Бог [на небе. Он] сирот не оставляет.

С. 199

[7] Уж не притворяйтесь! / [Вы это лучше меня знаете] Уж не притворяйтесь!

[16] *Перед:* Уж и не подходи никто. — [Кажется]

[20—24] А вам хочется уговорить маменьку? ~ Ну уж, извольте. / [А есть средство] А вам хочется уговорить маменьку?[5]

Леонид. [Какое] Да.

Василиса Перегриновна. [Знаю, да не скажу] Хотите, научу?[6]

Леонид. Сделайте милость, Василиса Перегриновна!

Василиса Перегриновна. Ну уж, извольте [скажу].

[29—30] Гришка прощения просить не будет / Гришка не придет прощения просить

С. 200

[7] что вам об таких пустяках думать / вы еще только жить начинаете,[7] что вам обо[8] [мне-то] таких пустяках[9] думать

[11] *После:* не спросясь ума-разума. — И что только со мной сделалось.

[17] *После:* Затем, что вы мальчик ещё!.. — А мне вот женою приходится быть, хозяйкой!

[33] Прощайте! *(Идёт к дверям.)* / Прощай! *(Идет к дверям.)*

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Фраза вписана над строкой.*

[3] *Текст:* На то есть закон ~ Не губите меня! — *вписан на полях л. 32 об. со знаком вставки.*

[4] *Слова:* грех обижать ~ я виновата, — *вписаны над строкой.*

[5] *Фраза вписана над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Слова:* вы еще только жить начинаете, — *вписаны над строкой.*

[8] *В ходе дальнейшей работы слово осталось неисправленным.*

[9] *Слова:* таких пустяках — *вписаны над строкой.*

ВОСПИТАННИЦА

Сцены из деревенской жизни /
[КОШКЕ ИГРУШКИ, МЫШКЕ СЛЕЗКИ] ВОСПИТАННИЦА
Картины из деревенской жизни

С. 164

[10] *После: С виду важен — но в речах и поступках бестолков.*

[12] *После: с открытым лицом — в белом чепчике.*

[15] *После: приказный — из семинаристов*

С. 165

[4] Ну, разумеется, всё больше про благородное обращение / Все больше про благородное обращение. Ну, разумеется

[10—11] Видя всё это ~ себя облагородить. / Ну, разумеется, видя все это, моя милая, и сама стараешься облагородить себя.

[13] *Слов:* Кому это нужно! — *нет.*

[14] А вот барыня обещали / Барыня обещали

[16—17] ну на что это похоже? / На что это похоже?

[23] он ухаживает / он бегает

[26—27] чтобы про меня никакого дурного разговору не было / чтобы про меня какого-нибудь дурного разговору не было

[36] *После:* Кажется, барин идёт. — [Пойдем!]

С. 166

[19—20] *После:* у вас ножки-то молоденькие. — Вас не скоро догонишь.

[29] Нужно мне очень. Ещё писать заставят! / Там еще писать заставят, дело делать! Нужно мне очень.

[32] барственную / барскую

[35—36] Разве виц-губернатором ~ выберут! / Так-то бы хорошо. Знаешь что, Потапыч, [мне хочется быть виц-губернатором] хорошо, кабы меня виц-губернатором сделали, либо в предводители выбрали!

С. 167

[5] *Слово:* раболепствоваться — *подчёркнуто красным карандашом.*

[10] и в дворне / *1)* и в деревне; *2)* ◊

[23—33] *Текст:* Уж очень ~ дурака. — *подчёркнут красным карандашом.*

[36] и ищут ей жениха / приищут жениха и беспременно хотят отдать за этого

С. 168

[8] и иногда с собой кушать сажают / и с собой иногда кушать сажают, и вывозят с собой

[10] чтоб все им завидовали / *1)* [чтобы во всем была чистота]; *2)* ◊

[12—13] *Слова:* И какое ~ отдают! — *подчёркнуты красным карандашом.*

[17—18] об такой жизни и думать ~ и из какого ты звания. / ты не должна никогда об такой жизни и думать, ты не из такого звания. И всегда ты помни свое ничтожество и унижайся передо всяким.

[17—19] *Слова:* и всегда ~ слёзки. — *подчёркнуты красным карандашом.*

[24—30] Должно быть, не сладко ~ мужьям-то жить хорошо / Как отчего? [Вам это, сударь, лучше знать, потому вы наукам учитесь. Вы, значит, по науке можете обо всем говорить] Должно быть, не сладко, коли сохнут. Мужья-то больше все разбойники попадаются.

Леонид. [Нет, это странно. Отчего ж они сохнут, Потапыч?] А, вот что!

Потапыч. [Не умею вам сказать. А вот это я, сударь, знаю, что.] Уж очень все льстятся на наших воспитанниц, потому что барыня сейчас свою протекцию оказывают. Теперь, которых отдали за приказных, так уж мужьям оченно хорошо

[37] не бегать, им нельзя не бегать, сударь! / не бегать-то? Им нельзя не бегать!

[38] Да отчего ж нельзя? / Да отчего же нельзя?

С. 169

[8] Да что ж, сударь / Да вам-то, сударь, до этого какое дело!

[14—15] *Слова:* Да вам ~ Об чём это? — *вычеркнуты красным карандашом.*

[16] *Слова:* Обыкновенно, вы барин, ну, вот и конец. — *вычеркнуты красным карандашом.*

С. 170

[22] Ты разве замуж выходишь? / Ты разве думаешь замуж выйти?

С. 171

[20] Однако пустите, барин! *(Освобождается.)* / Однако пустите-ка, барин!

[27] Барин, чай пожалуйте кушать, маменька дожидается. / Барин, пожалуйте чай кушать, маменька дожидаются.

С. 172

[21] Он грудь сушит ~ высохли. / Он, говорят, грудь сушит, а уж вы и так высохли.

С. 173

[12] *Уланбекова, Надя, Лиза и Гриша. / Уланбекова, Надя, Лиза и Гриша. Злобная улыбка Василисы Перегриновны превращается в заискивающую.*

[22] *После:* Жаль этих людей! — *(Гриша стоит за стулом Уланбековой. Надя и Лиза у стола, подле Гавриловны.)*

[31—32] Для себя надо добро делать / я делаю для себя

С. 174

[15—16] значит, он стоит того, когда вы за него просите! / до всего до этого! Коли вы за него просите, значит, он стоит того!

[31] Вам, благодетельница наша / Знаю, благодетельница наша

[33] беспокоиться. А хоть и плачутся / беспокоить себя[1]. Хоть и плачутся

[38] Да кто же, говори! / Я все-таки желаю знать, кого я обидела?

С. 175

[1] Не гневайтесь, благодетельница! / Никого, благодетельница, никого!

[2–3] народ стал обидчивый, ничем не довольный. / народ неблагодарный.

[4] Это ты сказала для того / Это ты солгала для того

[6] Лопни глаза мои! / Лопни глаза!

[7–9] Ну, уж я тебя знаю. ~ будет хуже. / *1)* Я тебя знаю. Ты не сыта, если какой-нибудь мерзости не сделаешь. Будь ты, пожалуйста, поосторожней; а то ты меня можешь вывести из терпения. Тебе ж будет хуже; *2)* [У меня, точно, дела много... у меня, милая, столько дел-то, что и мужского ума не всякого хватит; а я женщина. Притом же мне посоветоваться не с кем, ты сама знаешь. У тебя, что ли, я совета спрошу! Я не зла и никого обидеть не хочу. В трудных делах или в важных каких-нибудь, я всегда поступаю очень осторожно. Если я сама чего не могу сообразить, я всегда полагаюсь на судьбу: перекрещусь три раза и разложу гранпасьянс, у меня есть один, которому я во всем верю. Если сойдется, я сделаю, что задумала, а если не сойдется, я оставляю. Уж это, кажется, верное дело! Ни в рекруты, ни девку замуж никогда не отдаю, не разложивши гранпасьянс. Уж лучше положиться на судьбу, чем на свой рассудок. Наш ум очень ограничен, моя милая, очень ограничен! Очень, очень ограничен!]

[24] совсем избалуется / еще больше избалуется

[32–33] Ребёнок, благодетельница! Уж нечего сказать, дал вам Бог сына / Уж нечего сказать, благодетельница, дал вам Бог сынка

[35] *После:* такой ко всем ласковый! — *(Смеется.)*

С. 176

[3] Ах, благодетельница, да девку / Ах, матушка, да девку

[21] Сударыня, я вами так была обласкана / Я вами так была обласкана

[32] Этого позволить я не могу никому. / Я не строга, я и так многое вам позволяю; а этого уж я не могу никому позволить.

С. 177

[4–5] Что ты вмешиваешься во всякое дело! / Что ты все мешаешься не в свое дело.

[5] ты плакать ещё! / еще!

[10] никого в мире не послушаюсь! / половины состояния не пожалею.

[14] что жизнь дала / что я тебе жизнь дала

С. 177—178

[30–7] Сколько я над ним слёз ~ заведено! Как это заведено! / [Я уж тогда же видела, что он будет невысок ростом] Сколько я над ним слез пролила! Бывало, гляжу на него, а у самой так слезы и катятся: нет,

[1] *Слова:* беспокоить себя — *вычеркнуты красным карандашом.*

[не] плохой[1] гвардеец мой Леонид. [Наконец самый большой] но можешь себе представить, моя милая, какой для меня [был] был удар, когда отец, по болезни его, должен был определить в штатскую школу. [Чего мне стоило, моя милая, отказаться от мысли, что он будет военный!] Я и представить себе не могу! Я полгода больна была. Тогда, мне кажется, легче бы было, если бы он умер, чем его отдать в эту школу.

Леонид. Ну а теперь, маменька, уж вы привыкли.

Уланбекова. Нет, мой друг, признаюсь тебе, как хочешь суди мать[2], я бы тебя гораздо больше любила, если бы ты был в военном мундире. *(Василисе Перегриновне.)* Представь, моя милая, когда он кончит курс, ему дадут такой же чин, какой дают приказным из поповичей! На что это похоже! Как это заведено! Как это скверно!

С. 178

[25] Мне только, мамаша, жалко её. / Мне [только] жаль ее [всегда очень жаль, кто плачет].

С. 179—180

[32—2] *Слова:* А так как ~ классы. — *подчёркнуты красным карандашом.*

С. 180

[12—15] *Гриша хохочет.* ~ Чему ты смеёшься? /

Уланбекова. Перестань! *(Гриша хохочет.)* Чему ты смеёшься? Перестань!

[16—22] *Текст:* Да уж оченно смешно ~ глумления и обид. — *подчёркнут красным карандашом.*

[23] *Перед:* Поди вон, и не смей никогда ко мне являться. — Эх, противный!

С. 181

[5] мальчика / мальчишки

[6] так, по крайней мере / так он, по крайней мере

[7—8] Я бы тогда знала, по крайней мере, что он меня уважает. / [Я бы тогда видела, что, значит, мальчик меня уважает, когда при других он позволяет себе все, а при мне не смеет.]

[14—15] *Целуя его.* / *Целуя сына.*

[15—16] *(Василисе Перегриновне.)* Вот я всегда верила / Я этому очень рада. Вот, моя милая, я всегда верила

[23] нынче там праздник / нынче там гулянка

С. 182

[8] Сс!.. Я тебя прогоню. / Я тебя прогоню!

[29] Я всегда за вас готов. *(Уходит, припрыгивая, направо.)* / Да я всегда за вас. *(Уходит направо.)*

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слова:* Нет, мой друг ~ мать — *вписаны над строкой.*

[34] Они обижают / Все обижают

С. 183

[20] что это мы делаем! / что это мы с тобой только делаем!

[28] теперь не хочу / а теперь не хочу

С. 184

[1] ещё скажи она слово / [еще немножко] скажи она еще одно слово

[3] что ты шутя / ты шутя теперь

[5–7] Не могу я обиды ~ ночью в сад. / Эх, Лиза, будь жизнь получше, не пошла бы я ночью в сад. Не могу я переносить обиды, не могу!

[35–36] *После:* мне было ничего — нужды нет

С. 185

[5–6] *Молчание.* ~ дождусь ночи-то! / А как про него вздумаю.

[21] *Л е о н и д выходит с противоположной стороны, в плаще.* / *С противоположной стороны выходит Л е о н и д.*

С. 186

[9] *Отходит за кусты.* / *Отходит.*

[26] Так, должно быть, озябла / [*(улыбаясь)*] Так, должно быть, озябла

[27] *После: полой плаща* — [*на плечо*]

[29] *его руки и держит.* / *его руки обеими руками и держит в своих.*

С. 189

[19] Что же это голубки-то мои? / Что ж это голубчики-то мои?

С. 190

[7] Я, пожалуй, и скажу. Как кикимора. / Я и скажу, пожалуй, коли хотите. Словно, как кикимора.

С. 191

[31] *Целуются и уходят в разные стороны.* / *Уходят в разные стороны.*

С. 196

[3] *После:* Это ужасно! Это ужасно! — [Сколько тебе лет-то.

Г р и ш а. Мне-то-с? Мне семнадцать годов.

Ул<а н б е к о в а>. В семнадцать лет пьянствовать! На что это похоже! Это ужасно. Ну]

С. 198

[24] *После:* Что же я вам-то сделала? — [Перед барыней я виновата.]

С. 199

[25] обиделись / обиделась

[30] прощения просить не будет / не придет прощенья просить

С. 200

[7] *Перед:* что вам об таких пустяках — [вы еще только жить начинаете.]

[17] *После:* Затем, что вы мальчик ещё!.. — [А мне вот женою приходится быть, хозяйкой!]

ГРОЗА

Первоначальный список действующих лиц и план пьесы (ЧА$_1$)

ГРОЗА

[Комедия] Драма[1] в пяти действиях

Лица

[Иулий Петрович Ладов, *помещик.*
Карп, *слуга Ладова*]
Савел [Петрович] Прокофьевич Дикой, *купец.*
Борис Григорьевич, *племянник его.*
Шапкин, *приятель Бориса.*
Марфа Игнатьевна Кабанова (Кабаниха), *вдова, купчиха.*
Тихон Иваныч, *ее сын.*
Варвара [Ивановна, *ее дочь*], *племянница Кабанихи.*
Катерина, *жена Тихона.*
Мардарий Лукич [Дикой] Кулигин[2], *мещанин.*
Ксантиппа Дуловна, [*помещица*] *барыня старуха*[3].
Ваня Кудряш, *молодец.*
[Народ] Глаша, *девка в доме Кабановых.*
[Граждане] Мещане[4] обоего пола и дети. Приказные.

Действие происходит в [*уездном*] *городе Калинове, на берегу Волги, летом.*

ПЛАН

Действие 1-е

19 июля. *(Сцена представляет общественный сад на берегу Волги, за Волгой сельский вид.)*
28 июля. 1. Кулигин и толпа народу (о громоотводах)[5]. 2. Кулигин и Борис. 3. Две старухи, одна прохожая, другая городск<ая>; — рассказ о городе, о семействе Кабановой. 4. Кул<игин>, Бор<ис> и Дикой. 5. Кулигин и народ. Кабановы. Мать, сын, жена и сестра. 6. Катерина, Варвара [и Кулигин].

---

[1] *Слово вписано над строкой.*
[2] *Слово вписано над строкой.*
[3] *Слова: барыня старуха — вписаны над строкой.*
[4] *Слово вписано над строкой.*
[5] *Слова:* о громоотводах — *вписаны над строкой.*

7. Кат<ерина> *(рассказывает, как полюбила)*[1] и Варвара. 8. Те же и Ксант<иппа>. 9. Те же без нее. 10. Варвара [одна] и Борис.

[Действие 2-е

Сад при доме Кабановой]

Действие 2-е

[1-е. Кабаниха и гости.] *(Комната в доме Каб<ановых>.)* 29 июля. 1-е. Варв<ара> и Кат<ерина>. 2-е. Мать, сын и те же. 3) Кат<ерина> и муж. 4) Все. [5) Кабан<ов> и Варв<ара>. 6) Варв<ара> и Кат<ерина>. 7) Катер<ина> одна] [Сад. 1) Глаша и *<нрзб.>*. 2) Варвара и Кат<ерина>. 3) Катерина одна]

Действие 3-е

[*(Улица.)*] *(Улица.)* 1-е. Разные лица. 2) Кабаниха и Дикой *(пьяный)*. 3) Кулигин и Борис. 4) Варвара и Ваня. 5) Варвара и Борис. *(Берег Волги)*. 1. Варвара, Глаша[2] и Катерина. 2) Вар<вара> и Ваня. 3. Борис и Катерина. 4. Варвара и Ваня.

Действие 4-е

(Арка собора, вид за рекой.) 2) Народ и Кулигин. [1. Борис и Катерина] 1-е. Варвара одна.[3] 2-е [Катерина]. Борис и Варвара. *(Варвара рассказывает, что Катерина боится грозы.)*[4] 2-е. Борис и [Катер<ина>] и Варв<ара>[5]. [3. Те же и Варвара] 4) Народ и Кулигин и Дикой[6]. 5) Кабанова с сыном. 6) Те же без народу. 7) Ксантиппа. 8) Без Кабановых.

Действие 5-е

(Декор<ации> 1-го дейст<вия>.) 1) Кулигин и Каб<анов>. 2) Те же и Глаша. 3) Катерина. 4) Кат<ерина> и Борис. 5) Катерина. 6) Катер<ина> и Ксант<иппа>. 7) Кабанов, Кабанова, Дикой, Борис. 8) Те же без Бориса и Кабанова. 9) Все.

Конец.

---

[1] *Ремарка вписана на полях л. 1 об. со знаком вставки.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слова:* 1-е. Варвара одна. — *вписаны над строкой.*

[4] *Ремарка вписана на полях л. 1 об. со знаком вставки.*

[5] *Слова:* и Варв<ара> — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* и Дикой — *вписаны над строкой.*

Первая черновая редакция 1-го явления I действия (ЧА$_1$)

ДЕЙСТВИЕ 1-Е

По сцене проходят р а з н ы е л и ц а с правой стороны и проходят направо. Д и к о й и К у л и г и н без шапки. (Во время разговора еще проходят и некоторые останавливаются, почтительно прислушиваясь.)[1]

Д и к о й. Отстань ты от меня! Отстань! *(С сердцем.)* Глупый ты человек!

К у л и г и н. Савел Прокофьич, [это] ведь от этого,[2] сударь, для всех вообще обывателей польза.

Д и к о й. Кака польза! Кому нужна эта польза?

К у л и г и н. Да хоть бы для вас, сударь, Савел Прокофьич. Вот бы, сударь, на бульваре, на чистом месте, и поставить. А какой расход? Расход пустой: столбик каменный, дощечку медную, такую круглую, да шпильку, прямую. Уж я все это прилажу, и цифры уж вырежу все сам. Теперь вы, сударь, когда изволите гулять, или прочие, которые гуляющие, сейчас подойдете и видите, который час. А то этакое место прекрасное, и вид, и все, а как будто пусто. У нас и проезжие бывают, ходят сюда смотреть виды. Все-таки украшение, как будто[3] благообразнее.

Д и к о й. [Суета, братец, суета. Лезешь] Да что[4] ты ко мне лезешь со всяким вздором! Может, я с тобой и говорить-то не хочу. Ты должен был прежде узнать[5], в расположении ли я[6] тебя слушать, дурака. Что я тебе — равный, что ли! Ишь ты — какое дело нашел важное! Так прямо с рылом-то и лезет разговаривать.

К у л и г и н. [Кабы я для себя что, Савел Прокофьич, а то...] Для общей пользы, сударь. Ну, что значит для общества каких-нибудь рублей десять! Больше, сударь, не понадобится.[7]

Д и к о й. А может, ты украсть хочешь!

К у л и г и н. Коли я свои труды хочу даром положить, что же я могу украсть, сударь! Да и в городе все знают.

Д и к о й. Ну, и пущай знают, а я тебя знать не хочу — и доверия тебе не сделаю на грош!

К у л и г и н. За что, сударь Савел Прокофьич, честного человека[8] обижать изволите?

Д и к о й. Отчет, что ли, я стану тебе давать! [Какое я мнение о тебе имею] Какое хочу, такое и имею мнение о тебе. Для других ты честный,

---

[1] *Ремарка: (Во время разговора ~ прислушиваясь.) — вписана над строкой.*

[2] *Слова:* ведь от этого, — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* украшение, как будто — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* Да что — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* Ты должен был прежде узнать — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* ли я — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* Ну, что значит для общества ~ не понадобится. — *вписаны на полях л. 2 об.*

[8] *Слова:* честного человека — *вписаны над строкой.*

а я[1] думаю, что ты разбойник, вот и все. Запретишь ты что ли мне. Что ты передо мной? Червь!

Кулигин. Бог с вами, Савел Прокофьич! Я, сударь, маленький человек, меня обидеть недолго. А я вам вот что доложу, сударь: «И в рубище почтенна добродетель!»

Дикой. Ты у меня грубить не смей!

Кулигин. Никакой я грубости вам, сударь, не делаю; а говорю вам потому, что вы человек сильный, много можете для города пользы[2] сделать. Вот хоть бы теперь: у нас грозы частые, а не заведем мы громовых отводов.

Дикой. Какие такие громовые отводы?

<Кулигин.> Елестричество.[3]

[*Кулигин сидит на лавочке, смотрит за реку и поет, несколько лиц проходят по бульвару.*

Кулигин *(поет).*

Среди долины ровныя,
На гладкой высоте *(И проч<ее>.)*]

Вторая черновая редакция 1-го явления I действия (ЧА)

[ЯВЛЕНИЕ 1-ОЕ] ДЕЙСТВИЕ 1-Е

Комната в доме Дикого.

ЯВЛЕНИЕ 1-Е

Борис и Шапкин.

Шапкин. Ну, прощай, брат!

Борис. Прощай! Сестре поклонись.

Шапкин. Поклонюсь. А ты сам-то[4] скоро[-ли] в Москву?

Борис. Я не знаю. Я теперь весь в руках у дяди. Как ему вздумается, так и отпустит.

Шапкин. Да что у вас с ним за дела?

Борис. Дела, брат, Шапкин[5], мудреные, мой друг. Бабушка у нас, Анфиса Михайловна[6], была женщина старого веку, детей не отделяла до самой смерти, а и всего-то было у ней два сына: батюшка да дядя, Савел Прокофьич.

---

[1] *Слова:* Для других ты честный, а я — *вписаны над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Реплика вписана на полях л. 2 об.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* брат, Шапкин — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* Анфиса Михайловна — *вписаны над строкой.*

Батюшку-то она не любила, за то, что он женился против ее воли на благородной. По этому случаю батюшка с матушкой и жили в Москве. Матушка одной недели не могла ужиться с родней, уж очень ей здесь дико показалось. Батюшка комиссиями занимался разными, и жили порядочно, и нас с сестрой[1] воспитывали [нас хорошо] по-дворянски[2], ничего не жалели. Отдали меня в Коммерческую Академию, а сестру в пансион, да оба и умерли вдруг в холеру; мы сиротами и остались. Потом мы слышим, что и бабушка умерла здесь и оставила завещание, чтоб дядя нам выплатил часть, какую следует, когда мы придем в совершеннолетие, только с условием.

Шапкин. С каким же?

Борис. Если мы будем к нему почтительны.

Шапкин. Это значит, что вам никогда наследства не видать.

Борис. Нет, этого мало! Он прежде наломается над нами, наругается всячески, как его душе угодно, а кончит все-таки тем, что не даст ничего или так, какую-нибудь малость. Да и то скажет, что из милости дал, что и этого бы не следовало. Вот что, брат, вот как у нас делается. Опять ты то возьми, как бы я не был к нему почтителен, кто ж ему запретит сказать, что я непочтителен? Он уж теперь поговаривает иногда: «У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам; через это я своих обидеть должен».

Шапкин. Да, плохо твое дело.

Борис. Кабы я один, так бы ничего, а то сестру жаль. Он было уж ее сюда выписывал, да, слава Богу, дело обошлось; матушкины родные написали ему, что она больна и ехать не может. Ну а надо мной-то уж он издевается, как хочет.

Шапкин. Как же ты у него живешь, на каком положении?

Борис. Да ни на каком: «Живи, говорит, у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год он разочтет, как ему будет угодно. У него все так живут; никто и пикнуть не смеет о жалованье; а то он изругает, на чем свет стоит. Он всем говорит: «Почем ты знаешь, что я на уме держу? Нешто ты мою душу можешь знать! А может, я вдруг приду в такое расположение, что тебе 5000 дам». Только еще он во всю свою жизнь ни разу в такое расположение не приходил.

Шапкин. Что ж, брат, делать! Старайся угождать как-нибудь.

Борис. Да в том-то и дело, что никак невозможно. На него и свои-то, домашние, никак угодить не могут, а уж где ж мне! Никак нельзя к характеру-то его примениться. У него вся [дела] жизнь[3] на ругательстве основана. А уж пуще всего из-за денег; ни одного расчета без брани не обходится, так что всякий рад от своего отступиться, только бы он унялся. А если увидит,

---

[1] *Слова:* Батюшка комиссиями занимался ~ и нас с сестрой — *вписаны между строк.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

что просить чего-нибудь у него хотят, так нарочно из своих на кого-нибудь накинется, кто под руку попался, чтобы рассердиться; уж он знает, что когда он сердится, к нему никто не подойдет. А беда, как его поутру кто-нибудь рассердит! Целый день ходит надувшись и ко всем придирается. Тетка каждое утро так и умоляет всех в доме: «Батюшки, не рассердите! Голубчики, не рассердите!» Кому охота его сердить, да остеречься-то никак нельзя. Кабы он [все] дома сидел, все бы как-нибудь ублажить его можно, а то ходит по базару да по лавкам. А уж как попал на базар, так кончено. Хоть мужик в убыток себе проси, а [у него] уж все-таки и душегубцем[1], и разбойником, грабителем обругает.

Ш а п к и н. Одно слово: воин!

Б о р и с. Да еще какой воин-то! Нет, а вот беда-то, когда его [рассердит] обидит[2] такой человек, которого он обругать не смеет; тут уж домашние держись! Как-то его на Волге на пароходе гусар обругал. Боже мой! что это было! Как лев приехал; две недели все прятались, кто на чердаке, кто по чуланам.

Ш а п к и н. Я бы брат на твоем месте бежал без оглядки отсюда.

Б о р и с. И я бы бежал, да сестру жаль. Если дядя ее и обидит, так по крайней мере я буду знать, что не по моей вине это сделалось. А ведь может быть и смилуется, когда-нибудь смертный час вспомнит. Да и еще есть причина, от чего мне не хочется уезжать отсюда.

Ш а п к и н. Что, уж не влюблен ли ты?

Б о р и с. Да.

Ш а п к и н. Здесь, говорят, на счет этого хорошо. Здесь девушк[и]ам, говорят, [живут очень] полная[3] свобод[но]а. Гуляют себе по ночам с парнями, обнявшись, и никому до этого дела нет,[4] у каждой есть предмет, и родители не обращают [на это] внимания. Зато уж женщины замужние[5], кроме церкви, да разве к родным в гости и не показываются никуда.

Б о р и с. [А я влюблен в женщину] То-то и горе мое.

Ш а п к и н. Так она замужем?

Б о р и с. Замужем.

Ш а п к и н. Надо бросить.

Б о р и с. Легко сказать — бросить!

Ш а п к и н. Помилуй, ведь ты ее погубишь; ее со света сживут, хоть живая в могилу ложись.

Б о р и с. Сохрани Господи! Нет, я не погублю ее, сохрани Господи! Мне бы только видеть ее, мне больше ничего не надо.

---

[1] *Исправлено из первоначального:* душегубец

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова:* обнявшись, и никому до этого дела нет, — *вписаны над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

Ш а п к и н. За себя нельзя ручаться, ты еще молод очень. Ты только подумай, что может выйти из этого. Здесь какой народ-то, сам знаешь. Съедят, в гроб вгонят.[1]

Б о р и с. Нет, не говори, сделай милость, не говори! Я и виду не подам никакого, а буду издали любоваться на нее.

Ш а п к и н. А как она заметит, что ты любуешься на нее, да сама тебя полюбит?

Б о р и с. Можно с ума сойти, можно помешаться от такого счастья.

Ш а п к и н. Вот, видишь ли.

Б о р и с. Да нет, этакого никогда быть не может. Об этом и мечтать даже нельзя.[2]

Ш а п к и н. Отчего же?

Б о р и с. Их семейство у нас считается самым благочестивым в городе. Все в пример ставят. Свекровь ее женщина самой строгой жизни и весь дом так держит. А она, кажется, богомольнее всех. Боже мой, как она молится! Какая у нее[3] на лице улыбка ангельская в это время[4], точно она хочет улететь на небо, а слезы так и бегут по лицу.

Ш а п к и н. Где же ты видаешь ее?

Б о р и с. В церкви, на бульваре, у них был раз с дядей. Только здесь в гости друг к другу ходят раз, много два, в год.

Ш а п к и н. Ты говорил с ней?

Б о р и с. Говорил.

Ш а п к и н. Об чем же?

Б о р и с. Разумеется, о пустяках. Она меня все про сестру спрашивала, просила, чтобы, когда я стану писать сестре, кланялся от нее. Говорила, что если б сестра моя была здесь, так она б ее очень любила. Раза три повторила это. И вот недавно встретились, так опять то же: «Кабы я знала нашу сестру, я бы ее очень любила».

Ш а п к и н. Тем, должно быть, у вас и кончится.

Б о р и с. Должно быть.

Ш а п к и н. Ты, когда будешь писать нам в Москву, пиши и об этом, любопытно знать, чем это у вас кончится.

Б о р и с. Хорошо, буду писать.

Ш а п к и н. Что это за чудак?

Б о р и с. Это [лучший человек в городе] у нас такой добрейший, милый человек,[5] здешний мещанин, Мардарий Лукич Кулигин.

Ш а п к и н. Чем же он занимается?

---

[1] *Слова:* Ты только подумай ~ в гроб вгонят. — *вписаны на полях л. 5.*

[2] *Фраза вписана на полях л. 5 об.*

[3] *Слова:* Какая у нее — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* в это время — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* у нас ~ милый человек, — *вписаны над строкой.*

Б о р и с. [Само] Часы делает, починивает всем, на весь уезд. А что нажил? Ничего. Краски составляет,[1] машины поправляет, и все самоучкой. Мы с ним гуляем по вечерам. Он, как ребенок, все восхищается здешними видами, хотя знает их с самого рождения. Поет своим дребезжащим голосом старинные романсы.

Ш а п к и н. Однако я заговорился с тобой, а мне пора ехать.

Б о р и с. Подождем немного, вот скоро от вечерни народ пойдет, хочется взглянуть на нее, когда она пойдет домой; такого случая не скоро дождешься!

Ш а п к и н. Ну, подождем.

Подходят к Кулигину.

Черновая редакция фрагмента I действия (ЧА)

ЯВ<ЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ>

Т е ж е и д в е с т а р у х и (разговор старух о благолепии).

<Ф е к л у ш а.> Бла-алепие! Красота дивная! И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаяниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится.[2]

Б о р и с. Вот как хвалят наш город. Значит, есть люди, которым и здесь хорошо, а я все не могу привыкнуть.

К у л и г и н. И не привыкнете.

Б о р и с. Отчего же?

К у л и г и н. Жестокие, сударь,[3] нравы в нашем городе, жестокие! Мы, бедные мещане, грубеем от бедности, коснеем в нищете и в пороках! [Родимся в бедности, умираем в бедности и детей воспитываем в бедности. Кора на нас вырастает, сударь, кора!] И [никогда нам] не выбиться нам из [бедности] этой коры[4], потому что никогда честным трудом не дадут нам[5] [не] заработать [нам] больше насущного хлеба. А богатые наши купцы, сударь,[6] на что употребляют свое богатство, свое могущество? [Да, сударь, могущество: с деньгами они все могут.] Вы думаете на пользу обществу? Нет, сударь, нет[7]! На то, чтобы еще больше сжать нас, закабалить нас да на наши труды кровавые еще больше денег наживать. [Вот

---

[1] *Слова:* на весь уезд ~ составляет, — *вписаны над строкой.*

[2] *Речь Феклуши вписана на полях л. 5.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова:* этой коры — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* не дадут нам — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* наши купцы, сударь, — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* сударь, нет — *вписаны над строкой.*

спро<сите>] Знаете[1], что ваш дядюшка Савел Прокофьич городничему отвечал? К городничему мужики пришли жаловаться, что он ни одного из них путем не рассчитает. Городничий ему и стал говорить: «Послушай, говорит, Савел Прокофьич, рассчитывай ты мужиков хорошенько! Каждый день ко мне с жалобой ходят!» Дядюшка ваш потрепал городничего по плечу, да и говорит: «Стоит ли, ваше высокоблагородие, об этих пустяках разговаривать! Я-то недоплачу какой-нибудь копейки, а у меня составляются из них тысячи, [он<и>] вот они гармонию и составят с теми, что у меня в кармане-то». Конечно, не все такие, а много, ох много, сударь, и таких. А награбивши с нас денег-то, на [разные] богоугодные дела и жертвуют, да за это разные милости получают. И чем больше, сударь, милостей он получает, тем больше сердце его черствеет, ожесточается и все безжалостней к бедному народу делается, и сделается он как волк несытый в овечьем стаде.[2] А как наши[3] богатые-то между собой-то живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга, на беду ближнего [смотрят] топят да и глядят с злорадством, как он тонет. Нет, чтобы помочь.[4] Залучают в свои высокие хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и [лица] виду-то[5] человеческого на [нем] них нет; обличье-то человеческое потеряли; а те им за малую благостыню на гербовых листах злостные кляузы строчат на ближних. И начнется у них, сударь,[6] суд и дело, и несть конца мучениям[7]. Судятся, судятся здесь, да в губернский город поедут, а там приказные от радости руками всплещут.[8] Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, а особенно тяжебное; водят их, водят, волочат их, волочат; а они еще и рады этому волоченью, того только им и надобно. «Я, говорит, потрачусь; да уж и ему станет в копейку». Хотел я, сударь, все это стихами изобразить, да боюсь — съедят, живого проглотят, сударь. Извините, что наболтал много! Что делать, сударь; знаю, что вред мне эта болтовня, а не могу, люблю разговор рассыпать. Прощайте! *(Кланяется и отходит.)* Только бы мне перпетум-мобиль найти, я бы с вами поговорил. Англичане миллион дают за это! *(Уходит.)*

[Борис *(указывая)*. Смотри! Идут.

Шапкин. Эта, что спереди с девушкой рядом?

Борис. Да, да.

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Текст:* А награбивши ~ стаде. — *вписан на полях л. 6 об.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова:* на беду ближнего ~ помочь. — *вписаны на полях л. 7.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слова:* и несть конца мучениям — *вписаны над строкой.*

[8] *Слова:* а там приказные от радости руками всплещут. — *вписаны на полях л. 7.*

Ш а п к и н. Ну, брат[1]! В эту[2] как не влюбиться![3]

Входят справа[4] К а б а н о в а, К а б а н о в, К а т е р и н а[5] и В а р в а р а.

ЯВ<ЛЕНИЕ ЧЕТВЁРТОЕ>

Б о р и с. Вот теперь ты сам видел, так можешь судить, виноват ли я, что люблю ее. *(Кланяется Кабановым.)*]

Ш а п к и н. Ну, прощай, брат, мне пора.

Б о р и с. Пойдем, я тебя провожу.

Уходят.

Черновая редакция 4-го явления II действия (ЧА$_2$)

К а б а н о в и [*В а р в а р а*] *К а т е р и н а (стоит, как будто в оцепенении)*[6].

[Б о р и с] К а б а н о в. Катя!

Молчание.

Катя, ты на меня не сердишься?

К а т е р и н а *(после непродолжительного молчания, качает головой)*[7]. Нет!

[Б о р и с] К а б а н о в. Да что ты такая? Ну, прости меня!

К а т е р и н а *(все в том же состоянии, слегка покачав головой)*[8]. Бог с тобой! *(Закрыв лицо рукою.)* Обидела она меня!

[Б о р и с] К а б а н о в. Все к сердцу-то принимать, так в чахотку скоро попадешь. Что ее слушать-то! Ей ведь что-нибудь надо ж говорить! Ну, и пущай она говорит, а ты мимо ушей пропущай! Ну, прощай, Катя![9]

К а т е р и н а *(кидаясь на шею мужу)*[10]. Тиша, не уезжай! Ради Бога, не уезжай! Голубчик, прошу я тебя!

К а б а н о в. Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!

К а т е р и н а. Ну, [так] бери[11] меня с собой, [возьми] бери[12]!

К а б а н о в *(освобождаясь из ее объятий)*. Да нельзя.

К а т е р и н а. Нельзя, так и не нужно.[13]

---

[1] *Далее:* [нечего сказать, хороша]

[2] *Далее:* [можно]

[3] *Фраза вписана над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Далее:* [*Б о р и с*]

[6] *Слова:* К а т е р и н а *(стоит, как будто в оцепенении) — вписаны над строкой.*

[7] *Ремарка вписана над строкой.*

[8] *Ремарка вписана над строкой.*

[9] *Текст:* К а б а н о в. Катя! ~ Ну, прощай, Катя! *— вписан на полях л. 15 об. со знаком вставки.*

[10] *Ремарка вписана над строкой.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[12] *Слово вписано над строкой.*

[13] *Текст:* К а б а н о в *(освобождаясь* ~ не нужно. *— вписан на полях л. 13 об. со знаком вставки.*

К а б а н о в. [И рад бы, да никак невозможно; маменька не велит.] [Да нужно очень.] Куда как весело с тобой ехать! Вы меня уж заездили совсем! Я не чаю, как вырваться-то; а ты еще навязываешься со мной.[1]

К а т е р и н а. [Ты боишься, что я тебя свяжу дорогой; а ты обо мне-то подумай! Как ты меня одну оставляешь!] Что ты? [Али...] Уж ты разлюбил меня! Ну поезжай, поезжай.[2]

К а б а н о в. [Как можно разлюбить. Что ты, Бог с тобой] Да не разлюбил; а с этакой-то неволи от какой хочешь красавицы жены убежишь![3] Ты подумай то: какой ни на есть, а я все-таки мужчина; всю-то жизнь вот этак жить, как ты видишь, [тут от какой хочешь красавицы] так[4] убежишь и от жены[5]. Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, кандалов этих на ногах нет, так до жены ли мне?

К а т е р и н а. [А ты обо мне и не подумаешь, что ты меня одну оставляешь] Тебе не до жены, так и мне до тебя дела нет.[6]

К а б а н о в. Да ведь[7] ты[8] не одна, ты с маменькой [с сестрой] останешься.

К а т е р и н а. Не говори ты мне об ней, не тирань ты моего сердца! Ах, беда моя, беда! *(Плачет.)* Куда мне, бедной, деться? За кого мне ухватиться?

К а б а н о в. Да полно ты![9]

К а т е р и н а *(подходит к мужу и*[10] *прижимается к нему)*. Тиша, голубчик, [я боюсь] страшно мне[11], кабы ты остался, либо взял ты[12] меня с собой [взял], как бы я тебя любила, как бы я тебя голубила, моего милого. *(Ласкает его.)*

К а б а н о в. Не разберу я тебя, Катя[13]! То от тебя слова не добьешься, не то что ласки; а то так сама лезешь.

К а т е р и н а. Тиша, [я боюсь! Мое сердце чувствует, что без тебя со мной какая-то беда случится] на кого ты меня оставляешь! Быть беде без тебя! Быть беде![14]

К а б а н о в. Ну, да ведь нельзя, так уж нечего делать.

К а т е р и н а. Ну, так вот что! [Заставь же меня побожиться] Возьми ты с меня какую-нибудь клятву страшную...

К а б а н о в. Какую клятву?

---

[1] *Слова:* Куда как ~ навязываешься со мной. — *вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* Уж ты ~ поезжай. — *вписаны над строкой.*

[3] *Фраза вписана на полях л. 13 об. со знаком вставки.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* и от жены — *вписаны над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Слова:* Да ведь — *вписаны над строкой.*

[8] *Исправлено из первоначального:* Ты

[9] *Текст:* К а т е р и н а. Не говори ~ Да полно ты! — *вписан на полях л. 14 со знаком вставки.*

[10] *Слова: подходит к мужу и* — *вписаны над строкой.*

[11] *Слова:* страшно мне — *вписаны над строкой.*

[12] *Слова:* взял ты — *вписаны над строкой.*

[13] *Слово вписано над строкой.*

[14] *Слова:* на кого ты меня ~ беде! — *вписаны над строкой.*

Катерина. Вот какую:[1] что[не буду]бы не смела[2] я без тебя ни под каким видом [видеться или разговаривать с другим мужчиной] ни говорить ни с кем чужим, ни видеться[3], чтобы и думать я не смела ни о ком, кроме тебя.

Кабанов. Да на что ж это?

Катерина. Успокой ты [меня] мою душу[4], сделай такую[5] милость для меня[6]!

Кабанов. [Ну побожись, коли тебе хочется] Как можно за себя ручаться, мало ль что может в голову прийти.[7]

Катерина *([торжественно] падая на колени).* Чтоб не видать мне ни отца, ни матери![8] Умереть мне без покаяния, если я...

Кабанов *(поднимая ее).* Что ты! Что ты! [Грех] Какой грех-то! Я и слушать не хочу! [*(Отворачивается.)*]

Голос Кабановой: «Пора, Тихон!»[9]

Входят Каб<анова>, Варв<ара> и Глаша.

Черновая редакция 3-го явления второй сцены III действия (ЧА$_2$)

Те же и Варвара, пот<ом> Катерина.

Варвара *(у калитки поет*[10]*).* [Ваня]

За рекою, за быстрою, мой Ваня гуляет.
Там мой Ванюшка гуляет...

Кудряш *(продолжает)*[11]. [Здесь!] Товар закупает. *(Свищет.)*[12]

Варвара *(сходит по тропинке и, закрыв лицо платком, подходит к Борису)*[13]. [Поди сюда. *(Кудряш подходит.)*] Ты, парень,[14] подожди. Дождешься чего-нибудь.[15] *(Кудряшу.)* Пойдем на Волгу. [*(Обнявшись, уходят.)*]

Кудряш. Ты что ж так долго? Ждать вас еще! Знаешь, что не люблю!

Варвара обнимает его одной рукой и уходят.[16]

---

[1] *Текст:* Кабанов. Какую клятву? ~ Вот какую: — *вписан на полях л. 14 со знаком вставки.*

[2] *Слова:* не смела — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* ни говорить ни с кем чужим, ни видеться — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* мою душу — *вписаны над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слова:* для меня — *вписаны над строкой.*

[7] *Фраза вписана над строкой.*

[8] *Слова: падая на колени).* ~ матери! — *вписаны над строкой.*

[9] *Ремарка вписана над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Ремарка вписана над строкой.*

[12] *Слова:* Товар ~ *Свищет.)* — *вписаны над строкой.*

[13] *Ремарка вписана над строкой.*

[14] *Слова:* Ты, парень, — *вписаны над строкой.*

[15] *Фраза вписана над строкой.*

[16] *Текст:* Кудряш. Ты что ж так долго? ~ *уходят.* — *вписан на полях л. 23 со знаком вставки.*

Б о р и с. Я глазам не верю! Точно я сон какой вижу! Эта ночь, [эти] песни, эти свиданья! Ходят обнявшись. Это так ново для меня, так хорошо,[1] и меня ждет что-то... что-то такое, что я ни представить, ни вообразить не могу. Только бьется сердце и дрожит каждая жила. Не могу [я] даже и придумать, что сказать ей[2]. Дух захватывает, подгибаются колени! Вот она!

К а т е р и н а тихо сходит по тропинке, покрытая большим белым платком, потупив глаза в землю.[3]

Молчание.

Это вы, Катерина [Семеновна] Петровна[4]?

Молчание.

Как мне благодарить вас.

Молчание.[5]

Кабы вы знали, Катерина Петровна,[6] как я люблю вас! *(Хочет взять ее за руки.)*

К а т е р и н а *(с испугом, но не подымая глаз)*[7]. [Ах] Не тро[нь]гай, не трогай[8] меня! Ах, ах![9]

Б о р и с. Не сердитесь [на меня]!

К а т е р и н а. Поди от меня! Поди прочь, окаянный ты человек[10]! Ты знаешь ли: ведь мне не замолить этого греха, не замолить никогда[11]! Ведь он камнем ляжет на душу, камнем.

Б о р и с. Не гоните меня!

К а т е р и н а. Зачем ты пришел? Зачем ты пришел, погубитель мой?[12] Ведь я замужем, ведь мне с мужем жить до гробовой доски, до гробовой доски...

Б о р и с. [Зачем же] Вы сами[13] велели мне прийти...

К а т е р и н а. Да пойми ты [это] меня, враг ты мой: ведь[14] до гробовой доски!

Б о р и с. Лучше б мне не видать вас!

К а т е р и н а *(с волнением)*. [Зачем ты моей погибели хочешь] Ведь что я себе готовлю? Где мне место-то, знаешь ли?[15]

---

[1] *Слова:* Это так ново для меня, так хорошо, — *вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* что сказать ей — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* потупив глаза в землю. — *вписаны над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Ремарка вписана над строкой.*

[6] *Слова:* Катерина Петровна, — *вписаны над строкой.*

[7] *Ремарка вписана над строкой.*

[8] *Слова:* не трогай — *вписаны над строкой.*

[9] *Слова:* Ах, ах! — *вписаны над строкой.*

[10] *Слова:* окаянный ты человек — *вписаны над строкой.*

[11] *Слова:* не замолить никогда — *вписаны над строкой.*

[12] *Слова:* Зачем ты пришел? ~ мой? — *вписаны над строкой.*

[13] *Слово вписано над строкой.*

[14] *Слова:* меня, враг ты мой: ведь — *вписаны над строкой.*

[15] *Слова:* Ведь что ~ знаешь ли? — *вписаны над строкой.*

Б о р и с. Успокойтесь! *(Берет ее за руку.* [*Катерина поднимает глаза на него*]*)* Сядьте!

К а т е р и н а. Зачем ты моей погибели хочешь?

Б о р и с. Как же я могу хотеть вашей погибели, когда люблю вас больше всего на свете, больше самого себя![1]

К а т е р и н а. Нет, нет! ты меня загубил!

Б о р и с. [Нет, никогда! Я вас не доведу ни до какой беды] Разве я злодей какой?[2]

К а т е р и н а *(качая головой).* Загубил, загубил, загубил!

Б о р и с. Сохрани меня Бог! Пусть лучше я сам погибну!

К а т е р и н а. Ну, как же ты не загубил меня, [когда] коли[3] я, бросивши дом,[4] ночью иду к тебе.

Б о р и с. Ваша воля была на то.

К а т е р и н а [*(поднимает на него глаза)*]. Нет у меня воли. [Твоя] Кабы была у меня своя воля, не пошла бы я к тебе. *(Поднимает глаза и смотрит на Бориса.)*[5]

Небольшое молчание.[6]

Твоя теперь воля надо мной, разве ты не видишь! *(Кидается к нему на шею.)*[7]

Б о р и с *(обнимая Катерину).* Жизнь моя!

Молчание.

К а т е р и н а. Знаешь что? Теперь мне умереть [захотелось] вдруг захотелось[8]!

Б о р и с. Зачем умирать, [мы будем жить и веселиться] коли нам жить так хорошо[9]?

К а т е р и н а. Нет, мне не жить! Уж я знаю, что не жить.

Б о р и с. Не говори, пожалуйста, таких[10] слов, не печаль меня...

К а т е р и н а. Да, тебе хорошо, ты вольный казак, а я!..

Б о р и с. Никто и не узнает про нашу любовь. Неужели же я тебя не пожалею!

К а т е р и н а. Э! Что меня жалеть, [коли я] не кто виноват[11], — сама[12] на то пошла. Не жалей, губи меня! Пусть все знают, пусть все видят, что

---

[1] *Текст:* К а т е р и н а. Зачем ты ~ себя! — *вписан на полях л. 23 об. со знаком вставки.*

[2] *Фраза вписана над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова:* бросивши дом, — *вписаны над строкой.*

[5] *Ремарка вписана над строкой.*

[6] *Ремарка вписана над строкой.*

[7] *Ремарка вписана над строкой.*

[8] *Слова:* вдруг захотелось — *вписаны над строкой.*

[9] *Слова:* коли нам жить так хорошо — *вписаны над строкой.*

[10] *Исправлено из первоначального:* этаких

[11] *Возможно, описка вместо:* никто не виноват

[12] *Слова:* не кто виноват, — сама — *вписаны над строкой.*

я делаю! *(Обнимает Бориса.)* Коли я для тебя греха не побоялась, побоюсь ли я людского суда? Говорят, даже легче бывает, когда за какой-нибудь грех здесь, на земле, натерпишься.[1]

Борис. Ну, что об этом думать, благо нам теперь-то хорошо!

Катерина. И то! [Еще успею] надуматься-то да наплакаться-то еще успею на досуге.[2]

Борис. А я было испугался, я думал, ты меня прогонишь.

Катерина *(улыбаясь)*. Прогнать! Где уж! С нашим ли сердцем! [Мы сами лезем] Кабы ты не пришел, так я, кажется, сама бы к тебе пришла.[3]

Борис. [Так] Я и не знал, что[4] ты меня любишь.

Катерина. Давно люблю. Словно на грех ты к нам приехал.[5] Как увидела тебя, так [полюбила] уж не своя стала[6]. С первого же раза, кажется, кабы ты поманил меня, я бы и пошла за тобой; иди ты хоть на край света, я бы все шла за тобой и не оглянулась бы.

Борис. Надолго ль муж-то уехал?

Катерина. На две недели.

Борис. О, так мы погуляем! Время-то довольно.

Катерина. Погуляем. А там... *(Задумывается.)* Как запрут на замок, вот смерть! А не запрут, так уж найду случай повидаться с тобой!

Входят Кудряш и Варвара.

Варианты чернового автографа (ЧА)

С. 202

[18—19] *Ремарки: Общественный сад ~ и несколько кустов. — нет.*

С. 204—206

[7—24] *Текста: Те же, Дикой и Борис. ~ Кланяются и уходят. — нет.*

С. 208

[17—29] *Текста:* Борис *(один)*. Жаль его разочаровывать-то! *~ входят Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара. — нет.*

[31] *Кабанова, Кабанов, Катерина и Варвара. / Кабанова, Кабанов, Катерина (встает на авансцену)*[7] *и Варвара (потупя глаза)*[8].

---

[1] *Текст:* Борис. Никто ~ натерпишься. — *вписан на полях л. 24 со знаком вставки.*

[2] *Реплика вписана на полях л. 24 со знаком вставки.*

[3] *Фраза вписана над строкой.*

[4] *Слова:* Я и не знал, что — *вписаны над строкой.*

[5] *Фраза вписана над строкой.*

[6] *Слова:* уж не своя стала — *вписаны над строкой.*

[7] *Ремарка вписана над строкой.*

[8] *Ремарка вписана над строкой.*

32—33 Если ты хочешь ~ как приедешь туда, сделай так / Когда же ты туда придешь?[1] Если ты хочешь мать послушать, так сделай так

34 Да как же я могу, маменька, вас ослушаться! / Я, кажется, маменька, завсегда вас во всем слушаюсь.

С. 209

1 *Перед:* Не очень-то нынче старших уважают. — Ох [ох, ох]!

2 Варвара *(про себя).* Не уважишь тебя /

[Катерина] Варвара[2] *(в стор<ону>).* Не уважишь тебя

15—16 *(вздыхая, в сторону)* ~ Да смеем ли мы, маменька, подумать! / Да смеем ли мы когда подумать!

С. 209—256

18—30 *Текста:* нынче не нравится ~ *(Падает на труп жены.)* — *нет.*

Варианты чернового автографа (ЧА$_2$), театральной писарской копии (ТПК$_2$)

С. 202

24 Чудеса, истинно надобно сказать, что чудеса! / Чудеса, истинно чудеса! *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

С. 203

1 Кулигин *(показывая в сторону).* / Кулигин *(показывая* [*за кулисы*] *в сторону).* *(ЧА$_2$)*

17 *После:* Постращали бы хорошенько — [вечером]. *(ЧА$_2$)*

20—21 А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался. / [да никому бы еще и не сказал про это]. А про нашу науку-то и не пикнул бы никому, только бы ходил да оглядывался.[3] *(ЧА$_2$)*

34 *Перед:* С него, что ль, пример брать! — [А грубиянить-то разве хорошо <*нрзб.*>] *(ЧА$_2$)*

38 А то что бы? / А то что ж бы? *(ЧА$_2$)*

С. 204

1 Больно лих я на девок-то! / На этот счет я ловок! *(ТПК$_2$)*

2 *Проходят Дикой и Борис.* / *Входят Дикой и Борис.* *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

8—9 Пропади ты пропадом! / Про[вались]пади ты пропадом! *(ЧА$_2$)*

22 Уж какая охота, Кулигин! Неволя. / [Разве бы я жил, коли не неволя] Какая охота, Кулигин! Неволя.[4] *(ЧА$_2$)*

24 Коли можно, сударь, так скажите нам. / Скажите, сударь, коли можно? *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

33 *После:* Ещё бы не дико! — [Ну да] *(ЧА$_2$)*

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Фраза вписана над строкой.*

[4] *Слова:* Какая ~ Неволя. — *вписаны над строкой.*

С. 205

[11] Да нет, этого мало, Кулигин! / Нет, этого мало! *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

[12] как его душе угодно / как [ему] его душе[1] угодно *(ЧА$_2$)*

[15] *Слов:* в купечестве — *нет. (ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

[18] Ну да. Уж он и теперь / Конечно! Уж он и теперь *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

[22—25] Он было и её выписывал ~ Нешто они обращение понимают? / Для нее-то я и решился терпеть все, чтобы он со мной не делал.[2] Он было и ее выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна.[3] Какова бы ей здесь жизнь была — я и представить не могу.[4] *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

С. 206

[21] *Перед:* Что это? — [Ну] *(ЧА$_2$)*

[25—28] Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь ~ а всё-таки не привыкну никак. / Трудно мне, Кулигин, здесь[5] без привычки-то! [Нет для меня <*нрзб.*>] Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им.[6] Обычаев я здешних не знаю. [Точно я здесь лишний] Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак.[7] *(ЧА$_2$)*; Трудно мне, Кулигин, здесь без привычки-то! Все на меня как-то дико смотрят, точно я здесь лишний, точно мешаю им. Обычаев я здешних не знаю. Я понимаю, что все это наше русское, родное, а все-таки не привыкну никак. *(ТПК$_2$)*

[32—33] *Слов:* да бедности нагольной — *нет. (ТПК$_2$)*

[34—35] больше насущного хлеба / лишней копейки *(ТПК$_2$)*

С. 207

[25—26] Мудрец был Ломоносов ~ из простого звания. / Великий человек был, сударь, Ломоносов, великий. Тоже из нашего, из простого звания, а какой мудрец![8] *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

[27] Вы бы и написали. / [Что же вы] Вы бы и написали.[9] *(ЧА$_2$)*

С. 208

[10—12] я бы все деньги ~ А то руки есть, а работать нечего. / я бы показал тогда, что можно делать с деньгами. У меня уж много проектов написано. *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

[17—27] Какой хороший человек! ~ ступай домой. / Мысль, что он когда-нибудь разбогатеет, по крайней мере, утешает его в его горьком положении,

---

[1] *Слова:* его душе — *вписаны над строкой.*

[2] *Фраза вписана на полях л. 3 об. со знаком вставки. (ЧА$_2$)*

[3] *Фраза вписана над строкой. (ЧА$_2$)*

[4] *Фраза вписана на полях л. 3 об. со знаком вставки. (ЧА$_2$)*

[5] *Слова:* Кулигин, здесь — *вписаны над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Фраза вписана над строкой.*

[8] *Вариант вписан на полях л. 4 об. со знаком вставки. (ЧА$_2$)*

[9] *Фраза вписана над строкой.*

не допускает его до отчаяния.[1] Я найду ли себе здесь какое-нибудь утешение? Неужели утешаться только тем, что я исполнил долг свой, что я для сестры закабалил себя человеку, в котором нет ни стыда ни совести! А молодость-то! Ужли так пройдет, без радости, без просвету! Страшно подумать! *(Молчание.)* Сердце хочет любви и любит уж. Но между мной и этой женщиной такая бездна, столько препятствий, что мне и думать-то о ней сумасшествие. Смешно и мечтать о том, что никогда не может осуществиться; это то же, что мечты Кулигина. Да у меня и воображение не так сильно; мне хоть бы немного счастья, да в действительности. Нет, я поглупел здесь в городе! Как влюбиться в женщину, с которой даже и поговорить никогда не удается. Не сметь подойти! Не сметь поговорить![2] Нет, эта таинственность, которая здесь покрывает семейную жизнь, это заключение, молчание женщин, страстные взгляды, которые они бросают на мужчин, меня так настроили. *(Молчание.)* А все-таки я ее люблю. Хоть это также глупо, как влюбиться в луну или в султаншу какую-нибудь; а я ее люблю. Конечно, люблю, когда видеть ее хоть издали, хоть один раз в неделю для меня уже счастие. Вот она! Идет с мужем и со свекровью. *(Схватившись за сердце.)* Нет, это любовь! Настоящая любовь! *(Вздохнув.)* Ну, довольно! *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

С. 209

[20] что мать проходу не даёт, со свету сживает / что мать проходу не дает [со свету сживает] *(ЧА$_2$)*

[25] я бы с тобой / я бы [не так тогда] с тобой *(ЧА$_2$)*

[28] говори, что хочешь, про меня / [никому не зака<жешь>] говори что хочешь[3] про меня *(ЧА$_2$)*

[32] милее матери / [дороже] милее[4] матери *(ЧА$_2$)*

[36] так у неё сердце вещун, она сердцем может чувствовать / так у нее[5] сердце вещун, она сердцем может[6] чувств[ует]овать *(ЧА$_2$)*

С. 210

[1—2] Для меня, маменька, всё одно ~ Тихон тоже тебя любит. / [Я, маменька, вас люблю, как родную мать] Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да[7] и Тихон тоже вас любит. *(ЧА$_2$)*

[6—7] Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь. / [Так знай же, что и я не меньше тебя сына люблю, большой беды не сделаю.

---

[1] *Фраза вписана над строкой. (ЧА$_2$)*

[2] *Слова:* Не сметь подойти! ~ поговорить! — *вписаны над строкой. (ЧА$_2$)*

[3] *Слова:* говори что хочешь — *вписаны над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* у нее — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* вещун, она сердцем может — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* Для меня ~ да — *вписаны над строкой.*

(Отходит.)] Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь. [А я тебе скажу, милая][1] *(ЧА$_2$)*

[15] *Перед:* Напраслину-то терпеть кому ж приятно! — Да хоть и неважная, а *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

[16] вам не по нутру / [тебе] вам[2] не по нутру *(ЧА$_2$)*

[24—25] Может быть, ты и любил мать ~ у тебя жена молодая. / [Уж я вижу, что я вам помеха] Может быть,[3] ты и любил мать, пока был холостой. [Теперь когда тебе об матери думать, у тебя жена молодая] До меня ли тебе: у тебя жена молодая. *(ЧА$_2$)*

С. 212

[6—8] Да уж коли ты ~ при сестре, при девке / Да уж коли ты [*<нрзб.>*] такие дурацкие мысли в голове держишь[4], ты бы при ней-то, по крайней мере, не [говорил] болтал[5] да при сестре, при дев[уш]ке *(ЧА$_2$)*

[17] Хоть любовника заводи! А! / [Этак ведь, чего доброго, она, пожалуй, и любовника заведет] Хоть любовника заводи! А?[6] *(ЧА$_2$)*

[20] *Перед: совершенно хладнокровно* — [*в сердцах*] *(ЧА$_2$)*

[34] Чем же я-то виновата? / Чем же я-то [голубчик] виновата? *(ЧА$_2$)*

С. 213

[2] *После:* всё за тебя. —

[К а т е р и н а. С роду я, Тиша, такая несчастная, да вот, должно быть, и к вам несчастье принесла.

В а р в а р а. Ты слушай его, что он городит! И до тебя у нас тоже было.

К а б а н о в. Все прежде легче было] *(ЧА$_2$)*

[11—12] хочется, выпить с ним / [хочет забежать] хочется[7], выпить [с горя] с ним[8] *(ЧА$_2$)*

[22] *Перед:* К а т е р и н а. Так ты, Варя, жалеешь меня? —

[К а т е р и н а. Жаль мне его.

В а р в*<а р а>*. Что его жалеть-то, он сам виноват. Тебя так вот жалко. Ты за что терпишь?

К а т*<е р и н а>*. Нечего делать — свекровь не родная мать.[9] Кто-ж на своем веку от свекрови не терпел, и тебе тоже придется, такая уж наша доля.

---

[1] *Слова:* Так знаем ~ милая] — *вписаны над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слова:* Может быть, — *вписаны над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слова:* Хоть ~ А? — *вписаны над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слова:* с ним — *вписаны над строкой.*

[9] *Фраза вписана над строкой.*

Варв<ара>. Уж не говори, пожалуйста! Не поверю я никому, чтобы была еще где-нибудь такая жизнь. Это не жизнь, а слезы. Не досыта разве ты еще наплакалась] *(ЧА$_2$)*

С. 213—214

26—9 Ты милая ~ все цветы в доме полью. / [Точно, Варенька, правда твоя, тяжеленько мне на свете жить, словечка даже перемолвить не с кем.

Варв<ара>. А есть что перемолвить-то?

Катер<ина>. Как не быть! Наше дело женское, поговоришь с кем-нибудь, словно и полегче станет.

Варв<ара>. Говори со мной.

Катерина. Такая ли я была!] Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти. *(Молчание.)* Отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, [иногда] мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь?

Варвара. Что ты выдумываешь-то?

Катерина *(вздыхая)*. Какая я была резвая![1] Я у вас завяла совсем.

Варвара. Ты думаешь, я не вижу?

Катерина. Такая ли я была![2] Я жила, ни об чем не [думала] тужила[3], точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю.

[Варв<ара>. Рано тебя замуж-то выдали; погулять-то тебе в девушках не пришлось.

Катер<ина>. Как только годы вышли, так и отдали.

Варв<ара>. Ну, а парни на тебя поглядывали?

Кат<ерина>. Как не поглядывать!

Варв<ара>. А тебе никто не нравился?

Катер<ина>. Нет.

Варв<ара>. Неужли не любила никого?

Катер<ина>. И не понимала, что такое любовь. У меня одно было занятие.

Варв<ара>. Что ж ты делала?] Знаешь, как я жила?[4] Встану, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключик, умоюсь, [потом] принесу с собой вод[ы]ицы и [полью] все, все[5] цветы в доме полью[6]. *(ЧА$_2$)*;

---

[1] *Текст:* люди не летают ~ резвая! — *вписан на полях л. 8 со знаком вставки.*

[2] *Текст:* Варвара. Ты думаешь ~ была! — *вписан на полях л. 8 со знаком вставки.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слова:* в доме полью — *вписаны над строкой.*

Ты милая такая, я сама тебя люблю до смерти. *(Молчание.)* Отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь?

Варвара. Что ты выдумываешь-то?

Катерина *(вздыхая)*. Какая я была резвая! Я у вас завяла совсем.

Варвара. Ты думаешь, я не вижу?

Катерина. Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу. Встану я, бывало, рано; коли летом, так схожу на ключик, умоюсь, принесу с собой водицы и все, все цветы в доме полью. *(ТПК$_2$)*

С. 214

18—19 И до смерти я любила / [А больше всего] И до смерти[1] я любила *(ЧА$_2$)*

26—27 Или рано утром в сад уйду / А то [уйду в сад] рано-рано[2] утром в сад уйду[3] *(ЧА$_2$)*

30 ничего мне не надобно / ничего мне не надо было[4] *(ЧА$_2$)*

36 А что же? / [Ну а теперь? От] А[5] что же? *(ЧА$_2$)*

С. 215

3—4 Что-то во мне такое необыкновенное. ~ уж и не знаю. / [Перемену близкую я над собой чувствую, и что-то мне страшно] Что-то во мне другое, новое. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю.[6] *(ЧА$_2$)*; Что-то во мне другое, новое. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю. *(ТПК$_2$)*

6 А вот что, Варя / А вот что, [я боюсь] Варя *(ЧА$_2$)*

11 *Слова:* Здорова... — *нет. (ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

16 *После:* Что со мной? — [Уж не знаю] *(ЧА$_2$)*

25—28 Стыдно ~ кабы моя воля / [Я все тебе сказала.] Стыдно мне.[7]

[Варв<ара>. Нет, не все! Ты Тихона не любишь.

Катер<ина>. Нет, как не любить! Только он мне как-то жалок.

Варв<ара>. Нет, не любишь! Коли жалко, так не любишь. Ты кого-то другого любишь, только разве не скажешь.

Катер<ина>. Кого же мне любить?

---

[1] *Слова:* И до смерти — *вписаны над строкой.*

[2] *Было:* рано

[3] *Слова:* в сад уйду — *вписаны над строкой.*

[4] *Вариант вписан над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слова:* Что-то во мне ~ не знаю. — *вписаны над строкой.*

[7] *Фраза вписана над строкой.*

В<арвара>. Мало ли кого. Да я и знаю кого.

К<атерина>. Почем же ты знаешь?

В<арвара>. Я не меньше тебя на свете-то живу. Да вот тебе верная примета: как ты увидишь его, вся в лице переменишься.

Катер<ина> потуп<ляет> глаза.

Маленький догадается.

К<атерина>. Ну, кого же?

В<арвара>. Да ведь ты сама знаешь, что называть-то!

К<атерина>. Нет, назови!

В<арвара>. Бориса Григорьича.

К<атерина>. Ну да, его. Только ты, Варенька...

В<арвара>. Ну, вот еще! Ты сама-то не проговорись как-нибудь.

К<атерина>. То-то и беда моя, что я скрыть ничего не могу.

Варв<ара>. Так нешто так можно?[1] Ну, у нас нельзя без этого, весь дом на этом держится. Я и сама прежде не умела, да выучилась, когда нужно стало.]

Варвара. Говори, нужды нет!

Катерина. Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня[2], что, [хорошо] кабы[3] [теперь] моя[4] воля[5] *(ЧА$_2$)*

С. 216

[2] я от тоски что-нибудь сделаю над собой! / я от тоски [руки на себя наложу!] что-нибудь сделаю над собой! *(ЧА$_2$)*

[28] На свою бы тебе голову, старая карга! / [Самой] На свою[6] бы тебе [на] голову, старая [хрычовка] карга[7]! *(ЧА$_2$)*

С. 217

[33] Ах! Скорей, скорей! / [Пойдем скорей] Ах! Скорей, скорей![8] *(ЧА$_2$)*

С. 218

[4] *Глаша (собирает платье в узлы) и Феклуша (входит). / Гла[фир]ша (собирает [белье в чемодан] платье в узлы[9]) и [странница] Феклуша[10] (входит). (ЧА$_2$)*

---

[1] *Фраза вписана над строкой. Далее на полях л. 9 об. со знаком вставки вписано:* Ты вспомни, где ты живешь — *и вычеркнуто в ходе дальнейшей работы.*

[2] *Слова:* на меня — *вписаны над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Текст:* Варвара. Говори ~ моя воля — *вписан на полях л. 9 об. со знаком вставки.*

[6] *Слова:* На свою — *вписаны над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Вариант вписан на полях л. 10 об. со знаком вставки.*

[9] *Слова: платье в узлы — вписаны над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[5] Милая девушка, всё-то ты за работой! / [Что копаешься, девушка] Милая девушка, все-то ты за работой![1] *(ЧА$_2$)*

С. 219

[1–2] Нет, милая. Я, по своей немощи, далеко не ходила / [Далеко] Нет[2], милая. [В таких странах бывала] Я, по своей немощи, далеко не ходила[3] *(ЧА$_2$)*

[7–8] такой уж им предел положен / [потому что сами они неверные] такой уж им предел положен[4] *(ЧА$_2$)*

[9–11] И все судьи у них ~ «Суди меня, судья неправедный!» / [И[5] у них, в ихних странах все судьи такие же и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный»] И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: «Суди меня, судья неправедный!»[6] *(ЧА$_2$)*

С. 220

[25] так его видела / так [Бориса] его[7] видела *(ЧА$_2$)*

[27] *после непродолжительного молчания, потупившись* / [*помолчав*] *после непродолжительного молчания, потупившись*[8] *(ЧА$_2$)*

[35–36] Я буду мужа ~ думать-то не хотела / Я буду мужа любить [буду, буду]. Тиша, голубчик мой, ни на кого тебя не променяю![9] Я и думать-то [о нем] не хотела *(ЧА$_2$)*

С. 221

[3–5] Об чём ни задумаю ~ Ведь я было из дому ушла. / И хочу себя переломить, и Богу молюсь об этом, да не могу никак. Знаешь ли ты, меня нынче ночью опять враг смущал.[10] Ведь я было [нынче ночью] из дому ушла.

[В<арвара>. Что с тобой сделалось?

К<атерина>. Да ничего. Вдруг закипело что-то во мне; очень уж мне душно здесь показалось, очень на волю захотелось. С мыслями-то никак не сберусь! Одно в голове: бежать, да и все тут. Уж как боюсь я своего характеру!] *(ЧА$_2$)*

[8] *Перед:* Не хочу я так. — [Не умею я так-то] *(ЧА$_2$)*

[15] *Фразы:* А что мне! — *нет. (ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слова:* Я, по своей немощи, далеко не ходила — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* такой уж им предел положен — *вписаны над строкой.*

[5] *Далее:* [в тех странах]

[6] *Вариант вписан на полях л. 12 со знаком вставки.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слова: после непродолжительного молчания, потупившись — вписаны над строкой.*

[9] *Фраза вписана над строкой.*

[10] *Фраза вписана на полях л. 12 об. со знаком вставки.*

17—24 Эх, Варя, не знаешь ты ~ Ну зачем, Варя? / В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Уж коль не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь! *(Молчание.)*

[В<арвара>. Молода ты замуж вышла, еще сердце у тебя не уходилось.

К<атерина>. Да и не уходится никогда]

Варвара. [Без него] Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так[1] давай в саду спать, в беседке.

Катерина. [Пожалуй. Мне бы лучше здесь] Ну зачем, Варя?[2] *(ЧА$_2$)*; Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай Бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Уж коль не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь! *(Молчание.)*

Варвара. Знаешь что, Катя! Как Тихон уедет, так давай в саду спать, в беседке.

Катерина. Ну зачем, Варя? *(ТПК$_2$)*

36 Где ж это Тихон-то? / Где [муж] ж это Тихон-то[3]?

С. 222

11 И на воле-то он словно связанный. / И на воле-то он [бедный] словно связанный.

12—13 Он теперь слушает ~ вырваться-то поскорей. *(Входят Кабанова и Кабанов.)* / Он теперь [только и] слушает, а сам[4] думает, как бы ему вырваться-то поскорей.

[К<атерина>. Без него-то будет еще скучней.] *(ЧА$_2$)*

20 Лошади приехали. / Лошади [дожидаются, ехать пора] приехали[5]. *(ЧА$_2$)*

22 *Перед:* Да-с, маменька, пора. — [И то] *(ЧА$_2$)*

С. 223

36 Отчего же, Тиша, нельзя? / Нельзя, так и не нужно. *(ТПК$_2$)*

С. 224

1—2 заездили здесь совсем / заездили совсем *(ТПК$_2$)*

4 Да неужели же ты разлюбил меня? / Уж ты разлюбил меня! Ну поезжай, поезжай... *(ТПК$_2$)*

9 кандалов этих на ногах нет / кандалов на ногах нет *(ТПК$_2$)*

13—14 *Текста:* Слова как слова! ~ чего ты боишься! — *нет.* *(ТПК$_2$)*

С. 225

9—10 *Перед:* Садитесь все! — [Присядемте. *(Все садятся.)*] *(Садится.)*[6] *(ЧА$_2$)*

---

[1] *Слова:* Знаешь ~ так — *вписаны над строкой.*

[2] *Фраза вписана над строкой.*

[3] *Слова:* ж это Тихон-то — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* слушает, а сам — *вписаны над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Ремарка вписана над строкой.*

[14] *Перед: жестом показывает в землю* — [*повелительным*] *(ЧА$_2$)*

[31—32] А ведь тоже, глупые / А [поглядеть, так] ведь тоже, глупые[1] *(ЧА$_2$)*

[33] на покор да смех / на покор да на смех *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

С. 226

[13] Не к чему! ~ Что народ-то смешить! / [Да не умею выть-то, причитаньев не знаю] Не к чему! Да и не умею. Что народ-то смешить![2] *(ЧА$_2$)*

[23—24] Ну, теперь тишина ~ дети чьи-нибудь! / [Вот я теперь покойна: точно кругом меня тишина какая воцарится] Ну, теперь тишина у нас в доме воцарится. Ах, какая скука! Хоть бы дети чьи-нибудь![3] *(ЧА$_2$)*

С. 227

[3—6] *(покрывает голову платком* ~ прячет. / *([поправляет] покрывает голову платком*[4] *перед зеркалом)*. [Мы и Глафира с нами будем спать] Я теперь гулять пойду; а ужо нам Глаша постелет постели[5] в саду, маменька позволила. В саду, за малиной, есть калитка, [она] ее маменька[6] запирает[7] на замок, а ключ [у маменьки] прячет[8]. *(ЧА$_2$)*

[13] *Перед:* Да что ты затеяла-то, греховодница! — *(взяв ключ) (ЧА$_2$)*

[18—20] Что она это делает-то? ~ Вот погибель-то! / Вот где погибель-то! *(ЧА$_2$)*

[24—25] *После:* не подумавши, не рассудивши-то! — *(Качает головой.)*[9] *(ЧА$_2$)*

[32] Бросить его? / Бросить [ключ или нет] его[10]? *(ЧА$_2$)*

С. 228

[6—7] *После:* Он мой теперь… — у меня [на руках. Я его не кину.] *(ЧА$_2$)*

[29] вроде туману бывает. / наподобие туману бывает. И женщины-то, матушка Марфа Игнатьевна, все такие худые, да как будто что они потеряли, либо чего-нибудь ищут, в лице такая печаль, даже жалко.[11] *(ЧА$_2$)*

С. 228—229

[36—1] другие от суеты не видят ничего ~ они машиной и называют / другие [за] от[12] суеты не видят ничего, так он им[13] машиной [называют] показывается, они машиной и называют[14] *(ЧА$_2$)*

---

[1] *Слова:* ведь тоже, глупые — *вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* Не к чему! ~ смешить! — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* Ну, теперь ~ дети чьи-нибудь! — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова: покрывает голову платком — вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* Я теперь ~ постели — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* ее маменька — *вписаны над строкой.*

[7] *Исправлено из первоначального:* заперта

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Ремарка вписана над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Вариант вписан на полях л. 18 со знаком вставки.*

[12] *Слово вписано над строкой.*

[13] *Слова:* он им — *вписаны над строкой.*

[14] *Слова:* показывается, они машиной и называют — *вписаны над строкой.*

С. 229

[13—16] невидимо ~ даже жалко. / невидимо[1] и подберет[2] [будет]. Оттого-то они так и бегают. *(ЧА$_2$)*

[17—18] В наши времена чему дивиться! / В наши времена [ни]чему [у]див[ляться нельзя]иться! *(ЧА$_2$)*

[22—24] А вот умные люди ~ тянутся-тянутся / А вот [что] умные люди замечают, что у нас[3] и время-то короче [сделалось] становится[4]. Бывало, лето или зима-то тянутся-тянутся *(ЧА$_2$)*

С. 230

[3—8] Ну, ты не очень горло-то ~ толком. / Ну, [у меня прошу не горланить! Я дорога́ тебе!] ты не очень горло-то распускай! Ты найди подешевле меня! А я тебе дорога![5] [И] Ступай своей дорогой, куда шел[6]. Пойдем, Феклуша, домой. *(Встает.)*

Д и к о́ й. Постой, кума, постой. [Погоди] Не сердись.[7] Еще успеешь дома-то быть: дом-от твой[8] не за горами. Вот он!

К а б а н о в а. Коли ты за делом, так [пойдем ко мне] не ори, а говори толком[9]. *(ЧА$_2$)*

[22—23] Что? Ничего. ~ всю жизнь с бабами. / [А то что] Что? Ничего. А и честь-то не велика, потому что воюешь-то[10] ты всю жизнь с бабами [воюешь]. *(ЧА$_2$)*

[26] Уж немало я дивлюсь на тебя / Уж немало я[11] дивлюсь [я] на тебя *(ЧА$_2$)*

[34] Пойдём в покои! / Пойдем [<*нрзб.*>] в покои[12]! *(ЧА$_2$)*

С. 231

[11] Нет над тобой старших / Некому тебя ругать *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

[20] А зачем ты нарочно-то себя в сердце приводишь? / [Ты нарочно] А зачем ты нарочно-то себя в сердце приводишь? *(ЧА$_2$)*

[27] *Реплики:* Ну, что ж такое? Кому своего добра не жалко! — *нет. (ЧА$_2$)*

[30] Что ж, кум, зайди! / Что ж, кум, зай[дешь что ли]ди! *(ЧА$_2$)*

С. 232

[7—8] скоро прекратила / [вышколила] скоро прекратила[13] *(ЧА$_2$)*

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Исправлено из первоначального:* подбирать

[3] *Слова:* у нас — *вписаны над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* ты не очень ~ дорога! — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* куда шел — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* кума, постой. [Погоди] Не сердись. — *вписаны над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слова:* не ори, а говори толком — *вписаны над строкой.*

[10] *Слова:* Что? ~ воюешь-то — *вписаны над строкой.*

[11] *Слова:* Уж немало я — *вписаны над строкой.*

[12] *Слова:* в покои — *вписаны над строкой.*

[13] *Слова:* скоро прекратила — *вписаны над строкой.*

[9—16] Ах ты, господи! ~ всегда здесь у ворот. /

[Хоть бы одним глазком взглянуть на нее![1] В дом[2] войти нельзя; здесь незваные не ходят... Сегодня вторник... Середа, четверг, пятница, суббота... еще четыре дня ждать до воскресенья. Боже мой![3]] Живешь в одном городе, почти рядом, а увидишь раз в неделю и то только в церкви; либо [дожидайся] жди[4] на дороге, посмотри, как пройдет, вот и все! [Какой ужасный обычай:] Здесь, что[5] вышла замуж, [точно] что схоронили, все равно. [Ужасный] [Какой странный[6] обычай!] *(Молчание.)*[7] Уж совсем бы мне ее не видать, легче бы было [чем]! А то[8] видишь урывками, да еще при людях, во сто глаз на тебя смотрят! [Эка беда] Ну, не ждал я, чтобы такая беда[9] со мной случилась! Бывало [по]нравится женщина[10], да как-то все это скоро и[11] пройдет, а она из головы нейдет, на минуту забыть не могу. Пойдешь гулять, а очутишься всегда здесь у [ихних] ворот. *(ЧА$_2$)*

Хоть бы одним глазком взглянуть на нее! В дом войти нельзя; здесь незваные не ходят... Сегодня вторник... Середа, четверг, пятница, суббота... еще четыре дня ждать до воскресенья. Боже мой! Живем в одном городе, почти рядом, а увидимся раз в неделю и то только в церкви; либо жди на дороге, посмотри, как пройдет, вот и все! Здесь, что вышла замуж, что схоронили, все равно. *(Молчание.)* Уж совсем бы мне ее не видать, легче бы было! А то видишь урывками, да еще при людях, во сто глаз на тебя смотрят!.. Ну, не ждал я, чтобы такая беда со мной случилась! Бывало понравится женщина, да как-то все это скоро и пройдет, а она из головы нейдет, на минуту забыть не могу.[12] Пойдешь гулять, а очутишься всегда здесь у ворот. *(ТПК$_2$)*

[18] Ну, попал я в городок! / [Эх, жизнь!] Ну, городок![13] *(ЧА$_2$)*; Ну, городок! *(ТПК$_2$)*

[21] Да, так гуляю себе, погода очень хороша нынче. / Да, гуляю, погода очень хороша. *(ЧА$_2$)*

---

[1] *Далее начато:* [Нельзя!]

[2] *Слова:* В дом — *вписаны над строкой.*

[3] *Текст:* Хоть бы ~ Боже мой!— *вписан на полях л. 20 об. со знаком вставки и зачёркнут в ходе дальнейшей работы.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* Здесь, что — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* Какой странный — *вписаны над строкой.*

[7] *Ремарка вписана над строкой.*

[8] *Слова:* А то — *вписаны над строкой.*

[9] *Слова:* Ну, не ждал я, чтобы такая беда — *вписаны над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[12] *Текст:* Ну, не ждал ~ забыть не могу. — *вычеркнут красным карандашом.*

[13] *Фраза вписана над строкой.*

[24] *Перед:* Открылась бездна, звезд полна —
[Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;] *(ЧА$_2$)*

[32—35] у них день и ночь работа. ~ У всех давно ворота, сударь, заперты / у них день и ночь работа [из-за куска насущного хлеба]. И спят-то всего часа три в сутки. А богатые-то что делают? У всех давно ворота заперты *(ЧА$_2$)*; у них день и ночь работа. А богатые-то мужики что делают? У всех давно и ворота заперты *(ТПК$_2$)*

С. 233

[2—4] И что, сударь, за этими замками ~ видит только один Бог! / [А то] И что[1] сударь за этими [запорами часто] замками разврату темного да[2] пьянства[3] [да разврат темный скрывается]. И все шито да крыто — никто ничего не видит и не знает, [знает] видит[4] только один Бог! [Так они все хороши, сударь; а посмотреть их в семье! Вот где человек-то узнается. Так нет, говорит, шалишь, в семье то ты меня никогда не увидишь] *(ЧА$_2$)*

[7—9] Знаем мы эти секреты-то! ~ что за секрет? / Знаем мы эти секреты-то! От этих секретов-то, сударь, ему только одному весело, а остальные [все плачут] — волком воют[5]. Да и что за секрет? *(ЧА$_2$)*; Да и что за секрет? *(ТПК$_2$)*

[17] *После:* Это у нас нужды нет. — *(<нрзб.>) Проходят пары. (ЧА$_2$)*

[22] Я, сударь, на бульвар пойду. / Я, [вас,] сударь, на бульвар[е подожду.] пойду[6]. *(ЧА$_2$)*

[34—35] Не узнал ведь! ~ Катерина не утерпит, выскочит. / [Он меня] Не узнал ведь! Пущай теперь подумает. А ужотка я знаю, что Катерина не утерпит, выскочит к нему.[7] *(ЧА$_2$)*

С. 234

[5] Нет никого. Что ж это она там! / [Никак я рано? Да и то рано. Ну что ж! посидим...] Нет никого. Что ж это она там![8] *(ЧА$_2$)*

[22] *Перед:* Ишь ты! — [Этот зачем?]

[29—34] мне бы нужно здесь остаться ~ Я вас люблю / мне [здесь] нужно [быть] здесь[9] остаться, [я никуда больше не пойду; я здесь останусь]

---

[1] *Слова:* и что — *вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* замками разврату темного да — *вписаны над строкой.*

[3] *Исправлено из первоначального:* пьянство

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* волком воют — *вписаны над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слова:* ведь! Пущай ~ к нему. — *вписаны между строк.*

[8] *Вариант вписан над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

а тебе ведь, я думаю, все равно, ты [шел бы куда] можешь идти и[1] в другое место.

К у д р я ш. Нет, Борис Григорьич, вы, я вижу, здесь еще[2] в первый раз, а [тут] у меня уж тут[3] место насиженное и дорожка-то мной протоптана. Я [сударь] [вот что сударь[4]] вас люблю

С. 235

4—14 У нас так не водится ~ ты не разболтаешь? / [А токо] У нас так не водится, а то парни ноги [по]переломают[5]. Я за свою [горло перерву]... да я и не знаю, что сделаю! Я горло перерву!

Б о р и с. Напрасно ты сердишься; у меня и на уме-то нет [того, что ты говоришь] отбивать у тебя[6]. Я бы и не[7] пришел сюда, [потому что] кабы мне не[8] велели.

К у д р я ш. Кто ж велел?

Б о р и с. Я не разобрал, темно было. Девушка какая-то [меня] остановила меня[9] на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришел, сзади сада Кабановых, где тропинка.

К у д р я ш. Кто ж бы это такая?

Б о р и с. Послушай, Кудряш. [Можно с тобой говорить? Мне давно нужно поговорить с кем-нибудь об одном деле, да боюсь, чтоб как не разболтали] Я с тобой буду говорить откровенно. Можно с тобой говорить, ты не разболтаешь?[10] *(ЧА$_2$)*

21 *После:* Девки гуляют себе — [по ночам] *(ЧА$_2$)*

28 *Слов:* уж я коли полюбил... — *нет. (ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

29—30 загубить хотите, Борис Григорьич / загубить хотите *(ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

31—32 Нет, Кудряш, как можно. Захочу ли я её погубить! / Нет, [я не погублю ее] Кудряш, как можно. Захочу ли я ее погубить![11] *(ЧА$_2$)*

С. 236

5 *После:* Какая у ней на лице улыбка ангельская — а слезы так и бегут по лицу. А глаза так и блестят! Плачет. Горе ли у нее, радость ли и не разберешь; и плачет, и улыбается *(ЧА$_2$)*; а глаза так и блестят! Горе ли у нее, радость ли и не разберешь; и плачет, и улыбается *(ТПК$_2$)*

15 *Перед:* Нет, ты шутишь! — [*(хватает себя <за голову>)*] *(ЧА$_2$)*

---

[1] *Слова:* можешь идти и — *вписаны над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слова:* уж тут — *вписаны над строкой.*

[4] *Вариант вписан над строкой и зачёркнут в ходе дальнейшей работы.*

[5] *Слова:* а то парни ноги [по]переломают — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* отбивать у тебя — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* бы и не — *вписаны над строкой.*

[8] *Слова:* кабы мне не — *вписаны над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слова:* Я с тобой ~ не разболтаешь? — *вписаны над строкой.*

[11] *Слова:* Кудряш ~ погубить! — *вписаны над строкой.*

[17] Я с ума сойду от радости. / Я [помешаюсь!] с ума сойду от радости[1]. *(ЧА$_2$)*

[18] Есть от чего с ума сходить! / Есть [с чего мешаться] от чего с ума сходить[2]! *(ЧА$_2$)*

С. 237

[1—8] Точно я сон какой вижу! ~ *потупив глаза в землю. Молчание.* / Я глазам не верю! Точно я сон какой вижу! Эта ночь, песни, свиданья! Ходят обнявшись. Это так ново для меня! И меня ждет что-то... что-то такое, что я ни представить, ни вообразить не могу. Только бьется сердце и дрожит каждая жила. Не могу даже и придумать, что сказать-то ей. Дух захватывает, подгибаются колени! Вот она! *(ТПК$_2$)*

С. 239

[14—15] А это вы важную ~ оченно способно. / А это вы важную штуку [за]придумали, в садовую калитку [ходить] лазить[3]. [Оченно] Оно[4] для нашего брата оченно[5] способно. *(ЧА$_2$)*

[29] Варвара *(зевая).* Как бы это узнать / Варвара *([слегка] зевая).* Как бы это узнать *(ЧА$_2$)*

[33] *После:* Пора. Покричи-ка. — [*(Кудряш свищет.)*] *(ЧА$_2$)*

С. 240

[18] *Подходят к калитке.* / [*Идут*] *Подходят к калитке.* [*Борис смотрит на них.*] *(ЧА$_2$)*

С. 241

[2] *На первом плане узкая галерея со сводами / На первом плане* [*арка во всю*] *узкая галерея со сводами*[6] *(ЧА$_2$)*

[5] *Несколько гуляющих обоего пола проходят за арками. / Несколько* [*граждан*] *гуляющих*[7] *обоего пола (проходят за арками).* [*Потом Дикой и Кулигин.*] *(ЧА$_2$)*

С. 242

[12] Какая польза! / Кака польза! *(ЧА$_2$)*

С. 243

[24—25] *Перед:* Слышал, что шесты, аспид ты этакой — [Ну а еще что] *(ЧА$_2$)*

[27] *После:* А? Ну, говори! — [Езуит] *(ЧА$_2$)*

С. 244

[3—4] Этакой фальшивый мужичонко! / [*(Кулигин, махнув рукой, уходит.)* Самый] Этакой[8] фальшивый мужичонко! *(ЧА$_2$)*

---

[1] *Слова:* с ума сойду от радости — *вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* мешаться] от чего с ума сходнть — *вписаны над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слова: узкая галерея со сводами — вписаны над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[12] *Под своды быстро входит* В а р в а р а *и, притаившись, высматривает. / [Вбегает] Под своды быстро входит*[1] В а р в а р а [*прячется за*] *и, притаившись, высматривает*[2]. *(ЧА$_2$)*

[16] *Перед:* Б о р и с *проходит в глубине сцены. — [Входит] (ЧА$_2$)*

[21] *Перед:* Что нам с Катериной-то делать? — [Борис] *(ЧА$_2$)*

[23—24] Муж приехал, ты знаешь ли это? / Муж приехал, ты [ведь] знаешь, [ну про] ли это[3]? *(ЧА$_2$)*

[28] Уж теперь и не увидишь её! / [Как скоро прошли...] Уж теперь и не увидишь ее![4] *(ЧА$_2$)*

[33] Да, может быть, пройдёт это у неё! / Да, может [одумается] быть, пройдет это у нее[5]! *(ЧА$_2$)*

С. 245

[16—20] Пройди и ты ~ не подумали чего. / [*(Издали удары грома.)* Никак гроза? Да и дождик, и народ снова идет. Станем по разным углам, а то, пожалуй, подумают что] Пройди и ты, коли хочешь. Да нет, лучше не ходи, а то она, пожалуй, и вовсе растеряется.[6] *(Вдали удар грома.)* Никак гроза? *(Выглядывает.)* Да и дождик. А вот[7] и народ [сюда идет. Станем по разным углам, а то, пожалуй, подумают что.] повалил[8]. Спрячься там где-нибудь, а я тут на виду стану, чтоб не подумали чего.[9] *(ЧА$_2$)*

[29] К а т е р и н а *(вбегая).* / [*Входят* К а б а н о в ы.]

К а т е р и н а *([ухватив Варв<ару> за руки] вбегая*[10]*). (ЧА$_2$)*

С. 246

[3] Да какие ж, маменька, у неё грехи такие / Да какие ж, маменька,[11] у нее грехи такие [маменька] *(ЧА$_2$)*

[17] Что ты испугалась! / Что ты, что ты![12] Чего ты испугалась! *(ЧА$_2$)*

[20—26] Чего ему ещё надо от меня?.. ~ Ну чего вы боитесь, скажите на милость! / [Он то еще зачем[13]] Чего ему еще надо от меня?..[14] или ему мало [что он погубил меня совсем. *(Рыдает.)* Я умру, если он не уйдет. *(Варвара делает знак Борису, тот скрывается.)*

---

[1] *Слова: Под своды быстро входит — вписаны над строкой.*

[2] *Слова: и, притаившись, высматривает — вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* ли это *— вписаны над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Слова:* быть, пройдет это у нее *— вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* Пройди и ты ~ растеряется. *— вписаны на полях л. 28 со знаком вставки.*

[7] *Слова:* А вот *— вписаны над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Фраза вписана над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[12] *Фраза вписана над строкой.*

[13] *Фраза вписана на полях л. 28 об. со знаком вставки и зачёркнута в ходе дальнейшей работы.*

[14] *Фраза вписана над строкой.*

Кулигин. Каждый цветок теперь, каждая травка радуются такой благодати; а мы-то прячемся, боимся,[1] точно напасти[2] какой! Разве это зло? Кабы гроза была зло, вся природа не радовалась бы.] этого, что я так мучаюсь[3]. *(Приклоняясь к Варваре, рыдает.)*[4]

Варвара *(громко, чтобы мать слышала)*. Мы с ног сбились, не знаем, что делать с ней[5]; а тут еще посторонние лезут! *(Делает Борису знак глазами, тот* [*уходит*] *отходит*[6]*.)*

Кулигин *(выходит на середину). (ЧА$_2$)*

[31] *После:* не отвёл бы глаз! Красота! — [обновка на старом небе] *(ЧА$_2$)*

[34–37] Эх, народ! Я вот не боюсь. ~ *Уходят.* / Дрожите! Боитесь! Кулигину [весело] не страшно! Пойдемте, сударь![7] *(Сняв шапку, уходит с Борисом.)*[8] *(ЧА$_2$)*; Дрожите, боитесь… Кулигину не страшно… Пойдемте, сударь! *(Сняв шапку, уходит с Борисом.) (ТПК$_2$)*

С. 247

[10–13] Уж ты помяни моё слово ~ какой цвет необнакновенный! / Вот ты помяни мое слово, что[9] [Уж] эта гроза даром не пройдет. [Вот посмотри! Я это верно] Верно тебе говорю: потому[10], знаю. Либо уж[11] убьет кого-нибудь, либо дом сгорит; вот увидишь[12]: потому [видишь] смотри[13], какой цвет необнакновенный. *(ЧА$_2$)*

[14] *Перед:* Что они говорят? — [Меня убьет] *(ЧА$_2$)*

[20] Катерина *(мужу)*. Тиша, я знаю, кого убьёт. /

Катерина *([смотрит на мужа. Варваре*[14]*.] мужу)*. [Нет] Тиша[15], я знаю, [кого] [меня[16]] кого убьет. [Двоих убьет.] *(ЧА$_2$)*

[24] *Катерина с криком прячется. / Катерина прячется. (ЧА$_2$)*

[32] *Перед:* Вертопрахи на поединки выходят — [Старики благочестивые на красоту-то соблазняются. Красоту-то с собой не возьмешь.] *(ЧА$_2$)*

С. 248

[3] Все в огне гореть будете в неугасимом! *(Уходит.)* / Все в огне гореть будете в неугасимом! *(ЧА$_2$)*

---

[1] *Далее:* [плачем]

[2] *Слова:* точно напасти — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* этого, что я так мучаюсь — *вписаны над строкой.*

[4] *Ремарка вписана на полях л. 28 об. со знаком вставки.*

[5] *Слова:* с ней — *вписаны над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Фраза вписана над строкой.*

[8] *Текст:* Дрожите! ~ *уходит с Борисом.)* — *вписан на полях л. 29 со знаком вставки.*

[9] *Слова:* Вот ты помяни мое слово, что — *вписаны над строкой.*

[10] *Слова:* Верно тебе говорю: потому — *вписаны над строкой.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[12] *Слова:* вот увидишь — *вписаны над строкой.*

[13] *Слово вписано над строкой.*

[14] *Слово вписано над строкой.*

[15] *Слово вписано над строкой.*

[16] *Слово вписано над строкой.*

[22] *Перед:* С Борисом Григорьевичем. — *(с отчаянием) (ЧА$_2$)*

С. 250

[3] *После:* А его, подлеца, в Тяхту — [в Сибирь] *(ЧА$_2$)*

[7] *Фразы:* Точно дикий какой сделался. — *нет. (ЧА$_2$, ТПК$_2$)*

[36] Нет, батюшка; ушла куда-то / [Ушла] Нет[1], батюшка; ушла[2] куда-то *(ЧА$_2$)*

С. 251

[5] Недавнушко, батюшка! / [Сейчас] Недавнушко[3], батюшка! *(ЧА$_2$)*

[22] Так страшно в потёмках! / [В могиле] Так страшно в потемках! *(ЧА$_2$)*

С. 253

[24] Ну, что же ты сказать-то хотела? / Ну, что [тебе нужно] же ты сказать-то хотела[4]? *(ЧА$_2$)*

[28—31] Ах, кабы знали эти люди ~ кабы сила! / [Изверги, разлучители] Ах[5], кабы знали [они] эти люди[6], каково мне прощаться с тобой! В каком положеньи я тебя оставляю. Боже мой![7] Дай Бог, чтоб им когда-нибудь так же сладко было, как мне теперь. Прощай, Катя! *(Обнимает ее и хочет уйти.) (ЧА$_2$)*; Ах, кабы знали эти люди, каково мне прощаться с тобой! В каком положении я тебя оставляю! Боже мой! Дай Бог, чтоб им когда-нибудь так же сладко было, как мне теперь. Прощай, Катя! *(Обнимает ее и хочет уйти.)* Злодеи вы! Изверги![8] Эх, кабы сила! *(ТПК$_2$)*

С. 254

[4—6] *(рыдая).* Ну, бог с тобой! ~ Прощай! *(Кланяется.)* / [Ну, Бог с тобой! Терпи, Катя! Коли живы будем, так увидимся. Я уж решился терпеть и буду терпеть! Стерпится — слюбится. Потерпи и ты. Коли кто отсюда поедет, присылай поклон. Написал бы я тебе письмо оттуда, да не дойдет к тебе. Ну, прощай] Ну, Бог с тобой! *(Рыдая.)* Будь эта женщина в другом месте и в другой обстановке, ей бы цены не знали! А теперь только[9] одного и надо у Бога просить[10], чтоб она умерла поскорее, чтобы ей не мучиться долго! Прощай![11] *(Кланяется.) (ЧА$_2$)*; Ну, Бог с тобой! Будь эта женщина в другом месте и в другой об-

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова:* же ты сказать-то хотела — *вписаны над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слова:* эти люди — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* В каком ~ Боже мой! — *вписаны над строкой.*

[8] *Слова:* Злодеи вы! Изверги! — *вписаны над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слова:* и надо у Бога просить — *вписаны над строкой.*

[11] *Текст:* Ну, Бог с тобой! *(Рыдая.)* ~ Прощай! — *вписан на полях л. 32 об. со знаком вставки.*

становке, ей бы цены не знали! А теперь[1] только одного надо у Бога молить, чтоб она умерла поскорее, чтобы ей не мучиться долго! Прощай! *(Кланяется.) (ТПК$_2$)*

17—19 Мне как будто легче! ~ не надо… нехорошо! / [Как] Мне [легко стало] как будто легче[2]! А об жизни и думать не хочется. [Нехорошо] Опять[3] жить? Нет, нет, [не <*нрзб.*>] не надо… нехорошо![4] *(ЧА$_2$)*

С. 255

7 *С разных сторон собирается / С разных сторон* [*подходят*] *собирается*[5] *(ЧА$_2$)*

С. 256

10—11 ушиблась, бедная! ~ маленькая ранка / расшиблась [вся]! А точно, робяты, как живая! Только на виске маленькая такая ранка[6] *(ЧА$_2$)*

27—30 Спасибо вам, люди ~ *(Падает на труп жены.)* / Спасибо вам, люди добрые, [что вы меня <*нрзб.*>] за вашу услугу[7]! *(Все кланяются.)*

Кабанов [*(падая на труп жены).* А мне, бедному, еще жить, еще мучиться!] Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! *(Падает на труп жены.)*[8] *(ЧА$_2$)*

---

[1] *Текст:* Будь эта женщина ~ А теперь — *вычеркнут красным карандашом.*

[2] *Слова:* как будто легче — *вписаны над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Текст:* А точно, робяты, как живая! Только на виске маленькая такая ранка — *вписан на полях л. 34 со знаком вставки.*

[7] *Слова:* за вашу услугу! — *вписаны над строкой.*

[8] *Реплика вписана над строкой.*

СТАРЫЙ ДРУГ ЛУЧШЕ НОВЫХ ДВУХ

Черновой набросок

[Крупицын]
куп<ец> Густомесов,
Крутолобов,
Куропаткин.
[Сц<ена> 1-я. Олинька 1. и мать. 2. и Гущина. 3. Гущ<ина> и мать. 4. Олинька и Старик.
Сц<ена> 2-я. Нет. и Гущ<ина>, пот<ом> сын, пот<ом> Нет. 2. Гущ<ина> и Нет. — Старик. Чиновн<ик>.
Сц<ена> 3-я]

Действие 1-е

Яв<ление> 1-е. Куропатк<ина>. 2. Кур<опаткина> и Гущ<ина>. 3. Кур<опаткина>, Гущ<ина> и сын. 4. Кур<опаткина> и сын. 5. Куропат<кина>, сын и [отец] просит<ель>. 6. Те же и отец.

Дейст<вие> 2

1. Олинька. 2. Олинька и Т<атьяна> Ник<оновна>. 3. Те же и Гущина. 4. Олинька и Т<атьяна> Ник<оновна>. 5. Олин<ька>, Т<атьяна> Ник<оновна> и Куропат<кин>.

Действ<ие> 3

1. От<ец> [2. Мать] и сын. 2. От<ец> од<ин>. 3. От<ец> и [Куропат<кин>] Гвоздарёв. 4. От<ец>, мать и сын. 5. Те же и просит<ель>.[1] 6. От<ец>, м<ать>. 7. От<ец>, м<ать> и Гущина.

Дейст<вие> 4-е

[1. Олинька одна. 2. Олин<ька> и Гущина. 3. Те же и мать. 4. Ол<инька> и мать.] 1. Мать. 2. М<ать> и Олинька. 3. Те же и Куропат<кин> и прос<итель>. 4-е. Ол<инька> и мать. 5. Те же и Гущ<ина>. 6. Олин<ька> и мать. 7. Ол<инька>, мат<ь>, Кур<опаткин> и прос<итель>.

Конец.

[1] *Слова:* Те же и просит<ель>. — *вписаны сверху.*

СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ

Варианты чернового автографа (ЧА), авторизованной писарской копии (АПК)

С. 301

[1] **СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ!** / СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ *(ЧА, АПК)*

С. 302

[7] ПАВЛИН ИВАНЫЧ / *1)* Павлин Павлиныч; *2)* ◊ *(ЧА)*

[20—21] пусть на воздухе бегает, чем в комнате-то сидеть; да ещё и польза может произойти / *1)* на воздухе быть, чем в комнате; *2)* пусть на воздухе бегает, чем в комнате-то сидеть; *3)* ◊ *(ЧА)*

[22—23] А уж сколько у него к этому делу старания! / *1)* А уж сколько у него стараний к этому делу! *2)* А уж сколько у него к этому делу старания! Сколько старания! *(АПК)*

[23] это видеть / *1)* видеть такое стар<ание> <?>; *2)* ◊ *(ЧА)*[1]

[27] *После:* невест-то и подавно. — [Сколько раз случалось: бывало, пойдем грибы собирать: один много наберет, а другой ничего. Так-то и во всем] *(ЧА)*

[28] облому / *1)* медведю; *2)* ◊ *(ЧА)*

С. 303

[10] Я догоню солдата-то да назад ему отдам. / *1)* Я догоню почтальона, да назад отдам; *2)* ◊ *(ЧА)*

[13] Должно быть, солдат-то по ошибке занёс / *1)* Должно быть, по ошибке занес; *2)* ◊ *(ЧА)*

[27] *кладёт письмо в стол* / *1) кладёт письмо на стол*; *2)* ◊ *(ЧА)*

[29—30] *После:* хошь и войдёт кто. *(Уходит и возвращается.) — 1) Входит Бальзаминов*[2]; *2)* хоть и войдет кто *(уходит и возвращается)*. Там идет кто-то по двору-то.

Бальзаминова. Кто ж такой?

Матрена. Кто его знает. Черный, долговязый такой *(уходит)*; *3)* ◊ *(ЧА)*

С. 304

[30—36] вот оно ~ Вот отчего-с. / *1)* вот как-с, от женского капризу; *2)* ◊ *(ЧА)*

[37] *на тарелке* / *1) на подносе*; *2)* ◊

С. 305

[5—7] *(Пьёт и отдаёт стакан Матрёне.) Матрёна уходит. Устрашимов подходит к Бальзаминовой. / Пьет и подходит к Бальзаминовой. (ЧА)*

---

[1] *Варианты вписаны над строкой. В первом слое ЧА текста нет.*

[2] *Далее следует текст, который в печатном издании относится к началу 4-го явления.*

С. 306

[4] *Перед:* Так, раздумал, маменька. — *ремарки: (садится)* — *нет. (АПК)*

[5] *После:* примета самая верная. — [Лучше воротись, а то ничего не будет] *(ЧА)*

[12] приметы — бабья болтовня, вздор / *1)* приметы — вздор; *2)* ◊ *(ЧА)*

[17—18] у нас всё от случая / *1)* у меня всё от случая; *2)* ◊ *(ЧА)*

[18—19] всё от счастья ~ и счастлив / *1)* понравился я, ну, могу быть богат и счастлив, даже миллионщиком могу быть; *2)* ◊ *(ЧА)*

[20] это, маменька, с одной стороны / *1)* вот что, маменька, в нашем деле; *2)* ◊ *(ЧА)*

[21—22] голь, ну голь, как есть во всей форме / *1)* ничего не имеющий; *2)* ◊ *(ЧА)*

[35] Эй, четверню закладывать в карету! /

1) Велите закладывать в коляску! *(ЧА)*

2) Эй, четверню закладывать в коляску! *(ЧА, АПК)*

С. 307

[34] *(остолбеневши, смотрит на Красавину).* Ах! / Ах! *(остолбеневши, смотрит на Красавину) (АПК)*

С. 308

[19] Да и есть от чего / *1)* Известно, от радости; *2)* ◊ *(ЧА)*

[21—22] Да постой ты! Я в себя не приду, а ты ещё подбавляешь / *1)* Я успокоиться не могу; *2)* ◊

С. 309

[1] Пишет это так учтиво / *1)* Пишет это так благородно; *2)* ◊ *(ЧА)*

С. 310

[10] теперь нужно делать-то / *1)* тотчас нужно действовать; *2)* ◊ *(ЧА)*

[19] а негде взять, так плохо дело! / *1)* брат, плох же ты! *2)* ◊ *(ЧА)*

С. 312

[1—3] Это, маменька, нужды ~ на богатой. / *1)* Да, вот смерть-то моя. *(С отчаянием садится на стул.)* Да что ты будешь делать! *2)* ◊ *(ЧА)*

С. 315

[6] *вдова, 30-ти лет / 1) вдова, 22 лет; 2)* ◊ *(ЧА)*

[7] АННА ПРОКЛОВНА ПИОНОВА / *1)* Анна Гавриловна; *2)* ◊ *(ЧА)*

[30—33] Она хоть и прикидывается ~ не гадала. / *1)* Она хоть и прикидывается, что ей ничего, и другие антриги понемножку заводит; а сама с утра до ночи карт из рук не выпускает, всё на трефового короля гадает; *2)* ◊ *(ЧА)*

С. 316

[13—14] прежде с вами этого не было / *1)* А давно за вами замечено; *2)* ◊ *(ЧА)*

С. 317

[21] *Слова:* шалости — *нет. (ЧА)*

С. 318

[3] *Маша уходит. Антрыгина поправляется перед зеркалом, потом смотрит в окно.* / *1) Маша уходит*; *2)* ◊ *(ЧА)*

[4—8] Ах, противный! ~ не покорюсь. / *1)* Уж не очень ли я его? Да стоит. *(Несколько времени стоит, задумавшись).* А если подумать-то хорошенько, так не стоит он того, чтобы и жалеть-то о нем! *2)* ◊

С. 319

[9] Да и то подаётся. / *1)* Да и то от молотка подается; *2)* ◊

[29] Но только не против тебя. Он такой душка / *1)* Но не против тебя. Он ангел; *2)* ◊ *(ЧА)*

С. 321—322

[36—1] и государство-то держится, без нас никакое государство стоять не может / *1)* свет-то и держится; *2)* ◊ *(ЧА)*

С. 323

[9] Слышишь, Анета? / *1)* Слышишь, Анфиса? *2)* ◊ *(ЧА)*

[16—18] Я больше всё чувствительными ~ теперь и таких / *1)* Я больше всё чувствительные знаю-с, которые любовь выражают. А то много стихов и таких; *2)* ◊

С. 324

[8] Только что / Только жаль, что *(ЧА)*

[13] Как я вам завидую. / *1) (тихо Антрыгиной).* Ну вот и спроси про середу! *2)* ◊ *(ЧА)*

[16] Ну вот и спроси про вторник. / *1)* Ну вот и спроси про середу; *2)* ◊[1] *(ЧА)*

С. 324—325

[38—4] у вас теперь ссора вышла. ~ Вам это нравится? /

1) теперь вы в ссоре с ним-с. И я этому очень рад-с. Вы это очень хорошо сделали, что с ним поссорились.

Пионова. Вы думаете?

2) у вас ссора вышла.

Антрыгина. Ну, коли уж вы знаете, так я от вас скрывать не стану. Я точно была с ним знакома, [только] а теперь у нас с ним неприятности.

Бальзаминов. Это очень хорошо-с.

Пионова. В самом деле? Вам это нравится?

3) ◊ *(ЧА)*

С. 326

[6] я ни в чём не виноват / я нисколько не виноват *(АПК)*

С. 327

[33] *целует в щёку* / *целует (АПК)*

[33] *Перед:* Ура! —[Мир!] *(ЧА)*

[1] *Варианты вписаны над строкой. В первом слое ЧА текст отсутствует.*

С. 302

[8] *Слова:* *и рябоват* — *вычеркнуты.*

[15—16] *Фраза:* Придёт всегда ~ вздыхает. — *вычеркнута.*

[17] *Слова:* а пожалуй что и в Лефортово! — *вычеркнуты.*

[18—27] *Текст:* Ну, да это ничего ~ и подавно. — *вычеркнут.*

С. 303

[32] *Слова:* Чёрный, долговязый — *вычеркнуты.*

С. 305

[25] *Слова:* Как же! — *вычеркнуты.*

[26—27] *Фраза:* Чтой-то на нём ~ и колец, и всего! — *вычеркнута.*

[32] *Слова:* Волка бояться ~ не высидишь! — *вычеркнуты.*

С. 306

[31—35] *Текст:* Мечты ведь это ~ в карету!» — *вычеркнут.*

С. 308

[35—37] *Слова:* Не скажу чтобы красавица ~ зверь бежит. — *вычеркнуты.*

С. 309

[1—2] *Фраза:* Другой ведь ~ так ничего. — *вычеркнута.*

С. 310

[10—13] *Слова:* и другого, пожалуй ~ толкуй тут что хочешь. — *вычеркнуты.*

С. 319

[25] *Фраза:* Давно ли это? — *вычеркнута.*

С. 321

[27—28] *Текст:* Ты ещё понимаешь ли ~ Понимаешь ли ты это? — *вычеркнут.*

[28] Понимаешь ли ты это? / Понимаешь ли ты?

С. 325

[11] *Фраза:* Кабы мне теперь средства-с… — *вычеркнута.*

Варианты журнала «Библиотека для чтения» (БдЧ), издания «Сочинения» 1867 г. (Соч.)

С. 303

[5—6] Говорит: городская почта. / Говорят, городская почта. *(Соч.)*

С. 322

[32] черезо всю Москву / чрез всю Москву *(БдЧ)*

ЗА ЧЕМ ПОЙДЁШЬ, ТО И НАЙДЁШЬ (ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА)

Варианты чернового автографа

С. 332

[7] *Перед:* ЛУКЬЯН ЛУКЬЯНЫЧ ЧЕБАКОВ — [Чепчугов, Капитан]

[20] А я соследила / А я его соследила

[22] Тут близёхонько. / Тут [неподалеку] близехонько.

[33] *возвращается* / [*входит*]

С. 333

[10] *После:* Две сестры — [одна девушка, другая вдова]

[20] *Перед:* Говорят: за чем пойдёшь, то и найдёшь! — [Вот]

[32] *После:* На самом интересном месте — [меня разбудила Матрена. И очень нужно ей было там чашки убирать]

С. 334

[8—9] *После:* Да ведь, пожалуй — [этот сон]

[25] *После:* кличку какую-нибудь. — [У ворот сидят кучера]

[27] *После:* а собаки-то, маменька, как львы. — [Ведь по другой стороне ходишь, кажется, какое им дело]

[32] *После:* Как можно? — [Разве есть в нашей стороне какие-нибудь человеческие чувства! Разве понимают деликатное обращение!]

[32] *После:* Что вы, маменька! — [Кабы не было, я бы не говорил]

[33—34] *После:* а там хоть человека до смерти загрызи, ему всё равно. — Бальзаминова. / *1)* [А с тобой] [А разве было так? Бальзаминов. Раза три было]; *2)* ◊

С. 335

[1] *После:* и вдруг видят тебя из окна, что ты летишь — [сломя голову]

[30] *Перед:* в нашем деле без счастья — *начато*: [что]

С. 337

[18—19] *После:* А сынка твоего мы — [устроим]

С. 338

[7] *После:* И даже так, я тебе скажу — / *1)* стала тяжесть чувствоваться; *2)* ◊

[33] *После:* какие оказии бывают, ты знаешь ли? — / *1)* В Петербурге что-то строили, так считали, считали, цифирю не хватило; *2)* ◊

С. 339

[23] *После:* Она-то пользу сделает? — [Что вы ей, маменька, верите?]

[30] *После:* она и должна сватать, а не обманывать. — [Захочу я жениться]

С. 340

[11] *После:* А то вот тебе ещё другая пословица: — [И рад бы в рай, да грехи не пускают.]

С. 341

[20] *После:* Где ж тебе с ней спорить? — [Известное дело, правду говорит.]

[31—34] Что ты ко мне пристаёшь! ~ погоди ещё у меня! / *1)* [Ну, будет! Я больше тебя] слушать не хочу; *2)* ◊

С. 343

[18—23] Так вот что, Бальзаминов ~ проведут к барышням. / *1)* Так [послушайте]; *2)* ◊

[26] *Перед:* Вы влюблены или нет? — [Ведь]

[28—29] *После:* И кстати письмо отдадите. — [Ну так вы]

С. 344

[6] Нет, господин Бальзаминов / Послушайте

[9] у них поровну капитал от отца / у них поровну капитал от матери

[19—21] Не то что видеться ~ в поминанье запишу. / *1)* [Ни видеться, ни переписываться нельзя. Если мне этот дурак всё аккуратно сделает]; *2)* ◊

С. 345

[3] Как вы, Бальзаминов, шуток не понимаете! / [Послушайте], как вы шуток не понимаете.

[11] Матрёна *(за дверью)* / Матрена *(за кулисами)*

[15] *После:* ДОМНА ЕВСТИГНЕВНА БЕЛОТЕЛОВА — / *1) вдова лет под 40*; *2)* ◊

[19] *После: в огромной величины кринолинах. — Выражение лица у обеих сестер кисловатое.*

[20] *После:* ХИМКА — Афимья[1].

[25] *две ступеньки и дверь в беседку / видны две ступеньки и дверь в беседку*

[34] красавица моя / матушка

С. 346

[10] я для тебя всей душой / [я-то для тебя постараюсь, да уж и ты меня не обидь]

[21—22] таких чудес ~ не разговаривали. / таких чудес натворила, [такую бы славу пустила]

[36] Да скорей бы! / Да поскорей бы!

С. 348

[22] следовают / следуют

[32] Вот мы, Анфиса, заживём-то! / *1)* Вот мы, Анфиса, загуляем-то! *2)* ◊

С. 349

[10] Вот я посмотрю, как ты убежишь / Вот я посмотрю, как ты сделаешь

[1] *Имя вписано внизу со знаком вставки на л. 7.*

[17] А н ф и с а. Кто пришёл? / А н ф и с а. [Башмачник][1]

С. 350

[28—29] *После:* Для вас я бросил свет ~ и живу — / *1)* в этой дурацкой стороне более года! Кажется, этого довольно. Более я ждать не могу; *2)* ◊

С. 351

[16—17] ходить по пятнадцати раз / ходить по пяти раз

С. 352

[9—10] показали, как в любви объясняться / поучили, как в любви объясняться

С. 353

[20] *Перед:* Могу я сколько-нибудь надежду иметь-с или нет-с? — [Значит, я]

[21] Я ещё ничего не слыхала от вас. / Я вам этого не говорила.

С. 354

[2] *После:* написать вам даже нынче. — / *1)* И можно будет надеяться от вас ответ получить; *2)* ◊

[15—16] *После:* Через двор теперь нельзя. — [Разве через забор]

С. 355

[7] Чтоб тебе пусто было! / Чтоб ему пусто было!

[27—28] *После:* Ты скажи, как тебя счесть? За вора? — [Так надо тебя совсем засудить]

С. 358

[21] *Перед: Комната у Бальзаминовых та же, что и в первой картине.* — [*Декорация первого действия.*]

[23] Б а л ь з а м и н о в а *(одна)* / Б а л ь з а м и н о в а *(выходит из комнаты)*

С. 361

[2] и у той был / я у той был

[3—4] *После:* как выходил оттуда; а — [ещё]

С. 362

[25—26] *Перед:* я думал об доме — [мне]

[34] *Перед:* Иной раз и о пустяках думаешь — [Голова ж у тебя небольшая]

С. 363

[1] *Перед:* Само думается — [Я и не хочу думать, да]

[28] И в зале / И в комнате

С. 365

[3] *После:* Послушайте, Бальзаминов, — [какой же вы]

[32] *После:* Вам хочется знать? — [Уж это мое дело]

С. 366

[25] *Перед:* Ну уж, маменька, что будет — [Я, маменька, вот как рассуждаю: я сначала с этой пере<говорю>]

---

[1] *В последнем слое автографа — окончательный вариант.*

С. 368

[2] незанимательная женщина / незанятная женщина

[4] *После:* И без ворожбы как-нибудь век-то проживу. — [*(Бальзаминова входит, Матрена выходит)*]

[24] Как будто мне и неловко / Как будто мне и обидно

[29—30] хотел показать Раисе-то, что я в неё влюблён / хотел показать, что я влюблен

[36] *После:* А Раиса, маменька, — [подобравши свой кринолин]

С. 369

[24] *После:* и согласится бежать со мной, — [мне все представлялось, что]

[28] так мне и представляется / так мне и представлялось

[30] *После:* Жаль мне тебя, Миша! — [Ничего-то ты в жизни не сделаешь]

С. 370

[17] быстрыми реками / долгими реками

С. 371

[11] Ожил! Ожил! / Ой-ой-ой. Ожил!

[31] *После:* Миша, не обижайся! — [Оно так по пословице и выходит]

С. 372

[6] *После: Сваха становится в позу. — Конец.*

Варианты авторизованной театральной писарской копии

С. 335

[20] вздор какой говоришь / вздор какой городишь

[33] А всё-таки я, маменька, не унываю. Этот сон… / Впрочем, я не унываю. Этот сон, маменька, не даром

С. 338

[26] всем вам / всем так

С. 345

[34] красавица моя / красавица ты моя

С. 355

[21—22] показано по заборам / показано лазить по заборам

С. 357

[28] Пойдёмте / Пойдемте все

С. 361

[3] я фамилию на воротах прочёл / я на воротах прочел, что она Белотелова

ГРЕХ ДА БЕДА НА КОГО НЕ ЖИВЁТ

Первоначальный список действующих лиц 1-й сцены I действия (ЧА)

Лица

Валентин Павлович Бабаев, *помещик, молодой человек.*
[Прокофий] Карп, *человек Бабаева.*
Шишгалев, *приказный.*
Зайчиха (Прокофьевна), *хозяйка квартиры, занимаемой Бабаевым, мещанка.*
Лукерья Даниловна Жмигулина, *девица пожилых лет, дочь мелкого чиновника.*

Действие происходит в уездном городе Калинове.

Первоначальный список действующих лиц 1-й сцены II действия (ЧА)

Лица

Лёв Родионыч Краснов, *лавочник, лет тридцати.*
Татьяна Даниловна, *жена его.*
Лукерья Даниловна, *сестра.*
Архип, *дядя Краснова.*
Афоня, *брат К<раснова>.*
Мануйло Калиныч Курицын.
Ульяна Родионовна, *жена его, сестра Краснова* [*замужем за Курицыным*].
Бабаев.

Черновая редакция 1-го явления III действия (ЧА)

Краснова (на кровати), Жмигулина (входит).

[Краснова. Вы <*4 нрзб.*>]

Жмигулина. Таня, спишь ты?

Краснова. Нет.

Жмигулина. [Таня, а Таня! Вставай] Ну так вставай![1] Что [ты] валяешься целый день! Все утро лежала и теперь лежишь.

Краснова. Зачем вставать-то! Что делать-то!

Жмигулина. [Спать не спишь] Уж диви бы спала, а то лежишь да[2] плачешь, только[3] сердце надрываешь[4]. Лучше встань, да потолкуем!

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слова:* Уж диви бы спала, а то лежишь да — *вписаны над строкой.*

[3] *Далее над строкой:* [целый день]

[4] *Слова:* только сердце надрываешь — *вписаны над строкой.*

К р а с н о в а *(встает [и садится])*. Ишь ты день-то сегодня какой невеселый, пасмурный![1] *(Садится.)* Бесталанная моя головушка! [Я ведь] Что только я над собой сделала! Зачем я замуж пошла![2] Утопила я себя, просто утопила.

Ж м и г у л и н а. Кто ж его знал! Женихом-то он был тише воды, ниже травы; а теперь точно что нашло на него. Я ведь вчера думала, [что] он шутит, что[3] на полчаса[-то нас отпускает] нам сроку-то дал[4].

К р а с н о в а. Да и я тоже думала. Кабы ты посмотрела, как он накинулся, какой страшный сделался. А нынче все утро косился, ушел не простившись; вот и обедать не приходил.[5]

Ж м и г у л и н а. Что же он тебе говорил, как вы вчера[6] одни-то остались?

К р а с н о в а. Уж он и[7] ругал ругательски, [потом притих и сам заплакал] и в чувство-то ударялся, и сам плака[л]ть принимался; чего-чего не делал[8]! За всю мою любовь к тебе, говорит, [я] одного я[9] прошу, успокой ты меня, потому что я ревнив.

Ж м и г у л и н а. Вот еще наказание-то!

К р а с н о в а. Ни к кому, говорит, я тебя не ревную, только к одному этому барину.

Ж м и г у л и н а. Еще бы он ко всякому ревновал; вот бы одолжил.

К р а с н о в а. Когда он уедет, говорит, что хочешь делай и ходи куда хочешь; а вот за то, что ты меня не послушалась, так не смей ты через порог переступать, пока он совсем[10] не уедет из города. [Лег спать вон там на полу; нынче все утро косился и ушел не простившись. Да вот и обедать не пришел]

Ж м и г у л и н а. Ну что ж ты ему на это?

К р а с н о в а. Он кричит, а я все молчу, все молчу; только уж очень мне обидно, что он надо мной такую власть взял. Прежде [все мои прихоти исполнял] лисой прикидывался[11], а теперь, на-ко, вздумал командовать да свои мужицкие грубости говорить. Ему вот ничего, что он меня обидел, а я нынче целый день плакала. Ведь уж он меня хоть зарежь, я его любить не буду. Еще дай он мне волю, так я бы хоть какое-нибудь чувство к нему имела; а теперь назло буду все напротив делать; хотя бы я и виновата была перед ним, я и за вину не сочту; надо же мне ему чем-нибудь выместить. Что ж, не драться же мне с ним: у меня силы не хватит против него.[12]

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Фраза вписана над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова:* нам сроку-то дал — *вписаны над строкой.*

[5] *Фраза вписана над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слова:* Уж он и — *вписаны над строкой.*

[8] *Слова:* и в чувство-то ~ чего-чего не делал — *вписаны над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Слова:* лисой прикидывался — *вписаны над строкой.*

[12] *Текст:* Ж м и г у л и н а. Ну что ж ты ~ против него. — *вписан на полях со знаком вставки.*

Ж м и г у л и н а. [Ишь ведь какой озорник] Он будь доволен тем, что ты за него замуж-то пошла; а то еще вздумал над поведением наблюдать.[1]

К р а с н о в а. [Ах] Да и[2] как я его бояться стала со вчерашнего дня. То есть не поверишь ты, так вся и задрожу, как он на меня взглянет.

Ж м и г у л и н а. Ну, как же ты думаешь?

К р а с н о в а. Да как думать-то! Уж очень у меня в голове-то запутано. Как ни кинь, все дурно. [А хуже то всего, что мне муж уж очень опротивел. С ним мне жить весь век — слезы лить. Он мне теперь еще больше] За кусок хлеба продала я свою молодость немилому человеку, [и теперь он мне все противней] и день ото дня он мне все противней.[3]

Ж м и г у л и н а. Как не опротиветь после таких пассажев с его стороны. Особенно как посравнить кой с кем[4]. Тот кавалер как быть следует, во всей форме.

К р а с н о в а. Ну, вот [ты и поду<май>] что ж мне[5] теперь делать-то! Кабы я могла равнодушно [оставить] отстать[6] от Валентина Павлыча, я была бы этому очень рада. Да, видно,[7] об[8] этом надо было прежде подумать да пораньше хватиться; а теперь уж поздно. Сил моих [на это] не хватит.

Ж м и г у л и н а. Ведь и он тебя чрезвычайно как[9] любит, Таня.

К р а с н о в а. Ну так что ж! Бог бы с ним. То-то вот ума-то у нас не хватает, а после и плачься. Мне еще маменька-покойница говорила: смотри, девка, погубит тебя простота твоя.

Ж м и г у л и н а. Ведь[10] тебе[11], [хочется] чай,[12] с ним повидаться надо? Он, я думаю, ждет.

К р а с н о в а. Ну да, само собою. Кабы моя была воля, так бы вот и полетела как на крыльях.

Ж м и г у л и н а. Так надо умом раскинуть, может быть, какая-нибудь фантазия в голову и придет на этот предмет.

К р а с н о в а. Уж[13] я[14] нынче[15] сколько ни ломала голову-то, ничего не придумала.

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слова:* Да и — *вписаны над строкой.*

[3] *Фраза вписана между строк.*

[4] *Слова:* кой с кем — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* что ж мне — *вписаны над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слова:* Да, видно, — *вписаны над строкой.*

[8] *Исправлено из первоначального:* Об

[9] *Слова:* чрезвычайно как — *вписаны над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Исправлено из первоначального:* Тебе

[12] *Слово вписано над строкой.*

[13] *Слово вписано над строкой.*

[14] *Исправлено из первоначального:* Я

[15] *Слово вписано над строкой.*

Жмигулина. Вот что, Таня! Тебе надо мужа обмануть.

Краснова. Каким манером?

Жмигулина. Нашей сестре без хитрости никак жить нельзя, потому мы слабый пол, со всех сторон обиженный.

Краснова. Какие же хитрости? Ты меня научи!

Жмигулина. Теперь ты с мужем, как кошка с собакой, отворачиваешься от него, так поневоле ему в его башку-то придет, что, значит, ты его не любишь, а любишь кого-нибудь другого.

Краснова. Ну как же с этим быть?

Жмигулина. А ты переломи себя. Принеси ему покорность, мужики это любят.[1] Притворись перед [мужем] ним[2], что ты влюблена в него, нагороди ему турусы на колесах, он уши-то и развесит. Приласкайся к нему хорошенько разными ласками[3], — это ему в диковинку.

Краснова. Я должна буду против сердца говорить.

Жмигулина. Так что ж за беда! Почем он знает, что́ у тебя на сердце. Нешто ему понять, что́ притворное обращение, что́ настоящее. Ты посмотри, после таких твоих деликатностей он так в тебя вверится, что ты хоть в глазах у него амурничай, [так] он [глазам своим] и то[4] будет верить.

Краснова. Вдруг над собой такой перемены не сделаешь.

Жмигулина. Непременно нужно вдруг. Чего ж тебе дожидаться-то!

Краснова. Он теперь на меня дуется; как к нему подойдешь! Не прощенья же у него просить!

Жмигулина. Зачем прощенья! *(Подумав.)* А ты вот как сделай: поговори ты деду Архипу, что хочешь с мужем помириться, чтобы промежду вас никаких неудовольствиев не было, что ты мужа любишь [и что] и что тебе оченно чувствительно, что[5] он тебя напрасно обижает.

Краснова. Что ж, я пожалуй.

Жмигулина. Мне как хочешь! Я для твоей пользы говорю.

Краснова. Поди, [позови] приведи [дедушку][6] дедушку, он в саду сидит[7].

Жмигулина уходит.

Что значит, коли женщина с умом-то! Живет себе — ни о чем не тужит. Хоть бы кто и понравился, так она никому виду не подаст. Мужа-то так обойдет, что он в ней и души не чает. А без ума-то и попадешься сейчас.

Жмигулина вводит Архипа.

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слова:* разными ласками — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* и то — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* и что тебе оченно чувствительно, что — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* приведи [дедушку] — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* он в саду сидит — *вписаны над строкой.*

Черновая редакция 3-го явления первой сцены IV действия (ЧА)

Афоня, Бабаев, Краснова.

Бабаев. Чего ты боишься! на улице ни души. И куда ты торопишься, еще двадцати минут нет, как ты пришла.

Краснова. Все как-то сердце не на месте.

Бабаев. Что у тебя за страх такой, я не понимаю. Ну, побранит муж, да тем дело и кончится.

Краснова. [Очень я его бояться стала, такой он страшный.] Вот тогда я тоже опоздала; какой он страшный сделался, так и думала, убьет. Страшен он мне, очень страшен! *(Молчание.)*[1] Ты скоро опять приедешь?

Бабаев. Через неделю, а уж много дней через десять.

Краснова. Кабы моя-то воля [была], не рассталась бы я с тобой: ты в деревню — и я в деревню, ты в Петербург — и я за тобой.

Бабаев. Ведь я тебя звал с собой.

Краснова. [Да кажется, я так и сделаю. Посмотрю, посмотрю, да как-нибудь и укачу с тобой] Тебе хорошо, ты свободный человек, а я все равно что в крепости. [Ах, горе, горе] Да и то уж не раз мне в голову приходило, как бы к тебе убежать.[2]

Бабаев. И отлично.

Краснова. Ты только вздумай, какова моя жизнь несчастная: что мужа обманешь, то и поживешь в удовольствие[3]. Все обман да обман: надоест ведь это, да и противно; не такой у меня характер. А [узнай] догадайся[4] муж, что я его не люблю, так он бранью да попреками меня в гроб сведет. Никак я себя переломить-то не могу, уж очень он мне противен. *(Утирает слезы.)*

Бабаев. [Поехали] Таня, ты вот что сделай! скажи ему прямо, что ты с ним жить не хочешь. Найми с сестрой квартирку, я вам денег вышлю.

Краснова. Что ты! что ты! и думать нечего. Разве он отпустит. Хоть умирай, да при нем, у него на глазах;[5] лучше уж потихоньку.

Бабаев. Ну, потихоньку.

Краснова. [Только надо с сестрой посоветоваться] Ох, уж, право, не знаю. На словах-то все мы бойки, а как до дела дойдет[6], так и разум потеряешь, особенно я. Уж делай ты, как знаешь. Что ты мне скажешь, так я буду делать. Ведь ты меня любишь, погибели моей не захочешь.

Бабаев. Разумеется.

Краснова. Вот правду-то говорят, что все мы, бабы, сумасшедшие: если я теперь покину дом, видимая мне погибель, а так меня и тянет, так и тянет

[1] *Текст:* Вот тогда ~ *(Молчание.)* — *вписан между строк.*

[2] *Текст:* Тебе хорошо ~ убежать. — *вписан над строкой.*

[3] *Слова:* в удовольствие — *вписаны над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* у него на глазах; — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* Ох, уж, право, не знаю. ~ а как до дела дойдет — *вписаны над строкой.*

к тебе. Так я тебя полюбила, Валентин Павлыч, что не думала и не гадала. И [не думала] на уме-то[1] у меня не было, чтобы могло это случиться. А ты все виноват, через тебя теперь я от дому отбилась. Кабы не ты, жила бы как-нибудь с мужем, по крайности бы горя не знала.[2]

Бабаев. Прекрасная жизнь! есть о чем жалеть![3]

Краснова. Да ты не сердись! Это я только так говорю, а уж, конечно, от своей судьбы не уйдешь. Некого тут винить, а видно, так надобно было этому делу случиться. Только ты не обмани меня, приезжай!

Бабаев. Ну полно, что ты! Непременно приеду.

Краснова *(целует его)*. Прощай! пора мне! Что это как я вся трясусь, ноги так и подламываются.

Бабаев. Ты успокойся немного. Пойдем, я с тобой погуляю по берегу; еще успеешь домой вовремя прийти.

Уходят.

Афоня. Вот, брат Лёв, на кого ты нас променял! погляди, полюбуйся! Кто тебя любит-то душою[4], так ты на того зверем смотришь; а кто тебя знать не хочет, к тому ты сам[5] всей душой. Нет на свете правды, нет! *(Уходит.)*

Черновая редакция 6-го явления второй сцены IV действия (ЧА)

Те же и Архип.

Архип. [Что это за жизнь?] Аль наказанье какое Божеское? Что за шум? Не пожар ли? Не вижу ведь.

Курицына. Да вот невестушка дел наделала! Кабы я на месте брата, так бы взяла ее плеху[6] да и разразила!

Краснов. Прочь, прочь! Никто, никто пальцем не тронь! Я ей муж, я ей и судья. Ну, скажи мне, что ж это ты. Как? [Что я, злодей, что ли, тебе? Давеча-то ты за что ж меня обманывала, что ли, или вправду?] Меня-то ты вправду, что ль, любила? Ну, хоть малость, хоть от жалости? Или все уж обманывала, что ли? Или во сне, что ли, мне снились мои красные дни.

Краснова *(со слезами)*[7]. [Виновата я перед вами, Лёв Родионыч,[8] хоть вы меня убейте, все это равно для меня.[9] Никогда я вас не любила, и теперь не люблю,[10] и жить мне с вами только одно мученье. Возьмите вы от меня

---

[1] *Слова:* на уме-то — *вписаны над строкой.*

[2] *Фраза вписана над строкой.*

[3] *Слова:* есть о чем жалеть! — *вписаны над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слова:* ее плеху — *вписаны над строкой*

[7] *Ремарка вписана над строкой.*

[8] *Далее:* [что я вас обманула, у меня у самой это всегда на совести будет. А вы меня теперь]

[9] *Далее:* [Я вам все скажу, что чувствую. Надобно же вам правду сказать]

[10] *Слова:* и теперь не люблю — *вписаны над строкой.*

все, что есть у меня вашего, а меня уж лучше оставьте, чем нам обоим мучиться. *(Уходит в дверь направо. Краснов стоит молча.)*] Я виновата, Лёв Родионыч, я вас обманула. Не любила я вас и теперь не люблю. Уж лучше вы меня оставьте, чем нам обоим мучиться. Лучше разойдемтесь!

Краснов.[1] Как разойтись? Куда разойтись! Врешь! Ты меня состарила, и я погляжу на тебя. Не умела быть женой, будешь кухаркой![2] Как разойтись? Куда разойтись! Нет, врешь! А на ком же я свою обиду возьму? [На ком мне взять] Ты говоришь, что не любишь[3] меня[4] и не любила, а я, видишь ты,[5] по городу ходил да ломался, что меня барышня любит распрекрасная. На ком мне этот стыд теперь взять? Пошла в кухню! Не умела быть женой, будешь кухаркой! Не умела с мужем ходить об руку, ходи по воду.[6] Ты меня в один день состарила, и я теперь над твоей красотой погуляю! Что ни день, что ни взойдет солнце красное, кроме тычка наотмашь да попрека не дождешься ты от меня весь свой век; разве [уж] как-нибудь, под сердитую руку, убью тебя как собаку. Ножик мне! Ножик!

Краснова убегает.[7]

Афоня *(дергает его за рукав)*. Братец! Братец! Она уйдет, уйдет сейчас.

Краснов. Куда [?] еще?

Афоня. К барину. Я слышал, как они сговаривались уехать вместе в деревню.

[Краснов] Курицын[8]. От мужа-то?

Курицына. Вот будет теперь сраму-то![9]

Краснов. Да кто ж у меня ее возьмет, коль я ее не отдам. Где это такая сила есть на свете, которая у меня ее отымет? Только разве с руками оторвут. [Моя жена, уж или мне, или никому.]

Афоня *(заглядывая в дверь)*. Я говорю, уйдет.

Краснов *(отталкивая его)*. Прочь! От мужа только в гроб, [можно уйти] больше никуда.[10]

Уходит. Все в ожидании. Возвращается.

Вяжите меня! Я ее убил. *(Все в ужасе.)*

Афоня. Ништо ей![11]

---

[1] *Текст:* Я виновата ~ Краснов. — *вписан на л. 24 а со знаком вставки.*

[2] *Текст:* Как разойтись? ~ кухаркой! — *вписан на л. 26.*

[3] *Слова:* Ты говоришь, что не любишь — *вписаны над строкой.*

[4] *Исправлено из первоначального:* Меня

[5] *Слова:* видишь ты, — *вписаны над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Текст:* Как разойтись? Куда разойтись! Нет, врешь! ~ *убегает.* — *вписан на л. 24 а со знаком вставки.*

[8] *Слово, вписанное над строкой, зачёркнуто и затем восстановлено.*

[9] *Реплика вписана над строкой.*

[10] *Текст:* Афоня *(заглядывая* ~ никуда. — *вписан на полях л. 25 об. со знаком вставки.*

[11] *Реплика вписана на полях л. 25 об. со знаком вставки.*

А р х и п [*(берет его за ворот)*]. Где он? Где он? Ведите меня к нему!

А ф о н я подводит.

Что ты сделал? Кто тебе волю дал! Нешто она перед тобой одним винова-та? Прежде-то всего она перед Богом виновата, а ты, гордый, самовольный человек, ты сам своим судом судить захотел. Не захотел ты подождать милосердного суда Божьего, так и сам ступай теперь на суд человеческий! Вяжите его!

К у р и ц ы н. [Пропал человек ни за грош. От греха не уйдешь, а от беды не упасешься] Не ждал, не гадал, а в беду попал! Беда не по лесу ходит, а по людям.[1]

Варианты чернового автографа

С. 374

[15] З а й ч и х а. Ты погляди-ка, милый человек /
[К а р п. Что ты там смотришь?[2] Не история ли[3] какая?]
З а й ч и х а. [Да] Ты погляди-ка, милый человек[4]

[17] *Перед:* Всякому, милый, знать хочется — [Спрашивают]

[21—22] А ты думаешь, гулять мы к вам приехали? / [Не] А ты думаешь,[5] гулять [же] мы к вам приехали?

[28] А у тебя, тётенька / А у [вас] тебя, тетенька[6]

С. 375

[28—29] теперича никакой возможности ~ воскресенье. / теперича[7] никакой [человеческой] возможности нет-с; завтра [суббота] праздник — табель[8], тут [два праздника] суббота, а там воскресенье[9].

[31] *Перед:* Чем же я причинен-с? — [Не за мной дело-с]

[36] А что его смотреть-то! / [Чего мы в нем не] А что его смотреть-то!

С. 376

[3—4] гулянья с музыкой, вечеров у кого-нибудь? / [вечеров] гулянья с музыкой, вечеров у кого-нибудь?

[13] С которого часу / С которого же часу

[17] А ещё что? / Что же еще?

[18] *Перед:* Так точно-с, только в преферанс-с. — [Что же еще]

---

[1] *Реплика вписана на полях л. 25 об. со знаком вставки.*

[2] *Далее:* [Аль]

[3] *Слова:* Не история ли — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* милый человек — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* А ты думаешь, — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* тебя, тетенька — *вписаны над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слова:* праздник — табель — *вписаны над строкой.*

[9] *Слова:* суббота, а там воскресенье — *вписаны над строкой.*

[21] Так с шести часов / Так с шести-то часов

[27] без всякой / безо всякой

[34] Сколько же вам? / Сколько же?

[37—38] *(кладёт в карман).* Ничего-с. Чувствительнейше вас благодарю / *(берет).* Ничего-с. Чувствительнейше вас благодарю, [счаст<ья>]

С. 377

[6] Народ без креста. / Народ хам.

[9] Вот что: сосните, сударь! / Да что же, сударь! Сосните немножко.

[10] А ночью-то что делать? / А ночью-то что ж?

[18—19] *Хочет ложиться, дверь отворяется. / Дверь отворяется.*

С. 378

[7—11] И опять же ~ знакомство имеем. / Я говорю должен, он и должен доложить, уж это не его дело, — на бедность я пришла просить или нет! Может быть, и Валентин Павлыч стал довольно[1] горд в Петербурге и не захочет меня видеть! [Это будет ужаснейший афронт для меня]

[25] Я с вами согласен / [Да какие же] Конечно[2]

[32] Б а б а е в *(припоминая).* Таней... / Б а б а е в. Таней...

С. 379

[21] Я очень хорошо помню / Мы очень хорошо помним[3]

[27] нельзя же, чтоб обошлось без любви. / [*<2 нрзб.>* сердце не камень] нельзя же, чтоб обошлось без любви[4]. Этого никогда не бывает.

[32] *После:* Помните землемера — которого мы цаплей звали, помните, как он вас спасал утопающую. А признайтесь, ведь вы и не думали тонуть. Где он теперь?

С. 380

[3—4] человек ~ чинов произошёл. / человек в городе незначительный, [чин имел небольшой он] робкий, оттого что мало чинов произошел[5].

[7] Тут вдруг всё прекратилось / Тут вдруг[6] все [это] прекратилось

[12] этакое невежество с нашей стороны / этако[й пасаж]е невежество[7] с нашей стороны

[23] *После:* очень хороший человек — [старательный]

[26] А уж этой черты характера / А уж этой [самой] черты характера[8], вы сами понимаете

С. 381

[15—16] свободно сестре или не свободно / свободно ей или она взаперти сидит

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Вариант вписан над строкой.*

[4] *Слова:* нельзя же, чтоб обошлось без любви — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* робкий, оттого что мало чинов произошел — *вписаны над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[20] *Фразы:* Чаю не хотите ли? — *нет.*

[21] Я сейчас только пила / Я сейчас только чай пила

[27] *Перед:* Я был бы очень счастлив — [Да]

[28] А очень бы мне хотелось / А мне очень бы хотелось

[29] А коли ~ стало! / [Ну! Так вы вот что сделаете… в другие ворота которые… берег] А коли хочется видеть, так за чем же дело стало! [Ведь]

[36—38] проходящих там мало ~ До свидания! / Мы с сестрой пойдем этой дорогой, там вы ее и можете видеть. Прощайте!

С. 382

[5] а четыре недели пробудешь / а четыре недели [здесь] пробудешь

[14] *Берег ~ угол сарая / Берег [реки, забор]; с одной стороны ворота и забор, с другой угол сарая; [закат солнца]*

[24] Не слушай ты бабьего разговору! / [Бабы болтают тебе, а ты слушаешь] Не слушай ты, Афоня, бабьего разговору![1]

[29] А по мне хоть и вовсе не есть / А по мне хоть [не будь] и вовсе не есть[2]

С. 383

[4—19] От младости ты ~ божий человек. / [С измалу] От младости ты не возлюбил мира сего суетного. У других малодушество-то с летами проходит, когда беды да напасти, Афоня, изомнут да изломают, в муку изотрут[3] человека; а ты вот не живя, еще ни горя, ни радости не видавши,[4] как старик рассуждаешь. Ну и благодари Бога, что он так умудрил тебя, [*<нрзб.>*]. Мир тебя не прельщает, соблазну ты [никакому не поддаешься] не знаешь[5] и греха, значит, на тебе меньше. Вот тебе какое счастье от Бога! А ты вот меня послушай![6] [А] Мы[-то], Афоня, соблазн знали, да и не всегда [одолевали его, а случалось, и он нас одолевал] от него отворачивались, а чаще того случалось, что своей охотой шли на соблазн[7]. Тебе вот все равно, ты говоришь; для тебя никакой утехи на свете нет, а [нам] мне[8] Божий мир [так] хорош [так] и[9] красен [казался] был[10]: все тебя манило, все тебя прельщало. Несытое око да вольная воля велят тебе[11] всю сладость мирскую изведать. А в миру-то, Афоня, добро со злом смешено рядом живет, об руку ходит. Ну и нагрешишь грехов-то больше песка морского. Хорошо

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слова:* и вовсе не есть — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* в муку изотрут — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* еще ни горя, ни радости не видавши, — *вписаны над строкой.*

[5] *Слова:* не знаешь — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* Вот тебе какое ~ послушай! — *вписаны на полях л. 5 со знаком вставки.*

[7] *Слова:* от него отворачивались ~ соблазн — *вписаны над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Слова:* Несытое ~ тебе — *вписаны над строкой.*

вот Бог привел до покаяния дожить, [все-таки] не во грехах застал. Каешься, сокрушаешься, на милосердие надеешься, а тебе не в чем будет каяться: ты у нас, Афоня,[1] божий человек. *(Гладит по голове.)*

[24] Да на кого тебе, дитятко, сердце иметь! / Да [что же] на кого[2] тебе, дитятко, сердце иметь!

[25] Меня-то ~ болит / У меня, дедушко, за всех сердце болит

[33] Нет, я дело говорю. / Нет, я [знаю что] дело[3] говорю.

[35] Ты, стало быть, ненавистник! / Ты, стало быть, [завидуешь. Зависть-то смертный грех] ненавистник[4]!

[38] что он рабствует / что он перед ней рабствует

С. 384

[9] *После:* будут важничать — да ничего не делать. Стало быть так и надо.

[10] *После:* а его сделали работником. — А она барыня.

[14—21] Что ж мы проклятые, что ли, какие ~ а они с сестрой промеж себя смеются / Что ж мы проклятые, что ли, какие-нибудь, прости Господи! У нас тоже и общество есть, и подати платим, и повинности всякие несем. Они Жмигулины, мы Красновы, и народ честный.[5] Брат пóтом да горбом деньги-то достает да в общество несет. [Шла б за барина, да и] Сидела бы дома в девках, да и[6] барствовала, а вышла замуж, так знай, что один в доме старшой — хозяин. Я ведь, дедушко, все вижу, все слышу; меня они не берегутся. Брат ей платки дарит да платья, а они с сестрой промеж себя смеются над братом

[30] *Перед:* уж вовсе жить незачем — [так]

[35] не мило мне ничто / [ничто мне] не мило мне ничего[7]

С. 385

[9] *После:* Заря таково ярко горит, должно к вёдру. — [*Входит Архип.*]

[10] я сам чую / я [слышу] сам[8] чую

[13—14] а над звёздами, Афоня ~ что он милосерд / а над звездами наш творец милосердный. Помни, Афоня, что он милосердный. Кабы мы это по[чаще]лучше помнили

[25] пришёл прежде них / пришел [рано] прежде них[9]

[26—29] это в их характере ~ для того... / [Тут, дескать] это в их характере;[10] им очень нравится, когда их ждут. Конечно, это к Тане не относится:

---

[1] *Слова:* у нас, Афоня — *вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* на кого — *вписаны над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Фраза вписана на полях л. 5 об. со знаком вставки.*

[6] *Слова:* Сидела бы дома в девках, да и — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* не мило мне ничего — *вписаны над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слова:* прежде них — *вписаны над строкой.*

[10] *Слова:* это в их характере; — *вписаны над строкой.*

она, я думаю, рада-радехонька, что я приехал; [нет, <*2 нрзб.*>] они женщины другого круга. Я думаю, они мучают мужчин для того...

[33] Какие прекрасные / Какие [<*нрзб.*>] прекрасные

С. 385—386

[34-1] конечно на досуге, в деревне ~ Не они ли? / конечно на досуге, живя в деревне, вдали от мужа, в красивой местности, может выйти [хорош<ая>] миленькая повесть или даже комедия вроде Альфред Мюссе. Только [жаль] ведь[1] у нас не [раз]сыграют. Это надо сыграть тонко, очень тонко. В таких вещах главное — букет. [Это, должно быть, они идут. Роман начинается, какова-то будет развязка? *(Входит Татьяна.)*] Однако кто-то идет, это, должно быть, они.

С. 386

[11] Ну, нет, я вас не забыл. / [Вас забыть? Возможно ли?] Ну, нет, я вас не забыл.[2] [А не]

[16] побывать в городе / [чтобы приехать] побывать[3] в Калинове

[21] не верь кавалерам / не верь [мужчинам] кавалерам[4]

[27] *Перед:* Долго ли пробуду-то? — [Сколько вам будет угодно.]

С. 386—387

[32—4] Дело моё обещали ~ и притом же ваш муж... / [Я вам не шутя говорю, что я совершенно свободен. Разве мне не все равно, где жить, здесь или у себя в деревне. Я конечно останусь здесь] Дело мое обещали кончить через три дня; но я, пожалуй, остался бы и еще дня на три или четыре[5], если [это вам будет угодно] вы этого хотите[6].

Краснова. Разумеется, [угодно] хочу.

Бабаев. [Ну так[7] об[8] этом и говорить нечего.] Только, вот что, душенька[9] Татьяна Даниловна, [могу ли я надеяться видеть вас в продолжение этих дней хоть изредка. Потому что, согласитесь сами, жить подле вас и не видеть вас, ведь это мученье.] у вас в городе тоска страшная. Я останусь, но с тем условием, чтобы видеться с вами как можно чаще.[10]

Краснова. [От чего же не видать.] Что ж, это очень просто. Приходите[11] к[12] нам [пожалуйте!] Вот завтра чай кушать милости просим!

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Фраза вписана над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* Дело мое обещали кончить ~ еще дня на три или четыре — *вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* вы этого хотите — *вписаны над строкой.*

[7] *Слова:* Ну так — *вписаны над строкой.*

[8] *Исправлено из первоначального:* Об

[9] *Слова:* вот что, душенька — *вписаны над строкой.*

[10] *Слова:* у вас в городе ~ чаще. — *вписаны между строк.*

[11] *Слова:* Что ж ~ Приходите — *вписаны над строкой.*

[12] *Исправлено из первоначального:* К

Бабаев. Да, но ведь к вам часто нельзя же, пойдут сплетни да разговоры. Еще как это вашему мужу понравится.

С. 387

11–14 Бабаев *(отходит с Красновой в сторону).* ~ расположены к вам. / Бабаев *(кивает головой в знак согласия с Красновой. Отходит).* Вы не скучаете замужем?

Краснова *(помолчав, взглянув на него).* Не знаю, как вам сказать.

Бабаев. [Нет] Вы, душенька Татьяна Даниловна,[1] будьте откровенны! Вы знаете, как мы были всегда расположены к вашему семейству.

15 *Перед:* Для чего же мне быть с вами откровенной? — [Да что же]

21–23 Знаете что! ~ только бы вы... / [Можно сделать так, чтобы это время от времени повторялось] Знаете что![2] Я хочу совсем переехать в деревню; тогда[3] мы будем жить недалеко друг от друга.

С. 388

6–7 как мы после ужина / как мы [по вечерам] после[4] ужина

11 *Перед:* Ну, что ж из этого? — [Вот, ну]

17–18 Я, ну вот ~ Таней. / Я [все это время], ну вот что хочешь со мной делай,[5] едва удерживаюсь, чтоб не назвать [вас] тебя[6] по-прежнему Таней.

20 Да что ж толку, душа моя! / Да что ж будет[7] толку, душа моя!

21–22 Я вас люблю точно так же, да ещё и больше прежнего. / Я вас люблю точно так же, да[8] еще и больше прежнего. [Только, Валентин Павлыч, если вы не хотите моего несчастья]

29 Да уж будь покойна, душенька / Да уж будь[те] покойна[9], душенька

С. 389

12–13 Прощайте! Луша, пойдём! / Прощайте! Сестра, пойдем!

18 *После:* какова-то будет развязка! — [*Уходит.*]

31–33 *и окно, налево лежанка ~ шкаф с чашками / [ближе крова<ти>] и окно, налево лежанка и дверь в кухню; на авансцене простой дощатый*[10] *стол и несколько стульев и три скамейки; одна у лежанки, другая у задней стены, третья у окна. Налево у стены шкаф с чашками*

---

[1] *Слова:* душенька Татьяна Даниловна, — *вписаны над строкой.*

[2] *Фраза вписана над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* ну вот что хочешь со мной делай, — *вписаны над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слова:* точно так же, да — *вписаны над строкой.*

[9] *Исправлено из первоначального:* покойны

[10] *Слово вписано над строкой.*

С. 390

[2–3] *Краснова (перед зеркалом ~ салфеткой). / Краснова ([сидит у окна] перед зеркалом надевает платок*[1]*), Афоня (лежит на лежанке), Жмигулина (входит).*

[4] *Перед:* Вот, Таня, я у соседей салфетку достала — *(с цветной салфеткой в руках).*

[11] Куда рядишься? Что перед зеркалом-то пялишься? / Куда [это ты] рядишься? Что ты перед зеркалом-то пялилась?[2]

[15–16] Так он и без нарядов твоих любит тебя / Так он [тебя] и [так любит] без нарядов твоих любит тебя[3]

[22] Перед кем дьяволить хочешь? Кого прельщать? / Кого [еще] прельщать [собираешься]? Перед кем дьяволить хочешь?[4]

[32] Загубил он свою голову. / Загубил он [себя и всех нас] свою голову[5].

[37] Мне и здесь хорошо. / Кому ж я мешаю?

С. 391

[1] а ты тут тоску наводишь. / Что хорошего! Только тоску наводишь.

[7–8] Такой же барин ~ Наш знакомый / Такой же, как и все господа бывают.[6] Наш знакомый барин

[17] *Слов:* Афоня. Наказанье! А вы зачем в нашу родню влезли? — *нет.*

[21] Краснов *(жене).* Здравствуйте-с! / Краснов. Здравствуйте-с!

[28–33] взяли да и пришли ~ привыкать. / взяли да и пришли непрошеные.

Курицын. Здравствуй, сестра! Что взаправду родней-то гнушаешься! [Не хуже ты меня] Забежала бы когда, чай, ноги-то не отсохли![7]

Краснов. Ну когда им по гостям ходить! Ей только бы дома-то управиться! Еще к хозяйству не привыкла.

С. 392

[13–15] Не гнать же мне сестру для него! ~ по крайней мере, родня. / Коли он расположен к вам, так [должен все видеть] нашей родней не побрезгует-с[8]. А впрочем, наши долго не засидятся.

[19] *После:* Аль сам-то не пьёшь? —

Жмигулина. Сгореть нам со стыда.[9]

[23–24] *После: ставит на стол графин, рюмку и закуску — наливает рюмку.*

[25] *После: Курицына пьёт — наливает опять.*

---

[1] *Слова: перед зеркалом надевает платок — вписаны над строкой.*

[2] *Фраза вписана над строкой.*

[3] *Слова:* любит тебя — *вписаны над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Слова:* свою голову — *вписаны над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Фраза вписана над строкой.*

[8] *Слова:* так нашей родней не побрезгует-с — *вписаны над строкой.*

[9] *Реплика вписана на полях л. 9 со знаком вставки.*

[31—33] А ты бы с меня пример ~ небу жарко было. / Много потачки даешь. А ты бы с меня пример брал, учил бы ты ее [<*3 нрзб.*>] уму-разуму[1], так оно[2] лучше, прочней[3] бы дело-то было. Спроси вот, как я твою сестру школил, такие <*нрзб.*> задавал, что небу жарко было.

С. 393

[4—11] к слову только ~ Ну уж это ты врёшь! / к слову только! А что, конечно, сестрица, с нашей сестрой без острастки нельзя. Недаром говорится: [бей шубу — будет теплее] жену бей, так щи вкусней.

Краснова. Ведь это как кому нравится, кто что любит! Вам, сестрица, нравится такое обращение, а я считаю это за невежество.

Жмигулина. Нынче уж мужицкое-то обращение везде бросают, потому что оно начинает из моды выходить.

Курицын. Ну уж это ты врёшь! Вас не учить, так добра не видать.

[14—15] чья жена обходительнее / чья жена [лучше] обходительнее

[36—37] Не десять раз говорить, сразу должна понимать! / Не десять же[4] раз [тебе] говорить одно и то же, сразу должна понимать[5]!

С. 394

[5—9] Ишь ты какой грозный! ~ Краснов *(вскочив)*. Что-с! / Как же! Ишь ты какой грозный![6] Ты на[7] жену [учи, а я уж учена] кричи[8], а на меня тебе нечего кричать: я тебе не подначальная. У меня свой[9] муженек хорош, есть кому [кричать] командовать-то[10] и без тебя. Не я виновата, что твоя жена по пустырям да по заулкам шляется да с молодыми господами по целым часам [ба<лясы> разводит] балясы точит[11].

Краснов *(вскочив со стула)*. Что-с!

[13] Да ведь и я тут сопутствовала. / Да ведь и я тут [при]сопутствовала.

[26] не гожусь / не [стою] гожусь[12]

[28—29] она всякого уважения / она этого уважения[13]

С. 394—395

[32—3] Я не каменный какой ~ чем ваше ехидство переносить. / Зачем же тогда и на свете жить?[14] Я не каменный какой, чтоб на такие женины

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* сразу должна понимать — *вписаны над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[11] *Слова:* балясы точит — *вписаны над строкой.*

[12] *Слово вписано над строкой.*

[13] *Слово вписано над строкой.*

[14] *Фраза вписана над строкой.*

дела сквозь пальцы смотреть! [Ведь у меня от слов только от твоих дурацких] Меня слово-то твое дурацкое только за ухо задело, и то во мне[1] все сердце перевернулось. А поверь я тебе, так ведь, чего боже сохрани,[2] пожалуй, кому бы нибудь из нас и, может быть, на свете не жить. Кому не знаю, а ведь долго ли! За себя поручиться нельзя:[3] каков[4] час выдет. Господи, оборони нас от такого греха! Нешто этим шутят! Уж коли ты хотела обидеть меня, взяла бы ты ножик да пнула мне в бок, легче бы мне было. После таких слов мне лучше тебя, разлучницу, весь век не видать;[5] я[6] лучше от всей родни откажусь, чем [слышать такие слова] ваше ехидство переносить[7].

С. 395

[13—14] вы не возьмите себе этого в обиду / вы [не обижайтесь] не возьмите себе этого в обиду[8]

[17] *Ремарки: (прибирая со стола) — нет.*

[25] в этом разе / в это[время]м разе[9]

[28] *Перед:* Коли горячий человек — [Потому-то я и не говорил.]

[35—36] Вы, чай, сами знаете какой-с; только, может быть, не чувствуете. / [Что делать!] вы, чай, сами знаете какой-с; только, может быть[10], [коли] вы [сами] ее[11] не чувствуете.

С. 396

[7—8] Я вам вот что на ваши слова скажу-с / Я вам вот[12] что на [это] ваши слова[13] скажу-с

[11] *взглянув в окно / быстро*[14] *взглянув в окно*

[13] Бежать-то зачем? / [К чему же] Бежать-то зачем?

[19—20] Шипишь ты, как змея. Ужалить тебе меня хотелось. / Шипишь ты, как змея [подколодная]. Ужалить [ведь ты] тебе[15] меня хотелось[16].

[22—23] Мне жизнь-то не больно сладка ~ Не будь ты слеп! / Мне и так немного жить-то осталось. Только, брат, не будь ты слеп! Не будь слеп!

---

[1] *Слова:* Меня слово-то ~ во мне — *вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* чего боже сохрани, — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* За себя поручиться нельзя: — *вписаны над строкой.*

[4] *Исправлено из первоначального:* Каков

[5] *Слова:* После таких слов ~ не видать; — *вписаны над строкой.*

[6] *Исправлено из первоначального:* Я

[7] *Слова:* ваше ехидство переносить — *вписаны над строкой.*

[8] *Слова:* не возьмите себе этого в обиду — *вписаны над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слова:* [Что делать!] вы, чай ~ может быть — *вписаны над строкой.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[12] *Слово вписано над строкой.*

[13] *Слова:* ваши слова — *вписаны над строкой.*

[14] *Слово вписано над строкой.*

[15] *Слово вписано над строкой.*

[16] *Слово вписано над строкой.*

26—27 *После:* Лёв Родионов, встряхнись! — [Полно <*нрзб.*> биться]

30—31 и давай мутить. ~ вот и конец. / Видимое дело. В каждой семье так. Ну так бросить да не думать, и из головы вон.

С. 397

5—14 Я с вашей женой давно знаком. ~ кофей сделать. /

Б а б а е в. Вы торгуете?

К р а с н о в. Торгуем.

К р а с н о в а. Что ж вы не сядете! *(Бабаеву.)* Не угодно ли вам чаю?

Б а б а е в. Нет, благодарю; я [уж] теперь не пью чаю.

Ж м и г у л и н а. Ах, Таня, мы и забыли, что в Петербурге совсем другой вкус. *(Бабаеву.)*[1] Может быть, вы в это время имеете привычку кофей кушать? Так это можно сию минуту.

23—29 Учтивей-то ~ Я спрашиваю / Разве вы учтивее не можете?

К р а с н о в. Я знаю, что говорю.

Б а б а е в. Так вы хозяй[кой сделались. Это хорошо]ством занимаетесь[2]. Вам, я думаю,[3] [не]трудно было привыкать к вашим новым[4] обязанностям.

К р а с н о в а *(взглянув на мужа).* [Нет-с, не очень трудно] Да-с. А впрочем, нельзя сказать... [чтобы они] конечно... сначала...[5]

Б а б а е в *(Жмигулиной).* Я [впрочем] спрашиваю[6]

34 А в самом деле / Нет, в самом деле

36 при людях воспитанных / при [благоро<дных>] людях[7] воспитанных

С. 398

5 сковорода / сковрода

9 при гостях-то / при [людях] гостях-то[8]

11—14 А вас спрашивают, какая ~ первое дело-с. / А [коли] вас спрашивают, какая вы мужу хозяйка, да еще при муже-с; так, я полагаю, вам бы надо отвечать, что вы мужу своему хозяйка хорошая, свое дело делаете, потому что в нашем звании барыней сидеть некогда.

21—23 не в последний раз. ~ Покорно благодарим за посещение! / не в последний раз. *([Кланяется всем] Подавая руку Красновой*[9]*.)*

К р а с н о в а и Ж м и г у л и н а. Конечно, конечно. Покорно благодарим за посещение!

34 *Фразы:* Поезжай себе в Петербург, и любезное дело! — *нет.*

---

[1] *Слова:* Ах, Таня ~ *(Бабаеву.)* — *вписаны над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слова:* я думаю, — *вписаны над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слова:* конечно... сначала... — *вписаны над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слова: Подавая руку Красновой — вписаны над строкой.*

С. 399

3–4 С чего же вы взяли так обижать меня! / С чего же вы вздумали так обижать меня!

11–12 Вашим родным да знакомым ~ как кухарка / Вашим родным да знакомым [бывают у нас, так] я прислуживай [им], как кухарка

14 только что политически / только что политично

18–19 Может, мы ~ нет / [Да] Может, мы его больше и не увидим никогда, да нам и надобности в нем нет никакой

22 Ах, Луша, какой срам-то! / Ах, [боже мой! Какая я несчастная] Луша, какой срам-то![1]

29 *Перед:* Для вас его на свете нет — [Вот]

С. 400

10–11 а мы всё-таки пойдём / а мы[2] все-таки [мы должны побывать у него. <*7 нрзб.*>] пойдем[3]

17 Только того и жди. / [Я теперь вас начинаю очень хорошо понимать] Только того и жди.[4]

19–20 *После:* Извольте идти — проститься

23–27 На этом самом месте-с. ~ маленько избалованы / На этом самом месте-с. Поняли-с? [Зажили мы с вами век, так доживать надо]

К р а с н о в а. Пойдем [сестрица] одеваться.

Уходят в другую комнату.

К р а с н о в. Кажется, у нас дело-то на лад пойдет! Они были маленечко избалованы

29 так наша размолвка и забудется / так [эта] наша[5] размолвка и забудется

32 *Перед:* Само собою, что будет думаться — [Оно точно]

35 Ведь ничего не может быть дурного / Ни под каким видом ничего дурного и быть не может

С. 401

14 Что сам-то, спит, что ли? / Что [он] сам-то[6], спит, что ли?

17 ещё утро / все еще утро

19 Вот иногда зимой / Вот когда зимой

26–29 мы были бы теперь ~ брунетку. / мы [бы] были бы теперь[7] дома, у дела. Как ему самому-то не скучно! Уж не [подозрил] соследил[8] ли он тут добычку [какую-нибудь] себе[9]! От него станется. Недаром [же] он по го-

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слова:* бы теперь — *вписаны над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

роду-то ходит! У него манера-то известная: ходит, ходит мимо окон-то, да и призрит глазом-то[1] на какую-нибудь [простяночку] брунетку[2].

[31] Поди-ко, мой милый / Поди-ко, милый друг

С. 402

[8] *Перед:* Просите их сюда! — [Послу<шайте>]

[11—12] все друг друга знают, друг за другом смотрят / все друг за другом смотрят

[13—14] *После:* Ты проезжий — человек.

[28] Уж нечего скрывать-то! Не скроешь. / Уж [что] нечего[3] скрывать-то!

[31] неужели всем / неужли всем

С. 403

[9] *Перед:* Чему ж мне радоваться-то? — [Об том]

[15] *Перед:* начал косо поглядывать — [вот]

[22—24] Бабаев *(подвигается ~* твоему горю. / Бабаев *([садясь подле] подвигается к[4] Красновой [и обнимая ее] и обнимает ее одной рукой[5]).* Душенька, Танечка, ну перестань! Ну, давай[те] вдвоем подумаем, как помочь [вашему] твоему[6] горю.

[26] если я увезу тебя в деревню / если я [вас] увезу тебя[7] в деревню

[29] всё тебе знакомое / все [вам] тебе[8] знакомое

С. 404

[5—12] Значит, вы меня ~ тебе разбирать / Значит, [что] вы меня вот-таки ни крошечки не любите! *(Смотрит ему в глаза.)* Только[9] притворяетесь[10] [вы]. Вот что, да-с![11]

Бабаев. И не грех это [вам] тебе, Таня? А? Нет, скажи ты мне, не грех?[12]

Краснова. Что?

Бабаев. Подозревать-то меня в притворстве? А? Не грех?

Краснова. Да [я право не знаю] ну вас[13]! Вас ведь не разберешь, притворяетесь вы или нет.

Бабаев. [И нечего] Да и на что тебе[14] разбирать

---

[1] *Слово вписано над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слова: подвигается к — вписаны над строкой.*

[5] *Слова: и обнимает ее одной рукой — вписаны над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Исправлено из первоначального:* Притворяетесь

[11] *Фраза вписана над строкой.*

[12] *Слова:* А? ~ не грех? — *вписаны над строкой.*

[13] *Слова:* ну вас — *вписаны над строкой.*

[14] *Слова:* Да и на что тебе — *вписаны над строкой.*

[17] А ну как я тебя обману? / [Я может быть] А ну как[1] я тебя обману? Скажу не то, что мое сердце говорит?

[20—24] Вот что, Таня! ~ умнее. / [Много я, Таня, знал женщин, но ни одной еще] Вот что, Таня! говорит мне мое сердце, что никого еще[2] я не любил так, как тебя люблю. Мне все равно, будешь ли ты[3] вер[ь]ить [ты этому] моим словам[4] или [не верь] нет[5]. [Только] Да[6] я сейчас и докажу тебе, что это правда, и ты сама со мной согласишься. Я ведь[7] не говорю тебе, что я никогда не видал женщин красивее тебя, умнее. [Если бы я тебе так сказал] [говорил[8]]

[33] То есть ~ да только... / [Знать-то я знаю, что ты меня любишь] то есть я, может быть, и догадываюсь[9], да только...

[35] Я догадываюсь / [Знаю я, что ты меня любишь] Я догадываюсь[10]

С. 405

[8] К р а с н о в а. Да. / К р а с н о в а. [Ну, очень] Да.

[27] Не хочу я знать никаких уговоров. / Очень можно.

[29] *(встаёт).* Ах, оставьте, пожалуйста! / Ах, оставьте, пожалуйста!

[36] *Перед:* Пожалуй, уезжайте. — [Так вот вы как]

С. 406

[4] *После:* К а р п. Слушаю-с. — [*(Уходит.)*]

[19] *Перед:* Вы милы, Лукерья Даниловна! — Я вам скажу одно

С. 410

[3—7] К р а с н о в а. Муж теперь ~ следует. /

(Жмигулина делает знаки Красновой.)

К р а с н о в а. [Да что много-то разговаривать] Мы теперь с мужем в ссоре. Он на меня сердится и не глядит совсем; он думает, что я его не люблю, так это он ошибается.

Ж м и г у л и н а. Она только его характеру боится.

К р а с н о в а. [Коли он будет до меня ласков, и я буду с ним ласкова] Я его люблю, как по закону следует.[11]

[16] даже очень / только его обращения боюсь

[19] Да как же мне молчать-то! / Да как же мне не говорить-то!

---

[1] *Слова:* А ну как — *вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* Вот что, Таня! говорит мне мое сердце, что никого еще — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* будешь ли ты — *вписаны над строкой.*

[4] *Слова:* моим словам — *вписаны над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой и зачёркнуто в ходе дальнейшей работы.*

[9] *Слова:* то есть я, может быть, и догадываюсь — *вписаны над строкой.*

[10] *Слова:* Я догадываюсь — *вписаны над строкой.*

[11] *Фраза вписана над строкой.*

[21] *Делает знаки Красновой. / Делает знак, чтобы Краснова говорила.*[1]

[31—37] аль так, только слова одни? ~ Как придёт, так и поговорю. / аль так, только слова одни, все одно, что медь звенящая?

Краснова *(в некотором волнении).* От сердца, дедушко.

Архип. Ну, мне что ж! Мое дело сторона. Коли лжешь, так Богу ответишь! А я поговорю. Отчего не поговорить! Будет между вами согласие, так и мне любо будет.

Жмигулина. Ты ему сегодня поговори.

Архип. Как увижу, так и поговорю.

С. 411

[12] Да уж коли ты взаправду, так гордость-то брось. / Да уж коли ты взаправду покориться хочешь[2], так ты теперь[3] гордость-то брось.

[17] *Слов:* Стыд головушке! *(Закрывает лицо руками.)* — *нет.*

[20] *Фразы:* Сними этот стыд-то с него. — *нет.*

[25] *После:* милей всей родни. — Всех нас он на тебя на одну променял.

[26] *После:* Угомонись ты! — Замолчи!

[30] *Ремарки: (гладит по голове Афоню)* — *нет.*

[35] *Архипу тихо / Архипу*

С. 412

[2—3] Коли угодно ~ Само собою. / Коли хотите, мы сейчас[4] подадим.

Краснов *(садится).* Само собою.

[16] А тужить-то об чём? / А [плакать-то] тужить-то[5] об чем?

[20] *Перед:* А и то сказать, ведь я тебе не ворог — [Свое дело ты сам лучше знаешь]

[29] *Входит Жмигулина, ставит на стол / Входит* [*Краснова*] *Жмигулина*[6]*, ставит на стол*

С. 413

[3—6] И кусок-то в рот нейдёт. ~ Она прежде тебя за ум взялась. *Краснов слушает.* / И кусок-то в рот нейдет. *(Кладет ложку.)*

Архип. [Так вот я тебе] Эко сердце-то у тебя ретивое! я было[7] начал [говорить-то], что жена-то твоя[8] умнее тебя[9] и это я [вам к чему] неспроста[10]. Она прежде тебя за ум взялась. *(Краснов внимательно слушает.)*

---

[1] *Ремарка вписана над строкой.*

[2] *Слова:* покориться хочешь — *вписаны над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слово вписано над строкой.*

[7] *Слова:* Эко сердце-то у тебя ретивое! я было — *вписаны над строкой.*

[8] *Слово вписано над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Слово вписано над строкой.*

[19—20] Веришь ты мне, не помнил, что́ говорил, что́ делал. / Веришь ты мне? Я себя не помню, что говорю, что делаю.

[31—32] только бы с ней быть завсегда / [чтобы] только бы[1] с ней быть

[34—35] Ведь такой радости мне и во сне не увидать. / ведь этакой радости мне и во сне не снилось.

С. 414

[10] несчастье да грех представляются / несчастье да грех[2] всякое представляется

[28—31] теперь уж как хочешь сама. ~ Нет, зачем же-с! / теперь уж[3] ты [сама] как[4] хочешь сама.

Краснова. Лёв Родионыч! Если я в чем виновата перед вами, так простите меня. *(Хочет поклониться в ноги.)*

Краснов *(удерживая ее)*. Нет, зачем же-с!

С. 415

[4] *Перед:* Никакого сердца-с! — [Полноте]

[29] Жмигулина. Мы уж так от природы. /

[Краснова] Жмигулина. [Она] Мы[5] уж так от природы.

[34] Другие из нашей сестры / Другие [точно] из нашей сестры[6]

[36—37] Так мы и будем ~ ещё вам! / [Что же вы мне прежде не сказали, я бы так и знал. А то я думал, что я вам не то чтобы совсем не нравился, а так себе] Так мы и будем [знать-с] вас понимать. А то иной раз не знаешь, как к вам и подойти! Понравится ли это вам, али нет-с![7]

С. 416

[5] *После:* Господь по земле! — *ремарки: Уходят. — нет.*

[7—8] сбегать надо. *(Уходит.)* / сбегать надо. *(Уходят Архип, Афоня, Жмигулина.)*

[14] ежели бы вы завсегда с такой лаской / ежели бы вы завсегда [так со мной] с такой лаской[8]

[23] *После:* нешто я не вижу — что им всем ненавистно.

[27] и в помышлении-то не хотел бы тебя обидеть / и в помышлении-то не хотел бы обидеть

[31] Уж ты не стыди / Уж [наблюдай] ты не стыди[9]

С. 417

[8] ничего не жалеешь для меня / [все для м<еня>] ничего не жалеешь для меня

---

[1] *Слова:* только бы — *вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* да грех — *вписаны над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Слова:* из нашей сестры — *вписаны над строкой.*

[7] *Текст:* Так мы ~ али нет-с! — *вписан между строк.*

[8] *Слова:* с такой лаской — *вписаны над строкой.*

[9] *Слова:* ты не стыди — *вписаны над строкой.*

[11] Да ты очень крепко. / Да ты [уж] очень крепко.

[17–25] За это на нашего брата ~ сам-друг / За это [не жалуются] на нашего брата не сердятся[1]. Так, что ли?

Краснова [*(с улыбкой)*] [*(смеясь)*]. Сам знаешь, что ж спрашиваешь!

Краснов. Эка жизнь с бабой-то хорошей! Малина просто! Разлюбезное дело! Нет-то ничего на свете лучше! И что такое это значит, что вы нашему брату так дороги? [Премудрость]

Краснова. Я не знаю.

Краснов. [Знать, такой предел положен] Премудрость, право премудрость! Не нашему уму это понимать![2] Мы знаем одно, что... [милей всего на свете жена] прилепился к жене своей[3], вот и все. Прилепился, ну и кончено дело.[4] Когда я теперича с тобой [один] сам-друг

[32] А не хотелось бы мне / А [уж] не хотелось бы мне

С. 417—418

[37–9] *(Берёт картуз.)* Так ты ~ не обернёшься. / *(Берет картуз,* [*и*] *подходит к жене и обнимает ее*[5]*.)* Так ты говоришь: погоди!

Краснова. Да разумеется!

Краснов. Ишь ты какая! Знаю я вашего брата. Ну, да мало ль чего! А ты вот подожди меня часик, авось в час-то не умрешь[6]! *(Целует жену.)* Ну, прощай! А то с тобой, пожалуй, эдак[7] и вправду останешься. Ведь вы на соблазн человеческий созданы на свете![8] *(Идет к двери.)*

Краснова *(провожая его)*. Приходи скорей!

Краснов. Как скоро, так и сейчас. Нет, кромя́ шуток, раньше часу не обернешься. Разве что дома не застану.

С. 418

[11–17] Краснова *(вслед мужу)*. ~ Такая скука! *(Садится к окну.)* / Краснова. Ну, прощайте! *(Одна.)* Насилу-то ушел. Несчастная я, несчастная![9] [Вот] Говорят, надо любить мужа; а как [его станешь] я могу его[10] любить! Грубый, неотесанный, ласки все такие у него[11] [мужицкие] медвежьи[12]! Сидит, ломается, как мужик. А тут еще притворяйся

---

[1] *Слова:* на нашего брата не сердятся — *вписаны над строкой.*

[2] *Слова:* Премудрость ~ понимать! — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* прилепился к жене своей — *вписаны над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Слова: обнимает ее — вписаны над строкой.*

[6] *Слова:* авось в час-то не умрешь — *вписаны над строкой.*

[7] *Слово вписано над строкой.*

[8] *Фраза вписана на полях л. 20 об. со знаком вставки.*

[9] *Фраза вписана над строкой.*

[10] *Слова:* я могу его — *вписаны над строкой.*

[11] *Слова:* у него — *вписаны над строкой.*

[12] *Слово вписано над строкой.*

перед ним, потрафляй ему! противность какая![1] [Кажется] Вот уж[2] ничего бы на свете не взяла, кабы не такое теперь дело вышло. Что делать-то! И не любо, а покоряйся! *(Осматривается.)* Да куда ж это все разошлись? Сиди теперь[3] одна! Такая скука! *(Садится к окну [и смотрит].)*

[36] Сегодня едет. / Сегодня в ночь ехать хочет.

С. 419

[6—7] *После:* Далеко ль тут, мигом добежишь — [берегом].

[8] *Покрывается платком. / Берет платок и покрывается.*

[11—16] Ты что тут с ним одна-то говорила? ~ Ну, беги, беги! *(Краснова уходит.)* /

Краснова. Как не поверить, мы только что помирились.

Жмигулина. Для этого-то для самого я тебя и поучила помириться.[4]

Краснова. Да[5] где[6] ему вернуться! Я больше получасу не прохожу.

Жмигулина. А ты что с мужем говоришь?

Краснова. Что [с мужем] говорила — не знаю, что теперь делаю — не помню. *(Уходит.)*[7]

Жмигулина. Ну, беги, беги!

[19] Ишь пустилась! / Ишь [как] пустилась!

[20] да как ума-то нет / да как ума-то немного

[21] как за малым ребёнком / как за маленьким ребенком

[24—25] *После:* всё шито да крыто будет — мужу-то и в ум не влетит.

[31—35] Что ты меня дурачишь! ~ Должно быть, она. / Что ты меня дурачишь-то! [*<нрзб.>* я тебя.] Скажи хоть раз в жизни правду! Ушла она? Говори, ушла?[8]

Жмигулина. Может быть, и ушла.

Афоня.[9] [Я сам видел, как она] Это она, что ли, сейчас[10] в вороты шмыганула.

Жмигулина. [Так] Должно быть, она[11].

С. 420

[4—5] Ты что деда-то бросил! / Ты что деда-то одного бросил!

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слова:* Вот уж — *вписаны над строкой.*

[3] *Слово вписано над строкой.*

[4] *Текст:* Краснова. Как не ~ помириться. — *вписан на полях л. 21 об. со знаком вставки.*

[5] *Слово вписано над строкой.*

[6] *Исправлено из первоначального:* Где

[7] *Текст:* Жмигулина. А ты что ~ *(Уходит.)* — *вписан на полях л. 21 об. со знаком вставки.*

[8] *Слова:* Скажи хоть ~ ушла? — *вписаны над строкой.*

[9] *Текст:* Жмигулина. Может ~ Афоня. — *вписан на полях л. 21 об. со знаком вставки.*

[10] *Слова:* Это она, что ли, сейчас — *вписаны над строкой.*

[11] *Слово вписано над строкой.*

[7—8] у вас огни в глазах бегали, дьявольские огни. / что вы его обманываете. У вас в глазах огни бегали, дьявольские огни.[1]

[10] Будет вам нас обманывать / [Не дам я вам брата] Будет вам нас[2] обманывать-то

[13—14] Какого человека в глаза обманывают! / На глазах [человека] таки в <*нрзб.*>[3] обманывают!

[25—30] *Курицына и Зайчиха (выходят из калитки).* ~ У нас ведь одна модница-то только и есть / *Курицына и Зайчиха (выходят из* [*ворот*] *калитки*[4]*).*

Зайчиха. И, матушка, что ты! Как можно![5] Это тебе так показалось. Уж поверь ты мне, что показалось.[6]

Курицына. Толкуй, показалось! Я еще не ослепла. Ее сейчас по платью[7] узнаешь, она у нас франтиха.

С. 421

[11] Со мной — не с кем другим. / Не на ту напала.

[12—13] И, полно ты! ~ Она у себя хозяйка, ты у себя. / Да [что] из чего[8] вам ссориться-то! Что вам делить-то!

[27] она теперь у барина / она [это] теперь[9] у барина

[31] Поди ~ Не трожь! / Нужно мне, нужно. Поди, не трожь меня!

[36—37] да и к вам зайду. *(Уходя.)* / да и к вам.

С. 422

[1—9] Как тут жить на свете! ~ *Афоня прячется за угол.* / Что ж это! Как тут жить на свете! За грехи это над нами! Ушла от мужа, к чужому ушла. [Мы ее] Что она была![10] Без куска хлеба [взяли] в углу сидела, мы ее призрели, нарядили на свои трудовые денежки! Брат от себя урывает, от семьи урывает, а ей на тряпки тратит, а она теперь с чужим человеком ругается над нами за нашу хлеб-соль. Тошно мне! Смерть моя! Не слезами я плачу, а кровью. Отогрели мы змею на своей груди. *(Прислоняется к забору.* [*Из калитки выходят: Бабаев и Краснова.*]Подожду ее. Я ей все тогда прямо в глаза[11] скажу, все, что на сердце у меня накипело, чтоб не возносилась она над нами.

Из калитки выходят Бабаев и Краснова. Афоня прячется за угол забора.[12]

---

[1] *Фраза вписана над строкой.*

[2] *Слова:* Будет вам нас — *вписаны над строкой.*

[3] *Слова:* таки в <*нрзб.*> — *вписаны над строкой.*

[4] *Слово вписано над строкой.*

[5] *Фраза вписана над строкой.*

[6] *Фраза вписана над строкой.*

[7] *Слова:* по платью — *вписаны над строкой.*

[8] *Слова:* из чего — *вписаны над строкой.*

[9] *Слово вписано над строкой.*

[10] *Фраза вписана над строкой.*

[11] *Слова:* прямо в глаза — *вписаны над строкой.*

[12] *Текст:* чтоб не возносилась ~ *забора.* — *вписан между строк.*

С. 424

[16] *Фразы:* Каждая минута за год кажется. — *нет.*

[19—20] неужто сам! ~ так тут и умру. / [вот кабы она] неужто сам! сохрани Господи! Надо полагать, что это она.

[25] *После:* Не хочу я с тобой говорить — [отстань от меня].

С. 425

[1—2] Ты думаешь, мне нужно? / Ты думаешь, мне очень нужно?

[4] *Перед:* Эка безумная, эка безумная! — [Что ж это она нейдет?]

[14—20] я им хочу за нынешнее их уважение подарочек сделать. ~ Афоня, ты не знаешь, куда вышла жена? / я им хочу подарок сделать[1].

Жмигулина. Сейчас, сейчас. *(Уходит.)*

Краснов *(ходит молча[2] по комнате, потом говорит про себя).* Пятьдесят семь рублев, шесть с костей, три на кости, девять Петру Ананьеву. *(Молчание.)*[3] Что же они пропали? *(Ходит молча.)* Афоня, ты не знаешь, [где] куда вышла жена?[4]

[25] *Перед:* Аль соскучился без неё! — [Что ты кричишь-то]

[31] Это ты, Ульяна? / это [сестра] ты, Ульяна[5]?

С. 426

[15—16] за язык твой, за проклятый! / за язык твой проклятый![6]

[17] Афоня *(встаёт с печи).* / Афоня *(встает с печки [и заслоняет сестру]).*

[21] Врёте вы, ненавистники! / Врете вы, [вороги мои] ненавистники!

[25] Да поди сам погляди, коли нам не веришь. / [В глазах ничего не видишь] Да поди сам погляди, коли нам не веришь.[7]

[33] *Перед:* Где же она? — [Мучители вы мои]

[35] Да авось придёт / [Дождешься] Да авось[8] придет

С. 427

[1—2] Курицын. Да все ~ прижимала. /

Краснов садится к столу, повеся голову. И все садятся.

Курицын. Вот и подождем ее, сударушку[9]. *(Молчание.)*

[7—8] *После:* все на мой срам глядеть сошлись. — Ты скажи <*2 нрзб.*> прежде, как ты мужу глаза отводила, как ласкала меня, миловала, [сердечным другом] прямо к сердцу[10] прижимала. [Что ж молчишь!]

---

[1] *Слова:* я им хочу подарок сделать — *вписаны над строкой.*

[2] *Слово вписано над строкой.*

[3] *Ремарка вписана над строкой.*

[4] *Фраза вписана над строкой.*

[5] *Слова:* ты, Ульяна — *вписаны над строкой.*

[6] *Вариант вписан над строкой.*

[7] *Фраза вписана над строкой.*

[8] *Слова:* Да авось — *вписаны над строкой.*

[9] *Слова:* ее, сударушку — *вписаны над строкой.*

[10] *Слова:* прямо к сердцу — *вписаны над строкой.*

[20—22] а у нас вот как... ~ покажешь / а у нас вот как... [Злодей я что ли тебе. *(Закрывает лицо руками.)*]

К у р и ц ы н а. Вот и посмотрим теперь, как ты заважничаешь! Как ты теперь в люди нос-то покажешь

Варианты цензурной писарской копии

С. 376

[13] С которого часу / С которого же часу

[17] А ещё что? / Что же еще?

[21] Так с шести часов / Так с шести-то часов

[27] без всякой задержки-с / безо всякой задержки-с

[34] Сколько же вам? / Сколько же?

[37] *(кладёт в карман).* Ничего-с. / *(берет).* Ничего-с.

С. 377

[6] Народ без креста. / Народ хам.

[9] Вот что: сосните, сударь! / Да что же, сударь! Сосните немножко.

[10] А ночью-то что делать? / А ночью-то что ж?

[18—19] *Хочет ложиться, дверь отворяется. / Дверь отворяется.*

С. 378

[7—9] И опять же ~ но не все же. / Я говорю должен, он и должен доложить, уж это не его дело, — на бедность я пришла просить или нет!

[25] Я с вами согласен / Конечно

С. 379

[27] *После:* чтоб обошлось без любви. — Этого никогда не бывает.

С. 380

[26] *После:* А уж этой черты характера — вы сами понимаете

С. 381

[15—16] свободно сестре или не свободно / свободно ей или она взаперти сидит

[20] *Фразы:* Чаю не хотите ли? — *нет.*

[36—37] *Слов:* проходящих там ~ приятная прогулка — *нет.*

С. 383

[19] *После:* ты у нас, Афоня, божий человек. — *(Гладит по голове.)*

[25] Меня-то не обижают, а у меня / У меня, дедушко,

[38] что он рабствует / что он перед ней рабствует

С. 384

[9—10] *После:* будут важничать — да ничего не делать. Стало быть так и надо.

[10] *После:* а его сделали работником. — А она барыня.

С. 385

[13—14] а над звёздами, Афоня ~ что Он милосерд / а над звездами наш Творец милосердный. Помни, Афоня, что Он милосердный. Кабы мы это получше помнили

С. 386

[1] Кажется, кто-то идёт. Не они ли? / Однако кто-то идет, это, должно быть, они.

С. 387

[4] и притом же ваш муж... / Еще как это вашему мужу понравится.

[14] расположены к вам / расположены к вашему семейству

[22—23] *Фразы:* Я готов даже в город переехать, только бы вы... — *нет.*

С. 389

[32—33] *у задней стены ~ часы. / и три скамейки; одна у лежанки, другая у задней стены, третья у окна. Налево у стены шкаф с чашками.*

С. 390

[4] *Перед:* Вот, Таня — *(с цветной салфеткой в руках).*

[11] Что перед зеркалом-то пялишься? / Что ты перед зеркалом-то пялилась?

[37] Мне и здесь хорошо. / Кому ж я мешаю?

С. 391

[1] а ты тут тоску наводишь. / Что хорошего! Только тоску наводишь.

[17] *Реплики:* А ф о н я. Наказанье! ~ в нашу родню влезли? — *нет.*

[32—33] Им только бы дома-то ~ привыкать. / Ей только бы дома-то управиться! Еще к хозяйству не привыкла.

С. 392

[13—15] Не гнать же мне сестру для него! ~ по крайней мере, родня. / Коли он расположен к вам, так нашей родней не побрезгует-с.

[19] *После:* Аль сам-то не пьёшь? —

Ж м и г у л и н а. Сгореть нам со стыда.

[23—24] *После: ставит на стол графин, рюмку и закуску — наливает рюмку.*

[25] *После: Курицына пьёт — наливает опять.*

[31] *Перед:* А ты бы с меня пример брал — Много потачки даешь.

С. 393

[7—11] Как кому нравится ~ Ну уж это ты врёшь! /

К р а с н о в а. Ведь это как кому нравится, кто что любит! Вам, сестрица, нравится такое обращение, а я считаю это за невежество.

Ж м и г у л и н а. Нынче уж мужицкое-то обращение везде бросают, потому что оно начинает из моды выходить.

К у р и ц ы н. Ну уж это ты врешь! Вас не учить, так добра не видать.

С. 395

[17] *Ремарки: (прибирая со стола) — нет.*

С. 396

[22—23] Мне жизнь-то не больно сладка, да и жить-то недолго осталось. / Мне и так немного жить-то осталось.

[30—31] и давай мутить. ~ Бросить да не думать, вот и конец. / Видимое дело. В каждой семье так. Ну так бросить да не думать, и из головы вон.

С. 397

[5—14] Я с вашей женой давно знаком. ~ кофей сделать. /

Б а б а е в. Вы торгуете?

К р а с н о в. Торгуем.

К р а с н о в а. Что ж вы не сядете! *(Бабаеву.)* Не угодно ли вам чаю?

Б а б а е в. Нет, благодарю; я теперь не пью чаю.

Ж м и г у л и н а. Ах, Таня, мы и забыли, что в Петербурге совсем другой вкус. *(Бабаеву.)* Может быть, вы в это время имеете привычку кофей кушать? Так это можно сию минуту.

[23] Учтивей-то вы не можете? / Разве вы учтивее не можете?

[24] Я своё дело знаю. / Я знаю, что говорю.

[34] А в самом деле / Нет, в самом деле

С. 398

[5] сковорода / сковрода

[13—14] своей должностью ~ первое дело-с / свое дело делаете, потому что в нашем звании барыней сидеть некогда

[34] *Фразы:* Поезжай себе в Петербург, и любезное дело! — *нет.*

С. 399

[3—4] взяли так обижать меня / вздумали так обижать меня

[14] только что политически / только что политично

С. 400

[19—20] *После:* Извольте идти — проститься

[35] Ведь ничего не может быть дурного / Ни под каким видом ничего дурного и быть не может

С. 401

[17] *Перед:* ещё утро. — все

[19] Вот иногда зимой / Вот когда зимой

[31] Поди-ко, мой милый / Поди-ко, милый друг

С. 402

[11—12] все друг друга знают, друг за другом смотрят / все друг за другом смотрят

[13—14] *После:* Ты проезжий — человек.

[31] неужели всем / неужли всем

С. 404

[17] *После:* я тебя обману? — Скажу не то, что мое сердце говорит?

С. 405

[27] Не хочу я знать никаких уговоров. / Очень можно.

С. 406

[19] *Перед:* Вы милы, Лукерья Даниловна! — Я вам скажу одно

С. 408

[22—23] как бы нам эту статью обработать / может быть, какая-нибудь фантазия в голову и придет на этот предмет

[30—31] *Перед:* так поневоле — отворачиваешься от него

С. 409

[4] он и то не будет замечать / он и то будет верить

[6] Непременно вдруг. / Непременно нужно вдруг.

[12] что он тебя обижает / что он тебя напрасно обижает

[17] *После:* женщина с умом-то! — Живет себе — ни о чем не тужит.

С. 410

[3] *Перед:* К р а с н о в а. Муж теперь на меня сердится — *(Жмигулина делает знаки Красновой.)*

[16] даже очень / только его обращения боюсь

[19] Да как же мне молчать-то! / Да как же мне не говорить-то!

[21] *Делает знаки Красновой. / Делает знак, чтобы Краснова говорила.*

[31] *После:* аль так, только слова одни — все одно, что медь звенящая?

[37] Как придёт, так и поговорю. / Как увижу, так и поговорю.

С. 411

[12] Да уж коли ты взаправду, так гордость-то брось. / Да уж коли ты взаправду покориться хочешь, так ты теперь гордость-то брось.

[17] *Слов:* Стыд головушке! *(Закрывает лицо руками.)* — *нет.*

[20] *Фразы:* Сними этот стыд-то с него. — *нет.*

[25] *После:* милей всей родни. — Всех нас он на тебя на одну променял.

[26] *После:* Угомонись ты! — Замолчи!

[30] *Ремарки: (гладит по голове Афоню)* — *нет.*

С. 413

[3] *После:* И кусок-то в рот нейдёт. — *(Кладет ложку.)*

[6] *Краснов слушает. / Краснов внимательно слушает.*

[20—24] *Текст:* Как пошла это она к нему ~ вот так и жжёт. — *вычеркнут.*

С. 414

[29—30] так извините меня. Если вам угодно, я вам, пожалуй, в ноги поклонюсь. / так простите меня. *(Хочет поклониться в ноги.)*

[31] *Перед:* Нет, зачем же-с! — *(удерживая ее).*

С. 416

[5] *После:* Господь по земле! — *ремарки: Уходят.* — *нет.*

[7—8] *Уходит. / Уходят А р х и п, А ф о н я, Ж м и г у л и н а.*

[23] нешто я не вижу / нешто я не вижу, что им всем ненавистно

[27] не хотел бы тебя обидеть / не хотел бы обидеть

С. 418

[8—9] *После:* раньше часу не обернёшься. — Разве что дома не застану.

[11] *(вслед мужу).* Ну, прощайте! / Ну, прощайте! *(Одна.)*

[36] Сегодня едет. / Сегодня в ночь ехать хочет.

С. 419

[8] *Покрывается платком. / Берет платок и покрывается.*

[24—25] *После:* всё шито да крыто будет — мужу-то и в ум не влетит.

С. 420

[7—8] у вас огни в глазах бегали / что вы его обманываете. У вас в глазах огни бегали

[29—30] У нас ведь одна модница-то только и есть / она у нас франтиха.

С. 421

[11] Со мной — не с кем другим. / Не на ту напала.

[12—13] И, полно ты! ~ Она у себя хозяйка, ты у себя. / Да [что] из чего вам ссориться-то! Что вам делить-то!

[31] Поди, не трожь меня! Не трожь! / Нужно мне, нужно. Поди, не трожь меня!

[36—37] да и к вам зайду. *(Уходя.)* / да и к вам.

С. 422

[7—8] Буду ждать ~ накипело. / Подожду ее. Я ей все тогда прямо в глаза скажу, все, что на сердце у меня накипело, чтоб не возносилась она над нами.

[13] получасу нет / еще двадцати минут нет

[14] *Фразы:* Нет, нет! — *нет.*

[22—23] Эх, право! Как это так сделалось! Ведь вот кабы по душе-то судить / Кабы моя-то воля [была], не рассталась бы я с тобой

С. 422—423

[32—3] А что хорошего ~ когда воли нет. / надоест ведь это, да и противно; не такой у меня характер. А [узнай] догадайся муж, что я его не люблю, так он бранью да попреками меня в гроб сведет. Никак я себя переломить-то не могу, уж очень он мне противен. *(Утирает слезы.)*

С. 423

[7] лучше уж я уйду потихоньку / лучше уж потихоньку

[15—17] сама ведь замуж ~ Валентин Павлыч / если я теперь покину дом, видимая мне погибель, а так меня и тянет, так и тянет к тебе. Так я тебя полюбила, Валентин Павлыч, что не думала и не гадала. И [не думала] на уме-то у меня не было, чтобы могло это случиться.

[21—25] А теперешняя ~ кто виноват / Да ты не сердись! Это я только так говорю, а уж, конечно, от своей судьбы не уйдешь. Некого тут винить

[35—37] я сохну, как свечка таю ~ злодейка наша, вот что делает! / а кто тебя знать не хочет, к тому ты сам всей душой.

С. 424

[16] *Фразы:* Каждая минута за год кажется. — *нет.*

[20] Я, кажется, так тут и умру. / Надо полагать, что это она.

С. 425

[1—2] Ты думаешь, мне нужно? / Ты думаешь, мне очень нужно?

С. 426

[15—16] за язык твой, за проклятый / за язык твой проклятый

С. 427

[1] *Перед:* К у р и ц ы н. Да все и подождём её, сударушку. — *(Краснов садится к столу, повеся голову. И все садятся.)*

[7—8] *После:* Видишь, все на мой срам глядеть сошлись. — Ты скажи мне прежде, как ты мужу глаза отводила, как ласкала меня, миловала, [сердечным другом] прямо к сердцу прижимала. [Что ж молчишь!]

[21] на твою спесь. / как ты заважничаешь!

С. 427—428

[35—10] С чего ты загуляла-то? ~ хоть пожалеть-то тебя? / Меня-то ты вправду, что ль, любила? Ну, хоть малость, хоть от жалости?

С. 428

[24] Да подайте мне ножик! / Ножик мне! Ножик!

[26] А ф о н я. Братец! Братец! / А ф о н я *(дергает его за рукав)*. Братец! Братец!

[28] К барину уйдёт. / К барину.

[33] Братец, собирается. Уйдёт, братец! / Я говорю, уйдет.

Варианты чернового автографа

С. 433

[32] Кто же смеет сомневаться! / Кто же [может] сомневаться!

[33] зачем писать? / [как же?]

С. 434

[4] своим горбом / своим [трудом]

[15] Я сознаюсь ~ человеку благородному, что / [совершенно признаюсь]

[23—24] вы поймёте все фибры души моей / [вы поймете меня]

[30—31] я не всегда имею ~ нашей фамилии / [я не всегда имею достаточно финансов, чтобы поддержать нашу фамилию]

[31—32] *Слов:* нашей фамилии, которую я облагородил — *нет.*

[34—36] И в некоторых других ~ решился… / *1)* Я несколько раз обращался с требованием к моим родственникам, но, не видя для себя благоприятного результата, я решился… *2)* ◊

С. 435

[23] вы наводите ужас на мирных обывателей / [вас боятся хуже какого-нибудь Мамая]

[31] *Слов:* как благородного человека — *нет.*

[35—36] оружие на случай встречи с вами / уздечку на вас

С. 436

[14] *После:* разбойник известный! — От тебя никому по улицам проходу нет.

С. 437

[11] *После:* хуже чего быть не может — все равно что куклой.

[18] все мне не по сердцу-с / [одна другой хуже]

[24] Я теперича оченно влюблён-с. / Я [теперь] оченно влюблен-с.

[26] Уж это так точно-с. / *1)* [Хоть теперь умереть.] Уж это так точно-с; *2)* ◊

[28] Уж есть такая девушка-с. / *1)* [Тут по соседству.]; *2)* ◊

[34] а то что я такое? / а то что я [за человек?]

С. 438

[10] *После:* Ну, вот ещё! — Нужно мне очень смеяться.

[11—12] Да мне что ж! Смейтесь, пожалуй! Мы своё дело знаем. / *1)* Да мне что ж! Мы свое дело знаем; *2)* ◊

[16] в гостях, да и засиделись / *1)* да и засиделись; *2)* ◊

[17] «Как же мы так поздно пойдём?» / *1)* «Как же мы пойдем?»; *2)* ◊

С. 439

[5] про меня, дурака / *1)* про меня; *2)* ◊

[11] *После:* сердцу не очень верь. — У них тоже свои штуки есть.

[19—20] а идти к ним боюсь. Проходит другая, третья; да уж и сам не знаю / *1)* а идти к ним боюсь, да уж и сам не знаю; *2)* ◊

[25—26] Начал я ~ она мне / *1)* Начал я извинения просить, а она мне; *2)* ◊

С. 440

[9] Три дни писал. / [Два] три дни писал.

[33—34] Нешто об этом какой разговор быть может-с! / [Стоит ли об этом говорить]

С. 441

[9] себя потерять / жизни своей лишиться и себя потерять

[13] Сделать загул хороший / [Загулял хорошо.]

[35] *После:* прямо, как отрежу — [что я кроме вас ни на ком жениться не могу.]

С. 442

[1—2] мне будет жить в вашей семье / *1)* мне будет в вашей семье; *2)* ◊

[8] Через вас только я и могу быть человеком / [через вас только и может быть для меня спасение]

[24—25] *Слов:* Миленький мой! — *нет.*

[28] Школить надо нашего брата / Ежели бы нашего брата школить

С. 443

[3] *Фразы:* Держи себя в струне! — *нет.*

[13—14] *Слов: пожилой человек ~ грустно улыбается — нет.*

С. 445

[14—15] и сама потрафлять. А не сделай я так точно, так ведь меня засмеют. А как это / *1)* и сама потрафлять. А как это; *2)* ◊

[26] Книги? *(Вздыхает.)* / Книги? *(Вздыхает.)* Охо-хо-хо!

[30—31] читать нельзя-с / читать [не нужно] нельзя-с

[34] *Перед:* Не в том сила — Гражданскими ли, не гражданскими ли

С. 446

[7] От заблуждения; совратились. / От заблуждения, от заблуждения, а других вводят в соблазн.

[29] Дума разная бывает-с / Ох-хо-ох! Дума разная бывает-с

С. 447

[1—2] интересно послушать / интересно

[5] *Слов:* Что-с! Каково слово! — *нет.*

[8—9] И колокол тоже металл. А то есть ещё / *1)* А то есть еще; *2)* ◊

[23—24] что за разговор завели! / давайте о чем-нибудь другом поговорим!

[34] Много нужно, сударыня, ох, как много! / Многого не исполняешь, сударыня, очень многого.

С. 448

[3] А мы не исполняем. / А мы вот этого не исполняем.

[22—24] К чему ~ дожидаться-то его! / *1)* К чему торопиться-то! Каково мне дома-то сидеть, дожидаться-то его! *2)* ◊

С. 449

[12—13] Александра Петровна. Один Андрей Титыч / Наталья Никаноровна. Один Андрюша

[30—33] *Текста:* Да уж говори ~настоящий. — *нет.*

[34—35] *Фразы:* Даром не прошёл! — *нет.*

С. 450

[21] *Слов:* Обозвали всех как нельзя хуже… — *нет.*

[24] мы и гоняли от себя / мы было прогоняли

[31] Как дело пойдёт, сударыня. / *1)* Как дело пойдет; *2)* ◊

[34] Разная, сударыня / *1)* Разная; *2)* ◊

С. 451

[21—22] *Перед:* Мы тем живём. — [Какая же совесть?]

С. 452

[14] *(подходит к нему). / (Близко подходит к нему.)*

[19] Как же это случилось? / Каким же это манером?

С. 453

[3] Ну, вот, значит, мы и закутим. / *(смотрит ему в лицо с улыбкой).* [Ах, как я рада] Ну, вот, значит, мы и закутим.

[14] *Обнимает и целует. / Нежно обнимает и целует.*

[18] *(с сердцем).* Андрюшка! / [*(освобождаясь)*] Андрюшка!

[29—30] Когда ты женишься, чтоб лошади были у нас хорошие. / Вот что: когда ты женишься, чтоб лошади были у нас хорошие.

[32] Знаешь что? / [Да ты смотри.] Знаешь что?

С. 454

[17] *(садится; молчание). / (Садится. Все стоят. Молчание.)*

С. 455

[3—4] чтоб ты кого до смерти не убил / чтоб не убил кого или над собой ничего не сделал

[5—6] в здравом рассудке / в здравом [уме] рассудке

[25—26] А тут родственники ~ пустяками и кончится. / А тут твои родственники со стороны для тебя сделочку предложат.

[31] *Перед:* И уж не выглядывать? — [Вот спасибо, вот спасибо]

С. 457

[19] *Слов:* Ох, грех! — *нет.*

С. 458

[6—7] Вон он, мой батюшка, сидит в тарантасе один-одинёхонек. / [Кит Китыч в тарантасе сидит один-одинехонек.]

[8] Зачем его туда занесло? / Зачем его занесло туда?

С. 459

[27] *Перед:* Мы этого знать не можем. — Не знаю это дело, батюшка.

[30] посоветуйте вашему супругу / скажите вашему супругу

С. 460

[13] завтра дело пойдёт в суд / завтра мы подадим прошение

С. 461

[4] Как вы могли подумать! / Какой же промысел!

[8] Ловкий вы человек! / Однако вы ловкий человек!

[26] больше требовать нельзя / чего ж еще больше

[27] Позвольте узнать хоть приблизительно. / А сколько, позвольте узнать?

[34] Вы знаете, что я человек непреклонный. / Я, господин Досужев, человек души непреклонной.

[37] Берите, право, берите. / Ведь эти деньги я вам дарю.

С. 462

[6—13] Досужев. Вы дадите подписку ~ не конфузься! /

1) Досужев. Вы дадите подписку, что на Брускова претензии не имеете и за обиду считаете себя удовлетворенным.

Луша приносит бумагу и чернила.

Давай сюда! *(Садится к столу.)*

Перцов. Ты, душенька, говори, не конфузься!

2) ◊

Варианты цензурной театральной копии

С. 433—434

[35—6] Перцов. Удары судьбы ~мошеннику. /

[Перцов. Удары судьбы и роковая необходимость заставили меня прибегнуть к этому не всеми одобряемому способу.

Досужев. Какая же роковая необходимость? Вы могли бы служить, у вас такая величественная физиономия. Да и кроме физиономии, вы всем обеспечены: ваши родные дают вам квартиру, стол, да и денег гораздо больше, чем мы своим горбом зарабатываем. А вы за это на сестру фальшивый вексель написали да передали какому-то мошеннику.]

С. 435

[4—6] Досужев. Для редкости. ~ деньги /

[Досужев. Для редкости. Я такие вещи собираю.

Перцов. Никакой редкости нет, дело очень обыкновенное. Я очень хорошо знаю, что вы выкупили его на сестрины деньги]

С. 463

[27] Ты Андрюшкин знакомый? / Ты Андрюшин знако́мый?

КОММЕНТАРИИ

ТВОРЧЕСТВО А. Н. ОСТРОВСКОГО 1855—1863 ГОДОВ

В 50-е годы XIX столетия в России произошли значительные перемены — после смерти Николая I и поражения в Крымской войне наступило время оживления и надежд на развитие свободы и гласности. Изменения произошли и в жизни Островского, который охотно принял приглашение Н. А. Некрасова стать сотрудником журнала «Современник». Правда, опыт работы в «Москвитянине» и влияние москвитянинского окружения не прошли для него бесследно. Не принадлежа ни к какому идеологическому направлению, не сковывая свою творческую свободу, драматург печатал пьесы и в журналах «Русский вестник», «Время», «Библиотека для чтения». В 1855—1863 гг. Островский написал «В чужом пиру похмелье» (1855), «Доходное место» (1856), картины московской жизни «Праздничный сон — до обеда» (1857), которыми открывается трилогия о Бальзаминове, а также пьесы «Не сошлись характерами!» (1857), «Воспитанница» (1858), «Гроза» (1859), «Старый друг лучше новых двух» (1860), «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!» (1861), «За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова)» (1861), «Грех да беда на кого не живёт» (1862), «Тяжёлые дни» (1863). В произведениях этого периода значительно расширяется сфера изображения, реальная действительность представлена богаче, многоцветнее и драматичнее. Писатель отходит от прежнего взгляда на жизнь, от опоэтизированного отношения к патриархальности, его оценки становятся более критичными, всё острее он чувствует неблагополучие современной политической системы и нравственного состояния общества.

В двухактной комедии «В чужом пиру похмелье» намечен новый подход к изображению русского купечества, в жизнь которого проникают новые веяния. Драматург впервые сталкивает два дома, две семьи, относящиеся к различным социальным слоям и исповедующие различные моральные ценности, и разрешает конфликт не в пользу патриархального мира. Подлинная новизна комедии состояла в том, что самодур Брусков показан как явно комедийный персонаж, который не столько страшен, сколько смешон. Поэтому он пасует перед чувством собственного достоинства, которым преисполнен просвещённый, но наивный, отгородившийся от жизни книгами и догмами Иван Ксенофонтыч Иванов.

По праву новым этапом в творчестве драматурга считается комедия «Доходное место»; в ней драматург подвергает критике чиновничье-бюрократическую систему, основанную на взяточничестве, казнокрадстве, круговой поруке. Деловой мир был показан во многих произведениях русской литературы. В 1850-е годы, в период общественного оживления, на сцене стали появляться пьесы, изображающие чиновничью среду, поток произведений на тему, ставшую не только злободневной, но и модной, был довольно обильным. Это «Присутственный день уголовной палаты» И. С. Аксакова, «Чиновник» В. А. Соллогуба, «Свет не без добрых людей», «Предубеждение, или Не место красит человека, а человек место» Н. М. Львова, «Бедный чиновник» К. С. Дьяконова и др. На фоне многочисленных пьес на эту тему «Доходное место» Островского обрело своё особое положение. Оно обеспечено не тем только, что автор попал в струю, а прежде всего — качеством художественного исследования нравов, быта и характеров. Впервые в драматургии Островский берётся за изображение не столько чиновников, сколько самой системы, представленной конкретными характерами, впервые он показывает эту систему изнутри, подвергает её серьёзному осмыслению, избегая при этом тенденциозности и морализирования.

Социальные, нравственные мотивы Островский соединяет с бытовой проблематикой и любовной интригой. В результате деловая сфера, а также домашняя, семейная жизнь предстают в пьесе как часть жизни общероссийской. Ситуация крушения идеалов и надежд, переживаемая героем, придаёт комедии черты социальной драмы. По типу конфликта (противостояние героя и среды) и общественному пафосу пьеса продолжает линию, идущую от комедии Грибоедова «Горе от ума» как произведения высокого гражданского звучания. Романтические черты, которыми наделён Жадов, вполне объясняются условиями 1850-х годов: в это время с особой силой зазвучали эстетические и этические принципы в искусстве и литературе, сказываясь на сознании и поступках людей. Русская интеллигенция старалась принести пользу своему отечеству, стремилась приобщить народ к культуре и не жалела сил на просветительскую деятельность. Сами понятия «отечество», «благо», «честный труд» были не просто словами, они обладали необыкновенной внутренней силой, что проявлялось в самых различных формах деятельности. Образованная и наиболее совестливая часть поколения 1850-х годов мечтала о справедливом и честном обществе, о труде на благо человечества. Реалист Островский не обошёл этого процесса в своём творчестве. Он безошибочно верно противопоставляет ростки, пусть ещё не окрепшие, интенсивной внутренней жизни честного человека огромной машине государственной бюрократии, обладающей страшной силой уничтожения всего, что стоит на её пути. Изображая государственный аппарат, автор показывает чиновников разной величины (Вышневский — Юсов — Белогубов), тем самым выделяя разные ступени иерархической лестницы. Своими понятиями о труде и общественной пользе, поведением и речами Василий Жадов противопоставил себя всему окружению, которое он справедливо презирает, но которое оказалось сильнее его, — чиновники действуют сплочённо против дерзких «мальчишек», и поэтому Жадову не устоять.

События выстраиваются в крупные, законченные сцены; каждый новый акт пьесы — это новая часть самодвижущейся картины, раскрывающей законы чиновничьей среды. В череде событий и реплик обнажаются основы государственной системы, открывающей простор для разного рода махинаций с целью незаконного обогащения — в строгом соответствии с занимаемым положением. Цензурный экземпляр театральной писарской копии свидетельствует о том, какие изменения Островскому пришлось сделать в тексте, сократив целые фрагменты и изъяв «опасные» выражения. Но эта значительная переработка не спасла комедию от запрета к постановке на сцене.

Над картинами московской жизни «Не сошлись характерами!» Островский начал работать зимой 1856 года, а закончил (после длительного перерыва) в конце 1857 года. Небольшая трёхактная пьеса, которую драматург назвал произведением серьёзным, вызвала бурную дискуссию в критике. Накал страстей в немалой степени объясняется неготовностью принять такие жанры, как сцены и картины. Драматургу интересны необычные ситуации, возникающие в повседневной жизни. Избалованный барчонок Поль становится мужем купеческой дочери Серафимы Карповны, намеревающейся жить лишь на проценты с капитала. Вся любовь растворяется в воздухе, когда Поль просит у жены денег. В этой пьесе уже зарождаются такие типы, которые впоследствии будут изображены в произведениях 1860—1880-х годов. Это типы разоряющихся дворян и современных дельцов.

«Воспитанница», имеющая жанровое обозначение «сцены из деревенской жизни», — вторая в творчестве Островского (после «Утра молодого человека») пьеса-

сцена. Для пьесы, где показан фрагмент из жизни воспитанницы, характерно динамичное развитие действия, сконцентрированного во времени и в пространстве. Главная героиня в течение нескольких часов переживает сильное потрясение, нарушающее её безмятежное существование и разрушающее внутреннюю гармонию, лишающее её жизненной опоры, твёрдых нравственных убеждений, что в результате ломает её жизнь. Впервые местом действия Островский избрал дворянскую усадьбу, хозяевам которой он отказывает в высокой культуре, человечности и поэзии, чем отличались обитатели дворянских гнёзд у Тургенева. Новый материал потребовал от художника расширения сценических приёмов. Одним из компонентов пьесы стал пейзаж, отражённый в ремарках и вошедший в событийный ряд произведения. Какое значение драматург придавал ремаркам, свидетельствуют рукописные источники. Прежде чем написать: «Действие происходит весной, в подгородной усадьбе Уланбековой», Островский в черновом автографе пробует разные варианты. Сначала действие предваряла ремарка: «Сцена представляет комнату в деревенском доме, прямо дверь в сад, справа и слева двери, посередине круглый стол». Затем он создаёт новый вариант: «Действие происходит весной, в подгородной слободе Уланбековой», впоследствии заменив слово «слобода» на слово «усадьба». В основе художественных поисков драматурга лежит стремление найти наиболее точный и выразительный приём, который даст театру возможность соединить слово, интонацию, жест с необходимым театральным реквизитом, верно исполненной декорацией, умело подобранной музыкой, что должно найти эмоциональный отклик у зрителя.

Хозяйку усадьбы, помещицу, владелицу двух тысяч душ драматург наделил фамилией Уланбекова, этимология которой «прочитывается» без усилий. Внешние приметы азиатского начала (фамилия и восточный тип лица) в ходе событий сильнее оттеняют деспотическую суть Уланбековой. Все элементы драматического действия у Островского одухотворены и наполнены критическим отношением к негативным сторонам жизни, которые он видел и в деловой, и в семейно-бытовой сфере, и в купечестве, и в бюрократической среде, и в мире дворянства.

Пьеса «Гроза» явилась свидетельством того, что Островский окончательно отказался от идеализации купечества и патриархального быта, сосредоточив внимание на драматизме жизни купеческого сословия как следствии перемен, подтачивающих изнутри казавшиеся вечными и незыблемыми основы, на которых держался этот мир. Русский литературный процесс второй половины 1850-х годов отмечен особым вниманием писателей к национальному характеру, к проблеме самосознания, к сложным и нередко трагическим сторонам психологии, быта, нравов русских людей, принадлежащих к различным социальным слоям. Почти одновременно с «Грозой» Островского А. Ф. Писемский пишет драму «Горькая судьбина», где ситуация, избранная драматургом, в отличие от «Грозы» изначально безысходна и трагична.

«Гроза» Островского — одна из самых ярких, необычных и острых по проблематике пьес русского репертуара. Единого мнения о пьесе никогда не было не только в критике и в литературоведении, но и среди читателей. Основные суждения развиваются в русле оценок, высказанных Н. А. Добролюбовым, А. А. Григорьевым и Д. И. Писаревым. «Гроза» — пьеса об особенностях национального бытового уклада, о характере миросозерцания русского человека, его индивидуальных психологических качествах и эстетических воззрениях, о типе взаимоотношений людей, принадлежащих к одному социальному слою. Конфликтная ситуация возникла в результате попытки

личности жить в соответствии с запросами души, не подчиняясь омертвелым догмам и традициям. В «Грозе» драматург максимально заострил конфликт и впервые в своём творчестве привёл его к трагической развязке. Островский назвал «Грозу» драмой, однако современники восприняли её как трагедию, общечеловеческая значимость которой усиливается тем, что её героиней стала не известная историческая личность, а простая женщина — молодая купчиха Катерина Кабанова. Русская драматургия ещё не имела такой пьесы, в которой бы так полно и глубоко была отражена внутренняя жизнь современной женщины из патриархальной среды и в которой бы противостояли друг другу сильные и яркие женские характеры. Воспроизводя атмосферу провинциального купеческого быта, Островский значительно расширил пространство сценического действия, оно выплеснулось на улицы города Калинова, жизнь которого воспроизведена реалистично и многосторонне. И хотя Калинов — город вымышленный, показан он объёмно, достоверно, с убедительными подробностями. В Калинове все сведения об иных землях горожане получают от невежественных странниц и живут с убеждением, что Литва «на нас с неба упала». Единственный в пьесе просвещённый человек, Кулигин, выглядит в глазах горожан чудаком: «антик, химик», иронически называет его Кудряш. Кулигин пытается усовершенствовать окружающий мир, надеясь установить в Калинове часы и громоотвод. Его характер перекликается с образом русского механика-самоучки Кулибина. В годы сотрудничества Островского с М. П. Погодиным в «Москвитянине» публиковались материалы об этом русском самородке. Так, печатались воспоминания П. Пятерикова об Иване Петровиче Кулибине (*Москв.* 1853. № 14, кн. 2. Июль. Отд. IV. С. 11—13). Вполне возможно, что эта публикация отложилась в памяти драматурга, как и другие, где повествовалось о вкладе этого замечательного человека в русскую культуру. Такова, например, заметка П. Н. Обнинского «Кулибинские часы», где подробно описаны астрономические настенные часы, хитроумно спасённые во время нашествия французской армии в 1812 г. смотрителем дома графа Бутурлина (*Москв.* 1853. Т. 6, кн. 1. № 23. Ноябрь. Отд. VII. Современные известия. С. 165—166). В следующем номере появляется новая заметка уточняющего характера. В ряду материалов «Москвитянина» обращает на себя внимание статья И. А. Киреевского «Опыт изложения теории и устройства громовых отводов». Автор статьи с горечью пишет о том, что население к громоотводам относилось с явным недоверием. Непонимание явления грозы и страх перед нею и переданы в «Грозе» впечатляюще и достоверно.

Создавая драму трагедийного типа, Островский в качестве исходного момента использует ситуацию классицистической трагедии, основанной на конфликте между чувством и долгом. Полюбив сильно, глубоко, самозабвенно, Катерина решается на страшный грех, изменяя мужу, и идёт навстречу чувству с сознанием неизбежной расплаты за это. Пьеса наполнена образами, идущими от народной культуры. Катерина вырастает в подлинно национальный характер. Островский создал трагедию нового типа, где финал предрешён не только особенностями двух женских натур, не только мучительной борьбой между чувством и долгом, а прежде всего обострённой совестью, которой наделена Катерина, переживающая внутренний конфликт ценностей. В третьем акте пьесы она стоит перед выбором: или соблюсти обет верности, или дать выход чувству, тем самым совершая грехопадение. В финале Островский вновь ставит молодую Кабанову перед решением: продолжать жить, через покаяние и смирение отмаливая у Бога прощение, или же уйти из жизни. Всякий раз женщина свободна

в выборе, и всякий раз она избирает греховный путь — прелюбодеяние и самоубийство. Подобная степень заострения проблемы у Островского появляется впервые.

Важнейшим моментом в «Грозе» являются сцены, в которых звучат мотивы ада и рая, характеризующие основы народного сознания. Островский усиливает этот аспект, намекая на апокрифический сюжет «Хождения Богородицы по мукам». Кроме того, мотив греховной любви и неодолимости страстного чувства как сложнейшего и неразрешимого противоречия позволяет делать сопоставления с «Божественной комедией» Данте. Это величайшее творение мировой литературы на протяжении длительного времени печаталось в «Москвитянине» в переводе Дмитрия Мина. Островский по-своему осмысливает земную жизнь грешного человека и его неумолимую ответственность перед людьми и Высшим Судиёй за все свои поступки. Ад у Островского не имеет чёткой структуры, как в поэме Данте. Ад пугает героев пьесы как будущая расплата за совершённые грехи. О нём помнят и Кабанова, и Дикой, и полусумасшедшая барыня, и Катерина. Картины ада рисует барыня в своих пророчествах, изображение ада содержится на росписях часовни. Но самый страшный, по Островскому, тот ад, который люди создают друг другу и самим себе.

«Гроза» стала эпохальным произведением и для Островского, и для русской литературы. Нравственные, психологические и бытовые коллизии пьесы найдут продолжение в других творениях драматурга.

В 1860-е годы драматург много работал, сюжеты один за другим теснились в его воображении и воплощались в замечательных творениях. Продолжая работать в жанре социально-бытовой пьесы, драматург пишет комедии, драмы, картины, сцены, наполненные элементами мелодрамы, водевиля, балагана, сказочными мотивами, трагическими ситуациями.

Однако отношения у Островского с театром были нелёгкими. Сложилась довольно противоречивая ситуация: он остаётся ведущим русским драматургом, создателем отечественного репертуара, но к середине 1860-х годов театр начинает охладевать к его произведениям. Всё тяжелее ему выносить зависимость от театральной администрации, от капризов актёров, от вкусов публики. Пьесы ставятся небрежно, а в критике раздаются голоса о том, что Островский выдохся, исписался[1].

После «Грозы» драматург пишет картины из московской жизни «Старый друг лучше новых двух». Сюжет пьесы незамысловат, но красноречив. Портниха Олинька, живущая скромно со своей матушкой, «хозяйкой небольшого деревянного дома», надеется выйти замуж за титулярного советника Прохора Гаврилыча Васютина, с которым она тайно встречается: «...ведь обещал жениться, так, может, и сдержит своё обещание. Хорошо бы было; доходы он получает — большие; можно бы тону задать». Васютин, который ведёт «грязную жизнь», при этом производит впечатление послушного сына своей матушки, недовольной его поведением и мечтающей о внуках. Родители подыскали ему подходящую невесту. Но после того, как жениху отказали в доме избранницы, куда он, изрядно выпив, явился вместе со своим приятелем, Васютин добивается от матери разрешения жениться на Олиньке. Мечта работящей, смышлёной, находчивой девушки сбывается. Но финал лишь кажется благополучным. Олинька понимает, за кого она выходит замуж: «...жизнью своей безобразной ты меня не удивишь! Я тебя и остановить умею, и гостей твоих знаю, как принимать,

[1] Пренебрежительное отношение к драматургу демонстрировали и театральные чиновники. См., напр.: *Шуберт А. И.* Моя жизнь. Л., 1929. С. 156.

да ещё и вкусу тебя научу, как одеваться и как вести себя благородней». Драматург лаконичными и убедительными выразительными средствами передал нравы мира мещан, купцов, чиновников.

В 1861 году драматург завершил трилогию о Бальзаминове, которую составляют картины из московской жизни «Праздничный сон — до обеда», «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!», «За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова)». Героем трилогии автор избрал бедного чиновника, изобразив его в неожиданном ракурсе. Подобный персонаж обычно в литературе изображался заслуживающим сочувствия. Бальзаминов же представляет собою пародию и на сказочного персонажа, и на «маленького человека». Пределом его мечтаний является голубой плащ на бархатной подкладке да деньги, на которые он рассчитывает прожить триста лет. Мир таких людей формировался сказками, где чудеса творились «по щучьему веленью, по моему хотенью». Михайло Дмитрич Бальзаминов, доживший до двадцати пяти лет, всё ещё греется под крылом маменьки и надеется на чудо, которое перевернёт всю его жизнь и сделает его богатым человеком.

В начале первой картины комедии «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!» из слов маменьки становится известно, что Бальзаминов «всё счастье себе хочет составить, прельстить кого-нибудь», а вот «умных слов совсем не знает», «да и набраться-то негде» на этой глухой стороне, где живёт тёмный народ. Кроме того, он белокур, а «нынче белокурые-то не в моде», да и «нос... не то чтобы он курносый вовсе, а так мало как-то, чего-то не хватает», да и «умишком-то его очень Бог обидел». Начало пьесы «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!» почти точно повторяет картину предыдущей комедии. Всё та же бедная комната Бальзаминовых. Всё так же Павла Петровна «сидит с чулком в руках» и переживает за сына: «Прибежит из присутствия, пообедает наскоро, да и был таков, и пропал на целый день. Где он, бедный, бродит? <...> Ну, да это ничего, пускай бегает... пусть на воздухе бегает, чем в комнате-то сидеть... <...> По его-то старанию ему бы уж давно надо миллионщицу приспособить». Сны, «чувствительные» и «жестокие» стихи, переписанные Мишей в тетрадь, мечтания на грани безумия, сцены, в которых герой получает «асаже», его разговоры с маменькой и кухаркой, сцены с участием свахи — это замечательные художественные находки.

Ещё средневековая культура широко использовала мотив вещего сна и пророчества, что исходило из идеи судьбы, которая движет миром. Именно так трактовались эти явления и в русском эпосе, и в скандинавских сагах, где «вещий сон содержит некий символ и намёк», «открывает путь для обобщения, указывает на сущность происходящих и долженствующих произойти событий» (*Гуревич А. Я.* Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М., 1990. С. 85). И в этих произведениях мотив судьбы неотделим от личных качеств человека, в них подчёркивается, что удача тогда ему сопутствует, когда он к ней активно стремится и решительно действует. Мотив вещего сна характерен и для русских народных сказок, в которых отражаются особенности народной психологии и быта (см.: *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки: в 3 т. Т. 2. М., 1985. № 240, 241). Герой трилогии энергичен, активен, деятелен, однако все эти качества, безусловно великие у эпических героев, выглядят смехотворными у Бальзаминова. Характер правки в черновом автографе показывает, как постепенно драматург смягчает образ персонажа, освобождает его от карикатурности и наделяет чертами простодушной наивности.

Чтобы ярче показать убогость, отсутствие высоких духовных запросов, мещанско-обывательские интересы мира, к которому принадлежит Бальзаминов, Островский широко использует приёмы водевиля, пародии, искусства балагана. Смело гиперболизируя, автор в основу комедии кладёт занимательную фабулу — историю похождений замоскворецкого жителя Михайла Дмитрича Бальзаминова, неустанного искателя богатой невесты.

Художественным открытием Островского стала сваха, представительница своего рода общественного института. Акулина Гавриловна Красавина явилась характером обобщающим, она выступает этаким теоретиком, философом, демонстрирует гибкость ума, житейский опыт, «профессиональную» хватку. Её реплики — кладезь бытовой мудрости, которую она черпает и из самой жизни, и из народных формул. Поистине «по-государственному» Красавина глядит на свою «должность»: «Нами только и государство-то держится, без нас никакое государство стоять не может».

Быт в трилогии причудливый, с утрированными деталями, как причудлив и «дурашен» сам Бальзаминов, искренне убеждённый в том, что у него «вкусу очень много». Автор создаёт игровое, перевёртышное царство, где вместо бедной невесты обитает бедный жених, вместо мезальянса с печальным будущим — исполнение желаний с приобретением богатой невесты, скучающей, томной вдовы Белотеловой, в чьи объятия чистая случайность бросает в общем-то заурядного и примитивного Мишу Бальзаминова после очередного «асаже». В третьей пьесе сбывается сон, увиденный Бальзаминовым в начале первой комедии: за чем пойдёшь, то и найдёшь! Это единство всех граней комедийного прочтения создаёт ощущение целостности трилогии как художественной системы.

В четырёхактной драме «Грех да беда на кого не живёт» Островский изображает русскую натуру, в душе которой бушуют сильные страсти. Драматург создал произведение, являющееся продолжением опыта работы в жанре народной драмы трагедийного типа. Здесь в центре внимания автора находится обычная русская семья из сферы мелких торговцев. Относительно благополучную атмосферу дома Красновых, где любящий хозяин старается предупредить каждое желание молодой жены, заслужить её любовь и уважение, разрушает человек из чужого мира (традиционный для Островского мотив). Автор опирается на характерные для русской художественно-эстетической мысли и христианской этики представления о сущностных основах бытия. В этом отношении драма «Грех да беда на кого не живёт» перекликается с пьесами москвитянинского периода и вместе с тем означает развитие драматургии Островского в русле серьёзнейших этических и эстетических проблем и движение к новым художественным высотам. Произведение о страстной русской натуре автор пишет почти вслед за «Записками из Мёртвого дома» и «Униженными и оскорблёнными» Ф.М. Достоевского, которого привлекали загадочные свойства русской души. В литературе неуклонно возрастал интерес к отдельной личности, независимо от её социального статуса, к глубочайшим вопросам истории и современности, к русской культуре, к национальному быту. Развитие этих тенденций происходило наряду с размышлениями о духовности, о роли христианской этики в жизни современной России. Островский как драматург свои раздумья воплощает в персонифицированной форме, разыгрывая перед взором читателя и зрителя поступки различных людей, передавая им право на высказывание основных понятий о человеческих ценностях. С драмой «Грех да беда на кого не живёт», как и с целым

рядом других произведений драматурга, связано понимание Островским ценности земного бытия человека в христианской трактовке. В этом отношении особая роль принадлежит деду Архипу, олицетворяющему религиозный тип сознания. Сюжет развивается таким образом, что только в финале фиксируется его трагедийный смысл. Готовящийся исподволь, финал придаёт драме сценическую масштабность и психологическую глубину.

Тяготея к обобщениям, драматург открывает социально-психологические явления русской жизни, прослеживает их эволюцию. Поэтому нередко у Островского отдельные темы перетекают из пьесы в пьесу, осмысливаются в разных аспектах, вариантах и временны́х планах. В этом отношении примечательна комедия «Тяжёлые дни», где изображается семейство купца Тита Титыча Брускова, известное по пьесе «В чужом пиру похмелье», а также чиновник Досужев, ранее действовавший в комедии «Доходное место». Наплыв из прошлого подчёркивает устойчивость интереса Островского к отдельным типам и проблемам, а также их эволюцию, помогает увидеть новые черты в поэтике и в содержании его произведений. Самодурство, олицетворением которого воспринимался Брусков, в «Тяжёлых днях» трактуется уже не как неотъемлемое качество купеческого сословия и не как неизбежное следствие авторитарности в семейно-бытовых отношениях, а как проявление глупости и неразвитости, отчётливо заметных на фоне происходящих в обществе перемен. По всему тексту пьесы разлита игровая стихия. Она ощущается и в сюжете, и в композиции, и в общем настроении. «Тяжёлые дни» — пьеса событийная и интонационная, именно интонационное богатство и интонационная гибкость придали ей особый эмоциональный, смысловой и эстетический характер.

И. А. Овчинина

Тексты для 2-го тома подготовлены Е. Н. Беляковой («Старый друг лучше новых двух», «За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова)»), А. А. Виноградовым («Праздничный сон — до обеда», «Не сошлись характерами!», очерк «Не сошлись характерами!», «Воспитанница», «Гроза», «Грех да беда на кого не живёт»), К. Ю. Зубковым («Доходное место», «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!»), Н. В. Капустиным («В чужом пиру похмелье», «Тяжёлые дни»). В подготовке и написании комментариев принимали участие Е. Н. Белякова («Воспитанница», «Старый друг лучше новых двух», «За чем пойдёшь, то и найдёшь»), А. А. Виноградов («Праздничный сон — до обеда», «Не сошлись характерами!», очерк «Не сошлись характерами!», «Воспитанница», «Гроза», «Грех да беда на кого не живёт»), Н. Л. Ермолаева («Грех да беда на кого не живёт», «Тяжёлые дни»), К. Ю. Зубков («Доходное место», «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!»), Н. В. Капустин («В чужом пиру похмелье», «Тяжёлые дни»), И. Ю. Матвеева («В чужом пиру похмелье»), Н. Г. Михновец («Не сошлись характерами!»), В. В. Тихомиров («Гроза»), Л. В. Чернец («Праздничный сон — до обеда», «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!», «За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова)»). В прочтении чернового автографа пьесы «Доходное место» оказали помощь А. Ю. Балакин, Н. В. Калинина, А. С. Федотов и А. Шеля. Указатель имён составлен Д. М. Аникиной и И. П. Вербой. Редакция издания выражает благодарность редактору тома И. П. Вербе.

В ЧУЖОМ ПИРУ ПОХМЕЛЬЕ

Впервые опубликовано: *Русский вестник*. 1856. Т. 1, кн. 2. С. 185—228 (цензурное разрешение — 31 декабря 1855 г.).

Рукописные источники:

— черновой автограф (*ЧА*): *РГБ*. Ф. 216. М. 3239. Написан карандашом и чернилами. Входит в переплетённую тетрадь, содержащую заготовки к другим произведениям;

— авторизованная театральная писарская копия ($АТК_1$): *ГТБ*. Шифр: I.I.1.58. Суфлёрский экземпляр Александринского театра с цензорским разрешением (имеются две купюры цензора). Написана светлыми чернилами, чёрными чернилами даны исправления и поправки; ряд исправлений сделан карандашом;

— авторизованная театральная писарская копия ($АТК_2$): *МТ*. № 193. Режиссёрский экземпляр Малого театра;

— театральная писарская копия (*ТПК*): *МТ*. № 192. Суфлёрский экземпляр Малого театра с разрешением цензора и сделанным им изменением. Текст соответствует режиссёрскому экземпляру.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. СПб., 1859 — со следующими исправлениями[1]:

С. 14

[1] *Вместо:* Ах, Лизавета Ивановна — Эх, Лизавета Ивановна (по *ЧА*, $АТК_1$, $АТК_2$)

[21] *Вместо:* их выписывать — их и выписывать (по *ЧА*, $АТК_1$)

С. 19

[26—27] *Вместо:* в сем и даю сию расписку — в чём и даю сию расписку (по *ЧА*, $АТК_1$, $АТК_2$)

С. 21

[9] *Вместо: из боковой двери в переднюю — из боковой двери в середнюю* (по $АТК_1$, $АТК_2$, *РВ*)

С. 23

[17] *Вместо:* Да, и расписку — Да, да, и расписку (по *ЧА*)

С. 25

[6—7] *Вместо:* а я о сыновьях — а я об сыновьях (по *ЧА*)

С. 29

[35] *Вместо: Провожает её до двери. — Провожает её до дверей.* (по *ЧА*)

С. 31

[29] *Вместо:* Вот тебе чернила — Вон тебе чернила (по *ЧА*, $АТК_1$, $АТК_2$)

С. 35

[8] *Вместо:* Наше дело правое. — Ваше дело правое. (по $АТК_1$, $АТК_2$)

С. 36

[3—4] *Вместо:* полтораста тысяч тебе серебра — полтораста тысяч тебе серебром (по *ЧА*)

Особенность творческой истории комедии «В чужом пиру похмелье» — её постепенное вычленение из круга произведений, замыслы которых возникали у Островского в 1855 г. и заготовки к которым имеются в черновом автографе пьесы: «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» («Неудача»), «Воспитанница»,

[1] См. также: *ПСС-12*. Т. 2. С. 692—693.

«Не сошлись характерами!», повесть о недовольном своим бытом молодом человеке. Первое название комедии — «Ученье свет, а неученье тьма» — сопровождается записями: «Комедия в 2 действ<иях>. Задумано 23 июля». По первоначальному плану пьеса должна была состоять из одного акта. Начата 28 июля 1855 г., тогда же появилось второе заглавие, ставшее окончательным. Дата завершения работы точно неизвестна, но, вероятно, текст *ЧА* написан достаточно быстро, к 6 или 7 августа. После перерыва, 19 ноября, Островский вновь вернулся к своему замыслу, и 5 декабря 1855 г. пьеса была окончательно завершена.

По мере работы существенные изменения претерпевала антропонимика комедии. Это особенно касается Ивана Ксенофонтыча Иванова, при выборе имени и отчества которого Островский испытывал большие колебания (Пётр Иванович, Иван Сократыч, К<сенофонт> И<ванович>, И<ван> Пант<елеич>, С<ократ> И<ванович>). Хотя на каком-то этапе драматург, казалось, определился (во всём тексте *ЧА* имя героя С<ократ> И<ванович>), сомнения оставались, поскольку его дочь носит отчество Сократовна только до 4-го явления I действия, где она названа Лизавета Ивановна. Выбору этого имени предшествовала ещё одна стадия: в афише героиня была названа Анной Петровной и мыслилась как сестра, а не дочь Иванова. Изменения касались и имён таких персонажей, как Аграфена Платоновна (поначалу она имела отчество Пантелеевна), Тит Титыч Брусков (Фома Поликарпыч), Настасья Панкратьевна (Анфиса, Анастасия). Фамилия Брусков взята из сопровождающего *ЧА* наброска афиши пьесы «Воспитанница», среди действующих лиц которой значится Сава Трифоныч Брусков. Из этой же афиши взято имя и отчество Захара Захарыча Зверобоева.

Не сразу определились и родственные отношения между персонажами. Судя по тому, что в списке действующих лиц *ЧА* Аграфена Платоновна поначалу предстаёт как тётка Ивановых (затем — сестра Иванова и только потом как хозяйка квартиры), а дочь Иванова названа его сестрой, сюжетные ходы комедии прояснились не сразу. В некоторых случаях драматург оставлял пробелы для реплики того или иного лица, кроме того, в *ЧА* много заметок, сделанных на полях, что характерно для его творческого процесса.

Многократные поправки свидетельствуют о том, что Островскому нелегко давался лексический и интонационный строй речи Ивана Ксенофонтыча (в *ЧА*: С<ократа> И<вановича>), кроме того, драматург хотел подробнее раскрыть его жизненные принципы. Значительно переработана в дальнейшем реплика Лизы из 2 явления I действия, что повлекло за собой серьёзные изменения в трактовке характеров. В окончательном тексте оценка «хорош собой» (об Андрее Титыче) заменена на «так себе», сняты слова о «русской широкой душе». В итоге Островский отказывается и от присущего поначалу героине просветительства («Я ему даю книги читать...»), грань между интеллигентской и купеческой культурой становится резче. Это усилено и чисто языковыми изменениями, внесёнными в речь Андрея Титыча, приобретающую грубовато просторечный, «купеческий» колорит. Не сразу были найдены нюансы, характеризующие речь Тита Титыча Брускова.

Авторизованная театральная писарская копия (суфлёрский экземпляр Александринского театра), помимо цензорского разрешения, датированного 28 декабря 1855 г., содержит множество реплик, сделанных, вероятно, Островским: написанные карандашом и более чёрными, чем у писца, чернилами, все они войдут в журнальную публикацию.

В режиссёрском экземпляре Малого театра драматургом исправлены ошибки писца, вставлены пропущенные фразы и отдельные неразборчивые слова. В ряде случаев даны новые варианты.

На титульном листе *ТПК* (суфлёрском экземпляре Малого театра) сделана запись Островского о предоставлении пьесы П. М. Садовскому для его бенефиса.

Опубликованный в «Русском вестнике» текст комедии значительно изменён в Собрании сочинений, изданном Г. А. Кушелёвым-Безбородко.

Н. В. Капустин

Пьеса была воспринята современниками Островского как «переходная». По наблюдению Н. П. Некрасова, «от комедии с содержанием, взятым из купеческого быта», драматург перешёл к «быту чиновничьему» (*Атеней.* 1859. Ч. 2, № 8. С. 492). Критики отмечали, что этой пьесой Островский обнаруживал стремление нового взгляда на патриархальный, купеческий мир[1]; по словам А. М. Скабичевского, драматург «вышел на новую дорогу» (*Скабичевский А. М.* История новейшей русской литературы. 1848—1892 гг. 3-е изд. СПб., 1897. С. 413).

Оценки комедии «В чужом пиру похмелье» часто определялись желанием видеть определённую тенденцию, идею в творчестве драматурга. Так, А. А. Григорьев писал о «грани второй полосы... развития» драматургии Островского (*Григорьев А. А.* Собр. соч. Вып. 11. О национальном значении творчества А. Н. Островского. М., 1915. С. 46) и утверждал, что именно с комедии «В чужом пиру похмелье» «начинается область спорного» в его творчестве (Там же. С. 47).

В середине 1850-х гг. члены редакции журнала «Современник», напротив, выражали заинтересованность в сотрудничестве с Островским. И. И. Панаев, называя Островского «нашим единственным серьёзным драматическим писателем» (*<Панаев И. И.>* Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта // *Совр.* 1856. Т. 55, № 2. Смесь. С. 186) и обращаясь к критикам, видевшим в его творчестве «горячего защитника дикой патриархальности», отмечал, что драматург «переменяет своё направление» (Там же. С. 190).

Подчёркивая даровитость Островского-драматурга, Н. С. Назаров считал, что «неизменная тема» его комедий — идеализация купеческого быта — вредит произведениям, налагает печать «бестолковости и бессмыслия» и лишает произведение «всякого серьёзного значения» (*СПбВед.* 1856. № 24. 29 янв. С. 130). Однако, по признанию критика, в комедии «В чужом пиру похмелье» «пропадает обычная тенденция» прежних произведений Островского, а потому в ней «гораздо более достоинств» (Там же). Новые мотивы Назаров усмотрел в мастерски написанном диалоге жены Брускова, Настасьи Панкратьевны, и её знакомой, Ненилы Сидоровны — в этой сцене «так много схвачено типических особенностей купеческого быта, что одного этого разговора было бы достаточно, чтобы рассеять... идеальное сияние, которым так усердно старался окружать г. Островский любимое своё сословие» (Там же. С. 131).

[1] В современном островсковедении пьеса «В чужом пиру похмелье» осмысляется как демонстрирующая «стремление писателя с новых позиций оценить социальные явления, которые он художественно интерпретировал в произведениях первого периода» (*Лотман Л. М.* Драматургия А. Н. Островского // История русской драматургии. Вторая половина XIX — начало XX века. До 1917 г. Л., 1987. С. 84); в пьесе «намечен новый подход к изображению русского купечества, в жизнь которого проникают новые веяния» (*Овчинина И. А.* А. Н. Островский. Этапы творчества. М., 1999. С. 79).

В целом критика холодно встретила новую пьесу, упрекая драматурга в слабой разработанности темы, отсутствии законченного действия, безжизненности и условности некоторых лиц. Автор рецензии, помещённой в «Сыне отечества» (1856. № 1. С. 15), видел в комедии Островского потенциал для «глубокой драмы», но, однако, считал, что тема явилась «не обработанной и не развитой». Образы Иванова и его дочери, которые, по мнению рецензента, должны были составлять главный «нравственный интерес» комедии, явились «какою-то бледною, безжизненною тенью» (Там же).

Р. М. Зотов усмотрел в комедии лишь «занимательный анекдот об одном купеческом сыне» (*Р. З. <Зотов Р. М.>* Театральная хроника. (Александринский театр. Бенефис Владимировой. «В чужом пиру похмелье») // *Северная пчела.* 1856. № 24. 30 янв. С. 123). Однако рецензент высоко оценил «прекрасный разговор» и «верный очерк характеров представляемого быта» в пьесе (Там же. С. 124).

По мнению корреспондента «Санкт-Петербургских ведомостей», в комедии «есть мысль», но «от поспешности ли, или от небрежности, из этой мысли ничего не сделано», а потому пьеса «В чужом пиру похмелье» «слабее и неоконченнее прочих произведений г. Островского» (*СПбВед.* 1856. № 26. 1 февр. С. 142).

Рецензент журнала «Пантеон» писал, что в пьесе «характеры обрисованы слабо и содержания, которое могло бы придать интерес, нет никакого» (1856. Т. 25, № 1. Март. Отд. IV. С. 30).

В ряде откликов на комедию всё же отмечалась её тематическая новизна. В. Я. Стоюнин особое значение пьесы увидел в постановке одного из важнейших современных вопросов — «вопроса об образовании» (*Стоюнин В.* Некоторые вопросы по поводу комедии Островского «В чужом пиру похмелье» // *Музык. и театр. вестн.* 1856. Ч. 1, № 5. 29 янв. С. 88). Замысел произведения Стоюнин оценивал как самый богатый, однако полагал, что мысли драматурга не хватило «полного развития» и комедия осталась «недоконченной». Об этом прежде всего свидетельствует финал: зритель, «заинтересованный завязкою... ещё ждёт чего-то, и вдруг занавес опускается, конец комедии» (Там же. С. 91).

Важность вопроса об образовании, поднятого Островским, оценил Е. Моллер. Отдав должное современности вопроса, критик подчеркнул «промахи» «в самой постройке пьесы» и «в отделке сцен» (*Е. М.* Петербургская хроника // *БдЧ.* 1856. Т. 135, № 2. Смесь. С. 174).

Значительность поднятого в комедии вопроса об образовании также подчёркивал А. И. Рыжов, который охарактеризовал мысль комедии как «превосходную», увидел в пьесе «современную победу» «просвещения над грубыми понятиями непросвещённого человека» (*Колядин О. <Рыжов А. И.>* Журналистика // *БдЧ.* 1856. Т. 136, № 4. С. 69). Однако критик упрекал Островского за «описательность» в изображении «просвещённых героев», учителя и его дочери, видел в этом «сценический промах, затемняющий внутренний смысл комедии», считая, что драматург «очерчивает просвещение и свет общими чертами» и не заставляет героев «действовать, тогда как именно от них-то должно бы исходить действие» (Там же. С. 70).

Анонимный рецензент журнала «Пантеон» считал, что художественные «слабости» комедии искупает новизна взгляда драматурга на русскую действительность: «Этот даровитый писатель, находящий особого рода поэзию в нагольном тулупе, в необразованности, изменил своему взгляду на вещи и, к общему удовольствию, вывел на сцену образованных лиц: учителя и его дочь — людьми весьма порядоч-

ными; а купца — упрямым, пустым человеком, отдав таким образом предпочтение воспитанию и порядочности» (Петербургский вестник. Общественная жизнь // *Пантеон*. 1856. Т. 26, № 3. С. 45).

Первые читатели и зрители комедии разделились: для одних главный интерес произведения сосредоточивался в учителе Иванове и его дочери, для других — в лице Брускова, то есть «купеческом быте». Но наиболее проницательные современники отмечали, что главным содержанием комедии было именно столкновение двух миров.

В комедии «В чужом пиру похмелье» впервые в русской литературе появилось слово «самодур», которое сразу же было подхвачено критикой. Образ Тита Титыча Брускова привлекал неизменное внимание современников Островского. По замечанию рецензента «Русского вестника», образом Брускова обеспечивается «драматическое содержание» комедии (Театральные заметки // *РВ*. 1856. Т. 1, кн. 2. Современная летопись. С. 109). Считая Брускова одним из самых удачных типов «купеческого быта», автор статьи уточняет, что весь характер героя заключается «только в одной черте — в своенравии» (Там же). Однако в «своенравии» Брускова рецензент обнаруживает слабость: «Брусков не из тех характеров, которые производят на других впечатление своею внутреннею силою. Брусков затыкает другим рот, потому что он полный господин в своем доме... но чуть только встретит серьёзный отпор или почует, что криком ничего не возьмёшь, то он сейчас и спасует перед противником» (Там же. С. 110). Критик видит усиление темы «самодурства» в финале пьесы, когда герой «вдруг, прежде чем зритель заметил в нём какую-нибудь перемену, круто поворачивает совсем в другую сторону» (Там же).

Финальная сцена комедии, представляющая неожиданное, резкое преображение старика Брускова, вызывала разноречивые толкования. «В нём произошёл быстрый переворот, все решения переменились, — писал рецензент "Московских ведомостей". — Не знаешь, есть ли это новое явление самодурства, или в самом деле в Брускове произошёл внутренний глубокий переворот». По мысли критика, именно такой финал проявляет неоднозначность образа Брускова (здесь он «представляется как бы в новом свете») и позволяет найти «новые струны в его характере». И вместе с тем финал комедии воспринимался как открытый: по словам рецензента, «пьеса становится неразрешённою, как бы неконченою» (*К—в*. Литературные заметки // *М. вед*. 1856. № 9. 21 янв. С. 36).

По мнению обозревателя «Отечественных записок», считающего, что вся комедия Островского «основана на самодуре», финальная сцена — это смысловой и драматургический центр пьесы: «вся комедия разыгралась в одну минуту, именно в ту, когда Брусков-отец задумывается и вдруг круто переменяет свой образ мыслей. <...> Все нити комедии соединены в пяти словах, которые произносит Брусков, призвав жену и сына» (Новости наук, искусств, литературы, промышленности и общественной жизни — отечественные и иностранные // *ОЗ*. 1856. Т. 104, № 2. Смесь. С. 101).

А.И. Незелёнов, признавая способность героя комедии к нравственному преображению, пишет: «Брусков мало того, что добродушен, он способен порой подниматься и гораздо выше в нравственном смысле: он благоговейно преклоняется душою перед бескорыстием и чувством чести, которые проявил перед ним учитель Иванов» (*Незелёнов А*. Островский в его произведениях. Первый период деятельности (До исторических хроник). СПб., 1888. С. 193).

По воспоминаниям М. И. Семевского, Островский так объяснял развязку комедии: «...старик Брусков был до того поражён благородною выходкой человека из того сословия, которое, по его мнению, только и умеет что "обмануть да ограбить!" <...>, что ему как бы совестно стало. Мысль же, что Иванов не только не думал впутывать его сына, а напротив, презирает и отвергает родство с ним, обидела его. Итак, увлечённый и совестью и в то же время глубоко оскорблённый тщеславием, он повелевает сыну во что бы то ни стало жениться на Лизавете Ивановне, но так как брак этот "выходит из постоянных условий его быта", то зритель, следуя за характером Брускова, вполне уверен, что это не более не менее как порыв своенравия» (*Восп.* С. 139).

Образ Брускова явился поводом для широкого социального и психологического исследования в статье Н. А. Добролюбова «Тёмное царство». Считая «изображение бессмысленного влияния самодурства... на семейный и общественный быт» «основой комизма» всех произведений Островского (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 66), Добролюбов отмечает, что «бессилие и внутреннее ничтожество самодурства» в предыдущих комедиях драматурга не было предъявлено так ярко, как в комедии «В чужом пиру похмелье»: «Здесь есть всё — и грубость, и отсутствие честности, и трусость, и порывы великодушия, — и всё это покрыто такой тупоумной глупостью, что даже люди, наиболее расположенные к славянофильству, не могли одобрить Тита Титыча Брускова» (Там же. С. 97). Сюжет комедии, как подчёркивает Добролюбов, выявляет те законы, по которым живут представители «тёмного царства»: «Брусков, как тёмный человек, вполне освоившийся с обычаями "тёмного царства", не входит ни в какие соображения. Во-первых, он всегда готов к тому, что его обманут, так как он сам готов обмануть всякого. <...> Во-вторых — он ужасно боится всякого суда, потому что хоть и надеется на свои деньги, но всё-таки не может сообразить, прав ли он должен быть по суду или нет, а знает только, что по суду тоже придётся много денег заплатить» (Там же. С. 97—98).

По мнению А. С. Гиероглифова, слово «самодурство» характеризует «класс» общества, выведенный во всех основных произведениях Островского. Самодурство «тяготеет над всем, что стоит ниже», и в жизни этого класса «всё ярко, типично» (*Музык. и театр. вестник.* 1859. Ч. 4, № 36. 13 сент. С. 337).

В учебнике П. В. Евстафиева Тит Титыч Брусков назван «замечательнейшим из лиц», так как в нём «слились самые яркие черты самодурства: и грубость, и отсутствие честности, и нравственное ничтожество, и неуклюжие порывы великодушия, и наконец, поверх всего этого, — непроходимая глупость» (*Евстафиев П. В.* Новая русская литература (от Петра до настоящего времени): учебник для мужских и женских институтов, гимназий и учительских семинарий. СПб., 1875. С. 255).

Впервые комедия «В чужом пиру похмелье» была поставлена в московском Малом театре 9 января 1856 г., в бенефис П. М. Садовского. Роли исполняли: Тит Титыч Брусков — П. М. Садовский, учитель Иванов — С. В. Шумский, Лизавета Ивановна — Е. Н. Васильева, Аграфена Платоновна — С. П. Акимова, Настасья Панкратьевна — Е. М. Кавалерова, Андрей Титыч — С. В. Васильев, Капитон Титыч — И. Е. Турчанинов, Ненила Сидоровна — А. Д. Степанова, Захар Захарыч — Н. М. Никифоров, Луша — Рябова.

Высказывания о премьере были разноречивыми. По мнению автора «Литературных заметок» за подписью К—в, новая комедия Островского «имела большой

успех», критик отмечет «напряжённое внимание зрителей» во время спектакля, «рукоплескания» и «вызовы артистов и автора» после того, как пьеса была сыграна (*М. вед.* 1856. № 9. 21 янв. С. 35).

Другие рецензенты считали, что комедии «В чужом пиру похмелье» не так посчастливилось на сцене, как прежним пьесам драматурга: «комедия имела успех очень слабый» (*Корреспондент.* Московская летопись // *СПбВед.* 1856. № 26. 1 февр. С. 142), успех пьесы «был далеко не такой блистательный, как прежде успех других его произведений» (*Москвич. <Баскин В. С.>* Корреспонденция. Московский театр // *Музык. и театр. вестн.* 1856. Ч. 1, № 6. 5 февр. С. 115).

Высоко оценил игру П. М. Садовского рецензент «Русского вестника» (1856. Т. 1, кн. 2. Современная летопись. С. 110), отметивший, что актёр «понял свою роль и вошел в неё как нельзя лучше», продемонстрировав «свободное и вместе решительное владение данной ролью» (Там же). При этом замечено, что Садовскому «часто недоставало даже простого повышения голоса там, где оно непременно должно бы вытекать из самого характера роли. Своё повелительное "молчать" он большею частью произносил тем же самым тоном, каким говорил и свои прочие речи» (Там же. С. 110—111). Финальная сцена в исполнении Садовского — резкое преображение Брускова, по признанию рецензента, «сильного впечатления на публику» не произвела (Там же. С. 111).

По мнению же В. И. Родиславского, заключительная сцена комедии именно в исполнении Садовского обнаруживала свои смыслы: мимика актёра «без слов объясняла то, что происходит в Тите Титыче», выражала потрясение «нравственною силой», о которой и не подозревал его герой. Брусков-Садовский «задумывается, прикладывает пальцы ко лбу, разводит руками, наконец, эта нравственная сила побеждает его». В результате «переворот в самодурстве Брускова так ясно выражался в мимике Садовского, что не нужно было никакого монолога, чтоб оправдать естественность развязки этой комедии» (*Родиславский В.* П. М. Садовский (Материалы для биографии) // *РВ.* 1872. Т. 100, № 7. С. 455).

Об исполнении Шумским роли Иванова отзывались благосклонно, «малоблагодарную» роль, по мнению большинства рецензентов, артист «сделал занимательною»: «И благородная простота Иванова, и чувство своего достоинства, и мягкая кротость в задушевном разговоре с дочерью, всё это было у г. Шумского» (Театральные заметки // *РВ.* 1856. Т. 1, кн. 2. Современная летопись. С. 109). Также несомненным актёрским успехом была признана игра Васильева, которым «можно было только любоваться» в роли Андрея Брускова: «Роль не задорная, но она как будто выкроена по нём» (Там же. С. 112). Соединив «смешное» и «жалкое» в образе младшего Брускова, Васильев верно «выполнил требование роли», и, по заключению рецензента, «кто видел его в этой роли, тот точно видел Андрюшу Брускова» (Там же). Высоко оценил исполнение Васильева В. С. Баскин (*Музык. и театр. вестник.* 1856. Ч. 1, № 6. 5 февр. С. 115).

В постановке Артистического кружка комедии «В чужом пиру похмелье» в роли Андрея Брускова дебютировал М. П. Садовский, который, по мнению Н. Леонтьева, несмотря на «незначительные неверности в тоне», «был положительно хорош и вызвал много рукоплесканий» (*Антракт.* 1868. № 1. 7 янв. С. 13).

В Москве при жизни Островского пьеса прошла 15 раз, последний спектакль состоялся 31 января 1865 г.

В Петербурге в Александринском театре премьера состоялась 18 января 1856 г. Роли исполняли: учитель Иванов — В. В. Самойлов, Лизавета Ивановна — Е. Ф. Фёдорова, Аграфена Платоновна — Ю. Н. Линская, Тит Титыч Брусков — А. Е. Мартынов, Настасья Панкратьевна — Н. П. Воронова, Андрей Титыч — Ф. А. Бурдин, Капитон Титыч — А. А. Рассказов, Ненила Сидоровна — П. К. Громова, Захар Захарыч — П. И. Зубров, Луша — Назарова.

Освещая события театральной жизни Петербурга, Е. Моллер писал, что комедия «смотрится с большим интересом, несмотря на некоторую небрежность отделки, несколько странную развязку и некоторые повторения, напоминающие прежние произведения Островского, несомненное дарование автора проглядывает в каждой сцене, производит на публику впечатление и *вызывает на размышление*» (*БдЧ.* 1856. Т. 135, № 2. Смесь. С. 174).

В постановке новой комедии особо отмечалась игра некоторых актёров. По мнению критика журнала «Пантеон» (1856. Т. 25, № 1. Март. Отд. IV. С. 31), «пальма первенства» принадлежала Зуброву, Самойлову удалось сделать из «бесцветной и неблагодарной роли» учителя Иванова «всё, что только может быть доступно истинному дарованию», в роли Аграфены Платоновны «очень хороша была» Линская, Мартынов создал «прекрасный тип купца», хотя «полному его торжеству немного мешало нетвёрдое знание роли».

Анонимный рецензент «Отечественных записок» считает, что образ старика Брускова «прямо взят из жизни», а А. Е. Мартынов, исполнявший эту роль, показал глубокое её понимание: «Этот седенький старичок, худой, бледный, с желчью в лице, с реденькой седой бородкой, с очками, старичок, беспрестанно топающий то ногой, то палкой, — это Брусков» (*ОЗ.* 1856. Т. 104, № 2. Смесь. С. 101). При этом критик замечает, что в финале Мартынов «до того быстро играет сцену раздумья, когда он должен переменить образ мыслей, до того быстро, что публика не успевает понять, что сделалось с упрямым стариком» (Там же).

По мнению И. И. Панаева, Мартынов, «истинный талант», сделал в спектакле более, чем было заложено в роли, потому что умел «придать этому лицу что-то типическое» (*<Панаев И. И.>* Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта // *Совр.* 1856. Т. 55, № 2. Смесь. С. 190). В роли старшего Брускова Мартынов является «настоящим разбогатевшим дикарём, каких мы встречаем в действительности»: «На глазах... круглые черепаховые очки; на подбородке маленькая, редкая, клинообразная седая бородка, беспрестанно приходящая в движение, седые волосы его длинны; в тонких губах какое-то нервическое движение. У него голос крикливый и резкий. Он в белом галстуке, в белом жилете, в длинном сюртуке, в сапогах сверх панталон и с тростью. Взглянув на эту фигуру, вы так и читаете на ней уверенность, что с деньгами всё можно, что деньги всё, что перед деньгами все валяются в пыли, и видите перед собою грубое олицетворение этой силы» (Там же. С. 190—191).

После гастролей П. М. Садовского на петербургской сцене в 1857 г. Панаев осмысливает особенности актёрского воплощения характера Тита Титыча: «В роли Брускова, несравненно более рельефной и потому более понятной для большинства публики, и, надо сказать, более истинной, Садовский привёл в восторг и увлёк всех без исключения, несмотря на то, что петербургская публика видела в этой роли своего любимца Мартынова» (*Совр.* 1857. Т. 63, № 6. Смесь. С. 288). Именно Садовский был «несравненно ближе к истине» (Там же. С. 290). Брусков-Мартынов в восприятии

Панаева «имеет вид богатого купца, почётного гражданина, или, пожалуй, коммерции советника, который думает, что он чёрту не брат, потому что разжился и набил карман деньгами. Он воображает, что перед деньгами — всё прах, и потому немилосердно кричит и стучит своею тростью», тогда как Брусков-Садовский, несмотря на своё богатство, «остаётся по наружности тем же грязным москотильным торгашом, лавочником, каким бы он был и при начале своей торговли». Садовский же являлся перед зрителем «в замасленном кафтане, грубым, диким, как будто сорвавшимся с цепи», он «беспрестанно засучивает свои рукава и выставляет свои кулачища». В исполнении Садовского развязка комедии, по мнению Панаева, становилась «весьма правдоподобной» (*Совр.* 1857. Т. 63, № 6. Смесь. С. 290).

Как отмечает А. М. Брянский, сам Мартынов признавал превосходство Садовского в исполнении роли Брускова: «Ведь это единственный артист на роли купцов, — говорил Мартынов про московского собрата, — и притом это не нижегородский, не харьковский и не петербургский купец, а тип чисто московский» (*Брянский А.* Мартынов и Островский // А. Н. Островский: Юбилейный сборник / под ред. А. А. Бахрушина, Н. Л. Бродского и Н. А. Попова. М., 1923. С. 34).

После смерти Мартынова роль старика Брускова исполнял Ф. А. Бурдин. А. С. Гиероглифов благосклонно отзывается о его игре, отмечая «необыкновенную естественность комизма, выражающуюся в мимике, дикции, приёмах» актёра, а также «отчётливое понимание роли» (*Музык. и театр. вестн.* 1859. Ч. 4, № 36. 13 сент. С. 338). Напротив, Д. В. Аверкиев критически отзывается об игре Бурдина, который «в роли Кита Китыча, ломается до ужаса» (*Эпоха.* 1864. № 7. Разд. X. С. 12).

В возобновлённом спектакле «В чужом пиру похмелье» роль старика Брускова исполнял М. И. Писарев, чья работа отличалась добросовестностью, несмотря на то, что в целом пьеса была поставлена «мимоходом и прошла в репертуаре совершенно бесследно» (Современное обозрение. Петербург // *Артист.* 1893. № 31. С. 172).

При жизни Островского на сцене театров Петербурга и Москвы (Александринского, Михайловского, Мариинского, Малого) пьеса прошла 64 раза. Последний спектакль состоялся 8 апреля 1882 г.

С. 8. *Губернская секретарша* — жена или вдова губернского секретаря, гражданского чиновника 12-го класса по «Табели о рангах».

Бобыль — одинокий, не имеющий близких человек.

С. 9. *Крутой сердцем* — человек суровый, своенравный, упрямый.

С. 10. *O tempora, o mores!* — О времена, о нравы! (*лат.*) — Знаменитое восклицание Цицерона в речи против Катилины, который готовил государственный переворот.

...обломаю дело... — Обломать дело — устроить дело.

По всем кляузным делам... — Т. е. по мелочным, склочным делам.

Плутарх — древнегреческий писатель (от 48 до конца 20-х гг. II в. н. э.). Чтение произведений Плутарха входило в курс классических гимназий.

С. 11. *Гораций* — Гораций, Флакк Квинт — римский поэт (65—8 гг. до н. э.). Чтение произведений Горация входило в курс классических гимназий.

С. 12. *Салоп* — женская верхняя тёплая одежда.

С. 13. *Алтын* — единица монетного счёта в Древней Руси, от татарского «алты», т. е. шесть, равнялась шести медным деньгам или трём копейкам. При царе Алексее Михайловиче «алтыны» чеканились медные, в 1704 г. были выпущены «алтыны»

из серебра высокой пробы, далее выпускались более низкой пробы — «алтынники». Выпуск прекратился в 1725 г.

У нас в ряду... — Т. е. в торговом ряду.

Стрюцкие — т. е. люди ничтожные, презренные, пустые, несостоятельные.

Целковый — один рубль, первоначально рублёвая серебряная монета.

...спирю плясать пойдёт. — Спиря — танец с непристойными телодвижениями; получил своё название от плясового припева «Спиря, Спиря, Спиридон» (см.: *Словарь к пьесам.* С. 199; ср.: *ПСС-12.* Т. 2. С. 698). В XIX в. «Спиридонами поворотами» назывались в Поволжье беспаспортные люди, добывавшие пропитание фиглярством в трактирах и на постоялых дворах.

Пуд — мера веса, употреблявшаяся до введения метрической системы, 1 пуд равен 16,38 кг.

...с политичным разговором... — Т. е. с вежливым, обходительным, деликатным разговором (от *фр.* la politesse).

Жестокие романсы — народные песни, получившие распространение в мещанской среде в XIX в. Жестокий романс отличается повышенной эмоциональностью, манерностью, изобилует стереотипными образами, заимствованными из сентиментальной поэзии.

С. 14. *Коммерческая академия* — учебное заведение, которое было открыто в Москве в 1810 г.; в него принимались дети купцов и мещан; воспитанники, окончившие академию с отличием, награждались, согласно Уставу, званием «почетного личного гражданства» (см.: Учреждение и Устав Московской практической коммерческой академии. М., 1829).

С. 15. *...наши рядские глупости.* — Глупости, которые говорят в торговых рядах.

...таких вертунов наделал... — Вертун — «о легкомысленном, озорном поступке» (*Словарь к пьесам.* С. 27).

С. 17. *Куражу не имеет...* — Т. е. не имеет мужества (от *фр.* le courage — мужество).

С. 18. *Дрожки* — лёгкий четырёхколёсный экипаж.

...раскассирую... — Здесь: изругаю, совершенно уничтожу, смирю бранью (от *нем.* cassiren; от *лат.* cassus — пустой, ничтожный).

С. 19. *...старик-то не алтынник...* — Не корыстный, не скупой человек.

...пряжку имеет... — Пряжка — чиновничий наградной знак за долгую честную службу.

...в смирительный упрячет. — Смирительный дом — одна из форм лишения свободы, установленная Петром I в 1821 г.

Титулярный советник — по «Табели о рангах» гражданский чин 9-го класса.

С. 20. *...на всю Зацепу...* — Зацепа — улица Москвы на территории Замоскворечья. Во времена Петра I в этом районе проходила таможенная граница — Земляной вал, здесь проверяли привозимые в город товары. На ворота вешали цепь, чтобы задержать возы с товарами. По другой версии — цепь вешали вдоль улицы, оставляя узкий проезд. Отсюда участок вала называли Зацепским валом.

С. 22. *Лист гербовой бумаги* — бумага с изображением герба, на которой писались официальные документы, а также просьбы и жалобы частных лиц. Со времён Петра I документы, написанные на гербовой бумаге, имели юридическую силу. Покупка гербовой бумаги считалась пошлиной в государственную казну.

С. 24. *На цепь ещё посадите!* — В середине XIX в. юродивых и умственно отсталых родственники могли посадить на цепь. О таком случае писал И. Г. Прыжов: родные юродивого «чтоб он не ушёл, чтоб не вырвался как-нибудь из рук да не лишил бы их большого дохода, да чтоб ещё сильней подействовать на воображение верующих, взяли да приковали его на цепь. Приходили к нему люди, и он робко, боязливо умолял этих людей спустить его с цепи, но его держали на цепи целых пятнадцать лет, пока не узнала об этом полиция» (*Прыжов И. Г.* Очерки, статьи, письма. М.; Л., 1934. С. 85; см. также: *ПСС-12*. Т. 2. С. 699).

Стряпчий — ходатай по делам истца, который вёл тяжбы. В старину «стряпчий» — это царский слуга, позже дворцовый чин; лица, называемые стряпчими, выполняли различные административные обязанности. Слово «стряпчий» являлось архаизмом в середине XIX в.

С. 26. *...у меня симпатия есть.* — Здесь: особые средства против колдовства.

С. 27. *«Изумлю мир злодейства, и упокойники в гробах спасибо скажут, что умерли!»* — неточная цитата из драмы Н. Полевого «Уголино» (1838): «...Весь мир — я изумлю злодейством! / <...> и покойники в гробах / «Спасибо» скажут, что успели умереть» (*Полевой Н. А.* Драматические сочинения и переводы. СПб., 1843. Ч. 3. С. 383). В 1838 г. драма Полевого шла на сцене Малого театра с П. С. Мочаловым в роли Нино.

С. 29. *«Умолкни, чернь непросвещенна!»* — строка из стихотворения Г. Р. Державина «Бессмертие души».

С. 30. *...уконтентую...* — Уконтентовать — ублаготворить, удовлетворять.

С. 31. *...за межевого...* — За чиновника Межевой канцелярии, образованной в 1765 г. для проведения межевания, т. е. установления границ, поземельного владения в Московской губернии.

И. Ю. Матвеева

ДОХОДНОЕ МЕСТО

Впервые опубликовано: *Русская беседа*. 1857. Т. 2, кн. 1 (5). Отд. I. С. 5—116. Цензурное разрешение — 2 марта 1857 г. Вышли также отдельные оттиски с этого издания. Цензурное разрешение — 9 марта 1857 г. (см. оттиск с дарственной надписью Е. А. Эдельсон: *РНБ*. Ф. 1123. Ед. хр. 72). Переизд.: *Островский А. Н.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. СПб., 1859. С. 179—284; *Островский А. Н.* Сочинения: в 5 т. Т. 2. СПб., 1868. С. 207—326; *Островский А. Н.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. СПб., 1874. С. 175—273.

Рукописные источники:

— черновой автограф (*ЧА*): *РГАЛИ*. Ф. 362. Оп. 1. Ед. хр. 1. Судя по помете на первом листе, автограф принадлежал Е. Н. Эдельсону;

— беловой автограф (*БА*) близок к первому изданию, содержит авторскую правку, разделён между двумя фондами: *РГБ*. Ф. 216. Ед. хр. 3097.8; Ф. 139. М. 8. Ед. хр. 6; эскиз обложки отд. изд.; *РГБ*. Ф. 216. М. 1. Ед. хр. 6;

— театральная писарская копия (*ТПК*), цензурная редакция: *ГТБ*. Шифр: 26006.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. СПб., 1874. С. 175—273.

Замысел комедии возник у Островского, по всей видимости, ещё до отъезда к берегам Волги. По крайней мере, в письме к Н. А. Некрасову от 1 августа 1856 г. из Калязина Островский сообщает о том, что «уже давно» отдал её в «Русскую беседу». В том же письме Островский рассуждает о пьесе как уже завершённой, что не соответствует действительности: видимо, драматург пытается создать впечатление, что в журнал отдана уже давно написанная пьеса, а не новая, ещё только задуманная. Согласно авторским пометам на *ЧА*, пьеса написана 8 ноября — 20 декабря 1856 г., а переписана 28 декабря — последняя дата относится, видимо, к окончанию работы над *БА* (см.: *РГАЛИ*. Ф. 362. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2). Впрочем, около начала шестого явления в *ЧА* стоит авторская же помета «28 октября» (Там же. Л. 7 об.), вероятно, указывающая на то, что первые пять явлений пьесы были к этому моменту уже завершены. Работа над *ЧА*, судя по обилию правки, шла тяжело; к тому же *БА* и *ЧА* далеко не совпадают. Вероятно, с завершением *ЧА* напряжённая работа над пьесой не прекратилась. *ЧА* написан чернилами и карандашом. Во многих местах рукопись содержит множество слоёв. На полях *ЧА* содержатся многочисленные заметки и наброски. Некоторые из них были непосредственно использованы автором в работе над пьесой, тогда как другие к окончательному тексту не имеют почти никакого отношения (см. раздел «Приложения. Другие редакции и варианты»). По преимуществу исправлениям подвергались не сюжет и основные моменты в характеристике героев, а манера их речи. В частности, многочисленные монологи Жадова Островский неоднократно перерабатывал. Сложности вызвало стремление Островского отразить в пьесе идеологический климат эпохи: особое затруднение у него вызвали именно «идейные» рассуждения героев о проблемах службы, воспитания, семейной жизни и проч. В словах Вышневского уменьшена степень саморазоблачительности: в отличие от ранних вариантов *ЧА*, он не признаётся прямо в своих преступлениях. Изменил драматург и имя своего героя: в *ЧА* встречается именование Вышневского Станиславом, что, видимо, должно было намекать на орден св. Станислава. Очевидно, драматург не желал давать своему герою польское имя. Юсов в ранних вариантах *ЧА* выглядит значительно менее уверенным в собственной правоте — по крайней мере, он не столь склонен смеяться над Жадовым.

Сведения о новом произведении Островского широко распространились среди русских литераторов. 15 февраля 1857 г. А. Ф. Писемский писал Островскому: «Говорят, твоя новая комедия из чинов<ничьего> быта. Я радуюсь заранее. Знаю, что у тебя сюжет созрел, но выполнил ли ты, как большой маэстро по драматической части, со всей подробностью и объективностью характер?» (*Писемский А. Ф.* Письма. М.; Л., 1936. С. 106—107). Узнав об актуальном содержании нового сочинения Островского и, по всей видимости, все ещё считая, что «Русская беседа» не торопится с его публикацией, И. И. Панаев и Л. Н. Толстой 5 января 1857 г. обратились к драматургу с совместной просьбой. Панаев писал: «До нас дошли слухи о Вашей новой комедии, которую Вы читали. <...> Я не хочу отвлекать Вас от Вашего слова "Беседе", но дело в том, что "Совр<еменник>" сию минуту в критическом положении по недостатку материалов... и требует Вашей помощи!.. Спасайте его — спасайте!..» — Толстой же от себя добавил: «...ежели слово не дано, то в "Современнике" теперь больше, чем когда-нибудь, необходимо твоё имя, а главное, твоя вещь» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 60. М., 1949. С. 147—148; ср.: *Неизд. письма*. С. 327—328). 11 января Островский ответил Панаеву: «Комедию "Доходное место" я уже отдал в "Р<усскую>

б<еседу>", и она набирается». В своих переговорах с редакционным кружком «Современника» драматург ссылался на заранее данное обещание сотрудникам «Русской беседы». Между тем, вполне вероятно, что он действительно стремился поддержать славянофильский журнал: многие ценности славянофильства он разделял, а сатирическое изображение современного российского чиновничества этим ценностям никак не противоречило (см.: *Федотов А. С.* К вопросу о публикации «Доходного места» в журнале «Русская беседа» // А. Н. Островский. Материалы и исследования: сб. науч. тр. Вып. 3. Шуя, 2010. С. 115—122). Пьеса вышла в «Русской беседе» и отдельным оттиском в начале марта 1857 г. и немедленно вызвала многочисленные противоречивые отзывы писателей и критиков.

Серьёзной проблемой для «Доходного места» оказалась драматическая цензура. Чтобы добиться постановки комедии на сцене, Островский подверг её кардинальной переработке (см. раздел «Приложения. Другие редакции и варианты»). Драматург снял значительное количество упоминаний о взяточничестве; за редкими исключениями, из текста пьесы исчезает слово «чиновник». Сокращены и многочисленные монологи Жадова и Вышневского, посвящённые российскому чиновничеству. Помимо этого, Островский подверг переработке и другие потенциально опасные в цензурном отношении места. Так, сокращению подверглись все разбросанные по тексту упоминания о воспитании, которое Кукушкина дала своим дочерям. По всей видимости, это связано с характеристикой воспитания как «благородного». Возможно, здесь цензура могла, по мнению Островского, усмотреть намёк на институты благородных девиц, критиковать которые в печати и на сцене строжайше запрещалось, тем более что Полина и Юлинька, со своим невежеством в практических жизненных вопросах, действительно близки к стереотипному образу институтки[1]. Наконец, Островский сократил чрезмерно резкие выражения (см. подробнее: *Зубков К. Ю.* Цензурная редакция комедии А. Н. Островского «Доходное место» // Текстология и историко-литературный процесс: сб. ст. Вып. 3. М., 2015. С. 54—64). Несмотря на все эти сокращения, пьеса всё же была запрещена и появилась на столичной сцене лишь в 1863 г.

Для собрания своих сочинений, изданного в 1859 г. Г. А. Кушелёвым-Безбородко, Островский подверг текст «Доходного места» незначительной стилистической правке. Различия между текстами, опубликованными в издании Кушелёва-Безбородко и двух других прижизненных собраниях сочинений Островского, минимальны.

«Доходное место» — первое произведение Островского, целиком посвящённое чиновничьему быту. От более ранних пьес «Доходное место» отличается более напряжённым социальным конфликтом. Среди героев комедии — люди совершенно разного общественного положения и образовательного уровня. При этом многие детали чиновничьей жизни автором опущены. В пьесе нигде прямо не сказано, какое ведомство возглавляет Вышневский и где же, соответственно, служат герои. Не указан даже чин Вышневского, который позволил бы определить, насколько высок его пост; не сообщается также, из какого ведомства он перешёл на своё настоящее место службы (нет в пьесе и ответа на вопрос, служил ли Вышневский

[1] См. об этом образе в русской печати: *Белоусов А. Ф.* Институтки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц. М., 2001; о неофициальном цензурном запрете на обсуждение в печати недостатков институтов благородных девиц в 1857 г. см.: *Русская старина*. 1899. № 12. С. 292.

ранее в военной или штатской службе). П. М. Невежин вспоминает слова Островского об автобиографическом содержании комедии, отразившей опыт работы Островского в суде (см.: *Восп.* С. 261—262). Тем не менее, напрямую в пьесе это не заявлено. В отличие от большинства пьес Островского, в «Доходном месте» не указан точный возраст ни одного из действующих лиц (неизвестно, например, кто старше: Вышневский или Юсов).

Все герои пьесы объединены общими проблемами, которые равно актуальны и для Вышневских, и для Кукушкиной. Это настойчиво упоминаемые всеми или почти всеми героями понятия, такие как «закон», «благородство», «честность», «образование», «общество» и «общественное мнение». Каждый из персонажей по-своему пытается определить их и руководствуется этим определением в своей жизни. Все обсуждаемые персонажами пьесы вопросы были исключительно актуальны для русской литературы 1856—1857 гг. Вопросы воспитания и его влияния на общество, например, активно обсуждались в прессе после появления статьи Н. И. Пирогова «Вопросы жизни» (*Морской сборник*. 1856. № 7). Проблемы воспитания в пьесе возникают и в речах героев, и в самом построении образа Жадова: главный герой прямо заявляет, что движущие им идеи почерпнул из университета (по всей видимости, он окончил юридический факультет). В качестве университетского выпускника, Жадов, конечно, мог трактоваться как предвестник ожидавшихся обществом реформ и носитель нового правового сознания. Затрагивается в пьесе и ставший исключительно популярным через несколько лет вопрос о женском образовании (главным «экспертом» по этому вопросу в «Доходном месте» выступает персонаж с говорящей фамилией Кукушкина, ставящая целью как можно скорее выдать дочерей замуж). С вопросами образования связана и тема воспитания юной женщины опытным и образованным мужем — именно это безуспешно пытается сделать Жадов. Подобные вопросы ставились ещё в «жоржсандистской» прозе 1840-х гг. (ср., напр., повесть А. В. Дружинина «Полинька Сакс»), однако в «Доходном месте» проблема воспитания жены мужем ставится в связи с актуальными вопросами исторического развития России второй половины 1850-х гг. Обсуждение роли «общества» и «общественного мнения» в жизни страны также было исключительно злободневным вопросом (см.: *Чернуха В. Г.* Правительственная политика в отношении печати. 60—70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 6—7; автором цитируется пьеса Островского в качестве одного из источников). Наиболее последовательно излагал теорию, объясняющую историческую роль «общества», в своей публицистике К. С. Аксаков, однако не менее влиятельные концепции создавали и Н. Г. Чернышевский, М. Н. Катков и др.

Островский, по словам Ап. Григорьева, прямо говорил о своей пьесе: «Тут будут *наши* гражданские слёзы» (*Григорьев А. А.* Театральная критика. Л., 1985. С. 297). «Доходное место» написано вскоре после окончания Крымской войны, которая для подавляющего большинства представителей образованного общества стала знаком необходимости перемен в жизни страны. Особое негодование современников вызывало российское чиновничество.

Недовольство положением дел в стране и ожидание назревших реформ породили «обличительную литературу», едва ли не главной темой которой стали именно чиновничьи злоупотребления. Образцом для «обличителей» стали «Губернские очерки» Н. Щедрина (М. Е. Салтыкова), которым подражали десятки авторов дру-

гих очерков, стихотворений, повестей и пьес[1]. «Доходное место» воспринималось современниками именно на этом фоне. Пьеса Островского была одним из первых произведений, относящихся к «обличительной» драматургии: существенно раньше неё появился только водевиль В. А. Соллогуба «Чиновник» (1856). Пьеса Н. М. Львова «Свет не без добрых людей», наиболее яркий образец «обличительной» литературы, была опубликована и поставлена уже после завершения Островским работы над комедией (см.: *Бабичева Ю. В.* Комедия А. Н. Островского «Доходное место» и обличительная литература 50-х годов // Учёные записки Оренбургского гос. пед. ин-та им. В. П. Чкалова. Серия историко-филологических наук. 1958. Вып. 13. С. 243—284; *Зубков К. Ю.* Финал комедии А. Н. Островского «Доходное место» и русская комедия о чиновниках // Поэтика и компаративистика: сб. науч. ст. Коломна, 2008. С. 32—44). «Доходное место» и пьеса Львова постоянно сравнивались современниками, причём подчас не в пользу Островского (см., напр.: *Зет А.* Петербургские письма в редакцию «Московских ведомостей» // *М. вед.* 1857. № 62. 23 мая. С. 256—257).

«Губернские очерки» Щедрина также ставились на сцене и воспринимались современниками как важный контекст для произведения Островского. Так, Н. С. Назаров писал: «Громко раздался в обществе и в литературе голос против злоупотреблений нашей администрации, нашего чиновничества, и целая туча посыпалась на нас статей, очерков, драматических сцен, комедий, драм — Н. Щедрина, графа Соллогуба, г. Львова и др.; тогда г. Островский захотел вставить в этот вопрос и своё слово, так как он с чиновничьим бытом знаком (судя по его комедиям) не менее, как с купеческим...» (*Н. Н. <Назаров Н. С.>* Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859 // *ОЗ.* 1859. Т. 125, № 8. Русская литература. С. 95). Критика не увидела в комедии ничего, кроме противопоставления двух непримиримых лагерей: честных и нечестных чиновников и их сторонников, то есть Жадова, Вышневской, Мыкина, Досужева, с одной стороны, и других действующих лиц, с другой (см., напр.: *А. Щ.* Доходное место. Комедия А. Н. Островского // *Атеней.* 1858. № 10. С. 79). Соответственно, смысл комедии критики свели к обличению взяточников, автора же её упрекали в прямолинейной нравоучительности: «...дидактизм не только не даёт нравственной основы для произведения, имеющего претензию на художественность, но несомненно свидетельствует о недостатке в нём истинно нравственного принципа» (*Атеней.* 1859. № 8. С. 494).

«Доходное место» помещается в работах XX в. в более широкий контекст, чем сочинения «обличителей». Уже критики XIX в. обратили внимание на сходство Жадова с грибоедовским Чацким, а также на то, что на роль наследника грибоедовской традиции может претендовать и внесценический персонаж Островского Любимов (см.: *Слепцов В. А.* <О театре> // *ЛН.* Т. 71: Василий Слепцов: Неизвестные страницы.

[1] См.: *Жук А. А., Покусаев Е. И.* «Свисток» и его место в русской сатирической журналистике // *Свисток.* Сатирическое приложение к журналу «Современник». 1859—1863. М., 1982. С. 407—431; *Покусаев Е. И.* «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина и обличительная беллетристика 50-х годов в оценке Чернышевского и Добролюбова // Учёные записки Саратовского гос. пед. ин-та. Вып. 5. Саратов, 1940. С. 32—54; *Усакина Т. И.* История, философия, литература (Середина XIX века). Саратов, 1968. С. 250—290; *Чуйко В. В.* Современная русская поэзия в её представителях. СПб., 1885. С. 176—183; *Ямпольский И. Г.* Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859—1873). М., 1964. С. 24—34, 104—107; *Он же.* Сатирические и юмористические журналы 1860-х годов. Л., 1973; *Он же.* Середина века. Очерки о русской поэзии 1840—1870-х гг. Л., 1974. С. 33—39.

М., 1963. С. 127—128; *Григорьев А. А.* Литературная критика. М., 1967. С. 511). В ряде работ много внимания уделяется связям «Доходного места» и «Горя от ума» (см., напр.: *Фомичёв С. А.* «Горе от ума» в наследии Островского // А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX—XX веков. Л., 1974. С. 17). Исследователи также обратили внимание на то, что Жадов прямо цитирует комедию В. В. Капниста «Ябеда», осознавая себя как героя комедии эпохи Просвещения (см.: *Незелёнов А. И.* Александр Николаевич Островский в его произведениях // *Незелёнов А. И.* Собр. соч.: в 6 т. Т. 3. СПб., 1903. С. 186; *Кашин.* <Т. 1.> С. 65—70; *Гуськов Н. А.* «Весь мир — театр» (к изучению топики А. Н. Островского) // Риторическая традиция и русская литература: межвуз. сб. СПб., 2003. С. 184). Впрочем, литературные параллели «Доходного места» не ограничиваются его связями с традицией русской общественной комедии. Сложные отношения Жадова, его чиновного дяди Вышневского и молодой жены сановника Вышневской, видимо, не случайно вызывали у исследователей ассоциации с сюжетом романа И. А. Гончарова «Обыкновенная история» (см.: *Лотман Л. М.* А. Н. Островский и русская драматургия его времени. М.; Л., 1961. С. 200). Семейная жизнь Жадова сопоставлялась с отношениями главных героев трагедии П. Корнеля «Полиевкт» (главную героиню Корнеля, к тому же, зовут Полина), которую Островский мог видеть на сцене во время гастролей знаменитой французской артистки Рашель в 1853—1854 гг. (см.: *Абенсур Ж.* Спор с театром классицизма как элемент поэтики А. Н. Островского (на материале пьесы «Доходное место») // Щелыковские чтения 2004. Творческое наследие и личность А. Н. Островского: бытие во времени: сб. ст. Кострома, 2004. С. 102—108). Таким образом, историко-литературный контекст и проблематика пьесы Островского оказались значительно сложнее, чем полагали современники. Их реакции, однако, представляют большую ценность, поскольку отражают те актуальные проблемы, в связи с которыми пьеса задумывалась и создавалась.

«Доходное место» вызвало споров и обсуждений едва ли не больше, чем любая другая пьеса Островского. Отношение к комедии большинства современников оказалось противоречивым. Только Панаев в письме от 6 апреля 1857 г. отозвался о комедии однозначно: «...кладу перед Вами земной поклон за Ваше "Доходное место". Чудное наслаждение доставила нам эта пиеса!» (*Неизд. письма.* С. 331). А. Ф. Писемский, прочитав пьесу, сообщил драматургу свои впечатления в письме от 30 марта 1857 г.: «...самая картина исполнена и жизни, и бойких типов, и, наконец, нравственной глубины, но всё это вставлено в рамку, т. е. в 1-е и 5-е действия, совершенно мозговую, сделанную, а не созданную, и потому именно, что в них играют роли пара Вишневских — оба эти лица по грамматичности их изложения совершенные гробы, но это бы ещё ничего: не создашь всех лиц, другие можно и попридумать, — но дело в том, что они очень много говорят, их надобно сократить: пусть они только самой необходимой стороной касаются комедии. С концом пьесы я тоже не согласен: Жданов <*так!*> не должен был бы выйти победителем, а должен был бы пасть. Смысл комедии был бы, по-моему, многозначительнее и глубже» (*Писемский А. Ф.* Письма. М.; Л., 1936. С. 109). Вариант сюжета, где «честный чиновник» не остаётся «победителем», реализован в романе Писемского «Тысяча душ» (1858), созданном не без учёта сюжетики «Доходного места»[1].

[1] См.: *Акимова В. А.* А. Ф. Писемский о пьесах А. Н. Островского 50-х годов (на материале переписки писателей) // Проблемы писательской критики. Душанбе, 1987. С. 19;

Схожим было и отношение к комедии П. В. Анненкова, так же считавшего первое и последнее действия неудачными и так же высоко оценившего естественность, органичность общественной проблематики «Доходного места», в котором взяточничество изображалось как глубоко закономерное явление. Анненков писал Толстому и И.С. Тургеневу 14 (26) марта 1857 г.: «Вышла "Русская беседа" с комедией Островского, которая чудесна. Начинается она пошлым изображением благородного человека, который глупо кокетничает своим образованием, кончается она пошлым примирением его с дурацкой женой, но между этими двумя пошлостями картина роковой необходимости взяточничества, порождаемого землёй нашей, как рождается на ней крапива под каждым забором, картина особенной физиономии взяточничества, идущего об руку с некоторого рода честностию, с добротою души, правилами, отчего она ещё отвратительнее, — всё это так глубоко, так великолепно, так сильно, что становится *документом*. Это история – точно сама земля наша дала голос!» (*Анненков П. В.* Письма к И.С. Тургеневу. Кн. 1. 1852—1874. СПб., 2005. С. 58).

С высокой оценкой Анненкова не согласился Тургенев, в письме от 3 (15) апреля 1857 г. осудивший критика за то, что тот расхвалил «из рук вон вялую, плохую, тупую комедию Островского, где, кроме лица Юсова (и то только в 3-м акте), — всё остальное нестерпимо грубо и мертво. Точно замороженные свиные туши» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма. Т. 3. М., 1987. С. 219). Не убедили Тургенева и положительные отзывы Д. Я. и Е.Я. Колбасиных. 18 (30) апреля он писал им: «...я вынужден сказать, в противность вашему, Анненкова и Толстого мнению, что комедия Островского "Доходное место" — невыносимая вещь» (Там же. С. 221).

Вопреки мнению Тургенева, отношение Л.Н. Толстого к пьесе Островского было очень сложным. Первоначально он был предубеждён против сочинений Островского в целом и комедии в частности. В недатированном письме к В. П. Боткину (вероятно, около 20 января 1857 г.) Толстой заметил: «Островской... в своём льстивом уединении, хотя так же силён, построил свою теорию, и она окрепла и засохла. Аксаков С.Т. говорит, что его "Доход<ное> место" слабо» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 60. М., 1949. С. 153). Однако уже 25 января 1857 г., он, услышав чтение пьесы, записал в дневнике: «"Дох<одное> место" лучшее его произведение и удовлетворённая потребность выражен<ия> взяточного мира» (Там же. Т. 47. М., 1937. С. 112). Как и Анненков, Толстой проницательно отметил, что взяточничество изображается Островским как целый своеобразный «мир». Соответственно, в письме к Боткину от 29 января он излагал уже совершенно иное впечатление от пьесы, совпавшее с мнениями Писемского и Анненкова: «Комедия же Островского, по-моему, есть лучшее его произведение, та же мрачная глубина, которая слышится в "Банкруте", после него в первый раз слышится тут в мире взяточников-чиновников, который пытались выразить Соллогубы, Щедрины и компания. Теперь же сказано последнее и настоящее слово. Так же как и в "Банкруте", слышится этот сильный протест против современного быта; и как там этот быт выразился в молодом прикащике, как в "Горе от ума" в Фамусове, так здесь в старом взяточнике секретаре Юсове. — это лицо восхитительно. Вся комедия — чудо. Но... ежели бы автор жил не в кружке, а в Божьем мире, это могло бы быть chef-d'oeuvre, а теперь есть тяжёлые грустные пятна» (Там же. Т. 60. С. 156). Толстой оказался первым из читателей пьесы,

Зубков К. Ю. Роман А.Ф. Писемского «Тысяча душ» и пьесы о чиновниках второй половины 1850-х годов // Русская литература. 2009. № 4. С. 95—106.

сопоставившим её героев и с сочинениями «обличителей», и с «Горем от ума». Представляет существенный интерес отзыв о «Доходном месте» как о выражении мнения «кружка» — вероятно, Толстой имеет в виду московских славянофилов и близких к ним членов распавшейся «молодой редакции» «Москвитянина». По всей видимости, в тот же день он написал письмо Островскому, где вкратце изложил те же соображения: «Благодарствуй за комедию. В публике, где мы читали, она имела успех огромный. Моё впечатление в отношении сильных мест и лиц усилилось, в отношении фальшивых также. По-моему, их немного — только интрига Вишневских и ещё кое-какие мелочи. Ежели бы этих пятнушек не было, это было бы совершенство, но и теперь это огромная вещь по глубине, силе, верности современного значения и по безукоризненному лицу Юсова» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Т. 60. С. 158).

Злободневная пьеса известного драматурга вызвала активное обсуждение в критике. В атмосфере общественного оживления второй половины 1850-х гг. критики интересовались не столько пониманием пьесы, сколько использованием её для выражения собственного мнения об общественных процессах в стране. Показательна в этом смысле позиция Н. Г. Чернышевского. В своей рецензии на «Губернские очерки» Щедрина (*Совр.* 1857. Т. 63, № 6. Отд. III. Критика) он обратил внимание на те же проблемы, что и Толстой, Писемский и Анненков, — на естественность, «органичность» взяточничества в изображении Островского. Критика, в отличие от перечисленных выше авторов, интересовали скорее социологические, а не эстетические вопросы. Чернышевский писал об образе Белогубова: «Нет надобности доказывать, что наш подьячий старых времён был хорошим семьянином. <...> Тот, кто щедро помогает своей бедной тёще, при всей несносной сварливости её характера, кто не жалеет ничего, чтобы помочь бедной свояченице и её мужу, хотя этот муж постоянно оскорблял и оскорбляет его самым чувствительным образом, тот, воля ваша, не есть дурной человек» (Там же. С. 41). В вышедших несколько ранее «Заметках о журналах» Чернышевский разобрал пьесу Островского более подробно. Как и большинство читателей, он счёл финал её неестественным: «Комедия была бы, нам кажется, цельнее и полнее в художественном отношении, если бы оканчивалась этим кризисом, — пятый акт прибавлен автором, чтобы спасти Жадова от нравственного падения» (<*Чернышевский Н. Г.*> Заметки о журналах // Совр. 1857. Т. 62, № 4. С. 344). К наиболее удачным образам Чернышевский отнёс тех героев, которые иллюстрировали его тезис о том, что человек определяется общественными условиями — Белогубова, Юлиньку и Кукушкину (см.: Там же). Но главным для критика оказался разрыв Островского с «москвитянинской» манерой — именно поэтому он сопоставил «Доходное место» с комедией «Свои люди — сочтёмся!», «которой он обязан большею частью своей известности» (Там же. С. 340). Чернышевский как бы отказывался от печального прогноза, который он дал в рецензии на пьесу «Бедность не порок», и объявил, что Островский вновь может занять важное место в русской литературе.

П. Д. Боборыкин разбирал «Доходное место», сопоставляя комедию с пьесой Львова «Свет не без добрых людей». Критик обнаружил в обеих пьесах указание на значимую роль женщины в жизни чиновника. Вероятно, первым из писавших о «Доходном месте» авторов он обратил внимание на несоответствие личности Жадова той роли, которую он играет в сюжете пьесы: «Нам было бы приятнее думать, что в лице Жадова он рисовал не героя, а лицо комическое... ...Если г. Островский хотел изобразить в своём Жадове истинного героя добра, тогда мы должны были бы

объявить его пьесу неблагородною пьесой. <...> В таком случае пьеса была бы клеветой на образование, сочинённой с целию подорвать нашу веру в образование» (*СПбВед.* 1857. № 111. 24 мая. С. 574).

С резкой критикой и Боборыкина, и Чернышевского выступил на страницах той же газеты Н. С. Назаров, обращавшийся к «Доходному месту» неоднократно. По его мнению, пьеса свидетельствует о том, что талант автора «достиг уже окончательного упадка», вопреки мнению Чернышевского. «Упадок» этот состоит в идеализации Жадова: «...автор "Доходного места" вовсе и не имел виду *<так!>* выставить Жадова бесхарактерною, слабою личностью, — он силится, напротив, доказать, что Жадов — человек твёрдых убеждений, который может споткнуться, но поступить противу правды и остановиться на дурном — никогда...» (*Н. Н. <Назаров Н. С.>* Русская литература // *СПбВед.* 1857. № 115. 30 мая. С. 595). Назаров также упрекал сотрудников «Русской беседы», напечатавших противоречащую принципиальным для журнала идеям пьесу. По его мнению, Островский в своей пьесе выразил идеалы эмансипации, очень далёкие от теории Т. И. Филиппова, высказанной в его рецензии на драму «Не так живи, как хочется»: «Госпожа Вышневская, в комедии "Доходное место", по легкомысленности своего характера, по нежности своего сердца, по грешкам своей молодости, есть чистейший тип жоржсандовских женщин; между тем, г. Островский очевидно её идеализировал, а редакция "Русской беседы", не поняв сущности дела и приняв, должно быть, Вышневскую за тип русской женщины, поместила комедию в своём журнале, чуть не рядом с грозною филиппикою г. Филиппова...» (*СПбВед.* 1857. № 168. 4 авг. С. 877). В пьесе Островского Назаров видит обычную обличительную комедию, где идеализируется неправдоподобный честный чиновник, наделённый способностью буквально словом убить взяточника, — именно так Назаров трактует удар, постигший Вышневского после монолога Жадова (см.: *СПбВед.* 1857. № 79. 13 апр. С. 401—404). Позже Назаров, рецензируя «Сочинения» Островского, просто воспроизвёл, с небольшими уточнениями, свою характеристику пьесы из «Санкт-Петербургских ведомостей» (см.: *ОЗ.* 1859. Т. 125, № 8. Русская литература. С. 95—100). Самое любопытное изменение, внесенное им, — сопоставление Жадова с главным героем романа Писемского «Тысяча душ» Калиновичем. Обоих автор считает ложно идеализированными (Там же. С. 98).

Напротив, недостаток «обличительного» обнаружил в пьесе анонимный критик «Атенея», который желал увидеть более подробное изображение конфликта честных и нечестных чиновников. На стороне последних Островский должен был, по его мнению, показать общественный механизм взяточничества, которое проистекает из крепостнического устройства страны: «...крепостность, как принцип, глубоко проникла во все сферы нашей жизни»; «лица, выведенные на сцену, должны бы возбудить в читателе или зрителе отвращение к себе, но они сами по себе возбуждают только сострадание»; «можно было бы показать, как взяточники и казнокрады всякого рода терзают, безобразят и губят всюду, внутри и вне, нашу многострадальную, родную матушку Россию» (*А. Щ.* Доходное место. Комедия А. Н. Островского // *Атеней.* 1858. № 10. С. 82). Если взяточники Островского показались критику недостаточно зловредными, то Жадова он, напротив, счёл недостаточно сильным и интеллектуальным героем: «Жадов, воспитывавшийся в университете, чрезвычайно противен, когда он принимает глупую и необразованную Полину за неиспорченного ребёнка, за ангела» (Там же. С. 86).

К курьёзам можно отнести отзыв о пьесе «Сына отечества», критик которого предлагал устранить первые три действия пьесы, как лишние (см.: *Сын отечества*. 1857. № 16. С. 353—358).

Следующая волна критических отзывов на комедию Островского появилась в связи с выходом «Сочинений» драматурга. Н. А. Добролюбов в статье «Тёмное царство» (*Совр.* 1859. № 7. Современное обозрение. С. 17—78) развивал соображения Чернышевского. В пьесе он также обратил внимание на общественные проблемы и вопрос о том, как действия отдельных людей определяются их социальным положением: «Изложение семейных отношений и указание их влияния на общественную деятельность представляется нам лучшею стороною этой комедии. А затем любопытна внутренняя, душевная сторона жизни этих людей, которых мы официально так презираем и клеймим названиями крючкотворцев и взяточников» (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 132). Образ Жадова Добролюбов воспринимал по контрасту с многочисленными фигурами честных чиновников, описанных литераторами «обличительного» направления, которых сам Добролюбов постоянно высмеивал и пародировал в «Свистке»: «...уже есть в этой комедии фальшивый тон в лице Жадова; но и его почувствовал сам автор, ещё прежде всех критиков. <...> Он, без сомнения, сочувствовал тем прекрасным вещам, которые говорит Жадов; но в то же время он умел почувствовать, что заставить Жадова *делать* все эти прекрасные вещи — значило бы исказить настоящую русскую действительность. Здесь требование художественной правды остановило Островского от увлечения внешней тенденцией и помогло ему уклониться от дороги гг. Соллогуба и Львова» (Там же. С. 26).

Те же черты Жадова отметил Н. П. Некрасов, писавший, что герой пьесы «говорит и обещает много», однако «ничего не делает основательно» (*Атеней*. 1859. Ч. 2, № 8. С. 494). В отличие от Добролюбова, Некрасов считал обилие рассуждений Жадова недостатком пьесы, в которой «обе стороны действующих лиц: и правая, и неправая — поучают взаимно друг друга» (Там же. С. 496). Недовольный изображением Жадова как представителя нового поколения, критик утверждал, что «вообще все лица, стоящие на стороне старого чиновничества, гораздо лучше изображены г. Островским, чем те, которые выражают собою новое направление» (Там же). Очевидно, Некрасов, в отличие от Добролюбова, был уверен, что современный молодой чиновник должен быть способен к самостоятельным поступкам.

Идеи Добролюбова воспроизводились неоднократно. Так, Е. И. Утин в 1869 г. разбирал «Доходное место» в статье, в основном посвящённой пьесе Островского «На всякого мудреца довольно простоты», и почти дословно повторил слова своего предшественника (см.: *ВЕ*. 1869. № 1. С. 331—333).

На этом фоне необычным кажется разбор «Доходного места» А. В. Дружининым (*БдЧ*. 1859. Т. 156, № 8. С. 1—42). Критик интересовался в первую очередь общим композиционным и смысловым построением комедии. В целом, он оценил её как несовершенный, но естественный плод бурного общественного движения того времени. Как и самые первые читатели комедии, Дружинин в первую очередь обратил внимание на образ Юсова, а не Жадова: «Все лица новы и замечательны по замыслу, но из них только одно (Юсов) обработано сообразно замыслу» (*Дружинин А. В.* Литературная критика. М., 1983. С. 281). Финал пьесы Дружинин, как и почти все критики пьесы, считал неуместным, однако скорее на основании эстетических соображений, а не интересов

жизненной правды: «...самый конец пьесы, резко прихотливый, всё-таки оставляет интригу незаконченною и фокус света, ярко брошенного автором в этой части произведения, словно усиливает тьму, разлитую повсюду» (*Дружинин А. В.* Литературная критика. С. 282). Исключением Дружинин назвал третий акт пьесы, кроме первого и последнего явлений. Дружинин уловил параллели между «Доходным местом» и «Горем от ума», однако не счёл их оправданием условности пьесы. Осудил критик и «книжный» язык героев, нетипичный для Островского, проигнорировав тот факт, что хорошо образованный и выше всего ставящий свои университетские «уроки» Жадов едва ли мог говорить не «книжно»: «Жадов, увлекающий нас драматизмом своей постановки, местами говорит тирады, будто взятые из журнала сороковых годов; Вышневский... то высказывает сам свои пороки, подобно классическому злодею, то говорит как аллегорическое олицетворение целого порочного класса людей» (Там же).

Авторы, ищущие в комедии в первую очередь идей, быстро нашли её устаревшей. Особенно заметно это в статьях, вышедших по поводу столичной премьеры «Доходного места», состоявшейся в 1863 г. Один из наиболее показательных отзывов принадлежит В. А. Слепцову[1]. Слепцов полагал, что «Доходное место» совершенно устарело за прошедшее с момента его создания время: «...если пьеса писана *по поводу* какого-нибудь насущного вопроса (как это и вышло в настоящем случае), то чрез несколько лет она и смысла никакого иметь не будет» (*ЛН*. Т. 71. С. 124). Слепцов отрицал саму оппозицию честных и нечестных чиновников: для него ключевой проблемой русского общества было не засилье взяточников, а пробуждение к общественной активности, что не было равно всеобщему «обличению». В этом проявляется, конечно, исторический опыт: в 1863 г. близкий к радикальным кругам литератор едва ли мог возлагать большие надежды на «общественное мнение». Разбирая образ Жадова, Слепцов также прибегал к новым категориям. Для него герой Островского — представитель «людей 40-х годов», одновременно «Дон-Кихот» и одновременно «русский Гамлет, и служит, если хотите, современным представителем того же типа, к которому принадлежит и Чацкий, так как Чацкий тоже в своём роде Гамлет» (Там же. С. 127). Восходящая к тургеневской речи «Гамлет и Дон-Кихот» диалектика, впрочем, используется Слепцовым не для анализа образа героя, а для его однозначного осуждения: «Красивые фразы, красивые страдания и красивые женщины были для вас всегда дороже дела» (Там же. С. 128). «Сладострастием» Слепцов объясняет любовь Жадова к необразованной Полине. Здесь, конечно, слышны отголоски статьи Чернышевского «Русский человек на rendez-vous». Ещё больше заметно влияние Чернышевского в призыве Слепцова обратиться не к жадовым, а к новым, современным героям (см.: Там же. С. 131) — описание этих героев напоминает об образе Рахметова из романа «Что делать?», а само противопоставление старых и новых героев связано уже с обострённой полемикой начала 1860-х гг.

Схожее отношение к пьесе Островского встречается и не у столь радикально настроенных авторов. Так, обозреватель «Голоса» определил пьесу очень резко: «натянутость, резонёрство и мелодрама» (*Голос*. 1863. № 263. 6 окт. С. 1035). Ещё более жёстко отозвался рецензент «Московских ведомостей», согласно которому пьеса Островского тенденциозна, все речи героев — «голая риторика», а около 2/3 текста можно убрать без вреда для развития интриги (см.: *М. вед.* 1863. № 234. 29 окт. С. 3). Чрезмерная резкость последнего отзыва вызвала насмешки критика «Русской сцены»

[1] Отзыв был запрещён цензурой и опубликован лишь в XX в. В. Э. Боградом.

(см.: *Р.* Московская сцена // *Русская сцена.* 1864. № 1. Театральная и музыкальная летопись. С. 20). Все эти авторы считали пьесу выражением устаревших идей прошлого.

Впрочем, некоторые критики пытались и пересмотреть сложившееся убеждение относительно связи «Доходного места» с «обличительными» сочинениями. Так, В. А. Крылов (псевд. — В. Александров) пытался оправдать Островского: «Критика того времени неблагосклонно встретила новую комедию. Жалкие попытки графа Соллогуба и г. Львова — выставить благонравного чиновника, заставили заподозрить у г. Островского ту же тенденцию» (*СПбВед.* 1863. № 220. 1 окт.). Никакой тенденции, по мнению Крылова, у Островского в действительности не было, как не пытался он и идеализировать своего героя: «Сочувствуешь не личности, а принципам её... Жадов и не мог быть представителем какого-то нового благородного чиновничества (какими стремились сделать своих героев граф Соллогуб и г. Львов) уже потому, что само чиновничество не может быть новым» (Там же). С презрением отзывался об эпохе «обличений» критик «Развлечения» (псевд. — Новый человек), решительно отрицавший связь Островского с этим течением в литературе (см.: *Развлечение.* 1863. № 42. С. 266).

На фоне большинства отзывов о «Доходном месте» необычна позиция Ап. Григорьева. В статье «По поводу нового издания старой вещи. "Горе от ума". СПб. 1862» (*Время.* 1862. № 8) Григорьев писал: «Покойный Добролюбов окрестил именем "тёмного царства" мир, изображаемый Островским. Но, собственно, тёмный мир, т. е. мир без света, без нравственных корней, Островский изображает только в одной из своих драм — в "Доходном месте"... даже Дикого можно прошибить... общими для всех, хоть и формально только общими началами. Но чем вы прошибёте теорию комфорта Кукушкиной? Чем вы прошибёте спокойствие души Юсова? Чем вы прошибёте глубокое безверие Вышневского?.. Одним только: "колесом фортуны"!.. Тень Чацкого (это одно из высоких вдохновений Островского) проходит перед нами в воспоминаниях Вышневской о Любимове, и жалко перед этой тенью её обмелевшее отражение — Жадов» (*Григорьев А.* Литературная критика. М., 1967. С. 511). «Доходное место» Григорьев относил к произведениям, укладывающимся в определённую идеологизированную схему. Осуждение общественного порядка и поддержку бунтующей личности Григорьев считал идеей, не характерной для Островского. Эти противоречия критик попытался разрешить в своей статье «"Доходное место" и его сценическая постановка» (*Якорь.* 1863. № 31, 32): «Есть в самой драме три существенных порока. Первый порок — тот, что Островский в этой драме не тот разумно-спокойный и свободный народный поэт, у которого нет задних мыслей и которому привыкли мы поклоняться именно за это свободное и широкое творчество... Второй порок, уже чисто относящийся к постройке драмы, — тот, что при единстве огромной задачи драма распадается на две раздельных полосы; в одной, в мире Юсова и Кукушкиных, задача выражена художественно, с величайшею правдою и жизненностью... другую полосу, именно мир Вышневских, он только очертил, очертил верно, но по-книжному, так что без высоких исполнителей, способных дополнять очерки собственными и притом настоящими красками, сценическое представление этого мира будет сухо до скуки и даже дико до карикатурности. Третий, наконец, порок драмы в том, что... поэт... не мог с беспощадностью отнестись к Жадову совершенно комически» (*Григорьев А. А.* Театральная критика. Л., 1985. С. 293—294). Таким образом, Григорьев сделал выбор в сторону «народной», объективной правды, перед которой личные претензии Жадова

должны были изображаться сугубо «комически». Напротив, трагический потенциал критик усмотрел в образе Досужева — это «лицо сардоническое, со всеми началами трагизма, прикрытого внешним юмором» (*Григорьев А. А.* Театральная критика. С. 296). При этом Григорьев повторил частый упрёк в адрес Островского в том, что драматург не смог согласовать линии Юсова и Вышневских. Вышневские, с точки зрения критика, далеки от народной жизни и потому едва ли могут быть изображены удачно. В образе Жадова Григорьев видит тот же разрыв с «почвой», однако изображён этот герой, по мнению критика, более удачно: «В том-то и трагический комизм личности и положения Жадова, что ему не на что упереться в подтверждение своих идеальных требований от нашего быта. С этим бытом он существенно разорван своим миросозерцанием, как разорвана с ним, к несчастию, до сих пор вся наша так называемая молодёжь...» (Там же. С. 298). Эти свойства личности Жадова Григорьев объяснял исторически, утверждая, что этот персонаж оказался между поколениями романтиков и «нигилистов»: «Жадов — краткий момент переходной эпохи, добрая и жиденькая натура, которой в наследство, по завещанию, досталось то, за что одни клали всю свою жизнь или вследствие чего другие безобразно и безумно прожигали свою жизнь» (Там же. С. 294). Вышневский, по Григорьеву, это «человек по-своему много живший, по всей вероятности даже член бывалого масонского ордена, пробивший себе дорогу, что говорится, лбом; натура страстная и широкая, не робеющая перед средствами, когда они ведут к цели; натура, сохранившая до старости жажду наслаждения и ни во что не верующая, кроме успеха» (Там же. С. 295). При этом Григорьев отметил, что Вышневский, как и его жена, «сам уже сила, разобщённая с жизнию, он "в вере не твёрд", как тверды Юсов и Кукушкина» (Там же. С. 298). Ценность образа Юсова для критика состояла в том, что он связан с народом, пусть и негативно. По Григорьеву, Юсов и Кукушкина — это «стрюцкие», «болезненный нарост на нашей народной почве» (Там же. С. 295). Чтобы противостоять таким персонажам, пусть в извращённой форме, но органичным и близким к народу недостаточно Жадова — требуется представитель положительных народных ценностей: «Тут Посошков нужен, тут Минин нужен, а не жиденький студент, который "хорошие слова" говорит» (Там же. С. 298). Взгляды Григорьева остались невостребованными до начала XX в. А. Р. Кугель в своей парадоксальной манере утверждал, что Жадова можно воспринимать как отрицательного героя, а Юсова — как положительного: «Дело не в том, насколько Жадов хорош, благороден, честен и т. п., а в том, насколько он — *органичен*» (*Homo Novus. <Кугель А. Р.>* Заметки // *Театр и искусство*. 1913. № 36. С. 701). Исследователи видят ключевой конфликт пьесы не в противостоянии «честного» Жадова «нечестному» Вышневскому, а в конфликте европеизированных, образованных людей, к которым относятся и Жадов, и Вышневский, и своеобразной бюрократической цивилизации (см.: *Журавлёва А. И.* Русская драма и литературный процесс XIX века. М., 1988. С. 147). Юсов и Белогубов говорят на своеобразном языке, в котором нет даже понятия о «взятке» — она называется «благодарностью» (см.: *Лакшин В. Я.* А. Н. Островский. М., 2004. С. 448).

Немедленно после публикации «Доходное место» появилось на провинциальных сценах. Уже в октябре 1857 г. комедию ставили в Киеве (см.: *Чернышёв Н.* Корреспонденция из Киева // *Театральный и музыкальный вестник*. 1857. № 42. С. 573—576; в статье перечислены основные артисты). Ставилась пьеса и в Казани в начале 1858 г. (см.: *N.* Казанский театр // *Театральный и музыкальный вестник*. 1858.

№ 16. С. 189—191; в статье перечислены основные артисты), а также в Енисейске (см.: Там же. 1858. № 9. С. 106). Н.Г. Леонтьев утверждал, что первая постановка пьесы состоялась на его домашнем театре (см.: *М. В. К—ев.* <*Карнеев М. В.*> Дневник московского театрала // *Театральный мирок*. 1886. № 9. 28 июня. С. 3). Эти постановки, однако, были осуществлены с нарушением цензурного законодательства: разрешения драматической цензуры на них не было получено. В драматическую цензуру «Доходное место» попало осенью 1857 г. 19 сентября она была разрешена, 6 октября Писемский сообщал Островскому, что пьеса уже пропущена цензурой, а 8 ноября он же, пользуясь своим положением как члена Театрально-литературного комитета, добился скорейшего разрешения пьесы этим Комитетом (см.: *Писемский А. Ф.* Письма. М.; Л., 1936. С. 111, 113). Однако 16 декабря 1857 г. цензура неожиданно запретила комедию, вероятно, в связи с негативным отношением императора к обличительной драматургии вообще. Запрет удалось снять лишь в 1863 г., благодаря ходатайству Дирекции императорских театров и содействию цензора И. А. Нордстрема, который подчеркнул, что пьеса Островского близка уже разрешённым сочинениям, таким как «Мишура» А. А. Потехина (см.: *Ревякин А. И.* А. Н. Островский и цензура (Цензурные злоключения пьес «Доходное место», «Воспитанница» и «Козьма Минин») // Учёные записки Моск. гор. пед. ин-та имени В. П. Потёмкина. Т. 48. Кафедра русской литературы. Вып. 5. 1955. С. 270—275; *Зубков К. Ю.* Островский, «обличительная» драматургия и цензура Третьего отделения // А. Н. Островский: материалы и исследования: сб. науч. тр. Вып. 4. Иваново, 2013. С. 64—71). Запрет вызвал возмущение в литературных кругах. Ап. Григорьев выразил его в письме к М. П. Погодину от 26 января (7 февраля) 1858 г.: «Запрещение "Доходного места" — когда позволяются вещи Щедрина, комедия Львова и проч. — доказывает для меня только силу истинного искусства, смутно чувствуемую всякою, всякою грязью и подлостью» (*Григорьев А. А.* Письма. М., 1999. С. 188). В течение шестилетнего запрета о постановке пьесы ходатайствовали многочисленные провинциальные театры, в том числе Таганрогский (31 марта 1858 г.), Одесский (24 июня 1859 г.) и Воронежский (11 марта 1861 г.). Хлопотали о пьесе и друзья Островского, в том числе Ф. А. Бурдин (см. письмо к нему Островского, конец ноября — начало декабря 1861 г.), а также артисты И. Ф. Горбунов и Е. М. Левкеева (см.: *Ревякин А. И.* А. Н. Островский и цензура. С. 273). М. Н. Островский использовал личные связи, чтобы убедить А. Е. Тимашева разрешить пьесу, но безрезультатно (см.: Там же. С. 272). Писемский также пытался доказать высокопоставленным чиновникам, что «Доходное место» — «это совершенно не одно и то же с пиэсой Львова» (*Писемский А. Ф.* Письма. С. 115).

Премьера комедии состоялась в Александринском театре 27 сентября 1863 г., в бенефис Е. М. Левкеевой. Роль Вышневского исполнял П. И. Григорьев, Вышневской — Е. М. Левкеева, Жадова — А. А. Нильский, Мыкина — П. И. Зубров, Юсова — П. В. Васильев, Белогубова — Ф. А. Бурдин, Кукушкиной — Ю. Н. Линская, Юлиньки — М. А. Спорова, Полины — Е. И. Подобедова, Досужева — И. Ф. Горбунов, Стеши — В. В. Стрельская. Список исполнителей можно сопоставить с предполагаемым распределением ролей в письме Островского к П. С. Фёдорову от 29 ноября 1857 г., где совпадает лишь исполнитель роли Досужева. В. А. Слепцов утверждал, что «пьеса не совсем удалась на сцене, т. е. она сама-то удалась, да только эффекта большого в публике не произвела» (*ЛН*. Т. 71. С. 124). Прочие писавшие о премьере авторы, напротив, отмечали постоянные рукоплескания публики (см. отзыв Д. Д. Минаева:

РСл. 1863. № 9. С. 21; ср. схожее мнение: *Искра.* 1863. № 48. 14 дек. С. 727—728). По просьбе публики пришлось повторить сцену пляски Юсова, а после спектакля автору поднесли лавровый венок (см.: *СПбВед.* 1863. № 220. 1 окт.). Ап. Григорьев утверждал, что из всех артистов хорошо играла только Линская, остальные же пытались впечатлить зрителя хорошо рассчитанными эффектами и риторикой (см.: *Григорьев А. А.* Театральная критика. Л., 1985. С. 293, 295). В целом, того же мнения были и все остальные критики, писавшие о чрезмерной мелодраматичности и вульгарности в игре большинства актёров (см., напр.: *Новый человек.* Литературные и общественные заметки // *Развлечение.* 1863. № 38. С. 360). В конце 1863 г. и середине 1864 г. в роли Жадова выступал гастролировавший в Петербурге С. В. Шумский, удостоившийся высоких оценок прессы. Д. В. Аверкиев писал, что только Жадов Шумского соответствует авторскому замыслу: «У Шумского Жадов явился именно слабым, но мягкосердечным человеком. <...> Он не говорил громко, не забрасывал словами; скорей напротив, было очевидно, что он не может передать того, что чувствует. Он мягкий человек; какой-то необыкновенной кротостью, переходящей в слабость, дышут его отношения к Полине. <...> Это было основным мотивом Жадова-Шумского. Оттого он не кричал в пятом акте; заключительная речь его не была грозной филиппикой. Оттого он так глубоко понял значение третьего акта. <...> Да, как лучинушка не ясно горит и не вспыхивает, — так не горят думы, не вспыхивает энергия у этого слабого человека» (*Аверкиев Д.* Русский театр в Петербурге // *Эпоха.* 1864. № 7. С 12—13). Подробный разбор игры Шумского в «Библиотеке для чтения» был ещё более восторженным: артист, по мнению обозревателя, это единственный представитель «западной сценической выработки» (Петербургская сцена // *БдЧ.* 1864. № 7. С. 2), а исполнение им роли Жадова — «торжество тонкой игры» (Там же. С. 11). Главное достоинство Жадова в исполнении Шумского состоит в том, что у него отсутствует «натянутый, обличительный характер» (Там же. С. 10). Высоко оценили те же качества Шумского и другие критики (см.: *П—н.* Петербургские театры // *Театральные афиши и антракт.* 1864. № 138. 10 сент. С. 3). Впрочем, обозреватель «Якоря» выделил лишь его игру в финале 4-го акта и последний монолог (см.: *Якорь.* 1864. № 34. 5 сент. С. 267). Ещё хуже отозвался о Жадове Шумского обозреватель «Северной пчелы», который счёл его сдержанную манеру чрезмерно холодной (см.: *Театрал.* Шумский в «Доходном месте» // *Северная пчела.* 1864. 26 авг. № 216).

Пьеса с перерывами шла на петербургской сцене в течение многих десятилетий, причём критика внимательно следила за дебютировавшими в ней артистами, обычно оценивая их достаточно плохо (см., напр.: *Биржевые ведомости.* 1867. № 303. 11 нояб. С. 3; Русский театр. Дебюты г. Виноградова // *Голос.* 1870. № 118. 30 апр. С. 1; *Муха. <Плещеев А. А.>* Арабески // *Театральный мирок.* 1884. 28 апр. № 17. С. 1), а неудачное исполнение Нильским роли Жадова стало своеобразной «притчей во языцех» (см., напр., отрицательные отзывы о нём в статье И. А. Гончарова «Опять "Гамлет" на русской сцене», 1875). В 1870 г. в Петербурге в роли Юсова выступал и П. М. Садовский. Его и Линскую (Кукушкину) критика особенно выделила: «В исполнении Садовского Юсов являлся перед нами не грязным взяточником... — перед нами живым проходил человек, правда, необразованный, но далеко не глупый от природы и проникнутый "чиновничеством" до конца ногтей... Юсов является не злодеем, грабителем, а человеком самым простым, пожалуй, даже добрым, который не только не понимает всей низости своих поступков, но даже гордится ими как чем-

то возвышающим его над другими» (Петербургские письма // *Иллюстрированная газета*. 1870. № 23. 11 июня).

В московском Малом театре премьера состоялась 14 октября 1863 г. в бенефис Е. Н. Васильевой. Роль Вышневского исполнил В. А. Дмитревский, Вышневской — Е. Н. Васильева, Жадова — С. В. Шумский, Юсова — П. М. Садовский, Белогубова — А. А. Рассказов, Кукушкиной — С. П. Акимова, Юлиньки — А. Н. Савина, Полины — А. И. Колосова, Мыкина — К. П. Колосов, Досужева — В. Д. Ленский. Московская премьера также сопровождалась восторгом публики. Впрочем, когда московская публика попросила повторить пляску Юсова, это было расценено критикой как грубое оскорбление актеров (см.: *Новый человек*. Общественные и литературные заметки // *Развлечение*. 1863. № 42. С. 266). Критика в целом положительно отнеслась к постановке, выделив игру бенефициантки Васильевой, которая играла с «некоторой манерностью и декламацией старой школы», но очень эмоционально, и Шумского, который был «умён и добросовестен» и «холоден» (Там же. С. 267). Высоко отзывались критики о Садовском в роли Юсова: «...ничего резкого, никакой утрировки, ни малейшего желания рассмешить, и между тем бездна комизма» (*Р.* Московская сцена // *Русская сцена*. 1864. № 1. Театральная и музыкальная летопись. С. 20). Негативно оценила критика игру Дмитревского и Акимовой (см.: *Голос*. 1863. № 279. 22 окт. С. 1096). Впрочем, другой рецензент заметил, что Дмитревский играл Вышневского более правдиво, чем петербургский артист, — он «не топал, не кривлялся, не подымал кверху плеч, как это делал в Петербурге г. Григорьев», и «не старался изобразить вельможу, потому что Вишневский — генерал средней руки» (*Р.* Московская сцена // *Русская сцена*. 1864. № 1. С. 21). Главной неудачей постановки этот критик счёл исполнение Ленского, отнёсшегося к своей роли как к сугубо комической (см.: Там же). В 1865 г. постановка сошла со сцены (даты постановок «Доходного места» на императорских сценах см.: *ИРДТ*. Т. 5. С. 445; Т. 6. С. 459).

Следом за столичной премьерой последовали и многочисленные постановки на других сценах. Разрешения на постановку «Доходного места» просили: Кронштадтский театр, 13 августа 1863 г.; спектакль любителей в Санкт-Петербурге, 4 сентября 1863 г.; Казанский театр, 7 сентября 1863 г.; Харьковский театр, 7 сентября 1863 г.; Нижегородский театр, 23 сентября 1863 г.; Пензенский театр, 15 октября 1863 г.; Саратовский театр, 6 июня 1864 г.; Царскосельский театр, 24 августа 1864 г.; Новгородский театр, 28 сентября 1864 г. Пьеса оказалась одним из наиболее репертуарных произведений Островского. Постепенно многочисленные исполнения «Доходного места» стали восприниматься как рутина. Один из обозревателей писал: «Как прежде Чацкий и Гамлет были неизбежными ролями для всякого дебютанта, так точно в настоящее время подобною ролью сделалась роль Жадова» (*Сафонов В.* По поводу первого дебюта г. Лаухина в роли Жадова // *Театральные афиши и антракт*. 1865. № 107. 30 апр.). 10 апреля 1864 г. на петербургской сцене играли «Доходное место» артисты труппы Владимирского театра (см.: *Родевич М. В.* Пробный спектакль владимирской труппы 10-го апреля // *Русская сцена*. 1864. № 4. Современное театральное обозрение. С. 131—136; *БдЧ*. 1864. № 4— 5. Петербургская сцена. С. 60—61; похвальный отзыв о спектакле во Владимире 29 октября 1864 г. и разбор игры актеров см.: *Ф—цкий*. Владимирский театр. Октябрь 1864 года // *Русская сцена*. 1864. № 11. Театральное обозрение. С. 30—41); давали его и на воронежской сцене (см.: *Шкляревский А.* Воронежский театр // *Русская сцена*. 1864. № 6. Современное

театральное обозрение. С. 122). 31 августа 1869 г. в Воронеже состоялась другая постановка, которую критика оценила резко отрицательно (см.: *Дядя.* Театральная хроника // *Дон.* 1869. 14 сент. № 95). 3 октября 1864 г. любительская постановка «Доходного места» состоялась в Новочеркасске (см.: *Любитель.* Спектакль любителей в Новочеркасске // *Русская сцена.* 1864. № 9. Современное обозрение. С. 71—74). В Киеве «Доходное место» шло 1 апреля 1871 г. (см. подробный разбор: *Z.* Театральная хроника // *Киевлянин.* 1871. № 40. 6 апр.). 13 февраля 1865 г. «Доходное место» играли в Петербургском Пассаже в пользу Литературного фонда, причём особое внимание обратил на себя писатель Н. А. Потехин в роли Жадова (см.: *Z.* Спектакль любителей в пользу Литературного фонда // *Пб. листок.* 1865. 20 февр. № 24—25). Через несколько лет исполнение Потехиным той же роли получило отрицательную оценку у П. Д. Боборыкина (см.: *СПбВед.* 1871. № 127. 10 мая. С. 2). В 1880 г. «Доходное место» частично ставилось в драматическом классе при Санкт-Петербургской консерватории (см.: *Молва.* 1880. № 45. 14 февр. С. 3). Московские любители ставили «Доходное место» в театре Солодовникова в конце 1871 — начале 1872 г. (см. разбор: *Акилов П. Г.* Театральные заметки // *Развлечение.* 1872. № 2. С. 32; № 4. С. 68—69). На той же сцене «Доходное место» шло и в 1875 г. (см.: *С. К—в.* Общество любителей драматического и музыкального искусств // *Развлечение.* 1875. № 45. С. 311—312). С распространением частных и любительских театров в 1880-х гг. постановки «Доходного места» на петербургских и московских сценах становятся всё более регулярными. Критика прямо называет комедию «донельзя заигранной» (*Театральный крокодил.* Открытие Русского драматического театра // *Театральная газета.* 1884. № 18. 17 авг. С. 1—2).

При жизни Островского «Доходное место» ставилось и за рубежом. В 1870 г. комедию играли в Праге, где она пользовалась успехом (см.: *Всемирная иллюстрация.* 1870. № 54. С. 34—35). Пьеса была переведена на немецкий язык (см.: *Русская сцена.* 1865. № 4/5. Современное театральное обозрение. С. 195—196; *Театральные афиши и антракт.* 1865. № 130. 1 июня).

«Доходное место» неоднократно читалось автором. Первое чтение, видимо, состоялось в кружке «Русской беседы» в присутствии А. И. Кошелёва, Т. И. Филиппова, К. С. Аксакова (см.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого. Ч. 2. М., 1886. С. 136). Л. Н. Толстой побывал на другом чтении «Доходного места» между 20 и 25 января 1857 г. (см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 47. М., 1937. С. 112, 235). При большом стечении публики Островский выступал в 1860 г. на чтениях в пользу Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным в Москве (см. его письмо к А. Д. Галахову от 11 ноября 1860 г.).

С. 39. *Я купил вам в нынешнем году подмосковную.* — Видимо, речь идёт о даче. Уже в середине XIX в. многие пригороды Москвы, такие как Кунцево, стали популярными дачными местами.

С. 41. *...на десять целковых в месяц...* — Годовой доход мелких чиновников действительно мог составлять меньше 150 рублей.

С. 42. *Чин имеет...* — Окончив университет, Жадов начал службу со штатным чином. В зависимости от успешности учёбы Жадова, это мог быть чин или 10-го, или 12-го класса. В отличие от Жадова, Юсов и Белогубов вынуждены были некоторое время служить без чина и только через несколько лет могли получить долгожданный 14-й класс, причём даже после этого Жадов мог получать чины быстрее.

...столоначальником-с. — Столоначальник руководил «столом», то есть был наименее значительным руководителем в чиновничьей структуре, и занимался преимущественно делопроизводством. Эта должность обычно соответствовала 7-му рангу по «Табели о рангах», хотя занимать её могли и чиновники других чинов. Малограмотному Белогубову трудно было подняться выше 9-го класса, где требовалось сдать экзамен. Столоначальник получал около 1500 р. официального жалованья в год (см.: *Раскин Д. И.* Государственная служба в Российской империи // Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. Т. 2. М., 1992. С. 609).

С. 46. *Переписывать-то? Нет уж, я слуга покорный!* — Переписыванием могли заниматься даже чиновники более высокого класса, чем только что окончивший университет Жадов (ср., напр., Акакия Акакиевича из гоголевской «Шинели», выслужившего чин 9-го класса и продолжавшего переписывать).

...читает в канцелярии писарям мораль... — Писари не имели никакого чина по «Табели о рангах» и обычно не имели даже среднего образования.

Я ещё не потерял веру в человека... — «Горячая вера в науку и людей» упоминается в «Былом и думах» А. И. Герцена как качество, присущее профессорам Московского университета (ч. 4, гл. XXIX). Схожие характеристики идеалов выпускников Московского университета были широко распространены.

С. 47. *Благородная бедность хороша только на театре.* — Благородная бедность — типичный мелодраматический мотив, неоднократно обыгрываемый у Островского (ср., напр., образ бедного и благородного «только в пьяном виде» Трагика в «Талантах и поклонниках»).

«С милым рай и в шалаше». — Имеется в виду популярная песня на стихи Н. М. Ибрагимова (1815), которая часто воспринималась как народная.

С. 49. *...брось завиральные идеи...* — Цитата из монолога Фамусова в грибоедовском «Горе от ума» (1824; 3 явл., II д.; отмечено: *Синюхаев.* С. 30).

С. 50. *...ты будешь ходить без сапог...* — Новые сапоги составляли существенную статью расходов бедного чиновника: на службу нужно было являться в подобающем виде, а без собственного экипажа сапоги быстро портились на городских мостовых.

С. 51. *Дочь вдовы коллежского асессора.* — Коллежский асессор — штатский чин 8-го класса. Кукушкин, видимо, был примерно равен по чину Белогубову. До 1845 г. этот чин давал потомственное дворянство, а потому возможно, что дочери Кукушкиной оказались дворянками благодаря успешной службе своего покойного отца, а не благородному происхождению (см.: *ПСС-12.* Т. 2. С. 713).

С. 52. *...в законе не совсем твёрд, из другого ведомства.* — Возможно, Вышневский начал службу по военной части, что объяснило бы его службу в губернских городах и привычку к взяткам (офицеры в провинции обычно получали недостаточное жалованье и в принципе не имели возможностей прожить честно).

И чины, и ордена, и всякие угодья, и дома, и деревни с пустошами... — Юсов смешивает награды, которые мог получить от начальства усердный чиновник, и приобретения, возможные благодаря взяткам. Ордена давали ощутимые финансовые и прочие преимущества и были очень типичной наградой за достижения по службе, наряду с производством в очередной чин. Дома, деревни и прочие «угодья» Юсов едва ли мог позволить себе на жалованье.

...со щёткой и крылом в руках. — Засушенное гусиное крыло использовалось, чтобы сметать пыль.

...как на выставку выставлены, первый сорт. — В 1853 г. в Москве прошла всероссийская выставка промышленных товаров, о которой, возможно, и думает Кукушкина. Речь может идти и о сельскохозяйственной выставке, проведённой в Москве в 1852 г. (см.: *ЭСБиЭ*. Т. 7 а (14). СПб., 1892. С. 557—558).

С. 53. *Всё на вытяжке да на вытяжке, — только что ноги поднимать не заставляет.* — В профессиональном языке военных «вытяжкой» называлась тренировка, позволявшая солдатам стоять и ходить идеально прямо и вытягивать ноги. Матрёна, судя по её познаниям в этой области, — солдатка.

С. 54. *«Какое назначение женщины в обществе?» Про какие-то ещё гражданские добродетели говорил.* — Общественная роль женщины была важным вопросом в социалистической и либеральной мысли середины XIX в. Подобные вопросы были очень актуальны для русского общества начиная с 1840-х гг., когда они обычно были связаны с обсуждением романов Жорж Санд. Много писал о роли женщины в обществе В. Г. Белинский (см., напр., разбор образа Татьяны Лариной в статьях из цикла «Сочинения Александра Пушкина»). Выражение «гражданские добродетели», видимо, восходит к юридическому лексикону, который Жадов освоил в университете. Оно упоминается, например, в «Наказе...» Екатерины Второй.

Он, должно быть, в тех книгах читал, которые нам не давали. Помнишь... в пансионе? — В закрытых учебных заведениях XIX в., особенно женских, круг чтения учеников контролировался крайне жёстко. При этом казавшиеся фривольными сочинения, наподобие романов А. Дюма-отца, запрещались наравне с политически сомнительными.

С. 55. *Доходов у меня нет ниоткуда, одна пенсия.* — Пенсия Кукушкиной досталась ей после смерти мужа и должна была составлять половину его пенсии, которая, в свою очередь, могла равняться половине его оклада. За каждую из дочерей, не достигших 17 лет, Кукушкина получала ещё одну шестую часть жалованья своего покойного мужа (см.: *Раскин Д. И.* Государственная служба в Российской империи. С. 611). Вероятно, именно с прекращением прибавки к пенсии связано желание Кукушкиной срочно выдать замуж дочерей, ставших не источником дохода, а обузой.

...я вас могла бы только в ситцевых да в затрапезных платьях водить. — Ситец был самым дешёвым материалом, из которого можно было сделать платье для благородной девицы. Затрапезное платье делалось из грубой льняной ткани. Появиться в нём в обществе было уже неприлично.

С. 56. *«Моё сердце никогда от вас не отвращалось, а всегда было, есть и будет».* — Белогубов не умеет объясняться с женщинами и пользуется выражениями, восходящими к разного рода религиозным текстам. Слова «отвращать», «отвращаться» постоянно используются в Библии по отношению, например, к словам «душа» или «гнев», но не «сердце» (см., напр.: Захария 11: 8, Втор. 30: 17). Слово «сердце» в Библии также часто используется в переносном значении (см. Быт. 6: 6). Выражение «был, есть и будет» использовалось для описания Бога, напр., в «Катехизисе» Платона (Левшина).

С. 57. *...всякий совет могу дать, даже и по докторской части.* — Вероятно, именно это место воспринималось современниками как непристойное, приводя к многочисленным замечаниям о поразительном «цинизме» Кукушкиной (см., напр.: *ОЗ*. 1859. Т. 125, № 8. Русская литература. С. 99).

...уж это закон судеб-с, круг житейский-с! Что предначертано от века, того уж человек не может-с... — Возможная отсылка к комедии Н. В. Гоголя

«Ревизор» (1836), где городничий упоминает «неизъяснимый закон судеб», состоящий в том, что «умный человек или пьяница, или рожу такую состроит, что хоть святых вон выноси» (1 явл., I д.). В то же время речь героев стилизована под образцы низовой народной культуры, в первую очередь, под лубок нравоучительного содержания. Ср. экспрессивное описание Юсовым лубка схожего содержания в V действии.

С. 59. *Бремя на земле, бремя... и празднословие.* — «Праздное слово» прямо названо одним из грехов в Евангелии (Мф. 12: 36). Празднословию посвящена обширная христианская литература.

Ведь жизнь — это море житейское... поглощает. — Выражение «море житейское» восходит к религиозным текстам, актуальным для Юсова. Ср., напр.: «...дух человека, вследствие первородного греха, погружен в плоти, в чувственности, в море житейском, в мире чувственном...» (Сочинения Филарета, митрополита Московского и Киевского. Слова и речи. Т. 5. М., 1885. С. 82; цит. проповедь 1850 г.; о возможных параллелях с библейским словоупотреблением см.: *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. М., 2005. С. 447). Это выражение многократно употребляется в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина, с которыми, видимо, связан замысел комедии.

...тогда брились-то не часто... — Чиновникам было воспрещено носить усы и бороду сенатским указом от 2 апреля 1837 г. Очевидно, Юсов начал службу до появления этого указа.

...и писал-то я не из чернилицы, а из старой помадной банки. — Слово «чернилица» во времена Островского воспринималось как устаревшее и могло использоваться в стилизациях народной речи (ср. его употребление в сказке С. Т. Аксакова «Аленький цветочек», 1858). Слово «помада» могло обозначать любую мазь (см.: *Даль*. Т. 3. С. 269).

С. 60. *Гордость ослепляет... Мне хоть мужик... я с ним, как с своим братом... всё равно, ближний...* — Лексика Юсова восходит к Библии, где «слепыми» часто называют людей, не понимающих учения Христа (ср., напр.: «...может ли слепой водить слепого? не оба ли упадут в яму?» — Лк. 6: 39). «Гордость» в Библии неоднократно упоминается в числе пороков (ср., напр.: Мк. 7: 21—23). Гордость и тщеславие в самом распространённом катехизисе времён Островского трактовались как идолопоклонство (см.: Пространный христианский катехизис Православныя кафолическия восточныя греко-россииския церкви... М., 1829. С. 104). В любимых Юсовым лубочных картинках религиозного содержания гордость характеризуется, например, так: «гордость — самого сатаны воля исполняется» (*Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Кн. 3. СПб., 1881. С. 135). Наконец, рассуждения о «мужике» как «ближнем» соединяют отсылку к заповеди Христа «возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22: 39) и обращение к актуальнейшей общественной проблеме времён подготовки Великих реформ Александра Второго — неравенству прав сословий, в особенности крестьян.

...выгонят из уездного училища за неуспехи или из низших классов семинарии... — В уездном училище давались лишь базовые знания по русскому языку, математике, истории, географии, закону Божию. Обучение в нём считалось подготовительным этапом перед поступлением в гимназию. В низших классах семинарии преподава-

лись те же предметы, а также латынь (в отличие от более углублённого изучения риторики, богословия и других предметов в старших классах).

...и в будущем веке мзда... — Слово «мзда» в обиходной речи обозначала взятку, в Библии же оно относится к любому неправедному приобретению (ср.: «...князья твои — законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою...» — Ис. 1: 23). Не понимая значения этого слова, Юсов употребляет его, видимо, в значении «справедливая награда».

С. 61. *Сотнями выпускают их; заполонят нас совсем.* — В 1855 г. только что взошедший на престол Александр Второй отменил ограничения по числу принимаемых в университеты студентов, введённые при Николае Первом. Количество студентов российских университетов резко выросло.

С. 62. *Когда читаешь роман ~ как сладко становится на душе.* — Кукушкина пересказывает сюжет, типичный для чувствительных романов XVIII — начала XIX вв. (ср., напр., «Историю Тома Джонса, найдёныша» Г. Филдинга, 1749). Подобные сюжеты стали достоянием популярной словесности уже в начале XIX в. (см.: *Китанина Т. А.* Материалы к указателю сюжетов предпушкинской прозы // Пушкин и его современники: сб. науч. тр. Вып. 4 (43). СПб., 2005; ср. также обыгрывание этой же модели в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», 1836).

С. 63. *И вы никого не обманывали?* — Юлинька, пользующаяся языком любовной прозы, имеет в виду, что Белогубов мог обольстить и бросить девушку. Белогубов воспринимает её слова как обвинение в нечестном исполнении обязанностей чиновника — обвинение, очевидно, справедливое.

С. 65. *Что идёт без ног?* — В сборниках времён Островского эта загадка отсутствует (см., напр.: *Худяков И. А.* Великорусские загадки. М., 1861). Вообще варианты ответа на подобные загадки многочисленны. Так, сборник XVIII в. в качестве ответа на вопрос: «Кто ног не имеет, а везде ходит?» — даёт слово «деньги» (Детской гостинец, или Четыреста девяносто девять загадок с ответами... М., 1794. С. 62, 148).

А можно счесть звёзды на небе? ~ они уж сосчитаны. — Типичное для Островского противопоставление суеверных астрологических взглядов рациональному, научному отношению к небесным явлениям (ср. диалог Дикого и Кулигина в «Грозе»). Успехи астрономии середины XIX в. часто освещались русской прессой (см., напр.: *Хотинский М. С.* Новейшая астрономическая литература // *Совр.* 1848. № 5. Отд. III. С. 1—12; № 6. Отд. III. С. 13—26).

С. 67. *Половые.* — Уже в 1842 г. Ф.В. Булгарин утверждал, что только в Москве «прислуга в русском трактире называется *половыми* и прислуживает в русских рубахах...» (Петербургские трактиры и рестораны / сост., вступ. ст., прим. А.М. Конечного. СПб., 2006. С. 67—68). Впрочем, в конце XIX в. Н.Н. Животов писал о петербургских половых, характеризуя их совершенно по-другому: «Фрак его конкурирует с белым одеянием по примеру Москвы; при фраке белый передник. Он поворотлив, суетлив, старателен, услужлив и ловок. Кроме обязанностей шестёрки исполняет и другие поручения, о внешности заботится мало и всё внимание употребляет на дело...» (Петербургские трактиры и рестораны. С. 104).

...посреди машина... — Музыкальные машины («органы»), устроенные наподобие шарманок, были типичным элементом в трактире середины XIX в. Булгарин писал, что в Москве «органы заменяют... прежнюю музыку...» (Петербургские трактиры и рестораны. С. 68).

...одна голова не бедна, а хоть и бедна, так одна. — Приводится известная пословица (см.: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: Своё и чужое: Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 734).

С. 68. *...укатали сивку крутые горки?* — Приводится распространённая в литературе середины XIX в. поговорка, употребляемая, в том числе, в «Губернских очерках» М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Т. 2. С. 411).

С. 69. *Гарсон, жизни!* — Гарсон (от *фр.* garçon — мальчик) — типичное обращение к трактирному слуге, выдающее в герое образованного человека.

Французской горчицы! ~ Григорий, запусти шарманку. — Имеется в виду дижонская горчица, пристрастие к которой вновь свидетельствует об относительно высоком образовательном уровне Досужева. Под «шарманкой» имеется в виду музыкальная машина.

С. 70. *Извольте вот прочитать статейку. Одобряют-с.* — Согласно записи на экземпляре Е. А. Эдельсон, имеется в виду какое-то сочинение Е. Н. Эдельсона (см.: *РНБ.* Ф. 1123. Ед. хр. 72. Л. 31 об.). Впрочем, не менее вероятно, что речь идёт о какой-то другой публикации, например, об очерке Салтыкова-Щедрина.

С. 72. *Курочка по зёрнышку клюёт, да сыта бывает.* — Известная поговорка, неоднократно использованная Островским (ср., напр., пьесы «Свои люди — сочтёмся!», 5 явл., II д.; «Волки и овцы», 12 явл., V д.; ср. также: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь... Т. 1. М., 1994. С. 494).

...под красную шапку угодит. — Имеется в виду, что чиновника отдадут в солдаты (см.: *Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.* Русская фразеология. С. 763) — возможное наказание за серьёзные преступления, сопровождающееся лишением прав состояния.

С. 73. *«По улице мостовой»* — популярная плясовая песня, часто встречающаяся в песенниках (см.: *Синюхаев.* С. 29).

Пятнадцать рублей-с. — Белогубову выставили счёт на огромную сумму, которая может составлять месячный доход Жадова.

С. 74. *Я теперь только радуюсь на Божий мир! ~ премудрость во всём вижу.* — Юсов приписывает себе способность увидеть в окружающем мире Божью премудрость, то есть сам себя воспринимает как праведника, наподобие Серафима Саровского, неоднократно писавшего о необходимости истинно христианской радости.

Посмеялся ты нынче над пьяницей ~ сам завтра будешь вором. — Юсов «проповедует» христианские добродетели, восходящие к евангельскому учению. В лубочных картинках, любимых героем, постоянно упоминается христианская добродетель «неосуждения» (см., напр.: *Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Кн. 1. СПб., 1881. С. 133—134).

...поученье бы сказали, как жить в законе и все обязанности исполнять. — Многие русские проповедники, такие как митрополит Филарет, часто обыгрывали двусмысленность слова «закон», отсылающего и к государственной, и к божественной власти, — ср.: «...совершенного прекращения злоупотреблений свободы... не только нельзя ожидать от закона и власти земных, но для сего не довлеет и закон Небесного Законодателя» (Сочинения Филарета, митрополита Московского и Киевского. Слова и речи. Т. 5. М., 1885. С. 130; цит. проповедь 1851 г.). Под «обязанностями», видимо, имеются в виду супружеские обязанности, ср. предостережения «от невнимания

к обязанностям семейственным» (Сочинения Филарета... Т. 4. М., 1882. С. 78; цит. проповедь 1837 г.). Наконец, «поученье» явно отсылает к литературному жанру, распространённому в древнерусской литературе и сохранявшемуся в духовной литературе XIX в. Комизм ситуации состоит в том, что Юсов описывается как нравственный и, возможно, даже религиозный авторитет для окружающих, способный толковать законы божественные, однако постоянно нарушает законы государства.

С. 75. *«Не стая воронов слеталась!»* — Цитата из поэмы А. С. Пушкина «Братья разбойники» (отмечено: *Синюхаев.* С. 30).

Поедемте в Марьину рощу. — Марьина роща — место гулянья москвичей (см. также комментарий к «Семейной картине». Наст. изд. Т. 1. С. 677).

С. 76. *Ослы во львиной шкуре!* — Отсылка к басенному сюжету, распространённому со времён Эзопа.

Пити вмерти, й не пити вмерти; так вже лучше пити вмерти. — Это украинское выражение и его аналоги на других языках (см.: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Т. 2. С. 37). По предположению Г. Т. Синюхаева, эта поговорка «подслушана Островским у своего первого учителя, малоросса» (*Синюхаев.* С. 30).

С. 77. *«Лучина, лучинушка, берёзовая!..»* — Народная песня «Лучинушка» фиксируется в песенниках уже в начале XIX в.; встречается она и в различных собраниях песен (см.: *Синюхаев.* С. 29).

С. 78. *«Матушка, голубушка...»* — Цит. романс (стихи Ниркомского, музыка А. Л. Гурилёва), «облетевший в своё время всю Россию» (*Синюхаев.* С. 29).

С. 79. *А мы вчера в парке были.* — По предположению Л. Н. Смирновой, имеется в виду популярный у московского купечества Петровско-Разумовский парк (см.: *ПСС-12.* Т. 2. С. 714).

С. 82. *Они забрали себе в голову, что умней всех на свете, а то все дураки да взяточники.* — Речь идёт о деятельности литераторов обличительного направления.

С. 85. *Она уж вышла из-под вашей опеки и поступила под мою...* — Замечание Жадова выдает в нём человека, сведущего в юриспруденции. Согласно российскому законодательству, «поелику дочери, вышед замуж, больше обязанности иметь должны к мужьям своим, то в сем случае власть отцов и матерей тем уже должна уменьшиться и не такую иметь силу, как на незамужних» (Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Собрание 1-е. Т. 27. СПб., 1830. С. 368; ср.: Свод законов Российской империи. Т. 10. СПб., 1911. С. 12).

С. 86. *Жена не игрушка, а помощница мужу.* — Жадов, по всей видимости, отсылает к Библии, согласно которой женщина сотворена, чтобы быть «помощником» мужчине (Быт. 2: 18—20). В Российской империи жена официально обязана была «повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и в неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность, как хозяйка дома» (Свод законов Российской империи. Т. 10. СПб., 1911. С. 12).

С. 87. *Плачь, плачь, несчастная жертва ~ чтобы не разрывалось моё сердце.* — Монолог Кукушкиной соткан из сентиментальных клише, характерных для массовой литературы первой половины XIX в. Выражение «умри, несчастная» позаимствовано ею из пьесы Шекспира «Отелло» (1604).

С. 90. *Рыба ищет где глубже, а человек — где лучше.* — Известная пословица, часто употребляемая в русской литературе середины XIX в. (см.: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Т. 2. С. 209).

С. 91. *Что с мельницами-то сражаться!* — Отсылка к эпизоду из жизни главного героя романа М. де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605—1615).

С. 94. *Бери, большой тут нет науки. ~ Как не на то, чтоб брать, брать, брать...* — Цит. песня прокурора Хватайко из комедии В. В. Капниста «Ябеда» (1796; 6 явл., III д.).

С. 96. *Человек всё равно... корабль по морю... вдруг кораблекрушение, и несть спасающего!..* — Сравнение человеческой жизни и корабля восходит к Библии (книга пророка Ионы) и могло встретиться Юсову, например, в пользовавшемся популярностью «Уставе о скитской жизни» Нила Сорского (конец XV — начало XVI в.). Выражение «несть спасающего», вероятно, переиначенный Юсовым фразеологизм «во многом глаголании несть спасения», восходящий к нескольким библейским выражениям (см.: *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Т. 1. С. 119—120).

Я насчёт бренности... ~ все записаны. — Юсов воспроизводит типичную тему проповедей. Ср. схожие рассуждения митрополита Филарета, прозвучавшие с кафедры в 1853 г. (Сочинения Филарета, митрополита Московского и Киевского. Слова и речи. Т. 5. М., 1885. С. 238).

В богатстве и в знатности затмение бывает ~ гордость, плотоугодие... — «Угодие плоти» было одним из типичных объектов обличения русских проповедников (см., напр.: Сочинения Филарета... С. 147—148; цит. проповедь 1852 г.).

С. 97. *Судьба всё равно что фортуна... ~ Что судьба им управляет.* — Герой говорит о реально существующей лубочной картинке. Ср. её описание: «листовая картина под названием "Суета сует", гравированная пунктиром в 1820—1821 годах; издание полулистовое. На ней в средине представлено колесо, за ось которого цепляются три человека (средний из них царь). Кругом надпись "сице так на свете все превратно"; вверху: "суета сует всяческая суета, стих 1 и глава 1". <...> Под картинкой подпись: Чуден в свете человек / Суетится целой век / Щастия Сыскать желает / А того не воображает / Что Судьба им управляет» (*Ровинский Д. А.* Русские народные картинки. Кн. 4. СПб., 1881. С. 551; ср. описание схожих лубков под названием «Коло в жизни превращает»: Там же. Кн. 3. С. 88—89).

С. 100. *...вы всё-таки купили меня за деньги у моих родственников, как покупают невольниц в Турции.* — Османская империя отменила рабство лишь в 1882 г. В связи с этим, а также в связи с распространёнными стереотипами относительно распущенности мусульман, образ восточного гарема был очень типичен в западноевропейской литературе (ср., напр., поэму Пушкина «Бахчисарайский фонтан», 1823). Незадолго до создания пьесы подобные стереотипы стали особенно актуальны для русского общества в связи с Крымской войной.

С. 104. *С Аристархом Владимирычем удар!* — Имеется в виду апоплексический удар (скорее всего, инсульт).

К. Ю. Зубков

ПРАЗДНИЧНЫЙ СОН — ДО ОБЕДА

Впервые опубликовано: *Современник*. 1857. № 2. С. 273—311.

Рукописные источники:

— черновой набросок (*ЧН*): *ИРЛИ*. Ф. 218. Оп. 1. Ед. хр. 12. 9 л.;

— черновой автограф (*ЧА*): *РГБ*. Ф. 216. М. 3240. Ед. хр. 1. 24 л.;

— театральная писарская копия (*ТПК*): *ГТБ*. Шифр: I.6.2.47. 44 л.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. СПб., 1868. С. 327—381 — со следующими основными исправлениями:

С. 107

[28] *Вместо:* цирульник — цирюльник (по *ЧА, ТПК, Совр.*)

С. 112

[37] *После:* Познакомиться! Боже мой! — Как же, матушка, это сделать? (по *ЧА*)

С. 114

[29] *Вместо:* Неужели ж — Неужли ж (по *ЧА, ТПК, Совр.*)

С. 115

[6] *Вместо:* десять веников — девять веников (по *ЧА, ТПК, Совр.*)

[9] *Вместо:* а то много — а то уж очень много (по *ЧА*)

С. 119

[32] *Вместо:* в сад пойдёшь — в сад войдёшь (по *ЧА, ТПК, Совр.*)

С. 120

[20] *Вместо:* слова говоришь — слова говорить (по *ЧА, ТПК, Совр.*)

С. 121

[4] *Вместо:* самый пламенный — самый, самый пламенный (по *ЧА, Совр.*)

С. 122

[24—26] *После:* Подай сюда! — *(Юша подаёт.)* Здесь-то лучше, продувает (по *ЧА, ТПК, Совр.*)

С. 127

[21] *Вместо: Барышни — Барышни и Юша* (по *ЧА*)

[23] *Вместо:* конфузите — вы конфузите (по *ЧА, ТПК, Совр.*)

14 декабря 1856 г. Островский пишет И. И. Панаеву, редактору «Современника»: «К февралю я Вам пришлю комедию в 1-м акте, которую начал». Вероятно, в письме речь идёт о пьесе «Праздничный сон — до обеда». *ЧН* написан карандашом, имеет многочисленные поправки и дополнения. На первом листе дано «Расположение», по которому сначала комедия состояла из двух действий, но затем надпись: «2 действие» была зачёркнута. Первое действие «Расположения» имеет две сцены, причём структура первых трёх явлений первой сцены соотносится с текстом 1—4 явлений I картины окончательной редакции. В 4-м явлении появляется Устрашимов («Свои собаки грызутся, чужая не приставай!»), что указывает на неопределённость первоначального замысла. Содержание 2-й сцены I действия «Расположения» неизвестно, однако надпись «Сцена 2» осталась незачёркнутой. Кроме «Расположения» *ЧН* заключает в себе отрывочные записи отдельных явлений, реплик и фраз, которые использовались автором в дальнейшей работе над текстом комедии. Например, из первой картины вошли словосочетания: «умные слова», «при хорошей жизни»; из второй картины — реплики о жаре («Как жарко!..»; «Загорелось!..»; «Разве можно знать Божью планиду!..»); а из третьей — рассуждения героев о Наполеоне,

о двужильных лошадях, о мужчине и женщине. С текстом окончательной редакции можно сопоставить лишь диалог Капочки и Устиньки о женихе (4 явл., II картина), сцену с Неуеденовым (5 явл., II картина), а также финал пьесы (4 явл., III картина). В это время образ маленького человека, мечтающего о богатой жизни, только формировался у Островского. Атмосфера патриархального Замоскворечья, отражённая в пьесе, напрямую соотносится с рассказами из неопубликованного цикла «Очерки Замоскворечья» (1843—1847). Например, в наброске встречается знакомый по рукописи «Замоскворечье в праздник» эпизод, когда купец разбивает орехи камнем: «...да зачем же у него камень-то в руках, — ведь это шутки плохие. <...> Вот посмотрите: подле него, на окне, в холстинном мешочке, фунтов восемь орехов. Он их пощёлкивает, то по одному, то вдруг по два да по три, — пощёлкивает себе, да и знать никого не хочет» («Замоскворечье в праздник») — «*(Юша входит с камнем.)* Неуеденов. Подай сюда! *(Юша подаёт.)* Здесь-то лучше продувает. *(Кладёт на окно по ореху и по два и разбивает их камнем.)*» («Праздничный сон — до обеда»).

В начале января 1857 г. Островский переписывает пьесу заново. На титульном листе *ЧА* есть надписи: «Задумана 6 января 1857 г.», «Начата 8 января». *ЧА* написан чернилами, имеет многочисленные поправки; между вторым и третьим листами вклеен лист малого формата с дополнениями к тексту (л. 2 а); листы 13—15 переписаны рукой неизвестного. Значительные исправления относятся к 1-му и 2-му явлениям I действия, что указывает на поиск точных композиционных линий, лаконичных стилистических решений, объединяющих новые сцены с уже написанными в *ЧН* эпизодами. Например, первоначально на вопрос матери о причёске Бальзаминов отвечал: «Здесь сторона купеческая, не завиваться нельзя. Кто ж себе счастья не хочет?». В процессе дальнейшей работы автор дополнил этот ответ диалогом о глупости, написанным на отдельном листе, а также упоминанием на полях о празднике.

На этом этапе работы драматург уделяет особое внимание разработке характера Бальзаминова, который, впрочем, не являлся новым для русской литературы. Например, герой романа И. Е. Крылова «Влюблённый в самого себя, или Приключения с красавцем» (1852 г.) Аркадий Ильич Завитков также мечтает о женитьбе на богатой невесте. Однако роман Крылова имеет сатирическую направленность, тогда как в пьесе Островского герой выставлен именно «в комическом освещении». Н. П. Кашин отмечал: «...перед творческой фантазией нашего драматурга, в то время как он впервые работал над своей оставшейся незаконченной и потом переделанной в пьесу повестью "Не сошлись характерами", носился образ, напоминающий нашего героя, хотя и без комического освещения. <...> В дальнейшем творческая фантазия Островского и пришла именно к этому комическому освещению типа, и образ Бальзаминова был готов»[1].

11 января 1857 г. Островский сообщил И. И. Панаеву в «Современник»: «Для Вас пишется комедия в 2-х действиях "Праздничный сон — до обеда". Дня через два или три она будет готова. <...> P. S. Пожалуйста, будьте покойны; комедию, ей-богу, пришлю». Поскольку в *ЧА* (как и в *ЧН*) первая картина была разделена на две сцены, можно предположить, что только после 11 января Островский перестроил пьесу: вторая сцена первоначального первого действия обозначена как «картина

[1] *Кашин Н. П.* К характеристике одного типа у Островского // А. Н. Островский. 1823—1923: сб. ст. / под ред. Б. В. Варнеке. Одесса, 1923. С. 83.

вторая», а вторая картина стала третьей. Таким образом, комедия, сохраняя прежний композиционный рисунок, стала состоять из трёх картин. В это же время, судя по цвету чернил, изменилась фамилия свахи: по всему тексту автор зачеркнул слово «Кубариха» и вместо него написал: «Красавина». На последнем листе *ЧА* имеется запись: «Конец и Богу слава. 18 января 1857 г. А. Островский». Если началом работы над пьесой считать середину декабря 1856 г. (см. *ЧН*), то весь процесс её создания занял у драматурга больше месяца.

Вскоре Островский отправил текст пьесы И. И. Панаеву, и уже в февральском номере «Современника» она была напечатана. Никаких сведений о чтении автором корректур для «Современника» не сохранилось, однако известно, что ещё до публикации в журнале драматург читал комедию в кругу близких друзей (см. письмо Островского к Н. И. Шаповалову от 1 февраля 1857 г.). В *ГТБ* сохранился театральный экземпляр комедии, написанный чернилами. Особенностью *ТПК* является отсутствие в тексте пьесы множества ремарок, имеющихся в *ЧА* и в «Современнике», кроме того, различные фрагменты текста зачёркнуты серым карандашом.

По жанру «Праздничный сон — до обеда» граничит с водевилем, что предопределило беспрепятственное прохождение пьесы в Цензурном комитете. «Маленькая пьеска эта, — писал 28 августа 1857 г. в своём отчёте цензор И. А. Нордстрем, — основана на народном русском поверье, по которому сон, виденный на праздник, сбывается только до обеда. Бедный молодой чиновник Бальзаминов, видев во сне себя богатым и счастливым, отправился наяву свататься на богатой купеческой дочери и получил отказ. Предосудительного нет ничего» (*РГИА*. Ф. 780. Оп. 1. Д. 34. Л. 104). В 1858 г. цензурное разрешение на постановку пьесы было выдано театрам Астрахани и Харькова, 26 июня 1859 г. — театру Одессы (Там же. Д. 35. 28 мая. Л. 65, 73; Д. 36. Л. 126). При подготовке первого собрания сочинений Островский внёс некоторые исправления: несколько фраз сократил, а отдельные слова заменил по смыслу. В частности, слова Бальзаминова «а то уж очень много» (*ЧА*, 5 явл., I картина) в «Современнике» и в *ТПК* исправлены на «а то уж много», а в собрании сочинений 1859 г. — на «а то много».

Текст пьесы во втором издании сочинений Островского (СПб., 1868) имеет незначительные отличия от первого издания: сокращены отдельные фразы, произведена замена ряда слов. Некоторые словосочетания, такие как «своих подруг», «глаза на землю», были восстановлены по публикации в журнале «Современник». Во всех последующих прижизненных изданиях текст пьесы воспроизводился без изменений.

А. А. Виноградов

«Праздничный сон — до обеда» — первая из трёх пьес, где главным героем является Михайло Дмитрич Бальзаминов, «чиновник, 25 лет». Мотив поисков героем богатой невесты объединяет «Праздничный сон — до обеда» с написанными позднее, в 1861 г., пьесами: «Свои собаки грызутся, чужая не приставай!», «За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова)». В названных произведениях есть и другие сквозные персонажи: Павла Петровна Бальзаминова, вдова (мать главного героя), сваха Акулина Гавриловна Красавина, а также Матрёна (кухарка у Бальзаминовых). В то же время в каждой пьесе, изображающей очередную попытку сватовства героя, есть лица, занятые только в ней. Пьесы имеют сходный жанровый подзаголовок («картины из московской жизни», «картины московской жизни»), общее место

действия — Замоскворечье. Однотипно начало пьес (первая картина): перед нами — «бедная комната» у Бальзаминовых; здесь, в беседе с матерью и свахой-вестницей, герой извлекает уроки из прошлых неудач и вынашивает новые планы. Далее действие переносится в другое место, где герой встречается с очередной потенциальной невестой. В третьей картине последней пьесы герой снова дома, но переживает уже не горечь поражений, а торжество победы. Во всех трёх произведениях персонажи занимаются толкованием снов или примет. Характерно примечание Островского к заглавию пьесы «Праздничный сон — до обеда»: «По народному поверью, сон, виденный под праздник, сбывается только до обеда». Перекликаются между собой и аллюзии на народную сказку. Финал третьей пьесы, где Бальзаминова произносит: «Пословица-то говорит, что "дуракам счастье"», напоминает её же слова о сыне в «Праздничном сне...»: «Глупенький ты мой! А ведь, может быть, и счастлив будет. Говорят, таким-то Бог счастье даёт».

Хотя Островский не публиковал три пьесы о Бальзаминове как цикл, уже некоторые первые его критики считали их трилогией. Так, А. А. Григорьев назвал «Праздничный сон — до обеда» «первой частью трилогии о бесценном Бальзаминове», а «Свои собаки грызутся...» — «второй её частью» (*Григорьев А. А.* Русский театр. Современное состояние литературы и сцены (*Время*. 1862. № 9) // *Григорьев А. А.* Театральная критика. Л., 1985. С. 236). Д. В. Аверкиев также видел в трёх пьесах художественное целое: «Было бы весьма поучительно в двух последовательных спектаклях поставить всю трилогию о Бальзаминове; тогда бы, думается, значение её уяснилось для многих, ныне слепотствующих на её счёт» (*Аверкиев Д. В.* Дневник писателя. СПб., 1886. С. 252)[1].

В ряду бедных искателей богатых невест, представленных во многих пьесах Островского, Бальзаминов — самый незадачливый, дурашливый, но в итоге самый везучий: он женится-таки на купчихе Белотеловой. Мотив безразличия героя к личности и даже внешности невесты, при огромном интересе к её приданому, доходит в трилогии до комической гиперболы, граничащей с гротеском. Показательно, что Н. П. Кашин, выделивший данный тип, освещаемый в пьесах Островского каждый раз «с новой стороны», начинает свой обзор однотипных персонажей с анализа трилогии: «Среди многочисленных созданий Островского всегда будет привлекать к себе интерес читателей и зрителей незабвенный Михаил Дмитриевич Бальзаминов с его мечтой о голубом плаще на бархатной подкладке...» (*Кашин Н. П.* К характеристике одного типа у А. Н. Островского // А. Н. Островский. 1823—1923: сб. ст. / под ред. Б. В. Варнеке. Одесса, 1923. С. 80). Имя Бальзаминова стало нарицательным.

Ярко, колоритно представлены в трилогии быт и нравы полусонного Замоскворечья. Его обитатели, верящие в приметы и вещие сны, в то же время не свободны от претензий на моду, от галломании, а роль устной газеты выполняет сваха Красавина, по прозвищу Говорилиха (главный двигатель интриги).

В «Праздничном сне...» есть некоторые текстуальные совпадения с незаконченной повестью «Не сошлись характерами!», дающие основание полагать, что образы

[1] Как считают современные исследователи, это единственный авторский цикл в драматургии Островского: здесь есть «общность основных героев, проблематики и стилевое единство» (*Журавлёва А. И., Овчинина И. А.* Бальзаминовская трилогия // *ЭО*. С. 42); «движение по кругу приводит к образованию единого текста. Сюжетный мотив поиска "богатой невесты", резко обозначенный в прологе первой пьесы, прекращает своё развитие только в финале третьей пьесы» (*Ауэр А. П.* Цикл // *ЭО*. С. 472).

героев «Праздничного сна...» возникали ещё в период работы над названной повестью. Мотив бархатного плаща или халата (как и беговых дрожек и серой лошади) проходит через все три пьесы, образующие трилогию. Другой образ из повести «Не сошлись характерами!» перешёл только в «Праздничный сон...». В портрете Неуеденова, разбивающего камнем орехи на подоконнике, узнаётся купец Толстогораздов из этого произведения.

«Праздничный сон...» упоминается в переписке писателей и критиков. Публикации пьесы предшествовали, как обычно у Островского, её чтения в близком кругу. На одном из них (между 20 и 29 января 1857 г., текст читал не автор) был Л. Н. Толстой, отозвавшийся о пьесе в приписке к уже законченному письму к В. П. Боткину (от 20 января): «Слышал комедию Островского. Мотивы все старые, воззрение мелкое. Правдивым оказывается иногород<ний> купец, но талантливо очень и отделано славно» (*Толстой Л. Н.* Переписка с русскими писателями: в 2 т. Т. 1. М., 1978. С. 206). По выходе второго номера «Современника» (31 января 1857 г.) Н. Г. Чернышевский, замещавший в редакции уехавшего за границу Н. А. Некрасова, сообщал ему в письме-отчёте (от 13 февраля 1857 г.): «Комедия Островского "Праздничный сон — до обеда" — достоинством равная его пьесе в "Русском вестнике" (заглавие которой я забыл, — но Вы её помните)[1] — то есть талант виден в ведении разговора, языке и т. п., но сама пьеса ничтожна, — но всё-таки слава Богу, что она поместилась в 2 № ...» (Переписка Н. А. Некрасова: в 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 325). А. Ф. Писемский, в те годы один из ближайших друзей Островского, передал ему в письме от 15 февраля 1857 г. из Петербурга отзывы слушателей, которым он сам читал текст: «Твои сценки в "Современнике" я прочитал и прочитал с удовольствием, и когда я читал их другим, — все хохотали; но мнение большинства литературного таково, что в них ты повторяешься; хотя в то же время все очень хорошо убеждены, что виноват в этом случае не ты, а среда, и душевное желание всех людей, тебя любящих и понимающих, чтоб ты переходил в другие сферы: на одной среде ни один из больших европейских и русских писателей не останавливался, потому что это сверх творческих средств» (*Писемский А. Ф.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М., 1959. С. 576). Позднее, в письме к Островскому от 30 марта 1857 г., Писемский отметил: «...в "Сне в праздничный день" лицо Бальзаминова не дотанцовано в представлении автора. В первой сцене — *прижиганье уха* совершенно водевильный приём, а прочие лица все превосходны, особенно две *девки;* я так и чувствую от них здоровый женский запах» (Там же. С. 577). Восторженно, без каких-либо оговорок, отозвался о комедии А. А. Григорьев в письме к А. В. Дружинину от 22 февраля 1857 г.: «Какая прелесть маленькая в "Современнике": не знаю, оценили ли там всю эту силу и правду комического представления, все эти *невероятные* разговоры купчих, эту сцену в саду между *любящимися* сердцами и вместе ту глубину и серьёзность воззрения, которых печать лежит на всей *шутливой* комедийке» (Письма к А. В. Дружинину. М., 1948. С. 105). «Всю... силу и правду» комедии Чернышевский, действительно, недооценил: для него важнейшим мерилом достоинства произведения тогда была «основная мысль» автора (как и в 1854 г., когда он писал суровую рецензию на «Бедность не порок»; принципы же «реальной» критики Н. А. Добролюбова ещё не были разработаны. Показательно, что даже Толстой, подписавший в феврале 1857 г. «обязательное соглашение» с «Современником», указал на «воззрение мелкое» как на недостаток пьесы.

[1] Имеется в виду пьеса «В чужом пиру похмелье».

Первые печатные отзывы о «Праздничном сне...» малочисленны и крайне поверхностны. В обзоре «Текущая литература» рецензент журнала «Сын отечества» писал: «Г-н Островский выводит на сцену пять тех же надоевших и устаревших лиц: глупую купеческую дочку, сваху, глупого чиновника и купца с бородкой и с здравым смыслом, но, по счастью, без особенной привязанности к сивухе»; «Когда мы избавимся от такого вздора?!» (1857. № 13. 31 марта. С. 299).

Благожелательнее отзыв В. Я. Стоюнина. С одной стороны, он также сетует на то, что Островский «повторяется, а не представляет... других сторон жизни того же общества, которое сделалось его специальностью»; с другой — считает: «Если бы под сценами стояло новое имя, то мы от души поздравили бы себя с новым талантом...» Стоюнин признаёт достоинства пьесы: «...лица обрисованы живо, резко и колоритно, как обыкновенно рисует г. Островский, сцены ведены также бойко и живо, но всё это заставляет тем более жалеть, зачем автор не создал новых типов...» (*Музык. и театр. вестн.* 1857. № 13. С. 212). В развязке рецензент находит «странным» то, что Бальзаминова «могла так спокойно выслушать объяснение Неуеденова и удалиться, не заметив, что не она посылала сваху к невесте, а, напротив, к ней присылали её сватать за сына»; вероятно, автор «не хотел, чтобы умные речи Неуеденова потеряли свою силу от справедливых возражений Бальзаминовой». По мнению критика, Островский «поступил слишком самоуправно с окончанием действия, чего никак бы не следовало допустить. Нельзя также не заметить, что сцена объяснения жениха и невесты со всеми их поцелуями вышла немного карикатурна; — здесь комизм натянутый» (Там же. С. 213).

Однако в более поздних статьях отмечались достоинства «Праздничного сна...». Внимание, которое критики уделяли комическим «сценам», во многом зависело от общей концепции творчества Островского. Для Добролюбова, анализирующего в статье «Тёмное царство» пьесы Островского как единый текст, где все коллизии «происходят вследствие столкновения двух партий — *старших* и *младших*, *богатых* и *бедных*, *своевольных* и *безответных*» (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1962. С. 30), «Праздничный сон...» не представлял особого интереса. Критик обращается к пьесе выборочно, доказывая иллюзорность прекраснодушных надежд на «свет образования», который «должен же наконец разогнать» мрак невежества. В перечне комичных персонажей, претендующих на образованность, названы и действующие лица пьесы: «Вспомните и то, какие результаты дало образование в Вихореве, Бальзаминове, Прежневе, в Липочке, Капочке, Устеньке, в Арине Федотовне... Оглянитесь-ко вокруг — какие сцены, какие разговоры поразят вас» (Там же). Он цитирует диалог Ничкиной и Бальзаминова о «царе Фараоне», напоминает о разговоре «Капочки с Устенькой об учтивости и общежитии (в "Праздничном сне")» (Там же. С. 137—138).

Гораздо большее внимание проявил к «Праздничному сну...» А. В. Дружинин в статье «Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859» (*БдЧ.* 1859. Т. 156, № 8). Свойственное лидеру «артистической» критики особое пристрастие к изображению светлых сторон жизни, подогреваемое полемикой с «социальной дидактикой», господствующей, по его мнению, в «Современнике», проявилось и в высокой оценке комических «сцен» Островского, в частности «Праздничного сна...». «Названная пьеска, — писал критик, — настоящая русская шутка, в высшем и самом милом смысле этого слова, так опозоренного нашими водевилистами. Г. Островский может на нас

гневаться, но мы скажем ему откровенно, мы не видим в названных сценах никакой печальной подкладки, никакого перехода к грустной стороне действительности — всякая тень грусти за тысячу вёрст от "Праздничного сна", когда Миша Бальзаминов перебранивается с кухаркой Матрёной по поводу уха, завитого горячими щипцами вместо волос, когда Устенька допрашивает его "предмет" о том, как в нём зародилась любовь, когда Капочка боится, увидя Бальзаминова, лишиться чувств и что-нибудь сделать... когда купчина Неуеденов располагается без кафтана в доме невесты и начинает колотить камнем орехи, когда Ничкину, раскисшую от жару, девушки упрекают в тиранстве и уговаривают уйти на погребицу, — я хохочу чистейшим весёлым смехом, как школьник между резвых товарищей, и знать не хочу ни о какой горестной подкладке жизни» (*Дружинин А. В.* Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 428, 439). Критик прозорливо отметил, что в «драматических очерках» Островского намечено много лиц, которые «можно развивать по авторскому произволу, возводить в типы, делать действующими лицами новых, стройных произведений...» (Там же. С. 436). К таким лицам он относит Мишу Бальзаминова, предугадывая появление новых пьес об этом герое.

«Бесценный Бальзаминов» — так назвал героя «трилогии» Островского А. А. Григорьев. Критик возмущается тем, что девять пьес Островского очень редко идут на сцене, в их числе — «Праздничный сон...» и «Свои собаки...». «Представления драм нашего первого вполне народного драматурга, — считает он, — показали уже массе вполне неизмеримую бездну, отделяющую то, что представляется на театре "нарочно", от того, что происходит на нём "взаправду", что служит выражением жизни и вместе разъяснением и оразумлением жизни» (*Григорьев А. А.* Театральная критика. М., 1985. С. 236, 230). К пьесам, изображающим русскую жизнь «взаправду», он отнёс «Праздничный сон...», при всей эксцентричности и яркой театральности стиля этого произведения. Как и Добролюбов в «Тёмном царстве», Григорьев рассматривал пьесы Островского в их взаимосвязи, считая главным их достоинством «народность»; в то же время он обвинял своего оппонента в искажении, в угоду теории, сложного, как сама жизнь, смысла произведений. «Праздничный сон...» Григорьев упоминал, вместе с другими комическими «сценами», обычно в связи с проблемой «народности». В отличие от Дружинина, эти «сцены» не вызывали в нём «весёлого смеха». В статье «После "Грозы" Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу» (1860) критик писал: «Горькое и трагическое в том, что "царь Фараон из моря выходит"», в том, что земщина «в лице умного мужа Неуеденова — справедливо боится всего, что не она, земщина...» (*Григорьев А. А.* Искусство и нравственность. М., 1986. С. 243). А в статье «Искусство и нравственность. Новые Grübeleien по старому вопросу» (*Светоч.* 1861. № 1. Критическое обозрение. С. 1—22), всё сильнее проникаясь мыслью о благотворности «начал тревоги и брожения», критик уже видит в этих «сценах» изображение застоя: «И вот художник... без малейшей злости, но с полною искренностью тронул сонное болото в "Праздничном сне" и в "Не сошлись характером", показал нам невообразимые уму человеческому понятия, позорные для чувства человеческого взгляды на жизнь, на честь, на любовь и женщину...» (*Григорьев А. А.* Искусство и нравственность. С. 274).

Пространный комментарий к «Праздничному сну...» предложил Е. Н. Эдельсон в статье «Тяжёлые дни. Сцены из московской жизни. В трёх действиях. А. Н. Островского» (*БдЧ.* 1864. № 1). Не соглашаясь с распространённым мнением о том, что

в «Праздничном сне...» нет «ничего, кроме ряда забавных сцен», Эдельсон пишет: «В небольшой пьесе, при содействии очень немногих лиц, автор переносит вас в какой-то отдельный, замкнутый, почти фантастический мир. Там, в этом тенистом, огороженном высоким забором саду, происходят сцены, до того оригинальные, до того непохожие на окружающую вас жизнь, что сначала кажется, будто вы слушаете какую-то сказку. Но всматриваясь ближе, вы узнаёте знакомые типы, знакомые понятия, почти знакомых людей». Раньше читатели, развивает свою мысль критик, «встречались лишь с разрозненными членами этого мира», в пьесе же перед ними — «целая стройная система, свой особенный мир» (*БдЧ.* 1864. № 1. С. 10—11). Везде в «сценах» Островского критик отмечает «типические черты известных слоёв» общества, «черты известного склада убеждений, черты, рассеянные в действительности по бесконечному пространству и различным сословиям» отечества, но «собранные автором в один фокус и озарённые в этом фокусе ярким светом»; читателю открывается «и своеобразность русского склада ума, и влияние... исторических судов, и особые условия... жизни...». Никто более Островского, по мнению Эдельсона, «не выхватил живых типов из водоворота жизни, никто глубже его не проник до коренных основ, устроивших жизнь самостоятельных классов русского общества» (Там же. С. 12). Восхищаясь «глубоким захватом типа» у Островского, «образцовой народной речью», о которой прежде русская сцена «не имела и понятия», критик в то же время отмечает, что «большая часть его пьес положительно страдает недраматическою постройкой, введением на сцену эпического элемента, мало нужными для хода действия лицами и проч.»; «комизм его также есть по преимуществу комизм разговора, а не положений» (Там же. С. 9).

Подобные суждения о «недраматической» композиции пьес будут часто повторяться критиками Островского и в дальнейшем. Сам же драматург считал «нестрогую художественную форму» соответствующей жанру сцен или картин.

Премьера «Праздничного сна...» состоялась в Александринском театре 28 октября 1857 г., в бенефис Ю.Н. Линской. Роли исполняли: Бальзаминова — П.К. Громова, Бальзаминов — А.Е. Мартынов, Ничкина — Н.П. Воронова, Капочка — Е.М. Левкеева, Устинька — В.В. Стрельская, Красавина — Ю.Н. Линская, Неуеденов — П.И. Зубров, Юша — воспитанник Зимин, Матрёна — Волкова 1-я, Маланья — А.Г. Михайлова (Михайлова 1-я). По мнению В.Я. Стоюнина, некоторые недостатки пьесы «в сценическом исполнении вышли ещё заметнее»: он по-прежнему указал на финал, похожий на «нравоучение в конце басни», и на «натянутый комизм в поцелуях на садовой скамейке». Однако разыграна пьеса «была весьма удовлетворительно. Не говоря о Мартынове, которому было нипочём сыграть роль Бальзаминова, но и другие лица все были на своих местах и ничем не повредили пьесе»; правда, Линской, «по-видимому, было непривычно произносить... свашеские присказки...» (*В. С.* Александринский театр. Спектакль в пользу Линской // *Музык. и театр. вестн.* 1857. № 43. С. 582). Спустя много лет Д.В. Аверкиев восхищался исполнением А.Е. Мартыновым главной роли в этом спектакле: артист «сделал из Бальзаминова не просто бытовой тип, а характер, показав себя в нём более чем даровитым художником-актёром» (*Аверкиев Д. В.* Дневник писателя. СПб., 1886. С. 252).

В Малом театре пьесу первый раз исполнили 2 декабря 1857 г., в бенефис П.М. Садовского. Роли исполняли: Бальзаминова — М.Д. Львова-Синецкая, Бальзаминов — С.В. Васильев, Ничкина — С.П. Акимова, Капочка — О.И. Григорьева, Устинька —

А. И. Колосова, Красавина — А. Д. Степанова, Неуеденов — П. М. Садовский, Юша — М. П. Садовский, Матрёна — Е. М. Кавалерова, Маланья — А. Я. Рябова (Рябова 1-я). В подготовке спектакля принял участие Островский, читавший комедию артистам, собравшимся у А. И. Колосовой. По воспоминаниям А. А. Стаховича, «сейчас же после чтения были разобраны роли» и с энтузиазмом стали репетировать. Мемуарист особенно наслаждался игрой Колосовой: «Александра Ивановна художественно изобразила тип купеческой девушки, "картавого" друга влюблённой героини этой комедии. Как стояла Устинька, в исполнении Колосовой, за право *замоскворецкой* женщины, с какою энергией раздувала она до пожара зарождающийся огонёк страсти в сердце своей "невинной" подруги, покровительствовала нежному воркованью (с пламенными поцелуями вперемежку) невинных голубков. <...> Мастерица была покойная Колосова в небольших, иногда второстепенных ролях создавать типы, которые не забываются» (*Стахович А. А.* Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 332—333).

При жизни Островского в Александринском театре состоялось 32 спектакля (последний — 27 октября 1883 г.), в Малом — 16 (последний — 30 декабря 1873 г.)[1].

С. 106. *Бальзаминов* — эту фамилию героя можно считать «говорящей». Она отсылает к двум контекстам — культурно-этикетному (бальзамин на окнах — характерная примета мещанского быта) и ботаническому (мотив цветов и сада — сквозной в трёх пьесах, в «Праздничном сне...» в саду Ничкиной объясняются в любви и целуются Бальзаминов и Капочка; см.: *Шарафадина К. И.* Концепты «цветка» и «сада» в «Бальзаминовской» трилогии // *Шарафадина К. И., Таборисская Е. М.* Жизнь культуры в универсуме слова. СПб., 2011. С. 358—381).

С. 108. *...по Зацепе...* — см. комментарий на с. 672.

С. 109. *Лошади — ложь...* — ср.: «Видеть во сне лошадей — знак напраслины» (Толкование сновидений известного старца Мартына Задеки. М., 1914. С. 17; по соннику Мартына Задеки, часто переиздаваемому, разгадывала сны ещё пушкинская Татьяна в романе «Евгений Онегин»).

Грязь — это богатство. — Ср.: «Видеть во сне грязь или нечистоту — знак хороший, ходить по ней — знак прибыли» (Толкование сновидений известного старца Мартына Задеки. С. 8).

Праздничный сон — до обеда сбывается... — ср.: «Сон, увиденный в праздник, может сбыться не позже первой половины следующего дня» (*Никитина Т. Г.* Большой словарь примет. М., 2009. С. 591).

С. 110. *Вьюнош* — юноша.

...платок пукетовый... — набивной (т. е. цветной) платок, на котором изображены букеты цветов.

С. 111. *...платок-то по нетовой земле пустыми цветами.* — Платок, на котором ничего не изображено: ни фона (на языке набойщиков «земля» — фон для узоров), ни цветов («пустые цветы») — намёк на то, что платок подарен не будет (см.: *Орлов А. И.* А. Н. Островский и фольклор Ивановской области. Иваново, 1948. С. 48).

С. 112. *...рюмку ладиколону.* — Ладиколон — одеколон.

Где с утра до ночи основу-то снуёшь, аль не знаешь? — В ткацком деле «основу сновать» — натягивать продольные нити ткани. Здесь означает: ходить туда-сюда.

---

[1] См.: *ИРДТ.* Т. 5. С. 412—537; *ПСС-12.* Т. 2. С. 719; *ЭО.* С. 435—440.

Он-то ходит под окнами манирует, а она ему из второго этажа пленирует. — Манировать — показывать манеры благородного человека, манерничать, жеманничать (см.: *Словарь к пьесам.* С. 110). Пленировать — переделанное на «иностранный» лад слово «пленять», т. е. обольщать (ср.: *ПСС-12.* Т. 2. С. 710).

С. 113. *...после вечерен...* — после вечерней церковной службы.

Аккурат пельсик. — Т. е. «точно персию».

Развозжай — расхлябанный, разболтанный человек.

С. 114. *Крандаш* — карандаш.

С. 115. *С денежкой.* — Денежка — полкопейки.

...разморин такой нападёт... — О томном, разморённом состоянии.

Вот на пути село большое... — Народная песня, восходящая к анонимному стихотворению «Гремит звонок, и тройка мчится...». Согласно В. Я. Лакшину, стихотворение впервые опубликовано в «Альманахе на 1840 год» Н. Анордиста (М., 1840; см.: *Островский А. Н.* Соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1996. С. 508).

С. 117. *Однако какой сюжет вы об нас имеете!* — Сюжет — здесь: мнение, суждение.

С. 118. *...на погребицу.* — Погребица — строение под погребом, погреб.

...вишенье, орешенье щипать. — Традиционная символика народных любовных песен.

С. 119. *...для прилику...* — ради приличия.

...царь Фараон стал по ночам из моря выходить, и с войском... — Согласно библейскому сказанию, фараон преследовал евреев, выведенных Моисеем из египетского плена (см.: *Словарь к пьесам.* С. 222).

...белый арап на нас подымается, двести миллионтов войска ведёт. ~ Из Белой Арапии. — Белый арап, Белая Арапия — имеются в виду арабы. Как отмечает В. Я. Лакшин, эти слухи, передаваемые Красавиной, «отголосок военного похода, который Россия совершила в союзе с Турцией в 1833 г. против египетского паши Мехмед-Али» (см.: *Островский А. Н.* Соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1996. С. 508).

Митроскоп — микроскоп.

...Божью планиду! — Планида — здесь: судьба.

С. 124. *Антриган* — интриган.

Антиресан — от *фр.* interessant, т. е. человек, руководствующийся только корыстными интересами.

С. 125. *Семик* — весенний праздник, отмечаемый в четверг на седьмой неделе после Пасхи (в этот день поминали мёртвых, рядили берёзку, водили хороводы). В Москве устраивалось гулянье в Марьиной роще.

С. 127. *...не читали ли вы чего про Наполеона? Говорят, опять на Москву идти хочет.* — Ничкина смешивает Наполеона I с его племянником, Наполеоном III (Луи Наполеоном Бонапартом), ставшим в 1852 г. императором Франции.

Двунадесять языков — т. е. двенадцать языков, или народов.

С. 128. *Царьград* — древнерусское название Константинополя, столицы Византии с 395 по 1453 г. (за исключением периода с 1204 по 1261 г., когда город был центром Латинской империи крестоносцев), в 1453 г. захвачен турками и переименован в Стамбул. Топоним *Царьград*, используемый персонажами пьесы, подчёркивает глубокую архаику их представлений о мире.

С. 130. *Какой, сударь, чин носите на себе? ~ Первый-с.* — Т. е. коллежский регистратор, первый ранг от конца, самый низший (14-й) в «Табели о рангах», введённой Петром I в 1722 г.

...прожектёрами. — Т. е. составителями непродуманных, неосновательных проектов.

Фертик — франт, щёголь. Буква «Ф» называлась в старину фертом, отсюда выражение «стать фертом», т. е. обеими руками упереться в бока.

С. 131. *Щелкопёр* — пустой человек, первоначально «тот, кто щёлкает пером», писака, мелкий чиновник.

...оходить дуру... — т. е. соблазнить после долгих ухаживаний.

Соболий салоп атласный, Воротник суконный красный! — детская песня. Салоп — «верхняя, как правило, утеплённая ватой или мехом женская одежда с длинной пелериной, с широкими рукавами и без рукавов, в виде накидки. <...> С 1830-х годов салопы считались немодными и сохранились лишь у бедных чиновниц и их дочерей. Купечество же сознательно сохраняло в своём костюме даже вышедшие из моды, но монументальные формы одежды, что позволяло им внешне отделить себя от разночинной интеллигенции, ориентировавшейся на европейское представление о модной и красивой одежде. Поэтому в купеческой среде салоп сохранялся довольно долго» (*Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм — вещь и образ в русской литературе XIX века. М.; СПб., 2006. С. 129). Бальзаминов носит костюм, сшитый «узко», по моде (по словам изнемогающей от жары Ничкиной, в нём «просто угореть можно»), Неуеденов же, войдя в гостиную Ничкиной, «снимает кафтан». В XIX в. кафтаны «сохранялись только в купеческой и крестьянской среде» (Там же. С. 70).

...батистовых рубашек... — Речь идёт о модных рубашках из дорогой материи. Батист — хлопчатобумажная, льняная или шёлковая ткань, в которой плотность сочетается с лёгкостью и прозрачностью. «Батист высокого качества, даже машинного производства, высоко ценился и стоил очень дорого из-за трудоёмкости при изготовлении» (*Кирсанова Р. М.* Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. С. 25).

С. 133. *...за строкулиста...* — Т. е. за мелкого чиновника (от слова «строка»).

Л. В. Чернец

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ!

Впервые опубликовано: *Современник.* 1858. Т. 67, № 1. С. 85—118.

Рукописные источники:

— черновой набросок (*ЧН*): *РГБ.* Ф. 216. Оп. 1. М. 3239. Ед. хр. 1. Л. 5. об.;

— черновой автограф (*ЧА*): *РГБ.* Ф. 216. Оп. 1. М. 3097. Ед. хр. 2. Л. 1—5 об., 10—11;

— беловой автограф (*БА*): *РГБ.* Ф. 216. Оп. 1. М. 3241. Ед. хр. 1. 30 л.

Печатные экземпляры, имеющие правку:

— цензурный театральный экземпляр (*Ценз.*): *ГТБ.* Шифр: I.5.5.42. С. 85—118;

— театральный экземпляр (*ТЭ*): *ГТБ.* Шифр: I.5.5.43. С. 85—118.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. СПб., 1874. С. 321—362 — со следующими исправлениями:

С. 138

[19—20] *Вместо:* жить так, как они, и вести себя так, как они — жить так, как все из нашего круга. Я должен и одеваться так, как они, и вести себя так, как они (по *БА*)

[31] *Вместо:* а только прилично — а только что прилично (по *БА*, *Совр.*)

С. 140

[23] *Вместо:* к чему я способен — к чему я способен, к чему я рождён (по *ЧА*, *БА*)

С. 144

[7] *Вместо:* само собой, барыня — само собой, матушка (по *БА*)

С. 145

[31—32] *Вместо:* рыло-то уж лопнуть хочет — рыло-то уж лоснится, лопнуть хочет (по *БА*)

С. 155

[11] *Вместо:* Ах, мой друг — Ах, любезный друг (по *БА*)

С. 156

[2—3] *Вместо:* не думаешь ли отвернуться — не думаешь ли отвертеться (по *БА*)

С. 162

[8—9] *Вместо:* гувернёром — развратным гувернёром (по *БА*)

[9—11] *После:* скакали по нашим наследственным полям — и хлестали своими хлыстами по глазам мужиков, которые не сворачивают с дороги (по *БА*)

[14—15] *Вместо:* Я блистал бы в обществе — Изо всего из этого я бы железной рукой выбрал себе деньги и блистал бы в обществе (по *БА*)

На полях первого листа белового автографа пьесы имеется авторская запись: «Задумана в [марте] феврале 1856 г.». Островский прибыл в Петербург 7 февраля 1856 г. и находился там несколько недель. Можно предположить, что идея пьесы возникла у автора во время просмотра спектакля В. А. Соллогуба «Чиновник» (премьера состоялась 22 февраля 1856 г. в Александринском театре). Версия подтверждается тематическим и жанровым сходством пьес, а также подобием ряда сценических деталей: «Графиня сидит за письменным столом, окончив письмо, она запечатывает конверт, а потом звонит» («Чиновник») — Прежнева «Нюхает спирт и потом звонит» («Не сошлись характерами!»); «кресло, письменный стол, покрытый богатым ковром и бронзовыми безделками...» (ремарка в начале пьесы «Чиновник») — «По узким простенкам мраморные столики на бронзовых ножках, над ними узкие, длинные с надставками зеркала в золочёных рамах... На столах бронза старого фасона» («Не сошлись характерами!»).

В *РГБ* сохранился черновой автограф, переданный Румянцевскому музею М. В. Островской[1]. В отчёте Румянцевского музея об этой рукописи сказано: «...сначала 1-я картина в драматическом изложении, отличном от печатного; затем идёт изложение сюжета и план в форме повести» (Отчёт Московского Публичного и Румянцевского музеев за 1886—1888 гг. М., 1889. С. 89). Отчёт не отражает в полной мере сомнений Островского в выборе жанра для будущего сочинения: *ЧА* начинается с драматической сцены, которую сменяет прозаическая часть; затем следует вторая драматическая сцена и, наконец, вторая и первая прозаические части (см. раздел «Приложения. Другие редакции и варианты»).

[1] См. об этом: *Кашин.* Т. 2. С. 263—277.

27 июня 1856 г. Островский писал редактору журнала «Современник» Н. А. Некрасову: «Пьесу "Не сошлись характерами!" я вам пришлю к августовской книжке». Вероятно, к этому времени была написана только первая сцена, соответствующая, в основном, первой картине текста окончательной редакции. В процессе работы Островский зачеркнул прежнее название («Приданое») и карандашом приписал новое — «Не сошлись характерами!». Софья Ивановна предстаёт здесь обедневшей вдовой, её сына сначала зовут Лев Николаевич (1 и 2 явл.), потом — Павел Петрович (3 явл.). Драматург не сразу определился с именем героини, которую сначала назвал Ольгой, затем Пелагеей Петровной, пока не остановился на окончательном варианте — Серафима Карповна.

Вслед за третьей главой в *ЧА* следует небольшой драматический фрагмент: «Сцена II». В этой части поддерживается прозаическая сюжетная линия: сначала Серафима Карповна получает благословение родителей на брак (глава III), потом Прежнева посещает женившегося сына (см.: <План> II сц.). Первое явление второй сцены *ЧА* соответствует второму явлению III картины окончательной редакции. В начале 2-го явления второй сцены после фразы «Даже этак...» — рукопись обрывается. Дальнейший текст второй сцены, вероятно, существовал, но листы были утеряны. Исключение составляет 3-е явление, текст которого записан на обратной стороне 5-го листа рукописи пьесы «В чужом пиру похмелье». Текст этого явления представляет собой черновой набросок 4-го явления III картины окончательного варианта и заметно уступает ему в плане художественной отделки.

По утверждению Л. Н. Смирновой, «вторая сцена написана одновременно с первой сценой драмы», так как первая и вторая сцены *ЧА* написаны «на бумаге одной марки»[1]. Действительно, марка бумаги в драматических сценах совпадает, но различен стиль письма: в первой сцене слова расположены по всей ширине листа, а в третьей прозаической части и во второй сцене на 2/3 листа. В то же время во второй сцене *ЧА* имеются поправки, схожие с изменениями в первой драматической части: сына Софьи Ивановны зовут сначала Лев Николаевич (1, 2 явл.), а затем Поль (3 явл.). Вероятно, именно на этом этапе автор меняет имя Лев Николаевич на имя Поль во всём драматургическом тексте, подчёркивая созвучие имён главных персонажей. С другой стороны, в плане второй сцены предполагалась замена имени Пелагея Петровна на имя Серафима Карповна, произведённая в третьей прозаической части.

Вскоре Островский прерывает работу и возобновляет её лишь в конце 1857 г., о чём свидетельствует дата на первом листе *БА* пьесы: «Начата 13 ноября 1857 г.». Активно используя материалы *ЧА*, автор быстро, приблизительно за две недели, завершает произведение. На последнем листе *БА* надпись: «Конец и Богу слава. 29-го ноября 1857 г.». Теперь пьеса состоит из трёх действий, причём материалом для второго действия послужила третья глава повести, а содержание третьего акта напоминает план второй сцены *ЧА*. 2 декабря 1857 г. Островский писал Н. А. Некрасову: «Посылаю вам пьеску, она хоть маленькая, а, как мне кажется, серьёзная». Разночтения между *БА* и первопечатным текстом незначительные.

В Александринском театре сохранился цензурный театральный экземпляр, представляющий собой оттиск «Современника» (*Ценз.*). На первой странице есть надпись: «Д<ирекция> и<мператорских> т<еатров>. 21 мая 1859 г. № 699. По реестру начальника реперт<уарной> части № 315». В тексте *Ценз.* имеется авторская правка

[1] *ПСС-12*. Т. 2. С. 720.

синим карандашом и цензорская, выполненная красными чернилами (см. раздел «Приложения. Другие редакции и варианты»). Как замечает Н. В. Дризен, больше всех в комедии «досталось Полю»: «Все его резкие обращения к матери цензура сократила»[1]. Цензор И. А. Нордстрем представил о пьесе положительный отзыв: «Поль Прежнев, пустой и тщеславный молодой человек, получивший превратное воспитание, мечтает единственно о том, чтобы блистать в обществе и занимать в нём видное место; но, не имея для этого никакого состояния (оно прожито его родителями), решается жениться на богатой вдове Серафиме Карповне, чтобы воспользоваться её деньгами. Между тем Серафима Карповна оказывается женщиной, хотя ничтожной, но чрезвычайно расчётливой; убедившись, что Прежнев женился на ней не по любви, а из-за денег, и намерен растратить её состояние, она оставляет его через месяц после свадьбы и переселяется к своему отцу, купцу Толстогораздому. Сцены эти, указывая родителям на необходимость правильного образования детей, по направлению своему не заключают в себе ничего предосудительного» (*РГИА*. Ф. 780. 1858. Оп. 1. Д. 35. Л. 66, 66 об.). На первой и последней страницах *Ценз.* имеется резолюция чёрными чернилами: «Одобряется к представлению. С. Петербург. 28 мая 1858 г. Стат<ский> советник Нордстрем». В *ГТБ* находится ещё один оттиск «Современника» (*ТЭ*), в котором простым карандашом были продублированы все цензорские зачёркивания, сделанные красными чернилами в прежнем экземпляре, а также добавлены режиссёрские пометы и сокращения, представляющие интерес для историков театра.

Как отмечает Л. Н. Смирнова, все исправления и замены, сделанные синим карандашом в *Ценз.*, были учтены в издании Кушелёва-Безбородко, которое, как известно, готовилось самим автором[2]. Текст пьесы, опубликованный во втором издании сочинений Островского под редакцией Д. Е. Кожанчикова (1868), почти не отличался от прежней публикации, за исключением двух фраз, восстановленных по *БА* («Ходит в шубке», «заключёмным»), а также ряда стилистических поправок («сражение», «сидя на печке воюете»). Начиная с первопечатного издания, текст пьесы имел существенный структурный недочёт, а именно: сцена «На дворе» (5 явл., II картина) входила в состав 3-го явления, а следующая за ней сцена: «На галерее» (6 явл., II картина) составляла 4-е явление II картины. Вероятно, перед публикацией пьесы в очередном издании своих сочинений (1874) Островский ещё раз пересмотрел текст. В результате были исправлены все структурные ошибки, а также сделан ряд лексических замен («в погреб», «одною любовью», «научают»). Во всех последующих прижизненных изданиях текст пьесы воспроизводился без изменений.

А. А. Виноградов

Островский придавал большое значение произведению «Не сошлись характерами!», он написал 2 декабря 1857 г. Н. А. Некрасову: «Посылаю Вам пьеску, она хоть маленькая, а, как мне кажется, серьёзная». Некрасову пьеса сначала не понравилась — в письме к И. С. Тургеневу от 25 декабря 1857 г. он назвал её «слабой вещью», — однако в дальнейшем изменил свою оценку и в письме к Островскому от 22 января 1858 г. он заметил: «Ваша последняя вещь нравится публике и хороша по общему отзыву литераторов, в том числе и моему» (*Некрасов Н. А.* Полн.

[1] *Дризен Н. В.* Драматическая цензура двух эпох. 1825—1881. Пг., 1917. С. 277.

[2] См.: *ПСС-12*. Т 2. С. 720—721.

собр. соч.: в 15 т. Т. 14. СПб., 1999. Кн. 2. С. 101, 103). Отзыв Л. Н. Толстого был сдержанным, он заметил в письме к Некрасову от 21 января 1858 г.: «Островского вещи не читал всей; но знаю, что она слаба в чтении» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 60. М., 1949. С. 252).

Пьеса «Не сошлись характерами!» обсуждалась в прессе 1858—1860 гг. По мнению П. Д. Боборыкина, эта пьеса представляет собою «новую вариацию на старую тему». «Эта тема, — отметил критик, — женитьба на деньгах» (*СПбВед.* 1858. № 26. 4 февр. С. 138). И по мнению критика газеты «Сын отечества», «автор "Своих людей", "Бедной невесты", "Саней", "Похмелья" — решительно повторяется»: Поль Прежнев напоминает Вихорева, Серафима Карповна — Липочку, Карп Карпыч Толстогораздов — Тита Титыча Брускова. Критик сетовал: «Неприятно поражает пустота этого произведения г. Островского после его же — "Доходного места", комедии, имеющей свои недостатки, но богатой типическими лицами и свежестью некоторых образов» (*Сын отечества.* 1858. № 15. 13 апр. С. 437).

К. А. Полевой, напротив, отметил широту обобщения в этом произведении. С его точки зрения, жанр пьесы «Не сошлись характерами!» можно определить точнее: это не столько «Картины московской жизни», сколько — «*Российской* жизни» (*Северная пчела.* 1858. № 197. 10 сент. С. 842).

Близок к нему был Н. С. Назаров, который поставил эту пьесу Островского в один ряд с такими его произведениями, как «Семейная картина», «Утро молодого человека», «Праздничный сон — до обеда». Во всех этих пьесах, писал критик, предстают «незавидная картина внутреннего быта купеческого сословия, нелепая стеснительность его семейных отношений, праздность ума, загрубелость чувства, грязные привычки, чувственность, пьянство, тупое упорство и коснение в предрассудках, круглое невежество во всём, даже и в своём собственном деле, ложный взгляд на торговлю, как на дело исключительно личное, неразборчивость в средствах для наживания капиталов, скряжничество, с одной стороны, и безумное мотовство, с другой» (*Н. Н. <Назаров Н. С.>* Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859 // *ОЗ.* 1859. Т. 125, № 7. Русская литература. С. 21).

В статье «Тёмное царство» Добролюбов рассмотрел пьесу «Не сошлись характерами!» в одном ряду с пьесами драматурга о «тёмном царстве». История Поля Прежнева, по мнению критика, вполне типична, не случайно он упомянул этого персонажа, употребив его фамилию во множественном числе, а также поставил его в ряд других героев Островского: «В женихи к богатым невестам всё являются Вихоревы, Баранчевские, Бальзаминовы, Прежневы...». Перечисленным героям критик дал общую характеристику: «...все эти господа красивы и глупы так, что о них вспоминать тошно; большею частию они или служили, или желают служить на военной службе, имеют наклонности к самодурству и очень любят, когда их считают образованными людьми. Но их невежество во всех отношениях равняется темноте самих самодуров, и только благодаря самодурной системе запрещать учиться низшим, и особенно женщинам, могут они не казаться смешными в этой среде» (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1962. С. 131).

А. А. Григорьев в статье «После "Грозы" Островского» возразил Добролюбову: нельзя свести общественный смысл произведений Островского, в том числе пьесы «Не сошлись характерами!», к одной только цели — к изображению самодурства. Охват русской жизни драматургом, по мнению Григорьева, куда более широк. В связи

с «наивным письмом» Серафимы Карповны к мужу («Что я буду значить, когда у меня не будет денег?») критик заключил: «Вот в чём истинно-горькое и закулисно-трагическое этого мира, а не в самодурстве. Самодурство, это только накипь, пена, комический отсадок; оно, разумеется, изображается поэтом комически, — да как же иначе его и изображать? — но не оно — ключ к его созданиям!» (*Григорьев А. А.* Сочинения. Т. 1. СПб., 1876. С. 464).

Появление пьесы «Не сошлись характерами!» активизировало интерес критиков к драматическому жанру картин и сцен. Б. Н. Алмазов определил жанр нового произведения драматурга как «комические сцены» и заявил, что по своему содержанию «Не сошлись характерами!» «могло быть матерьялом для большой комедии, если б автор развил подробнее отношения некоторых действующих лиц» (*Алмазов Б. Н.* Сочинения. Т. 3. М., 1892. С. 369). Н. П. Некрасов оценил эту пьесу, сравнив её с «Семейной картиной», «Утром молодого человека», «Праздничным сном...», как «лучшую из всех картин»: в этом произведении «лучше очерчены и выдержаны характеры действующих лиц, есть комизм в их положениях и хорошие сцены». Жанр картин, по убеждению критика, отвечает такому свойству таланта драматурга, как наблюдательность. В картинах, по его мнению, «нечего искать поэтической идеи, драматизма в действии и характерах; вся художественность их заключается в верном изображении действительной жизни известного круга людей с их обстановкою, под влиянием какой-нибудь мысли писателя», в них нет и дидактизма (*Атеней*. 1859. Ч. 2, № 8. С. 497).

В. Я. Стоюнин полагал, что достоинства пьесы «Не сошлись характерами!» «состоят в резком очертании лиц, в живых разговорах, в характеристическом языке; недостатки — в развитии действия и в некоторой карикатурности», в которую иногда впадает драматург, «стремясь поставить лица в комическое положение» (*Музык. и театр. вестн.* 1858. № 10. 9 марта. С. 112). С точки зрения критика, Островский допустил несколько весьма серьёзных психологических просчётов. В образе Серафимы Карповны соединение романтической настроенности и расчётливости предстаёт как исключительно «карикатурное», а её прощальное письмо Полю — не более чем «психологическая уродливость». Неожиданный же поворот драматического действия, заданный этим письмом, удивит «даже читателя, привыкшего к величайшим несообразностям и нелепостям многих французских комедий и романов» (Там же). Финальная речь Поля Прежнева, в понимании рецензента, являет собою нравоучение, которое «вовсе не вытекает прямо из действия и потому снова поражает своею странностью и неуместностью». Критик сомневается, что подобное рассуждение могло «мгновенно родиться в голове этого пустого человека» (Там же. С. 113). Пьеса как целостное художественное произведение, по заявлению Стоюнина, не сложилась: «целое так мало соображено и так слабо!» (Там же).

Н. С. Назаров также весьма критично отнёсся к неподготовленному повороту событий в финале пьесы и решительно заключил: «Такая вопиющая несообразность уничтожает всё серьёзное значение пьесы и всю художественность её общей концепции». Однако критик не смог не отметить мастерство драматурга, давшего колоритную картину купеческой среды. Два кучера, Матрёна, Улита Никитишна, сам купец Толстогораздов — «живые лица, взятые из действительности». Образ купца был рассмотрен им отдельно: это «грубый, коренастый мужик, не лишённый практического смысла и некоторых других сторон, с глубочайшим убеждением высказывающий

своё олимпийское презрение к женщинам». Монолог же Толстогораздова «Кабы на баб да не страх...», по мнению Назарова, «решительно *великолепен* по своему внутреннему и внешнему комизму» (*Н. Н. <Назаров Н. С.>* Сочинения А. Островского. Два тома. СПб., 1859 // *ОЗ.* 1859. Т. 125, № 8. Русская литература. С. 103).

На искусство автора в создании характеров указал Б.Н. Алмазов: «Большая часть характеров очерчена прекрасно. Особенно хороши купец и его жена. Разговор этой четы самый типический, и в то же время самый верный и естественный изо всех купеческих разговоров в произведениях г. Островского, — а это много» (*Алмазов Б. Н.* Сочинения. Т. 3. М., 1892. С. 369—370). Однако, по его мнению, драматурга постигла неудача при создании характеров Прежневой и её сына: «Они оба изображены слишком угловато, а сын даже и не совсем верно. При изображении этого характера автор, кажется, заплатил дань времени и немножко увлёкся нынешним сатирическим направлением». С точки зрения критика, «некоторые понятия и слова этого лица являются совершенным анахронизмом. Так, например, молодой человек, не лишённый внешнего лоска воспитания, называет "старой каргой" женщину, которая нянчила его в детстве. Этого не бывает...» (Там же. С. 370).

Восторженной была реакция А.В. Дружинина: «Со времени появления в *Современнике* маленькой комедии: "Не сошлись характерами", мы не могли ею начитаться, почти что вытвердили её наизусть». Он соглашался с выводом предшествующих критиков о несценичности пьесы и о неудачном её завершении дидактической тирадой молодого человека, однако решительно вносил свои коррективы: «Но эта несценичность так легка, эти перерывы действия так резвы, а что до дидактической тирады, то она напоминает собою пылинку на прекрасной миниатюре — стоит дунуть, и пылинка слетит долой, не оставив по себе следа» (*БдЧ.* 1859. Т. 156, № 8. Критика. С. 39). Особый интерес критика вызвал образ Серафимы Карповны. О смелом сочетании драматургом в одном характере черт, противоречащих друг другу («вздохи и глаза, устремлённые к небу» — и «дельный разговор с родителями»; горячность в любви — и холодность в расчётах), Дружинин писал с явным одобрением. Он отреагировал не только на новизну в создании этого образа, ставшего в результате нового художественного решения «несравненным», но и указал на парадокс в его восприятии: «Серафима Карповна беспредельно смешна и даже нравственно скверна, как хотите, но мы её любим всем сердцем» (Там же. С. 39—40). Молодая вдова отчасти напомнила критику о другой героине: «Такого истинно комического типа хорошенькой женщины придётся искать разве у Шеридана, в комедии "Соперники", но и мисс Лидия Ленгвишь не совсем подойдёт к сравнению, она всё-таки *героиня*, и поэт не выдаёт вполне всех уморительных сторон её характера» (Там же. С. 39). Образ Поля Прежнева, по мнению Дружинина, заключал в себе богатый потенциал, этот образ он отнёс к числу «лиц, намеченных и обрисованных так, что их можно развивать по авторскому произволу, возводить в типы, делать действующими лицами новых, стройных произведений» (Там же. С. 38). Критик отметил высокое мастерство создания Островским второстепенных персонажей: «Но как перечислить всё собрание побочных, второстепенных лиц, лиц, едва произносящих по нескольку фраз, лиц, не имеющих важного влияния на ход действия, и, при всём том, новых, правдивых, верных действительности, умных и глупых, серьёзных и забавных?» (Там же).

Анонимный рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей» заостряет внимание на проблеме сценичности нового драматического произведения Островского,

указав на недостаток действия, на слабую связь между сценами и на специфику диалогической речи. «В чтении типический язык постоянно выручает автора, но для театра, — пишет он, — мало одного разговора». Автор рецензии выделяет сложную для постановки сцену из второй картины, в которой старый купец разговаривает со своей женой. Диалог между ними «весь заключается в коротеньких и бессвязных фразах, между которыми оба супруга пьют чай. Неизбежное и часто повторяющееся молчание растягивает сцену и невольно вредит эффекту её; но иначе, — справедливо замечает автор, — её невозможно играть без нарушения самого смысла». Однако он же заявляет, понимая сложность ситуации: «Как бы то ни было, сцены г-на Островского явно не соответствуют сценическим условиям и потому не могли ни в каком случае иметь значительный успех» (*СПбВед.* 1858. № 195. 7 сент. С. 1130). Другой же критик придерживается противоположного мнения: «Мы читали эту пьесу в каком-то журнале; но только на сцене производит она настоящее своё впечатление» (*К. П.* Театральная хроника. (Александринский театр. «Не сошлись характерами») // *Северная пчела.* 1858. № 197. 10 сент. С. 842).

Н. П. Некрасов, размышляя над пьесой, основной акцент делает на особой природе слова в произведениях Островского: в них действующие лица «более разговаривают, чем действуют; даже можно сказать, что они вовсе не действуют. Это отсутствие истинного драматизма заменяется у него некоторыми сценическими эффектами, и в особенности — языком. <...> Островский умеет передать вместе с языком даже и логику простого народа. С этой стороны произведения его заслуживают особого внимания: язык составляет их главное достоинство в художественном отношении» (*Атеней.* 1859. Ч. 2, № 8. С. 498).

Добролюбов в статье «Тёмное царство» дал две обширные цитаты из пьесы «Не сошлись характерами!», его привлёк разговор Карпа Карпыча с женой. Фрагмент диалога этих персонажей о свадьбе Матрёны критик прокомментировал следующим образом: «Тут и ругательство, и угроза, и насилие, словом — самодурство в полном ходу...» Вторую цитату из диалога Улиты Никитишны с мужем о моде, о благородном звании и греховности чаепития Добролюбов привёл как «один из примеров того мастерства, с каким Островский умеет передать неуловимейшие черты пошлости и тупоумия, повсюду разлитых в этом "тёмном царстве" и служащих, вместе с самодурством, главным основанием его быта» (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1962. С. 118, 125).

1 сентября 1858 г. состоялась премьера пьесы в Александринском театре. Роли исполнили: Прежнев — И. Е. Чернышёв, Прежнева — П. И. Орлова, Поль — А. А. Яблочкин, Перешивкина — Н. П. Воронова, Толстогораздов — П. И. Зубров, Улита Никитишна — Ю. Н. Линская, Серафима Карповна — Е. Ф. Фёдорова, Матрёна — Волкова 2-я, кучер Толстогораздова — И. Ф. Горбунов, кучер Серафимы Карповны — А. Л. Волков, Неизвестный — Е. И. Воронов.

По мнению рецензента «Санкт-Петербургских ведомостей», пьеса не имела успеха на Александринской сцене, однако игра актёров была, без сомнения, превосходной. Автор рецензии выделил «безукоризненную» работу Фёдоровой, Линской, Орловой, Зуброва и Горбунова, которые «представили неподражаемые, схваченные прямо с натуры типы». Фёдорова, исполнившая трудную роль Серафимы Карповны, смогла, тем не менее, выйти «из испытания с полным торжеством». Сцену с мужем в третьем действии актриса «вела с большим искусством и до мельчайших подроб-

ностей верно». Яблочкин же не справился с последним монологом своего героя Поля Прежнева: в голосе актёра «слышалось слишком мало внутреннего раздражения» (*СПбВед.* 1858. № 195. 7 сент. С. 1130). Так же высоко оценил игру Зуброва, Линской и Горбунова К. А. Полевой: «Просто совершенство» (*К. П.* Театральная хроника // *Северная пчела.* 1858. № 197. 10 сент. С. 842). В оценке актёрской работы Фёдоровой как превосходной сошлись рецензенты журналов «Библиотека для чтения», «Театральный и музыкальный вестник» и «Современник» (см.: Современная русская летопись // *БдЧ.* 1858. Т. 151, № 9. Смесь. С. 84; *Раппопорт М.* Театральная летопись // *Театральный и музыкальный вестник.* 1858. № 35. 7 сент. С. 415; *<Панаев И. И.>* Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта // *Совр.* 1858. Т. 71, № 10. Современные заметки. С. 250).

В московском Малом театре премьера состоялась 23 октября 1858 г. Роли исполняли: Прежнев — И. Е. Турчанинов, Прежнева — Е. Н. Васильева, Поль — С. В. Шумский, Перешивкина — Е. М. Кавалерова, Толстогораздов — В. И. Живокини, Улита Никитишна — С. П. Акимова, Серафима Карповна — В. В. Бороздина (Бороздина 1-я), кучер Толстогораздова — П. М. Садовский, кучер Серафимы Карповны — С. В. Васильев, Неизвестный — Ольгин.

В московском спектакле, судя по воспоминаниям, самой удачной была игра Садовского и Васильева. Д. А. Коропчевский писал, что драматург отдал Васильеву «роль одного из кучеров в "Не сошлись характерами", причём роль другого кучера играл Садовский. Оба комика в этой сцене были равны друг другу. Пьеса главным образом держалась этой сценой. Когда Васильева не стало, его никто уже заменить не мог, и пьеса сошла с репертуара» (*ЕИТ.* Сезон 1895—1896. СПб., 1897. Приложения. Кн. 3. С. 20).

Об игре этих актёров вспоминал и С. В. Максимов: «...оба умели из небольшого материала создавать нечто такое, что у зрителя не забывается десятками лет. Васильев, чтоб оттенить малозначащую роль всего в каких-нибудь десяток слов, придавал ей такой комический оттенок, что она делалась цветистою и навсегда памятною. Играя кучера в картинах московской жизни "Не сошлись характерами" (во дворе), более задорного и храброго, чем первый, и такого молодца, что "хоть сейчас под черкеса", — он надел огромную кучерскую шляпу по самые уши, на плечи напялил армяк с широкими полами и длинным подолом. <...> Артист и путался в полах армяка, когда говорил, что всё об войне думал до того, что раскипелось сердце, и потряхивал не по голове шляпой, когда поддакивал о французе, который придёт "и разорит, потому сила"» (*Максимов С. В.* Литературные путешествия. М., 1986. С. 213—214). Игра же Живокини оставила у него другое впечатление: «...в шаржированном костюме, с пересолом в гримировке, Живокини не был лицом в роли Карпа Карпыча... Он перестарался, кого-то пересмеял, просто пошутил и совсем характера роли не понял» (Там же. С. 213).

А. Н. Баженов об игре Бороздиной писал: «...она оставалась полузамеченною до роли скупой жены в сценах А. Н. Островского "Не сошлись характерами". Этою ролью, по-моему, начинается собственно её артистическая известность»; «...в её исполнении всегда много ума, развязности, где нужно — страстности и кокетства» (*Баженов А. Н.* Сочинения и переводы: в 2 т. Т. 1. М., 1869. С. 148).

Спектакль по пьесе «Не сошлись характерами!» удержался на петербургской и московской сценах вплоть до 1866 г., с 1860 по 1864 г. шло от одного до трёх спектаклей

в год, с 1864 по 1866 г. — по одному. В 1871 г. постановка была возобновлена в Малом театре. Об Александрове, исполнителе роли Поля Прежнева, П. Г. Акилов писал: актёр «не позаботился о гримировке», а потому и не смог представить «прехорошенького» персонажа. Укорительные речи Поля Прежнева не прозвучали должным образом в исполнении этого актёра, ему, с точки зрения рецензента, необходимо было «много перечувствовать и всё прочувствованное передать не одними словами, но мимикой и голосом». Неудовлетворительной, по мнению критика, была и работа актрисы Живокини, которая ограничилась старательным чтением и отличилась отсутствием «всякого сочувствия к высказываемому» (*Развлечение*. 1871. № 30. 31 июля. С. 74—75). Следующий раз спектакль в Малом театре прошёл в 1873 г.

В 1874 г. на литературно-музыкальном вечере, устроенном тогдашним дирижёром оркестра Артистического кружка, Е. Н. Васильевой и Суровщиковым была представлена сцена из пьесы «Не сошлись характерами!». Как отметил рецензент, исполнение этой сцены «настолько было *художественно*, что произвело на всех самое увлекательное впечатление» (*Развлечение*. 1874. № 14. 12 апр. С. 221).

При жизни Островского пьеса не имела большого сценического успеха: в общем театральном рейтинге его оригинальных произведений «Не сошлись характерами!», по подсчётам Е. Г. Холодова, занимала срединное 23 место (*ЛН*. Т. 82, кн. 2. С. 13).

После смерти Островского пьеса «Не сошлись характерами!» вернулась на сцену Александринского театра: в 1896 г. постановка была возобновлена в бенефис М. И. Писарева. Спектакль получил противоречивые оценки современников. Н. А. Россовский недоумевал, зачем бенефициант выбрал её, рецензент был уверен, что эта пьеса — «одна из самых слабых произведений маститого драматурга. Тут нет ни характеров, достойных внимания, ни искусного развития интриги, нет тех образных выражений, которыми блещет речь героев Островского» (*Пб. листок*. 1896. № 2. 3 (15) янв. С. 3). А. Р. Кугель, напротив, посмотрел два акта из пьесы с удовольствием: «Какая прелестная живопись, и как чудесно её воспроизвели г-жи Савина, Жулева, Левкеева, гг. Аполлонский, Давыдов, Писарев, ну, словом, все!.. В художественном театре следует ценить не вспышки и взрывы, а определённость и устойчивость стиля, "настроение пятна", как говорят художники, и вот за это именно нельзя сердечно не поблагодарить исполнителей сцен Островского» (*Пб. газета*. 1896. № 2. С. 3).

При жизни Островского в Петербурге пьеса прошла 21 раз, в Малом театре — 18 раз (последний спектакль в Петербурге состоялся 31 января 1866 г., в Москве — 29 мая 1873 г.).

С. 137. *...столоначальники... все они в таких странных фраках...* — Столоначальник — см. комментарий на с. 690. Фрак — мужской костюм, появившийся в первой половине XVIII в. в Англии, а затем распространившийся по всей Европе, его покрой от десятилетия к десятилетию изменялся. В России второй половины XIX в. этот вид мужской одежды входил как в светский, так и в служебный гардероб, имея при этом отличия. Одежда гражданских чиновников была строго регламентирована. В 1856 г. ведомственные мундиры подверглись модернизации (*Кирсанова Р. М.* Сценический костюм и театральная публика в России XIX века. Калининград; М., 2001. С. 351—356; *Шепелёв Л. Е.* Мундиры гражданских ведомств. Вторая половина XIX века // *Шепелёв Л. Е.* Титулы, мундиры и ордена в Российской империи. М., 2005. С. 247—258).

С. 138. *...в мещане ~ приписаться?* — Поль Прежнев не имел не только состояния, но и необходимого образования (среднего или университетского), открывавшего возможность получить чин, и потому мог приписаться только в мещане. Мещане — податное сословие (наряду с крестьянством). К ним относились горожане, не записанные ни в одной из гильдий и не принадлежавшие к привилегированным сословиям. Выход из мещанского сословия был возможен благодаря получению образования и поступлению на государственную службу либо записи в гильдию при наличии необходимых средств.

Бурмистр — управляющий помещичьим имением или староста.

С. 139. *...трястись на ваньке.* — Т. е. на лошадёнке с бедной упряжью. Ванька — так называли извозчика, преимущественно из крестьян, приехавшего в город на заработки.

Шевалье — владелец гостиницы и ресторана в Старогазетном переулке Москвы (с конца XIX в. переулок носит другое название: Камергерский). В этой гостинице, считавшейся одной из первых в городе, останавливались Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, А. А. Фет, Д. В. Григорович и др. Посетителями ресторана были П. Я. Чаадаев, А. Н. Островский, Ю. Ф. Самарин, Б. Н. Чичерин и др. Гостиница и ресторан Шевалье упомянуты Л. Н. Толстым в повести «Казаки», в незавершённом романе «Декабристы», а также в романе «Анна Каренина». Позднее гостиница и ресторан были переименованы в «Шеврие».

...нужно экзамен держать в каком-нибудь уездном училище. — Уездные училища — средние учебные заведения, предназначавшиеся для детей купцов, ремесленников и других городских обывателей. Учебная программа уездных училищ, в отличие от гимназической, предполагала отказ от преподавания иностранных языков и естественных наук, однако дополнялась чем-либо практически необходимым (бухгалтерия, торговые и коммерческие науки, судопроизводство, механика, садоводство, сельское хозяйство). Для получения первого классного чина (14-го) необходимо было выдержать экзамен в объёме программы уездного училища.

С. 140. *Пастораль* — жанр в европейской литературе, характеризующийся идиллическим изображением жизни пастухов и пастушек на лоне природы; произведение этого жанра.

С. 141. *Дюми-терьмо* — здесь: полушалок. Слово *дюми* восходит к французскому слову *demi* со значением «полу». Слово *терьмо* — к *терно*. Имеется в виду ткань терно — «шерстяная ткань саржевого переплетения из высококачественной пряжи, названная по имени владельца парижской фабрики — Гийома Луи Терно (1763—1833). Платки и шали фирмы Терно были очень популярны в России первой половины XIX в. <...> Терно стоило довольно дорого и служило признаком достатка» (*Кирсанова Р. М.* Сценический костюм... С. 79). Варваризм в речи персонажа является примером специфики проникновения элементов западной культуры в русскую патриархальную жизнь.

С. 143. *...все эти билеты...* — В России с развитием капиталистических отношений в обращение, наряду с бумажными и металлическими деньгами, стали входить ценные бумаги. Билеты — именной финансовый документ, удостоверяющий внесение капитала и дающий право на получение определённого процента с этого капитала. О распространившейся в Замоскворечье в 1860-е гг. традиции дарить дочерям, выходившим замуж, деньги, положенные на билеты, с целью оградить

капитал от посягательств будущего мужа см.: *Скавронский Н.* <*Ушаков А. С.*> Очерки Москвы. М., 1862. Вып. 1. С. 208.

С. 144. *La donna e mobile...* — начало арии герцога из оперы Дж. Верди «Риголетто» (1851) по драме В. Гюго «Король забавляется». В Петербурге премьера этой оперы на итальянском языке состоялась 12 февраля 1853 г. Русская версия этой оперной арии («Сердце красавиц склонно к измене...») получила распространение позднее.

...в Опекунском... — В 60—70-е гг. XVIII в. в Петербурге и в Москве были учреждены два опекунских совета для управления воспитательными домами и учреждёнными при них кредитными установлениями. В 1838 г. был утверждён устав для сохранной, вдовьей и ссудной казны. Здание Опекунского совета в Москве было распложено на улице Солянка (д. 14) рядом с Воспитательным домом.

С. 145. *Шубка* — короткая (чуть выше или чуть ниже колен) женская поддёвка без рукавов.

Рубашка с кисейными рукавами — т. е. сшитыми из кисеи. Кисея — «очень тонкая, полупрозрачная хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, которая в XIX веке изготовлялась цветной, узорчатой и покрывалась вышитыми орнаментами» (*Кирсанова Р. М.* Сценический костюм... С. 226; см. также: *Короткова М. В.* Культура повседневности: История костюма. М., 2002. С. 266).

Погребица — строение над погребом.

Прежде жил я, мальчик, веселился... — известная арестантская песня. Как «слишком известная» она процитирована и в «Записках из Мёртвого дома» Ф. М. Достоевского (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 4. С. 110). См. также: *Известия ОРЯС.* 1923. Т. 28. Л., 1924. С. 31.

С. 146. *Типун-дворянка!* — Говорится «пренебрежительно о капризной женщине, которой всё не по нраву» (*Сомов В. П.* Словарь редких и забытых слов. М., 1996. С. 544); женщина недворянского происхождения, присвоившая себе особенности поведения дворянки.

Муар-антик — от *фр.* moire antique. Название переливающейся плотной шёлковой или полушёлковой ткани с крупными разводами. «Выше всего ценился мелкий чёткий отлив. Муар с крупными разводами получил название "муар-антик", а муар из шёлка наивысшего качества — "громуар". Как правило, все муаровые ткани были одноцветными, привлекавшими внимание именно игрой света на однотонной переливающейся поверхности» (*Кирсанова Р. М.* Сценический костюм... С. 59).

С. 147. *...когда племянник курс выдержит, так и она будет благородная.* — По получении образования молодой человек мог претендовать на определённый чин, однако на родственников его привилегии не распространялись. Сама обеспокоенность персонажа Островского связана с тем, что с 1840-х гг. выйти в «благородные» стало сложнее, чем прежде. В 1845 г. с целью ограничить для выходцев из других сословий доступ в дворянство Николаем I были внесены изменения в «Табель о рангах», а следующие изменения — Александром II в 1856 г.

...к обедне... теперь вечерни... — Названия церковных служб у христиан, обедня совершается утром или днём, вечерня начинается после полудня.

С. 147—148. *...если за князя выдет, так, пожалуй, княгиня будет ~ неужто я так-таки ничего?* — На женщину недворянского происхождения, вышедшей замуж за дворянина, распространялось его дворянское достоинство, но оно не распространялось на её родственников.

С. 148. *...в мантилье, в зелёных перчатках...* — Мантилья — накидка, чаще всего без рукавов. Перчатки были определённым социальным знаком, в соответствии с правилами их ношения выбор цвета зависел от костюма и ситуации. Дамские перчатки зелёного цвета имели самые разнообразные оттенки для того, чтобы отличаться по цвету от форменной одежды чиновников, имевшей зелёный цвет. Однако в пьесе достаточно было ограничиться указанием цвета: героиня на второй год после смерти мужа поспешила снять траур (вдовы носили его до трёх лет). «Во время траура и для мужчин, и для женщин были обязательны чёрные перчатки и чёрный зонт» (*Кирсанова Р. М.* Сценический костюм... С. 129).

С. 149. *...в яме-то за что?* — При выезде из Воскресенских ворот с Красной площади располагалось здание Присутственных мест, на его задворках помещалась Яма — московская долговая тюрьма, в которой сидели несостоятельные должники. Кредитор за своего должника вносил кормовые деньги (см.: *Кондратьев И. К.* Седая старина Москвы. М., 1893. С. 206; *Гиляровский В.* Москва и москвичи. М., 2001. С. 429—432).

...Кон Коныч за процент сидит. — Т. е. за ростовщичество. В России узаконенный максимум процента за услугу при ссуде денег под залог был введён в 1754 г., он составлял 6% годовых, в конце века был понижен до 5%, а с 1808 г. вновь достиг 6%. С этого времени взимание процентов свыше установленной нормы считалось лихвой и наказывалось в первый раз штрафом, а при повторении — арестом или тюрьмой.

С. 151. *...в пансионе...* — Пансион — частное образовательное учреждение. Пансионы делились на разряды; программы пансионов, которые предпочитало для своих детей купечество и состоятельное мещанство, включало в себя общеобразовательные дисциплины.

...по восьми гривен ассигнациями ~ сколько это на серебро-то будет ~ рубь сорок сдачи. — Ассигнации — название бумажных денег, которые были введены в России в 1769 г. и были привязаны к медной монете. Ассигнации были в ходу до 1849 г. параллельно с серебряным рублём; они, согласно денежной реформе 1839—1843 гг. гр. Е. Ф. Канкрина, стали подлежать обмену на кредитные билеты. Действующий обменный курс составлял в 1840-е гг. три с половиной рубля ассигнациями за один серебряный рубль. Персонажи Островского часто продолжали называть кредитные билеты ассигнациями. Гривенник — медная монета достоинством в десять копеек. Долгое время существовал двойной счёт: как в металлических деньгах, так и в бумажных. В последний раз Карп Карпыч пересчитал сдачу в серебре.

...с трёх целковых? — Целковый — серебряная монета достоинством в один рубль.

Аршин — старая мера длины, равная 0,711 м.

С. 153. *Гужееды* — бранное прозвище кучера.

...хоть сейчас под черкеса. — Под «черкесами» в простонародье имелись в виду горские кавказские племена. Вооружённые столкновения между русской армией и горцами происходили в период с 1817 по1864 г.

...в венгерской кампании... — Речь идёт о венгерской кампании, т. е. об интервенции Австрии и России против революционной Венгрии. Русские войска вступили в Венгрию под командованием фельдмаршала И. Ф. Паскевича в июне 1849 г., а в сентябре того же года русская армия вернулась в пределы империи. Ранее венгерская кампания упомянута в рассказе Л. Н. Толстого «Из кавказских воспоминаний. Разжалованный» (*БдЧ.* 1856. Т. 140, № 12).

...милюция была... — Т. е. милиция. Милиция — народное ополчение. В России отряды милиции были сформированы из дворян (в качестве офицеров), а также из государственных и помещичьих крестьян во время русско-прусско-французской войны 1806—1807 гг., когда возникла угроза вторжения наполеоновских войск в пределы Российской империи.

...одиннадцать вершков росту. — Вершок был равен приблизительно 4,45 см. В старину рост человека часто определялся в вершках свыше двух аршин (т. е. 1 м 42 см). Следовательно, человек, о котором идёт речь, был ростом 1 м 91 см.

...пятнадцать пудов... — Пуд равен 16,38 кг. Следовательно, речь идёт о 245,7 кг.

...значит в барабан отбой. А они говорят: ребята, вперёд! Измена! Ну и прут себе... — Возможно, речь идёт про эпизод из русско-турецкой войны 1853—1854 гг. — штурм русскими турецкой крепости Силистрия. После того как русский генерал-лейтенант Д. Д. Сельван был убит, генерал Веселицкий, вопреки благоприятно развивающейся ситуации, приказал ударить отбой.

С. 154. *Каретник* — мастер, делающий кареты, экипажи.

С. 155. *Гони природу в дверь, она войдёт в окно.* — Неточная цитата из двустишия Н. М. Карамзина «Мы вечно то, чем нам быть в свете суждено. Гони природу в дверь: она влетит в окно» (повесть «Чувствительный и холодный. Два характера», 1803). Это двустишие является вольным переводом басни Лафонтена «Кошка, превращённая в женщину».

...не твоё, а женино. — После замужества женщина оставалась владелицей своего состояния.

Н. Г. Михновец

ВОСПИТАННИЦА

Впервые опубликовано: *Библиотека для чтения.* 1859. Т. 153, № 1. С. 1—50.

Отдельное издание: «Воспитанница». Комедия А. Островского. СПб.: тип. К. Вульфа, 1860. 80 с.

Рукописные источники:

— черновой набросок (*ЧН*): *РГБ.* Ф. 216. М. 3239. Ед. хр. 1. Л. 3;

— черновой автограф (*ЧА*): *РГБ.* Ф. 216. М. 3243. Ед. хр. 1. 35 л.;

— цензурная писарская копия (*ЦПК*): *ГТБ.* Шифр: 25605. 55 л.

Печатные экземпляры, имеющие правку:

— театральный экземпляр ($ТЭ_1$): *ГТБ.* Шифр: I.9.5.51. 51 с.;

— театральный экземпляр ($ТЭ_2$): *ГТБ.* Шифр: I.9.5.52. 50 с.;

— театральный экземпляр ($ТЭ_3$): *ГТБ.* Шифр: I.22.10.5. 50 с.;

— театральный экземпляр ($ТЭ_4$): *ГТБ.* Шифр: I.2.7 низ. 154. 80 с.;

— театральный экземпляр ($ТЭ_5$): *ГТБ.* Шифр: I.22.1.38. 80 с.;

— театральный экземпляр ($ТЭ_6$): *ГТБ.* Шифр: I.22.6.18. 80 с.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. СПб., 1867. С. 227—297 — со следующими основными исправлениями:

С. 168

[2] *Вместо:* тут им уж конец — тут им уж и конец (по *ЧА*)

[13] *Вместо:* Вы, говорит — Вы, говорят (по *ЧА*)

С. 170

[30] *Вместо: с большею радостью — с большею робостью* (по *ЧА*)

С. 172

[3] *Вместо: обрывает листики — обрывает с него листики* (по *ЧА, БдЧ*)

С. 174

[6] *Вместо:* об нём разговаривать — об нём и разговаривать (по *ЧА, БдЧ*)

С. 178

[3—4] *Вместо:* титулярный советник — титулярным советником (по *ЧА*)

С. 179

[4] *Вместо:* холтуры — халтуры (по *ЧА*)

[16] *Вместо:* не прибавлялись — не прибавлялось (по *ЧА*)

[20] *Вместо:* Что-то это такое? — Это что такое? (по *ЧА*)

С. 182

[23—24] *Вместо:* прийдём — придём (по *ЧА, БдЧ*)

С. 183

[28—29] *Вместо:* не хочу. *(Стоит задумчиво.)* — не хочу. *(Стоит задумавшись.)* (по *ЧА*)

С. 184

[10—11] *Вместо:* он за тебя сватается — начинает он за тебя свататься (по *ЧА, БдЧ*)

С. 185

[28] *Вместо:* Отчего вы так думали? — Отчего же вы так думали? (по *ЧА, БдЧ*)

С. 187

[33—34] *Вместо:* всего-то бойся и... — всего-то бойся! И человека-то бойся и... (по *ЧА, БдЧ*)

С. 194

[10] *Вместо:* ангельчик, наш барин — ангельчик наш, барин (по *ЧА*)

С. 196

[8] *Вместо:* да не отпустили-с — да не пустили-с (по *ЧА, БдЧ*)

[9] *Вместо:* тебя не отпустил — тебя не пустил (по *ЧА, БдЧ*)

В творческом наследии Островского есть пьесы, создание которых происходило поэтапно: сначала автор набрасывал общий план, иногда несколько первых явлений; затем оставлял написанное и возвращался к нему через несколько месяцев, а в отдельных случаях через несколько лет. Так произошло с пьесами «Праздничный сон — до обеда», «Не сошлись характерами!», «Воспитанница».

Б. В. Варнеке предположил, что источником для пьесы мог быть рассказ неизвестного автора «Кое-что из жизни господина Арфанова», напечатанный в «Москвитянине» в 1851 г. (*Варнеке Б. В.* Материалы А. Н. Островского для «Воспитанницы» // Сборник статей к сорокалетию учёной деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 254). К теме воспитанницы обращались также И. С. Тургенев («Холостяк», «Месяц в деревне», «Провинциалка»), А. Ф. Писемский («Раздел»), Т. А. Астракова («Воспитанница»)[1]. «Воспитанники и воспитанницы, — отмечал Н. П. Кашин, — составляли неотъемлемую принадлежность дворянского быта, так как нередко под видом воспитанников и воспитанниц скрывались собственно так называемые "незаконнорождённые" дети. Поэтому вполне естественно, что тип воспитанницы нередко привлекал к себе внимание русских писателей, начиная с Пушкина с его "Пиковой дамой", где имеем классический образ воспитанницы в лице Лизы» (*Кашин Н. П.*

[1] См. об этом: *Овчинина И. А.* Воспитанница // *ЭО*. С. 93.

«Воспитанница» // *Островский А. Н.* Сочинения. М., 1935. С. 636). Из произведений 1850-х гг. исследователь выделяет повесть Г. В. Кугушева «Корнет Отлетаев» (*РВ*. 1856. № 3. С. 295—364, 513—599), в которой властная графиня Буриме насильно выдаёт замуж свою семнадцатилетнюю воспитанницу.

12 июля 1855 г. А. Н. Островский сделал запись о начале работы над новой драмой в двух действиях «Воспитанница» (*ЧН*). Среди персонажей будущей драмы, кроме помещицы Усланової, её племянника Алексея Ивановича и воспитанницы Анны Захаровны, были: чиновник Захар Захарыч Зверобоев, купец Сава Трифоныч Брусков и «разные лица». По составленному драматургом плану первого действия пьеса начиналась с монолога Анны, затем появлялся Алексей Иванович, за ним Усланова и остальные персонажи. Под планом имеется запись: «Брошено 13 июля». На следующем листе рукописи Островский делает запись о начале работы над новой пьесой («В чужом пиру похмелье»), в списке действующих лиц которой значатся и Брусков, и Захар Захарыч. Разрабатывается план комедии, но драматург вновь приостанавливает работу. По мнению И. Г. Ямпольского, на момент создания *ЧН* «замыслы "Воспитанницы" и "В чужом пиру похмелье" не были ещё дифференцированы в его сознании»[1]. В ноябре 1855 г. Островский возвращается к последней пьесе и заканчивает её, а вот о черновике «Воспитанницы» надолго забывает.

21 апреля 1858 г. Островский пишет А. В. Дружинину, редактору журнала «Библиотека для чтения»: «У меня начата пьеса "Кошке игрушки, мышке слёзки", которую я скоро кончу и перешлю или привезу сам к Вам в Петербург… Комедию я кончу и доставлю Вам никак не позже половины мая». На титульном листе *ЧА* есть зачёркнутые записи: «задумана 11 апреля» и «начата 14 августа»[2]. Можно предположить, что в период с 11 по 21 апреля Островский всё же написал несколько страниц текста. В мае — июне писатель был занят подготовкой своего собрания сочинений в издательстве Г. А. Кушелёва-Безбородко, в июле редактировал пьесу «Свои люди — сочтёмся!» для цензуры, а в августе репетировал с актёрами пьесу «Не сошлись характерами!». 14 августа, вернувшись к апрельскому замыслу, Островский стёр прежний текст и на этом месте написал новое начало: фамилию Усланова драматург меняет на Аслан-Уланову, Алексея Ивановича, племянника Усланової, как он был обозначен в 1855 г., — на Леонида Давыдыча, сына Аслан-Улановой; воспитанница Анна Захаровна стала дочерью дворецкого Надей, любимой горничной княгини.

В это время, судя по цвету чернил, было написано двенадцать страниц текста, но потом были внесены поправки и дополнения, увеличившие количество страниц до пятнадцати. В таком виде автор оставляет работу над пьесой и возвращается к ней лишь в октябре, после просьбы А. В. Дружинина. «Подходит ноябрь месяц, — сетовал редактор, — а ноябрьские книжки журналов, по исстари принятому обычаю, всегда составляются с особым тщанием. Мы с Писемским рассчитываем на вашу комедию к XI номеру и ждём её с нетерпением, какое Вы себе можете представить, вообразив себя на минуту на месте редакторов. Просим вас усерднейше — если время и здоровье позволяют, — подарите нам несколько вечеров, посидите над комедией и вышлите её нам к 20 октября» (*Неизд. письма*. С. 139).

По всей видимости, основная работа над пьесой приходится на октябрь 1858 г.: на оборотной стороне 5-го листа рукой драматурга поставлена дата: «6 октября»,

[1] *ПСС-12*. Т. 2. С. 731.

[2] См. также: *Кашин*. Т. 2. С. 278—325.

на 6-м листе сверху справа: «7 октября»; листы под номерами 16—32 написаны чернилами одного цвета, следуют друг за другом без поправок.

Очевидно, что к началу работы автор окончательно определился с действующими лицами пьесы: Аслан-Уланова из княгини вновь становится помещицей, теперь Уланбековой, её сын Леонид теряет отчество, а Надя из «любимой горничной» превращается в «любимую воспитанницу».

ЧА представляет собой многослойный текст с различными исправлениями: видно, что изменения Островский вносил как по ходу создания текста, так и после завершения отдельных явлений, сцен и всей пьесы. Рукопись даёт представление о том, как постепенно складывались характеры персонажей в I и II действиях. Например, первоначально отдельные реплики Лизы произносила Надя, Леонид стремился напоить Неглигентова допьяна, а Василиса Перегриновна и Потапыч были друзьями. В III действии изменён порядок явлений: сначала был написан диалог между Потапычем и Гавриловной о порядках в доме Уланбековой; затем следовал разговор между Надей и Лизой о нелёгкой девичьей судьбе, после которого появлялся Леонид и признавался Наде в любви. После исправлений диалог Гавриловны и Потапыча перенесён в середину действия, между лирическими сценами встречи и расставания Нади и Леонида. В IV действии существенных изменений не было: часть реплик была вписана на полях, а в третьем явлении отсутствовал эпизод, в котором Уланбекова жалуется Василисе Перегриновне на недомогание. Работа над пьесой была завершена 7 декабря 1858 г., что отмечено на л. 35 *ЧА*. На л. 1 сообщается, что текст передан Н. И. Шаповалову, чиновнику московской дворцовой конторы.

Работа над текстом пьесы продолжалась и после 7 декабря. «Несомненно, — отмечает И. Г. Ямпольский, — была ещё одна, беловая рукопись или писарская копия с правкой Островского, с которой производился набор, но она до нас не дошла»[1]. В январе 1859 г. пьеса была напечатана А. В. Дружининым в «Библиотеке для чтения» с подзаголовком «Сцены из деревенской жизни». Правда, в оглавлении журнала она обозначена как комедия. В собраниях сочинений 1867 и 1874 гг. пьеса перепечатана без всякого подзаголовка, в издании 1885 г. — с подзаголовком «Комедия в четырёх действиях». В издании 1974 г. принят подзаголовок: «Сцены из деревенской жизни». По мнению И. Г. Ямпольского, «слово "Комедия" в оглавлении "Библиотеки для чтения" принадлежит редакции журнала... уничтожение и изменение подзаголовка в следующих изданиях делались без ведома Островского»[2].

6 марта 1859 г., не дожидаясь официального разрешения, Островский читал «Воспитанницу» на квартире Ап. Григорьева. «Я и все присутствовавшие, — вспоминает М. И. Семевский, — так и впились в чтеца. Пиеса эта довольно известна, она прямо выхвачена из крепостного помещичьего быта и преисполнена множеством дивно очерченных сцен и характеров, живьём выхваченных из тогдашнего русского помещичьего провинциального общества. Чтение нимало не уступало достоинству пиесы: Островский — один из лучших чтецов в современном обществе. При чтении он не изменяет голоса, но даёт такие превосходные оттенки каждому выдвигаемому вновь лицу, что, не называя это лицо, читатель прямо видит, кто из них выбегает на сцену, словом сказать, живо представляет себе каждое из действующих лиц» (*Восп.* С. 154).

---

[1] *ПСС-12*. Т. 2. С. 732.

[2] Там же. С. 730.

В Театрально-литературный комитет была представлена *ЦПК* пьесы «Кошке игрушки, мышке слёзки», переписанная И. Ф. Горбуновым с поправками А. Н. Островского[1]. Перед тем как пьеса попала в Цензурный комитет, Островский успел внести изменения в диалог Леонида и Потапыча во 2-м явлении I действия, в реплику Уланбековой во 2-м и 3-м явлениях II действия, в монолог Нади в 1-м явлении III действия. Правка имела уточняющий характер, больше способствовала выстраиванию стилистического рисунка, чем снижению обличительного пафоса в угоду цензуре. «"Воспитанница" в Комитете пропущена, — писал И. Ф. Горбунов Островскому 3 октября. — Против пьесы был Жихарев и ещё один барин Ротчев. Мне это передано по секрету (!!), и я вам передаю за секрет (!!). Не смею умолчать и о том, что пьеса поступила теперь в <Третье> отделение и, кажется, иждивением Иоанна Нордстрема будет запрещена. По крайней мере, мне он говорил, что он никакой надежды не полагает. В понедельник обещался дать решительный ответ. Ходят слухи, что министр снёсся с Долгоруким об цензуре. Что-то будет!» (*Неизд. письма.* С. 669).

Опасения И. Ф. Горбунова оказались не напрасными. «Уланбекова, — писал в отчёте И. А. Нордстрем, — помещица 2000 душ, старуха лет под 60, по сердобольной, с виду, цели, а, в сущности, по тщеславию и для собственной потехи, воспитывает бедных сирот из дворовых своих людей. <...> К Уланбековой приезжает на каникулы 18-летний сын её Леонид, учащийся в Петербурге. Поощряемый раболепствующею пред ним дворнею, молодой мальчик ухаживает за Надею, но встречает отпор. В это время Уланбекова решается выдать Надю за своего крестника Неглигентова, сына подьячего, пьяницу и вообще негодяя, которого Надя должна исправить. <...> Мысль талантливого автора была изобразить одно из злоупотреблений помещичьей власти. Замечательная пьеса эта поражает верностью воспроизведённых в ней типов, но может ли быть допущено в настоящее время изображение на сцене подобной возмутительной безнравственности в помещичьем быту?» (*РГИА.* Ф. 780. Оп. 1. Д. 36. Л. 157—158 об.)[2]. Цензор подчеркнул несколько фраз в рассказе Потапыча о воспитанницах (2 явл., I д.), а также в сцене участия Неглигентова в суде (2 явл., IV д.). На основании представленного цензурой отчёта начальник Третьего отделения царской канцелярии генерал А. Е. Тимашев поставил на титульном листе *ЦПК* резолюцию: «Запрещена. 23 октября 1859 г. Генерал-адъютант Тимашев».

Запрет вызвал недоумение среди друзей и знакомых Островского; используя свои связи, они пытались повлиять на отмену решения. «Сегодня воротился Тимашев, — писал Е. Н. Эдельсон к Островскому 2 декабря 1859 г. — Завтра цензор обещал представить ему на утверждение пропуск Вашей пьесы. Долгорукий, с своей стороны, не видит препятствий к этому пропуску. Цензор, как рассказывает Горбунов, вчера или третьего дня, встретясь с ним, спросил: шепнул ли он в Москву о пропуске пьесы и на отрицательный ответ Горбунова сказал: "шепните". Горбунов уверяет, что он следит за этим делом с величайшим усердием и, как только узнает что-нибудь решительное, пошлёт Вам телеграмму» (*Неизд. письма.* С. 633—634).

Летом 1861 г. П. В. Анненков обратился с просьбой к своему двоюродному брату И. В. Анненкову, который временно исполнял обязанности начальника Третьего отделения, разрешить комедию И. С. Тургенева «Нахлебник». «С удовольствием, —

---

[1] См. также: *Поляков А. С.* Материалы для изучения текста произведений А. Н. Островского // Памяти А. Н. Островского. Пг., 1923. С. 147—154.

[2] См. также: *Ревякин А. И.* А. Н. Островский и цензура // Учёные записки Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина. 1955. Т. 48. С. 278—279.

отвечал он, — и не только эту, а все те, которые ты признаешь нужными; только присылай поскорее, потому что на этом месте я останусь очень недолго» (*Восп.* С. 154). П. В. Анненков отправил несколько пьес, в числе которых находилась и «Воспитанница». В отличие от комедии Тургенева, разрешённой 19 октября 1861 г., пьеса Островского так и осталась под запретом.

Осенью 1861 г. по особому разрешению «Воспитанница» была дозволена к постановке в Купеческом клубе в пользу семьи А. Е. Мартынова, однако очередной начальник Третьего отделения А. Л. Потапов всё равно счёл пьесу политически ангажированной. «Время ли теперь говорить о крепостном праве и злоупотреблениях? — указывал он хлопотавшему за драматурга Ф. А. Бурдину, — дворяне представлены в таком дурном виде... Они в настоящее время и без того заколочены... за что же их добивать окончательно, выводя подобным образом на сцену... Она должна играться в Москве, там будут выборы... это может оскорбить дворянство» (*Бурдин.* С. 12).

Островский не терял надежды дать пьесе сценическую жизнь. В конце 1861 г. драматург обращается к Е. П. Ковалевскому: «Прибегаем к Вам с покорнейшей просьбой, доставьте нам Вашим ходатайством возможность сыграть несколько спектаклей в пользу Литературного фонда (спектакля три)». В результате договорённостей в январе 1862 г. в театре Санкт-Петербургского Пассажа были поставлены пьесы: «В чужом пиру похмелье» (16 января) и «Воспитанница» (27 января).

К лету 1863 г. политическая ситуация в Москве нормализовалась, что позволило И. А. Нордстрему изменить прежнее решение: «Пьеса эта, под заглавием "Кошке игрушки — мышке слёзки" была уже в рассмотрении Цензуры и в 1859 г. запрещена по изображению в ней злоупотребления помещичьей власти. Ныне Дирекция Императорских театров возобновляет ходатайство о пропуске пьесы для сцены» (*РГИА.* Ф. 780. Оп. 1. Д. 40. Л. 120). 27 июля 1863 г. Театрально-литературный комитет вторично рассмотрел и одобрил «Воспитанницу», а 4 сентября 1863 г. пьеса была разрешена к постановке на театральной сцене. «Твоя "Воспитанница" дозволена, — писал Бурдин драматургу 7 сентября 1863 г. — Сейчас я узнал об этом в цензуре и спешу об этом уведомить. Теперь милости просим скорее к нам — твои друзья ждут тебя с нетерпением» (*Бурдин.* С. 17).

Впервые после цензурного разрешения на сценическую постановку «Воспитанница» была опубликована в собрании сочинений Островского под редакцией Д. Е. Кожанчикова (1867). Текст пьесы незначительно отличался от первопечатного; на репетициях театры активно использовали оттиски из «Библиотеки для чтения» ($ТЭ_1$—$ТЭ_3$), а также отдельное издание пьесы 1860 г. ($ТЭ_4$—$ТЭ_6$). $ТЭ_1$—$ТЭ_3$ имеют множество рабочих помет: планы сцен, разметку выходов, зачёркивания длиннот текста. Например, в $ТЭ_1$ значительным сокращениям подверглись реплики Нади; в $ТЭ_2$ и $ТЭ_3$ изменения коснулись высказываний Уланбековой. Любопытно, что во всех трёх экземплярах во 2-м явлении I действия зачёркнуто рассуждение Потапыча о воспитанницах, что указывает на стремление режиссёров снизить обличительный пафос драмы. Экземпляры пьесы на основе отдельного издания 1860 г. ($ТЭ_4$—$ТЭ_6$) имеют, в основном, сценическую правку: в самом тексте фактически нет зачёркиваний и вставок. Сохранение авторского замысла свидетельствует о позднем времени режиссуры, когда поставленные в пьесе социальные вопросы утратили былую актуальность. В последующих прижизненных изданиях текст пьесы воспроизводился без изменений.

А. А. Виноградов

Наиболее тёплые отзывы комедия получила от критиков социал-демократического направления. М. Е. Салтыков-Щедрин в письме к П. В. Анненкову от 29 января 1859 г. восклицал: «Сцены Островского прелестны, и самая мысль этих сцен великолепна» (*Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: в 20 т. Т. 18, кн. 1. М., 1975. С. 209).

Первым печатным откликом на пьесу стала рецензия Н. А. Добролюбова в «Современнике» (1859. Т. 73, № 2. Русская литература. С. 284—289). Давая оценку последним литературным новинкам, в числе которых, помимо «Воспитанницы», названы романы «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева и «Обломов» И. А. Гончарова, критик не без удовольствия замечает, что год начался для отечественной «беллетристики таким блестящим образом, как не многие годы начинались» (Там же. С. 284). Комедия «Воспитанница» характеризуется Добролюбовым как «весьма замечательная вещь», появление которой «чрезвычайно обрадовало всех почитателей таланта г. Островского, и в особенности тех, которые были не совсем довольны в его последних произведениях некоторой идеализацией купеческого быта» в пьесах «Не так живи, как хочется» и «Бедность не порок». «В новой своей пьесе, — отмечает критик, — г. Островский стоит на другой почве... <...> В этом произведении вовсе нет резких и грубых черт, к каким прибегают иногда писатели для того, чтобы ярче выставить пошлость и гадость изображаемого ими предмета. Вся пьеса отличается необыкновенно спокойным, сдержанным характером, и ни в одном слове, ни в одном движении действующих лиц мы не заметили вмешательства личности самого автора. С первой до последней сцены — перед нами действительная жизнь, наша русская — *жолтенькая* (по выражению одного из лиц пьесы) жизнь, близкая и знакомая нам всем» (Там же. С. 285). Особое внимание Добролюбов уделяет сцене свидания Нади и Леонида: «В этом остове прекрасного произведения нельзя, конечно, видеть всех его достоинств; но мы хотели познакомить читателей по крайней мере с содержанием пьесы г. Островского, потому что чувствовали себя не в состоянии передать всю силу впечатления, какое оно производит. Из приведённой сцены читатели могут видеть, до какой глубины достигает г. Островский в обработке характеров, и сколько поэтической прелести умеет он придать самым простым положением» (Там же. С. 289).

Не менее восторженным пафосом была проникнута объёмная рецензия В. Я. Стоюнина. Предварив разбор «Воспитанницы» размышлениями о жанровых особенностях пьесы, критик констатирует: «...современная комедия уже не всегда оканчивается смехом, не всегда веселит ваше сердце, но всегда успокаивает вас сладенькою мыслью, что вот-де порок наказан, добродетель восторжествовала — радуйтесь и рукоплещите» (*Стоюнин В. Я.* Критическое обозрение комедии г. Островского «Воспитанница» // *Русский мир*. 1859. № 10. 6 марта. С. 233). Комедиям подобного рода Стоюнин противопоставляет такие произведения, как «Воспитанница», где «между смехом и слезами» «трудно провести даже границу». По мнению критика, «чем более проникнут писатель возвышенными, человечественными идеями, чем сильнее в нём любовь к человеку и чем глубже притом вникает он в самую жизнь, в окружающую действительность, тем важнее делается комизм его, тем ближе смех его к слезам» (Там же). Рецензент «по важности своего комизма» ставит пьесу в один ряд «с первою и лучшею» комедией Островского («Свои люди — сочтёмся!»), считая при этом, что она «выше всех прочих по обработке и выдержке в целом» (Там же). В лице Уланбековой он видит воплощение общественного зла, которое «нужно преследовать сатирою, потому что никакой закон здесь не в силах сделать что-нибудь» (Там же. С. 235).

«Здесь-то вы видите барыню, у которой эгоизм развился до такой крайности, что даже возмущает человеческое чувство. И лицо это не вымышлено: оно есть верный тип многих барынь, развившихся в известной среде и при известной обстановке: глупое одностороннее воспитание, отсутствие всякой живительной мысли, богатство, видное положение в обществе, лесть приближённых, раболепство крепостных слуг, всё это ведёт к одному концу — нестерпимому эгоизму, оскорбительному высокомерию, из которого часто вытекают действительно трагические сцены. <...> Старуха безнравственна в самом основании, потому что лишена любви к человеку, потому что создала себе кумир из тщеславия, отвратительной гордости и самолюбия... постороннему взгляду она кажется даже добродетельною, да она и сама так думает о себе: каждый может пересчитать её добрые дела... но если вникнуть в их причину, то они ещё более возмутят душу. Все они вытекают из того же эгоизма и тщеславия» (*Русский мир*. 1859. № 10. 6 марта. С. 233—234). Главная героиня, Надя, представляет собой сильную натуру, «девушку несколько развитую, у которой мысль о свободе и самостоятельной жизни проявляется в самих её идеалах». Критик обращает внимание на проявляющееся в героине «сознание своей личности, своей гражданской свободы», сталкивающееся «с деспотизмом» Уланбековой, что побуждает её «искать опоры только в самой себе, в своих нравственных силах» (Там же. С. 235). Именно Надя, по мысли критика, олицетворяет собой положительную сторону действительности. Из всех других персонажей комедии Стоюнин выделил образ Василисы Перегриновны: «Это лицо описано так подробно и с таким мастерством, что нельзя не остановиться на нём. <...> Сознание своего дворянства и вместе унижение перед гордою старухою... беспомощное положение и вместе гордость духа, всё это перекипело в её сердце, незримо ни для кого, и наконец создало злобную фурию, которая шипит змеёю на всякое проявление чувства в другом человеке. Автор умел хорошо понять эту демоническую натуру, которая также выработалась из неестественного положения в жизни и которая выставлена им в таком ярком комическом свете» (Там же. С. 236). Стоюнин отмечает обдуманность развития действия пьесы, мастерство Островского в создании характеров, в передаче речи персонажей, но считает лишней сцену возвращения слуг Потапыча и Гавриловны с гуляния. «Правда, автору она была нужна для того, — пишет критик, — чтобы продлить время свидания Леонида с Надею в роще, и чтоб по этому случаю сцена не оставалась пустою; но такие соображения и вставочные сцены всегда вредят строгости целого» (Там же. С. 237). Художественная сила «Воспитанницы», по мнению рецензента, состоит в том, что «она стремится глубже захватить жизнь и в этой глубине находит комическое в тесной связи с трагическим» (Там же).

Однако рецензенты зачастую отказывали Островскому в умении обобщать наблюдаемые явления в целостную художественную картину и упрекали в слабом владении драматическим письмом.

Весьма сдержанный отзыв о «Воспитаннице» дал критик Н. П. Некрасов в обзоре «Сочинения А. Островского, 2 тома. СПб., 1859» (*Атеней*. 1859. Ч. 2, № 8. С. 458—499). Сравнивая «Воспитанницу», которая «не представляет ничего особенного», с другими пьесами Островского, имеющими комическое содержание, критик сомневается в её эстетических достоинствах: «Нам кажется, что в художественном отношении она даже уступает произведению "Не сошлись характерами", которое мы считаем лучшею из всех картин, потому что в нём лучше очерчены характеры

действующих лиц, есть комизм в их положениях и хорошие сцены». Некрасов высказывает убеждение в том, что художественность драматических картин заключается лишь «в верном изображении действительной жизни известного круга людей с их обстановкою, под влиянием какой-нибудь мысли писателя», что требует простой наблюдательности. Критик явно принижает значимость пьесы как явления искусства: «А в этом свойстве таланта нельзя отказать г. Островскому. Поэтому и в комедиях встречаются некоторые сцены особенно удачные, особенно те, в которых автор изображает какую-нибудь домашнюю картину. Но в комедиях они не имеют того же значения, какое в отдельных сценах или картинах, точно так же, как в произведении "Воспитанница" не имеет надлежащего значения мысль, которая там выражается; потому что мысль о злоупотреблениях помещичьей властью требует более серьёзного, художественного воплощения, а не простой наблюдательности, выражающейся в каких-нибудь картинах, сценах» (*Атеней*. 1859. Ч. 2, № 8. С. 497).

Подобное отношение к «картинам» было не единичным в критике 1859 г. Более серьёзные претензии предъявил Островскому беллетрист и критик Н. Д. Ахшарумов в своём отзыве на «Воспитанницу» (*Весна*. Литературный сборник на 1859 год. СПб., 1859. С. 345—357), обвинив её автора в игнорировании эстетических норм и неправомерном увлечении «грязными» сторонами жизни. По мысли рецензента, интересный замысел пьесы не нашёл достойного воплощения в произведении, которое в целом производит удушающее впечатление.

Эти замечания вызвали решительные возражения у Н. А. Добролюбова. В рецензии «"Весна". Литературный сборник на 1859. СПб., 1859» он отмечает у Ахшарумова «совершенное отсутствие критического такта»: «Критик упрекает Островского... в том, что он представил не идиллию, что изобразил только грязные пятна жизни, а не самую жизнь... Могло ли до сих пор кому-нибудь прийти в голову, чтобы Островского можно было упрекнуть в отвлечённости и безличности создаваемых им образов? Но для г. Ахшарумова нипочём такой отважный подвиг». Неприятие Добролюбова вызывает сама эстетическая позиция критика, который смотрит на литературу «как на "средство рассеять свою тоску и горе"»: «При таком воззрении на искусство, которое можно называть не чистым, а скорее сибаритским...» (*Совр.* 1859. № 6. Русская литература. Новые книги. С. 309).

Солидарен с Добролюбовым Ап. Григорьев, который в отклике на сборник «Весна» предпочёл промолчать о «странных промахах» Н. Ахшарумова, поскольку они «замечены уже другим, преимущественно остроумным рецензентом "Современника"» (*РСл*. 1859. № 8. Отд. II. С. 57).

Сделав акцент на социальной значимости «Воспитанницы» и в то же время учитывая её жанровую принадлежность, высоко оценил пьесу Дм. Исаев (*Музык. и театр. вестн*. 1859. Ч. 4, № 6. 8 февр. С. 51—53). Поставив пьесу в один ряд с комедиями «Свои люди — сочтёмся!» и «Не в свои сани не садись», критик заметил, что в ней «те же характеры, хотя не на одинаковой почве. Купеческий быт удался автору чрезвычайно, быт старинных помещиков не менее, — понятно почему: между тем и другим много общего; те же предрассудки и поверья, проявляющиеся в одинаково грубой форме» (Критические комментарии к сочинениям А. Н. Островского: хронол. сб. крит.-библиогр. ст. / сост. В. Зелинский. Ч. 1. М., 1906. С. 199). Рецензент особенно подчеркнул современность и жизненность представленных в драме деспотичных типов: «Уланбекова, набелённая, нарумяненная и богато одетая помещица 2000 душ,

та же купчиха, считающая великим соблазном, если девушка поговорит с мужчиной. Слава Богу, такие личности в наше время выводятся, хотя ещё не совсем; Уланбекова — женщина, по своему положению современная, но по идеям далеко отсталая. <...> Деспотизм есть один из главных недостатков этого класса людей. Привыкнув повелевать всем и строго держать всё в своей власти, они сильно восстают против всякого свободного проявления, — вот зло, которое так долго препятствовало улучшить быт нашего крестьянина!.. Уланбекова одна из такой среды староверов; окружённая толпою воспитанниц, она не позволяет ни единого собственного слова: всё должно действовать по её воле» (Критические комментарии к сочинениям А. Н. Островского. С. 199—200). Говоря о Леониде, критик пишет: «Уже теперь видна в нём бесхарактерность и следы самого ложного воспитания; что же будет далее, если эти начала в нём усвоятся, что же за прогрессист будет он?.. Ложные понятия видны уже в этом будущем деятеле» (Там же. С. 202). Исаев причисляет «Воспитанницу» к безусловным удачам драматурга: «Автор прекрасно выразил характеры матери, сына и старой приживалки, более требовать мы от сцен не в праве; но скажем только, что этот предмет — обширная канва для драмы» (Там же. С. 201—202).

А. В. Дружинин также дал «Воспитаннице» положительную оценку. Подобно Н. П. Некрасову, рассматривая пьесу в ряду других драматических очерков, сцен и картин, рецензент замечает, что в этих небольших произведениях «сама жизнь кипит и поминутно высказывается нам разнохарактерными сторонами, очень часто важными и печальными, ещё чаще смешными и весёлыми». Особо Дружинин отмечает тот факт, что «знатоки дела, говоря о драматических сценах г. Островского и отдавая им должную дань похвалы, выше всех остальных ставят» «Семейную картину» и «Воспитанницу» (*БдЧ.* 1859. Т. 156, № 8. Критика. С. 39).

В сентябре 1859 г. Добролюбов вновь пишет о «Воспитаннице» в статье «Тёмное царство» (*Совр.* 1859. Т. 77, № 9. Современное обозрение. С. 53—129). Образ главной героини видится автору статьи как образ идеальный и в то же время представленный драматургом в реалиях безрадостной российской действительности: «...это девушка, которая при других обстоятельствах могла бы вполне соответствовать идеалу многих и многих людей: она от всей души хочет и по своей натуре может быть хорошей женой и хорошей хозяйкой. Дайте ей ещё некоторое образование, она будет и хорошей матерью, и воспитательницей своих детей. Но она живёт в доме Уланбековой, этого безобразного самодура в женском платье — и всё должно пропасть для бедной Нади» (Там же. С. 102). Добролюбов отмечает глубокий психологизм Островского, который оказался способен выразить последнюю степень отчаяния героини при осознании собственного бесправия: «И вот при этом-то, холодно и степенно нанесённом ударе, появляется в Наде то горькое, рвущее чувство, которое заставляет человека бросаться без памяти, очертя голову, куда случится, — в воду так в воду, в объятия первого встречного так в объятия первого встречного! Её ощущения переданы в пьесе Островского с изумительной силой и яркостью; таких глубоко-истинных очерков не много во всех произведениях нашей литературы» (Там же. С. 106). Характер Уланбековой представляется критику не просто верно выхваченным из жизни, но точно отображающим типичные проявления самодурства в дворянской среде: «Лицо Уланбековой замечательно, как пример того, что значит самодурство, перенесённое из купеческого дома в другую сферу. Здесь оно могучее, влияние его обширнее, и потому оно ещё отвратительнее. <...> Чем сфера

обширнее, тем самодурство ужаснее и вреднее. Круг действия Уланбековой довольно велик» (*Совр.* 1859. Т. 77, № 9. Современное обозрение. С. 102—103). При этом сама структура пьесы, по мнению Добролюбова, подчёркивает и выделяет главную её идею: «Весь цинизм самодурной морали и логики выражен здесь очень рельефно. Личность самодура ставится здесь центром всего нравственного мира; от неё всё исходит и к ней всё должно возвратиться. Нет никаких прав, кроме милости самодура, никаких нравственных правил, кроме угождении его воле» (Там же. С. 103). Особой заслугой Островского критик считает сознательное обращение драматурга к теме всеобщего подчинения самодурной власти как общепринятой норме, отчётливо выраженной в пьесе, в которой «мимоходом, но с поразительной истиной выставлено то, как эпидемия самодурства, разлитая в атмосфере всего "тёмного царства", неприметно, но неизбежно заражает самые свежие натуры». К таким относится «не злой и не совсем глупый» Леонид: «Но посмотрите, какие у него замашки, как он уже испорчен в корне и как всё окружающее способствует его дальнейшему развращению, как всё вырабатывает из него черты отвратительнейшего самодура. Одни разговоры с Потапычем чего стоят! И Леонид быстро напитывается этими понятиями» (Там же. С. 108). Критик видит в Островском защитника и выразителя нравственных начал и поэтической правды.

Но в ряде рецензий звучат упрёки в отступлении Островского от норм нравственности и эстетики. Одна из таких публикаций анонимного автора вышла в последний день 1859 г. (Русская литература // *СПбВед.* 1859. № 284. 31 дек. С. 1280). Главная претензия автора статьи обращена не столько к самому Островскому, сколько ко всем представителям «реальной школы», излишне увлекающимся, по мнению критика, «натуральными» описаниями жизненных явлений. «Воспитанница», «чистое произведение *реальной* школы», стала лишь ещё одним фактом современной литературы, где нормы эстетики и этики подчинены идее жизненного правдоподобия. Реализм доходит в пьесе до излишества, так как драматург «совершенно забывает всякие требования искусства и очень часто выводит… на сцене такие вещи, которые гораздо лучше бы оставить в тени — тем более, что они подразумеваются сами собою, и выведение их на сцену только понапрасну оскорбляет вкус и даже приличие». К таким сценам рецензент относит в «Воспитаннице» «сцены любви»: «…желая рисовать их реально-верно, он забывает, что в этом случае реальность легко обращается в цинизм. Спору нет, что любовь в действительной жизни не ограничивается (по крайней мере, с редким исключением) одними вздохами и стишками, а большею частью сопровождается известными физиологическими отношениями между любящими: но ведь эти отношения — одним из зрителей пьесы и без того очень хорошо известны, а другим ещё неизвестны. <…> Островский не только показывает нам, как старый дурак дворецкий учит молодого барчонка заигрывать с воспитанницами своей маменьки, толкуя ему, что он имеет на то полное право, как барин — это бы ещё ничего: нет, г. Островский приводит этого барчонка ночью в сад с одной из этих воспитанниц, сажает их в лодку и, для большей ясности, ставит на берегу приживалку госпожи Уланбековой, чтобы подсматривать и рассказывать зрителям, что они делают там в лодке! <…> Такие сцены вредят даже самой пьесе, потому что заставляют забывать главную её идею. А идея эта весьма серьёзная. В лице разрумяненной шестидесятилетней барыни, владелицы двух тысяч душ, госпожи Уланбековой, изображена целая фаланга так называемых благодетелей и благодетельниц, которые из своей благотворительности делают муку

для благотворимых. Жаль ещё и то, что госпожа слишком карикатурна и что язык действующих лиц чересчур изыскан» (*СПбВед.* 1859. № 284. 31 дек. С. 1280).

В отличие от других пьес Островского «Воспитанница» не вызвала бурных споров, и печатных отзывов на пьесу было сравнительно немного. На этот факт обратил внимание Д. И. Писарев в статье «Схоластика XIX века», дав негативную оценку критике, не сумевшей распознать и осознать истинное творение литературы: «...как много говорит эта небольшая драма, какие живые личности и положения выступают перед воображением читателя! Если молчание критики о "Воспитаннице" произошло от невнимания, то это непростительная оплошность; впрочем, трудно сделать подобное предположение; вернее то, что у нашей критики недостало сил разобрать аналитически те явления, которые в стройных образах явились перед творческим сознанием художника» (*РСл.* 1861. № 5. Отд. II. С. 52—53). Это едва ли не единственный безусловно положительный отзыв критика о творчестве драматурга на страницах «Русского слова».

4 февраля 1862 г. был опубликован первый положительный отзыв на представление комедии, данное 27 января в театре Петербургского Пассажа в пользу нуждающихся литераторов и учёных: «Игра действующих лиц была безукоризненна, проникнута смыслом и полным знанием дела. Особенно обратили на себя внимание г-жа фон Геллен (Василиса Перегриновна, приживалка), игре которой могли бы позавидовать самые талантливые и опытные артисты; г. Апухтин, в роли Гриши, любимца помещицы Уланбековой, и г. Ознобишин, игравший приказного Неглигентова» (Петербургское обозрение (...Театральные новости) // *Северная пчела.* 1862. № 34. 4 февр. С. 134).

В московском Малом театре премьера «Воспитанницы» состоялась 21 октября 1863 г. Роли исполняли: Уланбекова — Н.В. Рыкалова, Леонид — А.И. Погонин, Надя — А.И. Колосова, Василиса Перегриновна — Х.И. Таланова, Потапыч — П.М. Садовский, Гавриловна — С.П. Акимова, Гриша — А.А. Рассказов, Неглигентов — В.Д. Ленский, Лиза — М.В. Васильева (Васильева 2-я), девушка — Е.Д. Стрекалова.

Судя по отзывам современников, спектакль в целом прошёл успешно, но мнения в его оценке разделились.

Обозреватель газеты «Голос», автор первого отклика на премьерную постановку, воспринимает «Воспитанницу» как неудачу драматурга: «...развитие сюжета в комедии обрисовано довольно слабо, и некоторые сцены слишком схожи с другими произведениями того же автора. Так, весь третий акт видимо послужил темой для известной соблазнительной сцены в "Грозе"; для полного сходства недостаёт только любовника Лизе; замечу также, что пение соловья во время этой сцены было представлено чересчур балаганно. "Воспитанница" страдает несценичностью; почти постоянно говорит одно или два лица, а несколько других слушают. Жаль, что одна из слабых сторон нашего общества, взятая в сюжет этой комедии, недостаточно обрисована» (*Голос.* 1863. № 286. 29 окт. С. 1128). Характеризуя постановку в целом, критик отмечает отсутствие единого ансамбля, некоторое смещение акцентов с главного на второстепенное: «Садовский, своим художественным талантом, выдвинул на первый план второстепенную роль дворецкого; он сделал её донельзя типичною и весьма живою; то же следует сказать о г-же Акимовой (ключница)» (Там же). Наименее удачными в спектакле автор статьи посчитал роли Уланбековой в исполнении Н. Рыкаловой, которая «представляла некую леди Макбет, вместо Уланбековой,

и нисколько не походила на русскую помещицу», и Василисы Перегриновны в исполнении Х. Талановой, которая «играла чересчур уж тривиально, и чересчур подчёркивала слова». С большей теплотой, но весьма сдержанно рецензент отозвался о роли Нади: «Г-жа Колосова (Надя) артистка с дарованием, но чересчур однообразным: во всех пьесах г. Островского она сохраняет те же движения, то же выражение лица, ту же интонацию, как в одной, так и в другой роли; справедливость требует, однако, заметить, что сцену, когда Надя гонит Леонида, г-жа Колосова передала с большой теплотой». Актёр А. Погонин в роли Леонида «весьма многим напоминает г. Вильде». Одобрение вызвала актёрская работа А. Рассказова, который «весьма верно понял Гришу; он, что не всегда ему удаётся, без малейшей шаржи выполнил сцену, когда является пьяным к Уланбековой». И, наконец, самые добрые слова критика были отданы М. Васильевой: «Затем меня просто очаровала простотой, естественностью, неподдельной теплотой и жизнью игра г-жи Васильевой 2-й (Лизы), молодой, очень талантливой актрисы». Критике рецензента подвергается сама атмосфера, царившая на спектакле: «...публика... вела себя чрезвычайно неприлично. Каждое слово мало-мальски смешное, каждое угловатое движение вызывали неумолкаемые крики и аплодисменты; актёров вызывали во время представления. Такое поведение публики выказывает полное неуважение к искусству и ставит в весьма неловкое положение артистов...» (*Голос.* 1863. № 286. 29 окт. С. 1128).

Более одобрительная оценка премьерной постановки «Воспитанницы» прозвучала в обзорной статье Н. Пановского «Бенефисы в Малом театре» (*М. вед.* 1863. № 235. 30 окт. С. 3). Особенно тепло отозвался критик об игре Н. Рыкаловой, которая в роли Уланбековой «верно передала выведенный автором тип»: «...ни дать ни взять московская барыня, времён вскоре после нашествия неприятеля». Садовский в роли Потапыча, по свидетельству рецензента, обнаружил прекрасное понимание роли, наблюдательность и неподдельный комизм. Особенно точно актёр сумел передать отношение старого дворецкого к своей барыне: «Трудно указать, как и чем именно выразил г. Садовский это чувство, тем ли, что в присутствии своей барыни так пристально, с таким добродушным вниманием следил за малейшим её движением, тем ли, что в самом звуке его голоса, когда он обращался к своей госпоже, слышно было это усердное баропочитание, или наконец заботливою готовностью своею на её малейшие указания; как бы то ни было, это чувство высказывалось в нём поминутно». Менее удачной показалась Пановскому роль Нади в исполнении А. Колосовой. Артистка играла «с излишним драматизмом» и «чересчур плакала в ущерб естественности и простоте». Зато много привлекательного увиделось в творческой работе Х. Талановой (Василиса Перегриновна). Критик подчёркивает, что этой актрисе особенно удаются «типические личности из богатого музея русских своеобразных женщин: свах, сплетниц, приживалок, странниц, богомолок и пр.». Одобрительный отзыв получила и Васильева в роли Лизы.

Как пишет театральный обозреватель Р., в целом спектакль московского Малого театра оставил хорошее впечатление. Правда, ироничные замечания заслужила сцена III действия пьесы, где слишком усердно «щёлкал и свистал» соловей, заглушая актёрские реплики. Критик присоединился к уже звучавшим похвалам в адрес П. Садовского, отметив совершенство актёрской игры, и у А. Колосовой в роли Нади отметил неточное попадание в роль в первой части спектакля и недостаток энергии — во второй (*Р.* Московская сцена // *Русская сцена.* 1864. Т. 1, № 1. С. 6—22).

В Петербурге на сцене Александринского театра «Воспитанница» была поставлена 22 ноября 1863 г. Роли исполняли: Уланбекова — Е. А. Сабурова, Леонид — А. А. Нильский, Надя — Е. В. Владимирова (Владимирова 1-я), Василиса Перегриновна — Ю. Н. Линская, Потапыч — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Гавриловна — П. К. Громова, Гриша — И. Ф. Горбунов, Неглигентов — Ф. А. Бурдин, Лиза — М. М. Александрова (Александрова 1-я), девушка — Е. Н. Фёдорова (Фёдорова 2-я).

Сразу же после спектакля, 22 ноября 1863 г., Ф. А. Бурдин пишет Островскому: «"Воспитанница" очень понравилась; Линская была совершенство, Владимирова превзошла себя, столько страсти, столько правды, что восторг, прочие роли были сыграны более чем удовлетворительно — словом, общий голос, что пьеса была так сыграна, как не многие, — тебя вызывали, но объявили, что в театре не находишься» (*Бурдин*. С. 19).

М. П. Фёдоров опубликовал в газете «Голос» восторженное слово о пьесе и спектакле: «"Воспитанница" г. Островского даёт нам великолепную картину русской помещичьей жизни, а артисты наши постарались воспроизвести эту картину с верностью до мельчайших подробностей и доставили нам несколько отраднейших минут, редко испытываемых нами в русском театре, — тех минут, которые составляют полное эстетическое наслаждение...» (*Голос*. 1863. № 314. 26 нояб. С. 2—3)

Ещё одна одобрительная рецензия на спектакль написана В. А. Крыловым, относящим «Воспитанницу» к числу одного из лучших произведений Островского: «...оно полно такой простоты и правды, художественно высказанной, что невольно удивляешься, что могло замедлить постановку пьесы до сих пор» (*Александров В. <Крылов В. А.>* Театральная хроника // *СПбВед*. 1863. № 263. 26 нояб. С. 2). Критик подчёркивает жизненную достоверность происходящих в произведении событий и характеров: «Содержание пьесы, по-видимому, взято из среды довольно исключительной, но несмотря на то, эти картинки представляют нам черты, едва ли чуждые жизни нашего общества. Здесь героиня — личность слабая, решимости которой едва только хватает на минутное увлечение красотой молодого барина; после чего она просит прощения у той же самой барыни, против деспотизма которой это увлечение было протестом. А как полно, как жизненно в этих небольших сценах изображены отношения людские! Вы видите деспотку-барыню; всё перед ней кланяется, всё ей льстит, кроме её любимца; и какое разнообразие в этих подвластных: приживалка — шпион и докладчик; льстец в глаза и хулитель за глаза. Шпион ненавидится всеми, и теми, о которых он говорит, и теми, кому он служит. До какого уродства, подумаешь, может дойти натура человеческая. Дворецкий, преданный барыне по принципу, готовый на всякую пакость без рассуждения, если только барыня прикажет, но в сущности человек добрый и глупый. Гавриловна, старушка, осуждающая барыню втихомолку, и наконец молодость, а за сим рабство, гнёт, бедность, пьянство. Тут есть над чем призадуматься; такие картины может создавать только истинный талант». Рецензент с удовлетворением отмечает: «Пьеса была обставлена по возможности хорошо; наиболее выдались три роли: приживалки (г-жа Линская), дворецкого (г. Васильев) и Гриша (г. Горбунов)». Но при этом «г-же Линской при чрезвычайно типичном исполнении, несколько не хватало ехидства: например, совет свой молодому барину она говорит слишком добродушно»; Васильеву «не мешало бы прибавить несколько более важности к своему исполнению»; «Горбунов несколько староват для своей роли». Но «несмотря на всё это, эти три артиста исполнили роли свои весьма хорошо».

Однако Е. Владимирова, исполняющая роль Нади, не попала в нужную тональность и не смогла должным образом передать весь драматизм положения и переживаний своей героини: «Монологи в саду, ночью, артистка говорила плачущим, дрожащим голосом, и минуты увлечения, все эти речи: "будет чем вспомнить молодость!" — пропали». У Ф. А. Бурдина, исполнителя роли Неглигентова, «были также минуты довольно типичные, например, вход его на сцену и др., хотя артист тоже несколько стар для своей роли» (*СПбВед.* 1863. № 263. 26 нояб. С. 2).

Доброжелательная оценка содержится в рецензии Ап. Григорьева (*Якорь*. 1863. № 42. 21 дек. С. 802—806). Свой разговор о «Воспитаннице» он начинает с вопроса о жанровой принадлежности пьесы, которую называет трагедией, «не менее великой, чем "Гроза" и "Грех да беда на кого не живёт"», будучи при этом «скромно названной поэтом — сценами» (Там же. С. 803). Сопоставляя «Воспитанницу» и «Грозу», Григорьев подчёркивает кажущуюся близость внешних ситуаций, представленных в этих драмах, и действительную противоположность заданных характеров и нравственных решений: «Есть что-то внешне сходное между трагедией о Катерине, жертве страстной и вместе слабой натуры... и трагедией о Наде... под влиянием весны... да отчаяния... отдавшей всё пустому барчонку»; «есть даже внешнее сходство в постройке двух трагедий — но это сходство только параллельное». «...Общего между двумя драмами — только влияние ночи и природы, играющее роль в обоих — и проводя параллель из этого общего пункта — вы убеждаетесь, что их сходства нет ровно никакого», — размышляет критик. Обращаясь к социальному явлению, обозначенному Добролюбовым, Григорьев замечает: «Если по отношению к какой-либо из драм поэта — вполне приложим умнейший *куншпик* формулы "Тёмное царство", изобретённой Добролюбовым, — так это исключительно к "Воспитаннице" да к "Доходному месту"» (Там же). По мысли критика, противоположность заданных ситуаций обусловлена самими условиями жизни героев произведений, поскольку «среда жизни, создавшей Уланбекову, иная, нежели среда жизни, создавшая Кабаниху, — иной и характер двух трагедий, которых они виною. Страшная необходимость господствует в одной: столь же страшная случайность в другой» (Там же). Сопоставляя образы Катерины и Нади, Григорьев подчёркивает, что характер героини «Воспитанницы» отличается большей глубиной и драматизмом: «Катерина — страстный ребёнок, отдавшийся бессознательно. Надя всё знает и понимает: упоению первых восторгов и весенней ночи отдаётся она, потому что хочет сама отдаться. <...> Если есть что-либо общего между этими двумя женщинами, так это их увлечение пустыми, но выходящими из их сферы мальчиками...» (Там же. С. 803—804). Трагическое звучание пьесам, согласно суждениям критика, придаёт «апофеоз падения», неминуемый исход для глубоко чувствующей натуры в атмосфере удушающего быта. И, говоря о финале «Воспитанницы», трагедии вопиющего произвола, он пишет: «Рычаг этого совершенно произвольного быта, этого поистине "тёмного царства" — даже не деспотизм Уланбековой — а дворовый мальчик Гришка — и даже, пожалуй, не он, а то, как он обойдётся с Уланбековой» (Там же. С. 804). Отвечая на упрёки критиков, обвиняющих драматурга в излишнем увлечении тёмной стороной жизни, Григорьев замечает: «Островский — поэт жизни и лгать на жизнь не может. Чем он виноват, что в "городе жестоких нравов" только Борис, по молодости, носит ещё на себе образ человеческий — что в подгородной усадьбе Уланбековой не в Гришку же влюбиться молодой страстью Наде» (Там же). «Воспитанница» Островского видится ему

одним из лучших и наиболее поэтичных его творений, в котором именно характер драматического начала позволил вполне раскрыться актёрским талантам. Особенно выделил он Ю. Линскую в роли Василисы Перегриновны, исполнителя роли Потапыча П. Васильева, который смог «с обычной ему глубиною» влезть «в шкуру старого оглупевшего дворецкого», П. Громову, назвав её исполнение роли Гавриловны «во всех отношениях превосходным», а также И. Горбунова, чья игра в образе Гриши была «правдой до цинизма, беспощадная и нисколько не преувеличенная» (*Якорь*. 1863. № 42. 21 дек. С. 803—805). Особенно восхитила рецензента Е. Владимирова, исполнительница роли Нади: «Но тут торжествует не одна глубина самого произведения. <...> Тут... совершилось чудесное превращение, до полнейшего просвещения художественного, с той из наших артисток, которую со злобой и симпатией вместе ещё недавно звал я прелестнейшей из наших канареек» (Там же. С. 803).

Однако не все оценки спектакля были положительны. Наряду с критикой на постановку возобновилась критика на драматическое произведение и нападки на его автора. По мнению рецензента «Отечественных записок», в «Воспитаннице» Островский «положительно впал в фальшь. Желая вывести самодурство в барском быту, он выставляет героиней пьесы Уланбекову, помещицу двух тысяч душ. Эта госпожа, будто бы, окружила себя приживалками в роде Василисы Перегриновны, дурами и дураками, да девочками, которых она выдаёт замуж по своему произволу. Другого общества Уланбекова не имеет. <...> Такое полудурье, если можно так выразиться, встречается нередко в среднем и низшем классе дворянства, а ведь это — помещица двух тысяч душ! У неё лакеи в белых перчатках. Помещицу от 2000 душ знает вся губерния, и волей-неволей невозможно будет ей жить только посреди приживалок и дур. Общество двухтысячной помещицы — высшее общество губернии, хотя бы она была и глупа» (Театральная хроника. (...Пьесы Островского: «Воспитанница» и «Тяжёлые дни»...) // *ОЗ*. 1864. Т. 152, № 1. Отд. II. С. 134—135). Резкое неприятие у критика вызвала сцена свидания Нади и Леонида: «...сцена на островке положительно неприятна на сцене. Воля ваша, ведь надо же иметь уважение к той многочисленной толпе, которая сидит в ложах, партере и называется публикой. Безалаберная барыня хочет выдать за пьяного приказного молоденькую Надю; та с отчаяния отдаётся первому попавшемуся господину, который заговорил с ней о любви, сыну барыни — глуповатому мальчику; тут же на сцене говорят они: вон "островок, сядем в лодку и поедем туда". Действительно, садятся в лодку и уезжают. Злая Василиса Перегриновна подсматривает за ними и видит счастливых любовников вдвоём на острове — ужасается. Когда любовники возвратились, оказывается, что всё уже кончено. И всё это говорится вслух перед тысячью зрителей, различных полов, различных возрастов! Эффект уж чересчур смелый» (Там же. С. 135—136). Претензии рецензента касаются и построения комедии: «Вся пьеса как-то расходится врознь, а не группируется около одной основной идеи, около одного выдающегося лица» (Там же. С. 135). Из всех персонажей критик выделяет как творческую удачу лицо Василисы Перегриновны: «Рабыня пред высшими, надменная пред низшими, вечно злобная, вечно скаредная наушница — Василиса Перегриновна вся — чистейший тип нашей помещичьей жизни. Может быть, потому так хорошо и выполнила эту роль г-жа Линская, что она богата жизненною правдою» (Там же). Игра других актёров не оставила сильного впечатления: «Г-жа Владимирова, по обыкновению, плоха в роли Нади, любимой воспитанницы Уланбековой и самой свежей личности

из всей пьесы. Г. Васильев 2-й недурен в роли Потапыча, старого дворецкого; но он так однообразен, что у него все роли сбиваются одна на другую. Очень недурно исполняет роль комнатного мальчика Гриши — Горбунов; это — фаворит барыни, который однако же начинает похаживать на праздники и являться навеселе» (*ОЗ.* 1864. Т. 152, № 1. Отд. II. С. 135).

Весной 1864 г. в одной из постановок «Воспитанницы» на сцене Александринского театра в роли Неглигентова дебютировал заменивший Ф. А. Бурдина молодой артист Фёдоров, что стало поводом для нового обращения к сценическому прочтению пьесы. Рецензент «Библиотеки для чтения» (1864. Апр. — май. С. 60—63) довольно холодно оценил и само произведение, и игру актёров: «Как ни вслушивались мы, как ни всматривались, но не стояла перед нами жизнь с её поэзией и правдой, нам показалось даже, что г-жа Владимирова утратила значительную долю простоты, какая заметна была в ней на первых представлениях "Воспитанницы". Особливо в сцене свидания — явились давно знакомые заламывания рук назад и весь арсенал рутины!..

Г-н Фёдоров играл Неглигентова; по гримировке он несравненно ближе был к лицу спившегося исхудалого писца из семинаристов, чем г. Бурдин в той же роли. Держал он себя очень удачно, не особенно фарсил и сумел обставить по уходе своём довольно характерное впечатление. Только голос г. Фёдорова слаб по размерам Александринского театра» (Там же. С. 62).

В Петербурге при жизни Островского «Воспитанница» ставилась 68 раз. Последний спектакль состоялся 20 сентября 1882 г. Из всех последующих исполнительниц роли Нади критики особенно отмечали М. Г. Савину, которая впервые выступила в этой роли в 1874 г. Так, А. А. Соколов писал: «Роль Нади... одно из первоклассных сценических созданий, и именно по своей правде, по своему художеству, по своей простоте. Каждое слово идёт из сердца, каждое движение соответствует сердцу...» (*Пб. листок.* 1874. № 72. 17 апр. С. 3).

С. 164. *Приживалка* — незакрепощённая женщина, как правило, из обедневших дворянок, которая принималась в богатый дом для компании: развлечения барынь и сопровождения в прогулках молодых барышень.

С. 166. *Никак невозможно без печали жить...* — Подлинная народная песня. Варианты её представлены в сборниках П. И. Якушкина и А. И. Соболевского. Слова песни звучат как предчувствие любовной драмы, разыгравшейся в пьесе: «Никак невозможно без печали жить; / Любить дружка можно, нельзя по нём не тужить. / Вздумаю про милого — не мил девке белый свет. / Не мил, не мил белый свет, бежала б я в лес, / Во лесу пользы нет мне, все листья шумят: / Шумят, шумят листья и пошумливают, / А нам с тобой, миленький, разлуку они дают. / Разлука, разлучница чужа дальня сторона, / Ходил-гулял молодец по тёмным по лесам, / Стрелял разудаленький по частым по кустам, / Застрелил он девицу в ретивое во сердце!» (*Якушкин П. И.* Сочинения. СПб., 1884. С. 604); «Никак невозможно без печали жить; / Любить дружка можно, нельзя по нём не тужить. / Хорош, пригож, ласков, он сердцем горяч, / Горяч мой размилый на единый час, / На единый часок, на минуточку» (*Соболевский.* Т. 5. № 84. С. 68).

Приказные — канцелярские служащие низших чинов.

Разве виц-губернатором сделают либо в предводители выберут! — Вице-губернатор — помощник губернатора, которого за глаза часто называли сокращённо «виц».

Предводитель, т. е. предводитель дворянства, — выборная должность, предполагавшая досудебное улаживание конфликтов в среде дворян и беспокойство о сохранении чести и достоинства дворянского сословия. В предводители избирались наиболее авторитетные и богатые помещики.

С. 167. *Есть и в вотчине, и в дворне...* — Вотчиной назывались земли, принадлежавшие семье издревле. Дворня — то же, что дворовые, т. е. крепостные крестьяне, оторванные от земли и обслуживающие барский дом и двор.

Лавочник — владелец торговой лавки или работник лавки.

...и городничему жаловались, и отцу протопопу... — Городничим именовали полицейского чиновника, распоряжавшегося всеми делами города. Отец протопоп — старое, вышедшее из употребления ещё в начале XIX в. название протоиерея в качестве настоятеля. Протопопы в уездах и губерниях всегда занимали должность председателя Духовных правлений и пользовались особым доверием епархиального начальства.

С. 172. *Девка* — грубое именование сенной (от слова «сени») девушки, горничной, в ожидании поручений обычно находившейся в сенях.

С. 173. *А того, что с крючком-то сидит.* — Намёк на чёрта. Согласно народным поверьям, грешников в аду подвешивали на крюке.

...в Пустую улицу заезжала... — Улица, получившая своё название по располагавшимся на ней пустырям. С 1919 г. переименована в ул. Марксистскую. Расположена в Таганском районе г. Москвы.

Заезжала потом к исправнику... — Исправник (капитан-исправник — от выражения «исправлять должность», т. е. исполнять обязанности, служить) — глава административно-полицейской власти уезда (без городов). Исправники избирались местным дворянством из своей среды, должности были платными. До 1863 г. исправник стоял во главе низшего земского суда — уездного административно-полицейского органа, ведавшего всеми сословиями, кроме дворян. В 1863 г. низший земский суд был упразднён, как и должность городничего. Власть уездного исправника с той поры распространилась и на уездный город. Исправники, назначаемые правительством, — начальники уездной полиции — просуществовали до 1917 г. (см.: *Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. М., 2007. С. 72—73).

...просила, чтоб Неглигентова столоначальником сделал. — Столоначальник — см. комментарий на с. 690.

С. 174. *...где-то версты за четыре на большой дороге...* — Верста — самая крупная русская мера длины, включала в себя 500 саженей, или 1,06 км. Ею измерялись большие расстояния, поэтому называли её путевой мерой.

С. 177. *...отец, по болезни, должен был его определить в штатскую школу.* — Штатскими назывались школы, созданные при столичных канцеляриях, куда отдавали дворянских детей для обучения приказному делопроизводству, юриспруденции, экономии, т. е. вообще учили всем не военным наукам, знать которые необходимо для человека штатской службы.

...ему дадут такой же чин, какой дают приказным из поповичей! — Т. е. чин не только незначительный, но и недостойный его происхождения.

С. 178. *В военной службе, особенно в кавалерии, все чины благородны...* — Кавалерией назывались особые части лёгкой конницы. Кавалеристы (иначе гусары)

славились отчаянной смелостью. Служить в кавалерии было особенно почётно и престижно.

Юнкер — молодой дворянин, добровольно вступивший на военную службу, не имевший специального образования. «В 1820-х годах для ускоренной подготовки из дворянских юношей офицеров были созданы юнкерские школы, воспитанники которых также звались юнкерами» (*Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков... С. 128).

Губернский секретарь — гражданский чин 12-го класса по «Табели о рангах».

Титулярный советник — см. комментарий на с. 672.

С. 180. *Я пойду, пойду косить...* — песня, написанная Александром Корсаком (А. Я. Римским-Корсаковым), включающая в себя сольную часть и хор. Была опубликована в альманахе А. А. Дельвига «Подснежник» (СПб., 1929. С. 186). Мелодия возникла в цыганском хоре, а в 1854—1855 гг. была аранжирована М. И. Глинкой. Стихи сольной части передавали драматическое предчувствие любовного страдания и невозможности счастья: «Я пойду косить / На зелёный луг. / Ты, коса моя, коса острая, / Не тупися ты / О младу траву. / Не влюбляйся ты, / Сердце бедное. / Как коса моя / О горелый пень, / Горемычное, расшибёшься ты. / Красны девицы переменчивы; / Обещанья их / Словно ласточка: / Повестит весну, / Да и спрячется. / Так и девица / Нам сулит любовь / И с ней счастие. / Оглянёшься ты — / В чёрном облаке / Унеслося всё».

Дворовые челядинцы — слуги, дворовые люди помещика (челядь).

С. 183. *...как аспидски смотрели?* — Аспид (от *греч.* aspis — ядовитая змея) — бранное именование скверного, злобного человека.

С. 184. *...в людской...* — Людской называлось помещение для дворовых в господском доме.

С. 188. *Жёлтенькая жизнь* — здесь в значении «бедная», «унылая».

С. 192. *Притолока* — верхняя перекладина над дверным проёмом.

С. 199. *Орясина* — большая палка, дубина, жердь.

...да с хазового-то конца и начать охаживать. — Т. е. начать бить с самой приглядной стороны. Хазовый конец — лучшая, показная часть чего-либо. Хаз (от *араб.* hazz) — край куска ткани (лучший по выделке), который при продаже выставляется на показ (см.: *Сомов В. П.* Словарь редких и забытых слов. М., 1996. С. 600).

Е. Н. Белякова

ГРОЗА

Впервые опубликовано: *Библиотека для чтения.* 1860. Т. 158, № 1. С. 1—78.

Отдельное издание: «Гроза»: драма в 5 действиях А. Н. Островского. СПб.: тип. К. Вульфа, 1860. 113 с.

Рукописные источники:

— черновой автограф (*ЧА*$_1$): *РГБ.* Ф. 216. М. 3097. Ед. хр. 6. 7 л.;

— черновой автограф (*ЧА*$_2$): *РГБ.* Ф. 216. М. 3242. Ед. хр. 1. 34 л.;

— авторизованная театральная копия (*АТК*): *МТ.* Шифр: 1264. 85 л.;

— театральная писарская копия (*ТПК*$_1$): *ГТБ.* Шифр: I.2.4.106. 52 л.;

— театральная писарская копия (*ТПК*$_2$): *ГТБ.* Шифр: I.15.2.54. 95 л.;

— цензурная писарская копия (*ЦПК*): *СПБФ АРАН.* Ф. 2. Оп. 5б. Д. 16. 76 л.;

— театральная копия ($ТК_1$): *МТ*. Шифр: 1269.2. 75 л.;

— театральная копия ($ТК_2$): *ГТБ*. Шифр: I.7.3.134а. 64 л.

Печатный экземпляр, имеющий правку:

— театральный экземпляр (*ТЭ*): *ГТБ*. Шифр: I.22.5.2. 113 с.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. СПб., 1867. С. 301—402 — со следующими исправлениями по рукописным источникам:

С. 202

[33] *Вместо:* ведь с тобой что — ведь уж с тобой что (по $ЧА_2$, *АТК*, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

С. 204

[11] *Вместо:* как захочешь — коль захочешь (по $ЧА_2$, *АТК*, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

С. 216

[3] *Вместо:* Что с тобой! — Бог с тобой! (по $ЧА_2$, *АТК*, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

[18—19] *Вместо:* Вот красота-то куда ведёт — Вот куда красота-то ведёт (по $ЧА_2$)

С. 225

[19] *Вместо:* Что на шею-то — Что ты на шею-то (по $ЧА_2$, *АТК*, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

С. 227

[21] *Вместо:* Он руки-то жжёт — Он мне руки-то жжёт (по $ЧА_2$, *АТК*, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

С. 228

[18] *Вместо:* у нас тишина — у вас тишина (по $ЧА_2$, *АТК*, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

С. 231

[8] *Вместо:* Я отдам, отдам — Я отдать отдам (по $ЧА_2$, *АТК*, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

[17] *Вместо:* в ноги кланялся — в ноги ему кланялся (по $ЧА_2$, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

С. 237

[5—6] *Вместо:* Вот пока у меня сердце — Вот какое у меня сердце (по $ТПК_1$)

[23—24] *Вместо:* до гробовой доски... — до гробовой доски, до гробовой доски... (по $ЧА_2$, *АТК*, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

С. 241

[24] *Вместо:* И едут туда — И идут туда (по $ЧА_2$, *АТК*, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

[35] *Вместо:* Не умею тебе сказать — Не умею я тебе сказать (по $ЧА_2$)

С. 242

[9] *Вместо:* Глупый человек! — Глупый ты человек! (по $ЧА_2$)

[25—26] *Вместо:* в расположении ли я тебя слушать — в расположении я тебя слушать (по $ЧА_2$)

[26—27] *Вместо:* я тебе — ровный, что ли — я тебе — равный, что ли (по $ЧА_2$, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

С. 246

[11] *Вместо:* Всё знаю! — Всё узнаю! (по $ЧА_2$, *АТК*, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

С. 251

[16] *Вместо:* не легче от того — не легче от этого (по $ЧА_2$, *АТК*, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

С. 252

[10] *Вместо: падает на шею — кидается на шею* (по $ЧА_2$, *АТК*, $ТПК_1$, $ТПК_2$)

С. 256

[10] *Вместо:* ребяты — робяты (по $ЧА_2$, *АТК*)

Во время литературной экспедиции по заданию Морского министерства у Островского возникает замысел написать цикл под названием «Ночи на Волге». «Гроза» является одной из пьес, входящих в этот не до конца осуществлённый литературный проект. Первые рукописные источники пьесы относятся к 1859 г., однако на черновом автографе повести «Не сошлись характерами» (июль — сентябрь 1856 г.) на полях есть запись: «Матрёна Кабаниха» (*РГБ.* Ф. 216. М. 3097. Ед. хр. 2. Л. 11). «Возможно, — отмечает Л. Н. Смирнова, — в этот период писатель ещё не представлял себе отчётливо весь сюжет и драматическую коллизию, но несомненно, что он обдумывал образ властной, деспотически-непреклонной купчихи»[1].

С течением времени вокруг «Грозы» стали возникать сюжетные легенды, связывающие жизнь в Калинове с общественно-бытовым укладом в настоящих приволжских городах: Калязине, Кинешме, Корчеве, Костроме, Ржеве, Твери, Торжке[2]. Согласно самой известной из них, в пьесе повторяются события, изложенные в деле костромички А. П. Клыковой, бросившейся в Волгу в результате домашних притеснений; предприимчивость Кулигина напоминала местным жителям деятельность изобретателя А. В. Красильникова, а в самодурстве Дикого они различали отдельные черты характера купца И. С. Михина. По другой версии, видовая панорама «Грозы» списана с Кинешмы, одним из возможных прототипов Кабанихи является хозяйка белильного заведения А. А. Баранова, а Тихона — хлеботорговец П. И. Баранов. Каждое предположение основано на определённых бытовых деталях, которые автор вполне мог использовать при написании текста[3].

Островский обещал А. В. Дружинину для журнала «Библиотека для чтения» пьесу, о чём свидетельствует ответ редактора от 22 июня 1859 г. на несохранившееся письмо драматурга: «...от души благодарю Вас за предложение комедии — нечего и говорить Вам, как оно меня обрадовало, я готов петь и плясать по своей комнате от удовольствия» (*Неизд. письма.* С. 142—143). А. И. Ревякин предположил, что в этой переписке речь идёт о «Грозе»: «Предлагая для печати новую комедию и прося об авансе, Островский, несомненно, имел в виду уже обдуманную им пьесу, а может быть, и принявшую хотя бы самую первоначальную письменную форму»[4].

ЧА$_1$, названный Островским «Черновые листки», заключает в себе список действующих лиц, краткий план всей пьесы и наброски первых явлений первого акта. Первоначально Островский называл «Грозу» комедией в пяти действиях, главным действующим лицом был помещик Иулий Петрович Ладов. Затем это имя (а также имя его слуги Карпа) было зачёркнуто, а над зачёркнутыми строками написано: «купец Савёл Прокофьич Дикой» и «Борис Григорьич, его племянник»; слово «комедия» было зачёркнуто и исправлено на «драма». План пьесы, состоящий из пяти действий, существенно отличался от структуры текста окончательной редакции. Пьесу предполагалось начать с разговора двух старух о городе, и только, по-видимому, после девятидневного перерыва (19—28 июля) автор пишет сцену с Кулигиным, который сообщает Борису все необходимые сведения о Калинове вообще и, в частности,

---

[1] *ПСС-12.* Т. 2. С. 742.

[2] См. об этом: *Ревякин А. И.* А. Н. Островский в Щелыкове. М., 1978. С. 187—192; *Лебедев Ю. В.* Кострома // *ЭО.* С. 217—219; *Овчинина И. А.* «Гроза» // *ЭО.* С. 124—129.

[3] См. об этом: *Кашин.* Т. 2. С. 325—329, 411—420; *Маторина Р. П.* Из творческой истории образов «Грозы» // Творческая история. Исследования по русской литературе. М., 1927. С. 192—216; *Ревякин А. И.* «Гроза» А. Н. Островского. М., 1962. С. 46—91.

[4] *Ревякин А. И.* «Гроза» А. Н. Островского. М., 1962. С. 48.

о Кабановых. Судя по плану, Островский намеревался написать две сцены, условно обозначенные: «Кулигин и народ». К отдельным сценам в плане имеются уточняющие записи: «О громоотводах»; «рассказывает, как полюбила»; «Варвара рассказывает, что Катерина боится грозы». Отступив от плана, драматург начинает действие диалогом Кулигина и Дикого об устройстве в городе солнечных часов. После реплики Дикого: «Какие такие громовые отводы?» — текст обрывается. О намерении его продолжить можно судить по помете на полях: «Електричество». Затем Островский пишет новый вариант начала драмы, во многом совпадающий с текстом 1-го явления I действия окончательной редакции («Кулигин сидит на лавочке, смотрит за реку и поёт, несколько лиц проходят по бульвару»), но и его заменяет на разговор Бориса и Шапкина о нравах и обычаях приволжского города. В дальнейшем этот диалог был существенно переработан, некоторые смысловые конструкции легли в основу 3-го явления I действия окончательной редакции. *ЧА*$_1$ обрывается на сцене проводов Тихона и наставления матери. По справедливому замечанию Н. П. Кашина, «рукописный текст значительно слабее печатного: в некоторых местах он напоминает старинную мелодраму» (*Кашин*. Т. 2. С. 331).

Второй автограф (*ЧА*$_2$) имеет множественные поправки и в последнем слое приближается к тексту окончательной редакции. Сначала Островский следует намеченному ранее плану, но в итоге меняет структуру всех действий, кроме пятого. Например, в первом действии *ЧА*$_2$ четвёртое запланированное явление стало вторым, второе — третьим, десятое явление слилось с девятым. Кроме упомянутых в плане Кулигина, Бориса и Дикого, в состав действующих лиц вошли Кудряш и Шапкин. Многие реплики Бориса из *ЧА*$_1$ перешли в речь Кудряша, а часть высказываний Шапкина стала принадлежать Кулигину. В некоторых сценах вместо Кулигина появились другие персонажи: «Кулигин и Борис» (*ЧА*$_1$. Л. 1) — Дикой и Борис (2 явл., I д.); «Катерина, Варвара и Кулигин» (*ЧА*$_1$. Л. 1) — Катерина, Варвара и Тихон (6 явл., I д.). Автор отказался от написанной ранее сцены «Шапкин и Борис» в качестве 1-го явления I действия и начал драму с песни Кулигина в общественном саду (ср.: *ЧА*$_1$. Л. 1). С другой стороны, во время работы над запланированным 1-м явлением II действия, то есть сценой «Варвара и Катерина», драматург написал новое 1-е явление, текст которого соответствует 1-му явлению II действия окончательной редакции, а прежде написанная сцена стала 2-м явлением того же действия. *ЧА*$_2$ изобилует многочисленными вставками на полях, уточняющими характер персонажей, раскрывающими мотивы их поступков. К дополнениям такого рода относятся рассказы Феклуши «о неправедных судьях» (1 явл., I д.), о «суетном народе» (1 явл., 1 сц., III д.), сожаление Кабановой об исчезновении «старины» (6 явл., I д.), её объяснение «сердитости» Дикого (2 явл., 1 сц., III д.), размышления Катерины о полётах наяву («Отчего люди не летают!»), о смерти («Кабы я маленькая умерла...»), о грехе («Э! Что меня жалеть»). Стилистической коррекции подверглись диалоги Катерины и Варвары в первом действии (6 и 7 явл., I д.), монологи Бориса в I и III действиях (4 явл., I д.; 3 явл., 1 сц. и 3 явл., 2 сц., III д.), диалоги Кулигина и Кабанова в V действии (1 и 5 явл., V д.). Характер правки свидетельствует о том, что автор постепенно отказывается от мелодраматических выражений в пользу точной психологической детали. Особое внимание Островский уделяет органичности вводимых в текст песен и стихов. Так, в 3-м явлении 1-й сцены III действия, вероятно, после некоторых размышлений, Островский зачёркивает первые четыре строки стихотворения Ломоносова, которые цитирует Кулигин, а в начале 3-го явления 2-й сцены III действия переписывает сцену

свидания Варвары и Кудряша, наполняя её песенными мотивами. Работа над 4-м и 5-м явлениями IV действия вызвала у Островского затруднения. Первоначально оба явления были объединены в одно, и лишь по мере развития отдельных эпизодов возникла необходимость в их организации: после обращения Кулигина к народу («Ну чего вы боитесь...»), вписанному на полях листа 29, следует запись: «Явление пятое. Те же без Бориса и Кулигина», — тогда как реплика Кабановой («Ишь, какие рацеи развёл!..»), начинающая 5-е явление, была вписана между строк на обратной стороне листа 28. Первоначально драма заканчивалась обращением Кабановой к народу, и только потом, на полях была вписана сцена прощания Тихона с Катериной. После заключительного эпизода автор написал слово: «Конец», поставил свою подпись и дату окончания работы над пьесой: «9 окт<ября> 1859 года».

14 октября 1859 г. автограф был отослан Н. И. Шаповалову, одному из участников любительского драматического кружка, в котором Островский принимал деятельное участие. Сохранился обёрточный лист *ЧА*$_2$ с сургучной печатью и надписью драматурга: «Черновые листки "Грозы", т. III. Оригинал у Шаповалова. 14 октября 1859 г.». По предположению Л. Н. Смирновой, Островский «называет "оригиналом" автограф, хранящийся в *РГБ*; автор мог передать его Шаповалову для переписки (или организации переписки) набело»[1].

Тексты *АТК*, *ТПК*$_1$, *ТПК*$_2$[2] восходят к последнему слою *ЧА*$_2$, имеют несколько замен, часть из которых сделана, несомненно, Островским; определены границы 1-го и 2-го явлений II действия; 4-го — 6-го явлений IV действия; текст 5-го и 7-го явлений I действия фактически приведён в соответствие с текстом окончательной редакции. Монологи Бориса в 4-м явлении I действия и в 3-м явлении IV действия почти не изменились. Основное внимание автор уделяет репликам Кулигина, критикующего общественные нравы (3 явл., I д.). На первом листе *АТК* имеются надписи Островского, Театрально-литературного комитета и цензора: «Желаю отдать в Дирекцию на поспектакольную плату по положению. А. Островский»; «По журналу Театрально-литературного комитета 24 октября 1859 года одобряется единогласно к представлению. Председатель Комитета Жихарев»; «Одобряется к представлению. С. Петербург. 31 октября 1859 г. Цензор, действит<ельный> стат<ский> советник Нордстрем». В тексте *АТК* цензор зачеркнул отдельные слова в репликах Кулигина, что в известной степени позволило ему представить «Грозу» как пьесу не социально-обличительную, а любовно-бытовую. «Действие, — писал И. А. Нордстрем в отчётном рапорте, — происходит в каком-то маленьком уездном городке на Волге. Тихон, сын вдовы купца Кабанова, человек слабый и бесхарактерный, женился на скромной и набожной девушке Катерине. <...> У Тихона есть ещё сестра Варвара. <...> Варвара, узнав о страсти Катерины, уговаривает её также видеться с Борисом. <...> Свидания Катерины с Борисом повторились, и Тихон, по возвращении своём, находит жену подавленную каким-то непонятным для него горем. <...> ...под бременем своей вины, она, после прощания с Борисом, который уезжает в Кяхту, бросается в воду, чтобы кончить жизнь. Противного правилам цензуры ничего нет» (*РГИА*. Ф. 780. Оп. 1. Дело № 36. Л. 165—166). В таком виде

[1] *ИСС-12*. Т. 2. С. 741.

[2] См. также: *Ревякин А. И.* «Гроза» А. Н. Островского. М., 1962. С. 53—81; *Поляков А. С.* Материалы для изучения текста произведений А. Н. Островского // Памяти А. Н. Островского. Пг., 1923. С. 142—146.

«Гроза» была разрешена драматической цензурой к представлению. В Малом и Александринском театрах начинаются репетиции, которыми руководит сам Островский. «Я теперь очень занят репетициями», — писал он М. П. Погодину 11 ноября 1859 г. По воспоминаниям Н. В. Рыкаловой, в процессе подготовки спектакля Островский «делал паузу, выходил покурить, а актёры дружно восхищались его сочинением, прикидывая для себя роли... Платья актрисы тоже готовили сами... для Варвары-Бороздиной Островский принёс из дому расшитую повязку на голову, оставшуюся у него от поездки по Волге» (*Восп.* С. 382).

Во время ноябрьских репетиций Островский продолжает работать над текстом, внося исправления в театральные копии. Некоторые замены, сделанные в *АТК*, $ТПК_1$ и $ТПК_2$, были учтены автором в экземпляре, готовившемся для печати. В процессе стилистической обработки текста Островский нередко возвращался к первому варианту той или иной фразы. Например, реплика Катерины в 7-м явлении I действия: «Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю» в $ЧА_2$ первоначально имела вид: «Что-то во мне такое необыкновенное. Перемену близкую я над собой чувствую, и что-то мне страшно. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю». Затем фраза: «Перемену близкую я над собой чувствую, и что-то мне страшно» была зачёркнута. В *АТК* и $ТПК_2$ зачёркнутый текст отсутствует, а вместо слов: «такое необыкновенное» появляется вариант: «другое, новое». Напротив, в $ТПК_1$ слова «другое, новое» зачёркнуты, а на их месте написана первоначальная фраза: «такое необыкновенное».

В Малом театре сохранился суфлёрский экземпляр пьесы ($ТК_1$), на последней странице которого имеется запись: «Москва, 16 ноября 1859 г. В Московский Малый театр. Бенефис г. Васильева» ($ТК_1$. Л. 75). Текст этой копии близок *АТК*, причём вся цензорская правка из авторизованной копии была перенесена в $ТК_1$ серым карандашом. $ТК_2$ представляет собой литографическую копию одной из поздних редакций драмы; текст её незначительно отличается от первопечатного. $ТК_2$ имеет существенную режиссёрскую правку: изменены реплики Бориса, Кулигина, Кабановой и Феклуши; полностью зачёркнут разговор «гуляющих за арками» (1 явл., IV д.). Среди других сценических вариантов сохранился *ТЭ* отдельного издания пьесы 1860 г., принадлежащий суфлёру Александринского театра. *ТЭ* имеет множество рабочих помет, большинство из которых направлено на сокращение реплик Катерины.

На IV Уваровский конкурс была представлена *ЦПК* без подписи автора, без исправлений, написанная тремя разными переписчиками. На титульном листе этой копии имеется регистрационная отметка и резолюция цензора: «№ 1307. Декабрь 8. 1859 г.»; «Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании было представлено в Цензурный Комитет узаконенное число экземпляров. Санкт-Петербург, 9 декабря 1859 года. Ценсор В. Бекетов». На основании отзывов И. А. Гончарова, А. Д. Галахова, П. А. Плетнёва «Гроза» была удостоена первой премии конкурса[1]. Текст «Библиотеки для чтения» имеет несколько опечаток, часть которых (например: «а там уж их ждут», «так ли всё исполнила?») была устранена в издании 1867 г. (под ред. Д. Е. Кожанчикова), а часть («Что ты! Что с тобой!»; «Я отдам, отдам» и другие) оставлена без изменений. Текст пьесы в поздних прижизненных изданиях не отличался от текста 1867 г.

А. А. Виноградов

[1] См. об этом: Отчёт о четвёртом присуждении наград графа Уварова. СПб., 1860. С. 5—49.

«Народная драма», «русская трагедия» — по-разному определяют исследователи жанр «Грозы». Можно назвать её также «трагедией рока», продолжающей в этом отношении античную традицию. Вся структура пьесы демонстрирует неотвратимость трагической судьбы Катерины Кабановой. Острота внутреннего конфликта в душе героини подчёркнута особенностями её происхождения и воспитания, описание которых восходят к «москвитянинским» пьесам Островского. По существу Катерина Кабанова плоть от плоти русского патриархального мира, олицетворяющая его светлую сторону, а не «тёмное царство». Истоки характера Катерины в представлении автора кроются в напоминающем утопию православном семейному быту, основанном на лучших народных традициях. Традиционным для драматурга оказывается и противостояние двух культур в пьесе — русской патриархальной и новой европейской, жертвой этого противостояния в конечном счёте и становится Катерина.

Премьера «Грозы» состоялась в Малом театре 16 ноября 1859 г., в бенефис С. В. Васильева. Роли исполняли: Дикой — П. М. Садовский, Борис — И. Е. Чернышёв (вскоре заменённый Н. И. Черкасовым), Кабанова — Н. В. Рыкалова, Тихон — С. В. Васильев, Катерина — Л. П. Никулина-Косицкая, Варвара — В. В. Бороздина (Бороздина 1-я), Кулигин — В. А. Дмитревский, Кудряш — В. Д. Ленский, Шапкин — А. А. Кремнёв, Феклуша — С. П. Акимова, Глаша — Е. Г. Рябова (Рябова 2-я), Барыня — Л. П. Златопольская.

Премьера в Александринском театре состоялась 2 декабря 1859 г., в бенефис Ю. Н. Линской. Роли исполняли: Дикой — Ф. А. Бурдин, Борис — П. С. Степанов, Кабанова — Ю. Н. Линская, Тихон — А. Е. Мартынов, Катерина — Ф. А. Снеткова (Снеткова 3-я), Варвара — Е. М. Левкеева, Кулигин — П. И. Зубров, Кудряш — И. Ф. Горбунов, Феклуша — П. К. Громова, Барыня — А. Волкова.

Спектакль в Александринском театре, как и в московском Малом, готовился с участием Островского: он читал артистам пьесу, распределял роли и вёл режиссуру, а Бурдин и Горбунов специально приезжали в Москву, чтобы познакомиться с постановкой Малого театра.

Поскольку публикации «Грозы» предшествовали театральные спектакли, естественно, первые печатные отклики о пьесе касались именно её театрального исполнения, причём петербургские журналисты в этом отношении оказались более оперативными и проницательными по сравнению с москвичами, хотя спектакль в Малом театре был заметно удачнее, чем в Александринском.

При общем одобрительном отношении к московскому спектаклю некоторые критики (М. И. Дараган, М. И. Писарев) высказывали недовольство исполнением роли Катерины Л. П. Никулиной-Косицкой. В процессе работы над «Грозой» Островский ориентировался именно на эту актрису как на исполнительницу главной роли. Косицкая играла Катерину мелодраматично, с подчёркнутой экзальтацией, что, по мнению М. Дарагана, не соответствовало поведению женщины из народной среды (см.: *Дараган М. И.* «Гроза». Драма г-на Островского) // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике: сб. ст. / сост. И. Н. Сухих. Л., 1990. С. 46). В свою очередь М. И. Писарев высказал мнение о том, что актриса сосредоточилась на выражении внутреннего конфликта в душе Катерины — в ущерб изображению конфликта внешнего, семейного (см.: *Писарев М. И.* «Гроза». Драма А. Н. Островского // Там же. С. 168—169).

Высоко оценили зрители и рецензенты игру С. В. Васильева (Тихон), Н. В. Рыкаловой (Кабанова), П. М. Садовского (Дикой), и в целом ансамбль актёров Малого театра был под стать исполнителям главных ролей.

Петербургская премьера «Грозы» тоже была успешной, но и здесь игра Ф. А. Снетковой в роли Катерины вызвала некоторые нарекания со стороны критики. М. А. Загуляев утверждал, что актриса показала «красивую и эффектную» женщину, но в ней «мало русского» народного характера (см: *З. М. <Загуляев М. А.>* Общественный листок // *Сын отечества*. 1859. № 52. 27 дек. С. 1457—1460).

Из других исполнителей ролей в петербургском спектакле по «Грозе» современники выделяли игру А. Е. Мартынова (Тихон). Его сразу же стали сравнивать с исполнителем той же роли в Москве С. В. Васильевым, причём мнения разделились, нашлись сторонники того и другого артиста. А. Н. Баженов в «Театральном и музыкальном вестнике» (1860. № 21. С. 167—168) констатировал художественное исполнительское мастерство обоих: «...Кабанов-Васильев типичнее, живее, ярче, хотя столько же прост и безэффектен, как и Кабанов-Мартынов. Всё, от сцены в первом действии... до воя над трупом, — всё у г. Васильева выходит как-то задушевнее, энергичнее и вместе художественно вернее» (*Баженов А. Н.* Сочинения и переводы. Т. 1. М., 1869. С. 48). А. А. Стахович вспоминал, что оба выдающихся исполнителя роли Тихона оказались выразительными в разных сценах (*Стахович А. А.* Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 301—306).

В понимании «Грозы» как художественного произведения в целом после премьерных спектаклей в критике возникли разногласия. Сотрудник газеты «Московский вестник» А. М. Пальховский выступил одним из первых. Приняв за истину положения статьи Добролюбова «Тёмное царство», он объявил «Грозу» сатирой на русское патриархальное общество, причём сатира в пьесе, по мнению критика, направлена одновременно на «семейный деспотизм» и «роковой мистицизм», следовательно, и на хозяев жизни, и на её жертву — Катерину. В рассуждениях Пальховского имеется своя логика: он исходит из уверенности в том, что драматическое произведение должно быть «вполне объективным», «не допускает ни морали, ни сентенций, ни задних мыслей, ни желания провести какую-нибудь идею» (*Пальховский А. М.* «Гроза», драма А. Н. Островского // Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике: сб. ст. / сост. И. Н. Сухих. Л., 1990. С. 27—32). А коль скоро авторская позиция в «Грозе» явно прослеживается, пьеса может быть понята только как сатира, в которой тенденция вполне уместна. При этом мысль автора явно выпрямляется в духе просветительских идеалов, и не случайно единственным привлекательным персонажем пьесы Пальховский называет Кулигина, от которого «веет человечностью, разумностью (Там же. С. 30).

Явно упрощённое понимание «Грозы» Пальховским вызвало негативную реакцию со стороны разных критиков: от А. А. Григорьева, иронично назвавшего публициста «Московского вестника» «сеидом», то есть последователем Добролюбова, и до самого Добролюбова, решительно отмежевавшегося от непрошеного союзника.

Просветительская точка зрения, очевидно, актуальная для того времени, проявилась и в оценке «Грозы» А. С. Гиероглифовым, рецензия которого отличается большей основательностью и убедительностью (*Г—фов А. <Гиероглифов А. С.>* Театральная летопись. (Новая драма Островского «Гроза». Исполнение её на нашей сцене) // *Театральный и музыкальный вестник*. 1859. № 48. 6 дек. С. 471—474).

По мнению критика, «Гроза» — «народная драма в самом точном и широком значении слова». «Народность чувствуется в каждом слове, каждой сцене, в каждой личности драмы» (Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. С. 32—36).

Подчёркнуто полное единство содержания пьесы, её идеи с художественной формой. В хозяевах жизни Гиероглифов находит «полное извращение человеческой природы», фанатизм, изуверство, ханжество (Там же. С. 34). В личности Катерины Кабановой критик видит «светлый луч на тёмном небе, перл природы». Но при этом замечает: «...личность эта, поставленная в противоречие с действующей жизнью, вмещает в себе общечеловеческую идею и имеет народное значение только в немногих чертах характера; но положения драмы сообщают этой личности чисто народное значение» (Там же. С. 35). Рецензента несколько смущает тот факт, что Катерина «также не свободна от изуверства», принимающего «в ней мистический, призрачный характер» (Там же. С. 33). Под изуверством, очевидно, имеется в виду глубокая религиозность героини. Однако это не помешало Островскому, по мнению Гиероглифова, продемонстрировать главное в пьесе:«Общая идея произведения — влияние на природу человека тех духовных элементов, которыми живёт старуха Кабанова и другие подобные личности, и столкновение с этими элементами других, свежих начал жизни. Идея выполнена полно, ясно, энергично и без малейшего пожертвования изящностью произведения». Критику важно пояснить: «...художник, впрочем, остался на своей высоте, не спустившись до мелкой холодной дидактики» (Там же. С. 35).

Основные положения оценки «Грозы» Гиероглифовым оказались поразительно близкими последовавшему объяснению пьесы Добролюбовым. Это не только сравнение Катерины с «лучом света», но и явное недовольство её религиозностью, и ссылка на «свежие начала жизни» в её характере и поведении. Позиции двух критиков, естественно, несопоставимые по уровню социального и художественного анализа драмы Островского, сближает общая установка на просветительское и антропологическое осмысление личности в русском обществе, стремление обнаружить и поддержать протестные настроения, особенно в русской женщине.

Анонимный автор статьи о премьере «Грозы» в Александринском театре обращает внимание на то, что в пьесе, где «есть живые лица, вышедшие из коренной русской жизни», «разыгрывается внутренняя глубокая драма», усложнённая конфликтом двух поколений. Жизнь «под влиянием старых преданий» оказалась «гибельной» для «молодых натур», которые уже «не могут подчиниться деспотизму грубой силы» (Русский театр // *Русский мир.* 1859. № 73. 12 дек. С. 1276). Внешний конфликт у Катерины сопровождается внутренним противоречием: она «создала себе свой особенный идеальный мир», свою жизненную позицию, демонстрирующую «несостоятельность» жизни старой. Она борется с любовной страстью, вступающей в противоречия с угрызениями совести. В характере и судьбе Катерины рецензент, как будто предваряя суждения Добролюбова, видит «зародыш будущей нравственной силы, которая наконец сломит самодурство, затрудняющее более свободное развитие русской жизни» (Там же. С. 1277). Не все актёры, участвовавшие в спектакле по «Грозе» в Александринском театре, по мнению театрального обозревателя, оказались способны представить «глубоко русскую народную жизнь», изображённую в пьесе. Так, лучше других были А. Е. Мартынов (Тихон) и И. Ф. Горбунов (Кудряш). Слабее исполнили свои роли Е. М. Левкеева (Варвара), Ф. А. Бурдин (Дикой), Ю. Н. Линская

(Кабанова). Ф. А. Снеткова (Катерина) «хорошо передала поэтическую сторону своей роли», но у неё «сгладился народный колорит» личности героини (Там же).

Близкими оценке премьерных спектаклей по «Грозе» в «Русском мире» оказались суждения анонимного рецензента в газете «Северная пчела». По его мнению, Ф. А. Снеткова — актриса, заслуживающая «всеобщего увлечения в её пользу». Однако она «не поняла, да и не может усвоить себе роль Катерины». Ей незнакома эта жизнь, поэтому, когда «идёт дело об олицетворении купеческой жёнки, во всём её своеобразии», актриса «далеко не изображает типа, задуманного автором». Остальные исполнители, подчёркивает критик, «проникнуты насквозь духом изображаемого ими быта», особенно успешны Мартынов и Горбунов (Музыкальные и театральные известия // *Северная пчела.* 1860. № 11. 14 янв. С. 423).

Вскоре о постановке «Грозы» в Александринском театре в этой же газете появилось несколько иное, менее требовательное мнение. Оставшийся неизвестным автор «Петербургского обозрения», назвавший «Грозу» в традициях словоупотребления того времени комедией, одобрительно отозвался об исполнении роли Тихона Ф. А. Бурдиным, который был «успешен» в этой роли, «совершенно по-своему», не подражая знаменитому А. Е. Мартынову. Рецензент безоговорочно утверждает: «Г-жа Снеткова в роли Катерины, лучшем своём создании, была восхитительно хороша... Какое глубокое понимание характера представляемого лица, этой поэтической дикарки со страстным сердцем, жаждущем любви, с пылкою головою. <...> Очарование полное!» И другие артисты, считает автор обозрения, «каждый со своей стороны, способствуют успешному ходу комедии А. Н. Островского» (Петербургское обозрение (...Бурдин в «Грозе») // *Северная пчела.* 1860. № 218. 3 окт. С. 895).

Мнение петербургской публики о спектакле по «Грозе» высказал И. И. Панаев (<*Панаев И. И.*> Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта // *Совр.* 1859. Т. 73, № 12. С. 371—376). Основное внимание он уделил характеру Катерины, в которой находит «удивительный образ, исполненный даже поэзии»: «А отыскать поэзию в том быту, в котором родилась Катя, — нелёгкое дело! Для этого, кроме таланта, необходимо глубокое знание народного быта, серьёзное проникновение в этот быт и что важнее всего — любовь к русскому человеку» (Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. С. 38). Панаев одним из первых обратил внимание на глубинные народные истоки характера героини «Грозы». Критик подчёркивает, что даже не совсем удачное сценическое исполнение пьесы в Александринском театре позволяет судить о больших достоинствах драмы Островского.

Рецензия М. И. Дарагана «"Гроза" (драма г-на Островского)» на спектакль в московском Малом театре (*Русская газета.* 1859. № 8. 23 дек. С. 48—49) написана явно под влиянием статьи Добролюбова «Тёмное царство», появившейся незадолго до этого (в рецензии имеется сочувственное её упоминание). Дараган подчёркивает идейную направленность пьесы и её автора: «Ему хотелось, очень натурально, обнаружить более явно своё собственное миросозерцание, своё воззрение на среду, им изображаемую... <...> Теперь уже нельзя более сомневаться, что автор ненавидит самодурство. <...> Он хотел обнаружить зло так ярко, что не остановился перед трагической развязкой... <...> И мы уверены вместе с автором, что теперь никто не скажет, из видевших "Грозу", что патриархальная жизнь хороша, что в ней есть хоть какая правда» (Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. С. 42—43). Дараган уверен: «Сознание причины зла, к которому здесь уже приходят забитые

натуры тёмного царства, вышло в особенности многозначительно». Автор пьесы «выразил действительное состояние нашего общества в настоящую минуту. Забитые, загнанные начинают понимать не только своё положение, но ещё и сознают причину своего унижения. Шаг огромный на пути к прогрессу» (Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. С. 43). Высоко оценил Дараган поэтический характер Катерины, её глубоко «встревоженную душу», но остался недоволен исполнением её роли Л. П. Никулиной-Косицкой, излишне экзальтированным, рассчитанным на внешний эффект. Критик обнаружил и отдельные художественные недочёты в пьесе: излишнюю мелодраматичность некоторых сцен (например, с ключом от калитки в руках у Катерины, эпизод с признанием в измене, а также совершенную безликость образа Бориса). Рецензент явно не понял психологического состояния героини во время первого свидания с возлюбленным, когда она находится в явном смятении — он предпочёл бы «видеть её перешедшей в крайность вакханки какой-нибудь» (Там же. С. 50). Дараган не считает сцену свидания и падения Катерины циничной, но само поведение Катерины, по его мнению, недостаточно объяснено и «выражено автором». Художественная смелость Островского в изображении сцены свидания многим моралистам (М. С. Щепкину, Л. Н. Толстому и др.) показалась вызывающей и неприемлемой, особенно в театре. Это мнение в некоторой степени разделяет и Дараган, хотя в целом он высоко оценивает художественные и содержательные достоинства «Грозы» и считает полезным знакомство с ней широкой публики.

Рецензия М. И. Дарагана по существу первая основательная оценка «Грозы», появившаяся в печати. И как будто в противовес ей в январе 1860 г., ещё до появления драмы в печати, опубликована статья Н. Ф. Павлова «"Гроза". Драма в пяти действиях А. Н. Островского» (*Наше время*. 1860. № 1. С. 12—16). С позиции «высокого» искусства автор статьи в принципе не принимает творчество Островского за его демократизм, стремление обнаружить человеческие страсти и чувства в людях простых, непросвещённых. Жизненный материал, затронутый драматургом, может быть объектом комического изображения, но не драмы. Островский, по мнению Павлова, интересен там, где пишет сцены с натуры, но если он пытается творить — он неубедителен: «Можно рассмешить уродливым выражением, верно схваченной чертой из невежественных привычек, но драмы составить нельзя. <...> Для драмы нужно, чтобы человек был всё-таки человеком, и жертва не была лишена вовсе человеческого достоинства» (Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. С. 66). Позиция Павлова по отношению к творчеству Островского — позиция крайнего аристократизма, неспособного всерьёз воспринять новое, демократическое слово драматурга.

Статья Н. Ф. Павлова вызвала резкие протесты истинных ценителей творчества Островского. Самый убедительный ответ Павлову дал П. В. Анненков в статье «О бурной рецензии на "Грозу" Островского, о народности, образованности и прочем» (*БдЧ*. 1860. Т. 158, № 3. Современная летопись. С. 1—25). Анненков возражает Павлову в его установке на противопоставление искусства «балаганного» и так называемого «образованного»: лучшие комедиографы Европы Мольер и Шекспир опирались на балаган, равно как и основатель русского театра Ф. Волков. Поэтому критик декларирует: «...мы призываем от всей души появление самостоятельного русского балагана, как лучшего способа поддержать и укрепить возникающую драматическую литературу нашу» (*Анненков П. В.* Критические очерки. СПб., 2000.

С. 239). По мнению Анненкова, у мира Островского «есть своего рода довольно обширная и весьма сложная цивилизация... Тёмным сторонам её быта у г. Островского спуска нет. Нравственное безобразие остаётся у г. Островского всегда безобразием» (*Анненков П. В.* Критические очерки. С. 241). Критик определяет «художническую цель» драматурга: «...он приводит читателя постоянно к вопросу о тайнах русской народности... даёт возможность нащупать... коренные основы русского быта, черты его особенного понимания правды и порядка и любимые мотивы его в области поэзии и творчества» (Там же. С. 242). По мнению критика, «под редким из безобразных выводимых г. Островским типов не подложена какая-либо этнографическая черта, заслуживающая полного, весьма серьёзного внимания, а как часто моральная неблаговидность лиц и является результатом падения, извращения и обеднения коренной основы народного быта, переживающей эпоху своего разложения» (Там же). Анненков обратил внимание на глубокое проникновение драматурга в глубины русской народной культуры, на обнаружение в ней как позитивных, так и негативных начал. Возражая против несправедливой оценки «Грозы» Н. Ф. Павловым, критик в то же время объективно продемонстрировал односторонность двух противоположных концепций драмы, принадлежавших А. А. Григорьеву и Н. А. Добролюбову.

С. С. Дудышкин в статье «Две новые народные драмы. "Гроза", драма г. Островского, "Горькая судьбина", драма г. Писемского» (*ОЗ.* 1860. Т. 128, № 1) ставит эти пьесы в один ряд и предсказывает возможное присуждение обеим Уваровской премии. Дудышкин с удовлетворением констатирует, что Островский после художественных поисков (от обличительного направления к идеальному) в «Грозе» «пошёл туда, куда давно хотели бы его провести действительные его поклонники, — к истинной поэзии русской жизни» (Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. С. 68). Основная коллизия пьесы, по мнению Дудышкина, — любовная страсть и раскаяние. Критик подчёркивает «трепет новой жизни» влюблённой женщины, «познание красоты, прежде недоступной», «инстинкт натуры», которым руководствуется героиня «Грозы». В содержании драмы «нет поучения... не доказывается истин новых, но в нём всё ново» (Там же. С. 70). В «Грозе» — «всё красота, всё правда. На самой бесплодной, казалось бы, для поэзии почве выросла самая прекрасная сторона души человеческой» (Там же. С. 71). Такой представилась новая драма С. С. Дудышкину после просмотра спектакля в Александринском театре.

В самом начале 1860 г. в дискуссию о «Грозе» включился А. Н. Плещеев, высоко оценивший мастерство обрисовки характеров в пьесе. Большую симпатию у критика вызывает образ Катерины, символизирующий силу, которая поднимается из тайников русской жизни, означая конец покорности, рождение протеста в душах, придавленных «обстоятельствами». Подчёркивается общественный характер «Грозы» и ведущая роль Островского в современной драматургии. Плещеев категорически не согласен с теми, кто обвинял автора и его героиню в безнравственности. Он явно стремится уравновесить в содержании «Грозы» обличительные и жизнеутверждающие начала (см.: *ЛН.* Т. 88, кн. 1. С. 580—581).

Преимущественно «поэзию народной жизни» нашёл в «Грозе» А. А. Григорьев, посвятивший театральной премьере драмы цикл писем И. С. Тургеневу «После Грозы Островского» (*Русский мир.* 1860. № 5, 6, 9, 11). В первом же письме он заявил о достоинствах пьесы: «Это ведь создано так, как будто не художник, а целый народ создавал тут!» (*Григорьев А. А.* Литературная критика. М., 1967. С. 368) Общий пафос

писем — «смирение перед жизнию» народной, какова она есть (*Григорьев А. А.* Литературная критика. С. 379). Добролюбовская теория «тёмного царства» и «самодурства», по мнению Григорьева, не может объяснить суть художественной деятельности Островского: «Появление "Грозы" в особенности обличило всю несостоятельность теории. Одними сторонами своими эта драма как будто и подтверждает остроумные идеи автора "Тёмного царства", но зато с другими сторонами её теория решительно не знает, что делать; они выбиваются из её узкой рамки, они говорят совершенно не то, что говорит теория» (Там же. С. 385). Суждение Григорьева о «Грозе» интересно не самой характеристикой пьесы (её по существу нет), а изложением собственной концепции творчества Островского. В дальнейшем критик неоднократно обращался к этой драме, преимущественно в театральных рецензиях, и мнение его о «Грозе» оставалось неизменным.

В феврале 1860 г. в «Северной пчеле» (№ 41, 42) появилась обширная статья П. И. Мельникова-Печерского «"Гроза". Драма в пяти действиях А. Н. Островского (*БдЧ.* 1860. № 1)». Это была уже рецензия на журнальную публикацию пьесы, в ней ни слова не говорится о спектакле — в отличие от большинства появившихся ранее статей, посвящённых «Грозе». Начинается рецензия сочувственным упоминанием статьи Добролюбова «Тёмное царство», с которой Мельников-Печерский в целом солидарен, хотя ни о какой близости его общественных и эстетических взглядов с Добролюбовым не может быть и речи. Писатель-этнограф, в отличие от критика-демократа, рассматривает «Грозу» не в социальном, а в бытовом контексте: он признаёт, что «в "Грозе" слышен протест против самодурства, слышен из уст каждой жертвы... Но всего сильнее... протест Кулигина: это протест просвещения, уже проникающего в тёмные массы домостроевского быта» (Драма А. Н. Островского "Гроза" в русской критике. С. 103). Что касается характера Катерины, то ей Мельников сочувствует, хотя в её изображении в пьесе находит немало недостатков, прежде всего, как ему кажется, неуместный мелодраматизм речей и поведения героини по отношению к Борису, что более характерно для европейской драматургии. В этом позиция Мельникова совпадает с мнением М. И. Дарагана.

Своё прочтение пьесы предложил М. М. Достоевский в статье «"Гроза". Драма в пяти действиях А. Н. Островского» (*Светоч.* 1860. № 3). Прежде всего он попытался доказать, что творчество драматурга самобытно: «...Островский в своих сочинениях не славянофил и не западник, а просто художник, глубокий знаток русской жизни и русского сердца. <...> Талант нашего драматурга по преимуществу объективный и художественный. <...> Он прежде всего поэт в своих созданиях» (Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. С. 143). Всё это относится и к «Грозе». По мнению рецензента, не стоит выискивать в пьесе какую-либо авторскую идею, если принимать её за цель: «Нет факта в жизни, нет происшествия, которые не имели бы своей идеи, своей морали» (Там же. С. 149). Поэзия русской жизни представлена в пьесе преимущественно в личности Катерины, но судьба её печальна: «Это жертва собственной чистоты и своих верований». Как и её свекровь, Катерина из той же среды: «Смотрят на жизнь они совершенно одинаково, веруют и поклоняются одному и тому же». Однако Катерина, «не переставая подчиняться окружающим её явлениям», из всего создаёт «целый поэтический мир, полный какого-то чарующего обаяния. Её спасают и нравственная чистота, и младенческая невинность, и та поэтическая сила, которая врождённа в этом характере» (Там же. С. 150). Критик отмечает: «Поэтическая сила

в ней так велика, что она всё облекает в поэтические образы, во всём видит поэзию, даже в могиле» (Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. С. 151). При этом рецензент делает важное уточнение: «Но не приписывайте её чистоты и добродетели одному религиозному направлению ума. Чистота эта в ней врождённая». В то же время он утверждает, что Катерина «слабая женщина, хотя и пылкая и страстная», а «удержать её от падения может одна только религия» (Там же. С. 152). Характерный для братьев Достоевских интерес к болезненным проявлениям человеческой психики отразился в утверждении рецензента: «Она с каким-то сладострастием, с какою-то удалью думает уже о той минуте, когда все узнают об её падении, и мечтает о сладости всенародно казниться за свой поступок». Всякие «высшие соображения совершенно чужды для Катерины», ей недостаёт общего развития для «оправдания любви своей» (Там же. С. 153). Сцены публичного признания в измене мужу и прощания с Борисом М. М. Достоевский оценивает высоко как психологически достоверные, но сожалеет, что обе они как будто не подготовлены действием пьесы: «В драматическом произведении всё должно быть ясно договорено, всё должно даваться готовым, объяснённым и законченным зрителю» (Там же. С. 154). По мнению рецензента, Катерина — «женщина высоких поэтических порывов, но вместе с тем преслабая. Эта непреклонность верований и частая измена им и составляет весь трагизм... характера» (Там же. С. 156). Никто до М. М. Достоевского не уделял столько внимания анализу противоречий характера и поступков героини «Грозы». Хотя не все его суждения достаточно убедительны, характеристика Катерины у него оказалась одной из самых глубоких из написанных по свежим впечатлениям от пьесы Островского. В каждом из персонажей М. М. Достоевский находит человеческое начало и мотивацию того или иного поступка: «...все лица, даже самые второстепенные, нужны, потому что все они занимательны, своеобразны и характерны в высшей степени. Драматическая обработка их — верх совершенства». В то же время все они — «совершенно новые характеры и типы» (Там же. С. 160).

М. И. Писарев написал статью о «Грозе», получившую одобрение А. А. Григорьева и самого драматурга («Гроза». Драма А. Н. Островского» // *Обёрточный листок*. 1860. № 19—20). Автор статьи видит смысл пьесы в изображении того, как в быту, «задавленном бессмысленною обрядностью, мелкою спесью, пробивается порою искра человеческого чувства. Уловить эту искру нравственной свободы и подметить... борьбу с тяжёлым гнётом обычаев, с изуверством понятий, с своенравной прихотью произвола, отозваться поэтическим чувством на эту Божью искру, порывающуюся на свет и простор, — значит найти содержание для драмы» (Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. С. 162). Формула «искра свободы», предложенная автором статьи, недалека от известного понятия «луч света». Для М. Писарева «Гроза» прежде всего бытовая драма, суть которой «состоит в борьбе свободы нравственного чувства с самовластием семейного быта» (Там же). Попутно автор статьи останавливается на характеристике исполнения драмы московскими артистами. Он обращает внимание на разную трактовку образа Тихона С. В. Васильевым и приехавшим из Петербурга на гастроли А. Е. Мартыновым. М. Писарев отмечает, что первый играет своего героя совершенно покорным, слабым, в интерпретации второго Тихон выглядит более драматичным, страдающим — и оба не выходят за рамки авторского замысла. Жизненно достоверными представляются рецензенту и другие персонажи драмы: Кабанова в исполнении Н. В. Рыкаловой, которая «хорошо поняла и выразила эту строптивую,

спокойную, строгую, бесчувственную женщину» (Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. С. 167), и все герои пьесы «живут на сцене как подлинные лица живой действительности с резкими самобытными чертами» (Там же. С. 172). Подробно объясняет М. Писарев характер Катерины и как литературной героини, и как сценического персонажа в исполнении Л. П. Никулиной-Косицкой. Он возражает тем, кто счёл поведение Катерины неестественным для её среды: «Девушка, ласкаемая и балуемая в семействе, не вытерпевшая ещё житейского разочарования и горя, не отрезвлённая положительною действительностью, склонна бывает к увлечениям, к игре молодого воображения, к порывам страстной, ищущей удовлетворения души» (Там же. С. 167). И как следствие этого: «Борьба неизбежна — борьба не только с окружающим порядком, олицетворённым в свекрови, но и самой собою» (Там же. С. 168). Это сочетание внутреннего и внешнего конфликтов, по мнению критика, не совсем удачно выразила исполнительница роли Катерины в московском Малом театре Никулина-Косицкая: она «как опытная и умная артистка, удачно выражает одну сторону борьбы — с самой собою», «искусно ведёт» «внутреннюю борьбу между движением страсти и мыслию о преступлении. Но другая сторона борьбы — с семьёю, исполняется менее удачно. Она обнаруживает раздражительность, гнев и зрелость, недовольство» (Там же. С. 169). М. И. Писарев попытался объяснить, почему Катерина, будучи, казалось бы, глубоко религиозной женщиной, поддалась соблазну: «Верования Катерины были мечтательными; её убеждения, при отсутствии прочного образования, не могли иметь поддержки в силе воли» (Там же. С. 169). По существу критик имеет в виду непосредственные, нерациональные порывы чувства героини, обусловившие её поведение. Автор статьи руководствуется традиционными законами драматического произведения, которое должно нести в себе нравственный урок (необходимость «любви и примирения», «разумной справедливости и искренности чувства»), и делает вывод, что пьеса «производит доброе, не возмущающее, а примиряющее действие» в христианском духе (сродни катарсису в античной трагедии). Такое понимание смысла «Грозы» явно расходится с более популярной в прижизненной критике идеей социального протеста, но, очевидно, тоже имеет основания.

Цикл рецензий на «Грозу» как драматическое литературное произведение был создан в связи с представлением драмы к Уваровской премии Российской Академии наук тремя известными литераторами: И. А. Гончаровым, П. А. Плетнёвым и А. Д. Галаховым. Отзыв Гончарова, очень краткий, но ёмкий по смыслу, не содержит анализа пьесы, но даёт ей общую глубокую положительную оценку как художественного произведения: «С какой бы стороны она ни была взята, — со стороны ли плана создания, или драматического движения, или, наконец, характеров, всюду запечатлена она силою творчества, тонкостью наблюдательности и изяществом отделки». По мнению рецензента, важно, что в «драматической раме улеглась картина национального быта и нравов с беспримерною художественною полнотою и верностью» (Гончаров И. А. — критик. М., 1981. С. 26, 27). «Гроза» для Гончарова — это прежде всего семейно-бытовая драма и картина народного быта.

В «Отзыве о драмах "Горькая судьбина" и "Гроза"» П. А. Плетнёв констатирует, что в пьесе Островского показано, как «семейный деспотизм оканчивается самыми гибельными последствиями» (*Плетнёв П. А.* Статьи. Стихотворения. Письма. М., 1988. С. 242). Рецензент констатирует соответствие пьесы основным положениям драматического рода. В «Грозе» Островский отошёл от привычного для его творче-

ства изображения преимущественно семейного быта и обратился к «общественной жизни маленького русского городка» (*Плетнёв П. А.* Статьи. Стихотворения. Письма. С. 246). Основной конфликт в пьесе, по мнению Плетнёва, связан с «столкновениями ещё заметно господствующего невежества и уже, хотя случайно, проглядывающей образованности» (Там же). Подчёркивается поэтичность, простота, обаяние «русского типа» Катерины, «проступок» которой объясняется «неотвратимыми обстоятельствами её семейного положения», а также высокие художественные достоинства драмы в целом: «воспроизведение» жизни, «глубокий анализ души человеческой», изображение «характеров, вызванных к деятельности» (Там же. С. 247).

В «Мнении о драме г. Островского "Гроза"», высказанном А. Д. Галаховым по поручению Академии наук, содержится высокая оценка художественной правды, оказавшейся в основе пьесы: «Действительность является именно такою, какова она на самом деле: в смешении нравственного и умственного безобразия с красотою души и сердца. И в этой невымышленной действительности, с одной стороны — исключительная преданность обычаю... обоготворение старины, понимаемое не иначе, как в виде ненависти ко всему новому, свежему, молодому; с другой — желание вырваться из душной атмосферы обычной, обрядовой жизни и заявить законное действие жизни, кипящей избытком сил» (Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. С. 177). Галахов обратил внимание на разные проявления протеста против деспотизма Кабанихи у Катерины, Варвары, Тихона. Отмечено также сочетание в пьесе трагического и комического начал и роль некоей «судьбы, сокрушающей всякую неподчинённость», подобно року в античной трагедии. Рецензент утверждает, что «Гроза» принадлежит «к той школе драматической», которая отличается двумя особенностями: «...*историческою,* потому что она относится ко всем явлениям так же, как история относится к явлениям прошлой жизни, и *физиологическою*, потому что она изображает отправления нравственной и духовной жизни, как физиология рассматривает действия органов» (Там же. С. 178). Пьеса Островского предоставила возможность известному литературоведу высказаться относительно особенности творческого метода, близкого философии позитивизма.

Отзывы о «Грозе» на предмет представления её к Уваровской премии, написанные И. А. Гончаровым, П. А. Плетнёвым и А. Д. Галаховым, были опубликованы в сентябре 1860 г. в «Отчёте о четвёртом присуждении наград графа Уварова», а уже в октябрьском номере «Современника» появилась обширная статья Н. А. Добролюбова «Луч света в тёмном царстве», которая как будто подводила итог предшествовавшим оценкам драмы и в то же время переключала её анализ в другую плоскость, преимущественно в социальную и публицистическую, в духе реальной критики.

Анализируя «Грозу», Добролюбов явно стремится актуализировать позицию автора пьесы в соответствии с собственной. Справедливо отмечая, что Островский «обладает глубоким пониманием русской жизни и великим умением изображать резко и живо самые существенные её стороны» (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. М.; Л., 1963. С. 289), критик нарочито утрирует принципы нормативной эстетики, чтобы продемонстрировать их якобы несостоятельность и неспособность объяснить «Грозу», в которой в сущности «оправдывается порок», а «самая борьба страсти и долга обозначается для нас не вполне ясно и сильно» (Там же. С. 297). Отмечены и другие несоответствия пьесы законам жанра: двойная любовная интрига, завязка и развязка случайны и произвольны, герой бесцветен, героиня — «чувствительная

лицемерка». В драме много ненужных сцен и лиц, нет «полного, всестороннего развития» характеров (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. С. 298). В этом позиция создателя реальной критики объективно совпадает с принципами критики эстетической, от которой Добролюбов всегда демонстративно дистанцировался.

Критик не видит у Островского художественного воплощения положительных начал народной жизни, зато он находит в пьесе «требования права, законности, уважения к человеку» (Там же. С. 317). В силу представлений о зависимости характеров от обстоятельств Добролюбов объясняет всех персонажей «Грозы» как порождение «тёмного царства». Жизненными факторами, по преимуществу семейными, предопределены, по мнению критика, и судьба Катерины, и её поведение. Катерина значительнее всех прежних «добродетельных и почтенных» русских героев, и личная драма её предсказывает «близкий конец самодурства» (Там же. С. 334). Семейно-бытовую драму Добролюбов, таким образом, прочитывает как социальную. Критик с целью утверждения близких ему идей допускает прямое искажение не только смысла, но и содержания пьесы. Он утверждает, что Катерина «рвётся к новой жизни» и что «воспитание и молодая жизнь ничего не дали ей» (Там же. С. 342). Он игнорирует тот факт, что источником высоких духовных потребностей и глубокой нравственности Катерины, приведших её к осознанию греховности мыслей, чувств и поступков и к самоосуждению, была искренняя религиозность, не та формальная обрядовая «святость», которую исповедовала Кабаниха, а подлинная православная вера, заменявшая Катерине все прочие духовные, эстетические, этические нормы и потребности. Именно в её верованиях Островский видит основы глубоких человеческих достоинств героини «Грозы». Характеризуя Катерину как «новый тип, создаваемый русской жизнью», критик признаёт, что она «является в виде слабой женщины, не умеющей противиться своим влечениям» (Там же. С. 357). При этом подчёркивается «сила характера» героини и её «решимость». Добролюбову важно, что «Катерина не убила в себе человеческую природу» и находится «только внешним образом, по положению своему, под гнётом самодурной жизни» (Там же. С. 359). Социально-публицистический пафос характеристики «Грозы» Добролюбовым оказался настолько впечатляющим, что надолго определил восприятие пьесы и её главной героини. Островский одобрительно отозвался о статье «Луч света в тёмном царстве», хотя критическая интерпретация драмы в ней явно не совпадала с авторской идеей (см. об этом: *Лакшин В. Я.* Об отношении Островского к Добролюбову // *Вопросы литературы*. 1959. № 2. С. 195).

Финал драмы критик понимает как «страшный вызов самодурной силе», в Катерине он видит «протест против кабановских понятий о нравственности, протест, доведённый до конца» (*Добролюбов Н. А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. С. 361).

После статьи Добролюбова критика на некоторое время как будто утратила интерес к «Грозе»: многим казалось, что последнее слово о пьесе уже сказано, авторитет Добролюбова был достаточно высоким. Время от времени появлялись рецензии на спектакли по «Грозе» на московских и петербургских сценах (хотя драма в столицах ставилась достаточно редко), а также и в провинциальных театрах (в Астрахани, Воронеже, Владимире, Вологде, Казани, Новгороде, Оренбурге, Орле, Ярославле и др.). Характеризовались различные исполнительницы роли Катерины, преимущественно неудачные. Были попытки возразить Добролюбову в его оценке «Грозы» и творчества Островского в целом. Наиболее последовательным оппонен-

том создателя реальной критики оставался А. А. Григорьев, который неоднократно в разных литературных и театральных статьях повторял своё несогласие с Добролюбовым. Григорьев вовсе не склонен отрицать целиком русский патриархальный мир: «У Кабанихи есть основы, есть известные права преданий — жить и поступать так, как она живёт и поступает, пусть эти права — окаменелости, сквозь которые живыми побегами прорывается новая, молодая и притом бытовая же растительность, всё-таки это — прошедшее, которое когда-то было *правом*» (*Григорьев А. А.* Театральная критика. Л., 1985. С. 317). В этой фразе явно звучит косвенная полемика с Добролюбовым по отношению к «тёмному царству» и месту в нём Катерины. Подобные мысли Григорьев неоднократно повторял в цикле статей «Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены», публиковавшихся в 1862—1863 гг. в журнале «Время».

Добролюбовская оценка характера Катерины, а не сама пьеса и даже не её героиня вызвала активную полемику со стороны Д. И. Писарева, который отстаивал свою концепцию героя — общественного деятеля. Писарев откровенно заявил, что статья о «Грозе» «была ошибкою со стороны Добролюбова», потому что «ни одно светлое явление не может ни возникнуть, ни сложиться в "тёмном царстве" патриархальной русской семьи, выведенной на сцену в драме Островского» (*Писарев Д. И.* Литературная критика: в 3 т. Т. 1. Л., 1981. С. 324). И Добролюбов, и Писарев не стремились понять и объяснить авторскую идею «Грозы», обоих критиков интересовала драма как повод для постановки проблемы героя, общественного деятеля. Писарев стремился обнаружить мотивацию, причины той драматической ситуации, в которой находилось русское общество. Прежде всего, по его мнению, это необразованность, невежество, несознательность русского человека, далёкого от понимания того, что полезно ему самому в личном и социальном плане.

Постоянный оппонент Писарева М. А. Антонович резко высказался по поводу писаревской оценки Катерины в статье «Промахи» (*Совр.* 1865. № 4) и продолжил полемику статьёй «Лжереалисты (по поводу "Русского слова")» (*Совр.* 1865. № 7). Антонович повторил основные положения статьи «Луч света в тёмном царстве», касающиеся характера Катерины, причём допустил прямое искажение писаревских взглядов на позицию Добролюбова: «Писареву почудилось, будто бы Добролюбов представил себе Катерину женщиной с развитым умом и с развитым характером, которая будто бы и решилась на протест только вследствие образования и развития ума» (Драма А. Н. Островского «Гроза» в русской критике. С. 282).

Антонович вслед за Добролюбовым подчёркивает, что протест Катерины — это «инстинктивный протест цельной нормальной натуры в её первобытном виде» (Там же. С. 283). В небольшом фрагменте статьи «Лжереалисты» Антонович упрекает Писарева в том, что тот старается опровергнуть положительное мнение Добролюбова о Катерине: «...какой смысл имела похвала, к чему она сделана, не увеличивает ли она собою мрак нарисованной целой картины... <...> Похвала Катерине есть похвала русской семейной жизни, а разве можно порядочному обличителю хвалить жизнь?» (Там же. С. 293—294). Сторонники реальной критики находили в литературных текстах и актуализировали то, что их интересовало, в положительном плане (Добролюбов, Антонович) или в отрицательном (Чернышевский, Писарев).

Последнее упоминание о «Грозе» в «Современнике» имело место в статье Г. З. Елисеева «Современная русская драма (по поводу трагедии гр. Толстого "Смерть Иоанна

Грозного")». Катерина Островского представляется Елисееву истинно трагической героиней современности, но её характер в значительной мере переосмысливается по сравнению с Добролюбовым. По мнению критика, конфликт в пьесе — пример такой драматической коллизии, когда «только одна смерть выделяет героя из множества других подобных ему личностей», а Катерина — «героиня пассивная, мечтательная, слабая, неспособная и не приготовленная для борьбы», в которую она вовлекается «невольно». По Елисееву, «способ её самозащищения показывает не силу её, а немощь, но эта немощь составляет всё-таки её красоту и достоинство, потому что в том быту, в котором находится она, и такая немощь есть уже сила и геройство» (*Совр.* 1866. № 2. Современное обозрение. С. 251). Признание Елисеевым слабости и пассивности Катерины противоречит мнению Добролюбова и Антоновича, как и утверждение, что Катерина в принципе не отличается от её окружения. Здесь ощущается некоторое воздействие позиции Д.И. Писарева. В то же время у Елисеева проявляется понимание характера и симпатия к героине Островского по сравнению с его предшественниками — радикальными критиками.

Своеобразные суждения о характере Катерины и разных его интерпретациях на сцене высказал А.Н. Баженов. В статье «По поводу исполнения "Грозы" на сцене Кружка любителей драматического искусства» (*Антракт.* 1864. 17 февр.) критик обратил внимание на главную героиню: «Нас особенно заинтересовала г-жа Савицкая исполнением роли Катерины. Эта громадная по замыслу роль до сих пор, по нашему мнению, не удавалась ни одной исполнительнице... <...> Говоря вообще, роль Катерины не удалась вполне и г-же Савицкой. Одолеть совершенно все, почти необоримые трудности этой роли не могла и она; но довольно и того уже, что она боролась с ними... Прежде всего огромная заслуга её состоит в том, что она сумела свести роль эту с тех ходуль, на которые ставили её другие исполнительницы... упростила и объяснила роль эту до последней возможности и из Катерины-героини сделала Катерину-человека, живое лицо». Критику импонирует то, что актриса не позволяла себе ни нарочитых эффектов, ни «поднимания на цыпочки» (*Баженов А.Н.* Сочинения и переводы: в 2 т. Т. 1. М., 1869. С. 266). Баженов комментирует игру Савицкой: «Особенно прекрасно было передано ею то помешательство, то душевное метание из стороны в сторону, то незнанье что делать с собою, которое последовательно доводит Катерину до самоубийства» (Там же. С. 267). Исполнительница «с намерением продлила последний монолог своей роли, в котором особенно ясно оказалась... внутренняя борьба» героини: «Катерина решилась умереть, но как все помыслы и думы её вертятся вокруг мысли о жизни! <...> Она любит жизнь, потому что ей, этой жизни, принадлежит милый ей человек, которого она как будто ревнует к жизни. Везде картины жизни... Мысль о смерти — только необходимая тень в этих картинах: она придаёт им ещё больше живости, теплоты и мягкости». По мнению критика, ни у кого из исполнительниц роли Катерины этого не было, а было «только одно крикливое, раздирающее душу отчаяние» (Там же. С. 268).

В целом сдержанно относился к творчеству Островского в 1860-е гг. Н.С. Лесков: в характере Катерины Измайловой, героини повести «Леди Макбет Мценского уезда» (1865), многие справедливо видели антипод Катерины Кабановой. Тем не менее писатель положительно оценил героиню «Грозы». В статье «Александринский театр в Петербурге» он пишет: «Светлая фея, гений хранитель г. Островского несомненно одна она, лучезарная Катерина Кабанова, летящая перед ним в ореоле своей

чистоты, незлобия и непорочности; с мокрых тканей её утопленнической одежды сеется на пыльные тропы российской словесности та освежающая роса, по которой литературные вихри пролетают, не бросая в г. Островского ни одной пылинки» (*ОЗ.* 1866. № 6, кн. 1. С. 601).

В 1870—1880-е гг. в литературной критике о «Грозе» упоминалось редко и главным образом в духе добролюбовской концепции драмы. Однако имели место и другие суждения. Против истолкования творчества А. Н. Островского как обличения русской жизни в 1880—1890-х гг. выступил Ю. Н. Говоруха-Отрок. Критик обращает внимание на сочетание идеализма и реализма в «Грозе» и объясняет идею пьесы её национальными мотивами. «Гроза», по его мнению, является «единственно удачной попыткой создать русскую народную драму» (*Г. <Говоруха-Отрок Ю. Н.>* Заметки о театре // *Южный край.* Харьков. 1884. № 1172. 22 мая. С. 1). В характере Катерины Кабановой он обнаруживает одновременно смирение и героизм: «Катерина — луч идеального света в тёмном царстве жизни вообще. <...> История сгоревшей и кающейся души — вот история Катерины. <...> Вот почему Катерина действительно "луч света", но не в тёмном царстве Диких и Кабановых, а в тёмном царстве жизни, всей жизни вообще. <...> Погубило её отступление от простой и великой правды, погубила её внутренняя ложь» (*Николаев Ю.<Говоруха-Отрок Ю. Н.>* Театральная хроника // *М. вед.* 1892. № 254. 13 сент. С. 3).

О «Грозе», преимущественно о героинях драмы, А. М. Скабичевский рассуждает в обширной статье «Женщины в пьесах Островского» (*Северный вестник.* 1887. № 8). Из героинь «Грозы» предпочтение критик отдаёт Варваре, обладающей характером решительным, даже своевольным. По сравнению с ней Катерина — колеблющаяся, нерешительная, боящаяся греха, «ультрарелигиозная». Скабичевский оценивает женские характеры прежде всего с точки зрения их способности к эмансипации и гражданственности и высказывает мысль о том, что в «Грозе» «положительными началами, противополагающимися мрачным домостроевским, является семья Катерины, воспитавшая девушку в духе любви, гуманности и полной свободы» (*Скабичевский А. М.* История новейшей русской литературы (1848—1890). СПб., 1895. С. 442). Критик замечает, что в «Грозе» у Островского явился почти исключительный тип резонёра — Кулигин, выражающий авторскую позицию.

Большое разнообразие оттенков характера Катерины продемонстрировали исполнительницы её роли ещё при жизни Островского. Актриса Малого театра Г. Н. Федотова, выступавшая в роли Катерины на протяжении тридцати пяти лет (начиная с 1863 г.), сосредоточилась на религиозной основе её характера, при этом, по мнению некоторых рецензентов, «выработала себе какую-то вычурную искусственность», «монотонную певучую дикцию» (*СПбВед.* 1870. № 131. 14 мая. С. 1). Позднее Г. Н. Федотова признавалась, что «не понимала раньше того, что Катерина — луч света в тёмном царстве. А надо, чтобы сквозь каждое её слово, каждое движение где-то проглядывал этот сияющий луч, который стремится прорвать тьму...» (см.: *Тираспольская Н. Л.* Из прошлого русской сцены. М., 1950. С. 51). Исполнение Г. Н. Федотовой роли Катерины в дальнейшем неизменно положительно оценивалось публикой.

В середине 1870-х гг. в роли Катерины в Малом театре дебютировала молодая М. Н. Ермолова, которую считают едва ли не лучшей исполнительницей этой роли — в традициях Н. А. Добролюбова. В её игре зрители отмечали «обилие чувства»

и «неподдельную искренность», «поэтическую прелесть». Корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» подчёркивал, что в монологе Катерины у М. Н. Ермоловой слышался «уже не грустный вздох измученной души: в этих нескольких прочувствованных фразах ярко блеснул жгучий протест живой души против рабства и кабалы тёмного царства. Так может крикнуть только человек, живым зарываемый в землю, и у зрителей оставалось отчётливое представление: Катерина не пойдёт ни на какие уступки с жизнью» (*Д. Н.* Московский театр. (Обновлённая «Гроза» на московской сцене. Ермолова в роли Катерины) // *СПбВед.* 1876. № 145. 29 мая. С. 1).

Почти одновременно с Ермоловой в роли Катерины стала выступать П. А. Стрепетова, которая в 1880-е гг. играла в Александринском театре в Петербурге. Она продемонстрировала своё видение характера героини «Грозы», отошла от ставшего уже традиционным понимания образа в добролюбовском духе. «Главная отличительная черта личности Катерины, насколько мы понимаем, — писал драматург и критик Д. В. Аверкиев, — состоит в глубокой религиозности, соединённой со страстностью натуры... Именно эта черта личности Катерины и передаётся удивительно г-жою Стрепетовою» (*Аверкиев Д.* Русский театр. (Выход Стрепетовой. Роль Катерины. Искусство и школа) // *НВ.* 1882. № 2369. 2 окт. С. 3). В. М. Дорошевич высказал другое мнение: «Стрепетова не идеализировала Катерины. Всё время её Катерина возбуждала к себе жалость: пришибленная, мало развитая». Актриса «создала нам мученицу, русскую женщину. И мы видели это мученичество во всём его ужасе, но и во всей его нетленной красоте» (*Дорошевич В. М.* Старая театральная Москва. М., 1923. С. 102—103).

Столь разные трактовки характера Катерины талантливыми актрисами свидетельствуют об обширном диапазоне художественного образа, созданного драматургом.

В 1890—1900-е гг. несколько интересных мыслей о «Грозе» высказал А. Р. Кугель. Позднее он обобщил свои наблюдения в обширном критическом очерке «Островский», вошедшем в книгу «Русскне драматурги». По своим эстетическим взглядам близкий символистам, Кугель нашёл образные формы для характеристики мира «Грозы» и её героев. Город Калинов ассоциируется у него с неким безжизненным царством, где нет «ни людей, ни животных, ни даже дымка из труб», где можно представить «доброго Кулигина, рыкающего Дикого, и Катерину в небрежно наброшенной косынке, всю трепещущую в лунном сиянии, и Кудряша с поскрипывающими сапогами, и Кабаниху, наложившую мёртвую длань на окружающую жизнь», где соединились «полюсы русской жизни, её противоречия, её концы»: «Река зовёт к беспредельной свободе, манит вдаль; город привинчен к берегу. На реке поются вольные песни, в лодках Кудряши сидят и с девушками перекликиваются, а в городе гнетущая тишина, рабское подчинение личности...» (*Кугель А. Р.* Русские драматурги. М., 1933/34. С. 57).

Кугель предлагает своё понимание характера Катерины, его сценического воплощения: «...если вы сразу почувствуете в Катерине большую страсть, если вы поймёте, что и самый религиозный мистицизм — есть форма неукротимого брожения её натуры, что у неё крылья, большие, огромные, в сравнении с которыми она такая маленькая, и эти крылья могут унести её куда угодно — в овраг, в омут, в монашескую келью, на великое послушание...» (Там же. С. 63) Подобное прочтение «Грозы» свидетельствует о большом внутреннем смысловом потенциале драмы.

С. 202. *Конторщик* — приказчик, помощник хозяина.

Среди долины ровныя... — песня на слова А. Ф. Мерзлякова, музыка Д. Н. Кашина, коллеги Мерзлякова по Московскому университету.

С. 204. *...с езуитом.* — Здесь: иезуит — хитрый, бесчестный, лукавый обманщик.

С. 205. *Коммерческая академия* — см. комментарий на с. 672.

С. 207. *Гербовые листы* — листы гербовой бумаги, предназначавшиеся для официальных документов. См. также комментарий на с. 672.

В обетованной земле... — Обетованная земля — место, куда кто-либо страстно желает попасть, так как оно представляется ему «раем», воплощением изобилия, счастья и т. п. По библейскому сказанию — Палестина, куда, в силу своего обещания, Бог привёл евреев из Египта.

С. 208. *Перпету-мобиль* — искаж. перпетуум-мобиле — вечный двигатель.

С. 214. *...жития разные, либо стихи поют.* — Имеются в виду повествования о жизни святых, духовные стихи.

С. 218. *...каждого один враг смущает...* — Т. е. искушает нечистая сила, дьявол.

С. 219. *Салтан Махнут* — (Махмуд) благословенный, почтенный (*араб.*) — древний вариант имени Мухаммед.

С. 222. *Заглазное* — т. е. без глаза, без присмотра.

С. 228. *...огненного змия...* — Речь идёт о паровой машине, паровозе.

С. 230. *Ты найди подешевле меня! А я тебе дорога!* — В России специальный закон предусматривал наказание за бесчестье лица купеческого звания, а за оскорбление вдовы купца полагался двойной штраф (*Колоколов Е.* Указатель законов Российской империи для купечества. М., 1847. С. 29—30; см. также: *Овчинина И. А.* А. Н. Островский. Этапы творчества. М., 1999. С. 105—106).

С. 232. *Открылась бездна, звезд полна...* — из стихотворения М. В. Ломоносова «Вечернее размышление о Божием величестве».

С. 234. *Как донской-то казак...* — русская народная песня (см.: *Вильбоа К. П.* 100 русских песен / под ред. Ап. Григорьева. М., 1894. № 11).

С. 236. *За рекою, за быстрою...* — русская народная песня (см.: *Якушкин П. И.* Сочинения. СПб., 1884. С. 580).

С. 237. *Окаянный человек* — проклятый, нечестивый человек.

С. 240. *Все домой, все домой...* — русская народная песня (см.: *Шейн П. В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1. № 620).

Гуляй, млада, до поры... — русская народная песня «Как у наших у ворот» (см.: *Соболевский.* Т. 2. № 517, 523. С. 433, 438—439).

С. 241. *Геенна огненная* — ад, преисподняя, тьма кромешная.

Литовское разорение — польско-литовская интервенция на Руси в начале XVII в.

С. 243. *И в рубище почтенна добродетель!* — Абсолютно достоверный источник этого выражения не найден. Подобные мысли встречаются в стихах А. П. Сумарокова, М. В. Ломоносова, Я. Б. Княжнина. Близка по смыслу строка из оды Г. Р. Державина «Вельможе»: «Почтен и в рубище герой». Возможно, эта фраза — контаминация самого Островского. Она повторяется в финале комедии «Бешеные деньги» как завершающая реплика Телятева в другом смысловом контексте.

Я телом в прахе истлеваю... — из оды Г. Р. Державина «Бог».

С. 246. *С полночных стран встаёт заря...* — из «Вечернего размышления...» М. В. Ломоносова.

С. 247. *Рацеи* — наставления, назидания.

С. 248. *Ночною темнотою покрылись небеса...* — перевод М. В. Ломоносова из Анакреонта, ставший народной песней (см.: *Терещенко А. В.* Быт русского народа. СПб., 1848. Ч. 2. С. 393).

С. 250. *...в Тяхту...* — Тяхта — искажённое название. Кяхта — сибирский город на границе с Китаем, центр чаеторговли.

В. В. Тихомиров

СТАРЫЙ ДРУГ ЛУЧШЕ НОВЫХ ДВУХ

Впервые опубликовано: *Современник.* 1860. № 9. С. 5—62 — с подзаголовком «Картины из московской жизни, в трёх действиях» и датой в конце пьесы «17 апреля 1860 г.».

Рукописный источник:

— черновой набросок (*ЧН*): *РГБ.* Ф. 216. М. 3097. Ед. хр. 7.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. СПб., 1874. С. 115—183.

Очевидно, начало работы над пьесой относится к концу 1850-х гг. Первые четыре явления первого действия и часть пятого, включая слова Татьяны Николаевны: «Пожалуйте, пожалуйте!», — были опубликованы в журнале «Московский вестнию» (1859. № 29. Цензурное разрешение — 31 июля 1859 г.) под названием «Сцены из неоконченной ещё комедии», с некоторыми разночтениями по сравнению с окончательным текстом. Единственное рукописное свидетельство о пьесе «Старый друг лучше новых двух» представляет собой один лист чернового автографа, на котором Островский набросал список действующих лиц, а также сначала один план комедии, затем — второй (см. раздел «Приложения. Другие редакции и варианты»).

По всей видимости, первоначально Островский предполагал написать комедию в трёх сценах, затем, как это видно из второго плана, в четырёх действиях, и, возможно, намеревался в дальнейшем создать пьесу в пяти актах[1], но позже, целиком исключив первое действие, обозначенное во втором плане, вновь вернулся к идее трёхчастной структуры. И хотя в дальнейшем комедия вновь была существенно переработана автором, некоторые сцены первого и большинство намеченных сцен второго плана вошли в окончательный текст пьесы. Это, прежде всего, сцены в доме Олиньки и её матери: первые три явления 1-й сцены первого плана и II действие второго плана соответствуют I действию печатного текста; 2-е, 3-е и 5-е явления IV действия второго плана в целом соответствуют 1-му, 3-му и 5-му явлениям III действия печатного текста.

Сцены с участием Куропаткиных, которые, по всей видимости, в дальнейшем будут именоваться Васютиными, существенно Островским переработаны и сокращены. В этой связи Н. П. Кашин замечает: «О том, почему автор сократил все эти сцены,

[1] Над наброском первого плана стояла надпись, позже зачёркнутая: «Акт V». Н. П. Кашин посчитал, что эти слова были вставлены автором, «по-видимому, впоследствии» (*Кашин.* Т. 2. С. 362). Однако И. Г. Ямпольский усомнился в правильности прочтения этой строки. Согласно его предположению, «вероятнее — не V акт, а I акт» (*ПСС-12.* Т. 2. С. 760).

можно говорить только предположительно. Быть может, они без нужды затягивали действие, не прибавляя ничего особенно яркого в характеристике изображённой в этой комедии чиновничьей семьи» (*Кашин*. Т. 2. С. 363—364).

Из списка персонажей в окончательный текст, по утверждению Н. П. Кашина, вошла «одна только фамилия Густомесова» (Там же. С. 362). Однако, по справедливому наблюдению И. Г. Ямпольского, в окончательном варианте пьесы фамилия Крутолобов всё-таки присутствует: «Эта фамилия использована в реплике Пульхерии Андревны (3 явл., I д.)» (*ПСС-12*. Т. 2. С. 760). Справа от перечня действующих лиц в автографе Островский записал первый (оставшийся незаконченным и затем перечёркнутый) план комедии, который ещё не соответствует окончательной редакции пьесы, хотя в число персонажей уже включены Олинька и её мать, Пульхерия Андревна Гущина, мать и сын Васютины (предположительно, именно эти герои скрываются под сокращённой фамилией «Нет.»). По предположению И. Г. Ямпольского, «"Старик", упомянутый в первой и второй сценах, — может быть, старик Васютин» (Там же. С. 758). Однако этот персонаж мог выполнять и самостоятельную, возможно, посредническую функцию между Олинькой и семьёй её жениха. Нет в окончательном тексте и Чиновника, представленного во второй сцене плана. Возможно, его заменил Вавила Осипыч Густомесов, фигурирующий в перечне действующих лиц, но не упомянутый в плане.

Второй план, более подробный, включает в себя описание пьесы по действиям. Во втором плане *ЧН* нет Старика, но есть фигура Отца, что привело И. Г. Ямпольского к мысли о том, что «Старик — это отец Васютина» (*ПСС-12*. Т. 2. С. 759). Но это предположение является спорным, поскольку во второй план не вошла сцена Отца и Олиньки, обозначенная в первом плане: «сц. 1, яв. 4. Олинька и старию». Отсутствие фигуры купца Густомесова во втором плане может быть объяснено тем, что на этом этапе работы у автора ещё не сложился отчётливый образ купца-кутилы, но предполагался персонаж, оттеняющий деловые и человеческие качества Куропаткина-сына (Васютина), то есть Проситель, большая часть функций которого передана Вавиле Осипычу. Чиновника, вероятно, заменил Проситель, а обозначенный в III действии некто Гвоздарёв (3 явл.) далее никак не проявляет себя и в окончательный текст пьесы не включён.

Из сведений о предполагаемых прототипах героев пьесы сохранилось лишь свидетельство А. А. Стаховича, утверждавшего, что в образе купца Густомесова присутствуют черты дяди Прова Садовского, Сергея Семёновича Кошеверова: «Вспомнились мне неистощимые ласкательные и поощрительные поговорки Сергея Семёновича для каждой предлагаемой им рюмки вина или водки и финальная фраза "Не задерживайтесь!", чтобы кончили одну серию выпивки или задушевный тост и переходили бы к следующим. Эту обычную фразу Кошеверова (отчасти и его самого) поместил Ал<ександр> Ник<олаевич> в лице купца в комедии "Старый друг лучше новых двух"» (*Стахович А. А.* Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 84).

31 июля 1859 г. цензурой был допущен к печати № 29 «Московского вестника», где впервые напечатано I действие (1—5 явл.) комедии. Далее, по всей видимости, Островский прерывает работу над пьесой. С июля по октябрь он занят написанием «Грозы», после чего, очевидно, вновь возвращается к старому замыслу. Датой завершения «Старого друга...», согласно авторскому свидетельству, считается 17 апреля 1860 г. Тогда же драматург отправляет комедию в редакцию «Современника». В письме

к Островскому от 24 апреля того же года Н. А. Некрасов даёт первую характеристику пьесе: «Мы с Добролюбовым её прочли и нашли, что она великолепна — то есть вполне достойна Вашего дарования. Я не желал бы, чтоб она не только игралась, но и ходила в списке до появления её в "Современнике", поэтому не высылаю Вам копии, но если Вы этого непременно потребуете, то велю списать и вышлю» (*Неизд. письма*. С. 280).

В середине мая 1860 г. Островский и А. Е. Мартынов едут на юг России. Эта поездка стала для артиста последним гастрольным туром: 16 августа в Харькове он скончался на руках Островского. 27 августа драматург в удручённом состоянии вернулся в Москву, а уже на следующий день отправляет «картины из московской жизни» для публикации в «Современнике», о чём сообщает И. И. Панаеву в письме от 28 августа 1860 г.: «Пьеску я выправил и посылаю Вам, сделайте милость, прикажите получше просмотреть корректуру» (*ПСС-12*. Т. 11. С. 127).

Сотрудники журнала восприняли комедию доброжелательно, но критика неоднозначно оценила новое произведение.

Первым откликнулся на публикацию анонимный критик «Московского вестника» развёрнутой рецензией одобрительного характера (Заметки кое о чём // *Московский вестник*. 1860. № 40. 1 окт. С. 640—643). Заметив, что «сентябрьские книжки журналов представили публике несколько очень замечательных произведений», критик утверждает, что «первое место между ними должно принадлежать» комедии Островского «Старый друг лучше новых двух»: «Может быть, у г. Островского найдутся пьесы более серьёзные по содержанию… но едва ли можно назвать хоть одну, в которой было бы более художественной правды, чем в этой» (Там же. С. 640). Наиболее сильной стороной таланта драматурга рецензент назвал умение создавать яркие сценические образы, отвечающие жизненной правде: «В особенности удаются ему женские характеры. В комедии, о которой говорим мы, так же лучшее лицо — женщина; швея — Олинька, это такой верный тип, прямо выхваченный из действительности… Ни одной фальшивой нотки, ни тени идеализации. <…> В её грубых, порой даже циничесих речах вы всё-таки видите любящую натуру, не дурную, не испорченную, а только не развитую, смотрящую на вещи с своей точки зрения и не изменяющую ни на минуту своим понятиям. <…> Что может быть лучше той сцены, когда Олинька возвращается домой, узнавши об измене Васютина? <…> Она вся перед вами, с своими дурными и хорошими сторонами… и потому разговор её с матерью иногда довольно грубый, не отталкивает вас от неё, вы понимаете, что она иначе и не может говорить и что это вовсе не от любви к матери. Она не из нежных, покорных натур, но любить умеет» (Там же). В образе главной героини критик видит прежде всего цельный, сильный характер. «Все остальные лица тоже мастерски очерчены… — пишет автор статьи, — преимущественно же мать Олиньки, доброе существо, не чающая души в дочери». Критик замечает, что Островский в этом образе представил одно из лучших свойств русской женщины: жалостливость и способность к прощению. Негодуя на дочь за непослушание, Татьяна Никоновна забывает о своих претензиях и её вине, как только видит, сколь глубоко страдание Олиньки. «Эта способность прощать, при виде истинного горя, есть одна из прекрасных черт, наиболее встречающихся в нашем народе» (Там же). Из других лиц комедии рецензент выделил образ лакея Ореста, который, имея общие черты с Осипом из гоголевского «Ревизора» и с Захаром из романа И. А. Гончарова «Обломов», не только «не уступит

им обоим по верности изображения», но и превзойдёт своих предшественников, поскольку представляет собой новый тип сознания и самосознания. Заметив также, что «диалог в "комедии" г. Островского везде так хорош, что может разве только сравниться с диалогом гоголевских комедий», рецензент тем не менее предрекает ей сценический неуспех: «Простота, отсутствие всего сколько-нибудь похожего на эффект; изображение будничной, вседневной жизни, как-то не пользуются у нас сочувствием...» (*Московский вестник*. 1860. № 40. С. 641)

Без всякого сочувствия отнеслись к пьесе корреспондент газеты «Санкт-Петербургские ведомости» и критик журнала «Русское слово». Островского обвиняли в излишнем пристрастии к «натурализму», выраженному в изображении неприглядных сторон повседневной действительности. Анонимный рецензент «Санкт-Петербургских ведомостей» заявлял, что драматург не способен создать яркие сценические образы, выведя в новом произведении лишь слабые копии с созданных ранее лиц, что и в этой пьесе, которая «бедна мыслью и содержанием», «на первом плане — пьянство мужчин и перебранка женщин» (Петербургская летопись // *СПбВед*. 1860. № 225. 16 окт. С. 1). Неоригинальность представленных типов также не способствует успеху комедии, а таких персонажей, утверждает публицист, в пьесе немало. Узость тем и нарушение законов сценической драматургии, пристрастие к копированию действительности без должного умения к художественному обобщению, по мнению автора статьи, свидетельствуют об ограниченности таланта писателя.

С отзывом «Санкт-Петербургских ведомостей» перекликается мнение В. К. Иванова. Не заметив в комедии особых художественных достоинств и признав её слабым произведением, Иванов замечает, что и сама «поговорка "старый друг лучше новых двух" не совсем удачно выбрана автором: в новом произведении его решительно нет такого старого друга, который был бы лучше нового» (*Иванов В.* Русский театр // *РСл*. 1860. № 11. Отд. III. С. 74). Образ главной героини видится критику исключительно в негативном свете. В желании Олиньки непременно выйти замуж за Васютина и предстать перед всеми в красивом одеянии рецензент усматривает черты водевильного характера, что лишает пьесу всякой идеи или нравственной мысли: «Далее весь комизм пьесы заключается в болтовне Пульхерии Андревны и в кульке с вином, приносимом Вавилою Осипычем всякий раз, как только он является на сцену. Но этот водевильный, жиденький комизм, разведённый в потоке слов многоречивой сплетницы и винных возлияниях пьяного купца, далеко не удовлетворяет требованиям драмы» (Там же. С. 79). По его мнению, Островский слишком увлечён деталями в ущерб целостности произведения: «...здесь — все подробности идут врозь, и каждая, как оторванный член, поражает безжизненной тупостью. Г. Островский никогда не возвышался до общей художественной концепции, а потому он остановился на одних портретах, но беден сценами и идеями» (Там же. С. 80). Безжизненные и несимпатичные представленные в картинах характеры, замечает В. Иванов, не отличаются ни оригинальностью, ни новизной, а также не соответствуют действительности: «Пульхерия Андревна и Вавила Осипыч слишком не новые типы, давно уже избитые, как самим г. Островским, так и другими писателями»; Васютин, «человек в высшей степени тупоумный», — «это одно из самых неудачнейших действующих лиц» в пьесах Островского. Особенно вредит пьесе, как отмечает критик, «отсутствие всякого человеческого чувства во всех её действующих лицах: в них нет ни любви, ни ненависти, ни доброты, ни злобы». Как утверждает рецензент, пьеса не относится

к таким произведениям, которые побуждают зрителя, «забывая на время о себе», жить жизнью и чувствами показанных в них героев (*РСл.* 1860. № 11. Отд. III. С. 79—80).

Несогласие с негативными оценками «Старого друга...» звучат в острополемической рецензии Вс. Крестовского. Отвечая на утверждение ярых обличителей драматурга, что «Старый друг...» в художественном плане заметно уступает «Грозе», Крестовский пишет: «Гроза, быть может, лучшая пока русская драма, а Старый Друг — ряд прекрасных, художнически набросанных сцен из московской жизни» (*В. К—ий <Крестовский В. В.>* Старый друг лучше новых двух // *Светоч.* 1861. № 2. Отд. III. С. 2). Все претензии к автору комедии, считает рецензент, происходят исключительно от слабости нашей критики, позволяющей себе глумиться над поэтами, не умея по достоинству оценить их дарование. В отличие от «Современника», который признал свою неправоту в отношении художника, чей талант оценили не сразу, большая часть обличителей драматурга продолжает писать об ограниченности его дарования. По мнению критика, Островский создал целую галерею оригинальных характеров. Олиньку он называет одним из ярких женских типов драматурга, к которым «подходил он с положительной стороны», при этом заметив: «Впрочем, и эта хорошенькая, простенькая личность не избегла таких разных *благопристойных* нареканий» (Там же. С. 10). Крестовский отмечает умение любить как главное качество героини: «Если она полюбила, то полюбила уж безраздельно, на всю жизнь, она уже всё отдаёт, всем жертвует для любимого человека и связывает себя им по рукам и по ногам; прямой исход подобной страсти и подобных отношений в её глазах (ведь она не развитая, не эмансипированная женщина) естественно будет брак, в котором, по её понятиям, сам Бог связывает человека; брак у ней не есть конечная цель, он только средство для мирного и *законного* продолжения любви...» (Там же. С. 13). К художественным удачам драматурга Крестовский относит и воспроизведённый Островским стиль детско-родительских отношений, проникнутых взаимной любовью и жалостью, но лишённый показной чувствительности. Удивляясь художественной невосприимчивости критиков, увидевших в героях пьесы лишь слабые копии «слишком не новых», «избитых» сценических типов, Крестовский отмечает, что «бесцветных лиц нет в сценах»: «...сколько богатства рассыпает поэт мимоходом в своём лёгком наброске картин, хотя за это его, быть может, и укорят. Одного уж такого типа, как Гаврила Прохорыч Васютин, хватило бы для целого рассказа или для одноактной комедии...» (Там же. С. 16). Орест — этот «тип старого лакея, с особенным своим цветом и запахом, важный, неповоротливый, в засаленном сюртуке, со своею табакеркой с генералом на крышке», но «это не тот лакей, не тот резонёр, как гоголевский Осип». «Удивительно хорош» и Густомесов: «В его фразах, в складе речи, в разговорах с Анфисой Карповной рассыпано столько перлов, столько драгоценных жемчужин, отыскивать и подбирать которые умеет только Островский» (Там же. С. 17). Особое внимание рецензент уделил образу Прохора Гаврилыча Васютина: «Перед вами человек, который в домашнем своём быту, что называется — *баба-рыба*, человек, по-видимому, без энергии, безотчётно слушающий и исполняющий волю матери» (Там же. С. 20). Говоря о том, что в характере Васютина проявлены типичные черты российского чиновничества, критик «Светоча» не торопится обличать ни самого героя, ни автора, представившего этого героя на суд публики: «Конечно, это человек старого закала; у нас в обществе принято теперь восставать противу таких. Но что же дало нам это общество наше взамен

Прохоров Гаврилычей? <...> Где идеалы этого общества? Надимовы, Львовские герои, Штольцы, Калиновичи? Но ведь эти только либо фразы громкие кидают на ветер да удивляют ими различных барынь, либо колобродят в потёмках и сами не ведая где. <...> Нет ещё в современном обществе этих идеалов, не выработало, не создало оно ещё их! <...> Прохоры Гаврилычи отходят, новых безукоризненных нет... Или мы ещё только *накануне*? <...> Не просто ли: *в ожидании лучшего*!» (*Светоч*. 1861. № 2. Отд. III. С. 21). При всей полемичной настроенности автора статьи общий пафос публикации имеет не столько протестный, сколько утверждающий характер. Согласно ведущей мысли Крестовского, «Островский мало того, что спокойный, строгий художник, он — народный поэт» (Там же. С. 6), главная идея творчества которого, не замеченная обличителями драматурга, есть идея художественного осмысления «всей русской жизни», всего того, «что присуще русской почве»: «У Островского прежде всего нет своего клочка — ему принадлежит всё то, что принадлежит русской общине, русскому миру» (Там же. С. 7).

Однако все аргументы в защиту новой пьесы так и не смогли переубедить противников драматурга. Так, В. Иванов вновь с пренебрежением отзывается о «Старом друге...» как о слабейшем произведении Островского (*РСл*. 1861. № 8. Отд. III. Русский театр. С. 2, 3, 6).

Сценическая история «картин из московской жизни» «Старый друг лучше новых двух» сложилась на редкость удачно. Разрешение на постановку было получено беспрепятственно. 10 сентября 1860 г. пьеса была одобрена к представлению Театрально-литературным комитетом, а 18 сентября — театральной цензурой. В своём отчёте цензор И. А. Нордстрем, кратко передав содержание произведения, резюмирует: «Предосудительного нет ничего» (*РГИА*. Ф. 780. Оп. 1. Д. 37. Л. 106). При этом он вычеркнул из реплики Анфисы Карповны слова о пьянстве чиновников (3 явл., II д.): «Много вашего брата по кабакам-то шляется» (см.: Н. А. Пыпин, А. Н. Островский в собраниях Ленинградской театральной библиотеки им. А. В. Луначарского // *Театральное наследие*. Сб. 1. Л., 1934. С. 147).

Ф. А. Бурдин в письме к Островскому от 21 сентября 1860 г. сообщал, что пьеса «получена из Цензуры, прошла вся, вычеркнуто только одно слово, что титулярные советники по кабакам шляются. Бенефис в пользу семейства Мартынова вероятно будет в половине октября» (*Бурдин*. С. 5).

На профессиональной сцене «Старый друг...» впервые был представлен в Петербурге в Мариинском театре, в сборном спектакле, 10 октября 1860 г. Спектакль шёл в пользу семьи недавно умершего А. Е. Мартынова. Роли исполняли: Татьяна Никоновна — П. К. Громова, Олинька — Ф. А. Снеткова (Снеткова 3-я), Пульхерия Андревна — Ю. Н. Линская, Густомесов — Ф. А. Бурдин, Анфиса Карповна — Е. А. Сабурова, Прохор Гаврилыч — А. М. Максимов (Максимов 1-й), Гаврила Прохорыч — П. И. Зубров, Орест — И. Ф. Горбунов, Проситель — В. Р. Шмелёв.

Известно, что Ф. А. Бурдин в письме к Островскому от 28 сентября 1860 г. обращался к драматургу с просьбой: «...я надеюсь, что ты будешь так добр и купца (Густомесова) в "Старом друге" назначишь мне...» (*Бурдин*. С. 7).

Театральная постановка дала возможность сотрудникам «Современника», в сентябрьском номере которого была напечатана пьеса, публично высказать своё отношение не только к премьерному спектаклю, но и к произведению в целом. И. И. Панаев в постоянной рубрике «Заметки Нового Поэта» даёт развёрнутую характеристику

«картин из московской жизни». Публицист выразил общее мнение критиков журнала, заметив, что для сотрудников «Современника» произведения Островского имеют «значение более глубокое и серьёзное, чем многие из произведений нашей литературы» (*Совр.* 1860. Т. 83, № 10. Современное обозрение. С. 402). В отличие от недоброжелателей Островского, уловивших в пьесе лишь водевильное начало и низкопробные комические эффекты, Панаев обращает внимание на жанровое своеобразие «картин», созданных по образцу комических сцен, но имеющих глубоко драматический подтекст: «Новое произведение г. Островского… открывает перед нами ещё один уголок чиновников-подьячих и бедных швей. Оно оканчивается весело, попойкой и браком, но это благополучное окончание производит тяжёлое и грустное впечатление на мыслящего читателя или зрителя» (Там же). Драматическое звучание, по мысли критика, придаёт пьесе образ главной героини, очерченный автором «с глубокой тонкостию и верностию»: «Это, по нашему мнению, лучшее лицо комедии, не исключая и Пульхерии Ивановны[1], на которой движется вся пьеса и которая мастерски изображена автором: но таких лиц уже пытались не раз изображать наши авторы более или менее удачно. Писателю, как г. Островский, ничего не стоило изобразить типически Пульхерию Ивановну; с Олинькой справиться было гораздо труднее, и именно в выполнении этого характера по преимуществу обнаруживается сила таланта г. Островского» (Там же). Критик с особенным удовольствием отмечает, что исполнительница главной роли «г-жа Снеткова 3-я так верно поняла и так хорошо выполнила на сцене эту роль, на которой сосредоточен интерес пьесы»: «Почти ни одной фальшивой ноты не было слышно в голосе г-жи Снетковой 3-й; она воспроизводила эту роль тонко, просто, верно, без малейшей фальшивой сценической идеализации. <…> При исполнении этой роли легко можно было впасть или в идеализацию, или в грубость, и сделать из Олиньки что-нибудь похожее на *Варю* в "Грозе"… Но г-жа Снеткова избегла того и другого и обнаружила большой сценический такт и серьёзное понимание роли» (Там же. С. 402—403). Другие актёрские работы Панаев оценил следующим образом: «Роль Пульхерии Ивановны разыграна была г-жою Линскою безукоризненно. Эта роль как будто создана для неё. Г. Бурдин был очень хорош в роли "Купца". Об остальных мы ничего не скажем. Нельзя только не заметить, что роль подьячего Прохора Гаврилыча была совершенно не понята г. Максимовым 1. Если бы эта роль была разыграна как следует и пьеса была бы сокращена в некоторых местах, она много бы выиграла бы на сцене. Мы, впрочем, кажется, совершенно расходимся во вкусах с обычною публикою русского театра, потому что она более четверти часа надсаждала себя упорными криками, вызывая г. Максимова 1…»[2] (Там же. С. 403).

Обозреватель «Северной пчелы» восторженно отозвался на постановку, назвав её «главнейшим артистическим событием», а саму пьесу — «капитальною», в которой Островский проявил «мастерство рисовать характеристическими, бойкими чертами и яркими красками личности из купеческого мира, умение схватывать и передавать типический язык известного класса» (Петербургское обозрение // *Северная пчела.* 1860. № 229, 15 окт. С. 944, 945). Рецензент особенно выделил игру исполнительницы роли Олиньки Ф. А. Снетковой, в очередной раз доказавшей «необыкновенный талант и глубокое понимание сцены» (Там же. С. 945).

---

[1] Здесь и далее в журнале опечатка, правильно: Андревны.

[2] Неприятное впечатление на Панаева произвело то, что Максимов так и не вышел на поклон.

С большим одобрением отнёсся к постановке и «обличительный поэт» Д. Д. Минаев, подчеркнув мастерское умение драматурга видеть в обыденной действительности значимые явления, «умение схватывать все характерные черты купеческого быта» (*Обличительный поэт. <Минаев Д. Д.>* Новости театральные и литературные // *Светоч*. 1860 № 10. Современное обозрение. С. 39—40). Не комментируя отдельные актёрские работы, критик резюмирует: «Прекрасная пьеса эта превосходно была разыграна нашими артистами: г-жою Снетковой 3-й, Линскою, Громовою и гг. Бурдиным, Максимовым, Зубровым и Горбуновым» (Там же. С. 40).

Корреспонденты «Санкт-Петербургских ведомостей» (1860. 16 окт. С. 1), «Русского мира» (1860. № 80. 15 окт. С. 277—278) и «Сына отечества» (1860. № 42. 16 окт. С. 1289) критично отнеслись и к самому спектаклю, и к актёрской работе Ф. Снетковой в роли Олиньки. Анонимный автор статьи «Санкт-Петербургских ведомостей» утверждал, что подобное прочтение образа имеет право на существование, но своей игрой актриса «не олицетворяет типа, выведенного автором: г-жа Снеткова слишком благородна, нежна и женственна», тогда как в интерпретации публициста Олинька — «бойкая и не слишком деликатная кокетка». Корреспондент «Русского мира» находил, что в игре исполнительницы главной роли, «как и всегда, недоставало типичности».

Однако не все идейные и художественные противники Островского соглашались с подобными замечаниями. Так, В. Иванов, будучи убеждённым в том, что пьеса не имеет оснований для сценического успеха, все удачные моменты постановки приписал исключительно актёрским работам, констатировав, что «слабейшая» из всех пьес популярного ныне драматурга тем не менее была разыграна «с замечательным искусством»: «Участвовавшие в исполнении её артисты сделали из своих ролей всё, что было можно. Больше всех понравилась публике г-жа Линская в роли Пульхерии Андревны. Г-жа Снеткова 3 в роли Олиньки выказала весьма много ума и таланта. Глубоко изучив свою роль, она передала её с замечательным смыслом и отчётливостью. Но натура этой прекрасной артистки слишком изящна, для того, чтобы вполне осуществить тот тип, который представляет Олинька. <...> Г. Максимов 1 исполнил роль Васютина очень добросовестно: он не позволил себе никаких преувеличений, никаких искажений характера представляемого им лица; был глубоко верен автору с первого слова до последнего; и не его вина, если вялая и бесцветная роль кретина-чиновника не вызвала сочувствия публики» (*Иванов В.* Русский театр // *РСл.* 1860. № 11. Отд. III. С. 81).

В московском Малом театре пьеса была поставлена 14 октября 1860 г., в бенефис Е. В. Бороздиной (Бороздиной 2-й), с которой Островский сам репетировал роль Олиньки. Роли исполняли: Татьяна Никоновна — С. П. Акимова, Олинька — Е. В. Бороздина (Бороздина 2-я), Пульхерия Андревна — В. В. Бороздина (Бороздина 1-я), Прохор Гаврилыч — П. В. Востоков, Гаврила Прохорыч — П. Г. Степанов, Анфиса Карповна — Н. В. Рыкалова, Густомесов — П. М. Садовский, Орест — В. И. Живокини, Проситель — Львов.

Восторженный отзыв о московской премьере оставил театральный критик А. Н. Баженов, нарекания которого вызвала лишь игра В. В. Бороздиной, которая в роли Пульхерии Андревны, сосредоточив своё внимание на мелочных чертах характера героини (склочность, суетность, сварливость), «забыла, кажется, что она в то же время чиновница, кичащаяся своим благородством, и не сумела выразить ту тонную важность и сознание собственного мнимого достоинства, которыми

обыкновенно бывают переполнены дамы вроде Гущиной». С особенной теплотой Баженов отозвался об исполнительницах ролей Олиньки (Бороздина 2-я) и Татьяны Никоновны (Акимова). Первая, по его словам, «была очень хороша. Довольно верно передала она личность невоспитанной, но умной и честолюбивой девушки, девушки — себе на уме, наделённой от природы твёрдостью воли и даже некоторым тактом». С. П. Акимова, по мнению рецензента, также «необыкновенно хорошо поняла и исполнила довольно трудную роль Татьяны Никоновны»: «Борьба чувства материнской любви и нежности с боязнью за падение дочери выразилась у неё ясно и верно; легко и искусно переходила она от ласк к угрозе... словом, она не упустила ни одного оттенка в своей роли». Но наиболее сильное впечатление произвела на критика игра П. М. Садовского в роли Густомесова: «Исполнение это было верх комического совершенства, каждое слово решительно отчеканивалось им, а невозмутимое хладнокровие, с которым отпускал он самые уморительные прибаутки и балагурства, вроде, например, поздравления с первой пятницей на этой неделе, или уговоры допить всё вино: "нельзя-с! — не оставляют", было поразительно» (*Баженов А.* Московские театральные письма // *Искусства.* 1860. № 3. Окт. С. 50—51).

Однако с этим отзывом явно контрастирует оценка, данная спектаклю критиком журнала «Развлечение»[1], по мнению которого драматург так и не создал ничего равного своей первой комедии: «Всегда чего-то недостаёт: или мысли, или таланта; то не доработана идея, то язык...» (*Развлечение.* 1860. Т. 4, № 44. 5 нояб. С. 536). Говоря о жанровой природе «Старого друга...», критик замечает, что произведение «названо, конечно, довольно беспритязательно: картинами из московской жизни, но... это даже скорее этюды» (Там же). По всей видимости, непосредственные впечатления рецензента, вызванные комедией, отразились и на его восприятии постановки. Вопреки восторженным оценкам Баженова, критик «Развлечения» заявляет: «Разыгран был "Старый друг лучше новых двух" очень слабо, разученный, как видно, наскоро» (Там же. С. 537).

15 октября[2] 1860 г. второе действие «Старого друга...» было разыграно в любительском спектакле так называемого Красноворотского театра в доме Н. И. Давыдова (мужа сестры А. Н. Островского) в Москве. Островский принял непосредственное участие в этой постановке, сыграв роль Густомесова. По замечанию Н. А. Дубровского, сыгравшего роль Васютина, зрители спектаклем были «очень довольны» (*РГБ.* Рук. 1427: «Театральный дневник 1860 г. г. Дубровского». Л. 18 об., 19).

15 декабря 1863 г. по просьбе кружка «Любителей драматического искусства» Островский ещё раз исполнил роль Густомесова в спектакле, поставленном в доме Марковой (см.: *Коган.* С. 131).

2 декабря 1863 г. «Старый друг...» был поставлен на сцене Александринского театра в бенефис Ф. А. Бурдина и, по оценке последнего, «прошёл весьма весело» (*Бурдин.* С. 20). Игра Бурдина и особенно Ю. Н. Линской (Пульхерия Андревна) признавалась критиками «Русского мира» и «Сына отечества» мастерской. Но сама пьеса вновь вызвала различные мнения, в том числе и негативные отзывы.

---

[1] По мнению К. Д. Муратовой, за псевдонимом Не Я скрывается С. Н. Колошин (Библиография литературы об А. Н. Островском / сост. К. Д. Муратова. Л., 1974. С. 24).

[2] В приведённой здесь записи Н. А. Дубровского стоит дата 15 сентября, однако Л. Р. Коган не без оснований считает, что это описка автора дневника, и на самом деле представление состоялось 15 октября (см.: *Коган.* С. 107).

В. А. Крылов оценку постановки сводит к общему суждению как об очень слабой пьесе, о которой нет необходимости «много распространяться». Основное внимание рецензент уделил игре актрисы Споровой: «Роль Олиньки имеет весьма мало тёплых сторон, но всё-таки имеет их, а эти стороны вовсе не удаются г-же Споровой. Панаев, в Записках Нового Поэта, очень верно заметил, что при исполнении этой роли легко впасть в грубость и сделать из Олиньки что-нибудь похожее на Варю в "Грозе". У г-жи Споровой оно так и вышло, и это можно объяснить себе тем, что при очень холодной вообще игре г-жи Споровой, она старалась выказать мещанство роли угловатыми и разбитными манерами и говорила скороговоркой и грубым тоном» (*Александров В. <Крылов В. А.>* Театральная хроника // *СПбВед.* 1863. № 273. 8 дек. С. 1).

В 1875 г. постановка «Старого друга...» на сцене Александринского театра была возобновлена в связи с бенефисом И. Ф. Горбунова, сыгравшего в пьесе Густомесова. Рецензент «Биржевых ведомостей» замечает, что даже имя Горбунова не обеспечило интерес у публики: «...театр был далеко не полон, и это надо приписать тому, что бенефисная афиша была вовсе не заманчива. Старая комедия Островского или, лучше сказать, фотографические сцены из быта того московского общества, где мешается мелкое мещанство, купечество и чиновничество, не представляя ничего нового, прошла однако довольно весело, благодаря очень живой игре бенефицианта и г. Сазонова. Совсем ничтожная роль купчика-кутилы была передана г. Горбуновым так хорошо, как только можно было желать, остальные персонажи не выделялись...» (*Н.* Театр и музыка (Бенефис Горбунова: «Старый друг лучше новых двух») // *Биржевые ведомости.* 1875. № 309. 9 нояб. С. 2).

И. Н. Захарьин причину неудавшегося бенефиса видит не в художественных недостатках пьесы, а в плохой актёрской игре, не исключая игру и самого И. Ф. Горбунова, которого критик между тем называет одним «из даровитейших и добросовестнейших артистов» (*И. Я. <Захарьин И. Н.>* Итоги сценической деятельности минувшего года // *Дело.* 1876. № 6. Июнь. Современное обозрение. С. 132). Образ Олиньки «вышел довольно бесцветно в холодном исполнении г-жи Хлебниковой 1-ой». По мнению рецензента, «тип Олиньки создан автором по одному и тому же шаблону, как и поэтический образ Дуни в "Бедной невесте"; стоило бы г-же Хлебниковой прочесть лишь статью покойного Добролюбова об этой пьесе г. Островского, и тогда, вероятно, она сумела бы и понять свою роль, и сыграть её иначе». Причина неудач видится критику в недостаточной образованности артистов, которые «ничего не читают и ничего поэтому не знают, полагаясь во всём или на волю Божью, или на своё наитие, или же, подобно гоголевскому Аммосу Фёдоровичу, доходя до всего собственным умом». Горбунов в роли Густомесова «недостаточно верен типу», актриса Громова в роли Татьяны Никоновны «немилосердно растягивала игру и замедляла вообще живость исполнения пьесы» (Там же. С. 132—133).

Всего при жизни Островского в Александринском театре «Старый друг...» шёл 9 раз, судя по отзывам современников, не имея большого успеха. Таким образом, пророческими оказались слова А. Н. Плещеева, заранее усомнившегося в том, «чтобы эта пьеса понравилась большинству публики Александринского театра» (*Московский вестник.* 1860. № 40. С. 641).

В Москве успех комедии долгое время был связан с именами О. О. и М. П. Садовских. Впервые О. О. Садовская сыграла роль Пульхерии Андревны в 1879 г. при поступлении на сцену московского Малого театра, но ещё до этого — в Артистическом

кружке[1], в деятельности которого Островский принимал непосредственное участие, а в 1874 г. заведовал драматической частью. С большим успехом роль Пульхерии Андревны О. О. Садовская играла и в юбилейном спектакле, посвящённом 25-летию своей творческой деятельности. Событие это активно обсуждалось в печати того времени. В газете «Русское слово» торжественно сообщалось: «Для Садовской старым другом явилась пьеса Островского, та самая, которой она дебютировала 25 лет назад на Малой сцене. Теперь, как и тогда, артистка выступила в роли Пульхерии Андревны... и можно с уверенностью сказать, что такой Пульхерии Андревны артистка не могла дать в свои молодые годы. <...> Артистка творила легко и радостно, как творят большие таланты в особенно счастливые минуты. Входила и уходила со сцены она под гром аплодисментов» (*С. П.* Юбилей О. О. Садовской // *РСл.* 1904. № 336. 3 дек. С. 4).

Восторженно отозвался о постановке «Старого друга...» и об игре Садовской Н. М. Ежов: «Надо видеть О. О. Садовскую в роли Пульхерии Андревны Гущиной, чтобы понять, как иногда высоко-художественно может быть олицетворён персонаж драматурга... Г-жа Садовская сразу же, первой же фразой заставила зрителя забыть только что раздававшийся грохот аплодисментов, все крики и погрузиться в слух.

— Здравствуйте, здравствуйте! Сейчас нашу трактирщицу встретила, идёт такая разряженная, платье новое! — начала говорить Пульхерия Андревна, и так это было удивительно произнесено, что захотелось смеяться от души» (*Ежов Н.* Чествование О. О. Садовской // *НВ.* 1904. № 10333. 5 дек. С. 6).

Отмечая 35-летнее пребывание на сцене Малого театра, артистка с неизменным успехом выступила в той же пьесе и в той же роли.

Л. Я. Гуревич даёт подробное описание мастерски отточенной игры О. О. Садовской, сделавшейся в создании образа своей героини полноправным соавтором драматурга: «Посмотрите в изображении Садовской на сквернную старушонку Гущину, мелкую злюку, сплетницу, кляузницу, изображающую из себя чванную даму, а на самом деле совершенно лишённую чувства собственного достоинства... На ней нарядное золотистое платье, из-под белого чепца с кружевом и ниспадающими по плечам жёлтыми лентами выглядывают рыжеватые, слегка вьющиеся волосы; у неё большой недобрый рот с иронически опущенными углами и круглые голубые глаза. И вы угадываете по какому-то неуловимому оттенку и выражению глаз, что в молодости Гущина очень много смотрелась в зеркало, и кокетничала, и жеманилась; может быть, даже она и впрямь была когда-то красивая... в поворотах её главы, в пожимании плеч под шалью в ней ещё чувствуются следы самодовольства и жеманства, и вероятно, она и посейчас, одеваясь, долго вертится перед зеркалом и кажется себе барыней, сохранившей долю былого очарования. Всего этого нет в словах её роли; но, вычитывая характеристику Гущиной из текста Островского, артистка углубляет для себя эту характеристику, вносит в неё интимные психоло-

[1] Артистический кружок — центр художественной жизни Москвы 1865—1883 гг., объединявший музыкантов, писателей, актёров, художников, а также центр профессиональной жизни артистов, где ставились и обсуждались спектакли, выбирались пьесы для бенефисов. Сцена кружка стала практической театральной школой для начинающих артистов, в том числе для М. П. и О. О. Садовских. В рецензии И. Н. Захарьина (*И. Я. <Захарьин И. Н.>* Итоги сценической деятельности минувшего сезона // *Дело.* 1876. № 6. Современное обозрение. С. 132) присутствует упоминание об исполнении О. Садовской роли Гущиной на сцене Московского артистического кружка.

гические черты, — и опять мы видим перед собою не извне схваченную бытовую фигуру, а живой человеческий образ, в котором заключено большое художественное обобщение» (*Гуревич Л.* Театр и музыка. Гастроли О.О. Садовской // *Речь*. 1916. № 128. 11 мая. С. 3).

Муж актрисы и партнёр по сцене, М.П. Садовский, впервые сыграл роль Вавилы Осипыча в свой бенефис 25 ноября 1897 г. С. Васильев-Флёров так охарактеризовал его работу: «Этому купцу, по ремарке самого автора, около 35 лет. Да уж и пожил он изрядно. По наружности он старше своих лет. Таким олицетворяет его г. Садовский: что это за прелесть! Как искренне входит он в проект матери относительно женитьбы молодого Васютина. С какою убеждённостью говорит, что "вино для дома вещь необходимая, потому что завсегда требуется". С каким авторитетом опытности и знания рассказывает матери, что в "купечестве" не всякого полюбят, "а с разбором", кто чего стоит. С каким лоском, подсмотренным у половых в Троицком трактире, подносит он стакан на подносе. Нельзя представить себе лучшего Вавилы Осипыча» (*Васильев С.* Театральная хроника // *М. вед.* 1897. № 338. 8 дек. С. 2).

В юбилейном спектакле О.О. Садовской, в 1904 г., в роли Густомесова также с успехом выступил М.П. Садовский, что отметил корреспондент газеты «Русское слово»: «Чудесным партнёром юбилярши был супруг, у которого Вавила Осипыч — верх совершенства. Супружеская чета показала себя во всём блеске» (*С. П.* Юбилей О.О. Садовской // *РСл*. 1904. № 336. 3 дек. С. 4).

В московском Малом театре при жизни Островского «Старый друг...» шёл 49 раз. Последний спектакль состоялся 16 февраля 1886 г.

С. 258. *Я тиха, скромна, уединенна...* — несколько изменённые строки романса Сандрилионы из романтической оперы Штейбельта (см.: Сандрилиона. Волшебная опера в трёх действиях, переведённая с франц. Аристархом Лукницким. Музыка сочинения г. Штейбельта». СПб., 1816. С. 23). Произведения немецкого композитора Даниэля Готлиба Штейбельта (1765—1823), переехавшего в Петербург в 1809 г. по приглашению Александра I, были очень популярны в России первой половины XIX в.

На грех мастера нет. — Говорится, как правило, с сожалением о совершённой кем-то ошибке или проступке. Смысл высказывания сводится к утешению: «с каждым может случиться несчастье, никто не застрахован от неудач». Слово «грех» употреблено здесь в значении: ошибка, изъян, погрешность, огрех.

С. 259. *Повесничать* — проказничать, развлекаться без меры.

С. 260. *Пансион* — см. комментарий на с. 719.

...залетела ворона в высоки хоромы. — Говорится о том, кто попал в чуждое ему, более высокое общество или получил почёт не по достоинству.

С. 262. *Трактирщица* — жена хозяина трактира. В XIX в. трактиры представляли собой относительно дешёвые рестораны, нередко объединённые с гостиницей.

С. 264. *Пассаж* — от *фр.* passage — проход, переход. Здесь в значении: странный, неожиданный случай.

С. 265. *Товарка* — подружка.

Бурнус — наиболее распространённый в XIX в. вид верхней женской одежды. В отличие от салопа бурнус был значительно короче платья, заканчивался чуть ниже талии, обычно имел ватную подкладку и рукава. Вошёл в моду в середине века и пользовался предпочтением у молодых женщин.

С. 273. *Шелаш* — пустая болтовня, бестолочь (см.: *Словарь к пьесам.* С. 235).

С. 274. *Подьячий* — допетровское название канцелярских служителей, в XIX в. употреблялось для именования мелких чиновников и приобрело пренебрежительный оттенок. В Древней Руси подьячие были помощниками дьяков и выполняли функции писцов в приказной канцелярии.

С. 275. *Камердинер* — комнатный слуга при господине (см.: *Словарь к пьесам.* С. 82).

С. 276. *...выше лба глаза не растут.* — Так говорится о чём-либо неосуществимом, невозможном или о ком-либо, чьи способности и возможности ограничены.

С. 277. *Титулярный советник* — см. комментарий на с. 672.

...благо, вы в своём виде... — Здесь: трезвый.

С. 281. *Опростаться* — стать пустым.

С. 287. *Разве скоро всю нашу палестину-то обходишь!* — В значении: все наши места (по названию библейской страны Палестины).

Куражить — здесь: ободрять дух.

С. 288. *Мастеровой* — ремесленник, рабочий.

С. 289. *...он в присутствие не ходит...* — Т. е. не ходит на службу. Присутствие, присутственное место — государственное учреждение.

Вершок — мера длины, равная приблизительно 4,45 см.

С. 295. *Коляска* — лёгкий экипаж с открытым кузовом и откидным верхом. Коляски обычно запрягались парой или тройкой лошадей. Однако очень богатые люди ездили в коляске шестериком (см.: *Федосюк Ю. А.* Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX в. М., 2007. С. 203).

С. 296. *Аспид* — здесь: коварный, злобный человек.

С. 297. *...кантует теперь где-нибудь с купцом...* — Т. е. пирует, гуляет.

Е. Н. Белякова

СВОИ СОБАКИ ГРЫЗУТСЯ, ЧУЖАЯ НЕ ПРИСТАВАЙ!

Впервые опубликовано: *Библиотека для чтения.* 1861. № 3. С. 1—40.

Рукописные источники:

— черновой автограф (*ЧА*): *РГБ.* Ф. 216. Ед. хр. 3245;

— авторизованная писарская копия (*АПК*): *РГБ.* Ф. 216. Ед. хр. 3095.13;

— театральная писарская копия (*ТПК*), ранее представлявшаяся в цензуру, с пометами режиссёра: *ГТБ.* Шифр: I.7.5.98.

Печатные источники:

— *Библиотека для чтения.* 1861. № 3. С. 1—40 (отдельная пагинация);

— *Островский А. Н.* Сочинения: в 5 т. Т. 3. СПб., 1867. С. 3—55;

— *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. СПб., 1874. С. 7—48.

Печатается по тексту издания 1874 г. со следующими исправлениями по черновому автографу:

С. 304

[35] *Вместо:* от женского капризу — от женского каприза

С. 307

[19] *Вместо:* Что тут споришь-то! — Что тут спорить-то!

С. 309

[25] *Вместо:* воздушный поцалуй — воздушный поцелуй

С. 312

[29] *Вместо:* ног-то перед собой не буду слышать — ног-то под собой не буду слышать

С. 317

[38] *Вместо:* шарманка, что ли, пришла — шарманка, что ли, прошла

Установить точное время работы над пьесой непросто. Видимо, именно о ней идёт речь в двух недатированных письмах А. Ф. Писемского к драматургу. В декабре 1860 г. редактировавший в то время «Библиотеку для чтения» писатель сообщал Островскому, что рассчитывает получить его пьесу «к февральской книжке» (*Писемский А. Ф.* Письма. М.; Л., 1936. С. 142). Его ожидания, однако, не оправдались: судя по следующему письму, работа над ней продолжалась ещё в феврале 1861 г.: «Как ты ни подрезал меня, друг сердечной, но во всяком случае, бога ради, не насилуй себя и не торопись, и только по крайней мере — к мартовской-то книжке изготовь, а то, в противном случае, публика, пожалуй, подумает, что мы её надуваем объявлениями» (Там же. С. 143). Сохранившийся черновой автограф, однако, свидетельствует о том, что написание комедии шло очень быстро: в нём почти отсутствует правка, за исключением небольших стилистических исправлений и уточнений. Так, в первом слое текста в репликах Бальзаминова, адресованных матери, практически отсутствуют обращения «матушка», тогда как позже они вставляются практически в каждую реплику. Более значительные изменения также не свидетельствуют о концептуальных изменениях в построении пьесы и образах героев (см. раздел «Приложения. Другие редакции и варианты»). Ни авторизованная писарская копия, ни печатные издания также не содержат значительных разночтений. Очевидно, задержка в работе над пьесой объяснялась или продолжительным обдумыванием её плана, или, что более вероятно, отвлекавшими драматурга от работы внешними обстоятельствами. Не вносила изменений в текст пьесы и драматическая цензура — по крайней мере, сведения о её вмешательстве не сохранились. Впрочем, некоторые сокращения были внесены при постановке, видимо, руководством Императорских театров (см. раздел «Приложения. Другие редакции и варианты»).

К. Ю. Зубков

«Свои собаки грызутся, чужая не приставай!» — вторая часть трилогии о Бальзаминове (первая часть — «Праздничный сон — до обеда»). В «Своих собаках...» представлена вторая попытка главного героя найти себе богатую невесту, оказавшаяся столь же безуспешной, что и первая. В отличие от «Праздничного сна...», где купеческая дочка Капочка, предпочитающая поцелуи окольным, «издалека», разговорам о любви, была вполне удовлетворена манерами и любовным объяснением Бальзаминова (развитию отношений влюблённой пары помешал неожиданный приезд дяди героини), в «Своих собаках...» герой отвергнут самой героиней. 30-летняя купеческая вдова Анфиса Даниловна Антрыгина, заинтересовавшаяся скромным кавалером, ходившим мимо её окон, приглашает его в гости — и сразу разочаровывается в нём. Новым, по сравнению с «Праздничным сном...», является и мотив соперничества, который в первой комедии лишь намечен: Антрыгину уже два года обхаживает Павлин Устрашимов (имя и фамилия «говорящие»), получая от неё в дар «перстни да цепочки»; он бедный мелкий чиновник, сидящий с Бальзаминовым в присутствии «за одним столом». Следовательно, причиной неудачи Бальзаминова

здесь оказывается не его безденежье, но бедность его интеллектуальных, духовных возможностей. Хотя брошенное в окошко к Антрыгиной письмо Бальзаминова, написанное, по словам свахи, «учтиво, безо всякого охальства», понравилось вдове, его попытки выразить свои чувства при личной встрече вызывают лишь смех, чего и опасалась мать героя: «Что-то она тогда скажет, как поговорит-то с тобой!». Совсем иначе действует на Антрыгину ультраромантический язык страстей в письме Устрашимова: «Мрачную душу мою стерегут злые демоны», «...я с радостью встречу смерть и с адским хохотом закрою глаза свои». Слушая это письмо, подруга героини, Пионова, восклицает: «Ах, какие чувства! Ах, как ты счастлива, Анфиса, что тебя так любят!»

«Свои собаки грызутся, чужая не приставай!» — произведение, замечательное по виртуозной отделке автором речи персонажей — устной и письменной (письма Бальзаминова, Антрыгиной, два письма Устрашимова), по разнообразию речевых стилей[1]. Тонкостью своего замысла и мастерством воплощения пьеса контрастировала с привычной буффонадой водевилей, господствовавших на сцене, и была в целом недооценена большинством рецензентов.

16 августа 1861 г. комедия была передана вместе с пьесой «За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова)» в Театрально-литературный комитет и 30 сентября разрешена к постановке.

Впервые пьеса была сыграна в Малом театре 27 октября 1861 г., в бенефис С. П. Акимовой. Роли исполняли: Бальзаминова — Н. В. Рыкалова, Бальзаминов — А. А. Рассказов, Красавина — С. П. Акимова, Антрыгина — Л. П. Никулина-Косицкая, Пионова — Е. В. Бороздина (Бороздина 2-я), Устрашимов — В. А. Дмитревский, Матрёна — Е. Г. Рябова (Рябова 2-я), Маша — Легошина (Легошина 2-я). Спектакль прошёл успешно. Как отметил театральный критик А. Н. Баженов, «благодаря ровному, хорошему исполнению и блёсткам таланта г. Островского, новые сцены его смотрятся легко и не без интереса, а некоторые места их возбуждают единодушные взрыва рукоплесканий» (*М. вед.* 1861. № 252. 16 нояб. С. 2034).

В Александринском театре премьера состоялась 3 ноября 1861 г., в бенефис Ю. Н. Линской. Роли исполняли: Бальзаминова — П. К. Громова, Бальзаминов — И. Ф. Горбунов, Красавина — Н. П. Воронова, Антрыгина — Ю. Н. Линская, Пионова — А. П. Прокофьева, Устрашимов — П. С. Степанов, Матрёна — Волкова 1-я, Маша — Е. Н. Фёдорова (Фёдорова 2-я). Первоначально пьеса назначалась для бенефиса Е. М. Левкеевой, с успехом исполнявшей роль Капочки в «Праздничном сне...», как и другие роли в пьесах Островского. В письме к начальнику репертуарной части петербургских императорских театров П. С. Фёдорову (от 16 августа 1861 г.), соглашаясь на просьбу Левкеевой дать ей «Своих собак...» для бенефиса, драматург писал: «Если я этой малостью могу услужить г-же Левкеевой, я буду очень рад; она так много способствовала успеху моих пиэс, что эту может вполне считать своей собственностию». О такте, деликатности Островского в отношениях с актёрами свидетельствует и его благодарственное письмо Линской (от 20 октября 1861 г.), которая 18 октября 1861 г. также просила у драматурга разрешения взять эту же пьесу для своего бенефиса: «...я очень рад, о чём Вы и заявите Вашему

[1] О стилистике пьесы см.: *Капустин Н. В.* О письмах персонажей Островского: стратегии речевого воздействия // Щелыковские чтения 2006. В мире А. Н. Островского: сб. ст. / науч. ред., сост. И. А. Едошина. Кострома, 2007. С. 27—30.

начальству. В Вашем письме виден как будто упрёк мне, что я отдал эту пиэсу Левкеевой, а не Вам. Это объясняется очень просто: бенефис г-жи Левкеевой раньше Вашего, а пьеса была готова ещё весной, потому я её и отдал г-же Левкеевой; так как Ваш бенефис бывает обыкновенно поздно, то я думал написать Вам другую пиэсу и привезти её в Петербург».

На премьере в Александринском театре присутствовал член Театрально-литературного комитета А. Г. Ротчев, голосовавший на заседаниях комитета против постановки «Своих собак...». В ответ на его печатный отзыв о премьере, где он сообщал о «падении» пьесы на сцене, о публике, которая «разошлась при гробовом молчании» (*Р.* Театральные новости // *Северная пчела*. 1861. № 259. 18 нояб. С. 1074), артист и писатель И. Ф. Горбунов, игравший Бальзаминова, выступил с опровержением: «Ничего подобного не было! Публика смеялась, аплодировала и вызывала исполнителей... Наконец, пьеса была дана не один раз; следовательно, она не упала» (Петербургское обозрение (...Новая пьеса Островского. Письмо в редакцию по поводу отзыва об Островском) // *Северная пчела*. 1861. № 275. 9 дек. С. 1152). В письме же к Островскому (начало ноября 1861 г.) Горбунов отметил недружественное отношение к драматургу не только Ротчева, но и П. С. Фёдорова, который «напакостил» при постановке «Своих собак...»: «После "Отца семейства" дали какой-то паршивый водевиль, а вашу пьесу поставили в конец; но, при всём его желании, пьеса не упала, мы её играли уже три раза; во второе представление вызывали автора. Степанов был в Устрашилове[1] очень недурён; сваха — Воронина играла бесподобно; Линская была из рук вон плоха; про себя я вам скажу по совести: в первый раз я законфузился и играл не смело, во второй раз, начиная с чтения письма Устрашилова и до конца пьесы получал одобрение. За первый акт вызывали меня одного. За второй — меня и Воронину» (*Неизд. письма*. С. 672).

В целом в печати пьесу, о которой судили в основном по спектаклям, оценивали скорее как неудачу большого таланта. М. П. Розенгейм, обозревая премьеры Александринского театра, писал: «Об этой пьесе мнения довольно различны; во всяком случае, это одно из слабых произведений г. Островского, и публика встретила его довольно холодно, по крайней мере далеко не так, как она обыкновенно встречает пьесы этого писателя» (*М—р—ъ*. Заметки праздношатающегося // *ОЗ*. 1861. Т. 139, № 12. Современное обозрение. С. 52).

А. Н. Баженов, большой поклонник таланта Островского, приветствовавший удачную премьеру в Малом театре, позднее, к своему огорчению, нашёл в пьесе «водевиль, к тому же ещё наполовину заимствованный», с завязкой «битой-перебитой». Отметив тщательность отделки действующих лиц («Подумаешь, что работа не обошлась без лупы»), критик сожалел о том, что Островский повторяется: «...такому большому кораблю так мелко плавать не приходится. И что за колдун, каким углем обвёл около г. Островского очарованный круг, из которого он до сих пор не мог выйти. Очерченное пространство до того узко, что он принуждён был толочься часто на одном месте. В самом деле, сколько раз уже успел повториться Островский!» (*Один из многих. <Баженов А. Н.>* Беседы о театре // *Развлечение*. 1862. № 5. 31 янв. С. 65—68).

Однако А. А. Григорьев в статье «Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены» (*Время*. 1862. № 9) безоговорочно включил «Своих собак...» в перечень

[1] Здесь и далее в издании опечатка, правильно: Устрашимов.

из девяти пьес Островского, которые, будучи раз поставлены, к сожалению, редко даются на сцене. Это возмущает критика: «Да чем же так богата она, русская сцена, что может забрасывать в дальний ящик пьесы Островского?» (*Григорьев А. А.* Театральная критика. Л., 1985. С. 237).

При жизни драматурга пьесу ставили 4 раза в Малом театре (последний спектакль — 15 мая 1863 г.), в Александринском — 33 (последний спектакль — 11 января 1872 г.)[1].

С. 302. *...в Рогожскую ~ в Лефортово!* — Т. е. в далёкие от Замоскворечья районы Москвы.

...облому... — Т. е. неуклюжему, невоспитанному человеку, увальню.

С. 303. *Приказный* — мелкий чиновник, писец, пренебрежительно называемый также «приказная строка». В Московском государстве XVI—XVII вв. приказ (палата) — центральное государственное учреждение, ведавшее отдельной отраслью управления (напр.: Аптекарский, Ямской приказы) или отдельными областями государства. Хотя при Петре I большинство приказов были заменены коллегиями, преобразованными при Александре I в министерства, слово *приказный* употреблялось ещё долго.

С. 304. *Атанде-с!* — Подождите (от *фр.* attendez).

С. 305. *Интересан* — см. комментарий к слову *антиресан* на с. 706.

С. 307. *...молодой месяц видел с правой стороны.* — Ср.: «Кто увидит молодой месяц с правой стороны да спохватится показать месяцу хоть копейку медную, у того перевода денег не будет»; «Увидеть в первый раз молодой месяц с правой стороны — к счастью, весь месяц пройдёт благополучно; слева — к худу» (*Никитина Т. Г.* Большой словарь примет. М., 2009. С. 447—448).

С. 308. *...палестинам...* — Т. е. местностям, краям. Палестина — название территории в Передней Азии у восточных берегов Средиземного моря.

Пава — женщина с плавной походкой, величавой осанкой.

Амурное письмо — любовное письмо. Амур — любовь (от лат. названия бога любви Эрота, изображаемого в виде крылатого мальчика с луком и стрелами).

С. 309. *...безо всякого охальства.* — Охальство — нахальство.

С. 310. *Бобы развести* — заняться пустыми разговорами. «На бобах ворожили, гадали, причём ворожеи рассказывали всякие небылицы» (*Словарь к пьесам.* С. 19).

С. 311. *Лист гербовой бумаги* — см. комментарий на с. 672.

С. 312. *...проминаж ~ мараль ~ гольтепа ~ асаже...* — «Французские» слова Бальзаминовой образованы от русских корней: *проминаж* от глагола *проминаться*; *мараль* от глагола *марать*; *гольтепа* от существительного *голь*; *асаже* от глагола *осаживать*. Только два слова имеют сходство с французскими: *проминаж* близко и по звучанию, и по смыслу фр. *promenade*; слово мораль (фр. *morale*) давно вошло в русский язык, но Бальзаминова использует его в значении «позорить». Это приём народной этимологии. Семантический неологизм не придуман Островским, он взят из жизни и встречается в целом ряде его пьес, в двух вариантах написания: *мараль* и *мораль*. Даже Миша Бальзаминов знал это слово ещё до урока, данного ему матерью.

С. 316. *...в собрание.* — Купеческое собрание, или купеческий клуб в Москве. Этот клуб был основан в конце XVIII в., до 1879 г. его «действительными членами... могли быть только купцы и потомственные почётные граждане; лица других

[1] См.: *ИРДТ*. Т. 5. С. 412—537; *ПСС-12*. Т. 2. С. 769; *ЭО*. С. 435—440.

сословий могли быть только членами-посетителями», здесь «часто устраивались балы, маскарады, концерты, литературно-музыкальные вечера, спектакли и пр.» (*Словарь к пьесам*. С. 97).

С. 317. *...с аполетами...* — Т. е. с эполетами — погонами, закруглёнными с внешней стороны и украшенными золотыми или серебряными позументами. Эполеты — атрибут парадной формы офицеров, генералов и адмиралов.

С. 318. *В Сокольниках.* — Сокольники — «ближайшая в Москве дачная местность (ныне в черте города); название своё получила от сокольников, обучавших на Соколином дворе соколов для царской охоты XVI—XVII вв. Обширный Сокольничий парк с начала XIX в. стал излюбленным местом гулянья москвичей» (*Словарь к пьесам*. С. 194).

С. 320. *...мимо Чистых прудов...* — Чистые пруды — бульвар и пруды в Москве.

С. 322. *...не больно авантажно.* — Авантажно, т. е. бедно, посредственно, от *фр.* avantage — выгода, преимущество, превосходство (слово вошло в русский язык при Петре I).

С. 323. *Льются слёзы, дух мятётся...* — романс конца XVIII в. (см.: Приятное и полезное препровождение времени. СПб., 1795. Ч. 6. С. 30)[1].

Голос нежный. Так и в книжке напечатано. — Речь идёт о манере исполнения (см.: Новейший и полный песенник. М., 1817. Ч. 1. С. 39)[2].

Злой пастух! Весь твой дух... — романс конца XVIII в. на стихи А. П. Сумарокова (см.: Весельчак на досуге. СПБ., 1797. Ч. 2. № 283)[3].

С. 329. *...трахтом...* — искаж. от «трактом».

Л. В. Чернец

ЗА ЧЕМ ПОЙДЁШЬ, ТО И НАЙДЁШЬ (ЖЕНИТЬБА БАЛЬЗАМИНОВА)

Впервые опубликовано: *Время*. 1861. № 9. С. 5—49.

Рукописные источники:

— черновой автограф (*ЧА*): *РГБ*. Ф. 622. I. Ед. хр. 29;

— авторизованная театральная писарская копия (*АТК*): *МТ*. Инв. № 1946.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3. СПб., 1874. С. 49—115 — со следующим исправлением по журналу «Время»: С. 357

[19—20] *Вместо:* Я за низость считаю обманывать. — Я за низкость считаю обманывать.

Комедия «За чем пойдёшь, то и найдёшь» была закончена в августе 1861 г. 16 августа в письме к П. С. Фёдорову А. Н. Островский сообщает: «На днях я посылаю в Петербург своё новое чадо, которое прошу Вас принять так же благосклонно, как и все прежние» (*ПСС-12*. Т. 11. С. 133). Данное же Островским обещание опубликовать комедию в журнале братьев Достоевских «Время», вероятно, следует отнести

[1] См. также: *ПСС-12*. Т. 2. С. 769.

[2] См.: Там же.

[3] См. комментарий В. Я. Лакшина: *Островский А. Н.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1966. С. 507.

к июлю того же года. Именно в это время Ф. М. Достоевский посещает Москву и встречается с драматургом, о чём сообщает в письме к Я. П. Полонскому от 31 июля 1861 г. (см.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28, кн. 2. Л., 1985. С. 20).

19 августа в письме к Ф. М. Достоевскому Островский сообщает о том, что обещанная комедия завершена и отправлена: «Нездоровье помешало моей работе, и я кончил её позже, чем желал бы. Когда прочтёте эту вещь, сообщите мне в нескольких строках Ваше мнение о ней, которым я очень дорожу. Вы судите об изящных произведениях на основании вкуса; по-моему, это единственная мерка в искусстве. Вы меня крайне обяжете, если выскажете своё мнение совершенно искренно и бесцеремонно. <...> (В моей пьеске с лишком три листа). Ещё просьба, прикажите получше смотреть корректуры». В ответном послании от 24 августа Достоевский восторженно отзывается о полученной им комедии: «Вашего несравненного Бальзаминова я имел удовольствие получить третьего дня, и тотчас же мы, я и брат, стали читать его. Было и ещё несколько слушателей — не столько литераторов, сколько людей со вкусом неиспорченным. Мы все хохотали так, что заболели бока. Что сказать Вам о Ваших "сценах"? Вы требуете моего мнения совершенно искреннего и бесцеремонного. Одно могу отвечать: прелесть. Уголок Москвы, на который Вы взглянули, передан так типично, что будто сам сидел и разговаривал с Белотеловой. Вообще Белотелова, девицы, *сваха*, маменька, и, наконец, сам герой — это до того живо и действительно, до того *целая* картина, что теперь, кажется, у меня она вовек не потускнеет в уме. Капитан только у Вас вышел как-то частнолицый. Только верен действительности и не больше. Может быть, я не разглядел с первого чтения. Разумеется, я Вашу комедию прочту ещё пять раз. Но из всех Ваших свах — Красавина должна занять первое место. Я её видал тысячу раз, я с ней был знаком, она ходила к нам в дом, когда я жил в Москве, лет десяти от роду; я её помню. Кстати: некоторые из слушателей и из слушательниц Вашей комедии уже ввели Белотелову в нарицательное имя» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 28, кн. 2. Л., 1985. С. 23).

1 сентября 1861 г. комедия была допущена цензурой к печати (*Коган.* С. 110), а 14 сентября того же года М. М. Достоевский сообщает драматургу: «Ваши "сцены", за которые приношу Вам большую благодарность, уже отпечатаны. Цензура обошлась с ними самым почтительным образом — не выкинула из них ни слова. Корректуру держал я, и, надеюсь, Вы будете довольны» (*Неизд. письма.* С. 97).

В черновом автографе, датированном 1861 г., в верхнем левом углу первого листа сохранилась дарственная надпись А. Н. Островского: «Любезнейшему другу Михаилу Осиповичу Микешину 28 октября 1874 г.» (*РГБ.* Ф. 622. I. Ед. хр. 29).

Текст рукописи, свидетельствующий о позднем этапе доработки пьесы, содержит в себе ряд исправлений, сделанных рукой драматурга. В перечне действующих лиц первой картины вместо офицера в отставке Чебакова сначала значился Чепчугов, капитан (в этом чине он фигурирует и в письме Ф. М. Достоевского). Однако затем имя это исправлено и соответствует окончательной редакции (*РГБ.* Л. 1).

В перечне лиц, открывающих вторую картину, Белотелова именовалась Домной Евстигнеевной, «лет под 40» (*РГБ.* Л. 7).

Сёстры Пежёновы, «девицы лет под 30», в более раннем варианте текста характеризовались Красавиной: «одна девушка, другая вдова» (*РГБ.* Л. 1 об.). Фамилия «Пежёновы», прозвучавшая ещё в диалоге Бальзаминовой и Красавиной (1 явл., I картина), была помещена над другой, зачёркнутой автором (*РГБ.* Л. 1 об.). Анфиса

и Раиса имели дополнительную характеристику, не вошедшую в окончательную редакцию текста: «Выражение лица у обеих сестёр кисловатое» (*РГБ.* Л. 7). К имени «Химка» Островский добавил пояснение внизу страницы: «Афимья» (*РГБ.* Л. 7).

В третьей картине авторскому исправлению подвергается лишь вступительная ремарка «Декорация первого действия»: «Комната Бальзаминовых та же, что и в первой картине» (*РГБ.* Л. 13).

Драматург вносил изменения в реплики Чебакова, придавая им лексическую и интонационную выразительность. Например, в разговоре с Бальзаминовым (7 явл., I картина) Чебаков четырежды использовал повелительный глагол «послушайте» (*РГБ.* Л. 6), который позже был заменён Островским на более разнообразные обороты речи: «Вот что, Бальзаминов», «Послушайте, Бальзаминов», «Нет, господин Бальзаминов», «Как вы, Бальзаминов».

Исправления, касающиеся образа главного героя, свидетельствуют об авторском намерении смягчить характер, исключив из его речи серьёзность суждений. Как правило, вписанные позже реплики Бальзаминова усиливают черты детскости, присущие его образу.

Тщательно подбирает Островский каждое слово и в репликах других персонажей, заботясь о точности психологической характеристики героев, то заменяя нейтральное слово разговорно-выразительным вариантом, то предпочтя экспрессивному высказыванию его более спокойный эквивалент.

Особенно много лексических замен встречается в высказываниях Красавиной, образ которой был признан читателями и зрителями едва ли не самым ярким в комедии, а реплики свахи воспринимались как образец импульсивно-непроизвольной речи.

Рукопись комедии даёт представление о характере кропотливой работы автора над текстом произведения, где учтены все нюансы смысла, заключённые в том или ином обороте речи. Например, в сцене комической перебранки Бальзаминова и Красавиной (4 явл., I картина) вместо пословицы «Видит собака молоко, да рыло коротко», была другая, вычеркнутая драматургом: «И рад бы в рай, да грехи не пускают» (*РГБ.* Л. 4 об.). При общем значении «невозможность обрести желаемое» эти выражения разнятся оттенками смысла. В пословице «Видит собака молоко, да рыло коротко» говорится о чём-то соблазнительном и близком, но недоступном в силу причин, не только не зависящих от нас, но и не до конца осознаваемых нами. В случае с Бальзаминовым, слабо оценивающим реальную ситуацию, именно этот афоризм, предпочтённый автором, в большей степени отвечал характеру героя и обстоятельствам, в которые он попадает. Авторизованная театральная копия (режиссёрский экземпляр), датированная 1863 г., была сделана в связи с постановкой комедии в московском Малом театре к бенефису С. В. Шумского. Текст её близок окончательной редакции пьесы.

Е. Н. Белякова

«За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова)» — завершающая часть трилогии, что отражено в заглавии пьесы. Герой достигает предела своих мечтаний. Но одновременно он и наиболее унижен. Мотив объяснения в любви (сквозной в трилогии) по сравнению с предшествующими пьесами упрощён донельзя: сваха Красавина, понявшая, что её клиенту «умней себя искать невесту нельзя», находит ему купчиху Белотелову, которой в качестве свадебной прелюдии достаточно было

сказать одно слово: «Влюблён-с». Терпит полный крах затеянная героем собственная интрига: Чебаков оказывается не сообщником, но кукловодом, который безжалостно помыкает доверчивым Бальзаминовым; под стать Чебакову и коварные сёстры Пежёновы. Переплетение двух сюжетных линий, сватовства к двум невестам, не противоречит сказочному принципу утроения в трилогии: ведь Бальзаминов, буквально ошалев от одержанных им, как ему кажется, амурных побед, хочет жениться сразу на двух. Мотив безразличия героя к самой невесте (была бы богата!), тоже сквозной в трилогии, доведён здесь до гротеска: утратив всякое чувство реальности, герой мечтает, что после женитьбы «на обеих» (Белотеловой и Раисе Пежёновой) «можно будет забор-то разгородить, сады-то у них рядом, и сделать один сад». И мечты, и мысли бедного (и в прямом, и в переносном смыслах) Бальзаминова обнажают, как в фантасмагорическом сне, логику поведения менее откровенных искателей богатых невест в пьесах Островского.

В Театрально-литературном комитете постановку комедии запретили. 23 сентября 1861 г. на его заседании она была забаллотирована семью голосами против трёх (см.: *Коган*. С. 110). Знавший хорошо подноготную прений, И. Ф. Горбунов в конце сентября писал Островскому: «Против пьесы шли Краевский[1] с компанией... <...> Фёдоров[2] и нашим и вашим, как всегда» (*Неизд. письма*. С. 670—671). О реакции Островского на суровый цензурный вердикт (который не смогли смягчить хлопоты И. Ф. Горбунова, Ф. А. Бурдина и других артистов Александринского театра) можно судить по взволнованному письму драматурга к П. С. Фёдорову от 26 октября 1861 г.: «Как могло это случиться? И по моему собственному убеждению, да и по отзыву людей, наиболее заслуживающих доверия, эта пиэса нисколько не хуже других моих пиэс, пропущенных Комитетом, не говоря уже о множестве переводных и оригинальных произведений других авторов. Моя вещь не пропущена, а бездна вещей, совершенно никуда не годных, пропускается Комитетом. Что же это значит? Но допустим, моя вещь слаба (чего допустить никак нельзя), разве мои прежние труды, мои 14 пиэс, не ограждают уже меня от строгого приговора! Из всего этого, при самом беспристрастном взгляде, можно вывести только одно заключение и именно явное недоброжелательство ко мне Комитета. За что бы, кажется?» И далее драматург решительно заявлял: «Поверьте, что этот поступок Комитета оскорбителен не для одного меня в русской литературе, не говоря уже о театре. Так как гласно протестовать против решения Комитета я не могу, то у меня остаётся только одно: отказаться совершенно от сцены и не подвергать своих будущих произведений произвольному суду. <...> При таком разногласии Комитета с общественным мнением, при таком недоброжелательстве ко мне, я вправе ожидать, что и более серьёзные, более дорогие для меня пиэсы, могут подвергнуться той же участи. А я не хочу рисковать получить новое оскорбление, с меня довольно и одного» (*ПСС-12*. Т. 11. С. 137—138).

В оценке своей комедии Островский мог уверенно ссылаться на «общественное мнение». Оно выразилось однозначно и громко: над Комитетом потешались сатирические листки с карикатурами «Искра», «Гудок». Прозрачно указал на личности литературных судей В. С. Курочкин, выступавший в «Искре» под псевдонимом Пр. Знаменский: «Есть у нас ещё новость из драматического мира: последние сцены А. Н. Островского "За чем пойдёшь, то и найдёшь", напечатанные в журнале

[1] А. А. Краевский — издатель, редактор, журналист, педагог.

[2] П. С. Фёдоров — начальник репертуарной части петербургских императорских театров.

"Время" и понравившиеся всей грамотной публике, признаны никуда негодными некоторыми ценителями театра, аматёрами[1]. Что это за люди, откуда они вышли и куда идут? Ничего этого мы не знаем, но уверены вместе с читателями, что мнения каких-нибудь Митрофанов Ивановичей, Назаров Назаровичей, Павлов Степановичей, Андреев Александровичей, Александров Гавриловичей, Петров Ильичей, Ивановичей, Андреичей и всяких других ничтожно перед общим мнением людей, понимающих искусство» (*Искра.* 1862. № 44. С. 639—640). По имени и отчеству (начиная с третьего лица в перечне) здесь названы члены Комитета П. С. Фёдоров, А. А. Краевский, А. Г. Ротчев, П. И. Юркевич, П. И. Зубров, П. А. Каратыгин, голосовавшие против постановки. В «Гудке», в «Записках Дон Кихота С.-Петербургского» (под этим псевдонимом скрывался Д. Д. Минаев), П. С. Фёдоров был иронически назван Репертуаровым, отлучавшим, совместно с другими членами Театрального комитета, театр от настоящей литературы и заполнявшим сцену Александринского театра водевилями В. А. Дьяченко и собственными: «Литература говорит одно, а сцена — другое. Литература, например, указывает на Гоголя и Островского, а на сцене произведения этих писателей не признаются и почти совершенно не позволяются» (*Гудок.* 1862. № 40. С. 315); составляющие комитет личности «весьма мало известны как эстетики и литературные критики; между тем обязанность их оценять на *жизнь* или *смерть* произведения самой высшей литературной формы» (*Гудок.* 1862. № 42. С. 330); по допуску на сцену «водевили П. С. Фёдорова гораздо счастливее пьес Островского» (Там же). В защиту пьесы выступил Ч. Комитетский, поддержав Д. Д. Минаева в его иронии над «отлучением» театра от настоящей литературы: «Последняя комедия г. Островского так хороша, что едва ли не одно из лучших его произведений, и на сцене имела бы успех громадный; её и читать-то нельзя, не умирая со смеху. Отчего же... этой комедии нет на сцене?» (*Комитетский Ч.* Голос за петербургского Дон-Кихота (По поводу статей Театрина) // *Время.* 1862. № 10. С. 190—191).

Но и у «Павлов Семёновичей» были свои единомышленники, не находившие «ни мысли, ни содержания» в похождениях Бальзаминова, «которого иначе никто не называет, как дураком», — так писал анонимный рецензент газеты «Голос» (Вседневная жизнь («За чем пойдёшь, то и найдёшь»...) // *Голос.* 1863. № 6. 6 янв. С. 21—22).

Н. А. Некрасов, которому Островский в письме (конец ноября 1861 г.) сообщил о своём намерении «совсем оставить театр», незамедлительно обратился к директору императорских театров А. И. Сабурову. «Саб<уров> принял Вашу сторону, — в письме к Островскому от 5 декабря 1861 г. сообщал Некрасов об итогах своего визита к высокопоставленному чиновнику, — но уверяет, что этот комитет действует по мысли его. Однако ж, вразумившись, что дело сделано подлое, обещал его переделать, да вот и не делает ничего — я к нему на днях опять поеду» (Переписка Н. А. Некрасова: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 109). Решение было пересмотрено Комитетом лишь 17 ноября 1862 г. Пьеса была одобрена большинством голосов (шесть против четырёх), но с обидной для драматурга оговоркой: она допускалась к представлению лишь на Александринском театре, посещаемом «менее взыскательной частью публики» (*Коган.* С. 121). В этот же день Ф. А. Бурдин писал Островскому: «Ура! Ты возвращён Театру и нам. Сию минуту получил известие — пьеса "Женитьба Бальзаминова" одобрена Комитетом! Краевский уехал как зелёный малахит! Наша взяла!» (*Бурдин.* С. 14).

[1] Аматёр (*фр.* amateur, от *лат.* amator) — любитель, охотник до чего-либо.

Имея в виду долгий путь комедии на сцену, Островский, сильно нуждавшийся в то время, шутил в письме к С. С. Кошеверову от 7—8 ноября 1861 г.: «Пиэса моя... не оправдывает своего заглавия; я написал её затем, чтоб получить деньги, а денег за неё не получаю».

В Александринском театре премьера состоялась 1 января 1863 г. Роли исполняли: Бальзаминова — Ю. Н. Линская, Бальзаминов — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Красавина — Н. П. Воронова, Чебаков — П. С. Степанов, Белотелова — А. П. Васильева (Васильева 2-я), Анфиса — М. М. Александрова, Раиса — А. П. Натарова, Матрёна — О. А. Рамазанова, Химка — Трейефельд.

Обозревая зимний сезон 1862/63 г. в Александринском театре, М. Фёдоров отметил успех комедии и поддержал В. С. Курочкина и Д. Д. Минаева, иронизирующих над репертуарной политикой начальства: «Сцены Островского "За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова)" были играны всего только два раза. Отчего? — Не знаем. Это тайна. Вероятно, гг. распорядители хотели поставить на своём и во что бы то ни стало доказать, что пьеса Островского, хотя и пропущенная ими во втором чтении, не может нравиться публике, т. е. не делает сборов, и что пьесы г-на Дьяченки гораздо выше, ибо они долго удерживаются на афишке. Сцены Островского понравились публике; в оба представления театр был совершенно полон. Публика от души хохотала той весёлости и тому юмору, которые проходят через всю пьесу, она с напряжённым вниманием следила за похождениями несчастного Бальзаминова, которому наконец удалось найти невесту. Разумеется, мы не придаём слишком большого значения сценам Островского, но, как игривые и верные картины, они стоят неизмеримо выше всех произведений небольшого объёма, дающихся на сцене Александринского театра. Исполнение "Женитьбы Бальзаминова" нельзя назвать удачным; мы скажем только, что г. Васильев 2-й утрировал роль Бальзаминова и прибегал к фарсу» (*Фёдоров М.* Русская сцена. Зимний сезон 1862—1863 года // *БдЧ.* 1863. Т. 175, № 2. Современная летопись. С. 10). Однако другие рецензенты восхищались комедийным талантом П. В. Васильева (см.: Русский театр // *Северная пчела.* 1863. № 5. 8 янв. С. 26—27; *Александров В. <Крылов В. А.>* Театральная хроника // *СПбВед.* 1863. 10 янв. С. 1). Впоследствии (начиная с 1880 г.) в роли Бальзаминова с блеском выступал принятый в труппу Александринского театра В. Н. Давыдов.

В Малом театре первое представление комедии состоялось 14 января 1863 г. Роли исполняли: Бальзаминова — Н. В. Рыкалова, Бальзаминов — А. А. Рассказов, Красавина — С. П. Акимова, Чебаков — В. А. Дмитревский, Белотелова — А. И. Колпакова, Анфиса — В. В. Бороздина, Раиса — А. И. Колосова, Матрёна — Х. И. Таланова, Химка — В. Д. Стрекалова.

При жизни Островского пьеса в Малом театре прошла 57 раз (последний раз — 3 февраля 1885 г.); в Александринском театре — 32 раза (последний раз — 6 декабря 1881 г.)[1]. В 1965 г. по мотивам всей трилогии был поставлен режиссёром К. Н. Воиновым (он же написал сценарий) яркий комедийный фильм «Женитьба Бальзаминова»[2].

Драматург и теоретик драмы Д. В. Аверкиев, современник Островского и ценитель его таланта, предвидел долгую жизнь пьесы, завершающей цикл о Бальзаминове: «...я твёрдо убеждён, что одна из его комедий, вначале оценённая весьма немно-

[1] См.: *ИРДТ.* Т. 5. С. 452—453; *ПСС-12.* Т. 2. С. 775; *ЭО.* С. 435—440.

[2] См.: Кино: Энциклопедия / гл. ред. С. И. Юткевич. М., 1986. С. 78.

гими, даже отвергнутая театрально-литературным комитетом, как недостойный фарс, а именно "Женитьба Бальзаминова" чем дальше, тем более и более станет возвышаться в общем мнении»[1].

С. 334. *Вдруг вижу я, маменька, будто иду я по саду; навстречу мне идёт дама красоты необыкновенной и говорит...* — «Видеть во сне сад зелёный или цветущий — знак радости и получения значительной прибыли»; прогуливаться в саду, роще — «успех в намерении...»; «видеть во сне девушку — знак радости; говорить с ней — знак чести...» (Новейший краткий сонник. Толкование сновидений известного старца Мартына Задеки. М., 1914. С. 26, 78, 9).

С. 335. *Ну вот всю жизнь и маяться.* — Примета: «В мае родиться — весь век промаяться» (*Даль В. И.* Пословицы русского народа. М., 1957. С. 881).

С. 338. *Одних только денег и билетов...* — Билеты — банковские кредитные билеты. См. также комментарий на с. 717—718.

Артитехторы — искаж. от «архитекторы».

С. 339. *Никто души моей не знает...* — Слова из романса на стихи Д. Т. Ленского «Напрасно я забыть её стараюсь» (Репертуар русских театров. СПб., 1840. Т. 2. Смесь. С. 27), получившего известность в музыкальной обработке Вл. Арсеньева, Н. Новикова, Н. Ф. Вителяро, П. Булахова («Я не могу её забыть»), К. А. Тарновского (ср.: *ПСС-12*. Т. 2. С. 775):

Ах! нет, никто души моей не знает
И чувств моих не может оценить;
Счастлив, кто всё на свете забывает...
Я не могу её забыть!..

С. 340. *Афронт* — от *фр.* affront — позор, неудача.

С. 342. *Чай, только магистрат и знаешь? Нам с тобой будет суд особенный! Позовут на глаза — и сейчас решение.* — Красавина противопоставляет магистратам (введённым при Петре I и просуществовавшим до 1885 г. выборным городским управлениям, которые ведали судебно-административными и податными делами) «суд особенный», т. е. учреждённый ещё при Екатерине II Совестной суд, решавший сравнительно незначительные дела на основе устных показаний сторон, «по совести». Островский с 1843 по 1845 г. работал «служителем» в Московском Совестном суде.

...тебя в лабет поставят. — Лабет (от *фр.* la bête в выражении «faire la bête») — недобор взяток в карточной игре, влекущий за собой денежный штраф; в переносном смысле «поставить в лабет» значит поставить в неловкое положение, сконфузить.

С. 347. *Иногда колокол льют, так нарочно пустую молву пускают, чтоб звончее был.* — «Колокола лить — распускать ложные слухи, сплетни. Выражение это возникло из старинного московского обычая распускать нелепый слух о какой-либо небылице, когда на колокольном заводе начинали лить новый колокол. Чем нелепее и громче был слух, тем звончее и чище будет колокол, — так думали суеверные колокололитейные заводчики» (см.: *Словарь к пьесам*. С. 88).

Днём под Каменным мостом живут... — Большой Каменный мост на Москве-реке возле Кремля, построенный в XVII в. вместо деревянного. В старину под его семью арками собирались воры, ограбленных и убитых бросали в реку. В 1859 г. мост был перестроен уже без арок, но память о грабежах осталась (см.: *Словарь к пьесам*. С. 82).

[1] *Аверкиев Д. В.* Дневник писателя. СПб., 1886. С. 252.

С. 351. *Люди, Червь* — названия букв «Л» и «Ч» в старой русской азбуке (кириллице). Современный русский алфавит был принят в 1918 г.

С. 359. *...вижу корабль.* — Ср.: «Видеть во сне корабль — знак получения чести и богатства...» (Новейший полный сонник. Толкование сновидений известного старца Мартына Задеки. М., 1914. С. 16).

С. 360. *Сначала я вижу мост...* — Ср.: во сне «переходить мост — избежать опасности» (Миллион снов. Новый и полный сонник. М., 1902. С. 70).

Китай-город — часть Москвы, расположенная между Кремлём, Москвой-рекой и рекой Неглинкой. До начала XX в. отделялась от остального города Китайгородской каменной стеной, построенной в 1534—1538 гг. Китай-город издавна был главным торговым местом города.

С. 364. *Эрмитаж* — летний сад и театр в Москве, в Каретном ряду.

С. 367. *...ездят к Ивану Яковличу, в сумасшедший дом...* — Иван Яковлевич Корейша — юродивый и «прорицатель», в 1817 г. заключённый в больницу для умалишённых в Москве. Вследствие своей популярности (в его предсказания и советы верили многие купцы, мещане и даже светские люди) был помещён в отдельную комнату, где за деньги (20 коп. с человека) к нему пропускали посетителей. Пик его популярности приходился на 1850-е гг., умер он в 1862 г. В пьесах Островского Иван Яковлич (Яковлевич) упоминается неоднократно, в связи с мотивом суеверия (см.: *Словарь к пьесам.* С. 74, 91; *Мотеюнайте И. В.* Восприятие юродства русской литературой XIX—XX веков. Псков, 2006).

Л. В. Чернец

ГРЕХ ДА БЕДА НА КОГО НЕ ЖИВЁТ

Впервые опубликовано: *Время.* 1863. № 1. С. 35—110.

Рукописные источники:

— черновой автограф (*ЧА*): *РГБ.* Ф. 216. М. 3246. Ед. хр. 1. 25 л.;

— цензурная театральная копия (*ЦТК*): *ГТБ.* Шифр: I.2.4.46. 51 л.;

— авторизованная писарская копия (*АПК*): *ГТБ.* Шифр: I.2.4.45. 57 л.;

— театральная писарская копия ($ТПК_1$): *МТ.* Шифр: 1284/1. 104 л.;

— театральная писарская копия ($ТПК_2$): *МТ.* Шифр: 1284/2. 69 л.;

— цензурная писарская копия (*ЦПК*): *СПБФ АРАН.* Ф. 2. Оп. 5б. Д. 24. 59 л.

Печатные экземпляры, имеющие правку:

— театральный экземпляр ($ТЭ_1$): *ГТБ.* Шифр: I.2.2.58 а. 110 с.;

— театральный экземпляр ($ТЭ_2$): *ГТБ.* Шифр: I.3.7.2. 92 с.

Печатается по тексту издания: *Островский А. Н.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. СПб., 1867. С. 3—110 — со следующими исправлениями:

С. 377

[19] *Вместо:* Кто это — Кого это (по *ЧА, ЦТК, $ТПК_1$, $ТПК_2$, АПК, ЦПК, Времени*)

С. 381

[30] *Вместо:* не принцесса какая — не прынцеса какая (по *ЧА, ЦТК, $ТПК_1$, $ТПК_2$*)

С. 382

[2—3] *Вместо:* Такая была она — Такая она была (по *ЧА, $ТПК_1$, $ТПК_2$, ЦПК, Времени*)

С. 390

[11] *Вместо:* пялилась — пялишься — *конъектура по смыслу*[1]

С. 396

[18] *Вместо:* поглядывай, я тебе говорю — поглядывай! Поглядывай, я тебе говорю (по *ЧА, ЦТК, ТПК$_1$, ТПК$_2$, АПК, ЦПК, Времени*)

С. 397

[12] *Вместо:* теперь не пью чаю — я теперь не пью чаю (по *ЧА, ЦТК, ТПК$_1$, ТПК$_2$, ЦПК, Времени*)

[33] *Вместо:* низости — низкости (по *ЧА, ЦТК, ТПК$_1$, ТПК$_2$, АПК, ЦПК, Времени*)

С. 400

[14] *Вместо:* когда вам — пока вам (по *ЧА*)

С. 415

[22] *Вместо:* всего высказать — всего выказать (по *ЧА, ЦТК*)

[25] *Вместо:* любовь высказать — любовь выказать (по *ЧА, ЦТК*)

С. 416

[15] *Вместо:* лаской всё — всё лаской (по *ЧА, ЦТК, ТПК$_1$, ТПК$_2$, АПК, Времени*)

[25] *Вместо:* насмешками — смешками (по *ЧА, ЦТК, Времени*)

С. 419

[13–14] *Вместо:* Что говорила — не знаю, что теперь делаю — не помню. — Что говорила — не помню, что теперь делаю — не знаю. (*по ЦТК, ТПК$_1$*)

С. 426

[6] *Вместо:* зова — зову (по *ЧА, ЦТК, ТПК$_1$, ТПК$_2$, ЦПК, Времени*)

Сюжетом для драмы послужил рассказ молодого купца Горячева — сына подрядчика, занимавшегося перевозкой грузов и денег на Нижегородскую ярмарку. «Жизнь в доме его отца, — вспоминал В. М. Минорский, — конечно, ничем не отличалась от жизни замоскворецкого купечества: так же рано ложились спать, так же рано запирались ворота. На беду Горячев-сын прямо-таки пристрастился к театру, но выходить из дому и особенно так поздно возвращаться домой у них возбранялось, но он не останавливался ни перед чем... Он поражал Островского своей энергией, силою и нравственной мощью, и с него, как говорил сам драматург... он списал своего Краснова ("Грех да беда на кого не живёт"), конечно, пропустив наблюдения над личностью Горячева сквозь горнило своего творчества» (*Восп.* С. 312).

В июне 1862 г. издание «Современника», с которым Островский заключил соглашение на публикацию произведений, было приостановлено цензурой. Через некоторое время драматург, вероятно, в частной беседе, обещает М. М. Достоевскому, редактору журнала «Время», новую пьесу. В письме к Островскому от 17 октября 1862 г. М. М. Достоевский пишет: «Считаю лишним упоминать, с каким нетерпением и брат, и я, мы ждём Вашего нового произведения» (*Неизд. письма.* С. 101). Очевидно, речь идёт о драме «Грех да беда на кого не живёт».

ЧА представляет собой текст, написанный «затухающим» серым карандашом. На титульном листе *ЧА* поверх стёртой записи рукой Островского обозначена дата начала («25 октября»), а на последнем листе поставлена дата окончания работы над пьесой: «26 ноября 1862 года». Имена, отчества и фамилии персонажей первого действия сначала были другие, но все они стёрты, и вписаны новые, вошедшие

[1] Впервые: *ПСС-16.* Т. 3. С. 223.

в текст окончательной редакции. Так, фамилия Бабаев впервые не поверх стёртого слова написана только в тексте 1-го явления 2-й сцены I действия; фамилия Зайчиха на протяжении всего текста была иная и исправлена уже по окончании всей пьесы. Какие были первоначальные имена действующих лиц, восстановить невозможно, за исключением одного случая: слугу Бабаева звали Прокофий, потом это имя зачёркнуто и над строкой вписано: Карп. Кроме стёртого списка действующих лиц и нескольких стёртых реплик, в рукописи имеются два листа малого формата, на которых написаны фрагменты 1-го явления I действия и 6-го явления 2-й сцены IV действия. Второе действие первоначально не имело деления на сцены, и только закончив пятое явление и написав заголовок «Сцена вторая», драматург вернулся к началу действия и приписал над строкой: «Сцена первая». Не сразу сложились сцены объяснения Татьяны с мужем («Ну уж вы что хотите делайте...»), с Бабаевым («Вот тогда я тоже опоздала...»; «Тебе хорошо, ты свободный человек...»), с дедом Архипом («Я его люблю, как по закону следует...»). Стилистической обработке подверглись реплики Бабаева в первом действии («Ну, нет, я вас не забыл...»; «Долго ли пробуду-то?..»; «Только вот что, душенька Татьяна Даниловна!..»), высказывания Краснова во втором и третьем действиях («Коли горячий человек...»; «Вы, чай, сами знаете какой-с...»; «Так мы и будем вас понимать...»). Наибольшие трудности у Островского вызвала работа над 1-м явлением III действия и 6-м явлением 2-й сцены IV действия (см. раздел «Приложения. Другие редакции и варианты»). Так, в 1-м явлении III действия Краснова жалуется сестре на свою судьбу: «За кусок хлеба продала я свою молодость немилому человеку, и день ото дня он мне всё противней становится». Эти слова драматург вписывает между строк вместо зачёркнутых: «А хуже то всего, что мне муж уж очень опротивел. С ним мне жить весь век — слезы лить». Правка свидетельствует о том, как важно было драматургу обосновать неприязнь героини не просто к мужу, а к «немилому человеку», усиливающуюся «день ото дня». Но также постепенно, «капля за каплей», нарастает злоба в душе Краснова в 6-м явлении 2-й сцены IV действия. Текст этого явления исправлен в *ЧА* до окончательного варианта, за исключением реплики Краснова («Да подайте мне ножик!»), которая в последнем слое *ЧА* выглядит следующим образом: «Ножик мне. Ножик». Изучая поправки, существенно изменившие нижний слой автографа, Н. П. Кашин пришёл к выводу, что «первоначальному рукописному тексту не хватало ещё той художественной простоты, той изумительной чеканки, которая появилась, как только резец художника ещё раз прошёлся по материалу»[1]. Рукопись была подарена чиновнику московской дворцовой конторы Н. И. Шаповалову, на что указывает вписанная на титульном листе фамилия.

Переписчику было бы чрезвычайно сложно разобраться с множественными перестановками, зачёркиваниями и дополнениями в *ЧА*; вполне вероятно, существовал беловой автограф, с которого писались копии. Одну из них Островский лично передал директору императорских театров А. М. Борху в середине декабря (см. письмо С. С. Кошеверову от 20 декабря 1862 г.). На титульном листе *ЦТК* имеется надпись: «22 декабря 1862 года по р<еестру> н<ачальника> р<епертуарной> ч<асти> № 1061. По журналу Театрального Литературного комитета 22 декабря 1862 года одобрена к представлению. Председатель комитета П. Юркевич». *ЦТК* написана чёрными чернилами, есть правка карандашом, синими и красными чернилами. Некоторые

[1] *Кашин Н. П.* «Грех да беда на кого не живёт». *РГАЛИ*. Ф. 970. Оп. 9. Ед. хр. 158. М., 1937. Л. 6.

изменения, сокращающие отдельные сцены и реплики, сделаны до того, как пьесу прочитал цензор. Возможно, благодаря этой правке при пересказе содержания пьесы в отчётном рапорте И. А. Нордстрем акцентирует внимание лишь на любовном конфликте: «Молодой помещик Бабаев скучает в уездном городе... Жмигулина, пустая и безнравственная женщина, желая развлечь сестру, предлагает Бабаеву устроить свидание его с Таней. <...> Родственники Краснова, озабоченные сохранением домашней его чести, уже вселили сомнение в честную его душу. Однако Таня, по совету сестры, успевает лицемерною любовью успокоить его ревность и, пользуясь затем отсутствием мужа из дома, вновь отправляется на свидание к Бабаеву. <...> Краснов, оскорблённый в глубине души, под влиянием гнева убивает жену (за сценою). Эта новейшая пьеса талантливого нашего драматурга Островского, появления которой с нетерпением ожидает публика, есть отчасти картина того же "тёмного царства", которое изображалось им в прошлых его пьесах, и вместе с тем, она, во многом, напоминает не одобренную к представлению драму Писемского "Горькая судьбина". Разрешение настоящей пьесы Островского Цензура представляет на усмотрение начальства» (*РГИА*. Ф. 780. Оп. 1. Д. 39. 1862. Л. 205—206). Несмотря на сомнения, И. А. Нордстрем всё же даёт положительное заключение: «Одобряется к представлению. С.-Петербург, 31 декабря 1862 г. Цензор Действит<ельный> Стат<ский> Советник Нордстрем» (*ЦТК*. Л. 1).

Другая копия пьесы была передана в журнал «Время». 28 декабря 1862 г. М. М. Достоевский писал автору: «Драма Ваша уже в наборе, и к Вашему приезду, я надеюсь, корректуры будут уже готовы» (*Неизд. письма*. С. 102).

На VI Уваровский конкурс была представлена *ЦПК* без подписи автора и без исправлений. На титульном листе этой копии имеется надпись: «Печатать позволяется с тем, чтобы по отпечатании было представлено в Цензурный Комитет узаконенное число экземпляров. Санкт-Петербург, 28 декабря 1862 года. Цензор В. Бекетов». Этим же числом датирована запись Комитета по Уваровским премиям о получении рукописи на конкурс: «№ 1263. Декабрь 28. 1862 г. VI Увар<овский> конк<урс>» (*ЦПК*. Л. 1). Текст *ЦПК* близок первопечатному, а небольшие отличия, которые имеются между ними, объясняются корректурной правкой, сделанной, вероятно, в середине января 1863 г. во время поездки драматурга в Санкт-Петербург.

Тексты рабочих копий сверялись, как правило, с цензурованными экземплярами. Например, почти все изменения, сделанные чёрными чернилами в *АПК*, совпадают с поправками в *ЦТК*, а на титульном листе $ТПК_2$ вписана резолюция: «С цензурованным экземпляром сверено. 11 янв<аря> 1863 г.». Влиянием цензуры объясняется, в частности, изменение фразы «Народ без креста» (3 явл., I д.). В *ЧА*, *ЦТК* и $ТПК_1$ было: «Народ хам»; в *ЦТК* последнее слово зачёркнуто красными чернилами (единственная правка такого рода) и ничем не заменено, а в $ТПК_1$ — зачёркнуто серым карандашом; в *АПК* и *ЦПК* эта фраза вообще отсутствует. Впервые выражение «Народ без креста» появляется в $ТПК_2$, где оно вписано серым карандашом над строкой. В таком виде фраза приводится во «Времени», а также во всех последующих изданиях пьесы. В других случаях изменения имели лексический характер. Так, реплика Красновой: «Что говорила — не помню...» (8 явл., III д.) — в *ЧА* и $ТПК_2$ выглядит следующим образом: «Что говорила — не знаю...». В *ЧА* эти слова были вписаны на полях, в $ТПК_2$ — над строкой; в *ЦПК* и *АПК* данная реплика Татьяны отсутствует; в *ЦТК* и $ТПК_1$ подвергается инверсии, а в прижизненных изданиях

соответствует написанию в *ЧА* и *ТПК*$_2$. Впервые фраза была восстановлена по *ЦТК* в *ПСС-12*.

С точки зрения театрально-постановочных решений интерес вызывают два экземпляра Александринского театра. На первых листах *АПК* даны эскизы декораций, детально расписан интерьер 1-й сцены I действия (слова и фразы на рисунке взяты в кавычки): прямо «выходная дверь», направо «окно», налево «дверь» в соседнюю комнату, на авансцене стулья (слева) и стул (справа), у задней стены «диван с чехлом», перед ним «чемодан с двумя <*нрзб.*>», «стол». Под рисунком сделана запись чернилами: «Замечание для 1 акта и для 2-го 2-й картины: диван должен быть закрыт чехлом до полу; его двигают сзади и ложатся для перемены. У часов ходит маятник, во 2-м акте. За кулисами через верёвку его качают». В тексте суфлёрского театрального экземпляра (*ТЭ*$_1$), представляющего собой вырезку текста из «Времени», зачёркнута завершающая пьесу реплика Курицына: «Не ждал, не гадал, а в беду попал! Беда не по́ лесу ходит, а по́ людям». В таком виде драма приобретала особый нравственный смысл, поскольку заканчивалась словами Архипа: «Не захотел ты подождать милосердного суда Божьего, так и сам ступай теперь на суд человеческий! Вяжите его!»

Текст пьесы в собрании сочинений Островского под редакцией Д. Е. Кожанчикова (СПб., 1867) имеет незначительные отличия от журнальной публикации 1863 г.: исправлены опечатки, произведена замена некоторых просторечий (например, низкости — низости, смешками — насмешками). Во всех последующих прижизненных изданиях текст пьесы воспроизводился без изменений.

А. А. Виноградов

Из письма Островского к С. С. Кошеверову от 20 декабря 1862 г. известно, что пьесу «Грех да беда на кого не живёт» драматург отдал прямо в руки недавно назначенному на пост директора императорских театров А. М. Борху, обещавшему «похлопотать» о её постановке. В том же письме Островский пишет: «Когда я прочёл пиэсу, Анненков сказал: "За эту пиэсу не надо ни хвалить, ни благодарить, а надо поздравлять автора"».

Анонимный рецензент писал: «Новая пьеса г. Островского принадлежит... к лучшим произведениям последней эпохи его драматического творчества». Хотя автор статьи не находит в ней «нового слова» и указывает на повторяющиеся мотивы и образы, но, по его мнению, «сила таланта» Островского «до сих пор не изменяет ему в подробностях, и чисто русский дух, проникающий все его пьесы, придаёт им жизненность, неотразимо действующую на зрителя» (Театральные заметки // *Рус. инвалид.* 1863. № 22. 27 янв. С. 99).

Во многом единодушен с рецензентом «Русского инвалида» автор появившейся в тот же день заметки в газете «Голос». При этом он отмечает, что «наряду с безусловными восторженными похвалами слышатся строгие и решительные порицания». По мнению критика, пьеса повторяет то, что было в «Грозе», лица героев взяты из разных пьес: Таня — Авдотья Максимовна, Жмигулина — Арина Федотовна («Бедность не порок»), «Краснов живо напоминает Бородкина, только женившегося и более строгого к жене, чем к невесте» («Не в свои сани не садись»), другие лица «тоже знакомы». Рецензент сравнивает пьесу с русскими песнями: «Как похожа одна русская песня на другую, как мало в них нот и однообразны мотивы, меж тем эти заунывные, однозвучные песни, часто непонятные чужестранцу, трогают,

шевелят сердце русского, потому что в песнях тех слышатся звуки жизни». И эту мысль рецензент подтверждает рассуждениями о жизненности каждого образа пьесы (Вседневная жизнь // *Голос*. 1863. № 24. 27 янв. С. 94).

Высоко оценил пьесу В. А. Крылов, увидевший в ней то же самое «тёмное царство» самодуров, что и Н. А. Добролюбов, «хотя на этот раз самодур — человек, страстно влюблённый, бессильный перед красотой жены», а Татьяна, по мнению Крылова, — жертва «тёмного царства», «единственный человек в драме, имеющий право на сочувствие. <...> С каким-то особенным удовольствием встречаешь новую пьесу Островского с её живым разговором и типичными лицами. <...> Драма "Грех да беда на кого не живёт" составляет самую отрадную новость на русской сцене в текущем сезоне. Каждое лицо, каждая речь в высшей степени живы, тут есть над чем поработать артисту» (*Александров В. <Крылов В. А.>* Театральная хроника (...«Грех да беда на кого не живёт») // *СПбВед.* 1863. № 25. 30 янв. С. 102).

В журнале «Иллюстрация» о премьере пьесы «Грех да беда...» говорилось как об «истинном празднике»: «...мы видим в ней и большую драматическую объективность, и новую точку зрения на ту же самую жизнь, которую изображал нам до сих пор г. Островский». Рецензент увидел в Краснове «личность, полную святых прекрасных задатков», а смысл пьесы — в борьбе Краснова с тёмным царством, которое в качестве своего орудия использует Татьяну, «пустую, бесхарактерную женщину» (Петербургская летопись // *Иллюстрация*. 1863. № 255. 31 янв. С. 71).

Сторонник идеи женской эмансипации А. С. Гиероглифов рассматривает драму как свидетельство того, что «в низших слоях русского общества семейное начало свирепствует во всей своей первобытности; особенно класс торговый... служит представителем азиатской неподвижности, древнерусского обычая» (*Г—фов А. <Гиероглифов А. С.>* Любовь и нигилизм... // *РСл.* 1863. № 1. Русская литература. С. 38). По этой причине Краснов считал себя полным властелином и повелителем жены, «её судьёй». Татьяна, в представлении Гиероглифова, женщина «несколько романтического свойства и действительно любящая Бабаева» (Там же. С. 39). Всех героев драмы критик называет жертвами «своих патриархальных убеждений, привившихся к ним не как нечто сознательное, а как обычай, как непреложный закон, по которому сложилось и существует всё окружающее их, вся среда, или, лучше сказать, весь омут, в котором они живут» (Там же. С. 41). С точки зрения Гиероглифова, все герои Островского действуют «без всякой разумной и практической цели, без всякой пользы для себя, опираясь лишь на предание». Автор считает, что если бы в пьесе действовали нигилисты, то муж не предпринял бы «принудительных мер, а тем более мести», а «желание жены разойтись с мужем также ни в коем случае не встретило бы препятствия со стороны нигилиста», и оба были бы удовлетворены «нравственно и фактически» (Там же. С. 42). Критик замечает: «Характеры главных действующих лиц новой драмы созданы так ярко и так художественно полно, что зритель проникается невольно самым живым впечатлением; действие драмы вполне естественно, так что вы видите в нём логическую последовательность самой жизни. Автору удались в особенности те сцены, где он передаёт непритворное чувство любви всё-таки простых и способных на всякое естественное чувство героев его драм и комедий. Сцены эти свежи и художественно верны» (Там же. С. 43—44).

Газета «Очерки» откликнулась на пьесу большой статьёй, заполнившей «подвал» трёх номеров. После многословного рассуждения об укладе семейной жизни

в мещанской среде (Литературное обозрение // *Очерки*. 1863. № 53. 24 февр. С. 209—210) во второй части статьи (№ 54. 25 февр. С. 213—214) автор пишет: «Натура Краснова, хотя немного, но всё-таки стояла выше натур посредственных и обыкновенных его среды. В ней проглядывают человечные и даже поэтические задатки». Татьяну же, как и Бабаева, критик относит к числу «ничтожных созданьиц», которых «бесчисленное множество расплодило и продолжает плодить та бессмысленная quasi-цивилизация, которая достоинство и образованность человека поставляет в умении одеться по моде, в хороших манерах и проч.». Особую роль он отводит Архипу, без которого «картина древней русской семьи была бы неполна». Последняя часть статьи посвящена преимущественно вопросу о жанре произведения. Отметив, что «положения действующих лиц в драме и ходе самого действия… просты и натуральны», литературный обозреватель утверждает, что «истинно трагического элемента в пьесе нет» (№ 55. 26 февр. С. 217—218).

В развёрнутом отзыве о драме Н. Н. Страхов говорит о столкновении в пьесе двух миров: «…с одной стороны, коренного крепкого мира русского купечества, с другой — так называемого мира *проходимцев*, мира полуобразованных людей, которые так или иначе приходят в столкновение с крепкою почвою народной жизни. <…> Как взаимное действие двух разнородных, несогласных начал, это столкновение вообще способно переходить в борьбу и следовательно порождать драму и трагедию» (*Косица Н. <Страхов Н. Н.>* Новое художественное произведение и наша критика. (Письмо в редакцию «Времени») // *Время*. 1863. № 2. Современное обозрение. С. 200—201). По убеждению критика, «только в первом мире и происходит и может произойти трагедия; мир же проходимцев представляет и способен представить только комедию. <…> Не Таня жертва, хоть она и убита; истинная жертва — сам Краснов, потому что только он один способен быть жертвою, способен так глубоко жить, так сильно любить и страдать, как он любит и страдает» (Там же. С. 202). По поводу суждений Крылова, поставившего Краснова в прямую зависимость от «тёмного царства», а объектом сочувствия избравшего «пламенную страсть» Татьяны к Бабаеву, Страхов иронизирует: «Мнение рецензента совершенно сходится с мнением образованной девицы Жмигулиной…» (Там же. С. 203). Суждения Страхова в сущности направлены против добролюбовской концепции «тёмного царства»: «О тёмное царство! тёмное царство! Ведь как ты крепко засело в наших светлых головах!» Свет Страхов видит в самой любви Краснова к Татьяне («Он забрался высоко, он взял за себя *барышню*, ведь это похоже на то, как черномазый негр Отелло взял за себя белокурую венецианку»), а также в фигуре Архипа и в самом финале пьесы: «Архип произносит приговор… <…> Как могущественно и ясно выступает здесь идея суда Божия! Как хорошо видно, что для Краснова, которого неминуемо покарает суд человеческий, ещё есть надежда примириться с высшею правдою, с судом своей совести, с судом Божиим!» (Там же. С. 204—205). Отвечая на инсинуации Гиероглифова по поводу «нигилизма Краснова», Страхов замечает, что Жмигулина рассуждает как нигилисты, когда говорит о том, что Краснов слишком горяч в любви, тогда как он с сестрой «совсем другого воспитания»: «Нет, будем лучше похолоднее, уничтожим в себе способность слишком волноваться… И заживём превосходно! Драм происходить не будет, и Островские переведутся». Критик иронизирует и по поводу слов Гиероглифова о том, что на разум Краснова никто не воздействовал, герой не имеет убеждений, до которых может додуматься, «шагая по Владимирке» (Там же. С. 207, 208).

Рецензент, подписавшийся как В. —кин, упрекает Гиероглифова в том, что он оценивает отношения всех героев с точки зрения нигилиста и считает, что, если бы в пьесе действовали нигилисты, трагедии бы не произошло (*В. —кин.* Нигилизм и эмбриология, любовь и физиология, литература и зоология // *Голос.* 1863. № 61. 13 марта. С. 241).

Полемически заострены против негативных оценок и субъективных истолкований произведений Островского суждения А. А. Григорьева, который пишет о «замаревшей тупой вражде к Островскому» в журнале «Отечественные записки». С точки зрения Григорьева, Краснов — «натура страстная и даровитая, сделавшаяся в своём быту натурою исключительною, а с другой стороны, натура вовсе не добрая, в обычном смысле этого слова. Он такой человек, который любит не в меру, зато и раздражается не в меру же». Критик заостряет внимание на индивидуальных качествах героя: «Он совсем не таков, каковы другие люди его среды. <...> ...Для него весь мир — это *она*... <...> Разумеется, я беру Краснова драмы, Краснова Островского, великолепно передаваемого П. Васильевым, а не того, какого хотели бы видеть наши отрицатели, вопреки смыслу драмы; не того, которого каким-то телком и нюней, с одной стороны, а с другой, патриархальным домохозяином представляет Садовский» (*Григорьев А.* Русский театр в Петербурге // *Эпоха.* 1864. № 3. С. 228). Григорьев замечает, что «кровавая же развязка тут вовсе не случайность, а роковая необходимость, обусловленная русскою, но исключительною натурой героя — и потому-то это трагедия, а не простая уголовщина» (Там же. С. 229). Как и Страхов, Григорьев возмущён статьёй Гиероглифова. В одном из своих обозрений он восклицает: «Но как по поводу "Грех да беда" придти могла мысль о любви и нигилизме?» (*Якорь.* 1863. № 10. 11 мая. С. 184). В другой статье Григорьев пишет о масштабе таланта драматурга, проявившегося в пьесе: «В самой по видимости скупой на эпические подробности драме его, в "Грех да беда" — в этой горячей до сухости трагедии, одна какая-нибудь сцена слепого старика с больным и раздражённым членом семьи — раскрывает перед вами перспективу необъятно широкую. Что-то общее, связующее, коренное — семейное и народное — парит над отдельным трагическим фактом, и не впечатление уголовного дела, а высокое, художественно-нравственное впечатление *трагедии* выносите вы из представления... Мы нарочно взяли последнюю, строжайшую по своей форме драму поэта» (*Якорь.* 1863. № 11. 18 мая. С. 201).

Развёрнутые отзывы о самой пьесе и её исполнении на сцене сразу после премьеры были даны в журнале «Библиотека для чтения». Автор «Пёстрых заметок» писал: «Из всех прежних пьес и всего более из комедии "Не в свои сани не садись" автор взял несколько уже знакомых нам картин и поставил их в несколько новые драматические положения. Только фигура слабого, болезненного, но злого, энергического мальчика, Афоньки, язвы целой семьи, представляет что-то новое, но он вышел далеко не вполне очерченным. В остальном видишь собравшимися в одну гостиную множество лиц, давно знакомых, но встречавшихся прежде разбросанными по разным домам» (*БдЧ.* 1863. Т. 175, № 1. Современная летопись. С. 219).

В февральском номере того же журнала появилась ещё одна статья, автор которой считает, что драматург показал в пьесе два социальных слоя — мещанский и приказный: «Первый слой полон самодурства, грубости, слепой и безотчётной веры в законность обычая и обряда. Второй слой отличается качествами не более привлекательными: пустое, ни на чём не основанное чванство, хитрость, готовность

к обману — вот его характеристические черты, и хотя он стоит несколько выше предыдущего в умственном развитии, но всё-таки оно в нём ничтожно жалко» (Русская литература. «Грех да беда на кого не живёт» // *БдЧ.* 1863. Т. 175, № 2. Современная летопись. С. 1). Рецензент подробно характеризует «крапивное семя», из которого вышли сёстры Жмигулины, даёт характеристику приказному Шишгалёву: «...постоянно кланяющийся, сморкающийся, забитый и нравственно изуродованный людьми и обстоятельствами. С первых слов он выражает готовность служить всем Бабаеву, человеку богатому и который дать не пожалеет» (Там же. С. 2). Заметив, что «из семьи Красновых рельефно выступает личность... Льва Краснова, человека, вышедшего из душной и грязной атмосферы мещанского быта, сложившегося иначе, чем другие», критик отмечает: «Он нравственно стоит далеко выше окружающей его семьи. Многие обычаи и убеждения этой среды ему не закон... Лев Краснов жертвует своими родственными отношениями любви к жене. ...Глубокая страстность натуры возвышает его до такой привязанности, в которой уважения столько же, сколько и любви. ...Он всеми силами старается заслужить её любовь. ...В его отношении к жене более человеческого, чем в той среде, которой он принадлежит» (Там же. С. 7). Рецензент заостряет внимание на том, что «с первых шагов драмы» перед зрителем предстаёт «любовник, по-своему глубоко любящий»: «...тут принижение перед личностью жены, такое принижение, которое не завладело всем существом Краснова и не превратило его в пассивную личность потому только, что натура у него бурная и страстная» (Там же. С. 19—20). Сопоставляя мир мещанский и чиновничий, «то есть, сферу бытовую со сферой, враждебной народной жизни», Островский, по мнению критика, «сделал новый шаг» (Там же. С. 20). Рецензент называет драматурга объективным художником, одарённым «талантом правды и глубокой терпимости». Новым в драме является и «сопоставление двух оттенков народного типа в лице Афони и деда Архипа», в котором заключён «прекрасный художественный смысл»: «На них распадается натура Краснова. В Афоне его рьяность только в болезненных проявлениях, в дедушке Архипе сторона мягкая, которая в Краснове является под влиянием чувства к Тане, а у Архипа выработалась от долгого опыта жизни». Однако анонимный рецензент считает, что лучше было закончить пьесу в момент, когда Краснов бежит к жене, что лишило бы её «характера уголовного дела» и не дало бы «криминальное удовлетворение чувству зрителя» (Там же. С. 24).

Прямолинейно истолковывает смысл драмы рецензент «Книжного вестника»: «Цель автора выказать настоящую несостоятельность браков между лицами разных сословий» (Замечательные журнальные статьи // *Книжный вестник.* 1863. № 3. 15 февр. С. 45).

Автор «Заметок свистуна» считает, что те, кто видит причину трагедии в «Грех да беда...» в социальном неравенстве героев, навязывают драматургу «пошлое нравоучение», собственные «узкие понятьица», так как идея Островского «глубже и шире захватывает жизнь»: «Идея эта... заключается в ярком воспроизведении той сферы общества, которая так метко охарактеризована одним из наших критиков названием "тёмного царства", со всеми его светлыми и мрачными явлениями». Назвав пьесу «глубоко поэтическим произведением», рецензент говорит о её «высоком значении в сфере драматического искусства»: «Это истинная трагедия, взятая из современной жизни. Никогда ещё г. Островский не захватывал так глубоко человеческое чувство, никогда ещё так мощно, как в лице Краснова, не выходил перед нами русский че-

ловек в его первобытной простоте и величии». Драма, считает рецензент, должна закончиться на словах Краснова, поскольку «заключительные слова его деда портят впечатление, ибо отзываются дидактизмом» (*Свистун.* Заметки свистуна // *Развлечение.* 1863. № 8. 23 февр. С. 122).

П. В. Анненков стремится выявить замысел Островского и говорит о «высоком художественном правосудии, с каким автор относится к главным действующим лицам своей драмы», показав «мещанина, сберегающего под грубой внешностью нежнейшее сердце, удивительную деликатность чувства и поражённого страшною болезнью Отелло — ревностью». Анненков видит непреодолимые культурные различия между Красновым и его женой, которая «остаётся по сердцу, по своей природе и по ограниченному уму, дворянкой-приживалкой и в мещанском семействе» (*Анненков П.* Современная беллетристика. («Грех да беда на кого не живёт») // *СПбВед.* 1863. 23 февр. № 43. С. 177). Сцена обмана жены мужем, пишет Анненков, «принадлежит к числу образцовых сцен русской драмы вообще» (Там же). Стремясь к объективности, критик отмечает, что Островский как истинный поэт стремится оправдать и Татьяну. Интересны суждения критика о главном герое драмы: «Краснов возвышается до тонкости чувства и благородства помыслов, которые могли бы сделать честь весьма развитому человеку. Финальные сцены возвращают его обратно в среду, из которой он хотел подняться...» По мнению рецензента, «Краснов убил жену за собственную ошибку в выборе жены», в которой он, как поэт, «искал отдыха, недостающих ему эстетических наслаждений, удовлетворения бессознательной потребности к изящным ощущениям» (Там же. С. 177—178). Бабаев охарактеризован Анненковым как тип «приличного и *порядочного* молодого человека, который готов принимать животные свои инстинкты за порождение высокой цивилизации и чуть не за глубокие мысли». Подробно проанализировав содержание пьесы, характеры персонажей, их связи в развитии действия, Анненков в итоге подчёркивает: «Пьеса художнического построения и глубокого жизненного содержания всегда открывает для мысли читателя бесчисленные пути во все стороны» (Там же. С. 178). Показательно, что И. С. Тургенев 16 февраля 1863 г. писал Анненкову из Парижа: «...мне, кроме Афони и Архипа — мотивы показались знакомыми. О языке говорить нечего — и сцены есть прекрасные (сцена между Афоней и Архипом на берегу реки — прелесть) — но неужели Островский не может отделаться от Бабаевых, бойких девиц и т. д.?» (*Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма. Т. 5. М., 1988. С. 157—158).

Несколькими месяцами позже в связи с просьбой комиссии по присуждению Уваровской премии дать отзыв на драму Островского критик вновь выскажет своё мнение о ней, добавив новые её характеристики: «...исполнение темы, выбранной автором, может без преувеличения назваться образцовым и мастерским в обоих смыслах — художническом и сценическом» (*Анненков П. В.* «Грех да беда на кого не живёт». Драма в четырёх действиях Островского // Отчёт о шестом присуждении наград гр. Уварова. 25 сентября 1863 года. СПб., 1863. С. 32). Особенность художественного дарования Островского Анненков видит в том, что он один из современных драматургов «возвышается до силы художнического созерцания, не нуждающейся в призыве формального суда, холодных определений закона...» (Там же. С. 33). В отличие от многих современных критиков, относивших Краснова к типу самодура, открытого ещё Н. А. Добролюбовым, Анненков видит в этом образе отражение особой разновидности народного характера, а также «блестящую высокую сторону

тех самых сильных натур, *кряжевых* личностей», которые доселе были «только первообразами "самодурства" и занимались насилием и гнётом всего окружающего» (Отчёт о шестом присуждении наград гр. Уварова. С. 33). По мысли критика, в лице Татьяны «автор хотел изобразить ту испорченную, бесцветную сословную среду, которая при случайном соприкосновении с людьми и характерами самостоятельного народного развития неизбежно влечёт к погибели как их, так и собственных своих представителей» (Там же. С. 33—34). Анненков вновь имеет в виду коренные различия в духовной культуре тех «миров», к которым принадлежат герои пьесы: «Мы видели, что этот процесс своего рода между двумя различными направлениями, что эта тяжба двух противоположных миров, попавших в близкие отношения друг к другу, ведены у автора с великим художническим беспристрастием, не позволившим ни ему, ни его читателю указать настоящего виновного и воздвигать позорные столбы для кого-либо» (Там же. С. 34). Говоря о главном герое, критик подчёркивает: «Наделённый пламенным и нежнейшим сердцем, причастный, несмотря на грубую простонародную оболочку свою, самым высоким духовным стремлениям, Краснов у Островского является ещё порывистой нервической натурой, неспособной рассчитывать свои поступки и всегда отдающейся целиком своему чувству… Благородный мещанин велик и слаб, как бывает всякая непочатая, необработанная и непокорённая образованием сила» (Там же. С. 35—36). По убеждению Анненкова, тот факт, что публика делит сострадание между Красновым и «ничтожным существом, вызвавшим его преступление (делёж, которого, вероятно, и сам автор не ожидал), доказывает, сколько сторон самых неожиданных может скрывать в себе всякое истинно художественное произведение» (Там же. С. 37). Среди всех других «пошлых» персонажей пьесы Анненков выделяет «величавое лицо слепого деда Архипа, погружённого в религиозное, внутреннее созерцание, отошедшего от мира духом и возвращающегося к миру только тогда, когда нужно произнести слово любви, совета или праведного суда. <…> Он представляет собой как бы олицетворённую совесть народа и исполняет немаловажную задачу в пьесе, особенно по отношению к отрезвлению мысли, наклонной увлекаться драматическими положениями и забывать о их нравственном смысле, именно он обнажает порок и преступление и служит живой моральной поверкой всего происходящего вокруг» (Там же). «Не менее глубоко задумано» и лицо Афони: «Это — мастерский очерк, который в дальнейшей деятельности Островского, вероятно, получит большие размеры и разовьётся в энергическое, характерное лицо…» (Там же. С. 38). Самой сильной стороной пьесы критик считает сторону драматическую.

В связи с присуждением Островскому Уваровской премии о пьесе 3 мая 1863 г. на заседании комиссии Академии наук высказался и А. В. Никитенко: «Мотив, из которого возникает… драма… можно формулировать так: здоровая, сильная, первобытная русская натура входит в соприкосновение с существом другой, но испорченной среды нашего общества и разражается от этого неожиданного соприкосновения глубоким потрясением и взрывом, от которых гибнут обе стороны. Момент подобной роковой встречи… носит в себе все элементы трагической драмы» (*Никитенко А. В.* Отчёт о присуждении наград гр. Уварова за драматические произведения // Отчёт о шестом присуждении наград гр. Уварова. 25 сентября 1863 года. СПб., 1863. С. 15). Никитенко относит пьесу «Грех да беда на кого не живёт» к «наиболее удавшимся» драматическим произведениям Островского: «Из мотива, взятого им из народной жизни, он умел извлечь самые поразительные стихии, не нарушая нигде ни психологической истины,

ни истины народного и общественного нашего духа, и создать из них произведение вполне драматическое, как по идее его и содержанию, так и по исполнению условий, налагаемых драмою, — произведение, в котором все части движутся стройно, свободно, легко, стремясь к одной цели, без преувеличений и натяжек, как явления самой жизни» (Отчёт о шестом присуждении наград гр. Уварова. С. 19).

Рецензент газеты «Народное богатство» соотносит образ Льва Краснова с типом самодура, который «теряет свою цельность и начинает разрушаться, принимая в себя новые начала...» (*А. В—в.* Заметки о русской драме и её отношении к жизни // *Народное богатство*. 1863. № 266. 6 дек. С. 1251—1252).

П. А. Бибиков отказывает Краснову в каких-либо положительных нравственных побуждениях, считая, что главным расчётом героя во время женитьбы было «насилие, власть, произвол патриархального главы дома — мужа» (*Бибиков П. А.* Эпизод из тёмного царства. (Разбор комедии Островского «Грех да беда на кого не живёт») (Статья 1863 г.) // Критические эпизоды. СПб., 1865. С. 143). Несчастье Краснова Бибиков видит в его невежестве, Бабаева оценивает как «плод жалкой цивилизации», которая «поднимается в обществе, как пена, при всяком брожении» (Там же. С. 150). Предпочтение критик отдаёт лишь Архипу: «Высокопоэтическая, художественно созданная личность Архипа дышит поэзией и правдой. <...> Между этими людьми он совершенно чужой: до него, до его опыта, до его добродетелей никому нет дела», в финале в его словах выражается «высоконравственное, глубоко народное миросозерцание» (Там же). Афоня охарактеризован Бибиковым как «заскорузлый, злобный, фанатический», «самодур из принципа, самодур Божий человек, самодур хранитель народного предания, суеверия и невежества, главный враг, главная преграда для распространения света человеческого разума, человеческой совести». Критик подчёркивает: «Это самодурство не знает ни уступок, ни пощады... не знает снисхождения... <...> Оно близоруко, слепо, фанатично» (Там же. С. 151—152).

Негативно оценивает драму Островского Д. И. Писарев: «То, что вы в первую минуту примете за новое, скоро окажется очень старым... Эта мысль совершенно подтверждается двумя последними драмами г. Островского: "Гроза" и "Грех да беда на кого не живёт"»; «...русский Отелло, Краснов, во всё время драмы ведёт себя довольно сносно, а потом сдуру зарезывает свою жену, очень ничтожную бабёнку, на которую и сердиться-то не стоило» (*Писарев Д. И.* Мотивы русской драмы // *РСл.* 1864. Март. Отд. 2. С. 36—37).

Е. Н. Эдельсон считает драму «фальшивою по замыслу, хотя и необыкновенно искусно составленною» (*Е. Э—н. <Эдельсон Е. Н.>* «Тяжёлые дни». Сцены из московской жизни // *БдЧ.* 1864. Т. 181, № 1. Русская литература. С. 9).

А. Н. Баженов, напротив, убеждён, что драма Островского «стоит особняком от антихудожественных произведений» драматургии, и отмечает мастерство в создании образа главного героя: «Таких прекрасных преступников мы находим только у Шекспира. ...Это краски самой жизни. Красновы — это плоть от плоти и кость от костей наших; а драма — сама жизнь, художественно воспроизведённая» (*Баженов А. Н.* Два слова по поводу драмы Островского «Грех да беда на кого не живёт» // *Театральные афиши и антракт*. 1864. 16 февр. С. 4).

По мнению Г. З. Елисеева, Отелло велик, а «злодейство Краснова» «представляет собой только последние звенья в том длинном ряду нравственных примучиваний», которые он делает над своей женой (*<Елисеев Г. З.>* Современная русская драма

(По поводу трагедии гр. Толстого «Смерть Иоанна Грозного») // *Совр.* 1866. Т. 112, № 2. Современное обозрение. С. 235).

Е. И. Утин относит Краснова, как и Русакова, к типу «доброго самодура», толкующего о любви к своей жене или дочери: «И тот и другой… любят, но какою любовию? У Краснова, этого русского Отелло, любовь такого свойства, что вам становится жутко, когда вы смотрите, как он ласкает свою жену. Он любит её, как люди любят свою собаку, он ласкает её, балует, но вы не можете не чувствовать, что собственно он не признаёт за ней никаких прав, он смотрит на неё как на свою вещь, одним словом, волен любить и волен же убить её, что в конце концов он и делает» (*Утин Е.* Современные мудрецы. (Комедия А. Островского «На всякого мудреца довольно простоты») // *ВЕ.* 1869. № 1. С. 322). Курицыну Утин характеризует как женщину, вошедшую «во вкус своей самодурной жизни», а потому хвастающуюся «тем, что на вопрос мужа: "чего моя нога хочет?" она немедленно "понимает, потому обучена этому: ну и значит сейчас в ноги"» (Там же. С. 323).

В 1880 г. В. А. Пинчук пишет о том, что в «Грозе» олицетворением внутреннего голоса совести Катерины была старая барыня, в драме «Грех да беда…» — это Архип и Афоня: «Один — олицетворение добрых задатков души Краснова, другой — злых. На протяжении всего действия эти два голоса сопутствуют герою, в финале они по-разному оценивают поступок Краснова. Островский, по мнению критика, поэтизирует в пьесе Краснова, «затрагивает наше чувство, и никакой анализ не заставит нас отказаться от него» (*Пинчук В. А.* А. Н. Островский. (Критический этюд) // *Живописное обозрение.* 1880. № 14. 29 марта. С. 263).

Д. А. Коропчевский в герое Островского увидел «типичного представителя истинно русской энергии и честности» (*Коропчевский Д.* Бытописатель денежной силы (Критический этюд о произведениях Островского) // *Дело.* 1886. № 3/4. Современная летопись. С. 36).

Заслуживает интереса восприятие драмы «Грех да беда…» простыми крестьянами, зафиксированное Х. Д. Алчевской, читавшей пьесу для них: «Драма эта была прослушана нашей деревенской публикой с большим интересом и сопровождалась возгласами, замечаниями и сравнениями с жизнью… <…> Слуга Карп вызывает общие симпатии. Слушатели договаривают его речи и сочувствуют каждому его слову» (*Алчевская Х. Д.* Драматические произведения. Островский в применении к чтению в народе. СПб., 1887. С. 14). Над Жмигулиной крестьяне насмехаются, намекая на то, что она засиделась в девушках. Больной Афоня «возбудил самые искренние симпатии» (Там же. С. 15). Краснов с первых слов завоевал сердце слушателей: «Сочувствие к Краснову росло с каждым его выходом. <…> Благородство души Краснова, его доверчивость и великодушие слушатели понимали как нельзя лучше» (Там же. С. 16); «Совершившееся убийство застаёт как-то всех врасплох. <…> …не слышится ни единого слова упрёка или порицания Краснову» (Там же. С. 18).

Премьера пьесы и её публикация появились почти одновременно. В Москве премьера прошла 21 января 1863 г., в бенефис режиссёра А. Ф. Богданова. Островский руководил постановкой пьесы в Петербурге, а в Москву отправил для Богданова список с распределением ролей (см.: *ПСС-12.* Т. 11. С. 164—165). 16 января 1863 г. он писал С. С. Кошеверову: «В Москву к представлению я не приеду, нельзя бросить здешних актёров без помощи. Здесь пиэса идёт 23-го числа (в середу)».

Роли между актёрами были распределены в точном соответствии с предложением автора: Бабаев — С. В. Шумский, Краснов — П. М. Садовский, Красно-

ва — А. И. Колосова, Жмигулина — Х. И. Таланова, Архип — В. А. Дмитревский, Афоня — А. А. Рассказов, Курицын — В. И. Живокини, Курицына — С. П. Акимова, Шишгалёв — Н. М. Никифоров, Зайчиха — Е. Д. Немчинова, Карп — А. А. Кремнёв.

Премьера в Петербурге в Мариинском театре состоялась 23 января 1863 г. Роли исполняли: Бабаев — А. А. Нильский, Краснов — Ф. А. Бурдин, Краснова — Ф. А. Снеткова (Снеткова 3-я), Жмигулина — Ю. Н. Линская, Архип — В. В. Самойлов, Афоня — И. Ф. Горбунов, Курицын — П. И. Зубров, Курицына — П. К. Громова, Шишгалёв — Д. И. Озеров, Зайчиха — Н. П. Воронова, Карп — В. И. Васильев (Васильев 1-й).

Многообразны и содержательны отзывы о постановках пьесы в разных театрах и с разными актёрами. Сам драматург в «Записке по поводу проекта "Правил о премиях императорских театров за драматические произведения"» вспоминал: «...за драму "Грех да беда на кого не живёт" я получил первую премию от Академии наук; эта пьеса везде имела огромный успех, а в Петербурге, при игре Снетковой, Линской, Васильева, Самойлова и Зуброва, — едва ли не больший, чем где-нибудь; она вошла в постоянный репертуар всех русских театров и везде постоянно возобновляется с новым персоналом... <...> С Снетковой я поставил "Грозу" и "Грех да беда на кого не живёт", и обе прошли с огромным успехом» (*ПСС-12*. Т. 10. С. 206, 209).

На московской премьере пьесы «Грех да беда на кого не живёт» в Малом театре 21 января присутствовал Л. Н. Толстой, записавший в дневнике 23 января 1863 г.: «Я никогда не испытывал более сильного и ни одной фальшивой нотой не нарушенного впечатления» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 48. М., 1952. С. 50).

В прессе одним из первых на московскую премьеру откликнулся А. Н. Баженов, сожалевший о том, что автор, который «дорожит простотою и правдою даже в мелочах сценической обстановки пьесы», не присутствовал при её подготовке. По этой причине на сцене были допущены некоторые упущения, однако пьеса исполнена была «очень хорошо», «имела успех, вызывали и автора, и актёров». Лучшими исполнителями ролей Баженов называет П. М. Садовского, А. И. Колосову и С. В. Шумского (*Баженов А. Н.* Два слова по поводу драмы Островского «Грех да беда на кого не живёт» // *Театральные афиши и антракт.* 1864. 16 февр. С. 4).

О премьере в Малом театре писал обозреватель Свистун, отметивший недостатки в игре Талановой, Колосовой, Рассказова, выделив при этом исполнение П. М. Садовским роли Краснова, где он «явился во всём блеске своего великого таланта. На сцене был не Садовский, а сам Краснов. Ни одной фальшивой ноты, ни одного неверного движения не было в его игре» (*Свистун.* Заметки свистуна // *Развлечение.* 1863. № 8. 23 февр. С. 123).

Рецензент газеты «Голос» считает, что роль Краснова у Садовского менее удачна, чем роль Подхалюзина, потому что актёр слишком сдержан, он придаёт роли «мягкость и спокойствие». Однако в последней сцене слышен «страх и ужас от совершённого преступления, глубокое горе от потери любимой женщины», которые производят «глубокое впечатление» (Вседневная жизнь. (...Садовский в пьесе «Грех да беда...») // *Голос.* 1863. № 95. 21 апр. С. 370).

О премьере в Москве и игре П. М. Садовского много позже писал в своих воспоминаниях Д. А. Коропчевский. С его точки зрения, особенность дарования Садовского состоит в том, что изображаемое им лицо с самого начала было «ясным и определённым. <...> Публика привыкла видеть в Краснове тип мягкого, любящего человека, с нежной, неудовлетворённой душой. В основе этого типа чувствовался скромный трудовой человек, всю жизнь работавший на семью, а теперь отдавшийся

весь горячей привязанности к молодой жене. Видно было, что у него только и заботы, как бы угодить ей, как бы полной преданностью, исполнением её малейших желаний заслужить её любовь» (*Коропчевский Д.* Пров Михайлович Садовский. Из «Воспоминаний о Московском театре» // *ЕИТ.* Сезон 1894—1895. Приложения. Кн. 2. СПб., 1896. С. 44). Лучшей сценой Коропчевский считает сцену в третьем акте, в которой в монологе Краснова-Садовского «выливались и накипевшие слёзы, и звучала радость, что ужасы, обступившие его, прошли; говоря о них, он искренне пугался того, что было в его душе» (Там же. С. 45). Так Садовский играл Краснова весь сезон 1863 г. Об игре же в мае 1867 г. Коропчевский пишет: «Это был совершенно другой Краснов, другой тип, не имеющий ничего общего с прежним! Гримировка осталась тою же, но внутренний человек совершенно изменился. Передо мною был Краснов энергичный, твёрдый, скрывающий под учтивой купеческой внешностью железный характер. <...> Краснов по природе добр и по-своему деликатен; но он боится себя, когда кто-нибудь затронет самое чувствительное место его души — любовь его к жене» (Там же. С. 46). Такой Краснов был неожиданностью для его партнёров по сцене, о чём Коропчевский сообщает, ссылаясь на свидетельство актёра, коллеги Садовского по сцене.

Первыми на премьеру пьесы в Мариинском театре откликнулись газеты «Голос» и «Русский инвалид». Корреспондент «Голоса» положительно оценил игру актёров, заметив, что Ф. А. Бурдин в последней сцене «испортил всё», однако «это не повредило успеху пьесы» (Вседневная жизнь. («Грех да беда на кого не живёт». Крайние хвалители и крайние порицатели. Злая середина) // *Голос.* 1863. № 24. 27 янв. С. 94). Анонимный автор «Театральных заметок» в «Русском инвалиде» (1863. № 22. 27 янв. С. 99) оценивает премьеру как удачную, особенно выделяя игру Ф. А. Снетковой (Татьяна) и Ф. А. Бурдина (Краснов).

Корреспондент журнала «Иллюстрация» в роли Краснова предпочитает П. В. Васильева Ф. А. Бурдину, о котором говорит, что он «сыграл свою роль, как мог, и ломался менее обыкновенного». По его мнению, у Снетковой «Таня вышла... бледна и бесцветна до полной неопределённости...» (Петербургская летопись. (...Новая драма Островского «Грех да беда на кого не живёт». Исполнение её) // *Иллюстрация.* 1863. № 255. 31 янв. С. 74).

В благоприятном отзыве о первом представлении драмы, опубликованном в газете «Наше время» (1863. № 28. 5 февр. С. 111—112), отмечено, что «успех пьесы был громадный», но у Ф. Бурдина «пропала вся последняя сцена».

Н. Н. Страхов первое представление пьесы считает испорченным Бурдиным. Критик пишет, что во втором представлении был «изумительный, несравненный» Васильев — «живой человек с совершенной цельностью характера, с теплотой жизни в каждой черте, в каждом движении». Страхов упрекает ту часть публики, которая не поняла игру Васильева и осталась довольна Бурдиным, то есть поняла драму «навыворот» (*Косица Н. <Страхов Н. Н.>* Новое художественное произведение и наша критика. (Письмо в редакцию «Времени») // *Время.* 1863. № 2. Современное обозрение. С. 200—201).

М. Е. Салтыков-Щедрин с большой похвалой отзывался о постановке драмы 23 января 1863 г. в Мариинском театре, об игре актёров Линской, Снетковой 3-й, Самойлова (*Совр.* 1863. Т. 94, № 2. Современное обозрение. С. 198).

Как отмечает анонимный рецензент журнала «Библиотека для чтения», пьеса «была разыграна очень дружно»: «Сперва по болезни Васильева 2 г. Бурдин портил

представления в роли Краснова, но Васильев наконец выздоровел и подарил публику превосходною игрою, особенно в конце третьего и четвёртого актов. Г-жа Снеткова просто и верно сыграла роль Тани, а г. Самойлов был очень хорош, впрочем в слишком лёгкой роли слепого деда» (Пёстрые заметки. (...Новая драма Островского «Грех да беда на кого не живёт») // *БдЧ*. 1863. Т. 175, № 1. Современная летопись. С. 226). Другой рецензент журнала порицает Бурдина как актёра за роль Краснова. Литературный обозреватель не удовлетворён и игрой Васильева, заметив, однако, что «в нём прежде всего виден живой человек», в игре которого видны страсть, сила, талант (*БдЧ*. 1863. Т. 179, № 9. Современная летопись. С. 126—127).

Бурдина и Васильева в роли Краснова сопоставил и Ф. М. Достоевский: «Я вошёл в театр с предубеждением к Васильеву. <...> А между тем для меня его игра действительно оказалась чем-то невиданным и неслыханным. Да, я не видал до сих пор в трагедии актёра, подобного Васильеву» (*Достоевский Ф. М.* Об игре Васильева в «Грех да беда на кого не живёт» // *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 20. Л., 1980. С. 148—149). Игрой Ф. А. Бурдина, который «очень мало понял в своей роли», писатель остался недоволен: «До сих пор не могу догадаться, для чего он всё старался рассмешить публику? Мне кажется, приготовляясь к представлению, он прочёл предварительно в одном из последних номеров "Русского вестника" афоризм, заключающийся в том, что можно увидеть всё на свете, всякую возможную диковинку, но одного только нельзя никогда увидеть: это русского купца влюблённым» (Там же. С. 149). П. В. Васильев же «в роли Краснова играл человека себя уважающего, серьёзного, строгого и как будто очищенного своею страстью, как будто несколько отрывающегося от своей среды. Видно, что в нём крепко засело что-то новое, что-то вроде неподвижной идеи, овладевшей всем существом его. <...> Он любит страстно, и хоть вы от него никогда не дождётесь рабского самоуничижения, но Таня, видимо, властвует всей его душой и стала его кумиром. <...> Да, актёр прежде всего лицедей, а всё это созданное поэтом лицо я увидел во плоти и в крови в игре Васильева и воочию убедился, что лицо это — правда» (Там же. С. 149—150).

В журнале «Библиотека для чтения» появилась сопоставительная характеристика двух спектаклей, московского и петербургского: «Начать с того, что в Петербурге никогда не умели играть пьес из купеческого быта. Здешние актёры, не бывая почти нигде дальше Петербурга, отличаются незнанием народного быта, а потому и играют как купцов, так и крестьян по театральной рутине» (Как даются пьесы в Петербурге и в Москве // *БдЧ*. 1863. Т. 175, № 2. Современная летопись. С. 27). Отмечено, что игра Васильева в роли Краснова «была далеко не художественна». Актёр «очень мало похож на лавочника в уездном городе. По своим манерам, походке, подниманию плеч и движениям рук он скорее похож был на барина, надевшего сибирку и желающего играть купца. В дикции его, в ужимках было очень мало типичного. <...> ...В сцене нежности с женой он не был вполне верен типу купца...» (Там же. С. 27). В четвёртом акте «не было в нём той страсти, которая мотивировала бы мгновение убийства». В последней сцене, «глядя на него, зритель не был поражён тем глубоким противоречием правды с действительностью, которое вызывает катастрофу драмы». Анонимный рецензент даёт оценку игре актёров: «...роль жены Краснова была прекрасно выполнена г-жой Снетковой 3-ей. <...> Перед вами действительно была простенькая и добрая женщина, привыкшая жить в лени и праздности у богатой барыни, все её движения дышали натурой, всякое слово было сказано в простоте, без обыкновенных театральных интонаций, без пошлого наивничания и развязности

девичьих. <...> Г-жа Линская в роли Жмигулиной, при всей простоте и комизме своей игры, была недостаточно типична. <...> Но всё-таки... она производила самое полное и живое впечатление. В роли Бабаева г. Нильский был приличен, но не больше. <...> Чета Курицыных вышла совсем не типична в игре г. Зуброва и г-жи Громовой, и нам приходится опять по этому поводу сказать, что в Петербурге купцов играть не умеют. <...> Личность Афони совершенно пришлась не по средствам Горбунову. <...> Вместо тревожного раздражительного мальчика с судорожными движениями и едкой речью, мы видели какого-то простачка...» (*БдЧ.* 1863. Т. 175, № 2. Современная летопись. С. 28—29). Архип «изображён был г. Самойловым очень талантливо и даже типично, только не совсем верно... он смотрел скорее каким-то каликой перехожей или мягкосердечным отшельником». Критик даёт оценку и спектаклю Малого театра, где «вещи народные только и могут даваться удовлетворительно»: П. М. Садовский из Краснова «создал бодрую и нетронутую личность, вызывающую глубокую симпатию зрителей, и не прибегал при этом ни к сладости, ни к драматизму», А. И. Колосова «в роли Тани была очень хороша», и «даже маленькие роли лакея, хозяйки и приказного сыграны были талантливее и с большим знанием жизни» (Там же. С. 32).

Сопоставление постановок пьесы в Москве и Петербурге стало своеобразной традицией для театральной критики того времени. Особенно много говорилось об исполнении роли Краснова Васильевым и Садовским, чему способствовали гастроли П. В. Васильева в Москве.

На эти гастроли откликнулся Н. Пановский, заметивший, что Садовский и Васильев «каждый различно понял и представил эту личность», что Краснов в исполнении Васильева — «человек, добрый по природе, относительно честный, но грубый, необразованный, бессознательно покорный животным инстинктам своей дикой натуры» (*Пановский Н.* Артист петербургских театров Васильев на московской сцене // *М. вед.* 1863. № 83. 19 апр. С. 3).

О тех же гастролях пишет рецензент, скрывающийся под псевдонимом Свистун: «Как талант во всяком случае огромный г. Васильев создал цельную роль, цельный характер, и стало быть, как художник он прав. Мы видели, правда, не того Краснова, которого видели в г. Садовском, и не того, по-моему, которого имел в виду автор, но во всяком случае мы видели человека, мы видели жизненный тип, и следовательно, можем смело сказать: у г. Васильева талант и талант недюжинный» (*Свистун.* Заметки свистуна // *Развлечение.* 1863. № 18. 9 мая. С. 287).

Ап. Григорьев упрекает Бурдина в непонимании образа Краснова («самые купеческие манеры не могут и не должны быть смешны»), в котором тот не заметил «черты выдержанности в характере, солидности человека, крепко стоящего на своих ногах и полного гордого достоинства» (*Григорьев А.* Русский театр. Современное состояние драматургии и сцены // *Время.* 1863. № 2. Современное обозрение. С. 180). Сниткову 3-ю критик упрекает в том, что она из Татьяны в некоторых сценах сделала Катерину, тогда как «вся драма-то на том, что Татьяна пустая женщина, такая же пустая, как её сестра, только из себя очень хороша!» (Там же. С. 181). Особое внимание Григорьев уделяет исполнению роли Краснова П. В. Васильевым: «...это "игра настоящая"... это игра мочаловская, игра, от которой забывается сколько-нибудь нервный зритель. Тут всё было — и глубокое понимание характера, и поэзия высокой души, и простота приёма, и наконец увлечение волканическое. <...> Это была настоящая игра трагического артиста, настоящее имя для такой игры — мочаловская игра» (Там же. С. 182).

После посещения спектакля с участием гастролировавшего в Петербурге Садовского Григорьев предпочёл ему Васильева: «...от Садовского вы убийства не ждали: он читал мораль своей жене; не любовь, глубокая и безумная, а семейное чувство, чувство порядка и законности было оскорблено в нём — когда же он вышел по совершении убийства, он вышел расслабленный и мог разрешиться только слезами и рыданиями». По мнению критика, «убийство совершилось не по трагической душевной необходимости, а совершенно случайно», но «*так* нельзя играть Льва Краснова: это противоречит смыслу великой трагедии Островского» (*Редакция. <Григорьев А. А.>* Садовский в Петербурге. Статья вторая // *Якорь*. 1863. № 9. Май. С. 166). Позднее Григорьев снова посетит спектакль с участием Васильева и опубликует ещё одну статью, посвящённую его игре. В ней критик углубит анализ не только игры актёра, но и самого образа: «Прежде всего и паче всего П. Васильев глубоко задумал эту роль. Он понял, что Краснов — натура страстная и даровитая, сделавшаяся в своём быту натурою исключительною, с другой же стороны, натура вовсе не добрая, в обычном смысле этого слова. Он — такой человек, который любит не в меру — зато и раздражается не в меру, около которого, в минуты раздражения, по его же словам, "близко окаянный ходит"» (*Редакция. <Григорьев А. А.>* Спектакль 6 мая. (П. Васильев в «Грех да беда на кого не живёт») // *Якорь*. 1863. № 10. 11 мая. С. 186—187).

В 1864 г. Григорьев снова выскажется о П. В. Васильеве в роли Краснова, отметив, что «великий артист глубоко понял великого поэта», в исполнении которого Краснов — это избранная, впечатлительная до тонкости ощущений и вместе раздражительная до бешенства натура, которой дано чувствовать не в меру, а сверх всякой меры и горе, и радость, и блаженство страсти, и муки ревности — блаженство до нервно истерического состояния, муки до судорог» (*Григорьев А.* Русский театр. По возобновлении в первый раз. (Посвящается гг. артистам Александринской сцены // *Эпоха*. 1864. № 1/2. С. 461).

Сопоставляет игру Васильева и Садовского в своих воспоминаниях и А. А. Стахович, отметивший «торжество для трагического таланта П. Васильева» в последней сцене: «Как постепенно сильней и сильней клокотал вулкан его страсти, разжигаемый змеиным шипением Афони, пока вполне не излилась его ярость и он не убил жены! <...> Он бледен, как мертвец, лицо дёргается судорогой, волосы дыбом, грудь ходит ходуном, ужас в помертвелых глазах!.. Он не может выговорить рокового слова, и, наконец, раздаётся страшный шёпот: "Вяжите меня, я её убил". Как каменный стоит Васильев во время монолога деда». А в Москве Садовский, по мнению Стаховича, эту роль исполнял лучше, однако, в последнем акте актёр «в изнеможении опускался на скамью, едва имея сил выговорить: "Вяжите меня, я её убил", закрывал лицо руками и истерически плакал» (*Стахович А. А.* Клочки воспоминаний. М., 1904. С. 293—294, 295).

П. В. Васильева в роли Краснова особенно выделял и Д. В. Аверкиев, считавший отличительной чертой артиста «страстность» (см.: *Дм. Ав. <Аверкиев Д. В.>* Русский театр в Петербурге. (П. В. Васильев) // *Эпоха*. 1864. № 10. С. 2).

И в более поздние годы игра П. В. Васильева будет увлекать благодарных зрителей. О его гастролях в Павловском театре писал журнал «Стрекоза»: «Это всё та же простая, сильная и глубоко прочувствованная игра *нутром*; всё та же тщательность и неистощимая изобретательность в отделке и компоновке деталей; всё то же мастерское воспроизведение типов, бесподобное подчёркивание комических

штрихов; господство ума, присутствие страсти и совершенство техники» (Всякие злобы дня // *Стрекоза.* 1877. № 33. Авг. С. 2).

С появлением на сцене в роли Краснова М. И. Писарева критики чаще всего положительно оценивают его игру и при этом сопоставляют её с игрой Садовского и Васильева. О спектакле 6 ноября 1876 г. в Клубе художников извещала «Петербургская газета». Автор рецензии признаёт, что сцены объяснения с женой и с дедом вышли безупречны, а в финальной сцене Писарев «превзошёл себя: горячий искренний монолог оскорблённого и обманутого Краснова и глубоко потрясающее зрителя рыдание его после убийства жены и укоров старика Архипа удались в совершенстве» (Театральное эхо // *Пб. газета.* 1876. № 221. 30 нояб. С. 3).

В отзыве автора, скрывшегося под криптонимом А. П., на спектакль 14 января 1880 г. в Клубе художников говорится, что М. Писарев, «артист интеллигентный и симпатичный, горячо любящий своё дело», роль Краснова «исполняет с большой обдуманностью» (*А. П.* Спектакль в Клубе художников // *Молва.* 1880. № 21. 21 янв. С. 3).

О том же спектакле Д. В. Аверкиев писал: «Концепция роли Льва Краснова у г. Писарева вполне оригинальна. На первом плане стоит не страсть, не бытовой тип, а характер» (*Аверкиев Д.* Театральные заметки // *Голос.* 1880. № 16. 16 янв. С. 3). По убеждению Аверкиева, Краснов — это «не трагический характер, а бытовой тип», «прекрасная роль, допускающая, но только отчасти, обнаружение трагического таланта», отчего «эту роль превосходно играли и Павел Васильев, и Садовский, в таланте которых вовсе не было трагических элементов» (*Аверкиев Д.* Театральные заметки // *Голос.* 1880. № 16. 16 янв. С. 3).

С Аверкиевым согласен П. Д. Боборыкин, заметивший, что у Писарева «нет той виртуозности купеческой игры, какая была у П. М. Садовского» (*П. Б. <Боборыкин П. Д.>* Московские театры. (Театр Солодовникова. Новая драматическая сцена. Несколько воспоминаний по поводу гастролей Писарева...) // *Рус. вед.* 1880. № 26. 26 янв. С. 4—5).

В отзыве о спектакле 18 января в театре Г. Г. Солодовникова В. И. Немирович-Данченко отмечает, что Богданова (Жмигулина) «мешала» Писареву; «мешал своим кашлем Скворцов», был «плох» исполнитель роли Бабаева, неудачно играла Асенкова Татьяну, «удовлетворительны» были только Курицыны, а Писарев «ведёт роль неровно». Рецензент не соглашается с Аверкиевым в том, что «бытовые краски» составляют у Писарева лишь «аксессуар роли» (*Вл. <Немирович-Данченко В. И.>* Драматический театр. («Грех да беда на кого не живёт» с участием М. И. Писарева) // *Русский курьер.* 1880. № 22. 23 янв. С. 2).

Писатель В. М. Михеев вспоминал о спектакле с участием М. И. Писарева в театре А. А. Бренко в 1881 г. в присутствии автора: Островский «в уборной артиста... в первые антракты только молча посматривал на Краснова-Писарева, отрывисто кидая своим сиповатым баском, с его характерной хрипотой: "Ладно, ладно..." В позднейшие же антракты его светлые, проницательные, немного скошенные по-восточному к вискам глаза сияли всё более и более огоньком удовлетворения, и он уже похлопывал артиста по плечу, говоря: "Так, так! благородный ведь он у меня, благородный мужик... не гляди, что убийца... Убийцы-то и бывают инова́ (по-костромски: иногда) благородные..."» (*Восп.* С. 419).

Хвалебных отзывов петербургской прессы удостоился и провинциальный актёр Н. И. Новиков в роли Краснова (*А. П.* Театр и музыка. (Второй дебют Новикова:

«Грех да беда на кого не живёт») // *Биржевые ведомости*. 1878. № 117. 29 апр. С. 2; Театральное эхо. Новиков в роли Краснова // *Пб. газета*. 1878. № 83. 30 апр. С. 3). По словам корреспондента газеты «Суфлёр», Новикова в роли Краснова «видела вся Россия, вся Россия ему аплодировала, везде он имел большой успех» (*А. Б. В.* По провинции. Елисаветград. (От собственного корреспондента «Суфлёра») // *Суфлёр*. 1882. № 77. 28 нояб. С. 2).

Г. Н. Жулёв откликнулся на постановку драмы в Первом общественном собрании с Владыкиным в роли Краснова, который свою роль «вёл монотонно и вполголоса... зато слёзы в изобилии лились из глаз». Автор заметки считает, что актёр был «не в ударе» (*Г. <Жулёв Г. Н.>* Театральное эхо // *Пб. газета*. 1880. № 15. 22 янв. С. 2).

В прессе положительно была оценена игра Н. Ф. Сазонова в роли Краснова на сцене Павловского театра (см.: *Театрал*. Петербург // *Театральная газета*. 1876. № 36. 30 июля. С. 120), отмечено его «далеко не дюжинное дарование» в бенефисном спектакле 1883 г. (*М. Р.* Бенефис Сазонова. (...«Грех да беда на кого не живёт») // *СПбВед*. 1883. № 57. 1 марта. С. 1), где он «в момент после убийства произвёл сильное впечатление взрывом рыданий» (*Муха*. Бенефис Н. Ф. Сазонова // *Суфлёр*. 1883. № 18. 6 марта. С. 2).

Представители театральной прессы разошлись в оценках исполнения роли Краснова А. А. Соколовым в Лесном клубе. С. Ф. Пивоваров, считая Соколова «особенно больным самолюбием», отметил, что этот актёр «купецких» манер не усвоил, грим был нехорош, костюм неверен, фразы из пьесы переделаны, искажены, монологи неестественны, выпущены целые сцены. По мнению Пивоварова, таким отношением к материалу и исполнением актёры развратили публику (*С. Ф. П. <Пивоваров С. Ф.>* С.-Петербург. Хроника. Лесной клуб. «Грех да беда на кого не живёт», драма А. Н. Островского. (Оценка актёра). Письмо в редакцию // *Искусство*. 1883. № 30. 21 июля. С. 350—351).

Сразу же после появления этой статьи под инициалами И. Я.[1] была опубликована хвалебная заметка о том же спектакле: «Роль Краснова исполнял А. А. Соколов, роль Татьяны Е. А. Алексеева. Оба эти исполнителя имели успех. Тип несчастного Краснова... так же живуч, как и вообще несчастия людские, как живуча измена женщины, создавшая эти "грех да беду"» (*И. Я.* Театральный курьер // *Пб. листок*. 1883. № 170. 23 июля. С. 3). Об успехе спектакля, о том, что Соколова вызывали несколько раз и вызывала не публика Александринки, «а интеллигентная публика Лесного клуба, состоящая преимущественно из местных дачников», говорил Ив. Якунин, который оправдывал небрежность постановки более скромными, в сравнении со столичным театром, возможностями (*Якунин Ив. <Захарьин И. Н.>* Петербург. Ещё о Лесном клубе. (Письмо в редакцию) // *Искусство*. 1883. № 32. 14 авг. С. 374). В ответе Якунину С. Ф. Пивоваров упрекнул его в том, что этим письмом он служит своему хозяину Соколову (*С. Ф. П. <Пивоваров С. Ф.>* Первый и последний мой ответ Ив. Якунину // *Искусство*. 1883. № 33. 21 авг. С. 387).

В 1885 г. автор отзыва о постановке пьесы труппой Русского театра в газете «Театр и жизнь» (1885. № 163. 25 сент. С. 2) упрекал М. Т. Иванова-Козельского за выбор им роли Краснова, которая «всего менее отвечает сценическим данным артиста».

Драма «Грех да беда на кого не живёт» стала одной из самых востребованных пьес для столичной и провинциальной сцены. Именно поэтому в периодике разных

[1] Возможно, автор этой статьи — И. Н. Захарьин, печатавшийся под псевдонимом Ив. Якунин.

лет появлялись отзывы о новых театральных постановках и об игре актёров (см.: *<Баженов А. Н.>* Самойлов на Московской сцене // *Театральные афиши и антракт.* 1864. № 51. 29 мая. С. 3; *Плещеев А.* Никулина в роли Красновой и дебют Гороховой 2-й // *Антракт.* 1868. № 15. 21 апр. С. 4—5; Театр // *СПбВед.* 1870. № 138. 21 мая. С. 2; Театральная хроника // *Биржевые ведомости.* 1870. № 226. 24 мая. С. 3; Театральные новости // *Новости.* 1873. № 217. 25 авг. С. 2; Театр и музыка. Московский артист Писарев // *Новости.* 1878. № 11. 13 янв. С. 3).

В прессе появилось несколько рецензий на любительские спектакли. Так, в журнале «Развлечение» П. Акилов с большой похвалой отзывается о постановке пьесы любителями в театре Г.Г. Солодовникова. Драма была поставлена «с таким замечательным ансамблем, что... произвела самое живое впечатление на всех зрителей. Взрывы громких, единодушных рукоплесканий прерывали исполнение пьесы, и исполнители вызывались по нескольку раз». В игре артиста-любителя Котляревского Краснов «выказался не только характерным лавочником, а и вполне типичною личностью». Критик отметил, что в роли жены Краснова «оказалась безукоризненно хорошею г-жа Замкова», «вполне типичною вышла Лукерья Даниловна в исполнении г-жою Азаревич». Похвалы удостоились Брянский, исполнитель роли Афони, и сыгравший Архипа артист Григорьев, который «сумел сделать из роли личность вполне симпатичную, боговдохновенную, умозрительно-любующуюся на мир Божий». Исполнение пьесы, как отмечает рецензент, «отличалось таким согласием и так тщательно было обставлено в режиссёрском отношении, что хорошая постановка не укрылась от внимания публики» (*Акилов П.* Театральные заметки // *Развлечение.* 1872. № 6. 9 февр. С. 95).

Критика откликалась и на гастрольные спектакли и спектакли провинциальных театров. О спектакле Русского театра в Риге с участием петербургского артиста Александрова писал «Рижский вестник»: «...драма развивается столь непринуждённо и естественно, что зритель быстро входит в положение действующих лиц и до самой кровавой развязки напряжённо следит за ходом пьесы и за игрою артистов; при таком напряжённом внимании (в этом виноват огромный талант Островского) от зрителя не могут укрыться достоинства и недостатки игры исполнителей» (Фельетон. (Русский театр в Риге. «Грех да беда на кого не живёт») // *Рижский вестник.* 1871. № 138. 22 июня. С. 3).

Об исполнении пьесы во Владимирском театре сообщает рецензент, подписавшийся Ф—цкий. По его мнению, пьеса «прошла удовлетворительно»: артист Зимин в роли Краснова «безукоризненно выполнил свою роль, хорошо выразил страстную натуру Льва Краснова», актриса Петренко «очень умно и симпатично» сыграла роль Татьяны (*Ф—цкий.* Владимирский театр (Ноябрь) // *Русская сцена.* 1864. Т. 6, № 12. Современное обозрение. С. 159—160).

Об игре одесской труппы в Симферополе пишет Дм. Морозов, по мнению которого роль Краснова в исполнении Александрова 2-го «вышла, как и следовало ожидать, очень хорошо». Морозов с похвалой отзывается о Кирьяковой в роли Татьяны, Шван в роли Жмигулиной, Спиридонове в роли Бабаева, Самсонове в роли Афони (*Морозов Дм.* Актёры и театр в Симферополе // *Русская сцена.* 1865. № 4/5. Современное театральное обозрение. С. 130—131).

Вс. Сибирский сообщает о спектакле 6 мая 1883 г. в честь коронации императора в Томске, где пьеса «была разыграна очень слабо». В игре актёра Великанова в роли

Краснова «отсутствует истинное чувство, — игра его, правда, умная, но деланная, холодная», Балакшина-Карская, сыгравшая Татьяну, «была очень недурна, местами даже хороша», «недурён» был Ушаков в роли Архипа (*Сибирский Вс. <Долгоруков В. А.>* Томск, 18 мая // *Суфлёр*. 1883. № 43. 9 июня. С. 3).

По поводу исполнения роли Краснова в прессе не однажды появлялись шутливые заметки, подобные следующей: «*Случай самоубийства* был один. В Сокольниках на даче Лионозова в Прикащичьем клубе актёр Рассказов под влиянием увлечения убил Краснова, исполняя его роль в драме "Грех да беда на кого не живёт"» (Дневник происшествий за июль месяц) // *Развлечение*. 1877. № 30. 26 июля. С. 63).

После присуждения Уваровской премии за пьесу «Грех да беда...» Островский был избран членом-корреспондентом Академии наук.

По подсчётам Е. Г. Холодова и сведениям, приведённым Т. М. Ельницкой, при жизни драматурга в театрах Москвы и Петербурга пьесу представляли 85 раз (*ЛН*. Кн. 2. С. 13, 34—35). Ср.: *ЭО*. С. 435—440.

С. 374. *Человек* — здесь: прислуга, лакей.

Девица пожилых лет — девушка в возрасте от 20 до 30 лет. То же, что старая дева. В XIX в. в народе незамужняя девушка от 20 до 30 лет уже считалась «пожилой».

Оказия — редкий, необычный случай, неожиданность.

Нам здесь не детей крестить. — В значении: не долго пребывать.

Содом — беспорядок, шум, суматоха.

С. 375. *Вам, не то что нам, скоро сделают.* — Речь идёт о преимуществе богатого дворянина перед бедным мещанином.

Присутствие — см. комментарий на с. 772.

...завтра праздник — табель... — Табельный праздник, включённый в число казённых (см.: *Даль*. Т. 4. С. 384).

С. 376. *Откупщик* — купец, капиталист, за деньги приобретший право на какой-нибудь род государственных доходов, налогов. Например, винный откупщик.

...у инвалидного начальника-с... — Инвалид — в России старый солдат, неспособный к строевой военной службе из-за увечья и ран; иногда то же, что ветеран. До военных реформ 1860—1870-х гг. использовались для гарнизонной и караульной службы.

Преферанс — карточная игра со взятками для трёх-четырёх лиц. Получила распространение в России в середине XIX в.

...с ремизу-с... — Ремиз — проигрыш, ошибка, конфуз.

Целковый — серебряная монета достоинством в 1 руб.

С. 378. *...из нашего звания...* — Имеются в виду немолодые бедные девушки.

С. 379. *Горелки* — подвижная старинная славянская игра, в которой стоящий впереди ловит по сигналу других участников, убегающих от него поочередно парами.

...с пёстрой недели... — Пёстрая неделя — неделя перед Масленицей, предпоследняя перед Великим постом.

Землемер — межевщик, съёмщик, топограф, снимающий на план земельные угодья.

С. 380. *Канцелярист* — в Российской империи низшее должностное лицо в государственных учреждениях.

...тридцать рублей в год. — Жалованье канцеляриста в провинциальной России того времени было мизерным. Скорее всего, Жмигулина имеет в виду жалованье, выдававшееся ассигнациями. Но даже если отец двух взрослых дочерей получал

тридцать рублей серебром, то есть в пересчёте на бумажные деньги около 120 рублей, то, по словам Неуеденова из пьесы «Праздничный сон до обеда», это означало, что «в одном кармане смеркается, а в другом заря занимается...».

...от мужика недалеко ушёл. — Мужик — здесь: грубый, невоспитанный человек.

С. 382. *...зипунишко...* — Зипун (полукафтан) — верхняя одежда у крестьян. Представляет собой кафтан без воротника, изготовленный из грубого самодельного сукна.

С. 383. *Хорошо вот Бог привёл до покаяния дожить...* — Во время исповеди, покаяния душа человека, сознающего свою вину перед Богом, предстаёт перед Ним, и Спаситель освобождает её от греха.

Божий человек — блаженный, юродивый.

С. 384. *Вышла замуж за мещанина ~ У нас тоже и общество есть, и подати платим, и повинности всякие несём.* — Мещанство — низший разряд городских обывателей. Мещане относились к податным сословиям, несли рекрутскую и податную повинность, могли подвергаться телесным наказаниям.

С. 385. *Величит душа моя Господа.* — Цитата из евангельской песни Богородицы: «И сказала Мария: величит душа Моя Господа, и возрадовался дух Мой о Боге, Спасителе Моем...» (Библия. Новый Завет. Евангелие от Луки. Гл. 1).

С. 387. *...учтивость соблюдём, отплатим вам визит.* — По правилам хорошего тона в благородном обществе было принято обмениваться визитами.

Тонкий кавалер! — Кавалер, умело обращающийся с дамами, знающий тонкости науки обольщения.

С. 388. *...хочу в законе жить.* — Здесь: быть верной супружескому долгу.

С. 389. *...в вечерни?* — Т. е. во время церковной службы, которая начинается на закате солнца.

Лежанка — невысокий каменный выступ у печки (большею частью отапливающийся самостоятельно), на котором можно лежать, спать.

С. 390. *...вантажнее.* — От «авантажный» — представительный, видный, находящийся в выгодном положении.

Перед кем дьяволить хочешь? — Дьяволить — соблазнять, прельщать.

Молоть — здесь: говорить, попусту болтать.

С. 391. *С дураком пива не сваришь.* — Так говорят о человеке, с которым невозможно договориться, сделать общее дело (см.: *Словарь к пьесам*. С. 149).

Винных ягодок свежих получили-с. — Винная ягода — плод смоковницы, смоква, фига, обычно заготовленная впрок.

С. 392. *...школил...* — Школить — внушать кому-нибудь строгие правила поведения, муштровать.

С. 393. *...без острастки нельзя.* — Острастка — угроза, суровое предостережение, запугивающее наказание как урок на будущее.

Взял голь, да и важничает. — Голь — бедняк, нищий, оборванец.

С. 394. *...балясы точит.* — Точить балясы — вести пустые разговоры, болтать лишнее.

С. 395. *...необломанный народ.* — Здесь: невежественный, невоспитанный.

С. 396. *Что на тебя пропасти нет!* — Пожелание провалиться в тартарары, под землю.

С. 399. *Да и выгнали, только что политически.* — Политически — здесь: деликатно.

С. 401. *Ведь ещё теперь в Петербурге не обедали, ещё утро.* — «...Право вставать как можно позже являлось своего рода признаком аристократизма, отделявшим неслужащего дворянина не только от простонародья или собратьев, тянущих фрунтовую лямку, но и от деревенского помещика-хозяина» (*Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1983. С. 73).

...дать барашка в бумажке... — Дать взятку.

...да и призрит глазом на какую-нибудь брунетку. — Призрить — бросить взгляд, привлечь взглядом. Брунетка — брюнетка.

С. 402. *Пальба* — здесь: ругань, ссора, перебранка.

С. 407. *Бесталанная моя головушка!* — Бесталанный — несчастный, обездоленный.

С. 408. *...таких пассажев с его стороны.* — Пассаж — здесь: неожиданное поведение, происшествие, неожиданный оборот дела.

...как бы нам эту статью обработать. — Т. е. обделать это дело.

Турусы на колёсах — чепуха, вздор.

С. 410. *Да что вы друг за другом так и погоняете!* — Здесь: спешите в разговоре, опережаете друг друга.

С. 412. *...уж я забрался.* — Забираться — здесь: «запирать лавку (прежде лавки забирались досками)» (см.: *Островский А. Н.* <Материалы для словаря русского народного языка> // *ПСС-12*. Т. 10. С. 474).

С часок места... — Около часа.

На всякий час не опасёшься! — Не опасёшься — не убережёшься.

С. 413. *Эко сердце-то у тебя ретивое!* — Здесь: сердце, способное на сильное, неукротимое чувство, возбуждение.

...меня лихорадка проняла... — Здесь: о состоянии крайнего возбуждения, волнения, доводящего до дрожи.

С. 414. *А ты укорачивай сердце-то!* — Здесь: сдерживай себя.

С. 415. *...человек неполированный...* — Человек, не потёршийся в хорошем обществе, не воспитанный в соответствии с нормами света.

С. 416. *...залепортовалась...* — Зарапортовалась — запуталась, наговорила лишнего, вздорного.

С. 417. *...да уж ау, брат!* — Здесь: всё кончено.

С. 418. *Ах, матушка, скучно...* — народная песня (вариант её см.: *Соболевский*. Т. 5. № 307. С. 237).

С. 421. *Потатчица* — потворщица.

Петли метать — обманывать, стараться запутать кого-либо.

Она брату-то очки на нос наденет. — Т. е. обманет, обведёт вокруг пальца.

С. 425. *Пятьдесят семь рублёв, шесть с костей, три на кости...* — Речь идёт о костяшках на счётах, которые как инструмент для подсчёта денег появились в России в XVI в.

С. 428. *Красные дни* — здесь: счастливые дни.

...обиду возьму? — Т. е. отомщу.

...ломался... — Здесь: хвастался.

...над твоей красотой погуляю! — Т. е. отомщу за свои обиды.

Н. Л. Ермолаева

ТЯЖЁЛЫЕ ДНИ

Впервые опубликовано: *Современник*. 1863. № 9. С. 205—250 (цензурное разрешение —19 сентября 1863 г.).

Рукописные источники:

— черновой автограф (*ЧА*): *РГБ*. Ф. 216. М. 3247. Автограф, за исключением некоторых сделанных чернилами вкраплений, написан карандашом;

— цензурная театральная копия (*ЦТК*): *МТ*. № 5243. Режиссёрский экземпляр с цензорским разрешением (без цензурного вмешательства).

Печатается по тексту журнала «Современник» со следующими исправлениями:

С. 433

[11] *Вместо: руки — руку* (по *ЧА, ЦТК*)

С. 446

[16] *Вместо:* Настасья Панкратьевна. Ну, так что ж за беда. — Наталья Никаноровна. Ну, так что ж за беда[1].

С. 456

[14] *Вместо:* жениться хочешь — жениться хочет (по *ЧА, ЦТК*)

С. 463

[27] *Вместо:* Андрюшин знакомый — Андрюшкин знакомый (по *ЦТК*)

С. 467

[5] В число действующих лиц, участвующих в 8-м явлении, добавлена фамилия Досужев (по *ЧА, ЦТК*)

Работа над пьесой, вероятно, была начата летом 1863 г. и достаточно быстро закончена. На последней странице *ЧА* рукою Островского поставлена дата окончания: «Августа 29 1863 года».

Круг действующих лиц и их имена определились рано, причём ряд персонажей (Тит Титыч Брусков, Андрей Титыч, Настасья Панкратьевна) перешли в «Тяжёлые дни» из пьесы «В чужом пиру похмелье», а Досужев — из комедии «Доходное место». Афиша I действия, последний вариант которой представлен на листе 14 а, приближена к окончательной, разница только в том, что в ней несколько иначе обозначен социальный статус некоторых лиц. Досужев назван «чиновником в отставке», а не «чиновником, занимающимся частными делами»; обстоятельная характеристика Перцова в афише окончательного текста в *ЧА* ещё не развёрнута, он обозначен просто как «отставной»; Молодой человек предстаёт без уточнения социального статуса — «незначительный чиновник». Немногим отличается от окончательного варианта и ремарка, обозначающая место действия. То же самое можно сказать об афишах, предпосланных II и III действиям.

Подавляющее большинство сделанных в *ЧА* и при подготовке публикации в «Современнике» изменений касается отдельных слов и реплик.

Наиболее очевидны перемены, касающиеся характеристики Перцова, причём особенно заметна тенденция к усилению его витиевато-книжной, почерпнутой из низкопробных сочинений, «романтической» манеры высказываться. Усилен и мотив мнимого благородства героя, хотя акцентировка обнаруживается не в *ЧА*, а в окончательном тексте: в *ЧА* не было слов о семье, которую «облагородил» Пер-

[1] Далее в тексте «Современника» вновь следует реплика Настасьи Панкратьевны.

цов, в ряде его реплик отсутствовало упоминание о своём благородстве. Несколько изменяются формы противопоставления Перцова родственникам.

Лексические замены есть и в речи Андрея Титыча: отдельные реплики снимаются, нейтральную лексику («теперь», «только редко», «стоит ли об этом говорить») сменяют слова, приобретающие простонародную окраску («теперича», «только оченно неспособно», «нешто об этом какой разговор быть может-с!» и др.). В 3-м явлении I действия вместо нейтрального «меня» сверху добавлено «дурака», перешедшее затем в окончательный текст («Да что про меня, дурака, и говорить-с!»). Речи Александры Петровны в ряде случаев, наоборот, придавался более нейтральный, литературный характер.

Окончательный текст освобождён от междометий («Охо-хо-хо-хо», «хе-хе-хе», «ох-хо-ох»), которыми первоначально предварялись реплики Мудрова в разговоре с Настасьей Панкратьевной и Натальей Никаноровной во 2-м явлении II действия. В то же время в речь Мудрова с последовательной скрупулёзностью включается слово «сударыня», несколько раз вписанное сверху строк *ЧА* и перешедшее затем в текст «Современника». Наблюдается устойчивая особенность: слова и фразы, дописанные в *ЧА* сверху строк, как правило, оказались включёнными в текст первой публикации. В остальных случаях реплики персонажей чаще всего видоизменяются. Некоторые из реплик появляются только в окончательном тексте. Изменены отдельные ремарки. Всё это свидетельствует о внимании Островского к мельчайшим текстовым элементам.

Трансформировалась очерёдность финальных фраз. Поначалу Островский собирался завершить пьесу словами Настасьи Панкратьевны «Говорила я, что в тяжелый день ничего делать не нужно! Вот какая беда-то было вышла, кабы добрый человек не помог!», однако уже в *ЧА* они были передвинуты чуть выше, а завершающими (так будет и в окончательном тексте) оказались слова Досужева.

В *ЦТК* содержится сделанная карандашом правка, принадлежащая, вероятно, режиссёру, но нельзя исключить и того, что изменения внесены Островским.

В письме к Ф. А. Бурдину от 2 сентября 1863 г. Островский настоятельно просил своего адресата ускорить прохождение пьесы через цензуру. 7 сентября 1863 г. пьеса была одобрена Театрально-литературным комитетом, а 8 сентября драматической цензурой разрешена к постановке на сцене.

Н. В. Капустин

Впервые упоминание о «Тяжёлых днях» появилось в письме Островского к Ф. А. Бурдину 2 сентября 1863 г., в котором драматург сообщение о том, что послал пьесу в контору петербургских театров, сопроводил просьбой: «Сейчас же хлопочи, чтобы она была процензурована, в субботу одобрена Комитетом и в понедельник или во вторник (9 или 10) была в Москве». Пьесу Островский предполагал также отдать в Москве для бенефиса А. А. Рассказову. В письме к Бурдину от 9 декабря 1863 г. Островский назвал «Тяжёлые дни» «шуткой».

После премьеры в Москве журнал «Развлечение» писал: «Каждая пьеса талантливого драматурга всегда привлекает в театр массу публики, разумеется, и в этот раз было то же самое. Нечего и говорить, что эта любовь публики к г. Островскому вполне вознаграждается тем наслаждением, которое доставляют его вещи. <...> Кому... не приятно отдохнуть на художественной и простой пьесе, какова "Тяжёлые

дни"? В этих сценах мы встречаемся со старыми нашими знакомыми лицами: Титом Титычем Брусковым и его сыном Андреем, входим в знакомый нам мир самодурства, бесправия и семейного деспотизма, входим в это "тёмное царство", в эту "пучину", где Островский всегда является глубоко проницательным художником и таки карающим, беспощадным сатириком» (*Новый человек*. Общественные и литературные заметки // *Развлечение*. 1863. № 40. 10 окт. С. 234). По мнению автора, скрывающегося под псевдонимом Новый человек, личность Досужева «"случайная", выведенная... для авторских целей», а Василиск Перцов — «это один из тех капитанов или майоров в отставке, которые занимаются различными дебошами, стараясь при этом получить себе в физиономию и потом требовать за "бесчестье"», и это лицо у Островского «вышло как живое, без малейшего шаржа, без малейшей карикатуры» (Там же. С. 234—235). Рецензент отмечает комические сцены в пьесе, говорит «о юморе, комизме, правде и естественности, которые дышат почти в каждом лице, о той меткой и верной сатире, которая разлита во всей пьесе, о тех глубоко народных чертах характеров действующих лиц. Всем известно, что у такого мастера, как Островский, всё это не редкость, всё это составляет необходимую принадлежность каждого его произведения». Автор особо выделяет сцену из II акта: «Разговор... о "книгах" до того комичен и до того глубоко характеризует эту пошлую среду, в которой вращаются действующие лица пьесы, что, по нашему мнению, даже в комедиях Островского подобные места встречаются не часто» (Там же. С. 235).

С. Яковлев более скептичен в оценке пьесы, которую, как и некоторые другие рецензенты, определяет по её жанру — сцены: «При всех достоинствах их недостаток драматизма, отсутствие движения делают впечатление, производимое этими сценами на зрителя, неполным и неглубоким» (*Яковлев С.* Малый театр // *М. вед.* 1863. № 221. 12 окт. С. 3).

В столичной газете «Голос» автор заметки о московской премьере отмечает, что Круглова — «личность очень обыкновенная в купеческом быту: она совершенно безлична, не развита нисколько; в ней есть только чутьё богатой жизни и сладострастных удовольствий»; Досужев — «личность, сочинённая автором пьесы без плоти и крови. <...> Содержание новой пьесы чересчур уж несложно» (*С. П.* Московская жизнь. (...Театральные новости: «Тяжёлые дни»...) // *Голос*. 1863. № 269. 12 окт. С. 1059).

После премьеры в Петербурге одной из первых на пьесу откликнулась газета «Сын отечества»: «Сцены производят слишком *тяжёлое* впечатление, несмотря на то, что здесь проявляется мастерство автора в очерчении характеров известных личностей». Рецензент упрекает пьесу в отсутствии «связи, целостности; это одно из менее удавшихся творений талантливого нашего писателя. Нет движения, драматизма, а лица и разговоры чересчур известны. <...> Характер Досужева... решительно не очерчен — это личность загадочная, бледная» (*М. Р. <Раппопорт М. Я.>* Театральная летопись // *Сын отечества*. 1863. 4 дек. № 290. С. 2285).

В. А. Крылов сосредоточивает внимание на социально-нравственном аспекте в пьесе, на изображении той страны, о которой пишет Островский, называя её Белой Арапией, и мечтает о времени, когда она «превратится в образованное общество и лишится своих предрассудков». С точки зрения Крылова, мрачное впечатление от пьесы на сей раз оставило не тёмное царство самодуров, а выродившийся дворянин Перцов: «...барские наклонности сделали его тунеядцем, и он теперь не остановится ни перед каким скверным делом. <...> Конечно, только пучина, только Белая Арапия

может порождать людей, подставляющих своё барское лицо под купеческий кулак, чтоб содрать за бесчестье, и для которых сочинить фальшивый документ есть дело очень обыкновенное». Обеспокоенный женским вопросом, Крылов пишет о молодой Кругловой: «Это простая, вовсе неразвитая девушка, но также и незнакомая с гнётом родительского деспотизма. <...> ...в поступках она проста и свободна» (*Александров В. <Крылов В. А.>* Театральная хроника. (Бенефис Бурдина: «Тяжёлые дни» — сцены из московской жизни в 3-х д.) // *СПбВед.* 1863. № 273. 8 дек. С. 1).

Скептически оценивает пьесу М. П. Фёдоров: «Обстановка и быт сцен г. Островского, несмотря на чрезвычайно типичный их язык и верную обстановку в мелочах, кажется, уже надоели публике, потому что она как-то сухо посмотрела на новые сцены. Повторение старого кажется скучноватым» (*Ф. <Фёдоров М. П.>* Петербургская хроника. Театральные вести // *Голос.* 1863. № 329. 11 дек. С. 1303).

Д. И. Писарев высказывается о пьесе иронически: «Что касается до "Тяжёлый дней", то это уж и Бог знает, что за произведение. Остаётся пожалеть, что г. Островский не украсил его куплетами и переодеваниями, вышел бы премиленький водевиль...» (*Писарев Д. И.* Мотивы русской драмы // *РСл.* 1864. Март. Отд. 2. С. 37—38).

По мнению Е. Н. Эдельсона, «Тяжёлые дни» принадлежат к лёгкому роду пьес Островского, в ней «много грехов, сюжет чисто анекдотический. ...Досужев не имеет никакой внутренней необходимой связи с остальными действующими лицами; самая мысль пьесы не представляет особенной оригинальности и типичности и написана по рецепту: безобразие и протест. Повторяются даже комические приёмы, уже прежде употреблявшиеся автором, каково, напр., коверкание имени приказного женою Брускова. Наконец, сцена, где Мудров в глаза жене радуется, что муж попался в большую беду, задумана и отделана до того небрежно, что кажется неправдоподобною» (*Е. Э—н. <Эдельсон Е. Н.>* «Тяжёлые дни». Сцены из московской жизни // *БдЧ.* 1864. Т. 181, № 1. Русская литература. С. 19). «Капиталом Островского» Эдельсон считает его типы, «и притом чисто русские типы» (Там же. С. 5).

А. А. Григорьев также невысоко оценивает пьесу. Критик считает, что лицо Кита Китыча придаёт ей глубокий смысл, но полагает, что Островский «испортил... лицо Досужева, земского стряпчего, ярко и полно выступившего в третьем акте "Доходного места"» (*Григорьев А.* Русский театр в Петербурге // *Эпоха.* 1864. № 3. С. 239).

Автор заметки в журнале «Отечественные записки» считает, что «купец Тит Титыч... — гроза, деспот всего семейства, исполнен чистейшей правды, действительной и художественной. Это настоящий самородок купеческого быта, которыми богата и теперь наша первопрестольная столица, а уж о провинциях и говорить нечего. Всё дрожит пред Кит Китычем. <...> Жена Кита Китыча, небогатая умом от природы, неразвитая, разумеется, нисколько воспитанием и забитая окончательно тридцатилетнею жизнью под грозою такого зверя, как её благоверный, запугана до того, что боится некоторых слов: эта сцена исполнена чистого юмора...» (Театральная хроника. (...Пьесы Островского «Воспитанница» и «Тяжёлые дни») // *ОЗ.* 1864. Т. 152, № 1. Отд. 2. С. 136). «Полна комической правды» сцена Кита Китыча с Досужевым, сам характер которого, по мнению рецензента, кажется непонятным: «...на чём основывается его бескорыстная заботливость об устройстве сына Кита Китыча? Или это тоже самодур своего рода: так от безделья хлопочет? <...> Вообще вся пьеса оставляет весьма приятное впечатление» (Там же. С. 139).

В более поздние годы «Отечественные записки» оценивали «Тяжёлые дни» недоброжелательно: «Тяжёлые дни» «слабы сами по себе» (*N. N.* Александринский театр в Петербурге. (Новая пьеса А. Н. Островского «Пучина») // *ОЗ*. 1866. Т. 166, № 6, кн. 1. С. 600).

В 1867 г. в «Отечественных записках» о творчестве Островского появился отрицательный отзыв Н. С. Лескова. Заметив, что «Тяжёлые дни» «как переделанный для сцены анекдот, смотрелись без всякого увлечения», Лесков говорит о падении таланта драматурга: «Неужто уже г. Островский совсем отслужился и, как старый боевой конь, требует теперь только ячменя и покоя? Неужто он уже не может писать таких пьес, какие он писал для русской сцены… за какие его прозвали "гостинодворским Коцебу"? Не хочется согласиться, что он дошёл до такого бессилия…» (*М. С. <Лесков Н. С.>* Русский драматический театр в Петербурге // *ОЗ*. 1867. Т. 171, № 3. Современная хроника. С. 36, 37).

Уже при жизни Островского образ Тита Титыча Брускова будет осмыслен в критике как символ грубости, тупоумия, корыстолюбия и невежества в крайних формах его выражения. Один из литературных обозревателей журнала «Дело» использует его для характеристики современного купечества, вырождение которого будет доказывать на примере образов Тита Титыча Брускова, Флора Федулыча и Лавра Мироныча Прибытковых: «Вследствие своей безобразной жизни, пьянства, отсутствия физического труда и умственного развития Титы Титычи выродились в самодуров и, вследствие закона наследственности, передали эти черты и своему потомству. <…> Островский никогда не был мыслителем и, не мудрствуя лукаво, давал только художественные картины той жизни, которую он наблюдал и изучал» (*Непричастный С.* Журнальное обозрение. (…Выродившееся купечество в новой комедии Островского) // *Дело*. 1878. № 5. Журнальное обозрение. С. 396—397).

Премьера пьесы состоялась в Москве в Малом театре 2 октября 1863 г., в бенефис А. А. Рассказова, исполнявшего роль Андрея Титыча. Роль Брускова исполнял П. М. Садовский, Настасьи Панкратьевны — Х. И. Таланова, Досужева — С. В. Шумский, Мудрова — В. И. Живокини, Кругловой — С. П. Акимова, Александры Петровны — А. И. Колосова, Перцова — В. А. Дмитревский, Неизвестного — Н. М. Никифоров.

Премьера в Александринском театре состоялась 2 декабря 1863 г., в бенефис Ф. А. Бурдина, исполнившего роль Брускова. Роль Настасьи Панкратьевны исполняла Ю. Н. Линская, Андрея Титыча — И. Ф. Горбунов, Досужева — А. А. Нильский, Мудрова — П. В. Васильев (Васильев 2-й), Кругловой — Н. П. Воронова, Александры Петровны — Е. И. Подобедова (Подобедова 2-я), Перцова — П. С. Степанов, Неизвестного — В. И. Васильев (Васильев 1-й).

Журнал «Развлечение» с похвалой отзывается об игре актёров Садовского в роли Брускова, Рассказова в роли Андрея, Шумского в роли Досужева, который, «несмотря на некоторую бесцветность его роли, выполнил её как всегда с толком и ловко». Живокини «по обыкновению впадал в фарс — это очень жаль, тем более, что лицо Мудрова очень хорошо задумано и выполнено автором и требовало бы более обдуманной и уж вовсе не карикатурной игры» (*Новый человек.* Общественные и литературные заметки // *Развлечение*. 1863. № 40. 10 окт. С. 235).

С. Яковлев считает, что популярность Островскому в основном обеспечили талантливые московские артисты. Рецензент высоко оценил игру П. М. Садовского:

«Новый фазис из жизни Тита Титыча был олицетворён им с новой художественной силой. Выходя на сцену, он уже одним своим взглядом знакомит читателя со своим характером. <...> Сцена Брускова с Досужевым превосходно очерчивает характер первого: всё его самодурство, деспотизм, кичение деньгами, вся несложная философия его жалкого умишка». А. А. Рассказов «был очень хорош» в роли Андрея Титыча, Дмитревский «выдвинул на первый план незначительную, по смыслу пьесы, роль Перцова», Шумский «сделал всё, что только можно было сделать из Досужева, лица совершенно безжизненного и бесцветного» (*Яковлев С.* Малый театр // *М. вед.* 1863. № 221. 12 окт. С. 3).

В газете «Голос» рецензент писал, что «исполнены были "Тяжёлые дни" как всё, что исполняется на московской сцене из комедий Островского; здесь по обыкновению приходится говорить о громадном таланте Садовского, которому роль Брускова не была внове; г. Шумский придал много жизни Досужеву, а г. Живокини сделал совершенно противное с ролью Мудрова. Г. Рассказов довольно верно понял характер Андрюши, хотя и здесь, как всегда, этому артисту недоставало драматизма и патетические сцены выходили у него слабы» (*С. П.* Московская жизнь. (...Театральные новости: «Тяжёлые дни»...) // *Голос.* 1863. № 269. 12 окт. С. 1059).

Оценивая петербургскую премьеру, М. Я. Раппопорт замечает, что Ф. А. Бурдин «весьма типичен в роли купца», говорит об «убийственной однообразности» Васильева 2-го в роли Мудрова, о том, что «характер Досужева... решительно не очерчен — это личность загадочная, бледная» (*М. Р. <Раппопорт М. Я.>* Театральная летопись // *Сын отечества.* 1863. 4 дек. № 290. С. 2285).

Газета «Русский инвалид» писала о премьере: «Язык этой пьесы... по обыкновению, весьма верен и типичен, но по бедности содержания и устарелости основных мотивов она прошла на сцене довольно вяло, хотя г. Бурдин... был вообще весьма хорош, особенно в последней сцене с Досужевым». О самой пьесе автор отозвался как об одной «из слабейших» у Островского (*W.* Театральные заметки // *Рус. инвалид.* 1863. № 268. 4 дек. С. 1130).

В. А. Крылов отметил, что комедия поставлена «весьма изрядно», особо выделил П. В. Васильева в роли Мудрова: «по моему мнению, это одна из лучших ролей его. <...> Роль Брускова играл бенефициант и притом очень недурно» (*Александров В. <Крылов В. А.>* Театральная хроника. (Бенефис Бурдина: «Тяжёлые дни» — сцены из московской жизни в 3-х д.) // *СПбВед.* 1863. № 273. 8 дек. С. 1).

Более критично оценил петербургскую премьеру М. П. Фёдоров: «Само исполнение "Тяжёлых дней" нельзя назвать вполне удачным». Бурдин в роли Брускова «был недурён», но «придал этому лицу слишком зверский оттенок», Нильский в роли Досужева «был очень слаб», Степанов «чересчур водевильно представил Перцова» (*Ф. <Фёдоров М. П.>* Петербургская хроника. Театральные вести // *Голос.* 1863. № 329. 11 дек. С. 1303).

Театральный обозреватель «Отечественных записок» считает, что сцена разговора о «страшных» книгах «исполнена чистого юмора» и «передана была гг. Васильевым и Линской бесподобно» (Театральная хроника. (...Пьесы Островского «Воспитанница» и «Тяжёлые дни») // *ОЗ.* 1864. Т. 152, № 1. Отд. 2. С. 136). По мнению рецензента, роль Кита Китыча Ф. А. Бурдин «исполняет прекрасно; при первом же выходе заспанная и зверовидная фигура Брускова вызывает рукоплескания». И. Ф. Горбунов «нехудо исполняет роль сына Кита Китыча, полуглупенького купеческого юношу,

но больше наружностью». Критика не удовлетворяет речевая манера актёра: «Речь его, несмотря на то, что сам он сочиняет сцены из народной жизни, лишена колорита той жизни, которая выведена г. Островским. У автора она исполнена совершенной правды и оригинальной красоты, а в устах г. Горбунова она неверна, фальшива, то есть г. Горбунов не мог покорить свою речь артистическому говору автора» (*ОЗ*. 1864. Т. 152, № 1. Отд. 2. С. 139).

А. А. Григорьев, обращаясь к зрителю, иронизирует по поводу спектакля в Александринском театре: «Ведь ты видел, как мы при посредстве г. Бурдина — Кита Китыча — "Тяжёлые дни" обработываем и какого жёньпремьера[1] Досужева в них г. Нильский изобразил» (*Григорьев А.* Русский театр. По возобновлении в первый раз. (Посвящается гг. артистам Александринской сцены) // *Эпоха*. 1864. № 1/2. С. 467).

Нелицеприятно оценил игру актёров Александринского театра анонимный критик «Библиотеки для чтения»: «Сценическое исполнение картин московской жизни здесь никогда не удаётся до тонкости. Это продукт местный, требующий глубокого знания и тонкой юмористической наблюдательности. <...> Васильев 2-й играет в "Тяжёлых днях" стряпчего Мудрова и несмотря на свой талант даёт вовсе не то лицо, какое должно быть в пьесе. Он смотрит каким-то обрубком, каким-то грубым резонёром: нет в нём ни комической важности, ни известного рода подьяческой тонкости и плутоватости. <...> Нечего говорить об игре г. Бурдина. Скромности этому актёру никто не придаст; не придаст и таланту. <...> Бурдин вообразил себе, что он может играть *всего Островского*, что он одинаково высок в самой крупной драме и в самой тонкой — бытовой комедии, и нимало не смущаясь *воспроизводит* Тита Титыча. Ему дела нет до того, что он не смешон, что он хнычет, что он тщетно желает выказать самодурство тем, что ходит не шевеля головой и садится спиной к публике... <...> И так самый чистый тип самодура во всём мире Островского погибает для петербургских зрителей» (Петербургская сцена. Развал и конец сезона. С 1 декабря по 1 марта. (...«Тяжёлые дни») // *БдЧ*. 1864. Т. 182, № 3. С. 60—61).

Не прошли незамеченными постановки пьесы и в более поздние годы. В 1869 г. «Тяжёлые дни» были поставлены в Москве в Артистическом кружке, одним из организаторов и руководителей которого был Островский. П. Г. Акилов высоко оценил этот спектакль: «Всё вообще исполнение "Тяжёлых дней" на сцене Артистического кружка... оказывается более состоятельным, чем на сцене Малого театра». Особо отмечено рецензентом исполнение В. А. Макшеевым роли Перцова: «В игре этого артиста-любителя все особенности изображаемого им лица настолько были обдуманы и так верно, так живо воспроизведены, что личность Перцова, этого праздношатающегося чиновника, представилась глазам зрителя совершенно типичною. <...> Его игра была проникнута... живою правдою...» Внимания Акилова заслужил и М. П. Садовский в роли Андрея Брускова: «Исполнитель её был непритворно комичен своим неподдельным оживлением и тою наивностью, которая делала из молодого Брускова совсем не глупого парня, а только недалёкого под влиянием среды и недостатка образования». Сыгравшая Александру Петровну Круглову актриса Бахметьева, по наблюдению критика, «сумела оживить бесцветную личность и немногими отрывочными фразами роли придать много смысла» (*Н. Ф—в. <Акилов П. Г.>* Московский наблюдатель // *Развлечение*. 1869. № 44. 8 нояб. С. 302).

[1] Жён-премьер — амплуа актера, исполняющего роли первых любовников.

Автор заметки о летних гастролях П. М. Садовского в 1870 г. в Санкт-Петербурге писал: «"Тяжёлые дни", как известно, одна из тех мастерских картинок купеческой московской жизни, в которых при исполнении Садовского невольно удивляешься: как могут до такой степени автор и артист сродниться в создании типичной личности... словно обдумывали своё создание одной головой» (Театр // *СПбВед.* 1870. № 154. 7 июня. С. 2).

Анонимный обозреватель «Биржевых ведомостей» писал, что П. М. Садовский был «неподражаем в роли Тита Титыча», а в игре М. П. Садовского «не удалось подметить... той живой струи, которая составляет достояние всех истинно талантливых артистов...» (Театральная хроника // *Биржевые ведомости.* 1870. № 244. 7 июня. С. 5).

О гастролях отца и сына Садовских летом 1870 г. в Петербурге писал П. Г. Акилов, заметивший, что при первом же появлении П. М. Садовского «раздались всеобщие аплодисменты» (*А. В. <Акилов П. Г.>* Театральные беседы не без курьёзов. («Тяжёлые дни» г-на Островского и лёгкие для г-на Садовского...) // *Развлечение.* 1870. № 28. 18 июля. С. 41). М. П. Садовский, по мнению рецензента, в роли Андрея исполнял самого себя и при этом подсмеивался над героем, желая посмешить публику. В итоге от такого смеха натура Андрея Брускова «совсем уничтожилась». В игре актёра не было того, что есть в Андрее, — «застенчивости и нерешительности». В любовных сценах у актёра звучал «фальшивый тон и самодовольство», тогда как Андрей Титыч, которого «даже к простакам нельзя причислить», «совсем и не глупый малый», он «необразован, недостаточно развит, но без малейшей дозы глупости» (Там же. С. 42). Актриса А. В. Живокини в роли Александры Петровны, как пишет критик, «была совершенно холодна» к Андрею и портила спектакль «излишним равнодушничанием». Акилов с удовлетворением отмечает игру Д. В. Живокини в роли Перцова. Но актёру Никифорову, по мнению рецензента, было трудно исполнять роль Мудрова, так как этот образ Островский начинил «такими странными, ничем не объяснимыми вычурностями, что простая осмысленная игра Никифорова не ладилась со сложными бессмысленностями Мудрова» (Там же. С. 43). К таким несообразностям критик относит, например, «откровенничание Мудрова» по поводу денег (Там же. С. 44). Неубедительным характером представляется Акилову и Досужев: «Его играл прежде Шумский на высокий тон и был не хорошим Досужевым, теперь вот его исполнял Лавров со значительным понижением тона и был лучшим Досужевым, но возможным всё его таки сделать не мог»; «Досужевское бескорыстие остаётся "мутной водицей", в которой автору, быть может, и удобно ловить драматических рыбиц, да уха-то из них портит только вкус зрителей» (Там же. С. 45—46).

Позднее Д. А. Коропчевский игру П. М. Садовского сочтёт «образцом для исполнителей»: Брусков получался у актёра «необыкновенно крупным... монументальным типом. Грубо-элементарный, обыденный тип самодура, резко намеченный у автора, не давался, однако, предыдущим исполнителям...» (*Коропчевский Д.* Пров Михайлович Садовский. Из «Воспоминаний о Московском театре» // *ЕИТ.* Сезон 1894—1895. Приложения. Кн. 2. СПб., 1896. С. 28). Коропчевский сравнивает исполнение роли актёром в пьесах «В чужом пиру похмелье» и «Тяжёлые дни»: «Изучая этот характер в обеих пьесах, мы видим, что в последней Кит Китыч устарел, отяжелел, он как будто ещё более укрепился в своём самодурстве и вряд ли способен на такой добрый порыв, как в первой пьесе. В последней только

животный страх за себя, ради которого он ставит себя в глупейшее положение... заставляет его уступить в решительную минуту желанию сына. Такого, покрытого непроницаемой бронёй, ничего не признающего, кроме собственной прихоти, Кит Китыча и изображает Садовский в "Тяжёлых днях"» (*ЕИТ*. Сезон 1894—1895. С. 30). В 4-м явлении II действия Садовский-Брусков «с красным нахмуренным лицом... вваливался в распахнутые двери и затем грузно опускался в кресло. Следовала тяжёлая пауза, в течение которой он мутным взглядом обводил замирающих от страха присутствующих. Наконец у него вырывалось значительное: "Слышали?..", в котором соединялось и признание постигшей его крупной неприятности, и требование сочувствия от окружающих. Привычка властвовать не позволяет ему выказать страха или угнетения» (Там же).

Об исполнении роли Досужева С. В. Шумским Коропчевский писал, что актёр «играл остроумно и живо, как её едва ли исполнял кто-нибудь другой». Критик отметил в игре Шумского глубину понимания замысла Островского: «...играл Досужева человеком независимым, изучающим нравы Замоскворечья, как изучают нравы дикой страны, и забавляющимся её грубыми и невежественными обитателями ради развлечения. Он добродушно подсмеивался над страданиями угнетённого и влюблённого Андрюши Брускова, дразнил и смирял несколькими словами расходившегося Перцова и играл с свирепым Китом Китычем, как с рассерженной моськой, которая своим рычанием никого испугать не может» (*Коропчевский Д.* Сергей Васильевич Шумский. Из «Воспоминаний о Московском театре» // *ЕИТ*. Сезон 1895—1896. Приложения. Кн. 3. СПб., 1897. С. 32).

В 1870 г. П. Г. Акилов писал о спектакле в исполнении любителей, характеризуя его такими словами: «"Тяжелые дни" в лёгком исполнении» (*Акилов П.* Театральные заметки // *Развлечение*. 1870. № 55. 5 сент. С. 153). Акилов говорит о любителе Владимирове в роли Перцова, называет его «самым легчайшим» исполнителем (Там же. С. 153—154). У Алексеева в роли Тита Титыча Акилов отмечает пренебрежение к искусству, проявившееся в костюме актёра. Отмечены и другие артисты: в исполнении г. Степанова Андрей Титыч — разухабистый гостинодворский молодец. Настасья Панкратьевна «вышла слишком приличною дамою в исполнении г-жи Косакович»; Васильев в роли стряпчего сумел исправить даже «авторские промахи»; Досужев в исполнении Казанского «оказался вполне приличным московским ходатаем по делам». Задушевность в игре актёра «стирала все авторские шероховатости, особенно выдающиеся в Досужеве» (Там же. С. 154, 155). В роли Андрея «был превосходен» Охотин (Там же. С. 157).

Акилов пишет и о спектакле 1872 г. (из пьесы давались два последних акта) с участием любителей в театре П. Ф. Секретарёва, поддерживая исполнителей. Главную роль Тита Титыча Брускова исполнял Соколов: «Этот молодой любитель выказал в своей игре серьёзный комизм. <...> В ведении им роли выказалась полная обдуманность. Главное достоинство его олицетворения Тита Титыча заключалось в типичной своеобразности. Он ловко сумел отрешиться от всем знакомого исполнения этой роли нашим любимцем П. М. Садовским». Акилов с похвалой отзывается об игре молодого любителя Горожанкина (Андрей Титыч), актёра Хоткевича (Перцов), актрисы Соколовой (Круглова), актрисы Маклаковой, благодаря которой Настасья Панкратьевна «из безличного авторского очертания перешла в живую личность», а также артиста Чижова (Мудров), отметив: «В его исполнении совершенно сглади-

лась карикатурная обрисовка подьячего. Талантливый исполнитель создал из роли завзятого взяточника, но нигде не позволил себе ни малейшего шаржирования» (*Акилов П.* Театрально-критические курьёзы и заметки // *Развлечение.* 1872. № 19. 20 мая. С. 301—302).

В 1872 г. «Тяжёлые дни» были поставлены в Народном театре в Москве с Н. Х. Рыбаковым, которому, как считает Д. В. Аверкиев, роль Брускова не удалась: «В ней г. Рыбаков показал обычные свои достоинства: обдуманность, желание обрисовать характер лица, но ему недоставало комизма, очевидно, не свойственного его таланту. Кит Китыч вышел слишком мрачен и суров и вовсе не смешон. Оттого... общее впечатление роли осталось смутное». Говоря о постановке, критик отмечает: «Вообще "Тяжёлые дни" идут, хотя довольно гладко, но недостаточно живо и весело. Выделяются по весёлости сцены между Андрей Китычем (г. Морозов) и молодою Кругловою (г-жа Дюбюк)» (*Аверкиев Д.* Народный театр в Москве. Репертуар с 9 июня по 4 июля // *М. вед.* 1872. № 175. 12 июня. С. 4).

В 1875 г. о постановке в театре М. А. Немчинова с иронией отозвался М. А. Козырев: «"Тяжёлые дни" при тяжёлом исполнении любителей — так и остались "тяжёлыми днями"; всё-таки это не мешало со всех сторон раздаваться рукоплесканиям, которые плодят бездарность. <...> Бедненькое искусство, как глумятся над тобою!..» (*Философ из Ямской. <Козырев М. А.>* В Немчиновском театре. (С натуры) // *Развлечение.* 1975. № 16. 25 апр. С. 254)

Об успешных гастролях Русского театра в Риге сообщалось в газете «Рижский вестник»: «Публика осталась вообще довольною исполнением "Тяжёлых дней"» (Фельетон. (Русский театр в Риге. «Тяжёлые дни». «Воспитанница») // *Рижский вестник.* 1871. № 92. 27 апр. С. 1).

В газете «Суфлёр» Вс. Сибирский сообщал о том, что в Томском театре 27 октября 1883 г. «Тяжёлые дни» «прошли положительно хорошо». Отмечена игра актёров: «Роль Тита Титыча Брускова в исполнении г. Великанова вышла вполне характерной; г. Великанов играл просто, осмысленно, не прибегая к шаржу»; в роли Мудрова был «вполне хорош г. Тихомиров», который «своею игрою вызвал общий смех»; в роли Александры Кругловой была «очень недурна молодая актриса Туманская» (*Сибирский Вс. <Долгоруков В. А.>* Томск. 31 октября // *Суфлёр.* 1883. № 93. 1 дек. С. 4).

По подсчётам Е. Г. Холодова и сведениям, приведённым Т. М. Ельницкой, при жизни драматурга в театрах Москвы и Петербурга пьеса «Тяжёлые дни» была поставлена 86 раз (*ЛН.* Кн. 2. С. 13, 35—36). Ср.: *ЭО.* С. 435—440.

С. 432. ...*из Белой Арапии*... — Белая Арапия — в фольклоре: легендарная, неведомая страна. См. также комментарий на с. 706.

С. 433. ...*как сорок тысяч братьев не могут пить.* — В речи Досужева звучит перестроенная фраза из трагедии У. Шекспира «Гамлет»: «Офелию любил я, как любить не в силах были сорок тысяч братьев». Сорок тысяч братьев — выражение, означающее несчётное множество.

За четверик бриллиантов... — Четверик — здесь: русская мера сыпучих тел.

С. 434. ...*в тундрах севера.* — Здесь: в местах отбывания наказаний.

С. 435. ...*с бланковою надписью.* — Надпись на оборотной стороне переводного векселя или чека, передающая право получить платеж по нему лицу, подписавшему его.

С. 436. *Маменька послали к тятеньке...* — Обращения «маменька» и «тятенька» были приняты в купеческом сословии: «Кто называл отца тятенька — верный знак, что необразованный человек» (*Колесов В. В.* Гордый наш язык... СПб., 2008. С. 300).

...французского разорения. — Имеется в виду Отечественная война 1812 г.

...понедельник — тяжёлый день... — Народная примета.

С. 437. *Теперича в газетах про черкесов пишут, что они злые хищники и бунтовщики...* — Черкесы — употреблявшееся в дореволюционной России общее название горских народностей северо-западного Кавказа. На заключительном этапе Кавказской войны, закончившейся в 1864 г., сопротивление кавказских народов наступлению русских войск было особенно сильным.

...невесту смотреть... — Обычай, принятый в купечестве: прежде чем посвататься, молодой человек отправлялся смотреть невесту.

...догадало? — Пришло на мысль кому-либо.

С. 438. *...пробавляешься?* — Пробавляться — здесь: довольствоваться, удовлетворяться чем-либо малым.

С. 439. *Облом* — грубый, невоспитанный человек.

С. 442. *...крамболей...* — Здесь: скандалов, безобразий.

Школить — внушать кому-нибудь строгие правила поведения, муштровать.

Обращение — здесь: поведение, манера держаться в обществе.

...к Гурину... — Речь идёт об одном из старейших русских трактиров И. Гурина, находившемся в самом центре Москвы, на Воскресенской площади.

С. 443. *...колена не выкинул!* — Выкидывать или откалывать колена (коленца), т. е. совершать неожиданные, необычные, несуразные поступки.

Стряпчий — частный поверенный, ходатай по делам.

Сама-то... — В купеческом обиходе словом «сам» называли хозяина дома, предприятия, главу семьи. «Сама» — его жена, хозяйка.

Диви б... — То же, что «добро бы».

Оказия — здесь: необходимость.

С. 445. *...нетвёрдым умам...* — Речь идёт о людях с неустойчивыми, шаткими убеждениями, нетвёрдых в вере.

...гражданскими словами... — Героиня, видимо, имеет в виду гражданский шрифт (в противовес церковному), введённый при Петре I.

С. 447. *Глагол времён, металла звон...* — Строка из стихотворения Г. Р. Державина «На смерть князя Мещерского».

Обаче — впрочем, однако.

Жупел — нечто пугающее, наводящее страх, ужас.

С. 448. *Басурманы* — иноземцы, иноверцы.

С. 450. *...подрядчиков...* — Подрядчик — лицо, обязавшееся по договору подряда выполнять определённую работу.

...магарычи запивают-с. — Магарыч или могарыч — угощение (обычно с вином) по поводу заключения выгодной сделки. Его ставит сторона, получившая прибыль. Часто сделка считалась заключённой, а товар проданным только после того, как был выпит магарыч.

...уж очень тятенька в сердце вошёл. — Т. е. очень рассердился, разгорячился.

Коли на мировую, так деньгами только отделается. — Пойти на мировую, т. е. примириться.

С. 453. *На раззавод* — на обзаведение хозяйством.

...собак гоняешь! — Здесь: собак гонять означает шалопайствовать, бить баклуши, бездельничать.

...как саврас без узды! — О бесшабашном, необузданном, несдержанном молодом человеке.

С. 454. *...в исступлении ума.* — В состоянии крайнего возбуждения, при котором теряется самообладание.

С. 455. *...на цепь.* — См. комментарий на с. 673.

...в смирительный дом. — Род тюремного заключения, одна из форм лишения свободы, введённая Петром I.

Тарантас — четырёхколёсная конная повозка на длинных дрогах (продольной раме), уменьшающих дорожную тряску в длительных путешествиях.

Косино́ — в XIX в. село под Москвой.

Угре́ша — Николо-Угрешский монастырь, расположенный «в 15 верстах от Москвы, на левом берегу Москвы-реки на урочище, издревле известном под именем Угреши, около коего протекает река, называемая также Угрешею» (*Ратшин А.* Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 235).

Берлюки́ — Берлюковская пустынь (монастырь) находится к северо-востоку от Москвы.

Крапивное семя — презрительное прозвище приказных и подьячих на Руси.

С. 456. *...кто с красным воротником...* — Имеется в виду полицейский чиновник.

С. 457. *Будочник* — с первой половины XVIII в. низшее должностное лицо городской полиции в Российской империи, полицейский сторож, стоящий на посту у караульной будки.

С. 458. *Поминанье* — небольшая книжечка с перечнем имён тех людей, за которых молятся о здравии и об упокоении.

...физику-то его посмотреть... — Физика — здесь: физиономия, внешность.

С. 461. *Merci* — спасибо (*фр.*)

С. 463. *Какая мараль на всё семейство!* — Здесь: пятно на репутации, повод для пересудов.

...губернский регистратор ~ пятнадцатого класса. — Смеясь над Брусковым, Досужев называет не существовавший в российской «Табели о рангах» чин, соединяя «губернского секретаря» (12 класс) с «коллежским регистратором» (14 класс).

С. 464. *...кляузу напиши, чтоб я был не виноват ни в чём.* — Речь идёт об оправдательном документе.

...стракулистов... — Стракулист (стрекулист, стрикулист, строкулист) — мелкий чиновник, крючкотвор, приказная строка

С. 465. *Это на чести...* — Т. е. по-честному.

С. 466. *Полицеймейстер* — в Российской империи начальник полиции во всех губернских и других крупных городах.

Н. Л. Ермолаева

НЕ СОШЛИСЬ ХАРАКТЕРАМИ! (Очерк)

Впервые опубликовано: *Кашин Н. П.* Этюды об А. Н. Островском: в 2 т. Т. 2. М., 1912. С. 401—410.

Рукописные источники:

— черновой автограф (*ЧА*): *РГБ*. Ф. 216. Оп. 1. М. 3097. Ед. хр. 2. Л. 6—9 об., 11—18 об.

Печатается по *ЧА* с учётом современной орфографии, с воспроизведением зачёркнутых Островским слов и фраз и небольшими исправлениями по смыслу.

Во время работы над пьесой «Не сошлись характерами!» у Островского появляется желание написать повесть с тем же названием[1]. Он составляет краткий план, подбирает имена персонажам (Нельская — Нелькина — Прежнева, Лев Андреич — Лев Павлыч — Поль, Серафима Карповна), пишет состоящий из трёх глав текст. Причём сначала была написана третья глава, затем первая и только потом вторая глава. После слов: «не был для них стеснителен...» — рукопись обрывается.

18 июля 1856 г. Островский сообщает Н. А. Некрасову: «"Не сошлись характерами" у меня вышло в форму повести (листа $2^1/_2$ печатных), которая совсем уже и кончена, остались небольшие поправки. И работы-то всего на два дня, если б не несчастье со мною. Тарантасом расшибло мне ногу, и вот уже полторы недели я лежу без движения». Несмотря на болезнь, драматург стремился закончить повесть. В письме к Некрасову от 1 августа 1856 г. он обещает: «Рассказ "Не сошлись характерами" готов, отделываю начисто и пришлю с первой почтой». Однако выполнить обещание драматург не смог по причине плохого самочувствия, о чём свидетельствуют его письма к И. И. Панаеву: «Неотделанный рассказ послать я не соглашусь ни за какие сокровища, а отделать мешают и мешают мне мои страдания» (11 сентября 1856 г.); «...я принялся за работу и хотел отвечать самим делом, т. е. выслать Вам поскорее рассказ; но силы не позволяют» (12 октября 1856 г.); «Из рассказа, который я Вам обещал, выходит большая повесть, и я её кончу нескоро...» (14 декабря 1856 г.). На полях *ЧА* имеются записи и пометы, отражающие этот этап работы. Например, на обратной стороне 7-го листа на полях написаны слова, дополняющие характеристику Матрёны: «Ах, ты, чёрт! Какая здоровая, нигде не ущипнёшь. Точно молотками на наковальне сколочена. Ну, уж девка!»; на 11-м листе, напротив рассказа о жизни Софьи Ивановны, вписаны отрывочные фразы: «девочки работницы», «или деспотизм или слабость с детьми», «Будешь себе иметь что-нибудь к свадьбе-то». Продолжая отделку произведения, Островский делает ряд мелких исправлений в тексте, а в 3-й главе меняет жанровый подзаголовок «повесть» на «очерк».

Очерк остался незавершённым. В начале 1857 г. Островский включает отдельные прозаические эпизоды в комедию «Праздничный сон — до обеда», а в ноябре того же года восстанавливает и завершает драматический вариант сюжета. Е. Г. Холодов отмечает: «Оставшаяся незаконченной повесть "Не сошлись характерами!" — последняя попытка Островского писать художественную прозу: драматург возобладал в нём над прозаиком окончательно и бесповоротно»[2].

---

[1] См. об этом: *Кашин*. Т. 2. С. 263—277.

[2] *ПСС-12*. Т. 2. С. 669.

С. 471. *...к Пресненским прудам...* — Пресненские пруды — живописный каскад из трёх прудов, сообщающихся между собой каналами, был сооружён в XVIII в. на территории усадьбы Студенец. В середине XIX в. на Пресненских прудах проходили популярные в среде купечества гулянья в Духов день, на 51-й день после Пасхи.

Коллежский советник — гражданский чин 6-го класса по «Табели о рангах».

...в Рогож<ской>... — Рогожская ямская слобода под Москвой, «обслуживающая сообщение по Рогожскому тракту» на Нижний Новгород через село Рогожи (ныне — г. Ногинск) (см.: *Словарь к пьесам.* С. 179; ср.: *Аверьянов К. А.* История московских районов: энциклопедия. М., 2005. С. 106).

С. 472. *...по тяжебным делам...* — Т. е. по делам, рассматривавшимся в суде.

...орден на шее. — Т. е. орден Святой Анны II степени: «Золотой крест, покрытый красной финифтью с изображением Св. Анны в середине, красная лента с жёлтой каймой по краям и восьмиконечная звезда с красным крестом посередине, обрамлённым девизом» (*Шепелёв Л. Е.* Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. Л., 1991. С. 196).

...два с полтиной, рубль с четвертью, три аршина с половиной, пять фунтов с осьмушкою. — Полтина — серебряная монета, равная 50 копейкам; четверть — русская мера объёма сыпучих тел, равная 209,91 литра; аршин — русская мера длины, равная 0,711 метра; фунт — русская мера веса, равная 409,5 грамма; осьмина — русская мера объёма сыпучих тел, равная половине четверти (104,95 литров).

С. 473. *...горловым голосом...* — Т. е. резким, сдавленным голосом.

Выкормок — здесь: человек, вскормленный кем-либо, воспитанник.

С. 475. *Беранже* — Пьер-Жан Беранже (1780—1857) — французский поэт и сочинитель песен, известный прежде всего своими сатирическими произведениями.

До ногтей — совершенно, до совершенства, до конца.

Для прилику — ради приличия, для видимости.

Кредитный билет — бумажный денежный знак разного достоинства, выпускавшийся царским правительством с 1843 г. вместо бывшей ассигнации.

С. 476. *Беговые дрожки* — лёгкая двухместная повозка (бегунки).

...под тенью парусины... — Парусина — грубая, толстая льняная или полульняная ткань, первоначально шедшая на паруса.

Ледник — здесь: погреб со льдом, яма со срубом и напогребницею, набитая льдом или снегом (см.: *Даль.* Т. 2. С. 244).

...в угольной комнате... — Т. е. в угловой комнате.

С. 478. *...мелким бесом рассыпится...* — Рассыпаться мелким бесом — вести себя подобострастно, заискивать перед кем-либо.

А. А. Виноградов

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В ДАННОМ ТОМЕ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

АПК — авторизованная писарская копия.
АТК — авторизованная театральная писарская копия.
БА — беловой автограф.
ТПК — театральная писарская копия.
ЦПК — цензурная писарская копия.
ЦТК — цензурная театральная копия.
ЧА — черновой автограф.
ЧН — черновые наброски.

МЕСТА ХРАНЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

ГТБ — Санкт-Петербургская государственная Театральная библиотека. Отдел редкой книги, рукописных, архивных и иконографических материалов.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.
МТ — Спецбиблиотека Государственного академического Малого театра.
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (до 1992 — *ЦГАЛИ* — Центральный государственный архив литературы и искусства).
РГБ — Российская государственная библиотека. Научно-исследовательский отдел рукописей (до 1992 — *ГБЛ* — Государственная библиотека им. В. И. Ленина).
РГИА — Российский государственный исторический архив.
РНБ — Российская национальная библиотека.
СПБФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».
ВЕ — журнал «Вестник Европы».
ЕИТ — Ежегодник императорских театров.
М. вед. — газета «Московские ведомости».
Москв. — журнал «Москвитянин».
Музык. и театр. вестн. — журнал «Музыкальный и театральный вестник».
НВ — газета «Новое время».
ОЗ — журнал «Отечественные записки».
Пб. газета — газета «Петербургская газета».
Пб. листок — газета «Петербургский листок».
РВ — журнал «Русский вестник».
РСл. — журнал «Русское слово».
Рус. вед. — газета «Русские ведомости».

Рус. инвалид — газета «Русский инвалид».
Совр. — журнал «Современник».
СПбВед. — газета «Санкт-Петербургские ведомости».

Бурдин — А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма: Из собр. Гос. театр. музея им. А. А. Бахрушина. М.; Пг., 1923.
Восп. — А. Н. Островский в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1966.
Даль — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд. СПб.; М.: Изд. М. О. Вольфа, 1880—1882.
ИРДТ — История русского драматического театра: в 7 т. М.: Искусство, 1976—1979.
Кашин — *Кашин Н. П.* Этюды об А. Н. Островском: в 2 т. М.: Типолитогр. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1912.
Коган — *Коган Л. Р.* Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. М.: Гос. изд-во культур.-просвет. лит., 1953.
ЛН — Литературное наследство. Т. 88: А. Н. Островский. Новые материалы и исследования: в 2 кн. М.: Наука, 1974.
Неизд. письма — Неизданные письма к А. Н. Островскому. М.; Л.: Academia, 1932.
ПСС-16 — *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: в 16 т. М.: ГИХЛ, 1949—1953.
ПСС-12 — *Островский А. Н.* Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1973—1980.
Синюхаев — *Синюхаев Г. Т.* Островский и народная песня // Известия Отделения русского языка и словесности Российской Академии наук. 1923. Т. 28. Л., 1924. С. 9—70.
Словарь к пьесам — *Ашукин Н. С., Ожегов С. И., Филиппов В. А.* Словарь к пьесам А. Н. Островского. М.: Веста, 1993.
Соболевский — *Соболевский А. И.* Великорусские народные песни: в 7 т. СПб.: Гос. тип., 1895—1902.
ЭО — А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Изд-во ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2012.
ЭСБиЭ — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 86 т. СПб.: АО «Ф. А. Брокгауз — И. А. Ефрон», 1890—1907.

Абенсур Ж. 678
Аверкиев Д. В. 671, 687, 700, 704, 758, 782, 783, 801, 802, 817
Аверьянов К. А. 821
Азаревич 804
Акилов П. Г. 689, 716, 804, 814—817
Акимова В. А. 678
Акимова С. П. 668, 688, 704, 715, 731, 744, 767, 768, 774, 782, 797, 812
Аксаков И. С. 655
Аксаков К. С. 676, 689
Аксаков С. Т. 679, 692
Александр I 771, 776
Александр II 692, 693, 718
Александров 716, 804
Александров В. *см.* Крылов В. А.
Александрова М. М. 733, 782
Алексеев 816
Алексеева Е. А. 803
Алексей Михайлович 671
Алмазов Б. Н. 712, 713
Алчевская Х. Д. 796
Анакреонт 760
Аникина Д. М. 662
Анненков И. В. 724
Анненков П. В. 679, 680, 724—726, 748, 749, 788, 793, 794
Анордист Н. 706
Антонович М. А. 755, 756
Аполлонский Р. Б. 716
Апухтин 731
Арсеньев Вл. 783
Асенкова 802
Астракова Т. А. 721
Ауэр А. П. 700
Афанасьев А. Н. 660
Ахшарумов Н. Д. 728
Ашукин Н. С. 823
Бабичева Ю. В. 677
Баженов А. Н. 715, 745, 756, 767, 768, 774, 775, 795, 797, 804
Балакин А. Ю. 662
Балакшина-Карская 805
Баранов П. И. 740
Баранова А. А. 740
Баскин В. С. 669
Бахметьева М. В. *см.* Островская М. В.
Бахрушин А. А. 671, 823
Бекетов В. Н. 743, 787
Белинский В. Г. 691
Белоусов А. Ф. 675
Белякова Е. Н. 662, 738, 772, 779
Беранже П.-Ж. 821
Бибиков П. А. 795
Бирих А. К. 692, 694
Боборыкин П. Д. 680, 681, 689, 711, 802
Богданов А. Ф 796
Богданова 802
Боград В. Э. 683
Бороздина В. В. 715, 744, 767, 782
Бороздина Е. В. 767, 768, 774
Борх А. М. 786, 788
Боткин В. П. 679, 701
Бренко А. А. 802
Бродский Н. Л. 671
Брокгауз Ф. А. 823
Брянский 804
Брянский А. М. 671
Булахов П. 783
Булгарин Ф. В. 693
Бурдин Ф. А. 670, 671, 686, 725, 733, 734, 736, 744, 746, 747, 765—768, 780, 781, 797—800, 809, 811—814, 823
Бутурлин, граф 658
Варнеке Б. В. 698, 700, 721
Васильев 816
Васильев В. И. 797, 812
Васильев П. В. 686, 733, 735, 736, 782, 791, 798, 799—802, 812—814
Васильев С. В. 668, 669, 704, 715, 743, 744, 745, 751
Васильева А. П. 782
Васильева Е. Н 668, 688, 715, 716
Васильева М. В. *см.* Островская М. В.
Васильев-Флёров С. 771
Великанов 804, 817
Верба И. П. 662
Верди Дж. 718
Веселицкий 720
Вильбоа К. П. 759

Вильде Н. Е. 732
Виноградов 687
Виноградов А. А. 662, 699, 710, 725, 743, 788, 821
Вителяро Н. Ф. 783
Владимиров 816
Владимирова Е. В. 666, 733—736
Владыкин М. Н. 803
Воинов К. Н. 782
Волков А. Л. 714
Волков Ф. Г. 748
Волкова 1-я 704, 774
Волкова 2-я 714
Волкова А. 744
Воронина 775
Воронов Е. И. 714
Воронова Н. П. 670, 704, 714, 774, 782, 797, 812
Востоков П. В. 767
Вольф М. О. 823
Вульф К. 720, 738
Галахов А. Д. 689, 743, 752, 753
Геллен фон 731
Герцен А. И. 690
Гиероглифов А. С. 668, 671, 745, 746, 789—791
Гиляров-Платонов Н. П. 689
Гиляровский В. А. 719
Глинка М. И. 738
Говоруха-Отрок Ю. Н. 757
Гоголь Н. В. 691, 781
Гончаров И. А. 678, 687, 726, 743, 752, 753, 762
Гораций (Квинт Гораций Флакк) 671
Горбунов И. Ф. 686, 714, 715, 724, 733, 735, 736, 744, 746, 747, 765, 767, 769, 774, 775, 780, 797, 800, 812—814
Горожанкин 816
Горохова 2-я 804
Горячев 785
Грибоедов А. С. 656
Григорович Д. В. 717
Григорьев 688
Григорьев 804
Григорьев А. А. 657, 665, 676, 678, 684—687, 700, 701, 703, 711, 712, 723, 728, 734, 745, 749, 750, 751, 755, 759, 775, 776, 791, 800, 801, 811, 814
Григорьев П. И. 686
Григорьева О. И. 704
Громова П. К. 670, 704, 733, 735, 744, 765, 767, 769, 774, 797, 800
Гуревич А. Я. 660
Гуревич Л. 770, 771
Гурилёв А. Л. 695
Гурин И. 818
Гуськов Н. А. 678
Гюго В. 718
Давыдов В. Н. 716, 782
Давыдов Н. И. 768
Даль В. И. 692, 783, 805, 821, 823
Данте Алигьери 659
Дараган М. И. 744, 747, 748, 750
Дельвиг А. А. 738
Державин Г. Р. 673, 759, 818
Дмитревский В. А. 688, 744, 774, 782, 797, 812, 813
Добролюбов Н. А. 657, 668, 677, 682, 684, 701—703, 711, 714, 726, 728—730, 734, 745—747, 749, 750, 753—757, 762, 769, 789, 793
Долгоруков В. А. 805, 817
Долгоруков Вас. А. 724
Дорошевич В. М. 758
Достоевский М. М. 750, 751, 777, 778, 785, 787
Достоевский Ф. М. 661, 718, 751, 777, 778, 799
Дризен Н. В. 710
Дружинин А. В. 676, 682, 683, 701—703, 713, 722, 723, 729, 740
Дубровский Н. А. 768
Дудышкин С. С. 749
Дьяконов К. С. 655
Дьяченко В. А. 781
Дюбюк 817
Дюма А. (Дюма-отец) 691
Евстафиев П. В. 668
Едошина И. А. 774
Ежов Н. М. 770
Екатерина II 691, 783
Елисеев Г. З. 755, 756, 795
Ельницкая Т. М. 805, 817

Ермолаева Н.Л. 662, 807, 819
Ермолова М.Н. 757, 758
Ефрон И.А. 823
Живокини А.В. 716, 815
Живокини В.И. 715, 716, 767, 797, 812, 813
Живокини Д.В. 815
Животов Н.Н. 693
Жихарев С.П. 724, 742
Жорж Санд 691
Жук А.А. 677
Жулева Е.Н. 716
Жулёв Г.Н. 803
Журавлёва А.И. 685, 700
Загуляев М.А. 745
Задека Мартын 705, 783, 784
Замкова 804
Захарьин И.Н. 769, 770, 803
Зелинский В.А. 728
Зет А. 677
Зимин 704, 804
Златопольская Л.П. 744
Зотов Р.М. 666
Зубков К.Ю. 662, 675, 677, 679, 686, 696, 773
Зубров П.И. 670, 686, 704, 714, 715, 744, 765, 767, 781, 797, 800
Ибрагимов Н.М. 690
Иванов В.К. 763, 765, 767
Иванов-Козельский М.Т. 803
Исаев Д. 728, 729
Кавалерова Е.М. 668, 705, 715
Казанский 816
Калинина Н.В. 662
Канкрин Е.Ф. 719
Капнист В.В. 678, 696
Капустин Н.В. 662, 665, 774, 809
Карамзин Н.М. 720
Каратыгин П.А. 781
Карнеев М.В. 686
Катилина Луций Сергий 671
Катков М.Н. 676
Кашин Д.Н. 759
Кашин Н.П. 678, 698, 700, 708, 721, 722, 740, 741, 760, 761, 786, 820, 823
Киреевский И.А. 658
Кирсанова Р.М. 707, 716—719
Кирьякова 804
Китанина Т.А. 693
Клыкова А.П. 740
Княжнин Я.Б. 759
Ковалевский Е.П. 725
Коган Л.Р. 768, 778, 780, 781, 823
Кожанчиков Д.Е. 710, 725, 743, 788
Козырев М.А. 817
Колбасин Д.Я. 679
Колбасин Е.Я. 679
Колесов В.В. 818
Колоколов Е. 759
Колосов К.П. 688
Колосова А.И. 688, 705, 731, 732, 782, 797, 800, 812
Колошин С.Н. 768
Колпакова А.И. 782
Колядин О. *см.* Рыжов А.И.
Комитетский Ч. 781
Кондратьев И.К. 719
Конечный А.М. 693
Корейша И.Я. 784
Корнель П. 678
Коропчевский Д.А. 715, 796—798, 815, 816
Короткова М.В. 718
Косакович 816
Котляревский 804
Коцебу А. фон 812
Кошеверов С.С. 761, 782, 786, 788, 796
Кошелёв А.И. 689
Краевский А.А. 780, 781
Красильников А.В. 740
Кремнёв А.А. 744, 797
Крестовский В.В. 764, 765
Крылов В.А. 684, 733, 769, 782, 789, 790, 810, 811, 813
Крылов И.Е. 698
Кугель А.Р. 685, 716, 758
Кугушев Г.В. 722
Кулибин И.П. 658
Курочкин В.С. 780, 782
Кушелёв-Безбородко Г.А. 665, 675, 710, 722
Кушнерев И.Н. 823
Лавров 815
Лакшин В.Я. 685, 706, 754, 777
Лаухин 688
Лафонтен Ж. де 720
Лебедев Ю.В. 740

Левкеева Е. М. 686, 704, 716, 744, 746, 774, 775
Легошина 2-я 774
Ленский В. Д. 688, 731, 744
Ленский Д. Т. 783
Леонтьев Н. Г. 669, 686
Лесков Н. С. 756, 812
Линская Ю. Н. 670, 686, 687, 704, 714, 715, 733, 735, 744, 746, 765—768, 774, 775, 782, 797, 798, 800, 812, 813
Лионозов 805
Ломоносов М. В. 741, 759, 760
Лотман Л. М. 665, 678
Лотман Ю. М. 807
Лукницкий А. В. 771
Львов 767
Львов Н. М. 655, 677, 680, 682, 684, 686
Львова-Синецкая М. Д. 704
Маклакова 816
Максимов А. М. 765, 766, 767
Максимов С. В. 715
Макшеев В. А. 814
Маркова 768
Мартынов А. Е. 670, 671, 704, 725, 744—747, 751, 762, 765
Матвеева И. Ю. 662, 673
Маторина Р. П. 740
Мельников-Печерский П. И. 750
Мерзляков А. Ф. 759
Микешин М. О. 778
Мин Д. Е. 659
Минаев Д. Д. 686, 767, 781, 782
Минорский В. М. 785
Михайлова А. Г. 704
Михеев В. М. 802
Михельсон М. И. 694—696
Михин И. С. 740
Михновец Н. Г. 662, 720
Мокиенко В. М. 692, 694
Моллер Е. 666, 670
Мольер Ж.-Б. 748
Морозов 817
Морозов Дм. 804
Мотеюнайте И. В. 784
Мочалов П. С. 673
Муратова К. Д. 768
Назаров Н. С. 665, 677, 681, 711—713
Назарова 670
Наполеон I 697, 706
Наполеон III 706
Натарова А. П. 782
Невежин П. М. 676
Незелёнов А. И. 667, 678
Некрасов Н. А. 655, 674, 701, 709—711, 717, 762, 781, 820
Некрасов Н. П. 665, 682, 712, 714, 727—729
Немирович-Данченко В. И. 802
Немчинов М. А. 817
Немчинова Е. Д. 797
Непричастный С. 812
Никитенко А. В. 794
Никитина Т. Г. 705, 776
Никифоров Н. М. 668, 797, 812, 815
Николаев Ю. *см.* Говоруха-Отрок Ю. Н.
Николай I 655, 693, 718
Никулина 804
Никулина-Косицкая Л. П. 744, 748, 752, 774
Нил Сорский 696
Нильский А. А. 686, 687, 733, 797, 800, 812—814
Ниркомский 695
Новиков Н. И. 783, 802, 803
Нордстрем И. А. 686, 699, 710, 724, 725, 742, 765, 787
Обнинский П. Н. 658
Овчинина И. А. 662, 665, 700, 721, 740, 759, 823
Ожегов С. И. 823
Озеров Д. И. 797
Ознобишин 731
Ольгин 715
Орлов А. И. 705
Орлов А. С. 721
Орлова П. И. 714
Островская М. В. 708, 731, 732, 814
Островский М. Н. 686
Охотин 816
Павлов Н. Ф. 748, 749
Пальховский А. М. 745
Панаев И. И. 665, 670, 671, 674, 678, 697—699, 715, 747, 762, 765, 766, 769, 820
Пановский Н. 732, 800

Паскевич И. Ф. 719
Петренко 804
Пётр I 672, 707, 776, 777, 783, 818, 819
Пивоваров С. Ф. 803
Пинчук В. А. 796
Пирогов Н. И. 676
Писарев Д. И. 657, 731, 755, 756, 795, 811
Писарев М. И. 671, 716, 744, 751, 752, 802, 804
Писемский А. Ф. 657, 674, 678—681, 686, 701, 721, 722, 749, 773, 787
Платон (Левшин) 691
Плетнёв П. А. 743, 752, 753
Плещеев А. А. 687
Плещеев А. Н. 749, 769, 804
Плутарх 671
Погодин М. П. 658, 686, 743
Погонин А. И. 731, 732
Подобедова Е. И. 686, 812
Покусаев Е. И. 677
Полевой К. А. 711, 715
Полевой Н. А. 673
Полонский Я. П. 778
Поляков А. С. 724, 742
Попов Н. А. 671
Потапов А. Л. 725
Потехин А. А. 686
Потехин Н. А. 689
Прокофьева А. П. 774
Прыжов И. Г. 673
Пушкин А. С. 691, 693, 695, 696, 721, 807
Пыпин Н. А. 765
Пятериков П. 658
Рамазанова О. А. 782
Раппопорт М. Я. 715, 810, 813
Раскин Д. И. 690, 691
Рассказов А. А. 670, 688, 731, 732, 774, 782, 797, 805, 809, 812, 813
Ратшин А. 819
Рашель Э. 678
Ревякин А. И. 686, 724, 740, 742
Римский-Корсаков А. Я. 738
Ровинский Д. А. 692, 694, 696
Родевич М. В. 688
Родиславский В. И. 669
Розенгейм М. П. 775
Россовский Н. А. 716
Ротчев А. Г. 724, 775, 781
Рыбаков Н. Х. 817
Рыжов А. И. 666
Рыкалова Н. В. 731, 732, 743—745, 751, 767, 774, 782
Рябова А. Я. 668, 705
Рябова Е. Г. 744, 774
Сабуров А. И. 781
Сабурова Е. А. 733, 765
Савина А. Н. 688
Савина М. Г. 716, 736
Савицкая 756
Садовская О. О. 769, 770, 771
Садовский М. П. 669, 705, 769, 770, 771, 814, 815
Садовский П. М. 665, 668—671, 687, 688, 704, 705, 715, 731, 732, 744, 745, 761, 767, 768, 791, 796—798, 800—802, 812, 813, 815, 816
Сазонов Н. Ф. 769, 803
Салтыков-Щедрин М. Е. 676, 677, 679, 680, 686, 692, 694, 726, 798
Самарин Ю. Ф. 717
Самойлов В. В. 670, 797—800, 804
Самсонов 804
Сафонов В. 688
Секретарёв П. Ф. 816
Сельван Д. Д. 720
Семевский М. И. 668, 723
Серафим Саровский 694
Сервантес М. де 696
Сибирский Вс. *см.* Долгоруков В. А.
Синюхаев Г. Т. 690, 694, 695, 823
Скабичевский А. М. 665, 757
Скавронский Н. *см.* Ушаков А. С.
Скворцов 802
Слепцов В. А. 677, 683, 686
Смирнова Л. Н. 695, 709, 710, 740, 742
Снеткова Ф. А. 744, 745, 747, 765—767, 797—800
Соболевский А. И. 736, 759, 807, 823
Соколов 816
Соколов А. А. 736, 803
Соколова 816
Соллогуб В. А. 655, 677, 679, 682, 684, 708
Солодовников Г. Г. 689, 802, 804
Сомов В. П. 718, 738

Спиридонов 804
Спорова М. А. 686, 769
Стахович А. А. 705, 745, 761, 801
Степанов 816
Степанов П. Г. 767
Степанов П. С. 744, 774, 775, 782, 812, 813
Степанова А. Д. 668, 705
Степанова Л. И. 692, 694
Стоюнин В. Я. 666, 702, 704, 712, 726, 727
Страхов Н. Н. 790, 791, 798
Стрекалова В. Д. 782
Стрекалова Е. Д. 731
Стрельская В. В. 686, 704
Стрепетова П. А. 758
Сумароков А. П. 759, 777
Суровщиков 716
Сухих И. Н. 744, 745
Таборисская Е. М. 705
Таланова Х. И. 731, 732, 782, 797, 812
Тарновский К. А. 783
Терещенко А. В. 760
Терно Г. Л. 717
Тимашев А. Е. 686, 724
Тираспольская Н. Л. 757
Тихомиров 817
Тихомиров В. В. 662, 760
Толстой А. К. 755, 796
Толстой Л. Н. 674, 679, 680, 689, 701, 711, 717, 719, 748, 797
Трейефельд 782
Туманская 817
Тургенев И. С. 657, 679, 703, 710, 721, 724—726, 749, 793
Турчанинов И. Е. 668, 715
Усакина Т. И. 677
Утин Е. И. 682, 796
Ушаков А. С. 718, 805
Фёдоров 736
Фёдоров М. П. 733, 782, 811, 813
Фёдоров П. С. 686, 774, 775, 777, 780, 781
Фёдорова Е. Н. 733, 774
Фёдорова Е. Ф. 670, 714, 715
Федосюк Ю. А. 737, 738, 772
Федотов А. С. 662, 675
Федотова Г. Н. 757
Фет А. А. 717
Филарет 692, 694—696
Филдинг Г. 693
Филиппов В. А 823
Филиппов Т. И. 681, 689
Фомичёв С. А. 678
Хлебникова 769
Холодов Е. Г. 716, 805, 817, 820
Хотинский М. С. 693
Хоткевич 816
Худяков И. А. 693
Цицерон Марк Туллий 671
Чаадаев П. Я. 717
Черкасов Н. И. 744
Чернец Л. В. 662, 707, 777, 784
Чернуха В. Г. 676
Чернышёв И. Е. 714, 744
Чернышёв Н. 685
Чернышевский Н. Г. 676, 677, 680—683, 701, 755
Чижов 816
Чичерин Б. Н. 717
Чуйко В. В. 677
Шаповалов Н. И. 699, 723, 742, 786
Шарафадина К. И. 705
Шван 804
Шевалье 717
Шейн П. В. 759
Шекспир У. 695, 748, 795, 817
Шеля А. 662
Шепелёв Л. Е. 716, 821
Шеридан Р. Б. 713
Шкляревский А. 688
Шмелёв В. Р. 765
Штейбельт Д. Г. 771
Шуберт А. И. 659
Шумский С. В. 668, 669, 687, 688, 715, 779, 796, 797, 812, 813, 815, 816
Щепкин М. С. 748
Эдельсон Е. А. 673, 694
Эдельсон Е. Н. 673, 694, 703, 704, 724, 795, 811
Юркевич П. И. 781, 786
Юткевич С. И. 782
Яблочкин А. А. 714, 715
Яковлев С. 810, 812, 813
Якунин Ив. *см.* Захарьин И. Н.
Якушкин П. И. 736, 759
Ямпольский И. Г. 677, 722, 723, 760, 761

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

«Не сошлись характерами!»
Современник. 1858. Т. 67, № 1. С. 85 142

«Гроза».
Библиотека для чтения. 1860. Т. 158. Январь. С. 1 211

«Праздничный сон — до обеда».
Страница авторской рукописи (ИРЛИ) 530

СОДЕРЖАНИЕ

СОЧИНЕНИЯ (1855—1863) ... 5
В чужом пиру похмелье ... 7
Доходное место ... 37
Праздничный сон — до обеда ... 105
Не сошлись характерами! ... 135
Воспитанница ... 163
Гроза ... 201
Старый друг лучше новых двух ... 257
Свои собаки грызутся, чужая не приставай! ... 301
За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова) ... 331
Грех да беда на кого не живёт ... 373
Тяжёлые дни ... 431

ПРИЛОЖЕНИЯ. ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ ... 469
Не сошлись характерами! (Очерк) ... 471
В чужом пиру похмелье ... 479
Доходное место ... 489
Праздничный сон — до обеда ... 523
Не сошлись характерами! ... 535
Воспитанница ... 546
Гроза ... 574
Старый друг лучше новых двух ... 608
Свои собаки грызутся, чужая не приставай! ... 609
За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова) ... 613
Грех да беда на кого не живёт ... 617
Тяжёлые дни ... 649

КОММЕНТАРИИ ... 653
И. А. Овчинина. Творчество А. Н. Островского 1855—1863 годов ... 655
В чужом пиру похмелье ... 663
Доходное место ... 673
Праздничный сон — до обеда ... 697
Не сошлись характерами! ... 706
Воспитанница ... 720
Гроза ... 738
Старый друг лучше новых двух ... 760
Свои собаки грызутся, чужая не приставай! ... 772
За чем пойдёшь, то и найдёшь (Женитьба Бальзаминова) ... 777
Грех да беда на кого не живёт ... 784
Тяжёлые дни ... 808
Не сошлись характерами! (Очерк) ... 820

Условные сокращения, принятые в данном томе ... 822
Указатель имён ... 824
Список иллюстраций ... 830

Научное издание

Островский Александр Николаевич

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ
В ВОСЕМНАДЦАТИ ТОМАХ

Том 2

СОЧИНЕНИЯ
1855—1863

Редакторы тома:
Лебедев Юрий Владимирович, **Овчинина** Ирина Алексеевна,
Тихомиров Владимир Васильевич

Подписано в печать 05.11.2020. Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 52. Тираж 300 экз.
Заказ 06014/20.

ООО «Костромаиздат». 156000, Кострома, ул. Горная, 20а.
ООО «ИПК Парето-Принт». 170540, Тверь, Боровлево 1.